М. КУЗМИН

Дневник

1908 ~ 1915

М. КУЗМИН

Дневник

1908

~

1915

М. КУЗМИН

Дневник 1908–1915

Предисловие, подготовка текста и комментарии
Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА / САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 882
ББК Ш6(2=Р)53-4
К 89

Федеральная архивная служба России

Российский государственный архив литературы и искусства

Кузмин М. А. Дневник 1908–1915 / Подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. — 864 с.

К89

ISBN 5-89059-068-5

Дневник поэта Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) — ценнейший источник сведений о культуре «Серебряного века». Вторым томом настоящего издания завершается известная нам дореволюционная часть дневника. Книга сопровождается развернутым комментарием и указателем имен.

© Н. А. Богомолов, С. В. Шумихин, подготовка текста, комментарии, указатель, 2005

© Д. М. Плаксин, С. Д. Плаксин, макет, 2000

© Издательство Ивана Лимбаха, обложка, 2005

© Российский государственный архив литературы и искусства, 2005

© Издательство Ивана Лимбаха, 2005

1908

Январь

1

В замок свез ноты, стихи и пр. Был очень ласков и христианский. Какой свет впереди! Какое благодарение! К Тамамшевым не пошел. Провожал Минцлову[1]. Были Ивановы, Леман и я. Читал наверху Пролог, играл 2 Бетховена; просит заниматься с Лидией[2]. Ушли в комнату Вячеслава; как тихо, как светло, какое обиталище. Il m'a fait beaucoup du bien*. За мной поднялся Нувель, потом Сомов: как они <стали> чужие мне. Это пройдет. Вяч<еслав> завел речь о возможном обществе; им было скучно и они спустились вниз. Было очень натоплено, но чем-то мне они помешали. Спал отвратительно, с кошмарами, бессонницею, головною болью. Ангел хранит меня.

2

Встал с головною болью и скукой. Приехала Елиз<авета> Николаевна. Денег меньше, чем ни гроша, но это теперь отходит на какой-то второй план. Видел нашего ангела, сказал ему, что надо; он говорит: «Не бойтесь, не надо бояться». Тихо шел домой, мечтая и сочиняя стихи. После обеда с Прологом поднялся наверх, потом пришли Герцыки. Читал о M-me Guyon[3].

3

В замке не был. Был у Чичериных, заходил стричься. Давал урок. Читал Пролог; пришел Вадим Верховский, поил его чаем.

---

* Он сделал мне много добра *(франц.)*

Письмо от Модеста, расстроившее меня чем-то, записка к В<иктору> А<ндреевичу>. Опять поднялся к Ивановым, играл Бетховена, разбирал ноты; был Чулков, читавший свой рассказ. Что-то меня гнетет; долго не ложился, ничего не делая, спал плохо; жарко, кошмары.

4

Мною владеет какой-то бес недоверия. Тает; был в замке, была мать и доктор[4]; был нежен и заботлив, но не сказал ожидаемого; меня совсем крутило, слезы лились, не замечаемые мною, будто мною кто-то владел. Телефонировал Леману, не добившись, как он сам телефонировал, что придет с Ольгой Николаевной. Приехал Рябушинский с Милиоти, просили вернуться в «Руно»[5]. У Иванов<ых> были они, потом Корши и Герцык с братом. Пришли Леманы, он потом поднялся наверх, я же сидел, занимая кузину. Все пророчит счастье. Долго не спал, ничего не делая. Спускались Герцык, зовя завтра к Гриневичам.

5

Тепло, страшный ветер. Был очень нежен, нельзя больше, укрепил меня. Поехал с Сергеем к Гриневич; хотя там был народ, но было приятно (может быть, от присутствия 2-х гимназистов); пел, читал. Беседовал с Евг<енией> Казим<ировной> в ее комнате, там Бёме, Блаватская, цветы, тихо. Мои стихи они слушали, стоя на коленях[6]. Ремизов со мною поехал домой, увозя индейку. Была адова скука с веселыми старичками, и не мягко, и не весело, и не таинственно. Ночь была теплою, со звездами и розовыми, как дым, облаками. Обманная весна. От Модеста писем нет. Телеграмма от Чахотина. Умоляет познакомиться сегодня, завтра перед отъездом.

6

У Елиз<аветы> Ник<олаевны> умер брат. Сидел дома. Поднялся было наверх, но прислали за мной, так как пришел Чахотин. Студентик в мундире, при шпаге, видевший меня в «Вене». Very tapetico*. Чего хотел от меня, не знаю. Просился и завтра. Мать в Венеции, отец в Сербии. Наверху были Герцыки и неприятная мне Кассандра. Беседовал с Вячеславом. Это меня успокаивает. Завтра увижу нашего ангела.

7

Был у Макса. Хрипит, венки из полыни; подарил мне. В замке был несколько минут, но какой неизреченной сладости.

* Очень гапетический *(англ. и итал.)*

Студентик был минут 20, уезжая в Венецию. У Ивановых по обычаю играл, читал, беседовал с Вячеславом. Завтра приезжает Модест, нужно бы его встретить.

8

Никогда еще не было такого вечера, такого заката, предтечи весны, я с юности не чувствовал себя таким молодым, чистым и крылатым. И ангел мой был радостно нежен, ласков, как никогда. Это были очень короткие минуты, одновременно на губах являлись слова: «как хорошо». Была общая вечерня и редкий унисон. Никогда еще так вместе, так зараз не было впечатления богослужения; как сильнее это самых пламенных ébats*. Утром, проспав встречу Модеста, поехал с Сергеем; он только что приехал, усталый, но спокойный; Лемана он не смог видеть раньше всех нас, как хотел того. Дома у него, кажется, неладно. Поехал с ним домой, повезли подарки. Приехала сестра, вероятно, привезла девочек, жалко, что не застала меня, а к Эпштейн идти мне не хочется. Письмо от Ан<ны> Руд<ольфовны>, милое, но покуда общее[7]. Занимался с Лидией, вечер был наверху; приехал Модест, но было не очень уютно сегодня, несколько дней нужно не подниматься. Очень много работы, нужно, нужно. Модест спустился ко мне, уверял, что Наумов меня любит как следует, но не говорит, чтобы не погубить дела, а ему сказал. Сам Модест что-то преодолел и думает себя быть крепким <*так!*>. Любовь к Виктору, что ли? Говорит, что это было бы здание на песке. Было это 29 декабря. Жалею, что из ложного снобизма не записывал своих видений и теперь не помню их дат. Пишу дневник с этого дня только для себя, без стыда и утайки.

9

Написал подробно Анне Рудольфовне — это epoch<e>-machender** шаг. В замке он болен 3<-й> день чем-то, почти не видел, завтра, послезавтра тоже. Но теперь это меня почти не пугает. Обедал вдвоем с глухой. У Ивановых была Форш, посланная А<нной> Р<удольфовной>, очень изменившаяся к лучшему, меня нашла очень помолодевшим[8]. Был Нувель, Модест чуть не плакал, елку не зажигали, Леман не пришел. Снимали группы. Были бесконечные aparté<s>*** Вяч<еслава> с Герцык, Форш, Нувелем, Модестом; у меня с Модестом и Нувелем, рассказывавшим мне о своих похождениях и т. д. Петь совсем не могу, ни звука.

---

* Забав *(франц.)*

** Делающий эпоху (или открывающий новую эру) *(нем.)*

*** Уединенные беседы *(франц.)*

10

Не выходил. Модест был в замке: лучше, очень хорош, светел. Написал ему письмо. Переписывал «Скорпиону»[9]. Вдруг явился Самойлов, уволенный чуть не за взяточничество, в синих очках, вид шпика. Зачем приходил, неведомо. Наверху стучали и прибегали, Костя два раза и Модест. Были Чулковы, кума, Кассандра и Чапыгин. Елка. Мне подарили подсвечник на 2 свечи, со щитами, крестами и копьями. Беседовали с Вячеславом. Видение было 27-го. Завтра новая, совсем новая жизнь. Милые ангелы, как я благодарен Вам! Что-то будет? Вера была на «Giocond'e» с Дузе[10]. Было очень семейно.

11

Не помню, что было; не выходил. Занимался с Лидией. Модест играл Götterdäm<m>erung[11]. Я резвился. Потом мне стало нехорошо. Удалился с Модестом; он молился, говорил, что он тоже мне послан, что есть опасность, которую он мне не скажет, а скажет Виктору. Чтобы я верил и не испытывал нашего ангела. Играли Бетховена при Аделаиде, пришедшей поздно. Завтра увижу.

12

Попросил у девы денег. Был у парикмахера, в замке. Сказал мне: «*Нам* бояться нечего!», говорил, что лучше не посвящать всей книги, предоставил на мое усмотрение[12]. Неожиданно приехал Сапунов, полный рассказов, живости. Звал сейчас же в Москву. Прибегал Модест сверху. Провожал Сапунова. Наверху был Аничков, Городецкий и Широкогоров. Городецкий там поселяется. К добру ли? Беседовал с Вячеславом очень светло и радостно. Анна Рудольфовна обещает мне ответить дня через два. Очень светло и тепло. Немолчные хвалы.

13

Ночью, проснувшись, увидел комнату всю розовой, дверь открытою, сильный запах аниса и резеды. Не выходил. Уроки давать не пришлось, так как была Аля. Пришли Герцык, за мной послали Нувель и Потемкин. Леман не пришел; просил спуститься Модеста, но он не исполнил просьбы. Мои гости fornicaient* без стесненья; что мне было делать? Заходил Сергей зачем-то. Поднялся, чтобы проститься с Чеботаревской, Вера была очень грустна. Я раньше умолял Модеста съездить к Ремизовым, будто предчувствуя гостей, но он отказался.

---

* Блудодействовали *(неточн. франц.)*

14

Ходил отправлять бандероли, заходил к Чичериным. Пришел Позняков, попросил 25 р. Письмо от Ан<ны> Руд<ольфовны>, она, кажется, нездорова. Городецкий переехал <?> с возлюбленною — странно с его стороны[13]. Модест болен. Поехали с Сергеем к нему, беседовал с ним потом один, дал 2 записочки к Вере и Вячеславу. Дома Вера была очень нервна, не находила себе места; хотели ехать на тройках. Что-то темное и трагическое вошло с переездом Городецкого. Может быть, это мне кажется. Вячеслав дал мне формулы «Rose Cr...»[14], не все покуда вполне приемлемые. Леман забросил «башню» и меня. Завтра увижу ангела.

15

Сумрачно. В замке было было грустно отчего-то, он был ailleurs*, думая об отъезжающем друге. У Ивановых урока не было, Лидию наказали, Вера больна, Модест — с сердцем. Все поехали на Белого[15]. Спустился, писал музыку, потом пил чай, было грустно, Позняков не шел. Поднялся наверх; Модест оказался вернувшимся до начала лекции и у Веры; укладывали Костю, сидели у pauvre orpheline**. Модест воображает, что я беспокоюсь о нем. Леман телефонировал; вытребовали его ко мне. Были художники, все благополучно. Написал в замок. Успокоился.

16

Телеграмма от Познякова, будет сегодня; письмо от Ритмана на субботу. Что меня темнит? ничто. Зашел Костя снимать меня, в Вячеславовой шубе на крыше лазил наверх, разбил себе висок[16]. Опять поднялся, был Белый, читал стихи; проявлял фотографии с Костей, беседовал с Вячеславом, хорошо. Городецкий затащил меня к себе, где был целый гарем дев, насилу выбрался. Модеста не было.

17

Заходил к Чичериным, к Модесту, в замок. Погода весенняя. Виктор был очень светел. У Гофманов семейные трагедии. Я очень радостен. Приехал Сережа, стихи нашел страшными. Поднялись, я давал урок, говорил с Модестом по телефону. Астролог запретил ему не только выходить, но и вести беседы. Вяч<еслав> уезжал; я играл, беседовал с Костей, Верой. Приехали и старшие, Вяч<еслав> нервничал, раздражался, Городецкий неудачно балаганил. Я очень светел. Благодарение ангелу. К Кострич не попал.

---

* Отрешен *(франц.)*

** Бедной сироты *(франц.)*

18

Все не могу наладиться работать. Записался в библиотеку. Был у Блех. Quelle corvée* — эти вечера. Заезжал за покупками. Позняков ждал меня уже внизу. Обещал прийти вечером, но обманул. Давал урок; Модест явился. Вячеслав на него, кажется, сердится. Собрались участники вечера. Я ушел было спать, так как у меня болела голова, Модест спустился со мною, но Сергей опять потащил меня наверх, где начался вечер. Читал стихи. Полоцкая играла Гайдна, вдруг мне стало так ясно присутствие, что я не мог двинуться, был разбит, мне ясно виделся Викт<ор> Андр<еевич>, озабоченный, с чем-то в руках. Все ушли. Я увидел яркий коричневый свет, ходил, никого не видя, отстраняя Модеста. Как другие не чувствовали? Потом я подошел к Вячеславу и заплакал, наклонившись к его руке. Пошли. Все время «он» был с нами. Я шел будто с крыльями, «очень важный», как потом говорил Вяч<еслав>. Вяч<еслав> стал молиться и целовать мне руки, я стоял и неудержно плакал. Вышли закусить. Вяч<еслав> сердился и кричал на Модеста, который меня хотел обнимать. Голова болела, но было светло.

19

Болела голова. Был в «Шиповнике», в «Вольной типографии»[17], у Ремизовых. Болела голова. Вчера в тот час Наумов видел сон, будто опоздал на переправу, выбирает вещи, ему говорят: «Якоря Вам не нужно!» (теперь я понял, что в руках у него был якорь). Был светел, очень хорош. Наверху, где я хотел поговорить о письме Анн<ы> Руд<ольфовны>, никого не было. В передней стоял Мальцев, потом вышел Модест, сказавший, что не увидимся дней 6. Приехал Сережа. Говорит, что я ему гораздо ближе, проще теперь, предложил билет на «Д<он> Жуана»[18], вместе поехали к Юраше, было скучно, но не очень тяжко. Тепло, голова прошла.

20

Никуда не выходил. Давал урок. Был Сережа и Позняков. Играл «Д<он> Жуана», беседовали. Все время сердце, как уготованная горница. Комната почему-то опять напомнила Италию, Мюссе, как встарь, как 6-го октября[19]. Вытаскивали старые материи и одевались, будто на Гафиз[20].

21

Проснулся после сладостного сна при ярком солнце, звоне колоколов и звуках труб. Заснул опять. Оказалось, ни солнца, ни труб, ни колоколов не было. Сегодня новолуние. Ездил в биб-

* Какая тягость *(франц.)*

лиотеку заниматься. Давал урок. Заходили девочки. Катя страшно маленькая, бледная, напуганная; Варя здорова, но недавно был припадок. На «башне» было собрание у Городецкого «молодых»[21], был Сережа. Беседовал с Вяч<еславом>, укладывали Костю, играл Бетховена, читал Пролог. У меня с Виктором есть мистическая связь. Модест живет у Мальцевых. Кажется, мои меня начали больше любить. А<нна> Р<удольфовна> пишет в письме и обо мне[22]. Здоровье ее внушает серьезные опасения. Что мы будем тогда делать?

22

Ан<на> Руд<ольфовна> близка смерти; какое смятение, какой трепет[23]. Вяч<еслав> предложил присоединить свои молитвы к молитвам его, Веры и М<арии> Мих<айловны>. В театр несколько опоздал[24]. Днем ездил с Глебом к Зарецкому, смотрел его рисунки, читал стихи и т. д. Без меня были Покровский и Мирский и даже, как оказалось, с Сухотиным. В субботу пойдут. В театре были Полоцкая, Наде<жда> Людвиг<овна> и Пановы, какая-то связь с Виктором, к которому я все время устремлен. Зачем-то поехали в «Вену», куда явился и Позняков, сидели недолго, но тем не менее подверглись в передней Пильскому. Глеб говорит как слышанное от Сагайдачного про кружок моего имени в университете[25].

23

Ясно и солнце; встал безумно поздно, что меня смутило, равно как и безденежье, больше, чем следует. Был в замке рано, уже не в лазарете, ждал мин<ут> 20, так как ему делали массаж. Был светел, ласков и детски нежен, в субботу приедет. Выйдет, может быть, в Выборг. У Ивановых было собрание насчет мифотворческого вечера[26]. Был Мейерхольд и Давидовский. Занимался с Сережей, приехал Нувель, спустился Вяч<еслав> звать меня, гостей оставил, они ушли без меня. Говорили о Ан<не> Р<удольфовне>, о Наумове, тихо, мирно. Тишина сходит на нас. Модест завтра появится. Играл Бетховена.

24

Солнце, ветер, из «Шиповника» просили завтра, денег ни копейки. Заходил к Чичериным, завтракал, играл Моцарта, дома рисовался, впечатление XVIII в., давал урок, Модест пришел при шпаге и значке. Потом Сережа. За нами пришли. Оказалось, по поводу несчастных «3-х пьес»[27]. Занимались. Поднявшись, узнал, что все уехали к Герцык, посидел с Костей и Сергеем. Потом беседовал с Вячеславом, покуда он давал аудиенцию Модесту, разговаривая с М<арией> М<ихайловной> о их житье в Женеве, их саде,

«башне», переездах и т. д. Давно не видел Виктора, хотя только вчера. Целый день болела сильно голова. Ан<на> Р<удольфовна> очень слаба; не поедет ли Вяч<еслав> в Москву?[28]

25

В «Шиповнике» видел Белого, чем-то он мне чужой. Зашел к Исакию и нанести визит Нувелю, куда ждал Сережу. В<альтер> Ф<едорович> меланхоличен, обижен, что я ему не делаю confidences* относительно нового своего курса. Сережи не дождавшись, поехал домой. Без меня были Каратыгин и Тамамшев. Занимался с Лидией, с Сережей, поднявшись, сидели с Костей. Беседовал с Вяч<еславом>, видел Модеста, был светел. А<нне> Р<удольфовне> все так же. Слышали многие женские голоса радостных восклицаний и пения. Был радостен. В понедельник начало. Завтра увижу Виктора у себя: какая радость неизреченная!

26

Ездил за покупками, в парикмахерс<кую>. Был Филиппов и какой-то студент. Приехал Виктор, более блистательный, чем когда-либо. Возможна война, он, конечно, пойдет[29]. Какими смутами окружено начало. Модест опоздал, но мы еще поднялись по лифту. Я проводил Наумова до дому. Поднялся наверх. Занимался с Сережей, потом пришел Позняков, втроем поехали к Ремизову, там полная мизерия[30]. Были гимназисты и Валечка. Я вел себя совершенно невозможно, рано еще восходить. Позняков и Нувель еще куда-то поехали, я же с Мирск<им> и Покровским поплелись домой. Что-то нарушено.

27

Целый день мигрень. Видел на синем платке пишущимися буквы (еврейские), темно-золотые, которые, не зная, я понимаю; 2 строки: «Одежды новые у моря золотого». Занимался с Сережей. Букет роз с восторженным письмом от студента (только что кончившего). Наверху присутствовал при Вергилии и Апокалипсисе. Я бы мог так сидеть часов 5 как 5 минут. Очень болела голова, глотал фенацетин.

28

Странные головные боли, моментально начинающиеся и моментально проходящие, будто их не было. Ездил на почту, в библиотеку, за духами, др<угими> покупками. Позировал; пришел Белый, долго сидел, духи отдал ему для передачи[31]. Пришел Сережа,

* Признаний *(франц.)*.

принес «Факелы»[32], поднялся на урок, беседовал с Вячеславом, распалился, раскричался на Беляевскую, приставшую ко мне с нотами; не занимался с Сережей, уехавшим на «современников»[33]. Был Модест, потом Леман, Герцык. Ан<на> Р<удольфовна> приезжает в субботу, Сретенье. Модест и Леман спускались ко мне. Сегодня начал медитации, приняв все формулы. Какое начало!

29

Что-то делал, позировал, кажется, давал урок, занимался с Сережей. Поехал к Венгеровой. Шел снег, тепло, весело. Беседовал с Зинаидой о литературе, Бакст рассказывал неприличные истории, Сомов спорил о легкости; как все скучны. В моей горнице живет неразлучно мой ангел. Ехал назад с Бакстом. Что еще? Не очень расстроился визитом.

30

Пришел Тамамшев, выехал с ним за конфетами, не получив телефона. Пришли полотеры, все повернули вверх дном. Телефон — сейчас будет Мейерхольд, но приехал Наумов с Марьей Петровной. Сели в гостиной, закрыв двери, был весел, но внешен. Перешли ко мне пить чай, является Мейерхольд с женой. Уехал Викт<ор> Андреевич, являются Чеботаревская и Соф<ья> Арт<емьевна> с «Курантами»[34]. Потом более приятный Гриневич с письмом от Герцык. Поднялся, беседовал с Вяч<еславом>. У Городецкого был комитет[35]. Укладывали Костю спать, беседовал с Модестом о чем-то смутившем меня сегодня Викторе. Как странна жизнь. Любовь, куда ты привела меня!?

31

Видение. В большой комнате, вмещающей человек 50, много людей, в разных платьях, но неясных и неузнаваемых по лицам — туманный сонм. На кресле, спинкою к единствен<ному> окну, где виделось прозрачно-синее ночное небо, сидит ясно видимая Л<идия> Д<митриевна> в уборе и платье византийских императриц, лоб, уши и часть щек и горло закрыты тяжелым золотым шитьем; сидит неподвижно, но с открытыми, живыми глазами и живыми красками лица, хотя известно, что она — ушедшая. Перед креслом пустое пространство, выходящие на которое становятся ясно видными; смутный, колеблющийся сонм людей по сторонам. Известно, что кто-то должен кадить. На ясное место из толпы быстро выходит Виктор в мундире, с тесаком у пояса. Голос Вячеслава из толпы: «Не трогайте ладана, не вы должны это делать». Л<идия> Дм<итриевна>, не двигаясь, громко: «Оставь, Вячеслав, это все равно». Тут кусок ладана, около которого положены небольшие

нож и молоток, сам падает на пол и рассыпается золотыми опилками, в которых — несколько золотых колосьев. Наумов подымает не горевшую и без ладана кадильницу, из которой вдруг струится клубами дым, наполнивший облаками весь покой, и сильный запах ладана. Вячеслав же, выйдя на середину, горстями берет золотой песок и колосья, а Л<идия> Дм<итриевна> подымается на кресле, причем оказывается такой огромной, что скрывает все окно и всех превосходит ростом. Все время густой розовый сумрак. Проснулся я, еще долго и ясно слыша запах ладана, все время медитации и потом. Пришла мысль для латинского гимна[36]. Ездил в типографию, в библиотеку; холодно, ясно. Позировал; письмо от Белого[37]. Давал урок, во время обеда наигрывал гимн. Модест нервничал, не ел, валялся по диванам, во время музыки вскочил, простился, выпил стакан воды, причем остаток выплеснул в Верину тарелку и на стол, и очень эффектно вышел. Через 5 м<инут> телефон: просит приехать В<ячеслава> И<вановича> или меня. Вяч<еслав> пошел со мною беседовать, от Гофманов еще 2 телефона: сейчас ехать. Поехали я и Вера. На извозчике с Модестом, распустившимся сознательно и для позы, был сердечный припадок. Твердит, что он умирает, напугал всех домашних, изрекал истины, считает, что это чудо, был неприятен, и ему не верилось. Приехала М<ария> Мих<айловна> и доктор, нашедший здоровое сердце и начало инфлуэнцы. Вернулись еще на «башню», где была Герцык и вернулся из концерта Сергей. Очень долго сидели. В субботу приезжает Ан<на> Р<удольфовна>[38] и придет ко мне Виктор. Денег ни гроша.

Февраль

1

Кажется, сидел дома. Да, выезжал к Гофману, к которому меня не пустили, к Чичериным, не имеющим еще известий от Юрия, и к парикмахеру, обстригшему мне один ус короче другого. Очень хорошая погода. Все преследует мысль о таинственной светлой комнате XVIII в. Писал музыку. Приехала сестра с зятем и Сережей. Гриневич заехал, чтобы везти меня. Было не очень плохо, Ремизов был не в духе, Макс тщетно проявлял властолюбие, Вяч<еслав> Ив<анович> приходил временами в ярость. Кое-как пел и читал, не волновался[1]. Ночью еще подымался на «башню». Вяч<еслав>, Мар<ия> Мих<айловна> и Сергей не спали и говорили о Гёте.

2

Письмо от Виктора: опять болен, лежит в лазарете, просит приехать в воскресенье. Безумно, как никогда, загорелось же-

лание его видеть сейчас, сию минуту, до боли в сердце, до волнения. Ан<ну> Руд<ольфовну> не встречал. У Модеста была М<ария> Ми<хайловна> с Лидией и Вячеслав с Верою; состояние его плачевно и мрачно. Едва ли тут может что помочь. Наверху видел Ан<ну> Руд<ольфовну> очень бодрою и еще более строгою и мужественною. Сказала много хорошего, может быть, и для Виктора возможен свет. Как хотелось его видеть. Были Эрны, который сказал про меня: «Какой талантлив<ый> мол<одой> чел<овек>», хотя самому ему только 25 л<ет>. Вернулся рано. Завтра увижу.

3

Ушиб себе палец, упавши по дороге в замок. У него 3-й день 39,6°, думают, что инфлуэнца, может быть, тиф. Был у Модеста, у malade imaginaire*[2], где застал Иван<ова> Сергея. Весь в тревоге я и смуте. Мне кажется, Викт<ор> Андр<еевич> не выживет. Наверху обедали Эрны, пришел Волошин, Герцыки. Беседовал с учителями. Инфлуэнца у Виктора началась обмороком после молитвы, совпавшим с моим видением.

4

В «Шиповнике» сказали «завтра»[3]. У Наумова видел мать, бедную, слезливую, раздраженную и раздражающую. Просила меня не ходить, но В<иктор> А<ндреевич> меня позвал, и я пошел минут на 5; как раз было время размышлений о розе[4], и В<иктор> А<ндреевич> сам лежал, сгорая в огне, как таинственная роза. Неужели он умрет? Если тиф — долго не видаться. Сережа не пришел. Была Беляевская, Вяч<еслав> делал сцены вчера опоздавшему и уезжающему сегодня Сергею, Ан<на> Р<удольфовна> играла 4-ю сонату[5], просила не думать, не звать ночью Виктора, чтобы опять не вызвать обморока. Поехал к Тамамшевым, где был Вотан и Чеботаревская. Спал плохо, кричал, вскакивал.

5

Сережа телефонил, что нездоров, инфлуэнца, просил приехать. У них светло и пустынно. Мирно говорили. В «Шиповнике» Гржебина не было. В замке говорил только с фельдшером. Жар, слаб, никого не пускают, тиф. Тревожусь, видел его во сне на лужайке, босыми ногами в лужице с руками оранта[6], я кричу: «Сейчас приду!» На «башне» были Герцыки и Леман; говорил со мной, очень меня успокоил. Ан<на> Руд<ольфовна> думает о Викторе 3 раза в день. Думал о нем крепко, но спокойно; не спал ночь до рассвета. Сочинил новый № к «Мудрой встрече»[7]. Приглашали ночевать у них.

* Мнимого больного *(франц.)*

6

Письмо от какого-то технолога[8]. Встретил Ольгу Александровну на Панелеймонской, идущей к доктору, проводил ее и назад в замок. Она переезжает в лазарет и берет сиделку. Сегодня 39,1°. Беседовала со мною не злобно; в «Шиповнике» до субботы, ни копейки нет. Ветрено несносно; зашел к Модесту: лучше, хотя, конечно, слаб; беседовал уже с его матерью. Ехать бы ему в санаторию. «Розу» чуть не пропустил. Совет молиться в 13 и в 6 ч. дня, думать, как я делаю. За мною пришли: оказалось, Нувель, Сомов и Потемкин. Потом Вячесл<ав> привел ко мне литер<атора> Лучинина, assai tapetico*, с толстейшей рукописью. Гости щупались, я читал Goethe. Ни свечей, ни папирос, ни булок, ни денег.

7

Болела голова; встал поздно. Типография, куда я собирался, упразднена. Вернулся. Таврич<еский> сад зимою нап<оминает> провинцию, Нижний, Бехли, печаль. Тяжесть на мне лежит невыразимая. В замок не ездил. Вчера был у Чичериных. Юша объявился, нужно отписать ему все. Наверху были Беляевская, Троцкий, Ев<гения> Каз<имировна>, Чулков. Объяснялся бурно с Вячесл<авом> относительно вечера, мифотворчества, условий и т. д.[9] Беседовалось как-то не по-башенному, впрочем, Вяч<еслав> с Чулков<ым> интересно говорили о религии и о революции. Модест через Веру просил меня быть спокойным, так как, де, там все спокойно. Знает ли он это от Всеволода, или сам придумал? Днем ясно видел прозрачные 2 розы и будто из сердца у меня поток крови на пол.

8

Виктор всех разогнал: сиделку, мать, кто за ним ходит, не знаю. Температура 38,2° (вчера 39,1°), самочувствие неплохое. Заходил к Модесту. Вечером пришел Сережа, после Лидии занимался с ним. Наверху был Леман; когда Ан<на> Руд<ольфовна> играла «Крейцерову сонату», я ясно знал, что Наумов слышит нашу музыку, и ей казалось это же. Места<ми> мне казалось, что это я лежу в жару и издали слышу Бетховена, а не он. Совершенно тупею, читая произведения Лучинина. Беседовал с Ан<ной> Руд<ольфовной> и Вячеславом; очень бодр и спокоен, денег ни копейки. Болит грудь, откуда шла кровь.

9

Не видел, но спокоен; что было, не помню. Наверху был Аничков, Сережа поехал с Верой к Модесту, пришел Позняков;

* Довольно тапетического *(итал.)*.

после еще поднялся; было хорошо. М<ария> Мих<айловна> предложила денег, так как Гржебин надул меня. Что еще? видел Principino и Блока.

10

Стриг меня Георгий, кокетничая; он похож на Фокина. В замке видел Ольгу Александровну. Будто спокойно, но что-то меня тревожит, будто В<иктор> Андр<еевич> или отдален, или будет отдален от меня. Зашел к Тамамшевым, где были Вотан и Локкенберг. Вячеслав был лучше.

11

Меч, очень блестящий, опускался в голубую воду. А<нна> Р<удольфовна> позволила разомкнуть круг. Что еще? никого не помню.

12

Собираемся ехать[10]. В замке то же. Чувствую себя смутно; денег нет.

13

Ездил в замок, к Чичериным, к Модесту, еле поспел проститься со всеми; едем 13 человек; спал с Аничковым, Ремизовым и Вяч<еславом> плохо, просыпался, кричал, хныкал. Что-то в замке?

14

Ехал с Ремизовым, извозчику не сказали адреса, и он возил нас по всему городу. Зол был, как черт. Зачем эта вся комедия? Маленькая дура, что поехала с нами, хочет читать Андрусона[11]. Уламывали ее. Спал; страшно болит голова. Аничков и Макс соперничали у девицы. Приходил эстонец с просьбой, чтобы Евг<ений> Вас<ильевич> принял в своей речи под покровительство 2 статуи без фиговых листов, на которые подняли гонение классн<ая> дама и начальница женск<ой> гимназии. Принял лекарство, спал, голова прошла. Ходил стричься, солнце, мягко. Что-то в городе? Обедали. Иванова вела себя неприлично, Макс ярился уже на нее, ректор также. Телеграмма: «Лучше, бодрее»[12]. Вечер прошел удачно, все имели успех, у меня просили автографов 4 студента. Смотрели танцы. Ректор танцевал, и публика хлопала, так же как и Евг<ению> Вас<ильевичу>, прошедшемуся мазурку со Щеголевой. Внизу, в комнате, украшенной, как саркофаг, гирляндами из елок, было шампанское. Потом поехали кататься, часть домой. Аничков меланхолично ругал Макса и барышню. Все исполнил днем, что надлежало.

15

Проснулся рано под громогласные pets* Аничкова. После чая пошли втроем по базару, покупали игрушки, поехали смотреть развалины, парк, город; закусить проехали за город. Оказывается, наши вернулись в 8 ч. утра. Распри, романы, интриги. Едва поспели к поезду. Аничков посадил к нам свою petite pisseuse**, так что мы с Ал<ексеем> Мих<айловичем> принуждены были скитаться по чужим купе и в коридоре. Но вскоре явилась новая сложность, так как она навела во время его выхода на станцию каких-то чужих студента и актера, а после наших тщетных попыток их выкурить, ушла сама. Потом вернулась.

16

Письмо от технолога[13], был телефон от Ольги Александровны. Был в замке; лучше, бодрее; у Модеста. Вечером пришел Сережа с Силиным, поднялись наверх, где день рожденья Вячеслава. Были Минцлова, Герцык, Корш. Анна Руд<ольфовна>, поговоривши, повела меня в свою комнату и, велевши отрешиться от окружающего, устремиться к одному, попробовать подняться, уйти, сама обняла меня в большом порыве. Холод и трепет; сквозь густую пелену я увидел Виктора без мешка на голове, руки на одеяле, румяного, будто спящего. Вернувшись, я долго видел меч, мой меч и обрывки пелен. Сережа завтра едет.

17

Утром был у Чичериных, был там новый кандидат Сухотин, тапетический юноша. Вечером поднялся наверх. Городецкие вчера обвенчались[14]. Был Флоренский из дух<овной> академии[15]. Говорил хорошо с Вячеславом. Сережа был мил и трогателен, прощался очень хорошо, любит нас, «королей на башне», кланяется Наумову. Я провожал его на вокзал, все время он был нежен и ласков, трогателен[16]. Эта зима какая-то дивная, одинокая, глубокая и важная. Какими-то соберет нас осень?

18

В замке спокойно. Были у меня Мешинг, техноложец и медичка. Был у Чичериных. Торопился к «современникам». Бл. Сельва отлично играла вещи, лишенные совершенно магизма[17]. Сразу попал к Дягилеву, заговорившему: «Mon pauvre ami, mais vous n'avez rien fait»***; какое-то лицо, близко знающее Наумова, гово-

---

* Пуканья *(франц.)*

** Маленькую засыху *(франц.)*.

*** «Мой бедный друг, но вы ничего не сделали» *(франц.)*

рило ему, что, очень добиваясь, я ничего не достиг. Была адова скука. Спасался к Ремизовым и Чулкову, с которыми и поехал к Палкину, где мирно беседовали. Что-то меня тяготит и пугает. Начал писать стихи.

19

Был у Модеста. Тает; покупал провизию, но никто не пришел. Студент rendez-vous отлагает до 5-го[18], Тамамшевы до четверга. Наверху была Евгения и Чулковы, Городецкие. Решили «Мудрую встречу», «Вожатого», «Струи» и дух<овные> стихи издать отдельно в «Орах» весною же[19]. Что-то меня тяготит. Я боюсь, не забыл ли меня окончательно Виктор. Надо заниматься как следует.

20

В замке лучше: бодр, спокоен. Теперь меня тревожит, каким-то он вернется. Модест дурит и буянит. Так как Вяч<еслав> Ив<анович> отправился к Жилкину[20], я с Анн<ой> Руд<ольфовной> поехали к Ремизовым, где был Федор Иванович. Был Леман. Вяч<еслав> вернулся поздно: там был обыск. Чулков очень меня полюбил.

21

Катались с Верой, Костей и Лидией в Удельную и там на вейках[21], бросаясь снежками, вываливаясь, веселясь; еле пообедал, поехал к Тамамшевым, где были одни барыни, ни Каракаша, ни Анненского; пришедший Макс не был очень увеселителен. Получал вопросы от Вячеслава и Анны Рудольфовны.

22

Сегодня видел его воочью, похудевшего страшно, озирающегося, слабого, но видел. Стоят цветочки, токайское, чисто; посидел мин<ут> 7. Завтра будем с Анной Рудольфовной. У Модеста ничего, заезжал за ландышами. Чулков страшно взволновался, что будет читать Неведомский и Арабажин, и поехал умолять Макса и Ремизова отказаться, мне же прислал письмо[22]. Но я поехал с вожатым и Ал<ексей> Мих<айлович> тоже. Только вдвоем и оказались; в мал<ой> зале было много нар<оду>, но в большой, куда меня тоже таскали читать, — мало. Поехали к медичкам, где битком набито, сидят на эстраде, кричат, хлопают; в зале конфетти[23]. Были Вал<ентина> Андр<еевна>, Чулков, Иванова. Ходил с вожатыми. Назад ехал со Щеголевой. Денег ни копейки.

23

Ездили в замок. Был прост, мил, ласков, не волновался; Анне Рудольфовне очень понравился. Прислали корректуры «Се-

тей» до конца[24]; вечером были Ремизовы и Евг. Герцык. Долго обсуждали вопрос обо мне и Викторе.

24

Был у Модеста. Солнце, холодновато. Вечером были князь и Покровский, оставшийся один и изрядно мандивший.

25

В замке меня не пустили; пришла мать, говорит, что вчера было так много посетителей, что нужно отдохнуть. Боятся несколько за мозг, имея в виду прошлогодние случаи. Так и не видел. Заезжал к Тамамшевым с нотами. Был и наверху. Костя тащил меня кататься с гор, но я отклонился. В «Шиповнике» ничего не дали. В четверг придут гимназисты. Что-то пустынное подходит ко мне.

26

Очень холодно; солнце; пустынно; встал поздно; трогательное письмо от Сережи. Был у Модеста; смотрел в группе лицо Виктора, но не узнал его. Пришел Костя, поболтался у меня. Занимался с Лидией, беседовал, слушал Овидия. Спал плохо, без сна, ворочался, было холодно и жарко; не работаю, будущее никак не представляется. Денег нет.

27

Телеграмма от технолога: ждет сегодня. Был в замке, у парикмахера, у Чичер<иных>. Здоров, но слаб и раздражителен; видел мать; пришел Тамамшев и Новиков (провожатый от медичек); читал «Весы», «Скорпион» и т. д., говорит о Боттичелли, прерафаэлитах, оккультизме; принес кадетские журналы. Сверху меня вызывали. Торопился на rendez-vous; некто Деринг, конч<ивший> Моск<овский> университет, 2 года здесь ищет знакомств. Мало у меня еще теток[25] знакомых. Привел какую-то тапетку[26], сидевшую с нами. Попал еще на «башню», где была Евгения, еще играли, тихо, спокойно.

28

У Модеста. На vernissag'е были все[27]; простояв опять долго с Дягилевым, мог дать подтверждение сплетням. Был Дмитриев, Костя ходил со мною. У Модеста был Мосолов, играл с собакой, беседовал о литературе. Какой-то француз извещает меня, что Чахотин выбросился из окна, но жив и просит писать. Городецкий сейчас сказал, что это от любви ко мне. Пришел Деринг и затем Principino, милый, как никогда. Читал стихи о Нарциссе и потом что-то про «александрийские глаза»: «твоих волос крутая <*нрзб.*>,

твоих бровей густая смоль» и т. д.[28] Не про Сережу ли грехом? Не про меня же!

29

Видеть можно только в среду[29]. Поправляется. Был у Тамамшевых: Каракаш отказался; по-моему, там ничего не выйдет. Обедал у нас Сомов. Вечером пришел Мосолов, говорил о книгах, освещались одеколоном. Наверху были Леман и Евгения. Поднялся, говорил с Леманом, играли Бетховена; пустынно. Что-то будет вообще?

Март

1

Заезжал к Модесту, видел обоих его учеников. Мальцев очень мил. Рассказывал, как, встретив, имея на прогулке рейтузы не по форме, в<еликого> кн<язя> Гав<риила> Конст<антинови-ча>[1], получил приказ сейчас же их снять. Заходил к Чичериным. Юша прислал мне ноты: «Hausmusik» III Heft*[2]. Был наверху. Вызвал меня Троцкий с confidences, что он кому-то продался. Нашелся же дурак его покупать. Разыгрывал разные сцены. Жгли одеколон. Наверху застал еще Сер<афиму> Павл<овну> и Костю неспящим. Встаю поздно. В понедельник начну работать. Письмо от сестры, сверстанные корректуры. А здесь выбираем шрифты.

2

Не был в замке. Лень и покинутость овладевают мною. Был у Макса, где были Ремизов и саратовский антрепренер. Неужели ехать 20-го?[3] Вечером поехали к Герцык[4], где был Юрий Павл<ович> и Жуковский; в комнате у Евгении светло, тепло, цветы, книги: Плотин, Бёме, Данте. В гостиной Vielé-Griffin, Verlaine, Baudelaire. Вернувшись, еще сидели наверху.

3

Гржебин оказался или сказался уехавшим в Москву. Вот случай. Тепло. Плелся к Тамамшевым. Был Локкенберг и Сергеенко. Эскизы костюмов мне понравились[5]. Прислали «Руно». Ан<на> Р<удольфовна> читала лекцию, давала урок ясновиденья; было удачно. Вяч<еслав> бранил Брюсова, «Весы», православие и т. д. Костя болен и лежит, я сидел с ним. Рано лег спать; а деньги-то, деньги-то: ни копейки.

* «Домашняя музыка», III тетрадь *(нем.)*

4

От Нувеля записка: компания будет сегодня[6]. Хотя и купил провианту, Костя телефоном их отгласил. Наверху были Беляевские, Макс, Леман, Евгения. Ан<на> Р<удольфовна> читала лекцию Штейнера, подвергшуюся критике Вячеслава. Болела слегка голова. Строили планы о журнале, школе, тайном обществе. Был у Модеста, он очень хорош, говорил мало и утешительно.

5

Погода ясна и лучезарна. Видел Виктора, abasourdi*, вял, но мил и внимателен, просил прочесть стихи, списать их, спать лучше, чтобы и он спал, всем кланялся, все «думает». Зашел к Максу, выписывал о M-me Guyon. Он занимался гипнотизмом в комнате miss Hart, которую потом, приведши к себе, положил на кровать; переодевал пиджак, чтобы идти на выставку Мусатова[7], при ней же. Я пошел домой. Пришел Костя после обеда, посидевши, потащил наверх. Новый № «Руна» <?> слабее. Пришла Евгения. Уезжали Городецкие, она горько плакала. Кассандры не было. В субботу приезжают англичане. Беседовал с А<нной> Р<удольфовной>. Потом читали лекции о Парцивале и Апокалипсисе[8], прерванные укладкой Кости. Снимал он нас; играли «L'Aurore»[9]. Модест завтра думает выйти. Пустынность продолжается. Нужно быть крепким. Страшно хочется писать и M-me Guyon, и «Новый Плутарх»[10].

6

Гржебин, вернувшись, дал денег. Солнце такое же. Видел Модеста, катающегося с Верою. Не обедал; давал урок. Наверху была Кассандра и Чулков, потом Леман, сказавший мне много утешительного. Подожду до новолуния. Чулков читал свой рассказ. Сережа, оказалось, как я и предполагал, уехал не один, а с Ниной[11]. Бедный мальчик! Недаром ему не хотелось ехать. Ни Гржебин, ни Кассандра о Москве толком ничего рассказать не сумели или не хотели. Спал лучше. Та же пустынность.

7

В замке беседовал, принес стихи. Говорит, что только при увеличеньи независимости от внешнего может быть настоящее, что я очень изменился. Заходил заказывать кольцо. Катался с Модестом на «башню», отвозил его обратно. Катались с гор, расшиб руку. Вечером пришел Нувель. Посидев, заехали за Позняковым и попали к Палкину. Около нас сидел Боборыкин. Уж попасть нам в ро-

* Оглушен *(франц.)*.

ман[12]. Серг<ей> Серг<еевич> был очень мил. Было весело. Нувель имел бестактность навязаться ко мне; целовались на извощике. Серг<ей> Серг<еевич> снял рубашку, показывая свой торс. Я разыгрывал ревность и pruderie*. Позняков становился на колени и, целуя мне руки, умоляя не оставлять его у себя из-за «старого развратника». Обещал прийти в понедельник. Вальтер Федор<ович> уехал несколько сконфуженный.

8

Был на почтамте и у Блока. Давал урок; вечером была лекция Вяч<еслава> Ив<ановича>, много знакомых; дамы, не понимая, смеялись[13], Чуковский зачем-то звал в Куоккалу. Вернувшись, долго беседовали. Евгения нежно прощалась. Завтра будет обмен мыслей на тему «последователи Кузмина». Что за вздор!

9

Обедал у Тамамшевых; встал поздно. Из исполнителей очень некрасивый тенор, но с голосом и фигурой, и жидообразный баритон[14]. У Мосоловых куча людей, выводок Нечаевых, дамы, студенты. Игра à 4 mains**, ужин, стихи. Обилие молодежи приятно. За ужином меня угощал и шапронировал*** старший Нечаев, самый милый. На «башне» за меня беспокоились, предполагая, что я пошел на «последователей Кузмина»[15].

10

Заезжал за Модестом; ликующий день; были в замке: весел и внешен с Модестом. Тот забрал в голову ехать с Виктором в Швейцарию: он его там с ума сведет. Потом переменил план на combinaison à trois**** в Крыму. А<нна> Р<удольфовна> очень протестует против всего этого. Заехавши за разными покупками, попали с Модестом на «башню». Деринг телефонировал забавные подробности о вчерашнем вечере, где их забрала полиция. Он, 2 студ<ента>, гимназист и кавалерист отправились в ресторан, где и обменивались мнениями. Макс рассказывал тоже. Позняков прислал отказ: негодный мальчишка! Пришли Мосолов и Тамамшев. Ходил укладывать Костю. Приезжала опять московская дама с умилительной запиской от Ремизова[16]. Но едва ли я смогу покинуть Виктора в то именно время.

---

* Притворную скромность *(франц.)*.

** В четыре руки *(франц.)*.

*** Опекал (от *франц.* chaperonner)

**** Комбинацию втроем *(франц.)*.

11

Отказался от Саратова. Солнце. Читал Leonardo Vinci. Ничего особенного. Елизавета Ник<олаевна> больна. Письмо от Сережи из Венеции, ни слова о Нине[17]. Написал ему и в «Весы». Занимался. Костя вытянул жилы. Была Сераф<има> Пав<ловна>, Чулкова и Троцкий. Анна Руд<ольфовна> остается до пятницы. Завтра увижу. Был еще Леман. Чулков хочет свести меня с Андреевым[18].

12

Говорил о кольце; сам надеть его не может, но ласков и нежен; прямо из замка поедет к сестре; кошмар Модеста устранен. Полная прострация, лежал даже на диване. Приезжал тип приглашать на вечер. У Ив<ановых> был Леман. Костя болен; приносил ему пьяные вишни. Заезжал ли к Модесту? Да, он ждал Ан<нну> Руд<ольфовну>, но не дождался. Вера его привезла вечером, когда мы играли в дурачки с Костей и Анн<ой> Руд<ольфовной>. У Вячеслава была Брильянт, опять за зародышем?[19] Долго о ней спорили. Сплю плохо; пустынность та же. Вячесл<ав> читал мне о путях и учениках[20]. Спрашивал о кольце, надеть самому.

13

Был у Чичериных. Юша в Вене, едет в Женеву. Стригся, покупал вещи. После обеда поскакал послать письмо Познякову и к Модесту, который 1 ½ часа морил Виктора (1 ½ час.) *<так!>*. При мне была Мальцева, упрашивавшая Гофмана ехать с ее сыном. Это бы лучше всего. Поедут в четверг. Виктор призн<ает?> связь, очень некрепок и т. д. Модест на меня злился за отсутствие энтузиазма. Наверху ждали Манасеину, дети были очень нежны, общее недовольство за приход Серг<ея> Серг<еевича>. Он сидел очень долго. Спал плохо, но будто вымыт и успокоен. Получил «Табак». Можно бы издать и лучше, и рисунки могли бы быть лучше[21].

14

Что было? не помню: та же пустынность. Днем был Модест, он начинает пакостить: присосется к Виктору. Опять лжи, и не бесцельные. Где-то был. Вечером был Деринг, звал к студентам. Делал уход*; с Ан<ной> Р<удольфовной> слушали лекцию[22]. Вячеслав видел меня с Лидией Дм<итриевной>; обнявшись ходим, Наумов сидит, она просит сыграть гимн, дает серебряный колокольчик, как раз, когда я видел Вячеслава и Виктора. Был Юраша.

* Описка, следует читать «делал урок».

15

Был у Нувеля. Прибегал все Костя, агитировал <за> горы. Приходил медик, Тамамшева, околот<очный> взял подписку о неотлучении[23]. Quel<le> corvée! Отказался от концерта, хотя юноша и приезжал за мною[24]. Вечером был Модест; потом Сюннерберг. Модест крайне вреден. Играл гимн, Сюн<нерберг> спросил: которое сегодня число? Было очень странно и тихо, была мозгология. Вера плакала, Костя все более нежен. Телеграмма от Ликиардопуло: «Все выйдет»[25]. Прислали «Весы» с опечатками в «Ракетах»[26].

16

Заезжал к Модесту, он избегает идти на «башню». Привез его, говорил с Анной Руд<ольфовной>, прощался с нею. Нужно обезвредить Модеста. Он сбежал от Вячеслава, но за обедом было объяснение, и Модест, вероятно, опять примется за штучки. Вячеслав мне делал сцену за «Сети». Я рад, что подведу Юрашу. Обедал у Там<амшевых>, объяснялся с Настей, она рыдала, певцы ждали, я не хотел выходить к ним. Пели; болела голова; прибежал Аничков, был на моей стороне. Утром приехала сестра и зять. Беседовал с Вячеславом; забавно у него соскочило лицо* и другое, женское, показалось на руке. Опять дыхание спящего.

17

У Виктора была мать, он усталый, не в духе, едет не раньше той недели. Пришел неожиданно Позняков и сестра с девочками при нем. Вышли все вместе. Проводил его. Опять Настя с Тамамшевой лазили к Вяч<еславу> и первая рыдала. Потом вторая была у меня. Дело ни с места. Наверху умирающий Модест. Только что уехал, вызывает Веру и Лемана. Не вздумал бы завтра ехать в замок в таком расслаблении. Костриц надул, поехав к Эпштейн. Юра стал менее мил. Оказывается Инжакович моим поклонником. Вернулся, когда Костя уже спал. Побеседовав немного с Верой, рано ушел к себе. Письмо от Сережи[27].

18

Утром заезжал к Чичериным и стригся (кажется). Вечером пришли Нувель, Потемкин, медик, Позняков и неожиданно Покровский с Сухотиным. Давал аудиенции, Корнилий выматывал у меня признания. С Потемкиным был род canapé**. Давал наставления В<альтеру> Ф<едоровичу> относительно Гиппиус[28]. Так

* Описка, следует читать «кольцо»

** Небольшой диван *(франц.)* — здесь, вероятно, в смысле доверительной беседы, сидя рядом на канапе

как гостям хотелось есть, отправились в бар к Контану, где вся публика была пьяна и валилась с высоких стульев. Возвращались при свете на лихаче, провожали меня. Скучно. Днем был у Тамамшевых, где был Локкенберг.

19

В замке посидел немного, при мне приехала Ольга Александровна. Виктор усталый и сердитый. [Заезжал к Модесту, наверху узнал] Обедал у Чичериных. Поехал к студентам. Милый юноша, уверяет что невинен, склонен к homosexualitat'у, другой «товарищ» старая тетка, и Деринг. Спорили, читали стихи; скучновато, но молодо и хозяин очень мил. Шел пешком домой.

20

Заезжал к Модесту, покупал духи и папиросы. Письмо от Покровского, желающего порвать сношения. Беседовал с Вячеславом. Рожденье Марьи Мих<айловны>; ездили с Костей покупать цветы. Я думаю, скоро о нас будут ходить сплетни. Вечером были Бенуа и Сомов. Приехала Людмила incognito. Толковали о важных материях. Было скучновато. Когда же работа? Вячеслав запретил Модесту вмешиваться в мои отношения к Наумову.

21

Был у Тамамшевых, слушал Мазораки. Торопился к Виктору; он ждал у окна, смотря на чей-то автомобиль; был нежен, но внешен, отвергает все бывшее до болезни. Пришел товарищ, я, уезжая, встретил мать с девочкой. Наверху были Модест, Чулков, Блок и Сюннерберг. Длиннейшие аудиенции с Чулковым и Блоком; Модест нервничал, но крепился; очень долго ждали Вячеслава, дивагируя и болтая. Тушили Костю[29]. Модест был очень мил, но попасть в Крым решил.

22

Был на «Венке», очень интересно[30]. Познакомился с Каревым, Шитовым и т. д. Вечером пришел <Н.> Позняков из Москвы, так что я надул Людмилу. Поехали в «Вену», где ползали пьяные Мешинг, Зарудный и т. п., оттуда с Потемкиным в bar к Контану, где я познакомился с кн. Мещерским. Позняков несколько надоедлив, но как москвич и присный «Весов» должен быть приласкан.

23

Провожал Модеста[31]. Были Пяст и Мосолов. У Ивановых был шуточный суд, трогательно прощались. Покровский, разумеется, не пришел. Сухотин был мил, Серг<ей> Серг<еевич> очаро-

вателен, Гога наивен, Потемкин мрачен. Московский гость не понравился мальчикам, и они скоро ушли. Потемкин тоже удалился, мы же вчетвером лежали на диване до 6 часов.

24

Был в замке; внешне и тягостно. Болела голова, лежал недвижимо. Вечером вдруг к Ремизовым надумал ехать. Был доктор Сегаль[32], знавший всех родных в Пошехонье; приглашали пасху делать, было уютно и тепло. Плелся домой среди проституток по Загородному. Без меня был Позняков.

25

С Костей лазил на крышу; праздник какой большой. Как давно я не был в церкви! скоро весна. Костя поехал меня провожать до Познякова, потом в Гусев. 2 Мазораки и баритон, все неудачны. Хотел попросить у старой дамы денег. К Бенуа не поехал, был Позняков, провожал его на вокзал. Хорошо уезжать и жить в гостинице! Вернулся рано.

26

В парикмахерской, в замке; мил, резов, в таком же праздничном виде, как и я. Я проснулся, ясно чувствуя помощь и радость. Каждый день вижу его во сне. Познякова не было дома. Костя потащил меня на крышу; с ним же ездил на телеграф. После обеда в полутемноте долго беседовал с девами, была луна и Венера. Беседовали и наверху; тушил Костю. Позняков не приехал. Лег спать как следует. Не завтра ли работа и все? Ехать бы скорее к сестре. Что таит Виктор? Доктор спросил: «Вы — братья? Вы так похожи». Не в первый это раз.

27

Придумал новые внешние стихи[33]. Писал письма[34], ждал Серг<ея> Серг<еевича>. Был дождь, когда мы выехали. Завтракали в «Вене», поехали к гадателям; первый, поляк, принимал отдельно; я долго ждал, слушая, как в соседнем зале барышня с интонациями маленьких актрис заявляла, что лучше застрелится, чем выйдет замуж или вернется к матери. Оказался шарлатаном: «способный к музыке, поэзии, медицине, не получивший образования, вспыльчивый, скоро счастливая любовь и незаслуженное повышение (черты из 1000 у одного), часто нуждаюсь, но все это пройдет, счастлив, событие в июне, июле, болезнь в 41 год, проживу до 67-ми, умру внезапно. Случайно буду в процессе, но освобожусь». Другой, турок, в трущобе, с карточками борцов, фамильярный и забавный. Звезда Хут, есть родинка на спине, пятна

долго не проходят (есть на ногах), малокровный, с головными болями от «глаза», талантливый, умный, мудрый и хитрый, 2 любви; мой же характер. Умру внезапно. Садиться слева, ложиться на правый бок. Счастл<ивые> д<ни> — вторник и воскресенье, не среда и не пятница. Месяцы ноябрь и декабрь, не сентябрь и октябрь. Камень красный и розовый. Что вечером? был у Ивановых, кажется.

28

Возвращаясь из замка, поймал Серг<ея> Серг<еевича>, пили чай, провожал его. Приезжали Тамамшевы. Был наверху, сидел с Костей, все беспокоившимся, поеду ли я к Познякову. Письма нежные от Ауслендера[35].

29

Был в замке, простился, он меня благословил. Вздумал найти Зинаиду, но нашел Людмилу. Сплетни. Мила. Торопился к Познякову, поехали на «Венок», встретив Мещерского. В Café вдруг нашли Сухотина, сосредоточенно сосущего цитронад. Пошли вместе. Долго ждал студентов, но в 10-м часу, заехав опять за Серг<еем> Серг<еевичем>, поехал к Ремизову, где были Кузнецов и Бурлючки[36]. Оттуда в «Вену», опять встретив Людмилу и Зинаиду и Потемкина. Предполагаемая поездка ко мне не состоялась.

30

Утром у Тамамшевых. Обедал у Гриневич, приехали за мною туда[37]. Познакомился с Новицким, позвал его. Было мало народа. Сидел все время с Сухотиным, у него очаровательные глаза, напоминающие Дягилева. Сухих наблюдал нас. При выходе потерял Ал<ексея> Мих<айловича>, и с Волошиным по всему зданию его искали. Но тщетно[38]. Поплелись в «Вену» и прямо в объятия Розинеров <?>, Куприна и т. п. Кошмар. Страшно жалко, что потерял Сухотина, он может обидеться.

31

Заехал за Сергеем, в почтамт, на вербы, в café, домой. Очаровательные дни весны, но что-то сосет меня и все, все уходит, иногда будто вся земля проваливается под ногами. Вечер провел наверху. Ездили с Костей на вокзал отвозить письма. Нездоровится мне все более и более. Решительно ничего не делаю.

Апрель

1

Костя целый день обманывает. Познякова не было дома; на репетиции один баритон. C'était bien maigre*. Послал телеграмму Серг<ею> Серг<еевичу>, чтобы приходил, но он не пришел. Стригся последний раз у Теофиля, открывающего свою парикмахерскую в Царском. Вечер наверху. Костя все нежнеет и снобизируется. Московские приезжают в пятницу. Нездоровится. Решительно ничего не делаю; на лекции Бакста не был[1].

2

Приехал Сапунов. Заезжал к Людмиле, не застал. Были Макс, Ремизов, Новицкий, князь, Сухотин, Серг<ей> Серг<еевич> и Сапунов, очень милый и дорогой. Было не скучно. Сапунов и Позняков сидели долго. Сговорились завтра встретиться. Московские всегда меня привлекают. Ничего не делаю. Как неполотый огород[2]. Перечитывал дневник. Сережа в бегстве из Италии[3].

3

Днем заходил Позняков: у него дома трагедии из-за меня. Был нежен, денег не достал; вечером был медик и опять Серг<ей> Серг<еевич>; Сапунов не ехал. Занял у М<арии> М<ихайловны> 10 рубл<ей>. И поехали в «Вену»; был Куприн, совсем пьяный, и Мешинг. Не любит меня Серг<ей> Серг<еевич> нисколько, ну что же делать? Заезжали за Сапуновым, не бывшим дома.

4

Сидел дома, никто не шел; приплелся Павлик, как-то пропущенный. Он посвежел, и кожа так же атласна. Иванов говорил московские новости, которые я мотал себе на ус[4]. Аудиенцировали, отсутствие рвения. Я сам не знаю, что со мною. Мои дела страшно запутаны. Спустился рано и пил чай один, читая «Симфонию» Белого[5] и почти плача. Никто не шел, да и кому идти? Завтра писать начать, что ли?

5

Дождик; ни копейки; плелся к Чичериным — нет дома, зашел к Гофманам, беседовал с его матерью. Никто не едет, да и кому приезжать? Этот противный Позняков и то не едет. Долго сидел наверху, сначала с девами, хандря и болтая. Вернулся Костя с базара[6], когда я наяривал 7-ю симфонию. Укладывали его спать.

* Это было весьма убого *(франц.)*

Модест, по-моему, прикатит к Пасхе. Очень ждали кого-нибудь, но Сапунов оказался уехавшим уже в Москву. От Тамамшевых прислали ноты с молодцем; как сильно, до безумия, не отвращение к женщ<ине>, а привлечение к мужчине.

6

Как давно я не был в церкви; временами эти медитации и т. д. кажутся мне чем-то серым и грязным, очень грешным и не веселым. Никто не был. Наверху видел Анну Руд<ольфовну>, беседовал с нею; Леман, Чулкова; сказала, что не агат[7]. Играли. Что-то погасло у них. Американец рядом вместо Кости не прибавляет веселья. Ходил к Чичериным; какой-то кавалергард, быстро идя в развев<ающемся> пальто внакидку кивнул пригласительно головой и все стоял и оборачивался. Бедный и милый пригласитель. У Чичериных завтракал, хандрил; устроят в четверг. Юша очень бодр, по письмам. У меня даже марок нет. У Гриневич присутствие Юр<ия> Павл<овича> и Лукьянов<а> действовало подбодряюще. Лукьянов этот очень похож на Сомова. Макс говорит, что никакая вещь его так не потрясает, как «Куранты». Домой шел до Кирочной с Сергеем Сергеевичем. Ремизовы очень милы и дружественны. Гриневич тоже неплохие люди. А Позняков-то? каков мальчик? И носа не кажет. Хочется писать[8].

21

Как давно, о, как давно я не брался за эту летопись. Я совсем растерян внешне, в долгах, не пишу, подвергаюсь ругательствам и подлежу суду (30 апреля)[9], видаюсь каждый день с Позняковым, бываю в «Вене», «Баре», «Ницце», на островах. Совсем забросил усовершенствование, тупею и делаюсь равнодушным, никому не пишу, ни даже Виктору. Путаюсь с репетициями[10]. Все отдалилось. Всеми неглижирую. Все на меня. С «башней» холодок. Ревную Познякова ко всем решительно.

Утром послал письмо Герцыкам, не знаю, что будет[11]. Пришел Сергей и Позняков. На репетиции все неустройства. Злюсь и ору. Щеголева бездействует. Вернувшись, ответа от сестер еще не получил. Милый Костя чинил велосипед. С Вяч<еславом> вчера чуть не побранились при всем честном народе. Что-то будет вообще. Не видаю никого почти. Проходили бы скорее и «Куранты», и суд; сажали бы уж меня куда-нибудь скорее. Вяч<еслав> имел со мною объяснение. Читал нам торжественно о 9<-ти> добродетелях: pax (corporatio), laetitia (nativitas), caritas (mors), humilitas (appartio), lex (circumcisio), cognomen, robur (resurrectio), potestas (gloria)*, о тамп-

* Мир (воплощение), радость (рождение), любовь (смерть), смирение (явление), закон (обрезание), имя, крепость (воскресение), власть (слава) *(лат.)*

лиерах, розе (пентаграмма), муч<енике> Хираме (тело от костей, белая акация) и т. д.[12] Беседовали с Костей, тушили его. Герцык прислали ответ, и благоприятный. С<ергей> С<ергеевич> не пришел.

22

Письмо от Гриневич. Встал не так поздно.

28

Опять большой пропуск. Все теснее привязываюсь к С<ергею> С<ергеевичу>, ревную, требую, прошу. Приехал Воротников, <Н.> Позняков, путается с ними, с Валечкой, с Потемкиным. Делаем визиты, comme des jeunes mariés*. Никому не пишу, денег ни гроша, хоть топись. «Куранты» прошли благополучно, не без ревностей, однако и не без историй[13]. Были несколько и у меня.

*28***

Был разбужен С<ергеем> С<ергеевичем>; напившись чаю, поехали в университет, потом к <Н.> Познякову. Тот спал еще. Болтали; Воротникова не было дома. Разошлись до 5 ч. Дома розы, письмо от Тамамшевых; написал письмо зятю, раскачался-таки. Поднялся наверх, ел яичницу с сыром. Костя пришел при С<ергее> С<ергеевиче>, потащил его наверх играть в ping-pong, я же писал стихи в это время. Солнце так мягко, почти летне. Уехал, я обедал дома, приходил Новиков, ходил наверх, где был Леман; пойдя за книжкой, встретил С<ергея> С<ергеевича>. Вера приходила несколько раз. У Воротникова завтра в 3 часа Вреден, Маргаритов и др. С<ергей> С<ергеевич> был очень мил, сам все приготовлял, но еще очаровательнее бывает всего одеванье, пел, прыгал в длинной рубашке своей belle soeur, опять пил чай, взял розу. Что-то в среду, как меня рассудят? посадят или нет? Мне это все равно, приблизительно. Лучше бы не надо.

Май

29<апреля>–1 мая

Все то же. Милый Сережа почти живет у меня, ночевал это время, сплошное счастье. А жить бы, работать, читать, пить, есть вместе: какой бы восторг!

* Как новобрачные *(франц.)*

** Дата повторена Кузминым дважды

Меня присудили к 200 р. или месяцу сиденья[1]. Наверху Гюнтер, играл ему «Куранты» etc.[2] Попаду в первый разряд поэтов. Что еще? ничего. Были в «Буффе»[3], где-то обедали, катались.

2

Встал очень поздно. Пришел С<ергей> С<ергеевич> и Тамамшев. Провожал первого, заходя в Таврический сад смотреть теннис. Вечером у Ивановых был Гюнтер. Послал Костю за Позняковым, ко мне же пришли Нувель и Потемкин, чтобы идти к Баксту. С<ергей> С<ергеевич> очень соблазнителен полулежа на диване, мило беседовал с Л<ьвом> Сам<ойловичем>. Валечка fornicait avec* Потемкин. Возвращались на утре. Спал плохо. Ивановы бьют тревогу из-за апелляции, поднимают на ноги кого могут. Лучше бы достали 200 р. и отпустили с миром.

3

Утром приехал зять, дал денег. Сережа прислал книги, он уже в Окуловке[4], ждут меня; травы нет, листьев тоже, первая весна еще. Деревенские новости и раннее вставанье меня настроили мирнее и спокойнее.

12

Целую вечность не писал[5]. Прямо позорно. Весь день сегодня укладываюсь, так как уезжающие девы меня вышвыривают. Гюнтер все время у меня и стонет, изнывая. Ходил с Костей по делам, в Таврическом смотрели на играющих в теннис. Один был фатально похож на Сережу Познякова. Приезжа<л?> Мейерхольд. Вечером неожиданно Валечка, Сомов, Бакст и Потемкин. Поехали в «Вену», была страшная скука, провожали меня по набережной Вал<ечка> и Петр Петр<ович>. Было славно. Марья Мих<айловна> еще не спала. Поместился я в комнате Лид<ии> Дм<итриевны> на широчайшей кровати, занявшись ночным туалетом. Гюнтер уже ушел спать.

18

Встал рано; перетаскивали вещи. Костя занимается в одной комнате со мною, насвистывая, открыто окно, чудное солнце. Надоел мне этот дурацкий перевод[6]. Письмо от милого Сережи[7]. Тамамшевы зовут к Насте на дачу; очень хотелось, но удержался. Переводили, ходили гулять, ездили в café. Вечером опять переводили. Гюнтер выфран<тился> в мою рубашку и кокетничал, вел опять рассуждения о драме с Вячеславом, потом перешел ко мне до

* Блудил с... *(франц.)*.

5 ч., то зовя на вокзал, то говоря, что он знает все грехи и чист, как младенец, и т. д. Очень хочется видеть Сережу.

19–22

Все то же. Перевожу, денег нет; письмо от милого Наумова. Какое-то rendez-vous с плясуном, страшным уродом. Были у Renouveau <?>. Гюнтер по ночам возится с Костей, который почти готов. Скучаю о Познякове. То дождь, то солнце. Катался с Костей на острова, он подводит себе брови, что заметила Лидия. Гюнтер мне очень надоел.

22

Шел дождь, но я поехал в Летний сад; я тотчас заметил Богемского под деревом; конечно, оказался уродом. Проехал с ним, умолил меня зайти к нему. Комната полудевки, мать в черном платье, предлагавшая мне обед, неприличные карточки, — все мне напомнило квартиру Броскина. Вернувшись, переводили. Гюнтер поехал к Нувелю без меня, который хорошо поговорил с Вячеславом и писал стихи; было уже так поздно, когда Костя улегся, что, почти не переводя, лег спать. Вяч<еслав> говорит о Сереже: «Очаровательный, веселый мальчик». Спасибо ему за это.

22–23

Все то же, кончил перевод. Скучаю, писем нет, деньги тают[8].

24

Утром все было покрыто снегом, будто зима. Не выходил; приехал зять, но писем не привез; звал ехать с собою, но я отклонил. Кто-то прислал свои волосы в конверте. Чулкова звала меня к себе, но я остался читать пьесу. Гюнтер со мною почти побранился, что я не хочу идти с ним по издателям. Но потом обошелся. Вячеслав очень добр. Когда я лег спать, слышу шаги. Вячеслав подходил к дверям, потом ушел; стук в двери. Зашел проститься еще раз. Сел на кровать, стал меня гладить, пахнул ладаном. Что это значит, не знаю. Было страшно холодно.

25

Проспал. Кажется, завтра не еду. Был у Чулковых; с ним заходил к Сологубу. Гюнтер почти уговорил меня ехать с ним к Тройницкому. Читал новеллу вслух, чуть не засыпал. Что-то Сережа? Скорей бы в Окуловку. Встретил Тройницкого и Трубникова у Летнего сада; милая жизнь. Что-то сулит мне все это? все-таки поехал к Трубникову. Он очень мил. Приходил Врангель, разговоры des

tantes classiques*, о новых красавцах, об Алеше Маврине и т. д. Пили кофе и ликер, в соседней комнате офицер пел Чайковского и Шумана. Видеть бы их часто, устроиться бы осенью как следует. Вечером приходил Сухотин, милый мальчик так живо напомнил мне Сережу, что я почти расстроился. Что-то от меня уходит. Ехать бы скорее. Вячеслав очень странен, посылает меня скорее ехать. Гюнтер мне надоел страшно. Все как-то закисают. Что-то даст мне осень?

26

Аничков зовет на обед с Иваном Странником, бедный толстяк! Ездил на телеграф и к цирульнику. Вячеслав утром буянил. Гюнтер стонет, что ему скучно. Мальчики не телефонировали. Темно и холодно. Посылает меня опять к Трубникову, но я отклонил, хотя у самого меня ни копейки. Иван Странник, подсохла, тянет в нос, осторожна. Евг<ений> Вас<ильевич> краснеет, робок и застенчив. За обедом посадили меня рядом с мальчиком, важным, толстым и благоразумным. Дал мне книги и сведенья об Александрии. Так потянуло работать. Поехал к Тамамшевым, перед их отъездом. Рассказывали чудную историю о гр. Гейден, Мантейфеле и Сумаро<кове?>, некоторых эпизодов которой я был невольным свидетелем. Денег не попросил. Вернулся рано, играл, рассказывал историю, поругивался с Гюнтером, который ушел раньше к себе, но, не ложась, стоял у окна. Уложивши, наконец, Костю, еще беседовал с М<арией> Мих<айловной>. Когда же я уеду? и как всё: и деньги, и свиданья?

27

Встал поздно. Белые облака тяжело плыли по голубому небу; будто Кавказ. Пришел Верховский Глеб, насилу его выставил, говоря, будто уходя. Костя чинил велосипед, я держал, помогая. Гюнтер пристает, чтобы я ехал к Трубникову[9]. Quelle corvée. Погода лучезарна. Денег ни гроша. Писем нет. Неужели до четверга еще оставаться? Я прямо умру от тоски и безденежья. Вечером ходили в Тавриду: те же тетки и тапетки; пели «Ой, да тройка!»[10]. Гулял** Павлик с Шурочкой. Вспомнилась позапрошлая весна. Вернулись рано. Играл Бетховена. Отъезд опять отложен. Когда укладывали Костю спать, он нарочно притворился спящим, чтобы видеть, что с ним сделают. Но ничего не сделали. Гюнтер старательно, но тщетно валил меня на Костю, тот прижимался и целовал меня, но вот и все. Гюнтер мне надоел до смерти. Денег ни гроша. Не знаю, как и уеду. Ну, что там будет, видно будет.

---

* Классических теток *(франц.)*

** У Кузмина — «Гюлял».

28

С утра темно и тускло. Ездил на телеграф и к Тамамшевой, теперь одной. Все то же самое. Гюнтер один ходил к Трубникову, обещавшему ему прислать деньги и надувшему. Со мною нежно говорил по телефону. Вот, кажется, и все; письмо от Познякова: милый, милый! Вяч<еслав> прощался нежно: объявил, что я гениален и т. д., уговаривал жить с Наумовым maritalement*, что я хочу осуществить с Позняковым, хотя, пожалуй, это будет вроде Calendrier de vieillard**.

30

Проспал поезд, да и денег было мало. Провожали Костю. Что-то нездоровится. Приехала Кассандра. Скорее бы на дачу! Айхенвальд в восторге от Ауслендера, забывая первоисточники[11]. Заезжал Мейерхольд насчет «Эдипа царя»[12]. Вера в письмах отзывается обо мне более чем нежно. Лидия уехала в Загорье; без детей скучнее будет, особенно без Кости. Гюнтер его очень хвалит, как бы сватая, он ведь пройдоха, этот Гюнтер. Долго играл свои произведения. Заезжал на минуту к Тамамшевым. Читал «Barbier de Seville»[13]. Белый все-таки вернулся в «Руно»[14]. Какой-то пустой день. Когда-то поеду?

31

Все еще спали, когда я встал, кроме уже уехавшей Кассандры. Вымыты полы, открыты окна. Господи, завтра Троица! Выходили ненадолго. Писал, изгнав из комнаты Гюнтера. Вячеслав просит остаться еще. Долго занимались музыкой. Гюнтер болтался у меня, строя планы, уверяя, что мы родились под одной звездой и т. д. Ночью видел страшные сны. Где-то буду жить на будущий год? Наверно, у Вячеслава, но как же Сережа Позняков? Там видно будет. Завтра не еду, очевидно.

Июнь

1

Троица. Встал безумно поздно. М<ария> Мих<айловна> вернулась с цветочками. Троица! Не зайти ли к Чичериным переменить чек? Все время просидел дома, беседуя с Вячеславом, переругиваясь с Гюнтером. Вячес<лав> настаивает, чтобы я бросил Познякова, сошелся с Виктором, ехал к нему, потом в Крым. Ходили

* По-супружески *(франц.)*

** Стариковского календаря *(франц.)*

смотреть радугу на крышу. Спал плохо, видя pays chauds* и т. п. Кончил первую часть «Ролла» плана[1]. Когда же в Окуловку?

2

Дождь, жарко. Чичерины еще не уехали. Письмо к Юше для передачи[2], «Весы»; bien maigre**. Валечка зовет по телефону. Вячеслав говорил, что я горд и неуступчив в глубине и что это сказывается во всем; по-моему, он не равнодушен ко мне. Вечером были у Валечки. Пришел ужасный Костамов <?>. Не знали, как его сплавить. Пели Figaro[3]. Потащились в «Вену», скука была адова. Задержан еще вопросом о комедиях, выходящих в «Орах» осенью[4].

3

Утром ходил по делам и за покупками. Встретил Блока, полупьяного, но нежного. Стриг меня пьяный мастер, чуть не отстриг мне носа. Гюнтер, получивший деньги, потащил меня в Café, где я демонстрировал новую panamas. Вечером пришли Нувель и Потемкин, М<арии> Мих<айловны> не было дома. Гости хотели чая и еще более — проникнуть к Вячеславу. Валечка так ходил по коридору, что чай нам прислали, потом же удалось пройти и в столовую. Вячеслав и бранил, и хвалил Потемкина. Потом спорил с Гюнтером, снова нежным ко мне, о П<етре> П<етровиче>. Кассандра не уехала. Мар<ия> Мих<айловна> предложила мне денег. Когда же я выйду?

4

Проспал, как в летаргии, голова болит. Сережа пишет, что есть письмо из Сулина и из Луцка?[5] Опять парадировали в Café. Встретили Людмилу и Сомова, очень милого. Осень будет очаровательна. Что-то вообще будет? Уезжала Кассандра. Выбирали шрифты и бумагу. Гюнтер ловит ее vieux detraqué*** на удочку видений, чтобы он просил у Иды денег[6]. Может быть, я сержусь за экспроприяцию *<так!>* моих procedés****. Долго еще говорили с Гюнтером. Я кончу тем, что отправлюсь aux pays chauds. Спал опять плохо.

5

Встал опять поздно. М<ария> М<ихайловна> отводила со мной душу. Писал письма[7]. Жарко. Гюнтер у меня же пишет сти-

---

* Жаркие страны (*франц.*) — перенятое у парижского гомосексуального арго название бань.

** Довольно убого *(франц.)*.

*** Тронувшегося умом старика *(франц.)*.

**** Приемов *(франц.)*

хи. Открытка от Модеста. Ухожу я от них. Сережа ничего не пишет, негодный. Ходили за бумагой и т. п. Вечером вытащил старые ноты и играл «Калашникова»[8]. Гюнтер долго возмущался, что я — не пламенный, не иду до конца, что как поэт я тот, которого ждали, а как человек — нет: холодный, страстный, рассудительный и т. д. Ушел спать. Не спал, курил, читал.

6

Встал не поздно. Писал весь день. Жарко. Писем нет. Гюнтер стонет. Вячеслав меня превозносил до небес, Гюнтер сердился. Играл старые вещи. Купил Плутарха, которого Вячеслав тотчас оттягал себе. Ужасная жара. Хотят совещаться относительно «Пламенников»[9], что может задержать до понедельника. Лег рано, часа в 4.

7–8

Все то же; писем из Луцка нет. Сережа пишет. Вячеслав разбирает вещи Л<идии> Дм<триевны>, читает мне и спрашивает совета. Затягивается это ужасно. Как-то плоско течет жизнь. Была гроза; теперь прохладнее. Пишу Газэлы, дописал «Мартиньяна»[10]. На образце он вышел очень изящно.

9–11

Всё еще в городе. Послал 2 телеграммы. Ездил в город, видел Юсина и Шурочку. Что еще? Письмо из Луцка. Ликование. Обещал Вячеславу окончить пьесу Диотимы[11]. Планы дружбы и сообщества. Гюнтер. Умолил остаться еще. Почему и нет? но томлюсь. Приехал Сергей, все-таки оживленный. Переводил «Куранты». Письмо от какого-то студента, просящего взять его хоть в лакеи, чтобы быть около меня. Никого не видаю, не выхожу. Вернулся парикмахер Георгий. Вячеслав совершенно detraqué*: тянет меня в Сулин, потом в Крым, бог знает что. Томлюсь.

12

Будил меня Гюнтер, долго и ласково говоря «о серьезных» вещах. Сергей умывался. Разошлись. Я писал Газэлы. Гюнтер спал. Когда же еду? Вечером критиковали перевод «Курантов». Днем ездили в город. Спать лег рано. Видел кошмары. Свадьбу, рот полный стекла, вынимаю вроде зубов.

13

Письмо из Окуловки. Завтра непременно ехать. Скучали в столовой, набрасывал музыку Газэлы. Весь день дождь. Гюнтер

* С ума сошел *(франц.)*.

делал мне сцену из-за отъезда, наполовину объясняясь в любви, наполовину шарлатаня мистицизмом и виденьями. Но остаться придется. Потом мирно беседовали о будущей славе. Сначала же жестко объяснялись, потом он бросился ко мне, шептал: «Мне страшно», целовал меня. Я сидел смирно, и послушные слезы катились из моих глаз. Я сказал: «Но что же я могу сделать, милый Гюнтер?»

14

Дождь перестал. Видел во сне непристойный кошмар про Рябушинского с обломком бритвы в непоказанном месте. Сергей, взяв у меня 6 р., пошел к доктору, в «Сириусе» М<арии> М<ихайловне> сказали, что вряд ли возьмут «Змею» Гюнтера. Узнал удивительные вещи, как-то: я с Гюнтером роковым образом связан, отделяю его от Сиреневой[12], могу ему помочь, не должен его оставлять, я — гений и т. д. Все это то в бурных, то в нежных выражениях узнал я, когда объявил, что завтра еду. Утешал, лаская, бедного Ганса, как мог.

15

Томились. Вечером Сергей тащил нас на «Веселую вдову»[13], но я не пошел. Поехали пароходом на острова, где и гуляли, импровизируя всякий вздор. Ехали мимо дома Наумовых. Утро было хорошо. Вячеслав, не знавши, что мы едем, был дико расстроен и нервен. Гюнтер нервничал с головою, сидел у меня; только что ушел — возвращается с докладом, что на диване видел меня со страшным лицом, плакал, целовал, просил помощи. М<ария> М<ихайловна> его кормила. Так успокоился. Влюблен, что ли, он в меня? Такого безволия при уверенности я не встречал еще*.

16

Вячеслав обошелся. Приехали Семеновы парижские на весь день. Гюнтер усиленно переводит «Куранты». Беседовал с Вячеславом. Все по-хорошему. Не выходил. Урок Газэлы сделал, конечно. Перечитывал все подряд.

17

Дождь. Никуда не выходил. К обеду пришла парижанка, кокетничая и милашничая. Вечером сидел mister Pears, беседуя с грацией о Думе, Англии, России и т. д. Человек с фантазией, как все англичане. Гюнтер беседовал с Вячеславом, потом топтался у меня. Лег не поздно, не рано.

* У Кузмина описка: «не встречал его».

18

Письмо из Окуловки. Болит голова. Ел шоколад. Отпустит ли меня Гюнтер завтра? Пришла кума, выходящая замуж за подрядчика. Вечером были у Людмилы, с которой я поссорился из-за Познякова. Она при чистке перчаток обожгла себе руки и лежит третью неделю с обвязан<ными> пальцами[14]. Конечно, кокетничала с Гюнтером. Несколько отдалился от последнего, хотя он и пристает. Вячеслав уже спал, когда мы пришли.

19

Холод и дождь. «Куранты» кончены, но еду, будто, в пятницу. Все по-прежнему. Гюнтер, кажется, играет на мистицизм. Рассказывал мне преинтересно о Брентано. Находит у меня персидский вид. М<ария> М<ихайловна> пишет воспоминания о Диотиме. Когда же еду? Все неизвестно. Видел во сне Сережу Познякова. Как-то устроюсь и с долгами и со всем вообще. Нужно что-нибудь выдумать, quelque truc*. Как я соскучился, Боже мой!

20–21

Встали адски поздно; холод, как в октябре. Были у Людмилы, но, не застав ее, я поехал к Нувелю, Гюнтер же отправился снова в «Бристоль», думая через симуляцию влюбленности устроить дела. Вернулись порознь. Вячеслав me sille le dos** Наумовым. Если он будет так же относиться, как теперь к Познякову, то не особенно будет приятно у них жить, но выгоднее, чем в чужом месте. Посылает меня в Сулин, мне все это крайне тягостно и неприятно.

22

Встал сравнительно не поздно. Вчера играл свои вещи и опять Вячеславу, Гюнтер был у Людмилы, где должен был быть Евреинов. Сегодня опять пошел туда, умолив с поцелуями остаться. Вечером опять говорил с Вяч<еславом>; советует мне помолиться Мих<аилу> Арх<ангелу> и попытаться войти в сношения с Виктором. Моему решению подчинятся. Ауслендер пишет, что есть письмо из Луцка. Перечитывал «Ролла»; я еще не умел писать строчки. Газэлы мне дали очень многое.

---

* Какой-нибудь трюк *(франц.)*.

** Мне смертельно надоедает *(франц.)*. Кузмин здесь и далее пишет с ошибками: должно быть «me scie le dos». Иногда он также использует буквальный русский перевод фразеологизма «грызет мне спину».

23

Утром разбудил меня Гюнтер, чтобы ехать провожать Людмилу. Были только Зинаида и Поляков. Гюнтер в меланхолии passablement factice*. Письмо от Фед<ора> Фед<оровича> с просьбой музыки к «Ahnfrau»[15]. Вячеслав, опять начавший заниматься мистикой, очень расстроился и нервничает[16]. Вечером Гюнтер потащил меня к Зинаиде, которой не было дома. Вяч<еслав> напал на новую Газэль, я же защищался. Еще спорили запальчиво о моих делах: кто дал ему право мешаться в чужие дела.

24

Гюнтер, уверяя, что без меня ничто ему не удается, потащил меня в Herold[17] и к Зинаиде, где был Новодворский. Так прошло утро. Написал все-таки письма и телеграмму. М<ария> М<ихайловна> прямо умоляет подождать до отъезда Вячеслава. Гюнтер тоже. Вяч<еслав> старался быть милым, но подозрителен. Вечером я до полусмерти напугал немца, притворившись злым магом, но и самого меня это взволновало отчасти. Корректуры пьес.

25–27

Все то же самое. Погода хороша. Вячеслав едет только в воскресенье. Телеграмма от Познякова: писал 3 письма, которых я не получил. Предлагают мне издать Газэлы и «Ролла» в «Орах»[18]. Гюнтер нежничает и целуется. План безумного издания: немецкого и русского[19], книги, ноты. Получив гонорар, вчетвером в Италию: я, С<ергей> С<ергеевич>, Гюнтер, Бэла. Мечтаем. Был Леман, ушел не прощаясь.

28

Утром приехал зять. Новости. Будил молодых людей. Сергей тянулся, в ночной рубашке. Он чистый и зеленоватый, peu séduisant**. Письмо от Ауслендера с извещением, что есть заказное из Луцка. Но, к сожалению, я раньше уже послал телеграмму Сереже. Чинил пенсне, строили планы, болела голова ужасно. Получил письмо по-фински. Пошли с Сергеем к какой-то чухонке просить перевести, но она сказала, что она — шведка, до чужих писем не охотница и не переведет. Пошли в Тавриду, по дороге Шварсалон у 2-х горничных спрашивал, не знают ли они по-чухонски. В саду встретили Нувеля, у стола опять нашли эстонку, сказавшую, что она очень занята. Поехали с Валечкой домой, купив по розе, а молодые люди остались бегать за девицами. Вячеслав говорил со мною очень нежно на прощанье. За ужином говорили о Потемкине, играли мои

** Довольно наигранной *(франц.)*.

* Мало соблазнительный *(франц.)*

вещи. Вернулся Гюнтер со Шварсалоном. Валечка ушел, у Вячеслава аудиенцировал Гюнтер, я же отыскивал нужные книги, помогая М<арии> М<ихайловне>. Англичане уехали. Комнаты чудные, но дороги очевидно. Хорошо бы жить там с Сережей, славно, любовно и весело. Задумал поэму «Всадник» в спенсеровской строфе[20].

29

Утром провожали Вячеслава[21]. Гюнтер, пошедший со мною стричься и в Café, открыл, что мне необходимо ехать с ним, чтобы очаровать Сиреневу<ю> и мильонера; я решительно отказывался; он целовал меня, становился на колени, умолял любовью к Сергею Сергеевичу и т. д. Обедали. Я сказал: «Гюнтер, я уйду, не ходите за мною, через полчаса я скажу Вам решение». — «Аббат, не делайте этого, это страшно». — «Ждите меня». Просидев полчаса и обдумав, я вошел, молча запер двери на ключ и сказал: «Не говор<ите>, возьмите перо и бумагу. Пишите. Все это тайна. Все это верно. Вы поедете одни, если вам я буду нужен, я приеду, только бы не сломал себе ногу, в Митаве оставайтесь очень недолго, спешите к сестре. Увидите Сиреневу<ю> 3-го, 8-го, в 7 ч. вечера говорите с человеком, я буду с вами. 13<-го> поезжайте в Митаву, раньше 17-го мне не телеграфир<уйте>. Каждый день в 3 ч. мин<ут> 3–5 думайте об одном и том же предмете, очень простом, напр<имер> — цветке. Если это — цветок, носите его. Я вам дам вещь, не имеющую особенной ценности, но всегда имейте ее с собою. Встаньте; не касайтесь меня и не противьтесь». Я поцелов<ал> ему лоб, глаза, уши, руки, ноги и сердце. Потом говорили, любовно и нежно, беспрестанно и долго целуясь, изливаясь, клянясь. Потом он стал просить меня остаться до завтра, чтоб я его не покидал. Приезд зятя за мною увеличил его беспокойство. Опять умолял, заклинал, рыдал; я ушел. До последней минуты не выходил ко всем. Войдя проститься, я зашел к нему, спящему на столе; со сна ли, от гнева ли он отстранил меня. Простился очень холодно. Только что спустились, идут Сергей и Гюнтер, мрачнее тучи. Поехали. Объяснялся; я будто ответствен за то, что случится. Помирились. Уехал; завтра Окуловка. Спал плохо; встал рано. Видел очаровательные, божественные ноги спящего гимназиста. Все смотрел. Читал D'Annunzio.

Июль

1

Не так работал, как предполагал и должен был бы: жарко, репетиция. Развелось масса шерочек и знакомых, вообще гораздо более грозящих опасностей. Переписывал Газэлы, писал с трудом

«Всадника», письмо от Блока[1]. Думаю очень о любимых своих, о своих делах. Гуляли недалеко 2 раза, вечером отличная луна. Если бы осуществилась «Италь<янская> кадриль»[2]. Вздохнулось о «башне» нерад<остно>: грозящее обилие развлечений и людей тяготит меня. И потом я так давно не видел любимых. Как Позняков пишет: «Люблю Вас, желаю, целую». И я желаю его ужасно. А Виктор?

2

Встали поздновато; сестра уехала уже с зятем. Писем несколько, гуляли; к нам приехали Алексеевские: барыня, извергающая в минуту 250 слов о разных материях, студент довольно отвратного вида и барышня. Довольно было несносно. Только что они откатили, приехала Никитина. Гулял с Сережей по цветнику, беседуя и слушая московские сплетни.

3

Сережа рассказывал о Неаполе[3]. Захотелось с любимым в Геную, Верону, Неаполь. Ужасно. Письмо от Гюнтера, советы, что ему делать. Читал мало. Завтра еду с зятем с утра. К Солюс приходили Лярские, форма меня волнует все-таки, и длинные ноги. Вечером дети играли в лапту, визжа и крича, мы смотрели из окон. Играли в винт. Давно нет писем из Луцка. Что-то он, милый, делает? Беседовал вчера ночью с Ауслендером.

4

Утром поехал с зятем далеко в подтопленные деревни. Искали инженера, переезжая озеро в лодке. Я ждал зятя потом на береговой траве. Был храмовой праздник, икона, купались парни, старики бестолково со мною разговаривали. Возможна жизнь, совершенно не отъезжая от своего озера, никого не видя, женясь, умирая. На обратном пути нас поймал какой-то тип в кирасирской фуражке и зазвал будто бы к помещикам. Я думал, что денщик, но в маленькой комнате, вроде дворницкой, были только 2 женщины мещанского или лавочнического вида. Одна помоложе, чахоточная, сидела в креслах, кашляя, всё ругая, мечтая о Владимирской губернии. Старуха была мягче. Наконец, подошел и старик-чухонец. Оказалось — семья управляющего. Осматривали подтопы, человек в фуражке живо напомнил мне Тавриду или pays chauds. Дома репетиция уже кончилась, ждали нас обедать. Играли в крокет, потом гуляли. Говорят, что карповским шпионом[4] занесено в книгу, что у Мошкова гостит странный господин, женящийся только на мужчинах. Спал лучше. Сережа все убеждает меня писать большой современный роман. Была огромная луна и ясная звезда напротив. Тепло. Мечтаю об устройстве.

5

Что? Сидели почему-то дома. Играл из «Щелкунчика»[5]. Писем нет целую вечность. У Солюс имянины, прошлый год в этот день у них был фейерверк, породивший «Ракеты»[6]. Есть впечатление запущения этот [год]: не катаются, не держат бонны, нет сторожевых татар, пруд спускают, фабрика становится, хотя в бане и завели тазы и зеркало. Читал «Scrupules de Sganarell»[7]. Как мне держать себя осенью? Нужно добиваться и шарлатанить. Добиваться чего? Денег, известности, через нее любви.

6

Ходили к Шотц, там довольно привольный, уютный дом, старые ноты, тетя Саша, седая, с подколотыми юбками, встающая в 6 часов за работу, вроде лесковских чудих. Старые оперы «Joconde», «Chaperon rouge», «Mascotte»[8]. Почему-то все вспоминал Сережу Познякова. Как-то томно-сладко. Кататься не пошли. Завтра приедет Тая. Играли в рамс[9], я все проигрывал. Ночью слышали, как приехала Тая, зять позднее.

7

Сереже прислали «Руно»; писем нет. Довольно много писал. Зять хандрит. Репетиция. Думаю вернуться к Рябушинскому[10]. Тая говором живо напомнила Волгу и Москву. Вечером гуляли в лесу, потом играл и пел, смеялись. Часто вспоминаю Сережу Познякова, чаще, чем Виктора. Как-то все устроится? Тепло очень. Сегодня Гюнтер должен говорить с мильонером. Бедный мальчик! Без меня, в которого он имеет такую веру, как в архангела.

8

Видел во сне велик<ого> князя К<онстантина> К<онстантиновича> и всякий вздор. Письмо от Серг<ея> Серг<еевича>, студента и какое-то дурацкое анонимное[11]. Поехали на лодку <?>: экипаж сломался, дошли пешком; было славно, даже в небольшой рощице, тихой и жаркой, с комарами и земляникой, пока женщины купались. Гости собирались поздно, по случаю раннего обеда все были голодны. Были Солюсы, Венедиктовы, учительн<ица>, а потом невзначай куча студентов. Было не слишком несносно, хотя сестра Добрякова патентованная дура. Провожали, <когда> уже несколько рассветало; затон все-таки какой-то эта Окуловка.

9

Рябушинский зовет в «Руно» обратно. Сон видел опять какой-то нелепый. Очень душно. Сережа спит без рубашки, под голубым одеялом, очень нежный. Кончил рассказ[12]. Послал Газэлы

Рябушинскому[13]. Сидели дома; собиралась гроза. После обеда пошли в лес за мхом, болтая невероятный вздор. Тая, найдя какую-то корягу, сказала, что она напоминает любовь старца. Играл «Куранты». Все время мелькала молния, через которую светились звезды, за лесом вспыхивало будто солнце, желтое и золотое. Говорили днем о Бехли, какие они теперь стали. У Солюс бегали большие чехи, тонкие и стройные.

10

Прокофий Ст<епанович> совсем расстроен, много спит днем, волнуется, на себя не похож. Переписывал «Флора», смотрел в окно на игравших в лапту детей, Екат<ерина> Ив<ановна> делала парики. После обеда Сергей и Андр<ей> Солюс поехали верхом, барышни катались у дома. Потом поздно пошли гулять в лес далеко. Печально и сладко. Все вспоминается большое хозяйство, почему-то, варенье, театры, полная чаша, *<нрзб.>*. Как-то мы устроимся? На обр<атном> пути Варя увидела у фабрики небольшого человека в котелке, тотчас исчезнувшего. Дома пили чай, смеялись, я играл «Кармен», Сережа, Варя и Тая оставались <?>. Болтали еще втроем, пугаясь, тревожась. Прислали французов от Вольфа[14].

11

«Весы». Белый ругает Сережу, Соловьев отчасти меня[15]. Как-то еще примут мой возврат в «Руно». Варя играет из «Щелкунчика», очень захотелось видеть Сомова, Дягилева, Бенуа et tutti quanti. Ходили за земляникой в любимые мною места. Вечером весело собирались к Шотц, надевая немецкое платье. Там много пили, ели, болтали, так что возвращались в некотором подпитии.

12

Целый день лежал с головною болью и тошнотой, прислушиваясь к голосам и звукам репетиции, ничего не ел; только часов в 8 почувствовал облегчение, встал, ел, говорил. Лег опять со страшною головною болью. К утру все прошло. Письмо от Виктора.

13

Зять пишет, что ему рекомендуют быть в лечебнице. Голова кружится, но не очень болит; повестка на письмо из Луцка. Виктор скоро едет в Петерб<ург> и зовет меня, но куда я поеду без денег? Да и что я ему скажу при наличности Сережи? Как Лир, сказал я, что <люблю> того, кто больше сам меня любит[16], но чем это измеряется, как не уверениями голословными? Все дни стоит чудная погода. Ходили за папоротниками в сладкий жар. Читаю Regnier и Viellé-Griffin[17]. В смысле стиха у последнего мало чему можно

учиться. Все хлопотали, хотя я и мало принимал в этом участия. Вечером было скучно, хотя дети и веселились. Провожали Олю и Ваню Ревицеров я, Сережа и Андрей — без шапок, далеко. Ждали зятя, сбежавшего из лечебницы. Страшный хаос везде. Видел страшный сон, пронзительно, до потери голоса, кричал: «Виктор, Виктор, Виктор!!» Утром разбудил меня телефон и Тая, ломившаяся к нам в дверь, зачем мы не отвечаем по телефону. Письмо от Наумова и заказ из Москвы, не из Луцка? Ни слова о делах, только «Мартиньян»[18]. Значит, я волен поступать, как мне угодно, что я, впрочем, и сделал.

14

Тепло. Сладко. «S<ain>te Margherita de Corona» V<iellé-> Gr<iffin> — единственная вещь с очарованием. Встали поздно. Письмо от Виктора. Стихи мои получил. Ходили вчетвером гулять в лес, редко посещаемый. Безумное желание видеть, трогать, иметь Сергея или Виктора овладевает мною. Но как я распутаю всю эту историю? Сидели дома, я переписывал «Мартиньяна», читал «Il Piacere»[19]; Сережа ездил верхом, вечером опять гуляли, была совершенно ровная <o>ранжевая заря и холодно. Играл «Manon»[20]; что-то будет? Что в письме Познякова? Как я мало делаю! Завтра или в пятницу начну. А музыка-то! Поспею ли?

15

Какой-то сумбурный день. Все время дома. Писал письма, вечером гуляли и заходили к Екат<ерине> Иван<овне>, где болтали. Тая свалилась с лошади; почти все письменные долги выплачены. Читаю «Il Piacere», все-таки отличный роман. Как-то будет осенью? Сергей что-то пишет мне не благополучное, что «Ролла» ему больше нравится, чем «Газэлы», что оперетку не посвящать Гюнтеру[21] и т. д. Нужно его проучить. Нужно лучше устроиться осенью.

16

Был разбужен телеграммой от Сережи. Писем нет. Тревожусь. Кажется, я не писал недели 2. Почта принесла письма от Марьи Мих<айловны>[22], как упрек совести, и запоздавшее от того же Познякова. Завтра трепещу телеграммы от Гюнтера. О, деньги! Зять опять в страхе заболел ангиной. Ходили дважды гулять; упиваюсь «Il Piacere». Как много теряешь времени без любви. Annunzio — отличная шпора для вдохновения, но любовь — единственная, единственная. Вечером было темно возвращаться с прогулки вдвоем с сестрой, так как оставшаяся молодежь не торопилась нас догонять. Печально и тихо говорили.

17

Встал поздно, разбудили, чтоб ехать на станцию. Письмо от Людмилы и повестка обманная на уже полученное письмо от Познякова. Поехали с Таей, медленно, она занимала меня разговорами, был сладкий жар и белые облака баранами стояли в голубом, ах каком голубом небе. Еврейские дети на зассанных одеялах валялись у открытых лавок на солнце. Долго и тягостно ждал на почте, пока читали адреса и вешали наши изысканные рукописи. Чиновники в кителях, розовые и потные, будто в бане. Ждал Таю весело и спокойно. Космач косился на свисток. Хотел кончить «Всадника», но ничего не делал, даже письма Сереже не написал. Трепещу Гюнтеровой телеграммы, но ее не было. Сережа поехал на лесной пожар, вернулся бледный, пыльный, с ушибленной ногой при паденьи. Доктор нашел кровоподтек внутри, велел лежать. Раньше мы разбирали книги в комоде, сидя на полу, и с каждой книгой воспоминания времени ее появления вставали сладко и печально: «Ярь», «Изд<ания> Ор», «Балаганчик» и т. д.[23] Какой путь! Были Прагеры с лицами милых пугливых зверьков или птичек. Гулять так и не ходили, прогулка верхами молодежи тоже расстроилась; Тая читала мои стихи вслух, обывательским голосом, но хваля многие. Играл «Куранты» и «Газэлы» с удовольствием. Долго сидели на балконе, вспоминая и мечтая об Италии и житье в городе. Нужно бы съездить в Геную, Венецию, Феррару, Верону, Милан вчетвером. Сережа говорит, что ему еще нужно подыскать пару, а у меня, мол, всегда много запасных. Звезды падали. Даже в путеводителе смотрели цены билетам и т. д. Нумеровал дневники и приводил их в порядок. Раньше завтра встать. Что не отвергнет Рябушинский? Когда писанья? А музыка? О, Сережа и Виктор, милые мучители<?>.

18

Письмо от Валечки, живо мне напомнившее Петербург[24]; пишет, что получил ответ от В<иктора> Н<аумова>, пожалуй, будут еще видеться, завяжут сношения. Я как собака на сене. Учусь из «Il Piacere» донжуанству. Занимался музыкой к «Ahnfrau». Не хотелось ехать на ярмарку, но поехал. Бобка капризничал, с ранним обедом все голодны адски. Поехали в пыли. Встречались уже в лесу идущие и (чаще) возвращающиеся из Полищ; пестро-солнечный лес. Поили нас пивом, похожим на квас. Ходили на карусели. Целые косяки девиц в одинаковых сатинах ходили отдельно от парней. Потом на пыльной улице, в калошах, не двигая корпусом, топоча одними ногами, с мрачными лицами плясали; гармонист, изнемогая, склонялся на березу. Потом пришли парни, девицы удалились стадом, предводительствуемые музыкантом, будто крысоловом. Дико кричали песни. За рекой 2 кургана зеленели желто-

ватой зеленью. Если бы был Сергей со мною!? и ему так хочется, бедному. Дома приходила к нам беременная Добрякова, приходившая к Солюс торговать буфет, дети бегали на шагах, с распущенными волосами, над прудом сидят рыболовы, напоминая грубые фигуры Тома. Играли в винт: я проигрывал, сестра спала. Сережа в письме к Тастевену пустил уже удочку насчет романа[25]. Телеграммы от Гюнтера не было, хлопот, значит, меньше, но меня даже беспокоит, что он там делает. Когда мы играли в карты, барышня читала вслух Чехова; как он далек от нас, насколько дальше милого Лескова. Сколько еще дней здесь, а как-то устроюсь: расходов, расходов не оберешься! Впрочем, как-нибудь все образуется, лишь бы была любовь и искусство!

19

Утром снова телеграмма от Серого. Это хорошо, что он беспокоится; я думаю, что ему выгодно в разных отношениях за меня держаться. Опять заснул. Зять все затворяет, боясь простуды, сестра меланхолична от болезни зятя и от будто бы нашей кислоты. Переписывал «Всадника» для Сережи, писал музыки: мало, мало! «Всадника» адски хочется писать, и недостаточно хорошо все выходит, хотя этот Ариосто-Байроновский ублюдок и не без прелести. Осенью думаю очень шарлатанить. Ходили в лес, гремел гром, Л<идия> Ст<епановна> пела песни, вспоминая молодость и Устюг, вероятно; почему-то мне кажутся все какими-то потерянными, бедными, вспоминающими. Я ел землянику, сладкий, медовый и кисловатый вкус, запах от болотной травы, хвои, будто бродяга или отшельник, природный человек. Хотелось бы насиловать кого-нибудь. Гремел гром, поспешили домой. После обеда поехали кататься, мы же пошли в баню; там мылся высокий, некрасивый, но стройный студент, напоминающий не без приятности Павлика. Все не считают унизительным заниматься своим бедным, дорогим телом в эти минуты банного раствора. Толстый фельдшер ждал, когда очистится его место в углу. Дома играл «Carmen»[26], потом болтали и я передразнивал Лидию Степановну. Вот день, приближающий нас к осени. Дождь.

20

Наших не было дома, уехали в Петербург. Солнце, к полудню перешедшее в ряд гроз с дождями. Катя заболела. Читали вслух Лескова. Тая много рассказывает, будто специально для бытописателей. Поздно поехали кататься по милой дороге к Вонлярлярским. Был молодой месяц и вечер после дождя. Яков был мрачен, имея в виду опять ехать на станцию. Я ссорился с Таей; ехали 2 барышни вместе, я с Сережей. Милое, веселое житье! Что-то По-

зняков? Дожидались наших, засыпая и читая Лескова. Приехали городские посетители, завтра еду с зятем в Хорино. Это далеко. Приятно.

21

Рано был разбужен зятем с тем, чтобы ехать, но, выехавши под дождем, вернулись обратно, чтобы избегнуть простуды. Письма только деловые[27]. Удивились, что мы вернулись. Тая особенно любезна. Сестра спорила о военных формах, о кружевах и т. п., далекая вдруг мне. Кончил «Всадника», довольно ерундисто. Заходила Ек<атерина> Ив<ановна> <с> рассказами о Старой Руссе, курорте, спектаклях и т. д., возбудившая желание городской жизни. Марья Алекс<андровна>, скоро уезжающая в Москву, мальчики. Дети играли на балконе в мяч. Катя нездорова. Сестра нервничает, про зятя и говорить нечего, может быть, и мы нервнее, чем нужно. После позднего обеда поехал с Сергеем на станцию мимо Трубниковых. Было очень приятно, но, подъехав к станции, были застигнуты дождем из взвихрившейся тучи, серой, как прах. Темнело, заезжали в аптеку, в булочную, я промок насквозь. Дома дети сидели в полутемной зале и плясали под пение. Играли в карты, ужинали. Рано спать. Почти весь день дождь. Это надолго, до августа. Завтра начну лучше еще работать. В «Образовании» Сологуб, Чулков, Блок, Городецкий, Мереж<ковский>, Гиппиус[28]. Кто же теперь гоним? Я, Белый и Ремизов? Et voilà tout?*

22

Встал поздно, писем нет, пруд спущен, обнаружив мели, камни, тинистое дно, рыб, застрявших по ямам, все скрытые под гладкой водою секреты. Стражники, мужики и мальчишки ловят рыбу сетями и руками, в воде и грязи против окон, пахнет ненюфарами, тиною и рыбой. Купальня смешно и жалко торчит на суше. Сестра после завтрака пошла к Екат<ерине> Ив<ановне> и ушла гулять. Мы пошли за ними, Андрей ехал с нами верхом. Тепло и мягко, но серо. После обеда пошли недалеко с зятем, недружно и не весело. Сестра очень мрачна. Зять берет отпуск и едет лечиться, кажется. Я играл матчиш и т. д. Тая и Степа танцевали. Сели играть в винт, как пришли Венедиктовы, играли à 4 m<ains>, дурачились, пили чай, наши недружелюбно к этому несколько относятся. Играли из «Евг<ения> Он<егина>»[29], живо напомня мне почему-то Дягилева и Сергея Сергеевича. Провожали гостей со свечкой до моста, где опять пробовали кэкуок<?>, я делал арабеску, гадали, играли в карты. Днем даже вытаскивали оракул. Будет ли письмо

* Вот и все? *(франц.)*

завтра? Занимался по «Александру»[30]. Мало писал сегодня. Что-то все мои патроны, любовники, друзья и враги?

23

Встал поздно, видав во сне хорошие рассказы про офицеров; писем нет. Зять уехал, дождь. Писал музыку, потом проигрывал примеры из Геварта, Гретри, Галеви etc. Захотелось читать, играть, видать друзей, tels que* Сомов, Бенуа, Дягилев. Наши все пошли к Ирмшер. Пошли было с Сергеем гулять, но, застигнутые дождем, вернулись. День тянулся очень долго, был воздуш<ный> пирог, Бобка обоклался, танцевали, раскладывали пасьянсы, Тая скучала. На селе свадьбы, гости едут с фонарями. Читаю «Le bon plaisir»[31]. Занимаюсь к «Александру». Долго ждали зятя, смеясь, скучая и смотря «Ниву», но не дождались. Очень скучаю по Познякове. Что-то он очень давно не писал. Что-то будет?

24

Утром было холодно, вставать не хотелось. Слышно было, что к зятю кто-то приехал, так что умываться пришлось в ванной, чтобы не ходить через столовую. Оказалось, таксатор Морич, толстый молодой блондин, вроде теленка, и завтракавший, и обедавший, и проводивший вечер у нас. Барышни подбодрились. Писем нет. Ясно и ярко очень. Ходили на прошлогодние осенние долины, но грибов не было. Так гуляли, земляника спела, красна и крупна. После обеда сидел в столовой с сестрой и таксатором, опоздавши к обеду, и смотрел на детей в саду: какие Солюс красивые! Морич ел тихо и просто, как уставший мужик. Тая с Сережей сидели и читали у нас в комнате. Вздумали пойти погулять. Вечерние облака густыми, слепительно розовыми стадами стояли. Пошли в лес Шотц. Перепрыгивая через забор, Тая свернула ногу, не могла идти, покраснела, нога распухла; села на корягу, потом легла на мокрую траву и лишилась чувств. Облака всё багрянели, тихие, волшебные, сквозь другие, бледные, сквозил яркий месяц. Тая лежала тихо ничком. Сережа и Лидка пошли за лошадьми, Никита за водой в деревню, обе Вари не знали, что делать, я смотрел облака. Прибежала баба за ведром, мальчишки, смотрели как на утопленницу. Тихо было, очень чудно и страшно. Приехали лошади, на пролетку Таю посадил, подняв на руках, Морич. Поехали тихо, мы быстро пошли. Лидия Ст<епановна> поехала за доктором. Вынесли тоже Таю, как ребенка. Приехал фельдшер, нашел кровоизлияние и растяжение, 2 недели лежать. Лариошке мальчишки подбили глаз, ревет на кухне. Зять поехал лечиться в Петербург на

* Таких как *(франц.)*.

2 недели. Всё смотрел открытки Рима, Неаполя, Венеции. Неаполь, Венеция, Генуя, Верона, Феррара — вот мой путь будущий. Но отчего нет писем? Как-то устроюсь? И почему все молчат? Читаю прекраснейший «Le bon plaisir».

25

С утра зять с сестрой уехали. Письмо из «Весов» разрешает и отпускает, рассказ берут[32]. Начал современный рассказ[33], буду писать с удовольствием. Сережа повез Морича, Степановна пошла к Шотц с детьми, Тая заснула, никого нет, был то дождь, то солнце на ярком небе. Приехала Бэниха, гладкая, оживленная и сплетничающая. Все постепенно сошлись к обеду. Сестра сражалась с кухаркой из-за масла, сметаны etc. После обеда опять в яркий вечер пошли вчетвером гулять в горы. На обратном пути встретили жену Никитина с ребенком. У него большие серые глаза, важный и снисходительный вид, когда спросишь, как зовут, съежится, отвернется и скажет: «Витя». Виктор! Виктор! Victor Dux[34]. Как я жалок. Получил еще 10 книг «Сетей» за плату, наложенным. Хотелось бы в понедельник послать ноты, а к августу кончить рассказ. Далее «Ролла», пьесу и музыку к газэлам, но отсутствие писем и еще того более денег меня страшно связывает. Отрицает всякое общение с миром. Скоро все будут разъезжаться. Осень. Не добрую я ее жду.

26

Приехал Цветков, важный и неприятный, к счастию не очень болтливый. Письма от Юши, от Наумова, отчаянное от Познякова. Модест приехал и уже виделся с Виктором, Валечка проникнуть может, прямо отчаянье. Сережа там еще бесится, не получив моих писем. Дописал музыку к «Ahnfrau». Гуляли далеко в казенный лес, чудно, все неожиданно вперед открывающаяся дорога с горки на горку. Достигли болота с малиной и вернулись. Набрал несколько грибов. Тая сидела уж на балконе, в белой кофточке; было очень тепло и хорошо. Пришла Наталья Алекс<андровна>, студент принес «Русское слово», где Ходасевич бранит Ауслендера[35]. Пришли опять Цветков и другой таксатор, что от застенчивости не поздоровался с Варей и съел 6 котлет. Он и теперь еле говорил, краснел, потел, не взял протянутой на прощанье Таиной руки. Много смеялись. Какие звезды! Так как сестра пошла на совещание о школе, то мы пошли за ней проводить, сидели на балконе и ругались с этой дурой Антонидой, в комнате разливался Ветчинкин и зевали заседающие. Я не знаю, отчего я беспокоюсь за Виктора, имея Познякова неотъемлемо. Решил к августу кончить рассказ.

27

Кончил музыку, немного кое-как. Телеграмма от Тастевена: стихи в следующем №, Рябушинский через две недели, приветствуем, пишу и т. д.[36] Рассказ пишется легко, не знаю, хорошо ли. После завтрака с Ек<атериной> Ив<ановной> и этой дурищей Антон<идой>, катались на лодке, в жар, далеко. Дамы были нервны. Большие белые облака кучами по сине-синему небу, напоминая капотные материи, расходились, отражаясь в спокойной воде. Было много рыбаков, Рябушинский ехал на паровой лодке, на дороге ехал Андрей Вонлярлярский с конюхом, напоминая какую-то жизнь, близкую и далекую. Дома обедали поздно. Есть не хотелось. Тая учится ходить, напоминая мне Виктора, хотя теперь мысли мои почти всецело направлены к Познякову. Читаю прямо с настроением редким Regnier[37]. В августе напишу газэлы, «Ролла» и комедию. Устроиться бы только мне с деньгами, но я надеюсь. На что? не понимаю. Играл и пел «Manon» и франц<узов>. Почему-то жалко сестру. Как все чаще она напоминает маму приемами, фигурой, лицом. Вечер был смутный сегодня. Завтра придут Солюс.

28

Встал очень поздно; к августу не кончить признаний. Письмо от Нины Тамамшевой, больше нет. Поехали на станцию отправлять письма, делать покупки. Кругом были тучи с грозами, но мы проскочили под голубым небом, даже сделав объезд мимо Трубниковых. Хорошо так было ехать все-таки с Сережей. Зимою буду являться с Позняковым или Виктором. Я люблю ездить на станцию, это снова единит с жизнью. Пришли Текла и Едвига, был дождь, Яков и дети забрались под дом, потом смешно гуляя парами под одним зонтом. Молодые люди поехали верхами уже под солнцем, дети играли в судьбу; я читал у окна, смотря на радугу и высохший пруд. Вечером долго ждали Солюсов, пришедших в одиннадцатом часу. Все сидели у круглого стола тесно. Днем смотрели на лапту; Макс станет похож на князя, а Митя на Трубникова, теперь же очень милы, лет через 5 будут лучше всего. Мне опять хочется писать стихи. Сегодня мне скучно в первый раз, сам не знаю отчего.

29

Письмо от Милиоти, будто писем от меня не получали. Утром писал с удовольствием главу и стихи; мог бы написать и музыку легко. После завтрака втроем ходили за грибами, но ничего не нашли, в лесу же было очаровательно. У Солюс дети собирались последний раз — Митино рожденье: прошлый год у них были шарады. Приходила Наталья Александровна, брала книги, болтая о Петербурге. Играл «Manon», у Вари болят зубы. Пошли с Сережей

гулять при заре, барышни же наши плакали<?> по темным углам. Вечером играли в рамс и дурачились.

30

Писем нет. Тепло; провожают Солюс целый день; целый день сообщения: Солюс пошли туда-то, к Солюсам пришли те-то и т. д. На станции было человек 20, пили, кричали, качали, говорили речи, музыка шумела. Наши вернулись в сильном возбуждении. Утром гуляли с Сережей вдвоем в горы; за обедом приходил Андрей прощаться. Марья Ал<ександровна> звала заходить в Москве. Потом я остался с Таей и Лидией. Завтра возьму ноты от Шотц; очень думаю о Познякове, мечтая. Часто буду бывать у Сомова осенью, опять в эту компанию войду. Луна огромна.

31

Получил телеграмму от Сережи: «Успокаиваюсь, люблю, целую». Целый день был в хорошем настроении, стараясь быть вежливым и думая отчего-то о Сомове. Хотелось бы приехать в город еще до его переезда, чтобы попасть в Мартышкино[38]. После завтрака пошли к Шотц, там на блюдах ягоды к варенью; настоящая летняя картина. Пошли к неизвестному озеру. Прямо за двором луг, потом лес, как свой парк, очень хорошо. Неожиданно озеро посреди леса, большое и красивое. Шотц мне очень нравятся, даже Настасья сегодня не фыркала. Отобрал ноты: «Joconde», «Oberon», «Mascotte». Вернувшись, пили чай, я играл 17<-ю> сонату, когда наши ушли. Догонял их, в первый раз, кажется, идя один. Играл «Mascotte». После обеда поехали на станцию и кругом. Дивно. Солюсы сад заколачивают. Я играл в лапту с детьми, облака были яркие, яркие, розовые. Рано начали бесконечный рамс, очень смеялись. Телеграмма очень меня оживила. Завтра пятница и 1-е августа. Нужно больше писать, да. Сегодня прекрасный, чем-то городской день.

Август

1

Вот и август; серый дождь, Лярский с Робой едут на охоту в серых куртках. У Бенихи умер отец как раз к августу, как она этого и хотела. Она приехала в заранее приготовленном трауре и говорила, как старик сам приготовил сюртук для погребения, даже вложил носовой платок. Ребята с утра как-то дурили. Лидка уверила Бориса, что если, севши в ватер, сказать «та-та-та», то случится нечто очень интересное, и сама там из-за ванны выскочила, наря-

женная в брюки Пр<окопия> Степ<ановича>. Потом представляли оголенные живые картины. Я играл «Joconde», читал Regnier, но писал мало; рассказом доволен. Варе вырвали зуб. Венедиктовы строят какие-то махинации, гуляют, обрывая в солюсовском саду, посылают мальчиков к Лярским, дружат с Прагерами. Очень радостно думаю об осени. Теперь много работы. В рамс играли до истерики и чуть не до драки. Почему-то хочется видеть тихого Сомова.

2

Видел во сне отца с большою седой бородою; я плачу, а он меня утешает, говоря что-то по-немецки. Писем нет. Целый день Тая и Лидия Ст<епановна> воют песни на весь дом. Сережа и Варя ездили к Бэнихе на панихиду. Дождь целый день. Как-то всего ломает. В бане был Шильгас, теперь уже с младшим сыном, реалистом, очень милым телом. Отчего-то думаю о Сомове и «Пиковой даме»[1]. Мелькнул тип для романа, очень русский: нежного певуна. Всего возможнее в XVIII в. или из семинаров[2]. Дети уморительны. С минами играли в лапту. Анатолий принес Кате записку от Сони, она прочитала и спрятала под дом. Играл <*нрзб.*> — вот дрянь невероятная!

3

Солнце после дождей. Пошли все-таки гулять, я в больших сапогах. Было очень приятно. С горы вдруг увидели полищевскую церковь, не видную летом: значит — осень. Утром хоронили старика Бене, никого с фабрики не было. Лидия Степановна иногда прямо как петровская дура, дралась с Сережей, ругается за картами, поет, кривя ртом, каждодневно тошнится по нескольку раз, говорит с Таей по секрету какую-то похабщину. Кончил «Наперсника»; есть мысли для романа XVIII в. Вечером Франки ловили рыбу с острогой, будто печенеги, костер плыл по темному пруду, и луна ущербная, восходя, краснела.

4

Поминутно дожди с солнечными промежутками. Пошли все-таки гулять втроем, попав под 3 дождя. Тая каталась, что грозит возобновлением поездок за ягодами на лодке и прочих увеселений. После обеда дожди прошли; ездил с Сережей на станцию под вымытым, ясным небом, но вернулись не мимо Трубникова. Играл «Куранты», как с утра еще обещал. Весь день думаю не то об Викторе, не то о Познякове, о городе, во всяком случае. Долго рассказывали о гимназистах, учителях, учениках и т. п. Скучно почему-то мне сегодня, писем нет. Отчего Сергей ограничивается телеграм<ами>? Марок к тому же у меня не стало.

5

Очень плохо спал, от холода, что ли, — не знаю; писем нет: были бы деньги, разослал бы всем телеграммы и письма. День чудный. Лидия вымазала себе и всем детям волосы керосином перед баней и потом опрыскивала духами: вонь невообразимая. Ходил вдвоем с сестрой гулять, мирно беседуя; на открытом месте далеко видные тучи с громом нас испугали, вернув домой. Захотелось ехать на корабле. Читал барышням свой рассказ. После обеда играли в крокет. Тая у окна писала письмо и плакала. Упражнялся в сонете, очень неудачно. Вечером Лидия пошла за своею нуждой куда-то в непоказанное место и там ее больно клюнула курица, на которую она чуть не села. Пришла Наталья Алекс<андровна> с фонарем. Сестра все заставляла их петь, пели стоя у дверей, а она с Сережей сидели на диване и слушали. Ну, право, эта Лидафья будто дурка или шутиха. Пошли провожать с фонарем же по грязи, при ущербной луне и звездах. Было будто XVIII век. Тепло. На обратном пути встретили Вонлярлярского; он, кажется, женится на одной из Франке, ехал от них. Еще посидели дома. Как я устроюсь зимою с Сережей, не могу представить.

6

Письмо от Серого; милый, хотя и ветреный, может быть, любовник. Восторги «Всадником», любовь etc. Оживился. Увидел, что страшно много нужно еще по «Александру» заниматься. Дождь то идет, то перестает. Пришли дети. Не знали, поедем ли на лодку. В конце концов я вдвоем с Таей отправился под дождем кататься. Потом читал сестре и студенту «Наперсника», пришли дамы Венедиктовы. Играли из «Евг<ения> Онегина», еще долгое время это будет волновать русские души. Дети дурачились у нас, Катер<ина> Ивановна была сама любезность. Уговорились на завтра. Вдруг телефон, чтобы я шел к нам допевать «Куранты». Играли Грига и опять вальс Чайковского. Был, кроме скучноватого Блюменталя, наш банный партнер с длинными ногами. Пел и «Куранты». Опять шли с фонарем по грязи. Без нас дома Лидафья свирепствовала с ребятами и улеглась спать с 8 часов. День чем-то приятный. Нужно бы издать 2 тома рассказов[3]. Луна опять ущербает. О, как бы хотел я иметь здесь Сережу Познякова.

7

Писем мне нет. Теперь жду денег от Коммиссаржевского, чтобы повсюду разослать телеграммы, письма etc. Весь день дождь. Занимался «Александром». Писал «Ролла», вечером играли в рамс. Читаю Sacchetti. Скучаю о Познякове. Сережа разбирал старые письма, на меня это всегда наводит меланхолию. За обедом боль-

шая Лида воевала с Борисом и серьезно дралась с ним; он ей кричал: «Негодяй, вы негодяй!» Какой-то скучный день. Хоть бы письма завтра пришли. Начинаю дичать. Но от кого письма?

8

Ничего не было, дождь; писем нет, это ужасно. Пр<окопий> Ст<епанович> пригласил тетю, Тоню и Васю: где все они, спрашивается, будут помещаться? Ходили в грязь к Венедиктовым, там тепло и довольно уютно; играли в 4 р<уки>. Лид<ии> Ст<епановне> телеграмма, что в Пешпеке места еще нет. Весь день как-то тягостно тянулся, хочется в город. Тая угорела, у Сережи зубы; играли в рамс. Тая гадала мне очень хорошо. Катя и Лидка устраивают кукольный спектакль. Что-то Коммиссар<жевский>, когда он пришлет мне денег, чтобы я мог послать всем запросы?

9

Открытка общая от Руслова и Гюнтера, полная всяких подозрений. Как они стакнулись, не понимаю. Хочется в город. Завтра Сережа едет на Иматру, сегодня приезжает бонна. Весь день солнце и хорошая погода, хотя и холодно; болит голова. После завтрака пошли за грибами, ничего не найдя в милых полянах. Как-то лень было заниматься и даже читать. Лежал на балконе. Белые облака плыли, навевая мысли о смерти. Лежать бы, не говоря, долго, долго. Пришла Наталья Алекс<андровна> в сумерках, когда мы приготовлялись к предстоящему заседанию. Яков Павлов<ич>, как только пришел, заговорил «Исповедь». Началось заседание. Мы изнывали в детской, делая гимнастику, ожидая немку. В зале соловьем разливался председатель. Приехала фрейлейн, худенькая, темная. Как дико ей приезжать в дом, полный чужих людей, ночью. Нат<алья> Ал<ександровна>, чем-то обиженная, уехала с фонарем при звездном, очень звездном небе. Читали вслух «Образование», Сологуба и Чулкова[4], пока Варя ругалась со студентом. Потом делились впечатлениями. Мне скучно, что я не вижу Познякова, так долго, так долго лишен возможности сообщения. Сережа собирается в дорогу, я отчасти завидую, хотя на время и не хотел бы уезжать. Гадали.

10

Девицы разговаривали о том, какие мужчины им нравятся. Все вспоминал, какие у меня были иконы, и жалко их было до смерти; так захотелось в церковь хорошую. Слышал, как приехал Яков, стучал в окно, Варя будила Сережу, он одевался. Я еле раскрывал глаза, Сережина рука была холодная и вымытая. Утром «Руно», я в сотрудниках[5], но ответа толкового не было. Целый день

дождь с часу. Были Морич, Яков Павлович, вечером Текла<?>. Затопили камин и читали Пушкина, «Евгений Он<егин>». Опять телеграмма от Серого. Беспоко<ится>, когда в город. Зять волнуется, будто сестра его разлюбила, пишет всякий вздор и требует ее телеграммы. Рано легли. Девицы за стенкой говорили похабности.

11

Сегодня вышел скандал. Услышав вчера ночью девичий разговор, я сказал им, что я слышу, и в доказательство привел слова, чем их смутил. А разговор был о том, что у Таи в известном месте не растет волос, и доктор сказал, что это гораздо красивее и что многие обращаются даже, чтобы вывести. Письмо от Познякова, зовущего скорее «домой», видеть его необходимо. Фрейлейн зовут Валерия Готлибовна; скромна и несколько приниженна. Ходили за грибами в горы, девицы дома шьют, дети Венедиктовы у нас. Была Оля Ревицер, провожали ее весело по грязи. У Франков опять ловят с острогой. Играли в рамс. Ленюсь без денег.

12

Целый день лупит дождь, уже без обмана. Тем не менее, пришли Венедиктовы. Прок<опий> Степ<анович> еще не приедет дней 10. Вот бы выписать Сергея, но сестре я почему-то не смею об этом сказать, хотя мечтаю ежеминутно, во всех фазах дня. Бонна что-то заболела. Потом дождь прошел, я с сестрой тихонько гулял по саду. Я подарил Тае книгу, они только что об этом думали, и Лидия Степ<ановна> говорит, что внушила мне это. Я сказал, что у меня есть желание, исполнить которое можно только здесь, только Варя. Тая что-то подумала, покраснела, чуть не заплакала и хотела выйти из-за стола, а Л<идия> Ст<епановна> сразу отгадала и потом сказала. Мне показалось, что и Варя знает, о чем я говорю, но что ей это неприятно, такое далекое и мертвое лицо у нее вдруг сделалось. У меня, вероятно, такое бывает. А было бы отлично, после отъезда барышень, чтобы он приехал до конца сентября. Но раньше всего надо получить деньги откуда-нибудь. Что-то все забыли меня. Вечером играли в карты, потом переговаривались через стенку относительно желаний.

13

Опять повесток нет. Велел Якову завтра справиться на почте. Весь день думаю, как бы сестре сказать о Познякове, хотя она сама, наверное, догадалась, о чем я хочу просить. День был хороший. После завтрака пошли к Шотц и с ними за грибами. Я взял ноты «Cosi fan tutti»[6], «Chaperon rouge» — милое старье. Завтра, кажется, новая <лунная> четверть. Сейчас после обеда поехали ка-

таться. Антонина на каждой кочке визжала, как зарезанная. Сестра нас встретила с бонной и Лидочкой. Шел с ней вдвоем, но ничего ей не сказал о Познякове. Днем бегал на гиганах «лягушкой»<?>.

14

С утра сестра уехала. Дождь прошел часам к двум; все время шьют; прислали «Весы», но не деньги; открытку от Сережи: Философов хочет всех разнести. Какая-то тупая гадость старческая — эти ссоры неравных. Вроде как Иванов бы уничтожал Андрусона. Ходил по комнате, читал, не пиша, изнывая без денег, вдали от Познякова. Пришли Венедиктовы и еще пришли, дети ссорились. Была чудная гроза с громадной радугой и яркостью неба после необычайной. По уходе гостей стали пререкаться между собою. Лид<ия> Ст<епановна> напала на Катю, та заплакала, Варя надулась и стала сутяжничать с Таей, та заплакала. Л<идия> Ст<епановна> бешено всем предлагала валерьянки, которую выпил я, единственный с Лидочкой сохранивший спокойствие и раскладывавший пасьянс. Потом, после смеха, все успокоились и сели за рамс. Приехала сестра, расстроенная, простуженная. Девочек не приняли, Тоня провалилась, простуда. Как осыпаются листья. Думают, что я скучаю без Сережи. Конечно, присутствие молодежи как шпора коню, но и при нем я так же бы скучал по Познякове. Спал плохо. Рано-рано фрейлейн шила уже на машине. Когда-то в этот вечер был ладан, всенощная долгая, лампады. Я так заброшен.

15

Опять ничего нет. Сереже письмо из Москвы; вечером пробовал читать на лампу: «смелым»... «лаборатория»... «ждем» — больше ничего[7]. Можно ли быть более заброшенным, чем я? Дождь, пройдя к 2-м часам, дал нам возможность пойти в горы за грибами, чтобы опять нас смочить до нитки. Так скучно, до слез; стал собираться народ, дети играли в жмурки, рекруты и т. д. Танцевали. Как я забросил все — и письма, и писанья, прямо прозябаю, а не живу. Было 27 человек. Ремизов попал в «Русскую мысль», можно было ожидать этого[8]. Спал очень плохо. Что еще? Не помню: я очень устал от абсолютного безденежья.

16

Вот и первый день отъезда. Приходила Антонида прощаться, говорила о школе и учебниках, захотелось заниматься. В светлые от дождя кусочки дня гуляли по саду, дети лазали на крышу. Бобка подходил и говорил: «Соня, плюнь на меня, я встану ближе!» Играл «Chaperon rouge». Как много надобно читать. Барышни были нервно шумливы за картами, потом Тая растрогалась, уезжая.

Забыли молоко и карты. Оставались одни, я читал из дневника. Сегодня «труба имянинница», пьяные всех сортов ползают по дорогам. Денег ниоткуда не шлют.

17

Тихо было, когда мы проснулись сегодня, и дети уезжают. Повест<ок> нет. Написал письма всюду, откуда возможны деньги[9]. После завтрака поехали к Шотц. Там играли в кегли и представляли шарады. Беседовали. Только что тихо поужинали, пришли Соня и Митя к девочкам играть в рамс. Было очень звездное небо, приходил за ними сторож с фонарем. Как дети любят всегда мужскую прислугу. Играл позднюю и мало известную оперетку Audran, очень жидко. В сущности, post factum всегда справедливо расцениваются значения вещей.

18

Слышал утром, как уезжали сестра и девочки, но не встал. Видел страшные сны, собак, концерты, старух. Повесток опять-таки нет. Не знаю, что и думать. И Серый что-то слишком успокоился. Ходили далеко в лес за грибами, много набрали. Очень поздно обедали. Играл Одран, снова изменил мнение: когда-нибудь всей этой милой, веселой, чувствительной музыке будет дано место Grétry, Dalayrac etc. Возвращается ненависть к Бетховену. Смотрел старые фотографии: как мчит время — Варя, девочкой, я 9<-ти> лет, гимназия, даже летний спектакль, — все уравнены невозвратимостью. И милые ушедшие рассказы матери о юности, о детстве, о том же, как и теперь, Летнем саде. Гадал: получу ли повестку, веселая ли будет зима, скучает ли Сергей, умру ли я. Боря нездоров, Лидочка чувствует себя старшей, бойчее и добрее. Сестра приехала, оставив девочек, довольно веселая, с рассказами, как в переполненном вагоне она требовала убрать какой<-то> покрытый холстом товар и ей сказали: «Тише, это — мертвый». Все из купе вылезли и смущались, а когда приехали, покойник встал и сказал: «Как я хорошо выспался», и все его ругали. День выстоял.

19

Письмо от Серого; бедный; но у меня не поворачивается язык говорить с сестрой, а намеков она как-то не понимает. Ответил ему; повесток нет. Хотели пройти на Другню, но вместо этого лазали по болотам и загородкам во франковском лесу, то под солнцем, то под дождем. Шли мимо нижней фабрики; Лидочка с мальчиком бегает в лошадки по дороге; купили баранок. После обеда поздно пошли к Венедиктовым; они еще ужинали. Ек<атерина> Ив<ановна> очень мила с кофточкой, из которой она растолстела;

играли. Телефон: телеграмма: «Будем сегодня в 12-м часу». Торопились по страшной грязи домой. Наши действительно приехали с кучей новостей. Сережа многих видел: Валечку, Дягилева, Чулкова, Городецкого, Потемкина. В городе же уже Блок, Сологуб, Ремизов. Интриги против Брюсова, держаться за Сологуба, колтыханье опять Дягилева в Париже; Мережковские на даче, водятся с Пильскими, Василевскими, e tutti quanti[10]. Бенуа не будет до октября. Виктор был у Валечки: потолстел, не хромает, держит экзамен и уезжает в Одессу, видается с Модестом. Позняков писал Нувелю, спрашивал обо мне, жалуясь, что я не отвечаю. Тастевен, оказывается, мне писал, видно из письма к Сереже, несколько ворчливого. Одеяло у меня взяли, и я покрывался пальто зятя, тяжелым, будто на вас лежит два солдата.

20

Повесток опять нет. Бобка болен. Я объяснялся с доктором и беседовал с ним; тарантас сломан, отправили в Боровичи. Зять с сестрой задавили рабочего; не особенно приятно это все. По финляндскому путеводителю пытался прочесть финское письмо. Занятие, достойное пера Джерома. Сережа читал дневник, отличный, одно место меня взволновало, как в вагоне против них ехал офицер и юнкер, нежно прижимаясь друг к другу и тихо говоря. Очень хотелось спать, писанья вновь влекут. Ходили втроем за грибами, вечером играли в рамс. День серый. Скучно. План романа растет[11].

21

Серый, серый теплый дождь. Как я скучаю по Познякове. Пошли погулять втроем до Подберезья. Как-то странно, все время мы говорим с Сережей о своих делах, знакомых, Антонида безмолвствует. Вернулись поздно, все-таки набравши грибов. Зять приходил к нам сидеть; весело, будто лучше, чем при сестре. Вечером читали, я играл. Потом пришел Яков Павлович, скучный. Тоня чуть не спала. Я курил; зять лег спать. Мы дождались сестры, приехавшей в страшный дождь. Ломало, хотелось плакать, дурить, брыкаться. Прощались с Тоней, она гораздо более чужая, чем даже та Антонида и Наталья Алекс<андровна>, не говоря о Тае.

22

Чуть свет разбудил меня зять. Поехали на взятом тарантасе, отбило все печенки. На вокзале видели Нат<алью> Ал<ександровну> с тетей Сашей и Солюса. Поехала Антонидушка. Без дождя доехали до Гор, сидел в конторе у управляющего, пока зять с ним ходили смотреть затопленные бани и пристани. Пекли пирог с капустой, дети выбегали смотреть на меня, кто-то упал. Долго

было ждать, читая Саккетти и чуть не засыпая. Думал все о Сереже, как бы поехать с ним в Финляндию. Назад ехали мимо Лярских, невероятное количество грибов. Потеряли Медорку. Вернулись рано к завтраку. Гуляли, заходили к Венедиктовым, но чаю там не получили. После обеда зять принес 3 повестки: на деньги от Чичерина, письмо из Судака и Москвы[12]. В холодный вечер неистово бегал по пустому цветнику, думая о всенощных, ладане, Волге, далеком ком-то. Когда мы стояли с Яковом на берегу озера, ждали ушедшего в луга зятя, там тихо, так тихо было, и думалось о смерти. Милая земля, святая, материнская. Так томно и сладко. Вышел Сережа: походил со мною. Варя и Лидочка смотрели из окна. Зять все время поездки был очень оживлен, оживленнее, чем дома. Играли в винт. Говорили о возможности переезда в Киевскую губернию. Уехал зять. Говорили еще с Сережей о городе и любимых.

23

Ездили за деньгами и письмами. Только выехали, как вывалились из брички в глубокую грязь Сережа и я на него; было не страшно, лежали повержены, но вымазались; мужики подняли экипаж; мы поехали дальше, дождя не было, голубые дырки дробились в лужах. Марья Мих<айловна> пишет, что сестры будут жить с ними; женский монастырь. Только на днях Вячеслав подписал первый лист моих корректур[13]. Прямо ужасно. Из «Руна» все благополучно[14]. Был опять дождь, яркая радуга, вода везде бурлит водопадами по камням, как весною. От нового куренья делалось томно и тошно. Ребята играли в карты. Бобка болен, доктор меланхоличен и таинствен. Скучаю все больше о Познякове. Пошли в баню. Очень ясно, ярко, луна золотая; было много народу голого в бане и очень жарко, чуть не запарился. Сестра была у учительницы, она хандрит. Они думают, кажется, переселяться в Киевскую губернию. Возможно ли устроить приезд на несколько дней Серого сюда? Беседовал с сестрой и Сережей, мутит и нездоровится. Пробовал петь Шуберта, но ничего не вышло. Теперь вот могу писать письма, и что же? еще скучнее. Послал телеграмму Серому.

24

Встал поздно. То дождь, то солнце; зять опять хандрит. Бобка болен. Все думаю о Познякове, не говоря сестре. Топили камин, все сидели у нас. Много занимался «Алекс<андром>». Отдал долг зятю, стал как-то меланхоличнее. Сережа уехал кататься. Доктор задержал нас, и только поздно вышли с сестрой гулять. Вечером писали с Сережей при лампе, будто уроки. Это может выйти чудно, об Александре. Начали играть в винт, пришел Яков Павлович, рассказы о турецкой революции очень развеселили меня[15].

25

Весь день дождь. Прислали корректуры и письмо Тастевена. Привезли 4 газеты. Целый день Бене, и ночевать остались. Болела голова слегка, очень скучаю о Познякове и беспокоюсь относительно штрафа. Зять опять подхандривает. Топят печи, пишу «Александра». Бэниха говорила всю скандальную историю фабрики за эти 30 лет. Занятно. Очень скучаю. И нужно ехать, и не знаю, как сделаться. Сестре ничего не говорю. На станцию не ходили.

26

Болит голова. День разошелся. Очень ясно стало и хорошо. Не знаю, как относительно отъезда. Уезжала Бениха, прибедниваясь. Ходили к Шотц, там больны, вставляют рамы, но уют не потерян. Тетя Саша, оказывается, была именно в Георгиевской общине. Сережа взял «Войну и мир», я же «Bip-Bip» Planquett'a[16]. Если бы я был спокоен с деньгами и Позняковым, все было бы прекрасно. Возвращались по грязи, весело. Все реки разлились и шумят порогами. Придя домой, играл; заезжали Алексеевские. После пошли гулять на Каленку, где у водопада радуга днем. Ясно и огромная луна. Что-то Серый? Как никому не бросается в глаза, что общество 1806 года у Толстого — правнуки героев Пушкина и Грибоедова? Вечером играли в винт. Хочется очень работать над обеими вещами, и опять потянуло на оперетку. Только бы устроиться спокойно. На прогулке дважды встретили Теклу со старшим Шильгасом. Он подурнел с прошлого года, но все-таки очень ничего себе, pas à refuser*. Что-то стрясется со мною, я думаю, этою осенью. А жалко.

27

С утра моросит. Сестра с зятем уехали; все сидели дома, я придумывал оперетку, беспокоясь об осени[17]. Наши очень долго не ехали, мы и завтракали, и обедали без них; наконец, в девятом часу приехали. Сестра вывалилась в канаву и разбила нос; все ручьи разлились, дороги ужасны. Были свистки к пожару, но пожара особенного не было, вероятно, горели дрова. Луна сквозь туман светит тонко <?> и сонно. Ах, что-то будет? Лишь бы спокойно устроиться!

28

Очень тепло, солнце через мглу, пахнет дымом, будто лето, потом собралась гроза. Весь день болела голова, то ослабевая, то

* Такими не бросаются *(франц.)*.

усиливаясь. Написал письмо к швейцару и успокоился. Написал первую картину «Забавы». Ходили за грибами; так мало нас теперь. Было жарко, гремел гром, думал о Познякове и пел из оперетки. В ожидании гостей ходили с Сережей по пустому балкону, беседуя дружно. Заседание было бурное, Варя все сражалась с Яковом Павловичем, Катерина Иван<овна> резвилась и злилась. Приехали девочки, полные лесковских рассказов о Боровичах, они забавные. Голова несколько прошла. На днях пошлю телеграммы.

29

Утром безоблачное небо, солнце, присутствие девочек, прошедшая* головная боль настроили меня лучше. Коммиссаржевский пишет какой-то вздор о управляющем. Писал немного «Забавы». Пошли к Шотц, когда уже посерело. Пошли в казенный лес за грибами. В лесу встретили Франке на 2-х тележках. Собаки лаяли. Один из молодых людей был очень мил, а сестра говорила: «Какие они неинтересные, бритые». У Шотц всегда уютно, даже с больными. Зашел в лавку, чтобы сам видеть еще того торговца, что я уже давно заприметил, не зная, что он из лавки. За обедом смешно говорили по-немецки. Варя пела «Куранты» и «Ай да тройка», так напоминающее мне всегда Познякова. Очень это меня волнует всегда. Потом я наигрывал оперетку. Собираемся к Алексеевским. Варя говорит: «Эту песню пел как-то офицер у Резвановых, оставил ноты, мы все и выучили». Такой жизнью мне от этого повеяло. Играли в винт. Было не плохо. Прожить бы побольше, но Сережа Позняков меня беспокоит, да и дело. Тастевен прислал Ауслендеру письмо, полное всяческих надежд. Письма Таи читались соборне.

30

Студенты в тужурках «хаки» выходили из вагона-ресторана, в кармане у меня лежали 3 квитанции телеграмм, мы покупали виноград корзиной из Севастополя, ездили по невообразимой грязи в Окуловке. Я с зятем быстро ехали на станцию под дождем. Я люблю ездить туда, будто к нитке, соединяющей со всеми. Купили газет, и дома был весел, хотя и писал мало. Беседовал с Ек<атериной> Ив<ановной> по телефону. «Где были?» — «Посылал телеграмм на 4.50». — «Юбилейных Толстому?»[18] — «Отвращенье, я телеграфирую только людям не старше 25 л<ет>». Ходили в пустую сегодня баню. Константин, поддав пару, удалился, сказав: «С Богом», и притворил плотно дверь, удалясь. Можно было подумать, что он что-то подумал. Было скучно, что никого не мылось, кроме

* У Кузмина — «прошлая».

нас. Завтра мне не хочется к Алексеевским. Что-то ответят наши ответные телеграммы? Варя опять пела «Тройку», растравляя мне сердце, может быть, и не так уже сильно. С девочками веселее все-таки. Придумал вальс для «Забавы», и Катя его уже наигрывает. Все читают «Войну и мир», кроме меня, который ничего не читает. Целый день дождь. Вот и август кончился.

31

С утра был праздничен, хотя и не писал. С Катей и Лидочкой собирал грибы в саду, полную корзину. Весело завтракали. После гуляли в горы. Поздний обед; перед ним нас с Сережей переселяли в новую комнату. Кабинет устроили по-зимнему. Телеграмма от Ивановых: «Башня открыта вам одним», как удар бича по лицу[19]. Пошел в сад ходить, вышел Сережа и зять, мы втроем ходили, а девочки смотрели из окна. Неужели я остановлюсь еще у этих пакостных лицемеров? Конечно, конечно нет! Вообще, я думаю, что с ними...* Вечером были гости. Играли до усталости.

Сентябрь

1

Утром не поехал с зятем из-за дождя. У сестры школа. Как я предполагал, так и вышло: в столовой на большом столе катали и кроили, на маленьком утвердились дети; разбудили нас отобранием чернильниц и сообщением, что писем нет. Все-таки «Забаву» писал. Собирались на станцию, но поехал с зятем в серенький день смотреть какую-то землю; было приятно уехать. Потом тучи разошлись, было солнце, я гулял с сестрой, не гулявшей, так как ждала Шотц с прощальным визитом. Приехала только Настасья с Олей, постояла минуты три, одетая, сказала несколько неприятностей и уехала. Все-таки поехали вечером на станцию; я ждал у лошадей. На обратном пути было темно, как в трубе, и был дождь, но было не неприятно. Дома было светло везде. Наигрывал оперетку, потом играли в винт. Днем играл много Грига и вспомнил лето в Щелканове и его обитателей, ленивых, с причудами, ссорами и задушевностью[1]. Телеграммы послал решительные, боюсь, не оставляющие бы меня ни при чем по двум флангам[2]. Этот противный мальчишка, наверное, уже не в Луцке. Что-то меня тяготит. Впрочем, причин достаточно. Дождь льет уже 5-ю неделю.

* Фраза не закончена, по смыслу должно быть: «с ними все кончено»

2 (вторник)

Так скучно идет дождь сегодня. Писем нет, на улицу носу не высунешь; писать не хочется, читать тоже. Катя нервничает и ревет; зять целый день засыпает; топили камин, сидели на семейном диване. Провожать девочек поехал Сережа. Сестра и зять почти спали, ждя его. Телеграммы от Серого из Киева и от Ивановых: «Недоумеваем, просим остановиться Таврическая». Чего они там недоумевают, неизвестно. Чем-то все меня тревожит. Читали дневники за август. Варя пела сладким голоском, я тоже, старых французов. Катерина Ивановна телефонировала. Бобка, бледный и худой, целый день рисует и пишет печатными буквами.

3 (среда)

Спал плохо, видал кошмары, наконец видел Белого, но тут уже проснулся, слышал, как топили печку, мыли полы, приходил почтальон, уезжал зять. Письмо от Наумова, повестки из Москвы на 50 р. и две на уже полученное от Тастевена. Повестка оказалась не от Коммиссаржевского, а от «Зол<отого> руна». Как они меня разочли, одному Богу известно. Ничего не делал. Ходили в лес, день совсем осенний. Зять приехал раньше, от станции шел пешком. Сестра ушла на заседание. Зять дремал, приглашая нас разговаривать о Руссо. Трепещет холеры, не мудрено, начитавшись газет[3]. Играли в успокоительный винт.

4 (четверг)

Хотели ехать с сестрою на станцию, но не достали экипажа. Пошли гулять по десяти грязям втроем. Варя завязла и хваталась руками за грязь, мужики говорили: «Сидела бы дома и не увязла бы». День сухой, осенний, славный: в лесу тихо и прозрачно, не печально. Вечером сестра сама сказала: «Кажется, кто-то хотел заехать к тебе?» Я сказал про Сергея. Может быть, и удастся, хотя я теперь и адреса его не знаю даже. Писал немного оперетку, играли много в винт. Ожидаемый Яков Павлович не пришел. Ну и Бог с ним. У Сережи план отличного романа из 40-х годов.

5 (пятница)

Послал телеграммы; как во сне: неужели возможно? Неужели возможно? Предполагали ехать завтра с зятем в Боровичи, но приезжает завтра Цветков. Ходили гулять в осенние горы. Приедет ли, походим ли по этой, хотя бы уж и осенней, земле? Заходила Ек<атерина> Ив<ановна>, играли танцы Брамса, разбирали к воскресенью. Вечером топили камин и играли в карты. Сестра ушла на собранье, мы же еще играли. Зять очень за нас цепляется в болезни, всегда заходит к нам сидеть и даже разговоры наши охотно слушает.

6 (суббота)

Зять опять в страхе рака и боится ехать в город из-за холеры. Ездили с ним за 15 верст; так тихо, тихо в лесу; золотятся берега, я не видал, кажется, такой поздней осени в деревне. Сестра ездила с Сережей на станцию. Принесли книги, как перед отъездом. Занятия в университете начались. В бане не были. Сестра [как-то] запальчиво объясняется с мужем, так что даже мы с Сережей будто примиряющие. Как-то тягостно сегодня болит голова. Жду ответов. Вечером приехали девочки, но как-то не внесли той части жизни, какую всегда вносят. Итак, до завтра.

7 (воскресенье)

Зять разбудил Сережу просьбой с ним ехать, как я и думал. Студент надевал форменные брюки с высоким бантом. Очень недружественная телеграмма от Ивановых; отвечу и поступлю, как следует. День чудный, с солнцем, теплый и светлый. Далеко ходили на горки; зеленые холмы вдоль болота; дети резвились необыкновенно, фрейлен раскраснелась от ходьбы, довольная. Болела голова, к вечеру очень разболелась. Валечка пишет, не устроюсь ли я с Потемкиным[4]. Перед розовыми облаками в открытое окно, думаю о Познякове, Ивановых, петербургской жизни. Вечером пришла целая куча людей, человек 10 на нашу музыку. Дети продолжали в задней комнате резвиться. Играл я «Куранты», толковали о собраниях. 2 телеграммы: наши будут только завтра, Серый приезжает в Петербург уже одиннадцатого. Придется ехать, а в этот ясный день думал я том, как будем ходить по зеленой земле под желтыми березами! Ну что ж, рад и в Петербурге видеть друга. Играл «Carmen»; слова о любви, ради которой готовы на смерть, меня волновали новым волнением. И это все равно, куда прикладывается эта любовь.

8 (понедельник)

Приехали наши с новостями. День сер, потом разошелся. Зять трепещет холеры. Ходили гулять в лес. Решивши ехать, все как-то потерялось; весь в будущем. Вечером как-то возились, танцевали, пели, прыгали. Уехали девочки надолго. Ждали Якова с [лошадьми] газетами, но привез он только «Утро» скучное. Ясно представляю встречу с Серым. Пустой какой-то день. Скорей бы ехать уж.

9 (вторник)

Вот и последний день; будто едем; отдав зятю долг, остался без денег опять и приуныл. Сережа телеграммы не шлет. Смотрел по путеводителю; там десятки поездов: ничего не понимаю. Как-то печально сегодня. Ходили вдвоем с Сережей к Шотц про-

щаться. Тетя Саша и Нат<алья> Алек<сандровна> тихи и грустноуютны. Пили чай, беседовали, ходили в тихий, чуткий день на поле, где копали картофель. Какая тишина уже зимняя в полях и лесу. Простились. Укладывались. Топили камин. Ходили вечером к студентам и Венедиктовым прощаться. Встретили доктора с фонарем. Играл оперетку дважды. Тепло ночью. Будто едем. Как-то устроюсь? Эти противные деньги.

10 (среда)

Телеграммы нет. Тем не менее, еду[5]. Утром собирались. Обросший, в европейском платье имею ужасный вид, прямо нельзя смотреть. Сестра выходила прощаться от урока, приглашала на Рождество с Позняковым, прибавив, впрочем: «Если ты приедешь на праздники, то, наверное, уже без Познякова». Катерина Ивановна из окна смотрела трогательно. Ехали как-то по-городскому, не боясь вывалиться, не трясясь. Солнце было, в вагоне ребята, воздух вроде как в хлеве. Читали газеты, намечая комнаты. Ехали с нами морские кадеты, резвясь на станциях. Приехали еще засветло. Остановился в «Северной», заботясь, чтобы рядом был пустой номер. Стриг меня тот же парикмахер, что и весною (ах, весною!), когда С<ергей> С<ергеевич> и московские гости были здесь. Поехал к Валечке, куда прибыл и Сережа. Новости, сплетни, несколько кисел. Потащились в «Вену», где ползал пригласивший нас в газету Пильский[6]; старый генерал пристал к Нувелю: «И что Петр Ильич? Скажите ему, что в тургеневский юбилей я помолился у Марьи Ивановны и план сделал, сколько шагов», потом срисовал какую-то даму, которую, по его словам, он охотно бы голой снял. Смирнов, в виде квакера, рассказывал о Париже. В конце концов выход Ялгубцева, сказавшего мне: «Не имея чести принадл<ежать> к литературным кружкам, я ездил с Петром Петров<ичем> на извозчике, впрочем, где вам помнить, меня не шаржируют, как вас». Провожали меня. Завтра к Дягилеву и Бенуа. Телеграммы нет. Валечка рассчитывает на Коровина для журнала. Так много людей нужно видеть. Еще Виктора; как я буду с ним объясняться?

11 (четверг)

Ездил и на Царскосельский, и на Варшавский встречать, но он не приехал. Телеграмм, по-видимому, нет, телефон занят. Рябушинский, как мы и думали, пытался застрелиться, но не умер[7]. Это грозит опасностью для журнала. Завтракал дома. сестра передает открыткой, что Сережа приедет 13-го только, в 10 ч. утра. Еще две ночи, две ночи! Пришел Валечка, как обещал, читал ему дневник до отъезда в Окуловку. Поехали к Дягилеву на траме, но не застали его дома, отпр<авились> к Сомову, он был очень мил, хотя

грустен. Валечка сейчас же стал пихать Потемкина в «Северн<ое> сияние» через Сомова[8]. Я еще оставался: очарованье книг и вещей и образованности опять на меня действует. Только обидно, что я им теперь не интересен, а вместе с тем не такой уж инородец<?>, чтобы мочь быть не интересным. Музыка к оперетке Сомову* не нравится; старая история. От него к Наумову; он спал; у сестер была барышня, провалившаяся на экзамене, жалующаяся, плачущая. Вышел и Виктор, очень потолстевший, но не подурневший, остентитивно расцеловался со мною, увел к себе. Выходит, в Одессу зря, так как его друг, ради которого это все и затеяно, переводится сюда. Сказал, что буду жить с Позняковым. Как прежде, говорил: «Когда же увидимся?» В субботу хотел прийти, звал к себе. Я был несколько maussade** и затаенный. У Бенуа был Нурок, Аргутинский, Яремич, Набоков, Сомов и Нувель. Разговоры о балете; чем-то ко мне недружественны, но это нужно преодолеть. Положение Рябушинского очень плохо. Капут, наверно, «Золотому руну»[9]. Зашел еще в Café закусить. Как-то понизился духом от петербургских старичков. Сомов советует бриться. Завтра явлюсь Чичериным.

12 (пятница)

Солнце все время. Завтра приедет. Только собирался к Чичериным, пришел Сережа, принес пересланные корректуры «Пьес» из «Сириуса»[10]. Пошли к Сологубу, который спал <?>. Живет он с Настей, в первом этаже, ход отдельный, 5 комн<ат>, все розовые, с новою мебелью[11]. Говорил очень любезно, остались завтракать, был Новицкий. У них теперь свободнее и милее. Насте сказали, что пришел Кузмин и Сережа, думала, что Позняков. Зашли и к девам; та же Фима, та же школа и они те же, бедная Мария Петр<овна> в чахотке лежит. Чичерина в Выборге, что меня несколько аффраппировало; квартира у них отличная. От Коммиссаржевского ничего. Вечером после очень, очень скверного обеда дома поехал к Валечке. Пришли туда и Потемкин, Сомов и Ауслендер. Поехали очень весело. У Ремизовых всё то же: С<ерафима> Павл<овна> потолстела. Читал свои вещи, не понравившиеся друзьям. Но что, что же? Хотя со всех сторон находит туча. Едва ли кто находится в более неблагоприятной позиции, чем я. Завтра увижу милого Сережу. Последнее одиночество. Днем очень был расстроен, плакал и молился, чтобы Бог меня спас. Денег ни гроша, но Сомов сказал, что чек получил, 200.

---

* У Кузмина описка «Сомова».

** Хмурый *(франц.)*

13

Весело встал, разбуженный мальчиком. Но Серг<ей> Серг<еевич> не приехал: что это может значить? И скука, и расходы, и неизвестность. Правил корректуры, не думая, что сегодня может прийти Виктор Андреевич. На вокзале так подгибались колени, когда я ждал Познякова, что мнительный человек подумал бы, что это холера. Поехал к Чичериным; от нее оскорбительная записка с отказом и будто с просьбой не приходить. Никола, мол, сам будет присылать каждое 20<-е>. Будто удар хлыста. Бедный, только сказавший громко, что другие почтеннейшие делают. Ей давно этого хотелось, кажется, поповне[12]. Поехал к Сомову, чтобы поспеть в банк. Его нет. Разделся; тишина и покой, скоро он сам явился из банка, с цветочками, милый и дружественный. Соврал ему о повестке. Показал мне письмо Вячеслава с очень нелестными строчками. Показал картину, какая-то ликующая она, с радугой, солнцем. Завтракали. Я играл песеньки и solo, он читал libro italiano*, лежа на диване. Перед Чичериными заезжал к Познякову, не приехавшему еще, и к Павлу, очень жалевшему, что я не у них. Вот с деньгами, но как же штраф? Убежать на Валаам? в Окуловку? Без меня был В<иктор> Андр<еевич> в 1 ½ и обещавший возможность быть через час. Не пришел. Пил чай один, строя планы. Уж эта зима, наверное, будет роковая. После четырех, влеком какой-то силой, присутствием денег, ожиданием Познякова, тоской и досадой, поехал aux pays chauds. Письмо от Коммис<саржевского> вроде денег[13]. Судьба меня хранила: на 5<-й> л<инии> заперто по случаю ремонта. Поплелся на 9<-ю>, встретил этого ужасного Гарта. Дали мне Алексея, совсем деревенского, но не неприятного. Ах, теплота молодого тела мужчины. Боясь запоздать, поехал обедать к Альберу, но, вернувшись, еще никого не было. Пригласил было от скуки парикмахера завить волосы, но он ушел из гостиницы. Соседний номер лучше моего. Раздавил где-то пенсне. Собрались друзья, и Сережа пришел; уютно; читали, спорили, было не плохо. Пошел их провожать, но никуда не заходили. На Невском холерой как-то все разогнаны.

14 (воскресенье)

Опять на вокзал. Видел Казакова, потом выходит Серый, загорел, вырос. Какая радость; остановиться должен у брата, но поехал ненадолго ко мне, пил чай, милый. Как я вывернусь со штрафом? Я думаю, я сяду тайным образом, но пока деньги есть, наживем. Стригся и завивался, рассуждая о накладке. Опять приехал Сережа, заезжали стричься и к Валечке. Мы пошли завтракать, а

* Итальянскую книгу *(итал.)*.

он на свой five o'clock. Очень весело было за завтраком, татарчонок делал глазки, зашли еще раз в сквер, где chapelle* была затворена наглухо, расстались с Нувелем и поехали кататься по набережной и островам. Народу было много. Потом ко мне, где мирно беседовали и пили чай. О, радость первой встречи! Павел телеграфировал, что Тоня меня ждет и будто бы я буду жить у них, что за новость? Вышел проводить Сережу; так как не обедали, то хотели есть. Попали в «Вену», где никого не было. Лакей почему<-то> предложил мне перминт, прибавив: «г-н Кузмин?» Почему Кузмин должен глотать перм<инт>, неизвестно. Опять придумал сбежать на полгода на Валаам. Спал неважно, но успокоенный. Жизнь проектируем скромную, но брат его обещает дать деньги только недели через 2; может быть, перееду к Ивановым на это время.

15 (понедельник)

Долго ждал Сережу, приехавшего только в 2 час<а>. Начались ожиданья. Поехали завтракать, в университет подкатили на лихаче. Там была сходка[14], и я ждал в экипаже; слышны были голоса ораторов, звонки, аплодисменты, выходили студентики и глазели на меня. Заехали к Валечке предупредить его, что будем позднее. Потом катались. Сережа обещал прийти через час, но не шел. Я сидел и в волнении читал о формах стихов[15], наконец, послал посыльного. Ответ: «Немыслимо прийти. Буду завтра в 9 ч. утра». Тихо посидел и лег спать. Не любит он меня нисколько. Напишу письмо и уеду в Окуловку.

16 (вторник)

Был разбужен Сережей. Оказывается, <он> объяснялся с братом. Если б у меня было много денег, я ни о чем бы не думал. Завтракали вместе, покупали духи, вернулись. Милый. Долго ждал его, чтоб идти в кинематограф, брал ванну в ожиданьи. У Валечки уже все в сборе. Ауслендер мне передал корректуры, директивы Ликиардопуло, письмо Чахотина и Гюнтера. Валечка был кисел, важен и неприятен. Пошли в зверинец и кинематограф, довольно скучная история. Все поплелись в café «Бристоль»; Потем<кин> неприятно хулиганил, Сережа был очень мил. Когда разошлись, мы пошли в «Аполло»[16]; мизерия, грязно, есть ничего нельзя, стаи девок, но хорошо танцевала и пела испанка, худая и черная, как смертный грех. Поехали в бар: вывески сняты, замененные зеркалами, Андрюши нет, meus Victor потолстел, девицы все те же. Сидел с нами Конради. С<ергей> С<ергеевич> не хотел, кажется, что-

* Общественный туалет, писсуар (*франц. арго*; букв. — часовня)

бы не проспать, и мы отправились в воровскую гостиницу «Виндава». То же, что в баре; девки, пьяные, раннее утро в окна. Была драка; к нам все относились очень дружелюбно. Вздумали дико поехать на автом<об>иле. Содержатель бюро, мол<одой> чел<овек> говорил, не вставая, сонным голосом и опять заснул, пока не явился шофер, легший в 4 часа. Будто на дуэль. Спать не хотелось. На Стрелке утром безлюдно, тихо и странно. Ехали не очень быстро, 2 раза накачивая бензин. Подъезжали к университету, и домой. Спать не хотелось. Поднялся С<ергей> С<ергеевич> ко мне на минуту, я же спросил счет. Parto! addio Lucrezia!*

17 (среда)

Так как Сережа хотел зайти часов в 11, я его поджидал, но потом переехал. Тони не было, пусто, чисто, выкрашены полы, холодно. Не дождавшись Познякова, голодный с утра, часа в 3 за ним заехал. Он был сердит и расстроен, говорил, что к Сологубу не пойдет, что не будет ходить по вечерам ко мне, что меня убьет etc. Отлично. Я не мог подумать возвращаться домой. Поехал к Ауслендеру, там тихо и даже не неуютно. От бессонницы и досады на Сережу чуть не плакал. Сологуба не застали, походили, поджидая наших, по улице под дождем, поехали к Ремизовым; записка: на имянинах у Чулкова; туда. Скучно, скучно. Ремизов читал «Иуду»[17], я играл «Забаву». Решил завтра переехать в гостиницу. Чулковы уговаривали меня ночевать, но я ушел. Поплелись в «Вену», скучно. В какой мизерии Кузмин! С ужасом ехал домой, но Тоня меня ждала, предлагала самовар, была ласкова и радушна, все приготовила. Засыпая, видел близко-близко лицо Познякова. Холодно. Как Соловьев мне пишет: «Горько спать одному!»

18 (четверг)

После чая банк, заехал за конфет<ами>. Сережа пришел веселее до вечера, торопились купить ему вещи, это приятно. Если б у меня были деньги, не было бы ничего приятнее тратить их на того, кто дорог. У Альбера встретили Мейерхольда. На Невском встретили Спасовича. Прочитал «Флора»; у Сомова Аусл<ендер> уже ушел. Были днем Коровины, звали меня в четверг обедать. Пели старые вещи тихо и славно. Накупил нов<ых> танцев, «Вдову»[18]. Поехали на «12-ю ночь», коверканый, но все-таки Шекспир, приятен[19]. Так как неудобно было ко мне, пошли к Палкину. Я не могу насмотреться на Сережу, так он мне мил.

* Ухожу! Прощай, Лукреция! *(итал.)*

19 (пятница)

Опять без денег. Проехал к скучному Валечке, сплетничали. На Морской встретили Сомова, милого. Завтракал в Café. Тоня меня занимает рассказами, ей тоже скучно. Отбирал ящик. Сережа приехал часов в 8, посидел, так и отправились к Ремизовым; там был только Ауслендер. Старички не пришли. Пьеса мне понравилась гораздо больше[20]. Извозчик ждал нас. Сережа знает, чем я недоволен, и злится на это. Как грустно. Хоть бы забирали меня.

20 (суббота)

Милый Сережа разбудил меня. Поехали в университет на последние деньги. Объяснялся, говоря, что я сам виноват. Павел мне рекомендует комнату у Липских, в числе приманок говоря, что у них есть сын-гимназист. Сережа придет вечером. Пришлют ли деньги в понедельник? Je suis tout à fait à sec*, даже ехать не на что. Пошел к девам, читал, обедал; жалеют, что я живу не у них. Дома писал, ожидая Сережу, долго он не шел; внизу пели что-то Аренского, даже эта музыка меня волновала; если бы предложили выброситься из окна, я бы не задумываясь исполнил. Сережа телефонировал; зять ждет нас. Наконец пришел и Позняков. Ехать будто не может, был мил. Как я люблю его; что годы страданий, не знаю, тюрьмы, обиды — перед любовью? Тоня устроила чай даже с вареньем. Ходил, пел, музыки слушать не хотел; его сестра зовет меня beau frère. Утешен я, хотя все-таки он будто меня не любит, изменяет, наверное, но это ничего. «Наперсник» ему будто не понравился. Отчего всегда после случаев чувствуешь себя вымытым и помолодевшим?

21 (воскресенье)

С утра чувствовал, что могу, пожалуй, и заниматься. Пришел Сережа, денег не принес, поехали к Валечке на траме, тот уехал куда-то с Сомовым; зашли к Ауслендеру, где были все Эпштейн, попросили у него денег, был очень мил, пошли вместе к Альберу обедать, потом к Воротникову в театр; там Вреден, Маргаритов, Каракаш, Горвиц, атмосфера такая, но за кулисы не пускают. Посадили нас во 2-й ряд. Пьеса была скучнейшая[21]. Я злился на Познякова, который бегал от меня. Пошли в «Вену» все-таки; вот опять без копейки, и надолго. Не ревновать мне еще Сереж.

22 (понедельник)

Были у Валечки, но этот гнусный презерватив куда-то уехал на Екатер<ингофский> и Гороховую; от Сомова узнали, что это — Потемкин, который болен. У Сомова сидели тихо, попросил

* Я совершенно без денег (*франц.* букв. «Я совершенно сухой»).

денег, дал с неохотой. С<ергей> С<ергеевич> ругал Валечку и хвалил Ауслендера. Обедали; Сережа телефон<ировал>, что в бар не поедет, что промок и т. д. Прислали денег; решили ехать в театр, потом ко мне пить чай. Пошли на «Амалию»[22], занятно. Откровенно все сказал Сереже, он принял и советовал мне ехать, как я думал. Строили планы. Был очень мил. Павла не дозвались и сами отперли дверь.

23 (вторник)

Поехали завтракать, потом навестить Потемкина, где были Вил<ькина?> и Котылев. У него тиф, вероятно. Покупали бумагу и white rose*. Дома Тони не было, и я не мог ее дозвониться. Поехал к Сомову отдать долг, его не было дома. Сережа Ауслендер ждал уже меня, потом пришел Позняков, уговаривали его ехать, я злился. Ауслендер ушел, Сережа же оставался, будучи мил. Ах, что бы могли бы дать муки в сравнении с любовью? Но, негодный, он весной воровски прочитал мой дневник и теперь попрекает теми нелестными эпитетами, что я награждал его вначале.

24 (среда)

Разбужен был Виктором Андреевич<ем>; кончил занятия, обижен, что я у него не был, расспрашивает о Познякове. Наконец, пришел и тот. I due illustri rivali**. Теперь уже не «rivali», так как я всецело принадлежу Сереже. Укладывался. На вокзале ели. Нашли Сережу, сели; был Попов. Простились нежно, надавали поручений. День солнечный, вот настоящая желтая осень. Потом вышла луна, чудно. Если бы весною в Италию. Неужели я свободен? Тихий приют. Как я раньше не подумал. Ехали с нами пьяные, но луна октября пьянит. Якова не было, поехали на пролетке Блюменталя. Этой же дорогой поедет и Сергей через неделю. А весной, весной? Год работы: много ли? Белел снег хлопьями между деревьев и по дороге. Наконец огни домов. Сестра вышла на балкон, без листьев так ясно видная, удивилась, что мы вдвоем, так как Позняков вычеркнул это слово из телеграммы, но и обрадовалась, что мы первые дни вдвоем, а потом рада будет Сереже. Трудное время настает, подвиг для счастья. Долго говорили, сестра нам искренне рада. Зять уже спал.

25 (четверг)

Спал плохо, все кусали клопы из не моего тюфяка. Первое время трудно будет без Сергея Сергеевича. Как желты деревья, но дождь и ветер, не та тишина, почти зимняя, что была в послед-

---

* Белая роза *(англ.)* — вероятно, название духов.

** Два знаменитых соперника *(итал.)*

ний визит к Шотц. Проснулся рано, слыша, как сестра телефонирует Ек<атерине> Ив<ановне>, как собираются дети. Встали поздно. Пошли гулять в горы; устал я; первое время всегда мыслями с теми, кого покинул. После обеда одевался к гостям. Было скучновато, играли à 4 mains, в карты. Нашли меня похудевшим и, помилуй Бог, помолодевшим. Девочки приехали как-то незаметно. Скоро и Серый приедет. Приедет ли?

26 (пятница)

Ясно, солнце целый день, ночью луна, далеко гуляли своей семьей, потом с доктором и Екат<ериной> Ив<ановной>. Доктор повел на высокий холм над печальной вырубленной равниной с видимыми далеко деревнями. Солнце садилось, гуси летели из Новой Земли. Болота и кустарники печально и приятно напоминали какую-то первобытную страну. Ходили часа 4. Вечером был тот же доктор, беседовал интересно и успокоительно. Варя пела. Сестра и Сережа не пошли на собрание. Что-то Сережа тот не пишет. Много бы писать, как послушание. С завтрашнего дня брошу курить. С сестрой еще не говорил.

27 (суббота)

С утра была лучезарная ясность. Мы далеко ездили на лодке: пестрые леса, ясная хрустальность, разговор гребцов, пиво, которое на берегу варили к Покрову, — настраивало на какой-то забытый лад. От Сергея писем нет. Зять говорил с мужиками: как бестолковы все собрания, заседания, сходки. Красную рябину сбивали с деревьев. Праздник, праздник, какой нетронутой свежестью они мне представлялись когда-то. Вечером сестра уехала на заседание. Я топил камин и писал письма[23]. Потом играли втроем в винт. Мы будто уже месяц в Окуловке. Какая печаль, и ясность, и бодрость осенью. Небо почти зимнее.

28 (воскресенье)

Разбудили нас рамами. Письма нет: негодный. Погода разъяснилась, чудные дни стоят. Сестра пошла на чтение, Сережа поехал верхом к Блюменталям, а я с зятем пошли гулять далеко, мирно разговаривая. Заболела голова. Приехал Сережа, пили молоко перед обедом. Все думаю о романе и скитском житье. Работать надо усердно, как волу, времени много. Ходили по комнатам я, сестра и Сережа. Собрались гости. Лепина говорила о литературе. Ек<атерина> Ив<ановна> была резва и весела. Голова страшно болела. Сидел в темной комнате с Ник<олаем> Ив<ановичем> и Сережей, слушая музыку. К уходу гостей голова прошла. Луна мутна. Молчание Познякова меня тревожит. Читал Лескова. Даже

покинутым я провел бы эту зиму скромно, имея большую цель, но без любви, без Сережи к чему все это? В «Весне» Шебуев и Городецкий распинаются за меня[24]. К чему это все тогда? Роман растет. Утром сидел на балконе с сестрой в одном платье, так тепло, ясно и траур деревьев.

29 (понедельник)

Серый, но без дождя, день. Письма нет, противный мальчишка. Как бы хотелось быть отреченным, много потерпевшим, не слезливым, но храбрым, кротким и безнадежным. Но знаю, что еще не готов, измена Сережи меня бы ввергла в жестокий круговорот. А как Виктор уходил последний раз, не с туманным сердцем? У нас тепло в комнате, зимне, заброшено. Ездили на станцию, возвращались в объезд, дорога плохая. Хотелось бы читать святцы, Минеи, ах, как хотелось бы ко всенощной. Покров меня покроет и сокроет. Приехав, пили чай, и сестра пила с нами. Говорил с ней, не верит, что так надолго оставлю свои привязанности. Писал еще «Забаву дев», зять спал; Лидочка спрашивала и вела разговор позимнему. Сестра ушла на заседание, и мы играли в винт до 12 часов. Тепло, как окна вставили, тихо и тепло. Как много писать надо. Неужели Серый так-таки меня и не любит? Как давно я не видал икон хороших и лампад; мои мысли будто дремлют, и что-то бродит в них беспокойно и сладко. Неужели завтра приедет Познякoв? Как-то не верится.

30 (вторник)

Сидел у окна и писал. Серая осень без дождя. Писать бы, будто рукодельничать, усердно и медленно. Гуляли. Потом ждал телеграммы. Не было ее. Играл что-то, чтобы делать что-нибудь. Варя ушла с фонарем на заседание. Телеграмма: «Быть не могу, подробности письмом». Как легко умереть. Потребовал приезда непременно. Читал Лескова. Эти дни как осужденный буду. Играли в карты. Я играю большую ставку. Но так нужно. Утром получил письмо от какого-то студента из Харькова. К чему все это? Какой завтра праздник. Тоскую по церкви и книгам.

Октябрь

1-го (среда)

Праздник, но не празднично мне, даже вчера было праздничнее[1]. Пописал «Забаву». Пошли гулять с доктором по неизвестным местам. Вышло солнце по голубому небу, какое-то зимнее. Какие места чудные. Как легко умирать! Но не видать этого леса. Зашел

к Венедиктовым. Убили ножом человека. Мы видели убийцу: обычный парень. Дома играли в карты. Пошли к Лепиным с фонарем; луна светила. Я все время пел. У Лепиных были мы одни, тепло, просто. Лепина молодец, из простых, но вытянется. Играли немного. Скоро зима настанет. Я как осужденный; Сережа меня утешает.

2 (четверг)

Поехали с зятем в Домовичи. «Подробности письмом» не получены. Дорога убийственна; зять решил ехать на лодке 7 верст; после полудня разгулялось, волны на озере, солнце вдали блестело. В Домовичах я дожидался у лодки на берегу. Облака быстро неслись, и солнце блестело. Умереть! Считаю, сколько могу получить и сколько нужно на дорогу. Вечером играли в винт. Какой закат был. Ничего не делал, разумеется.

3 (пятница)

Никаких подробностей нет, c'est innomable ce qu'il a fait*. Так долго тянулся день. Кончил «Забаву», что еще? Писем никому не пишу. Наши уехали; мы поплелись к Ек<атерине> Ив<ановне>. Очень плохо пахло в комнатах, и сама она была какая-то трепаная, будто не вымытая, я какой-то оборванный. Зять опять напомнил, что сегодня есть парикмахер. Но для чего это? Действительно, поведение Познякова не имеет имени. Я не знаю, на что я надеюсь, живу как во сне, но ведь это ужасно, прямо ужасно, ни слова не писать, не приехать. Я совершенно не заслужил такой третировки. Или это месть за летнее молчание? Играли в карты.

4 (суббота)

Письма опять нет. Каково? Спал отчаянно плохо. День очень светлый. Солнце так светит; шел снег. Ничего не делал, да и что я могу делать? для чего? Ездили на станцию, стригся. Что ж это будет? Не помню, что было днем. Прислали денег из «Руна». Вечером заседание было у нас. Мы же с Ив<аном> Вас<ильевичем> играли в винт. Были в бане, где была масса народу. Что мне теперь делать, пошлю последнюю телеграмму завтра, если не будет письма. За что мне это? Спокойствие может вернуться, только если я получу ответ: «Еду», или думать, что все кончено.

5 (воскресенье)

Утром телеграмма: «Выеду завтра». Какою радостью меня это наполнило, будто я не знал, что ce n'est que la fumisterie**. Ли-

---

* Тому, что он сделал, нет имени *(франц.)*.

** Это всего лишь вранье *(франц.)*

ковал целый день, писал письма. День был редко ясный, часа в 3 пошли гулять с доктором по звериным тропам, так до темноты. Чудно было. Телеграммы второй не было. Вечером был тот же доктор и Екат<ерина> Ив<ановна>, читал оперетку. Ночь такая звездная. Так Сережа и не приехал, как обещал. Завтра мое рожденье. Как проведешь его, так и весь год. Как: в бесплодном ожидании или в радостных встречах?

6 (понедельник)

Сестра разбудила меня, подарив простыни. [Унылый] Серый, но не [осенний] унылый день. Телеграммы, конечно, не было. Пошли с Сережей пешком на станцию. Купили газет, пили чай, я телеграфировал. Так же и вернулись. Все лежал, думая о смерти, может быть, вернее, ни о чем не думая. Будто в первый раз подобная история. Не поехать ли самому: денег хватит, объясниться, или взять его с собою, или броситься под поезд. В аффекте это можно сделать. Теперь не страшит, и раскаиваться не придется. Вечером пошли к Венедиктовым и, слава Богу [не один был я дома], на чужих людях легче. Играли в карты и на фортепьяно. Что мне до всего этого. Письма от Таи, от Наумова. Телеграммы, конечно, нет. Завтра ехать. Сережа меня утешает. Спел, как мог, то есть плохо, конечно. А так хочется писать. Да и нужно. Что-то выйдет из всего этого? Прислали «Руно».

7 (вторник)

Письмо от Сергея: «Скандал в университете, повредил руку, дал подписку о невыезде, ввиду дисциплинарного суда»[2]. Конечно, предлоги не причины, но сегодня не поеду. Павел пересылает ивановскую телеграмму и сообщает, что все хорошо. Писал письма[3]. Рубят капусту. Наташа приглашала и нас; скоро зима. Гуляли к железнодорожному мосту, там стояли, поезд шел из Петерб<урга>, в деревне далеко ругались громко. Дети ходили уж по льду. После обеда лежал, думая, что придется ехать, Сережа советует тактику игнорированья и терпения. Под вечер встал, что-то трынкал. Сели играть в карты. Что же, вести себя, как покинутый — «О, быть покинутым, какое счастье»[4]? Или лететь, делать трагические сцены и, возможно, действительно дойти до сумасбродного шага? Насилие с ним, во всяком случае, нужно. Начал «Нежного Иосифа», и весьма хочется его писать[5].

8 (среда)

Ликующий, ликующий день, без туч; как желт вечер в гостиной, теперь светлой. Но у меня болела голова, отношения Серг<ея> Серг<еевича> меня тревожат бесконечно неопределенно-

тью и недостатком твердости. Гуляли, Сережа ездил верхом. Играли в винт втроем, вечером был доктор, говорил о политике, о мистике даже, помилуй Бог. Но было приятно <слушать> его разговоры, а то наши бы засыпали, а Сережи не было, так как он ушел на драматический кружок. Когда же мне ехать? Подожду письма.

9 (четверг)

С утра поехали в чудное Раменье, поля были белы инеем, лужи и ручьи со льдом; когда мы раздробили экипажем один из ручьев, на лед выбросились живые форели[6]. Пр<окопий> Ст<епанович> нервничал и боялся, доктор очень уютен и мил. Останавливались в Раменье у Матвея, который с сыном весною убили парня. Рассказы о преступнике, как он был тих, мальчишкой попал ли кому чижом <?> в окно, говорил ли когда: «насрать». Поехали на покос и лес. Мы оставались у лошадей, с доктором беседовали о полушубках и т. д., пел «Экой Ваня»[7]. Назад поехали мимо деревни Окуловки и мимо станции. Дома богачей будто из Печерского. После обеда топили камин, переписывал «Иосифа». Долгий путь по почти зимним дорогам долго оставляет свежесть и мир прямо на коже. Сережа едет в среду, вероятно. И время тут сокращается невероятно. Писать бы только. Пришел Ив<ан> Васильевич играть в винт, дамы пошли на собрание. Екат<ерина> Ив<ановна> зашла еще к нам, смотрела «Руно». Что еще? Все в зимних платьях. Завтра предполагается ехать в Зуево на трех экипажах.

10 (пятница)

Не помню, что было, помню, что никакого письма не было. Что это значит? Ничего не могу делать, как следовало бы. Ездили в Зуево, разбойничью деревушку, с доктором и Екат<ериной> Ив<ановной>, туда с Сережей, назад с сестрой. Возвращаться было очень хорошо совсем в сумерках. Вечером были у Венедиктовых, играя в карты. Неужели и завтра ничего? Как мне известно это положение, и каждый раз как непере<но>сно: пора бы, кажется, привыкнуть.

11 (суббота)

И сегодня, конечно, ничего. Вчера был парикмахер. «Весы», письмо от ненужного Тамамшева, к чему это[8]. Погода все безумствует светом. Гуляли на Друзню, болела голова, я будто после родов. Пишу кое-как. Сестра долго задержалась собранием, Ив<ан> Вас<ильевич> не пришел; втроем играли в винт. Что все это значит, не могу представить. Какая тут, к черту, тактика, когда я прямо умираю. И даже острота проходит, и какая-то тупая, вязкая печаль и отчаянье. К чему все?

12 (воскресенье)

Утром зять через стенку спрашивал, не мой ли Позняков ездил к министру от «С<оюза> р<усского> н<арода>». Даже такое сообщение меня несколько подбодрило, но вскоре я опять впал в уныние и без наших еле написал очень плохую главу. Я думаю, я не выдержу и скоро закачу телеграмму, бросив всякую тактику. Пришел к нам управляющий, я лежал и слушал его рассказы; гости набрались, скучные, только Екат<ерина> Ив<ановна> утешала. Читал оперетку. Она тоже скучная и длинная. Что-то будет завтра?

13 (понедельник)

Если бы Сергей Сергеевич хотел отучить меня от себя, то не мог бы взять лучшей тактики. Неделю тому назад я умер бы, узнав, что все кончено, теперь, пожалуй, нет; конечно, будет безумная пустота, наполняемая работой, но обойдется. Если иначе, то я буду счастливейший человек, потом опять ревность, подозрения, умирания до известного предела. Такой круг. Чувствую себя больным все-таки. Ничего не делал, уехавши с утра в Хорино с зятем и Сережей. Погода такая же хорошая. Ждали четыре часа в каменной избе Григория с его семьей. Я все смотрел в окно, даже не читал. Возвращались в сумерки, будто издалека. Ломает всего. Фотиев прислал записку, извиняясь за вчерашний отзыв об оперетке, который был будто бы протестом против выходки Вари[9]. Ничего не понимаю. Играли в карты. Потом пел французов. Какой-то перелом начинается. Не прав ли был Иванов, говоря, что я горд в любви? Горд ли?

14 (вторник)

Мой перелом, как и следовало ожидать, ни к чему не привел: опять послал телеграмму, покуда оставшуюся без ответа. Ни строчки не написал. Ездили на станцию, покупал сапоги, заказывал куртку, шапку на зиму; наши гуляли с доктором. Вечером у Венедиктовых пел «Tonquinoise»[10], так до боли вспоминая Сережу. Играли в карты; было славно. К Алексеев<ским>, кажется, не едем. Ответа от Сергея не было. Написал письма[11]. На станции встретили Ревицера, отбывающего повинность, он стал лучше гораздо лицом. Пришел из Крыма поезд, привозя в Петербург кучу людей. В Петербург! Где Сережа и все!

15 (среда)

Не помню, что было; писал, ходили гулять в дождик. Вечером были приглашены к Блюменталю в дом, занимаемый прежде нами; я люблю его: там есть простор, хотя и мрачный. Немецкие книги, фисгармония, татарин прислуживающий, Iohannisberger[12] —

все было не без приятности. Получил телеграмму: «Все по-старому; очень болен». Что с ним? Отчего он не может писать? Ничего не понимаю, но «все по-старому» меня успокоило.

16 (четверг)

Поехали к Алексеевским в розовевшееся утро. Встретили кибитки с монахами, монашками и фуры с дарами: Иверская ходит по деревням[13]. Но Алексеевс<ких> дома не было, вчера уехали в Петербург; заехали к Николаю в Перетенку, где очаровательная бабушка. Небо опять заволоклось. Гуляли до погоста. У нас дома была Ек<атерина> Ив<ановна>. Весело писал: фикция любви Сережи опять со мною. Вечером пришел Ив<ан> Васильев<ич>. Играли в винт. Я проигрался. Телеграмма: «Приезжайте, если можете». Что это? Опять нет ответов на вопросы. Хорошо бы ехать завтра с Сережей, но денег ни гроша. Раньше понедельника не получу.

17 (пятница)

Безобразная погода. Ремизов прислал письмо. Сережу он видел на «Северной свирели»[14] — расстроил меня своими вестями. Почему он писать-то не может, если везде бывает? но буду благоразумен, что бы там ни делал, лишь бы мне позволял любить себя. Провожал Сережу на станцию, делая ему наставления. Сегодня, завтра будет всех видеть, но завидую ли я ему? Покупал разные вещи в Окуловке. Дома поспел к завтраку; приехал парикмахер, думал, что я художник. Зять уехал к Шатько, я с Варей поплелись к Екат<ерине> Ив<ановне>, где был доктор; поиграл отрывочки из «Illustration». Делал Бобке карточные домики, топил камин. Зять попросил заниматься у него в кабинете; я переписывал «Иосифа», он же сначала играл на гитаре «О, воспетая Мати»; так волнует музыка, не собой производимая, я чуть не разревелся. Совсем вечером пришел Як<ов> Павл<ович> выбирать книги для библиотеки, и я давал советы. Рябушинская сказала сестре: «Нарочно прочли „Руно“ и „Весы“ для Кузмина и Ауслендера». Ночью спал плохо. Когда-то мне пришлют денег, чтобы я смог полететь к Сереже? Завтра, послезавтра? Вечером было холоднее, выпал снег, с фонарями таскали Иверскую. У Венедикт<овых> ее принимали, все было приготовлено.

18 (суббота)

Сегодня опять хорошо. Повестки нет, но зять обещал дать на поездку. Завтра утром поеду. Вечером встречал девочек. Звезды, как у Малютина. Переодевались в шубы на станции, офицеры смотрели и смеялись, приехали весело.

19 (воскресенье)

Еду, Варя меня провожает. Зять дал записку к Мих<аилу> Яковл<евичу> с просьбой из его денег выдать мне. Космач у нас, приехав, задрожал всеми ногами, пена и т. д., я думал, он падет. Еду, каждый час приближает меня к Петербургу. Ехали со мною помещики из Торбина. Вот и приехал. С<ергей> С<ергеевич> встретил меня с забинтованной головой. Разбил пенсне на глазу. На все отвечает сбивчиво и туманно: «Не помню», «Почему-то нельзя было», «Все собирался». Обедали в гостинице. Он поехал домой, я же к Ивановым. Распростертые объятья, не зная еще «Наперсника»[15]. Все милы. Кости не было. Читал стихи и оперетку. Книга выйдет недели через две. Стихи берут[16]. Но скоро и этой дружбе конец. Спал плохо. От М<ихаила> Я<ковлевича> ответ, просит завтра в 11 ч., от Чичериных придет сам завтра в 2 часа.

20 (понедельник)

М<ихаила> Я<ковлевича> не было дома. Был Юра, уверявший меня, будто не знают, что я приехал. До 12 ч. пробыл, не видя М<ихаила> Я<ковлевича>, хотя знал, что он приезжал на минуту. Дома пришел милый Сергей Серг<еевич> и Валечка, потом Чичерин. Стригся. Обедали у Альбера. Все преспокойно устраиваются без меня. Голова болела. К Ремизовым Позняков отказался ехать. Дома был мил, лечил мою голову, но рано ушел. У Ремизовых я еще более убедился, насколько я не нужен всем. Был там и Ауслендер. Все время те же сплетни о Розанове, о Мережковских etc. Голова не болела больше, было очень скучно.

21 (вторник)

Молодые люди опоздали, хотя я и говорил, что могу уехать в половине первого. Вышли вместе. Сережа в Союз , я с Ауслендером к Тамамшевым. У них еще первобытный хаос. Зашел и Позняков. Решили зайти к Сологубу, узнать относительно вечера. Сережа пошел обедать. Сологуб был очень мил, но Настя разослала 15 телеграмм, не считая писем, приглашая на меня. К счастью, Мережковских не было. У Ивановых я еще играл оперетку. Позняков показывал свою самостоятельность довольно неудачно. Я злился, в гостинице закатил сцену. У Сологуба он был мил, но ухаживал за Сомовым, с которым Валечка его сводит. Куча народа. Кажется, понравилось. Вышли раньше других, хотя и после ужина, вдвоем. Серг<ей> Серг<еевич> захотел ехать, кажется, для того, чтобы избегнуть объяснений, зная меня на извозчике всегда молчаливым. Обещал завтра вечером на выбор: день или вечер. Все собираюсь ехать.

22 (среда)

Вспомнил, что как же Сережа придет вечером, когда у него суд. Телефонирую: говорит, что раньше трех не придет. Заехал к Валечке. Потом в гостиницу, куда часа в 4 зашел и Нувель, долго рассуждали о Познякове, на которого он смотрит как на холодного тщеславного карьериста. Я опять чуть не умирал, ждя Сережу, который пришел часов около шести. Я предлагал обедать в гостинице, чтобы быть вместе, но он не захотел. Поехали к Альберу, потом я проводил его в университет, совсем умирая, и домой. Приходит Модест и говорит, что у него меня ждет Наумов. Вяч<еслав> предложил всем прийти на «башню». Я, взявши ключ, на который был заперт В<иктор> А<ндреевич>, отправился к Гофману. В<иктор> А<ндреевич> не поехал, так как еще не видел сестры Гофмана, которая завтра уезжает и с которой он приехал прощаться. Обещал позднее, просил заехать. Второй раз придя, я пригласил его не на «башню», а в гостиницу. Вспоминали прошлый год, пили Chablis, был ласков, нежен и весел. Объяснились начистоту: он теперь вступил в окончательную любовь с прежним другом, и на повестке Познякова писал телефон Есипова, чтобы узнать, дома ли тот. Самые нежные пожелания. Проводил его до его друга. «Пускают еще», — радостно воскликнул он, увидев дверь освещенной, и скрылся. Вот пикантное положение!

23 (четверг)

Утром вместо Сережи записка: «Такое положение дальше продолжаться не может, лучше некоторое время не видаться». Per bacco*. Два таких случая, один за другим, не слишком ли много? Теперь мне не описать своего положения, тем более что вчера Сережа мне казался желаннее, чем когда бы то ни было. Поехал к Валечке, он был очень импрессионирован рассказом о В<икторе> Андр<еевиче>. Разумнее, выгоднее было бы пойти на предложение Сережи, но, не рассуждая, я телефонировал, чтобы он пришел вечером. Ауслендер тоже пришел, милый и ласковый. Потом Позняков: выяснил ему поведение и точку зрения теперешнего моего отправления. Вышли ко всем, посидели, потом поехали в «Вену»; был такой, каким собираюсь теперь быть. Какие-то дела делали. Возвращались вместе, обещал [в час] перед обедом прийти. Даже в «Вене» на всех Дымовых, Раппапортов, Рукавишниковых, Аверченок моя милостивость изливалась.

24 (пятница)

[Телефон, что в три, вместо часа] Была у нас Серафима Павловна. Поехал обедать, обещаясь вернуться через час, просил

* Черт возьми *(итал.)*

не играть неизвестные ему вещи до него. Играл опять оперетку. Думал, что уж не вернулся. Но он, опоздав, все же приехал и просидел до третьего часа. Объяснялся с Марьей Михайловной.

25 (суббота)

Телефон: вместо часа <в> три. Был у Сологубов, завтракал. Приехал; пикантно было то, что в соседней комнате Вячеслав беседовал с Кассандрой и пришел уже Костя. Костя вырос и стал ничего себе. Сережа ушел обедать. Вечером пришел Ауслендер, тушили Костю, издевались над Модестом, был такой «детский» угол! Костя, я и два Сережи. Потом переодевались. Вера в студенческое, мы в Костин мундир и т. д. Ауслендер был очарователен в кадетском мундире; было очень весело, будто святки в семейном доме. Никуда не поехали.

26 (воскресенье)

Сегодня, как условились, Сережи меня похитили. Иначе бы я не уехал. Хотя все не верили, что я еду. Наскоро простился с Вячеславом. Заезжали к Здобнову сниматься[17]. Чуть поспели к поезду. Ехал со старым чиновником. Дорога от станции волшебна. Писем нет, только от Таи и Модеста. Сестра мила и дружественна. Вот снова в тихом скиту, à l'abri de tous les périls*.

27 (понедельник)

Встал не рано, так что поспел написать только дневник и письмо в «Руно». Поехал в Пестово. Зимние краски прямо сказочны. После обеда дописал главу. Буду писать по 2 главы и по номеру из оперетки. Пусть будет так. Сестра ласкова и будто жалеет меня. Вечером к зятю стали собираться на комиссию, я же с Варей пошли к Екат<ерине> Ив<ановне> музицировать. Эта проницательная дама нашла лицо у меня острее и жестче. Даже с собравшимися гостями старался держать себя ласково.

28 (вторник)

С утра уехал с зятем далеко, то обдумывая роман, то глупо мечтая. Так утро, день, вечер и ночь (так как вернулись уже при луне, в седьмом часу) провел в зимнем очаровании. В избах тоже было отлично. Или ждут, или после праздников, прядут, ходят в гости, болтают, убрались. Езда в санях отупляет чувства. Написал длинную главу. Вечером играли втроем в винт. Как летит время.

---

* Защищенный от всех опасностей *(франц.)*

29 (среда)

Утром письмо от Ауслендера. Северский хочет оперетку, строит планы обогащения и т. д.[18] Целый день переписывал ее. Нужно взяться за дело наконец. Это бы меня несколько поставило на ноги. Гуляли с доктором по новым местам. Нужно сидеть и писать. Так хочется. Что-то Сережа на это скажет? Буду вести себя паинькой, утешаться, о чем-то мечтая, как кстати эта работа. Вечером опять был доктор и Екат<ерина> Ивановна. Играли Берлиоза и всякую всячину. Нужно же устроить жизнь.

30 (четверг)

Писал часов 7, но не сделал и половины того, что должен был сделать. А нужно, хотя бы пришлось работать 15 часов. Писем нет. Повестки тоже. Подожду до завтра. Гулял вдвоем с сестрой. Чудный день. Заходили к Ек<атерине> Ив<ановне>. Вечером была учительница, потом поехали встречать зятя и Ив<ана> Вас<ильевича> из Боровичей, а когда-то поеду встречать Серого? Зуд работы на меня напал. Лишь бы денег присылали скорее.

31 (пятница)

Опять ничего нет. Писал с ленцой и, может быть, небрежно. Мог бы лучше; как бы всего не испортить. Гуляли с доктором, на обратном пути встретили Варю, Екат<рину> Ив<ановну> и какого-то кавалера. Написал разгон Нувелю и «Руну»[19]. Вечером играли в карты. Иногда работаешь весело, иногда же чуть не плачешь, как вспомнишь С<ергея> С<ергеевича>, это какое-то сплошное недоразумение. Завтра наши едут в Петербург.

Ноябрь

1 (суббота)

Писем нет. Не гулял, все писал. Сидела у нас чешка, и я говорил с ней о Vrhli'цком[1] и Дворжаке. Бобка целый день пишет ноты. Ходили в баню. Из «Руна» повестка на 50 рубл<ей>. Наши уехали в Петербург. Что-то не пишут все Сережи. Что с ними там? «Иосифа» пишу с истинным удовольствием. Потом «Александр», а потом? Почему-то думаю, что завтра будет почта.

2 (воскресенье)

Письмо от Серого. Приедет, когда только захочу и т. д. Какое счастье! Какое счастье! Был весел несказанно. Почти не верится, что скоро Сережа будет у нас, в этой комнате, на этой постели. Отстаю только с работой несколько. Ездил с доктором и Ек<а-

териной> Ив<ановной> кататься. Погода темная и теплая. По деревне гуляют с бубнами и песнями. Дома прищемил себе палец. Теперь мешает играть, но, к счастью, не писать. Вечером был у одинокой Екат<ерины> Ив<ановны>, куда заходил пьяный Краузе требовать лошадей. Милое письмо целую. Какое счастье. Только бы выгорело еще с опереткой.

3 (понедельник)

Тепло и темно. Спал плохо от пальца, оттого, что рано лег, от ожиданья. Слышал, как топили печи, как приехал зять. Тогда же встал. Оперетку теперь уже устраивают у Тумпакова[2] и еще более торопят. Только бы были даны деньги. Из «Руна» письмо. Бодр и весел. Писал целый день, но написал мало сравнительно. Никуда не ходил. Бобка и Лидочка льнут ко мне. Деньги посланы сегодня, в среду, четверг Серый может приехать. Вечером Ек<атерина> Ив<ановна> предложила съездить на станцию. Страшный ветер, но тепло. На вокзале сидели с нами окуловские купцы. Проходила петербургская публика, офицеры, студенты. Зять ждал меня. Что-то мне судьба готовит?

4 (вторник)

Спал плохо. Приехала сестра. Новости и о милом Сереже. Приехать он собирается завтра или послезавтра. Писал не очень много. Теперь, кажется, не надо будет оркестровать. Это, конечно, облегчает. Лёвка принес платье, безобразно сидит. Позняков пишет, отчего я долго не отвечаю, что ему думать и т. д. Неужели скоро его увижу? Но то, что пишу, пишу с большою любовью. Вечером играли в карты втроем. Что за счастье для нас настанет. Купили мне бумаги. Оба Сережи были у Ивановых в субботу. Как я благодарен Ауслендеру. Немного гуляли. Теплый ветер и тяжелый воздух. Болела голова, и опять без денег, оттого, может быть, не в духе.

5 (среда)

От Валечки письмо, чтобы меня успокоить, но пикированное[3]. Доктор приглашал меня кататься. Пришла m-me Прагер, с которой беседовал о Vrhlizk'ом. Лёвка не приехал. Погулял с зятем. Тепло, темно. Неужели через несколько дней увижу Серого? Написал дуэт. Роман только переписывал. Вечером был Степанов и Шатько. Последний — противный, разжиревший либерал. Степанов же был мил со мною. Что-то не едет Позняков! Так долго сидел этот Шатько, будто им и не нужно ехать.

6 (четверг)

Опять тепло и сыро: дождь. Сегодня как-то плохо писалось. Все-таки волнуюсь, ожидая С<ергея> С<ергеевича>, не сло-

мал еще себя. К вечеру это так обострилось, что хотел снова прибегнуть к телеграфу. Все вспоминаю, что меня расстроило? Письмо Валечки, неудовлетворенное ожидание, отсутствие писем? Не знаю, но целый день не в духе. Лёвка так напуган грядущим гневом Пр<окопия> Ст<епановича>, что и не заикался о деньгах. Ходили гулять с Ек<атериной> Ив<ановной>, дали черны по-зимнему, ручьи не замерзли. Потом зашли к ней, m-me Прагер принесла Dvořák'a и отрывки из чешских опер. Я не люблю искусства маленьких народов: провинциально и безвкусно. Сестра ушла на заседание, Ив<ан> Вас<ильевич> обещал было прийти, но, конечно, не пришел. Я томился, не будет ли телеграммы, ничего не делал, играл Massenet, сладко травя свою чувствительность, а писать очень хочется и нужно же. Кажется, что все выходит очень плохо. Беседовал с фрейлейн, ей тоже скучно. Хоть бы поговорить с кем о Познякове. И никто не пишет, даже Ауслендер противный ленится. Вдруг завтра приедет? Не верится, как не верится в судьбу оперетки, вообще ни во что. Отчего такое малодушие? Или я устал? Shande, shande!* Завтра пятница! Начало, что ли, новое и 7<-е> число. Успокаиваюсь немного, надолго ли?

7 (пятница)

Утром хотел было послать телеграмму, как вдруг сам получаю от Сережи: «Позняков выехал 12». Какая радость. Поехал его встречать задолго. На минуту забежал ко всенощной и заехал за вином; пил чай на вокзале, наконец подошел поезд. Вышел без всяких вещей, уехал экспромтом, все объяснит. Только Тибулл и посылки мелкие нам, ни белья, ни подушек. Пришел парикмахер, я просил Сережу почитать вслух письмо Ауслендера, читает с «скандала в семье Познякова», «как его брат хочет вызвать тебя на дуэль, ты узнаешь от него самого». Что такое? Оказалось, что брат С<ергея> С<ергеевича> объявил, что если тот поедет ко мне — то между ними все кончено. И вот он у меня! Возврата ему будто нет. О, радость первой встречи. Mais c'est du romantisme tout ça**.

8 (суббота)

Встал рано. Солнце взошло, холодно, в комнате тепло, Сережа милый спит. Как во сне, я бы хотел молиться. Милый мальчик, знает ли он всю portée*** того, что он сделал? Ездили кататься вдвоем. Дети к нему привыкли и все время с нами. Были у парикмахера. Встретили нас дети, которых мы и взяли с собой. После

* Позор, позор! *(нем.)*

** Но все это романтизм *(франц.)*.

*** Важность, значение *(франц.)*.

обеда поиграли в винт. Потом пришла Ек<атерина> Ив<ановна> и доктор. Ек<атерина> Ив<ановна>, кажется, была не в духе, но доктор мил. Сережа, в общем, молчалив, тих и смирен. Пил мало и меня останавливал. Как хорошо, что он с нами. Но оперетка теперь не только приятное, но необходимая помощь.

9 (воскресенье)

Погода такая же чудесная. Сережа так же мил. Поехали кататься, он правил стоя. Ек<атерина> Ив<ановна> с доктором ехали впереди. Вывалилась Варя. Вернувшись, она пошла к Добряков<ым>, мы же ходили по комнатам, пели, пили чай; после обеда поиграли в винт и потом пошли к Ек<атерине> Ив<ановне>, там играли, пели шансонетки; возвращались сестра со Степановым, я же с Сережей. Ложенье *<так!>* спать теперь прямо какой-то рай. Тепло. Сережа мил необычайно. Читаем потом Лескова, строим планы. Но мало сегодня писал.

10 (понедельник)

Сережа встал поздно. Ходили гулять втроем. Чудный день. Варя зашла к Ек<атерине> Ив<ановне>, которой Сережа очень нравится. Он стал писать рассказ, но плохой. Когда я переписывал ноты, он читал мне вслух. Пришла Фекла*, к которой нас потребовали для развлечения. Я, С<ергей> С<ергеевич> и сестра гадали по картам, мне все очень хорошо выходит. Вечером сестра была на репетиции, я же писал под Сережино чтение. И забота, и радость, и покой вернулись с ним. Как хорошо и как важно. Как я не доверял ему? Что-то и с ним сделалось.

11 (вторник)

Все то же. Та же радость, та же необходимость теперь в оперетке, те же занятия. Сережа пишет рассказ, рядом со мною. Перед ночью читаем Лескова. Никуда не выходили. Вечером у нас были Степанов, Блюменталь и Ив<ан> Вас<ильевич>, я играл оперетку. Сережа был очень мил.

12 (среда)

Ездили вдвоем на станцию, строя планы на будущее. Послали ноты, телеграмму Ауслендеру, письмо общее. Погода мягкая. Сережа сегодня очень весел. Писали оба, хотя я только музыку. Вечером сидели дома. Не знаю, как завтра разрешится подушечный вопрос, когда приедут девочки. Ночью Сережа даже устал от своих занятий. Написал письма Брюсову и Ликиардопуло[4]. Неужели нам

* Кузмин пишет и «Фекла», и «Текла» (правильно второе)

ничего не удастся? «Ты, Небо, видишь все сердца, Ты не погубишь до конца, Твоей мы милостью покрыты»[5]. Боже, дай, чтобы нам не погибнуть. Сережу скоро могут вызвать.

13 (четверг)

Сережа пишет около меня, без мысли о будущем это была бы счастливейшая неделя. Из Петербурга пишут про оперетку неопределенно и, следовательно, неблагоприятно. Из «Руна» глупое письмо. Блок прислал книгу[6]. Ходили гулять. Позняков так мил, я не могу на него насмотреться, хотя сегодня, рассчитывая меня в худшем расположении, он был несколько подозрителен. Читали параллельно Фета и Блока. Второй многим пожиже. Потом долго писали вместе. Сестра поехала встречать девочек. Они приехали, еще выросшие. Опять писали до позднего часа. Сережа строил планы будущего, был очень мил, но опять устал, хотя и извинялся. Спали очень счастливо, как-то ни о чем не думая.

14 (пятница)

Из «Руна» прислали 55 р. Нужно в воскресенье поехать в Полищи или в Окуловку. Сестра все угрюмее. С<ергей> С<ергеевич> задумчив. Приехали девочки, поехали кататься, я опять стал нервничать, думая, что меня хотят разъединить с Сережей. Сестра сердилась. Приехав, я пил дома чай; Сережа написал очень хороший рассказ о люцифери́стах[7]. Что было вечером, не помню.

15 (суббота)

Никуда не выходили. Были m-me Prager. Сережа что-то неблагополучное пишет сестре. Вечером болела голова, пришла Текла и Соня, С<ергея> С<ергеевича> раздирали: я с одной стороны, сестра с другой. Еще Амелянский заехал аккомпанировать и просидел бы Бог знает, до которого часа, если б я, не сославшись на голову, не выпроводил бы его. Потом Сережа предложил девочкам идти на двор, не позвав меня, на что я обиделся. Объяснялись. Он говорил, что для того, чтобы я был спокоен, нужно, чтобы никого на свете не было. Потом помирились. Как сладко. Приехал зять, с опереткой что-то очень неблагополучно, но это ничего.

16 (воскресенье)

Хотелось ехать сегодня. С<ергею> С<ергеевичу> очень захотелось. Утром репетировали. Все пошли гулять, а мы поехали в Полищи. Священник обедал, но тотчас послал за дьяконом и псаломщиком. Для одних нас служили молебен о начале дела Михаила и Сергея. Очень хорошо было возвращаться. Сейчас же после обеда пошли репетировать. Потом оделись на концерт, хотя я

никаких фасончиков не делал, но С<ергей> С<ергеевич> объяснялся со мною довольно запальчиво и злился. Пошли к Ек<атерине> Ив<ановне>, где были Добряковы, Никитины и Сорокины. Сережа был сама прелесть. Ночью было не плохо. Приму, каков он есть.

17 (понедельник)

Встали что-то поздно. Вставать было очаровательно, хотя Сережа и какой-то смутный последние дни. После завтрака пошли гулять, но была такая вьюга, что, дойдя до Каменки<?>, вернулись назад. Уехали утром девочки. Объяснялся с сестрой, находящей, что мы слишком афишируемся и т. д. Вечером были гости, играли и à 4 mains, и в винт, уже наготове уезжать. Венедиктовы очень милы. Поехали в шубах, но было тепло. На вокзале пили чай. Сели в теплый вагон, где спали, но разместились в конце концов, хоть я и захныкал было вначале.

18 (вторник)

Вот и опять в Петербурге, без денег, без надежд, без дружбы. Тотчас стали пить чай, послали за вещами, телефонировали Сереже. Он приехал с рассказами, что у Ив<ановых> целая трагедия. Вера рыдала, Модест хотел стреляться и т. п.[8] Не знаем, как к ним и сунуться. Брат Сережи придет только после восьми. В оперетке не понравилась музыка, которой не разобрали. Завтра уже С<ергей> С<ергеевич> пойдет в «Буфф»[9]. Поехали завтракать к Альберту, где нас встретили с онёрами. Потом втроем к Валечке. С<ергей> С<ергеевич> не хотел идти под руку, на что я рассердился, <ак что у Валечки я был зол и неприятен. Поехал к Чичериным, трепеща, что он уже отослал деньги в Окуловку. Ответил, что придет завтра. Что это значит, не знаю. Вера Ив<анова> ответ<ила>, что для объяснений Вяч<еслав> будет рад меня видеть завтра. Сережин брат тоже сообщил не очень утешительные новости. Мать ничего не отвечает, брат о нем не говорит. Мы помирились, отправились в театральный клуб; кроме своих там были Трахтенберги, Радзивилович, Заремба и певица, очень милая барышня. Нурок бранил мою оперетку, которую он не слыхал. Сережа был крайне мил. Бакст пригласил нас с Коров<иным> на обед и С<ергея> С<ергеевича> тоже. Потом поплелись в «Варьете». Невероятный кабак в старинном доме. Какие рожи! Нельзя представить! У толстой девки, сидевшей рядом с тремя старцами, был truc чихать очень громко и часто. Нурок угощал у буфета двух блядей. Поехали в «Вену». Сережа был очарователен, хотя дома и сказал, что устал и спать хочется.

19 (среда)

Были у Мейерхольда, я просил, что мне было нужно. «Петрушка» — невероятный вздор[10]. Играли неплохо. Пошли завтракать, потом домой, где объяснялись, помнится. Ремизов звал поздно, но все-таки мы там еще застали и Вяч<еслава>, еле со мной поздоровавшегося, и Сологуба, и Иванова-Разумника. Сережа принес письмо от Брюсова[11]. Вещи Познякова приняты, ждут «Александра», стихов etc. Какая победа. Валечка и П. П. П. надулись, Ал<ексей> Мих<айлович> поздравлял, мы же уехали раньше, чтобы отпраздновать дебют. Были у Палкина. Милый мой писатель, теперь еще теснее с ним я связан планами и всем существом. Какая радость.

20 (четверг)

Днем был Ауслендер, когда мы еще спали. Сережа одевался при нас, ему прислали вещи: книги, рубашки, пачка писем. Ауслендер читает: «Твоя Ната, целую 1000 раз». Но Сережа быстро прекратил чтение. Пошли вместе в «Буфф»[12]. Пальмский сказал, чтобы я приходил к нему в субботу. Зашли к Альберу, где обрели Сухотина; отчего я к нему не ревную, хотя бы ретроспективно? Потому что он мне нравится сам. Так как Сережа хотел идти в университет, то я отправился к Иванову. В передней Модест; поцеловались, болтал что-то о Наумове. У Вяч<еслава> был Троцкий. Началось объяснение, отвергал преднамеренность. Вяч<еслав> читал самые скользкие места, прибавляя: «Всякий же узнает, что это Ан<на> Руд<ольфовна>!»[13] Было все-таки менее тягостно, чем я ожидал. Вера, оказывается, была влюблена в меня[14]. Вяч<еслав> целовал меня нежно, спрашивал о работах, ему хотелось, чтобы я остался, но было неловко, хотя я и слышал Костин голос. Вяч<еслав> не сердится, по-моему. Вечером совсем поехали опять к Палкину, но музыки не было.

21

Ответа от Тастевена не было. Пришел Ауслендер. Поболтался. Мы обедали и брились дома. Поехали к Сомову, не дома, к Валечке. Ауслендер обиделся на Сережу, я на Нувеля. Сережа был сама прелесть. Письмо от Руслова, предлагает мне издать нашу переписку[15]. Отправились к Ремизову, где был скромнейший Кузнецов, потом прибыл Ал<ексей> Мих<айлович>; было очень мило, покуда из клуба не приехала банда: Валечка, П. П. П., Бакст и Нурок. Было как-то бесчинно. С Сережей пошли еще в «Вену»; приятно быть выбритым. Простились просто, хорошо.

22 (суббота)

Утром встал с самыми радужными мечтами, но Пальмский уже уехал в «Буфф». Телефона не добились, а Рябушинский звал в 5 ч. Сережа смотрел свои старые письма: старые (не слишком, что оставит мою ревность в покое) письма Авилова, Карпова; Сухотин, Еленский, Огарков, que sais je?* После завтрака к Рябуш<инскому> — нет дома, какая наглость; зашли в кафе, телефонируем самым решительным образом, чтобы тотчас приезжал. Поплелись домой, даже денег на телеграмму Тастевену нет. Телефонируем еще раз. Извиняются, завтра 11 ½ приедут с секретарем. Зачем секретарь? Чтобы избежать объяснений. Сережа очарователен. Строили планы. В самый решительный момент Ауслендер зовет к телефону. Ужинали поневоле дома. Пришел Ауслендер в сплине и без денег. Бедный мальчик. Старички были вчера у Палкина.

23 (воскресенье)

Утром приехал действительно Рябушинский, дал всего 50 р., обещая остальные в среду, раньше еще Тастевенчик прислал 100. Обедал у Альбера, кажется. Пришел Сережа. Были в цирке, потом у Палкина, где был Гильбих, ему С<ергей> С<ергеевич> посылал записку с лаконом**; потом в бар, куда мне и не хотелось идти, там пьяный Пильский нам надоедал. Потом в «Виндаву» для Ауслендера, он как дитя. Вернувшись, объяснялись жестко, опять С<ергей> С<ергеевич> говорил, что я желаю его поработить и т. п. Думает, что я нарочно не еду, истратив деньги.

24 (понедельник)

Послал письмо Пальмскому и телеграмму Ек<атерине> Ив<ановне>. Пальмский ответил, что ждет в театре в 9 ч. Покупали духи, обедали; Пальмский, очевидно, не был, зашли в кинематограф, потом пили чай дома. Сережа декламировал стихи. Денег нет. Как я теперь вывернусь, не понимаю. Кажется, настал окончательный капут.

25 (вторник)

Заезжали к Сомову: нету дома. У Ауслендера был Тамамшев. Поехали на том же лихаче к Валечке. Было скучно, и Сережа устал.

26 (среда)

Денег ни копейки. Читал вещи Сомову, котор<ому> не понравились они. Обедали дома. Вечером заезжали к Ремизову,

---

* Что я знаю? *(франц.)*

** То есть с лакеем (вероятно, арго кружка ресторанных приятелей Кузмина)

читавшему нам новые сны[16]. Сережа весь в планах. К Иванову не поехал.

27 (четверг)

Днем были у Ремизова. Сплетничали об Ивановых etc. Были очень, очень милы и любезны и со мною, и с Сережей. Иванов ругательски разбранил «Сны», и мало кто их защищал. Городецкий будто бы нежен ко мне. Вячесл<ав> свиреп и подражает Мережковским. Вообще, говорят, была адова скука. Заезжали к Валечке призанять денег, но сей гнусный презерватив отсутствовал; зашли к Ауслендеру, собиравшемуся в «Шиповник», кисло посидели с Ан<ной> Ник<олаевной> и поплелись домой обедать. Сидели дома. Писал «Александра», объяснялись насчет гомосексуализма. Я думаю, что Сережа в этом отношении надувает меня.

28 (пятница)

Тастевен прислал только сто. Ехать нельзя. Послал умолительные записки к Сомову, Чичериным, Мосоловым. Ото всех отказ: какое униженье[17]. Отчего я не написал москвичам? Поехали в «Фарс»[18], но была такая гадость, что перекочевали на «Вдову» в «Пассаж»[19]. Сережа упивался своей пассией Тамарой, несколько стесняясь меня тем не менее. Потом зашли к Палкину; раз денег не хватает, что их беречь. И правда, осталось только лихачу и на завтрашнюю телеграмму. Был долго у Сережи.

29 (суббота)

Утром разбудил нас Сережа. Вместе вышли на вокзал и к Баксту, у него была запертая певица, портной, все время телефон. Был мил и бестолков, читал свое сочинение; говно, конечно[20]. Приятно посидели и ушли как раз перед Нувелем. Обедал Ауслендер у нас. Вечером взапуски писали и рано легли спать. Москвичи тоже молчат.

30 (воскресенье)

Так темно, скучно. Я будто злюсь. Пошли к Сереже, там был Городецкий; Ауслендер выскочил предлагать Познякова, тот ухватился, мне это было не очень приятно, и я еще более надулся. За обедом телеграмма из Москвы, деньги завтра. Сидели дома, скучая. Завтра приезжает зять. Не знаю, к добру ли? Сережа как-то отдалился от меня сегодня. И почему?

Декабрь

1 (понедельник)

Денег не прислали. Приехал зять. До вечера сидели дома. Потом пошли к Ремизовым. Он был один, толковали о гомосексуализме, о Философове, Врангеле, Трубникове, давали сведения о тапетках, тетках, банях, feuilles de roses etc*. Пришла Сер<афима> Павл<овна>, гадала. Читал «Иосифа», потом Пришел Верховский. Страшно болела голова. Был Валечка и Нарышкин.

2 (вторник)

Были у зятя. Ехали на лихаче; взял 3 р., чтобы заплатить. К обеду пришел Ауслендер, идущий на «Черные маски»[1]. Мы пошли в кинематограф. Потом объяснялись. Сережа уверяет, что я его не люблю etc. Сладко помирились.

3 (среда)

Темнота, дождь; разбудил коридорный, потом Сережа стучал. Пришел Ауслендер. Я заявил, что к Пальмскому не пойду. Пошли в Муз<ей> Ал<ександра> III, потом к Альберу, где нас встречали с honneur'ами**. Встретили Лебель, не очень-то мне нравится эта дружба Сережи с ним. У Альбера было приятно. Деньги тают, но уехал, собирался, как на пожар. По дороге мечтал о лете, зиме, плакал, скучал. Яков сказал, что ждет и девочек; ехали втроем. Варя была рада и ласкова, но, кажется, упорна относительно Сережи. Долго болтали с нею. «Ал<ександра>» не писал.

4 (четверг)

С утра имянинно и скучновато. Не смею<?> говорить сестре. Катались с доктором, голый лед, Варя вылетела и провезлась по льду. Пришли дети, потом большие, я сидел в «детском» углу. Ек<атерина> Ив<ановна> была очень мила. Играли в почту, мои письма заинтриговали Годунова, который у меня же допытывался, кто пишет синим карандашом. Говорил с Варей, она обещала поговорить с мужем и завтра дать ответ. Всю ночь не спал. Клопы ли, мыши ли, шов ли на простыне. Слышу — кто-то ходит, оказывается, зять; поговорили. Потом утро: как радостно, и вместе с тем с ужасом думаешь о ночи. Завтра решительный день.

5 (пятница)

Зять, походив, сказал, что Сереже приехать нельзя. Я кончил письма[2] и стал собираться уехать, думая прибегнуть к Званце-

* Анусах и т д (*франц арго*, букв «розовых лепестках»)

** Почестями (*франц*)

вой. Но вторичное объяснение опять все поставило на нужные места, и мы помирились и поцеловались, обмениваясь нежностями не только друг к другу, но и к С<ергею> С<ергеевичу>. Посылаю телеграмму. Гуляем дружно. Зашли к Екат<ерине> Ив<ановне>, но вечером винтеры к нам не пришли. Неужели сегодня такая же ночь? Когда придет весна и спокойная осень? Эти два года как вычеркнутые, но и какого полного счастья. Что-то там Серый делает? Не бегает ли по девкам?

6 (суббота)

Лед будто растоплен: сестра и зять милы и ласковы, но оба Сергея молчат: ни звука. Я удивляюсь, отчего меня так мало все интересует: сердцем, и думой, и заботой я там; что-то утеряно всею жизнью: не знаю даже, куда писать. «Александра» пишу мало и, кажется, скверно. Днем были у Лепиных, где была старая Михайлова. Вечером на спектакле. Все-таки, не считая Любима Торцова, очень хорошая вещь «Бедность не порок». Вернулись мы вдвоем с зятем, наши где-то пропали. Начинаю беспокоиться, что Сережа не едет. Спал сегодня лучше, но какая скука, какая адова скука. Не скучно только у людей вроде Казаковых или очень богатых, может быть помещиков.

7 (воскресенье)

Утром слышал, как сестра читала письмо Ауслендера, что ему не хочется, чтобы был Сережа, что тот хочет втереться и т. д. И письмо Городецкого, что рассказ в альманах не принят[3]. Каковы змееныши! Но письмо Ауслендера еще более меня расстроило тем, что там написано, будто он Познякова не видел. Где же тот скрывается, очевидно пославши «Марсельский дилижанс»[4] с письмом? Но что он делает? О ревность! «Это не то, что палец иголкою проколоть», — как вчера говорилось у Островского[5]. Писал сегодня лениво. Пошли с доктором гулять по мирной зиме. Потом играл Mendelsohn'a. Пошли к Венедиктовым, где играли в карты. Что же нет телеграммы?

8 (понедельник)—17

Была телеграмма: «Ваш приезд необходим»[6]. Попросил у зятя денег и вечером поехал, к большому неудовольствию сестры. Он не встретил меня, номер был заказан, но не рядом. Он спал с похмелья, без меня будто пьянствовал по «Quisisan'ам». Сказал, что ему ясно, что без меня существовать не может, что жить должны вместе etc. Je ne demande que mieux*. Был мил необычайно и искренне рад. Все это время — медовый месяц любви, новая эра, но

* Я прошу только лучшего *(франц.)*

денег так нет, что, получивши от Чичерина, я все равно без гроша. Совался ко всем, помпадуры ничего не ответили, Ауслендер посоветовал обратиться к зятю. Прямо хоть бежать или вешаться.

17 (среда)

Утром поехал к Мих<аилу> Як<овлевичу>: нет дома. Сережа утешает, но сам грустен. Грусть на его милом лице не должна, не должна быть. Обедали довольно меланхолично, болела голова; неужели смерть опять грозит мне, а С<ергей> С<ергеевич>? Что он будет делать? Вечером опять поехал. Мих<аил> Як<овлевич> советует обратиться к зятю. Ну что ж? Последнее униженье, обращусь. Сережа в меланхолии лег на кровать, пока я писал слезное послание. Милые святые мои, помогите мне, помогите! Неужели погибель и мне, и Сереже? И когда будет час, что я перестану думать о деньгах. Лег Сережа рано, недовольный чем-то. Что-то ждет нас впереди. Високосный год близится к концу.

18 (четверг)–19, 20

Ответа все нет. Были у Модеста. Телеграмма: «Ждите письма». Из гостиницы просят уплатить. У С<ергея> С<ергеевича> умирает мать, сказал это Арцишевский, по-моему, его визит был подозрительным, так тихо и долго он сидел у раздетого С<ергея> С<ергеевича>, который пришел с осмысленным лицом. Наконец, письмо: ничего не давать мне в руки, заплатить все по счету, проводить меня и дать Сереже 20 на дорогу, чтобы я бросил эту историю, одумался и т. д. Какая наглость, но нужно было принимать все условия. Мы ломали голову, как бы надуть жида и хама — зятя, но покуда ничего не придумали, как подчиниться. Какой-то звездой мелькнуло имя Коровина. Как сладостна эта ночь: «последняя». Какой вздор.

21 (воскресенье)

Солнце ярко светит и тепло. Все покупают елки. Ах, уезжать! Поплелся к Коровину: «Нету дома». Мне вспомнилась мамина смерть. Ауслендер приехал в 2 ½ часа с Юрой, имея такт дать чаевые деньги мне на руки. Солнце все светило, было даже весело. Если бы Коровин дал денег, я бы сел до Любани и вернулся бы. Оставили нас караулить Юру, мы очень откровенно при нем говорили, уговаривая его перемениться ролями со мною. Сережа просит приехать в сочельник. Поехал. Встретили меня все; я был как abasourdi; пили шампанское; попросил позволения поговорить у Ек<атерины> Ив<ановны>. Доктор очень мил.

22 (понедельник)

Писем нет. Насилу дождался, когда наши уйдут гулять, а венедиктовские кавалеры уйдут на работу. Была сердечна и мила, плакала, возмущена, советует попросить денег у Блюменталя и уехать. Почву она подг<отовит>, жалела, что нет у самой, сегодня послала портнихе, отчего вчера не сказали. И вышел невидно. Но Блюменталь сегодня уезжает. У нас были Лепины, какая тоска! С Блюменталем не поспел поговорить. Сережа на репетиции. Из всех жалеет меня больше всего Лидочка.

23 (вторник)

Писем нет; целый день валяюсь; ездили на станцию, возвращались через Трубниковых; Яков спрашивает, не приедет ли С<ергей> С<ергеевич>. Варя была у Ек<атерины> Ив<ановны>, у нас дети читали «Попелку». Говорил по телефону, прося зайти перед репетицией. Но она не зашла. Ходил по двору и на улице, под теплым небом. Наконец вышла Екат<ерина> Ив<ановна> с Варей, но у нас не осталась; просила проводить. С Блюменталем она говорила, но когда он приедет? неизвестно. Поговорил несколько с Сережей. Развеселился несколько.

24 (среда)

Никаких известий. Провалялся целый день с кошмарами. Встал очень поздно. Блюменталь еще не приехал, до завтра, значит; еще даст ли? Убирали елку. Под вечер пошли с Сережей к Венедиктовым, которые поехали к небывшей всенощной. Что-то милый Сережа делает? Вспоминали с сестрой, как когда встречали Рождество. А что-то Сережа? Кроме того, не знаю, не обманывает ли он меня, не гибнет ли, не изменяет? Погода теплая казалась и ясная. Уеду ли завтра? уеду ли? уеду ли? И каким найду Сережу?

25 (четверг)

Утром приехал Блюменталь. Ввел в заговор и Степана и Лизу. Деньги он прислал. Катались. Попросил у зятя лошадей. Объяснились. Пришел тот же поп, что пел нам молебен с Сережей. С Сережей! На елку сбирались дети, я был весел; явилась и милейшая Ек<атерина> Ив<ановна>. Была мила и дружественна. Играли à 4 mains, потом я один, а она говорила с сестрой обо мне. Мужчины играли в карты. Поехал, никем не провожаемый, в пустом вагоне, сочиняя стишки. Спал плохо. Все забрал с собою.

26 (пятница)–28

Сережа жил без меня превесело, деньги, конечно, истратил, да и много ли их было? Из «Руна» прислали только 25. Бываем

у Ремизовых, видаем Валечку, читаем, спорим, любим. Были в цирке. Поликсена прислала 30 р. Коровин обещал 9, Тамамшевы тоже. Все хорошо.

29

Встали безумно поздно. До вечера сидели дома, несколько ссорясь. После обеда поехали к Ремизовым, купив розы. Пришел туда и Толстой, ужасно смешной, глупый и довольно милый. Рассказывал о Париже и т. п. Очень смеялись, строили планы ряженья и т. д. Сережа был очень мил. Когда-то устроимся как следует? Веселее глядится в будущее.

30 (вторник)

Ничего нет. Что нам делать? Утром пришел Тамамшев, к которым вечером я хотел прийти. Валечка звонил, что придет вечером. У Тамамшевых играл оперетку, но все было не мило. Прощаясь, старуха задержала меня, чтобы говорить о делах, денег она не получила и не достала, обещала завтра дать ответ. Дома я застал уже Валечку и чай. Сережа, у которого болели зубы, был весел при гостях. Нувель был мил, входил в дела, болтали, шутили. Как только он ушел, Сережа опять стал жаловаться на зубы, гнал меня из комнаты, был не мил. Я не уходил в темноте. Наконец, помирились на его обещании, что все будет превосходно завтра.

31 (среда)

С самого утра ссорились и спорили. Наконец как-то все уладилось. Получил от Брюсова акростих[7], «Весы», письмо от Ликиардопулы. Ждали, ждали денег, ничего нет. Поплелись к Ремизовым. Было не очень весело, но Сережа был мил и дома был прелестен. Что-то сулит новый год? Начало не блестяще.

1909

Январь

1 (четверг)

Все поздравляют; денег ни гроша. Ждем Ремизовых; поплелся к Тамамшевым: ответ завтра; что, если отказ? Обед еще дали; у Сережи всё зубы. Ленится он невероятно. Где бы достать денег? что делал я прошлый год в этот день? Вечером были дома печально и уныло.

2 (пятница)

Утром пришел Тамамшев и сказал, что денег достать они не могли. С<ергею> С<ергеевичу> сообщили, что телеграмма ждет его дома. Там<амшев> читал стихи, лучше значительно прежних. Оказывается, Сереже нужно ехать сегодня или завтра. Поехали обедать, побрившись; потом он к брату; я послал письма к Коровину и М<арии> М<ихайловне>[1]. Поехали в цирк; отличные дагомейцы и акробаты, очень хорошо[2]. Валечка ждал уже нас, но один, может быть, и к лучшему. Был нежен и дружествен. Поехали к Палкину, было весело, перемигивались с музыкантами и гостями, даже я пил через всю залу за здоровье какого-то господина. Мандолинист мне раскланялся. Говорили о любви, о ревности; Сережа был мил крайне.

3 (суббота)

Меня смутило сообщение Сережи, что он поедет от брата и там пробудет обед и весь вечер с визитом. Так что он будто переезжает на Рождественскую и молча принимает условия. Поплелись к Ремизовым; я совершенно умирал, думая о близости возможной

смерти. Сережа меня утешал, как мог. Уехал, обещав телефонировать. Я лежал на кровати, когда пришел Мейерхольд. Конечно, лучше ехать к Насте, чем дома сойти с ума. 2 телефона от Коровиных и Валечки. Звоню Сереже, чтобы его успокоить; разговаривает сухо, едет. Поскакал к Коровиным, были милы, любезны, дружественны. Расплатился в гостинице, поехал к Мейерхольду; там были Ремизовы, Сюннерберги, Валерская с братом[3] и Вера Иванова, но не Городецкие. Мне дали костюм Басманова[4], парик, грим. Поехали в масках и своих шляпах, но в костюмах, очень смешно. Народу было видимо и невидимо, веселились, плясали, особенно дурачились художники. Я был грустен, как никогда. Познакомился с Философовым, но не с Мережковскими; за ужином сидел с Тамамшевой и Сомовым. Зинаида прислала записку: «Пью за отсутствующих!»; я съел бумажку и чуть не заплакал. Валечка меня утешал, вернулся я в седьмом часу. Так грустно, так грустно.

4 (воскресенье)

Ездил в Исакиевский собор и за конфетами, ожидая Ремизовых к обеду. Сер<афима> Павл<овна> уже ждала меня; пришел и Ал<ексей> Мих<айлович> из «Русской мысли»; Мережковские говорят, что ожидали меня другим, не таким печальным. После обеда я поехал к Вячеславу, говорил и с ним, и с Минцловой, все налаживается; медленное примирение. Но этот вечер я там не остался, а поехал к Тамамшевым, где были Рукавишниковы и Пильский, пьяный уже. Было не весело, а ночью, ночью прямо ад. Тамамшев хотел зайти утром.

5 (понедельник)

Лакей жалел мою тоску, как вдруг является Серг<ей> Серг<еевич>. От удивления я был почти лишен способности радоваться. Положение мое ухудшилось после того, как он попросил прислать ему подушку и попросил денег. Завтракали у Альбера, потом он уехал. Я лежал в меланхолии, когда пришли гр. Толстой и Гумилев. Гумилев имеет благовоспитанный, несколько чопорный вид, но ничего[5]. Поехал к Валечке, который высыпался перед вечером у Павловой. Дягилев денег еще не достал. Побродив, зашел поужинать к Альберу. Музыки не было. Какая тоска!

6 (вторник)

Сережа пришел раньше Валечки. Брат ему не запрещает видеться со мною и хотел бы со мною говорить, но Сережа противится. Ça donne à penser*. Поехали на выставку[6]. Много хорошего,

* Это наводит на размышления (*франц.*)

но слишком велика. Видели Городецких, Дягилева, еще кое-кого. Обедали у Тамамшевых, потом дома пили чай, Сережа отправился домой, я же в тоске к Викт<ору> Ив<ановичу>, где и просидел долго, читая «Иосифа», который понравился.

7 (среда)

Пришел Сережа утром, просидел при Валечке, который презанятно говорил о вечере у Павловой[7], где был вел. кн. Андрей Влад<имирович>, ведший себя как тапетка. Обедал внизу, и С<ергей> С<ергеевич> ел блины. Вечером не пришел, я поехал к Ремизовым, но их не было дома, а я отправился к Блоку, где и просидел вечер, слушая и читая стихи. Мережковским будто бы я понравился у Сологуба. Вернулся рано. Скорей бы завтра. Написал глупые стихи[8].

8 (четверг)

Купил билеты на «Ваньку»[9], крест. Стригся, когда пришел Сережа. Обедали у Альбера. Перед вечер заезжал за воротничками и духами, вспоминая des douces habitudes*. Сережа очень опоздал, прямо стал говорить, что я его меньше люблю, раздражаю и т. п. На пьесе было тесно и далеко сидеть. Нам не понравилось, хотя играли хорошо и успех имела. Настя звала к себе, но так как меня одного, то я не поехал[10], а пошли к Палкину. Музыканты нам кланялись, но денег у меня осталось меньше, чем ничего. И это ужасно так жить порознь.

9 (пятница)

Пришел Толстой и Сережа. Толстой мил. Сережа был ласков, потащил меня к Альберу, где татарин принимал меня за хана Нахичеванского и где я оставил последние рубли, так что пришлось просить извозчика ждать до завтра. Сережа вечером не пришел, так что я один уж поплелся к Ремизовым; их пришлось очень долго ждать, и пришли они какие-то немилые, о Сереже ни слова. Сер<афима> Павл<овна> была взволнована встречею со старою любовью. К вечеру неизменно приходят мысли о смерти. Степлело.

10 (суббота)

Утро было солнечное и теплое, хоронили кого-то с музыкой. С Толстым поехал к Мейерхольду за костюмом. Потом пришел Сережа и Сомов, писал портрет, прибыл и Валечка. С<ергей> С<ергеевич> один объяснялся, и открылось, что ему хочется жить у брата и не вместе. Это было как удар грома. Ушел, обещав

* Сладкие привычки *(франц.)*

прийти и сказав, что, не беспокойся он за меня, просидел бы дома. Вчера просто были гости и просили не уходить. Обедал, но ничего не ел.

11–23

Эти две недели будто 20, будто 200 лет прожито, и я то вверх влекусь надеждой и обещаниями, то стремлюсь вниз головой в пучину. Сережа поклялся на моем кресте, что к 20-му все устроится и он переедет ко мне. Все сижу в гостинице. Сомов пишет портрет[11]. У Тамамшевых был маскарад, Сережа ухаживал сломя голову за Настей, я ревновал и вел себя невозможно. По дороге домой я сказал: «Вот я таков, c'est à prendre ou à laisser». — «Plutôt à laisser»*. — ответил он. Я соскочил с извозчика и упал, шляпа моя покатилась. Я побежал по Гороховой к Фонтанке, не видя, не понимая ничего, прихрамывая — он не ехал за мною. Я думал броситься в реку, но всё были извозчики, ожидающие разъезда из Малого театра. Добрел домой. Неужели конец? Какое злое, но невозвратимо милое лицо у него! Утром послал записку, будто от Насти, прося прийти, обещая не делать сцен. Пришел тотчас, при Сомове, милый и нежный, будто выздоровление. Через день повестка из суда. Поскакал без вещей в Москву, Сережа провожал меня, слегка печальный, бесконечно милый, в фуражке. В Москве холод, все милое, дело почти устроил, запродав свою душу «Скорпиону»[12], но пока это устраивалось, чего только не передумал, и лицо, глаза милого Сережи меня останавливали от безумств. Не видеть его, да лучше быть собакой, калекой, брюсовским рабом, прикованным к ложу[13], только бы видеть. В окна неслась музыка из ресторана, шипели машины, господ<ин> из соседнего номера узнавал, что со мною, что я так рыдаю. Вернулся, расплатился. Сережа объявил, что 20-го он не может переехать. Клятва вздор, он дал ее ложно. Потом объявил, что не любит меня. Я хотел отравиться, конечно, не сделал этого, конечно, примирюсь со всем, что он захочет, конечно, он будет изменять, может быть, женится — я все приму: я трус и раб, но люблю его больше Богородицы. Я болен, три раза кашлял с кровью, жар, ломота. Внешне все по-старому, были в театре, в Царском, у Ремизовых, на философск<ом> собрании[14]; я начинаю заниматься, сижу без денег, как устроюсь, не знаю, — не все ли равно. Какое начало, будто после смерти кн. Г<еоргия>. Но это лицо, это тело ласкает другой, может быть женщина, — как перенести. И хотя бы он возвращался иногда ко мне по-старому, не любя, но вечно желанный. Жить он будет не с братом. И он не чувствует, какие гвозди вбивает каждым таким заявлением, но люблю я его все больше и

* «Это надо принять или отвернуть» — «Скорее отвергнуть» *(франц.)*

больше и никогда не отступлю, пока сам он меня не выбросит, как тряпку, как выжатый лимон.

23

Вернулся Ауслендер с прыщами на лбу; я еще спал; были Сережа и Валечка. Обедали вместе, потом он спал, я сидел рядом, целовал его руку и молился, чтобы любовь вернулась к нему, чтобы как знак он бы побыл сегодня со мною. Обещал купить Казанскую и сделать лампадку и оклад ей. Сережа прекрасен. Но мы поехали к Модесту, и обет пропал. Модест сюсюкал что-то, говорил, что он без денег, но я ему долга не отдал. Мейерхольда не было дома, и мы поехали к Ивановым. Там мирно, тускло и скучно, говорили обо мне, играл Бетховена, Вяч<еслав> ругал меня, что я гимны хочу отдать в альманах Рериха[15]; Сережу завтра звал не весьма. Приехав домой, узнал от кучера, что Сережа не поехал домой, а отправился на Невский. Что ж это значит? Но не буду думать об этом.

24 (суббота)

Что было, не помню. Просил Гумилева достать мне денег. Сережин рассказ не приняли. Обедал один у Лейнера. Сережа приехал, был мил; поехали в манеж, где встретили Зинаиду, но ко мне он отказался ехать, так как я будто бы слишком явно выражал нетерпение. Уступил, конечно, да из настаивания ничего бы и не вышло. У Ив<ановых> были старейшины[16], Потемкин, Троцкий и Модест. Вячеслав на меня кричал за сонет Брюсову[17]. Тушили Костю. Заказанные Сережей стихи не удались.

25 (воскресенье)

Солнце и мороз. Сомов был один. Гумилев ответа не дал. Денег ни гроша. Еще не гонят. Поехали к Сологубам, где обедали. Настя была тиха и скромна. Поехал к Чичериным: ответ завтра. Тихо. У Мейерхольдов О<льга> М<ихайловна> шила, Вс<еволод> Эм<ильевич> расставлял книги в шкафы, дети показывали мне игрушки, танцевали, ложились спать. Сережа приехал в 10-м часу, был со мною, но так неохотно, что это было почти неприятно. Поздно пришел Толстой, я был рад, что он пришел. Рассказывал про несостоявшееся падение Гумилева[18]. Завтра обращусь к Зинаиде. Что-то будет?

26 (понедельник)

Коммиссаржевский прислал 2 билета, но деньги?[19] Был Гумилев: денег не достал. Холод адский. Ездил к Зинаиде: обещала. Обедать еще дали[20]. Поехал к Чичериным, где и получил деньги, с оговорками. Спектакль отменен; заехали в «Вену», потом к Тол-

стым, где был Божерянов и Татаревский<?>. С первым поехали к Палкину, где Сережа еще пил, мрачнел и пялился на девок. Божерянов был очень мил, но С<ергей> С<ергеевич> неправ, говоря, что тот мне «безумно» нравится etc. Просто хочет со мною разделаться. Но это единственно он, кого я люблю, хотя, может быть, и несколько меньше после всех его заявлений.

27 (вторник)

Сегодня столько посетителей во время сеанса[21]: граф, Божерянов, Валечка, Потемкин, Зонов, Каменский<?>, прямо салон. К Баксту не попали, к Тамамшевым тоже. Сережа продолжает свои химеры про Божерянова; почему он меня разлюбил? И неужели это правда; теперь он так далек, так дальше. Обедал один. Поехали к Зинаиде, сидели втроем, потом вчетвером, философствовали. Заехали к Ремизову, где обрели Ауслендера и куда пришел потом Потемкин. Ушли рано. С<ергей> С<ергеевич> не только равнодушен ко мне, но даже чуточку враждебен. Что значат его сроки: 10 дней, 2 недели? что за тайна?

28 (среда)

Никого не было во время сеанса, светило солнце, болела голова, хотелось в церковь. Сережа пришел поздно, сердитый и выпивший где-то с товарищами, идти к Тамамшевым отказался, а пообедал у меня, после чего сейчас же ушел. У Там<амшевых> все больны, лечили и меня, я обедал второй раз, дома брал ванну, Зинаиде не дозвонился, лежал на кровати, пил чай, о чем-то мечтал, денег ни копейки. Сережа не пришел. Говорил, придет послезавтра. Сколько времени он жил вместе? 2 месяца. Как его родные не ценят каждую минуту, что он у них?

29 (четверг)–31 (суббота)

Как трудно вступать на путь «святой» жизни, но это — очевидная необходимость. Сережа carrement* объявил, что меня не любит, но что я ему необходим как руководитель и т. д. Когда я отучусь от сцен и истерик? Он заболел, не выходил целый день, я был у Ивановых и Званцевой; все постыло мне. Меня утешают книги Макса и воспоминания о Ю. Чичерине. Ну что же — монастырь так монастырь: работа, поливка цветов, все-таки я буду видать милого Сережу. В субботу был у Чулковых, была куча народа, но у меня так болела голова после сцены Сереже, что я ничего не соображал[22].

---

* Напрямик *(франц.)*.

Февраль

1 (воскресенье)

Макс достал денег. Утром разбирал книги. Как жить с опустошенной вконец душою? Сережа не приходил, пришел, когда я брился. Поехали на блины к Толстым, думая вернуться домой. Я торопился, Сережа сердился; заехали к Иван<овым> за словарем и Гофманом. Он говорит, что физич<еские> сношения ему гадки, противны (не со мною ли только?) и т. д., чтобы некоторое время я ждал, и предложил выбор: что, если их совсем не будет? Я решил расстаться, он хотел вылезти у Виганда, но я уговорил подождать. Потребовал завтра ответа. Но у Иван<овых> переменил мнение и просил не давать завтра. Читали Гофмана. Ужинали у Альбера. Катались, как дураки, с фонарями на оглоблях.

2 (понедельник)

Утром был Сомов. Был и Сережа, читал «Иосифа», был мил и нежен. Обедал со мною; поехали в новый цирк[1], где обрели Бера, уговорившего нас ехать ужинать. Поехали к Палкину, Сережа был страшно мил с гостем; потом еще катались на вейке, причем Сережа правил.

3 (вторник)

Пришел Сережа рано. При Бере держался самостоятельно и с ним любезно. Бер зачитал нас своими стихами. Поехали кататься по набережной, потом к Толстым, они обедали. Вечером поздно пришли граф[2] и Потемкин. О Сереже сказали, что он только что вышел. Оказывается, ко мне. Жалел, что не едем к Ростовцевым, все Валечкины теории. Сережа торопился, я провожал его. Будто начало влюбленности, мне мил даже Суворовский проспект. Спал плохо.

4 (среда)

Сомов не пришел, но вместо явился Лёвка, напомнив мне Окуловку, долги и прочие неприятные вещи. Не был нагл и вел себя благодарно и преданно. Сережа пришел довольно рано, пили чай, читали Гофмана. Поехали к Толстым узнать о маскараде. Оказалось, малознакомые гости перепились и вели себя черт знает как. Исаковна дралась с Сологубом и Настей, Валечку кувыркали и обливали пятки вином, Бакст вынимал из-за корсажа неизвестной маски китайских младенцев, которых тут же крестили и т. д. Они обедали при нас, вид их любви меня терзает. Сережа велел мне обедать. Лакей советовал мне жениться, говоря: «Вот, г-на Познякова нет, и вам скучно одному». Долго ждал Сережу, пиша стихи; в половине десятого позвонился к нему, но телефон был занят. Вяче-

слав еще не приехал. Но Сережа пришел, какой-то сердитый, разбранил мои стихи и стал пить чай. Пришел Макс, читал ему свои стихи, гадали по Тютчеву. Сережа был мил спровадить Макса и остаться, хотя ненадолго. Пошел его проводить, какие-то извозчики ехали за нами, требуя долгов. Тихо и мирно. Отъезд в Окуловку всеми приветствуется, и мною первым. Весною — в Коктебель[3].

5 (четверг)

6 (пятница)

7 (суббота)*

8 (воскресенье)

Опять денег не прислали[4]. Сережа пришел рано, милый, в хорошем расположении. Был Гига и Сомов, неожиданно кончивший портрет, был любезен и вежлив, дружествен. Вчера ночью телефонировал тапетка, желая как-нибудь соединиться с Сережей. Вышли к Иванов<ым>, оказывается, они все приехали, и я у М<арии> М<ихайловны> ничего не достал. Обедали дома. Сережа спал, я читал. Потом вышли. Я пошел к Ивановым, где был этот осел Леман. Вяч<еслав> раскричал мои стихи Богородице, что они православны, католичны и т. п.[5]

9–10

Сидим без денег, обеды покуда дают. Сережа страшно мил и дружествен. Это благословение — иметь такого спутника. По вечерам со мною. Как-то был у Ивановых, кажется, там примиряются со мною. М<ария> М<ихайловна> говорила, что она сочувствует «Двойн<ому> наперснику», но что я должен был быть прямее.

11 (среда)

Денег нет. Божерянов принес 3 р., занятые на кальку, пообедали. Тот же Ал<ександр> Ив<анович> принес от Глаголина 12 р. Поехали к Ремизовым, где Сер<афима> Павл<овна> в первый раз выходит[6]. Оттуда зашли в «Quisisan'у», где Сережа пил, девки заговаривали; потом катались, встретили Виганда, ехавшего в «Квисисану»<?>. Сережа на меня поворчал.

12 (четверг)

Денег нет. Гига пишет, что Позняков телеграммой просит меня задержать, может быть, он привезет денег. Денег ни ко-

* Под этими числами в дневнике оставлены чистые листы

пейки, не ели. Взяли <у> Осипа. Сережа поехал к Виганду, я же к Ивановым, где была Серафима Павловна и Странден. Вяч<еслав> дал денег, но не за комедии. Сережа телефонировал. Достал, лечу. Он внизу, спрятанный в шкап. Обедал он радостно и весело, сделал обещание на завтра, которое исполнил после ужина. Я провожал его домой. Как все хорошо теперь, когда Сережа не проповедует нелюбовь ко мне, я могу и долго ждать, и все вообще благополучно.

13 (пятница)

Приехал <Н.> Позняков, одевался при нем, был и Сережа рано, пришел Ауслендер, Гига, я попросил у Ник<олая> Ст<епановича> денег, брились и завтракали. Нувель явился и Божерянов. Всем хороводом перекочевывали из номера в номер. Сережа пошел обедать, Позняков на выставку[7], Божерянов ушел. Я с Сережей пили чай внизу, когда приехали Валечка и Потемкин уже на вечер. Позняков долго не ехал, мы пели «Кармен» с начала до конца. Гости как-то пренебрежительно обходились с С<ергеем> С<ергеевичем>, меня это бесило. В «Вене» Сережа был сама прелесть, хотя и напился. Валечка вел душевный разговор, Потемкин говорил, что меня любит. Орали Бог знает какие вещи. Пошли в бар, но там было довольно скучно. Ехали втроем домой. Болтал еще с московским гостем у него.

14 (суббота)

Солнце, не холодно. Утром разбудил меня зять; денег не прислали. Сережа пришел бодрый и милый, будили москов<ского> гостя: он мне надоел несколько. Завтракали, Сережа не ел. Пришел несчастный Божерянов, Гига зовет меня в 9, Сережу в 8, чтобы дать время поговорить с Сухих, что ли? Думали не ехать, но боялись обидеть и Гигу и <Н.> Познякова. Так было чудно на улице, но сидел печальный, чуть не плачущий Божерянов и уйти было неудобно. Только что он ушел, принесли деньги[8]. Расплатился, поехал купить белья. Дома был уже Сережа, осведомленный от лакона, что деньги получены; переодевался при нем, мило болтая. Какое счастье, что он существует. Поехали к Гиге. Дом, будто усыпальница, вид совсем необитаемый, но он жил действительно там; большая комната со сводами и фортепьяно; был уже Сухих и какой-то тапет. Потом прибыли Деринг, <Н.> Позняков и Икар. Было не очень весело. Позняков играл и танцевал; Сережа, лежа на диване, изрекал разные критики, тетки зазирали. Мы уехали первыми. Денег не то чтобы очень много. Но обойдусь как-нибудь. А что весною? Но что думать, только бы был Сережа не отдален от меня.

15 (воскресенье)

Утром Сережа пришел, когда я еще спал; пили кофей внизу; денег очень мало. Будили Ник<олая> Ст<епановича>; пришел Зинаидин жидок[9]; выручал его; потом пошли опять к Ник<олаю> Ст<епановичу>. Позняковы изображали фр<анцузскую> борьбу. Телефон от Гиги, зовет вечером в «Вену», но нас пригласил уже Мейерхольд. Сережа был не в духе, что я медлю укладываться нарочно, чтобы не уезжать. На 6 ½ опоздали, заехали к Ремизовым, где встретили Ауслендера. На вокзале Сережа был не очень мил. Еду; вагон темен и пуст, чай разносили. Латыш, ехавший со мною, рассказывал разные разности, как они ходили пешком, останавливаясь у пасторов, к мельнице; я подумал, почему-то, что он сумасшедший, и мне стало страшно. Заснул сладко. У Окуловки меня разбудили. Все спали; прислуга новая. Достал кусок пирога и съел, так как был голоден; разбирался; кровать только одна. Как долго не увижу Сережи! Господи благослови!

16 (понедельник)

Встал поздно. Написал письмо Сереже, пошли гулять, но, зайдя к Ек<атерине> Ив<ановне>, остались там и провожали Лепину; Ив<ан> Вас<ильевич> вернулся с распродажи Кулатинской фабрики выпивший и болтливый. После обеда пришел Амелянский, играл разные ноты, я пел; потом ходил по комнатам, читал Печерского, мечтал; завтра начну писать. Лягу рано, встану поздно. Денег нет, попрошу у сестры. Долго говорили о Сереже, о жизни моей и сестры.

17 (вторник)

Ничего не делал, сладко и тупо мечтая, читая Печерского. Гулял. Вечером наши были на заседании, я разговаривал с Лидочкой, расхаживая по комнатам, потом читал и опять ходил. Скоро будет сладкая весна; какая-то она будет для нас? для меня? Прожить я тут могу, получив наставление, писать письма и запасшись марками и конвэртами. Как ревность утишается пространством, а любовь усиливается. Темно сегодня, но тепло.

18 (среда)

Милый друг пишет, ходит по людям, но помнит меня, слава Богу! Гуляли далеко, потом пил молоко, был в бане с зятем. Обедали; наши на собрании, опять беседовал с Лидкой, она всегда учит закон Божий. «Кого Вы больше всех любите?» — «С<ергея> С<ергеевича>». — «Больше всех?» — «Больше всех». — «Больше себя?» — «Не знаю». Играл Шопена, ходил. Наши вернулись оживленные, с гостями. Поехал провожать сестру, нес вещи; я люблю, когда услуживают сестре, матери. Тепло и темно.

19 (четверг)

Утром не поехали из-за Миронова. Тает. Гулял с детьми. Дошли до Ек<атерины> Ив<ановны>, где я и застрял. Дома перебирал книги, отобрал учебники истории, хрестоматии и латинскую грамматику, которыми и занимался вечером. Написал Серому и Ликиардопуло. Упражнялся, играл «Gradus ad Parnassum»[10] даже, но не писал. Еще дней 30 здесь жить, а прожито 3, нет 4. Что-то он там? Аффишируется с девками по Quisisan'ам? Нет, зачем так думать? и потом, неблагодарная я скотина, разве не знаю я его таким, каким, может быть, никто не знает?

20 (пятница)

При солнце, потом и без него ездили далеко по лесам. Потом дети играли в снежные крепости, писем нет. Не писал. Вечером был доктор и Ек<атерина> Ив<ановна>, играли и так болтали. Так, день за день, время и пройдет; только бы оставили меня в покое. Но почему нет писем? Будут завтра. Хотелось бы читать Шекспира. Что-то завтра сестра расскажет? Марок запас, но мало.

21 (суббота)

С утра ездили далеко. Письмо от милого Сережи успокоительное. Еще не писал. Зашел к Ек<атерине> Ив<ановне> за Clementi, но не застал дома, встретил идущею из бани, поговорил, отворачиваясь. После обеда пошли опять туда же, где были Степанов с приехавшим отцом. Играли в карты и à 4 mains. Пришла компания с несостоявшегося собрания, вздумали кататься в чудную ночь, мы же пошли домой. Степанов говорил жалкие слова о непрожитой жизни. Ек<атерина> Ив<ановна> смеялась над моим запекшимся ртом, намекая на Сережу. Пошли встречать Варю, которую тотчас и встретили. Новости. Письма не привезла.

22 (воскресенье)

Повестка на 2 письма, открытка от Ликиардопуло. Вещи Сережи во 2<-м> №, корректуры посланы[11]. День лучезарный, ребята строят крепости. Гуляли до моста, я все в мечтах, ничего не делаю. Открывали курсы. Вечером все пришли к нам, пили шампанское. Пошли провожать при чудной луне. Ив<ан> Вас<ильевич> завтра уезжает и тащил Катер<ину> Ив<ановну> раньше домой, делал сцены. Счастливые. Лег прямо спать.

23 (понедельник)

Опять далеко ездили. Прислали кучу корректур. Поправил их, но делать ничего не делал. Гуляли с Ек<атериной> Ив<ановной>, она резвилась и валила зятя в снег. Дома ходил по комна-

там до усталости. Наши на заседаниях, я даже рад, что завелись эти собрания. Один с Лидочкой и с мыслями о Сереже. Ночи дивные, хотя холодно. Завтра, кажется, опять ехать. Сегодня заезжали к Шатько, насилу нашли его. 8 дней как здесь. Сегодня репетиция у Насти, как-то Сережа мой там ведет себя у этой суки?

24 (вторник)

Ездили далеко; хотя было всего 3°, но такой ветер, что я отморозил себе все, что было возможно. Гулять не ходили, играл. Не писал. Вечером наши пошли на заседание, вернулись с гостями, которые продолжали начатые разговоры, непонятно шутили и намекали. Было как-то странно, луна такая же.

(Среда) 25

Получил от Ауслендера письмо, немного и про Сережу пишет. Гулять не ходили из-за холода. Смотрел, что было в этот день прошлый и позапрошлый год. Какая старина, например, 906 год, о Боже! Был у нас Миронов и вечером пришел играть в карты. Какой-то пустой день, но время летит.

26 (четверг)

Писем нет; скоро это начнет меня беспокоить. Холодно и неясно. Ходили с доктором гулять, вечером играли в карты с Мироновым. Спать лег рано; думал, что начну писать, но не начал.

27 (пятница)

Разбудили в 6 ч. ехать в церковь. 21 градус; надел шубу поверх мехов<ой> куртки и так поехал. Шла еще утреня, потом обедня тянулась, вспомнилось мое хождение в Киевское подворье[12]. Дьячки пели заунывно. На обратный путь нам дали Анатолия и еще мальчика на козлы. Степлело. Писем не было, и у меня сразу опустились руки на дело, о котором еще с утра мечтал. Если бы Сережа понимал, насколько важны его письма, он бы так не неглижировал. Днем было чудно, ходили долго гулять вдвоем с сестрой. Вечером позвали Ек<атерину> Ив<ановну>. Был управ<ляющий>, доктор, Колесников и Добряковы. Играли. Ночью не спал от зубов.

28 (суббота)

Зять опять на мой вопрос: «Нет ли писем?» — ответил: «Пишут». Что может удерживать Серого? Солнце. В Москве, говорят, ходят в осенних платьях. Во сне видел тетю. Страшно болели зубы. Доктор заехал за сестрою кататься и прописал мне лекарства. Ек<атерина> Ив<ановна> в отместку пригласила Пр<окопия> Ст<епановича> кататься. Уехали. Очень тепло. Было скучно оставаться одному в такой

ясный день, но у меня прошли зубы, и был этому так рад, что разыгрывал «Zauberflöte»[13] без всякой мысли о несчастьях. Завтра буду писать. Приехали наши в сложностях. Вечер дома. Играл Берлиоза.

Март

1 (воскресенье)

Солнце. Письма от милого Сережи и доброго Нуveля[1]. Какая радость. Веселятся они напропалую. Ну и что же: это хорошо. Наши уехали в Боровичи. Яков ушел на станцию, и предполагаемое катанье не состоялось. Пошел к Венед<иктовым>, где были одни мужчины. Голова болела, после обеда опять пошел к Ек<атерине> Ив<ановне>, пел, но так болела голова, что дошло до рвоты. Не ездил встречать наших. Ночью голова прошла.

2 (понедельник)

Встал рано. Идет снег; тепло. Ходили гулять, зашли за Ек<атериной> Ив<ановной> и еще гуляли тихонько к Новинкам. Небо разъясняется. Билет на vernissage Союза[2]. Вечером пришли Венедиктовы, играли в винт. Кажется, больше ничего не было. Говорим с сестрой о С<ергее> С<ергеевиче>.

3 (вторник)

Письмо от Ауслендера с новостями. Вышло «Руно»[3], С<ергей> С<ергеевич> скучает, Блоки едут за границу[4], все киснут, сомовский портрет выставлен в Союзе. Далеко ездили и, заблудившись, выехали к Хорину вместо Борка. Нужно спешить с тормошеньем «Руна». Вернулись к завтраку. Сырая, темная погода. Гулял с сестрою, говоря о С<ергее> С<ергеевиче>. К обеду пришел доктор, с которым я поехал на станцию. Назад ехали шагом, я пел. Сестра все ругается с управляющим, а мне он очень нравится.

4 (среда)

Письмо от Серого, чем-то мне очень понравившееся. Беспокоится, что нет писем 2 дня, убеждает писать «Иосифа». Написал письма. Тепло. После завтрака с сестрой и зятем поехали в Горушку и в лес, через ручьи, по пням и невылазным оврагам. Вечером хотел прийти Евгеньев, но не пришел, так его зря прождал и не ходил к Ек<атерине> Ив<ановне>, как хотелось того. Наши вернулись рано. Бодр; написал стихи и завтра начну «Иосифа». C'est pour sûr*. Марки на исходе.

---

* Это наверняка *(франц.)*

5 (четверг)

Опять Серый беспокоится. Пропали, что ли, мои письма? Пишет, что без известий обо мне ничего не в состоянии делать. Идет снег. Но гулять пошли с доктором. Писал немного. Странно, что меня тревожит политика. Арест немецкий русских с<оциал-> д<емократов> ради Юши и возможность войны ради Серого[5]. Вечером катались с доктором и Ек<атериной> Ив<ановной> на станцию в объезд.

6 (пятница)

Письмо от Валечки. Не приедет. Брюсов в Петербурге[6]. Ездили очень далеко, все дороги замело. И ездили за каким-то вздором. Узнавать, не ушел ли медведь. Я с сестрой были прямо покрыты сугробами снега. Вечером, только что собрался к Ек<атерине> Ив<ановне>, как пришел Евгеньев со скрипкой. Все врет, не добирая<?>, от конфуза говорит громко и еще громче смеется. Скучно. Письмо от Гюнтера. Не сердится.

7 (суббота)

Бедный Макс напоминает о долге. Что я могу сделать? Писал «Иосифа». Ходил к Ек<атерине> Ив<ановне>, встретил Колесникову с золотым зубом; дама говорила со мною о платьях, обивке на мебель и т. п. Дома нашел письмо от Сережи с рассказом и предупреждениями, что ужасно многое должен мне сообщить. Эти приготовления к известиям меня пугают, что он, идет на войну? женится? уезжает к матери? Потом играл с сестрой, играя «Времена года»[7], потом ездил встречать девочек. Они стали недурно играть, после ужина еще пели. Завтра меня несколько удручает. Спал, беспокоясь.

8 (воскресенье)

Письма с извещениями нет. Встал поздно. Ходили гулять с горы, сестра два раза падала. Все суета: репетиции, чтения, вечер. Quelle corvée. Кататься поехал с Катей и Лидочкой кругом станции, при солнце, вспоминая С<ергея> С<ергеевича>. Когда Ек<атерина> Ив<ановна> с управляющим шли на чтения, приветствовал их из форточки. Пришли Саня и венедиктовские дети, обедали. Ек<атерина> Ив<ановна> заходила 2 раза, после обеда ходила со мною по залу, с уже вынесенным пьянино, и говорила о скуке, о Сергее дружественно, несколько по-чеховски. Как только стал одеваться, идти уже захотелось. Девочки очень долго возились. По нашему настоянию чтение и пение были отделены от танцев, но это оказалось хуже. Сидел с Ник. Ал. Ек<атерина> Ив<ановна> многозначительно улыбалась, уверяя, что управляющий за мною

ухаживает. Посреди танцев я пел; беседовал с Годуновым и Сорокиным мило. Совков плясал с русскою грацией. Было неплохо. Когда наши ушли, я с Варей еще остались на несколько минут. Ник. Ал. меня угостил яблоком. Вернувшись, еще вспоминали эпизоды вечера. Завтра провожу девочек. Переписывал «Иосифа». Квасинин спрашивал, не вышел ли «Иосиф» отдельным изданием. Что-то и они знают.

9 (понедельник)

Встал в 6 ч. В солнечное утро провожал девочек, всю дорогу они говорили о прошлых вечерах и т. д. Сестра и зять как-то дружественны со мною. Жду извещений. Корова отелилась двойней. Поехали в Высокое Раменье. Получил письмо от Потемкина, полное интриг и чем-то меня смутившее[8]. Нелепые мечты и страхи мешают мне работать: какое малодушие! Вечером хотел было пойти к Ек<атерине> Ив<ановне>, но остался дома, наши вернулись рано, мне очень хотелось спать.

10 (вторник)

Совсем зима, холодно, солнце, ночью звезды. Ездили в Хорино: я люблю семью Григория. Поехали еще с зятем вдвоем на лесосеки и угольные ямы. Кормили нас жареной рыбой и чаем. Ауслендер пишет кучу литературных новостей и сплетен, сестре же, что на репетициях — ряд романов, в которых он принимает участие[9]. Боюсь, не романы ли там завел и Сергей Сергеевич. Вернулись к обеду; писал письма[10], дописывал стихи; ничего не делал. Наши вернулись с Ек<атериной> Ив<ановной>, которую вытребовал тотчас Ив<ан> Вас<ильевич>. Мы ее провожали. Совсем январская погода. Я чем-то встревожен и бездействую, тупо и опасно мечтая.

11 (среда)

Первый день, что тает, но как невесело, сумрачно, нехотя тает. Болит голова. Серый не пишет; влюбился, наверное. Корректуры стихов из «Весов»[11]. Гулял в горы с сестрою. Пошли в баню с зятем рано, когда там еще мылись женщины. Вечером пошел к Ека<терине> Ив<ановне>, куда пришла и Варя. Пел. В «Биржевых» шарж на «Пляски» Сологуба[12]. И ночью тепло. Какая-то апатия, даже ехать не хочется. Спал бы все. К чему писать, колтыхаться? Что-то таит Сережа? будто я не знаю. Глупый я человек; объявил же он мне carrement, что любить меня он не любит, сношения со мною противны, против однополости подозрительно восстает и импрессионируется, по-моему, девками.

12 (четверг)

Письмо от С<ергея> С<ергеевича>. Все хорошо, любит по-прежнему. Чего же мне нужно: я действую очень неблагоразумно, приставая к нему с ревностью, раз он сам не гонит меня, как прежде. Зять с сестрой уехали, конторщик сидит в кабинете. Я мало писал, никуда не ходил, читая Щедрина и бродя по комнатам; срок отъезда приближается: как-то справлюсь с деньгами! Тает. Вечером были Венедиктовы и мы играли в карты. Больше ничего.

13 (пятница)

Поездка в Горнечно не состоялась из-за приезда новгор<одского> землемера. Встал поздно; ни «Руна», ни писем нет. Тает сумрачно и лениво. Ходили гулять, встретили детей, сестра уговаривает остаться на Пасху. На вербной приедет Л<идия> Ст<епановна>, Сережа и девочки. Но я очень соскучился по С<ергею> С<ергеевичу> и, вероятно, уеду, как только пришлют деньги, хотя сунуться в Петербург — тотчас непременно нужно массу покупок, долги, устройст<во> на время и т. д. Вечером до слез захотелось икон, пения, лампад, тихого житья с постами у каких-нибудь Казаковых, и стало ясно, что есть возможность любовного житья с Сережей без ревности, тоски, мук для него и т. п. Писал «Иосифа». Вечером с зятем провожали землемера.

14 (суббота)

Письмо от Ауслендера, дружеское и нежное. Все мои подозрения — химеричны. Ездили по разъяснившейся весенней погоде далеко, далеко, верст 55, было славно, хотя с утра не ели. Как жаль, что все письма были не по-хорошему писаны к Познякову. Вечером сестра была на репетиции, а мы с зятем пошли к Венедиктовым, где обсуждались живые картины и были Добряковы. Вернулись рано.

15 (воскресенье)

Каждый день болит голова. Сутолока, как всегда в воскресенье. Гулять ходили очень недалеко, все тает. Прислали «Руно». Стихи без опечаток[13]. Заходили к нам Ек<атерина> Ив<ановна> и учительница пить чай. Вечером пели певчие из Окуловки. Беседовал с разными конторщиками. Оня просит давать ему уроки гармонии. После духовного пения были танцы. Напевы в зале не производили впечатления молитвы, и было досадно. Невеста Совкова похожа на Таю и танцует изгибаясь*, как пристяжная. Один певчий, большой мальчик, был ничего себе, очень стройный. Вернулись не поздно.

---

* У Кузмина — «исгибаясь».

16 (понедельник)

Писем нет; «Весы» вышли, но мне их еще не присылали; болит голова. Утром дым как-то проникает в мою комнату. Усталость, лень и скука напали на меня. Пошли очень недалеко пройтись, был дождь и ветер. Зашли к Ек<атерине> Ив<ановне>, у нее уборка. Мечты к моленной. Заря была ясная. У нас спевка; управляющий очень мил со мною. Спорили о картинах. Днем получил через Верховских письмо от щелкановского церковного сторожа Родиона, с просьбой выслать ему «Север»[14]. Помнит<ся>, который на дудке играл? трогательно, но почему к о мне? Когда уходили гости, была луна и подмерзло.

17 (вторник)

Уборка, весь ужас хаоса. Ездили в Кузичевичи. Солнце, ясное небо, ручьи, Алексея «с гор потоки»[15]. Землемер живет в чистой избе, со старинными иконами. Вот бы устроиться. И недорого, я думаю. Письмо только от Они, с просьбой учить его теории[16]. Так тоскливо от этой весны, близкой Пасхи и безденежья. Писем может не быть оттого, что ждут меня со дня на день. Гулял с сестрою. Первые проталины. Сидел в саду на сухой скамейке в одной поддевке. Фрейлейн была весела и шутила. Писал очень лениво. Завтра и нашу комнату разворотят. Вечером ездил с зятем на станцию. Луна, но тепло.

18 (среда)

Ауслендер пишет: «С<ергей> С<ергеевич> нигде не бывает, говорит, что устал, никого не хочет видеть, нездоров, скажет что-то про себя, чтобы я подождал его, так как это может быть важно и для меня, что бедствий никаких он мне не желал и не желает». Гром, грянувший из безоблачного неба, не так бы меня поразил. Неужели еще мало несчастий было мне послано? Сегодня среда, Сережа приедет в воскресенье: еще 5 дней страшной тревоги, для того, может быть, чтобы потом настал конец. А может быть, все это — химеры. День сегодня так ясен, так тёпел, так разнежен, так смиренен. Уборка. Брожу по комнатам, болит сердце, читаю «Цимбелина» и «Оракул»[17]; для успокоения помогал убираться. Сидел на дворе в одной рубашке, шутил с детьми и фрейлейн. Неужели все погибнет? что я тогда буду делать? Долго стоял на балконе, поджидая наших: какие звезды! Боже мой, что со мною будет? Пяти дней этих я не вынесу, вероятно. Написал письмо уже. А, право, при уверенности я мог бы пережить долгую разлуку, теперь же мне непереносна эта неизвестность. Не сам ли он мне объявлял все самое ужасное, во что же мне верить? на что надеяться? Я надеялся на временную разлуку, но вышло ли что-нибудь из этого? Я не знаю. Неужели завтра не будет писем?

19 (четверг)

Повестка; но как теперь ехать? Чудная погода, тепло, тает, безоблачно. Весь день маляры, сестра уехала в Боровичи. Мы ездили в Окуловку, я стригся и ждал зятя на платформе; так тепло, весенне и чуждо, будто проездом в незнакомом месте, и какая пустыня! Прямо со станции на спевку к Венедиктовым. Как странно. А если придется и Пасху, и долго, зиму, жить здесь? Если Сережа меня бросит, то, даже не умирая, я останусь здесь. Вечером была репетиция, никто ничего не знал и не делал. Чудная ночь. Лидочка сидела в гамаке, а я на крыльце, тоскуя. Боже мой, Боже мой. О, жизнь с лампадами. Читал «Цимбелина».

20 (пятница)

Такое же ликованье. Приехала сестра с девочками. Пели. Потоки водопадами стремятся. Заходил Годунов, он мил. Шили костюмы. Ответ Серого: «Ждите Ауслендера». Что это значит? но не прощанье? Цепляюсь за всякую надежду. Было скучно на вечере. Картины. Я был чертом с хвостом, к восторгу мальчишек. Танцевали. Варя свалилась. Сестра потеряла кошелек. Я всех гриммировал. Сердце полно какой-то отчаянной тревоги.

21 (суббота)

Утром сказали письмо; думал, не от него ли, — от Гюнтера. Хоть бы приезжал Ауслендер скорее. Холодно. Бродили немного. Все подмерзло. Заходила Венедиктова. Ходили ко всенощной. Низкая часовня, пение дьячков — напом<нили> мне моленны. Уехать бы в далекий город, Углич, Псков — где дешево. Неужели начало житья? Какой рок послал Сережу мне на путь? но любить я буду его одного. Я думаю, что бы ни случилось, я не убью себя. Поехал встречать Лидию и на телеграф. На телеграф еле достучались. Барышня приехала смирная, похудевшая, расстроенная. Показывали подарки на завтра. Господи, помоги мне! Завтра Сережа. Завтра все решится.

22 (воскресенье)

Сережа пишет, что приедет только в понедельник. Настраиваюсь, что нужно жить без С<ергея> С<ергеевича>, но надежда еще теплится, не знаю, что будет, когда будет определенное бедствие. Холод, идет снег. Кричат<?> дети. Ек<атерина> Ив<ановна> говорит, что «я — не здесь». Провожали ее. Уеду жить во Псков, Углич, Звенигород, один, с лампадами, печкой, тоской. Что мне остается делать? Вечером играли в винт. Болела голова. Все радостны перед праздником. Сколько еще крушений? Неужели это не последнее?

23 (понедельник)

Письмо от Тастевена; денег не обещает, требуют продолжения «Иосифа». Холодно и солнечно. Сестра с девочками отправилась в церковь. В сердце все пустее и жестче, С<ергей> С<ергеевич> все дальше: разве так поступают? Гуляли при солнце. Ходили в баню с Борисом, который вел себя как «мужчина» и все дразнил девочек, что женщины моются «по-жидовски». Ек<атерина> Ив<ановна> была резва. Поехал встречать Сережу, но тот не приехал. Сначала ко мне пристал хоринский мужик с охотой на лося, потом отставной телеграфист с местом; оба оказались жуликами, но второй очень недурен. Что же Сережа-то?

24 (вторник)

Открытка, подписанная Тарасовым, Дерингом, Икаром и кто-то без подписи: «Когда приедете? Скучаю по Вас», — не С<ергей> С<ергеевич> же это; писано без твердых знаков, но кто может по мне скучать? новое дело. Совсем нездоров. И как ехать без денег? Наши страшно долго не возвращались от исповеди, пропустили Сережин поезд, прислуга съела винегрет, нет дрожжей. Сережу нагнали уже идущим. С<ергей> С<ергеевич> последнее время избегал Сережи, никаких объяснений, ни словесных, ни письменных не дал. Это меня очень тревожит. Приезд Сережи как-то не так меня обрадовал, как я ожидал, хотя к вестям был готов и к более плохим.

25 (среда)

Утром поехал с девочками в церковь, но радости мне это не дало. Сухо и черство было мое сердце: или оно растапливается только старыми иконами? Ходили далеко гулять большой компанией, без детей, кидались снежками, смеялись, было не скучно. Письмо от Костриц, а не от С<ергея> С<ергеевича>. Вечером пошли к Венедикт<овым>. Сережа рассказывал, как хорошо весною в городе, будто я сам этого не знаю, но без Сережи что мне во всем этом блеске? А прелесть уединения духовного не потеряна ли? У Венедиктовых было холодно, но как-то нелепо смешливо. В будущем у меня — ничего. Зять уехал в Петербург.

26 (четверг)

Несколько веселее, светло, солнце. Гуляли с Лидией к Новинкам. Сестра была на станции. Прислали «Руно»[18]. Я безумен: почему мне быть спокойным, раз все потеряно? Катя за обедом расплакалась и с нею был род истерики. Потом делали бумажные цветы. Играли в карты, я учил маленькую Варю играть ее роль. Потом винт; я выиграл, против обыкновения. Ничего не делаю.

27 (пятница)

Утром повестка на письмо из Москвы. Целый день играю «Руслана»[19]. Весь Корсаков в нем. Приходил Сорокин. Ездили с Сережей на станцию. Очень долго ждали у парикмахера. Саня приезжал с отцом и милостливо раскланялся. Дома дети красили яйца. Как не жду я Пасхи. Ехавши туда, я еще чувствовал себя в числе живых, но потом опять с ужасом думал о будущем. Забыть С<ергея> С<ергеевича> я не смогу. Ауслендер говорил о планах С<ергея> С<ергеевича> на лето, растравляя мне сердце. Какой я трус. Что страшиться так настойчиво просящейся смерти? Вечером играли в карты.

28 (суббота)

Не помню, что было. Брюсов прислал свою книгу с надписью: «Любимому поэту»[20]. Возможность жизни и искусства снова затеплилась мне. Все приготовляли к разговенью. В церкви было не тесно, но официально. Все христосовались. Дома долго еще сидели.

29 (воскресенье)

Сорокин прислал карточки мне и Сереже. Почты нет. Спорили запальчиво о продавце цветов, при Екат<ерине> Ив<ановне> и Добряковой, ссорясь. Вечером наши поехали к Ирмшер, а я с зятем к Венедиктовым, где были Лауденбахи и старуха Колобова. Девочки запоздали, и зять, волнуясь, не давал никому спать. Сережа со мной ругался.

30 (понедельник)

Наши уехали в Полища, у нас был Квасинин; я его занимал музыкой. Пришло «Руно»[21]. Пошел к Сорокину, тот встретил меня: «Вы что?» — «Да вот в гости к вам пришел». Пил у него чай. Встретя прелестных Ивановых, отправился с ними к Прагер и Лауденбах. Последние были скромны и любезны. Вечером была репетиция; были Ирмшерицы, Годунов с сестрой и Добряковы. Сестра Годунова некрасива, но стройна, вид скромной и припадающей проходимки. Был и добытый Мефодий для продавца цветов. Квасинин синил<?> кисею для воды.

31 (вторник)

Днем были у Прагер, где Ал. Ив. шила костюм Елизы. Сидели мирно. С<ергей> С<ергеевич> мне пишет, что даст ответ через полторы недели, теперь же болен психически, просит Богородицу не отдавать в «Остров»[22]. Вечером гримировал всех; Годунов протягивал губы, как для поцелуя. Сошло недурно, только

освещение подгуляло. У Настасьи с Марьей Игнатьевной были какие-то инциденты. Мы как-то держались все около последней. Варя в костюме испанки была интересна, и потом, она влюблена в Годунова. Был пристав с братьями; прошелся вальс с Настасьей и был занимаем почтенными служащими. Я даже танцевал кадриль.

Апрель

1 (среда)

Куда-то с утра гуляли. Готовили письма для poste d'amour*, все приготовили. Все пришли, но было не очень весело, так как старейшины резвились и занимали слишком много места. За ужином кидались не только хлебом, но салфетками и цельными, в скорлупе, яйцами. Екатер<ина> Ив<ановна> была оскорблена в лучших своих чувствах. Танцевала даже Лидочка. Потом долго еще шел разбор, кто что кому писал.

2 (четверг)

Гуляли, ходили вдвоем с Ек<атериной> Ив<ановной> узнавать курс; смиренна и любезна, даже Сорокина не ругала. На репетиции Едвига<?> с Феклой безобразничали. Я люблю Варю за то, что ей нравится Годунов. Мы не досидели до конца; тотчас за нами вышел и Фонечка, но не с нами<?>. Любопытны эти романы и интриги. Живу, как во сне. Что-то будет?

3 (пятница)

Отвратительный дождь, но он смывает снег быстрее солнца. Ездили с Варей на станцию, я ее люблю больше других девочек. Л<идия> Ст<епановна> собирается ехать. На станцию вечером собирались весело, но ехать было тесно и грязно. Проводили гостью, на вокзале встретил Правдина; в клуб приехали первыми, тотчас прибыли и наши три кавалера. Пьеса отвратна, было очень скучно, танцевали мало, «баталия» заключалась только в том, что Ник. Ал. сломал скамейку. Прок<опий> Ст<епанович> потянул рано домой. Варе хотелось остаться, и она дорогой чуть не плакала.

4 (суббота)

Дождь держал дома. Пошли в дом, где обрели Фонечку, потом пошли смотреть конюшни; пускал щепки в ручьи. Ходили в баню, поплелись на репетицию, болтанье в доме напоминает мне лавку Казакова. Сорокин делал фасончики, отказавшись от роли,

* Любовной почты, почты Амура *(франц.)* — домашней игры

бегал на чердак, откуда его стаскивали силою, и ушел с Ирмшерицами. Они забавны, просты и милы, конторщики. Сережа писал сегодня С<ергею> С<ергеевичу>, он может писать ему.

5 (воскресенье)

Ленивое солнце. Годунов заходил мерить костюм. Я записался в кружок. Пошли за Островским к Юлии Ал., Дарьюшка гладила меня по спине, учительница говорила о весне, синицах, голубях, в кухне было чисто и светило солнце; мужик из Полищ брал «В лесах»[1]. Дома читали Островского. КПС волновался по телефону из-за театра. Один читал еще «Грозу», жизнь Катерины, где она возможна теперь? В клубе было ничего себе, после спектакля все старейшины разошлись демонстративно, мы же оставались до конца. Меня занимают эти маленькие интриги. Варя просила провожать их завтра.

6 (понедельник)

Письмо от Ремизова, поэтичное, но чем-то сухое[2]. Идет снег. К девочкам меня не разбудили. Писать начал только Сережа. Болит голова, бок, шея, ноги. Читаю Островского. Может быть, можно будет и на Волгу съездить. Заходили в читальню, потом Сережа пошел к КПС; я все-таки Ауслендера не очень-то люблю, он во всех делах какой-то выскочка. Наши были на уроке, вечером в карты не играли. Легли спать очень рано. Во сне видел, что я совсем поседел, снег, Ю.Чичерина, очень странный и печальный сон.

7 (вторник)

Опять не писал. Гуляли на Чепуху. Зять с Сережей поехали было верхами в Хорище, но последний вернулся, свалившись. Уехал Яков, ушла Христина. Что еще? Такая тоска нападает, что сказать нельзя. Теперь ответ, самый благоприятный, С<ергея> С<ергеевича>, не знаю, помогли бы мне воспрянуть; в такое унылое бездействие погружаюсь я, и так без просвета, без надежды. Вечером были в читальне и потом играли в винт.

8 (среда)

С<ергей> С<ергеевич> пишет Сереже, крайне мило сообщая, что его рассказ в «Ниву» принят, что он с нетерпением его (то есть Ауслендера) ждет и т. д.[3] Это письмо с лаской не ко мне расстроило меня. Потом успокоился, читая биографию Достоевского. Гуляли к мосту лениво. Бранились с зятем, пославшим конторщиков на станцию продавать билеты. Вечером еще пописал. Пошли к Добряковым, где была выдающаяся скука. Хотелось встать раньше.

9 (четверг)

Встали не рано, не поздно, в самое пошлое время, часов в 9; опять кашлял кровью, болит бок. Идет снег. Лампадку бы завести. Писать могу теперь. Что бы ни ответил С<ергей> С<ергеевич>, я думаю не ехать в город. Да и какая это любовь, когда для ее выяснения post factum требуется столько времени! Сидели дома, наши же гуляли с доктором; вечером были в читальне и потом на собрании. После этого Ек<атерина> Ив<ановна>, Ал<ександр> Ив<анович>, доктор, Ив<ан> Вас<ильевич> — все пришли к нам. Днем заходил Годунов.

10 (пятница)

Сегодня писал мало, дождь. Письмо от Гюнтера, фальшивое, благочестивое и сладкое. Больше нет, и «Весов» нет. Заброс какой-то. Гуляли тем не менее. Заходили к Венедиктовым за Достоевским, были милы возможно. Были на собрании, отстаивали Островского, сражались с Колобовым. Не писал.

11 (суббота)

Снег, гадость. Письмо от того же Иоганна; не пишу; мечтаю о Волге. Свободнее как-то. Гуляли днем. Вечером была читка, лениво, но не очень плохо. Всякие интриги. Провожали по невозможной грязи учительницу втроем с Сережей и Годуновым, с тем чтобы подождать девочек. Долго сидели на скамейке и пели, но когда стали кричать нашим, чтобы они остановились, они испугались, приняв нас в темноте за пьяных, и погнали лошадей. Так пришлось и назад идти по грязи пешком. Девочки приехали скучными.

12 (воскресенье)

Никаких писем нет, и «Весов» тоже. Были на репетиции, дурачились. Потом гуляли с доктором и еще с детьми. Погода поправилась. Ползают бабы и пьяные мужики с праздника «Мироносиц»[4]. Какой-то пьяный все ломился то к нам, то в клуб, татарин гнал его, на радость всем мальчишкам. В театре интриги мне надоели. Зять уехал в Петербург*.

13 (понедельник)

Когда уезжали девочки, светило солнце, но к нашему вставанью пошел дождь, и так весь день. Все в хандре и унынии, писем, разумеется, нет, но Бог с ним. Заходили в дом за вещами, все разбросано, развалено, темно и холодно после вчерашнего. Сережа днем спал. Я нисколько не работаю, неизвестно почему. После обеда зашел Оона, застенчивый и восторженный, просит, чтобы я зани-

* Окончание III тетради дневника

мался с ним. В читальне были учительницы и Настасья. Мне они поднадоели; Варя усыпала. Дома я играл «Времена года», в них есть какое-то томление, во многих. Ждали зятя, но он не приехал.

14 (вторник)

Варя просила, чтоб писал ей я, думая, вероятно, получить сведения о Годунове. Сегодня весенний день, с солнцем и ручьями. Гуляли далеко. Когда сидишь — будто кладбище, радуница[5]. Встретили дам, и жена управляющего затащила к себе; она ничего себе, хотя трещит неумолчно, но не кисла и не надута. Я люблю их дом, наше старое пепелище, хотя он и не на таком «бойком месте», как наш теперешний[6]. Дети уже в летних шляпах бегают по двору с мячиком и на гигантских. Мы долго сидели на крыльце; все конторщики проходили мимо. Собираемся вечером к Никитиным, хотя я не знаю, удастся ли это из-за Степановой. А по-моему, к КПС проследовал Фонечка. В читальне узнали, что Добряков свалился с котлов и сломал себе ногу в бедре. Все разволновались, и это станет еще новою общественностью. Играли в винт.

15 (среда)

Встали поздно. Зять все утро трезвонил по телефону, потом у него засел Миронов. Варя пишет, что у нее опять был припадок, и целую неделю ей запрещена гимназия. Опять дождь. Ходили только в баню, на урок не пошел. На собрании Колобов двинул всю тяжелую артиллерию, всех дам, даже Павлушку; все, по выражению КПС, «безмысленно орали», но в конце концов выбрали «На бойком месте» и режиссером меня. Провожал Сережу. Ночь разъяснила. Какую-то обузу я на себя навязываю. На собрании сидел с Фоничкою, писали письма, переговаривались, вместе ходили курить. Ек<атерина> Ив<ановна> и Настасья наблюдали во все глаза. Мне это нравилось.

16 (четверг)

Записка от Оны, поздравление с режиссерством, о котором слышал от Годунова[7]. Степанова зовет гулять. Хорошо бы с ними заключить содружество. Писал «Иосифа». Гулять ходили со Степановой и англичанином, занимать которого поручено было мне. Было то солнце, то град, большой ветер. Пр<окопий> Ст<епанович> все не устраивается с Карповым и управляющим. После прогулки заходили к Добрякову, его нога в гипсе лежит недвижной страшной массой, но сам он бодр. Говорил, что я — единственный веселый человек из Мошковых, и не нытик. Вечер был тих и ясен, с удовольствием шел к Оне; он встре<ти>л меня еще на дворе. Занимался больше, чем полагалось. Она напоминает мне «Якова Пасынкова»[8]. Провожал меня до дому. Дома был Венедиктов и играли

уже в карты. Заходил на минуту к Ек<атерине> Ив<ановне>. Ночь чудная, с луною и звездами. Тепло.

17 (пятница)

Светло. Писем и «Весов» нет. Скучно очень. В полдень поднялась буря с ливнем. Ходили недалеко с зятем. Сестра хандрит и нездорова. После обеда пошли гулять, хотя мне и нужно было бы идти на урок. Ходили мы с доктором. С бугра далеко видно и пустынно, Полищенская церковь блестела. Хорошо бы так долго сидеть. Тоскуется о Волге, о чем-то. Пока наши были в читальне, сидел с Лидочкою по-старому, по-бывалому. Потом вспоминали Нижний, Черное, Василь — мирно. Рано легли спать.

18 (суббота)

К Мерлиным не поехал из-за дождя и грязи. Повестка на бандероль, наверное, от Сережи. Больше ничего. Читаю Лескова. Все-таки он — мой любимец. Имею ли я веру? когда придется идти к пределу жизни, каков я буду? Гуляли с Юлией Вас<ильевной> без англичанина, далеко. Она уже рассказала нам о своем ребенке, двоюродной сестре, себе, свекре, знакомых, так что, если рассказы пойдут таким темпом, не знаю, что ей останется говорить на четвертой и след<ующих> прогулках. После обеда ходил к Ооне на урок. Вечером ходили с зятем к доктору, сидели с ним в темноте, потом он нас провожал. Было тепло и чудная луна.

19 (воскресенье)

Поехали в Боровичи. Город мил: соборы, монастырь, старый Гостиный, Мста. Варя совсем больна, каждый день припадок, еле бродит. Попросила меня играть, и тотчас с ней сделалось. Она побледнела, похолодела, вся в испарине, сучит ногами, и сводит ее всю, будто она принимает невидимого жениха. Потом засыпает. Ходили по лавкам. Муж Тобулевич — видный человек, не без приятности, хотя, кажется и хвастун. Дядя же — развалина слюнявая. Сама — баба Яга, хотя и была любезна. Тихо в городе, мирно, затонно. На вокзале гулянье. Вспомнились мечты о жизни во Пскове. Переезд совершили сравнительно благополучно, только, не поняв телеграммы, за нами выслали только один экипаж, так что я с сестрою ждали на вокзале больше часу. Зять опять слишком волнуется, не разболелся бы он к лету.

20 (понедельник)

Варя сидит на балконе старушкой, смотря на проходящих. Я ее занимаю; погода установилась. Первый урок английского. Вечером была читка. Не пришла только Праг<е>ровна и Николаев.

Остальные ломаются, мне это надоедает. Годунов делает экскурсии на велосипеде.

21 (вторник)

Тепло, безоблачно. Ездили в Пестово и Хорино к землемеру. Потом гуляли с Ек<атериной> Ив<ановной> на Чепуху. Заходила к нам пить чай. Вечером пришла Юл<ия> Вас<ильевна>, пошли с нею в читальню, где обрели Фонечку. Дома пел, пришел Ник. Алекс.; я их провожал и заходил, пили вино, ели сыр и апельсины, беседуя по-русски, задушевно и интимно.

22 (среда)

Отсутствие повестки меня начинает беспокоить. Целое утро сидел с Варей, которой сегодня не очень здоровилось. Писал какой-то вздор. Почему-то Ал. Ив. Колесников и некот<орые> другие очень любезны. Был на уроке. Англичанин задает вопросы, вроде: сидит ли missis Венедиктова под столом или на стуле? Предлагал гулять. После обеда давал урок Оне до темноты. На обратном пути встретили Шурочку, Ив<ана> Вас<ильевича> и Годунова, с которым я прошелся до Новинок, потом он меня провожал до дому. Вечером играли втроем в винт.

23 (четверг)

Повестку прислали. Слава Богу. Но писем нет. Отсутствие «Весов» меня прямо страшит. Поехали по дороге в Полища, но велосипедистов не встретили. Обедала Соня; после обеда сидели на мосту, было томление духа, хотелось идти к кому-нибудь в гости, но и к Венедиктовым и к Степановым было неудобно; вдруг приходят к нам Никитины, хотя и без КПС. Было скучно, я чуть не засыпал. Годунов за книгами не заходил. Целый день холодно и как-то пусто.

24 (пятница)

Слышал, как приехали Бурдуковские, как была телеграмма: «Виктор умер» — для землемера, встал в 7 часов сам. Годунов заезжал за книгами и катал Бобку на велосипеде. КПС говорил через забор. Варя чувствует себя лучше. Сережа прислал маме письмо, которое просил не читать громко в кабинете. Сестра проболталась об этом, и я вымотал, что это просто неодобрительные рассуждения на мой счет, насчет чего, не знаю. Другой корреспонденции нет. Вечером, несмотря на назначенное собрание, пошел к Ооне, но до Фонечки не досидел. На собрании было мило и не враждебно. Колобов говорил, как книга.

25 (суббота)

С утра переписывал роль для Ек<атерины> Ив<ановны>. Ездили на станцию; покупал ситец и сапоги, вспоминая старину. Парикмахер набивался на спектакли, к Левке заходили. Урока не было из-за болезни Ек<атерины> Ив<ановны> и отсутствия Алек<сандра> Ив<ановича>. Сорокин забегал за ролью. Вечером заходил к Ек<атерине> Ив<ановне>, дипломатически беседовал с нею. Потом играли в преферанс. Варя все поет «Любви роскошная звезда», напоминая Леночку Мясоедову. Встречал Катю, отвозя землемера. Ему почему-то нравятся «Подвиги Александра». Рассуждали дружески. Катя весело болтала и проговорилась, что Варя с Годуновым в переписке, после одного письма был припадок, и ах! какие там смешные выражения!

26 (воскресенье)

Отвратная погода: и снег, и дождь; целый день дулись в преферанс, даже голова разболелась. После играли в кегли на балконе. Со стороны можно подумать, что мы очень веселимся. Вечером были у Степановых, где сначала застали доктора. Англичанин меня занимает, строя глазки. Бобка мне донес, что девочки про меня говорили, «будто я не люблю женщин».

27 (понедельник)

У Вари на ногах появились пятна. Поехали провожать Катю, с тем чтобы ехать в Раменье, но сломался тарантас и мы еле доплелись домой. Утром лежал снег, но потом утро стало прекрасным. Но эта прелесть ничего не принесла. Как-то смутно было весь день. Занимались английским только с Ал<ександром> Ив<ановичем>. Актеры сами хлопочут. Заходил Варфоломеев. Ек<атерина> Ив<ановна>, хотевшая было прийти, не пришла. Вечером бегал с детьми по двору, потом играли в преферанс. Больше, кажется, ничего не было.

28 (вторник)

Холодно. Зять уехал верхом; писем и ничего нет, да и какие теперь письма, только деловые могут быть. Кажется, первое лето я провожу без amant de titre*. Прошлое это был С<ергей> С<ергеевич>, там Наумов, Павлик. Сонно и лениво; я, очевидно, болен; заходил к дамам учить роль. Вечером приходил доктор и Венедиктовы играть в карты.

---

* Основного любовника *(франц.)*.

29 (среда)

Мы не сидим на поклонении, как прежде, а так болтаемся. Я переписываю роли актерам, потом брал английский урок. Дома застал Марью Федоровну, зашли и ее подруги. Зять уезжает сегодня с Бурдуковскими, которые вернутся. Левка снимал мерки. Занимался и с Оной. У него отличный вид из окна, через часовню на леса. Закат был ясен и холоден. К нему привели корову продавать. Дома ждали отъезда. Зять спал, гости скучали. Гадали по оракулу.

30 (четверг)

Ничего нет. Все меня забыли. Перебираться на время в старую комнату не хочется. Ленюсь невероятно. На читке было прочитано «На б<ойком> месте», было славно, и даже Варя приковыляла. КПС все танцевал в темной зале. Ек<атерина> Ив<ановна> зашла к нам пить чай. Я ее провожал, встретили Ив<ана> Вас<ильевича> и пошли смотреть фабрику ночью. Очень интересно. Варфолом<еев> сидел без пиджака и пил чай один. Серные печи синели таинственно. Ночью мышь, спрятанную в корзине Бурдуковских, выпустили, и она бегала, не давая мне спать.

Май

1 (пятница)

Поехал встретить зятя, чтобы ехать с ним по деревням. Пили чай на вокзале. В деревнях крик, гвалт, бестолочь, недовольство. В горы переезжали на лодке. Скучно было. Проваландались до 4-х часов, и в конце сломалась ось, пришли домой пешком. Сережа все прислал. Меня успокаивает одно знание, что есть единоверческие книги etc[1]. Варе вспрыскивали ногу, и ей хуже. Что делали вечером, не помню.

2 (суббота)

Бобкины имянины. Пою Даргомыжского, переписываю роли, ленюсь, немного скучаю. Ходили в баню, были дети в гостях. Репетиции не состоялось из-за отсутствия дам. Дождь идет. Пели с Варей. Мышь приходила на старое свое место. Видел какие-то сны.

3 (воскресенье)

Встал поздно. Сначала были неустройства с Юл<ией> Вас<ильевной>. Но потом я сходил к обеим прелестницам и привел их. За обедом у Степановых были семейные сцены при мне и докторе. Я бы на месте Ник. Ал. стукнул бы чем-ниб<удь> свою жену. Репетиция сошла недурно, был и Бессудн<ый>, и Милов<и-

дов>[2]. Прибыл и Фонечка. Наши собрались со Степанов<ыми> кататься, но вернулись из-за дождя. Я опять пошел к Степ<ановым>, сидели и выли дуэты. Потом к Никитиным. У них чем-то плохо пахнет, но уютно. КПС меня занимал.

4 (понедельник)

Писем опять нет. Скоро пройдет назначенный мною срок. День чудный. Ходили гулять к Новинкам слишком рано, не встретивши Фонички, сейчас же на урок, предварительно зайдя к Степановым. Она мне надоела. Когда говорил с мистером, окликает КПС, идущий из конторы. Давал урок. Оны не было, пришлось ждать; какая-то девица в прическе и розовой кофте сидела и ждала. Везде чисто, тихо, вид на все 4 стороны. Придя домой, застал уже Ив<ана> Васильев<ича> играющего в карты. Играл и я.

5 (вторник)

Не помню, что было днем. Вечером была репетиция и водевиля; было весело. Годунов сидел с Варей в углу. На водевили была толкучка, я — изображ<ал> и Пашу, и Ал. Ив. Квасинин — Анету. Вечером приехала Катя. Зять хандрит и падает в обморок. Перед репетицией заходил к Юл<ии> Вас<ильевне>. Мужчины пришли из бани, мы дурили: целовали стенку, доставали платок, ставили англичанина лбом в угол, бегали в жмурки, но Ник. Ал. все-таки жену на репет<ицию> не пустил. Гулял с сестрой уже на «Вонь», дружески беседуя.

6 (среда)

Сегодня приезжают Бурдуковские. С утра пели. Наши уехали. Брал урок. Ив<ан> Фил<иппович> теперь уже дома, в пустой комнате с открытым окном. Юл<ия> Вас<ильевна> пошла со мною, Варфол<омеев> прогуливался мимо, думая, что назначено в 6 час. Дама просила, чтобы он обнимал и целовал ее как следует, что она на это смотрит очень просто. Варя делала гаданье, чтоб она видела во сне Годунова, а тот — ее. Но подействовало только на одну половину, так как когда я спросил у Фонички, что он видал во сне, оказалось, что ничего. Впечатление Бурудковских от Петерб<урга> было главным образом — ценные пожертвования высочайших особ.

7 (четверг)

Утром направились с девочками в читальню. Лидка уверяла, что туда прошел татарин, увидела висящий макинтош, обнюхала его и решила: «Конечно, татарин». А в читальне оказался Годунов. Написали заявление, чтобы общество устроило семейный вечер. Пришел зять, пошли осматр<ивать> сцену, а девочки из зала бросали нам

мяч, будто в уголки в «Дворянс<ком> гнезде»[3]. Вместе все вышли. Гулять не ходили, было 10 дождей, в промежутках солнце. Репетицию отложили. Играл с детьми в лапту, потом в преферанс, проиграла Варя. Вечером Бурдуков<ский> ушел спать, а зять и его сестра вспоминали молодость, Устюг, ярмонки, свои лавки, торговлю, приказчиков, училище, странно мѣня волнуя. Плохо спал. Сережа пишет городские новости. О «Весах» и «Руне» никто ничего не знает; у Иванова «Академия», собираются они не то в Василь, не то в Окуловку или Бологое; меня помнят. С<ергей> С<ергеевич> «тусклый и тяжелый», ну и Бог с ним! погубит он себя[4]. От Маковского Сережа деньги получил[5]. С<ергей> С<ергеевич> со всеми разошелся. Что мне до того?

8 (пятница)

Как-то тупо прошел день. Брал урок английского. Ив<ан> Фил<иппович> лежит, бодрый, Ал. Ив., насколько может, повеселела и любезна. Дома так делали кое-что, пели, читали, играли в преферанс. Зять, уехав, надолго пропал, до вечера, и сестра очень беспокоилась. Слушая все эти разговоры за ужином, очень волновалась, и, когда приехал зять и все побежали навстречу, оставив ее одну с немкой в столовой, с ней сделался сильный припадок. Я помогал ее перенести и растирал ей пульсы, пробуя молиться, чтобы она успокоилась. Зять расск<азывал> о кануне Николы в деревнях[6], с лампадками<?>, гостями, о постном обеде у попа и т. п.

9 (суббота)

Писем нет. Сегодня увезут Варю, ей очень не хочется как больной ехать в Петербург. Было волненье из-за лошадей, которых не подавали. Заходила учительница, прося назначить репетицию раньше, ввиду отъезда на окуловский спектакль. Шла только «Помолвка»[7], собирались лениво, выходила толкучка и больше ничего. Годунов и Квасинин тоже поехали на станцию. Варф<оломеев> репетировал объятия с Юл<ией> Вас<ильевной> и на прощание поцеловал ее в щеку. После убежали к Степановым к соблазну гостей. Там было просто и мило.

10 (воскресенье)

Пусто без наших. Гости уехали к обедне. Писал все утро, но не то, что было бы нужно. Забросил несчастного Ону. Зашли было гулять за Юл<ией> Вас<ильевной>, но попали в самый разгар сцены. Она хотела топиться, стреляться, говорила истерически, побежала за мужем в контору, чтобы еще там скандалить. Пошли одни; ползают гуляющие семейно; по деревням играют в бабки. Фекла и Капа ловят кавалеров. Потом пришла раскаявшаяся Ю<лия> В<асильевна> с девочкой. Посидела у нас и в читальне,

просила ее проводить. Н. А. был надут и важен. Дома играли в преферанс. Бурдуковский сердился и ушел спать. Видел Годунова под руку с Феклой и Капой, мне было неприятно это почему-то.

11 (понедельник)

Встал рано, с Катей. Ждем наших. Они съездили достаточно благополучно. Навезли нот. От Чайковского напала тоска. Какая противная музыка. Зять предпринимает вечер в воскресенье. Зазывал Годунова, чтобы уславливаться относительно балалаек. Варя учила разные песеньки. На уроке ждали долго Ал. Ив., уехавшую на станцию. Англич<анин> пел, танцевал, показывал бой быков. После была репетиция «Помолвки», многих не было. В «Образовании» есть строчки обо мне, не слишком ругательные[8]. Ауслендер пристроился в какую-то газету[9] и потом секретарем в «Аполлоне»[10], так что денег будет получать порядочно. Вечером играли в карты, писали с Лидкой стихи. Писал немного.

12 (вторник)

Утром заходила к нам Ю<лия> В<асильевна>, уезжающая завтра в Петербург. Потом гуляли с детьми, собирали подснежники и фиялки: не холодно, но сумрачно. После обеда пошел на урок, давал его неохотно. У нас на крыльце сидела Варя, фрейлейн и дети. Проходили люди в библиотеку. Было скучно. Вечером играли в карты. Бурдуковский злился. Спал неплохо.

13 (среда)

Какая-то хандра и лень не покидают меня. День очень серый. Кажется, уезжают сегодня Бурдуковские. Урока не было, так как англичанин оказался похищенным в Петербург. Посидел у Добряковых, пил чай. На репетицию собралось так мало народа, что ничего не состоялось. Бурдуковские уехали. Мы еще побродили немного. Так тихо, ни ветерка, ни звука, молодой месяц нежен. Мне скучно уже четыре дня. Писал немного.

14 (четверг)

Прислали «Остров»[11]: есть опечатки. Ездили на станцию, было приятно, что тепло и ходим по улице. Видели Настасью с сожителем. Деревья еле-еле зеленеют. Заходили к Лёвке; в маленькой комнате были 4 жида, 6 жидовок и дюжина жиденят. Конечно, ни подкладок, ничего не готово. Дома пили чай; Варя все меряет платья. Открыли двери на балкон и так пели дуэты и песни. После обеда ходил к Они; чудный вечер, мальчики на лугу играют в лапту. Так тихо, тихо. Она занимался лениво и попросил напоследок меня поиграть. Возвращаясь, встретил Бобку, Варю и фрейлейн, пошед-

ших мне навстречу. Дома обрели Ив<ана> Вас<сильевича>, с которым играли в карты.

15 (пятница)

Встал поздно. Никаких известий. Вечером приехал Юра; он постарел, возмужал, говорит очень громко, но оживляет; рассказывал про Сережу, про его покупки, планы, вспоминал про мое отправление из Петербурга, такое печальное. Меня несколько волновало, что со мною спит Юра, но это пустое. Не все ли равно, хотя С<ергей> С<ергеевич> и говорил, что Юра грамотный или не прочь от обучения.

16 (суббота)

Продолжается жара; встал рано и все как-то взбудоражились*. Так что в десятом часу уже захотели есть. Перетаскивали диван и стол на балкон, все заметно зазеленело. Юра весь день ездил верхом, потом спал на балконе вверх дном или бренчал на пьян<ино>. Варя гуляла; опять встретили Фоничку. Был пожар на Камнях<?>, собралось все общество и обе приехавшие дамы, но мы не были. Как-то празднично и несколько сумбурно, но приятна теплота и летняя открытость. Вечером, в ожидании наших, играли в преферанс. Лидочка приехала больной, Варя переведена. Потерял перчатки.

17 (воскресенье)

Утро было роскошно, впрочем, и весь день простоял таким. С утра наши поехали в церковь, у меня же болела голова, и я не ездил, а сидел с больной Лидкой, Борей и фрейлейн. Заходили Годунов и Квасинин бегать на гигантских. Годунов в красной рубашке. Потом я зазвал Сорокина, пел ему; голова моя прошла. Вернулись наши. Вчера была телеграмма из «Весов», сегодня письмо и «Руно». Городецкий меня не упоминал, и если он пишет рецензии, то и поругивает[12]. Прошли иконы из Полищ, старого письма. Я и на молебен не пошел, хотя Варя и звала меня очень. После обеда предполагался пикник. Вышла путаница. Ю<лия> В<асильевна>, думая звать Колесникова, телефонировала мне, чтобы я приходил «с супругой и Алешей», а на пикник их не хотели; но все уладилось и мы отправились. 12 челов<ек>: доктор, Ал. Ив., студент, Венедиктовы и мы. Ехали через праздничное Подберез<ье?>, где видели издали опять наших велосипедистов, и по красивой дороге — к озеру. Гуляли люди, мы импозантно прокатывали в белых шляпах, на 5 экипажах, я с Варей, так как Юру обрекли студенту. Пили чай,

* У Кузмина — «сбуторажились»

пели, играли в пятнашки. Вечер был прелестен. Обратно ехали в тех же комбинациях; в пьяной деревне нам предлагали пива, останавливали лошадь, валились. По тихим холмам при луне мы уже возвратились, и мне вспомнилось житье в Щелканове. Дома доигрывали в преферанс. Юра говорит: «Жалко, что вы со мной не поехали, мне было бы приятнее».

18 (понедельник)

Погода продолжает стоять прекрасною. Не помню, что было днем. Утром относили ноты Ек<атерине> Ив<ановне>, встретившей нас в открытом капоте. Опять ходил к ней спеваться, она ждала Колесниковых и Степановых и звала меня заходить после Евгеньева, но тот так меня задержал, что я никуда не попал. Вечер сошел ничего себе; Варя танцевала осторожно, будто боясь упасть. Я с Юрой еще оставались, последние танцы все носились, как бешеные. Была огромная желтая луна на уже светлом небе. Долго еще говорили, лежа в постелях.

19 (вторник)

Гуляли на «Вонь», Варя целый день практикуется с Юрой в кокетстве. Ходили в дом петь<?>, так как наши пьянино еще не перетащили. Алеша все проникал в залу. Сестра говорила со мною, нельзя ли устроить, чтобы Варя сегодня ехала в Окуловку с нами. Зять боится, не влюбилась бы Варя на вечерах; кажется, опасения запоздалые. Вечером у меня болела голова, но играл в карты. Был доктор и Юл<ия> Вас<ильевна>, которую я провожал. Подходя к дому, я подумал, что все-таки у нас в доме всех веселее. Завтра приезжает Сережа.

20 (среда)

Сестры нет, приехал Сережа с подарками, покупками, несколько кислый. С утра пели, бегали на шагах, играли в волан. После завтрака втроем с Варей и Юрой поехали на Лихую кручу, весело смеясь; барышня все практикуется. На уроке чуть не засыпал. Добряковы зазывают играть в преферанс. Назад бежал под дождем. Играли в карты. Годунов спозаранок прикатил на репетицию, на которую собрались все. Ю<лия> В<асильевна> плоховата, но в конце выскочила Агафья Колесникова и стала говорить ей всяческие комплименты. Вечером у нас чуть не произошел пожар. Мы сидели втроем, читая и мирно беседуя. Спать меня переселили опять в кабинет и дали кровать, которая валится. Говорили еще через стенку. Перед репетицией бегали с Фонечкой на шагах. Завтра собираемся писать.

21 (четверг)

С утра темно, холодно, идет дождь. Ездили с Юрой и Сережей на станцию к Левке и парикмахеру. Писем нет. После обеда пошел на урок к Оне. Наши зашли за мною. Возвращались весело. Потом поехали в читальню, извлекли оттуда Квасинина бегать в темноте на гигантских. Играл оперетку. Приехала Варя с Лидочкою, которая выдержала экзамен. Разговаривали с Варей еще некоторое время.

22 (пятница)

С утра было холодно и темно, только к вечеру разгулялось. Юра уехал далеко верхом, в белой шляпе и больших сапогах. Мы немного гуляли с детьми. На обратном пути сестра с Сережей зашли к Добряковым. На уроке повторяли старое. Англичанин скучен; вообще, со Степановыми, при их содружестве с Колесниковыми, некоторое охлаждение. Ходили встречать Юру. Сережа говорит, что отставка С<ергея> С<ергеевича> встречена общим одобрением, что он меня не ругает, даже наоборот. Читал мне дневник. На репетиции было не скучно, дурачились. Ив<ан> Вас<ильевич> катался на гигантских. После пошли еще гулять. Юра в белом балахоне. Залучили Ив<ана> Вас<ильевича>, дурили невероятно в Поддубье, гуляя еще с Шурочкой и ее подругою. Сидели на мосту, поджидая Катю. Еще и после ужина наши барышни не успокоились: стучали к нам в окна, звали кататься на гигантских и т. п., но мы были уже раздеты. Юра рассказывал о двинских «огарках», изображая скромность[13]. На будущей неделе еще будем заниматься французским. Что-то не шлют мне ни повестки, ни «Весов», ни писем. Денег ни копейки.

23 (суббота)

Спектакль придется отложить еще на неделю из-за отъезда Пр<окопия> Ст<епановича> и Лауденбаха. Ходили в баню, битком набитую; репетиции не состоялось, в ясный вечер ходили гулять в Новинки, но было скучновато. Вечером я с Юрой отправились к Добряковым играть в карты. Играли до рассвета, когда студент должен был ехать встречать Филипповну. Вернувшись, еще ели дома.

24 (воскресенье)

С утра писал стихи; ничего нет, больше всего меня беспокоит отсутствие повестки от Чичериных. У Лауденбахов все готовят, таскают посуду etc. Ек<атерина> Ив<ановна> заходила сговариваться относительно катанья, была любезна и весела. Очень тепло, был ранний обед. В дом собирались разряженные люди. Когда шли Лауденбахи, Юра грянул маршем из «Тангейзера»[14].

Отъезд Ек<атерина> Ив<ановна> устроила с возможной помпой, сама отправилась в дом, велела всем 6-ти экипажам подать туда, всем объявила, что мы едем. Было пыльно, людей 16 чел<овек>, не очень весело; Софья Добрякова — такая же дура, как и Александра, дамы лучшие — подсохшие провинциалки, которые резвятся и болтают. Но не кислы. Приехавши, застали пир еще в разгаре. Открыв окна, мы пели демонстративно и в ответ: оттуда доносилось пение, кажется, Варфоломеева. Разошлись мы рано, но я еще писал, переговаривался через стенку с молодыми людьми. Были очень пыльны. Зять уехал в Киев.

25 (понедельник)

Проспал; с почтой ничего; тепло и темно, ветрено, ночью был дождь. Днем ездили на станцию, я потерял кошелек. Заходили дважды к Левке. На станцию пришел севастопольский <поезд>, выходила петербургская публика. У дам наших всякие куражи и интриги. Это и занятно, и скучно. Урок прошел хорошо. Мистер предлагает мне учиться испанскому, в обмен на итальянский. Это меня подбодряет. Перед репетицией читал Пушкина, потом играли в крокет с Квасининым. Прошло хорошо. Ходили провожать Шурочку с КПС и Ал. Ал. Потом она нас. Юра ее обратно. Пошли к Добряковым. Было тошновато, но не слишком.

26 (вторник)

Утро прекрасно, и день был такой же. Утром приятно занимались французским. И Юра присутствовал. Запомнили: inconvenable, culotte, indigestion*. Долго ждали студента, чтобы идти к лодке, Варя очень дурачилась. Встретили Годунова, куда-то пропавшего, говорит, что зачитывается Печерским. У лодки было зелено, открыто и приятно, я люблю там бывать; студент заходил к нам; от Степановой телефоны, записки, послы; будто сердится. Тотчас после обеда полетел к ней; занимается с англичанином. Повторяли роль. Довольно бестолкова, но, может быть, и выйдет. На репетицию Годунов не пришел, предпочтя станцию, не было и Павлова с Варфоломеевым, так что заменяли их я и Юра. Шло лучше, чем прежде. Изгнал Прагеров, Настасью и Мошкова, и они очень ругались. Потом провожали дам, без шапок, и дурились, пели песни, К. И. изображал тореадора. Юра увеселял компанию. Колесниковы тоже тихонько резвятся. Приехала Катя, какая-то пришибленная и надутая. Сережа читал Юре главу, не читанную еще мне. Отсутствие повестки меня очень тревожит.

---

* Неприличный, штаны, несварение желудка *(франц.)*

27 (среда)

Утром, ничего не получив, стал даже беспокоиться. Написал в Петербург и в Москву. Занимались французским. После завтрака читали «Кавказского пленника»[15]. День чудный, наши разошлись по визитам. Шотц еще не приехали. Англичанин был не в духе, но предлагал итальянский урок на чистом воздухе, где-нибудь в лесу. У него сплин. Днем заходил КПС и Квасинин. Молодые люди поехали с доктором верхами, мы за ними, зашли к Степановым; она вышивала на крыльце, ожидая мужа. Пошли за нашими. Чудный вечер. На обратном пути встретил Прагершу, прагерят и Мошкова-врача. Дома приехал снова к нам Квасинин. Ужинал у нас, слушал музыку, беседовал. Мало пишу, но время проходит хорошо. Колесниковские дамы говорят, что, кажется, у нас всех веселье, да и мне это кажется; это, конечно, от молодого воздуха. Юра тоже очень мил для гощения, и приятны молодые люди без ревности и сцен. Куда скрылся Годунов, хотелось бы мне знать?

28 (четверг)

Опять повестки нет, может быть, это грозит серьезною опасностью. Пишу мало, хотя занятия и чтение Пушкина очень подбодряют меня. Жалко, что по-французски приходится читать этого слезливого дурака Стерна[16]. Погода чудна. Приплелась «федруна»<?> Оля Ревицер. Юра за ней ухаживает, и хуже всего, что он вдруг взял позу «мрачного воздыхателя», что совсем ему не к лицу. Или обиделся на что-нибудь, но не обедал, пошел один ее проводить и пропал где-то у Якова. Мы вечером были у Ек<атерины> Ив<ановны>, она была любезна и мила, но там был препротивный Смирнов. Явился Юра, продолжая разыгрывать разочарованного. Держался меня и убежал вперед домой. Что-то меня гложет. Главным образом — неизвестность относительно денег и хлопоты с репетициями. Исчезновение Годунова тоже мне кажется странным и неприятным. Все черемухи в бешеном цвету, но мне не весело, и как-то принятое положение веселого дома как-то расстраивается. В буфете околела мышь и ужасная вонь. Отсутствие денег поистине меня тревожит. Привез Левка подкладки, неважные, но все равно уж. Жалко, что нет писем, но от кого же и быть им?

29 (пятница)

Так же тепло и погоже. Занимались французским и английским. Пели. Юра играл у Добряковых в карты, не пришел обедать и не поехал к Лярским. Сестра сердилась. К Лярским отлично было ехать, хотя дорога и считается по справедливости ужасною. Я люблю это имение с затеями и местность около него, напоминаю-

щую какую-то гораздо более южную страну. Покупали цветы. Сын садовника показывал ананасы. В читальне сидел задумчивый Годунов, принял приглашение зайти к нам. Иван Вас<ильевич> и КПС тоже пришли. Пили чай, ели раков, пели, играли в горелки, жали масло etc. Было очень весело. Провожали Ив<ана> Вас<ильевича>. Варя была очень весела, резвилась. Варфол<омеев> уезжает, так что Миловидова будет играть Годунов. Несчастного КПС Юра совсем замучил, но тот был, кажется, доволен. Вот так эмансипация у нас началась.

30 (суббота)

Жара. Проспали. Купаются. Денег не шлют. Это прямо ужасно. Левка мерил пальто и пиджак, чуть не сошел с ума от моих капризов. Лидочка смотрела неодобрительно. Наши поехали верхами с Яковом. Мы их встречали. Варя одна возвратилась с татарином, словно с проводником. Ив<ан> Вас<ильевич> играл у нас в лапту, Годунов пришел с крестин, и КПС заходил. К нам зашли Добряковы, мы пошли, но горе нам гулять: эта дурища Ал<ександра> Фил<ипповна> все отравляет. С завтрашним пикником целая история. Зазвали КПС, он только утешил.

31 (воскресенье)

Опять ничего не прислали, кроме напоминания из «Руна», ни денег, ни «Весов». Жара привела к грозе и к дождю до вечера. Фоничка не заехал. Целый день изнывали, то читая Пушкина, то играя в карты; сестра все искала коленкора и путешествовала к Юлии Алексеевне и Ек<атерине> Ив<ановне>. Конечно, о пикнике нечего было и думать, с грудными ребятами или без оных. Только часов в одиннадцать мы вышли в сад, танцевали, бегали в пятнашки по лужам и кричали, тревожа Колесниковых. Юра долго дурил, суя мне в дверь то ноги, то руки, то пуская клубы дыма.

Июнь

1 (понедельник)

Шел дождь все время. Был на уроке. Тимофеич бунтует и собирается уезжать; англичанин был в безумном настроении, рассуждал об архангеле Михаиле и т. д. Юра ездил к Ревицер, и сестра ему выговаривала за это; он обиделся, и я его утешал. Сели играть в карты. Ю<лия> В<асильевна> прислала записку, что играть в воскресенье не может. Мы были в тревоге. Ек<атерина> Ив<ановна> ни за что не хотела откладывать спектакля. Пришел Фонечка, репетировал со мною, то изображая Аннушку, то видя ее во мне, меня

это возбуждало. Пели; пришла Ек<атерина> с Саней. И Пр<окопий> Ст<епанович> приехал, все привез.

2 (вторник)

Прислали деньги за три месяца[1]. Ю<лию> В<асильевну>, говорят, поколотил муж, и она лечит синяки. Наталья Алек<сандровна> согласна играть, но и Юл<ия> Вас<ильевна> объявила, что, если так дело поставлено, то она согласна. Я поехал к Шотц, там опустело чем-то. Юра взял у меня в долг; минутами я думаю, что это С<ергей> С<ергеевич>. Репетиция сошла недурно, но все уговаривают меня играть Бессудного, что весьма неудобно.

3 (среда)

Болела голова; приходили цыганки, крымские татарки, курившие папиросы, гадали мне и Юре. Приходила Оля, смотрела, как делают декорации, ездили к Шотц учить романс, ходил на урок, в баню, заходил Годунов на минутку; билеты продались почти все. Какое-то колыханье. Репетиция прошла недурно, но голова моя всё разбаливалась, и я лег, не зная, что все делают.

4 (четверг)

Ничего нет; голова очень слаба. Ходили за ландышами. Юра пропадал. Заходила к нам Наталья Александр<овна> с девочками. Перед репетицией заход<ил> Годунов, разучивать аккомпанемент. Варя что-то скучна. Ек<атерина> Ив<ановна> все интригует за то, чтобы я играл Бессудного. Смотрел из зала; выходило неплохо, но Павлов, действительно, запаздывает невозможно. После провожали Нат<алью> Ал<ександровну> и Фонечку, дома были Венедиктовы.

5 (пятница)

Чудный день. Занимались. Ждал Левки, но тот надул. Целый день у нас Марья Федоровна. Идут приготовления. Намазали декорацию. Годунов был тут же, Сорокин веселился. Потом пошли гулять в лес, Юра и Ив<ан> Вас<ильевич> улепетнули от нас, так и пропали. Дома пели еще. Павлову написали письмо; он обиделся и отказался[2]. У Добряковых днем меня все уговаривали к этому шагу. Провожали до Полищ,<?> потом Годунова, потом он нас, говоря о фабрике. Скорей бы все это проходило.

6 (суббота)

Ночью явился Юра весь разбитый. Оказалось, свалился с велосипедом, сломал его, заблудились, тащили вело<сипед> на плечах до Заозерья, отправили оттуда по машине, а сами отправи-

лись пешком. Кормил его и утешал. Утром это было предмет<ом> обсуждений. Утром [была репетиция] не помню, что было. Ходили к Ек<атерине> Ив<ановне>; у них устроена комната мальчиков наверху, вот бы нам такую! Юра сломал часы у них. На репетиции была масса народу, шло из рук вон плохо. Н<аталья> Ал<ександровна> все смеялась, ничего не хотела делать. Приезжал Левка, смеху подобно, что он привез. На репетиции я злился, орал, топал ногами. Заболела голова. Как бы к завтрему не разболелась.

7 (воскресенье)

Голова прошла. Утром была репетиция водевиля; шел лучше. Ездили на станцию, закупали кое-что, картон и т. п. Парикмахер ничего не привез. Кормили его и суфлера обедом. Гримми-роваться стали чуть не с 4-х часов. Не опоздали. Я очень боялся за Аннушку, но ничего; водевиль сошел, и совсем гладко. Я всех благодарил, с Фонеч<кой> поцеловался, меня качали трижды при открытом занавесе. Потерявши очки, никого не узнавал и скрывался, оставаясь в красной рубашке. Вечер был веселый, танцевали и в саду, наши молодые люди были очень милы. Годунов презентовал мне ландыши. Сорокин как котенок<?>. Юра провожал еще Олю.

8 (понедельник)

Встали поздно, но в доме убрали все очень быстро. Разговоры еще о спектакле. Прислали ноты. Брал урок, пришли туда же и Сережа с Юрой, играть в карты. Собирались к Юл<ии> Вас<ильевне>, но она сама зашла к нам, хочет играть на следующем спектакле. Пошли ее провожать и зашли к ней. Пр<окопий> Ст<епанович> послал Юру верхом на станцию. Дома играли в винт и ругались.

9 (вторник)

Наши уехали, погода чудная, целый день дурили; заходила Ек<атерина> Ив<ановна>, играли в 4 р<уки>, провожали ее, заходили к Добряковым. Купаться. У дома все толклись какие-то люди, собирались к лодке, закупали хлеба и т. п. Пошли к Шотц, Нат<алья> Алек<сандровна> присылала за ролью, все уладилось. Фонечка заходил после обеда, Ив<ан> Вас<ильевич> догнал уже в Обречье. Венед<иктовы> днем звали за ландышами, но мы отклонили. Кататься было очень приятно, все время пели песни, разводили костер, пекли картофель и яйца; молодой месяц светил; стесняла только связанность временем. Наши встретили нас у Обречья. Не ворчали.

10 (среда)

Что было? Были у Юл<ии> Вас<ильевны>. Ник. Ал. уезжает сегодня. Ездили с Юрой на станцию, но велосипед еще не готов. Урок был. Поем «Je crains de lui parler la nuit...»[3]. После обеда пошли семейно гулять. Потом я зашел к Венедиктовым звать их к нам. Они как-то ссорились. Я долго был в саду один, ходила гусыня с гусятами и шипела на меня. У нас играли в винт, я же с дамой à 4 mains и пели. Дети дурили и возмущались декадентством. Лидочка говорила: «Прежде были гораздо лучше журналы».

11 (четверг)

Встали очень поздно. Ю<лия> В<асильевна> телефонировала, когда ко мне прийти, но сама укатила на станцию. Ходили за ландышами, которых масса, но комары мне проели всю голову. Пили молоко. Фрейлейн уехала на станцию одна, Левка прибежал и сказал, что фрейлейн разбилась и просит послать кого-нибудь. Оказалась цела и невредима, но разбила всю тележку. Заходил Шотц за билетами. Начали играть в крокет. КПС продавал билеты; мяли его. Юл<ия> Вас<ильевна> заходила петь. Долго ждали Ек<атерину> Ив<ановну> и Годунова. Юра все хулиганил на репетиции, пришлось его прогнать. Он, кажет<ся>, обиделся и не пошел гулять. Я приглашал Сережу проводить Годунова, но все пошли провожать дам и еще прошлись, потом Ю<лия> В<асильевна> нас, была резва и весела; встретили доктора одиноко бредущим. Дома Пр<окопий> Ст<епанович> дремал, а Юра разыгрывал Варламова. Долго еще сидели. Жалко, что писанье как-то не настраивается. Читали «Бахчисарайский фонтан»[4].

12 (пятница)

Варино рожденье. С утра было как-то томно. Вырядились в костюмы. Ирмшеры не пришли, Ек<атерина> Ив<ановна> тоже; были наши мол<одые> люди, Венедиктовы, Ал<ександра> Фил<ипповна>, Юл<ия> Вас<ильевна> и Шурочка. Фонечка и Ив<ан> Вас<ильевич> поднесли по букету ландышей. Танцевали, пили, пели, бегали; за ужином Годунов сидел с Олей, а Варя со мной и Сорокиным, мама думала, что они надулись друг на друга. В почту получил все очень хорошие письма и от Ф<еодосия> И<гнатьевича> очень трогательное и нежное письмо. Провожали Олю я, Сережа, Юра и КПС. Он приручился к нам.

13 (суббота)

С утра поехал с Пр<окопием> Ст<епановичем> в Пестово, ходили по лесам и болотам, там хорошо, только комары кусаются. Совсем не думалось, что сегодня генеральная репетиция.

Юл<ия> Вас<ильевна> очень волновалась, воевала со мною из-за платка, но смирилась несколько. Репетировали небрежно, как всегда во второй раз. Годунов пришел очень рано и все играл на гитаре, но был какой-то расстроенный. Провожали Ек<атерину> Ив<ановну> и Юл<ию> Вас<ильевну>. Пропели КПС серенаду.

14 (воскресенье)

С утра устраивали все на сцене. Мазал декорацию. Сердился. Ездили на станцию с Юрой. Парикмахер и суфлер обедали у нас. Торопили гриммироваться. Годунов привез Варе мандолину и мне букет сирени. Меня это очень тронуло. Спектакль сошел хорошо, хотя Ю<лия> В<асильевна>, разумеется, была худшей Аннушкой. Все было настроено весело. Я бегал переодеваться во время водевиля. Годунов бродил, я поблагодарил его за букет, что он не забывает меня, он сказал: «Вас невозможно забыть никогда». И вечер сошел весело. Публики было видимо и невидимо. Какое-то благорастворение чувствовалось.

15 (понедельник)

День уборки и воспоминаний. Ходили к Ю<лии> В<асильевне>, она со слепой кишкой. Играли в теннис, пришла туда и Ек<атерина> Ив<ановна>, обсуждали план действий на будущее собрание. Дома сели играть в карты, как вдруг телефон от дам Колесник<овых>, затесались тут как-то и КПС с Вишневским. Эти американки невероятно скучны и кислы. Юра убежал к Ревицер и потом явился через окно и не выходил к гостям. Я с Сережей провожали Костюшку, шедше<го> в дамской мантилье. Дома втроем ели мясо. Писать бы завтра.

16 (вторник)

Встали поздновато, занимались. После завтрака пошли за ландышами с Марией Федор<овной>, но в половине третьего я вернулся, чтобы идти к Юл<ии> Вас<ильевне> просматривать Островского. Пришла туда и Ек<атерина> Ив<ановна>, остановились на «Грех да беда» или «Не так живи, как хочется»[5]. Праг<е>ровна перед собран<ием> делает визиты. Заходили и к уезжающему Ив<ану> Фил<ипповичу>, где был Прок<опий> Степ<анович>. После обеда вышел на мост к Фонечке, обещал прийти к нам. Играли в крокет, и зашел, был какой-то gêne*, Варя пряталась и дурила с Бобкой, кавалер стеснялся, Юра с КПС удрали, так что мы пошли гулять без них, получив Прагершу из библиотеки; впрочем, КПС присоединился к нам. Ходили через Кам<е>нку, Фонеч<ка>

* Скованный, стесненный *(франц.)*

все шел со мною; сестра, кажется, чего-то боится. Чай пить не зашел. Доигрывали в преферанс. Дом у клуба хотят отобрать под нового мастера. Какой-то осадок у меня. Денег осталось не так чтобы очень много. Не пишу. Нужно вставать раньше, вот что. Писем тоже нет давным-давно.

17 (среда)

Утром Варя рассказывала сон, что я ей выбил зубы и текла кровь; сестра прибавила: «Смотри, Варя, как бы сон не был в руку; может быть тебе кровная потеря». За завтраком ругала Юру, я заступался и поссорился с нею. Утром еще я сказал ему: «Мне, Юра, надо будет с вами поговорить». Дулся и не говорил весь день. Приезжали гости, Шатько, студенты; я, Юра и Варя сидели у нас в комнате. Потом к чаю вышли. Сергей имеет озлобленный и несчастный вид. Пошли на собрание, заходил еще Фонечка. На собрании Варя следила за нами. Пошли на шаги. Да, на собрании выбрали «Не так живи, как хочется» и режиссером меня опять. Я стоял совсем далеко от Годунова, вдруг сестра меня отзывает и говорит: «Да отлипни ты хоть на минуту от Годунова» и начала объяснение. Старая история, будто все замечают, что она не может этого допустить и т. д. Я ей объяснил и успокоил, она поверила. Пошли гулять, я убегал Годунова и казался очень расстроенным. Тот все меня расспрашивал. Дело казалось погибшим. Ночью Юра зашел ко мне и допытывал, я только плакал. Написал письмо с инструкциями Фонечке, чтобы завтра передать в «Руне». Несколько успокоился. Варя говорит, что у нее как гора с плеч.

18 (четверг)

Утром не знал, как вести себя. Не занимались. Варя говорит, что я и Юра затмеваем Сережу, что я дружнее с Юрой и т. д. Ходили в лес. Потом с зятем и мол<одыми> людьми играть в лаунтеннис. Ю<лия> В<асильевна> очень мила. В читальне был КПС, Прокофьев и Шлякотин. Приехали и велосипедисты. Годунов письмо прочитал, сидел внизу около меня. Читали пьесу, и Нат<алья> Алекс<андровна> пришла, я был очень рад, так как это был предлог идти к Новинкам, было очень славно, и Ф<еодосий> И<гнатьевич> стал уже следовать моим советам. На обратном пути беседовал мирно с сестрою о Варе, Сереже и т. д. Дома играли в карты, потом пришли Венедиктовы.

19 (пятница)

Собираемся на лодки, сбивают компанию на 2 лодки, не знаю, удастся ли. Днем были у Шотц, заносили роль; у них невозмутимая тишина, цветет шиповник. Дома меня с Юрой послали на

фабрику к Годунову; видели его и Квасинина. Говорить по телефону с Фонечкой тоже посылали меня же: почему меня? Все устроилось, ездили с нами и КПС с Ал<ександрой> Фил<ипповной>. Не знаю, вследствие ли моего письма, или по доброй воле, но Годунов держался со мною и даже заявил сестре, чтобы на лодке его посадили туда, где Мих<аил> Ал<ексеевич>. Варя сама потом говорила, что, по ее наблюдениям, скорее сам Годунов за мною бегает. На острове было очень приятно: костер, картошка, пение, танцы под деревьями, заря и с другой стороны спокойная розовая луна над болотом. Годунов был задумчив, я нарочно отходил все от него. Возвращались при луне, будя эхо. Сестра говорила с Сережей; действительно, он собирается уезжать, говорит, что у него со мною очень плохие отношения еще с С<ергея> С<ергеевича>, что он чувствует себя чужим и т. д. Потом сестра говорила со мною обо всем этом. Всем, кажется, было весело. КПС совсем растрогался.

20 (суббота)

Поехали к Алексеевским, одетыми. Я с Юрой; было пыльно от первого тарантаса. Там не было прелестной Елевтины, зато был прекрасный кадет и его товарищ гуревич[6]; дом — развалина столетняя, все запущено, но когда<-то> было полное житье. Очень любезны, гуляли, играли на бильярде, в преферанс, ужинали. Было совсем не плохо, напомнило Щелканово; тем более было не плохо, что оба молодых человека очень ласковы, недурны и странно дружны между собою. Назад очень качало, и, чтобы избежать, мы то отставали, то гнали лошадь. У Шатько встретили музыканта. Я же еще помогал и отводить лошадь, хотя и болела сильно голова.

21 (воскресенье)

Вскочил рано, так как мне показалось, что стучат в окно. Думал, не на рыбную ли ловлю? Заходили утром наши прелестницы. Все дамы хотят играть Грушу, Праг<е>ровна мириться. Все разошлись в разные стороны. Я к Прагерке, наши к Степановым, молодые люди к Ревицер, Катя к Шотц. У Степанов<ых> пьяный еще с Москвы мистер и скучнейшие Вишневские. Дома собирались идти гулять всей компанией, как вдруг являются Мошковы. Так время и прошло. И пошли мы встречать наших. Встретили Фонечку со щуками. Потом и наших. Все зашли к нам. Пили чай, дурили; всё как-то приелось. Неужели это оттого, что не было Годунова, и неужели сестра права? Мистер вел себя неприлично, танцевал кэк-уок, сидел задравши ноги и т. п. Ю<лия> В<асильевна> чуть не плакала. Юра был в восторге. Провожали дам, все перед какой-то бедою.

22 (понедельник)

С утра дождь. Пр<окопий> Ст<епанович> хочет отправлять Варю в Василь, она плачет, мы ругаемся. Юра свой роман ведет через Добряковых. Фонечки не видел; сестра зорко и злорадно следит. Был у Ек<атерины> Ив<ановны> перед считкой. Все пришли, и Годунов был, «Иосиф» ему понравился. Наконец, является Нат<алья> Алекс<андровна>, моя надежда. Шепнул Ф<едосию> Иг<натьевичу>, что пойдем провожать. Позвал Юру, и все увязались, но Фонечка куда<-то> исчез, как сквозь землю провалился. С Сережей отношения все ухудшаются. Не знаю, что вообще будет. Корень зла — сестра.

23 (вторник)

Сережа с зятем уехали надолго, сестра как-то дуется. Мне это крайне тягостно, тем более что я никаких намерений относительно Годунова действительно не имею. Чувствовать себя вечно под надзором немыслимо. Лодка нарочно откладывалась. Зашли к Добряковым, пошли с Филипповной в горы; на нас нападали коровы, гуси, собаки и лошади. Юра и Ал<ександра> Фил<ипповна> пошли звать Олю и на фабрику. Сказал молодым людям про гулянье. Юл<ия> Вас<ильевна> зашла, ходила пешком на станцию. Со службы никто к нам не приходил, и лишь потом явился Ив<ан> Вас<ильевич>, потом зазвали и Фонечку. Он был какой-то скучный. Пошли все-таки. Когда мы играли на балалайках, приехали наши. Сережа отказался идти с нами, был кисел и жалок. Разводили костры, плели венки, скакали, пели, танцевали. Годунов сплел мне венок и сам предложил скакать через костер, очень демонстративно. Потом я сидел в стороне, как вдруг он ложится почти ко мне на плечо и так сидит долго, беседуя о «Нежном Иосифе». Я веду <себя> как испытанная кокетка. Варя потеряла браслетку. Домой шел с сестрою и объяснялся, хотя днем хотел ей даже писать письмо. Юра приехал позднее с проводов Оли. Поверит ли мне сестра?

24 (среда)

Жарко. С утра ходили искать браслет. Там был свежий велосипедный след, мы подумали, что был Годунов, и не особенно усердно искали. У Юры дружба с Сережей. Так жарко, приятно. Но Годунов не принес вещи и не ездил даже. Ходил к Вишневским. Она пела, похожая на героинь Гофмана из глупых. Потом на урок. Ал<ександра> Фил<ипповна> мило лепетала, путая английские слова, я чуть не засыпал. После обеда заходил Годунов и Квасинин при Юл<ии> Вас<ильевне> настраивал мандолину, потом все пошли в дом, я же остался. Зашли и туда с Пр<окопием> Ст<епано-

вичем>. Фонечка предводительствовал своим оркестром. Пошли к Евгеньеву; пили у него чай; на окнах стояли розаны и герани, за окном заря и бор. Чем-то напомнило Нижний и медлительные разговоры без участья, тогда как мысли и сердце далеко; впрочем, не очень далеко. Дома узнали, что Катя расстроена на репетиции, что Годунов показывает одной Варе и т. д., ему не хотелось идти на именины, хотел прийти завтра. Может быть, он поджидал меня. Может быть! Пошли к тошнотворным Колесниковым, где была и Вишнев<ская>. Одна милая Юл<ия> Вас<ильевна> утешала. Лаврентий тоже ничего. Провожал прелестницу. Возвращался с Сережей; он мрачен и кисел, чужой. Юра поверял Сереже свои романы и печали. Так скучно!

25 (четверг)

Жарко с утра, было хорошо как-то. Ходили опять искать браслет мимо цветущих лужков, Варя его живо нашла в костре, потемневшим, как древность Помпеи. Мол<одые> люди пошли купаться, я пошел смотреть, в надежде встретить Годунова [вдали] одного, но он как-то ускользнул; купались мальчики с розовыми телами. У нас же был Фонечка, потом еще заходил с мазью <?>. Играли в карты. Лидочка сказала: «Дядя Миша, Ф<еодосий> И<гнатьевич> пришел», хотя ему меня и не нужно было; она шельма. Пошли в дом за балалайкой и обрели там всех трех мол<одых> людей. Фонечку затащили к нам. Учил Варю, так и остался до репетиции. Читал за Петра. Сестра как цербер не оставляла нас одних ни на час. Все собрались рано, сошло ничего. Вызвался провожать Нат<алью> Ал<ександровну>; конечно, увязались мама, папа и Варя. Почти не говорили, он и смотреть-то боится на меня. Не наговорила ли сестра чего на меня? Идя по мосткам, взял меня под руку и так вел. Проводил нас до дому, может быть, надеясь, что я его пойду провожать. Придумал уроки к Они, чтобы он мог там встречаться со мною. Сережа приехал от Шатько поздно. Не знаю, что будет; вчера мальчики боялись, не спали, звали меня, у сестры бессонница, Катя ходит, луна ущербает и нестерпимо красна.

26 (пятница)

С утра было пасмурно, заходил к Ек<атерине> Ив<ановне>, она отказывается от игры в спектакле, обижена и т. д. Шел дождь, занимался, даже писал. У нас обедал Ал. Филип., потом Юра ушел с ним. Меня угнали к Вишневским. Без меня приходил Фонечка; я вернулся, пошел на репетицию. Годунов положительно удаляется меня. А может быть, и нет. Ушли домой петь, пришла Ю<лия> Вас<ильевна>, пришел Юра и затараторил с Годуновым, когда я играл оперетку[7]; я прекратил игру и обиделся. Годунов ушел,

при Юл<ии> Вас<ильевне> мы бранились с сестрой из-за спектакля. Потом играли в винт.

27 (суббота)

Ходил сыгрываться с Евгеньевым; к Белоусовым; после обеда ходили с Сережей к Вишневским за водевилем и потом прогуляться до кузницы, было тепло и смутно. На читке Годунова не было. Пришел после прямо в читальню. Потом за гигантскими шагами сидел со мною и говорил, что после все расскажет. Пошел тайком на страх его провожать. Были излияния, клятвы, поцелуи и слезы. Думает, что косятся из-за Вари. Уверял его. Говорит, что самое лучшее питает ко мне, что я ему всего дороже. Дома играли в винт. Потом говорил страстно и напрямик с сестрой до 3 часов на балконе.

28 (воскресенье)

Репетиция была у нас в квартире. Еще пел у Ек<атерины> Ив<ановны>. Гуляли, но были настигнуты дождем. Забежали к Добряковым. Ю<лия> В<асильевна> прислала мне и Сереже по цветочку на вечер. Годунов был очень мил сначала, но потом поговорил с сестрою и все как рукою сняло, ни слова со мною, холоден и избегающ. Петь было трудно, пел, глядя на Фонечку. Была скука. Англичанин потерял галоши и кучирку<?>, танцевал с зонтиком. Сестра развеселилась, глядя на результаты своих наговоров и на Варин роман, на мое уничижение. Хотелось плакать. Завтра наши собираются на лодку, на нашу. Фонечка уверял, что не поедет.

29 (понедельник)

С утра грозил дождь, не знали, поедем ли мы. Я стоял за поездку и Юра, одна Варя была против. Юра получил письмо от родителей, требующих его возвращения. Поехали. Барышня и кадет были в церкви, занимал нас гуревич и студент. До обеда было довольно тягостно, потом на Мсте играли в горелки, Ник<олай> Андр<еевич> мандил все время. За ужином еще того более, так что отъезд настал совершенно неожиданно. Ехали весело. На столе записка от Кати: «Мистер велел передать Юре, что по его отъезде он займется ухаживаньем за Олей».

30 (вторник)

Утром Юра был грустен, стенал, выл и пел «Титулярного советника»[8], оделся в сюртук и отправился по визитам. Я сопровождал его к Степановым и Добряковым. После завтрака дал ему письмо к Годунову, который зашел, чтобы отдать сдачу Сереже. Письмо получил. На репетицию пришел очень рано, когда я зашел туда, он был один и играл на гитаре, но все время меня как-то из-

бегал, будто ему запрещено; мне было очень грустно, репетиция шла кое-как, я капризничал; на крыльце все время орали песни, будто провожали рекрута. Потом пошли к нам на гиганы. Юра попросил позволения позвать всех к нам. Годунов как-то избегал меня. Провожали Юру, пили на станции и провожали его.

Июль

1 (среда)

Встали поздно. Как-то томно. Ездил с Сережей в Лихую кручу. Очень тепло и томно. Заходили к Ю<лии> В<асильевне>. Англичанин купил себе китайский халат и вел себя как дурак. После обеда наши поехали в Окуловку покупать Кате и Лидке на платье, в возмещ<ение> кофточки, которую я купил Варе, так что я имел возможность проникнуть в читальню, куда пришел Фонечка, и объясниться с ним. Ему ничего не говорили, но чувствует себя у нас неловко; все, что выражал мне, — правда, хотел бы заниматься со мною. Был мил и душевен. Репетиция прошла не плохо. Гулял с Ю<лией> В<асильевной>, те же остались на собрание. Когда пришли, оно кончалось, Год<унов> звал меня гулять, но было нелов<ко>. Играли в винт.

2 (четверг)

Проснулся рано, ночью читая Сереже свой дневник, открывшись и собеседуя. Но встали поздно; занимались французским. Зять после завтрака уехал верхом. Я с Юл<ией> Вас<ильевной> отправились на станцию, где нас застал дождь. Пережидали его в колбасной, шутя и сплетничая. Воздух стал чудным, пахло сеном. К Мошковым наши не собрались; видел, как прошел Фонечка в читальню, видя наших не ушедшими. Не знал, как спросить у сестры; согласилась, но нахмурилась. Читали, Варя и Сережа были с нами. Потом пели. Пришли Добряковы звать гулять, дождались наших. Пошли за Парахино; сестра следила и пыталась наговаривать. Сережа очень мил и дружественен.

3 (пятница)

Долго не спал, хотел встать, но проспал, слышал, как приходил Фонечка и пошел печально на фабрику. Утром занимались. Пошли продавать билеты при парикмахере, и Годунов пришел, Варя и Сережа тут же, было очень дружно и приятно, говорили опять о монастыре. Раньше урока зашел к Добряковым; занимались весело. Читали Пушкина; забрался в дом спозаранок, был только брат Годунова и Николаев. Поздно уже приехал и Фонечка. Юдин явил-

ся. Сестра как туча, Варя пропадала с Годуновым. После я предложил идти навстречу Сереже, пошедшему проводить Нат<алью> Алекс<андровну> — отказались, к счастью. Пошли. Фонечка говорил, что скоро ему терпения не хватит выносить обращение сестры, что придется иначе устраиваться, что все замечают, как сестра следит за мною, что он не может равнодушно относиться ко мне. Встретили Сережу, он нисколько не мешал, даже напротив, прибавлял какой-то печальной нежности. Дома сестра была мрачна, говорила, что уедет с Сережей и т. п. Играли в винт.

4 (суббота)

Алексеевские не приехали, розы подвяли. Годунов на вечер не явился. Я освободился надзора, но зато было скучно. Танцевали под оркестр. Сестра почти не слезала со сцены, не следя за мною. Говорила она и с Сережей все о том же, что, мол, я делаю это ей назло, что, будь роман у Алексеевских, напр<имер>, она сама готова была бы способствовать; все это, конечно, мало меня убеждает и утешает. Говорил мне это Сережа. Не знаю, что из всего этого выйдет. На 8-е, кажется, их позовут. Ек<атерина> Ив<ановна> была у нас и надута. После Годунова мне всего приятнее маленькая Варя как любящая его.

5 (воскресенье)

Открытка от Сологуба; почему он меня вспомнил? и счет от Вольфа[1]. Теперь еще деньги меня беспокоят. Собирались кататься, с трагедиями насчет посуды. У лодки опять распри, ехать или не ехать. Мистер, спуская лодку, свалился в воду во всей амуниции, еще раз бросился, снял пиджак и рубашку при всем честном народе, брызжа на дам. Закутался в бурку и поехал домой переодеваться. В лодке ругались, была буря. Юлия Вас<ильевна> сражалась с мамой. Было кисло. Ели кашу. На обратном пути ехали я, Варя и мистер в челноке. Я лежал, как царица Клеопатра, и мы пели. Было неплохо. Назад шел с мистером и рассуждали о религии.

6 (понедельник)

Ездили в Раменье: я с Ю<лией> Вас<ильевной>, смеясь и болтая. В дождь пережидали в сушильне. Сестра без нас прочитала мой и Варины дневники и объяснилась с Годуновым, требуя, чтобы он порвал все сношения со мною. Потребовала моего отъезда; не поспели мы кончить, как является сам Фонечка; пошли с ним, бродили по лесу до 12 час., чего не переговорили. Строили планы устройства, и в соседней деревне, и в Боровичах, и в Москве. Отношение неизменное. Романтизм некоторых планов был даже несколько смешон. Сережа болен.

7 (вторник)

Должен ехать в четверг. Варя поехала с сестрой на станцию, мы же встретили Годунова и пошли к больной Ю<лии> В<асильевне>; она крайне мила, предлагала остановиться в Москве у них на квартире, жалела, что не могу остаться. Вернувшись, был потребован Прагровной, рассуждал о костюме, пил чай etc. Вдруг телефон из дому, ничего нельзя понять: «Лошади ждут, сейчас домой». Ответа на мои звонки не следует. По дороге догоняет меня доктор, маша рукою: ну, думаю, дело кончено: сестра все рассказала Варе, с той припадок, меня вышвыривают. Оказалось, доктор приехал на лошади от Шотц, хотел, чтобы эти же лошади отвезли меня к ним выбирать песни. Покатил; выбрал 7-мь<?>, торопился, думая еще встретить Годунова, но не встретил. Сестра теперь караулит Варю и Сережу, как собака. Пошли с Варей на репетицию как раз после. Фонечки, Ю<лии> В<асильевны> и Н<атальи?> А<лександровны?> не было, репетиция шла плохо, сестра уже делала указания актерам, но не все ли равно? Годунов был у нас на качелях. Наши пошли к Колесниковым, я же, подождав, когда объяснится Год<унов> с Варей, с ним. Все по-прежнему или даже еще лучше прежнего. Его домашние жалеют и любят меня. Встретили его брата, сказавшего: «Переезжайте к нам в Новинки». — «Нет, знаете ли, не так живи, как хочется»[2]. — «А нужно идти наперекор». Фонечка не так храбр. Жалел, что не может забраться к нам тайком, послушать в последний раз пения. На завтрашнее приглашение отказался. Варя одна была дома, когда я пришел, все сидела на балконе, поджидая нас. Я стал играть и говорю ей, что я ее очень люблю, что они двое самые дорогие мне люди, чтобы она не верила, если кто скажет, что я хочу ей зла. — «Тебе мама говорила, почему я должен уехать?» — «Да». — «Что же она тебе сказала?» — «Я думаю, ты сам знаешь, что». — «Ну и что же?» — «Я не поверила, хотя она так говорила, что трудно было не поверить; я не нахожу ничего дурного в том, что вы дружны». Тут пришли наши, очень недовольные, что я говорю с Варей. Сережа нездоров, говорит, что теперь на моей стороне. Говорили очень дружески. Потом я писал, как вдруг слышу, что он плачет, больше и больше, вроде истерики; я стал его успокаивать, давать воду, целовать, гладить, маму не велел звать; потом стал бредить: «Где Годунов? Ведь его убили! Я видел нож. Проклятая! Не может быть, нет, нет!» Я все-таки стукнулся к сестре, та воскликнула: «Когда только это кончится». Зять пришел, послушал и, сказав: «Это он во сне», — ушел. Я еще долго сидел на полу около Сережи. Никогда я не чувствовал к нему большей нежности и жалости[3].

8 (среда)

Вчера Годунов просил сегодня утром его встретить. Я проснулся очень рано, тихонько встал и, вышедши в шляпе уже на балкон, нашел там Варю. Она ждала Фонечку, чтобы передать ему письмо. Пошли вместе. Годунов был поражен, увидя нас вдвоем. Тихонько шли. Варя позвала в поле, собрать цветы, пошли втроем, было так весело, молодо и хорошо, как редко бывало; я свои цветы отдавал Варе, Годунова же букет она дала мне[4]. Вероятно, он опоздал в контору, а сегодня приехал Карпов. Придя домой, всех нашли спящими, только зять вставал; мы его поздравили и отдали цветы. Сестра сказала зятю, так что я слышал, что каждый, каждый миг, проводимый мною, — зло, что я гублю Сережу и Варю и т. д. Зять попросил меня уехать сегодня же. Ю<лия> В<асильевна> звала сниматься, потом отложила, пишет, что Н. А. внезапно вернулся в Москву и перевозит в квартиру больного отца. Приходили с утра Квасинин и парикмахер, рассуждали о театре. Я ходил прощаться. Когда Годунов проходил домой в обед, вышел сказать ему о сегодняшнем отъезде. Он был встревожен. Сережа имел длиннейшее объяснение с сестрой и зятем, но пошел только к доктору, нашедшему его положение очень плохим, но ничего острого. Я все сижу один в комнате, так как всех от меня караулят. Пр<окопий> Ст<епанович> заходил сам в контору еще раз звать Годунова, но тот сказал, что пойдет меня провожать. Приехали Алексеевские, без кадета и гуревича, но с папашей. При них подали лошадей. Конечно, не могло быть и речи, что Варя не поехала провожать, Сережа же думал, что он стеснит Годунова. С сестрой я не прощался, дети и Варя, фрейлейн и горничная провожали меня за ворота. На станцию почти сейчас же пришел и Фоня с шиповником для меня. Просидели очень долго, пропуская поезда, говорили деловито и нежно; его заботливость меня трогает. Сидел, все время держа меня за руку, вроде Вишневских; разве я этого хотел? Теперь перед самим собою я говорю, что даже если б он сам захотел, я бы удержался и удержал его, что если бы, скажем, он женился на Варе, я бы любил их еще больше обоих. Мечтали, как дети, о жизни в Боровичах. Медорка клала морду на колени и смотрела умильно; написали записку: «Прощайте, живите без помехи». Когда Фоня вернется, у моста привяжет Медор<ке> эту записку и впустит ее в наш двор. Годунов все печалел больше и больше. Мать его хотела бы хоть на 5 мин<ут> меня видеть. К нашим ходить не будет, постарается, чтобы спектакля не состоялось. Мечтал о неосуществившемся, как он хотел брать отпуск, чтобы идти со мной и Сережей в Валдайский монастырь, верст за 80, как хотел заниматься со мною, делать музыку, говорить, гулять, слушать, слушаться, что кому мы помешали? Как судьба несправедлива. Смотря на часы, говорил, будто умирая: «Еще 20 м<и-

нут>. 15. 10. 5». Долго прощались, целуясь и на платформе, и с площадки, бежал за поездом без шапки, и Медорка бежала. Потом побредет по грязи в темноте домой. Так я уехал[5].

9 (четверг)

В той же Северной, тот швейцар, лакей. Как-то противно и зловеще мне в ней останавливаться. Вспоминается петля с С<ергеем> С<ергеевичем>. Лег спать, не спавши ночь. Отправился к Нувелю; нет и не будет скоро; к Сомову: здесь, но не дома[6]. Покупал кое-что. Ивановы, к счастью, здесь, но отдалены чем-то; Анна Р<удольфовна> здесь. Костя вчера уехал[7]. Нашел Гумилева. Зовет завтра к себе и Анненскому. Здесь «Весы» и разные приглашения. Чуждо и далеко все житье. Узнал разные новости о знакомых. Писал письма[8]. Б<ыл> aux p<ays> ch<auds>*.

10 (пятница)

Ездил на почтамт и к Сомову. Кисловат, ворчлив, но мил по-старому. Сюда едет Феофилактов, а Судейкин перебрался совсем. Сегодня едет в Павловск. Портрет мой купил Трояновский[9]. В вагоне было давнишнее чувство скучающего заброшенного сноба[10]. Отвык я от дачной незнакомой публики. У Гумилевых была милая Марья Мих<айловна> и Лидия[11]. Анненского нет. Провели мирно время, гуляя по парку, кат<аясь> по пруду, читая стихи, болтая. Вернулся рано и заехал еще в пустой ресторан поесть. Каждый день вспоминаю, что делается в Окуловке.

11 (суббота)

Встал рано. Вот наши встают, вот Годунов проходит обедать, вот на фабрику, вот обед наш. Писал стихи. Ходил на Литейный, купил Тассо и Regnard'a. Послал телеграмму Тастевену. К Ивановым поехал довольно рано. Там дружественно и тихо. Читали стихи, дневник, Вяч<еслав> посылает меня за границу, он как дитя. Потом пришла Анна Руд<ольфовна>, стихи ей, кажется, не понравились. Закат был как жемчуг; охота к делу возвращается, но както печально и безнадежно возвращается. Завтра будут письма.

12 (воскресенье)

Встал поздно. У соседей кто-то громко говорил по-английски с еврейским акцентом. Писем нет. Читал, писал; работать можно. Что-то «Руно»? Взял к Ивановым Даргомыж<ского> и французов. Вяч<еслав> Ив<анович> был у Аничкова, потом на кладбище с Верой[12]. Ан<на> Р<удольфовна> не приехала. Читал

* Последняя фраза приписана карандашом

подряд стихи Бородаевского, «Урну» и Лемана[13], чуть не одурел. Вечером нашел письма от Сережи, Ив. Стран<ника> и Тастевена; денег прислать невозможно, Аничкова зовет[14], Сережа скучает, Годунов был на репетиции, читал за Петра, гулял с нашими до часу, но какой был, Сережа не заметил. Что же мне теперь делать?

13 (понедельник)

Написал Полякову[15]. Писал стихи, читал Реньяра. Вяч<еслав> все время пилил меня, что я не устроил литерат<урную> карьеру, и грозил всеобщим банкротством. Вечером играл оперетку, Моцарта и Даргомыжского. Только прочитанный An. France утешал меня. Писем не было.

14 (вторник)

Писем нет. Очень устал. Прошел<ся> по улицам, у Иван<овых> нашел Гумилева. Ивановы стараются спасти меня от гостиницы. Чувствую себя прескверно. Провожая Гумил<ева>, встретил С. Маковского, пригласившего меня в «Аполлон»[16]. Вечером был Сомов, толковали всё о романах, К<онстантин> А<ндреевич> пел; чистили ягоды. Я чем-то убит. Сомов звал обедать в четверг.

15 (среда)

Письмо от Фонечки, чем-то меня уколовшее; там все по-старому. Вчера заходил ко мне какой-то Лукьянов, просивший позвонить ему по телефону. Напугал меня почему-то. Я совсем болен. Идет дождь. Сережа, вероятно, останется в Окуловке, и колтыханье продолжается. Все ждал Лукьянова, которому, оказывается, нужно было совсем не меня. От Полякова письмо и чек. Слава Богу. Вечером был на «башне». Была сестра М<арии> М<ихайловны> с мужем; пел оперетку[17]. Лег спать спокойнее.

16 (четверг)

Покатил в банк, получил, расплатился, переехал. Письмо от зятя, будто удар по лицу: «Я употреблю все возможные меры, чтобы воспрепятствовать Вашим целям, оставьте нас с детьми в покое и т. д.». Подумал, не бросить ли все, не остаться ли у Ивановых и на зиму анахоретом. Приехал на «башню». К Сомову пошел пешком до Невского. Обедал у него, ходили к его сестре мимо бардаков и ц<еркви> Мих<аила> Архангела; он милый, хотя и подкис. Он нанимал дворника, и я слушал из соседней комнаты его наставления. Был чудный вечер. Заехал в Тавриду, ужасные рожи, старые тетки. Подумал даже посетить pays chauds, но раздумал. Я бы рад был встретить Павлика, чтобы просто с ним поужинать по-старому, но его не было. Дома были милы и душевны. Кажется,

Вяч<еслав> Ив<анович> ничего не имеет против того, чтобы я поселился у них. Какая-то новая жизнь начнется.

17 (пятница)

Утром шел дождь, все время разбирал сундуки, вспоминая с каждою вещью. Устраивал немного. Потом пошел к прачке, в гостиницу и за сапогами, привыкая к douces habitudes. Письмо от Фонечки, трогательное и верное. Поговорил с Вяч<еславом> Ив<ановичем>, он согласился. Слава Богу, vita nuova? Сколько раз она начиналась. Была А<нна> Р<удольфовна>, я поехал aux pays chauds на последние деньги, возбужденный сомовскими бардаками. Алексей был нежен и ласков, приятен. Дома играли Бетховена и Моцарта. Тихо, спокойно. Работать. Il n'y a que l'art*, как говорит Бакст после сердечных крушений.

18 (суббота)

Письмо от Сережи, нежное, от Коммиссаржевского, насчет «Забавы дев». Почти весь день сидел дома. Писал мало. Вяч<еслав> Ив<анович> не совсем здоров. Написал стихи Вере, она меня за них поцеловала[18]. Заходил Вяч<еслав> в мои кельи. Приехал Костя, вывесил на дверях мою и свою карточки. Загорел и вырос. Играл 7-ю симфонию, читали вслух «Серебряного голубя»[19]. Видел у букиниста Виланда за бесценок[20]. Спокойно, тихо, свято. Господи благослови.

19 (воскресенье)

Встал не рано, будил Костю; он все время находился в моих апартаментах. Пошли гулять в Летний сад до обеда. За обедом приехала Кассандра. Вечером Вера позвала прогуляться; переехали на ялике, потом на пароходе до Алекс<андровского> сада, где осматривали 2-х Петров[21], как англичане, заходили к Андрееву пить чай и есть пирожные, возвращ<ались> на траме. Встретил Раппапорта, который нашел, что я похорошел, и болтал что-то, чтобы снимать писателей для кинематографа. Была Ан<на> Руд<ольфовна>. Играл Палестрину, Byrd, Mazenzio и Бетховена. Костю, несмотря на его протесты, переселили в другую комнату. Вера мне написала письмо, которое Вяч<еслав> переложил стихами[22].

20 (понедельник)

Не так занимался, как предполагал. Ездили с Костей в парикмахерскую и за Виландом. Было приятно. Дома телефонировала какая-то немка из Берлина, хотевшая прийти завтра, как к ав-

* Есть только искусство *(франц.)*

тору «Александра». Письмо от Странника. Зовет к себе. После обеда взгрустнулось, и даже всплакнул, когда зашел Костя. Потом вышел петь французов и развеселился немного. Все просматриваем Виланда: какая прелесть. Заезжала Ан<на> Руд<ольфовна>. Кассандра, кажется, увезет Веру с собою в Саратов. Писал мало, почти ничего.

21 (вторник)

Не хорошо помню, что было; все так же тихо и хорошо. Днем ходил за Виландом и на Невский. Поехать на Острова, как хотел Костя, не удалось. Я не настаивал из-за недостатка денег. Просто пошли втроем с Верой гулять. Вечером была Ан<на> Руд<ольфовна>. Костя читал Реньяра со мною.

22 (среда)

Встал поздно, и то Костя меня разбудил. Беседовал дружески с Кассандрой. Ан<на> Руд<ольфовна> так быстро уехала, что я не поспел с ней даже проститься. Вяч<еслав> и Вера ее провожали. Я с Костей пошли в Летний сад. Письмо от Годунова. Когда Вера вернулась, все спали по разным помещениям и дверь была настежь. За обедом Вяч<еслав> Ив<анович> пилил М<арию> М<ихайловну>. Потом читали Реньяра с Костей; читал «Иосифа», играл Бетховена. Больше работать надобно. Завтра уезжает Костя, послезавтра Кассандра и Вера, останемся втроем.

23 (четверг)

Утром уехал Костя. До завтрака сидел дома с бабкой и спящим Вяч<еславом>. И потом сидел дома же. Вера собирается. Читал Кассандре отрывки из дневника. Обедала у нас Савитри, болтая à tout et à travers*. Писал немного; больше читал. Вчера у меня казалось очень уютным вечером, с поздним обедом, Костей, лестницей etc. Сегодня никуда не выходил из-за безденежья. Что-то принесет завтра, живу doucement bercé**. Днем играл Гретри.

24 (пятница)

Жарко. Ходил гулять. Уехала наконец Вера с какими-то трагедиями[23]. Не знаю, как Вяч<еслав> будет. Провожать их никто не поехал. Вяч<еслав> читал вслух «Александра»; кажется, ему понравилось. Потом играл «Amor Christi»[24] и странную сонату Mozart'a, еще рассуждая.

---

* Бестолково *(франц.)*

** Сладко убаюканный *(франц.)*.

25 (суббота)

Как-то скучно сегодня. Никуда не выходил. Прислали «Mercur<e>»[25] через номер почему-то. Принесли белье. Спокойно работать бы. Завтра уж буду непременно, я же теперь и связал себя уже обещанием. Что-то Сережа не едет. После обеда смотрел в окно, была заря, ходили люди. Мне не с кем ходить, не в этом ли беда? Вечером играл «Грех да беду»[26]. Ленюсь я очень, вот что, до крайности, хоть читаю много, и то слава Богу. «Иосифа» писал легко и радостно, но мало.

26 (воскресенье)

Не выходил почти, так как был вечер, дождь и идти было некуда. Писал «Иосифа», читая его вечером. Письмо от Сережи, мне жалко, что он считает меня раздраженным на что-то. Играл квартет Cis-moll Бетховена. Лег поздновато, но радостный, что довольно много писал «Иосифа»[27].

27 (понедельник)

Так как М<ария> М<ихайловна> уехала в Царское, караулил В<ячеслава> И<вановича>, пиша в гостиной и беседуя с бабкой. Пришла Савитри, чирикая о милитаризме, Аримане etc. Статья Сережи о Пушкине, очень неплохая[28]. Завтракал один. Был на petit lever* у Вяч<еслава>. Он читал новый отменный перевод из Новалиса[29]. Ходил стричься; какой-то извозчик просил с ним ездить, утверждая, что третьего года я его брал, и что зовут его Трофим. Продолжал «Ролла», по совету Вяч<еслава> Ив<ановича> хочу развить его до 5-ти частей и послать в Петербург[30]. Как много времени, чтобы заниматься.

28 (вторник)

Встал поздно во время дождя. Какой-то странный день. Читал brévia<i>re и Пролог, молился, но работал мало. Потом вдруг стал очень радостен, прочитав «Le Mariage de Figaro»[31]. Какая-то новая Александрия меня привлекает. Все мне сегодня кажется чудесным. Наколол себе цветок. Попалась под руку книга о символике цветов. Вспомнил, как после смерти князя Жоржа по всему Петербургу отыскивал базилик, и почему? Искал полгода. Вяч<еслав> сказал, что это страстный половой призыв, о драконах, инкубах. Говорили о Монесе, каббале и т. п. Пел мессу Моцарта. Взял Мольера. Значит, писанье, раннее вставанье до завтра.

---

* Малом выходе (*франц* «lever» — «вставание» — означает также утренний выход короля)

29 (среда)

Ветер. Кончил 3-ю часть «Иосифа». Пошел пройтись, ветер снес шляпу, заболела голова; на Бассейной наяда бегала в лавочку в серебряном поясе, какой был у Александра когда-то[32]. Получил нежное письмо от Фонечки. За обедом была Савитри, болтавшая à tout et à travers о католицизме[33]. Играл мессу Моцарта. Очень болела голова. Вячеслав читал конец «Иосифа», высказывая желания относительно 4-й части. Лег очень рано и сейчас же заснул.

30 (четверг)

Встал раньше. Разбирал «Иосифа». Написал Тастевену решительное письмо. Нужно бы узнать адрес Чичериных. Ходил к Гаевскому. Возвращаясь, встретил какого-то доступного и милого преображенца, но деньги были только М<арии> М<ихайловны>, так что воздержался. Мало чего делал. Что-то меня томит; безденежье и бездеятельность, конечно. Играл «Д<он> Жуана». Читал Мольера немного. Завтра начну все. День Игнатия Лойолы завтра[34].

31 (пятница)

Выходил под дождем за покупками. Встретил Гордина. Писал лениво, больше читал. Вечером играл «Д<он> Жуана» и читал дневник, растравляя старые раны. Все-таки я любил больше всего, может быть, Наумова. Вот что яснее всего. Писать теперь могу яснее все и скорее, только без леностей. Усидчивости нет во мне, но к сроку, разумеется, кончу. Все завтраками живу[35]. Болит горло.

Август

1 (суббота)

Письмо от Сережи. Веселятся там. Годунов каждый день у наших, с ним милостивы. Что же, я жалею об этом? Вышел к Валечке; оказывается, приехал уже 28<-го> и не известил, каков? Вчера у него был Сомов и Серов, сегодня Нурок. Назад ехал под проливным и веселым дождем по Невскому. Из «Руна» телеграмма: деньги выс<ланы>, но принесут ли их завтра? Писал усердно «Иосифа». Вечером играл «Д<он> Жуана» и читал дневник, вспоминая, может быть, единственную свою любовь[1]. Мне бы нужно быть Эккер<маном>, чтобы записывать разговоры Вячеслава, так они интересны, блестящи и поучительны. Костя не приехал.

2 (воскресенье)

Встал поздно. Денег не принесли. Переписывал «Иосифа». Никуда не выходил. Приехал Костя. Читали Musset[2]. Валечка не объявился. Вечером читали «Иосифа» и продолжали «Жуана». С «Иосифом», со спешкою не могу как следует наладиться относительно других занятий[3].

3 (понедельник)

Получил деньги, днем ходил стричься, вечером был у Валечки. Там был Сомов и Аргутинский. Валечка рассказывал ses exploits*, но было скучно. Поехали к князю; он был в новой квартире; книги, картины, клавесин, все отлично. Видел книгу о Калло, действительно, можно, как Гофман, сходить с ума о нем. Вернулся хотя и рано, но Костя и Вячеслав уже спали. Ночью дописывал главу.

4 (вторник)

После завтрака поехали с Костей по делам. У Вольфа купили Mozart<?>, Aretin<o>, «100 nouvelles»[4]. Собирались вечером играть в винт к Павле Афанасьевне, но задержал приехавший Гумилев. Он очень мил и уютен. Писал мало, хотя к 8-му надо кончить в 3 дня. «Ролла» чуть ли не еще расползется. Кончили «Дон Жуана»[5].

5 (среда)

Ездили с Гумилевым и Костей по букинистам и к Филиппову. Там сидели артиллеристы, производимые завтра, — Гумилев вернулся к нам, немного играли в карты, потом он с Вяч<еславом> поехали в «Аполлон»; ко мне пришли Сомов и Нувель. Костя сидел с нами. Стихи им не понравились, вообще они были довольно кислы; с Валечкой мы бы побрели в Тавриду etc., но Сомов какой-то ворчливый, скисший сноб и олимпиец. Все в нем притупело. Ночью писал «Иосифа» и почти кончил[6].

6 (четверг)

Не выходил, переписывал «Иосифа». Жаль, что кончена эта работа. После обеда заболела голова. Приехал Модест; В<иктор> А<ндреевич> в лагерях. У Вяч<еслава> был Каблуков; было приятно говорить с ним о церковном пении[7]. Потом читали «Иосифа»; кажется, ничего, хотя я в конце развел какую-то ораторию. Вяч<еславу> Ив<ановичу> понравилось. Костя укатил с Модестом и не возвращался ночевать.

---

* Свои подвиги *(франц.)*

7 (пятница)

Утром отослал «Иосифа» и все тосковал, будто кто родной уехал. Хотелось спать. Пришли Гумилев и Мейерхольд. Глаголин просит стихов[8]. Затевают ежемесячные ужины. Вечером прибыли Валечка и Потемкин. Так долго и болтались. Лег очень поздно. Маляры устроили какой-то разгром во всей квартире[9].

8 (суббота)

Проспал. Переписывал стихи для «Аполлона»[10], стригся. Маковский был один; стихи взял смотреть, рассуждал светски и неуверенно. Просил «Фирфакса», говорил, что один художник очень хочет иллюстрировать именно меня; оказывается, Судейкин[11]. Зашел в пустое Café. Вечером был нудный Ивойлов и Чулков, сообщивший, что «Руно» прекращается[12]. Вячесл<ав> долго рассуждал о Городецком, это очень жаль, что тот в такой плоскости[13]. Встретил Феону, звавшего меня вечером на репетицию, но я не пошел, далеко очень[14].

9 (воскресенье)

Модест писал какой-то вздор о невесте, о том, что Вяч<еслав> на него сердится, что может выйти что-то непоправимое[15]. Vieux jeu* мне все это показалось. Поехал в Царское. Ехали морские кадеты, громко разговаривая, как говорят, когда на виду и довольны собою. У Гумилева была коллекция военных фуражек, но кроме его брата и Плаксина<?> никого не было. До обеда гуляли в парке. Предполагаемые обеды с дамами меня не весьма пленяют. За обедом у меня разболелась голова, но все-таки сыграли в винт и направились к Анненским. Анненский несколько старинно чопорный, с поэтической эмфазой, для скептика и остроумца слишком бессистемен, без clartée** и определенности. Стихи похожи не то на Случевского, не то на Жемчужникова. Дама тонна, былая красавица, сидела с вышиваньем; невестка мила; вообще, люди милые, но далекие и не самой первой родственности. Гумилев провожал меня на вокзал, голова очень болела и в вагоне. Дома еще не спали, даже Костя, но я еле мог говорить от головы[16].

10 (понедельник)

Утром составлял планы, послал стихи Глаголину[17]. Вышел с Костей к Митюрникову[18] и узнать адрес Чичериных. Некоторая скука с отосланием «Иосифа» меня не покидает. Писал, читал. Заходил Вячеслав, он скучает тоже, по-моему. Играл 9-ю симфонию, почему-то захотелось[19]. Костя завтра уезжает в Копорье[20]. Писем не было.

---

* Старой игрой *(франц.)*

** Ясности *(франц.)*

11 (вторник)

Никуда не выходил; писал, читал, ждал писем и денег, но ни того ни другого не получил. Вечером были Валечка, Потемкин и Чулков. Читал «Иосифа». Уговорились завтра пойти к Сомову, но лучше всего я себя чувствую дома пока[21]. Что-то Фонечка и Сережа замолкли.

12 (среда)

Шел дождь, но к Валечке я поехал; очень забрызгало грязью, когда я высунулся из-под верха пролетки, чтобы рассмотреть в глубине другой офицера, думая, не В<иктор> А<ндреевич> ли это. Так разволновался, что вместо нувелевского подъезда влетел в мелочную лавку. Сомов был менее кисел. Дома приглашение Судейкина на воскресенье[22]. Вечером читал и в пустой голубой комнате играл Глука и Гретри. Денег опять ни копейки.

13 (четверг)

Целый день сидел дома. Сережа прислал «Mercure», значит, сам не думает скоро приезжать. К вечеру заболели зубы, было сильное сердцебиение; разволновался, говоря о Шекспире, чем-то выбит из колеи; Вяч<еслав> обиделся за двусмысленные строки в сонете к Юраше[23] и вообще чем-то расстроен и ailleurs*. За стенкой Паша играет на балалайке и поет песни, что пелись в Окуловке, волнуя меня.

14 (пятница)

Зубы прошли. Поехал на почту и к Вольфу, жара была невозможная. Митюрников обещал вечером прислать за книгами; конечно, надул. Явился Гумилев. Модест уже в Гельсингфорсе, ну и слава Богу. Читал Вяч<еславу> новое стихотворение, которое он разругал; я отгрызался. Сомов упорно закрыт для моих вещей; ушел рано. Еще толковали с Вяч<еславом> не мирно, не по-хорошему[24]. Паша с Лизой опять играют за стенкой. У поморов звонят к долгой всенощной[25]. Что я потерял, как скучно, Боже, и как стыдно!

15 (суббота)

Днем неожиданно пришел Наумов; похудел, загорел, возмужал. Я был крайне рад ему, как прежде. Вспоминали позапрошлую зиму, его болезнь и т. д., прошлый год как вычеркнут. Вышел с ним; он проводил меня до парикмахера. Вечером страшно разболелись зубы, так что я едва сидел при приехавших Валечке с Потемкиным. Читали Шредера[26]. Ночью не спал ни минуты.

---

* Не здесь *(франц.)*.

16 (воскресенье)

Целый день маюсь с зубами и головою. Все дремлю, делать ничего не могу, щеку разнесло, то жар, то холод, глотаю фенацетин. К Судейкину нельзя было думать ехать. Послал с Костей для посыльного письмо. С<ергей> Ю<рьевич> телефонирует, не может ли в таком случае он сам приехать? Когда он приехал, Вяч<еслав> сидел у меня и читал Тассо вслух. Говорили дружески, без особой gêne, mais comme avec un m-eur quelconque*. Ушел рано, спал как-то особенно хорошо. Приехала Лидия[27].

17 (понедельник)

Щеку разнесло еще более, к доктору идти еще нельзя, но, по крайней мере, не так свербит и болит. Немного даже занимался. Денег не прислали. Вечером зашел Гумилев, хвастался своим уловом у букинистов, принес деньги от Глаголина. О путешествии в «Аполлоне» говорится как о деле почти решенном[28]. Меня тревожит, но не так, чтобы слишком, отсутствие известий из Окуловки.

18 (вторник)

Паша и Лиза сначала читали за стенкой Бородаевского, потом шлепали друг друга по разным местам, пихали с кровати, смеялись; меня бы это волновало, если бы я был другим. Спал не так хорошо. Писал немного, но не выходил. К Вяч<еславу> приходили какие-то альманашники, потом Чулков и Савитри[29]; утром телефонировал Городецкий. На улице, кажется, жарко. Денег не шлют. Письмо от Фонечки; у него какие-то неприятности, вообще там какое-то неустройство. Сгорела девочка Ассур, у Вари был припадок. Письмо показалось суховатым.

19 (среда)

Днем пришел казаковский Степан, живо напомнив мне прошлое. С зубом не пошел. Вечером был Валечка, предпочевший одиночество со мною компании в Café de France, рассказывал про своего Владю, волнуя меня напрасно. Читали новеллы вслух[30]. Были Городецкие. Он похудел, она потолстела, упоены славою офеней. Она готовится в певицы; самовлюбленны и беспомощны, франтят. Долго еще беседовали по-домашнему. Играл Бетховена[31].

20 (четверг)

Ходил с Лидией к доктору, потом в парикмахерскую и к букинисту. Писал дома «Роллу». Выход на улицу мне понравился.

---

* Скованности, но как с посторонним *(франц.)*

Вечером играл серенаду Mozart'a, никого не было. Денег не шлют. Вяч<еслав> долго рассказывал о начале «Весов»[32].

21 (пятница)

Встал не очень поздно, но ленился. Денег не шлют. Поехал к Валечке под дождем, но не застал его дома. С удовольствием шел по Невскому, останавливаясь у витрин etc. Домой вернулся рано; чего-то тоскую сегодня. Поиграл Massenet. Вечером занимался. Играл свою мессу, очень детски и несовершенно. Но «Credo» мне и теперь нравится каким-то белым мученическим фанатизмом[33]. Много говорили с Вяч<еславом> об ангелах, Георгии и т. п.[34] Ушел к себе совсем утешенным.

22 (суббота)

Думал хорошо работать, но ничего не делал, никуда не выходил. Денег не прислали. Читал старый дневник: какой блеск был в 1906–07 году: невероятным теперь это кажется. К вечеру немного отошел. Играл «Таис», есть много хорошего[35]. Костю оставили без отпуска, так как он тогда опоздал. Говорил со мной по телефону и Валечка тоже; нужно бы встряхнуться, а то совсем закиснешь[36].

23 (воскресенье)

Не помню, что было; писал мало. Вечером пришел Валечка, поехали в Тавриду, где встретили Нурока. Был милый солдатик, вроде кантониста, но в общем рожи и скука. Валечка пошел к нам, пели «Barbier», был мил и домашен. Днем играл Вяч<еславу> гимн Антиною, и эта эпоха так на меня подействовала, что до ночи, как рана, сочились какие-то воспоминания[37].

24 (понедельник)

Письмо от Чичерина, до 8-го сент<ября>[38]; жалобы от Тастевена. Судейкин просил в Café de France. Толковали; был Абрам<ович>, Чулков, Валечка. С<ергей> Ю<рьевич> заехал к нам, где был уже Гумилев, потом приехал Маковский. Беседовали, играли, читали стихи. «Ролла», кажется, имел успех. Судейкин хвалит меня до неловкого. В четверг пойду к нему. Потом одни еще говорили по-домашнему[39].

25 (вторник)

Ленюсь. Вечером направился в Café, где были Сомов и Валечка, видел Самойлова, но m-eur en question* не явился, и мы поплелись в «Вену». Валечка был очень меланхоличен: я вполне по-

* Господин, о котором речь *(франц.)*

нимаю его. В «Вене» несколько развеселились, хотя там никого не было. Дома застал Потемкина. С Нисой был род эпилептического припадка. Чем-то скучно мне. Без денег, без занятий, как следует, без любви[40].

26 (среда)

Приехал Сергей, полный рассказов, сидел у меня[41]. Я поехал к Валечке, чтобы видеть Тарасова. Был П. П. Зажаривали «La belle Hélène»[42]. Гига похудел, мил, чист. Из против<оположного> окна какой-то юноша все смотрел; я подумал, не тот ли, про которого Фогель рассказывал, что тот высмотрел меня у В<альтера> Ф<едоровича>. Пошли в de France; потом я с Гигой по Невскому и Литейному. Играл «Undine» Гофмана. Недурно все-таки[43]. Мало делаю без денег. Утром видел В<иктора> А<ндреевича>, но он меня не заметил.

27 (четверг)

Днем что-то делал. Вяч<еслав>, М<ария> М<ихайловна> поехали неожиданно к Беляевским, так что я обедал только с Сергеем и Лидией. Мне временно кажется привлекательным такое устройство, как Серг<ей> говорит, «grand train»*, большой семейный дом с детьми, прислугою и т. д. У Судейкиных меня ждали, смотря в окно, показывали книги, рисунки, собаку. Провожал меня. [Дома нашел Потемкина и спиртовую лампу. С Нисой была падучая. П.П. сидел долго.] Каблуков уже ушел, когда я приехал[44].

28 (пятница)

Сижу дома с новым флюсом, играл с Сергеем в безик[45]. Обедал Чулков. Когда пришел Судейкин, Костя и Сергей сидели у меня. С<ергей> Ю<рьевич> показывал разные фасончики, отчасти мандил, и несколько надоел мне. Потом ходили по гостиной, беседуя о искусстве. Играл оперетку, читал Чулкову «Нежного Иосифа». Меня самого слишком волнует эта вещь, и я долго еще говорил с Вячеславом по поводу ее[46]. Лег спать поздно.

29 (суббота)

Всего ломает, дремлется, озноб, глотаю хину, денег ни гроша. Костя долго был в корпусе. Перед обедом с Вяч<еславом> смотрели «Princesse Maleine»[47]. Пришли крошки Беляевские. Ольга читала вроде хроники их семейства, мы все лежали на диване в комнате М<арии> М<ихайловны>. Ко мне пришли Вал<ечка> и Потемкин. Пили чай в маленькой столовой. Вал<ечка> рассказывал о трагедиях Дягилева, Бенуа, Маврина и Федоровой; действительно, забавно[48]. Потом

* «На широкую ногу» *(франц.)*

вышли к Вяч<еславу>, где еще пели; мне очень нездоровится. Лиза все поет за стенкой, напоминая мне «Зимний день» Лескова[49] и приготовляя к петербургскому житью. Легли очень поздно. Завтра в Царское не поеду[50]. Собираемся на Островского и, может быть, в балет[51].

30 (воскресенье)

Встал адски поздно. Болтался днем, играл в безик с Сергеем. Потом смотрели «Малэн». К обеду приехал Костя. Опять играли в карты, у Вяч<еслава> был Леман с Врасской. Потом он занимался у меня, покуда мы играли, кажется, несколько ревнуя меня к молодым людям[52]. Денег не шлют, не знаю, как и быть. Девицы около меня разувались <?> и делали авансы, чем смущали Костю и Сергея. Мальчики, кажется, привыкли ко мне. Вообще, отлично, что я попал в это тихое прибежище. Но эти дни ленюсь очень.

31 (понедельник)

Никуда, конечно, не ходил из-за безденежья. У Сергея был скучнейший Широкогоров, играли в карты. Костя уехал. Приехали Судейкины. Читали перевод, Афанасьевна читала стихи, С<ергей> Ю<рьевич> показывал эскизы, опять я играл «Забаву». Засиделись поздно[53].

Сентябрь

1 (вторник)

Встал безобразно поздно и огорчился этим. Писал немного и читал. Надоело мне сидеть без денег. За обедом Вяч<еслав> рассказывал о своей первой жене, историю женитьбы[1] и т. д., был расстроен, как и все эти дни. Пришел Бородаевский, а ко мне Валечка с Потемкиным. Пели «M-me Angot», потом Шуберта. Вяч<еслав> видел глаза Диониса[2]. Сергей приехал поздно, бывши в театре и в «Вене». Хоть бы скорее проходила эта неделя без денег.

2 (среда)

Приехал Сережа, я был очень рад ему, вышел с ним в «Аполлон», где вместо больного Маковского был милый секретарь Зноско-Боровский[3]. Сережа беседовал с ним, я же сидел поодаль, как английская гуверн<антка> на уроке музыки. Обедал Бородаевск<ий> и сидел вечер[4].

3 (четверг)

Никуда не выходил. Приехал Гумилев, слегка надутый и кислый, потом пришел Сережа, принес «Mercure», читал повесть о

Нине Петровской[5], болтали. Сережа очень мил. Телефонировал Ф., прося аудиенции на час. К счастью, поспели отобедать и выйти в зал. Объяснение было довольно бурно, не из приятных, но потом все обошлось. Вечером были Судейкин и Бородаевский. Опять смотрели эскизы. Рассуждали с Вяч<еславом> хорошо. Пришел Сергей и объявил, в ответ на нотации, что хочет жениться. Была будто совр<еменная> франц<узская> пьеса с молодыми отцами[6].

4 (пятница)

Днем был у Сережи за некоторыми вещами, но в Café не пошел с ним, вернулся домой. Письмо от переводчицы; кажется, дело наладится[7]. Приехала Кассандра; проболтав с ней, пропустил время. За обедом были Загорские. В театр я приехал рано. Пьесу заменили и давали «Не в свои сани не садись». Было приятно смотреть хорошую пьесу, сдержанно и со школой исполненную[8]. В публике никого знакомого не было, интересного тоже мало. После пошли в «Метрополь»[9], где было скучно, несмотря на румын. Дома еще не спали, и я был рад тишине «башни». Играл гимн Антиною[10].

5 (суббота)

Встал очень поздно. Пришли Гига и Деринг, принесли хризантему, были милы и почтительны. Пошел с ними в Летний сад парадировать. Возвращаясь, встретил Юру, он шел от меня, был какой-то потный; вернулся. Костя был уже дома, пришел Сережа. Он хороводится с «Аполлоном», я жалею, что у меня нет никаких дел. Юра после обеда вышел со мною, Костя нас провожал. Войтинская живет черт знает как далеко. Был там Гумилев. Она маленькая еврейка с усами, болтает и наивничает, напоминая Кострриц[11]. После сеанса поехал с Н<иколаем> С<тепановичем> на вокзал, где сидели до часа, беседуя и болтая, видели Анненских и Штейн. Вернувшись, застал еще Вячеслава, долго и хорошо говорили[12]. Какой-то сумбурный день сегодня, но ничего. Спокойствия, спокойствия.

6 (воскресенье)

Никуда не выходил. Была гроза; Вяч<еслав> выезжал к Маковскому и Сологубу. Играл с Костей в карты. Письмо от зятя о долге, прибытие Макса, отсутствие всяческих денег — привело меня в дурное располож<ение> духа. Вяч<еслав> спорил о политике. Был Ивойлов и Столпнер, последний так долго сидел и так много спорил, что я был как избитый[13]. Но, в общем, «башню» несколько забросили. Меня тревожит, что Виктор Андр<еевич> не идет.

7 (понедельник)

Сидел дома. Не помню, что было. Приехала Кассандра, перевел ей стишки. Первый пришел Гига; потом неожиданно С<омов>, какой-то расстроенный. У меня была лихорадка, я был весел. Толстой читал хорошие рассказы. Валечка явился с женской болезнью в горле. Пели, болтали; был большой прием[14].

8 (вторник)

Приехал наказанный Костя с товарищем; у него красивые глаза и огромные руки. Играли в карты; потом приехал тошный Широкогоров, Сережа; девица доложила, что пришел фрей. <?> Эпштейн, со смехом; Юра с своим товарищем. К художнице не поехал. Сережа читал свои вещи; я их не могу слушать равнодушно, как повести, какие попало. Играл гимн Антиноя, всегда меня волнующий, и «Manon». Было недурно[15]. Сережа остался ночевать. Укладывались будто на Васильевск<ом> Острове. Девы еще беседовали за стенкой. Гига привез книги.

9 (среда)

Сидел дома и даже у себя в комнате, не выходя, слышал, как чирикала какая-то барышня, квакал Модест, но не вышел. Вышел только, когда узнал приехавшей Веру. С Мод<естом> не говорил, только узнал, что Наумов на коммандировке около Ораниенбаума. Пришел Ивойлов, принес рукопись и складень. Приезжала Ростовцева, потом Сюннерберг, огорченный новым курсом Вяч<еслава>. Скучно было. Телефон. Войтинская и Чичерины, что он придет завтра или послезавтра.

10 (четверг)

Письмо от Зноски, что Войтинская ждет сегодня. Писал мало. Приглашение на субботник «Пчел»[16]. Был Ауслендер и Хлебников, последний ничего себе, хотя, конечно, несколько полоумный. Чичерин не пришел. После обеда поехал к Войтин<ской>, там был Макс, потолстевший, занявший 2 ч. из моих. Читал стихи. Он остался, а я поплелся домой, где все еще сидел Хлеб<ников>, Зайцев, Чулков, Нувель и Потемкин. Хлебн<иков> невероятная размазня[17]. Завтра будут деньги.

11 (пятница)

С утра писал немого. Кто-то был. Приходил Ник<олай> Вас<ильевич>.

Вечером поехали aux pays chauds. Потом к Валечке, у которого был Нурок. Поболтали, пошли на Невский, потом к Палкину. Старые знакомые кланялись, мандолинист запускал глазенапы,

Валечка дружественно беседовал, наконец, прошелся в коридорчик, уготовляя мне дорогу. Потом вышел я и позвал итальянца выпить потом вина; певица смотрела неодобрительно. C'était l'ilarità de tutta la banda*; он цвел и улыбался. Нужно было ждать до половины третьего, когда они кончат suonare**. Не поспели мы выйти, как условились, на угол<?>, итальянец уже выскочил, подхватил меня под руку и повлек, в «Ниццу», куда угодно. Валечка простился. Говорили чопорно по-фр<анцузски> или по-итальянски, по-русски он гов<орит> лучше, чем по-фр<анцузски>, но ужасно. Зовут Alfredo. С нами въехал какой-то господин с девкой. Мой спутник очень хотел есть. У меня болела голова. Мы спросили фенацетину, но глуховатый и не в меру догадливый слуга принес нам вазелину. После ужина, потуша свет, начались переговоры. Как простолюдин, Alfredo пускал в ход la povera mamma и торговался жидовски, обещая в другой раз уступку, mais londe très bien*** и вообще не плох, хоть и мордальон; все зазывал еще раз, но не думаю, чтобы я поддался на это. Вернулся поздно. Было темно в комнатах. Напомнило житье у Званцевой. Голова болела, но спал сладко, сладко и встал не поздно, приятно успокоенный. Вал<ечка> очаровательно рассказывает про Гигу и Юру. Юра пришел раздетый на постель к Гиге и говорит: «Что-то холодно, я лягу к тебе под одеяло». От поцелуев, объятий, entrelacement de jambes**** у них делается ерекция. Однажды, когда они забавлялись так дафнически, младший брат сорвал одеяло и увидел. Гига забранился, так как это может быть опасно для здоровья, грозя простудой. Можно заболеть. С тех пор это у них называется «заболеть». Юра целуется langue fourrée*****, Гига его бранит за это. Как-то Гига на него рассердился. Тогда Юра спускается к нему, тушит свет, запирает дверь, садится к нему на колени и целует его, так проходит часа полтора. Юра спр<ашивает>: «Ты болен?» — «Нет». — «Неправда, ты врешь». — «Убедись». Но как только Гига стал убеждаться, мальчик захворал. Однажды Юр<а> заставил расцеловать себе всю грудь, а в словаре искал слово «онанизм». 16 л<ет>, в Петровском[18], такие манеры, а Гига уверяет, что он наивен.

---

* Это была забава для всей честной компании *(франц. и итал.)*

** Играть *(итал.)*.

*** Бедная мама.. но далеко от очень хорошего *(франц. и итал.)* В тексте фраза воспроизведена так, как ее написал Кузмин. Слова «londe» нет ни в итальянском, ни во французском языке, поэтому мы предположили, что нужно читать «loin de», то есть «далеко от»

**** Сплетенья ног *(франц.)*

***** Всовывая язык *(франц.)*

12 (суббота)

Утром стригся, покупал котелок, заезжал к Вольфу. Сергей собирается ехать. Пришел Хлебников, увел его к себе. Он читал стихи; говорят, что я ему покровительствую, но в его вещах есть что-то очень яркое и небывалое. Были Нечаев, Юра, принесший мне шоколаду, Макс. Сергей просил спровадить Любика, но остался Макс. Костя приехал в черных очках. Поехал в «Аполлон» вперед. Сидел с Ауслендером и Зноской, с которым мандил всухую. Было скучно, но ничего. Начальство рассуждало, мальчики неудачно шалили[19]. Макс был лучше всего. Дома были Ремизовы.

13 (воскресенье)

Дождь, холодно. Играл с Костей в безик. С Сережей поехали к Сологубу. Он был ворчлив и не очень приятен, ругал Дягилева, «Аполлон», Врангеля etc., так что я в конце концов пожелал видеть Настю. Она потолстела, переменила прическу, стала похожа на таитянку, говорит, что отвыкла от людей, показывала свои карточки в голом виде, но было скучновато. Была Щеголева там. Вернувшись, застали одну Кассандру с Лидией, все уехали на обед к Ростовцевым, а Костя к Зиновьевым. Обедали вчетвером. Потом я отправился к Бенуа; там был уже Боткин, Сомов, Толстой и Ремизов, и Ал<ексей> Ник<олаевич> ораторствовал об «Аполлоне». Потом были Добуж<инский>, Ярем<ич>, Валечка, Пот<емкин>, сплетничали, Ан<на> Карл<овна> хохотала. Толстой читал рассказы. Видел рисунки Лиотара, может быть полезные мне. Возвращался с Боткиным, который помнил que c'est son tour de payer*. Дома Вяч<еслава> еще не было, только руло<н> с мягкими вещами лежал у дверей, будто кто приехал из бани. Кассандра засыпала. Пришел Вяч<еслав> с юбилея Гревса, повторил все речи, был несколько echauffé**. Встать бы раньше завтра.

14 (понедельник)

Мне жалко, что уходит именно Лиза, имея вид городской прислуги. Холодно и ясно. Днем поехал с Костей к Павле Афан<асьевне>. Сидели по-домашнему, обедали, играли в винт. Мне нравится так шапронировать кадета. Оттуда поехал к Ремизовым; старейшины были уже там, рассуждали, выспрашивали, строили планы. Вернувшись, застал М<арию> Мих<айловну> еще не спящ<ей>. У нас был Хлебников.

---

* Что его очередь платить (*франц.*).

** Возбужден (*франц.*)

15 (вторник)

Поехал в «Аполлон»; там были уже Сережа и Митрохин. Мандил со Зноской; пролетал дирижабль. По Невскому нас догнала Вера и мы вместе поехали трамваем домой. Вяч<еслав> и М<ария> М<ихайловна> вышли в переднюю, и был род аудиенции[20]. Потом Сережа сидел у меня. Тотчас после обеда отправились: я к Войтинской, Сережа в театр. У Войт<инской> я все шалил и строил гримасы, за что она меня не кончила. Притащился Макс. Скоро поехал к Дерингу; там уже были Икар, Кирпичев, Гига, Франк и 3 юноши à la tapette. Говорили всякий вздор; мне очень нравится Франк, хотя он и влюбился тотчас в Джона, бегал его провожать и, вернувшись, лежал, мечтая, на кровати. Играли в карты; у лейтенанта дома драма: ревность, пальба, за ним прислали. Гига был очень мил. Возвращался с Франком, он делал конфиденции, молодо, идеологично, но с развязностью, может быть, еврейской. Дома обрел успокоительного Юрашу. Посидели немного, мне хотелось спать. Завтра не хочется отправляться.

16 (среда)

Дождь; встал очень поздно. Поэзия больших квартир, с лестницами, гостями, выездами etc. Телефонировал Вал<ечке> и Сереж<е>, что никуда не пойду. Но, получивши приглашение от Судейкина познакомиться с его сестрою, после обеда отправился к ним. С. Ю. приехала с мужем и собачкой, дамы сидели друг против друга с собачками на руках и щебетали<?>, заставляя тех нюхаться. Было весело и домашне. Они поехали провожать на вокзал, я же заехал к Альберу, где друзей не было. Швейцар спросил: «Ваш студент?» Дома никого не было. Пел немного.

17 (четверг)

Стригся, был у Зноски[21], покупал туберозы. У Веры устраивали комнату. Я хотел еще проехаться с Сережей, как пришел Франк с Костей. Я был очень рад. Играли. Вяч<еслав> думал про игру Франка, что это я так стараюсь, и сердился. Ушел, обещая бывать. Пришли Модест и Хлебников. Модеста цукали, второго оставили мне, как protégé. Дурили, рядились, играли в petits jeux, прислуга плясала, горели свечи, был крендель и Asti spumanti[22]. Поздравляли и Ауслендера. Он остался ночевать у нас. Было хорошо.

18 (пятница)

Был у Войтинской, страшно торопился к обеду, чтобы поспеть в театр. Пьеса была отлична и отлично разыграна[23]. Валечка интриговал и был неприятен, Сомов даже не извинился, что меня надули и не известили, что будут у Сомова тогда, в [четверг] среду.

Все время был с Ауслендером и Потемкиным. Потащился зачем-то к Альберу, где была страшная скука. Я не люблю сухие и тантические разговоры. Скрыдлов буянил, а его дама выходила на эстраду и пела.

19 (суббота)

Ауслендер звал в «Аполлон». Чудная погода. Заехали с Гум<илевым> втроем к Мейерхольду, там была Веригина. Заходили к Berrin и к нам. Гумилев говорил о лекциях с Вяч<еславом>. Приехал Судейкин, прошел прямо ко мне, но потом стал обижаться, делать фасончики. Стали переписываться: я, Костя и С<ергей> Ю<рьевич>. Костя мне писал, что Франк ему не нравится, но что во многом со мною сходится. Потом барышня танцевала с голыми ногами à la Dunkan.

20 (вторник)

С утра играл свои вещи Нине Гейм<ан>. Костя выехал со мною. Я обедал у Войтинских. Костя вызвал меня домой. Вяч<еслав> flaire quelque chose entre nous*. В «Аквариуме» Костя был с Модестом, не интересно. Приехал Хлебников ко мне, но Вяч<еслав> взял его к себе, приплелся и я туда. Читал свои вещи гениально-сумасшедшие. Потом я играл немного.

21 (понедельник)

К Войт<инской> не поехал, писал «Пчелы»; читал их Вяч<еславу> при Кассандре, он страшно рассвирепел, сказал, что это карикатура и т. д.[24] Собрался к Маков<скому>, М<ария> М<ихайловна> меня удерживала, Кассандра утверждала, что мне ехать надобно. У него был Гидони и Макс, с которым я и вернулся домой. Он сидел у меня. Приш<ел> Ивойлов, долго был, я играл «Куранты». Кассандра ушла рано, надутая. Начинаются сцены.

22 (вторник)

С утра поехал к Войтинской. Так долго позировал, что чуть не засыпал. Обедал у них; были любезны. У нас застал Модеста. Было очень скучно, хотелось на «Игоря»[25], видеть молодежь и т. д. Вячеслав дулся, потом окончательно раскричался на меня. М<ария> М<ихайловна> и Вера робко внимали, не зная, что делать. Все это крайне неприятно. На улице очень тепло.

23 (среда)

Почти тотчас встав, поехал стричься. Георгий умер от чахотки. Пошел к Маковскому отказаться от «Пчел»; говорили о «Рол-

* Чует что-то между нами *(франц.)*

ла» и «Путешествии» очень долго. Дома завтракал один. Звонил к Сереже и Валечке, позвавши последнего вечером. Часов в 5 Сережа сам пришел с репетиции «Ифигении»[26] и предв<ещал> Гумилева, но тот не явился. Кассандра была надута за обедом. Вяч<еслав> целый день в разъезде. После обеда вздумали поехать к Добужинскому, так как Сережа завтра едет, вызываемый тремя письмами, в Окуловку. У Добуж<инского> были девы, я был им очень рад. Иллюстрации к «Ночн<ому> пр<оспекту>»[27], театр, где стоят кареты, далекая местность Бенуа и Сомова, теплая сырая погода, настроили меня романтически и чувствительно. Извозчик ждал нас. Сережа мне показался сегодня очень мил, и было приятно с ним ехать. Ехали быстро. Ах, деньги. Нас обогнал какой-то господин на одиночке, обнявший крепко Сергея Сергеевича, тот, подняв воротник, в pince-nez, слабо сломившись, прижался. Боже мой, делать подлости, безумства, кражи для того, чтобы ехать обнявшись. Не ждать никого, ни писем, ничего. До чего я дожил. А там разочарования, сцены, ссоры. Вал<ечка> уже ждал меня. Его жизнь блестяща и легка. Репетиции, Дягилев, dream'ы* англичанина, предстоящий Париж. Я просто умираю от тоски и безденежья, увы! И мне жалко, что Ауслендер уезжает. Но С<ергей> С<ергеевич>! все всплыло прошлое, как дикий, сладкий сон. Играли «Manon» и Шуберта. Вал<ечка> был очень мил. Идет дождь, думаю о какой-то привольной жизни, печально, горько и сладко. Очень ленюсь. Нужно опять засесть дома до 20-го. А тогда?

24 (четверг)

С утра был телефон, что в 5 ч. приедут московские гости по делам. Не знал, что думать. Войтинская звонила, что не сегодня. От Судейкина отглашение. Поехал к девам и Толстому, видел там Добужинского; милы как прежде, уютны. Толстой поехал к нам. Раньше еще я послал записку к Франку, не придет ли он вечером. Вскоре приехал Руслов, вот кто был из Москвы. Мало здесь теток своих. Квакал, жеманничал. Приехал Гумилев, потом Франк. Первый скоро уехал, найдя наш разговор слишком «юнкерским». Франк не мог пересидеть москвича. Играл им «Куранты». Наконец вышел проводить их; только на Кирочной Руслов взял извозчика, я же провожал Франка, рассуждая о высоких материях, утешая его, давая советы. Просил завтра приехать в «Хуторок». Мне вспомнились какие-то старые годы с провожаниями etc. Вяч<еслав> уехал куда-то с чемоданом, все похоронны.

* Мечты *(англ.)*

25 (пятница)

По уговору с Гумил<евым> поехал в «Аполлон». В первой приемной сидел Сюннерберг и Философов. Выскочил Зноска, стал со мной говорить, потом пришла Войтинская и мы пошли в другую комнату. У С<ергея> К<онстантиновича> был Гумилев с каким-то гусарским юнкером. Вышли они, пили чай, болтали, а Философов все сидел в передней. Вышли. Гумилев хотел обедать в ресторане, юнкера никуда бы не пустили, и он куда-то отправился, а мы, побывав в «Вене», попали к Альберу, где и обедали, болтая; у нас составляли открытку Ауслендеру, где нарисовали Аполлона, и «Донон», и «башню» с стенающими башенниками. Явился Руслов, я ехать не хотел. Гига телефонировал, волнуясь. Но Гумилев меня покинул, и я остался в компании Сом<ова>, Нув<еля>, 2-х Фогелей, Зеленина, Икара, Франка, Гиги и Деринга. Зеленин страшно ухаживал за Франком и они куда-то отправились, вероятно. Птичка был мил. Когда мы собрались уходить вчетвером: я, Сом<ов>, Нув<ель> и Руслов, те еще остались без начальства. Меня Франк избегал и брюскировал* всячески, не отходя от Зеленина. Была страшная тоска и тошнота. Не ходок я на такие собрания.

26 (суббота)

Было холодно, когда я ехал к Войтинской; я не люблю рано выходить из дому. Она меня все еще не кончила, говорила, что Маковский очень меня любит и ценит и говорил ей об этом. Мамаша подтвердила. Теперь ей для иллюстраций статьи Врангеля о эротизме[28] предстоит [иллюстрировать] рисовать какую-то знакомую Маковского, которую он не хочет показывать другим. Меня еще не кончила. Вчера с Корнеем был скандал в лит<ературном> обществе на докладе о Гаршине[29]. Телефонировал Павлу, чтобы он удержал Франка, если тот придет, но сей юноша не пришел, и вместо него был не дождавшийся меня Нечаев. Никого не было дома, когда я вернулся. Швейцаров мальчик пришел ко мне, чтобы я ему помог написать сочинение «О четвероногих друзьях человека». Приехал Костя, нежный и милый, расспрашивал о Франке, обо всем; была Кассандра, после обеда поехали к Замятниным, играли в карты, пели, торопились домой. Я люблю выезжать с Костей. Дома похоронно. М<ария> М<ихайловна> свирепа и нелепа. Никогда самый дурной мужчина не может быть так упрям, нелогичен, мелочен и беспощаден, как лучшая женщина.

27 (воскресенье)

Зноско телефонировал, что выезжает <поездом> 2.15[30]. Я опоздал на 2.45 и, принужденный ждать до пятого часа, зашел к

* Обходился грубо, третировал (от *франц.* brusquer)

Ремизовым. Они чем-то неприятны, все ~~кляузничают~~, и какие-то всезнайки. Дорогой мечтал. У Гумилева был только Зноска, даже брат уехал на свадьбы. Потом пришел младший Анненский. Играли в винт и макао. Возвращался со Зноской, планы об «Аполлоне». С<ергей> К<онстантинович> опять слег, кажется. Дома было темно и скучно.

28 (понедельник)

Вяч<еслав>, оказывается, приехал еще вчера, но я его не видел и сегодня. Сладко и опасно мечтаю, ничего не делая. Был у Войтинской; я привыкаю к ним; портрет улучшается. Только что я приехал, пришел С<удейкин?> в хорошем расположении духа. Болтали. Играл «Куранты», меня самого волновала эта музыка. Поехали с ним обедать к Альберу. Там был брат Шуберта и еще кто-то. С<удейкин?> меня шуточно ревновал. Пошел его провожать. Божерянов рассказал ему про Познякова etc. Дома была Тамамшева, но Вяч<еслав> выехал из дому опять. Лениво болтали кое о чем, вспоминая лихом прошлый год. Руслов не явился.

29 (вторник)

Был у Войтинской, портрет кончил. Приехал Сережа, зовет меня в «Аполлон». Поехал туда, взял его к себе. Все был народ. Кассандра, Ивойлов, Чулкова Н<адежда> Гр<игорьевна>; я был весел; Вяч<еслав> Ив<анович> находил, что в меня будто впущен мышьяк. Валечка просился на завтра. У Потемкина была холера. Вчера ночью, когда я уже спал, пришел Вяч<еслав> и болтал дружественно, ласково и мирно. За обедом было очень весело. В «Аполлоне» было торжественно и скучновато. Я слушал только первую половину, потом ушли в задние комнаты, где дурили и болтали[31]. Позвал на завтра Зноску, Мейерхольда etc. Пили коньяк, дивагировали. Философов говорит: «Какая же это редакция, где Гум<илев>, Кузм<ин>, юнкера, барышни и секретарь 15 л<ет>». Сережа говорил про Окуловку, что Ник<олай> Ст<епанович> хотел меня выписать, о спектаклях, интригах и изменах. Возвращались большой компанией, зашли в «Quisisana», где в цилиндр графа бросали имевшиеся деньги и он их вынимал, как фокусник. Шел пешком.

30 (среда)

Был в «Апол<лоне>». Гумилев был уже там, Сережа, Потемкин. Был ром, коньяк и petits four'ы, так что для приходящих казалось уютно, были Дымов и Андрусон, которому Гумилев отгрыз голову. Поехали ко мне. Без меня были Франк и Руслов; какая досада, что не застали меня. Франк опять нашел Джона и блаженствует, находит меня «странным человеком». Читали «Ролла», при-

шел Макс и Хлебников. Я играл «Куранты» до прихода гостей. Я изображал хозяйку, переходя от группы к группе, Вал<ечка> ухаживал за Костей, Зноска за Сережей. Потом читали стихи. Было, кажется, скучно. Сомов сбежал первым при появлении Вячеслава. Сережа ночевал у нас. Сидели поздно, ели еще яичницу. Ночью видел все какие-то кошмары. Завтра приедет Варя и Ек<атерина> Ив<ановна>. Вяч<еслав> был у Ив<ана> Странник; там большая квартира, казачок, и будут вести grand train.

Октябрь

1 (четверг)

С утра Сережа привез Ек<атерину> Ив<ановну>, пожелавшую видеть меня; она капризничает с Эпштейнами, девичничает и желала бы сплетничать. Спустился с ними, чтобы телеф<онировать> Глаголину о ложе. Перед обедом поехал к Маковскому, у которого был Макс. Поговорил, устроил. Дома были Аскольдов и Безобразова («Прекр<асная> дама»). У Чеботар<евской> народу было мало и скучно. Сологуб надут и важен, только Евреинов разливался соловьем и читая свою оперетку, и ораторствуя за столом[1]. Дамы только что вернулись от Тырковой, где Розанов говорил невозможный вздор.

2 (пятница)

Ек<атерина> Ив<ановна>, придя, объявила, что у меня состоится ее встреча с Ив<аном> Гавр<иловичем> и что сестра хотела бы меня видеть. Идти к Эпштейн я отказался. Дама волновалась в ожидании. Наконец явился господин, по временам я их оставлял. Поехал в «Аполлон». Аусл<ендер> и Гумил<ев> были уже там. Зноска прямо спросил, привез ли я ему «Весы», будто так и нужно было. Деньги теперь получаются у Кранца, посылал их менять и кричал на мальчика. Купил кое-что. Дома пришел Руслов, расстраивая меня рассказом о Франке и Джоне. Сережа телеф<онировал>, что будут в Пассаже. Пошли и мы. Так как у Руслова не было денег, по-видимому, то в театре и ресторане платил я, что значительно уменьшило мой запас. Оперетка была ничего себе[2], но было пустовато, мало знакомых и скучно от Руслова. С сестрой говорил вежливо, но холодновато. Они уехали раньше конца. Мы же пошли к Палкину, где бедный мандолинист напрасно старался. Мы рассуждали о любви, но мне было до смерти жалко итальянца, очевидно рассчитывавшего на меня, и что у меня нет достаточно денег. Почти не спал. Читал «Русь»[3], курил, мечтал.

3 (суббота)

Сегодня в «Аполлоне» была куча народа: мы, Трубников, Макс, Маковский. Было приятно и весело, хотя без Маковского еще лучше. Мальчики поехали к нам, я же собирался с Трубниковым, но его «подвезенье» кончилось тем, что я его проводил до Моховой. Он стал лучше, очень «bon enfant». Дома читали «Пчелы и осы», обедали. Сережа поехал на рандеву с Мейерхольдом и потом к Толстым, я же с Гумми к Войтинским. Там уже был милейший и утешит<ельный> Евг<ений> Ал<ександрович>, какие-то девицы и жидовины. Было скучно. К Толстым не попал. Очень ветрено и тепло. Дома Вяч<еслав> еще не возвращался от Мережковских.

4 (воскресенье)

Костя уехал в Народн<ый> Дом[4], мы же с Сережей в Царское. У Толст<ых> была куча народа, ругавшего Гумилева. Пошли через парк к Анненским. Он еще нездоров, важен, любезен и ораторствует. Валентин с женою мил. У Гумми был его брат с женою и тестем, тем Фрейгангом, что жили по одной с нами лестнице на Суворовском и чьи сыновья постоянно в телефон отказывались платить долги. Куплен рояль, еще не отстоявшийся. Играли в винт. На обратном пути ехали с офицером; я часто где-то видел его; возвращался с Папашей, занимая его. Он думал, что я тоже студент. Брат Гумилева звал меня к себе в Ораниенбаум. Дома был Столпнер и Ивойлов.

5 (понедельник)

Сижу дома, ничего не делая. Обещал вечером Вере читать «Иосифа». Пришел Бурлюк; отчего все такие приходящие — морды? После обеда читал. Вера была очень импрессионирована и все потом думала[5]. Вяч<еслав> выматывал у меня мое мнение об отношении церкви к политике. Было скучно очень.

6 (вторник)

Разбудил меня Сережа, сидел, читали, заехали к Тамамшевым, у них уныние и запустение. Дождь. Вернулся. Телефонировал Руслову, что не приеду, и Валечке, зовя его вечером. За обедом явилась Сабашникова и Блок, потом Чулковы, но у меня сидели Нувель, Тамамш<ев> и Руслов. Когда я вышел ко всем, то Маргариты уже не было, Блок еще почитал стихи о Италии[6]. Лампа у меня уже потухла, и я тотчас лег спать, хотя Вера и спрашивала что-то об «Иосифе».

7 (среда)

Хотел сидеть дома, но Чулков позвал к себе. В «Аполлоне» была куча народа. Зноска говорил, что воздух «лицейский»:

пахло папиросами и ромом. Был и Толстой, и Потемкин, и Юраша, и Гофман, и Судейкин. Маковский предложил мне быть читателем по прозаическому отделу. Я никак не ожидал, что это будет так скоро[7]. Гумилев с Сережей пошли к нам. Вяч<еслав> цукал Гумил<ева> за Юрашу и пр. Пошли все к [Мейерхольду] Чулкову, где были Сюннерберги и Мейерхольд. Чулков читал «Пустыню»[8], я — стихи. Гумилев тянул сначала в ресторан, но поехал на вокзал.

8 (четверг)

Сидел дома, писал. Пришли мальчики, читал им «Путешествие»[9]; вечером были Тамамшев, Беляевская и Юраша. Играл «Куранты», Гумми по этому поводу ораторствовал, напоминая мне ту блестящую зиму[10]. У них какие-то замыслы с Сережей, и они говорили, что как-то все, что я читаю и пою сегодня, служит ответом на их планы. Юраша еще долго оставался и пел, Тамамшев читал стихи. Писалось не так, как хотел.

9 (пятница)

Сережа очень долго не приходил. Наконец отправились к парикмахеру и в магазин. Было весело. К нам явился Маковский, так что Вяч<еслав> не обедал. Опера была скучновата, но балет умопомрачителен, я давно не помню, чтобы так холодел от восторга, зато была и овация Фокину[11]. Дамы наши кисли, в антрактах мы пребывали в курилке, так что прозевали Трубникова, который потом обогнал нас, весело раскланявшись. Дома еще не разошлись, вопили Мережковские, мы пили чай в столовой, прислушиваясь. Потом еще беседовали с Вячеславом. Ночевал Сережа у нас. Получил письмо из «Скорпиона»[12].

10 (суббота)

Сережа ушел рано. У нас в доме совсем нет денег. Когда я спускался ехать в «Аполлон», входит господин, направляющийся, по-видимому, ко мне. Оказывается Гюнтер, что грозит какой-то меледой[13]; еще на извозчике он сообщил, что стал актером, имеет театр[14], играл с Коммиссаржевской и т. п. В редакции Гумил<ев> что-то пикировались с Сережей. Вышли вместе по Невскому к Ремизовым, заходили к Robon есть пирожки. У Ремизовых запустение. Дома был Костя, тотчас приехал Мейерхольд, потом Гюгюс и, наконец, кислый-прекислый Руслов; последнего не знали, как спровадить, и только старания более чем энергичного Гюнтера увенчались успехом. Но зато сам он меня извел сценами ревности, фасончиками etc. Я как-то отвык от этого. Руслов, кажется, не на шутку разобиделся, ну и пусть. Гюнтер говорит про него всякие гадости, будто бы, когда тот гостил в Митаве, с ним вместе

исчезли его, Гюнтеровы, вещи и т. п., но верить-то ему много не приходится.

11 (воскресенье)

Будучи без денег, в Царское не поехал. С утра явился Гюнтер, затем Валечка, потом Глеб Верхов<ский>. С Вал<ечкой> отпр<авились> к Баксту, тот по-прежнему мил, они там с Сом<овым> веселятся[15]. Забавнейше рассказывал про «Анфису»[16]. Звал вечером к себе, но <я был> задержан Хлебниковым и Гюнтером. Сидели они очень долго. Я думаю, что Гумилев обиделся. Утром Руслов справлялся о адресе Гюнтера, но я его ему не сообщил. На дуэль, что ли, он хотел его вызвать?

12 (понедельник)

Утром был у Маковского, с ним и отправился в «Аполлон». Было обычно, довольно народу, Трубн<иков>, Врангель. Поехали домой, Сережа отказался, так как приехал зять. Последний явился ко мне во время обеда, но я не принял его. Был, конечно, и Гюнтер. Вяч<еслав> чуть не поругался с Гумилевым из-за политики. К Сологубу я не поехал, а отправились втроем к Альберу, где сидел Смирнов. Гумилев у нас ночевал.

13 (вторник)

[Был дважды в редакции.] У нас был Бородаевский, Ивойлов. Гюнтер уже посетил Маковского и трубит, что «Маг» будет принят etc.[17] Вяч<еслав> поехал с Ив<ойловым>, Бородаев<ский> с Толстым, я с Гюнтером. Собрание было шумное и не очень приятное. Вяч<еслав> пикировался с Анненским, грыз Гумилева, ораторствовали etc. Мы составляли оппозицию: я, Зноска и Ник<олай> Степ<анович>. Втроем же мы отправились к Альберу, было очень приятно.

14 (среда)

В редакции был «сам»[18], Бакст, еще кто-то. Ехали втроем к нам; вечером долго болтали о уставе в «Аполлоне». Толстой все ставил палки в колеса. Шел с ним домой, говоря мирно. Наконец-то из «Скорпиона» прислали письмо и корректуры и книгу какого-то болвана Михельсона, который мне обязан своим творч<еством>[19]. Не поздоровится от таких подражателей. Но мы редко так смеялись. Дома еще Вяч<еслав> мне пилил спину уставом[20]. Quelle corvée.

15 (четверг)

Как будто никуда не ходил. У нас был Хлебников и Гюнтер, я слушал нем<ецкую> др<аму>[21], потом учил Хлебн<икова>.

Пришли Толстой и Белкин, тоже Максенок какой-то. Читал и Толстой до бесчувствия, я играл разные разности. Любик говорит, что мой голос его волнует. Сережа был у нас, предлагал идти в оперетку, но пошла А<лександра> Н<иколаевна>.

16 (пятница)

Встал так безумно поздно, что разболелась голова. В редакции все правили корректуры, я <еле?> глядел. Вернувшись, лег заснуть. Пришел Гюнтер, читал мне «Мелизанду», отчего голова отнюдь не проходила. Зноску забрал Вяч<еслав> и морил 3 часа, тоже сидели и занимались. О «Курантах» нечего было и думать. Гумилев собирается основывать «Геософическое общество», куда членами войдут Вера и я[22]. Гумми остался ночевать. Издательство Маковского будет с Дымовым, что меня вовсе не так устраивает[23].

17 (суббота)

Утром поехали на кладбище[24]. Я несколько опоздал. Были всё дамы, из мужчин — я, Чулков, Ремизов и Юраша. Было хорошо в церкви. Костя стоял и плакал, высокий. Был чудный день. Беляевские что-то толковали о лекции. Возвращался с Кассандрой. Завтракали; потом играли в карты. Пришел Юра и Гюнтер. После обеда заехал к Эпштейн. А<лександра> Н<иколаевна> показывала квартиру, до кухни и ванны. Горничные пищали и прятались. Комнаты с лесеньками. Пошли к Толстым. Там были Белкин, Комар<ов>, Кругликов, потом вдруг Яковлева и Смирнов; я хотел тотчас уйти, но остался читать стихи. Все-таки скоро ушел. Повез Вяч<еславу> банан и книгу о розенкрейцерах. Вернулся пешком. Дома был Гриневич и Столпнер, который теперь говорил уже о поле и полов<ых> уклонах у Достоев<ского>, Тург<енева>, Гоголя и Соловьева. Засиделись, и я ничего не сделал. Еще завтра бесплодный день. Это ужасно. Нужно, очевидно, не спать, но твердо делать порции.

18 (воскресенье)

Стригся. Чудный день. На [поезде] вокзале был уже Сережа и Зноско, но, приехавши в 2 ч., мы ухитрились опоздать на 2.45[25]. Пошли к Ремизовым. Он встретил нас с пилюлей во рту. Вернулась и Сер<афима> Павл<овна>. В поезде ехали правоведы, болтая в полумраке. Зноско отправился к Анненскому, мы же прямо к Ник<олаю> Степ<ановичу>. Обедали; читали Пушкина; я играл «Куранты»; потом сели за винт. Дома еще заседали Блок, Мейерхольд, Сюннерберг, были Гюнтер и Бородаевский. Quelle corvée, до 5 час. толковали. С Вяч<еславом> нельзя вести никаких дел[26]. Наконец, настояли на исключении всех [член] профес-

соров, молодых и пр. и оставили 11 ч<еловек>. Потом опять об Академии.

19 (понедельник)

Поехал в «Аполлон», где был Маковский, Гум<илев> и Ауслендер>. Потом Толстой и Макс. Пошли по ресторанам[27]. У Донона, Пивато, Альбера и Палкина. У Альбера на вопрос, есть ли диваны, спросили: «Будут воспитанники?». Кажется, остановимся на Пивато[28]. Опять вернулись, еще застав Маковского. Дома Гюнтер репетировал «Камельную даму»[29]. Гумилев был у нас. Вяч<еслав> опять nous sciait le dos* Академией. Я прямо умру, если еще будут общества, разговоры об обедах etc. Меня беспокоит, что Чичерины не дают никакого ответа. Лицеисты расхаживают по всему городу. Сегодня их день[30].

20 (вторник)

Наших папаш<?> возили к нотариусу, потом застряло<сь?> до 6 ч. вечером. Вяч<еслав> еще пилил мне спину уставом. Болела голова.

21 (среда)

Был в «Аполлоне». Маковский мне говорил еще об уставе. Не помню, что было вечером. Была Академия сильная<?> и блестящая. Маковский очарователен. Пошли без Ник<олая> Ст<епановича> вшестером к Альберу, было неплохо. Сережа ночевал у нас. Обедало 13 чел<овек>, 2 кадета, один очень мил, Юраша, Хлебников etc.

22 (четверг)

Не помню, что было.

23 (пятница)

Не помню, что было. Переводил Рашильд[31]. Гюнтер изнывал и написал 15 стих<отворений>.

24 (суббота)

Был в редакции, утром к нам пришли Гумми и Мосолов, вернулись к нам Сережа и Гюнтер. Пришли Макс, Дмитриева и Волькенштейн, но мы все-таки отправились к Толст<ому>, где уже был Зноска. Пришла опять Яковлева и Белкин. Я со Зноской тотчас после рассказа ушли. Дома были какие-то распри у Волькенштейна с Гумми, который остался ночевать.

---

* Смертельно надоедал *(франц.)*

25 (воскресенье)

Рано поехал в «Аполлон». Еще никого не было. Костриц бродили по залу пустому. Втроем бегали к Альберу завтракать, торопясь, будто в большую перемену[32]. Потом публики прибавилось; никого почетного особенно не было, Яворская, Ведринская, от первой Гюнтер бегал, как черт от ладана. Пришел Позняков; поздоровался с ним; ходил за мною, прося не уходить, говорить с ним. Спрашивал, нравится ли мне Белкин. Куда-то звал меня. Приходить ему позволил. Он очень обглоданный, вырос немного, постарел, пенсне разбито. Говорит, что не хотел бы, чтобы у меня были романы. Разошлись. Стали распределять места за обедом; я попросил себе Белкина. Гюнтер все обижался и несколько раз впадал в истерику. У меня разболелась голова. Обед был и параден, и весел, и непринужден, но сидел со мною Трубников, с которым я все время переписывался. Белкин подошел ко мне, накинулся и поцеловал. Вообще же я лобызался как-то со всеми походя, но больше всего с Белкин<ым>. Потом уже, сидя в другой комнате, мы целовались langue fourrée при всем честном народе, а Маковский болтал ногами от удовольствия. Трубников же ярился на Гюнтера. Посылали телеграммы Брюсову, Бальмонтам. Потом поехали en petit comité* в бар и взяли Вячеслава с собою. Он все объяснялся с Гюгюс<ом> и Гумилевым, меня неск<олько> тошнило. Я сидел обнявшись с Белкиным, и он плакал, говоря, что счастлив и что любит меня. Когда уезжали, была большая история с дележом Гумилева, которого хотели и я, и Гюнтер. Со мною посылали Белкина, граф бессмысленно орал что-то, сидя на тумбе. Дома еще менялись впечатлениями. Я счастлив и как-то горд. Белкин мне очень нравится.

26 (понедельник)

Голова уже не болела, но зубы. В редакции было после похмелья. Сам Вяч<еслав> был, по-видимому, потрясен, то есть встал рано, пил и утр<енний> чай, и завтракал, и все такое. Гюнтер не съел Гумилева, но продолжал фасончики. После обеда отправились на Академию, я засыпал, болела голова, зубы, было худо[33]. Толстой говорил: «Что вы сделали с Белкиным? Он сам не свой». Я просил передать, что завтра буду в театре. Поехали домой, очень болела голова, был жар и бред. Заходил Воротников[34].

27 (вторник)

Ездил к Понсу лечить зуб. Без меня телефонирова<ли> Сережа, Гюнтер и Белкин. Гумилев, Мосолов и Дмитриева работали. Гюнтер явился ко мне. Заехал за Сережей. В театре было хоро-

* Небольшой компанией *(франц.)*

шо[35], но Белкина не было: какая досада! Дома встретил уже уходящим Судейкина, вернул его, хотя он и задавал мне сцену, несколько напоминая Гюнтера. Завтра на репетицию.

28 (среда)

С утра поехали на репетицию[36]. Декорации скучноваты и суховаты, но что касается поз и жестов — очень хорошо. Масса знакомых. Сидел с Сережей, Сомовым и Толстым. Обо мне с Белкиным уже ходят сплетни. В антрактах ходил с Судейкиным. В последнем действии Смирнову пробили голову до крови. Она лилась струею, было очень неприятно. Сама опера местами очень волновала, хотя местами я и усыпал. Зашел в «Аполлон», уже пустой почти что, и заехал к Белкину, чтобы позвать его сегодня. Не было дома; оставил записку. Гюнтер телефонировал, что приедет. Был Городецкий, очень неприятный. Я спал в Вериной комнате, пока они там сидели. В полночь является Веньямин, но вскоре и Гюнтер, который на меня обиделся не на жизнь, а на смерть. Вчера Белкин все видел меня в бреду. Сидел долго, хорошо, но странно: это начало нисколько меня не наполняет ни радостью, ни волненьем. Ушел поздно, хотя Вяч<еслав> еще и ораторствовал с Городецким, который к 6 ч. со всем согласился. Валечка на репетиции не был: очень хорошо.

29 (четверг)

Ездил в «Аполлон», там был условившийся Белкин, Маковский, Анн<енский> и Макс. Вышли вместе с Веньямином; заехали к нему. Он показывал мне свои этюды и т. д.; многое интересно. Пришел его товарищ, певец, маленький и толстый; какая-то барышня; комната и обстановка — будто у опереточной богемы не бедной. Карточка жены с сыном, написано: «Мы ждем тебя». Как-то скучно и далеко все мне было. Пил вино с печеньем, наигрывал «Балаганчик», завтра придет. Дома был Любик и Тамамшев. Любик массу написал. Гюнтер все-таки звонил после вчерашней ссоры.

30 (пятница)

Сидел дома, выйдя только к Понсу, там долго ждал, смотря в окно на народ. Пришел Сережа, как-то бродили по комнатам. Все приглашенные были, с прибавкою Хлебникова и Юраши. Рассказ Толстого очень хорош. С Веньямином веду себя по обычной системе, хочется довести его до каленья. Валечка как-то обеззубел. Удалялись с Белкиным. Играл «Москву» и «Петербург»[37], друзья были довольны и качали меня. Сережа ночевал у нас. Гюнтер уехал точно, как это ни странно. Потемкин зовет в Киев, я согласился, но вряд ли поеду[38].

31 (суббота)

Почти вслед за уходом Сережи пришли Гумми, Мосолов и Дмитриева, болтали. Браслет у Гюнтера был дублетом такого же у Дмитриевой[39]. Потом пришел Костя, я удивился ему, забыв, что суббота. Звал завтра на Блерио, где будут его товарищи, будто бы желающие меня видеть[40]. У них журнал свой, интересуются модернистами, Хрущеву я очень понравился. У нас был Чапыгин, будто прикащик из усадьбы, впрочем, он более занимал разговорами Лидию. К Толстым я не собирался, но был вызван Судейкиным, куда приехал Сапунов. Вяч<еслав>, к которому собиралась комиссия по несчастному аничковскому обеду[41], цукал меня за индивидуализм и гедонизм. Сапунов изменился, завел усы, взбил кок, похудел. Болтали, смотрели рисунки, гадали по Пушкину, но было не весьма весело. С<ергей> Ю<рьевич> бегал за вином в ресторан. Я все лечил зуб и изрядно выпил. Московские новости не интересны. Дома узнал, что 17 чел<овек> обеда не увеличились, к моему удовольствию. Костя еще не спал, просил зайти и читал свое сочинение о Чацком.

Ноябрь

1 (воскресенье)

Встал поздно. Письмо от Трубникова с отменой понедельника, но потом уладилось. На выставку не поехал, только разговаривал с различными персонажами[1]. Целый день дома так исскучался, будто месяца 4 никого не видал. Был Модест, Бел<яевская?>, Кассандра. Вечером говорил по телефону с Белкиным: он ждал почему-то меня, шептал: «Милый, милый». Впрочем, я работал сегодня. Лег рано, глотаю хину. Был снег. Видел кошмары. Утром почему-то все вспоминал время маминой смерти.

2 (понедельник)

В «Аполлон» попал поздно, заехав в парикмахерскую. Отгрыз трех прозаиков[2]. Маковский из «Ролла» берет очень мало[3]. Заехали с Сережей к Веньямину, может быть, он ждал меня одним. Когда мы приехали домой, Гумми был уже у нас. Трубников заболел и прислал отказ. Завтра читает не Караулов, а Мережковский о Вячеславе, так что мне придется ехать, это меня очень мало устраивает[4]. Уговорил Гумми остаться, играя ему оперетку и разные разности, потом делал ему confidences. Вяч<еслав> разбирал «Куранты» и вообще мое миропостижение. Отлично говорил.

3 (вторник)

Проспали, и Гум<илев> уехал в Царское, не дождавшись Дмитриевой и Мосолова, во время занятий которых я присутствовал. Потом говорили о Кальдероне, разбирая роли[5]. Пришел Макс. Толстые звали после «собрания» в «Вену». Ехал с М<арией> М<ихайловной>, народу было немного, реферат был довольно пустой фельетон, сказанный воздыхательно и проникновенно. Говорил Вяч<еслав> и Аничков[6]. Я уехал и шел до «Вены» пешком, не желая прийти раньше. Белкин был мил, но печален. Провожал меня до Кирочной, философствуя сумбурно. Как-то я опечалился и соскучился. Погода чудная. Иллюстрировать меня вызвался Билибин. Новое дело.

4 (среда)

Отправившись в «Аполлон», нашел там Гумми, Папашу, Зноску. Был тих и грустен. Гумилев кого-то грыз. С Билибиным, конечно, ерунда, Веньямин напутал. Гумилев вернулся со мною. Поехал я с Вяч<еславом>, пестуя его. Было хорошо, хотя малолюдно. Проблистал Городецкий на 10 мин. Вяч<еслав> говорил очень хорошо, я с графом переписывались о Белкине прямо у него под носом. Вернулся домой с Вяч<еславом> же. Болтал, играл Sonate für Hammerklavier*.

5 (четверг)

Холодно, туман, топят печи. Нужно заниматься. Пришел Сережа в голубой рубашке, Хлебников, Веньямин, наконец, Толстые; читал «Иосифа» и пел «Куранты». Кажется, понравилось. Опять у нас был tête-à-tête перед прощаньем. С Хлебниковым сделалось дурно. Сережа оставался у нас ночевать.

6 (пятница)

Побрел к Сомову на трех конках. Так как его не было дома[7] и у меня оставалось свободное время, то отправился к Званцевым, где Бакст ораторствовал перед учениками. Не дождавшись его, зашел к Белкину, которого также не застал. У Чулкова был Столпнер; мирно, уютно. Дома была Дмитриева и Гумилев. Заехал Русло в форме, звать меня на морской бал. Поехали втроем, говоря всякий вздор; заходили еще за коньяком. Правил корректуры, болтал с Трубниковым. На заседании Волынский ругался последними словами, Маковский защищался, я тоже выскакивал, и Гумилев, как аполлоновские клевреты[8]. Улизнул раньше, чтобы поехать к Вень-

* Сонату для хаммерклавира *(нем.)* Хаммерклавир — старинный музыкальный инструмент

ямину; он был один и нежен, но вскоре пришел его товарищ, вышли втроем, отправили меня домой, где Вяч<еслав> еще не спал. Немного беседовали. Имел какой-то анонимный и дурацкий телефон «одного из многих страдающих». Позвал его завтра, наверно, мордоворот какой-нибудь, иначе почему же он «страдающий»? Гумилев зовет завтра в Царское.

7 (суббота)

Просидел дома, к Гумилеву никуда не поехал. Приходил вчерашний телефонист, г. Кудрявцев, невероятен<?>. Был сух и скучен. Приехал милый Костя. Позвал Белкина. Читал Лескова. Получил приглашение в «Утро России», это меня порадовало[9]. Нужно отказаться от Киева, чтобы избавиться от дамоклова меча[10]. Белкин был мил и приятен, mais c'est de la mosgologie à ce que je crois*. Была Евгения, я играл оперетку. Тушил Костю, который уверяет, что все понимает. Поздравлял меня.

8 (воскресенье)

Болтался, никуда не выходил. Христиан собралось немного[11]. Был Руслов в форме, принес шабли. Форма делает человека милее, можно трогать, брать за коленки, мять и т. п. Читали Кальдерона. Потом еще Лескова. Нужно заниматься. Обещал к завтрашнему вечеру написать две главы. Долго еще беседовали.

9 (понедельник)

В «Аполлоне» опять перемена кабинета: кажется, хотят Макса, Гумми и меня. Маковский был крайне мил. Гумилев поехал к нам. Явился Хлебников с своим художником, вроде бл<аженной> п<амяти> Кострич. Хлебн<иков> совсем расхрабрился, наскакивал на Гумми, вел себя непринужденно и не хотел уходить, когда мы для Ремизовых думали спровадить его художника. Явился Судейкин; в духе и мил. Вяч<еслав> цукал Ремизова за стилизацию. Я пошел с С<ергеем> Ю<рьевичем> за нотами, и так долго сидели, что могли подумать, что мы «моем руки»[12]. Гумилев уговорил Вяч<еслава> ехать с ним, но даже убедил и М<арию> М<ихайловну> в полезности этого[13]. Mais il est farce**, Вячеслав!

10 (вторник)

Встали поздно. Приехала [Мосолов и] Дмитриева. Телефон от Гюнтера, какие-то шашни с Ел<изаветой> Ив<ановной>. Ауслендер явился обиженный за то, что обрезали его хронику[14].

---

* Но это мозгология, как я полагаю *(франц.)*.

** Но он же очень смешон *(франц.)*

Была Беляевская, Сабашникова, Гюнтер; он с нами помирился. Кажется, при деньгах. Бел<яевская> оставалась долго, жаловалась на свою жизнь и предлагала мне жениться на ней. Я играл с азартом VII симф<онию>[15]. Разошлись поздновато. Вечером при Сереже и Гумми писал путешествие malgré moi*[16].

11 (среда)

В «Аполлоне» мало кто был. Зноско ускакал кого-то венчать. Н<иколай> Ст<епанович> поехал к нам, где сидел голодный Гюнтер. Они поехали куда-то есть, а я бранился с Мосоловым из-за Шекспира. В Академии было скучновато. Мако не было, сонно. Граф говорит, что Белкин страдает, похудел, похорошел; тянул к Кругликову, но так как Гюнтер тут еще падал в обморок, то я пошел со вторым к Палкину. Он выдал, что de Габриак — не более как Дмитриева, и еще разные разоблачения[17]. Будучи при деньгах, предлагал мне взаймы, чтобы я мог поехать с мандолинистом, но тот кокетничал с кем-то другим. Вернувшись, нашел у нас Чулкову и Кассандру. На собрании я спорил с Инн<окентием> за безлюбость и христианство[18].

12 (четверг)

Встал очень рано, не выспавшись, но делал мало. Заехал Гюгюс, с ним поехал к Белкину. Вместе ездили в «Аполлон». Был мил. Дома уже был Сережа. Вместе же отправились к Гюнтеру, где уже был Зноска. Говорили, мечтая, о «Аполлоне», слушали пьесу, которая очень впечатляющая[19]. Гюнтер провожал нас, зашли на темный вокзал послать телеграмму, золотари загородили весь проход, в залах пусто и темно, будто в церкви. У нас сидел Юраша, растрепанный и озлобленный; Вяч<еслав> вернулся от Лосского поздно. Оказывается, тот и не думал бывать в Абиссинии, а Вяч<еслав> к нему раскатился.

13 (пятница)

Кажется, ничего не было днем. Приезжал на минуту Костя. Наши собираются на бал, Вяч<еслав> к Маргарите. Головин был внизу и проводил меня сам мимо уборных. Кулисы меня пьянят. Мастерская чудная, эскизы к «Орфею»[20], портрет Канкрина, похожего на Маврина, сам Головин со своими седыми волосами и молодым лицом, ласковый и любезный, — все было очаровательно. С машинного отделения видел II акт «Корделии», Лабинского и танцы. Дрянь невероятная эта опера, но атмосфера наилучшая кулис именно казен<ной> оперы или балета[21]. Маковский не был, а

* Вопреки самому себе *(франц.)*

было <*так!*> только Инн<окентий>, Вяч<еслав>, Макс и я. Как хороши эскизы к «Орфею». Распределял, как мы поместимся на портрете, я буду стоять над сидящими[22]. Ин<нокентий> поехал к нам с Вяч<еславом>, оба в шубах, торжественные. У Веньямина были гр<аф>, Комаров, какая-то певица жидовочка и певец. Что-то играли, напевали. Толстых не было, вероятно, поехавши на заседание кабаре, устраиваемого Коммиссарж<евским>, Судейкиным и пр.[23] Утром заезжал ко мне Пронин и оставил записку с умолением и указанием на Судейкина, как на great attraction, потом monsieur lui-même m'a telephoné*, когда я еще спал, но из-за Головина я не мог поехать. Сожитель Веньямина пошел провожать обоих гостей, желая нас оставить вдвоем, но остался Комаров, не мешавший, впрочем, и рассуждавший о музыке. С ним я поехал и домой. Дома еще не спали. В восторге от театра. Анненский написал мне стихи по поводу моего выступления в защиту любви[24]. Гюнтер не заезжал и не телефонировал из Альбера, как хотел. Не пишу ничего. Холодно. Топил дважды печи.

14 (суббота)

На выставку поехал рано[25], Папаша и Eugène отпр<авились> завтракать. Народу было маловато, книг не выдавали. Потом собралось больше: Дягилев, Аргутинский, Бенуа. С<ергей> С<ергеевич> явился с Яковлевой, которая тотчас аккопарировала Белкина. Сплетни о Черубине**, я уверен теперь, что это Ел<изавета> Ив<ановна>. Интриговал. Исаковна мандила направо и налево. Я ссорился с Веньямином. Но это вздор, конечно, хотя Яковлеву я от души ненавижу. Поехал домой. Толстые, Сер<ежа>, Мейерх<ольд>, Сюн<нерберг> были у Альбера, куда заехал и Папаша. Говорили о постановке «Евдокии», о приглашении старинн<ых> инструментов и т. д. 2-й номер гораздо лучше первого. К нам приехали Гюгюс и Черубина, пили чай с коньяком, играл «Куранты» и стар<ых> французов. Пришел Сережа очень резвый. За обедом Гюнтер на меня разобиделся и, пока мы репетировали Кальдерона, писал на нас эпиграммы до того, что у него лопнули подтяжки. Пришел Бородаевский, Вяч<еслав> выехал к Понсихе и вернулся поздно, после гостей. Я болен, лихорадит etc. Тушил Костю, топил на ночь печь. Не завтра ли начало, или послезавтра, в роковой понедельник?

15 (воскресенье)

Никуда не выходил, чувствуя лихорадку. Изнывал. Опять накоптила лампа, было холодно, темно и пусто, так как Вяч<е-

---

* Гвоздь программы сам господин мне телефонировал *(англ., франц.)*.

** У Кузмина — Чорубине

слав>, М<ария> М<ихайловна> и Вера уехали в Литер<атурный> фонд[26]. Звонил Веньямину, тот обещал прийти. Пришел Валечка, когда я читал «Ролла» у Евгении, <в> единственно теплой комнате. Валечка был мил, я изнывал, лежа на диване, Белкин не шел. Руслов звал меня к себе, говоря, что болен. Гюгюс спускался вниз и узнал, что Веньямин давно уже выехал, что меня мало утешило. Наконец, <когда> Евгения поила нас чаем, явился и господин. Вчетвером выпили на брудершафт, пели «Кармен», танцевали. Веньямин, приехавший от моей врагини Яковлевой, хотел привезти С<ергея> С<ергеевича>, — вот бы разодолжил. Потребовал, чтобы он не говорил обо мне с нею. У нее очаровательные племянники, говорят. Целовался с ним при друзьях. Явился Вяч<еслав>, полный рассказов. Гюнтер отчитывал его стихами. Вера принесла ящерицу, которая слушала, сидя на плече. Цукали меня, зачем я пил на «ты», особенно с Гюгюсом[27]. Гумми пропал куда-то.

16 (понедельник)

Поплелся в «Аполлон». Маковский совещался о ходе действий. Меня мучает мысль, что я ему должен открыть Черубину. Гумми отправился к нам, я же с графом поехал к Веньямину, которого не было дома. Оставили ему проклинательную записку и поехал домой. Граф мне все подтвердил о Черубине. Гумми без конца толковал с Вяч<еславом> о путешествии, я же беседовал с Гюнтером. Как удивительно<?>, что Дмитриева — Черубина, представлял все в неприглядном свете. Действительно, история грязная. Любовница и Гумми, и еще кого-то, и теперь Гюнтера, креатура Макса, путающая бедного Мако, рядом Гюнтер и Макс, компания почтенная. Телефонировал Белкину и Мако, что завтра приду к нему. Гумми остался ночевать, ругался с Гюнтером, выпили все вино и отсылали меня спать. Теперь Вяч<еслав> хочет ехать в Нубию и по Нилу. Что-то будет из всей этой истории? Решили, что мне будет 28 л<ет>. Гюгюс на будущей неделе обещает мне Горнера.

17 (вторник)

Мако лежал в постели, напоминая «Enfant du Siècle» Musset[28]. Оказывается, или представляется, что все давно знал, рассказывал, читал письма, желая сам провести обманщиков. От него отправился к Веньямину. Он сидел за работой, был мил и нежен, рассказывал о вчерашнем заседании. Дома еще был Гумми и Бородаевский, вскоре явился и Мосолов, но не Дмитриева, которая была крайне расстроена сообщением Гюгюса. Но он вскоре удалился, а прибыл Гюнтер. Я сидел и писал «Путешествие» и рондо[29], он статью и еще что-то. Было скучно; лениво переговаривались. Вяч<еслав> был у Беляевских.

18 (среда)

Снег, теплее. Гумилев, имея объяснение у Брюлловых, звонил ко мне. Не выходил, беседуя с Евгенией. Письмо от Кругликова[30]. На репетицию Елиз<авета> Ив<ановна> не пришла. Приехал Сережа. На Академию; я приехал так рано, что «Аполлон» был еще заперт. Долго совещались о новых членах. Дмитриева сидела печальная и оскорбл<енная>; на мой вопрос, отчего она не была у нас сегодня, она стала плести, что «как же она может оправдаться, чем она может защититься?» и т. д. То же она говорила и Вере. Гумилев сидел сам не свой в недрах «башни». Макс с графом о чем-то совещались у клозета. Читали мою прозу. Вяч<еслав> говорил речь. Иннокентий контроверсировал[31]. Граф тащил меня к Кругликову. Гюнтер с собою. Поехал с Толстым и Потемкиным на Итальянскую, первый, кто встретился мне, был Краснопевцев, который меня изводил весь вечер воспоминаниями того, что происходило лет 40 тому назад. Веньямин сидел с Исаковной на диване, блистая. Пили шампанское за Отт, молодоженов, потом гр<аф> провозгласил тост за неведомых новобрачных, посматривая на нас. Вен<ьямин> не пил, я надулся. Вен<ьямин> обошел комнату и сел у письменного стола, потом вышел в двери, я пошел туда через коридор. Он ждал меня, приходя в «экстаз», но я расплакался, что показалось ему мелодрамой. Я совсем разобиделся и ушел в пустую комнату, делая сцену, и кончил, крупно и неприятно говоря, причем заявил, что считаю принципиальное девство и любовь несовместимыми. Вен<ьямин> вскочил, как ужален, и больше мы не говорили. Вышли вместе, но прощались на «Вы» у первого угла. Если бы я был более увлечен, я был бы несчастен. Шел пешком далекую дорогу.

19 (четверг)

Говорил по телефону с Вен<ьямином>, он пишет мне письмо. Болтался Гюнтер, который проводил меня до театра. Собрались почти все[32]. Долго не было Макса. Шел «Фауст» с Шаляпиным, Смирновым и Кузнецовой, отлично. Были и посторонние лица: Анрепы и др. Когда я вернулся из машинного отделения и подошел к пришедшему Максу здороват<ся>, Гумми отвел меня, сказав, что сейчас Вол<ошин> ударил его по лицу и он просит меня быть его секундантом. Оказывается все правдой. Макс подошел сзади и кулачищем чуть не своротил нос Н<иколаю> С<тепановичу>, того удержали. Все потрясены, особенно Анненский. [Драчун] Противники долго не уходили, все ходили попарно, обсуждая инцидент. С той стороны — Толстой и Шервашидзе, моим товарищем — Зноско[33]. Головин показывал чудные портреты и просил меня под секретом позировать ему одним. Это было бы шикарно[34]. К Мако не стоило уже ехать, и я с графом, зайдя за Вен<ьямином>,

отправились [в «Вену»] <к> Палкину, где мандолинист выходил из себя, желая меня привлечь. Вен<ьямин> провожал меня, я — его, говоря откровенно, спокойно, но не утешительно. Столько треволнений, я как во сне.

20 (пятница)

Сережа болен. Ездил утром в банк и стричься, стригся с Галичем. Тает, тепло. В редакции обдумывали условия. Нужно будет отложить до воскресенья, так как Макс еще не получал оф<ициального> вызова. Маковский опять болен. Засиделись долго. Ко мне пришел Комаров, и сидели до 2-х часов, болтая, потом еще беседовал с Вяч<еславом> обо всей этой истории[35].

21 (суббота)

Зноска заехал рано. Макс все вилял, вел себя очень подозрительно и противно. Заехал завтракать к Альберу, потом в «Аполлон», заказывали таксомотор при Юраше, внушая подозрения. Отправились за Старую Дер<евню> с приключениями, высаживали из мотора каких-то забравшихся туда немцев, попали на пожар, на павшую лошадь и т. д. Было приятно кататься с Женей. В «Аполлоне» был уже граф. Пришел Судейкин и делал мне сцены. С Шервашидзе вчетвером обедали и вырабатывали условия. Долго спорили. Я с кн<язем> отправился к Бор<ису> Суворину добывать пистолеты, было занятно. Под дверями лежала девятка пик. Но пистол<етов> не достали, и князь поехал дальше, к Мейендорфу и т. п. добывать. У нас сидел уже окруженный трагической нежностью «башни» Коля. Он спокоен и трогателен. Пришел Сережа и ненужный Гюнтер, объявивший, что он всецело на Колиной стороне. Но мы их скоро спровадили. Насилу через Сережу добыли доктора. Решили не ложиться. Я переоделся, надел высокие сапоги, старое платье. Коля спал немного. Встал спокойно, молился. Ели. Наконец приехал Женя, не знаю, достали ли пистолеты.

22 (воскресенье)

Было тесно, болтали весело и просто. Наконец чуть не наскочили на первый автомобиль, застрявший в снегу. Не дойдя до выбранного места, расположились на болоте, проваливаясь в воду выше колен. Граф распоряжался на славу, противники стояли живописные, с длинными пистолетами в вытянутых руках. Когда грянул выстрел, они стояли целы; у Макса — осечка. Еще выстрел, еще осечка. Дуэль прекратили. Покатили назад. Бежа <*так!*> с револьверным ящиком, я упал и отшиб себе грудь. Застряли в сугробе. Кажется, записали номер. Назад ехали веселее, хотя Коля загрустил о безрезультатности дуэли. Дома не спали, волнуясь. Беседова-

ли. Грудь болела, прилег спать. Поехал на выставку, был там Гюнтер и Сережа. Евг<ений> Ал<ександрович> приехал поздно и был какой-то расстроенный, бранился с Лукомским etc. Сережа поехал к нам. Я писал, засыпая. Явился Гюнтер. Вяч<еслав> с ним объяснялся, хотя Ганс вывернулся, но, кажется, ему не придется бывать у нас. Я лежал в красной комнате, слыша, как Ганс искал ко мне доступа, но удалился, не добившись, оставив только записку. Вернулись наши из секции. Лег рано, натеревшись иодом. Отлично помню длинный огонь выстрела в полумраке утра.

23 (понедельник)

Спешил в «Аполлон». В газетах уже все пропечатано[36]. Составляли протокол. Вен<ьямин> телефонировал, что рисунки он сделал и придет в редакцию. Рисунки очень хороши[37]. Звал меня к себе чай пить. Гумми поехал домой извещать о событиях. Толстой вывихнул ногу. Обедали у Кузнецова втроем с графом и Веньям<ином>. Тот пришел в ярость и убедил меня ехать к нему. Комаров, побренчав, удалился; Белкин сразу запер дверь и сказал, что никого в квартире нет, и было то, что было, с резвостью, детскостью, marivaudages* и стыдливостью. Вот неожиданное счастье. Вышли вместе. Вен<иамин> пошел к графам, я же полетел к Сол<яному> городку. Так как лекция была близка к концу, то я, не входя в зал, смотрел, как выходят люди[38]. Много знакомых. Гумми и Зноско отправились со мною [в «Аполлон»] к Альберу, где опять был пьяный Скрыдлов. Болтали очень долго и откровенно. Женя был очень мил, назад шли пешком, потом поехали, причем Гумми делал мне confidences насчет В<еры> К<онстантиновны>[39]. Дома также еще болтали и поздно, мирно легли спать. Судейкин, говорят, расходится с женою. Новое дело[40].

24 (вторник)

Сережа с утра писал статью. Я о Ремизове[41]. Заехали к Эпштейн. У них лучше прежнего. Юра занимался с репетитором. Ехали со Зноской; он показывал письмо к Маковскому с жалобой и доносом на него, которое его будто несколько расстроило. Были Чулков, Мейерхольд, Бородаевский и Потемкин. Женя читал свою вещь, кажется, не очень понравившуюся[42]. Потом ужинали и дивагировали. Коля поехал нас провожать, чтобы делать мне конфиденции, но я был так расстроен Женей, что не был склонен их выслушивать, и он принялся пилить тому спину, в чем прошло все время. Приехала Анна Руд<ольфовна>.

---

* Жеманством *(франц.)*

25 (среда)

Сережа ночевал. Репетировали довольно долго. В «Аполлоне» были Гумми, Лукомский, Водкин, Папаша и Женя. Я все-таки был огорчен несколько и надут. К Бород<аевскому> поехал один. У них буржуазно, но мило, несколько по-сологубовски. Прие<али> Коля и Потемкин, которые отправились со мною на «башню». Еду в Киев[43]. Женя явился, я помирился с ним и был весел, но зато Ник<олай> Ст<епанович> чем-то расстроен, объяснением с Верой, что ли? Когда Зноско читал, я сидел и переписывал «Куранты», Гумми ворковал на диване, Вяч<еслав> с М<арией> М<ихайловной> беседовали на другом. Будто в «Joie de vivre» Золя[44].

26 (четверг)

Ходил к парикмахеру и к Веньямину, которого не застал. Дома изнывал, играя с Лидией à 4 m<ains>, тужился над стихами; наконец пришел Белкин, его все задерживал граф. Пришел Сережа и Потемкин. Поехали; с Вяч<еславом> простился наскоро. Ехал я с Веньямином. Провожали нас Женя, Алеша и Бородаевский. Пили. Мне поручат хронику в «Аполлоне»[45]. Я все любезничал со Зноской, и Веньямин мрачнел. Наконец отправились. Спал не очень хорошо и видел во сне Зноску.

27 (пятница)

В поезде, едем, пьем, играем в карты, читаем; больше ничего, кажется. Скучно. Хочется домой.

28 (суббота)

Под Киевом снега нет, на дубах еще листья держатся. Днепр безо льда, золотые главы. Встретил нас студентик, все перепуганы газетною руготнею до того, что почти готовы отказаться от вечера[46]. Меня с Колей поместили у Экстер, декадентских меценатов, в мастерской. Трогательно: у постели портрет Уайльда; завтракали; я никуда не ходил и писал письма Веньямину и Жене. Гумилев пошел отыскивать своих старых невест[47]. Пришла жена Грифа, очень милая, полоумная<?> Семиградова и предводительша. Напомнила чем-то Нижний. Играл «Куранты», все декламировали стихи. Завтра, наверное, все уладится. Хозяйка поднялась еще к нам, показывала свои работы, болтала. Коля делал конфиденции, я капризничал; идти завтра смотреть танцы Соколовой отказался. Форш сегодня не пришла.

29 (воскресенье)

Встали поздно, никуда не ходил. Обедали у Семиградовой. Покуда дело не коснется денег, она представляется безумной.

Граф приехал не в духе. На обеде были разные типы и Форш, очень постаревшая. Рыбу подавали после индейки, а наливку пили с самого начала. Заезжали переодеваться. В театре народу было не очень мало, скандала не было, хотя во время «Курантов» и смеялись[48]. Ко мне примазался Домбровский, тащивший куда-то ужинать, обещавший познакомить с Лазарев<ским?> etc. Вернулись домой и лениво поужинали.

30 (понедельник)

Встали рано; хозяин уже уехал, прислуга пьяна. Пришел Алеша, потом Домбров<ский>. Я поехал к нему, он меня мял, жал, щупал, показывал свои атлетические, с фиг<овым> листом, карточки, звал переехать. Поехал с Потем<киным> и Эльснером сниматься<?>. Толстой и Гумилев где-то погрязли во флирте[49]. Обедали опять у этой полоумной Семиградовой. Отправили Колю. Втроем пили наливку. Наконец выехали. Потемкин все ругался с [Эльснером] графом. Домбровский, конечно, на вокзал не приехал.

Декабрь

1 (вторник)

Вагон-ресторан очень увеселял нас, хотя денег было и в обрез. Дремали, читали, беседовали. На вечер к нам посадили Аронсона из Парижа. Завтра всех увижу.

2 (среда)

Встретила меня новая кухарка в 3 аршина. Вяч<еслав> болен, Анненский умер на вокзале от разрыва сердца. Как неожиданно! Пошел в «Аполлон», видел Женю, таскается Макс. Маковский любезен. С Сережей поехал домой. Белкина не оказалось дома. Очень скучал и рано лег. Похороны в пятницу.

3 (четверг)

Заехал к Веньямину: не дома. В «Аполлоне» был один Женя и правил корректуры, я хотел было спросить денег у Маковского, но он как-то был занят. Бородаевский звал меня обедать, звал и Зноску, но тот не поспел. У них была какая-то провинциальная дама. Бород<аевский> мне рассказал чудеснейший сюжет для повести. Дома, как и везде, какое-то уныние. Веньямин пришел в рубашке, был очень мил и нежен, звал меня «деткой», напоминая С<ергея> С<ергеевича>. Ушел в два. Как мне не хочется ехать в Царское.

4 (пятница)

Было серо и дождливо, денег в обрез; встал со светом, вспоминая В<асильевский> О<стров>. На вокзале бродил Бородаев<ский>, потом прибыли Сережа, Женя и Дымов; депутация от гимназий[1]. Проехали к церкви, куда только что прибыл гроб. Разъяснело. Стояли в коридоре, было похоже на Пасху. Мако предложил съездить позавтракать на вокзал. Было некстати весело и шутливо, но граф так приставал ко мне и Жене, что было даже неловко. До кладбища долго шли пешком среди какой-то гимназии, Макс же затесался в женскую. На поле ясно и ветрено. Возвращ<ались> все вместе. Поехал в «Аполлон»; было приятно, хотя я устал. Сережа поехал со мною. Переписывал «Куранты» и переписал их. Вечером почему-то не было скучно, хотя и лихорадило. Очень разленился. Играл кое-что. Что потухло? Не знаю. Вяч<еслав> все болен; долго сидела у него Анна Рудольфовна. Она теперь в каком-то уничижении. Хлебников, говорят, в отчаяньи. Получил картолинку от Гумилева из Одессы. Жалко все-таки, что он уехал[2].

5 (суббота)

Был в «Аполлоне», получил денег. Какая-то тоска меня гнетет. Поехал на 9<-ю> л<инию>, там новый, Семен, недурной, но я спросил Алексея, он мне надоел ужасно. Так было грустно и мирно. Приехал Сережа, зашел Русланов, обиженный и надутый. Вышли вместе. У графа было недурно. Нежничал с Веньямином при всей компании. Граф нас провожал. Отчего мне так скучно, даже в «Аполлоне»?

6 (воскресенье)

Никуда не выходил, все переписывал «Куранты». К Косте пришли 7-ро кадетов, желавших меня видеть и всё порывавшихся в гостиную, но Вяч<еслав> их не допустил. У нас сидел и читал Аничков и были долгие дебаты. Двое из кадет остались ночевать. Конечно, мне было бы приятнее сидеть с ними.

7 (понедельник)

В «Аполлоне» было скучно. Женя как-то устает и держится все Сережи. Тепло и ветрено. Звонил Белкину предупредить его об обложке. Вечером было неплохо; были: Папа, Женя, Сережа, Веньямин, Алеша, Макс и я. Обсуждали номер и елку. Женя все засыпал. Макс распространялся. Так много дела. Шел с граф<ом> и Веньямином, зашли к Доминику перекусить, дома нашел Вяч<еслава> не спящим и еще сидел. Столько работы.

8 (вторник)

Денег нет. Поехал к девам. Обедали, но несколько скисли. Пошли к Головину. Там был Мейерхольд, они предложили мне переводить «Don Quixotte» Massenet для постановки[3]. Портрет будет, в субботу начнем. Был интервьюшник относительно обнаженности на сцене[4]. Шел «Фауст»; Мейерх<ольд> с Алешей пошли на японку[5], я же сидел до конца. Эта обстановка меня очень волнует. Дома был еще не спавший Вяч<еслав> и Вера Степановна Герцык[6].

9 (среда)

Был в редакции. Женя был сердит и озабочен. Я правил статью Бакста[7]. Сережа поехал со мною. Вечером были на «Пастушке-герцогине»[8], очень утешительно и очаровательно. Бродил там Гига. Женя меня провожал до дому. У нас сидел Юраша и долго беседовал со мною, так что я статьи не кончил.

10 (четверг)

Холод; никуда не выхожу. Вяч<еслав> встал рано. Пришел Хлебников, Потемкин и Нувель. Было не очень приятно. Пели «Кармен». Мне кажется, что Нувель через Потемкина ко мне враждебен. Вечером читал статью М<арии> М<ихайловне>, но оказалось что напрасно это делал. Ночью было страшно и кошмарно. Визиты Валечки всегда какой-то укол самолюбию. Да, Юраша опять был.

11 (пятница)

Встал не поздно и не рано. Вяч<еслав> выражает желание слушать статью, что меня не особенно устраивает. Но потом вышло не плохо[9]. Бородаевский зовет обедать. В «Аполлоне» Папа Мако не было. Очень холодно. Приехали к Бор<одаевскому>, когда еще его не было. Обедали. Он все легкомысленничает и льнет. Хотел ехать с нами к Юраше, но мы отправились к Судейкиным. Были там Дриттенпрейсы, уютно, старое фортепьяно. Барыни ели ветчину и тихонько пели дуэт Глинки, наклоняясь друг к другу, С<ергей> Ю<рьевич> подыгрывал. Вдруг вздумали в половине ...* ехать к Ф. Коммиссаржевскому. Я ехал с С<ергеем> Ю<рьевичем>, Сережа с О<льгой> Аф<анасьевной>, опять выпытывал, как я к нему отношусь, к Белкину и т. п. Я ухаживал за ним. Сапунов и Арапов здесь. У Ф<едора> Ф<едоровича> был Потемкин, Гибшман и Голубев. Гибшман очень талантлив. Сидели долго; шел снег, было весело. Сережа говорит, что опять наступает какой-то заверт веселья.

* Слово или цифра пропущены

12 (суббота)

К Головину опоздал, quelle farce. Поплелся к Веньямину. У него триппер, хорош мальчик! Денег ни у кого нет. Белк<ин> послал сюртук в заклад. Дома пришел Костя с Комаровым, потом Мейерхольд и Потемкин. Говорят, что уже Дризену сказано обо мне в «Ежегоднике»[10]. Это, наверное, устроил Головин. Почему он обо мне хлопочет? Поехали к Сологубу, кидались снежками, весело. Была масса народу. Читали Сологуб и Гиппиус. Даже я говорил. Устраивал кое-какие дела. Я ужасный лентяй. Ухаживал за Евреиновым. Толстой передавал ему черт знает что такое, тот не знаю как воспринимал. Сомов был очень нежен. Сидел со Гржеб<иной>, толковал о «Vita Nuova»[11], она, кажется, перестает меня бояться. Хованская хорошо плясала. Самые поздние гости еще оставались, улегшись на пол; я ушел с Евреиновым. Дома еще говорил. Развеселился немного.

13 (воскресенье)

Встал поздно. Была m-me Мейерхольд. Заехал Русло в, повезший меня обедать к Тамамшевым. Там скука и печаль. Дома кто-то был.

14 (понедельник)

Был в «Аполлоне», развешивали картины[12]. Заехал Сережа. Звонила Ведринская, зовя к себе. Поплелся на Фонтанку. Она пищала, скакала, но ничего себе. Явился Макс. Беседовали. Кажется, все устроится.

15 (вторник)

Приехал рано, хотел есть, а Сережа, приехавший с Марусей, так добросовестно осматривал выставку, что мы с Женей чуть не умерли с голоду. Побежали к Альберу. Весело. Пришел Белкин, злой и сконфуженный. С<ергея> С<ергеевича> не было. Поехал с Русло в<ым> кататься на моторе. У Тэффи Сережи еще не было, были сатириконцы, еще кто-то, актеры. Вернувшись домой, только дождались Мейерхольда и Потемкина, как я поехал к Евреинову. Там пели, пили чай, он показывал правоведские фотографии, болтали[13]. Он очень мил.

16 (среда)

Был в «Аполлоне», был Бенуа, Нурок. Чичерины телеф<онировали>, что дела изменились и я буду получать только по 50 р. — это меня очень не устраивает, ибо со временем я могу лишиться и этого жалованья[14]. Переводчик мне пишет высокопарно и утешительно[15]. После обеда поехал к Головину, где был Мейерхольд и др. Все устраивается и с «Ежегодником», и с переводом, и с портре-

том. Слушал «Русалку»[16]. Зашел к Мейерх<ольду>, он был грустен, я тоже. Играл «Орфея», чуть не плача.

17 (четверг)

Был Чичерин. Обедали у дев, там смешные ссоры. Заезжал к Веньямину, но не застал его дома. У Венгеровых было скучно и не весьма «оргийно». Нужно бы определить переводы Д'Аннунцио[17]. Возвращался с Бакстом. Сомов был мил.

18 (пятница)

Был у Головина. Ждал его немного. Начали портрет. Хочет иллюстрировать средневековую поэму, которую бы я написал[18]. В «Аполлоне» не был. Академия была не из блестящих. Торопились [домой] к Альберу на совещание о елке. Было весело. Возвращался с Папа, несколько интригуя. Дома еще говорил немного с дамами. Ах да, заезжал к Сомову, где была уборка.

19 (суббота)

Целый день в езде. К Головину. Были Зандин, Альмединген, потом Смирнова, балерина. Весь жаргон и разговор прелестен. Оттуда в почтамт и в «Аполлон», где сидел один Женя, потом приехал Папа в сером костюме и голубом жилете. Заехал за нотами и помчался к Ведринской. Она была в ванне. Потом разбирали песни, толковали, пили чай. Дома была пустота, мрак, холод и неубранность. Обедал один. Поехал к Толстым. Очень обрадовался Веньямину. Дома еще не спали. Очень устал.

20 (воскресенье)

Сидел дома. Приехал Потемкин править «Тантриса»*[19]. Из 5 строч<ек> черкалась одна. Уговорившись с Женей, поехал на «Ромео и Джульетту» к черту на кулички[20]. Курить ходили на лестницу, ведущую за кулисы, куда нас и зазвали пить чай. Тесно, но мило, к театру привыкаю. Женя поехал к нам, куда приехал и Мейерхольд, которого не хотел пускать Павел. Беседовали вдвоем, потом втроем. Вернулись наши с Христианской секции[21]. Мы обсуждали елку. Сколько дела.

21 (понедельник)

Насилу пропустили меня через Невский. Плелись павловцы[22]. Была оттепель. В театре гоняют пыль. Познакомился с портнихой. Замечательное confrérie** между заведующими различны-

* У Кузмина — «Тантриста»

** Братство *(франц.)*

ми, хотя бы самыми мелкими отраслями дела. Ходили по переходам в другое зало, где разостлан занавес. Там живет сторож с плитой. Дети играли в лото. Портниха перебирала золотые тряпочки. На сцене выли «Анджело»[23] и Направник показывал своим голосом, как петь. Поехал в «Аполлон». Было мило. Папаша болен. Завтра получу. Был Алеша, Сережа, Дымов, еще кто-то. Заезжали с Сережей за покупками и домой. Пришел Волькенштейн беседовать об Академии. Поехал к Веньямину, у них были девчонки, пели, плясали, мандили. Завтра он переезжает. Остался со мною. Был мил и нежен. Дома застал еще далеко не спящими. Бесстыжий все-таки этот Белкин. Вера долго разбирала книги в библиотеке рядом со мною. Как много дела!

22 (вторник)

Был у Головина, но кончили рано, так как А<лександру> Я<ковлевичу> нужно было идти на обстановочную репетицию[24]. Приехал в «Аполлон». Жени еще не было; долго сидел. Заехал к Маковскому. Беседовал о делах. От него зашел на Знаменскую[25]. Оказывается, там нужно всегда заказывать солдата или тапетку. Сомов приехал вместе со мною, потом явился Хлебников и, наконец, Потемкин с переводом. Сидели до 4-х часов.

23 (среда)

Утром писал. Костя уехал. В «Аполлоне» Жени еще не было. Нужно было торопиться к Блоку. Он на все предложения наотрез отказался, не любя Папаши[26]. Читали стихи. Обедали у Альбера я, Женя, Алеша, Лукомский и Слезкин, кокетничавший. Довез Лукомского до Маковского. Тот все еще в постеле. Говорил откровенно и тайно. Спешил к Ведринской. Там был Попов. Дома уже сидел Потемкин и христиане. Меня вытаскивали еще к Зинаиде и Философову. Не ругались. С Потемкиным еще корпели над переводом. Когда я все поспею сделать?

24 (четверг)

Мороз 25 град<усов>. Ездил к Евсееву; один завтракал у Альбера. У Жени забрал корректуры и отправился к Мако. Тот говорил что-то добродетельное. Дома пришел Потемкин, попереводили. Приехали Белкин и Комаров. Мне очень нездоровилось. Как скучно встречаю Рождество.

25 (пятница)

Целый день дома. Приехал Мейерх<ольд> и Потемкин. Переводить пришлось мало, так как все время отрывали. Зажигали елку, представляли пантомиму и т. п. Потом Ивановы Потемкина и совсем сплавили.

26 (суббота)

Теплее. Поехал к Головину, которого не было. Походил по пустой мастерской и зашел к Мейерхольду. Он брился, дети меня занимали. Опять пошли к Головину, но его не было. Поехал к Веньямину, у него мило, мансардно и работяще. Сам был мил. Поехали к Альберу завтракать. Потом он стал капризничать. Дома пришел Кривич. Поехал в «Весел<ый> театр»[27]. Был все время с Судейкиным и Араповым, с ними же поехал в «Вену». Не знаю, как я поспею все сделать. Все завтра да завтра. Недалеко уедешь.

27 (воскресенье)

Зашел к Кассандре, мирно, работяще, напоминает В<асильевский> О<стров>. У парикмахера видел очаровательного гусара Бекмана. У Маковского был Макс. Долго говорили о делах, Макс так разглагольствовал, что я разбил чашку себе на колени, будучи слишком потрясен. Все, кажется, хорошо устраивается. Дома застал Судейкина, который умолял не ехать в театр, ина<че> жена его провалится[28]. Был [Бород] и Хлебников. Я занимался у себя, очень долго сидел. Скучаю.

28 (понедельник)

Ехал с Альмедингеном к Головину. Его дождался, но не писался. Я заболею скоро, я думаю. Все отходит. Заехал домой, потом в «Аполлон». Женя говорит, что соскучился, не видая меня. Пришел надутый граф и Белкин. Толстой звал в «Аквариум» вечером, но я должен был работать[29]. Обедал у Евреинова с Сац, Прониным и Бутковской[30]. Играли. Н<иколай> Н<иколаевич> был нежен. Дома занимался с Потемкиным до 5-ти часов.

29 (вторник)

Позировал. Играли «Спящую»[31]. Сидел мрачный Мейерхольд. С ним пошел завтракать. Потом в театр, где были Судейкин и Сапунов. Вечером в театре было очень скучно[32]. Вчера Толстые с Женей были в «Аквариуме» не [упоминая] позвав меня. Я злился и чувствовал себя усталым. Нужно побороть усталость, но все мне постыло. Нужно быть деловым.

30 (среда)

Был у Головина, но писался мало. Заехал домой, завтракал вдвоем с Лидиею. Я очень скучаю. Настя прислала билет Судейкину[31]. В «Аполлоне» читал рукописи, беседуя с Женей. Обедал у нас Ивойлов. У Ведринской был целый синедрион. Филимон нагнал на всех страху своими хозяйственными соображениями. Потом разговаривали о маскараде и было повеселее. Мейерхольд меня

умолял отправиться с ним к Сюннербергам, где зверствовала О<льга> М<ихайловна>. Вернулся не поздно. Я очень устал, мне скучно, денег нет и не предвидится.

31 (четверг)

Не помню, что было. Приехал Соловьев; играл ему. Пришел Потемкин, читали перевод Иванову. Но не кончили еще его. Вернулась Алекс<андра> Вяч<еславовна> с Юриком Гринев<ичем> с «Золотого петушка»[34]. Зажигали елку, делали пантомиму, но как-то бесчинно прошел вечер. Завтра хотят звать кучу народа.

1910*

* Под обозначением года Кузминым записано. «Очень неполно Пропуски: январь 19 <точнее 20 — *Публ* > –31, февраль, март, апрель 1–27 <точнее. 26 — *Публ.*>, октябрь 1–28, ноябрь 4–14, 20–30, декабрь 1–4, 5–13, 15–31»

Январь

1 (пятница)

Сидел дома. Занимался. Кончили с Потемкин<ым> перевод. Явился Хлебников. Было человек 25. Веньямин был нежен. Читали стихи, было не плохо. Когда часть гостей ушли, я пел «Мудрую встречу»[1]. Аничков, Юраша и Хлебников сидели очень долго. Я чуть не засыпал, но потом еще дописывал о «Цез<аре> и Клеопатре»[2].

2 (суббота)

Был у Головина, заходил к Мейерхольду, он ехать не хочет. Заехали к Веньямину, я посидел у него, потом спустился к графу предупредить, чтобы он не ездил к Ведринской. В «Аполлоне» был Женя, Макс и Соловьев; беседовали. Дома телефонировал Ведринской: она в страшной обиде. Пришел Судейкин, в отчаяньи, что у них пропала собака. Потащил меня на «Путаницу». Заезжали к графу, я решил ехать к Сологубу. «Путаница» очень приятная и милая вещь, играли бойко, мы были в директорской ложе[3]. Познакомился с Беляевым, он похож на Апухтина, говорил благосклонно и важно. Видел и Глебову, ходил с Юрьевичем. Поскакал к Толст<ым>; все какие-то голые, светло, развороченные материи, пахнет щипцами. Наверху завивали Комарова. Алеша будто рубенсовская вакханка. Насилу выкатились. Но Ведринская, оказалось, легла спать не дождавшись. Ведь вот сука-то! Хотя мне предлагали костюм, но, не имея сандалий и еще чего-то, я не поехал и вернулся домой, где много играл. Но был очень весел весь день, хотя особенно приятного ничего не происходит. Дождались Веру с реляцией о маскараде[4].

3 (воскресенье)

Сидел все дома, к Головину опоздал. Писал балет[5]. У Веры были 2 курсистки, пищавшие, будто 20 человек. Я очень скучаю. Вернулись наши из христианской секции. На маскарад не пошел. Что-то со мною будет.

4 (понедельник)

Утром прислуги бранились, обвиняли друг друга. Ниса поколотила Матрешу, та вопила, М<ария> М<ихайловна> обыскивала Нисин сундук. Поехал в «Аполлон», совещались с Женей, как поступить. У меня болела голова. Дома была Сер<афима> Павл<овна> и потом Потемкин с переводом[6]. Засиделись долго, но всего не прочитали еще Вячеславу. Болит голова.

5 (вторник)

Не выезжал, кажется. Вечером была Академия, было скучно. Женя сбежал, так что я распоряжался и чаем, и всем. Председательствовал тоже я. После пошли в нужнички за Перетцом вчетвером, Чулков, Сюннерберг и Алеша. Возвращались пешком, встретили Юраша, плетущегося от Яворской[7].

6 (среда)

Сижу дома; вечером пришел Потемкин и Валечка, но ничего не читали, так изнывали. Был Хлебников и Сюннерберги. Гадали. Скучаю я ужасно[8].

7 (четверг)

Был у Головина, от которого имел телефон. Писался. Портрет выходит на славу[9]. Поехал на крестины к Бородаевскому. К обряду опоздал, но попы еще были. Вяч<еслав> был во фраке, очень торжественный, так что свящ<енник> пожелал новорожденному быть директором завода. Завтракали очень весело. Граф очень мил. Почему-то выпили на «ты» с Бородаевским. С Толстым отправились в «Аполлон». Женя был не в духе и чем-то озабочен. Рара приезжает завтра. К Дризену не поехал, задержавшись переводом, который кончили. Переписывал балет, а П<етр> П<етрович> читал мне вслух Тассо. Был у нас Ельчанинов[10], я играл очень много и очень скверно. Лег рано сравнительно. Когда вчера Валечка пел «Ракеты»[11], таким желанием я проникся снова увидеть Сергея Сергеевича, так все вспомнилось: милое лицо его, когда я уезжал в Москву, наше житье в Северной — все, все.

8 (пятница)

Еле поспел к Ведринской. У них была какая-то психопатка, просящая денег, а то, мол, кто-то покончит самоубийством и т. д.

Завтракал у них. Дома был Костя. Холодно. После обеда поехал к Головину. Там было целое общество. Папаша, Женя, Мейерхольд. Дамы с мужьями. Было приятно. Потом с Комаровым отправились к Альберу, где обрели Вредена, Маргаритова, Гарвица и Александрова. В театре говорят уже о моем переводе «Д<он> Кихота»[12]. Получил почему-то приглашение от Луговской[13].

9 (суббота)

Алеша болен, Чулков зовет к себе. Я никуда не пошел, просидев дома. Вечером был Юраша, читал старые «Северные цветы»[14]; я очень скучаю без денег. Ничего не сделал.

10 (воскресенье)

Утром к Головину несколько опоздал. Зашел к Валечке. У него какое-то запустение. Пришел Потемкин. Вместе на трамее отправились к Баксту, который оказался уехавшим в Москву. Прошли к нам, где был Бородаев<ский> с женой. Рассуждал с Вяч<еславом>. Женя зовет завтра к себе; обещал ему, совершенно забыв, что завтра звал к себе Терехова с Комаровым. Писал немного. Вечером читали «Серебрян<ого> голубя»[15]. Когда я днем видел молодые лица, думал, что никто меня не ждет, не обрадуется, не волнуется.

11 (понедельник)

Был в «Аполлоне», все то же. Вечером поехал к Жене, так как офицеры мои не пришли, будучи дежурными. У Зносок был Чулков, Мейерхольд и Потемкин, 2 барышни и кавалер из театральной школы. Было неплохо. Его сестра очень милая.

12 (вторник)

Зашел еще в «Аполлон», так как Головин назначил мне на четверг. Еле поспел в театр. Там ходил с Дризеном. «Вольные каменщики»[16] как-то освежили меня, и, придя домой, я еще долго говорил с Вячеславом о масонах. Нужно отыскать Аничкова[17].

13 (среда)

Сидел дома, писал. Вечером пришел Судейкин. У них переживания. Жена Глаголина сбежала к Глебовой, Юрьевича выставили, Глаголин явился бить обеих дам и т. д.[18] Говорили о путешествии. Потом С<ергей> Ю<рьевич> взял с меня обещание, что я позабуду, что произойдет, и я действительно позабыл, что было.

14 (четверг)

Приехал милый Сережа. Рассказы. Вместе поехали в «Аполлон». Завтракали у нас Бородаевские. В редакции еще нико-

го не было, Ауслендер ушел, пришел Бакст, потом Mako, наконец, мокрый Женя. Я сидел долго. Вечером была Академия[19], после которой я с Сережей и Женей отправились к Альберу. Вернувшись домой, застал...* только что вернувшегося от Кузнецова, где они кантовали в другой компании. Блок очень похорошел.

15 (пятница)

Вечером с Сережей поехал к Головину. Была масса народа; оттуда к Сюннербергу. Интриговал с Аничковым. Не помню больше ничего. Днем, кажется, был в «Аполлоне».

16 (суббота)

Думал не ехать к Зноскам, но поехал. Было много народу, довольно весело, но несколько бесчинно за ужином. Играл в карты.

17 (воскресенье)

Головина не было. Приехал на выставку[20] еще до Жени, который имел какие-то переживания. Завтракал с ним. Была масса народу, сестра была. Обедал с Алешей и Веньямином. У последнего сифилис. Дома не помню, что было. Изнывал, кажется, писал, играл, дремал.

18 (понедельник)

В «Аполлон» попал довольно поздно. Женя расстроен и хочет не быть вечером. С ним что-то делается. Обедал у Евреинова с Трубниковым и Лукомск<им>, смотря неприличные карточки. У нас была пантомима[21]. Многие не пришли. Было, кажется, скучновато.

19 (вторник)

Встал поздно, не выходил. Заехал к Трубникову: у него очень хорошо. Поехали куда-то к Исаченке смотреть античные танцы[22]. Серая комната с серым ковром и скачущая дама в розовой тунике действовали как-то странно, будто какое-то тайное собрание. Без меня был Веньямин, а Судейкин меня дождался. Mako говор<ил> долго. Потом Вячеслав меня цукал, но в конце концов говорили важно и тайно.

Апрель

27 (вторник)

Как давно, Боже, как давно я не писал в эту тетрадку повести своей жизни, так что я даже отвык делать эту ежедневную исповедь перед самим собою.

---

* Имя пропущено

28 (среда)

И вчера не удалось мне приступить к своей тетрадке. Страшная жара, говорят, от близости кометы[1]. В «Скэтинге»[2] никого не было, так что заехал к Эпштейнам. Жарко, окна раскрыты, дамы собираются в Гостиный. Сережа с невестой в Лесной[3]. Дома узнал, что Ракитин собирается встретиться со мною в саду. Пришел до него. Много детей, жарко. Пришли Юрочка и Мейер; пошли завтракать. Женя сказал, что моментально едет на авиацию[4]. Значит, я уже не попаду, меня это огорчило немного. Как хорошо он говорил третьего дня. Пошли опять в сад вдвоем. Я мог бы часами там сидеть. Нужно бы ходить с Сомовым и Валечкой. Был Франк, Юрьев, Веньямин с Комаровым, Юсин. Юрочка мил, но скучноват. У Дризена была скука зеленая, но открыты окна по-летнему[5]. Ах, открытые окна на улицу! Где-то милый Виктор Андреевич? С деньгами невероятный вздор. Женя приехал поздно, как-то суховат. Прибывший мужской квартет пел сентиментальные вещи, очень понравившиеся Станиславскому[6]. Ко мне прилип Розанов, вот тип! Говорят, что приехал Ликиардопуло, неужели не зайдет? Как эта зима далеко и хорошо нас подвинула! Но трудно авиировать искусно; кто друг, кто враг, и как достигнуть цели? Держаться ли за всех вообще? А главное, я не знаю, как проживу без любви. Ночь очаровательна. Тепло и светло. Дома против обыкновения была только спящая М<ария> М<ихайловна>, а Вяч<еслав> погиб на Острове. Вера ездила к Блокам, найдя самую подходящую компанию[7].

29 (четверг)

Обещали прислать, но, разумеется, ничего не сделали. Был в редакции. Женя сидел довольно кислый. Поехал к Судейкиным, чтобы звать их гулять и пригласить Оленьку завтра на вечер. Там был один Сергей, с которым и отправился сначала в Летний сад, затем к нам. Обедал у нас. Выясняли разные разности. Телефонировал Жене, чтобы он ехал на Вас<ильевский> Остр<ов>, сам к Сологубу не попал, а пошли в Тавриду, где, подцепив некоего Карлушу, втроем отправились к Суд<ейкину> за деньгами; где он достал, неизвестно, но меня отправил с Карлом, мы были у Альбера в кабинете. Карла все боялся. У него очаровательное личико, но il est bête comme une souche* и плохо говорит по-русски. Вернулся домой и еще болтал с Вяч<еславом> и М<арией> М<ихайловной>. Решили сватать Веру с Чудовским. Как-то все не ладится у меня.

30 (пятница)

Был Маршак и принес денег. Поехал чинить пенсне и бриться. Парикмахер передал привет от Познякова и просьбу звонить ему;

---

* Глуп, как пень *(франц.)*

недостает, чтобы еще передавал записки. Катанский не звонил, как обещал. В редакции с Женей беседовали мирно. Пришел Ауслендер. Вчера Женя с Тявочкой провели очень мило время, но боюсь, как бы Сергей не заподозрил моей хитрости. Хронику итальянскую для Веры не взял, чтобы ее занес Чудовский[8]. Пришел Потемкин. Дризен болен, это затягивает деньги. Обедали. Дома только что вернулся, как объявился нашедшийся и провалившийся на экзаменах Катанский. Говорил, что скучал и т. д., читали стихи. Оленька так и не приехала, но была Ольга Мих<айловна>. Спорили очень долго, Вяч<еслав> невозможный теоретик. С Женей, Сергеем такие интриги, что боюсь, как бы не попасться. Завтра Женя опять с нею в театре. В воскресенье в Павловск, кажется, не едут. С<ергей> Ю<рьевич> странный и очень ненадежный человек. Милый Сережа у нас ночевал.

Май

1 (суббота)

Писали; никуда не выходил, кроме парикмахера. «Месяц» был хорош[1]. Видел Покровского. Пришли Женя и Судейкин; отправились на поплавок, где обрели Веньямина с Комаровым и Волынского с девицами Семеновыми. Чего-то все ссорились. Прошлись по набережной. Долго бродил еще с Женей, чувство известной gêne теперь у меня с ним, после объяснения.

2 (воскресенье)

На авиацию не хотелось. Приехав<ший> Женя объявил, что Судейкиных нет дома. Надя тоже ехать не хотела. Соня и Сережа отправились за нею, мы же пошли в Летний, где обрели опять Веньямина и Чулкова. Потерял свое сердце в треуголку[2]. Ели простоквашу и гуляли до одурения. Наконец, явились все потеряшки, Судейкина и Надя. Оказывается, Оленька спрятала все деньги и не могла найти до утра. Оля вдруг шепчет: «Мих<аил>, уведи Сережу». Оказывается, рядом за столиком сидел один из убийц его отца[3]. Поехали в Павловск, поймав по дороге еще Ликиардопуло. Было очень весело. Гуляли по парку, рвали цветы, бегали, смотрели Розовый павильон[4], я играл на клавикордах. Но очень хотелось есть. С бою взяли стол: народу было видимо и невидимо[5]. Женя бегал на кухню, чтоб торопить, и вернулся с мармитоном*. Надя жаловалась на Сережу, все переплелись как-то. Мне очень понравился проходивший Князев. Вдруг он мне приносит две розы от Паллады. Пошел ее поблагодарить. Звала слушать стихи

* Поваренком (*франц.* marmiton).

Князева. Она действительно очень красива[6]. Приехал и Ликиардопуло с Кореневой. Назад ехали также весело. Женя очень мил.

3 (понедельник)

Денег нет и не предвидится. В редакции был народ, Женя любезен, но озабочен и похудел. Чудовский томен, впечатление Лицея<?> продолжается. Прошелся с Женей. У Мейера был уже Женя и Сережа. У Судейкиных была Вера, потом помирившаяся Н<адежда> А<лександровна> и Сережа, потом Женя за пальто. Разговор велся лениво; Ракитин засыпал. Женя конфиденцировал с Сережей, Сюннерберг обижался. Наконец, отправились домой. Кажется, Юрьевич отправился в Тавриду. Дома еще застал Чулкова, читавшего повесть. Поиграл немного. Что-то тревожит меня.

5 (среда)

Был в редакции, куда пришел и Сережа. Решили ехать в «Славянку», оттуда в Сестрорецк ночью. Пошли в Летний, где обрели Наденьку и Судейкина. Я с последним заехал к Толстым, которого не было дома. Конечно, как и нужно было предполагать, графы завели невероятную канитель и не поехали, тут же присоединила<сь> и Оленька с фасончиками. Вообще она была зла, упряма, несносна и хранила вид жертвы. Я бы охотно ее побил. Все по очереди собирались ехать домой. Наконец, после последней трагедии, когда Юрьевич окончательно побрел домой, но потом прочванился и догнал нас, мы отправились в «Аквариум»[7]. Оленька продолжала отравлять всеобщее существование; Женя мрачнел; Судейкин же был бодр и мил и все сватал меня с каким-то офицером, который смотрел на меня в бинокль. На комету, конечно, не попали[8], а отправились мирно домой через мост. Женя поверял мне свои горя, Сережа стонал, что хочет спать. Дома нашли еще М<арию> М<ихайловну> не спящей; поспешили на крышу, но никакой кометы не ощутили. Сережа лег спать, а я с дамой еще тянули коньяк и беседовали довольно долго.

6 (четверг)

Гуляли в саду. Холодно. Чулков рассказывал непристойные рассказы Личфусса. Карлуша печально сидел и смотрел. Встретили Валечку. На будущей неделе Потемкин получит деньги[9]. К Мейеру поплелись на траме. Там сидели скучные ученики и ученицы. Я немного усыпал. Назад тоже на траме. Было очень скучно. Телефонировал Жене, который сидел дома, но как-то ни я к нему, ни он ко мне не пошли. Играл с горя Debussy, но Вяч<еслав> навел на меня дев (Бутову), и я очень рассердился. Какая скука!

7 (пятница)

Из редакции пошли обедать, я с Женей в Мих<айловский> театр, где, взявши билеты[10], помчались на Остров. Застали, уговорились. Женя с Оленькой поехали, а я с Сергеем пошли гулять. Довез до Паллады, смотревшей в окно. На этот раз я уже подвергся и Серг<ею> Серг<еевичу>, и Смирнову. Я со Всевол<одом> играли в дурачки, а на нас ставили, как на скачках. Серг<ей> Серг<еевич> объяснялся со мною 3 часа и потом мыл руки. Я с ним поехал в «Аквариум», где с нами сидел Корнилий Покровский, говоривший какие-то странные вещи.

8 (суббота)

Гулял в Летнем саду с Позняковым. Был в редакции. Вечером у Чичериных, где были Кострицы и Врасские. Играл кое-что.

9 (воскресенье)

Не помню, что было. Дома был, кажется. В саду не гулял. Вечером был у Жени, куда пришел и Сережа. Первый читал мне пьесу. С улицы было видно нас. Я оставался долго после Сережи. Познякову отказал.

10 (понедельник)

В редакции был милый Женя. Шли домой втроем с Чудовским. В саду цветут каштаны. Вечером сидел дома.

11 (вторник)

Никуда не хотел выходить, но Ауслендер предложил ехать к Толстым, куда вызвали Зносок, потом Судейкиных. Очень было мило. Потом пошли бродить и добрели до «Квисисаны», хотя наши обрученные и уехали до дому. Было хорошо, везде хорошо, где Женя. Потом провожали Судейкиных еще по Невскому. Домой шел пешком.

12 (среда)

В редакцию приехал очень поздно, заставши там уже Ауслендера. Пошли обедать к верному Альберу. В Летнем саду еще никого не было. Не дождавшись Судейкиных, Женя и Соня поехали к ним и пропали. Вернувшись, объявили, что Оленька сегодня уезжает. Поехали их провожать. Она была сердита и неприятна. Улицы темны от туч. Суд<ейкин> пошел к нам, где Вяч<еслав> уже спал. Очень мило сидели, играя балеты, потом беседовали долго.

13 (четверг)

Никуда не выходил. С Дризеном страшный вздор, деньги получатся месяца через два[11]. Сережа приехал первым, потом Все-

в<олод>, потом Женя сияющий[12]. Было много народу, но, кажется, не весело. Вяч<еслав> все твердил свои бестактности. Толстой дурил. Князев читал стихи и сломал стул. Потом все вышли из дома, когда было уже солнце. Я шел с Женей и Князевым, потом вдвоем с первым. Он сам взял меня под руку и дружески беседовал. Я очень его люблю. Завтра поеду в Павловск.

14 (пятница)

Утром звонили Чичерины, зовя завтра; Валечка ничего не устроил; помог милый Женя, сам прискакал на вокзал, где я уже разгуливал с Всеволодом[13]. Болела голова. Паллады не было. Всев<олод> пошел ее отыскивать, я же направился бриться. Вернулся он один, так как дама уехала в город раньше его телеграммы. Парадировал Франк. Но Паллада приехала с тремя господами, которые нарушили наше содружество. Всев<олод> очень мил и любезен. Дама дала мне розу, говорили при мне откровенно и не стесняясь. Его влюбленность официальнее. У меня адски болела голова. Они поехали за каким-то письмом, и потому мы опоздали на поезд: бедный Ракитин втуне прождал, но я решительно ни на что не был годен. Возвращаясь, сидели втроем с Франком, говорившим всякий вздор. Вс<еволод> просил писать летом. Вернувшись, обрел дома Юрашу и Мосолова, но тотчас прошел спать. Лихорадило.

15 (суббота)

Встал не поздно, но делал мало. В редакции были Сережа и Степанов, почтительно что-то мне докладывавший. Целый день дождь. У Чичериных никого не было. Жаловались на Юшу, но ничего себе, в общем. Вернулся рано, но просидели до того, что заболела голова. Переехал к нам Юраша. Бодрее чувствую себя. Вяч<еслав> говорил о моей «мегалофобии»[14].

16 (воскресенье)

Звонил Жене и Сереже, когда они еще спали. Поехал к Толстым, там были Комаров, Белкин, Зноски и Сережа. Женя с Надей уехали, а мы играли в орлянку. Толстая все секретничала со мною. Женя мил. По дороге встретил Князева. Судейкин телефонировал, что у нас не будет, но я заехал к нему, где были Сапунов и Пронин, — и поехали домой. У Сережи болели зубы и он ушел в мою комнату, где стал читать «Карт<онный> домик», потом убедил меня читать дневник и обиделся на эпитет «ненадежный»[15]; не знаю, удалось ли мне его успокоить. Сидели еще чрезвычайно долго.

17 (понедельник)

В редакции народа было много. Женя был занят и суховат. Вернулся перед самым обедом. Князев пришел скоро, но должен был куда-то идти с Палладой. Я переодевал его в свое платье, вплоть до рубашки. Интересно. Но оставил его сидеть дома, поехав на вокзал, куда опоздал, так как поезд уходил не в 9.20, а в 9.10. Женя помчался с Соней, чтобы дать мне возможность заехать домой, но я почему-то не сделал этого, отправившись к Верховской. На поплавке пили теплое вино и чай. Наденька опять в мире с Сережей и едет в Окуловку. Пр<окопий> Ст<епанович> тоже зовет меня. Конечно, будет неловко, но, может быть, и поеду[16]. Женя был очень мил. На прощание Соня и Надя меня целовали. Прошелся с Верховскими до Алек<сандровского> сада, где пароходы перестали уже ходить. Поехали домой. Оказывается, Князев уехал только около 11-ти, так что жалко, что я не приехал домой. Ушел из залы в час и работал еще. Что-то будет летом? Сологубы и старички сегодня в Villa Rode[17].

18 (вторник)

Будя, мне говорили, что Князев кланялся и обещал непременно прийти. Он и приехал, наведя панику на Веру, милый и высокий. Снова переодевался, дал мне письмо, написанное им вчера и унесенное в кармане. Женя пригласил к себе. Звонил Деринг, извещая, что приехал Коля Позняков из Москвы, зовя в «Вену». Белкин приходил, скромный и почтительный. У Жени еще не было Сережи и Наденьки. Он выбрил себе голову и стал очень важен, но мил по-прежнему. Читал пьесу, беседовали. В «Вену», конечно, не попал и прошел прямо к себе спать.

19 (среда)

Переводил «Д<он> Кихота», под дождем поехали в редакцию, куда прибыли Соня, Судейкин и Сапунов. Женя был занятой. <Н.> Позняков опять звонил, приглашая в «Вену», но мы поехали в «Фарс»[18], хотя Соня с Сергеем и не приехали. Смотрели борьбу, женихи были кисленькие и не хотели ехать к Альберу, куда направился я с Женей и где обрели Дризена и Евреинова. Потом я провожал Женю и домой, где еще не спали. Вылезали на крышу утром. Видаю все сны какие-то.

20 (четверг)

Звонил опять <Н.> Позняков. Заезжал Костя с Виттorфом, был Юра. После обеда вдруг является Женя, чтобы везти меня к себе, где уже находился Сережа. Обсуждали будущее житье, но что-то ничего не выходило. Приезжали старики из Павловска, я

беседовал почтительно. Сережа с Женей удрали. Потом мы долго сидели еще, дивагируя. Когда я ехал по Знаменской, вдруг ко мне на извозчика вваливается С<ергей> Ю<рьевич>, откуда — неизвестно. Страшно обижен, говорил, пугал, объяснял, а <я> все думал, насколько я был прав, считая минутами его ненадежным, когда от малейшего пустяка все летит к черту. Долго ходили. Вера меня еще кормила.

21 (пятница)

Ничего не прислали. На выставке был один Женя, у которого болел зуб. Отличен Guerin[19]. Эпштейн хотели сегодня устроить семейное собрание, но по случаю выгонки Нининого жениха, было отложено, и наши обрученники пришли ко мне. Перед обедом был Коля Позняков, звонил Валечка. Князев мил чрезвычайно, но не очень весел, это несколько измененное издание Виктора Андреевича. В редакции был Нурок, говоривший о предприятиях бар. Дризена и предполагаемом издательстве. Сидели все у меня в столовой. Денег, несмотря на телеграмму, не прислали.

22 (суббота)

До вечера не выходил. Деньги прислали. Был у Чичериных, где видел Кострец и Врасских. Поскакал к Сомову, где Коля позировал уже для головы, одетым[20]. Пошли к Лейнеру, где всё глядели на двух слуг: они всё улыбались, но потом им сделали внушение и они стали очень сердитыми. Оказывается, Сережа еще не уехал. Наденька представлялась Эпштейн, всех очаровала, и они катались. Вызывали меня, но, конечно, не застали.

23 (воскресенье)

Ходил бриться. Страшная жара, была гроза. Женя заехал за мною, был мил и нежен. Покатили к Лукомскому. Он живет низко, окна открыты на улицу. Пили чай и вино, болтали. Мимо окон проходил Сер. Позняков, кланялся мне, но я его не заметил. Поплелись на поплавок, где ели. На Плевиц<кую> билетов, разумеется, не достали[21] и поехали на Острова, потом в Виллу Родэ. Болела голова. Были Гриневич с Лукьяновым и какой-то барышней, Женины товарищи и Оревес<?>. Меня преследовали мулатки. Мол<одые> люди меня провожали.

24 (понедельник)

Был в редакции задолго до Жени, который был сегодня не очень-то в духе и уезжает в Павловск. Валечку все-таки позвал. Всеволод говорит, что Паллада его ревнует ко мне и т. п. Вчера он был у Ламанских, где говорили обо мне как о лучшем критике.

Новое дело. Но Всеволода это, по-видимому, занимает. Паллада Валечке говорила много, даже чересчур много, что в меня влюблена, что если он сделает меня доступным ей, то она устроит ему Князева и т. п. Вообще, каша невероятная. Поскакали к автомобилю, потом кататься. Было очень весело, хотя мы встречали каких-то знакомых и Всеволод был излишне любезен с Валечкою. Вспоминалась осень с Наумовым. Заехали на Царскосельский, где пили. Всев<олод> пролил чашку с кофеем, было весело и детски. Вал<ечка> поехал к Сомову, Всев<олод> поднял верх пролетки и отправился ко мне. Хочет быть единственным и надолго, не боится affichag'a. Скоро уехал. Я очень счастлив.

25 (вторник)

Не выходил, не брился, переводил лениво. Всеволод приехал поздно, запросил поесть. Вера хандрит и едет на Удельную. Одевал опять Всеволода. Счастливая Паллада: целый день и целую ночь! Приехал меланхолический Валечка. Болтали. Собрались в Тавриду. Все напоминает прошлое. Телефонировал Судейкин, хотя прийти вместе с вернувшейся Оленькой. Но так и не приехал, убоявшись Нувеля. Заходил Лукомский, которого мы видели в саду. В субботу в Павловск. Паллада прислала письмо, хочет поговорить наедине. О чем? Всев<олод> советует быть осторожнее с нею и велел мне написать к завтрему стихи. Мил необычайно, особенно когда обедал. Что ему будут теперь наговаривать на меня, воображаю. Юраша все пел Чайковского, вогнавшего меня в тоску.

26 (среда)

У нас был Мейерхольд. Всевол<од> звал в Павловск, куда звал уже и Лукомский. Но потом Паллада пригласила меня в гостиницу, причем не согласовала нисколько названия гостиницы с ее адресом, так что я был в 2-х раньше, чем, получивши Сашу Смирнова, не нашел их в четвертой. Всеволод был gêne, мало говорил со мною, который все время ораторствовал с Пал<ладой>. Смирнова я не очень-то долюбливаю, хотя он и находит «Иосифа» гениальным. Приехали домой, еще долго сидели; Всеволод очень мил, но я решительно не знаю, как он ко мне относится.

27 (четверг)

Нигде не был, никто не заходил. Был у Сологубов вечером, куда неожиданно пришел Вяч<еслав> с Верою, немного стесняя. Сомов пел, Коля плясал. Наряжались, но была gêne. Не знаю, не поехал ли Всеволод в Павловск, так как он телефонировал, что не может сегодня быть, а ходил по запертым лавкам с Палладою. Нужно не очень порадоваться этой бесцельной любви, а то погибнешь.

28 (пятница)

В редакции была куча народа. Папа приехал, но не первой любезности. Письма москвичей хочет совсем не печатать[22]. Женя был потрясен известием о возвращении Оленьки. Всеволод был уже там; о прогулке говорилось, что поедем мы, Паллада и Нувель. Это уже переполнило чашу моего терпения, и я надулся. Лукомский заявил, что едет в Павловск, куда будто бы Князев зовет его в письме Паллады. Меня это поразило новою раной. Судейк<ин> упросил Женю ехать с Оленькой куда-то, я пошел с последним на поплавок и ел немного. Потом направился домой, а не поехал в Павловск, где должны были быть Позняков и Лукомский etc.

29 (суббота)

Целый день писал. В понедельн<ик> уезжают Лидия и Вера; Мейер, кажется, едет[23]. Всеволод отвечал быстро и достаточно резко. Сам не заедет. Очевидно, его не пускают ко мне. Ничего не обещает. Может быть, я сам сделал ложный шаг. Денег ни копейки. Вечером что-то пел. С «башней» некоторое примирение, но от письма Князева и от всей этой сложности я достаточно расстроился. Очень рад, что кончил перевод[24]. Но денег нет как нет.

30 (воскресенье)

Всеволод, разумеется, не заехал, телефонировал, что <поезд в> 3.15. Жара невероятная. Ехали мило, хотя и пикировались; он обиделся на упоминание Лукомского. Пошел к Палладе, послал меня вперед. Встретили ее брата с ее сестрой. Оказывается, Вс<еволод> познакомился с Палладой только на свадьбе Леона, в феврале рассорился со Старынкевичем, бывшим лучшим другом, с сестрою и погиб. К матери Пал<лады> он не смел идти. Зашел я; Пал<лада> одевалась и просила позвать Всеволода. Пришли дети с бабушкой. Мелкобуржуазная обстановка, вроде Кудрявцевых. Явился Леон и сообщил Палл<аде>, что идет дело о растлении малолетнего, что все подробности посещений Балаб<инской> гостиницы и пр. известны, что выплывут еще другие истории, что ее сошлют на каторгу и т. д.; говорилось все это при матери. Я же со Всевол<одом> сидели в соседней комнате, было очень жарко, брат и сестра кричали. Наконец мы вышли. На музыке было сначала както трагично, Всеволод надулся, Паллада ко мне лезла, я хотел объясняться с Валечкой за сплетни. Явился <Н.> Позняков и Валечка, сделалось еще угарнее и тошнее. Всеволод кокетничал с господами, Паллада приставала ко мне, я, наконец, рассердился и ушел в сад, где попал в объятья Чеснокова, с которым стал говорить о делах. Пришел Всеволод объясняться и уговаривать меня вернуться. У стола пошло еще хуже. Уговорили ехать в гостиницу. Какой-то

бордельный притон. В соседней комнате прямо занимались делом, причем дама икала, как лаяла. Паллада приставала, Всеволод нервничал, Валечка хихикал, я драматизировал. Наконец Нувель удалился, я с Колей пошли в один номер. Позн<яков> не хотел спать, а гулять, Паллада так расстоналась, что я впал в обморок. Тормошил меня Коля, потом Паллада прибежала в одеяле, потом Всев<олод> ложился на меня, целовал, тряс и отходил со словами: «Я больше никак не умею». Наконец я встал и разделся лечь, стучится Палл<ада>, я оделся. Потом история в другом номере, Всеволод одет, в перчатках, кричит, что он Палладу разлюбил, что это — публичный дом (а то что же иначе, милый мальчик, разве Паллада твоя не последняя мерзавка и блядь?). Остался поговорить два слова и совсем помирился. Я снова лег, а Коля отправился.

31 (понедельник)

Разбудил меня Коля, принеся апельсин. Встал очень весело, Коля все смеялся. Спросили чаю в пузатых чайниках и яиц всмятку. Наши голубки спали долго. У вокзала встретили Валечку в белом костюме, как дачного мужа. Поехали, будто немытые, какое подлое чувство. Дома узнал, что вчера был Женя у нас и оставался в городе[25]. Вечером пришли Сапунов и Судейкин. Женя у них бывает часто. Ах, тихих бы рабочих дней, пускай Паллада владеет Князевым, продает его, кому хочет, я-то так не куплю. Уеду в Окуловку. Провожал друзей по улицам. Очень тепло. На балконе сидели барышни и пели дуэт из «Пиковой дамы». Вернулся, никого нет. Вера уехала дружественно[26], уехала и Лидинька. Пришел Вячеслав с Юрашей, стариками мы остались. К <Н.> Познякову, куда хотели быть Паллада с Князевым, не пошел. Мне трудно их видеть вместе. Всеволод вечером не пришел. Чем-то все это кончится?

Июнь

1 (вторник)

Мои хлопоты о деньгах в такую жару не увенчались успехом. Шенка нет, нужно обращаться к Крупенскому. Дризена нет, об ассигновке не очень слышно. В «Аполлоне» та же disette*. Женя был в эмпиреях, каждый день почти видится, звал сегодня с собою. Чудовский был, и Белкин, сидящий на мели. Поехал домой и хорошо сделал, так как сейчас же после обеда пришел Князев и сидел до 11 ½; был очень мил, прост и скромен. Пели, читали, ему было

* Безденежье *(франц.)*

очень жарко, он снял мундир и все дул воду с лимоном. Пошел его проводить, вернулся рано. Что-то Женичка?

2 (среда)

Жара невыразимая. Поплелся к Сапунову, чуть не засыпая; наш антрепренер пришел в шестом часу и немного задержал меня. На Шпалерной съехался со Всев<олодом> в белой куртке, несказанно милым. Паллада телеграфирует, что вместо 7-ми приедет в 5, но Всев<олод> ее не нашел на вокзале. Обедали у нас вдвоем, как мило, как нежно, он переоделся и помчались на вокзал, куда опоздали. Паллада обогнала нас, едучи сама себя встречать, чтобы найти нас. Всеволод пересел к ней, обещая приехать, я же отправился к Ник<олаю> Степанов<чу Познякову>, который был без пиджака*. Смотрели в окно на поворот, сплетничали, читали стихи, пили чай, наконец приехали наши голубки, часов в 11. Коля обращался со Всев<олодом> как с тапеткой, чему тот был, по-видимому, очень рад. Наконец ушли вместе на телефон и пропадали часа два. Паллада сидела со мной и растравляла мои раны. Как только они вернулись, Паллада пошла в коридор со Всев<олодом>, Коля же меня уверял, что его бояться нечего и что ничего особенного не было. Вернувшись, дама спросила у Познякова, чем он так расстроил Всеволода, утешать которого послали меня. Тот стал жаловаться, что с ним обращаются как с кокотом и Лукомский, и Позняков, что он не поедет кататься или на отдельном моторе со мною, говорил, что любит только Палладу и меня, и не хотел возвращаться в комнату. Я уговорил; <он> писал письмо отцу, что поехал со мною к Толстым, доказав, что отлично умеет при случае выдумывать. На моторе Коля все хотел поместиться рядом со Всеволодом, но я не допустил этого. Вел себя так же неприлично, щупал и т. п., тот из «светской любезности» молчал. На Стрелке я Коле указал на неприличие его поведения. Тот унялся было, но в «Аквариуме»[1] опять начал изводить меня, вмешиваться в разговор. Я так обозлился в конце концов, что, разбив рюмку, ушел домой. Всеволод догнал меня, простился, но не удерживал. Я пошел пешком до дому, видел, как Костя прокатил на моторе. Хотел дойти до Балабинской и проститься с Палладой, но раздумал и прямо прошел домой. С Колей наверное кончено.

3 (четверг)

В Павловск не поехал, не имея ни гроша. Утром был у Крупенского, обещал в течен<ие> будущ<ей> недели, но не знаю, считается ли, что перевод сделан[2]. Невероятная жара. Написал Коле, что незнаком с ним. Он сам приехал: не помирились с ним,

* У Кузмина — «пижака»

еще более разошлись, не прощался с ним. Звонила Паллада, звала вечером, но я отказался. Так как будет Позняков, я буду завтра. Что-то сегодня у них будет? По-моему, они изнасилуют Всеволода: Позн<яков>, Паллада или (еще хуже) Саша Смирнов. Не мог вспомнить равнодушно этого вечером, когда писал стихи и Костя читал рядом.

4 (пятница)

Утром Смирнов телефонирует, чтоб я приходил не в два, а в три. Они были какие-то смутные, Всеволод говорит, что расшибся при обмороке, по-моему, она просто-напросто избила его. Синяки на лбу и щеке, подбитый нос. Это у Всеволода-то, Всеволода-то! Саша что-то объяснял своим поганым ртом. Паллада спорила с Князевым, плакала, нервила. Я играл, они немного успокоились. По телефону узнал от Жени, что стихи Всеволода приняты[3], что он придет обедать. Вышел с Сашей. Он уезжает вместе с Палладой. Женя был очень мил. Пришел Князев и объявил, что он порвал совершенно с Палладой, рассказывал всякие ужасы, успокаивался. Прибежал Валечка узнавать воздух, вел себя прилично, ушел скоро. Всеволод был мил и тих. Женя не знает, что о нем думать, дитя ли он или мошенник. Провожал Женю на вокзал. Сережа приедет недели на 2, так что до июля я не поеду в Окуловку. Нас чуть не раздавил трам. Радуюсь ли я, что Вс<еволод> расстался с Палладой? Я не верю, что это — надолго, хотя он связан клятвой. Она его убьет или сделает тапеткой, котом и будет драться с ним ежедневно.

5 (суббота)

Заехал Всеволод, поехали вместе в редакцию, потом в Морской корпус; очень ветрено и пыльно. Всев<олод> в благорастворенном состоянии: всё — как сон, сидит дома спокойно, читает отцу мои стихи, брата заставляет играть мою музыку, вечером пойдет в баню. Я думаю, что Паллада его вызовет. Она прислала мне телеграмму и письмо, где подтверждает свой разрыв. Не пошел к ней. Всеволод вечером не пришел, может быть, Паллада его вызвала, убила, избила и снова привязала. Его-то! Его-то! Приходил Белкин. Рассказал Вяч<еславу>, он понял не как я хотел и заинтересовался Палладой. Я немного обиделся.

6 (воскресенье)

Целый день сидел небритым дома, был то дождь, то ветер, проводили время по-летнему, как-то бездельничая, была Кассандра, все более похожая на Лидию Степановну. Приехал племянник Иванова, михайловский юнкер, рожа невероятная, но с хорошим

голосом. Всеволод телефонировал, что придет завтра, что Паллады не видел, хотя получил телеграмму; вечером еще пели. Уехала Ан<на> Руд<ольфовна> расстроенная, в обмороке, куда-то на север, зачем, куда?[4] Жалкая. Она мне нравится еще тем, что в ней немало шарлатанства и веселости, только достаточно ли она умна?

7 (понедельник)

Всеволод утром пришел, милый и ласковый. Вместе пили чай, потом были у парикмахера и ходили так, по делам. Едут завтра. Приехал Ауслендер, но ко мне еще не приходил. Женя не явился. Костя с юнкером все томились и хотели куда-нибудь ехать, но я ждал Всеволода и был без денег. Князев пришел, когда я читал вслух «1001 nuits». Костя к большому негодованию М<арии> М<ихайловны> и Кассандры застрял у меня, играя в карты[5]. Всев<олод> показывал фотографии, писал письмо Палладе. Был крайне нежен и желанен, но не мог сидеть очень поздно. Провожал его. Была Тамамшева.

8 (вторник)

С утра Князев телефони<ровал>, что едет завтра, но придет только завтра днем. Писал что-то, скучал, неожиданно приехал Гумилев, мало чем изменившийся[6]. Долго сидел у нас, Вяч<еслав> его цукал, читали стихи. Потом лениво пели, я валялся по дивану. Оказывается, Женя был в городе и не позвонил мне.

9 (среда)

Был в конторе, где все посылают от Анны к Каиафе[7]. Дома застал Всеволода; завтракал у нас; вышли вместе по Невскому: я — в «Аполлон», где был Судейкин, Сережа с Наденькою и Рара. Судейкин все расспрашивал. Женя согласился ехать к нам. Был мил и уютен. Я уехал раньше его на вокзал, в одно время со Всеволодом, познакомился с его отцом, Всев<олод> скромно сиял, милый; нежно, очень нежно простились, надолго ли? на 2 месяца, навсегда?

10 (четверг)

Был в Павловске. Меня встречали. Женя был очень мил, женихи резвились с Тилькой. Около Розового павильона пили чай и молоко, окруженные курами, утками, собаками и кошками, идиллично. Обедали семейно. Болтались наверху. Заходили к Палладе относить вещи; она, оказывается, еще в городе, но на музыке ни ее, ни Нувеля не было. Приехали Гумилевы, она манерна, но потом обойдется. Наденька мне сообщила, что Женя очень оскорблен и обижен существованием Князева, стихами и т. п. Чего ж он думал раньше? Это похоже, как «собака на сене»!

11 (пятница)

Без меня был один из рижских корреспондентов, Руманов. Не один ли это из тех гимназистов, за которыми гонялся Валечка? Весь день писал музыку. Пришел Судейкин, они все еще в той же позиции. Костя был уже в юнкерской форме. Приехали наши, запросили есть, с Вячесл<авом> Наденька обращалась свободно. Вскоре прибыл и Женя, не обедавший у Mako, а бывший у Оленьки. Был он какой-то сердитый, неужели правда, что говорила Наденька? Провожал их на вокзал. Дома почему-то опять долго сидели. Нужно это прекратить и заниматься.

12 (суббота)

Попал на поезд гораздо раньше срока. В Царском поджидал наших, пиша стихи, но, не дождавшись, пошел один. Впрочем, они скоро подъехали. Обедали, читали стихи; Женя был какой-то сердитый. Вечером поехали на музыку попарно[8]. Женихи пошли что-то переодевать и пропали, мы же гуляли вчетвером. Валечка встретился; слухи, что родители Всеволода в отчаянии от его дружбы со мною и т. д., Паллада не уехала, но из Павловска пропала, что я отбил Всев<олода> от нее и т. д. Возвращался смутно. Что-то долго еще сидел.

13 (воскресенье)

Приходили Сережа с Наденькой. Хорошо занимался. Была у меня Кассандра с Белкиным. Вечером визитировали Гумилевы. Она ничего — обойдется и будет мила[9]. Пел что-то. Вяч<еслав> стал вставать раньше. Что-то налаживается. О деньгах не слышно.

14 (понедельник)

Что было? Сидел дома. Писал. Вечером зачем-то пришли Мосолов, Лачинов и Пяст; по-моему, последний скоро опять заболеет[10]. Скучно мне что-то.

15 (вторник)

Был у парикмахера и в редакции, где Рара Mako бранил все русское. Женя в безденежьи, отправился со мною, потом к Судейкиным, которых, разумеется, не было дома. Пошли искать их в Петров<ский> парк, шли коровы, пары целовались, местные велосипедисты ездили. Зашли еще раз, потом поехали на вокзал. Права ли Наденька? О Князеве говорили неохотно. Дома еще толклись долго.

16 (среда)

Письмо от милого Всеволода. Брал его на счастье с собою в контору[11], но ничего из этого не воспоследовало. Тянут невероятно. Днем ленился несколько. Уж очень с переводом отстаю. Жарко.

17 (четверг)

Что было, не помню; никуда не выходил. Дела все не налаживаются. Из конторы телефонировали, что ассигновка послана.

18 (пятница)

Ассигновка оказывается посланной, но еще не полученной. Не собирался идти в «Аполлон», но Судейкин вызвал меня посмотреть рисунки[12]. Там был Рара, Женя и Гумми. Женя был какой-то сердитый, Маковский ворчал, Гумми тянул было в ресторан, но ни у кого не было денег. Поехали к нам. Вячеслав его не бранил. Вечером адски скучал. Видаю сны какие-то.

19 (суббота)

Не помню, что было; томился, писал, играл. Я не знаю, отчего я прихожу в какое-то разложение. Денег не получил, плелся туда и обратно пешком. В Павловск очевидно не попал.

20 (воскресенье)

Утром приехала племянница Вячеслава; болтлива, по-провинциальному бойка, но оживляет; был и мрачный певец, брат ее, сбривший хотя бороду. Весь день писал музыку. Перед обедом является Женя с пьесой, но торопился на Васильевский. Был мил. Всеволод ему писал. После обеда телефонировали, чтобы я ехал к Судейкиным. Он был один, так как Женя и Оленька гуляли. Небо было в тучах, но Судейкины бодры и веселы. Н. Милиоти хотел бы познакомиться со мною. В «Новом врем<ени>» меня ругают[13], я отвык что-то от этого, но, может быть, это и хорошо. Играл балет, Сережа меня зарисовывал. Показывал карикатуру на меня. Провожали нас в ясное утро до Дворцового моста. Женя спутал часы и опоздал на поезд, ночевал у нас, еще закусывая, очень милый и домашний. Не запустить бы работ.

21 (понедельник)

Кажется, никуда не выходил. Ах, да: стричься выезжал с Женей. Парикмахер сообщил, что Бекман застрелился. Наша барышня заболела. Всеволод еще не прислал письма. Жарко.

22 (вторник)

Жарко; брел в кассу: еще не получено; в конторе Постников занимал меня всякими разговорами, показывал письма, что деньги переведены 15-го, дал справку, но делу помогло это мало. Разболелась голова. Приехала Анна Рудольфовна. Уезжает Ивойлов. В редакции все валялся. Был Геката, как предвестник скорой зимы, интриг etc. Головин в Падуе. Вечером были Судейкины, Женя

и утешительный Сапунов. Пели, играли. Женя ночевал. Какое свинство с деньгами.

23 (среда)

Выходил только бриться. Фигаро рассказывал, как умирал Бекман. Я очень хорошо его помню. И вот этих губ, этих глаз, рук, ног, запаха тела нет; если кто его любил, то это непереносно. Совсем не мог работать. Валялся, читал «Mercure», на острова не поехал. Был племянник ивановский, время какое-то летнее, бездельное и нелепое. Отчего я не могу работать? Денег, разумеется, никаких не прислали. Дризен уезжает и советует взять у Потемкина доверенность[14].

24 (четверг)

Против ожидания, деньги получил, но, отдав М<арии> М<ихайловне> и сделав некоторые покупки, опять остался почти без них, чем немало огорчился. Вечером должен был идти в Летний сад на рандеву с нашим антрепренером. Сапунов был какой-то кислый. Не знаю, выйдет ли что из этого дела[15]. После отправился на 9<-ю> л<инию>, но мало это меня увеселило. Вечер был беспокойный, душный ветер, темно, тучи. Болела голова. Что-то проваливается.

25 (пятница)

Наша барышня пропадала до утра в Царском, меня это сердило почему-то. Фигаро опять твердил о Бекмане. В редакции долго ждал Жени. Он был мил, обедали вместе у Альбера, потом к Судейкиным. Они как-то весело ссорились, не унылы и бодрые. Но когда-то я кончу свои дела? Ленюсь невероятно. Письмо от Божерянова, влюбленно зовет меня в Париж, чем-то меня тронуло и взволновало. Поехал на Острова. Сережа говорил мирно и интимно. Гуляли, дурачились слегка. Провожал Женю на вокзал. Работы все прибавляется, это меня не на шутку начинает пугать, принимая в соображение мою теперешнюю неработоспособность. Дома все еще не спали, был юнкер; пели чего-то. Спал очень плохо, сердился, ворочался.

26 (суббота)

Все разъезжаются. Уехала племянница, Анна Руд<ольфовна>, завтра Юраша[16]. Выезжал только к Дризену; квартира в чехлах, сам он в туфлях, без воротника. Придется опять околачивать пороги. Дома все переводил. По-пустынному стали проводить время.

27 (воскресенье)

Сидел и занимался. Томлюсь. Вечером Женя с Судейкиными не пришли.

28 (понедельник)

Маковский сводил какие-то счета. Женя был мил; письмо от Князева. Вечером хорошо занимался. Прибыли гости, было как-то по-зимнему и по-городски. Я немного ревную всегда к Вячеславу своих друзей. Потом еще долго пели Глинку. Какие дни хорошие; гулять бы, а сижу, как сурок, опять без денег, и кого видаю? А что будет осенью, страшно подумать. Сережа не приехал.

29 (вторник)

Решительно не помню, что было. Приехал Сережа, загорел, нашел у меня плохой вид, тащит в Окуловку. Ездил с ним на вокзал. Вечером сидел дома.

30 (среда)

Был в «Аполлоне». Женя не поехал к нам обедать и звал завтра в Павловск. После обеда отправился, гонимый некиим злым роком, сначала в Тавриду, где никого не было, затем на 9<-ю> л<инию>. Чудный вечер, так тепло, так тепло.

Июль

1 (четверг)

Совсем болен; засыпаю, жар, головные боли. Уезжал Юраша, все у него не ладилось. Наконец отбыл, окровавив себе руки чемоданом, в белой рубашечке, как беби. Перечитывал письма Наумова; сладкое и опасное занятие. Ленюсь. Поехал в Павловск. К<акой>-то гимназист всенародно читал письмо, потом разорвал его. Первым пришел милый Женя, потом Сережа с Наденькой. Приехали и Гумилевы, все по очереди секретничали. Вдруг идет Паллада с Харламовым. Сидел и с ними. Наши по очереди ходили смотреть на прелестницу <?>; она была чем-то сердита и таинственна. Почему она все еще здесь, никому не известно. Говорит — веселится. Валечка получил уже потемкинскую доверенность, но в конторе о деньгах ничего не слышно, и вообще он действует пессимистически и лениво. Домой ехал с Харламовым, но очень болела голова. У нас были Ремизовы без меня. Сейчас же лег спать.

2 (пятница)

Женя был очень мил в редакции. Поехали к нам. Мое решение перестать быть самоотверженным радостно приветствовал, будто не понимая, или хорошо понимая, что это значит. Пошел дождь, отчасти я был рад, так как это делало невозможным гулянье. Поехали к Судейкиным. Там было уютно и не тягостно.

Провожал Женю, будто должное. Дома у нас еще пищала Беляевская.

3 (суббота)

Выезжал купить конфет для гостей. Судейкины не приехали, а Сережа ушел рано, так что было скучновато. Вяч<еслав> ругал последними словами Гумми, да и меня уж заодно. Долго засиживаемся, вот что плохо.

4 (воскресенье)

Не выходил и ленился. Никого не было, кажется.

5 (понедельник)

Очень ветрено. Ленился. Выезжал только к парикмахеру. От долгого сиденья задичал. Мой мастер, уже готовый уезжать, стоял в велосипед<ном> костюме, похожий на Годунова. Причесывал даму мальчишка за ширмами. Скучал днем; мечтаю о какой-то зиме. Какой несносный Валечка со своими деньгами, и потом я все не успеваю работать, это приводит меня в ужас. До смерти хотелось бы видеть Викт<ора> Андреевича. Вечером играл Глюка, но долго слишком засиделся.

6 (вторник)

В редакции был Гумми, Каратыг<ин>, Лансере и т. п., будто в сезон. Коля грыз меня за журнальные дела. Обедали втроем у Альбера. Потом с Женей поехали к Судейкиным, но не застали их дома. Провожал его. Дома не помню, был ли кто. Скучаю.

7 (среда)

Валечка сообщил неутешительные вести о деньгах, нужно будет доставать. У нас были Ремизовы и Аничков. А<лексей> М<ихайлович> очень похудел и почернел; за обедом Вяч<еслав> распространялся о паразитизме модернистов и т. д. Я обиделся и нагрубил. Теперь еле говорим. Он упрям и бестактен, настойчив и провокационен. В Царское не поехал, хоть и жалел об этом очень, как пишет Всеволод.

8 (четверг)

Стригся. Удивляюсь, выходя на улицу. Аничков у нас ночевал. Все переводил, перед обедом пел для себя, радуясь. Ивойлов читал стихи, неплохие. Скорей бы осень, зима, театр, весна, жизнь. А как добывать денег? Сидеть с лампой! что-то будет зимою? Трепещу... Вечером Аничков и Вяч<еслав> хвастались друг перед другом знанием английского этикета. Забавно.

9 (пятница)

Утром Ивойлов переписывал у меня стихи и беседовал о русских городках. Оттаял как-то. С Вячеславом сухота. Женя в редакции был мил. Судейкин по телефону звал к Милиоти, был Зинаидин жидок, напросившийся прийти[1]. Обедал Женя у нас, Аничков все зовет к себе, считая меня благовоспитанным. Деньги совершенно у всех истощились. Сережа передает просьбу бабушки заехать к ней, расстроивши меня воспоминанием. Вечером провожал Женю на вокзал, встретил любезного Ю. Беляева. Мил, живет в квартире Гауш, дом бывший Перекусихиной. Отличный вид на Неву, балкон, открыты окна, лакей. Сомов бывает; на будущий год нужно как-то расширяться. Женя прав, что общительность — мой главный козырь, да не знаю ли я этого и сам по себе? Сапунов почти умирает с голоду. Сергей поскакал к Барышникову, достал немного денег и поместил Ник<олая> Ник<олаевича> в лечебницу, Милиоти позирует на сноба, но не знаю, вполне ли это ему удается. Чтение романа «Гнев Диониса»[2] и рассказы о сомовских последних картинах чем-то мне напомнили весну после «Крыльев». Совсем не помню, какая была прошлый год весна, что было, как? Судейкин далеко меня провожал, вдоль розоватой от утра реки. Если б многие меня знали, любил бы кто-нибудь. Я засиделся на «башне», это правда, и многих от этого растерял. М<ария> М<ихайловна> спала, когда я вернулся, Вяч<еслав> сам отворил двери, но не выходил. Увидеть бы Сомова.

10 (суббота)

Сережа хотел зайти, чтобы ехать к бабушке, но не зашел; просидел целый день дома. Еще дня два таких, и я заболею. Денег в доме — ни копейки. Ужасно хочется видеть Нувеля и Сомова. Скорей бы осень! Обедал вдвоем с Вячеславом; потом он долго объяснялся и пилил мне спину. Неужели осенью не соберу как можно больше народу? И как я обленился, ни на что не похоже. От Князева долго нет писем, но это как-то мало меня трогает, и отчего? Нужно быть бодрым, работать и никем не пренебрегать. Да, так.

11 (воскресенье)

Так как Женя мне не телефонировал, то на Васильевский я не попал. Только брился, больше ничего. Вечером Вяч<еслав> читал «1001 ночь»; как хорошо, насколько лучше, чем пилить спину, провоцировать и рассуждать.

12 (понедельник)

Пришел Сережа, ездили с ним в Летний сад; вечером взапуски [читали] писали хроники. Он заезжал к Волковыскому[3], а я

ждал на улице, где ползали пьяные девки, глухонемые, воры. К Анненскому не поехал. Звонил Судейкин и Милиоти. У нас чинят лифт и красят лестницу. Получил письмо от Всеволода, приедет 9-го августа. Пишет, что огорчен ревностью за его улыбки; о, как я знаю эти рассуждения! Вечером я писал со свечами при открытом окне. Почему-то Сережа до отъезда проживет в городе, что-то случилось в Павловске, но определенного ничего не говорит. Может быть, осенью и ничего будет. Нужно всех найти, со всеми войти в сношения, с кем можно и с кем нельзя.

13 (вторник)

Что было? С Сережей поехали в «Аполлон», заезжали стричься. Женя был мил, Гумми и он поехали к нам. На вокзале обрели Сережу и Наденьку. Женя все спорил со мною о мировых сюжетах в литературе. У Гумми играли в карты, я выиграл и ночевал там в гостиной.

14 (среда)

В Окуловке обижаются, сердятся на меня: как это скучно! Утром сидели в палисаднике, Гумми читал свою «Америку»[4], потом играли в мяч. У меня заболела голова. Дома уже сидел Беленсон. Стихи его до смешного сколок с моих[5]. Потом я лег спать. Разбуженный к обеду, я тем не менее поехал в Павловск, хотя у меня и болела голова. В вагоне был вместе с Палладой и Харламовым; они пошли домой, я же нашел одного Женю. Сережа поехал в город вечером, Наденька же поехала кататься, впрочем, скоро и она пришла. Рано пошли домой пить чай, было очень весело и как-то семейно. Несмотря на дождь, еще пошли с Женей на вокзал вдвоем и пили там долго; Паллада с Х<арламовым> сидели на другом столе. Возвращался вместе с этим моллюской. Дома еще не спали. Вячеслав смягчился и был <не> так уж неприятен. Не знаю, как дела с Женей.

15 (четверг)

Не выходил; дождь; кое-как переводил. Меня тяготит завтрашний обед у Тернавцева. Денег не шлют. Скучал до вечера. Вечером приехал Юраша[6]. Не могу все настроиться работать.

16 (пятница)

Был в редакции с Юрашей, там нашли Врангеля. Женя был уже с чемоданом, денег у них нет. Проводил его до Литейного моста. Что меня тревожит? Дела, забвение дягилевцами? приезд Теляковского?[7] сердитость Вяч<еслава>? — почем я знаю? Главное, что я давно никого не видел. Поехал обедать с Вяч<еславом>; ко-

нечно, попадали в три дома, пока не достигли Тернавцева. Обедали очень хорошо, как-то по-итальянски, он сам также имеет много итальянского и очарователен. Ельчанинов подурнел, но скромен и мил; здорово выпили[8]. Дома у нас были Сережа и Кассандра. Читал «Фьяметту»[9]. Поздно легли. Я не знаю, отчего я нервничаю. Погода отлична. Сережа рассказывал мне разные вещи про Женю, Сабурова и т. п., отчего тот становится ближе и милее. Трубников поступил в Гейдельбергский университет.

17 (суббота)

С утра переводил[10]. Кассандра с Сережей поехали в «Речь». Сдал в «Пантеон» часть рукописи, из «Скорпиона» деньги прислали[11]. Сережа звал к Судейкиным; очень тепло. У него был дурацкий скульптор в накидке, Оленька же поехала с Милиоти на острова. Посидев, мы отправились в Народный Дом, там слишком все раскидано[12]. Мне понравился какой-то тонкий колосс, но, пойдя за нами, он был ангажирован каким-то Рафаловичем. Ехали, то обгоняя, то будучи обгоняемы стрелком, очень красивым, с генералом. Приехав домой, узнали, что все «спят», весь ужас в том, что не *уже*, а *еще*. Потом вылезли, стали пить чай, болтать, играть, будто 8 час. вечера и собираешься в театр. Вяч<еслав> все сердится, мне это надоедает. Все куда-то пропали, нужно наладиться.

18 (воскресенье)

Я не поехал на парусные гонки с М<арией> М<ихайловной> и был очень огорчен этим, потому что погода была чудная[13]; к Сапунову я не поехал, а болтался целый день с Сережей. Выбрившись, я вздумал, что поздно ехать на Остров, и заехал к Белкину; не застав его, направился к Ауслендеру; он был какой-то растерянный, поехали в Летний сад, ели мороженое, видели Волковыского. Потом, как туристы, осматривали «Воскресенье на крови»[14]; гадость невероятная; были в пустом «Аполлоне», где Сережа брал книги. Поехали домой. После обеда поехали в «Фарс», куда приехал и Мих<аил> Яковл<евич>. Я совсем пленился борцом Бредихиным[15]. Потом сидели на веранде. Какие-то два господина прислали мне розы, шокировав этим дядю; я все-таки с течением времени их поблагодарил; они очень смутились, когда я к ним подошел. Кто это, зачем, — есть какие-то тайные доброжелатели. Перед нами все шмыгали Карлушка и еще другая тапетка. Потом Ауслендеры уехали. Обе тапетки вертелись передо мной или за мною, ведя разговор вроде чухонских горничных. Но все-таки я взял Карла и поехал в «Ниццу»; сию же минуту мне стало скучно и я почти раскаялся. Я не люблю идиотов, а если человек не нашего, приблизительно, круга, тогда лучше уж простой банщик или солдат. Но временами Карл

был трогателен. Ужасно болела голова. Вернулся домой, когда спали, к счастию. Вез извозчик, некогда возивший из гостиницы.

19 (понедельник)

Сережа просил завезти его пальто и книги. Я приехал, они были уже там. Наденька щебетала. Я целый день спал и глотал фенацетин. К вечеру выспался, голова прошла и был легкий озноб. Играл «Joseph'a»[16] и читали «1001 ночь». Спал спокойно, но все дела и письма запустил.

20 (вторник)

Женя опоздал, приехал красный, потный и взволнованный: Андреев его хамски отчитал, и Женю он все-таки впечатлил[17]. В редакции были Кондратьев и Мгебров. Долго не могли решить, куда идти; пошли на поплавок, ели раков, но Судейкиных не застали дома. Поехали к поезду, опять сидели в бил<етной?> 1 ½ часа. Дома еще не спали; приехал Юраша, Каратыгин, Судейкин и Шуклин <?>. Играли Регера, Вяч<еслав> занимался провокациею, но, конечно, я не поддался на это, к его величайшему неудовольствию. Судейкин был нервен.

21 (среда)

Явился ко мне Мгебров, очень странный, но мне нравится его детская манера говорить. Поехал с ним в больницу к Сапунову, давшему мне поручения к Головину. Похудел, но не ужасен. Заехал на квартиру Головина: приехал дней 5 как, но на даче, будет не раньше пятницы, субботы. В Павловск не поехал. Кажется, не был никто.

22 (четверг)

Что же было? Вот не помню! Дни, как вода, текут, текут, а протекут — не помнишь. Все то же самое.

23 (пятница)

Приехал в редакцию, когда там были уже Гумми и Белкин. Дома меня задержал Милиоти. Женя, увлеченный обедом с Сабуровым, не хотел ехать на Остров. Веньямин тащил к себе, живет он теперь у Петрова-Водкина, но было скучновато. Поехал к нам, где ждал уже Ник<олай> Ст<епанович>. Пришел Ельчанинов, испугавшийся, когда я подарил ему рукопись, принадлежавшую его предку какому-то. Смешной.

24 (суббота)

Заехал к Головину. Зандин мажет «Бориса»[18], А<лександр> Я<ковлевич> за городом, редко бывает; помощник что-то скры-

вал, блестя глазками. Народ уже ползает там. Зашел к Сомову, где разваленная лестница и отсутствие К<онстантина> А<ндреевича>. Жалко, что он перебрался в верхний этаж. Купив марок, вернулся домой. Завтракала у нас Максова девочка. Так я прописал все время перевод, никуда не выходя.

25 (воскресенье)

Целый день просидел дома, но ничего из этого не вышло; не могу представить, как я буду заниматься осенью. Мечтал над дневником, как все это давно и далеко было. Вечером был Юраша, мне эти сиденья надоели, злят и только отнимают время. Ивойлов обжег себе руки магнием, снимая Вяч<еслава>. Утром разбилось зеркало от ветра.

26 (понедельник)

Стригся, долго ждал, смотря на улицу, а дама красила волосы за ширмой. Почему так все поблекло, и зацветет ли осенью? Мне до смерти хочется видеть старых друзей, сопутников и свидетелей той жизни. Я делаюсь лиричным, потому что не могу объять необъятного. «Башня» меня измучила, и страшная даль. Телефонировал Тамамшев, почему-то встревожив меня. Судейкинская субретка передавала просьбу зайти к ним перед Милиоти. Сегодня борется Бредихин, как говорится в «Сатириконе», «Инженю драматик»[19]. Денег ни копейки. Судейкины еще были неодеты. Юрьевич брился, Оленька одевалась, Вера шептала ей: «Спросите о Разборовском», а я играл «Индиго» Штрауса[20]. Поехал с Оленькой. Болтали, пили чай, играли, но, по сравнению с сомовской компанией 1907 г., это какое-то 2-е издание, 2-й оттиск. Это я сам, конечно, впадаю в décrépitude*; лето, «Фьяметта», Томашевич, безнадежное безденежье и башенный режим меня удручают до невозможности. Н<иколай> Дм<итриевич> нас провожал до моста. Дома нашел еще Пяста, Юрашу и Ивойлова тоже, компания называется. Юрьевич говорит, что у него снова пробуждаются гомосексуальн<ые> наклонности, которые он подавливал, je pense, que c'est de la blague**. Но кто будет переводить за меня, вот вопрос. Нужно бы засесть хорошенько. Я все-таки думаю, что коренная причина меланхолии — уменьшение определенных денег[21]. Ну, будь что будет. Увидеть бы старых друзей! старых друзей! А если бы я увидел В<иктора> А<ндреевича>, я был бы au comble du bonheur***, но ничто не повторяется, и все старо.

---

* Дряхлость *(франц.)*

** Думаю, что это шутка *(франц.)*.

*** Исполнен счастья *(франц.)*

27 (вторник)

Женя не пошел в Нар<одный> Дом, обещав в Шахматн<ое> собрание[22], но обедал у нас. В редакции были Нурок и Кондратьев. Нурок почему-то всегда очень любезен. Нужно бы опять сойтись с ними. За обедом явился и Юраша. Женя молчал, но был мил, звал Валечку, но у него болела голова, завтра у него rendez-vous с Колей, вчера с Сомов<ым> и Нур<оком> были у Лейнера. Я бы ужасно хотел видеть Сомова, сам не знаю почему. Все надежды на осень; отыщу тогда и Викт<ора> Андр<еевича>. Но что будет, знает один Аллах.

28 (среда)

Приходили все какие-то люди, несколько развлекши меня: Беленсон, Томашевский, Харламов. Последнего внизу ждала Паллада. Антрепренер наш не особенно вкусный, страшно вчерашний день, но принимается серьезно за дело, будто предполагая, что что-нибудь может выйти[23]. За обедом Вяч<еслав> страшно напал на меня за «Аполлон», причем говорил, что я и Женя — лучшее течение, что Евг<ений> Ал<ександрович> — совсем другой, но понял и полюбил меня. Болтался Ивойлов и читал рассказ свой: совсем не плохо. Вяч<еслав> так расстроился, что даже не читал сказок.

29 (четверг)

Ходил только бриться, но писал мало; спячка опять мною одолевает <*так!*>. Мечтается о бодрой работе, о связи со всеми, а сил все меньше, да и денег безбожно не хватает. Вяч<еслав> немного утихомирился, но часто еще ворчит на «Аполлон», галстуки и т. п. Вечером Ал<ександра> Ник<олаевна> читала свой перевод из Хирна, неважно. Потом Вяч<еслав> читал «1001 nuits». Почему Головин ничего не пишет? Это свинство, что я не посылаю Князеву «Нов<ый> ж<урнал> для всех», хотя он стоит гроши[24]. Почему-то все думаю о житье на Вас<ильевском> Остр<ове>. Это ужасно — на будущий год оставаться у Иванов<ых>; и так далеко, но, пожалуй, лучшего не придумаешь.

30 (пятница)

В «Аполлоне» был Гумми и Нурок, теперь всегда любезный. Женя поехал обедать в Шахматн<ое собрание>, потом не хотел ехать к нам, но на Васильевский; заехал за мною во время обеда и сидел, скромный и милый. Чудный вечер, огромная луна, но осенне очень. У Судейкиных никого не застали, только Вера вышла с книгой в руках. Поехали на вокзал, где долго сидели за кофеем, видя еще раз Нурока. Дома еще все было в полном разгаре.

31 (суббота)

Спросил у импресарио денег. Телеф<онировал> Судейкин, зовя сегодня. Вяч<еслава> не провожал[25]. Хотел было поехать на 9<-ю> л<инию>, но отпр<авился> к Судейкиным, куда совершенно неожиданно приехала его сестра. Было не скучно, не весело. Паллада сообщает, что она окончательно разошлась со Всеволодом, не верю я как-то этому. Приехал в полов<ине> третьего, все спят, оставлен ужин, будто зимою, какая благодать: неужели оттого, что Вяч<еслав> уехал? Сразу впятеро больше времени и воздух легче. Вот еще Вера, еще более тягостный персонаж.

Август

1 (воскресенье)

Дома. Болит голова. Все сплю. Заехал Судейкин. Прошли в Тавр<ический> сад, какой-то солдат делает ужасающие глазки, 3 арш<ина> вышины. Трогательно. Гимназисты в смокингах, на воздухе это хуже, чем в закрытом помещении. Сергей отправился за militair'ом*, а я домой, где пили рано чай; играл Шуберта и рассматривал Müntz'a, будто Окуловка. Сережа прислал письмо. Лег рано. Как хорошо и свободно.

2 (понедельник)

Был утром у Головина. Масса сведений, дела стоят недурно, но и не чересчур блестяще, можно ли на него надеяться? Так-то крайне мил и доброжелателен, дела все прибавляется. Вечером к Валечке не поехал, а отправился aux pays chauds. Который это «последний» раз? Дома, будто в Окуловке, играл и пел не поздно.

3 (вторник)

Заехал снова к Головину; условились насчет субботы и вторника[1]. В редакции видел Трубникова, спрашивал меня о Белкине, запоздал, голубчик. Гумми ловчился объясняться со мною по поводу футуристов, но отвлекся грызнею Беленсона[2]. Белкин был; Женя поехал к Чудовскому, а Коля к нам обедать. Мар<ии> Мих<айловны> не было дома, так что обедали втроем с Кассандрою; звонил Валечка, и вдруг пришли Судейкины. Я играл и пел; они с проводов Милиоти. При Нувеле присмирели и несколько съежились. Тот был приятнее обычного; Бакст ему понравился; пели еще Даргомыжского. М<ария> Мих<айловна> приехала сердитая по многим

* Военным *(франц.)*

причинам, но потом несколько отошла. Ели ночью грибы с нею[3]. Видаю какие-то кошмары.

4 (среда)

Купил «Сильвию»[4], заказал карточки и книги. Днем мало работал, но вечером хорошо. Прихожу в отчаянье, когда все кончу и получу деньги. «Сильвия» очаровательна. Вечером ее разыгрывал. Никого не было.

5 (четверг)

Приехал Мейерхольд, но к нам сегодня не пришел[5]; сидел дома и переводил. Читал дамам. Кажется, больше ничего.

6 (пятница)

Мейер много рассказывал и о путешествии, и о делах утешительного. Это бодрит. Так как с Сапуновым и Томашевским вышла путаница, а Мейерхольд боялся ехать на пустую квартиру, откуда ему отвечали по телефону, то я отправился с ним. Рассказами о Струкове он так меня растрогал, что я чуть не заплакал. Пили Cerlas'y<?>, болтали, пока не пришла Ольга Мих<айловна>. Дома не долго сидел, но не переводил.

7 (суббота)

Стригся, послал напоминательную телеграмму Головину. В «Аполлоне» был Нурок. Ура, и статья Брюсова печатается, и Женя заведует журналом, и моя о «Весах» Рара очень понравилась[6]. Торопились домой, но Головин надул. Хотели ехать на «Али Бабу»[7], но, заехавши за Судейкиными, там застряли. Серг<ей> Юрьев<ич> запер двери и нас не выпускал, Оленька нездорова, Женя засыпал. Наконец с чемоданами и портфелями поехали прямо на вокзал. Чудная луна и звезды. Дома я еще поиграл и долго переводил, но перевел мало.

8 (воскресенье)

9 (понедельник)*

10 (вторник)

Завтракали у Головина торжественно. Так засиделись и наелись, что решили прямо из редакции поехать в Народный Дом. Заходили Сережа с Наденькой. Первый утром приехал. Я переглядывался с каким-то молодцом в желтой рубашке из министерства.

* Листки под числами не заполнены

Он перед тем, как уходить, мотал мне головою, приглашая, но, во-первых, я был без гроша, во-вторых, некогда было. Женя, заметив, все отзывал меня от окна к коридору<?>. «Борис» грубоват[8]. Без меня дважды был Всеволод, оставив обиженное письмо.

11 (среда)

Утром был Слезкин, очень милый. Я выезжал бриться и завезти Всеволоду письмо. Он пришел вечером; как сладко, как отрадно; конечно, ворчал на меня, упрекал и т. д., но был крайне мил, но ушел рано. Переводил еще[9].

12 (четверг)

Утром поплелся на траме на свиданье театра. Мейер и Томашевский были уже там. Кранц был декоративен в своей альмавиве. Как странствующая труппа, мы отправились осматривать помещение. Довольно мило. Погода великолепна. Попереводив немного, отправился к Головину, пил чай с хворостом и вареньем. Выбирали пьянино, потом он меня провез несколько и поехал заказывать английс<кие> кресла для Жени. Всеволод обедал постное. Потом заставлял меня то читать, то позировать, то играть, говоря, что он «не брит». Даже вытащил меня гулять <по> Таврической, рассказывая о Палладе, о Хольде, о Донете. Сел переводить. Ночевать приехал Сережа поздно. Я сидел очень долго с М<арией> Мих<айловной>, но перевода еще не кончил. Кончу завтра. Меня тревожит, что Головин поссорился с Фокиным, Шаляпиным и Кузнецовой, но будь что будет: он сам знает, что ему полезно, просто волнуется.

13 (пятница)

Поехал в «Шиповник», где Гржебина не было. У Головина завтракал Мейер, играли «Сильвию» и меня, болтая. В «Аполл<оне>» был Гумми с насморком и Сережа, приходил Князев, высокий и милый, беседовал с Женей и потянул меня выйти. Зашли в Казанский собор, где он исповедовался. Все-таки заехал ко мне, где читали «Пролог» и так беседовали. Не обедал. Пришел неожиданно Белкин, и потом Женя с Судейкиными. Это смешно, все посетители — люди, в которых я или влюблен, или был влюблен. Женя не хотел оставаться, хотя, по-моему, опоздал. Вот и перевод кончился. Еще Валечка чего-то звонил днем. Без меня был Слезкин, хотевший придти и вечером, но почему-то не пришедший. Завтра Всеволод обещает быть бритым. Мне нравится, как он склоняет голову, но зачем он ревнует к делам и не ценит меня?

14 (суббота)

Под проливным дождем поехал бриться. Там сидел Арнольди, которого ждал автомобиль. Он возмужал, но стал лучше, чем был в училище. У «Шиповников» большая, пустая еще квартира, служит милый мальчик Ваня, предупредительный и ловкий. Гржебин, конечно, сейчас ничего не дал, показывал мне какие-то векселя. Дома тоже ни копейки. Князев днем не пришел, вероятно, не едет. Пришел Судейкин и Ауслендер, смотрели, как убирают книги, я играл «Сильвию»; будто бездельная деревня. Как-то приятно странно такое шатанье. Князев пришел, но к обеду не приходил, был капризен и ревнив, тащил меня ко всенощной, но я пошел один. Сережа писал в красной комнате. Всеволод скоро вернулся и долго объяснялся, говоря, что я его нисколько не люблю и т. д., но потом обошелся и просил забыть, что [я] он говорил. Показывал книгу кавалер<ийских> форм. За чаем было почему-то весело. Я читал Лескова вслух, а на ночь Сережа мне прочел конец новой главы. Эта его повесть мне очень нравится, возбуждая какой-то милый аппетит к жизни[10].

15 (воскресенье)

Князев пришел милым и каким-то раскаянным. Завтракал у нас. Ездили в «Панораму Севастополя»[11], очень хорошее, бодрое зрелище, и было так приятно ехать с милым, красивым Всеволодом и гулять с ним по Летнему саду и т. п. Дома я застал уже печального Гумми, так как он все равно бы просидел у меня, то я решил поехать к нему обедать. В вагоне сидел очаровательный улан, мне очень хотелось проехать в Павловск за ним на музыку, но поплелись к Гумми, где уже кончили обедать. Поехали за Женей, так как узнали вечер платным и не имели денег[12]. У Зносок внизу сидели и дремали родители, потрясенные нашим появлением. Наверху, в темноте, была молодежь. Женичку похитили и на извозчике покатили втроем. Заехали за Кривичем, он выходил в тужурке, будто помещик, но не поехал, имея гостей. Было грязно и дождливо, темно, дорога уныло тянулась. У Гумми было тепло и уютно, играли в винт и макао втроем. Женя был весел и оживленно рассказывал свою пьесу. Дома уже был Сережа.

16 (понедельник)

С утра писал. Гржебин прислал записку, что только завтра. Черт знает, что такое! Сережа взялся доставить меня в Павловск; я все дурил. Доставлен был в самом жалком виде, в третьем классе, где пьяные орали песни. Встретила нас Наденька, Женя же был дома; пошли за ним, но встретили родителей, я с Сережей скрылись. Приехал и Гумми. Бессмысленно бродили, музыки они не хотели, публики тоже. Так как мы были без денег, то Наденька схо-

дила домой и принесла свои. Тогда пили чай и пошли в кинематограф, там были те же кадеты, что мы видели в Народном Доме. Ехали назад также уничиженно, даже электричество потухло, но было весело. Дома было очень светло, была Кассандра, читали свои рассказы. Почему-то все унижали Гумилева.

17 (вторник)

В таких хлопотах прошел весь день, что просто ужас. Гржебин, конечно, дал только 100 рубл<ей>. Ничего я не поспел сделать; мельком видел в редакции Потемкина и Всевол<ода>, даже с Женей простился кое-как. Наденькину бумагу потерял где-то, поспел только на 6 ½; поехали; в вагоне нападает какая-то меланхолия, и потом слишком вспоминается царствование Сергея Сергеевича. Ходили по коридору вагона: вот один мост, вот другой, вот и станция. Была там сестра, вернувшаяся из Боровичей, вместе поехали[13].

18 (среда)

Мало делал. Все по-старому. Дети, прислуга. Ездил с бонной и детьми к тому же попу в Полищи. На обратном пути собирали грибы, их очень много. Приехавши, застали у нас генеральшу Березкину; у меня болела голова. Вечером все были на собрании, я сидел дома с Лидочкой по-старому, по-бывалому. Играл. Пришла Алекс<андра> Иван<овна> и моя поклонница Маргарита, довольно милая барышня.

19 (четверг)

Ездили на станцию с зятем, я брился. Вечером пришла Ек<атерина> Ив<ановна>; вышел было ее проводить; подходя к дому, увидели во мраке на крыльце какого-то господина, я поздоровался, думая, что это Вишневский, а это оказался Годуновым*. Пришли разные народы, играли в карты. Богоявленский — консисторская крыса, жена его сучит ножками и хихикает. Пели, играли. Ек<атерина> Ив<ановна> вытравила себе волосы. Было невесело.

20 (пятница)

Писал несколько; серо; не выходил. Приходил Годунов и Квасинин меня смотреть. Поехал встречать Женю и Гумми. Ехал назад с Женей. Звезды. У нас была зажжена лампа и сидели Ек<атерина> Ив<ановна>, Годунов и Квасинин. Читали еще мой рассказ. Обсуждали. Поместился с Женей в кабинете.

---

* Так у Кузмина, надо: «он оказался» или «это оказался Годунов».

21 (суббота)

Болит голова, переписываю рассказ. Женя правит корректуры или бегает по саду. Почти до одурения играли в карты. Под вечер гуляли с Женей до Новинок и потом по саду, говоря о его пьесе. Гумми в темноте беседовал с Сережей, жалуясь на мою холодность. Вечером приехали девочки. Все обсуждали церемониал завтрашнего дня.

22 (воскресенье)

Поехали с Женей на станцию встречать Наденьку. Подали лучшие экипажи, торжественно и волнующе, отвезли нас в приезжую. Сережа с невестой до венца не видались. Поминутные рейсы между домами, я оставался с Сережей. Ехал я с Женей на линейке. Мы незадолго приехали до нев<есты>, так что, пока делался обыск у диакона[14], Наденька уже прошла к священнику на дом. Кажется<?>, поп вместо жениха встретил меня в церкви. Было торжеств<енно> и трогательно. Присутств<овали> Ек<атерина> Ив<ановна>, Шотц, доктор, Годунов и Квасинин. Попы приехали к нам, все было хорошо до ужина, когда сестра, вступая в свои права и со свойственною ей прямотою, объявила: «А ты, Варя, садись между Годуновым и Евг<ением> Алекс<андровичем>», прогнавши с места Гумми и против чина. Я надулся, и еще более, когда Женя не хотел со мною пить однажды. Так я надулся и вышел на балкон, отказываясь петь и играть. Ко мне пришел Годунов объясняться, сестра хмурилась, выходила и милая Ек<атерина> Ив<ановна>. Девицы и братья пошли в тот дом; оставшиеся танцевали. Объяснился с Женей, поцеловались. Он уговаривал меня ехать сегодня же, Наденька тоже, но я остался и хорошо сделал, так как на станции, откуда ни возьмись, явился Сабуров и увлек Женю в темный вагон. Возвращался втроем с Варей и Годуновым, тихо и мирно беседуя. Под предлогом, что я могу упасть, Годунов предложил мне держаться за веревку с его стороны, положил свою руку зачем-то на мою и так ехал, печально и оплаканно.

23 (понедельник)

Днем сидели дома. Вечером ходил к Степановым. Затащили меня в дом, где я капризничал, в читальне недвижимо и оскорбленно сидел Годунов, с которым утром сестра о чем-то объяснялась. Все пошли провожать Томк<евичей>*, но я пошел домой.

---

* Кузмин пишет «Тамкевичи», «Тонкевичи», «Танковичи», «Танкевичи». Поскольку установить правильное написание этой фамилии не удалось, авторские варианты сохранены.

24 (вторник)

Ходили в горы за грибами, с Добряковыми. Томкевичи отгласили. Зашел в читальню, где обрел Юл<ию> Вас<ильевну>, с нею направился к Ек<атерине> Ив<ановне>, пели и сплетничали. Вернулись еще в дом, где собрание не разошлось. Ек<атерина> Ив<ановна> зашла к нам; говорили об оккультизме, о масонах и т. д. Как скучно! Что-то милый Женя?

25 (среда)

Заходили к Ек<атерине> Ив<ановне> и втроем гуляли на Комыку. Тихо. Телеграмма от Мейера. Уговаривают остаться, может быть, это неблагоразумно. После обеда пошел к Степановым. Ник. Ал. сердит и грозен. Потом обошлось. У Томкевичей был целый цветник дам. Скучно. Играл с Чезаре. Все поехали провожать Марг<ариту> Эдуардовну. Я же еще играл. Вернулся поздно. Еду ли завтра?

26 (четверг)

Решил остаться. Зачем? Я не работаю, не отдыхаю. Ездили на Лихую кручу за грибами. Я с Ек<атериной> Ив<ановной> мирно беседую, она просила меня ухаживать за нею в воскресенье. Пили чай у Самсона. Тихо. Вечером побрел на репетицию и в читальню. Годунова предусмотрительно засадили суфлировать. Сидел с Ек<атериной> Ив<ановной> на сцене, симулируя ухаживанье. Пошли к нам. Анта выбирала ноты. Мы играли в карты. Ек<атерина> Ив<ановна> сидела около меня. Провожал. Ванда еще на дороге мылила голову ветреному Цезарю.

27 (пятница)

Что было, не помню. Бобка разболтал Ек<атерине> Ив<ановне> секрет и потом от нее прятался за рекой. Лидка собрала ему белье, хлеб, воду и двугривенный. Конечно, кто-то из ребят ввалился в воду. Ходили за грибами. Вечер<ом> был у Томкевич<ей>, он имянинник. Репетировали долго. Меня вызвали устраивать переезд из Сережиной комнаты в кабинет. Приехали и молодые, какие-то усталые. Разговоры о Москве. Не встречали их. Девочек не хотят пускать. Зять завтра едет скандалить.

28 (суббота)

Писал хронику[15]. Молодые репетируют. Едем <в> понед<ельник> днем. Вечером сестра хотела позвать к нам пить чай, но пришла только Екат<ерина> Ив<ановна>. Ждали долго, гадали, но дев<очек> не отпустили. Сестра в отчаяньи и не скрывает этого.

29 (вторник)

Ездили на станцию весело, бриться и за покупками. Пришли к нам Рысьев с Шурочкой. Визиты делали втроем, а в городе будем делать и вчетвером. Были у Танкевичей, Добряковых, Венедиктовых. Вечер сошел хорошо. Наденька хорошо читала, еще того лучше играла. Официальное положение ухаживателя за Ек<атериной> Ив<ановной> мне несколько мешало. Гулял в саду с Годуновым: старая история. Варя запретила ему даже разговаривать со мною и т. п. Он тверд и нежен. Это меня трогает. Кажется, наши исчезновения производили сенсации. Хочет приехать в Петербург, куда переводится его брат. Дома все меня ласкали и звали скорей приезжать и т. д., кроме сестры, которая все-таки надулась. Утром я был еще обижен, не получив письма от Евг<ения> Ал<ександровича>. Завтра увижу Женю, встретит ли только он нас?

30 (понедельник)

Сестра нас провожала. Ехали очень весело. Женя, конечно, нас встретил, и подруга Наденькина. Пили вино. На крыльце<?> попали в объятия Ведринской и Попова, начинается жизнь. Здесь Кожебаткин, ждет меня для дел «Мусагета»[16]. С Женей поехали, не завозя корзин, за билетами на «Самоуправцев»[17]. Дома еле пообедал и переоделся под воркотню Кости и помчался ко второму действию. Очень плохо. Залучивши Кожеб<аткина>, поехали к Лейнеру, [затем] где были Всеволод и Озаровский, потом нас не пустили в бар, не пустили в «Ниццу», так как нас трое, а не двое, и, наконец, на автомобиле достигли мы «Hôtel des îles», где и сидели до 8-го часа. Возвращались при высоком уже солнце. Я очень люблю Женю, но смущает меня его возобновленная дружба с Сабуровым. Дома уже вставали.

31 (вторник)

Болит голова слегка. В редакции были Гумми, Ауслендер, Потемкин и Кожеб<аткин>. Женя обедал у нас, веселый и милый, уютный. Поехал к Мейерхольду, где уже были Головин и Шервашидзе. У Чичагова очаров<ательный> мужской чай, беседа комплотивного* характера, искусство и интриги, отлично. Только бы вышло. Вот жизнь. Головин весел и бодр, я будто пьян делами. Ал<ександр> Яковл<евич> отправился в театр, я же с Мейером к Жене, у него действительно отлично, очень хорошо, просторно, светло, книги, пьянино, портреты Канкрина. Дома одинокая Марья Мих<айловна> цукала меня за Брюсова[18]. Завтра работать.

---

* Заговорщицкого (от *франц* complot «заговор»)

Сентябрь

1 (среда)

Мне очень хочется переехать от Ивановых. Я знаю, что это будет страшная обида для них, но мне кажется это благоразумным. Ходил подписываться на афиши[1]. Так как я считал, что еще слишком рано, зашел к Мейерхольду, где никого не было. Какое счастье, что из окна видна улица. Эскизы Головина отличны. Был еще Мейер, Чичагов и директор[2] с каким-то военным. Получил заказ на перевод «Электры»[3]. Всев<олод> Эм<ильевич> потащил меня к себе, где мы обедали. Потом пошли к Томашевскому. С Поповым ерунда какая-то, долго спорили, разошлись; Мейер в читальню. «Годунова» предусмотрительно <отдали> Беляеву[4], я к Жене, который ждал меня. У Толстых очень большая квартира, но было почему-то не очень весело. Были Судейкины, Потемкин, Чулков, Гумми, Белкин и мы. Читали кое-что. Чулков говорил, что Бенштейн хотел бы меня в «Журнал для всех»[5]. Вернулся к унылой М<арии> Мих<айловне>. С трепетом думаю о возвращении Вячеслава.

2 (четверг)

Что было? Кажется, ничего. Сидел дома. Заехав за Женей, отправились к молодым. Там был гардемарин Васильев и какая-то подруга. Уютно, но тесновато, сидели не очень долго. Я приучу Женю видеть меня ежедневно.

3 (пятница)

Был у Попова и Ведринской. Книги меня пленяют. В «Аполлоне» еще никого не было. Я правил корректуры, потом явился Женя. Был Врангель. Я ушел рано, потом собралась куча народа. У Томашевского было весело и богемно; пробовали певиц. Приехал Сапунов. Мейер пошел со мною к Головину обедать. «Электра» уже приобретена. Играли «Сильвию»; затем Ал<ександр> Як<овлевич> пошел в театр, я же к Жене. Он читал свою пьесу, играли, болтали, дивагировали мирно и уютно.

4 (суббота)

Денег ни гроша, не знаю, откуда и добывать. Еле выбрился. Утром неожиданно приехала сестра. Они сегодня будут в театре. Женя обедал. В театре было славно, хорошо и нежно. Пьеса скучновата, но разыграна безукоризненно[6]. Яснейшие звезды и луна, опять, как встарь, мечты о какой-то Вероне. Женя заезжал еще к нам чай пить.

5 (воскресенье)

Был у Томашевского, где решили ехать в «Аквариум». У Сережи застал одного Женю, с которым направился было в пустой «Аквариум». Оттуда к Палкину, где сейчас же попали в объятья семейства Зносок. Мило бесед<овали>, я провожал Женю. Почему-то был невесел, ах да, обедал я у Паллады, которая уговаривает меня поселиться у нее.

6 (понедельник)

Сидел дома. Зашел Чулков, я вышел с ним и поплелся к Валечке, откуда к Сомову. Там все как-то подкисло. Назад шел пешком.

7 (вторник)

Был в редакции. Не обедал. Была куча народа. Потом у Томаш<евского> смотрели актеров. Пошел к Жене, который догнал меня, идя домой. Ауслендеры пришли с Тилькой. Слушали пьесу, были закуски, Женя как-то торжествовал.

8 (вторник)

Писал рассказ. Женя приехал до обеда, я писал, он сидел. Поехали к Головину слушать «Лакмэ»[7]. Были какие-то чинов<ники>, потом Сапунов и Толстые, все отправились к Лейнеру и вызвали Всеволода. Было весело, оба мордоворота в неприкосновенности. Женя, вдруг вспомнив, что он говорил про системы ухаживаний, сказал, что на него никакие системы не действуют, так как он человек установившийся. Я, конечно, разобиделся. Поехал еще в бар с Сапуновым, где были почти одни девки, и вернулся на лихаче домой.

9 (четверг)

Встал без Katzenjammer*. Писал рассказ. Погода отличная. Обед у Толстых, где был Чулков, ведший со мною разговоры о христианстве. У Томашевск<ого> был Всеволод и Потемкин. Сапунов, как и сказал, не пришел. Кончили рано, пошел к Жене, но его не застал, так как приехал Papa Mako и утащил его обедать. Но потом это оказалось неверным, а он просто с Гумми просидел в редакции и потом у Доминика и дома. К Толстым я приехал рано и писал стихи. Женя был мил после вчерашнего. Шли долго пешком.

10 (пятница)

В редакции Жени не было, ждали, ждали его и не дождались. Обедал с Потемкиным, служил нам Александр. В одиннадцать опять к Томашевскому, так что от Нурока, где был и Валечка,

* Похмелья *(нем.)*

к Ауслend<еру> я не попал. Куда мог деться Женя, хотел бы я знать? Papa Mako приехал, искал его и не нашел.

11 (суббота)

Пришли Сережа с Наденькой, бывшие и у Жени. Он был в Териоках, по-моему. В редакции он был и С<ергей> К<онстантинович>. «Шиповник», разумеется, мне ничего не дал. Погода отлична. Зашел к Юргенсону. У Томашевского собрание не состоялось, так как были актеры и Потемкин. И обедать со мною и Женей отпр<авились> Потемкин, Мейер и Томашевский. Мордальоны служили нам. Потом был я на 9<-й> л<инии> долго и убежденно. Вернувшись в нашу конуру, еще долго беседовал.

12 (воскресенье)*

13 (понедельник)

Заехал в «Аполлон» за Женей, и отправились в Царское. Была куча народа. Играли в карты, я выиграл. Женя ухаживал за Тявочкой, но не чрезмерно. Ехал назад с Чудовским, который что-то выяснял.

14 (вторник)

Был в редакции. Женя у нас обедал. Читал ему начало «Пролога»[8], потом он поехал в собрание, я же к Валечке, где, посидев, поехали к Лейнеру; все мордальоны были заперты в комнате, где пили какие-то студенты, которых нам не показывали. Ходили еще по Невскому.

15 (среда)

Днем никуда не ездил. Только к 5 часам прошел к Томашевскому, где сокращали Донаньи[9], но ни Сапунова, ни Мейера не было. Вечером, не обедавши, отправился к Ауслендерам, куда пришли Женя с матерью и Морозова. Он читал свою пьесу, девицы болтали невероятный вздор. Женя был не очень в духе, и я уехал рано. Мне кажется, я заболеваю. Письма от Князева трогают и беспокоят меня.

16 (четверг)

Дождь как из ведра целый день. Стригся. В «Аполлоне» мирно беседовал с Женей и С<ергеем> К<онстантиновичем>; театр, кажется, последнему импонирует; просил заходить. Теперь мне нужно разрываться. Головин относительно директора ничего не телефонировал. Обедал Женя у нас и отправился к териокской кра-

* Листок под числом не заполнен

савице, я же поплелся к Томашевскому. Мейер и Сапунов приехали поздно, так что мы засиделись до трех часов. Потемкин почему-то денег не принес, хотя днем был у Томашевского и, по-моему, интриговал, чему неловкие доказательства дал и наш антрепренер. Дома М<ария> М<ихайловна> еще не спала и беседовала со мною.

17 (пятница)

Чудовский со мною еле кланяется: какая муха его укусила? В «Аполлоне» был Гумми с седлом. Женю очень долго ждали. Пошли обедать втроем и потом на негритянскую оперетку, оказавшуюся вздором[10]. Сначала было весело, но потом Потемкин и Гум напились, последний удалился в Царское, первый же безобразничал, приставал к дамам, Уточкину, Юрию Беляеву и т. д. Наконец, на Невском показывал всенародно свой член[11]. Все это было достаточно безобразно и отнюдь не весело. Провожал Женю до дому. Пишу мало.

18 (суббота)

В редакции то же. Чудов<ский> сердится. Женя в нерешительности, идти ли к Головину. В театре было темно, холодно и бесчинно[12]. Поехал в уборную ко Всеволоду, поел бутербродов, говорил с Озаровским. У Головина уже были Лукомский и Женя. А<лександра> Я<ковлевича> я мало видел. Женя поехал к [своим] Сереже, которые меня не звали. К Палладе не поехали, а отправились ужинать к мордальонам.

19 (воскресенье)

Билеты привез Марк в разные места. Днем приходил кадет, мол<л>юска несколько. Болела ужасно голова. Отвозил билеты Жене и заезжал за ним. Балет был мил. Ужинали у Лейнера с Сомовым и Валечкой, отлично беседуя. Провожал Женю. Я болен и без денег.

20 (понедельник)

Стригся. Извозчик, с которым я раз уже ездил, убеждал меня кататься с ним. Женя несколько надут; хотел рано лечь спать. Заседание было из бурных, Томашевский даже разбил электр<ическую> лампочку. Потом приняли Кузнецова, милого актерика, и двух еще. Выясняли эпизод с Кранцем. Сережа телефонировал, зовя на «Трех сестер». Женя что-то говорил. Поехал опять за кулисы и получил место в ложе. Черт бы побрал Чехова! какая мразь![13]

21 (вторник)

Был и в редакции, и в «Интермедии». Направил<ся> к Лейнеру вместо Трубникова, откуда пришел рассерженный Валечка.

С ним и с Сапуновым отправились на Гагаринскую, где я пошел в один номер, Валечка же в другой, где смотрел Сапунов[14]. Было по-бардачному весело. Вылезли в 6 час. утра. Дементий очень мил и весел.

22 (среда)

Редакция. Был в «Доме»[15], оттуда пошли к Головину, которого не было. Поплелись к Лейнеру и потом с Мейером на 9<-ю> линию, где он взял Михайлу, я же Семена. Было очень мило и уютно. У Лейнера был также Валечка. Мейер сообщил мне, что Фокин против меня и что Лядов и Ремизов будут писать «Кикимору»[16].

23 (четверг)

В «Аполлоне». Заезжал в «Дом» предупредить, что в 11 будем у Лейнера. Обедал Женя у нас, к Толстым поехали вместе. Там этот дурак в гетрах читал свою «Массу»[17]. Торопился. [Все уже были] Был только Мих<аил> Мих<айлович>, переменили место к Алексею. Говорили определенно о плате. Ответ после сметы.

24 (пятница)

Редакция. Устаю. Было заседание. Пишу пастораль[18]. Ухаживаю за Кузнецовым. Обедали с Колей в «Вене». Слушал «Ромео»[19], делая какие-то дела со Стеллецким.

25 (суббота)

Был в редакции. Устаю. Из театра пошел обедать с Сапуновым и Потемкиным, откуда мне не хотелось домой, так как наши были в театре, а Саша наверное пьяна. В театре никого не было, искали под дождем Томашевских, которых нигде не было, ни у Лейн<ера>, ни в «Вене», ни дома, Валечки тоже. Пошли к Бернару, где проскучали до 1 часу.

26 (воскресенье)

Хотел остаться дома, даже не брился, но каждую минуту был вызываем по телефону. Приходил Иванов, он все-таки сопля какая-то. Женя звонил, что Тявочки сегодня нету дома и что он приедет обедать. Мейер звал читать пьесу в 10 час. Женя сидел у нас и поверял мне свои романы; кажется, проехало. В [Лейнере] театре чтения не было, а заседали бурно. Во втором часу поехали к Лейнеру, где уже ждали нас Пот<емкин> и Арап<ов>, заняв стол Алексея. Конечно, я с последним мандил вовсю.

27 (понедельник)

Утром читал все. Приходила Кассандра, будто весть из другого мира. Стригся с удовольствием. Отличная погода. Нико-

лай завел какой-то флирт. В редакции был только Рара и Стеллецкий, потом Добужинский, еще кто-то. Мне всегда неприятно, как Маковский отзывается о Головине[20]. Звонили Ауслендеры, чтобы мы пришли к ним, хотя сами зайти в редакцию, но я их не дождался; в театре шла «Бешеная» и «Ревнивый»[21]. Просили в 11 к Лейнеру. Обедать поехал домой с Сережей. Ждал его в этом воровском месте, около Волковыского, где ко мне пристал какой-то субъект, прося «деепричастия». Дома узнал, что был Князев и что приехал он на месяц. Что это означает, не знаю. Я был более удивлен, нежели обрадован. Он будет брать массу времени. Заезжал к Жене, но его не было дома и явился он уже <в> 10 ¾, когда мне нужно было ехать. Сережа читал мне конец прежнего и начало нового рассказа. У Лейнера были Том<ашевский>, Сапун<ов>, Арап<ов>, Потем<кин> и Мейерх<ольд>. Служил, конечно, Алексей, гордо, почтительно и нежно; очень приятно. Спорили, разумеет<ся>; Головин делает вид, что сердится на меня за доверие к Бенуа. Не знаю, укрепит ли это нашу дружбу.

28 (понедельник)

Утром Головин вызывал меня к семи часам. Я никому не доверяю: ни ему, ни Мейерхольду, ни даже Сапунову. На пробу, разумеется, явился Потемкин; когда он поймет, что это по меньшей мере бестактно. Спешил к Головину. Он сидел в драной норвежской штуке. Пили чай, говорили о делах. Успокоил меня, насколько мог. Опять загорелось во мне что-то. Пошел наверх слушать «Травиату»[22]. Затем с Колей к Лейнеру, к Алексею.

29 (вторник)

Не был в редакции, на заседании был надут. Я еще надут, так как Хованская объявила, что Кузнецов — ее жених, чтобы дразнить меня. Заехал за Валечкой, приехал домой, играли Делиба. Явился Всеволод блистательный, написал теперь уже прямо мне стихи прелестные. Болен он еще с весны, схвативши у Паллады триппер. Сконфужен и мил. Вал<ечка> был прост и уютен. Проводив Всеволода, отправ<ился> к Лейнеру, где обрел Вал<ечку> и Сомова. Было не хорошо; сидели в зале, в нашей комнате было темно. Алекс<ей> явился поздно и меня не замечал. Рядом сидели маленькие балетчики. Досадно мне что-то было. На старых друзей, вероятно.

30 (среда)

Деньги оказались грошами из «Дэнди»[23]. Целый день чит<ал> Арцыбашева. Заезжал к Толстому насчет театра. Он завел перепищицу, вроде Сологуба. В «Интермедию» приехал раньше репетиции. Дулся. Поехал домой писать пастораль, что и сделал.

Октябрь

28 (четверг)

Боже мой, целый месяц опять пропущен из этой бедной и драгоценной для меня тетради. А между тем сколько здесь произошло, весь блеск и вся трагедия нашего театра, любовь к Кузнецову, приезд Князева, работы, надежды, разочарование, деньги и безденежье. Москвичи, ссоры, дружбы. Я теперь с Ник<олаем> Дмитр<иевичем> всех и всё растерял. Но сегодня я так счастлив, так успокоен, хотя никаких причин к этому не имею. Целый день, с оттепелью, голубым небом, солнцем, сижу дома. Из театра тревожные вести, Воробьев забрал костюмы, Хованская больна, спектакля не было. У меня сидели Ауслендер и милый Кузнецов; он сидел долго, хотя балетчик ему и не понравился. Болтал, как чиж, милый. Я провожал его до сестры. Вернувшись, застал Ал<ександру?> Никол<аевну Чеботаревскую?> и Сергея. Но счастлив я безмерно, и не к добру.

29 (пятница)

Репетиция была «Шарфа». Я заезжал за Ник<олаем> Дм<итриевичем>. Уехал раньше, чтобы вернуться к Милиоти, но Всев<олод> меня вызвал к себе, а Кузн<ецов> отправился к сестре. Оказалось вздором, Кузн<ецов> заехал, и мы отпр<авились> к Милиоти, там Кузнецов вел себя ко мне очень милым. Пошли к Головину, но поспели в «Интерм<едию>», где собирались бить Бончу. Ник<олай> Дм<итриевич> хотел вернуться, но надул. Ехал я злой и один.

30 (суббота)

Н<иколай> Дм<итриевич> не приехал. Вчера у сестры перепился и не мог ко мне попасть. Говорил по телефону с его сестрой. Он хочет меня с нею познакомить. Я был бы очень рад видеться с ним еще и там. Был Валечка и Женя. Танцевала Гейнц[1]. Коля не выходил в зал к неудовольствию Нувеля. Ехал довольно сердито, с похмелья, должно быть.

31 (воскресенье)

Стригся. Кузнецов приехал поздно; обедал при нем. Был мил и даже в театре продолжал быть милым. Народу много. Уехали не очень поздно. Не пил, публично заявив, что до 8-го не будет пить. Вчера Вреден назвал его всеобщим фаворитом, на что тот справедливо разобиделся. Заезжали к Смоличу, кого не было дома, Кузнецов хотел поехать ко мне, но постеснялся.

Ноябрь

1 (понедельник)

Заезжал за Кузнецовым. Подарил он мне свой портрет. Ехали весело. Все довольны репетицией. Беззаботность невероятная. У Альбова стащили пальто. Мне не нравится симпатия Н<иколая> Дм<итриевича> к Шарову. Впрочем, кому не надоест такой хвост, как я. Провожал его еще к сестре пешком. Вечером не поехал, а переводил «Электру», глядя на изображ<ение> Н<иколая> Дм<итриевича>. У Вячеслава были какие-то уроды, я так устал от всего, запустил все, что только возможно. Сидел долго, мирно и спокойно.

2 (вторник)

Опять заезжал за милым Кузнецовым, но репетиции не было, так как Всеволод заболел. Приходил Ауслендер, какой-то обшарканный. Он же был и у Мейерхольда, куда мы отправились. Посидели немного и направились в «Аполлон», смотр<еть> портрет, не понравившийся Ник<олаю> Дм<итриевичу>[1]. Завез его к Смоличу, сам же направился домой. Поехал к Головину; разные новости. С Сапуновым поехали в «Интермедию». Когда мы сидели за ужином, я говорил, что прочту пьесу раньше Всевол<ода> Сапунову и Кузнецову, на что последний сказал, что «его это менее всего касается». Я разобиделся и на извозчике стал разводить тесноту. Тот обижался и, как потом сказал, хотел ночью ехать браниться со мною, как я мог заподозрить, что он не интересуется моими вещами.

3 (среда)

Не думал ездить, но поехал на репетицию, заехав за Н<иколаем> Д<митриевичем>. Приняла меня его сестра, совершенно обаятельная особа, не только как сестра Н<иколая> Д<митриевича>. Звала меня к себе с ним. Какое счастье! и раз она его любит, значит, хороший человек. Пили чай с конфетами свежими и печеньем, как хорошо! Пошли весело к Рейтер, но там уже никаких плакатов не продается. В «Интермедии» опять не было репетиций. Вернулись вместе, я говорил с Альбовым. Очень дружно и мирно ехали домой. Милый, милый. Вечером писал музыку к «Бешеной семье», неохотно, но быстро. Вячеслав был у Аничкова. Вчера у Городецкого был какой-то дурацкий вечер с увенчанием, Сологуб ворчит, Толстой шипит, но я как-то отошел ото всего этого. А перевод-то, перевод!

[4 (четверг)] 4–20

Опять большой пропуск. Когда много случается, редко можно записывать. Пишешь только в деревенской тиши. А столько про-

шло. Любовь моя крепка и все усиливается. Н<иколай> Дм<итриевич> не говорит «нет». Скандал в «Интермедии» я так хорошо помню, что скучно писать[2]. Выбор нас, чтобы поехать в Москву, ужины с Потемкиным и Хованскою. Поехали несколько уныло. Н<иколай> Дм<итриевич> капризничал, не хотел ехать и т. д., денег дали мало, но потом все уладилось, и уже на вокзале было отлично.

14 (воскресенье)

Какое счастье жить с Кузнецовым в одной комнате, обедать, чай пить, ложиться спать, вставать вместе! Но целый день прождали Брюсова, уныли и разгулялись только после ужина, где были Рябушинский и Кожебаткин. Утром были у Познякова, он и обедал с нами. На лекцию Соловьева не пошли[3].

15 (понед.)

Зашли в театр. Вызвали Ликиардопуло и Ракитина. Завтракал Поляков. С ними поехали в Кружок[4]. Брюсов принимал важно. Вечером были в «Праге» с мусагетчиками.

16 (вторник)

Не помню, что было утром. Обедали в «Эрмитаже», поехали на «Карамазовых» — скука[5]. Вечером были Ракитин и Кожебаткин у нас, ужинали. Н<иколай> Дм<итриевич> долго и нежно объяснялся.

17 (среда)

Репетиция «Орленка»[6], много знакомых. Обедали Полян<ов>, и Кожебаткин, и Позняков. Спешили на «Снегурочку»[7]. Вечером были одни.

18 (четверг)

Пришел Барановский, когда мы еще спали. Я поехал к Брюсову; там мирно и славно. Потом изнывали, пошли все-таки в «Эстетику»[8], улизнув раньше, направились в «Прагу» с Сомовым и Ракит<иным>, где пили «Irroy». Н<иколай> Дм<итриевич> повеселел. Рябуш<инский> рассказывает, что я приехал в сопровождении молод<ого> человека редкой красоты, сплошь усыпанного брильянтами, и теперь Носова хочет выписать на вечер не только меня, но и Н<иколая> Дм<итриевича>[9]. Я ходил еще в «Скорпион».

19 (пятница)

Получили деньги. Бродили по Москве, en faisant des emplettes*. Обедали одни. Рак<итин> и Кожеб<аткин> нас прово-

* Делая покупки *(франц.)*

жали. Не знаю, больше ли привык ко мне Ник<олай> Дм<итриевич>? Ехали снова отлично. Я его все крепче и крепче люблю, хотя он человек не совсем надежный, особенно по отношению ко мне.

Декабрь

4 (суббота)

Не знаю, как наладиться со своими делами. Все заброшено, весь издерган, без денег и без надежды на их получение. Весь в «Интермедии», а главное, разумеется, в своей любви к Ник<олаю> Дм<итриевичу>. Идет дождь, поехал к мосоловским библиотекарям, довольно скучные ребята. Ник<олай> Дм<итриевич> был дома, была М<ария> Дм<итриевна> и Кропивницкая. Обедал у него вдвоем. Так мирно. Он привыкает, любит ли? И поехали вместе. Женя растерян, все считают провалом, ни одного хлопка, за кулисами зудят[1]. В час уже не было ни одного человека и все было темно. Ехали с Коленькой довольно печально. Дома был еще Блок у нас в гостях[2]. Скучно, как скучно. Надобно работать как следует[3].

13 (понедельник)

Было только собеседование по поводу маскарада[4]. Кузнецов опоздал, но сидел со мною и был мил. Он, по-моему, влюбился в Голубева; глаз с него не спускает. Ехали домой вместе. Вечером в театре народу меньше чем ничего. Всеволод сердит, придирался ко мне и обижал меня. В уборной контемпляция* Кузнецовым Голубева мало меня успокаивала, и я, выйдя, чуть не расплакался при Альбове, чем он, кажется, был импрессионирован. Возвращался с Ник<олаем> Дм<итриевичем>, который был суховат.

14 (вторник)

Сидел дома, не вполне здоровый и отчасти обиженный. Н<иколая> Дм<итриевича> оштрафовали[5]. Бездельничал, не писал. Вечером, совсем не ко времени, пришел С. С. Позняков, который добивался ласк. Удивительно, как все отлетело! Милый Н<иколай> Дм<итриевич>, в нем, как в чистой воде, можно омываться и черпать свежие, все свежие силы. Вернулись наши с соловьевского вечера[6], так без дела и проваландался. Как быть с деньгами, не знаю.

* Созерцание, рассматривание (от *франц* contemplation)

1911

Январь

1

Это ужасно, что этот год, столь чреватый событиями, записан с такими лакунами. Теперь буду писать безотлагательно.

Вернувшись в 2 часа дня с опустошенной, но покорной (ой ли?) душой, без гроша, лег соснуть. Солнце светило, шел народ, когда я вез Ник<олая> Дм<итриевича>, а он валился. Боже, отношения ко мне, встреча со Всеволодом, дружба с <Н.> Позняковым, визиты к Валечке, влюбленность в Голубева, — что, что это может мне сулить? На что надеяться? Тепло в комнате. <Н.> Позняков телефонировал от Ник<олая> Дм<итриевича>, что они не приедут, что завтра, а сегодня вместе в театр. Теперь уж они вместе. У меня не выходит из головы ругань, что была в «Ницце». Какой кошмар. И это Ник<олаю> Дм<итриевичу>-то, ангелу, принцу?! Ужасно. Проводил время по-домашнему, будто у сестры, играл с Вер<ой>, Лид<ией> и Ивойловым, пел русские песни. Потом сидели долго, читали «Д<он> Жуана», но было уже похуже. Вяч<еслав> бранил «Высокое искусство»[1].

2

Ясно, морозно. Прислали денег. Приходил скучный кадет. Я как во сне. За что меня так оскорбляют? Покупал кое-что к после обеду. Куда все подевались? хотелось бы в церковь, в баню, в деревню. У Черепенникова узнали меня почему-то. Давние времена. Нужно писать скорее. Первый пришел Бородаевский. Но пришли и Коленьки: они теперь неразлучны, вчера были у Лейнера. Je flaire*, что

---

* Я чую *(франц.)*

Валечка при чем-то тут. Но Н<иколай> Дм<итриевич> был очень мил и даже целовался, здороваясь. Я укротил свое сердце, но часто трудно бывает видеть чужие влюбленные взоры. Но сладко сидеть с Н<иколаем> Дм<итриевичем>, хотя он был обескуражен, будучи разделен с Ник<олаем> Ст<епановичем> мною. Уехали вместе, меня не звали, а сговаривались 4-го к Марье Дмитриевне. Я сидел еще с Бородаевскими, потом все ушли, укладывал Костю спать, читал Лескова, писал что-то тихо, мирно и ах как безнадежно. Укротись, мое сердце. Приехали от Безобразовых какой-то милый москвич и Блок в маске. Мы долго его не узнавали[2]. Скучно, скучно, скучно.

3

Болела голова. Встал поздно. Писать, писать. Заехал к <Н.> Познякову, тот опасливо нелюбезен. Сидел Беляев, толковал со мною. Я заехал в «Интермедию», где репетиция не состоялась, хотя Вс<еволод> Эм<ильевич> и приезжал. Поехал вместе с Ник<олаем> Дм<итриевичем>, который все не может переварить моего письма и, что называется, отшивал меня. Дома приехал Сапунов, сидел долго, и спал, и чай пил, в комнате тепло, собираются в маскарад[3], но я не поехал никуда.

4 (вторник)

Пригласили в Москву читать. Согласился[4]. К М<арии> Дм<итриевне> поехал один. Коля Сап<унов> был уже там, потом приехали те. Было мило. Я с Сапун<овым> еще оставались; хотел поймать Головина, но не мог. Вернулись в «Интермедию». Там полный разгром[5]. Шпис ушел, аккомп<анируют> Бог знает как, Хованская в истерике, буфета нет, Давыдов сидит. Рано ушли. Поискавши еще Головина, попал домой.

5 (среда)

С утра отправ<ился> к Головину. Одно место достал[6]. Дивная погода и сочельник. Мир сходит ко мне, радостный и печальный, я совсем болен. И какой стыд, мне страшно показываться куда-нибудь, но я помню, что говорил в Москве мне Ник<олай> Дм<итриевич>, и не забуду этого. Читал Пролог, молился. На репетицию не поехал. Дома были Бородаевские, гадали, пели, что еще? Никто мне не звонил. Как грустно и хорошо (правда ли?).

6 (четверг)

Я до сих пор не в силах обнять умом и сообразить всю важность того, что происходит со мною. Окончательно отвергнутый (не всеми ли?) как художник и любимый только запоздалыми мос-

квичами или неопытными юнцами, я и в частной жизни, по-видимому, терплю колоссальное и последнее крушение. Кто друзья: «Аполлон», наша прошлогодняя компания, «современники», «Интермедия», Имп<ераторские> театры? нет, нет и нет. Запутанный денежно, отшитый Ник<олаем> Дм<итриевичем>, о котором я не могу вспомнить, так сердце обливается кровью, — какое мне прибежище, кроме монастыря? как идут мои дела? смешно говорить. Утром было веселое солнце, потом скрылось. Зашел к Бородаевским, пил чай, на столе у него книжечка о Ефреме Сирине, разговоры полумосковские, полупровинциальные, успокоительные. Вера и Лидия едут с ними[7]. Приехавши, узнал, что никто мне не звонил и ничего подобного. Сережа, Женя, Валечка, Толстые, Судейкины — всех, всех растерял. Я считал, я 23 иконы продал, а сколько книг? Грешно и весьма глупо: где я теперь соберу их? Карточка Ник<олая> Дм<итриевича> укором и насмешкою стоит передо мною, а он неужели не вспоминает, так и папильонирует*? не верю, нет. Звонил Женя, сговариваясь на «Бориса», говорил мирно и дружески. Были на «Ж<изни> за Ц<аря>». Хор и солисты на коленях пели гимн перед царем[8]. Головина не было. Потом ужинали у Лейнера.

7 (пятница)

У Марьи Дм<итриевны> был Тягельский с охоты, привез налимов. Говорила мило: приглашала к обеду, к Н<иколаю> Дм<итриевичу> не ходила, не в духе он. Выставка не из важных[9]. Без меня звонил Кузнецов, увер<яет>, что и вчера звонил, жалеет, что не ходил с нами на выставку, хотел приехать сегодня или завтра; решили на завтра. Сидел дома, писал, думал, спал, читал. Бодр<ее> стал: он не уйдет навсегда.

8 (суббота)

Брился. Заезжал Мосол<ов>. Пришел Ник<олай> Дм<итриевич>; рассказ ему понравился; пил чай, рассказывал про свои кутежи и роман с Голубевым. Penso che non c'e pericolo sono troppo idilliche questi signore!** Сидел дома; была Беляевская, читала свои воспоминания. Она молодец: маленькая и смелая, среднее между Юлией Гавриил<овной> и Лидафьей.

9 (воскресенье)

Что было? сидел дома. Оттепель. Мосолов заехал, чтобы везти к Лозинск<ому>. Долго и весело обсуждали приглашения и

* Порхает (от *франц* papilloner)

** Думаю, это не опасно эти господа слишком идилличны! *(итал.)*

разделения. Там мило. Дома читали «1001 ночь»; была Кассандра? Что еще? не помню.

10 (понедельник)

Денег ни гроша, писал хронику[10], стригся, заехал в «Аполлон», где был только Женя и Сережа. Пошел пешком к Ник<олаю> Дм<итриевичу>, он был в духе и весел, болтал о «Интермедии», <Н.> Позняков в него влюбился и признался, по-видимому. Н<иколай> Дм<итриевич> посматривал ласково-кокетливо, и не знаю, нарочно или нет, все стучал ногой по моей, вспоминал Москву, мечтал о московском деле и т. д. Ехали также весело. В театре ни Головина, ни Мейерхольда не было, причем последний уже ушел, оставя мне записку, что, мол, не дождался. Поплелся к Зноскам. Наденька с прыщами на лбу похожа на Веригину, мать их очень мила и даже весела. Говорили о путешествии за границу, о весне, лете. Сережа читал свой рассказ. Но у них как-то не совсем чисто и кисло, от собаки. Дома был Аничков и Ивойлов, болела голова. Во сне видаю все Ник<олая> Дм<итриевича>. Ехать ли мне в Москву? и на что ехать?

11 (вторник)

Не помню, что было. Вечером был на репетиции. Там очень милые молодые люди, Волковы (особенно Михаил) и вообще поклонения. Всев<олод> не был, конечно. Когда разбирали, кого звать на 2-й вечер, нашлось очень много inséparables*. Засиделись, играя «Куранты».

12 (среда)

Не еду, вероятно. Денег ни гроша. Телефон от Сапунова, болен. Лечу. Очень ветрено. Ремизов умолял ехать в Москву[11]. У Ник<олая> Ник<олаевича> отнялись ноги: не то подагра, не то ревматизм. Но бодр и весел, чисто и тепло у него. Поплелся без гроша к Потемкину, которого не было дома. К Ник<олаю> Дм<итриевичу> еле доплелись<?>. Он еще спал, были гости у его матери. Все хороводится с Ник<олаем> Ст<епановичем>, чьи ухаживанья, очевидно, ему менее неприятны, нежели мои. Пили чай, у меня болела голова. Вышла и милая М<ария> Дм<итриевна>. Просил завтра зайти, чтобы идти к Сапунову. Дома все болела голова, ничего не делал. Вяч<еслав> сух и будто обижен. Лег рано. А денег, денег откуда я возьму? «Интер<медия>», кажется, снова возрождается.

---

* Неразлучных *(франц.)*

13 (четверг)

Кранц пишет, что был в «Инт<ермедии>» какой-то князь Трубецкой, который просит к нему зайти. Что сей сон значит? Ник<олай> Дм<итриевич> не хотел вставать, просил заехать завтра, подымая свое лицо с кровати. Мне кажется со спокойствием, я его даже меньше как-то люблю. Да и поступает он не по поступкам. Вернулся рано. На репетиции какая-то паника, шептанье и растерянность. Кто-то был дома.

14 (пятница)

Телеграмма от Ракитина. Просит позволения прочит<ать> мои стихи вместо меня[12]. Хотел попросить у Сережи денег. Опять прислали «Fortine»[13]. Откуда взять 36 нужных рублей? Вообще, je suis tellement endette que je ne sais que faire*. Ник<олай> Дм<итриевич> был не в духе, не вставал, опоздал и ворчал; только М<ария> Дм<итриевна> меня утешала. Был Шаров там. «Интермедия» еще гоношится.

15 (суббота)

Солнце, мороз. Н<иколай> Дм<итриевич> в хорошем духе; была и М<ария> Дм<итриевна>; вчера Кузнецов ругался и декламировал в «Интер<медии>». Поехали в убийственном тумане к Сапунову. Он спал; сделан эскиз для портретного костюма. Завтра поедем к Воробьеву. Я получил письмо от Князева, с авансами, по-моему. Н<иколай> Дм<итриевич> им не так-то доволен, но, в общем, мил. Поехали еще обедать к Лейнеру. Сидел долго с Коленькою. Дома все спали, несколько денег достал от Сапунова.

16 (воскресенье)

Несколько опоздал к Воробьеву. Коля был уже там. Хороший будет костюм, только немного дорог. Ауслендер надул, я поехал к Лейнеру обедать. Оттуда к Валечке, который был очень неприятен и пренебрежителен, пришел Потемкин и ушел в «Интермедию», звал меня, но мы не поехали, а снова отправились к Лейнеру. Битком набито. Балетные мальчики. Шерер через залу чокался и улыбался, Юрьев<а> прихватили, потом его вызвали, он задержался, Валечка пошел за ним и тоже пропал. Оказывается, оба Колиньки; Позняков пришел к нам, а другой и не подумал. Перешли к ним. Потом поехали в «Ниццу». Я, Сапун<ов> и Нувель в одном моторе, те в другом. Пили. Ник<олай> Дм<итриевич> кокетничал с Юрьевым и поехал с ним назад. Я отвозил Сапунова и вернулся в 4 ч. Затопили печку, лег спать, тепло, печально и безнадежно.

---

* Я настолько влез в долги, что не знаю, что делать *(франц.)*.

17 (понедельник)

Встал безумно поздно, чувствую себя заброшенно, но не очень плохо. Кажется, я вчера спьяну что-то наделал плохого, а может быть, и нет. Все время бездельничал дома. Вечером были Блок, Пяст и Юраша. Лег рано.

18 (вторник)

Заезжал к Сапунову [но его не было дома], посидел у него, он отпр<авился> на выставку[14], я же к Мейерхольду, которого не застал дома, и к Головину. Извощик был пьяный, все ругался и потерял кошелек. Дома телефон от Беляева: болен и просит заехать. Лежал на большой кровати в белье, интересно говорил. Мейерх<ольд> преувеличивает размолвку. Потом пришла Ежикова, Рассадин, болтали всякий вздор. Беляев посылал за шампанским. От него отправился к Головину, к счастью оказавшемуся в театре: холодок появился все-таки, по-моему. Но звал завтра обедать. Лег очень рано; потерял кошелек с последними деньгами.

19 (среда)

Еле поспел к Сапунову, так поздно встал. Везли нас через Неву зачем-то к Бертову заводу. У Воробьева еще не готово. Мейерхольд пришел на минуту и не обедал, но вечером в театре был, был Беляев и Стеллецкий. За кулисами видел Шерера. Играли в репетиционном зале, изгнав оттуда Коутса. Вернулся рано.

20 (четверг)

Письмо от Брюсова неутешительное и даже нотационное слегка[15]. Ездил бриться. Беляев уже был у меня. Страшный холод и туман. Беляев на каждом раскате хватался за извозчика, бил его и ругался. В Малом долго ждали репетиции, дуя коньяк[16]. Сидел с Виттинг, Студенц<овым>, Хованскою и Валерской. Глебова потешна. Потемкин денег как-то не получает, не знаю, что и делать. «Пеллеас» отложен. О балете ни слова, о «Ежегоднике» также. Прошла моя слава. Заехали в Европ<ейскую> завтракать, там Кусевицкий, с нами же сидели Адельсон, Вадимов и какой-то гусар. Я почему-то был как во сне. Вот и снова быстрая езда по морозу, Алекс<андринская> сцена, читали, — как просто! как скоро привыкаешь! Заехал к Ник<олаю> Дм<итриевичу>, он просил еще заехать от Воробьева. Звал Сапунова, но тот отпр<авился> домой. Кузнецов мил очень, спокоен, завтра уходит. Вместе вышли. Дома звонили Ауслендеры, просясь прийти. Очень было хорошо и уютно. Наденька хочет поступить к Воротникову, просили меня поговорить[17], звали с Кузнецовым во вторник, не обращать внимания на Женю, не сердиться и т. д., очень были милы.

21 (пятница)

Сидел дома. Завтракали у нас Степун и Гессен. Поехал к Юрьеву, у него живет 22 человека. Студенц<ова> не видал; мил был. Приехав домой, застал Тамамшеву, позвонив, узнал, что Ник<олай> Дм<итриевич> лег спать и зовет меня. Полетел, сидел у постели, болтали, спросонок был мил. Может быть, он и не так меня не любит, как говорит. В «Интермедии» переговоры за меня ведет весьма охотно как сведущее лицо. Надавал поручений. Завтра обещал приехать. Дома долго сидела Тамамшева. От Маковского просительное письмо.

22 (суббота)

Поехал на репетицию[18]. Было мило, хотя Ведринская ведет себя со мною слишком фамильярно. Юрьев шалил и курил папиросы как у Пизистрата, верно, тот приехал. Головин повторил свое приглашение на обед. Так как Воробьев отложил примерку, то я заехал к Сапунову. У Головина было вино и даже шампанское. Беляев слишком со мною любезен, читал рассказ, читает мои стихи всем, даже доктору, будучи в ванне; отвез меня домой, pour prendre l'air*. Вечером звонил Потемкин, зовя быть шафером[19]. Потом пришел Ник<олай> Дм<итриевич>. <Н.> Позняков действительно приехал. Кузнецов был крайне мил, тих и душевен. Сидел долго, болтали, дивагировали. Хоть бы устраивал Коленька свой театр! Наши, кажется, что-то думают. У Юрьева еще, оказывается, 13 кошек. Во вторник пойдем к Ауслендерам, потом к М<арии> Дм<итриевне>, потом к Голов<ину>, потом на репетиции.

23 (воскресенье)

Не знаю, простудился я или выпил вчера много, но целый день провалялся с головою, не вставая до позднего вечера, не пивши, не евши. Приходил <Н.> Позняков, принимал его в постели, он был мил и приятен, поехал в «Интермедию»; я его почему-то не ревную и Валечку не люблю. Вечером кое-как встал, валялся по диванам, слушал роман Толстого, лег не поздно.

24 (понедельник)

Выезжал бриться и в «Аполлон». Никто не звонил мне. Рара был очень мил и любезен, был там Зубов, Каратыгин и др., резвились, но мне было не весело. Утром был у меня Садовской, к<ак> memento mori о делах, говорил о «Весах», которые возрождаются. Страшный холод. Вечером Стеллецкий звал к Головину, но без денег по такому морозу ехать не хотелось. Дома был Филосо-

* Чтобы проветриться *(франц.)*

фов. Без Мережковских он был легкомысленный и развязный. Сидел до 4-х часов и болтал.

25 (вторник)

Н<иколай> Дм<итриевич>, кажется, совсем закрутился со своею дамой. Я телеф<онировал> Чичериным, у них тихо и мирно, девочка чинно разговаривает, Н<адежда> Дм<итриевна>, кажется, опять в ожидании. Об Юше тревожные слухи. Я люблю дом и двор Шеремет<евых>. Казачок встретил меня как знакомого. Ник<олая> Дм<итриевича> не было еще дома, не знаю, где шатается, вернулся сонный и усталый, но потом оживился, у Ауслендеров был чопорен и кисел, был Женя и Мат<ильда> Эдуард<овна>, кажется, не очень довольная Кузнецовым. Потом были у Палкина.

26 (среда)

Теплее; стригся, заехал к Пизистрату, у которого уже был кн. Львов; вчера вечером Ник<олай> Дм<итриевич> был именно у него, оттого и задержался. Меня это несколько кольнуло, но Коля был так мил и по-видимому откровенен, что я отогнал это от себя. Поехали вместе в «Аполлон». Papa Mako так топтался, что я думал, мы опоздаем. В Царском тихо и спокойно, Марина пела «Снегурочку» с двумя мол<одыми> л<юдьми>, когда мы входили. Было уютно, просто и приятно; один из жёномов* был ничего себе. Так как в «Аполлоне» была куча телефонов, сводившихся к тому, чтобы из Царского я заехал к Petitfour'у, то я спешил. Заехав к М<арии> Дм<итриевне> узнал, что Н<иколай> Дм<итриевич> просил меня подождать, если я приеду раньше. Я долго ждал в пустой чужой кварт<ире>, смотря сквозь тюль на снег и что-то трынкая. Хотел уже уходить, как приехал и Ник<олай> Дм<итриевич>. В театре сказали, что Головина нет, что, конечно, оказалось неправдою. Наверху посидели с ¼ часа и поехали по домам. За «Кабачок»[20] мне дадут только 150 р., как же я расплачусь с долгами? И что летом, нужно бы об этом подумать. Право, я куда-то проваливаюсь. И что думает Н<иколай> Дм<итриевич>? Мы его все-таки как-то развратили. Только бы не было тут Валечки. Сапунова давно не видал я, нужно будет зайти завтра обязательно. Маковский говорил лестно и подбодряюще. Да, работать-то, конечно, надо, работать.

27 (четверг)

У Головина были Стеллецкий и Мейерхольд; последний мрачен. В конторе опять видел Гол<овина>, сделал, что нужно, сидел у Чичагова, где Дризен бранился с ними. Заехал к Сапунову,

* Молодых людей (от *франц* jeunes hommes)

с ним обедать, звонил Ник<олаю> Дм<итриевичу>, но его не было дома. После обеда заехал к нему, но с репетиции он не приезжал домой. Поехал неожиданно, но скучновато, на 9<-ю> л<инию>, откуда на днях получил письмо, всегда говоря, что это — последний раз. Дома еще не спали. Письмо от Князева, просится завтра прийти.

28 (пятница)

Выходил бриться. Зашел и к Кузнецову, к удивлению, он уже не спал и сам открыл мне двери, веселый и милый. Как детски-любовно и просто было сегодня. Пошли в Jockey-club, встретили Юрьева; это хорошо, что мы его встретили вместе. Зашли еще к Коле. М<ария> Дм<итриевна> приедет только к 7-ми часам. Дома Сережа телефонир<овал>, что едут в Москву насчет контракта в Ярославль[21]. Зовут и любят Кузнецова. Пришел Мосолов и сидел до бесконечности, насилу ушел. Всеволод попросил во вторник ехать с ним на острова, вообще разные фасоны. Потом, оставшись, обнимаясь и целуясь, совсем разомлел до окончательного конца. Однако как мальчик разошелся. Чувство у меня было покровительственное, более близкое, но бесконечно менее влюбленное, чистое и трогательное, нежели к Кузнецову: тот прямо какой-то нежнейший цветик. Провожал его любовно, но какой-то упрек остался. Люблю я, конечно, Ник<олая> Дмитриевича. Он расск<азывал> забавные вещи о Симкове. Я неожиданно, может быть, получу спешный перевод, это и приятно, и очень нужно теперь. Если это устроится и выйдет, то будет провиденциально. Сегодня днем была чудная погода, Н<иколай> Дм<итриевич> уехал в какой-то лучезарной легкости и деликатной нежности.

29 (суббота)

Заезжал к Сапунову и потом мерить костюм. Вышло очень хорошо. Обедал у Лейнера, наблюдая публику. Оттуда поехал в Марии<нский театр>. Все в панике от влияния Коровина, ждут опал, дрожат и боятся[22]. Дома сидел еще. Были Костя и Сергей.

30 (воскресенье)

Выезжал небритый провожать Сережу; адский холод. Женя обедал у нас, болтая, будто по-прежнему. Вечером писал стихи и немного переводил.

31 (понедельник)

Холод неимоверный. Заходил Лозинский, мило говоря. Все время перевод<ил>. Письмо от милого Ник<олая> Дмитриевича. Чувствует себя ничего, приедет раньше, доволен. Наденька в Ярославль взята. Вечером был Блок[23] и Сюннерберг, но я ушел рань-

ше. Скоро приедет Н<иколай> Дм<итриевич>. Как ужасно, что завтра ехать с Кн<язевым>, а может быть, теперь это и приятно даже. Приехали наши девочки, но я этому не весьма радуюсь.

Февраль

1 (вторник)

Денег не дали, говоря, что 1-го числа не выдается. Звонил Ник<олай> Дм<итриевич>. Полетел к нему; мил, с рассказами; кажется, весь в Ветвеницкой. Таким образом, я как бы надул Всеволода, но поймал его на Кирочной, когда он шел от меня. Вернулся, был мил, но скучноват. Впрочем, что не скучно?

2 (среда)

Перевожу. Степлело. Проспал. Злюсь. Звонила Хованская насчет спектакля. Приезжали Гейнцы, звонил Пронин, но Павел сказал им, что меня нет дома. Сидел, даже лежал, скорее, дома с головою, были Ремизовы. Пронины звонили и к Кузнецову, ища меня.

3 (четверг)

Ник<олай> Дм<итриевич> к Сапунову не поехал. Был у него один я; обедали с Лукомским у Лейнера. Отпр<авился> на 9<-ю> л<инию>, но потом Семена от меня потребовали к кн. Трубецкому, на что я очень обиделся. Дома были еще христиане[1] и Троцкий, который мне так надоел своим миндальничаньем, что я ушел спать, не дождавшись Вячеслава.

4 (пятница)

Брился; Ауслендер звонил насчет Ярославля, что-то наклевывается с Лукьяном. Работать бы. Приехал Сомов. Тает. Билетов Женя не достал. Вечером пошел к больному Ник<олаю> Дм<итриевичу>, куда приехали Гейнц, Пронин и Каза-Роза, лаская меня. Играл «Les noces de Figaro»[2]. Вячесл<ав> долго говорил о моем влиянии на его отупение.

5 (суббота)

Будильник остановился и не разбудил меня. Кузнецов ехать не может, зашел к нему с репетиции из театра. Дома был Князев, с ним отправились, я к Ауслендер<ам>, он к Палладе, взяв обещание заехать за ним. У Сережи был Женя. Паллада больна и лежит. Просил Всеволода заехать к нам, но он испугался и отказался. Вообще, был довольно сух, хотя и кокетничал меланхолически.

6 (воскресенье)

Ходил бриться. Н<иколай> Дм<итриевич> пришел незадолго до обеда, говорили о влюбленности и т. п. Пошли с ним, чтобы видеть М<арию> Дм<итриевну>, но она уже уехала. Дождал<ись> Шарова, который снова ушел, так как к Голубеву можно было ехать только в 10 ½. Потащился и я, Андр<ея> Андр<еевича> не было дома, пошли все к нам; Вяч<еслав> уже спал; играли и болтали долго, Н<иколай> Дм<итриевич> очень мил, но как-то отдален. Сам же он, наоборот, милее прежнего.

7 (понедельник)

Просидел безвыходно весь день, даже бриться не ходил. Проспал, болела голова, сердился. Что было, решительно не помню, на репетиции не был, вечером была Гумильвица, Юраша, Аничков, Троц<кий>; все инцидент с Толстым расширяется, теперь туда еще втюрился Юраша[3].

8 (вторник)

В Александринку не поехал, а в суд, сдав перевод. Явились: я, Кузн<ецов>, Шаров, Сапунов и те все, нас осудили на неделю сидеть. Побрели сначала к Потемкиным, потом есть блины в «Ярославец». Потом, не заезжая домой к Кузн<ецову>, к Головину, которого не было дома. Вместо «Тристана» шли «Гугеноты» с Феар[4]. Была Есипович и Стеллецкий, рисовавший Кшесинскую в виде Богородицы. После «Д<он> Жуана»[5] прибыли Всеволод и Головин, какие-то расстроенные и нелюбезные. Поехали домой. Н<иколай> Дм<итриевич> все пел балеты.

9 (среда)

Ездил в «Якорь» за деньгами[6], в Гостиный и к Мосолову за книгой. Книги всегда меня несколько опьяняют и покупки тоже. Головин отгласил через четвертые руки. Заехал за Ник<олаем> Дм<итриевичем>, чтобы ехать на жидовский вечер[7]. Вьюга и снег. Там отвели Вредену и Кузнецову отдельную уборную, все косятся и не особенно любезны. Ноты потеряли, вообще хамье. Долго ждал, когда Кранц рассчитает Н<иколая> Дм<итриевича>, потом пошли ужинать к Палкину. Поили нас из серебр<яных> кубков. Мандолинист был и мандил.

10 (четверг)

Поехал рано к Сапунову, не поехав в Александринку. Он кончает «Голландку»[8], чистил у него сюртук бензином. У Коровиных кроме Барышникова никого не было. Было неплохо, говорили всякий вздор, хотя Виктор-то дура петая. Сидели очень долго; по-

плелись еще зачем-то к Лейнеру. Без меня звонил Н<иколай> Дм<итриевич>, что ложа взята на «Д<он> Ж<уана>». [Сидел дома и скучал.]

11 (пятница)

Так как получил письмо от Воротникова, что следует торопиться[9], то заехал к Кузнецову, где была и М<ария> Дм<итриевна>. Потом поехали к Хованс<кой>, она сидела трепаная, в сквозном капоте и шила костюм; собирается тоже в Ярославль; сплетничали. Отвез Н<иколая> Дм<итриевича> в школу, встр<етил> Смолича, заезжал на почту. Дома был Костя, обедала у нас Ржевская. Вечером пришел Коленька, был прост и мил. Давыдов хочет познакомиться со мною.

12 (суббота)

Вместо «Жуана» шло «Коварство», не знал, пойдем ли[10]. Заехал к Сапунову. Спал у него. Заехали к Воробьеву, потом к Лейнеру обедать; да, утром был в «Сатириконе», где никаких денег оставлено не было. Звонил Ник<олай> Дм<итриевич>, он ждал Ник<олая> Ст<епановича>, и решили не ехать. Князева не поспел предупредить, это, конечно, свинство. Он заходил в кондитерскую и, встретив там Пизистрата, поднимался к Коленьке. От Лейнера направились в цирк. Было мило. Видали Шерера.

13 (воскресенье)

Только звонил Ник<олаю> Дмитр<иевичу>. Приехал Вячесл<ав>; рассказы о Москве[11]. Сидел дома, никуда не выходя.

14 (понед.)

Заходил к Кузнецову с яросл<авским> письмом; видел только М<арию> Дм<итриевну> утешительную. Вернулся Н<иколай> Дм<итриевич>, телеф<онировали>, что был Потем<кин>, оставил деньги, сам уехал к Н<иколаю> Ст<епановичу> обедать; просил его позвонить, если пожелает меня видеть, но мне не звонили. Дома был народ, скучно очень. Просил быть на «Сатириконе»[12].

15 (вторник)

В «Аполлоне» был Стеллец<кий>, Женя, все. Обедал с Женей, потом со Стел<лецким> хотел к Ал<ександру> Як<овлевичу>, но, побродив, отпр<авился> на 5<-ю> линию, гонимый получ<енными> деньгами. Дома была Кассандра. Н<иколай> Дм<итриевич> просил завтра заехать.

16 (среда)

Какой день, будто Италия Лонги. Очарованье. Н<иколай> Дм<итриевич> был печален. В воскрес<енье> он вел себя вольно с Валечкой; Н<иколай> Ст<епанович> обиделся и уехал не прощаясь с сухой запиской. Я утешал его: было как<-то> особенно остро и ново. Пришла и М<ария> Дм<итриевна>, сказала: «Уж очень вы хороши, М<ихаил> А<лексеевич>». — «Чем же?» — «Да всем», — и Н<иколай> Дм<итриевич> подтвердил это. Вечером отправился к Чулкову, вот мертвечина-то![13] Сегодня Вячеславово рожденье. «Сатирикон» все ругают[14]. Сомов кланяется мне. Кажется, не сердится.

17 (четверг)

Вечером вдвоем были у М<арии> Дмитриевны. Хорошо было.

18 (пятница)

Не помню, что было.

19 (суббота)

Был у Ник<олая> Дмитр<иевича>, что было еще, не помню. Ах, да, утром был Валечка, крайне мил. Потемкин ему вчера не звонил.

20 (воскресенье)

Что было, не помню. Ах, да, были у М<арии> Дм<итриевны>, где больше никого не было, сидели хорошо и дружно.

21 (понедельник)

Был в «Аполлоне» вместе со Всеволодом, там была куча народа, мне нрав<ился> один мальчик, задержали с деньгами, опоздали к Буасона[15]. Я заехал к Кузнецову, где была М<ария> Дм<итриевна>, зовет меня завтра. Вечером был у Чичерина, все по-старому. Беляева, что вызывал меня, не было дома, бродил, думал отправиться aux pays chauds, но воздержался. Дома был Толстой и Юраша.

22 (вторник)

Обедал один у Лейнера. Воротников покончил с Н<иколаем> Дм<итриевичем>, был мил, но не особенно rassurant*. У М<арии> Дм<итриевны> были Тягельский и Лопатин, разговоры были «музыкальные», что приводило в смущение и негодование М<арию> Дм<итриевну>, но веселило молодых людей. Утром ездил в банк и за покупками.

---

* Успокаивающий, внушающий доверие *(франц.)*.

23 (среда)

Приехал Всеволод, пошли за фотографиями и снимались, смеясь и шутя. В «Пантеоне» дали гроши. Всеволод опять заехал ко мне, он очень мил. В ложе сидели вчетвером я, Кузн<ецов>, Всеволод и старая дама[16]. Всеволод мне шептал: «Я вас очень люблю». Парадировали. Пошел к Кузнецову, где был ликер и рыба. Посидели мирно. Дома теснота с фотографом.

24 (четверг)

Все утро прибирался; с Вейнер<ом?> вышла путаница. Брил меня «артист», Коленьки не было дома, М<ария> Дм<итриевна> с ним повздорила из-за Ветвеницкой. Нянька поила меня чаем. Пописал ноты и уехал домой, где был Костя и Юраша. Кузнецов звонил, огорченный. Пизистрат написал ему: «Ты меня убил, ты меня и воскреси», но не знаю, поедет ли он его воскрешать. К Толстым не поехал, занимаясь. О, деньги!

25 (пятница)

Что же было? заезжал к Кузнецову и с ним в театр, но сидел у Князевых в ложе[17]. Князев был мил очень, радовался, что придет завтра. Он был и днем, заставил меня писать стихи. Вчера у них был Евг<ений> Ал<ександрович>. Поехали с Коленькой к Лейнеру; вернувшись, я застал еще Заммана (тапетического вида) и до утра играл в карты, проигрывая. Под конец Замм мне надоел.

26 (суббота)

Заходил Князев. Поехали бриться. На выставку опоздал[18], только прошлись по Невскому, горделиво. Милый Всеволод. Вечером опять пришел же, но чем-то меня огорчил. Был домашен. Кстати, теперь в городе тот Хольд, жена которого внезапно умерла както в связи с посещением Князева. Вечером много играл.

27 (воскресенье)

Проспал и обиделся. Подъезжал к театру вместе с Всев<олодом> и его матерью[19]. Кузнецова как-то мало видел. Наденька на меня надута, за Всеволода что ли? не знаю. Высотская караулила внизу Князева или Кузнецова, не знаю. Завтра хотим к Валечке и к Головину.

28 (понедельник)

Совсем весна; хочется в Китай, пить ром, иметь деньги. Я так задолжал. Заехал к Ник<олаю> Дм<итриевичу>, поехали к Валечке, где и просидели, не попавши к Головину. Беседовали хорошо. Князев заходил к Кузнецову, говоря, что лучше завтра не ехать на вечер, а собраться у меня или где-нибудь втроем.

Март

1 (вторник)

Был Всеволод, ездили на выставку[1], гуляли, заходили к Буасона. Утром еще я заезжал к Ефронам, где меня обсчитали[2]. Купил конфет и папирос. Вечером Коленька пришел раньше и был весел и бодр. Князев и я вели себя немного как Потем<кин> и Хованская. Играли в карты с раздеванием. Пили чай. Ник<олай> Дм<итриевич> был мил и откровенен, Князев ревновал, но я так напился, что ничего не соображал.

2 (среда)

Целый день спал; болит голова, рвет. Помню, что Кузнецов на что-то обиделся, но на что, хоть убейте, не помню. Ездил бриться и к Коленьке, но не застал его дома. Еле ехал. Князев приехал рановато, хорошо, что скоро был ласков, ибо приехал Валечка вместо пятницы. Всеволод тотчас же удалился. Валечка был мил и откровенен, вспоминал старину, признавался во влюбленн<ости> в Кузнецова, немного подвыпил и был «домашен».

3 (четверг)

Утром что делал? Не выходил. Н<иколай> Дм<итриевич> звонил, не обиженный, кажется; был Костя, играл в войну, я присутствовал. Обедал быстро в проходной, торопясь к Н<иколаю> Дм<итриевичу>. <Н.> Позняков приезжает в субботу, не знаю, не будет ли сложности, но не думаю этого. Весело поехали к Головину, которого не было, а был Мейер, Стеллецкий и Сюннерберг. Мейер уговаривает Колю поступить в Александринку, а тот хочет в военное училище. Шло «Золото Рейна»[3]. Заехали к Палкину, сидели в закутке, без «помпы», но со стариканом. Беседовали дружно и ласково. Как хорошо!

4 (пятница)

Выезжал за цветами Вячеславу[4]. Зашел милый Всеволод. Валечка просил приехать с вокзала к Лейнеру. Пописал стишки Вяч<еславу> и Всевол<оду>[5]. Денег ни гроша. Ехать было страшно холодно. Прислали корректуры «Голландки Лизы», это меня подбодрило несколько[6]. Всеволод был крайне мил и несколько кокетничал с Ник<олаем> Дм<итриевичем>, что мне не слишком понравилось. Чуть не замерз, едучи к Лейнеру. Валечка ждал уже нас и все пел «Je suis ivre, je suis ivre, ivre d'amour!»*, просвещал Коленьку и провожал меня. Внизу я встретил уходящих гостей. Соло-

* «Я пьян, я пьян, пьян от любви!» *(франц.)*

губы надуты и колки. Дома, конечно, меня ругали, но собрание было не из блестящих, не жалею, что не был[7]. Очень долго сидели.

5 (суббота)

Сергей просил достать денег. От Буасона, где ничего не готово, а пробные одна хуже другой, поехал к Ауслендерам, которые оказались съехавшими на Верейскую, куда я не пошел. Валечка прислал Кузнецову открытку с изображением «Hôtel des îles» с надписью «je suis ivre» и т. д. Коленька приехал в первом часу, долго сидели, было уютно и мило. Сделал перевод для Ветвеницкой. С Ник<олаем> Ст<епановичем> нежный мир.

6 (воскресенье)

Голова болит адски. Застал у Н<иколая> Дм<итриевича> его сестру в меланхолии. Поехал с ним в «Angleterre»; голова болела феноменально, скоро уехал. После обеда спал; пришел Михельсон и надоел мне страшно, потащил меня к Лейнеру, где обрели Валечку и куда вдруг явились Коленьки. Сидел Нечаев, который мне понравился и делал авансы, и потом какие-то два дурака, с которыми мы завели потом тесноту. Да, в пятницу являлся музыкант ко мне — ничего себе. Спал плохо.

7 (понедельник)

Говорил с Ник<олаем> Дм<итриевичем> по телефону. Вызывал меня Сапунов. Выдающихся новостей нет; торопит Брюсов, сидит без денег, ждут Потемкина с сатириконскими[8]. Нашли хорошую позу для портрета[9]. Не знаю, как с писаньем сделаюсь. Побрели к Бернару, солнце и холод, я чуть не засыпал. Пошли опять домой. В ожидании Потем<кина> я лег спать; как сквозь сон помню, что тот говорил. Еще заснул. Холодно, замерзаю. Долго занимал Троцкого Debussy. Вяч<еслав> привел Нестора[10] в гости. Я ушел рано.

8 (вторник)

Приехал зять, зовет меня в Окуловку; как-то все вспомнилось. Поля нашла кошелек мой с кое-какими деньгами. Брился. Сапунов зачерчивал меня. Ник<олай> Дм<итриевич> говорил по телефону, что вечером собирается в театр какой-нибудь; не с Валечкой ли, грехом? Всевол<од> пишет ему нежное письмо. Я же получил 2 письма. Завтра к Сомову. Было у меня искушение вызвать Сережу Познякова, но воздержался и только переписывал стихи для книги, приучал себя к работе[11]. Мирно, хорошо. Вячеслав вернулся от Сологуба, где был и Валечка, будто бы, значит, не бывавший в театре. Я расспрашивал заинтересованно, будто следя,

не пошел ли Ник<олай> Дм<итриевич> с Валечкой. И почему? ревную, что ли, я его?

9 (среда)

На солнце тает. Н<иколая> Дм<итриевича> не было дома, поправлял корректуры без него. Какой-то счет лежал: бил<еты> 2.30, еще 13 р. и т. д. Значит, был с Ветвеницкой на «Д<он> Жуане» (программа лежала). Успокоился. М<ария> Дм<итриевна> была печальна и молчалива, жалко ее видеть в таком состоянии. С Ник<олаем> Ст<епановичем> расстались они не очень по-хорошему. Н<иколай> Дм<итриевич> совсем измучился за эти дни. Сапунов еще спал, но, очнувшись, уселся на стул и, с места в карьер, стал ругать ругательски Скрябина, Бальмонта и П. Кузнецова. Не писался. У Сомова было тихо и чинно, как всегда. Поил нас чаем и вином, пел, был мил. Хочет устроить вечерок, о Мифике отзывается скромно, деликатно и вежливо. Н<иколай> Дм<итриевич> заезжал ко мне за билетом на Кусевицкого[12]. У нас был Чапыгин и тошный скульптор Шуклин, злой и, вероятно, умеющий устраиваться, как все «гении из народа». Я засыпал. Лег не поздно. Плохо спал ночь. Скучаю о Князеве.

10 (четверг)

Денег не шлют, ни ответа; положим, отсутствие ответа скорее внушает надежду. Брился. Плелся пешком, мечтая, потом шел с Аничковым. Сапунов в смысле денег находится приблизительно в таком же положении, как и я, то есть ни копейки. Писался, устал. К Толстым не пошел. Сидел, переписывая стихи, играл «Леб<единое> озеро». Читал «Д<он> Жуана». А работать-то! а хроники-то![13]

11 (пятница)

Сегодня звонил Н<иколай> Дм<итриевич>, зовя зайти перед вечером. За обедом Вяч<еслав> стал цукать меня и горячо доказывать, что я должен идти на заседание, чем достиг того, что я не пошел ни на засед<ание>, ни на доклад[14]. К Ник<олаю> Дм<итриевичу> пришли Мейерхольд и Пронин, как старые воспоминания. Посадили Мейера на трам, сами же поехали к Головину; ехали очень весело, но наверх нас не пустили. Отпр<авились> к М<арии> Дм<итриевне> — нет, к Ник<олаю> Ник<олаевичу>, — так же; наконец, упокоились у Валечки, который собирался уходить. Посидели мирно и славно. Дома я еще сочинял вальс. Не дождавшись наших, лег спать. Денег не шлют и не шлют и никакого ответа не дают. Академисты вернулись в третьем часу.

12 (суббота)

Чудная погода. Сапунова не было, когда я пришел, но потом прибыл из Академии[15]. Долго позировал. Обедали у Бернара. Заезж<ал> к Потемкину и на почтамт. Дома меня опять цукали. Сергеевы студенты и лицеисты оказались слишком мне знакомыми по Летнему саду и т. п. Сел играть все-таки, проиграл. Свентитский ничего себе, но Залеманов мне надоел невероятно.

13 (воскресенье)

Опять денег нет[16]. Звонил Ник<олаю> Дм<итриевичу>, тот говорит, что соскучился, и просил заехать. Пошел пешком уже; чудная погода. Тот был крайне мил и весел, была М<ария> Дм<итриевна>. И домой шел пешком, думал вечером заняться. В 12-м часу звонит Хованская из «Вены», прося приехать. Были там Потем<кин>, Ник<олай> Дм<итриевич> и Хейрот. Было ничего себе: во-первых, Ник<олай> Дм<итриевич> не поехал к Высотс<кой>, во-вторых, вызвал меня, в-третьих, пригласил Юрьева ко мне в пятницу. Это мне нравится.

14 (понедельник)

С утра ходил бриться. Всеволод не явился. Телеф<онировал> Глаголин, желающий ставить оперетку в мае. Условия очень выгодные. Это судейкинская идея, наверное[17]. Вечером опять телефонит, прося приехать. Отложил. Вдруг явл<яется> С<ергей> Ю<рьевич> за мною на моторе. Пришел Кузнецов, захвативши его, поехали к Глаголину. Поют оперные: Виттинг, Андреев и т. д.[18] Если это удастся, будет отлично. Н<иколай> Дм<итриевич> был в восторге и в некотором упоеньи. Заехал ко мне, даже собираясь ночевать. Был нежен и крайне мил. Неужели это сорвется все. Деньги от Полякова<?> посланы.

15 (вторник)

Как-то все поспею? А нужно, нужно. Письма от Князева, Паллады, уже Глаголина, певице нужна «сладострастная» ария[19]. Князев задержан ночью. Глаголин зовет к Плющику вечером. Прислали чек. Только завтра все отходит. Говорил с Н<иколаем> Дм<итриевичем>, но когда приехал от Плющика к нему в театр, там уже никого не было. Поехал к Лейнеру. Валечки нет, денег ни коп<ейки>, чек в кармане. Но вдруг является тот, а затем и Petitfour с Царскосельского вокзала. Валечка ухаживал. У Сомова вечера не будет.

16 (среда)

Мало писал: поспею ли? Сапунов, конечно, был потрясен «Забавой», но смолчал. Поехали к Коров<ину>, тот болен. По-

обедавши у Лейн<ера> и побродивши, отправились: он к доктору, я же на 9<-ю> л<инию>, где было не весело. Ехал назад с фонарями, как дурак, и сейчас же лег спать.

17 (четверг)

Сидел все время дома. Только вечером отправился к Лейнеру, где еще не было ни Валечки, ни Petitfour'a. Пришли; было как всегда. Валечка ухаживал. Поехали на ауто, — Валечка, кажется, был достаточно предприимчив. Коленька на прощание сказал мне, что только во мне видит поддержку. Деньги-то что-то вышли.

18 (пятница)

Сидел дома; писал. Юрьев не приехал; был Головин, Мейерхольд, Сережа и Кузнецов. Последний долго оставался, жаловался, был мил и домашен. Я писал при нем. Если бы все удалось; это могло бы быть очень важно.

19 (суббота)

Весь день писал. Телеф<онировал> Глаголин, значит, не перерешили. Вечером отпр<авился>; спешка, надежды, восторги, костюмы. Ездили на ауто, покуда не сломалась шина. Дома еще толковал. Если бы все оправдалось.

20 (воскресенье)

Поехал к Сапунову, где обретался Потемкин, были не особенно приятны и достаточно грубы. Обедали у Лейнера. Без меня звонил Ник<олай> Дм<итриевич>. Письма от Всевол<ода>. Глаголин обещал в среду устроить. Вечером был почему-то у Валечки. Провожал меня по Невскому. Ничего интересного. Дома еще что-то ораторствовали. Заезжал к Птифуру; его не было дома.

21 (понедельник)

Целый день писал, или это было в субботу? Странно, я, кажется, не влюблен в Ник<олая> Дм<итриевича> уже, хотя и люблю его сердечно. Заехал к нему, условились после Глаголина пойти к Палкину. У Глагол<ина> было ничего себе, все переписывают ноты. Был Лукомский почему-то. У Палкина было славно; пригласил Н<иколая> Д<митриевича>, если все устроится благополучно, поехать вместе в Париж; согласился, боясь только, что Князев обидится.

22 (вторник)

Репетиция тянулась целую вечность, мне захотелось есть и спать, заболела голова. Отчаянная вьюга. Вечером поехал на Га-

гаринскую, где, против ожидания, было очень мило, старый дом, занавески, сверчок трещит, все ласковы и похабны, очень русско.

23 (среда)

Звал Беляев к Кюба в 12 часов[20]. Там было 9 чел<овек>. Тушили огонь во время горящего ананаса, меня предоставили Вадимовой, было неплохо, хотя я, кажется, напился и болтал всякий вздор. Играть не мог. Дома все хотел делиться с Мар<ией> Мих<айловной>, которая была полураздета.

24 (четверг)

Не совсем себя чувствую в порядке. Мало писал. У Кузнец<ова> была сестра и Кашеваров; почему-то все дурачились, было весело и детски. Чудная погода. Достал на «Эдипа»[21] у барышника плохие билеты. Вечером еще поехали на В<асильевский> О<стров>, голова прошла и было очень уютно и домашне. Завтра приезжает Князев.

25 (пятница)

Был тошный Беленсон. Явился и Всеволод, мил, но суховат, синяки под глазами: что он там делал, во Пскове? Обещал после театра заехать. Обедал у Головина; снова роятся планы. Заезжал за Всеволодом; встретили меня как-то ликовательно. «Эдип» мне не понравился, хотя моментами было и интересно. Высотская лицезрела меня с юношами. Всеволод вдруг объявил, что со мной к нам ехать не может. Я обиделся и поехал с Ник<олаем> Дмитр<иевичем> в Александр<инский> театр за Юрьевым, и пошли с ним к Палкину, где обрели еще Лукомского. Было очень приятно сидеть с ними и пить cordon rouge*. Провожали Юрьева, потом я Ник<олая> Дм<итриевича>.

26 (суббота)

Обедал с Женей и Гумил<евым>, и опять Лукомский. Утром выезжал к портному. Харламов привез карточку Паллады и хотел взять меня обедать. Строили планы. Евг<ений> Ал<ександрович> рассказывал о своем разговоре с Князевым, что он редко видал такую брызжущую и искреннюю радость, что он нашел свое призвание. Поплелись все-таки в Академию[22]. Было скучно, хотя были и князь, и Сухотин, и Радлов, за которым, по-моему, ухаживает Чудовский. Удрал раньше. У нас играли в карты. Я же рядом писал текст, потом поиграл немного, лег не слишком поздно. Гумилев завтра звал и Всеволода со мною.

* Красный ободок *(франц.)* — марка шампанского «Мумм», по цвету кольеретки (Mumm sec de cordon rouge)

27 (воскресенье)

Князев болен неизвестно чем. Сидел дома, никого не принимал, проспал Глаголина. Поехал на вокзал к 7 ч. и ехал с Чудовским и Радловым. Было не плохо, после ужина играли в макао. На вокзале встретили Ник<олая> Дм<итриевича>, а в вагоне даже Палладу. Я храбро начал фигли-мигли с каким-то офицером, оказавшимся вел. князем Иоанном Константиновичем[23]. Все было ничего.

28 (понедельник)

Письмо от милого Всеволода: что у него за болезнь, хотелось бы мне знать? К Чичериным опоздал и поздно поехал к Ник<олаю> Дм<итриевичу>, где был Смолич и сестра Ник<олая> Дм<итриевича>. Заходила Кропивницка<я>, в секунду говорящая 150 слов без умолку. На выставку не поехали[24], но гуляли втроем по Невскому и Морской. Приехал к нам Степун[25]. Вскоре после обеда прибыл Н<иколай> Дм<итриевич>, сидел, потом поехали к Лейнеру, думая найти там Валечку, но никого не было, кроме Дулова и Леонтьева. Было хорошо. У нас еще не спали и посылали дозором Веру вызывать меня на чтение Белого (тоже занятие)[26] и на разведки, с кем говорит Серг<ей> Конст<антинович>. Я долго еще писал, не хотя спать и счастливый избегнуть салона.

29 (вторник)

Покупал цветы Князеву и Кузнецову. Написал стишки. Н<иколай> Дм<итриевич> еще спал. Поехали на выставку[27], заставив Марью Дмитриевну прождать полтора часа. Выставка очень интересна, но утомительно было ходить там 3 часа. Что было вечером? отправился на Гагаринскую, где сегодня имел уже Ивана и Николая, без особого удовольствия. Там Ефим мне понравился, но, в общем, ерунда, конечно. От Всевол<ода> восторженное письмо.

30 (среда)

Хотя вечером и пришел Всеволод, но не был со мною как следует. Потащил к себе. Все спали. У него чисто, мирно. Левкои под моим портретом, будто комната Гретхен. Дома читал Ал. Толстого рассказ[28]. Стихи. Степун мне нравится. Завтракал у Чичериных, там милы по-старому. Дом Шереметева всегда волнует меня стариною.

31 (четверг)

Что было, не помню. Приехал Всев<олод>, гуляли по Невскому, встретив массу знакомых. Уезжал Степун, я все пишу. Вечером был Сабашников; кажется, дело с переводами классиков устроится[29]. Я предложил Марциала, Лукиана, Геродота и Аристофана. Был Сережа утром, завтракал.

Апрель

1 (пятница)

Дописываю. Поехал за билетами. Встретил Всеволода. Заехал ко мне; обещал вечером. М<ария> М<ихайловна> имянинница. Был Костя, мандил слегка. Всев<олод> пришел поздно, Ник<олай> Дм<итриевич> еще позднее, притом от Валечки, в самом растрепанном состоянии и ругательном настроении. Ушли вместе, чем я был не весьма доволен. Паллада мне телефонировала что-то неприятное. Вылезал еще к Карташеву. Оказался не так несносен. Да, заходил еще Чулков. Ругали Сомова, кот<орого> я защищал.

2 (суббота)

Приходил зять. Уговорились встретиться с ним и сестрою у Неменчинского. Милый мальчик от портного принес мне платье, но денег у меня почти нет. Не знаю, как до мая вывернусь. Серый день; у Вольфа сошелся с зятем, но сестры не нашли, думали, что она затеряется. К Нем<енчинскому> пришел и Сережа. Было ничего себе изображать беззаботного господина. Поехал к «Пантеону», уловил Всеволода на Невском. «Пантеон» деньги обещает только в четверг, 25<-го>. Не жирно; завез Всев<олода> и поехал к Сапунову, которого не было дома. Вздумал проехаться в «Аполлон», там были Гумми, Стеллецкий, Врангель, Зубов, еще кто-то, но все были заняты какими-то неурядицами. Звонил Мейеру по телефону, зовя в Царское. Решили отобедать, чтобы ехать мне в 8.15, на какой предмет написал Всев<олоду> письмо, но его уже не было дома. Говорили о делах, о будущем устройстве дружески. Это меня все подбадривает и нудит к работе. И Женя, и Мейер, и Вячеслав, и Глаголин. Только бы время. Имея опред<еленно> руб<лей> 300 в месяц, я мог бы устроиться и работать. Всевол<од> ходил уж по вокзалу, был мил. В вагон уже пришел Толстой, с Сонечкой опять какая-то теснота. У Гумилевых еще был только Мандельштам. С Князевым были любезны и приветливы. На обратном пути Вс<еволод> встретил каких-то николаевцев[1] и ехал в другом вагоне, так что я даже не знаю, не остался ли он даже в Царском; они все звали его идти вместе. Едучи, мечтал ко мне зайти, но побоялся из-за дома. Дома меня уже заранее цукали за Балтрушайтиса[2]. Читали «Забавы» и т. п. Милый Всеволод. А Н<иколая> Дм<итриевича> в Царском не было.

3 (воскресенье)

Мой первый приемный день оказался крайне скучным. Были Иван<ов>, Нарбут и Штильберг<?>, заходил для помпы Всеволод. В театр ехать Всев<олод> заехал за мною, заезжал еще

снимать лацкан и эполеты; народу было мало и народ какой-то ненарядный. Ник<олай> Дм<итриевич> пришел поздно, вчера на поезд опоздал и ночевал. Был все время с Ветвеницкой, что мне не так чтобы очень было приятно. Женя был мил. Всевол<од> все бегал за Юрьевым, так что тот позвал его во вторник. Всев<олод> все хотел, чтобы тот и меня <позвал>, что вовсе не входило в расчеты Юр<ия> Мих<айловича>. Всев<олод> потом из театра раньше ко мне; я был очень польщен этим, разумеется; дома был мил, но все придумывал разные претексты*. Без меня звонил Валечка и Сапунов, очевидно, ожидая меня с Птифуром, но были, по-видимому, рады и мне одному. Я как-то заброшенно себя чувствую. На Всеволода надежда плоха, на Ник<олая> Дм<итриевича> еще хуже. С театром как-то завяло все. Денег нету.

4 (понедельник)

Князев пришел и вдруг стал разводить разные теории о девстве, плутовстве и т. д. Его и пленяла возможность в мужской любви, т<ак> сказать, сыграть на шармака. Дешево же стоит тогда его переделка. Вышла сцена; не знаю, понял ли он, но все слухи о нем ожили в моем воспоминаньи. Кое-как примирились. Поехали сниматься. Снимались уже весело[3]. Прошли к Кузнец<ову>, но его не было дома. Я отпр<авился> к Дризену, экземпляр готов уже[4]. Полетел обрадовать Глаголина. Тот оставил меня обедать. Атмосфера-то у них все-таки несколько содержанская, но с опереткой может и выгореть кое-что. Пошли в гараж и поехали в М<алый> театр, сначала, впрочем, за покупками. Вечер был нежен и тих. Занавес Судейкина очень хорош, пестр и ярок[5]. Дома узн<ал>, что звонил Кузнецов, но его самого не было ни дома, ни у М<арии> Дм<итриевны>. Пошел к Всеволоду, попал там в семейные недра; Всеволод как-то даже велик для таких рамок, а держат его как 11-летнего. Были милы. У нашего подъезда стояли Блок и Пяст, но первый не пошел к нам. Были Гумилевы, Толстые, Анич<ков>, Верх<овский>, Чулков, Мандельшт<ам>. Читали много. Ник<олай> Ст<епанович> остался у нас ночевать; у них Всев<олод> всех пленил. Гум<илев> говорит, что это самый красивый мужщина <*так!*>, которого бы он видел. Аничков болтал со мною о кабаках.

5 (вторник)

С утра пришедший Всев<олод> был уже выбрит, так что мне пришлось заставлять его ждать, когда я брился. Заезжали к Валечке, потом гуляли по Невскому. Говорит, что все зависит от меня. Билет ему прислали. Я кое-что написал. Пришел Скалдин,

* Предлоги (от *франц.* pretexte)

пришел Чулков, покуда я одевался. Ехали со Всеволодом раньше. Народу было мало. Сначала сидели с Гум<илевым>, Мейерхольдом и Стеллецким, пили чай, я ухаживал за нашим мальчиком. Вдруг является и Ник<олай> Дм<итриевич>, получивший билет. Сидел с нами, кажется, несколько пикированный. Юрьева не было, к благополучию. Всеволод предложил идти в кофейню после доклада, но я предпочел к себе. Доклад был туповат, но интересен[6]. Стеллецкий все хулиганил. Пошли втроем, но у Екатер<ининского> канала взяли извозчика. Н<иколай> Дм<итриевич> пошел, бедный, один, в своем пальмерстоне. Покуда я торговал<ся>, Вс<еволод> секретничал с Птифуром чего-то. Дома был Сюннерберг. Со Всев<олодом> уговорились начистоту, что кому надо, он согласился. Совсем разморился, почти засыпал. Я еще вылезал в гостиную, кажется, шокировав этим Веру.

6 (среда)

Н<иколай> Дм<итриевич> телефонировал, что не будет за мною заезжать. Отправился один к Сапунову. Дивная погода, но у меня почему-то сильно болела голова. Писался. Приехал и Птифур с конфетами. Только что я вернулся домой, как мне передали телефон Гумилева, зовущего меня к Лейнеру. Мне не понравилось, что там будет Чулков, но, подумав, что Гумми, может быть, достал денег, я отправился. Тот действительно привез чек, но скука была бездарная. Выдумали купить эфиру, заехать за Зноской, вызвать Мейера, взять 4-х дам, для меня кого-нибудь и отправиться, устроить вечер Т. Готье. Мне поручили вернуться и пригласить посыльного. Чулков ждал меня в «Café de Paris», Гумилев же отправил<ся> за Зноской. Предварительно зашли за эфиром. Вернулся и взял мальчишку, с которым и пошел по Невскому, ведя разговор, как его зовут, да долго ли он стоит и т. п.[7] Наконец, предложил ему разделить с нами компанию. Но он сказал, что он не господин и что отец его забранит. Тогда, приведши его в кафе, я написал: «Милый М. А., вы любите одного Князева и оставайтесь ему верны» и послал на Таврическую. Мальчик краснел, стеснялся и просил прибавки. Кафе закрылось. Поехали в шахматное собрание, где Женя играл с 30 людьми[8]. Гумилев туда не приезжал. Посмотрев на гимнастеров из немцев, зашли еще к Мейеру, где все спали. Куда делся Гумми — неизвестно. Приехав домой, у подъезда встретил Костю в параде. Это красиво, и он очень милый мальчик.

7 (четверг)

Брился, был в банке. В Малом театре все еще и не думают приготовляться[9]. Актерики есть ничего себе, но в общем достаточно бордельно. Все надеются на успех и на весь май. Закусывал там

слегка. Опять чудо погоды. Всеволод прислал суховатую записку с отложением на 2 мая. Это или романтическая деликатность, или холодность и желание увильнуть. Придет только в пятницу днем. Заезжал за платьем. У Сапунова было хорошо. Планы насчет клуба[10]. Разговляться у Коровина, хотя это будет и скука адова. Обедали в Мариинской постное, там что-то есть от Москвы. Пошли по Гостиному в Казанский собор. Вечер так очарователен, все распущен<н>ы, сидят, гуляют. Сели потом у собора, присел гимназист, все время слушая наши разговоры о Юрьеве, Дягилеве, Всеволоде, кокаинисте. Он внимательно слушал, улыбаясь, мимируя, вообще всячески реагируя. Ушел отравленным. Имеет ли наша жизнь, наши имена обаяние и блеск для кого-нибудь? Решили поехать к Валечке. Он сидел в ожидании Мифика и Воробьева. Первого для того, чтобы идти искать для него подходящего объекта. Поехали по Невскому. Я с Сапуновым впереди. Увидев подходящего юнкера, мы сползли с извозчика и устремились за ним до угла Литейного. Я захотел пить, пошли в «Квисисану», откуда Мифик заехал за своим пакетом к Вал<ечке>, и домой; Сапунов к себе, а я заехал за Н<иколаем> Дм<итриевичем>, чтобы пойти к Лейнеру, где уговор<ился> встретиться с Валечкой. Я пил абсент. Потом катались на ауто. Завтра, может быть, увижу Всеволода. С 9<-й> л<инии> письмо. Зовут в пятницу. С Н<иколаем> Дм<итриевичем> у меня какая-то сдержанная нежность. Нежится и он, чем-то печально тронут. Всеволод — человек капризный и очень ненадежный. Вообще как-то я весь расстроился. А писанье, дела отошли куда-то в область преданий. Нужно встряхнуться и достать денег, но как это сделать? Первое без любви невозможно. А работа, работа, работа? Где она?

8 (пятница)

Всеволод не приехал, но <пришел> Гумилев, который попросил у меня 50 р. до четверга, так что я остался без копейки. Ник<олай> Дм<итриевич> с начинающимся флюсом, но пошел гулять со мною. Валечка ему уже звонил. Я был очень опечален неверностью Всеволода. Милый Ник<олай> Дм<итриевич> был душевен и трогателен. В «Пантеоне» дали гроши. Дома никого не было. Я не думал, что поступки Всеволода так будут на меня влиять. Делал пасху. Сапунов звонил. Завтра в 10 часов. Никто не писал и не приходил, только Костя утешал.

9 (суббота)

Откуда достать достаточных денег? Ездил бриться с Костей; долго ждали; на репетицию не поехал. Барышни причащаются. Смутно и даже горько у меня на сердце почему-то сегодня. Из

«Пантеона», конечно, ни черта не прислали. Поплелся в «Аполлон»; заперт, случайно находится Женя, который дал мне несколько денег. Ходил по Невскому, какая скука! Дома что-то делают, болтается Троцкий. Обедали, стал одеваться. Вдруг является Всеволод, показался мне сбивчивым и фальшивым, с детскими фасонами и отлыниваньем. Поехал к Коровиным. Ник<олая> Ник<олаевича> там еще не было. Потом пришел и он, была страшная скука, сытно, тяжко и томительно. Дома еще не возвращались, изнывал Троцкий. Все было для меня погребально и тупо; плохая, mala Pascha* была мне сегодня. Идет лед; темно и холодно.

10 (воскресенье)

Хандрю и сплю. Дождь. Ко Всеволоду не пошел, а написал ему решительное письмо. Что-то будет, но я не хочу, чтобы меня водили за нос. Вечером читали «Cor ardens»[11].

11 (понедельник)

Брился, был у Petitfour'a. Он болен, не выходит, мил. Всеволод прислал форменный отказ. Tant pis pour lui**. У Сапунова был Щукин. Так как я с утра не ел и был расстроен несколько письмом Всеволода, то во время сеанса мне сделалось худо. Поехали обедать, после чего, взявши Валечку, отправились в Народн<ый> Дом. Отвратные тапетки, старые тетки, вонь, жара и духота[12]. Опять втроем направились к Лейнеру. Извозчик говорил глупости какие-то. Вернулся еще в разгар вечера. Вытащили меня.

12 (вторник)

Встал поздно и обиделся. Утром у нас обнаружилась Н. В. Гольштейн, чем я еще раз обиделся. У Птифура было мило, была и М<ария> Дм<итриевна>. Заехал к Валечке, который все перезабыл и спал. Позировал. Обсуждали мою ссору со Всеволодом. Дома никого не было. Вечером была Гумильвица и Толстая, играл Сонечке оперетку[13]. Не знаю, как быть с Князевым.

13 (среда)

Послал Всеволоду письмо. Не знаю, что выйдет. Брился. Долго позировал Сапунову. У Чичериных было мирно и славно. Дома были юнкера, играющие в карты. Был Князев, оставивший милую записку. Неужели все вернется? Был Ракитин, какой-то гимназист из Вологды. Все это я пропустил. Завтра репетиция — как занят день! а дела я так и не делаю никакого.

---

* Дурная Пасха *(итал.)*.

** Тем хуже для него *(франц.)*

14 (четверг)

Был на репетиции; меня прямо заставили танцевать. Не очень-то мне это нравится, хотя есть и ничего себе партнеры. Заезжал к Ник<олаю> Дм<итриевичу>: оказывается, он еще не возвращался после вчерашнего. У Сапунова долго позировал. Пошли к Лейнеру, где ползали<?> Качалов и Миклашевский. Опять заехал за Ник<олаем> Дм<итриевичем>, опять нет дома. У Сомова тихо, мирно, уютно, Валечка был достаточно скромен, Птифур мил и держался меня, Сомов был трогательно мил, пел по-старому. Хорошо возвращались с Ник<олаем> Дм<итриевичем>.

15 (пятница)

Всеволод приехал блистательный и нежный. Читали стихи, Ракитин вызвал меня в «Метрополь», где были еще Мейерхольд и Пронин. Беседовали[14]. Я с Юрочкой поехали за папиросами, потом домой. Всеволод в театр не пошел, но просил заехать за ним, не подымаясь. Не знал, что это значит. Кажется, ничего особенного, хотя Витторф говорил вздор вредный про меня, Гаврила Мих<айлович> меня защищал. Ехали под капотом, изредка целуясь. Валечка стал тотчас хвататься за Всеволода. Тот таял и кокетничал, я сердился, Ник<олай> Дм<итриевич> был мрачен и все пил. М<ария> Дм<итриевна> болтала напряженно. На обратн<ом> пути Petitfour все с другого извощика тянул к Палкину. Без меня приходил бедный гимназистик, миловидный и plutôt* большой, как выразилась Вера. Вяч<еслав> еще не спал и читал поэму, девица нервничала. Гумилев позвал Князева в воскрес<енье> днем, а меня не звал: это не хорошо.

16 (суббота)

На репетицию не поехал. Валерская звонила о танцах[15], тепло и дождь как из ведра. Всеволод опоздал, но поехали с ним к Буасона. Карточки лучше, чем первые. Князев мил, но ненадежен. Заехали к Коленьке. Тот брился, вчера катался с Валечкою; по-моему, этот его шпокнул в автомобиле вчера или сделает это в понедельник. На сегодня Женя билета мне не взял, так что Всеволод перед дядей хотел прийти ко мне. Расстались; я поехал к Валерской. Глаголин был без воротника, толстый и белый, как баба после бани. Вдруг является Хованская; вытащила карточки, намекала, что я бросил Птифура, говорила с ним по телефону, звала меня и его к себе. Говорил с ним и я, и Глаголин. У Лейнера Ракитина не было, обедал один, когда уходил, вдруг выходит и Юрочка: оказывается, мы оба сидели в разных углах одного и того же ресторана и не виде-

* Довольно-таки *(франц.)*.

ли друг друга, вот занятно. Проводил меня по Невскому; на западе небо вихрилось желтым опалом. Тепло и сыро. У нас куча девчонок, я не люблю их. Мейерхольд уже ушел. Всеволод и на этот раз пришел позднее, будто нарочно. Поехал его провожать до Мих<айловского> училища. Как тепло и хорошо, хотя я уверен, что в мае мы поссоримся из-за того же самого. Ну, там видно будет. Я думаю, что если я с Ник<олаем> Дм<итриевичем> поедем в Париж, тоже ссор не оберешься. Валечка звонил, прося приехать к Потемкиным; там было довольно скучно, хотя Потем<кин> стал как-то лучше. Дома еще не спали. Что-то будет?

17 (воскресенье)

Никуда не ходил, но и писал мало. Тепло. Наши собираются в Царское. Обиделся, что звали Князева без меня. Заходил к Ремизовым; там, кажется, воображают, что я сошелся снова с Судейкиным, — вот гадость! Мейерхольд <не приехал>, но Головин приехал, довольно зря, так как о «Маскараде» могли говорить только приблизительно[16]. Говорили и о балете. Ох уж эти мечтатели. Были Садовской и Кожебаткин. Рассказы о Москве, Брюсове, Гоцци[17] и т. д. развеселили меня, и явилось желание работать. Но одного желания мало. Денег у меня ни гроша. Очень соскучился по Всеволоде. Глаголину ничего не сделал. Говорил по телефону с Ник<олаем> Дм<итриевичем> как-то задушевно; он-то поехал в Царское.

18 (понедельник)

Дождь. Не хочется ехать. Ник<олаю> Дм<итриевичу> тоже, но Всеволод настаивал. Съехались у Птифура. Пили там Помар. У меня заболела голова, и я начинал обижаться на Всеволода. Поехали кататься, потом заехали в Балаб<инскую> гост<иницу>, куда нас не пустили. Переодевался Всев<олод> у Ник<олая> Дмитриевича. К Палкину в номер. Валечка вел себя на 5, Ник<олай> Дм<итриевич> был мрачен и возмущался Всев<олодом>, я изображал Шарлотту Кордэ, но Всев<олод>, Всев<олод> совершенно опозорился: более глупо себя вести, более лезть к Валечке было невозможно. Потом он же на это обиделся. Он будет низок, когда развернется, если уже теперь не есть. Обещал, тем не менее, завтра вечером прийти ко мне. Мне это стало как-то все равно.

19 (вторник)

Чудное солнце, болит немного голова. На репетицию не поехал. Зашел к Н<иколаю> Дм<итриевичу>, он в чудном духе. Была и М<ария> Дм<итриевна>. С нею поехал на В<асильевский> О<стров>, она проводила меня до Сапунова, там я то спал, то позировал. Кожебаткин не ехал. Сошлись с ним только у Лейнера.

Пропустил Головина, и пошли в «Регину», где и пили шампанское. Голова моя прошла. Условились встретиться в 12 ч. Дома была записка от Князева, уведомляющая, что, по случаю бани, он не приедет. Лег спать; в «Регине» еще пили, потом поехали в «Казино», которое оказалось запертым, и, наконец, поехали в «Palace-Théâtre»[18]. Как Local* и услуги, это не оставляет желать ничего лучшего. Мне понравился один продавец роз. Когда огни были потушены, засветились кабинеты, откуда неслось пение, вздохи и крики, очень возбудительно. Вернулся; еще у нас не спали.

20 (среда)

Дождь и гадость. Был на репетиции. Заехал к Князеву сказать, что не поеду с ним. Он был один, кормил меня завтраком, объяснялись. Обещал рано вечером приехать. Приехал не так уж рано, но был мил; играли. Сидели, болтали, целовались. Валечка в эт<от> день сидел до 2-х часов с Птифу<ром>; шпокнул ли он уже его, я не знаю.

21 (четверг)

Был на репетиции. Болела голова смертельно. Насилу доехал до Сапунова, спал там. С Кожеб<аткиным>, Женей и Мейером обедали, потом я заехал за Птифуром и весело отпр<авились> к Головину. Там была куча народа. Пел Лабин<ский> вместо Собинова[19]. Мне надоели Сологубы и Недоброво. Пошли в «Режину», посидели, поели и отпр<авились> в «Pal<ace>-Th<éâtre>»[20]. Там я ухаживал за продавцом роз и посадил ему цветок в петлицу. Н<иколай> Дм<итриевич> на это страшно обиделся и покраснел. Были бы деньги, ходил бы каждый вечер в театр и покупал бы розы. Он уже прекратил ходить и передал другому свои розы, но его извлекли по нашему требованию, и даже дважды. Вел себя с большим достоинством.

22 (пятница)

Заехал к Зноске. Жарко на улице; там уже был Всеволод. Будто по-старому. Пили кофей. Потом зашли за карточками, в Мал<ый> театр, в рамочную, к Филиппову, потом ко мне. Всев<олод> был крайне, крайне мил. Звонил Валечка. Поехал к нему, он завтра уезжает, уверяет, что с Н<иколаем> Дм<итриевичем> ничего не было, бранит Всеволода и т. д. У Сапунова был уже Кожебаткин. После долгих распрей отправились обедать на поплавок: долго, скучно и дорого. Прошлись Летн<им> садом. У Князевых попал в недра. Играл, беседовал с папашей, с мамашей, потом со Всево-

* Ночное кафе *(нем.)*

лодом долго говорил, выходили даже на балкон. Он был в кителе, очень тоненький и гибкий. Так объяснялись, что даже расстались не совсем хорошо. М<ария> Петр<овна> подарила мне меду, предназначавшегося Батюшкову. Дома из Академии еще не возвращались, когда я лег спать[21].

23 (суббота)

Был у Сапунова. Обедали вместе. Заехали к Кожебаткину, где были его знакомые. Сапу<нов> отпр<авился> к доктору, Кож<ебаткин> провожать свою гостью, я же остался в гостинице, читал, лежал, бродил. Приехал Н<иколай> Н<иколаевич>, пили чай. Когда прибыл Кожебаткин, отправились рано в «Пал<ас>-Театр»[22], опять та же игра с розами, хотя мне еще больше понравился, пожалуй, афишер, кот<орый>, по-моему, тоже делал авансы. Потом отпр<авились> в бар на автомобиле; никого там не было. Я капризничал и засыпал. Вот и все, кажется. Скоро и в «Паласе» нас будут знать, если уже не знают.

24 (воскресенье)

Жара неистовствует. Зашел к Князеву, который еле вставал; поехали в Летний, гуляли до одурения; никого интересного. Всеволод был мил до крайности. Катались, отвез Вс<еволода>, сам же направился в театр. Оркестр волновал меня, так как я слушал свои звуки[23]. Обедали с Кожеб<аткиным>. Катались. Был Всеволод. Проводя его, отпр<авился> опять в «Регину», где застрял. Поехали в Буфф, где должны были быть Сапун<ов> и Потемкины[24]. Устроил тесноту насчет «Palace-Théâtr'a», разобиделся и уехал домой.

25 (понедельник)

Обижен. Решительно не помню, что было. Да, вечером был Всеволод. Катались с ним на острова. Очаровательно, особенно назад. Так нежно, тепло и печально. Дома закусывали. Целовались. Он всегда отлично реагирует. Провожал его. Дома были гости и Городецкий. Скучновато было.

26 (вторник)

Всев<олод> зашел в театр. Гуляли с ним. Вечером был Н<иколай> Дм<итриевич>, посидели тихо, мирно, успокоительно.

27 (среда)

Всеволод пришел в театр, но, не дождавшись, ушел, обиженный. Ушли с Птифуром раньше конца. После обеда заехал за Князевым и были в театре. Хотели уйти от «Свадьбы», но досиде-

ли[25]. Юрьева не видали. Поехали к нам пить чай. Всев<олод> был очень мил.

28 (четверг)

Был на репетиции. Заходил Н<иколай> Дм<итриевич>, гуляли с ним, пил у него чай. Не помню, что делал вечером. Кажется, сидел дома.

29 (пятница)

Репетиция. Ничего себе. Музыканты льстят. Поехал к Сапунову, от которого утром был телефон. Они с Кожеб<аткиным> отпр<авились> потом в «Зол<отые> львы», оттуда же в Кронштадт, причем по выезде из Питера заснули и разбудили их уже опять в Петербурге. Ездил с ним к доктору. Мальчишка ничего себе. Обедали. Шлялись по Невскому, были в кинематографе. Рано вернулся домой.

30 (суббота)

Генеральная репетиция[26]. Уныние меня не покидает. Заезж<ал> за Н<иколаем> Дм<итриевичем>, он был со мною и утешал меня. Не знаю, что-то будет? Был кое-кто. Ауслендеров не было. Я не знаю, отчего я печален, вероятно, оттого, что предчувствую плохие сборы. Дома обрел приглашение от Сологуба. Князева еще не было, когда я к ним пришел. Он обижен, расстроен, говорит, что я его разлюбил и т. д. Скучно. Мать и сестра были дома. Провожал меня. Сологубов насилу нашел, суясь в подозрительные дома. Наконец обрел. Аничков еще читал. Было по-провинциальному скучно. Подвез домой меня Гржебин. Боже мой, неужели мы прогорим с Н<иколаем> Дм<итриевичем>, Всевол<одом> и со всеми?! Потемкину интриговал насчет «Интермедии»[27].

Май

1-го (воскресенье)

Волнуюсь ли я? будто замер. Днем был у Сапунова, завозил билет. Был там Потемкин. Заезжал за Всеволодом. Я не помню, что было. Знакомых немного. Успех был неожиданный и полный. Поднесли венок. Милый Н<иколай> Дм<итриевич> прислал роз, которые расхватали в театре же. Гум<илев>. Зноско куда-то хотело *<так!>* со мною ехать, но остались только Сапунов, Кузнецов и Потемкин. Отвез Всеволода, заехал к Лейнеру и направились неизбежный «Palace-Théâtre». Было очень хорошо, но я как во сне[1].

2 (понедельник)

Брился снова. Всеволод был готов, ездили в Павловск; холодно; это на руку театру. Гуляли, обедали, была маленькая теснота. Возвращались одни в вагоне. Всеволод был желаннее, чем когда бы то ни было. Все обошлось как нельзя лучше; Всеволод, кажется, был доволен и вел себя трогательно. Я еще вылезал к гостям. Гумми у нас ночевал, но был какой-то надутый.

3 (вторник)

Были домашние Ауслендеры. Едут в Васильсурск. Заехал к Н<иколаю> Дм<итриевичу>, он рассеян; прибыл Пизистрат. У Сапунова несколько развеселились. Обедали у Лейнера. В театре оживленно. Поместили Ауслендеров в ложу. Сбор порядочный. Хотел поехать в бани, но отправился в «Palace»[2]. Сидел хозяин, и цвет<очник> побоялся ходить с розой «как барышня». Афишер, цв<еточник> и пальтовщик меня знают и раболепствуют. Но отчего-то смутно мне.

4 (среда)

Приезжал к Вяч<еславу> Зноско, просил его быть в «Интермедии», где они боялись, что он не будет, так как они со мною «в ссоре». Узнаю манеру Мейерхольда все раздувать и обижаться. Заехал к Птифуру, пошли гулять с ним, купил ему запонки. Бродили хорошо. Пока я обедал у Лейнера, он сидел. Потом он отправился к Познякову, я же к Князеву. Тот был в леоновском доломане[3]. Поехали кататься в открытом моторе, потом вернулись и взяли закрытый. Холодно очень. Вернулись ко мне. Сапунов телефонировал, сговариваясь вечером. Всеволод был очень мил и даже предприимчив. Кстати, он получил бумагу, вызывающую его в лагерь под Москву к 20-му. Съехались с Коленькой у Лейнера, отправились в «Палас». Мальчишка, разумеется, ходил без розы, но афишер старался вовсю. Я все-таки надулся слегка. Коленька все тянул в «Золотые львы», но я не поехал, уверяя, что мне там «не на что смотреть будет», хотя бы пригласили младшего дворника сидеть! А в «Интермедии», наверно, веселились*.

9 (понедельник)

Заезжал к Н<иколаю> Дм<итриевичу>. Тихо и хорошо там. Прошелся со мною по Невскому. Но Сапунова не было дома. Оставил записку и обедал один у Лейнера: за соседним столиком говорили о «Забаве». Было рано еще ехать к Кузнецову, и я отправился на 9<-ю> л<инию> к старым знакомым, но было не очень

* Окончание IV тетради дневника

весело. С ужасом думаю, когда же начну копить деньги! Н<иколай> Дм<итриевич> ждал уже меня, подвился и был мил чрезвычайно. Ели мороженое и пили cordon rouge. Как-то странно говорили о тайных обществах, масонах и т. п., близко и странно. Приехал Сапунов, все изменилось, стало тоже недурно, но по-другому. Поехали в «Аквариум». Программа довольно дрянная[4], сидели долго. Скучно мне чего-то.

10 (вторник)

Покупал кое-что. Гулял со Всеволодом. Из театра его выставили; он был очень расстроен и звал меня домой. Мне нужно было получить деньги[5], и я просил его подождать и ехать потом ко мне, но он обиделся и, бедный, поплелся домой, прося не приходить днем и отказавшись идти вечером завтра. Я вернулся тем не менее. Были Толстые, Позняков, брат Валерской. Судейкин меня предупреждал о заговоре против меня со стороны Маковс<кого>, Врангеля и Каратыгина. Я знал отношение музыкантов к оперетке, но не знал, что это так злобно[6]. Расстроил Юрьевич меня, и Всеволод, и все. С Чудовским поехали в «Palace». Журавлева не было, но Котов и Сережа меня приветствовали. Приехал и Позняков. Кажется, мы вели себя неприлично. С<ергей> С<ергеевич> переговорил с афишером на воскресенье, розы мы посылали даже буфетчику. Севши на мотор, как-то взяли с собою одного из стоявших у подъезда, оказавшегося пальтовщиком из «Паласа» же. Нас не пустили ни в «Ниццу», ни в «Отель des îles», наконец, попали в «Приморскую». Мол<одой> чел<овек> был очень мил, обещал устроить Котова и т. д., пили красное вино, Позняков уехал. Потом я плохо помню, что было. Весь мрак прорезывает ощущение белого, упругого, узкого тела подо мною. Как я вернулся, не помню. Звонили в тел<ефон> Кузнецов, еще кто-то; часы показывали час, но было 5.

11 (среда)

Денег никаких не оказалось. Кому я где их отдал, я не помню. Дуня уверяла, что утром, приехав, я еще уходил. Меня испугало такое сообщение, но, кажется, ей показалось, просто я проспал где-нибудь. Галстух тоже потерял. Сколько бы я ни тратил, все деньги истратить я не мог. Все лежал. Вернулась Кассандра из Москвы, Гоцци не привезла[7]. Куда-то я проваливаюсь. Все перессорились, постановку раздувают в инцидент. В 9 ч. прибыл Н<иколай> Дм<итриевич> в безотрадности какой-то. Пили чай мирно и хорошо. Читал он вслух «Ecole des femmes»[8]. Я был без пенсне, лицо его, казалось, менялось каждую минуту. У меня жар, но все больше и больше ощущение прохладного, крепкого тела подо

мною, почти неизв<естно> чьего, меня преследует. По-моему, я схожу с ума. Но деньги, деньги? Какой, к черту, Париж! Всегда, когда я вижу Н<иколая> Дм<итриевича>, сожаление о чистоте, о мирном житии у меня возобновляются. Что делать, что делать? 2000 истратить в неделю, не безумие ли это? Ну, будь что будет! Нужно уехать.

12 (четверг)

Чудная погода; вероятно, сборы будут плохи. Заезжал к Петифуру; еще мутит; там была М<ария> Дм<итриевна>. Вместе весело пошли по Невскому до Гвардейки[9]. Встре<ти>ли брата Валерской. Сапунов был дома. Позировал. Обедали вместе; опять зашел к Н<иколаю> Дм<итриевичу>, не застал его, но встретил на Невском. В театре уныние от плохих сборов. Брат Валерской крайне мил. Заехал еще за Н<иколаем> Дм<итриевичем> и поехали кататься. Потом в «Виллу Родэ». Кататься было чудно, но в «Вилле» значительно менее[10]. Н<иколай> Дм<итриевич> будто нежен ко мне.

13 (пятница)

Жарко; что будет с театром? Заходил ко Всеволоду; ему угодно капризничать и сердиться. Tant pis pour lui! Сапунова не застал. Обедал один, но к Лейнеру же сначала заявились Ракитин и Мосолов, затем Зноско и Гумилев; последние с нами не сели, но Зноско здоровался и даже целовался со мною. В театре порядочное уныние. Были братья Валерской, но, не увидав Христофоровой, не поехал на Подольскую, а с Петиф<уром> и Ник<олаем> Ник<олаевичем>, прихватив встреченного Ракитина, поплелись в «Palace». Котов обещал воскресенье, но Сережи не было и того пальтовщика тоже. Мейерхольд очень хочет «Маскарада», по словам Ракитина. Выходя, нам предлагали таксомотор, говоря: «Мих<аил> Ал<ексеевич>, таксомотор не угодно ли?» Такая популярность меня тронула. Но что я делаю, я сам не знаю. Я валюсь куда-то, хотя отношения, кажется, снова начинают налаживаться. Но что будет со сбором? Только бы там не падали духом при первой неудаче.

14 (суббота)

Жара все такая же. Сижу дома, жду Ракитина. Приходил Иванов, сюсюкал чего-то про Игоря Северянина[11]. Я падаю, по-моему. Юрочка явился в 10-м часу. Поехали кататься. Чудно на Стрелке. Но как все от меня отходит: «Аполл<он>», театр, деньги, все, все, теперь Князев, а главное — способность писать весело и много. Заехали в «Буфф»; там упражнялся Феона, но оперетка дрян-

ная[12]. Скучно. Ужинали в «Palac'e». Ни Сережи, ни моего пальтовщика не было. Подтвердил еще раз завтрашнее свиданье. Тоскливо мне необычайно.

15 (воскресенье)

Жара так же неистовствует. М<ария> Дм<итриевна> только сегодня уезжает. У Petitfour'a был Шаров. У Сапунова застал Потемкина. Читал он о Gozzi; какая прелесть, как бодрит! Обедали в садике «Малого Ярославца». Мне жалко почти денег на афишера. Поехал в театр. Там уныние. Понед<ельник>, вторн<ик> отменены, брат Валерской уехал, заняли<?> Сабинина, что ли? Глаголин пел Лазаря, скрывался, путал и жалобничал. Я уступил, только бы он доплатил то, что осталось додать. На вокзал приехал рано. Мне теперь стыдно самого себя. Я ничего из платья не сделал, не скопил, не купил. Все пропил, обокраден, надут. А чистому и милому Н<иколаю> Дм<итриевичу> как смотреть в глаза? Было жарко, буржуа ползли с детьми и ветвями черемухи. Несносно. Куда-то мы проваливаемся, но вместе с тем чтение о Гоцци, мое позирование меня бодрит несколько. Но я знаю, что ничего не выйдет. С «Аполлоном» же у меня, кажется, не на шутку разрыв. Что-то будет?

16 (воскресенье)

Утром пришли Мосолов и Лозинский. Играли много французов, хотят основывать общество, веселиться, говорили о Мейере: все-таки, его всегда влечет к недоноскам, довольно бездарным. Но вечером, несмотря на свое обещание, Всеволод не приехал. Вечером я отправился на 9<-ю> л<инию>, там много пил и пробыл с 8 ч. до 3. Был и Семен, и Данила. Но ничего себе, было мило. Дома застал еще Мандельштама, который собирается отправиться в Rio de Жанейро на купеч<еском> судне[13].

17 (вторник)

Гулял долго с Н<иколаем> Дм<итриевичем>. Заходили к портному, заказывал пальто; встретил улан — Конст. Канкрина и др. Позвал его вечером, думая, что Князев окончательно на меня надулся. Стонал об обеде. Но Всеволод пришел, покаянный и милый, до того, что другой явился как раз au moment suprême*, так что ему даже пришлось подождать. Меня порою охватывает безумная жажда новых и нов<ых> тел, которые за то лишь, что они мужские тела, следует боготворить. Играл свою оперу, Н<иколаю> Дм<итриевичу> не понравилось, мы спорили достаточно запаль-

* В решающий момент *(франц.)*

чиво, к удовольствию Всеволода, который вскоре и ушел. Petitfour читал мне еще Мольера; мы помирились, разумеется. Как славно. Только деньги меня удручают.

18 (среда)

К Сапунову забрался рано. Всевол<од> меня провожал. Даже его домашние забеспокоились его отсутствием. Долго позировал, но в итальянский кабачок ехать отказался. Приехал домой. Ужасная погода, ветер, пыль, дым, холод. У Всевол<ода> было мирно и хорошо. Несколько по-детски, но ласково. Ликиардопуло просит перевести стихи Бирдслей[14]. Не возвратиться ли мне aux douces habitudes de travaille?*

19 (четверг)

Я теперь понимаю, что полная растрата денег меня мучит более всего. Н<иколай> Дм<итриевич> нервничает и ждет путешествия, рассчитывая, что у меня 3000, когда у меня нет ни копейки. Портной отгласил, так что мне пришлось только зайти к Н<иколаю> Дм<итриевичу>. Гуляли скверно, des bourgeois endimanchés** нас раздражали. Вечером был в театре, сбор неплох. Шел пешком. Лидинька была в восторге.

20 (пятница)

Проспал; обиделся; позировал; искали Тани, но попали в Мариинскую. Оттуда заехали к доктору, Петифуру и поехали кататься. Все было превосходно. Но потом Н<иколай> Н<иколаевич> вздумал ехать пить чай в «Малоярославец». Это было очень тоскливо, все раскисли, а я, вместо того чтобы заниматься, проболтал, вернувшись домой, с Вячеславом. Семена надул, значит.

21 (суббота)

Мерил пальто; заказывал пиджак. Н<иколай> Дм<итриевич> мрачен, но несколько повеселел от заказа. Вернулся домой, заехав за провиантом. У Князева, который был крайне мил, посидел. Катались отлично; еще гуляли. Дома было очаровательно; у него какое-то царственно-пышное без полноты тело, источник наслаждения. Потом он страстен, прост и деловит, скор. Провожал его. Шли люди из Тавриды. Беседовал еще с Вяч<еславом>. Читали роман Толстого[15]. Утром позировал у Пархоменки.

---

* К милым рабочим привычкам? *(франц.)*

** Буржуа, по-воскресному разодетые *(франц.)*

22 (воскресенье)

Заезжал к Князевым. Гулял с ним в Летнем. Встретили Наумова, он бледен, скушен, но по-прежнему очарователен[16]. Поехал к Сапунову, там был С. С. Позняков, тотчас же удалившийся. Через несколько минут звонки, стукотня в дверь, мы не отпирали. Наконец, вламывается Потемкин, сломав дверь. Обедали у Палкина на балконе; беленький лакей, оттерев нашего, служил нам. Поехали в Зоологический[17]. Скука. И ужасно в «Яру». Гадость. Всю ночь не спал.

23 (понедельник)

Проспал, кажется. Петифур мил и весел. Поссорился с Ветвен<ицкой>, отец его разорился. Был у него Шаров. Ходили по Невскому. Дома никого нет, даже Веры. Солнце и жарко. Обедал один. У Князевых было неплохо. Не скучновато ли? Дома еще Пяст читал Тирсу[18], но я не появился. Потом узнал, что был Мейерхольд. Спал, как убитый.

24 (вторник)

Наверно, будет гроза. Гулял со Вс<еволодом> в Летнем, привязался Залеманов. Дома обедал, у Вс<еволода> разболелась голова от грозы. Пришел Н<иколай> Дм<итриевич>, беседовали, пили, ели. Спорили о Лермонтове почему-то. Наши зовут меня на Волгу с ними. Провожал мальчиков. Князев хочет кутить с нами, но не будет ли это скучно? Написал письма Глаголину и Мейерхольду[19].

25 (среда)

Вот и дождь. Брился. В театре смута: все разъезжаются, Слуцкий надул. Глаголин очень мил и обещал устроить дело. Нужно работать много. Заехал к Князевым, проводил его на Петербург<скую> сторону. Дома пописал немного. В театр приехал и Ник<олай> Дм<итриевич>. Оркестр был ужасен, публики много, блестяще, хороший успех, Преображенская крайне мила, но в кого я совершенно влюбился, так это в Сабинина, вот душка.

26 (четверг)

Что было? С Птифуром были у Познякова. Он какой-то смутный и скучный. Мне как-то совестно Ник<олая> Дм<итриевича>. Его искренней радости от предстоящего путешествия и полного отсутствия денег. Поехали вместе к Сапунову, но я не позировал. Обедали вместе в Мариинской, все там скисли. Да, перед «D'Angleterre» заходили справляться в Ллойд, забрали книжки, рассматривали их любовно[20]. После обеда какой-то рок влек меня в Тавриду, но не праздничный день и, следовательно, отсутствие солдат меня заставили поворотить на Бассейную. Зашел. Честь-чес-

тью. Спросили: «Помоложе?» Прислали мне урода немолодого, вроде Троцкого. Оказывается, Иван еще времен Александра[21]. Удовольствие небольшое, а у них есть и получше. Поехал на Казачий. Содрали. У кассы стоял ничего себе, а встретился и еще лучше. Спросил кассового. Мил, с низким лбом, будто раб. Было хорошо, но хотелось и других, у выхода стояла прелестная фигурка. Но что со мною. Tel excès*, я не знаю. Без меня была сестра Князева, жена Леона, оставила письмо, где умоляет ее спасти и прислать до 12 ч. на Спасскую 500 р.; все время подчеркивает, что она сестра Всеволода и т. д.; ей ни писать, ни телефонировать не велит; письмо в палладическом вкусе, истерическое и подозрительное. Посоветовавшись с Вяч<еславом>, решил ожидать событий. Болела голова, а славно. Бедный Коленька.

27 (пятница)

Всеволод, вероятно, будет настаивать на прогулке. Опять письмо от Ольги Гавр<иловны>, меня сердит настойчивость этой женщины, которой я не знаю. Недостаточно, что она сестра моего любовника, если бы еще это был брат, предложивший тут же бы себя, я понимаю. Был у Кузнецова, кисел; был у Мейерхольда. Обедали; там все интриги и интриги. Заехал за Всеволодом, пошли переодеваться; длилось долго. Был Позняков. Поехали вдвоем. Потом в «Аквариуме» пили чай. Завели какую-то интригу с парой. Были и знакомые. Давни<шние> китайцы. Потом ужинали в «Паласе». Котов обижен на меня. Выходил только когда Всев<олод> не смотрел или уходил. Зовут его Тимофей, живет там же. Послали все-таки розы ему и трамплинеру. Господи, как не швырять деньги молодым людям. В каждом тайна и сокровище красоты и наслаждения. Дома завесили окно. Были до 5 часов. Как сладко и божественно пышно. Я все-таки удивляюсь его возбудимости и своим силам.

28 (суббота)

Проспал, конечно. Был Шульговский. Телефонила Ольга Гавр<иловна>, какие-то комбинации. Был у Ник<олая> Дм<итриевича>, у портного взял пальто. Вечером ходил только бриться. К Князевым не пошел. Сидел дома, играл и дивагировал. Утром был зять. Денег осталось 3 рубл<я>.

29 (воскресенье)

Получил письмо от Всевол<ода>, но к нему не пошел. Заезжал к Тиме, к Познякову, нагло смотрел на лакея. Дома просились Сапунов и Потемкин. Пришли ко мне, обещали ждать меня в

* Такие излишества *(франц.)*

«Сатириконе». Глаголин болен, в театре не был, так что, денег я не получа, поплелся в темноте под дождем в «Сатирик<он>». Поймал их снова в театре, поехали к единств<енному> открытому Albert'у, где нас унижали и мы заводили тесноту.

30 (понедельник)

Я забыл даже, что сегодня назначил Князеву. Деньги прислали. Был у Сапунова, там была Яковлева и Белкин, скучный. Попл<елись> обедать к Лейнеру, где опять подверглись Яковл<евой>, на этот раз уже с С<ергеем> С<ергеевичем>. В театре был старик Суворин; кажется, судьба «Забавы» решена утвердительно[22]. Познакомился с ним. Плелся мимо Тавриды. Ничего. Дома были Мосолов и Мейерхольд. Кажется, инцидент исчерпан. Князев был и ушел, не оставив ни слова.

31 (вторник)

Проспал пароход. Какая-то свобода и жестокость, хотя я не могу отвлечься от его тела. Купил духи Моцарта; как мне не хочется ехать; не надует ли меня Глаголин? вот было бы мило. Приходил Шульговский: трогательная, несколько тупая тетка. После обеда пошел в Тавриду, был один солдатик ничего себе, но ко мне пристал какой-то тип, знакомый Мосолову. Поехал в Казачий. Дали Егора, он лучше Михайла, но скучный. Какое благодетельное учреждение. Всех принимают, кланяются, дают ласки, и не бардак. Тепло и чисто, тихо, как гарем или детская. Дома играл Requiem и читали «Сарданапала»[23]. Что-то будет? Неужели я только бездушный развратник? А где же работа?

Июнь

1 (среда)

Встал безобразно поздно. Проспал Чахотина, портного etc. Заезжал к Птифуру. Он соскучился даже. Дома пришел народ: Чудовский, потом Сапунов, Мосолов, Мейер. С Сапун<овым> заехали за Ник<олаем> Дм<итриевичем> и отправились в «Аквариум». Там была прямо этнограф<ическая> выставка. Сиамцы, американцы, хивинцы, Каза-Роза, Тэффи, Браун в виде прапорщика etc.[1] Было неплохо. Утром отлично катались на острова и домой. Деньги растаяли.

2 (четверг)

Утром были у портного, гуляли, что было вечером, не помню; сладко о чем-то мечтаю, живу, как в полусне. Был у нас Аничков.

3 (пятница)

Утром был Бабенчиков, завез мне приглашение от Паллады на завтра. Зашел к Птифуру, опять к портному. Хорошо писался у Ник<олая> Ник<олаевича>; обедали у Лейнера, было почему-то весело. Заехал к Глаголину, но он находился у Трояновой, обещал зайти к нему в час завтра. Дома играл Моцарта и слушал «Сарданапала».

4 (суббота)

Гуляли долго. Глаголин избежал свиданий. Бабенчиков вроде С. С. Познякова. У Паллады скучно и скромно. Она угасает как-то. У нас был еще Каблуков, несмотря на поздний час. Все наши мечты на Венецию[2]. Как мил Коленька.

5 (воскресенье)

Не помню, что было, пишу неделю спустя.

6 (понедельник)

Пришли Сапунов и Потемкин, играли в карты; я проигрался. Ужинали скучно у Лейнера. Днем был у Ник<олая> Степановича. При мне он одевался и обедал.

7 (вторник)

Гулял с Н<иколаем> Дм<итриевичем>, были у портного. Вечером он и Пизистрат были у меня в присутствии Вячеслава. Он, кажется, был импрессионирован. Сидели долго, музыканили, рассуждали, пили.

8 (среда)

Дождик. Денег мало. Целый день сидел дома.

9 (четверг)

Утром был у Глаголина. Пешком плелся. Обязался кончить «Пенелопу», ставит Коленька[3]. Помчался к нему. Завтракали у Бернара. С Глаголиным сговорились. Впрочем, поездка рухнула[4]. Обедали у Палкина, потом я поехал в Казачий, причем упал с полка. Егор очень мил. Узнав, что Вяч<еслав> и Вера не возвращались, зашел в Тавриду, пошел было за двумя солдатиками, но потом надоело. Дома долго почему-то сидели.

10 (пятница)

Зашед к Ник<олаю> Дм<итриевичу>, не застал его дома, но около портного. Костюмчик сидит неважно. Обедали в «Англии». Весело ехали. Огорчен отменой заграницы. В парке было

ничего себе, но на вокзале народу видимо и невидимо, а Вагнер самосильно скучен[5]. Был очаровательный кавалергард, пленивший нас всех троих. Ужинали в «Аквариуме». Ничего особенного. Все-таки я не могу себе объяснить свинства ко Всеволоду.

11 (суббота)

Погода так же прекрасна. Этот путаник Мейерхольд приехал вместо 10 в 12, когда мне надо было уже ехать к Большакову, и, разумеется, ничего мне толком не рассказал. Притом явился с Ольгой Михайловной. Брился. У Большакова квартира в чехлах, попугаи и кенарейка стоят на балконе и трещат à qui mieux mieux*. Поехал к Коленьке, покуда у него стало лучше и чище, чем в прошлой мастерской, но скоро, наверное, будет так же заплевана. Обедали на поплавке очень долго, там, где милый слуга. Все едят раков. В Летнем встретили Зноску; он едет к Князевым. Шествовали Толстой, Белкин и Комаров, описанный сегодня в «Речи» первым[6]. Мы поехали в «Буфф», где видели «Ее адъютанта», — неплохо[7]. Ужинали там же, радуясь на старинных знакомых «Биль-Виль»[8]. Интересного никого не было. Вернулся не очень поздно.

12 (воскресенье)

С утра писал. Ник<олай> Ник<олаевич> звонил ехать на скачки[9]. Жара и чудная погода. На скачках был павловская казачка <*так!*> и еще более очаровательный гусар. Я с увлечением играю и в конце концов все-таки проиграл немного. Торопились поспеть обедать к Лейнеру. Мимо проходил Потемкин. Мы извлекли его от Доминика и снова поехали в «Буфф», где встречали нас с некоторым почетом[10]. Они куда-то еще поехали, в <Народный> Дом, кажется[11].

13 (понедельник)

Наконец нашел Кузнецова. Мил был до последней степени. Сказал ему, что не едем, принял так мило; просил посвятить ему «Пенелопу»[12]. Обедал дома. Пошел в Тавриду, там ничего интересного, поехал в убежище на Казачьем. Егор очень мил и умеет удерживать. Долго болтали. Дома еще читали «Cor ardens».

14 (вторник)

Утром Коленька звонил, чтобы я за ним заехал. Кузнецов был расстроен, должен был по делам ехать в Руссу сегодня же. Взяли мотор; Потемкин слегка надоел и денег, разумеется, не отдал, равно как и Сапунов. Народу мало: Франк, Зиновьев, Пяст, кото-

* Наперебой *(франц.)*

рый все нашептывал, на кого ставить[13]. Я был в небольшом выигрыше. Была большая гроза, тучи, молния, гром, дождь, лошади скакали дико. Душка Спилboy взял. Кузн<ецов> волновался и говорил: «наш-то», «наши-то»[14]. Заехали к Лейнеру, но Н<иколай> Дм<итриевич> торопился домой и к Тягельскому. Сапунов не отпустил меня. Поплелись в кинематограф, потом к Ник<олаю> Ник<олаевичу> играть в карты. Я проигрался, и был какой-то неприятн<ый> осадок.

15 (среда)

Встал поздно. С утра все звонил Большаков, рекомендуя какого-то баритона. Брился. Сидел дома, писал, спал; вечер бесцельно беседовал. Жалко, что нет денег катнуть завтра на скачки. Написал кое-какие письма.

15–24

Все это время уезжал, то есть со дня на день откладывал отъезд. Надежды на деньги от Крупенского не оправдались, нужно будет ждать Теляковского. К счастью, пожаловал Кожебаткин, с которым мы хороводились напропалую[15]. Но к нам примазался Потемкин, страшно меня угнетая. Н<иколай> Дм<итриевич> очень мил, но мне несколько наскучило трепаться ежедневно по «Аквариумам» и «Буффам», где я завел кое-какие фигли-мигли.

23 (четверг)

Днем был у Птифура, спешил обедать, денег ни копейки. Жанна сказала, что муж уехал на скачки и скоро вернется, но на поверку он приехал с Сапуновым в 4 ½ веч<ера>, проиграв 200 рубл<ей>. Я спешил заехать к Н<иколаю> Дм<итриевичу>, чтобы поспеть к Сомову, но он уже выехал из дому. У К<онстантина> А<ндреевича> было скучновато и кисловато. Валечка еще не приехал.

24

Утром укладывался, покупал кое-что. Денег в обрез. «Куранты» несколько подвели. Пров<ожал> меня Сергей и милый Ник<олай> Дм<итриевич>. Ехать пришлось в I классе почти без денег. Мечтал о чем-то. Лошадей прислали карповских, тройкой. Дома девочки организовали встречу и ужин. Сестра в гостях. Варя на репетиции. Вот я в тихой пристани. Работать, тем более, что теперь от этого многое зависит.

25 (суббота)

Встал рано. Разбирался. Занимался как-то мало. После завтрака пошли к Ек<атерине> Ив<ановне>. Я люблю ее беседы,

она все-таки будто москвичка, временно живущая в Окуловке. Томкевичи звали вечером. Погуляв немного с сестрою, отправился все-таки туда. Было очень скучно и никчемно. Тадеуш мне понравился. Ушли рано. Встретили уезжающего сегодня Годунова. Барометр показывает грозу. Из-за отсутствия марок еще не писал писем.

26 (воскресенье)

Идет дождь, денег нет. Зять завтра собирается уезжать в Боровичи. Письма от Каза-Розы и от Глаголина, как весть из какого-то другого мира. Вечером играли в винт; Богоявленский положительно имеет шарм. Ночью приехал парикмах<ер> из Боровичей для каких-то тайных переговоров. Я заснул под их говор.

27 (понедельник)

Дождь. Пишу понемногу, но мало. Ходили под дождем гулять. Потом вышло солнце, еще прошлись втроем. Вечер тих. У калитки стояли Добряковы. Мих<аил> Тим<офевич?> долго чего-то мне говорил. У сестры какие-то распри с Ек<атериной> Ив<ановной>. Мальчики Венед<иктовы> играли у нас шумно в банк, а сестра мне говорила разные истории. Читал с завистью о скачках[16].

28 (вторник)

Ездил с сестрой на станцию. Вечером были у Ек<атерины> Ив<ановны>. Не помню, что было. Гуляли, кажется, на «Вонь». В лесу хорошо, тихо и мирно. Все-таки деревья неподвижные, небо над нами и далекие зеленые холмы действуют мирно и свято. Ночью приехал зять, мы его ждали; Варя пела вечером.

29 (среда)

То дождь, то солнце. Детский спектакль. Не важно. Вечером были разные люди, играли в карты и лото. Пишу маловато.

30 (четверг)

Все время мелкий дождь. Ездили к Алексеевским; Павла нет — в лагерях, выходит в Егерский. Голубева тоже нет, хочет идти в Николаевское[17]. Сидят вдвоем Алевтина и Андрей, копают уголь, а дама готовит книгу смехотворную о «Спящей России и Иностранном кошельке»[18], разоренные остатки когда-то вольного житья. Промаячили до 6 ч. Заезжали к Николаю в Перетенку. Бабка нянчила внучку, на печи в очень сомнительной позе спал старший внук. Ехали втроем под верхом. Хотели играть в карты, но не нашли партнера. Дети катались на лодке. Проболтались немного в клубе, потом пили чай и легли спать. Думаю встать рано. Вот неделя, а что я сделал? Стыдно. Сегодня получил от Ник<олая> Дм<итриевича>

письмецо. Что-то он делает там, пишет о Валечке, о в. кн. Дмитрии Павловиче, о Познякове. Как-то устроюсь с деньгами?

Июль

1 (пятница)

Был в бане; что еще? не помню. Приехала Алексеевская. Вечером много было народа. Играли в карты.

2 (суббота)

Не помню, что было.

3 (воскресенье)

Письмо от Ник<олая> Дм<итриевича>. Ему плохо в Царском. Вести о городе меня волнуют. Но кажется, что я ни в кого не влюблен, но и не свободен. Был спектакль и вечер. Пустовато все как-то.

4 (понедельник)

И сегодня мало что вышло. Вечером приходили Добряковы и Капесюшка.

5 (вторник)

Ходили к Добряковым, гуляли немного. Вечером сестра изнывала, поехали встречать Олимпиаду Петровну. Та оживит немного.

6 (среда)

Встаю поздно. Это ужасно. Либретто страшно задерживается. Ездил на станцию бриться и встречать зятя. Почему-то сегодня в голову вошел мне XVIII век и я решил больше работать, но, как из всех таких решений, и из этого вышло очень мало. Мне мало кто пишет, Гоцци не шлют. После завтрака разбирали зятевы покупки, обновляли кофейник и т. п. Весь день дождь. Венедикт<овы> мальчики одни поехали на лодке. Прибыла Янинка. Пели «Уланов», чистили вишни. Играли в «пролет по лужам», вечером в карты.

7–13

Работаю много, но успеваю мало, остатки все копятся и копятся, грозя меня завалить. Работается весело, но часто отрывают. В отчаяние почему-то не прихожу. Всего труднее найти время писать музыку. Почти нигде не бываю. Наступили теплые дни, что побуждает еще более тянуть меня туда и сюда. Из Петербурга что-

то замолкли. Газеты тоже что-то замалчивают меня. Трудно будет осенью, но Бог милостив. Коленька уехал в Кострому. Вернулся Годунов, я избегаю его несколько, теперь уже сестра иногда вызывает меня, когда он приходит. Провожали добряковского племянника, такого очаровательного реалиста, что можно было за 10 в<ерст> пройти пешком, чтобы посмотреть на него, а не только что проехаться его проводить. Что еще? ничего, кажется.

14 (четверг)

Встал поздно, проболтался на крокете, так что не поспел всего написать. Вечером наши поехали верхом, я же играл в карты зачем-то. Прогулянный день. Из Петербурга молчат.

Август

1 (понедельник)

Я не знаю, что меня удерживало так долго от писанья этой сухой летописи. Большая занятость, недостаток времени и разные беспокойства. Вот опять я в Петербурге. В квартире замазаны окна, нагромождена мебель, но мои комнаты приблизительно устроены. Поскакал к Глаголину; камеристка, мывшая паркет мочалкой, сообщила, что Б<орис> С<ергеевич> в театре; звоню в театр, просит подождать. Является Лачинов, он, кажется, теперь arbiter elegantiarum[1] у Б<ориса> С<ергеевича>, ну что же, это лучше, чем кто другой. Ел<ена> К<онстантиновна> явилась быстрой вестницей, что меня вызвали для улаживанья конфликта между Сапуновым и Судейкиным. Все-таки Судейкин какой-то злой мальчуган, играющий в демонического интригана. Я не знаю, чем помогло мое присутствие, но Судейкин утихомирился. Играл «Пенелопу», большие похвалы, все зарятся на роль Телемаха. Обедал у них же. Съездил домой. Потом отправился на Вознесенский, болела голова, меня мыл Василий, и постный<?>, но с одним яйцом, тихий ужас. Предлагал на будущий раз «69», все-таки это славно — делать что хочешь с мужчиной, целов<ать> его глаза, грудь. Когда он кончает, у него род судороги и испарина. Мне кажется, что женщина думает только о себе, не любуется, не ласкает, не ценит. Приехав домой, лег спать рано.

2 (вторник)

Только что напился чаю, телефон от Наденьки. Просит приехать, так как Сережа нездоров. У Эпштейн отличный особняк с лестницами, садом, двором, погребом, людской, цветником, беседкой, двумя балконами. Только там нужно бы жить веселой боль-

шой семьей, а не таким кисляям, как Эпштейн. Наденька сначала поверяла семейные горя, потом планы насчет заграницы, она, по-видимому, не очень хочет Сережиного отъезда в Окуловку. Приходил доктор, советовавший ехать именно в Окуловку. С «Утром России» Сережа разошелся. Завтракал у них. Заехав за конфетами, потом бриться, еле поспел к 9-ти час<овому> поезду, так что ел уже в Любани. Ехали офицеры в Москву. Читал «Сев<ерные> цветы». Как хорошо, что я в них участвую. Но сборник скучноват[2]. Встретила меня Варя и Олимпиада. Все, кажется, рады моему возврату. Князев ухаживал за баронессами. В час добрался.

3 (среда)

Вечером был пастор. Все лежали вповалку, была луна и две соседние звезды. Как странно чужим стал мне Годунов. Хочется быть XVIII siècle, чтобы быть бодрым и работоспособным.

4 (четверг)

Играют в теннис. Что еще? Были вечером у Ек<атерины> Ив<ановны>, было хорошо и по-домашнему, играли в судьбу. Уходя, я загадал три вещи, которые меня интересуют в Окуловке. Ек<атерина> Ив<ановна> сказала, что одну она предполагает, если не лишена наблюдательности. Сестра же отгадала первые две, а последнюю насилу, но все-таки попали на Гостунского.

5 (пятница)

Ездил с сестрой на станцию: ни парикмахера, ни воротничков не достали. Вечером звали к Добряковым, но я остался дома; пришли Малиновская, КПС, Тодя и Коля. Играли в лото. Они шли на охоту уже без Гостунского.

6 (суббота)

Долго не знали, пойдем ли на вечер. Видел, как Г<остунский> брал билет. Было вообще скучновато, мы сидели кучей и Гостунский с нами. Попросил у меня цветок и книги почитать. Ек<атерина> Ив<ановна>, играя, сказала мне, что подумала обо мне и Г<остунском> по некоторым его (а не моим) взглядам и maintient*. Котя его звал гулять с нами и уговорились играть в клубе для него в понедельник.

7 (воскресенье)

Гуляли на Лихую кручу. Варя с мальчиками ехали, а мы шли пешком. В<асилий> Н<иколаевич> шел на охоту и отказался

* Поддерживает *(франц.)*

идти с нами. На круче было хорошо, но назад идти как-то поднадоело драться и мы ушли вперед. Коля был разочарован и шел с нами. Почему-то Венедиктов звал меня играть в карты, но был ли у них Г<остунский>? Но я остался дома.

8 (понедельник)

Приехал Пр<окопий> Ст<епанович>, рассказы о Киеве, яблоки, сливы и пр. Проспал безбожно. Пришел КПС. Гостунский вчера нагулял флюс, так что не знаю, придет ли он вечером. Пошли гулять; Тодя и Яня сидели под окошком, оба выскочили. Когда шли назад, зашли к Добряковым пить чай. Она нас провожала. Зять хотел устроить винт, но я рассчитывал на другое времяпровождение. Ив<ан> Вас<ильевич> и Варя играли в теннис. Прошедший Гостунский позвал нас уже в клуб; концерт наш не особенно клеился, просить нас, кроме сестры и Липочки, никто не просил, нашло много посторонних, ребята шумели, Г<остунский> молчал и не взирал и все хотел серьезного. Потом играли. Против ожидания, Гостунского позвали к нам пить чай. Пр<окопий> Ст<епанович> уже лег спать. Было мило, хотя не очень весело. Дал книг Вас<илию> Ник<олаевичу>, но, по правде сказать, он мне не так чтобы очень нравился. Варя очень мило пела, особенно «Je crains de lui parler la nuit»[3].

9 (вторник)

Проспал. Зять какой-то сердитый. Бродили днем немного. Не написать ли мне письма двум Г.? Девочки ездили верхами. Ясно и прохладно. Вечером играли в карты, у нас были Малиновские <?>, КПС, Коля и Саня. В читальне Г<остунского> не было, по отчетам Олимпиады. Я очень проигрался.

10 (среда)

Сестра с зятем поехали по озерам, я же послал Степана с письмом, но он их встретил как раз на пути, неся письмо в бумажке. Конечно, необычайный интерес: куда, зачем и почему? Я пошел к Ек<атерине> Ив<ановне>, думая догнать или встретить Степана, но не успел в этом. Ек<атерина> Ив<ановна> сидела в неглиже и чистила тыкву. Антонина вышивала. Она попеняла, зачем я не сделал через нее это, и предложила наперед. Дала мне астру и провожала домой. Не знаю, открыл ли Степан <письмо>, но наши были надуты. Степан мне сказал, что Г<остунский> обещал ответить сегодня вечером, и уверял, что он меня не выдал. Проходя гулять по фабрике, видели подвязанного Гостун<ского>, но я еще не знал, что он получил письмо. Вечером играли в карты, а девочки ходили к кострам, не знаю, не ходил ли Г<остунский>, кажется, нет. Письма тоже нет. Писал мало.

11 (четверг)

Ничего. Зять и сестра любезны. Может быть, они приняли меры. Это может статься. Ек<атерина> Ив<ановна> мне говорила, что Степан узнавал адрес в конторе, и Дмитриевский уже сообщал, что Кузмин написал Василько письмо, как последнюю новость. C'est fâcheux, sans doute, c'est toujours ma vivacité qui me fait perdre la cœur*. Вечером Г<остунский> явил<ся>, чтобы гулять, со мной ни слова, и даже заметно и намеренно уходил, не отходя от Коти. Коля веселился с горя со мною. Варя, кажется, скучала о Годунове, Липочка выделывала всякие фокусы, на которые никто не обращал внимания. Вообще не ходок я на такие гулянки. Завтра приезжает Сережа, по-видимому, без Наденьки. Вообще, беда иметь дело с необломанными балбесами. Как только смогу, нужно будет уезжать.

12 (пятница)

Целый день всё пели и играли для концерта. Приехал Сережа, прислали Gozzi, письмо от Головина и Птифура. Все хорошо. Плюнуть надо на все куражи и интриги. Вечером еще играли в клубе, был народ. Сережа читал свой роман[4]. Мысли о городе ко мне приходят, но надо писать. Вечером долго писал и просматривал Gozzi.

13 (суббота)

Ездили с Сережей на станцию. Днем еще репетировали, остальные катались верхом и гуляли. Все время прошло в приготовлениях. На вечере Г<остунский> не отходил от Коти, но ушел раньше конца; я скоро перестану с ним кланяться, кажется. Коля меня утешал, и Ек<атерина> Ив<ановна> была мила очень. Вернулся со всеми, беседовал с Годуновым.

14 (воскресенье)

Днем девицы гуляли, но я не ходил. Ходили отдельно гулять на Обреченскую фабрику через Франков. Вечером попали както в клуб. Был Коля, Тодя и Володя, Годунов, потом были у нас, чтобы провожать Соню, и мы играли в карты. Потом легли спать, но наших дождались.

15 (понедельник)

Дети с утра поехали на лодке, мы же долго проканителились с Добряковыми, ехали не очень спокойно. На острове было

* Конечно, досадно всегда моя пылкость заставляет меня робеть (*франц.*, в оригинале с описками vivacitée, coure)

неплохо. Ходили за грибами, Коля был ласков и разочарован. Обратно ехал с нами Ваня. Было тихо и одна звезда, очень тепло. Почему-то вступил в голову Египет. Идти было хорошо очень, без кучи, мирно беседуя. Сережа просидел дома.

16 (вторник)

Коля и Тодя чуть не с утра у нас. Ездил бриться. Сегодня идет моя оперетта, там, далеко. Письмецо от Н<иколая> Дм<итриевича>. Пришли Шотц. Провожая Нат<алью> Ал<ександровну>, попали в драку, чуть не ножевую; все мальчики, некоторые с нежными лицами и толстомордые матрешки. Н<аталья> Ал<ександровна>, стоя на дороге, произносила им речь. Коля и Тодя привели двух Г. идти на костер, мы же, с Богоявл<енским> играли в винт. Была гроза страшная. Коля и Гост<унский> заходили к нам пить чай. Я с последним ни слова. Ночью еще говорил с Сережей.

17 (среда)

Писал немного. Утром были Тодя, Коля и Ваня, прифранченные. Играли в теннис и лото. Сказал Коле, чтобы он передал Г<остунскому> о книгах. Захотелось очень в Петербург, в свои комнаты с книгами и чтением, много-много. Сережа читал роман свой, мне очень нравится. Варя просила не играть в карты, чтобы провести вечер с ними, но сами никуда не пошли. Вообще было более по-домашнему. Пришли Нина и Гостунский с книгами, играли в почту, мы же все-таки винтили. Г<остунский> имеет сконфуженный вид и странный. Рано ушли, до чая еще. Прибегала только что приехавшая Янинка, почти когда девочки уже легли спать, Ваня и Коля подвыпивши, Лидия все-таки выскочила в расстегнутом платье. До двух часов на мосту играли песни.

18 (четверг)

Днем забегала Янина, Сорокин, они обижены на Колю и Тодю, последнего держат чуть ли не взаперти. Катались верхом, вечер<ом> пришли Годунов и Ваня. Играли в почту, потом в 21. Кто-то мне написал: «Вы мне нравитесь». Читаю Gozzi, хочется в город, читать, писать, видеть и т. д. Письмо от Ликиардопулы о переводе.

19 (пятница)

Уехала Катя и Пр<окопий> Ст<епанович>, Варя, Лид<очка> и пр. в Окуловку на молебен. Был Ив<ан> Вас<ильевич>. Солнце. По-осеннему все сидят в комнатах, спорят и ссорятся, Тилька лает, Бобка лазает под столом. Вроде картин Ходовецкого. Ходили гулять. Вечером играли в лото, а мы в карты. Коля гадал по «Не-

жн<ому> Иосифу». Зять приехал с закусками и новостями. Вечером дурили и танцовали в клубе.

20 (суббота)

Телегр<амма>, что «Забава» идет плохо[5], денег нет, Сапунов пропал. Ходили за грибами на Окул<овское> озеро. Хорошо. Дела меня не особенно устраивают. Когда-то поеду? Переводил Бирдслей[6]. Нужно добывать как-нибудь деньги-то. Очень нужно, чтобы «Пенелопа» имела успех. Это необходимо нужно. Упиваюсь Гоцци.

21 (воскресенье)

Написав письма, несколько успокоился. Приехали Грессеры, они милы, одна поет. Гуляли с ними. Вечером Варя скучала, был один Коля. Мы играли в карты. Мало занимаюсь, вот беда. Завтра понедельник, но 22<-е> число, или пренебречь?[7]

22 (понедельник)

День Сережиной свадьбы. Были Годунов, Квасинин и Венедиктовы, было скучно и как-то напряженно. Ек<атерина> Ив<ановна> очень мила и резва. Варя была не в духе и печальна.

23 (вторник)

Писал много, чтобы послать с Сережей. Приходил Коля кататься верхом, или нет, это было в среду. Сегодня ездили к Грессер. Зять вывалился, заблудились. Там было мило, старый дом, французск<ие> романсы, тетушка с усами и басом, у которой по летам жила Савина. Вечером были в клубе; Сережа болен, Борис также. Все лежат. Варя тоже прихвор<нула>, так что из клуба мы никого не захватили, а легли спать.

24 (среда)

Сегодня Коля ездил верхом. Я все писал. Заходил разный народ. Вечером играли в лото. Было неплохо. Наши играли в карты.

25 (четверг)

Ездил к генер<алу> Березкину. Обратная дорога через Заозерье очень хороша. Неустройство с хором. Вечером зашли Малиновские и КПС. Сережа как-то жалко уехал один. Что-то будет, пришлет ли Глаголин денег?

Сентябрь

13 (вторник)

Опять громадный пробел именно очень важной полосы этого года. Постановки «Одиссея», газетной невероятной травли[1], полного молчания друзей, отъезд Ник<олая> Дм<итриевича>, денежные неприятности, — все это прошло незапечатлен<ным>, равно как и увлечение Сабининым, путанье с Валечкой и т. п., но что же делать? Ничего не работаю, как нужно. Проспал. Заехал к Глаголину, там были Зайчик и Зина, потом пришел Лачинов и мать Глаголина, было очень мило. Потом изнывали, не знали, куда деваться, поехали было в «Казино», где должна была быть репетиция, но нас туда не пустили. Покатались еще; в Малом никого не было, только Студенцов с конфетами чего-то мандил. Зайчик торопился в баню, меня же забросил к Валечке. Посидел немного и отправился домой. С<ергей> П<авлович> все телефонил о Сабинине, будто я не заинтересован этим jeun'homm'ом.

14 (среда)

Денег не достал. Сабинин болен, пришлось отложить эскападу. Дождь идет. Поехал к Толстым, любезны и милы. Смотрел бебешку[2]. Обедал у Корш. В театре были знакомые, но на пьесе я подремывал[3], беседовал со Смоличем[4] и Студенцовым. Вернулся рано, мечтая о чем-то; ничего не делаю, вот что плохо, даже плана рассказа не сделано. И с деньгами не знаю, как сделаюсь. Никому ничего не пишу.

15 (четверг)

Письмо от сестры. Приходил какой-то подозрительный jeun'homme к Ивановым. Заезжал к Глаголину. Зовут в цирк, мечтал о поездке в Москву. На мой телефон вышла жена Сабинина, все допытывавшаяся, не я ли это звоню, почему-то, так что ничего не вышло. Был у Валечки. За обедом встретил Воинова. Узнав, что Зайчик едет тоже в цирк, отправился к Глаголину, были хорошие гимнасты[5]. Дома вернулись наши. Приплелся и Юраша. Беседовали по-домашнему.

16 (пятница)

Брился. Заезжал кое-что покупать, со мною ездил Женя, выскочивший из трама. В театре были Ивановы, Воиновы, Зайчик и Пастухов. Много хлопали. Сабинин вел себя как-то странно: несколько бегал меня, говорил, что он не виноват и т. д. После чая поплелся к Глаголину, где была и Тявочка. Их ждали какие-то студенты, потом заведшие разговор с камеристкою. Дома еще не спали. Вяч<еслав> слегка ворчал и бранил музыку.

Опять тоска, безделье, безденежье, томленье, не уязвл<ен> же я Сабининым, в самом деле! Чего бы я хотел? Возвращения к очень простой, замкнутой жизни, «Аполлона», «Совр<еменной> музыки», чего? Я бы хотел, чтобы был тут Ник<олай> Дм<итриевич>, не думать особенно о деньгах, писать, ответить на все письма. Но скучно мне до слез, до смерти. Как люди могут жить и где очарованье жизни?

17 (суббота)

Выехал рано; был телефон от Сапунова. Заехал к Толстым, потом к нему. Московские новости. Пошли обедать. Заехали к Мейеру, но встретили его идущим из дому. Был неприятен и нагл. Зашли к Валечке, уговорились быть в цирке. Этот стервец Сабинин 3 раза звонил С<ергею> П<авловичу>, но не добился ничего, кажется, рекомендуясь оперным тенором. А может быть, и добился, тогда ясна его перемена. Были в Малом, потом у доктора, в цирке долго ждали Валечку, смотря публику. В Петербурге 25 бань. Задумали их объезд. Акробаты были так же милы. Денег было в обрез, ужинали в харчевне на Садовой, где я мандил с лаконом. Пошли искать Потемкина для денег, обрели его в «Вене» и Томашевского, но денег не добыли даже у швейцара. Пошли домой. Без меня был Беленсон.

18 (воскресенье)

Утром ходил куда-то. В театре было неплохо. Саб<инин> прочванился и был очень мил. Ратмирова увела меня в уборную, прося написать что-нибудь для нее и Лермы сафическое. Завтра всех актеров ведут в баню и приводят к присяге[6]. Были Смолич, Костя, Толстые, Студенцов. После поехали к Сомову. Мифика не было. Валечка приехал из «Palace-Théâtr'a», но было не очень весело. Домой плелся пешком. М<ария> М<ихайловна> еще не спала.

19 (понедельник)

Был у Сапунова, потом вместе у Долинова, где был Романов; первый из армян, двусмысленно-спокоен, второй рассуждает à tort et à travers, но мил, как вообще балетный. Условились к 8 октябрю. Обедали у Лейнера, к Головину нас не пустили. Заехал к Валечке. Составляли план банного обозрения. Скучно. Дома застал еще Аничкова, Сюннерберга и tutti quanti. Посидел немного. Отправили Юрашу.

20 (вторник)

Поплелся к Глаголину; спит еще; прошел выбрился. Денег не дал. К обеду ждали Зайчика. Была их мамаша, гадала мне:

«Чист, никаких дам, все только валеты и детские мечтания». Обедали. Поехали встречать Троянову, но опоздали; были в кинематографе. Зашел к Валечке, созванивался с Дягилевым, поехали в «Казино»; театр пуст, все довольно уныло, но С<абинин> мило пел, играл; зашел к нему в уборную. Говорит, что сегодня занят, но придет к нам. Приятно, когда поют и смотрят на вас. Забежал к нам, выпил бутылку. Мандил, жаловался, что не может посидеть, был весел и мил бесконечно. Уговорились, что он вернется в «Палас». Девки смотрели с завистью. В «Паласе» мы поместились в кабинете, что я не очень люблю. Котов теперь при пальто. Фетировали* меня. Я выпил на брудершафт с Дягил<евым>. Отвезли меня. Я думаю, у них все сегодня же и было, но не особенно скорблю както об этом.

21 (среда)

Погода дивная, но я никуда не выходил, звонил разным людям: Дягилеву, Глаголину, Сабинину etc. Фокин не хочет таких затрат на Сапунова. Мейер отказывает в репетиции «Жив<ого> трупа», вот неприятности[7]. Дягилев хотел сегодня nocer** со мною, Телемахом и Зубовыми, но, вероятно, отложил попечение, так как не звонил мне потом. Вяч<еслав> играл в шахматы, а я показыв<ал> Debussy «St. Sebastien»[8], которого Вяч<еслав> ругал ругательски. Скучно очень.

22 (четверг)

Был у Глаголина. Едет в Москву, как-то кисел. Брился. Погода чудная. Потемкина не нашел. Дягилев по телефону сообщил, что вчера не дозвонился, читал нотации насчет Телемаха. Я звонил тому, тот испугался Зубова, кажется. Обедал с Сапунов<ым>, вечером поехали вчетвером с С<ергеем> П<авловичем>, Валечкой, Колейкой в «Палас», ужинали там, зазирали, показывались. Рано вернулись. Я скучаю до смерти.

23 (пятница)

Бранил Цербера. Был у Головина; он, кажется, действительно уехал. Потем<кина> не застал. Посидел у Сапунова и опять к Потемкину. Обедали вместе, Хованская трещала. Скучаю я ужасно, все куда-то проваливается, по-моему, и я сам куда-то опускаюсь и всех растерял. Телефонил Валечка и Дягилев. Условились после осмотра сойтись у Контана[9]. Потемкин поехал со мной. Это был день Валечкинова выбора. Наших не было, все бродили девки,

---

* Восторженно приветствовали (от *франц* fête — праздник)

** Кутить *(франц)*

состав неважен, хотя Лука trés à recommander*. Зашли пить чай в «Quisisan'y». Дягилев уже был в пустом Контане и волновался. Собакевич приехал с опозданием, был по-другому мил, со мною тоже очень. Много пел, в ресторане — пустыня. Ах, как мне скучно. И отчего? от денег, от упадка, от нелюбви? Видел С<ергея> С<ергеевича> и Яковлеву, они как-то тепло относятся ко мне.

24 (суббота)

Сидел дома. Вечером пришел Валечка. Впрочем, вру. Утром приходили сестра и зять. Уговорились встретиться обедать, но я их не нашел. Денег, чтобы ехать с ними в «Палас», не было. Дягилев уехал смутный, боясь меня, просил успокоить и заняться воспитанием Телемаха. Сидели мирно. Вяч<еслав> ораторствовал, вот и все. Валечка простужен.

25 (воскресенье)

Был у Валечки. Утром от Гл<аголина> прислали денег. Звонили Собакевичу. Спокойный тон, хочет видаться и музыканить. Говорил с Гл<аголиным> о «Ж<ивом> трупе». Заехал к Сапунову, обедали с ним, потом пошли в кинематограф. На Невс<ком> масса народу, какая-то «учащая себя» молодежь. Поплелись в цирк. Там все то же самое. Были Тяв<очка> и Зина. Дома были Толстые. Читал повесть, музицировали, было неплохо.

26 (понед.)

Брился. Заезжал к Долинову и к Валечке. Обедал с Женей и Колей Гумилевым. Тот был в Москве и Ярославле[10]. Там меня ругают напропалую. Опять култыхаются с «Интермедией», едут в Москву, репетируют. От Валечки, по правде сказать, я отправился к Луке. Он очень мил, но молчалив comme une souche** и все рыло воротит. Дома еще играл. Болела голова, так как встал безобразно поздно.

27 (вторник)

Ветер, снег. Поплелся тем не менее в «Аполлон». Если бы там не было мальчишки, может быть, и не пошел бы, как это странно! Женя был один. По телефону разругался с Мейером, которому угодно было обидеться на меня за письмо к Головину. Письмо, и длинное, от Коленьки из Ярославля. В «Аполлоне» меня ласкают. Дома писал и читали «Жив<ой> труп». Денег нет.

---

* Очень стоит, чтобы его рекомендовать *(франц.)*

** Как пень *(франц.)*

28 (среда)

Отправился к Сапунову, денег тот получил мало, все советует бунтовать с «Интермедией». Обедали у Лейнера. Были у доктора, потом скучно у Валечки, затем еще поплелись в «Метрополь». Так и <не> кончил сегодня рассказа. Спал плохо. Собакевича не дозвонился, а между тем С<ергей> П<авлович> уже просит телеграммой des nouvelles*.

29 (четверг)

Хотел просидеть дома, но поехал к Глаголину, где был Зайчик. Были еще там народы, но вышли вместе с ним. Писал дома рассказ, прося завтра часть денег. Но рано спать лег. Утром был у меня прелестный корнет Свистунов.

30 (пятница)

Писал о Толстом[11]. Был в «Аполлоне». Только Женя, Папа и Марина. Они затевают театр, но тщетно, меня выпирают из hommes de théâtre в беллетристы[12]. Это надо изменить как-нибудь. Не знаю, хорошо ли уединенно фрондировать, подобно Сапунову. Головин был у Мейера, слушал какую-то пьесу; неужели он тоже обиделся? Обедал с Комаровым, поехал к Валечке. Снег. Обзор не делали, а отправ<ились> в «Пассаж». «Креолка» — дрянь![13] Ужинали в «Паласе». Пьяные студенты хотели заводить ссору.

Октябрь

1 (суббота)

Валит снег. Встал поздно. Прошелся до Ремизовых. Он был один дома. Тихо говорили, жалуясь на всеобщие обиды. Говорил с Валечкой и Сомовым. Вечером Вал<ечка> позвал меня в «Буфф»[1]. Приятно, когда со сцены замечают и кланяются. В антракте были у Собакевича, был мил. Ужинали у Лейнера, приехал и Потемкин. Денег бы достать где.

2 (воскресенье)

Просто брился. Больше, кажется, ничего. Ходил узнавать, не приехали ли Чичерины. Ждут пятого. Скука страшная. Хотелось бы видеть Сапунова. Совершенно не знаю, как обойдусь без денег. Вечером не помню, что было.

---

* Новостей *(франц.)*

3 (понедельник)

Заходил в «Аполлон», денег немного дали. Обедал. Ни Шурки, ни мордальонов не было. Заехал к Валечке. Поехал в «Буфф»[2]. Звал и Сапунова, но его не было дома. Были двое ничего себе, но Собакевич был с супругой и боялся смотреть на нас. Ужинали тоскливо у Лейнера. Написали открытку Телемаху.

4 (вторник)

Долинов в авансе отказал; был в «Аполлоне». Вернулся Женя. «Интермедия», кажется, в Москве шлепнулась[3]. Шел к Глаголину пешком. Зайчик был уже там. Уныние. Зайчик опять поехал в баню; ça donne à penser*. Очень мил. Дома были Толстые, Комаров, Ященко и Чулков. Поздно легли.

5 (среда)

Встал поздно. Был Костя. Денег ни гроша. Приедет Н<иколай> В<асильевич> завтра. По дороге назад захороводил какого-то сапера и назначил ему на субботу. К Дризену не пошел. Хотел прийти Валечка, не знаю, придет ли. Правил корректуры. Интересно, получу ли я завтра деньги, и когда еще?

6 (четверг)

С утра был у Чичерина. Толковали о музыке. Брился. Завтракал дома. Сапунов был мил. Обедали с ним, были в кинемо. У Валечки были гости. Поехали на Ямскую, гадость, но я остался, Вал<ечка> же отпр<авился> к Луке. Сошлись в «Паласе». При моем появлении перед<али>: «Котов, Котов». Петифуру Валечка прислал письмо. Звонили к Жене; он прискакал, был Александров и Брауде. Приехал и Сапунов<?>. Женя скандалил, вернулся доскандаливать из-за какой-то машинки. Я ждал на извозчике**. Выходил Котов и все раскланивался, приглашал в будущее воскресенье (16<-го>). Деньги я все истратил. Женя поехал ко мне, его рвало без конца. Спал у меня до 2-х часов, это было довольно приятно. Пили чай, будто с Павликом или С<ергеем> С<ергеевичем>, но он мне совсем не нравится, хотя лучше, чем кошмар на Ямской, avec sa petite saucisson***.

7 (пятница)

Очень не хотелось ехать в Царское ночью; к тому же пришел Юрочка Ракитин, так что я вообще и из дому-то никуда не

---

* Это наводит на размышления *(франц.)*

** У Кузмина — «извощике»

*** Со своей маленькой колбаской *(искаж. франц.)*

выходил. Юрочка очень мил и уютен, хоть бы он помирил меня со Всеволодом, а то правда получается какой-то вздор. У нас были Чулков и Городецкий, первый ужасен как-то, второй же тоже стал значительно менее интересен. Хотелось сначала идти к Ремизовым, но Ракитин задержал.

8 (суббота)

Брился, был у Сапунова. Денег нет и у него. Как он счастлив, что ходит за ним его турок, а не бабы. Приходила Яковлева. Хотя Собакевич был свободен, но так как я ожидал Зайчика, то первого не звал, а второй меня надул. Посидел у Валечки и потом экономическим образом у Лейнера, где смущал младенцев. Сидела там старшая Птичка, разочарованная и сентиментальная. Дома еще шахматил Чудовский.

9 (воскресенье)

Что было? Телефонил Валечка. Гига звал на завтра. Посидели у Сапунова. Приятно, что у него электричество и чище. Больше никуда не выходил. Припятил вдруг Бруно, говорит, что разочаровался во мне и т. п. Не симптом ли это? Вяч<еслав> был в Нар<одном> Доме, а Вера в другом. Валечка на «Адъютанте», Сомов в балете[4].

10 (понедельник)

Зашел в «Аполлон», где был Гумми и редакция. Обедал с Юрочкой и Гумми. Не попал к Гиге. Хотели в Михайловский, но билетов не было[5], просидели в кинемо и отпр<авились> к графам. Соня была у священника; было скучновато, так что Яковлева даже казалась утешительной. Много играл, но что из того? Возвращался через Выборгскую, вспоминая Наумова.

11 (вторник)

Проспал. У Сомова, кроме Мифика, никого не было, даже Валечка попер к Ратьковым. У Сомова был Коммиссарж<евский> утром, с билетами на открытие[6]. Мифик ехал со мною часть дороги. Дома еще играл квартет Равеля. Денег нет. Головин молчит, а необходимость в них все сильнее и сильнее. Это же невероятно.

12 (среда)

Был в «Аполлоне», обедал с Гюгюсом, который свалился, как снег на голову, у Лейнера, там от моих глазок мальчишка свалился и уронил на себя рыбу. Пошли с ним и Валечкой на венцев, где было довольно скучно, хотя и шла «Fledermaus»[7]. Ужинали у Лейнера, где встретили Толстых и Коммиссаржевских. Гюгюс капризничал, денег нет снова.

13 (четверг)

Был у Сапунова; сидит снова без денег. Заезжал в «Регину», там есть кое-что посмотреть. Спокойно сидели, строя имбирийс<кие> планы[8]. Получил письмо от старухи Мельницкой, зовущей меня для тайного rendez-vous по делу. Звал Зайчика и Юрочку, но они не пришли. Валечка же с Сомовым отправились в «Palace-Théâtre», где я велел кланяться[9]. Вечером было очень скучно, тем более, что Мейер сказал Гюгюсу, что я «вышел из „Д<он> Жуана“»; что это значит? Не насчет ли музыки?

14 (пятница)

Брился там, где милый швейцар. У Глаголина Маша сказала, что их нет, а сейчас придет Вл. К., чтобы я чем-нибудь с ним занялся. Была и Тявочка. Поехали к Незлобину, где Лихачева не было[10]. Но был Собакевич со своею половиною и Женя. Глаг<олин> надул и сбежал, так что мы были en trois. Провожал Тявочку. Звала меня, говорила про Зину, что его нужно оживить, а Зайчик оживлен достаточно, что у него есть друг Коля в рабстве. Дома вернулся Вяч<еслав> от Мережковских[11].

15 (суббота)

Ездил к Гюнтеру, потом домой. Никто о деньгах мне ничего не сообщает. Прямо скандал. Валечка поехал было в «Казино» слушать Вовочку, но, конечно, там ничего подобного не было. После Академии[12] сошлись у Лейнера, встрет<или> нас «Иветтой»[13]. Скучно. Мордал<ьон> из «Аполлона», оказывается, являлся к Трубникову в 2 ч. ночи и очень мне своим идиотическим видом ...* Вяч<еслав> долго не приезжал из кабака<?>. Вера призналась мне в любви. Вот неожиданность не совсем приятная[14].

16 (воскресенье)

Целый день сижу дома. Никого не было, но и делал мало. Ничего, ничего. Звонил Зайчик от мамуси, прося зайти во вторник, обещая, что дело интересно. Был там Зина и Дима. Говорили о мамаше. Валечка объяснялся с Вовочкой.

17 (понед<ельник>)

На гроши брился, был у Сапунова, сидит без денег с Белкиным, ругал за Ракитина. В «Аполлоне» взял денег немного, и поехали к Лейнеру. Ионин — очаровательный мальчик, в которого я тотчас же влюбился. Он был добр поехать со мною к Незлобину, где все нас видели[15]. Валечка страшно заинтересовался и просил у

* Так в тексте, очевидно, пропущено слово

Шурки, чтобы тот показал ему наши стихи. Встречали нас «Иветтой». Деньги за «Маскарад»[16] неизвестно когда.

18 (вторник)

Дело, ради которого звала меня старуха, оказалось чистейшим вздором; видел там Зайчика и его друга. Дома был Мандельштам. Очень скучаю.

19 (среда)

Встал чуть не в пять часов, голова болит, злюсь. В редакции взял билет на Кусевицкого. «Прометей» мне не понравился[17]. Сидел со Зноской матерью, которую принял за Верховскую. Поехал к Зубову пить чай, но все-таки было скучновато, и мы с Валечкой заглянули к Лейнеру. Дома все-таки застал еще не спящими и болтал долго.

20 (четверг)

Не помню, что было. Ничего особенного. Позвал на завтра разных лиц. Писал стихи. Играл что-то.

21 (пятница)

От В<иктора> А<ндреевича> ответ Быть не может, болен, просит позвонить в батальон во вторник или среду. Никто к Теляковскому меня не зовет. Денег ни гроша. Не было только Зины, остальные были налицо. Мне ужасно нравится Сережа Ионин, ужасно. Пели, болтали, потом перешли в детскую, где Юрочка читал мой рассказ. Вяч<еслав> был у Ростовцевых, рассказывал еще, что там было. Мне очень нравится Сережа, но какой он?

22 (суббота)

Был у Сапунова; тот деньги получил, возится с конкурсом[18]. Сизов рассказывал задушевным голосом воспоминания из академ<ической> жизни, как у девицы, бегавшей по мастерским, были «тайны любви», а потом он встретил ее в гавани и она говорит: «Сизов, я обретаюсь в нищете: купи мне яблок». Долго сидел, болит бок, не то почки, не то легкое. Обедали у Лейнера. Валечка звонил; читал у него «Русского Эрота»[19]. Поехали вместе к Зилоти. Володя Ратьков заметил нас и выказал невероятный ажиотаж, показывая нас Философову. Концерт был невероятно скучен[20]. Поехали опять к Зубову. Сверху спустился Сергей Зубов в сиреневом халате с petits cris*, потребовавший, чтобы потушили электриче-

* Маленькими восклицаниями (*франц.*, может быть, имеется в виду узор, напоминающий восклицательные знаки)

ство, но потом показывал свою кожу на спине и вел себя tapeticamente assai a l'obastanza*. Вернулся рано, болела голова.

23 (воскресенье)

Проспал, не брился, был в «Аполлоне». Дома чит<ал> «Mercure». Были Сомов и Валечка. Первый еле говорит, хрипит и т. п. Спорили с Вячеславом, как и прежде, как и прежде. С Женей у нас какая-то дружба снова.

24 (понедельник)

Дождь, ветер. Брился. Писал. Был в редакции. Встал рано. Обедать Сережа не пришел. Говорили с ним по телефону. Стихи оставили у Шурки[21]. Всеволод продолжает на меня злиться. Назвался завтра на визит к Юрочке, когда будет Сережа. Гумилев что-то болтал о масонах<?>. Были с Валечкой в кинемо, потом опять у Лейнера. Дома спали. Чудная ночь. Ветер раз<веял> все тучи.

25 (вторник)

Пошел к Юрочке. Нет дома. Прошелся по Невскому. Вернулся. Сережа сидел один; почему-то он сегодня меньше понравился. Потом прибыл и Ю<рий> Л<ьвович>, снявший большую комнату. Болтали. Сережа метался по комнате, задевая за все углы. Сегодня буйная и ясная погода. Это бодрит. Отвез правоведа. Вечером был на «Снеге»[22], трогательная история все-таки. Но публика была ужасна. Откуда берутся уроды? Запихали меня в первый ряд. Домой плелся пешком, встретил скучного Соловьева, который говорил мне о Ломоносове[23], но, как нейрастеник, не мог отстать и проводил меня до дому, хотя нужно ему было на Петербургскую. Дома были еще теософы Гарднер, Странден и Шлейферт. Так как я хотел чаю и устал от театра, пути и Соловь<ева>, то вылез в гостиную. Стал кокетничать с Шлейфертом, к большому скандалу Вячеслава. На него я обиделся еще за обедом, когда он, не одобряя моего увлечения Сережей, стал упрекать меня в вялости. Обиженный тем, что он утверждал, будто я подтаял от личика Шлейферта, я ему высказал свои обиды и лишил себя удовольствия дуться. Этот негодяй Мешинг не присылает мне книг, так что его Амалия останется без подарка, очевидно. Позвал мальчика в пятницу.

26 (среда)

Все без денег. Теляковск<ий> еще попер в Москву зачем-то. Сижу небритый дома. Звонили из «Гряд<ущего> дня»[24], пред-

* Весьма тапетически до нужной степени *(итал.)* Следует отметить, что слова «tapeticamente» в итальянском языке нет, а «a l'obastanza» правильнее пишется «alla bastanza»

лагали помогать Волынскому в редакторстве. Утром был Городецкий, о «Кошнице Ор»[25]. Потом, когда у меня была Блинова, ворвался Судейкин с Лачиновым, прося подписей в пользу Глаголина[26]. Вяч<еслав> нас отчитывал. Юрьевич был очень мил, примирился даже со мною. Дело с «Гр<ядущим> дн<ем>» меня привлекает.

27 (четверг)

Брился. Была Бл<инова>, работал. Плелся в «Аполлон», там обрел Гумилева. Женя идет на лекцию о модах, а Гумми на географич<еский> доклад[27]. Наумов дежурит и прийти не может, в телефон еще более сюсюкает. Сережа пришел первым. Очень, очень мил, но едва ли что понимает. Пришел также Валечка и Гумми. Было очень мило. Получил письмо от Слезкина[28]. Денег нет.

28 (пятница)

Ездил в редакцию. Жиды зовут наниматься в воскресенье, наверное обжулят, но деньги нужны до зарезу[29]. Звонил Сереже. Наумов приехал; по моему, une tante classique* — перстенечки, браслет; потолстел, сбрил сегодня или вчера усы; беседовали несколько стесненно, пикируясь. Вечером что было? ничего, кажется. Теляковский ни слуху ни духу. Письмо от Паллады.

29 (суббота)

Припер ко мне Шпильберг, подурнел и пожидовел, потом Хлебников удручил, звонил Шлейферт, писал Поппе. В «Академии» было скучно, лишь мордальон утешал, очень даже очевидно[30]. Удрал к Палладе; Женя подвез меня. Там был факир, резавший пальцы, вбивавший гвозди, проводя<щий> нитку в щеку. Был милый студент Сталь и очень шумный, капризный офицер Миллер, считаемый похожим на Всеволода. Было скучно, я вяло мандил. Паллада скучна, утешал Валечка, мило прилетевший с концерта. Играли в письма. Вернулся, застав еще шахматы. Поппе прислал мне просьбу принять его.

30 (воскресенье)

Был Костя. Никого я не дозвонился. О деньгах ни слуху, ни духу. Юрочка пропал и не звонит даже. Что сей сон значит? Поехал к жидам. Меня встретили радушно, вывели жену и ребенка, поили чаем, говорили о планах, но условия поставили довольно невыгодные. Бог с ними. Дождь как из ведра, денег буквально ни копейки. Все поехали в концерт[31], я, М<ария> М<ихайловна> и Костя дивагировали, потом я занимался. Вяч<еслав> вернулся рано, ругаясь на стихи. Сергей, по-моему, был с Метей; его комна-

* Тетка классическая *(франц.)*

та была освещена и открыта, он был раздет, в комнате Мети огонь и шум, все стихло. Но, кажется, их накрыла М<ария> М<ихайловна> и была разборка, но все двери плотно затворили.

31 (понедельник)

Был у Волынского; он трогателен; в «Аполлоне» никого особенного не было; на обеде Сережи не было, но привел Юрочка какую-то девицу; я нервничал и скучал. Гумми тащил в «Кривое Зеркало»[32], но я отказался. Встретив Сапунова, направился к Валечке, который передал приглашение Сомова. Там была идиллическая картина. Мифик позировал, Костя рисовал, А<нна> А<ндреевна> сидела покровительственно рядом и шила мешочки. И весь вечер было как-то так же приятно и уютно, но у меня скребли кошки.

Ноябрь

1 (вторник)

С утра послал билет Сереже, обещал сам быть[1]. Заезжал на минуту в «Аполлон», откуда утром у меня был мальчишка. У Юрочки был уже Сер<ежа> Соловьев и Мошева. Сер<ежа> ухаживал слегка за нею. Я играл и несколько фасонничал. Пили чай. К счастью, Мошева не вздумала ехать в театр, но Соловьев был и отвлек несколько Сережу, но все-таки мы парадировали вместе, хотя Сережа был какой-то раздражительный и недовольный, по-моему. Толстые всё суетились куда-то ехать и велели нам быть у Лейнера, где никого не было, кроме Романова. Шурка вообразил, что стихи относятся к нему, и минодничал*[2]. Пошли на 9<-ю> л<инию>, где не дозвонились; наконец, дворник пошел со мною, а Валеч<ка> подло удрал. Не дозвонившись, и я отправился домой. Болела голова. Да, вчера я был у Теляковского, где встретил Головина и Мейера. Музыка, кажется, не понравилась, по крайней мере спрашивали, куда ее отослать обратно. Только бы заплатили деньги[3].

2 (среда)

Болела голова. Отправился к Сапунову; обедали в «Вене» с графом и Комаровым. Потом поехал с Алешей к Валечке и все в «Пассаж». Оперетка неважная[4], гуляли «бардаши». Вернулся рано.

3 (четверг)

Брился, где швейцар мне нравился, и хорошо брился. Юрочки не было дома. Заезжал в «Аполлон», расхрабрился и зво-

* Жеманничал (от *франц.* minauder)

нил Сереже. Заказал стихи. Пришел ко мне Поппе. Смешной немчик, помешанный на «интимности». Занимался дома.

4 (пятница)

Что было? все сидел дома, вылезал только к Ремизовым. Там все по-старому. Милы. Вечером все занимался. Скучно без денег и без Сережи.

5 (суббота)

Брился там же, любезны. Проехал к Коленьке. Сидит без денег. Обедали в харчевне, у меня везде мордальоны. Заехали к Валечке. Дома хорошо занимался.

6 (воскресенье)

Сидел все дома; только под вечер выехал к Валечке и потом вместе к Гиге, там был Tantenabend* с неизбежным диваном, но было недурно. Плелся домой. Все уже спали. Написал стихи еще и Божерянову на календарь. Решил писать похабную поэму[5].

7 (понедельник)

Был в «Аполлоне», денег нет, достали уж у Петра. Были там Эльснер, Волконский, Лукомский. Очень опоздал, обедал вдвоем с Юрочкой, тот звал меня на лето с ними. Вечером была куча гостей, Городецкая меня смертельно удручила[6].

8 (вторник)

Спать не ложился. Поехал к Исакию, во время обеда чуть не засыпал. Вернулся рано. Работал, спал, гости собрались поздно. Наумов отказался, Гумил<ев> не приехал, Сапунов проспал, вероятно. Первым пришел Сережа, был очень мил. Были еще Юрочка, Валечка и Женя. Так дивагировали, а Сомов не пришел.

9 (среда)

Проспал. Болит голова. Никуда не попал. Звонил Сереже. Крайне милое письмо от Коли Кузнецова. Вечером все-таки вылез к Валечке. Посидели, побздели. Дома еще что-то было.

10 (четверг)

Был в редакции, видел мордальона. Сегодня надо платить штраф. Женя подарил мне портфель, вместе обедали, потом были в кинематографе и на «Вечере соврем<енной> музыки»[7]. Оказывается, Глеб Верхов<ский> перешел в католичество и жи-

* Тесточный вечер *(нем.)*

вет в Инсбруке*, в катол<ическом> университете[8]. Рано вернулся домой.

11 (пятница)

Заезжал к Юрочке, его нет. Сережа завтра ехать не может. Был на «Академии», беседовал любовно с мальчиком, который предварительно еще был у меня. Так как Вячеслав остался дома с флюсом, то Зелинский лекции не читал, а занимались стихами, и я удивился, почему так горячо восприняли мои стихи Пяст, Недоброво и др.[9] У Сомова был Мифик и Вал<ечка>, с А<нной> А<ндреевной> говорил по телефону. Играли «Puppenmodel»[10], разбирали сплетни, было мило, но жаль, что завтра Сережа не может ехать! Как жаль!!

12 (суббота)

Юрочка звал меня завтракать с Балиевым, чтобы толковать о делах будущего театра. Заехал бриться, потом сошлись в Алексан<дринке?>. Балиева я не люблю: он глуповат, пошловат и, по-моему, бездарен[11]. Была эта petite pisseuse Морель. Она теперь пляшет у Дризена[12]. Заехал к Юрочке. Скучно мне до смерти. Лежал, плакал. Вдруг является Мейер, холоднее крещенского мороза. Мне это надоело, в конце концов; дома заходил Поппе, просясь завтра со студентами. Писал вечером.

13 (воскресенье)

Звонил Сереже, был утром у Юрочки, обещает быть 19<-го>, как всегда любезен и сух. Звонил и Валечке, зовя вечером. Вечером были гости. Поппе очень забавен, но Курдюмов мне больше нравится. Было, кажется, не очень плохо, но скучаю и ленюсь я адски.

14 (понедельник)

Явился С<ергей> С<ергеевич>. Диктовал ему статью о «Мещанине»[13], письма. Пошли вместе до «Аполлона». Там был и Гумилев. Обедали втроем с Гум<илевым> и Зноской. Потом они были у меня, у Вяч<еслава> был Философов, Толстые и Пяст, читали разные разности. Я несколько флиртовал с графиней по заведенному обычаю.

15 (вторник)

Не помню, что было.

---

* У Кузмина — Инспрукс

16 (среда)

Было много народа. Вечером отправился к Палладе с Гумми, которого похитил из «Аполлона». Там был Миллер и еще человека 2. Пили. Я ухаживал за Миллером, который был сегодня мил. Гумилев за Палладой. Милл<ер> хотел поехать ко мне, чтобы быть со мною, но пока мы ездили с Павл<ом> Ал<ександровичем> за папиросами, заснул глубоким сном. Так что поехал со мной Гумми, терявший по дороге бумаги из портфеля.

17 (четверг)

Были кто-то; часа в 3 приехал Сережа с гвоздикою. Обедал со мною, потом спал, а я занимался. Остался до вечера, когда пришли Валечка, Гига и Вовочка. Павел мне сообщил, что приехал Князев, Ваня вчера его видел. Валечка в соседней комнате изображал Лота с дочерьми, я же целовался с Сережей. Но он ушел вместе с другими. Сговорились завтра идти на оперетку.

18 (пятница)

Утром звонил Сережа, обещал прийти к 4 ч., чего мне не передали. Он и пришел. Я был в «Аполлоне», он звонил и к Лейнеру, и к Валечке. Заехал за мною; были на «Мисс Гибс»[14], ужинали у Лейнера. Потом Сережа поехал ко мне и ночевал у меня. Он был моим, и это было большое счастье и радость. Как сладостно, хорошо и славно. Запомнить надо это число.

19 (суббота)

Утром Сережа был крайне мил. Прост, весел и спокоен, свеж. Пришел Георг<ий> Ив<анов>. Когда пр<ишел> Позн<яков>, я поехал в типографию, завезя Сережу к матери. Сережа Ионин не заехал, я прождал его и позвонил. Он же прождал меня у Юрочки. Какая досада. Обещал приехать в субботу. Вечером предложил Вере поехать в цирк. Были. Фредиани очаровательны[15]. Дома еще дивагировали и читали Толстого.

20 (воскресенье)

Разбудил меня Позняков, но писали мало; поехал я в Царское, раньше брился. Погода была сера, но мало. Был только я, и Комаровский, и Кузьмина-Караваева. Сидели в полутемн<ой> комн<ате>, пили чай, обедали, дивагировали, будто в именьи, пели, грелись у печки. К Город<ецкому> не поехали, а к Гиге, он и Вовочка были в голубеньких рубашечках, как банщики и полотеры. Один читал вслух, другой лежал. Приехал еще Валечка и Деринг. Узнал, что ко мне звонился и приезжал Сережа Миллер, звонил и к Валечке, бедный милый мальчик. Звонили и к Сомову, который не

отпустил Мифика. Вовочка все вздыхал о Мантурове, Валечка был с Философовым после завтрака в бане на 9<-й линии>, где Семен разливался в любви ко мне. Сидели на канапе и щупались, долго засиделись.

21 (понедельник)

Проспал до того, что приехал Сережа, так приятно, после ванны, ночевал у матери. Был крайне мил, тих, прост, ел со мною яичницу. Потом поехали в «Аполлон», где был одинокий Гумилев; Вовочка с Мантуровым уже устроились. Сережа почему-то возмущен этим. Обедали у Лейнера, вытребовали Валечку. Сережа был само очарование, но поехал с Валечкой, не просив у меня разрешения. Гумилев раскис. На лестнице Паллады нас поджидал еще Анненков, толстый гусарик. Никаких факиров и шпагоглотательниц не было, но был Шервашидзе и Чемерзин[16]. Сережа сейчас же помчался за вином, заставив меня занять деньги. Потом вел себя очень мило и пил за то, чтобы, покуда он будет здесь, мы были счастливы и верны; вместе с тем кокетничал с Валечкой и обещал ему среду, которую он обещал и мне также. Скоро начались скандалы. Гусар ревновал Сережу, я собирался уходить. Потом я поссорился с Палладой и братцем, Пав<ел> Ал<ександрович> выгнал Сережу, братец побил Павла Ал<ександровича>. Кажется, со времени Саши Броскина я не был в такой переделке[17]. Были и истерики, битье стекол, Пав<ла> Ал<ександровича> держали, он бился и кричал, Паллада рыдала, все объяснялись, толклись. Братца спустили с лестницы. Наконец, я и Сережа остались у Паллады ночевать. Соханский предложил мне подружиться. Хорошо, что Валечка и почтен<ные> люди убрались раньше. Подружился я и с гусаром. Улеглись. Сережа все мне приготовлял сам, хлопотал и ухаживал, как жена моя и нянька, очень, очень мило. Так на прощанье целовался. Я не спал всю ночь, так как все те 3 часа, что нам оставались для сна, прислушивался. Тихо спал Сережа рядом, Паллада плакала, бурлил Пав<ел> Ал<ександрович>. Вставал Пьер, говорил Палладе, чтобы она ехала в Павловск, что она совсем больна. Зачирикала канарейка. Заглянул Федя, удивившись, что я у них. Дворник справлялся, о чем скандалили.

22 (вторник)

Выехал с Сережей. Брился. Вечером зашли Миллер и Анненков, принесли розы. Вечером поехали к Лейнеру, потом кататься, меняли помощника шоффера, заехали было к Донону, девки висли, мест не было. Сережа приехал ко мне и был мил.

23 (среда)

Утром Сережа сам делал постель. Отчего-то все полотенца и простыня были в крови. Я ездил к Волынскому и Князеву. Деньги завтра. Князев уехал. Вечером Сережа был у меня, телефонировали Анненкову на завтра. Вечером сидел дома. Валечка уехал на похороны Серова[18].

24 (четверг)

С утра ездил за деньгами и бриться. Сережа приехал часов в 5. Приехал Позн<яков> заниматься. Обедали у Лейнера. Были на «Даме в красном»[19], гусары<?> надули, но было помпезно. Рядом сидел Л. Андреев, беседуя со мною. Сережа разобид<елся> на гусаров и не остался в «Паласе»; у Лейнера обрели Юрьева и Ракитина. Юрьев ухажив<ал> и заводил тесноту, денег не хватило. Подписал счет. Сережа сейчас же заснул.

25 (пятница)

Выехал С<ережа> поздно. Денег не достал. Приезжал зять, звал в Окуловку. Вечером был у Курдюмова, там зеленая молодежь, доверчивая и милая, есть ничего себе мордочки. Что я вообще делаю, я не знаю. Говорил с Сережей Иониным по телефону.

26 (суббота)

Сережа приехал ненадолго, вчера кутил с Юрьевым. Ведет себя кокоточно, капризен и сердит. Приехал к Юрочке. Долго ждал его. За стенкой ссорились и мирились любовники. Наконец прибыл Ракитин. Когда же будут деньги за «Маскарад»! Приехал раньше всех Миллер, потом Валечка и Ионины. Я очень расстроен, я думаю, я болен, но Сережа разобиделся и уехал, может быть, с Валечкой, с которым был очень мил. Да, я брился еще.

27 (воскресенье)

Занимался. В 5 ч. приехал Миллер, объявил, что хочет напиться, что я ревную и т. д. Позвонили к Валечке и поплелись в «Пассаж»[20]. Сережа все кокетничал с Валечкой, но поехал ко мне, был очень мил, но меня пугает последствие этой теперь почти страсти моей. Где колокола, солнце или труд и любовь? Спали на одной кровати всю ночь, или, вернее, не спали.

28 (понедельник)

Встал очень рано. Сережи не добудился. Он спал, как мальчик, говоря, что «мама все равно уехала». Бедный, трогательный и очень милый. Звонил Феофилактов, прося приехать обедать. Поехал в «Аполлон». Сережа говорил, что в 5 ½ уговорился встретиться

с Валечкой, так что, когда повсюду его отыскивал Анненков, я ему дал Нувелев телефон. Расстались. Дал ему 5 р<ублей> из 15. Феоф<илактов> уже ждал меня час. Он приехал после 12 дней запоя, не кончив его еще, небритый, нечесаный, немытый. Ужасен, мрачен, без денег, с чемоданом. С утра он был у Сомова, который в конце концов увел его гулять, причем на углах останавливались и писали записки друг другу. Ник<олай> П<етрович> отправился доставать денег, условившись, что я подожду его у Валечки. Валечки не было дома, причем швейцар именно спросил меня, не г<осподин> ли я Кузмин, и сказал, что В<альтер> Ф<едорович> не обедает дома. Вернулся домой, прилег. Звонок от Нувеля, Н<иколай> П<етрович> уже там, ждут Сапунова. Поехал. Феоф<илактов> что-то рассказывал, потом моментально заснул часа на 1 ½, во сне корчился и выл, что было страшно. Сапунов не ехал, ни Валечка, ни Нурок не хотели брать Фео; вышли вместе. Зашли снова к Лейнеру. Валечка все ловчился улизнуть. Послали за Коленькой, к счастью, он приехал. Отправились еще к Донону, там я попал в объятия Коровину. Скоро уехали. У Вячеслава был еще Мандельштам, еще беседовали некоторое время.

29 (вторник)

Никуда не выезжал, кажется, Позн<яков> меня разбудил. Миллер просился с Анненковым. Был весел и мил, беседовали у печки, у меня обедали. Приехал Вал<ечка>, они действительно сговаривались обедать в «Пассаже», а тот мне не сказал этого. Вяч<еслав> все спал, возмущая Сережу. Последний не остался на ночь, уйдя, вероятно, с Валеч<кой>, хотя уверял, что просто хочет по дороге поговорить с Анненковым.

30 (среда)

Сережа приехал утром, прося его выручить и заплатить часть долга. Поехали вместе к жидам; выдали; обещал прийти вечером. Валечка пожелал всякого благополучия, а Сережа не ехал; я заподозрил что-то и играл «Орфея»[21]. Наконец, в 11 ч. телефон: может ли прийти? Приех<ал> от матери. Так мирно, хорошо, беседовали дома, лег не пьяный, позвал меня, все по-хорошему. Как милый мальчик. Говорил, что никто к нему так не относится, как я, что я балую его etc.

Декабрь

1 (четверг)

Поехали в «Аполлон»; я получил деньги. Заехали к Юрочке: нет дома. Обедать. Позвонили о ложе, купил Ю<рию> Л<ьвовичу> букет[1]. Валечка приехал ко II действию. Ужинали. Приех<ал>

и Вал<ечка>, и Юр<очка>, но не Дягилев. Сережа напился, истратил все деньги и завел тесноту с Тугариновым. Катались. За мотор остались должны. Был мил, il a exigé d'être perforé*, но была кровь опять. Он объяснил, в чем дело. Живет ли с ним Анненков? Спят они на одной кровати, он был влюбл<ен> в него, а с Сережей все можно.

2 (пятница)

Для моториста занял у Толстых. Ездил к ним. Там тетушка гадала мне по картам. Ездил бриться. Сережа сидит без копейки, равно как и Борис, отвез им послед<ние> 2 рубля. Шел пешком долго. Сидел, дремал.

3 (суббота)

Целый день не выходил. Сережа телефонировал, что будет часов в 9. Писал, усыпал. Сережа не приехал и не телефонил; вероятно, закутил, так как Анненков получил деньги. Я долго ждал наших с «Академии»[2]. Звонил Валечка. Было тоскливо и страшно. Денег нет и не предвидится. Не знаю, как верить Сереже.

4 (воскресенье)

Пришли Сережа с Аннен<ковым>; вчера были в цирке и кутили. Мне не звонил. Посидели. Топилась печка. Обещал не наверное зайти или позвонить, если что устроится. Сидел дома. Писал Глука[3].

5 (понедельник)

Занял у Сергея рубль и пошел бриться. Сережа пришел без меня. Сидел, милый, весь день и оставался. К гостям я не выходил. Сердятся. Гумилев заходил ко мне, но о долге ничего не говорил, был мил. Сережа сказался усталым. Я долго не мог спать. Надумали ехать в Москву. Мечтали об этом, но денег не прислали. Вчера Сережа был у Валечки и вечером вместе у Лейнера.

6 (вторник)

Денег опять нет. Пришел Кузнецов. Ходили втроем гулять на Охтенский мост. Недурно. Тает, гуляют аборигены. Звонили Гиге, Валечке, Вовочке, Юрочке. Мирно сидел вечер. У Сергея были шахматисты. Мирно читали и вспоминали обоюдно детство. Пришлют ли завтра денег? Был очень мил. Я люблю его сердечно, как внука или сына. Что-то Москва?

---

* Требовал, чтобы его проткнули *(франц.)*

7 (среда)

Опять ничего нет. Сережу вызвал Винтергальтен, уехали куда-то, вернулся с Борисом, расстроенный страшно. Думали избавиться от Анненкова, пойдя гулять под дождем, но тот не отставал и вернулся вместе с нами. Обедали, потом Сережа писал под диктовку долго, милый, милый. Я так люблю его, что готов ехать с ним куда угодно.

8 (четверг)

Опять денег нет. Еще занял у Сергея денег на бритье. У меня сердце болит, что у Сережи драные сапоги и т. п. Посылали телеграмму. Потом писали под диктовку, начали повесть и стихи[4]. Сережа, по-моему, тянул, чтобы я к нему не приходил, я спросил его, но он сказал, что не хочется, я высказал свои подозрения, неужели он только в пьяном виде может иметь сношения. Он приходил мириться, и было очень сладко, но денег ни копья.

9 (пятница)*

10 (суббота)**

С утра пошел к Кассандре узнавать о «Шиповнике». Обещали принести в 5-м часу. Заходил к Мосолову; ничего нет. Вернулись домой. Звонил к разным людям. Помчались бриться, телеграфировать, к Юрочке, которого не было дома. Прождали и вернулись, а деньги без нас приносили. Прокатились к Сапунову, не вернулся еще. Купили цукат и приехали чай пить.

11 (воскресенье)

С утра снаряжались. Ходил выручать вещи Сережины из «Эрмитажа». Заезжал еще к Чичериным. Тихо, мирно, дети поют песеньки. Завтракали. Теперь, когда я это пишу, через неделю, все это кажется каким-то потерянным раем. Валечка пришел провожать, был потрясен, мил. Ехали не очень удобно, но хорошо, ехал с нами купец, которого мы приняли за шпика сначала.

12 (понедельник)

Комнату дали маленькую, обещая перевести. Брали ванны. Звонил в «Скорпион» и <Н.> Познякову, хотел приехать к обеду[5]. Были у Иверской. Долго задержал меня С<ергей> А<лександрович>, но потом дал, обещая следующее через день. Днем были

---

* Листок под числом не заполнен

** Число и первая строка написаны чернилами, далее запись этого дня сделана карандашом

на выставке, видели Сапунова, Судейкина, Милиоти и всех вообще[6]. Вечером на Сергее поехал в театр миньятюр[7]. Не важно. Ужинали экономно. Да, были у Коленьки, видели его негра. Все какие-то оголделые <*так!*>.

13 (вторник)

Что-то покупали. Я не знаю. Вызвали Кожебаткина к обеду, чтобы занять. Заезжал к Коммиссарж<евскому>, видел Сапунова, прося его устроить. Обещает. В театре было хорошо[8]. Сапунов и <Н.> Позняков хотели ужинать, но первый надул. Второго же вызвали, Сережа уже помрачнел, я не знаю, как он: что он позволяет себя любить, это несомненно, но сам нет, и потом обращается со мною как-то зверски, исключая нежных минут.

14 (среда)

Завтракали в целой компании с Гордоном Крэгом[9]. Делали покупки. Сережа пошел на «Снегурочку»[10], я же обедал у С<ергея> А<лександровича>, куда потом вызвали и Сережу. Он очаровательно себя вел. Телеграфир<овал> Жене, ответ: «Вышлю завтра». Сережа уже один ездил к Коленьке. Я пел и читал после ужина уже. Звонят какие-то психопатки.

15 (четверг)

Денег опять уже нет. За завтраком прислали. Ездили с визитом к Софье Ромуальдовне, где были две Зиночки. Обедали рано, но Сапунов не приехал, обещая завезти завтра вечером, чего не исполнил, все-таки. Были в цирке. Сережа не в духе. Денег опять нет. Вызвали <Н.> Познякова; снова заняли. Что же завтра? Откуда? и потом, я все переберу, на что же буду жить? Тут как-то мало кому до меня дела. Я боюсь смертельно. И потом, Сережа сам часто не хочет, хотя готов. Убить себя или уехать? Любить он меня не любит. Для его веселья нужно много денег, которых у меня нет, он, естеств<енно>, хандрит, я тоскую, и все мне кажется погибшим. А люблю я его до смерти и не знаю что готов вынести, только бы он был мил и ласков, а этого все нет, он бегает (то есть стремится к этому), самостоятельствует и еле выносит мое существование. Все это кончится бедою. Денег меньше, чем ничего.

16 (пятница)

С утра трезвонили Арапову и Коммиссаржевскому. Сапунов, очевидно, уехал, ничего не оставив. Сережа лег спать. Поехал к Арапову, нет его. Вернувшись домой, застал его с деньгами. Пообедали, поехали в оперетку[11]. Видели Балиева. Вечером были куражи и интриги, посылали кому-то цветы. Сережа раздевался со-

верш<енно>, я всего его целовал. Так хотели не спать всю ночь, но заснули. Странный все-таки человек.

17 (суббота)

Утро так же. Где достать денег? Не шлют. Занял у Коммиссарж<евского>. Сережа днем ездил безуспешно. Обедали с Поляковым. Как томительно скучно быть без денег. Поехали в Трехгорное[12]. Там гадость все-таки. Актерики.

18 (воскресенье)

Ездил к Ликиардопуло. Покуда брился, зять прислал. Были на выставках, всех видели, обедали в «Праге», выпили еще дома. Сережа поехал в балет, я — к Соколовым. Он заехал. Ужинали дома у Сережиного лакона, который от нас сбежал. Ночью было хорошо, но денег у нас ни копейки опять, хотя Ликиардопуло и прислал нам. Что-то молчит Балиев[13].

19 (понедельник)

Ликующая погода. Дали счет, денег даже и не предвидится. Завтракали у Соколовых. Вечером надумали поехать к Поляковым, не обедавши. Зиночка была. Сережа был достаточно мил, но не дома.

20 (вторник)

С утра атакую Грифов. Просил заехать в кружок. Много пили. Зачем-то Сережа ездил в кружок. Были пьяны. Счет 60 р. Когда обедал у Грифов, чуть не умер. Какой позор.

21 (среда)

Был у Грифа. Взял. Поехал к Кожебаткину. Томился, рассказал. Посоветовал обратиться к Полякову. Тот согласился. Был в «Скорпионе». Достал, решили, что билетов нет. Были на выставке. Обедали в «Праге». Поехали в цирк. Ужинали. Трубку он подарил maître d'hôtel'ю. Шампанское подняли наверх. Всего его целовал, как плащаницу.

22 (четверг)

Сережа потерял голову. Встали очень весело; он мылся. Завтракали, он прямо начал обедать, говорит, что запьет. Вчерашнее предложение помнит. Поскакал к Чулкову. Привез его, был и Юраша. Сережа без меня назвался к Поляковым. Вел себя с Зиночкой и со мною невозможно. Я был возмущен до глубины своих чувств.

23 (пятница)

С утра забрал паспорт и портфель, чтобы бежать. Сапунов ушел и не возвращался до 8 ч. Приехал Сережа и увез меня. Обедали наверху. Я умолял его быть со мною, но он отказался. Были бурные, но откров<енные> объяснения. Он, очевидно, меня не любит. Призвал все-таки С<офью> Р<омуальдовну>.

24 (суббота)

С утра принесли денег. Зашли к Перцову[14], спят. Купили цветов. Сидели у окна, дули квас и дурили. Обедали в «Богемии», увидели там Сапунова и Арапова. Дома пришел Сергей, часть отдали. Я звонил к С<офье> Р<омуальдовне> насчет визитов, Сережа подошел, хотя говорить, я не понял и сказал, что его нет. Разобиделся, повалился на кровать, ругался. Я читал «1001 ночь», решив завтра уехать. Был страшный припадок. Сережа очень испугался, но каприза не оставил.

25 (воскресенье)

Был в Перцовке. Сережи не дождался. Выехали вместе, я совсем болен. Может быть, умереть? Сегодня еще проживу. У Поляковых были очень холодны с Сережей, так и нужно. Обедали в номере. Я рано завалился спать. Сережа меня укутывал и поил чаем. Был не капризен. Разговоры по телефону самые оживленные. В гостинице пустота. Сидели у окна опять.

26 (понедельник)

С утра поехал к Сапун<ову>, достал денег; брил меня Арапов. Был один на вернисаже[15]. Обедали. Комп<ания?> вызвала меня в кабак. Сережа же поехал в миньятуры *<так!>*[16]. Я удрал потихоньку, снова вызвали на полчаса, задержали. Феофил<актов> и Анатол<ий> ухаживали за мною. Послед<ний> увез меня к брату ночев<ать>. Но явилась и вся шайка, которая долго еще колобродила. Феоф<илактов> ночевал тут же на полу. Видел во сне милое, испуганное личико Сережи на вокзале. Что мне делать?[17]

27 (вторник)

Приехал в 2 часа. Сережа не знал, что и думать. Кожеб<аткин> ему вчера сказал, что я уехал с Сапуновым. Он искал меня сегодня. Опять поехал к Кож<ебаткину>, взять рублей 10. Жанна гадала, плохо выходит. Прилетел. Обед<али> в «Богемии», был лицеист, который кокетничал. У Поляковых был раут, С<офья> Р<омуальдовна> вертит и ждала Сапунова, чтобы меня удержать. На звонок Сережи сказала, что я уехал. Я тотчас же удрал. Он чуть не плакал. Носов позвал меня и его под Новый год. Было мирно и дружески, но он был капризен; это решило жребий.

28 (среда)

Сережа еще спал, когда я вышел. Тоскливо оглянувши комнату в солнце, я поцеловал его в шею, сказав, что к 4-м вернусь. Не вернуться ли? как подло, подло, подло! День ликующий. У Перцова спали. Предался<?>. Коленька уехал; мы с Афанасьичем заперлись. Зашли к Фео. Поехали к Егорову, если бы мы встретились, я бы вернулся. Из ресторана звонили, что я уехал за город с Рябушинским. Я даже голоса его не слышал. Приехали Кожебаткин и Феофилактов etc. Предложил до поезда заехать в бани, те протестовали. Пошли, всё около «Метрополя» вертелись. Дали мне морду, но ничего. На вокзале не взяли 100 р., так как у них был отрезан №. Аф<анасьич> хлопотал, я писал письмо Сереже, а время шло. Поехал с собачьим поездом. Хотелось пить смертельно. Ехали офицеры и юнкера в Тверь. Боже, что я делаю! Неужели я спасен, и почему не радуюсь этому спасению? Но что будет с Сережей, Боже! И со мною!?

29 (четверг)

Томно было ехать. Приехал вечером. Не ожидали. Обедали. Никуда не выходил. Разговаривали долго. Телеграмма от Сережи: «Всегда для Вас, приезжайте». Что делать?

30 (пятница)

Письмо от Сережи, еще телеграмма. В «Аполлоне» дали, жиды нет[18]. Послать или ехать? Хотел посоветоваться с Валечкой, но раздумал. В «Аполлоне» встретил Всеволода, очень красивого в новой форме. Целовался с ним, он думал, что все из-за сестры произошло. Вышел тайком и уехал, послав телеграмму.

31 (суббота)

Сережа ждал меня, хотя телеграммы не получил. Проводил время не так плохо, как я думал. Был мил. Ели в «Богемии», зашли к Гордону, где встретили Полякова. Очень холодно. Весело собирались. У Носовых было хорошо, но Сапунов, Фео и Ромуальдовна на нас злы, зато Евф<имия> Павл<овна> была крайне мила. Посадили Сережу с Зинкой, чему виновник был С<ергей> А<лександрович>; я злился, конечно; Сережа на меня; я поиграл и уехал рано. Дома опять бранились.

1912

Январь

1 (воскресенье)

Поехали с визитом к Носовым и там остались обедать, были визитеры при нас; Сапунов, увидя наши пальто, не поднялся, оставив карточки; дама была крайне мила и любезна. Было очень хорошо. Вернулись трамом рано. Поели еще и легли весело, но денег нет. Нужно отыскать Бруно.

2 (понедельник)

Гуляли не евши. Ждали долго, как ехать. Заходил к нам Шик, звал завтра на завтрак. Сидели так просто. Поехали к Ник<олаю> Павл<овичу>. Куча народа, румыны, венгерки, подарки, питье, Гиршманы; я пел недурно; Поляковых не было. Взял у Н<иколая> Павл<овича> 25 р., тот целовался, я ничего не соображал. Отказались от автомобиля Носовых и отправились вдвоем под утро совсем[1].

3 (вторник)

Шика дома не было, одни жидовки нас занимали и кормили. Н<иколая> Павл<овича> не было дома, к Гиршманам не поехали. Сережа лег спать, мне было очень скучно, он меня нисколько не любит. Ждали Бруно. Обещал завтра дать ответ. Смотрели у Незлобина «Женщину и паяца»[2], вспоминая наши отношения. Зашли в «Богемию», Сережу все подмывало подписать счет, что он и сделал, но деньги потребовали. Поехал и взял у portier. Я его дожидался в кабинете. Дома был нежен, ласков и даже страстен.

4 (среда)

Поплелся к Бруно; ничего не устроил, советовал обратиться к Трояновскому. Сережа ждал меня у Tramblé, потому что я ездил часа. Ездил 2 раза, не зная адреса. Любезно и томительно меня принимали, показывая коллекции, угощая обедом и т. п., когда я только думал о Сереже и деньгах. Вышел вместе и обещал завтра. Поискали Ликиардопуло и вернулись домой, мирно беседуя о прошлом.

5 (четверг)

С утра поехал к Троян<овскому>. Тот любезно сунул мне деньги, говоря, что он не ростовщик, и надув меня на 5 р. Завтракали в «Праге». Сереже хотелось в Эстетику, и потому он протратил деньги, поехавши на резвом к Носовым, с которыми мы простились вчера. Я разобиделся, он злился и ругался последними словами, все уговаривая ехать в Эстетику, но я поехал к Кожебаткину. Там тихо, мирно и любезно. Сидели Крымов и Анатолий<?>. Сап<унов> и Феоф<илактов> злятся. Арап<ов> попал в участок и выбил себе зубы на скэтинге. Сережа ждал внизу. Эстетика была заперта; сидели на вокзале, поехали с добавочным поезд<ом>, где 2 вагона было николаевских и павловских юнкеров. Вот выехали[3].

6 (пятница)

Сережа томился и ругал Петербург. И дома капризничал. У нас Ан<ненкова->Бернар. Заходили к Князевым. Он завел роман с Сонечкой Толстой и попался. Вечером был он и Валечка, потом куда-то вместе поехали. Сережа был не в авантаже, красный, растерзанный и толстый. Потом заснул, вот и все. Хорошо держит слово! Я был огорчен, но не слишком. Едва ли поеду в деревню.

7 (суббота)

Сережа отправился к матери. Я проваландался дома и ничего не сделал. Был Кузнецов, долго сидел и беседовал. Сережа, придя домой, все спал, но никуда не пошел. Был у Князевых, играл, были милы. Всеволод затеял какую-то невероятную канитель с Сонечкой Толстой и просит меня помогать. Благодарю покорно. Вернулся; Сережа еще спал. Посидев, Князев ушел. Были гости у Вячеслава и у Сергея долго. Легли спать рано, но Сережа был капризен, говорил, что ему гадко, противно, тщетно при мне же надрачивал. Я предложил тогда совсем расстаться; он говорил, что тогда он сию же минуту уйдет и будет мстить, и просил, чтобы все было по-старому. Я неохотно согласился, но если не сегодня, так завтра или послезавтра расстанемся, потому что частые такие ночи — невозможны. Не спал всю ночь.

8 (воскресенье)

Кажется, не было ничего особенного. Вечером были у Валечки. Всеволод действительно был у Толстых. Невероятная канитель. Сережа был мил, но снова отказал. Я ушел, но сказал ему, что тогда мы расстанемся; он промолчал, ни слова.

9 (понедельник)

Утром Сережа говорил как ни в чем не бывало, я написал ему записку и ушел пить чай в гостиную. Он пришел за мною и объявил, что никуда от меня не пойдет, что постарается быть другим. Голова у меня болела адски. Он хотел идти на скэтинг. У Ивановых гостей было не очень много, меня трижды извлекали от Сережи. Он потребовал орехов, был не капризен, но с очевидной неохотой.

10 (вторник)

Уехал один к Юрочке. Какая-то вдруг свобода. Оказывается, Сережа Ионин не уезжал и не занят, планы, новости. Странно было видеть Миллера дома. Зашел к Лидиньке, наигрывал «Американц<ев?>»[4], они играли в шахматы. Сережа был мил, пошел слушать, познакомился с Вячеславом, пришли жиды и Валечка, Сережа переписывал[5]. Было не весьма весело. Что-то будет? У меня после всех историй какой-то холодок.

11 (среда)

Что-то делали, по-моему. Я мало делал. Кисну отчасти, не зная, как быть с Сережей. Дивное письмо от Пет<*нрзб.*>. Что еще? Ах, ничего не помню и не понимаю.

12 (четверг)

Сережа ходил в правление. Сведения очень плохие, к завтраку пришел. Да, с утра я с зятем ездил по разным делам, то есть выбирать костюмы для «Ульяны»[6]. У Юрочки долго его ждал с Иониным, он бесконечно мил, но суховат. Обедали. Набрал работы мелкой. Сережа даже начал без меня обедать. Сославшись на Бенуа, полетел к Валечке за советом. Его мнение совпадает с моим. Хотели сюда впутать Вячеслава, но он отказался, а стал читать нотации и загадывать загадки.

13 (пятница)

Сережа пошел со мною в контору. Долго ждал; был Аничков и Есипович. Теляковский обещал дать очень мало. Сережа был мил, но вечером скучал, бросался предметами, посылал меня к Вячеславу просить денег и т. п. Были Пронин с женою и Пяст насчет

«Собаки»[7]. В конце концов, Сережа утихомирился и был мил. Лежа я все думал о жизни, деньгах, Бенуе <*так!*>, Сереже Ионине и Петифуре. Уезжала Анненкова.

14 (суббота)

Никуда не выходил. Сережа ездил к матери, она была мила, звала его туда и сюда, но он вернулся. Скучал, сердился, посылал меня занимать деньги у Вяч<еслава> и Веры, бросался разными предметами (это, впрочем, было вчера, а сегодня просто залег спать). У нас был Пепенин, которого М<ария> М<ихайловна> мне прочила в секретари. Скромный, <*нрзб.*> в поэзии юноша в очках, застенчивый и бодрый[8]. Я как-то нелюбезен был с Сережей, и мне его жалко до смерти, хотя Валечка прав, безусловно.

15 (воскресенье)

Попросил у Веры 3 р. Пришла кума Анюта, рассказывала о прежних годах, о бегствах из Парижа. Вьюга. Сережа топил сам печи, хочет наводить порядок. Вера что-то повеселела. Ходили бриться. Обещавший приехать Слезкин не был. Читал «Александра» не отрываясь[9]. Болит голова, но настроен работяще. Сережа не обедал, но вернулся хорошим. Говорил о ящерицах, хорьках, полковых дамах. Я лежал и смотрел на окно, что-то было от старины. Горела свеча, Сережа в расстегнутом кителе, мой, мой, сидел стройный, вино, табачный дым. А все во мне говорило о иконах, масонах, балах и одиночестве, работе и вине, и все о том, что будет со мною и Сережей. Но давно я не был так спокойно-восторженно и странно настроен. Понимает ли он это? Едва ли. Вяч<еслав> говорит, что он как «щепка», которую прибило. Не жесток ли я в самом деле? Но что же мне делать? Самому<?> погибнуть?

16 (понедельник)

Вместе пошли в контору, солнце и мороз, встретили Юрьева. Известия самые печальные, до субботы, в лучшем случае; по-моему, врут. Печально плелись. Сережа куда-то скрылся. Я решил заложить кое-что, думаю, что и он сделал то же самое с запонками. Так и оказалось. Вернулся он с бумагой, красками и грушами. Гумилев вызывал обедать, я заложил пиджак. Обедали у Альбера с Женей. Поплелись в цирк, хотя Сереже и <не> хотелось. Было скучно, одни звери, да пантомима[10]. Сережа куда-то просился на полчаса, но я усадил его с Гумми и покатили. Был капризен, объяснялись.

17 (вторник)

Сережа смеялся над жилетом; я ушел в столовую и на его зов не пришел, он сам за мною пришел и стал собираться переез-

жать; я ни слова не сказал, даже если это разрыв, но жалко мне его было до слез и любовно. В Северной ничего не было, ели у Федорова в служ<ебном> кабинете, потом опять в гостиницу, ничего еще, были в кинематографе. Сережа нежен. В комнат<е> узко и несколько по-блядски, но ничего. Проводил меня, просил приехать днем, сам взял под руку, как-то растерянно простился у трама и еще смотрел, как я поехал. Сам же поплелся на скэтинг. Кончено? Как грустно. Дома холодно, играл, сидел у печки, скучал, все мне постыло. Так грустно спать, никто не говорит, не будит, не прощается. И его мне жалко, но так нужно.

18 (среда)

Ничего не мог сделать. Побрился. Сережа читал, он сам звонил мне. Обедал при мне, топили камин, потушил свет и прилег ко мне, бедный ребенок, но он погибнет все равно. На полу конфетти и 2 стакана, много ел, это мне подозрительно. К нему теперь будут лазить девки, лишь только он достанет денег. Удерживал все меня. В «Аполлоне» был Гумми, Женя и еще кто-то, Рара приехал поздно. Гумми отправился обедать к нам. Сережи у Ожар. не было, у Валечки умер брат в Москве, и он туда поехал, позвал Гигу с Вовочкой. В доме освещено, пусто, дверь открыта. Жучка. Сережа приехал поздновато. Играли, был тих и спокоен, ушел рано, оставаться не хотел. Двое еще долго сидели. Пошел к Вере, беседовал и на прощанье поцеловался с нею. Сережа как-то раздирает мое сердце, ничего не писал, разумеется. Что-то будет завтра?

19 (четверг)

Солнце, тепло, заходил к Ремизовым, иконы, тихо, мирно. Вспомнились гимназические годы. Когда же работа? Пришел Бородаевский; Сережа звонил, чтобы я заехал и захватил паспорт с собою. Брились. У Гиги мальчиков не было, и Сережа расстроился. Рано ушли, зашли к Федорову. Я затягиваюсь куда-то. У него тихо, но как-то впечатление тайного и делового свидания. Дома Вяч<еслав> и Кассандра играли в шахматы. Потом Вяч<еслав> говорил со мною о Вере долго и откровенно[11].

20 (пятница)

В конторе сведения еще менее благоприятные. Говорят, еще ждать неделю. Это ужасно. К Сереже не заходил. Он сам пришел не в духе, обедал, сидел, посылал меня просить у Бородаевского и т. п. Валечка звонился дружески. Ночевать остался Сережа у меня. Был Юраша и Валерьян. Читали стихи. Пока Сережа лежал, я писал усердно. Звонил Сережа Ионин. Никуда не ходил. Долго переговаривались через стенку

21 (суббота)

Мороз и солнце. Собрали последние вещи в заклад. Встретил разных людей, чуть-чуть подташнивает, но бодрость будто прибывает. Были у Федорова. Гадко все-таки там; отправил письма. Дома нашел Белого с женою[12]. Скучноваты, но трогательны. Очень нездоровилось, все прикладывался. Пришел Женя, как во сне, читал ему, расспрашивал о Н<иколае> Дм<итриевиче>, просил совета. То же говорит, что и Валечка; в 12-м часу звонил Сережа со скэтинга, просит, умоляет достать и привезти ему 10 рублей, говоря, что я «не раскаюсь»; я отвечал уклончиво, но решил не доставать, будучи уверен, что он не «погибнет», как сказывал. Женя меня утвердил в этом. Пел еще, но кошки поскребывали. Что-то будет, в самом деле? Писал очень мало, почти ничего. Если будет так продолжаться, уеду в Окуловку.

22 (воскресенье)

Не выходил из дому. Сережа звонил, извинялся, звал вечером пить чай, но я не поехал. Сидел дома, болтал с Белыми, несколько писал. Очень холодно.

23 (понедельник)

Проспал и у Миллера не был, он сам пришел, недовольный. Гумми звал к Альберу. Обедали. Сережа был мил, пошел домой, мы же на «башню». Я еще писал. Вечером было ничего себе. Белый читал отличные отрывки[13]. Городецкие наскакивали на меня и даже проникли в мою комнату. Сидели все очень долго.

24 (вторник)

В конторе меледа. Сережа в унынии. Ездил с ним на кладбище, на могилу его деда. Обедал у нас. Упросил меня не ездить к Гумилеву, а взять у Белого денег и пропить их, что я позорно и выполнил. В «Палас-Театре» к нам подсел Тугаринов, теснивший Сережу, выставивший шампанское, розы и звавший в Крестовский[14]. Но так как он хотел ехать с Сережей в карете, предоставив мне извощика, то я отказался, и Миллер не поехал. Сидели там толстые Средина и Гречанинов. Сережа все жаловался на головную боль, но обещание исполнил. Я пробалтываюсь в пьяном виде безбожно и швыряю деньги. Обязательно нужно уехать. Сегодня я сделал гадость и по отношению к Белому, и к себе, и ко всем, и к делу. И потом на год, два нужно бросить кабаки.

25 (среда)

Сережа Ионин не пришел, Толстые тоже. Паня играет музыку слишком патетическую для моих слов. Валечка был мил.

Сережа все читал, разливал чай, был тих и скромен, но это ничего не значит. Болела адски голова.

26 (четверг)

Был в конторе и кабинете<?>. Доклад еще не сделан, раньше вторника немыслимо. Это ужасно. Приехал Иван от Лейнера, искал Сережи, чтобы взыскивать 33 р., жаловался, благодарил и извинялся. Сережа снова у меня водворился. Старая история.

27 (пятница)

Никуда не выходил, кроме Валечки; соврал, что иду к Воиновым. Легенды о нас в Москве мне не нравятся; ругая Миллера, могут ругать и меня. Посоветовал переех<ать> к Гумми. Шел пешком, долго, долго. Сережа спал, ругался последними словами, что я ему не несу чая, вина и т. п. Звонил Семен с 9<-й линии>, просясь прийти, без места с понедельника.

28 (суббота)

Вышел к Кассандре. Тепло, у нее уютно; поговорили за кофеем. Дома нашел Кузнецова. Сережа не завтракал; вышли, он приуныл, провожали нас. Горела Обуховская больница[15]. Гумилевы были уже там. Погов<орил> с ним о Царском[16]. Городецкие очень милы, но Нимфа безвкусна бесконечно[17]. Сережа звонил, умолял достать 10 р. и выручить его от Федорова. Сухо говорил, он обещал быть ласковее. Пошел в «Академию», взял у Жени и Гумилева и поскакал все-таки; там был один Кузнецов[18]. Сережа разминулся со мною. Приехал. Посидели. Хотел гулять еще, встретили царей. Тащил в «Собаку», но я категорически отказался[19]. Поехали, сидели; был мил, но у самого ничего не вышло часа 1 ½. По-видимому, никуда не собирается. Денег нет, чтобы уехать, у меня.

29 (воскресенье)

Неужели еду? Вчера Сережа Ионин прислал мне билет на маскарад с письмом[20]. Как я давно его не видел! У нас Костя. Вышли бриться. Тепло; у преображенцев съезд[21]. Сережа простился, может быть, навсегда. Свободный ли? Но так нужно. Пришел скучный Гарднер[22]. Сережа пришел незаметно: ни являться, ни денег доставать — ничего не хочет, хочет стреляться и т. д. Заболел еще у него живот, с блинов, что ли? Удастся ли завтра улизнуть, достав денег? Он милый мальчик, но я ничего не могу поделать.

30 (понедельник)

Сережа уходил куда-то, звонил и не пришел в «Пассаж»[23]. Дома Белый читал, сидели долго. Когда я вернулся, думая, что, вот,

не светит огонь у меня в комнате, свет враз и обнаружился. Спит Сережа, сердитый и недовольный. Что-то будет? Был все-таки у матери.

31 (вторник)

Всё дома. Был в конторе. Конечно, ничего. Сережа взял мой сюртук и уехал. В полку вовсе не так худо. Обедали Толстые, был Ященко и Гессен. Сапунов меня позорно ругает. Это не важно. Пошел уже спать, когда меня вернули играть.

Февраль

1 (среда)

В конторе опять ничего. У меня уже был Сережа. Удрать нельзя. Сама судьба. Денег взял у Веры. Присел к Сереже, но он сказал: «ладно». Пришел Кузнецов. Я поехал в Царское, сказав тоже: «ладно». Ехал я свободно и печально, закусывал на вокзале. Как тихо, мирно в Селе. У Гумилевых электричество, бульдог. Собрался «Цех»[1], был Аничков; намекнул ему. Спал в библиотеке. Печально, вольно и сладко. Очень странно.

2 (четверг)

Солнце, не холодно. Встал не поздно. Что-то Сережа? Молли приходила[2]; трещали кенарейки, бормотал попугай. Ели блины, приходили гости. А<нна> А<ндреевна> хочет уезжать[3]. Коля пошел к англичанке, я же гулять с А<нной> А<ндреевной>. Тихо и хорошо, заброшенно. Писал стихи, играл. Гумилева уехала. Что-то Сережа?

3 (пятница)

Брился. Поехали в город. Коля заложил часы. Ехали с Рара, тот скулил и был неприятен. Дома письмо от Сережи, что его выставили. В «Аполлоне» по-старому, но как далеко. Милый Женя, Мишка. Коля тащил на Сологуба[4]. Во время обеда вызывает Сережа, стоит без шапки, бедный, подниматься не хочет, просил выйти с ним. Гумилев не пустил, послали записку; ответ — умоляет сойти; пошел, говорили, он не ласков, но люблю я его очень и жалко до слез. Умолял приехать завтра и жить в Финляндии. Что мне делать? Коля все спорил с Вячесл<авом>[5]. Ведь Сережа меня не любит. Поехали обратно. Закусывали на вокзале. Тихо и снежно. Спят. Молли обрадована. Что мне делать, не знаю. На «башне» какой-то разгром.

4 (суббота)

Сегодня поздно встал. Как жалко, что не еду в Петербург. У меня безумное решение поступить, как хочет Сережа. Нужно дождаться денег. Тепло. У Гумилевых гости. Ходил гулять в парк с Кузьминым-Караваевым. Стрелки учились ходить на лыжах; проезжал государь. Так тяжко. Коля о чем-то задумался. Играл Грига и Листа, все более убеждаясь, что следует честно и открыто уехать с Сережей. Это, конечно, очень рискованно. Но, может быть, это всего лучше. И так все от меня отступились из-за Москвы. Работать. Но как мне страшно, как мне страшно! там, несомненно, Сережа будет флиртовать напропалую. Семейно сидели за чаем. Потом читал «Мечтателей»[6]. Не знаю уж, что и делать. Печки сегодня у меня не топили. Писал плоховато[7]. Все думаю о Миллере: главное, что я в нем очень неуверен. Теперь он несколько денежно зависит от меня, преувеличивая мою кредитоспособность. И потом, как в полку посмотрят на наше сожительство, неизвестно.

5 (воскресенье)

Встал поздно. Блины. Думаю о Финляндии. Гуляли в парке. Солнце. Катался на лыжах. Тихо. Завтра постное. Писал хронику. Читал «Гулливера». Что еще? Спорили о Иванове. Ленюсь и ни о чем не думаю. Что-то Сережа?

6 (понедельник)

Едим постное. Письмо от Сережи, такое милое, такое трогательное, обещающее, радостное. Потом еще с вокзала. Приехал, просит зайти. Коля поехал со мною. Ничего, приехал погулять, но сдержан и полусердит. Зашли домой. Пили чай, гуляли вдвоем. Провожал его. Завтра хочет встретить. Коля написал стихи о «лирике»[8].

7 (вторник)

Ехал с Комаровским. Сережа дожидался. Долго мытарили в конторе. Но выдали; расплачивались и в «Сев<ерном> доме»[9], и в «Финл<яндской> гостинице», завтракали и обед<али> у Палкина, покупали в Гвардейке, заехали на «башню» с сундуком, перевезли мои вещи тайком. Белые еще там[10]. После обеда поехали на Казачий. Взяли двух мальчишек. Было не плохо. Дома разбир<ались>, пили чай; Сережа был не капризен, но слабоват.

8 (среда)

Денег 5 р. Сидели дома. Сереже нездоровится. Спал плохо. Все мечтаем.

9 (четверг)

Записался в библиотеку. Зашел к Чичериным. Завтракают. Дети. Милы. Врал. Обещали в субботу. Вечером Сережа пошел к Гаевскому, вернулся с сыром и малиновым вареньем. Пили чай. Завтра пойдет в госпиталь. Спал плохо. Писал «Мечтателей».

10 (пятница)

В библиотеке книг не достали. Зашел к Птиф<уру>; приехал. Радостная встреча, новости. Валечка уже здесь. Пизистрат едет. Утешал, но далековато все это. Вышел с ним. Он пошел к Дубергу. У Сережи — триппер, был 30-го у девки. Какая гадость, какая гадость, какая гадость, и пришел ко мне, лег в мою кровать. Фуй! Писал под диктовку.

11 (суббота)

В библиотеке были оба. Болела голова. Переводил. С аппетитом обедали. Спали. Читал «Mercure». Холод невозможный. У Чичериных мирно. Н<адежда> Дм<итриевна> пела. Сережа потащил меня к Валечке. Были встречены так сухо, что мне даже стало жалко Сережу. Завтра сбегу. Зашли к Альберу. Пить ему нельзя.

12 (воскресенье)

Брился. Вышли вместе. Аничков был мил, но сведения неутешительны. Струве денег Белому не дал, тот еще тут[11]. Лож в России нет. Вячеслав тоже масон[12]. Поехал в Царское. Встретили как беглеца. Радушны. Был брат Гумилева. Коля хочет ехать в Киев, предлагая мне остаться. Беседовали. Что мне делать?

13 (понедельник)

Написал письмо Сереже и в контору. Поехал с Гумми и Рара. Первого, кого я увидел на перроне, был Миллер, я сделал вид, что его не заметил. Поехали в «Аполлон». Гумилев за нами, чтобы мы не пропали. К счастью, там никого не было. Объяснялись, отдал ему письмо, все то же самое. Просил приехать самому за вещами. Поехал. Опять объяснялись. Если бы он сделал глазки, поцеловал и обнял меня, я бы сделал все, что он хочет, но он ничего не понимает, вот в чем ужас. И только я его надоумил, он положил мои руки себе на плечи, мило смотрел, просил поцеловать и говорил, что я ему необходим. Если бы он был здоров! А может, это и к лучшему предлог? Нет, я знаю, что жить денег нам не хватит, и, увидя его, я не могу удержаться, чтобы не остаться. Он не знает своей силы, или не хочет ею пользоваться. Или лень, уверенность, отвращ<ение>. Гумми я вызвал. Миллер хотел приехать на вокзал. Обедали у Альбера. Поехали на вокзал, поезда нет, на Царскосельский

чуть не опоздали. Гумми уехал, а я позорно покатил на Варш<авский>, где видел Трубникова, чтобы дождаться Сережи. Вернулись на Царскосельский, закусывали, он был, нужно признаться, очень мил, насколько позволяла ему болезнь, но что, что мы будем делать?

14 (вторник)

Встал веселым и милым. Решили ехать в Царское за вещами и отвезти portefeuille. Я вышел бриться и ушел к Кузнецову, тот предложил остаться у него. Зашли за вещами. Портфель он увез, а рукописи спрятал, мы их нашли и стащили. Боже, как я поступаю с Сережей! Н<иколай> Дм<итриевич> страшно ласков, нежен и дружествен со мною, я прямо не заслуживаю этого. Провожали Ник<олая> Адр<ияновича>, читали, болтали. Я — совсем кочевник.

15 (среда)

Мирно живу у Кузнецова. Гуляли за сапогами, хотели встретить Наденьку: кажется, так. Брились где-то. Вечером были у Валечки, который меня ругал. Потом у Лейнера, очень хорошо было.

16 (четверг)

Боялись, доставил ли С<ергей> В<ладимирович> портфель. Написал письмо. Ответили, что доставлен, сегодня, значит, он был в Царском. Вечером были у Ауслендеров, откуда Н<иколай> Д<митриевич> отправился к приехавшему Познякову, я же, проводивши Мат<ильду> Эд<уардовну> — домой. Долго ждал Н<иколая> Д<митриевича>, глупо мечтая.

17 (пятница)

Заезжал на «башню». Все спят. Письма, и интересные. Сидели дома, смотрели картинки. Мирно и чуть любовно, но что делает Сережа?

18 (суббота)

Были в типографии, я брился, в «Аполлоне» были Ауслендеры и вернувшийся Гумилев. Решил не ехать в Академию[13]. Н<иколай> Дм<итриевич> поехал на Остров, потом к Гиге, где был и я. Было мило, но не так чтобы очень. У Валечки был Сапунов, все еще злобствующий.

19 (воскресенье)

Н<иколай> Дм<итриевич> все танцует. Был Миллер. Я вернулся Вечером Н<иколай> Дм<итриевич> был в балете[14], а

я у Вяч<еслава>. Был скандал в Академии, кого выбирать?[15] Символистов или «Цех»? Я думаю, второй, спрошу Женю. Ждал долго Н<иколая> Дм<итриевича>, он обиделся в ресторане на Валечку.

20 (понедельник)

Никуда не выходили до Зносок. Было очень мило, я играл в карты, а Н<иколай> Дм<итриевич> уехал мириться с Валечкою. Миллер не звонит и не показывается. Был и у Жени в комнате, милый котенок!

21 (вторник)

Поехал в Царское. Встрет<ил> Варв<ару> Ив<ановну>, Рара. Хороший воздух. У Гумилевых по-прежнему, но, кажется, я стесняю их несколько. Гумми уговорил меня остаться и послать телеграмму Кузнецову. Ходили вечером, рассуждая о стариках и «Цехе». Читал «Мечтателей» Анне Андреевне. Какое-то весеннее чувство во мне. Ехать ли мне в Окуловку, как меня зовут и мне советуют? Скоро приезжает Марья Мих<айловна>. А перевод-то, повесть-то?[16] А Миллер? не могу о нем вспомнить.

22 (среда)

Поехал в город вместе с А<нной> А<ндреевной>. Утром читал Laforgue'a и «Отелло». Пришлось долго ждать. Проезжали цари. Гумилевой раскланивались стрелки и генералы. По всей линии расставлены солдаты. День колосников[17]. Мы купили еще в Царском. Н<иколая> Дм<итриевича> не было дома. Пришла М<ария> Дм<итриевна>, беседовали, пришли колосники еще. Звонил Ростовцевой насчет билетов[18]. Обедали поздно. Ездили за биноклем в Мариинский театр, будто потерянный рай, сторож меня узнал. Назад шли пешком. Колосники к нам приставали. Дома долго смотрели каталоги.

23 (четверг)

Вера прислала письмо, что билеты доставать сегодня. Час назад был Миллер. Поскакал на «башню», никого не видел. У Вячеслава был Агафонов, приглашавший его в журн<ал> мужск<их> мод[19]. Фуражка Костеньки. Заехал в театр, потом в «Аполлон». Женя беседовал со мною о театр<альном> кружке. Чудовский книги не достал. Вчера Миллер был на «башне». Пошел по Невскому и прямо подвергся Миллеру, тот взглянул, как затравленный заяц, но пошел со мною. Со стороны он хорош все-таки. Говорили просто, был в Царском, дела плохи, не лечится; Apollodor'a[20] прислали, нужно доплатить 4 р., журнал перевел на свое имя. Потащил меня в Гостиный от ехавшего Толстого. Зашли куда<-то> выпить вина. Капризен и

недоволен. Проводил, сказал, что завтра увидимся днем. У Н<иколая> Дм<итриевича> был Ник<олай> Адр<ианович>, обедал; сегодня не едет; звонок; швейцар передает записку от Миллера, просит сойти. Н<иколай> Дм<итриевич> страшно рассердился и взволновался. Я спускаться отказался. Н<иколай> Дм<итриевич> кричал швейцару, чтобы не принимать Миллера. М<ария> Дм<итриевна> встретила Сережу и подумала, что это он, что подтвердил ей и швейцар. Домашние меня сожалеют. Ходили на вокз<ал>. Петифур очень скучен. Долго говорили. Я объявлю Сереже carrement все, и конец. Теперь я ничего не боюсь. Оказывается, он одновременно принадлежал и Валечке. Валька-то негодяй какой, но и тот блядь. Теперь мне не трудно. Обещал Н<иколаю> Дм<итриевичу> это, но открытие меня взволновало, и неприятно. Завтра все будет по-новому.

24 (пятница)

Вышел бриться, зашел к портному, возвращался с Ник<олаем> Адр<ианычем>. Встал рано и весело, но к вечеру скис, в противоположность Н<иколаю> Дм<итриевичу>, который встал не в духе, а потом развеселился. Поехал он к Сапунову, тот зверски ругается. Вечером телефонил Сережа, Петифур сказал, что я говорить не хочу, но я подошел; просил выйти, отвозя вещи на Тавр<ическую>, я его не встретил. Пришел Ауслендер. На вокзал приехали рано. Валечка сказал, что Миллер уже здесь и вел себя со мною очень плохо, потом удрал. Я пошел с Миллером, тот, ворча и жалуясь, говорил, что с утра не ел, все ходит, просил денег и т. п., был нагл и труслив, ни слова об отношениях; я попросил ко мне как к «человеку» не обращаться. Хотел зайти — зачем? Я был сердит, разжалоблен, влюблен и ожесточен. Дома были Скалдин и Троцкий. Белый рассказывал, как он проповедовал в трактирчике[21].

25 (суббота)

Сережу не принял, но скучал о нем. Все прибирался; все меня забросили. В «Аполлоне» были сердиты и чужи, ушел один. Белый уехал. Читаю Гумми[22] и меня[23]. Завтра приедет М<ария> М<ихайловна>, вероятно. Будто вся жизнь была в Сереже и в том, что с ним.

26 (воскресенье)

М<ария> М<ихайловна> приехала. Проснулся рано, но встал поздно очень. Разбирались. Костя у нас, в него влюбился козерог, и чтобы sauver les apparences*, тот сам стал ухаживать. Все устроится. Вот верные друзья. Хочется в церкву, у меня никаких вещей не осталось. Очень тоскую о Миллере, но так надо.

* Соблюсти приличия *(франц.)*

27 (понедельник)

В «Аполлоне» подвергся Миллеру, ходил с ним и обращался так зверски, что тот даже плакал. Почему мне всегда вспоминается «Пик<овая> дама» Пушкина и вся поэзия военных при виде несчастного Миллера? Обедали у Альбера. Пришел еще подпоручик Топольский. Зашел за Сережей. Поехали на «башню», он перевез вещи. Паника. Рано лег. Был веселый и шумный понед<ельник>. Рядились. Говорил с Сережей по-бывалому. Он был крайне мил и кроток.

28 (вторник)

Сережа взял кое-какие вещи и уехал. Когда он вернулся, М<ария> М<ихайловна> его не приняла. Я отказал и Моравской. Был Ауслендер и Бородаевский. Первый ночевал по-старому. Был Топольский.

29 (среда)

Встали поздно. Миллер телефонил, чтобы я приехал, что он уезжает, что это последний раз мы видимся. Сидит без шашки, никуда его не приняли, хочет куда-то скрываться, менять костюм и т. п. Вышел и брел со мною, наконец, поехал на Финл<яндский> вокзал выручать свои вещи. Дома переводил, были Гершензон и Бородаевский. Мне все-таки жалко Сережи.

Март

1 (четверг)

Встал поздно. Звонилась Ратмирова. Сережа как-то дозвонился, встретил меня в Таврическом саду, с шашкой. Живет у Dumenton, ни о чем не думая, вот чудак-то! еле ходит, вещи выручил. Проводил меня до вокзала. Ауслендер был уже там, Миллер говорил как ни в чем не бывало, будто он все еще приличный мол<одой> чел<овек> из общества. Поехали. Какие-то ученики зазирали. В Царском хорошо, но у Гумилевых скучно. Играл. Обедали. На «Цехе» Город<ецкий> и Гумми говорили теории не весьма внятные[1]. Ехали назад все вместе весело. Моравская увязалась со мной и говорит, что влюблена в меня 2 года, вот еще случай. Дома еще не спали и толковали о разных вещах.

2 (пятница)

Сережа звонил несколько раз, но Павел не допускал. Чудная погода. Сижу дома. Пишу. Читал стихи Вяч<еславу>. Был Бородаевский. Тоже читал. Чай пить к Сереже, как он звал, не пошел.

3 (суббота)

Переводил. Костя занимался у меня. Миллер попросил зайти. У Dumenton, окно на Аничков мост, хорошо перед вечером. Действительно, его положение ужасно. Сюртук, мундир продал, есть нечего, идти некуда, читать нечего, поговорить не с кем, бабушка его турнула грубо, болен. За что его так наказывают, поневоле охулиганишься. Мне до смерти жаль видеть вещи, которые были свидетелями нашего с ним житья. Один раз он улыбнулся, когда галстух надел на фуфайку. Милая, милая улыбка. Я думаю, он рад живому человеку. Если б он был здоров! Он сам знает, уверен, что тогда бы я не ушел. Провожал меня; вечер весенен. Сережа похудел и похорошел безумно, а тело такое худенькое, слабое и горячее. Ему нужно бы быть богатым, беспечальным и балованным. Как опустился. Идя, я расстраивал его, говоря, что со мною все-таки было бы лучше. Но что об этом. Дома работал, читали стихи. Пили за здоровье Вячеслава[2]. Кассандра была. Лег поздно.

4 (воскресенье)

Что было? Имянины Вячеслава, но приехал Кузнецов. Заехал к нему, гуляли. Он устроился в Петербурге у Рейнеке[3]. Наденька хлопочет. Встр<етил> вел<иких> князей. Вечером были Бородаевский, Аничков и др., было скучно, нанесли птиц. Миллер принес письмо, умоляет позвонить. Я позвонил, обещал завтра.

5 (понедельник)

Был у Бородаевского, у Птифура, прошлись, потом меня поймал Ал. Городецкий. Милл<ер> как упрек совести. В «Аполлоне» уговорил Женя пойти на премьеру[4]. Был Миллер, но мальчики его не допустили. Женя купил мне билет. Пообедал один с Лидией и отправился. Публика чистая, театр очарователен, но программа архискучная. Только Женичка. Зашел почему-то к Миллеру. Объяснялись. Скучно. Все то же самое, он был даже нежен, но вернуться я не собираюсь. Провожал меня, умоляя заложить, телеграфировать, пойти и т. д. Дома рассказывала Кассандра — о вечере Бальмонта, Вера — о религиозном, М<ария> М<ихайловна> — о музыкальном. Я — о миньятюрах[5].

6 (вторник)

Валерьян сидел в халате, сердитый и любезный, читал стихи. Он имеет огонь. Был в «Аполлоне». Тоска. Обедал один у Альбера. Стригся у моих. Заехал домой; письмо Сережи. Мчусь к нему, опять то же самое. Отдал последние деньги. Он, оказывается, напился на них. От Dumenton удрал. Дома, что дома? был Троцкий, кажется. Не работаю.

7 (среда)

Обедал у Тамамшевых. Какая тоска! Сережа хлопочет у Антоши насчет Наденьки. Птифур расстроен и холодноват. Что еще? Не знаю.

8 (четверг)

Встал рано. Звонился Миллер; потом письмо прощальное, просит выйти. У М<арии> М<ихайловны> умерла тетушка, приехала Ю<лия> М<ихайловна>, она всегда бывает, когда я уезжаю. Неужели я и сегодня уеду. Сережа в ужасном виде ждал меня в Тавриде. Бродили, к себе его не звал. Побрели к нему. В Думской где-то. Сидели скучно. Умолял вернуться. Это чистая иллюзия. Верн<улся>, ничего не сделал. Пришел Ионин просить, чтобы посвящения не было напечатано[6]. Был мил. 2-й курс носится с моими книгами, это хорошо. Сидел очень мило. Спрашивал про лето. Сережа звонил, оказывается. Вячеслав написал речь и фельетон о Бальмонте[7]. Угрызения у меня есть все-таки. Идет дождь третий день. Положение Сережи ужасно, действительно, но что я могу сделать?

9 (пятница)

Был Позняков и Кузн<ецов>, было не очень плохо, хотя я вообще какой-то растерянный это время. Какую-то силу нужно собрать в клубок и действовать вовсю. Писать, писать и писать.

10 (суббота)

Сидел дома. Приехал Кожебаткин. Разные новости. Сапунов хочет меня видеть. Что же еще? не помню. Читал и переводил. Кажется, больше ничего.

11 (воскресенье)

Был у Ник<олая> Дм<итриевича>, расспрашивал о балетах. Гуляли, он проводил меня до Гюнтера, тот все-таки утешительный тип. Что же было вечером? Кажется, ничего.

12 (понедельник)

Сережа вызвал меня в Летний; он был в Царском. Погода очаровательна, но я устал от ходьбы и жалоб. Вечером было не плохо. Играли, пела Девет, но у меня болела голова.

13 (вторник)

Кожебаткин позвал в 8 часов. Пришел Миллер, та же история. Ходили, думая продать пуговицы, ничего не вышло. Мне его жалко, но я погибну, не спася его, если уступлю. Брился. Сапу-

нов был сначала сух, потом разошелся. Были в «Vill'e», где встретили Беляева, потом в баре, где видели Альбова. Там милый швейцар. А Сережа 2 дня не ел ничего и продал шашку.

14 (среда)

Сидел дома. Ничего, голова не болит. Миллер звонил. Кузнецов пришел расстроенный и сердитый, потом разгулялся, захотел к Палкину, куда мы не очень весело и поехали. Служил старик, мандолинист улыбался, народу мало, говорили задушевно. Заезжал Кожебаткин прощаться.

15 (четверг)

Телефоны от сестры, Терещенки, Тамамшева, Кузнецова. Сижу дома. Был недопущенный Сережа, ложится в госпиталь, просит помощи. Была сестра и зять. Зовут, жаловалась на мужа, домашни. Болела голова, все прикладывался. Как нужно работать! Приехал Садовской, он будет редактировать «Современник»[8], звал меня мельком. Читали стихи. Терещенко об исправлении «Электры»[9]. Чичерины звали завтра. Читали стихи Зенкевича[10], отлично, но отчего я не завидую и не страшусь быть вчерашним днем? Я не знаю. Время, время. Завтра в <*нрзб.*>. Гюнтер придет в субботу.

16 (пятница)

Утром был у Чичериных. Сестра звала завтракать. На Фонтанке никого не было. Занимал меня Вася. Скучновато, благородно и в меру эстетично. Поехал бриться в мою парикмахер<скую>, потом к сестре. Бобка стоял, его рвало, кажется. Купил башмаки. Был у Гюнтера. У Терещенки был правовед. Все хорошо и мило. Заезжал на 9<-ю> л<инию>, дали Васи<лия>, скучновато. У Ауслендеров то же. Да. Обедал у Альбера. Деньги все вышли.

17 (суббота)

Внезапно назначили заседание в «Аполлоне». Гостей отменил. Гумми говорил умный вздор, я и Женя восставали. Засиделись поздно. Утром был у Кузнецова. Заехали к Сапунову, там был Потемкин. Приехал Н<иколай> Ст<епанович>, обедали в Мариинской. Там очаровательный мальчишка и мой мордальон с Садовой. Шлялись по Гостиному. Коленька провожал меня до «Аполл<она>», идя к Смоличу.

18 (воскресенье)

Кажется, все дома. Вечером был Гюгюс. Планы теперь уже о театре. Имбирия какая-то. Кто-то был, по-моему. Или вчера. Что-то гнетет меня.

19 (понедельник)

Что было? что было? Не помню. Перевожу. Тоскую. Мне не хватает Миллера, вероятно. Приличного мальчика из военных, хоть он вел себя как сволочь. Скоро приедет Всеволод.

20 (вторник)

Был дома, кажется, переводил. Что еще? да ничего, кажется. Приехал Нилендер. Пришел бывший ученик Вяч<еслава>, цирковой борец, с племянником из Ярославля. Забавно, будто Александрия[11].

21 (среда)

Были Ауслендер, Женя и Петифур, какой-то кислый. Влетал Нилендер. Не тетка ли он? что-то подозрительно. Долго сидел и переводил всю ночь напролет. Очень хорошо.

22 (четверг)

Не помню, что было. Был Чудовский. Я брился. Чудная погода. В «Аполлоне» было лучше, чем прошлый раз. Шли пешком с Женей и Чудовским. Мишка — мил. Плелись долго. Очень холодно. Встретили Альбова. Днем Вяч<еслав> уже лег. Заходил Нилендер ко мне. Что еще? Сережа прислал мне письмо. Почему он не теряет надежды?

23 (пятница)

Проспал, болела голова, все сплю. Зол, как черт. Денег ни гроша. Все на меня сердиты из-за Миллера, хотя я бросил его из-за них. Смешно. У меня дикая мысль всех бросить и сойтись снова с Сережей, который долго не встанет на ноги, так что будет от меня зависеть. Нилендер читал мне гимны[12]. К вечеру немного оправился и помогал делать пасху. Как скучно, ах, как скучно. Вечером читал стихи, помогло немного.

24 (суббота)

Опять проспал. Зол и меланхоличен. Вячеслав приходил поговорить со мною, но что я мог ему сказать? М<ария> М<ихайловна> подвезла меня до цирюльника. Выходил Марков. Где жизнь свободная, привольная и веселая, хотя бы и без денег? Кузнецов дуется и весь под влиянием Валечки. Того я видеть не желаю. Сапунов уехал. Все, все растеряны. Дома читал Вл<адимиру> Отт<оновичу> старые отрывки, детский лепет. Жиды сказали, что деньги, — когда Волынский одобрит; он обещал просмотреть ко вторнику. Не хочется и к заутрене. Как все опустело и опостылело. И почему? О Сереже вспоминаю с тоскою. Но это так должно было быть. К Сергею приходил зачем-то кошмарный Величкин. Вот так. Девы веселились из-за ку-

личей. Скверно все, и я по-хамски поступаю по отношению к Миллеру. Он должен быть очень сердит на меня. Пошли в Лавру. Нилендер был мил и дружествен. Отличная ночь и дворы с освещенными окнами церквей. От Пушкина что-то. Отчего мне не о ком мечтать, ждать свиданья, составлять заговоры военные. Были в Исидоровской церкви[13], служили экономически. Сошлись с нашими. Пасха была чем-то похожа на Рождество. Играл оперетки. Как-то все обойдется?

25 (воскресенье)

Надут, проспал, злюсь. Целый день играю. Звонил Князев и Юрочка, немного обиженный. Когда же буду повсюду ходить? Волка ноги кормят, как говорится. Сколько дела. Пришли Беляевские, с Лидинькой мы дурили, изображая à 4 mains Скрябина. Засиделись.

26 (понедельник)

Зашел к Князеву; он обещал прийти завтра, но и сегодня обещал быть. Вечером много народа Меня извлекали. Нилендер ходил обозревать Князева. Тот был крайне мил, к Сонечке не рвался, просил к завтраму стихи.

27 (вторник)

Деньги только в четверг, и то как-то не наверное. Звонил Миллер, но я спал. Просились Кузнецов и Позняков. Вечером был Всеволод, сидел долго, был крайне мил.

28 (среда)

В ожидании будильника сам вскочил ни свет ни заря. Тот опоздал, чаю не было. Диктовался. Зашел к Ник<олаю> Дм<итриевичу>. Тот вернулся в 9 ч. утра, кантовал с Валечкой Сердит и будто с перепоя. Пошел к Юрочке, ждал, ждал его. Какой-то холодок. Но ничего. У Палкина было мило, хотя мы досидели до 1 часу. Еще бродили по Невскому. Встретили Карлушку. Женя необычайно мил.

29 (четверг)

Проснулся рано, но болела голова. Заезжал поздно к жидам, купил кое-чего, брился, обедал почему-то один в Мариинской, флиртуя с мальчишками. Поехал без всякого аппетита на 9-ю <линию>, где было очень скучно и я спал. Дома посидел очень недолго и лег. Да, был еще в «Аполлоне». Папа уезжает, был Врангель. Женя сегодня у Князевых.

30 (пятница)

Зашел ко Всеволоду, поехали по покупкам. В Гвардейке встретили Густерину, которая упрашивала не говорить, что мы ее

там видели. Пили кофей, опять в «Аполлон». Врангель при Князеве вел себя похабно. Был у меня Анреп, которого я вчера встретил. Вечером у меня был Всеволод, мы чуть не отравились, так как нам дали вина в бутылке из-под постного масла. Все хорошо. Долго сидели перед печкой.

31 (суббота)

Волынского не застал. Н<иколай> Д<митриевич> разбирает торговые книги. Вышел со мною. Юрочка спал и, конечно, все перезабыл. Но обедали, тем не менее. Звонили Сереже. Просит подобрать музыку к «12<-й> ночи»[14]. Вечером пришел Всеволод, был крайне мил и любезен; я очень его люблю, и красив он чертовски. Декламировал, как Пушкин-гусар, свои стихи; его сестра очень похорошела.

Апрель

1 (апреля. Воскресенье)

Никуда не поехал. Брился только. Имянины М<арии> М<ихайловны>. Костя ездил на скэтинг, говорит, что, кажется, там был Князев. Я огорчился почему-то. Вечером читали «Cor ardens»[1].

2 (понедельник)

Диктовался, заехал к Кня<зеву>, ходили, потом в «Аполлоне» читал свою отповедь[2]. Вышли, поехали к Терещенко. Он тотчас заплатил. Мило у него. Купил кое-чего. Обедал в Мариинской, не застав Юрочки. Мандил и тратился на мальчишку. Вяч<еслав> купил имбирю, играли в 4 руки. Всеволод пришел из бани поздно. Немного повздорили из-за того, что я назвал его «плутом». Но потом обошлось все.

3 (вторник)

Был у Н<иколая> Дм<итриевича>, где застал Смолича. Рассказы Н<иколая> Дм<итриевича> о кутежах с Валечкой меня немного сердят всегда. Прошли по Невскому. В «Аполлоне» был Гумми и Ауслендер, с Н<иколаем> Ст<епановичем> и Женей обедали, потом провожали Гумил<ева> на вокзале и дождались Всеволода. Милый, милый, милый мальчик. Мой.

4 (среда)

Затмение было страшною гадостью[3]. Я не люблю эксцессов и физического эстетизма. Брился, обедал в Мариинской, но это не дело. Купил воротничок и рубашку. Саня звонил. Были народы.

Белкин кокетничал, Дымов свалился со стула, Яковлева подымала<?>, Девет пела, иду к ней в пятницу. Денег не очень много. Гречанинов звал. Вернулся на заре. Что-то Всеволод?

5 (четверг)

От Князева письмо. Никуда не выходил. Вечером были Кузнецов и Позняков, напоминая жизнь у Званцевых. Довольно скучно все было. Днем болтался Костя, рассказывая неприличные вещи о училище. Я думал, что Позняков останется, не пленяясь, не радуясь этому.

6 (пятница)

К Девет ехать была страшная даль, но при чудной погоде это приятно. Встречал все невероятных личностей: <*нрзб.*>, Палладу, Ив. Странника и т. д. У нее было неплохо, музицировали. В «Аполлон» ехать было уже поздно, приехал домой. Без меня был Миллер, ему скоро будет вторая операция, одна была. Что ж это? несчастный и действительно всеми заброшенный. Звонил Аус, приглашая на Некрасова[4]. Поднимался я вместе с Марковым, который меланхолично запихивал деньги в портмоне. Вечер был чудный, совсем летний. У Аусов было ничего, хотя Женя был сердит, а Наденька меня смутила, сказав, что Всевол<од> видел Соню в последний приезд и та что-то Наденьке хотела рассказать. Дома еще говорили чего-то.

7 (суббота)

Был у Волынского, потом у Птифура, он встретился мне на дороге. Отец его болен, беспорядок и неустройство, но вышел со мною гулять. В «Аполлоне» был Вячеслав, наведший панику; Мишка мил и мандил. Гуляли с Женей и Сережей по набережной, где встретили казачку из Павловска. Вечером был у Чичериных, где были Врасские, но к Сологубу не поехал и хорошо сделал, так как вечер был платный.

8 (воскресенье)

Только брился, заносил книгу Волынскому. Никуда не выходил. Позняков меня ничуть не возбуждает и даже наоборот, но сделали. Он хочет быть perforé*, у самого очень развился в длину член. Так себе, не из приятных историй. От Князева писем нет.

9 (понедельник)

Все перевожу без памяти. Писем нет. Девет была какая-то пришипленнная. Мейерхольд наводил скуку. Было очень скуч-

* Проткнутым *(франц.)*

но, хотя Девет меня и exécutir'овала*. Лег поздно. Только Анреп меня утешал. Что не пишет Всеволод?

10 (вторник)

Был у Циммермана, взял «Дух<овные> стихи» и «Александрийские»[5]. Что же было вечером, не помню. Да, был у Гречанинова, где играл свои вещи и слушал «Беатрису»[6]. Было не плохо, я люблю возвращаться с Острова.

11 (среда)

Что было? утром была Девет, она славная. Вечером были Женя и Сережа. Так болтали. Н<иколай> Дм<итриевич> не приехал. Был в «Аполлоне».

12 (четверг)

Кажется, никуда не выходил, кроме как бриться. Или был в «Аполлоне»? Холодно. Вечером был милый Ник<олай> Дмитр<иевич>, сидел долго. Вдруг звонит Зайчик, в треволнении зовя к Тамамшевым, где он, Тявочка, Коля и Настя, но я не поехал. Всю ночь переписывал.

13 (пятница)

Всю ночь переписывал. Насилу поспел; все благополучно. Заехал в «Жокей», в этой грабиловке оставил 53 р. Письмо от Миллера, жалостное и далекое, мне жалко его до слез. Толстые вызвали меня к Альберу, где была куча народа и Сапунов. К Птифуру не заехал, и прямо на вокзал. Проходившая Сонечка опять меня смутила. Поехали в «Палас»[7], Сапунов приехал поздно, провожали Ник<олая> Ник<олаевича>. Я засыпал, и Н<иколай> Дм<итриевич> соскочил с извощика и пошел пешком почему-то.

14 (суббота)

Не помню, что было. Телефонировал Петифур. У Кости был Луговой, который мне понравился. Играли долго в карты. Очень милый мальчик.

15 (воскресенье)

Был у Петифура. Сестра его вызвала кататься. Поехали к Сапунову. Демонстрация студентов, но ничего не заметно[8]. Позировал, обедали у Бернара. Вечером сидел дома, по-моему.

---

* Играла (*франц* — в значении «исполняла мою музыку»)

16 (понедельник)

Лидинькино рожденье. Вот <и стала> невестой. Днем, когда все ушли, Вера сказала мне, что она беременна от Вячеслава, что любит меня и без этого не могла бы жить с ним, что продолжается уже давно, и предложила мне фиктивно жениться на ней. Я был потрясен. Притом тут приплетена тень Л<идии> Дм<итриевны>[9]. Вечером был у Чичериных, тихо-мирно, прошелся по Невскому но, к счастью, никого не нашел. Зато дома была m-me Чурлянис, клюпая Мета[10], и ей меня демонстрировали. Ивойлов у меня ночевал.

17 (вторник)

Заходил за покупками, к Гюнтеру, где мне нравится lift-boy. Там была Астафьева и Horner. Сапунов малевал холсты, искали Кожебаткина, но не нашли. Обедали в Мариинской, мальчишка нас прозевал и так огорчился, что выбил локтем капусту у лакея. Катались на Острова. Сидели у Гюгюса, потом пошли к Палкину, где было скучно, а главное — трата денег.

18 (среда)

Все-таки история башенная меня тяжко потрясает. Побрел к Н<иколаю> Дм<итриевичу>; его нет дома; в «Аполлон». Рара́ денег не дал и не обещал раньше 27-го. Как же Рига. Встретил Н<иколая> Д<митриевича>; я был кисел; заходили в Гвардейку и в «Иосуму Club». Н<иколай> Д<митриевич>, купив носки, тоже опечалился. Грустно пили чай. Дома уныние. Пришли гости, я пел и болтал.

19 (четверг)

Был в «Аполлоне». Прошелся по Невскому с Женей. Обедал у Гюгюса и подавился куропаткой. Послали за доктором, он пропихнул мне зондом, но прописал режим и леченье. Я был так потрясен, что поехал в баню на Вознесенский, там целый ассортимент, очень неплохой. Было очень мило, и один из редких разов, что не жалко денег. Дома навел панику. Днем был у Мартыновны.

20 (пятница)

Проспал, хандрю. Ни копья. Чуковский куда-то пропал. Сапунов сам сидит без денег, вчера пьянствовал у Дягилевых, в «Аполлоне» была целая компания. Утром был Слезкин, мил, но чуть-чуть постарел. У меня прогорел диван от угля, выпавшего из печки. Не помню, что было вечером.

21 (суббота)

Выходил ехать к Юрочке, как явился Белкин. У Ракитина была какая-то дура Залесская. Скучно. Обедал. Дома играл с юнкерами в винт. Луговой очень мил и мило ведет себя.

22 (воскресенье)

На вокзале нашел Женю и Врангеля. Чудовский не приехал. Был еще Каратыгин. Марина хорошо поет. Обедали ничего себе, но религиозно-философские разговоры насчет Иванова не особенно увеселительны. Дома уже спали. Мне до слез скучно и как-то завяло. Откуда достать денег?

23 (понедельник)

Ходил к Чуковскому: едва в конце недели[11]. Вечером звал Гюнтер знакомиться с Румановым[12]. Днем ездил с М<арией> М<ихайловной> к Кассандре. В комнате, занимаемой прежде кавалергардом, сидели Сологубы. Где деньги? Князев перестал даже писать, не рассердился бы, не разлюбил бы. Приехал Сомов, не звонит. У Гюнтера было скучно, хотя Астафьева очень мила. Руманов не плох и любезен. Возвращаться было светло. От них уходил Караваев. Я тихонько прошел и лег спать. Как горько, горько, горько.

24 (вторник)

Был в редакции, там получают деньги, только мне не дают. Возвращался с Гюнтером. Скучаю адски. Что мне делать?

25 (среда)

Никуда, кажется, не выходил. Скучаю адски, все сплю.

26 (четверг)

Гулял, встретил Яковлеву, с нею прошелся. Встретили Валечку, Познякова и др. Потом был Скалдин, что еще? В «Аполлоне» никого не было, Гюнтера тоже нет дома. Я ничего не делаю, ни себе, ни другим.

27 (пятница)

Поздно вышел к Н<иколаю> Дм<итриевичу>, его нет дома, поплелся по Невскому. В «Аполлон» не захотел идти, так как Женя чего-то дуется на меня. Гюгюса не было, к Сапунову далеко. Встретил Юрьева, Зайчика. Гуляют себя. Не знаю, зачем-то играл свои вещи, печально. И потом, если бы это было бы и хорошо, то имело бы значение 15 лет тому назад, а не теперь. Скучал адски. Вот теперь бы мне очень помог бы Миллер, но его нет и едва ли он захотел бы вернуться. Но привязан он был больше, чем Всеволод. Вечером играл «Figaro».

28 (суббота)

Не помню, что было. Вечером пришли Гюгюс и Астафьева, потащили в «Собаку». Там милое помещение, но публика неважная[13]. Встретил Нарбута, как воспоминание детства. Кузьмин-Караваев как-то странно вел себя. Сидели поздно. И в концерте было скучно. Сегодня уехал Женя.

29 (воскресенье)

Все сплю да сплю. Заходил Гюнтер и Караваев, выпивший. Провожали меня на траме. У Девет тихо и спокойно. Плелся пешком. Дождь меня вымочил. Приятно было лечь спать.

30 (понедельник)

Был на закрытии «Собаки»[14]. Ничего себе. Были Юрьев, Студенцов, Званцев, нам помогали Кузнецов и Позняков. Я выпил немного.

Май

1 (вторник)

Идет дождь, болит голова, писаря прогнал, все сплю. У Кузнецова сидел долго. Он бесконечно мил. Разъяснело. Приехал поздно, еле поел. Лег спать. Пришли деньги из «Нивы»[1]. Поехал на Вознесенский, там очень мило, хотя у меня и болела голова. Дома только что вернулись с лекции. Как приятно ложиться слегка больным и вымытым. Вот и май, и Кузнецов уехал. Он был у Сомова, кутил с Валечкой, справлял рожденье, все потихоньку от меня.

2 (среда)

С утра отправился почти из дому. Заходил к Сапунову, где был Белкин. С Сапун<овым> обедали у Бернара, потом гуляли в Летнем саду; мало интересного. Потом спали и были у Яковлев<ой?>, где были Кузнецов, Позняков и Караваев. Чудная погода, но что мне до нее. Решительно не знаю, что буду делать.

3 (четверг)

У Кости завтракал Тавашерн, лучший из виденных товарищей. Выходил бриться. Написал Маковскому. Не знаю, что выйдет. Звонили разные люди. Вечером были у Залемановых, там мило, хотя могли бы подобрать состав и лучше. Что еще, не знаю. Говорил дружески с Сергеем.

4 (пятница)

Холод. День незабудок[2]. Когда есть в кармане несколько монет, эти дни приятны. Взял у мальчиков из Annenschule[3]. Руманова не было дома, долго ждал. Штембер давала урок. Всё цветы. Телефоны без конца. Побежали к Пивато, пили отличное С.-Пэрэ, но его выставил<?> Состин. Дома пришел С<ергей> С<ергеевич> и остался ночевать. Руманова нужно эксплуатир<овать> несколько.

5 (суббота)

Был в «Аполлоне» — никого нет. Маковский болен. Заходил в Гвардейку за папиросами. Формы неминуемо меня волнуют. Вечером приехал Костя с фотографиями и Скалдин. Был Юрочка, несколько скучноватый. Беседовали долго. Рано лег.

6 (воскресенье)

Проспал, злился, изнывал. Со Скалдиным отправился гулять на Литейный. Тоскливо. За обедом Вячеслав ругал меня, что я выдохся, обывательствую, идиот и т. д., при всех. Поехал к Валечке, в разных сообщениях успокоился. Он читает Казанову. Шел очень приятно пешком домой. Никаких ответов нет. С Вяч<еславом>, вероятно, кончено. Только бы поскорей уехать от них.

7 (понедельник)

Послал пальто в заклад. Маковский не отвечает еще. Юрочка звал к Кочубеям. Утром были сестра и зять, звали ехать. Ионин похудел и похорошел, но болен. У Кочубеев было мило, но они не позвали даже своего хозяина. Возвращался с Сережей. Застал еще гостей, хотел было ничего не читать, но читал. Скалдин офицеров обещал. Играл и пел все-таки.

8 (вторник)

Утром явился Гига. Завтракал у меня. Гуляли, были в Гвардейке, где завели мандеж с каким-то гимназистом. На Невском видели Арбузова. Вертелся. Мне не очень понравился. Гуляли еще по Морской. Маковский согласен и выдал. Не обедал дома, но в Мариинской, где Ал<ександра> не было. Спрашивал о нем. Поехал к Дмитрию, потом к Гиге, где играли в карты. Офицера не было. Возвращался с Ассом. Выиграл.

9 (среда)

Так как условились гулять, заехал к Гиге, где был Паня и уже дулись в банк. Валечка уже удрал. Гулял без него, никого не встретил Обедали у Альбера, глазели на мальчишку. Звонил к Де-

вет, что не приду к ней, так как будет та девица, из-за которой застрелился Зейде; обещала ее отгласить. Поехали в «Буфф»[4], у ворот кто-то стоял, я уговаривал Гигу пригласить того, но он нашел неинтересным. Никого не было. Знакомцы из «Паласа». У Девет было неважно. Был гренадер Тихвинский.

10 (четверг)

Звонил к Руманову. Зовет завтра завтракать. Купил книги и заехал к Сапунову. Тот просил привести к нему Руманова. Заказывали рамку и обедали у Альбера. Очень тепло. Прошлись по Невскому. Кузнецов уже уходил от меня, когда я вернулся. Нужно быть бодрее. Позняков, конечно, надул, но посидели мы очень мило. Теперь пора открытых икон[5]. Девет зовет завтра.

11 (пятница)

Завтракали у Кюба, жара невозможная. Говорили откровенно. Обещал познакомить с синими кирасирами[6], значит, и с Марковым. Почему-то напился. У Коленьки прибрано. Продал «Куранты»[7]. Заезжали к Вольфу. Потом к Сапунову и в Мариинскую, где я окончательно напился и засыпал. Какая гадость. Была гроза. Как-то очутился тот хулиган из Малого, который приставал ко мне на Невском, и поехал со мною. У Девет не помню, что было. Ездили к Каченовским, он пел. Впечатление отвр<атительное>.

12 (суббота)

Диктовался и усыпал. Сидел дома и бездельничал, каясь за вчерашнее. Вечером вышли с Сергеем гулять и поехали к Коршам. Как во сне.

13 (воскресенье)

Целый день сижу дома. Видел Маркова на телефоне. Вечером прошел к Ремизовым. Там были Сологубы и потом Фед<ор> Ив<анович>, болтали. Мне он гадал на картах. Рано лег спать. Очень жарко.

14 (понедельник)

Плелся к Девет; сегодня ее рожденье. Были все те же, довольно мило, назад ехал с Каченовским. Писал сказку[8].

15 (вторник)

Отослал Павлушку, так как нужно было рано ехать к Руманову. Меня догнал С. Ионин, прошелся со мною. Теперь свободен. Юрочка уехал. У Руманова был г. Штейн, занимали меня. Миша

рассказывал о колониях Natürmensch<en>* и madame с собаками. Романов обещал мне Пиотровского, которого я знал уже. Кисел, переживает, едет в Москву, обещал все устроить (500 или 400). Пошли с лейтенантом завтракать к Кюба. Пили опять С.-Пэрэ. Прошел опять к Романову, который признавался и кис, долго шел домой. Телефониров<ал> Кузнецов, прося быть секундантом. Примчался на автомобиле, торопясь, вздор, конечно, ссора через третьи руки и баб с С. Позняковым, но был мил и доверчив. Поехали в Летний, темно, интересного мало. Распили вино на поплавке. Дома были Мейерхольд, Мосолов и М-me Недоброво. Играл Равеля и рано лег. Как-то отдыхаю.

16 (среда)

Все, что я написал, было сегодня, то есть утро и завтрак, после которых я сидел дома, и вечером был Шпильберг, доверчивый и неплохой. Хулигана из Мал<ого> театра не пустили, хотя он и являлся. Кислое письмо от Птифура. А вчера [вечером] днем диктовал сказку и плелся к Романову и обратно.

17 (четверг)

Был дождь, но я все-таки поплелся к Сапунову. Романов денег ему еще не прислал. Посидел, подремал и покатил домой. Ждали Ростовцеву. К Сологубу пошел пешком. Там назвали кучу народа. Воротничков *<так!>* бродил. Тявочка была мила. Зайчик мандил напропалую. О<льга> А<фанасьевна> делала ревнивый вид, царапала его и колола вилкою. Удалялись в спальню и секли Настю, Тявочку, Валечку и Зайчика. Хотели Антония, но он уперся. Занятно[9]. Зайчик особенно усердствовал. Валечка несомненно шпокнул Коленьку. Выражал свои печали по поводу моей истории с Девет и болтливости насчет Ивановых[10]. Вообще было неплохо. В субботу надо доставать денег, чтобы идти к Тявочке и что-нибудь предпринимать. Зайчик огорчился чем-то под конец. Привезет ли Романов денег в субботу?

18 (пятница)

Выходил только побриться. Все хлопочут об отъезде. Как на грех, прикатила Анненкова, так что мы уже потеряли надежду, что наши уедут. Всё были аудиенции. Я ничего не делал, будто это я уезжаю. Неужели завтра будут деньги? Я был бы совсем другим. Вяч<еслав> говорил со мною откровенно опять о том же. Теперь все разлетятся.

---

* Натуристов, или нудистов *(нем.)*

19 (суббота)

Наши насилу выкатились. Я плелся к Руманову, но оказалось, что он только вчера уехал: каков хам! Приедет ли в понедельник и что привезет? Я не ожидал, что это меня так расстроит. Домой опять пешком, где же обедать завтра? Дома поел, пищала чего-то Анненкова. Я лег и видел престранный сон: я опускаюсь все ниже и ниже в нищету, последняя лачуга, занята чужим простонародьем, попадаю на свет<ский> маскарад, стыжусь рубищ, встречаю Сабашникову, поседевшую, но дивной прелести, долго целую ей руку; не могу найти дома, возвращаюсь туда же в маске, все смеются, лакеи унижают. Не знаю, к чему этот сон. Проспал телефонить в «Аполлон», я как-то все запустил, ради чего? и сам не знаю. Из-за недостатка денег. Вечером сидел дома как-то. Звонил Познякoв, хотел прийти завтра. Звал Гига, но я не пошел.

20 (воскресенье)

Поплелся к Гиге; смотрел комнату у Шкилондзь, мечтал о квартире. Зашел ко мне, обедал. Никто не пришел. Что-то будет завтра?

21 (понедельник)

Дела с Сытиным очень плохи. Мало дают. Забегал Белкин, звонил в «Галчонок»[11]. У Сапунова ждали Руманова, который надул, обедали у Альбера, где был Валечка и офицер, похожий на Миллера. Гуляли в саду, где я подцепил какого-то гимназиста Васю и пошел с ним на Знаменскую. Я не думал, что в 16 лет люди уже достаточно развиты. Было ничего. Дома были Скалдин и Кассандра. Какое-то беспокойное письмо от Всеволода. Я вообще расстроен до смерти.

22 (вторник)

С Сапуновым поселяться нельзя: это будет вечное пьянство, безденежье и бестолочь. Утром был у Руманова и завтракал у него дома. Позировал у Коленьки, обедали в «Вене», там есть приятный лакон. Поехали в Луна-Парк, билетов нет[12]. Поплелись в «Буфф»[13]: дождь, холод. Коля ворчал, но досидел. Своему фавориту я дал на хранение папиросы, чтобы дать ему на чай. Опять в темноте поех<али> в «Вену». Как мне это надоело. Коленька поехал в бардачок, а я домой. Лучше всего было бы жить с Гигой и Вовочкой, экономично и тёточно-буржуазно. Без меня был бедный Зайчик и заезжал маленький Кузнецов на авто с двумя дамами.

23 (среда)

Сидел дома, кажется. Или нет, был в «Аполлоне». Денег не дали и не обещали. Маковский здоров. Мишка мил до чрезвы-

чайности. Приехала Герцык, болтала. Заехал Кузнецов и поехали к 2-м нижегородским. Староверка и миллионерка, милы, но как-то дико. Заехали еще в «Вену», где нам служил хорошенький лакей. Оставили там деньги. Можно, значит, и туда ходить. Дождь прошел и было ясно. По дороге поймал еще Мосолова, совсем из другой оперы.

24 (четверг)

Ничего не было, кажется; весь день сидел дома и ничего не делал. Приехал Гершензон, как упрек совести за Аристофана[14]. Дома играл «Орфея». Ах, как скучно без денег.

25 (пятница)

Плелся к Девет, мечтая. Это всегда опасно. Там было не плохо, но и не очень хорошо. Дома играл свои вещи. Анненкова уехала без нас. Ничего не делаю, вот что худо.

26 (суббота)

Руманов просил <подождать> до понедельника. Был в «Аполлоне». Ничего. Узрел там Гумилева, вернувшегося из Италии, все такой же[15]. Обедали у Альбера. Провожал его на вокзал. Без меня были Гига и Женя Асс. Беседовал с М<арией> М<ихайловной>, но надежда меня не покидает. Князев не пишет.

27 (воскресенье)

Зашел Гига. Гуляли в Летнем после грозы с Горбачев<ым>, был Вася и миленький гимназист, которого отбили из-под носу. Поехали к Гиге обедать, болтали, изнывали, я играл «Тангейзера», смотрели из окон. Приезж<ал> Паня. Гига проводил меня до Девет. Там было мало народа, но мило. Плелся домой, где застал Скалдина и Гумми. Вася, оказывается, выкрест, и все его знают — и Фогель, и Деринг, и Сухих, и Гига. Но он ничего себе. Гига куда-то отправился на пароходе.

28 (понедельник)

Гига звал непременно завтракать. У него был гимназист лет 15, которого он захороводил в Летнем и ни слова ему не говорил. Совсем детеныш, вроде Бобки. Смотрели книги, играли в шашки, завтракали, будто в Окуловке. Это очень трогательно, но несколько глупо. Отводили Кириллика, плелись в «Аполлон», заходя еще за Ассом в министерство. Папа был сердит, Чудовский расстроен, Гумми важен, Мишка мил. Руманов ничего не устроил. Ходили к Вольфу, за бритвой, за рубашками и т. п. Обедали в «Вене», но не у моего мальчика. Были Каменский и Билибин. Гумми скандалил

и опоздал. Поплелись в Летний. Васи не было. Потом на вокзалы. На Царскос<ельском> был миленький николаевец, на Ник<олаевском> — правовед. Дома читал М<арии> М<ихайловне>, но неужели ничего не устроится? тогда прямо ложись и помирай. Всеволод ни слова не пишет. Что бы это значило, или он скоро приедет, а я в такой мизерии! Не знаю, что и делать.

29 (вторник)

Ничего. Пришел Кузнецов. Позвал к себе обедать. Обедмы прогуляли и одни уже ели. Отец его полуглухой. Поплелись в Летний сад, встретили опять его отца с дамой. Потом я отправился домой. Не помню, что делал.

30 (среда)

В Царское было не на что ехать, но дома была телеграмма, что обед отложен. Был у Сапунова, позировал, обедали в «Вене», но мой мальчик служил в какой-то странной комнате. Гуляли по саду. Приехавший Позняков потащил меня к Яковлевой. Она очень мила. Плелись пешком домой и встретили Сапунова на Невском.

31 (четверг)

Был у Глаголина. Сплетни и жалобы. Больная старуха Мельницкого лежит у них. Наконец от Князева письмо. Милый, любимый, единственный мальчик! Неужели завтра деньги? Романов обещал наверное. Шел весело домой.

Июнь

1 (пятница)

Конечно, Р<уманов> денег не достал, а разводил всякие чувства, вчера прокутил, мял меня, но ненадежен. Сергей дал 5 рубл<ей>. Помчался в «Аполлон». Мишка улыбается во весь рот, но Рара не было, а кассир без него ни копейки не дает и говорит, что не раньше 15<-го>. Чудовский манерно меланхоличен. На улице я как-то нагло смотрю все лица. Но какая погода. К Гиге не действовал звонок, к Девет было рано, поехал домой, подъел немного и к Девет. Тихо, скучновато и уютно, она сдает немного. Пела много, обещала офицеров, концерты и т. п. У нас Беляевские. Романов так и не звонил. Неужели и завтра — ничего? Это же ужасно! Что я буду делать? Ни сказок не переписал, ничего не сделал, забросил и «Галчонок», и все.

2 (суббота)

Конечно, и сегодня ничего не было. Рум<анов> обещал в среду и сегодня дал очень мало, так что только на обед в «Вене». Миша увел меня играть «Евг<ения> Он<егина>», а у Аркадия сидел жид Семенов, какой-то кагал. Заходили бриться к Жамету, где меня скоблили, как лошадь. Помчался к Кузн<ецову>, он был только что из ванны. Обедали в «Вене», видели Маврина. Моего мальчика посадили куда-то в маленькую комнатку, которая в 8 ч. запирается. Заводил тесноту и вызывал его. На меня нападает безумие, и я люблю эти минуты, а потом кажется сном. Я могу обнять и поцеловать на улице встречного. Поехали к его брату в мастерскую, тот лепил, натурщик лежал голым. Как приятен мрамор на ощупь! Денег В. В. не дал, заезжали за рубашкой опять в Тучков. Дома был Костя. Я играл Листа. Письмо от Князева, что он приедет только 16-го, какая гадость: так долго ждать; не знаю, не уехать ли в Окуловку покуда.

3 (воскресенье)

Никуда не выходил. Ходил, читал, пел, ел, лежал, писал. Скучал. Залеманов сказывал, что в Одессе Собинов пел: «Дитя, торопись, торопись!»[1]. Писал, впрочем, довольно лениво. Рано лег спать. Корнет Марков совсем переехал в город. Он очень мил.

4 (понед<ельник>)

Гига приехал так поздно, что нечего было и думать ехать обедать к Коршам. Он заводит 1000 интриг. Попали под дождь. Обедали. Пришел меланхолический Вова. Вечером были у Валечки, болтали, играли мало. Неужели в среду все устроится? Шли долго по набережной. Гига меня провожал. Дома все спали. Еще день прошел.

5 (вторник)

Обедал у Кузнецова. Они приготовились, было вино, мороженое и ликер. Потом гуляли в Летнем. Дома читал «Мечтателей» и играл долго.

6 (среда)

Конечно, Руманов ничего не сделал и дал гроши. Выкупил пальто, брился у своих, купил воротнички и запонки. Хотел обедать в «Вене», но Гига меня зазвал. Болела голова. Зашли к Валечке. Натурщик надул, и мы отправились в Нар<одный> Дом[2], где обрели Сапунова и Вовочку. В общем, никого и ничего не было, одна скука. Голова болела адски. Уехал раньше. Лег спать от боли.

7 (четверг)

Кузнецов зовет обедать, у меня всего 5 р. Зашел в «Аполл<он>», там суета. Маковский обещал быть, но кассир уже ушел. Все-таки заехал. Были у Альбера. Потом все поехали ко мне. Итальянец ничего себе, но не первого сорта. Уезжала Анненкова, лобызалась и т. п., такое расстройство. Читали и пели.

8 (пятница)

Ждал до 2 ч. Никакого ответа из Москвы. Девет уезж<ает>. Хандрю и злюсь. Поплелся в «Аполлон». Маковский уже уезжал и сказал мне, что оставил распоряжение, но ничего не было. А я так рассчитывал пооб<едать> в «Вене» у моего слуги (не в обеде дело, конечно). Плелся, злясь, домой, не зная, что вообще будет, чуть не плача. Но дома подбодрился немного.

9 (суббота)

Руманов телефонировал, что с Сытиным дело дрянь, но потом оказалось не так плохо. Приехал к нему в 5 ч. Лифтовщик был занят развозкой почты. Арк<адий> спал еще; читал сказки, писал письмо в Москву; приехали жена его и Михаил от Витте. Мих<аил> там пролил чернильницу. Обедал я у них. Потащил меня к Пивато пить кофе. Там были Пуришкевич и Урусов, потом мы поехали куда-то, еще зайдя домой. В саду никого. Только Лебель бегает. Писал письма. Всев<олод> приедет 16-го.

10 (воскр<есенье>)

Руманов проспал. Поплелся к нему, чтобы видеть лифтовщика и дать ему на чай. Я предлагал ему развозить почту со мною. Поехал к Сапунову, не дома, вчера покупал вещи в Ал<ександровском> р<ынке>; вероятно, при деньгах и на скачках. Яковлевой тоже не было. Гига на Сиверской. У нас смотрят квартиру. Была Недоброво. Ездили к Юл<ии> Мих<айловне>, обедали там. Костя, конечно, был на скачках и проигрался.

11 (понедельник)

Вечером был С<ергей> С<ергеевич>, потом сидел со Скалдиным. Не помню, что было еще.

12 (вторник)

Был в «Аполлоне»; впрочем, утром еще был у Руманова, по-моему. Нет, у Сапунова, но не застал его. Маковс<кий> дал немного денег. Наслаждался у мальчика в «Вене», потом поехал на Вознесенскую. Слегка болела голова, но было ничего себе. Кажется, болела голова. Был Скалдин. Меня все сватают к нему жить.

13 (среда)

Заезжал к Сапунову. Он выходил от Яковлевой. Мечтает о <*нрзб.*>. Зовет в Териоки. Увлечен Назарбек. Ездили к Шервашидзе, Блоку[3]. Смотрели квартиру. Прелестна, жаль, что нельзя снять. Ели на поплавке. Дома узнали, что был Кожебаткин и Потемкин. Они пришли к нам, пили чай из старого сервиза. Потом поехали в «Аквариум», было довольно скучно[4], но все-таки голова не болела. Завтра уговорились в Териоки.

14 (четверг)

Поехал к Руманову. Лифтовщик сам заговаривает. Ответа еще нет. Посидели хорошо, тянул в «Луна-Парк»[5]. Заходил к Кожебаткину — нет; наверное, на скачках. К Сапунову; его встретил, он ругается. Поехали в «Собаку», где был Пронин и Цыбульская. Заехали на моторе за Назарбек. На вокзале дождались Яковлеву и Бебутову. Поехали[6]. В Териоках сыро и мрачно. Встретили нас кисло, но у них очаровательный лакей Василий, просто прелесть. Яковлева и княжна страшно хотели есть. Н<иколай> Н<иколаевич> послал нас в «Казино», обещав прийти вскоре. Посмотрели театр и стали ужинать. Н<иколая> Н<иколаевича> все не было, мы послали Кузьм<ина>-Карав<аева> за деньгами, думая расплатиться и уехать. Приводили нам Сомова для развлечения. Наконец пришел Сапунов и стал сердиться и ссориться. Решили поехать кататься. Насилу достали лодку. Море — как молоко. Было неплохо, но когда я менялся местами с княжною, она свалилась, я за нею, и все в воду. Погружаясь, я думал: «Неужели это смерть?» Выплыли со стонами. Кричать начали не тотчас. Сапунов говорит: «Я плавать-то не умею», уцепился за Яковлеву, стянул ее и опять лодка перевернулась, тут Сапунов потонул. Лодка кувыркалась раз 6. Крик, отчаянье от смерти Сапунова, крики принцессы[7] и Яковлевой — ужас, ужас. Море пусто. Наконец Яковлева увидала лодку. Еще минуты две, и мы бы погибли. Держались минут 20–25. Выволок матрос нас, как поросят. В лодке новые рыдания о Сапунове. Все время я думал: «Боже, завтра приедет милый Князев, а меня не будет в живых!» Потемкин довел меня до дому. Бегала, рыдая, Чекан, посторонняя публика интересовалась. Раздели меня, уложили, за стеной рыдала принцесса. Все время ходили. Был жар и бред. Мгебров дал мне 40 кап<ель> валерьяны. Утром Л<юбовь> В<асильевну> и княжну увез Потемкин. Какой ужас, ужас. Мне представлялся Сапунов в какой-то утопленной чехарде[8].

15 (пятница)

Заходили Мейерхольд и др. Заказал панихиду. Приехал Кульбин, нашел у меня невроз сердца, рекомендовал вводить «яс-

ность» в жизнь[9]. Принес чай их милый Василий. Вышел в сад. Принцесса гуляла, поддерживаемая доктором. Я поцеловал ей руку и отвернулся, чтобы не расплакаться. Пили кофей в саду, на панихиду не ходили. Я то спал, то бродил, то беседовал с Василием; болела голова, хотя и завтракал, и обедал. Заходил к Потемкину, но не застал его. Провожали меня Караваев и Соловьев. Лозинский по телефону кланялся. Приехав домой, нашел Верховского и Мосолова; М<ария> М<ихайловна> очень обеспокоена. Телеграмма от Романова. Все сочувствуют и радуются, но это ужасно. Сердце почти не бьется. Валечка телефонил.

16 (суббота)

Князев не приехал. Был у Романова и с ним отправился на крышу Европейской[10]. Вот где масса офицеров. Элегантно. Насилу хожу. Еще посидел. Лифтовщик, кажется, пьян. Был у Кожебаткина, обедал там, спрашивают об утоплении и о куропатке[11]. Был у Гиги, так как Кож<ебаткин> и Пот<емкин> поехали в Териоки. Посидев, поехали в Нар<одный> Дом; какая тоска. Без меня 2 раза заходила Тявочка, и Зайчик, и Позняков. Милые! Письмо от Семена, теперь он на Бас<сейной>, а свинья Маковский — ни звука. Костя у нас.

17 (воскресенье)

Рано пришли Зайчик и Тявочка, с цветами, радостные и милые. Вышел с ними. Ехал с Зайчиком. У Тяв<очки> уже сидел Коля. Хлопоты об обеде, так как Верка побежала даром причесываться к парикмахерам, которые держали экзамен. Очень уютно и мило. Пришел Зиночка. Просились вечером. Князев все еще не приехал. Зашел к Сашеньке. На скачках будет в 8 ч. Обедал в «Вене», но мой гулял (гуляет через воскресенье). Романова не было дома. Кожебаткин вернулся, был Садовской, звонил Позняков. Обещает быть завтра утром. Прислал письмо Семен с 9<-й линии>, теперь на Бассейной. Были в «Буффе», цветочник ходит с подносом[12]. Посылали покупать папиросы, он стал очень мил, лаконы те же, вообще хорошо. Значит, фавориты есть: в Териоках, «Аполлоне», Рум., «Регине», «Буффе» и «Вене». Мариинской. Без этого мне скучно. Спать не хотелось, но что это застрял противный Всеволод?

18 (понедельник)

Был в «Аполлоне». Обедал и мандил в «Вене», потом поехал зачем-то на Бассейную к Семену. Это было и дорого, и скучно. Вечером был у Валечки, где был Гига.

19 (вторник)

Опять был у Валечки с Нуроком. Думали ехать в оперетку, да денег нет. Всеволод не пишет и не едет.

20 (среда)

Приехал Гюгюс. Был в «Аполлоне». Обедали у Палкина, потом сидели у меня, потом были в «Метрополе». По Невск<ому> бегают тапетки.

21 (четверг)

Поздно встал. Приходил Миллер, звонил Гюнтер. Выбрался только в Царское. Приехал вместе с Мако и Врангелем. Был еще Каратыгин, Спасский и гр<аф> Комаровский. Читал долго. Возвращались вместе. А Князев-то, Князев. Миллер заходил и без меня.

22 (пятница)

Был у Руманова. Не благополучно. Придется в «Биржевку»[13]. Зашел в «Аполлон». Там приехала генеральша и нас выставили в переднюю. Обедали с Гюгюсом у Дмитрия. Потом был и Гаккебуш, и князь у Руманова. Долго ждали М<арию> М<ихайловну> и поехали в «Буфф», но цветочника не было, почему было скучно[14].

23 (суббота)

Утром заявился Миллер. Поехал с ним на панихиду. Было уныло, даже свечек не дали[15]. В «Бирж<евке>» дали денег[16]. Миллер пришел и туда, завтракали на поплавке. Покупали разные вещи, катались и обедали у Палкина. Потом поехали в госпиталь и «Буфф». Денег ничего не осталось. Заезжали к Палладе, привезли ей цветы. Приехал Князев, но сегодня прийти не мог.

24 (воскресенье)

Утром был у Всеволода; приехал еще в пятницу. Мил бесконечно. Вышли бриться и ко мне. Зашел Гюгюс и Тарасов. Вечером назвались Судейкины и оба мол<одых> чел<овека>. Гюгюс притащил 2 б<утылки> шабли, Судейк<ины> Graves* и ягод. Всеволод был очень мил, но все как-то не то уходили, не то нет. У Всев<олода> болела голова, он остался, и лежали мы с 2 <до> 3<-х>, как в раю. Милый какой! Потом уехал все-таки домой.

25 (понедельник)

Зашел к Князеву. Да, утром был Миллер, наведший панику на Марью Михайловну; провожал меня и обещал. Князев мил;

* Белое бордосское вино *(франц.)*

выходили гулять, потом поехали к Гюнтеру. Кн<язев> переодевался. Катались, я заводил тесноту. Потом ели в «Regin'e». И отправились к Гиге. Там все были в сборе. Валечка читает, уволок Князева в кабинет, а я уехал домой. Вал<ечка> me jura, qu'il ne touchera pas* Все<володa>, а я с тем ссорился на извозчике.

26 (вторник)

Заходил к Князеву мириться и к портному. Всев<олод> говорит, что к Суд<ейкиным> не поедет. Гюгюс пришел с М<арией> М<ихайловной>, хвалят Всевол<ода>. Тарасов телефонил. Был у Судейкиных; очень мило. Заходил еще с Гигой в «Восточный» смотреть мальчишку, потом гонялись за двумя хулиганчиками до того, что те попросились взять их с собою. Один был ужасен, другой ничего. Я уехал, оставив Гиге выбор. Приехал Гершензон и Кассандра.

27 (среда)

Был со Вс<еволодом> в «Аполлоне». Денег не дали. У Гюгюса обедали. Всев<олод> не зашел, обещал вечером. Гюгюс хотел прийти тоже или позвонить, где они будут. Всев<олод> телефонировал, что не приедет, так как у дяди. Позвал Гюгюсов, поплелись к Альберу, где было очень скучно. Всев<олод> обещал прийти завтра. У нас были Троцкий, Кас<сандра>, Юраша, Скалдин, конечно.

28 (четверг)

Что было? Был Всеволод, провожал его. Потом вечером ездил с ним за шапкой, доломаном и к Скалдин<ым>; комнаты милые, но даль и страшные недра, потом нельзя будет брать мальчишку. Князев скис немного. Плелись трамваями. Пел я, играл, ушел он рано, обещав субботу, но милый до бесконечности. М<ария> М<ихайловна> долго не ехала, и мне было страшно.

29 (пятница)

Вышел к Миллеру; говорит, что хочет выйти в запас, и просил устроить место. Дома играл Гершензону разные вещи; ему понравилось, кажется. Обедал у Корша. У Князевых тихо-мирно. Плелся к Валечке. Потемкин мрачен. Радаков уехал за границу: какая гадость. Были в «Villa Rode», где хорошие марьонетки[17]. Говорили о будущем житье, но деньги, деньги: где они? Я всех запустил.

30 (суббота)

Разбудил меня Анреп, хотели путешествовать. Звонил Миллер, потом сам пришел. Брился. Потянул меня к себе. Завтра-

* Уверял меня, что он не тронет *(франц.)*

кали в «Армии и флоте», миленький мальчик служил нам, ходили офицеры. Сережа был мил, в комнате хорошо, и он был ласков, купил мне вина и ягод, хотел приехать вечером посмотреть Князева. Он держал пари с Палладой, уверявшей, что Всев<олод> к ней придет, когда она захочет. Попался М<арии> М<ихайловне>, которая, кажется, его не узнала. Всев<олод> долго не шел. Миллер вдруг начал хвалить меня. Наконец явился Вс<еволод> и объявил, что рано уйдет. Приезжал Зайчик с Тявочкой, как доложили мне «полукадет», хотели меня похитить. Сережа очень неумело вел себя, и Всев<олод> хотел уйти с ним, чтобы вернуться, но Сережа просил проводить его, вероятно думая, что я зайду. Не знал, как быть, но Всев<олод> придумал, что мы пров<одим> сначала Миллера, потом вернемся. Сережа был пьян немного и вел себя все хуже и хуже. Верн<увшись>, Всев<олод> был мил до крайности, хотя оставался недолго.

Июль

1 (воскресенье)

Никуда не выходил, только обедать к Коршу, потом к Князевым, сидели мирно. Он рисовал; потом я пел и беседовал. Милый мальчик, как я люблю его! Миллер не звонил.

2 (понедельник)

Был у Судейкиных. Там был Анреп. Очень мило. В «Аполлон» опоздал и Миллера встретил на Мойке уже. Ничего нет денег, Рара жалуется о статьях, «Мечтателей» не берет. Румянова арестовали за дело Раковского[1]. Миллер дожидался меня, взял 3 р. и доехал до Князева. Есть хотел отчаянно. Поехали узнать адрес Чичериных, потом на почту, к портному и домой. Гершензон потащил меня к Ремизовым, где встретили нас так нелюбезно, что мы тотчас удалились. Приходил скучный Позняков. Беседовал еще с Гершензоном.

3 (вторник)

Завтракал с Гречаниновыми. Искал с ними квартиры. Есть хорошие, завидные, с людскими, с видом на канал. Утром не допустили ко мне Миллера, но он дождался меня на улице. Вечером был Князев, Валечка и московская пара[2], Всеволод был мил до крайности, поразив даже Гершензона своей красотой и фигурой. Много играл и потом, при Лернере. Не знаю, поеду ли в Кронштадт на странные похороны Сапунова[3]. Валечка едет, по-видимому, один. Что делать с деньгами, не знаю тоже, как ехать и когда? И с квартирою тоже.

4 (среда)

Невозможная жара. Письмо от Миллера, что он уехал к Чичериной, что деньги на днях вышлют. Брился. Маковский ругал Чудовского и спрашивал сплетни о «башне». Поплелся к Коршу. Обедал там. У Князевых побыл немного. Брился Князев, где я видел Свентицкого. У Судейкиных было очень мило, но домой плелись пешком. Всев<олод> хотел приехать ко мне, но раскис; проводил его. Кажется, и завтра он хочет отложить свидание.

5 (четверг)

Был Князев. Наигрывал музыку на его слова. Была такая жара, что Всеволод в постели совсем сморился. Потерял пенсне. Как хорошо и сладостно. Хотя мать его и приехала, но поехали в гости. Был днем потом у него во время обеда. У меня подъели *<так!>* немного, но вечером он домой опоздал. Теперь я помню.

6 (пятница)

Заходил, кажется, в «Аполлон». Нет. Гершензон все-таки уехал, трогательно простившись. Днем переводил Аристофана, готовясь ночью делать то же. Получил деньги. Купил цветов, поехал к Князевым. Было мило, хотя Всеволод подкисал. Пел новый романс. Одобрили, говоря, что Вс<еволод> меня вдохновил. Он написал мне: «Люблю Вас». Вышед, хотел зайти в Тавриду, но поехал только ужинать к Альберу, где был один. Дома еще сидел надутый Скалдин.

7 (суббота)

Письмо от Миллера, что он приехал и дела его плохи. Не ответил. Звонил Судейкиным. Не едут. Обедал у Дмитрия. Кто-то ссорился по-семейному. К Буасона опоздал, брился у Трофимова, занимавшего меня разговором. Отдал Клецкому. Сергей звал меня в «Славянку», но я отказался. Павловские ехали трепеща, так как ехал с ними Петров. Чуть было не раздумали ехать. Всеволод бесконечно мил. Просидели первую музыку[4]. Обрели Валечку, гуляли на ферму[5]. Валечка был любезен и тактичен, но показал совершенно неуместные стихи Гиги, где говорится, что «В. Н. возьмет гусара в плен». Всеволод правильно обиделся, а я огорчился. Попали все-таки в кабинет. Валечка продолжал быть милым, хотя и ухаживал за Всеволодом, а тот слегка кокетничал. Возвращались очень мило.

8 (воскресенье)

Всеволод звонил, что не придет, а завтра. Просила Паллада и Миллер прийти к ним. У Туси хорошая квартира в 1-м этаже, на улицу. Сережу все-таки из полка гонят. Поехали в «Обще-

ство» обедать, обещал сегодня, но вернулся, забрав вино, к Палладе. У нее был немец и Павлик, опять Миллер распоряжался и напился, будто на Бронницкой, целовался со мною, обещая сегодня все что угодно, но был так пьян, что я черным ходом от него удрал. Паллада говорила всякие гадости про Всеволода, его сестру и Леона, вздор какой-то про гермафродита. Мне было очень скучно, все те же россказни. Днем я обиделся на Шурочку, который сказал, что Всеволод посерел и подурнел, обозвал его болваном. Немец все объяснялся в любви, Павлик тоже, Паллада чего-то выделывала, Миллер пел «Захочу—полюблю». Насилу выкатился. Отчего везде, где Паллада, какой-то пьяный угар с надрывом? Болела голова. Ни копейки.

9 (понедельник)

Разбудила меня сестра. Зовет. Зашел Князев. Брился и встретил Тявочку; заехал смотреть квартиру, — оказывается, они были в субботу в Павловске. Стихи Гиги всем известны. Пил чай у Судейкиных. С<ергей> Ю<рьевич> крайне мил и нежен, все хочет вместе селиться. Торопился домой, у нас был Скалдин, потом mme Недоброво. Князев был крайне мил, принес даже крючки для сапога[6]. Его отец и мать так огорчены моим отъездом, что готовы предложить даже денег в долг. В самую критическую минуту в комнату ворвались М<ария> М<ихайловна> и Скалдин; какая гадость и хамство. Всеволод, бедный, был страшно сконфужен, но вообще мил, прост и домашен. Провожали его. Счастлив ли он? отчего я этого не думаю. Я слишком мало могу дать ему.

10 (вторник)

Не помню, что было днем. Вечером был у Князева. Он меня провожал и мечтал, что завтра долго будет со мною. Ходили мирно и тихо по пустынным, милым улицам. Написал 4 стихотворения.

11 (среда)

Заехал за Всеволодом. Были у Судейкиных. Приплелся туда Юраша. Поехали в Петергоф. Конечно, Князев все время, по своей системе, сбегал от меня, я же сердился. Смотрели фонтаны. Зайчик выделывал меланхолические курбеты. Все хотели есть. Наконец вышли к морю. Тут Всеволод и Оленька нас покинули, и мы их не могли отыскать. Все надулись. Зайчик не хотел нас вести в ресторан. Спросили у гимназистов, за которыми погнался Юрьевич, чтобы пригласить их с нами. В ресторане была пустота, и мы уехали оттуда на вокзал. В вагоне я пригласил Всев<олода> отужинать, он отказался, но только Судейкины позвали к ним, согласил-

ся. Я обиделся и начал было объясняться, но он прервал и побежал вперед. Тогда я сказал, что еду домой. Зайчик меня догнал, я отдал ему пальто, попросил извиниться и пошел, не зная куда. Я думал, что все кончено. Всеволод липнет к каждой юбке, все рушилось, и любовь, и книга[7], и все. Меня догнал милый Зайчик. Прошлись. Как я был ему благодарен. Хотели ехать ко мне, потом поесть. Те нас догнали. Всеволод ко мне ехать не хотел, даже не отвечал. Тогда соскакивают и Зайчик, и Судейкин. Вс<еволод> и Тяв<очка> бросаются за ним, я за ними. Наконец его догнали. Князев не хотел ехать со мною, насилу его стащили. У них было трагично и мрачно. Наконец уехали. Просил зайти, чтобы позировать[8], но не обещал приехать вечером. У него есть палладизм.

12 (четверг)

Посылал телеграмму Кожеб<аткину>[9]. Всеволод был ничего, но сердит. Позировали. Оленька читала стихи. Князев, конечно, так же вел себя, но меня подбадривал. Уехал рано обедать с матерью. Я смотрел с Оленькою квартиры, есть очаровательные в Соляном переулке и недорогие. Страшно хотел есть. У нас маляры. Пожевал колбасы и отправился куда глаза глядят. Зашел в Тавриду, поел; никого; повертелся и забрел к Палладе, где была ее сестра, жидок и Поля. Вызвали Миллера. Он был у меня на подъезде. Приехала и Тира. Тогда вечер, конечно, кончился скандалом. Теперь Миллер пьет напропалую с Тирой, зван в комендат<уру>, не явился. Ему не выплыть. Рано поехал ко мне. Зашли поесть в Тавриду. По-прежнему укладывался, хотя в доме произошла паника. Он все боялся, что его будут выгонять, позовут дворника etc., но это просто был Залеманов в гостях. Сережа плакал, вспоминая прошлое и зная, что он погиб. Внешние заботы его отвлекают от этой мысли, будто говоря, что все благополучно. Позвал меня к себе, был мил, предупредителен, но сам — ничего. Он еще болен. Бедный, бедный мальчик. Спал я сладко, как в детстве. Всеволод звонил еще раз, думая приехать. Павел, кажется, проболтал ему про Миллера.

13 (пятница)

Заехал рано за Всев<олодом>. Сережа меня печально провожал. Брились, встретили Миллера с Тирой. Позировали. Отпр<авились> в Алекс<еевский> рынок. Там недурной татарин; Всев<олоду> понравился складень. Есть хотелось страшно. Купили малины. Всев<олод> даже взял крючки, я это слышал. Было очень хорошо, я люблю его, как никого, но я боюсь и трепещу. Он как ребенок. Провожал его. На балконе стоял его отец.

14 (суббота)

Опять позировали. Был и Зайчик. Отцу сказал, что к обеду не приедет. Заехал поесть ко мне. Все торопился. Провожали его. Опять завели разговор неприятный. Всев<олод> рассердился и так сердился весь вечер. Я зашел к ним, пил чай, играл. Всеволод стоял на балконе, даже с лампой. Милый, милый, милый. Денег мне не прислали. Не знаю, что это значит. Портрет выходит на славу: таинственный и очаровательный. Всеволод несколько палладирует.

15 (воскресенье)

Позировали. Всеволод не особенно торопился домой. Поехали вместе. Скоро звонит, чтобы я пришел. Был мил бесконечно. А что-то меня гложет.

16 (понедельник)

Опять денег нет. Я не позировал. Посылал телегр<амму>, зашел продать книги. Купил кое-чего для Жени. Он приехал поздно, был бесконечно мил. Всеволод явился Бог знает когда, с Судейкиным и Зайчиком. Я слегка надулся, не зная, долго ли они будут сидеть. Ушли скоро. Подарил тарелочки Оленьке. Судейкин был трогателен и жалостлив. Звал жить с ними. После их ухода Всеволод сказал, что я изменяюсь, а он нет; тогда я сказал, что это его мало интересует. Он обиделся и ушел. Я послал альбомчик с письмом. Попросил подняться. Дома он предупредил, что до 2 не вернется. Поговорили, не помирились. Я ушел, бродил мимо окон, зашел в Тавриду, пошел за одним солдатом, он нырнул в казармы. Опять вернулся в сад взять другого и пошел aux pays chauds. Урод невозможный, но не все ли равно. Написал откровенно и подробно Всеволоду.

17 (вторник)

Всев<олод> пришел. Позировку Юрьевич отложил. Пошли с Вс<еволодом> и Гавр<иилом> Мих<айловичем> обедать в паштетную. Пили чай у них, сами ставили самовар. Хорошо. Ко мне. У Сергея были девицы, Всев<олод> забыл крючки и сам ничего не мог, но мил был бесконечно. Провожал его. Его мать еще не приехала. Милый, целый день вместе, какое счастье!

18 (среда)

Денег опять нет. Звонил Мейерхольд. Брились отлично. Вчера увлекся «Портретом Дориана Грея». Судейкин расстроен. Обсуждали слишком откровенно, поселяться ли мне с ними. Всеволод разобиделся Решили. Поехали смотреть. Всев<олод> ска-

зал, что мне необходимо было отказаться. Рассердился. Сидели плохо, у меня болело сердце, пошел прилечь. Пришел Рабинович и Григорьевы, так что прогулка не состоялась[10]. Уехали. Всев<олод> все сердился. Заехали к ним. М<ария> П<етровна> крайне мила. Я играл, Всев<олод> обошелся немного, сказал, что если я не обещаю быть веселым и светским, он не поедет завтра. Что за теснота будет при совместном житье, воображаю! Под конец совсем стал мил. Не знаю, почему его родители меня так ласкают. Всев<олод> так расхрабрился, что прочел мой сонет матери и даже сказал, что это акростих[11].

19 (четверг)

Заехал к Князеву, он хотел поспеть домой к 6 часам. Заезжали за поясом, шинелью, чистить сапоги. Я был говорлив, как чиж, Всеволод мил как никогда. Вообще было очаровательно. Поднимался Зайчик, когда мы уходили. Довез Всеволода. Ждал его дома. Звонила Паллада, зовя на лицеистов. Отказался. Всеволод пришел поздно, но был до крайности мил и даже был со мною. Какой очаровательный мальчик!

20 (пятница)

Денег опять нет. Черт знает, что такое! Денег ни копья. У Князева тоже. Вернулись к Павлу и заняли. Брился он у Дмитрия, где старые знакомые. Утром у Княз<ева> была история, мать плакала, отец сердился. У Суд<ейкиных> тоже история и уныние. Мигрень от езды. Всев<олод> скис и сбегал. Я был весел, насколько мог. Потащил меня прямо к себе. Отец мрачнее ночи. Maman — ничего. Братец мил. Всеволод озорничал, был смел до крайности. У него очаровательные колени и ноги. Он изящен и безумно красив. Но все делал с вызовом родителям. Вытащил Уайльда, меня обнимал, читал свои стихи. Потом одел офицерскую шинель и пошел меня проводить, я же провожал его. Люблю его, как сына, как друга, как возлюбленного, как невероятную красоту. Обещал завтра денег, между прочим.

21 (суббота)

Всеволод заехал и привез денег. Это очень неблаговидно, то есть не очень благовидно. Ездили за рамкой и к переплетчику. Ели у Филиппова. Подвез его до Александр<инки?>. Поехал к Гиге, где застал одного Вовочку. Пришел Икар и пошли в Алекс<андровский> рынок. Обедал у Неменчинского. Всеволод приехал не очень поздно из бани, милый до крайности. Как хорошо, какое спокойствие, очарование, тревога и счастье. Провожал его.

22 (воскресенье)

Приехал Гига. Жара все такая. Рассказы про Валечку, про эскапады далеки от меня. Вышли. Князевы стояли на балконе, а брата мы встретили. Обедали где-то. Он удручен историей со стихами. Зашли еще к нему. Я играл вальсы Ланнера, он же рассказывал о морячке Маркелло. К Князевым поехали. Нас настиг Позняков и отпр<авился> куда-то с Гигой, я же уже не застал Жени. Все веселы и довольны. Всеволод вел себя так свободно, что даже брат его заметил. Был крайне мил. Очень, очень. Стоял на балконе.

23 (понедельник)

Опять ничего нет, это неслыханно. Заехал за Всеволодом: там спорят о лошадях. Поехали. Судейкин сидит один со спущенными шторами. Не писал. Я читал рассказы. Всевол<од> позвал меня обедать. Кажется, было ничего. После что-то Всев<олод> обиделся на мать и ушел со мною. Был сердит немного. Катались. Ели дыню. Играли «Орфея» и Requiem[12] и читали «Портрет». Медленно шли домой. «Портрет» и аналогии мне не очень нравятся[13]. Из бань напротив банщики приглашали жестами мыться. Завтра днем просил не приходить, обещал прийти вечером.

24 (вторник)

Что было? никуда не выходил. Звонил Всев<олод>, что он не придет, а просил меня прийти. Говорит, что умирает. Посидел у него. Утром послал записочку. Вечером написал стихи. Был мил бесконечно. Брат завтра уезжает. Миллер прислал мне пренаглое письмо, со слов Паллады, очевидно, где пишет разные гадости про Всеволода. Тот хочет сам ответить. Просил завтра днем прийти.

25 (среда)

Брат уезжал, когда я подходил. Всев<олод> и М<ария> П<етровна> были внизу. Чем он болен, хотелось бы мне знать? Читали стихи и «Портрет». Пошел ко мне, рассказывал про Буксгевдена[14], был со мною, но самому не хотелось. Вышла теснота, сказал, что если бы я знал, что с ним, то постыдился бы сегодняшних слов. Приходил Женя, но мы не слышали его звонка. Бедный котенок, но Всеволод странен. Откуда же я возьму денег? Не знаю решительно. Бог поможет.

26 (четверг)

Не помню, что было днем. Вечером был у Всеволода, где была приехавшая сестра его. Было семейно и уютно. Всеволод просил написать стихи его сестре и подарить книгу.

27 (пятница)

Заехал с книгой. Он рисовал сестру. Судейкины просили к 5 часам. Сидят в спальне, изнывают и кислы. Я поехал, Всев<олод> же остался, собираясь кататься, и приехал ко мне часов в 10. Женя был очень мил, но тверд насчет «Аполлона»; с «Нивой», может быть, и выгорит[15]. Очень боюсь и волнуюсь. Вот было бы отлично! Но боюсь. Всев<олод> все не ехал, хоть бы телефонировал. Вид женской юбки его положительно гипнотизирует. Всегда противный оттенок, когда в общество замешивается женщина, хотя бы и милая. Так и не приехал. Я совсем умирал. Шварсалон меня развлекал несколько. Собирался уже спать, как примчался Вс<еволод> с извинениями. C'est inouï*, он еще заезжал к ним с островов. На Судейкиных я все-таки сердит для начала. А еще сегодня я просил его быть секундантом и свидетелем по завещанию. И Женю тоже[16]. Всевол<ода> проводил. Он просил приехать к Суд<ейкиным> завтра, а то, мол, и он не поедет, и к нему часа в 3.

28 (суббота)

Звонил к Руман<ову>. Поехал. Обещал к понед<ельнику>, надует. В «Ниве» Степанова не было. Оставил. Брился. Обеда дома не было. Поел супа. Всев<олод> звонит, что куда-то должен ехать и не будет дома. Поехал к Гиге, был в Гвардейке и встретил Вовочку. Поехали к Судейк<иным> рано, но Вс<еволод> был уже там и сидел с Тявочкой в темной спальне, меж тем как муж одевался. Павел ему напутал, что я у Суд<ейкиных> и к 6 буду дома. Так он понял и боялся тесноты. Был очень странен и нелюбезен. Тявочка несносна, Юрьевич надут. Пришел Коля и Зиночка. Поехали почему-то к нему, попили чаю. Потом ко мне. Ели дыню, сочиняя стихи. Шварс<алон> уезжал. Разбирали журналы до 11 ½, так что ничего не было, хотя я знал, что крючки он взял. Он говорил, что все могло бы быть, что для этого нет необходимости раздеваться и что то, что он мне откроет при признаньи, нисколько не влияет на сегодняшнее. Масса загадок! Мечтали о Риге[17].

29 (воскресенье)

Условились идти ко всенощ<ной>, которую вчера он похерил ради Тявочки, он мне что-то телефонил. Я, не слыша звонка, не спустился; оказывается, поехал к Игнатовскому, встретил бывшего товарища, был у Филиппова и т. п. Не был ли он просто на Разъезжей? Утром он имел неосторожность прочесть коллективные стихи[18], и вышла сцена, и он не был уверен, как без него меня встретят, но встретили хорошо, так что я ничего не подумал. Он был мил,

* Это неслыханно *(франц.)*

но смутен. Вчера приехал с улицы Глинки, не от Высотской ли? Я, кажется, погибну от подозрений и таинственности, и некоторую ложь Вс<еволод> любит. Всё затворяли двери, читали старый «Перевал»[19]. Любовно, таинственно, как-то покинуто, как перед разлукой, бродили обнявшись. Милый, милый, единственный навсегда. Не провожал, даже на балкон не вышел.

30 (понедельник)

Ездили со Вс<еволодом> по покупкам [(условившись встретиться в 5 ½ у дома Карабчевского, чтобы ехать к Судейкиным и)]. Пришел Женя, потом Вс<еволод>, насилу освободившийся. Было чудно: любовно, тепло и как-то странно весело, несмотря на близкую разлуку. Вещи решил перетащить в свободные комнаты.

31 (вторник)

В ½ шестого поехали к Судейкиным. Вс<еволод> сидел долго, гораздо дольше, чем сидел бы у меня. Все бегал. Обнаружилось, что он делает надписи к рисункам Юрьевича и держал это от меня в секрете[20]. Вообще, любовь к «секретам» и «любезность» — главные его недостатки. Провожал его я, опять несколько объяснялся. Ночевал уютно в каморе у Судейкина, захватив с собою только двойную нашу карточку и книжку для стихов.

Август

1 (среда)

Всеволод приехал рано, обедал с нами, распростился. Поехали в «Ниву», ответ завтра, хозяйка читает[1]. Проводил его. Вернулся домой. Беседовали мирно, обсуждали планы, поехал его провожать. Он был мил, но несколько расстроен. Любит ли он меня? Секрет его состоял в том, что у него возобновляется болезнь, и это время как раз был этот возврат. Скоро пройдет, и навсегда, как уверяет доктор. Уехал! Бедный мальчик и бедный я.

2 (четверг)

В один из этих дней, да, 30<-го>, у меня был Потемкин, зашли к Птифуру, застали его; нежен и мил, как прежде, с ними живет Марья Дмитриевна. Что было кроме «Нивы», не помню. Дома сидел, вероятно. Судейкины крайне милы.

3 (пятница)

В «Ниве» ждал, ждал, ничего не дождался. Вечером поплелся на Таврическую. Вдруг встречаю Миллера. Проводил меня.

Едет в Берлин быть авиатором. Бедный, и все-таки au fond* милый. От Полякова приносили.

4 (суббота)

Миллер меня дожидался и пошел в «Ниву», но встр<етился> Юрьевич, которого я умолил пойти со мною и увести от Сережи. Заезжал на Тавр<ическую>, да, в «Ниве» меня рассчитали. Слава Богу. Сережа дожидался меня на углу; обедали у Палкина, потом катались и попали в «Виллу»[2], пригласили малолетн<его> румына в номер. Сережа отлично вел себя, но пьет, как сапожник. Ночевали в «Москве», он ласков и предприимчив теперь, как никогда; очень мил. Чай пили на вокзале.

5 (воскресенье)

С деньгами опоздал. Переезжаем, болит голова. Обедал у Альбера. Сережа ждал в Летнем, но мы были там втроем. Потом с С<ергеем> Ю<рьевичем> хотели взять кого-нибудь из Летнего, но раздумали. Голова болит адски. Был Коля. Я рано улегся. Все веселы, кроме меня, у которого вышли все деньги.

6 (понедельник)

Утром вскочил в 6 час. С<ергей> Ю<рьевич> в меланхолии. Завтр<акали> с Оленькой у Альбера. Встретился с Сережей в Летнем, обедали у Альбера, потом в «Аквар<иум>», где вновь произведенные офицеры гуляли[3]. Он часто мне кажется сумасшедшим или загнанным волком. Не поехал никуда, обещал прийти в час.

7 (вторник)

Записка: «Пришлите 10 р., а то скандал». Не ответил. Является сам, пьяный; не принял. Приехал Брюсов с девицей[4]. Мил до крайности, слушал стихи мои и Всеволодовы, одобрял etc. Вечером был у Князевых; тихо, мирно; нет, это было 8-го.

8 (среда)

С утра поехали за пьянино. Увиделся с Сереж<ей>, обедал при мне у Соловьева, плача, что я не хочу его пускать к себе из-за Всеволода. Но я не пустил. Играл вечером, беседовали и дивагировали. Но деньги, Гига, обстановка. Прямо ужасно!

9 (четверг)

Был Миллер, пил чай. Понравилось у меня. Он бедный.

* В глубине *(франц.)*.

10 (пятница)

Вечером отказал Миллеру, так как были Гига и Валечка. Они рассказывали много занятного, но отошло это все как-то от меня. Я был так рад, что Сергей Юрьевич не показал моего портрета и не заставлял играть. Утром был Юрочка Ракитин. Слухи о том, что Миллер на горизонте, всех тревожат. Утром ходили бриться и в переплетную.

11 (суббота)

Миллер пришел рано, сидел с нами и обедал скромно и чинно. Долго еще сидел, не зная, куда идти. Я совсем расхворался, нога меня беспокоит — не то триппер, не то грыжа, не то бобон. Не могу возбуждаться. Все истопили у меня и уложили спать рано. Получил письмо от Всеволода, он получил деньги.

12 (воскресенье)

Все то же, сижу дома. Нога болит и пухнет. Письма сегодня нет. К вечеру был снова жар.

13 (понедельник)

Миллер так долго сидел, что я выдумал Руманова, чтобы его вывести. Пошли. Лифтовщик еще помилел. Был только Мишка, трепаный. Сытин здесь. Цимм<ерман> 25-го только[5]. Вечером что было? не помню что-то. Читали, кажется. Чай пил Миллер с нами. Как-то я устроюсь?

14 (вторник)

Был Миллер. Обращался с ним сурово. Ко всенощной не пошел: я засиделся. Нога все еще побаливает. Всеволод не пишет. Дождь.

15 (среда)

Звонили люди. Я не выходил. Наденька звала. Сообщила, что Женя женился на Филаретовой, у них ребенок и бедствуют. От Всеволода сердитое письмо за Миллера[6]. Отказал последнему и по телефону сказал, чтобы не видаться. Вечером пришел Ракитин, говорили о Шекспире. Кажется, это будет даром[7]. Вечером были какие-то трагедии с убежавшими Верами. Коля был пьян. Потом все уладилось.

16 (четверг)*

* Листок под проставленным числом не заполнен

17 (пятница)

Был Птифур, кажется. День за день, как один. Не работаю.

18 (суббота)

Не помню, что было. Все то же.

19 (воскресенье)

Был у Птифура. Там устройство. Был мил и провожал меня до дому. Поехали с С<ергеем> Ю<рьевичем> в Тавриду. Там ходят хорошие солдаты, но что без денег сделаешь? Дома сидели неплохо.

20 (понедельник)

Был где-то. Заходил Кузнецов, скучноват. Вышли вместе; встретили Миллера, но я поехал проехаться. Может быть, он достанет. Какой позор! Вечером сидел дома.

21 (вторник)

Ездил к Девет вечером, много играли в 4 р<уки>; у нее какой-то холодок ко мне, а может быть, мне это так кажется. Миллер опять в комендантском. Письмо от Всеволода, не очень хорошее, но ничего.

22 (среда)

Что было? Выходил бриться, а вечером был у Ауслендеров. Милы, но подкисли. Разговоры о литературе. Варя будет жить зимою. Кузнецов ничего не отвечает. Как же я поеду? Звонили люди. Дома все то же. Читал русские похабные сказки[8].

23 (четверг)

Был у Цим<мермана>; неудачно; до субботы: какой ужас! Был Юрочка и Гига, с последним поехал к нему. Был Мифик и Валечка, было скучно, хотелось домой. С<ергей> Ю<рьевич> сделал рисунок для «Примера», очень хорош[9]. Как я поеду, как я поеду! Был Кузнецов, ничего не сделавший, ездил со мною к Циммерману. Боже мой, Боже мой, что же я буду делать!?

24 (пятница)

Кажется, не выходил. Очень томлюсь и скучаю. Вечером были Тюнин и Коля. С<ергей> Ю<рьевич> меня утешал. Прислали книгу[10], был Гумилев, скучный. Вечером долго, долго сидели, читая мои стихи.

25 (суббота)

Отправлял книгу Всеволоду. Поехал к Циммерману, сердце у меня так и падало. Конечно, неудача. Что же мне делать? не могу же я не ехать ко Всеволоду! ужас, ужас. Написал отчаянное письмо Девет, может быть, она поможет. А я вчера так молился. На Полиц<ейском> мосту стоял Наумов в строю, хорош, но хуже Князева. Но я убит совершенно. Откуда денег? Писал песеньки[11]. Вечером выходили на минуту с С<ергеем> Ю<рьевичем> в москательную. Милый мальчик. Писал долго, но Рига, Рига, Рига!!

26 (воскресенье)

Девет ответила отказом[12]. Приехал Зайчик, трогательный, но я так расстроен, что просто ужас.

27 (понед<ельник>)

Девет обещала завтра, страшно таинственно. Звали сегодня, но у меня были Ракитин и Озаровский. Зайчик спорил до крика с С<ергеем> Ю<рьевичем>, так что у того заболела голова.

28 (вторник)

Зайчик звонил. Гуляли с О<льгой> А<фанасьевной> в Летнем. Был Сологуб, очень мил. Я назначил Зайчику рандеву в 8 ч. Был маленький Кузнецов, не теряющий надежду на получение денег. Вечером подрал к Зайцу; его не было дома. Зашел к Валечке, его только что переехали. Мил, куда-то пошел с Гигой, обещая зайти. На вокзале никого не встретил. Плелся по грязи домой. Зайчик все завтра устроит. Валечка зашел, играли в карты. Зайчик фасонничал.

29 (среда)

Утром выходил за вексельной бумагой. Собрал ноты и поехал в штаб. Зайчик устроил, но уговаривал ехать завтра[13]. Покупал разные вещи, был в театре[14]. Мило: бегает Студенцов, Смолич и др. Почтительны и милы. Маленький Кузнецов не пришел, но звонил Птифур. Гуляли с С<ергеем> Ю<рьевичем>, видели малютку, Васю, Гигу. Девет денег не достала, по-моему, и не ездила. Вечером С<ергей> Ю<рьевич> был мрачен и болен, Зайчик скучен. Господи! Скоро увижу Всеволода! Не спал всю ночь.

30 (четверг)

Был у Птифура. Брился. У нас были Аус и Гумми. Собирался при них. Еле написал музыку. Никто меня не провожал[15]. Зайчик привез цветы. Хотели посадить в купе с дамой. Скандалил. Не спал. Утром было чудное небо, темно-синее, подернутое серым, с желтою полосою на горизонте. Но, кажется, я видел это во сне.

31 (пятница)

Вс<еволод> встретил меня, несмотря на ранний час, милый, милый. Целый день мы ни на минуту не расставались. Остановился я было в «Impérial», и Вс<еволод> сказал, что будет у меня ночевать, но потом устроили соседнюю с ним комнату, открыв двери. Высокие старые дома, черепицы, узкие улицы или бульвары, немецкие вывески — все непривычно. Завтр<акали> или обедали у него, были у всенощной, в кинемо, ужинали в Верм<анском> парке. Он все еще болен, и даже сильно, но мил был бесконечно. Много говорили славного и важного. Какое счастье! Ночью он читал стихи свои и мои, но у нас все ползло одеяло и было холодно. О чем только мы не говорили. Но, мне кажется, он холодноват и начал обращаться как прежде или как Миллер, то есть часто меня гонять, выдумывая предлоги и дела.

Сентябрь

1 (суббота)

Отчего-то я грустен. Мне кажется, Всеволод не так мне рад. Переехал. Вс<еволод> был у доктора и сказал, что те дни, когда он там бывает, нельзя. Так как он думал, что это меня огорчит, то нашел, что я не в духе, и сам надулся. Брились, были в нелепом кафе, в собор пришли и ушли до начала. В кинемо и потом домой. Вс<еволод> ссорился с 2<-мя> извозчиками и одного побил и чуть не зарубил его, Тот бушевал целый час. Ужинали дома. Вс<еволод> читал Mendès, который ему нравится более, чем следует, потом Блока, усадив меня писать. Бездельничаю я страшно. Простился с ним я попросту. Разбилась банка с медом, и я наелся стекла, но думаю, что это ничего. Не знаю, как с деньгами.

2 (вторник)

Утром и вечером были в кинематографе. Все хорошо. Вс<еволод> был очень страстен и мил. Спать вместе ночь — это какое-то странствие по разнообразной и чудной стране любви. Обворожительно. И он, как 1001 ночь, прекрасен. Писал рассказ. Стихи писали вместе.

3 (понедельник)

Встал в чудном расположении, но Вс<еволод> был кисел, потом спорили немного. Он отчаивался в поэзии, во всем. Сказал, что я пошел в 1911 году в бани, тотчас после того, как он мне отдался, это гадость, а не любовь, вроде как в «Vie» Мопассана[1]. Долго читал ее, я же писал рассказ Но позвал меня, тем не менее

4 (вторник)

Собирались в церковь, но забыли. Ссорились; наконец, когда я сказал, что можно при любви иметь другого, Вс<еволод> объявил, что между нами все кончено. Ушел, я лежал и плакал. Зашел к нему. Объяснения. Хотел, чтобы все было по-старому, без любовной связи, потом — чтобы он отдавался, но сам не может. Я говорил, что надо расстаться. Он заплакал и сказал, по-моему, чтобы это было последний раз. С ним сделалась истерика. Потом как выздоровление. Читал ему вслух Franc'a одетым. Только бы он не читал дневника.

5 (среда)

Будто вновь впервые влюблены. Как давно. Приехал Гюгюс, привез книг, разговоры о литературе. Вс<еволод> был сама прелесть. И ночью, ночью как было хорошо. Это пылкая нежность и чистота. Утром прислали денег и разные письма из города. Господи, благослови!

6—18

Зная, что Всеволод свои упреки основывал на моем дневнике, я его спрятал и даже едва находил время писать его. Все это время было мирное любовное житье, лучше нельзя себе представить. Писали, читали, переводили. Были в Митаве, в гостинице, где останавливались Карамзин, Казанова и Калиостро, с чудной мебелью, старый дом[2]. Всев<олод> был мил, но опять прихворнул. С тех пор все хорошо, при Гюгюсе меня целует, обнимает. Вернулся полк и Кашин, ужасный какой-то. Письма от Брюсова[3]. Получили кой-какие деньги. Телеграмма от театра, где Оленька обещала аванс[4], но потом заглохли, так что на отъезд опять пришлось занимать. Всеволод нежен, предан и мил, мил, мил. Был опять Гюгюс, и даже два раза. Перечитали очень много. Служили молебен. Были в монастыре, где Вс<еволод> был влюблен в монахиню и куда ходить запретил ему командир. Господи, благодарю Тебя за все!

19 (среда)

Страшная вьюга. Всеволод ушел по делам. Отпуск дали только на неделю, денег достал. Я собирался. Всев<олод> заплакал и просил остаться до завтра. Потом решили сегодня. Как печально вечер. Все говорили о переводе. Думал, что он предложит побыть. Провож<ал> при луне. Ветер страшный; спал без подушки. Денег в обрез. Доктор обнадеж<ивал>, но, кажется, напрасно.

20 (четверг)

Снег. Дома безденежье. О<льга> А<фанасьевна> больна, оттого отсрочка. Задумали Венецию[5]. Был Гумилев, у него сын[6]

Чудовск<ий> женился[7]. Вечером Ол<енька> встала. Я был у Князевых, во Вс<еволодовой> комнате живет племянник-гимназист, будто он же прежде. Относительно судьбы Вс<еволода> не очень хорошо думают, но любезны. Снег так и идет.

21 (пятница)

Был Кузнецов. Обещал зайти обедать, но пропал. Звонил Гумилев, но я не поехал в «Jard<in> d'h<iver>»[8] и хорошо сделал, так как вернулся С<ергей> Ю<рьевич> со Щерб<аковым> и дело было решено[9]. Как много писать!

22 (суббота)

Миллер без устали звонил. Брился. Был Юрочка, не очень сердит. Заплатят р<ублей> 80. Долго ждал С<ергея> Ю<рьевича>, чтобы ехать в театр. Там был несчастный Миллер. Пьесы гадостные. Задаток дали. Пошли в «Палас», где была и вся компания. Скучно очень[10]. Мальчики упразднены. Сунулись в «Собаку», где оказался Василий из Териок. Я был пьян. Провожали нас Кузнецов и Позняков. Нехорошо. Были Ауслендеры днем, скучноватые.

23 (воскресенье)

Болит голова. Вышел обедать с Миллером. На репетицию не попал[11]. Были в Мариинской, где мальчишка приехал уже. Подверглись Зайчику и Коле. Старая история. Удив<ительно>, как у меня пропал всякий интерес к Миллеру. Были в кинемо, ныл. Я вернулся, С<ергей> Ю<рьевич> пропал в «Собаке». Я поиграл в карты и рано лег спать.

24 (понедельник)

Приходил Павлушка диктоваться. С<ергей> Ю<рьевич> очень путает мои планы форсировкой, это не совсем удобно. Погода чудная. Пришел Миллер, спросил С<ергея> Ю<рьевича>, обедал у нас. О<льга> А<фанасьевна> поехала в Гостиный с Верой, я же с С<ергеем> Ю<рьевичем> играли в карты. Потом он уехал в «Собаку», попросив его подождать, но вернулся в 11-м часу; погуляли и опять в «Собаку»; видел Василия, познакомился с кн. Мещерским, с которым я уже знакомился давно, у Контана, когда была свадьба Марины Гейден. С ним ужинали у Альбера. Потом С<ергей> Ю<рьевич> долго меня пилил.

25 (втори<ик>)

Был на репетиции. Был Ионин, Миллер, Кузнецов. Очень хорошо и волнующе. Возвращался с Юрьевым. Вечером был у Аусов, где был Дымов, Таиров и милый Ник<олай> Дм<итриевич>,

очень трогательный. Хорошо и печально как-то. По-моему, он несчастлив и все еще любит меня.

26 (среда)

Был где-то. Да, вечером были у Валечки; скучает; приехал Бакст, приезжает Дягилев; впрочем, все это было в пятницу, а в среду мы были в «Собаке» с Миллером; было скучно и тяжко достаточно, но ничего все-таки.

27 (четверг)

Миллер потребовал, чтобы я с ним обедал, поручился за него и т. д., а сам заложил пальто. Были у Альбера. Потом поехали к Потапенкам, где было ничего. У нас сидел уже jeune homme, скромный и довольно приличный. Позировал, мандил, discrètement* удивлялся, чего от него хотят. Просил, чтобы С<ергей> Ю<рьевич> его провожал, тот потащил и меня. Долго бродили. Он ничего себе.

28 (пятница)

Был у Потемкиных. Там мрачно и угнетенно. Сидит Чиж. Зашел на Вознесенский, но так себе, без особенного аппетита. Вечером не помню, что было. Кажется, поздно ночью попали в «Собаку», где никого не было.

29 (суббота)

Сегодня последний день. Денег не шлют. Не знаю, что и думать. Вечером пришли капитаны и сказали, что можно переписать[12]. Правил корректуры. Вечером были в «Собаке», где было не очень плохо, даже весело. Ник. Дм. Кузнецов был очень мил, так же, как и Ауслендер. С<ергей> Ю<рьевич> денег не достал. Я веселился, не зная, что будет завтра. Да, утром был у Юрочки, тихо, мирно, отн<осительно> денег — только во вторник.

30 (воскресенье)

Сегодня знаменательный день, приехал Всеволод, и я расстался с ним навсегда. Это было ужасно, как кошмар, тем более что у нас были Сологубы, Коля и Иванов. Опять снова начинать жизнь, а силы уж не те с каждым разом. Он упрям, жесток и не чуток, говорит разное в разные минуты.

* Скромно *(франц.)*

Октябрь

1 (понедельник)

Еле хожу, милы<й> С<ергей> Ю<рьевич> ободряет меня. О<льга> А<фанасьевна> избегает. Поехали кое-как к Альберу, где нас ждал Кульбин, потом в «Собаку»[1]. Кузьмин-Караваев в форме, растравлял мои раны, звеня шпорами.

2 (вторн<ик>)*

3 (среда)

4 (четверг)

5 (пятница)

Что было? денег нет.

6 (суббота)[2]

7 (воскресенье)

8 (понед<ельник>)

9 (вторник)

Миллер был капризен, тянул обедать к Потапенкам и т. п. Пришел Потемкин. С<ергей> Ю<рьевич> спал до 2 часов. Миллер скоро вернулся, изнывал и злился. Прислали Василия из «Собаки», он жеманничал и улыбался, потом пришел Таиров насчет пьесы[3], Женя Зноско. Маковский как-то странно поступает. Торопился в Мариинск<ую>. Зайчик уже ждал меня час, и Сережа тоже. Кокетничал с мальчишками, моего отослали в кабинеты. Пошли в кинематограф. Купили винограду и орехов. Дома С<ергей> Ю<рьевич> убежал в «Собаку», играли в мельники, мечтали. Сережа был мил, но сам ничего.

2–18

Опять большой промежуток. О Князеве ни слова. Оленька прихварывает. С<ергей> Ю<рьевич> то мил, то мрачен, то домашен, то лиричен, денег не хватает. Миллер почти живет у нас, нервничает и любит. Шварсалон присылал с вызовом Скалдина и Залеманова, с ними шумел Судейкин и отослал их[4]. Говорит, что

* Листки под выставленными заранее датами 2–4-го, 6–8-го октября не заполнены

все против меня, но я пошел, позвонил к Сологубам, где все друзья Иванова были очень милы со мною. Скучно мне чрезвычайно. Не знаю отчего. Уехать бы!

16 (вторник)

Приехала сестра утром. Раньше ее был Сережа, разбудив меня. Ленюсь я невероятно. Вышли все вместе. В банке Сережа взял у меня денег. Скользко. Ждал наших в сквере, где по снегу бродили дети с боннами. Обедали у Неменчинского. Все-таки проехал к Дмитрию. Вечером был в Лит<ейном> театре[5] и потом с Сережей ужинал у Палкина, где истратил все деньги; ночевал он у нас, на одной постели, и был даже предприимчив. Страшно долго не писал, живу в каком-то полусонном колесе. Миллер опять без комнаты, и меня удручает это. Все мне надоело. Долг заплатил, взявши из «Нивы» аванс. Что еще. Пишу без памяти музыку. Мало работаю.

28 (понед<ельник>)

Брился. Писал музыку. С<ергей> Ю<рьевич> после Нарбута был мил и весел, но вечером закатился в театр и даже никуда меня не вызвал. О<льга> А<фанасьевна> поехала к Трояновой. А мы скучали дома. Был Petitfour, выпивший и грустный. О<льга> А<фанасьевна> рассказывала, как они катались. Легли довольно рано спать.

Ноябрь

18 (воскресенье)

Я никак не думал, что и этот год будет с такими пропусками. Единственное средство поправить дело: писать как ни в чем не бывало. С<ергей> Ю<рьевич> разбудил меня рано. Провожал его пешком в театр. Прислали чек. Был Ауслендер. Перед тем как пойти в мастерскую, купил конфет Маргаритову, как обещал. Наверху были, кроме Израилевича и князя, Пронин и Олет, ели устрицы и пили Шабли. Обедал в Мариин<ской>, потом прошелся по Невскому и, встретив маленького Ваню, поехал в баню. Нежное тельце, но не интересно. В театре было скучновато и смутно. Был Коля, пошли было с ним домой, но С<ергей> Ю<рьевич> утащил меня на совещание в «Собаку». Quelle corvée! Дома ссорятся. Деньги С<ергей> Ю<рьевич> все куда-то тратит, девки воруют, встаем поздно, ничего не делаю. Но, Бог даст, все наладится. Кажется, Миллер отстал, и то хлеб. Мелкие <*нрзб.*> меня захламляют.

19 (понедельник)

Чудный день. С<ергей> Ю<рьевич> вышел со мною в банк. Купил белья. Завтракал у Дмитрия. Потом в «Рус<скую> мысль»; мало[1]; встретил Ивойлова, Аничков на моей стороне[2]. Вечером пришел Миллер и умолял меня не ехать, а поехать с ним в Мариинскую; были не в кабинете, я злился, что Ан...* не было. Пошли в «Jardin»[3], где от нас всё убирали мальчишку, а мы скандалили. Попали еще в «Собаку», где был и С<ергей> Ю<рьевич>, Лерский, <*нрзб.*>, Кульбин etc[4]. Ночевал Миллер у меня, <*нрзб.*>, ничего не вышло.

20 (вторник)

Денег ни копья. Встал не так поздно. Пока был у Сережи, Миллер ушел, оставив записку, что он уезжает в Петергоф. Что делал вечером, не помню решительно. Будто где-то был.

21 (среда)

Встал, конечно, поздно. Вечером с С<ергеем> Ю<рьевичем> поехал в театр. Писал там стихи[5]. Был князь и младший Миклашевский. Поехали в «Собаку»; был Женя, тоже говорит о театре. Пав<ел> Ант<онович> определенно тетизирует. Были девы, но мальчики не приехали. Маргаритов наелся луку, а Вреден так не поехал. Было не плохо, хотя я, кажется, даже поцеловал Лидочку. Князь напился и был мил.

*22 (четверг)***

23 (пятница)

Поехал в 5 ч. к Рейнеке. Литейщики не приехали. Наелись petits-four'ов, смотрели декорации. Вечером был в театре[6]. Щербаков торчал все время в уборной, нарочно. Марг<аритов> очень мил, удержал до конца, но поехали домой тотчас. С<ергей> Ю<рьевич> встал, и долго еще болтали: как скучно!

24 (суббота)

Встал очень поздно, когда уже стемнело. Все в той же прострации. С<ергей> Ю<рьевич> отдыхает. Его сон, постоянное возбужденное хвастовство в эрот<ическом> отношении и жалобы меня несколько изводят. Звонила бедная Девет и Миллер, прося записки к Кругликову. Никуда не выходил и не брился. Как я гадок са-

---

* Имя лакея не дописано

** Листок под числом оставлен пустым. Далее Кузмин путается в датах и днях недели, что исправляется без оговорок

мому себе. С балетом прямо скандал[7]. Был Мещерский и Израилевич, с которыми и поехал на верхушку. Ужинали без вина в «Вене», Дмитрий проходил и кланялся. Решительно не знаю, как быть. Миллер говорил, что Туся зовет завтра обедать, но сама она не звонила. Нужно пойти еще к Пав<лу> Ант<оновичу> завтра. Хожу в дырявых сапогах и ободрался, как хам. Что делать? Ни любви, ни эмоций <?>, ни денег, ни работы — ничего. Только скука да разговоры.

25 (воскресенье)

Приходил Миллер, жаловался, потом зашел, чтобы обедать у баронессы. На Петербургскую не поехали. Вернулся домой, зашел Мещерский, все поехали в «Собаку». Там были цеховщики, Трубников etc. Мальчики приехали поздно. Я, кажется, ухаживал за Владимировым, и Марг<аритов> обиделся, пускай. Паллада жалка и трогательна. Миллер хотел ехать ко мне, но просил для этого остаться еще.

25 (воскресенье)*

Встал поздно. Приехал Израилевич, привез розы Оленьке. Были Юрочка и Лаврентьев. Заезжал Мгебров и Мещерский, чтобы кататься. Только что собрались ехать с Jacqu'ом, как является сам Пим. Посидели дома, вот и все; мальчики обиделись.

26 (понед<ельник>)

Что было? болит голова. Был Шпильберг и Кузнецов: как все мне подражают! до смешного. Барышни пили у нас чай. Поехали в театр. Там теснота, костюмы дивные и сидят два писарька милые. Мальчики любезны. Припер Щербак, и его ошельмовал С<ергей> Ю<рьевич>. Дома болела голова. Заехал к нам князь, я заснул.

Декабрь

8 (суббота)

Опять большой пробел. «Изнанка жизни», дружба с театром Рейнеке, оскорбление, которое нанес мне этот кретин Шварсалон, дружба с Нагродской[1]. Бездействие, безденежье, собаки, несчастный, бездомный Миллер — все осталось как-то не запечатлено. Сегодня я должен был пойти в Александринку, но не поспел переписать нот, <как явился> посланный оттуда, страшная обида[2]. Приехали мальчики с собачками. Маргаритов страшно мил и не-

* Дата и день недели повторены дважды

жен. Мрачный Миллер приплелся. Юрочка приехал и ругал меня на все корки. Ал. Ник. Чебот<аревская> трепещет во главе со всеми мироносицами, только боюсь, как бы Миллер чего не напортил[3]. Отправ<ились> только в «Собаку», насилу нашли место[4]; бароны и графы суховаты, Городецкая экспансивна*, Нагродская утешительна, вроде Зинаиды Венгеровой, был Руманов, мальчики не приехали, Паллада также. Миллер поехал к нам.

9 (воскресенье)

Не пошел на репетицию[5]. Прилетел Юрочка, страшно ругаясь. Ходил к Птифуру, у них какие-то скандалы. Нагродская прислала духи. Без меня были Валечка и Гига. Вечером пришел Зайчик, о котором О<льга> А<фанасьевна> расск<азывала> ужасные вещи. Сидели у меня долго и очень хорошо. С<ергей> Ю<рьевич> с утра уехал и до ночи не приезжал, так что мы думали, не уехал ли он в Москву; дров опять нет. Телеф<онировал> Миллер, пугая и интригуя. Остался. Притащил вина, жалкий fantoche**.

10 (понед<ельник>)

Был в театре; кажется не очень-то понравилась моя музычка[6]. Юрочка расстроился. Поехал к Нагродской. Встр<етил> Гюнтера, Лукомского и Анненкову-Бернар. Последняя тащила меня в какой-то подъезд, чтобы я писал какому-нибудь московскому миллионеру. Завтракали не плохо, беседовали. Пришел Гюгюс, много говорил о Всеволоде, который ему признавался в письмах и во всем. Какая горечь! и он тверд в своем решении. Что ж делать. Приплелся и Миллер. Гюнтер развивал имбирийские планы Судей<кину>. Потом решили ехать к Альберу. Вышла теснота из-за того, что я не взял нот в ресторан. Потом прошли в «Собаку», где были разн<ые> люди. Сидел со Сталем. Иванов изнывал около.

11 (вторник)

Что днем было, не помню; пришел Гюгюс, девы, Бобиш, Израилевич. Поймали князя и отпр<авились> к Альберу, где играли Pavane из «Изнанки». Дома сидели очень долго. Говорил С<ергей> Ю<рьевич> насчет Князева.

12 (среда)

Приехала сестра с зятем, был Гюгюс, Jacquot, Коля, еще кто-то. В конце концов отправились в «Собаку», где было скучно, пела Ратмирова.

---

* У Кузмина — экпансивна

** Кукла, марионетка (*франц.*).

13 (четверг)

Встал поздно. Был князь. С Оленькой поехал к Рейнеке, где были девы. Познакомился с Федей. Был Бобиш. Девы потянули в «Вену», заехавши в Литейный. Взяли мальчиков. Я ехал с Маргаритовым, остальные в авто. Сплетни про Гюнтера и ревность. В «Вене» сидели у Дмитрия, мило, хотя рассуждения были серые и заматерели. Дома застали Гюгюса, говорили о масонах и религии.

14 (пятница)

Встал не очень поздно. Пришел Миллер несчастный, потом милый князь, всегда бодрый и бодрящий. Встал и Пимочка, под «бибэ», О<льга> А<фанасьевна> куда-то упорхнула. Ели втроем. С<ергей> Ю<рьевич> отправился к Кассандре, я же к сестре. Ужасная даль. Там сидели по-домашнему. Дома Вера разрезала руку, и мы лечили ее. Приехал Гюнтер от гр. Орловой, планы на Рейнеке. Пимоч<ка> пессимистически смотрит. Сидел долго. Ни к генералу, ни к Альберу, где был князь, не поехали.

15 (суббота)

Пришел Беленсон и Сталь, первый огорчился, зачем пришел второй, второй был мил и почтителен. Так как обещал Гюнтеру, то вышел бриться вместе со Сталем, но Гюгюса не застал. Пришлось гулять до Нагродской. Обедал, беседовал; ее трудно не обидеть, так как она думает, что я снисхожу. Проехал домой; у нас были Гюгюс, Израилевич и Коля. Поехали в «Собаку», там было как во сне. Губительны они все-таки. Мальчиков не было. Миллер ночевал у меня, было тепло и жалко.

16 (воскресенье)

Спал чуть не до 7 часов. Проспал репетиции[7], Лобачевского, князя, моск<овского> лицеиста Бартенева, которого прислал Брюсов[8]. Встал с головною болью и злой. Пришел Миллер, спал на кушетке. Я играл гавоты, О<льга> А<фанасьевна> шила костюм, а днем было солнце и мороз. Миллер и сегодня у нас. Бедняга он, но что же делать? Завтра встану рано.

17 (понедельник)

Встал очень рано. Вышел бриться, заехал к Гюнтеру, поднял его и завтракали вместе. Да, заезжали еще в Публ<ичную> библ<иотеку> продавать два письма Александра I и Марьи Федоровны. Потом я поехал к Прохоровой[9]. Юрочки не было, ни аккомпаниат<ора>, но <был> Надеждин. По-моему, поставил скучно, но дамы очень милы. Дома еще все спали. Приехала О<льга> А<фанасьевна>. Есипович и Бобиш ставят свой балет. Бобиш очень талант-

лив, по-мужски. Потом приехал Израилевич, Цыбульский, Коля, Гюгюс; С<ергей> Ю<рьевич> все не вставал; наконец, уехал с Цыбульским к Гревсу. Яшенька остался у нас, умоляют спасать сегодня «Собаку». Пошли к Израилевичу, пили чай, он очень мил. В «Цех» я не поехал. Заезжали еще в «Regin'у». Лифтовщик отпустил как-то усы себе. Приехали в «Соб<аку>» рано, никого еще не было, всё убирали. Миллер тотчас удалился. Приехали наши и Эпштейны. Сидел я с Мещерским, Толстым и еще с кем-то. Литейщики меня окружили. Цеховики читали стихи, кто-то играл, я пел[10]. Горничная поминутно била посуду, Василий ухмылялся. Наденька была нежна. Провожал меня Сталь: он полоумный какой-то. Георгий Иванов все умирает. С<ергей> Ю<рьевич> вернулся значительно позднее, по-моему.

18 (вторник)

Миллер меня разбудил, прося дать костюм, заложить. Опухший и красный, он теперь всегда пьян, по-моему. Торопился к Чичериным; тихо, мирно: дети, приживалки, ноты. Обедать поехал в Мариинскую, чтобы видеть мальчуганов. Прошелся по Невскому, вернулся. С<ергей> Ю<рьевич> еще спал. Билет от Прохоровой[11]. Юрочка еще звонил, значит не сердится. Приезжала Мозалевская почему-то, думая меня похитить к мужу, но я должен был ехать к Е<вдокии> А<поллоновне>, почему-то сегодня все фигурировала горничная. Е<вдокия> А<поллоновна> очень дружественна, мила и предупредительна, но не грозит ли это и временем, и другой опасностью. Ей хотелось бы, чтобы ее муж в меня влюбился, — вот смешная идея. Предложила: за Rimbaud плачу вперед, сама заехать и т. д.[12] Планы о цирке, кутеже. Почему-то зашел еще к Альберу, где было очень скучно. К Гюнтеру не попал. Дома С<ергей> Ю<рьевич> еще писал, Вера толстая сидела с ним. Вернулись с концерта О<льга> А<фанасьевна> и Верка. Вызывали Судейкина, но и наш № успех имел.

19 (среда)

Что было? Вечером собрались ко мне Геркен, Мозалевский и Бартенев. Геркен оказался очень милым, но не другие. Беседовали; был и Израилевич. Потом с Герк<еном> и Мозал<евским> поехали к Альберу, где сидели в кабинете. Играли Pavane. Попали в «Собаку», где был Мещерский и много лиц[13]. Провожал меня Геркен. Рассказывал про в. кн. Дмитр<ия> Павл<овича>, Орлова, Сумарокова. Похож на Зайчика. Миллер ко мне приехал ночевать, но все было невинно. Да, два раза был у больного Гюнтера, к которому прибыл зять.

20 (четверг)

Встал рано. Миллера выставили. Приехала Нагродская на ауто, отвезла меня к Юрочке. Там пообедал, хотя хотелось в Мариинскую. Потом поех<ал> на Вознесенский. Дмитрий очень испортился и хочет идти на бухгалтерские курсы. Дома застал Израилевича, но князь не пришел, был только Гюгюс. О<льга> А<фанасьевна> исчезает с Князевым и не скрывает этого даже от меня. Долго сидел еще с С<ергеем> Ю<рьевичем>. Сегодня приносили деньги от Полякова.

21 (пятница)

С утра принесли денег[14]. Покупал, заказывал разные вещи, завтракал у Альбера с Гюгюсом и Эриком. Потом заезжал к ним. Там много милых boy'ев. Потом они приехали к нам. Посидели симпатично. Ездил за покупками с С<ергеем> Ю<рьевичем>. Ульян пришлет своего племянника работать ко мне, это приятно. Вечером был Мещерский, Киреев, девочки и несчастный Миллер. Оленька просила через С<ергея> Ю<рьевича> передать, что Князев хочет помириться, но без главного условия. Я очень расстроился этим обстоятельством и бестактностью Всеволода. К тому же Миллер получил письмо от Шварсалона с разными угрозами и по моему адресу. Так что мне было даже тягостно, что гости у меня сидели так долго. Несчастный Миллер ночевал у нас, но вполне невинно.

22 (суббота)

Встал рано, сидел с С<ергеем> Ю<рьевичем>, потом Миллер с нами. Было дружно. Поехал за бумагой. Миллеришка увязался, думая сорвать с меня немного и успев в этом. Завтракали в «Вене». Ко мне пришел новый писец, он мне нравится и хорошо, что я начал писать. Il faut revenir aux douces habitudes*. Сидел у нас Израилевич. Оленька пропадала на свиданьи. Поехали к Сологубам. Там холодновато. О. М. Мейерхольд даже не подала мне руки. Откуда мне сие? Утешали Валечка и капитаны. Щеголев читал вновь найденный рассказ Пушкина, где ничего пушкинского не было, я совсем засыпал[15]. Насилу вырвались, чтобы поехать в «Собаку», привезли и Зайчика. Было много народа, сидели с Аусами, очень хорошо. Была Нагродская, но к ней было не добраться. Литейные мальчики обиженно заседали. Подлетал ко мне Сысоев. С Миллером обошелся сурово и не позвал его к нам. С Зайчиком нежно вели себя. Валечка рассказыв<ал>, что Дмитрия с Гагаринской похитил маленький Костя и отдал в школу шоферов.

---

* Нужно вернуться к милым привычкам *(франц.)*

23 (воскресенье)

Разбудил меня писец. Он очень мил, так что жалко пропускать его сеансы как одну из приятностей. Обедала у нас Стафьярова, теперь мне неприятно видеть Оленьку почему-то. Судейкин расстроен и убит. Обедал у Нагродской уютно и хорошо. Если бы не ее подозрительность, она была бы отличным другом. Служил Стасик, он все-таки так себе, не очень годится. Приезжала ее дочь с мужем перед концертом. Чтение было обычно. Дома еще не спали. Да, у Е<вдокии> А<поллоновны> был ее корреспондент, очень интересно о нем рассказывает, ко мне, что ли, его прислать?

24 (понедельник)

Купил свечей, завтракали в Мариинской. Там мальчишки ревнуются, но очень хорошо. С<ергей> Ю<рьевич> встал очень рано. От елки я отказался, не знаю почему. О<льга> А<фанасьевна> все на «репетициях». Гриша писал в столовой, так как нас выгоняли полотеры. Тут же обедала О<льга> А<фанасьевна>, говоря все про Князева. С<ергей> Ю<рьевич> нервится, ничего не может поделать, хочет уехать от психологий и берет вновь с меня клятву не писать о нем и его жене в дневнике. Я прилег и видел кошмары. Тут пришел бедняга Миллер и остался у нас.

25 (вторник)

Поехал к сестре. Серая без дождя погода, пустые улицы-аллеи Петербургс<кой> стороны чем-то были необычайны[16]. Там удивились. Завтра у них елка. Мирно сидели, собираясь к Эпштейн. Зайчика я уже не застал. От Эпштейн <меня> вызвонили. Поехал туда, там было не так плохо и даже уютно. Юра и Коля утешительны, хотя первый очень постарел и подурнел. Наденька очень ластится.

26 (среда)

Приехав к Нагродской, был похищен ею обедать, к «Медведю» в кабинет. Потом катались; я загадал, что если служить будет Стась, все будет хорошо, но служила горничная. Говорили откров<енно> и очень дружески, играл «St-e Nitouche»[17] Поехал в «Собаку», трепеща увидеть там Всеволода. Ауслендеры, Гребенщиков, Таиров и Жак меня охраняли. Князев вел себя по-блядски, чуть было не хотел устроиться в той же комнате. Впрочем, Оленька этого хотела, а он настолько не потерял еще стыда. Мальчиков не видал, не пел, рано сравнительно уехал с Аусами. Бобиш привел каких-то правоведов, довольно страшных. Чувство к Князеву как-то пропало и заменилось другим, не весьма приятным. И потом, я вовсе не хочу сводничать их счастью. Днем был Женя, Сталь и несчастный Миллер.

27 (четверг)

Отказался от Кульбина и Царского. Был у Жени, где были разные родственники. Сидел дома, кажется, на «Изнанку» не пойдя. Вечером не помню, что делали.

28 (пятница)

Работал. Утром была сестра. Злюсь на девок без конца. Поехали к Полонским. Был кн. Мещерский и Жак. У Полонских испугались сметы Судейкина[18]. Поехали в «Собаку», играл с виолончелью, мандил с Василием, уехал не поздно.

29 (суббота)

Выходил только бриться. Все засыпаю; диктовался с Григорием, он ничего себе; Давингоф просит романсы издать сабининские[19]. Был Жак, тащил на скэтинг зубами щелкать, но я остался, даже не пойдя в «Собаку», зная хотя там Мещерского. О<льга> А<фанасьевна> тоже была дома: все шила; теперь мне очень тяжело с нею. Стоит кому-либо показаться, как она уже подкатывается, едва ли не вплоть до Миллера.

30 (воскресенье)

Был милый и мирный Ауслендер. Утро проболтал с Судейкиным. Обедал у Е<вдокии> А<поллоновны>, Стасик очень любезен, только не смотрит вверх. Утром был Крашенин<ников?> и какой-то учитель из Ростова-н<а>-Д<ону>. Вечером играл «La Pericholle»[20]. Дома никого не было, вплоть до обеих Вер. Очень не хочется завтра в «Собаку», тем более что денег ни гроша.

31 (понедельник)

Что же было? Ходил к Давингофу. Любезно и бестолково семенит, водил и вниз, показывать магазин. Взял и деньги дал; обедал в пустынной Мариинской. У Зносок были удручающие девочки Машковы, но так было славно. Антон одет уже в курточку и тихонько и ловко служит. Я люблю бывать в тех домах, где мужская прислуга. Играли в карты. Поехали к нашим, где все уснули и было скучно. Потом в «Собаку». Долго читали отчеты. Всеволод был тотчас же от О<льги> А<фанасьевны>. Миллера не пустили. Пил такую смесь, что заболела голова. Белкин для меня нарисовал пэдэрастическое панно. Было не очень плохо[21]. Вот новый год.

1913

Январь

1 (вторник)

Проспал до вечера. Жак привел какую-то жидовину, которая молчала и строила дуру. Зачем было это появление, никому не известно. Поехали в «Jardin»[1], Василий «ходил по задам» и нас избегал, видимо. Был там Щербак, Бобиш и др. Чувствую себя очень хорошо, хотя деньги и трачу. Жалко, что не довелось вчера быть у Е<вдокии> А<поллоновны>.

2 (среда)

Завтракал у Сергея, потом почему-то пошел на Фон<арную>; банщик был очень, очень мил, но хотел спать, почти валясь с ног. Писался дома, обедал у Кульбина, где был Евреинов и Бутк<овская?>. Кульбины трогательны, мне нравится идеальность их любви к искусству. Потом поехал на Мойку[2]. Целый цветник дам и девиц, Сысоев, Колесников и Мешинг. Я чувствовал себя очень близким Е<вдокии А<поллоновне> и В<ладимиру> А<дольфовичу> почему-то. Стась облекся в пиджак и тоже был трогателен. В «Собаку» не поехал.

3 (четверг)

Прощался Мещерский; были Сталь, Сазонов, Миклаш<евский>, Жак, Луцевич; писался. Вчера у «Собаки» была форм<енная> драка. Для «Вертепа» достал певчих[3]. В Мих<айловский> театр не пошел, рано лег спать[4].

4 (пятница)

Был на репетиции. Обедал на Мойке. Вечером что было, не помню.

5 (суббота)

Что было, не помню. Поздно вечером была репетиция. Выставили Жака, я сидел не долго.

6 (воскресенье)

Обедал у Нагродской. Кажется, так; представление вышло очень, очень хорошо: серьезно, трогательно и настояще[5]. Был Дягилев. Чего-то язвил. Я сидел с ними и с нашими. Е<вдокия> А<поллоновна> нервила, уехал я со Сталем. Днем была еще репетиция.

7 (понедельник)

Сегодня была огромная сцена, наша жизнь невыносима от женщин, нельзя взять лакея из-за Вер, ни любовника из-за О<льги> А<фанасьевны>. Вечером приехал Жак, и я с ним ужинал у Альбера, он обижается на Сереженьку. А тот дома помирился: вот вам и бегство в Царское.

8 (вторн<ик>)

Болела голова. Были капитаны. Е<вдокия> А<поллоновна> заехала за мною. Болела голова страшно. Приехал рано-рано и лег спать. Наши мужчины были в «Собаке», а девы сидели у нас, но я спал.

9 (среда)

Был у Циммермана; многое хочет издавать. Хотел «Дитю» и «Pavane» тотчас же купить[6]. Завтр<акал> в «Вене», но вернулся домой. Отдал С<ергею> Ю<рьевичу>. Сергей Павл<ович> был. Обедал у Туси, там был Ясный и Дина. В театре Рейнеке много было знакомых, но музыка играет из рук вон[7]. Были офицеры, которые были и у нас. В «Собаку» я со Сталем приехали первыми, было скучновато, и я рано уехал, хотя мне понравился бар<он> Мейендорф. Уехал, даже не дождавшись Сталя.

10 (четв<ерг>)

Был Сталь, простился, бедный мальчик. Обедал у Сергея, поехал на Фонарную, было так себе. Дома звонил к Нагродской, что не поеду завтра. Звала. Наверху были Кузн<ецов> и Уткин, но поехал. Там были Ротины и Мешинг, Е<вдокия> А<поллоновна> была в нервах. Вздумали кататься, вытащили и Вл<адимира> Ад<ольфо-

вича>. Долго их ждали у Гостиного. Проехались и вернулись. Дома сидела Стафьярова, потом пошли к С<ергею> Ю<рьевичу> и както сливались в темноте, но было неловко и не особенно приятно.

11 (пятн<ица>)

Утром были Коля Петер с Миклашевским, насчет Пруткова[8], Гранди о подписях к его рисункам[9]. Решил в Петергоф не ехать. Звонил Миллер; завтракал с ним у Кузнецова. Он собирается выгодно на год жениться. Вечером сидели дома, был Жак, и спорили, имеет ли запах малафья. Поздно играли в мельнички.

12 (суббота)

Почему-то встали в чудном духе. Ходил бриться с С<ергеем> Ю<рьевичем>, он был под «бибэ». Потом он ушел в «Собаку»[10]. Приходил Гранди, но я его не принял. Во время диктовки приплелся Гумми, обиженный на что-то страшно. Заехала Е<вдокия> А<поллоновна>. Клокачева — милая толстушка, слишком старо и академично то, что она делает, едва ли очень талантлива, но так очень мила. Видел портрет Арбузова, хоть бы его она позвала. Звонили Ротины, зовя к Альберу. Когда мы ехали туда, раздавили женщину, нас высадили, а ее, посадив, отправили в участок. У Альбера было не очень плохо, хотя там даже единственного приличного швейцара упразднили. Дома никого не было.

Март

3 (воскресенье)

Никак не налажусь с писаньем; самая тесная дружба с Нагродскими, любовь к Юркуну, отъезд от Судейкиных, — вот все, что произошло. Явился Антоний по делам, торжественный и благосклонный. У Жака телефон не действует. Явился Кузнецов, потом Жак. Звонит почему-то Миллер, хотя заехать. Притащил цветов, вина и фруктов, как у шулера все равно. Звонил Наденьке. Кузнецов говорил, что я очень молод, и просил поцеловать меня. Юрочка пришел поздно. С<ергей> В<ладимирович> благодарил меня за Юркуна, ликует, что я уехал от Судейкиных и т. д., и, в довершение всего, взял № в моем коридоре. Не сулит это добра. Говорит, что много получает, одет ободранцем, возвращается на службу. Поехали к Евд<окии> Апол<лоновне>. Юркун заезжал еще домой. После обеда почему-то уехал до 10 ч. Днем был в том же доме, где Зноски, причем видно пальто Вл<адимира> Ад<ольфовича>. Ça donne à penser. Я играл «Manon», потом читал Regn<i>er. Евд<окия> Ап<оллоновна> целовала мою руку. Юркун все не шел.

11 часов. ..... чай. .....* — «Вот и 11 часов». Гнев. Явился, спал дома. Долго говорили о жизни в Париже. Шли пешком, дружно и мирно говоря. Отвез его домой. Дома записка от Сережи: «Дома. Жду». Зашел. Не заперто. Спит. Горит лампа. Побудил. Оставил цветок на столике и ушел к себе.

4 (понедельник)

Как сделается Юрочкин, не знаю, он сам что-то не особенно беспокоится. Обедали на Мойке. Звонок от général'a: даст сегодня: благодарение Создателю! Так рад, что Юрочка устроит это дело. Он ушел скоро, чтобы получить от барона 25 р. Я объяснился и помирился с Евд<окией> Ап<оллоновной>, все хорошо. Поехал к генералу, тот делал тщетные попытки меня изнасиловать, но деньги дал. Лечу домой. Юрочка уже сидит, читает «Покойницу»[1]. Отдал; он заплатил, милый мальчик, и побыл со мною. Потом поехали к Альберу. Были сатириконцы и Щербак с Тэффи. Последние милы, пили за нас. У Потемкина очень плохи дела, долг я ему простил. Юрочка, радость моя, был мил и очарователен. Дал ему и на дорогу. Да, был Коля днем.

5 (вторник)

Утром приплелся Миллер, просил денег, Коля тоже просил денег. Юрочкин купил билеты и чемодан; сапоги в Walk магазине[2] купил ему Есеев. Посидел и ушел спать. У меня были Кожебаткин и Жак. Заехал за Юркун<ом>, он спал, и рядом Гр. Гр., вскочивший горошком. Почему я не ревную? Не знаю. Заезжали в «Ниву»; Евд<окия> Ап<оллоновна> в лучшем духе; много работает, молодец. После обеда Юрочка все егозил домой из кинематографа, куда мы поехали вчетвером. Заходили пить чай к Филиппову, покупали папиросы и провизию. Бедненький. Гр. Гр. не было, к счастью, дома. Барон прислал 3 рубля, которые Юрочка предлагал даже мне. Поехали. Едет курьерск<им>, но в 3-м <классе>, всё проводники и жандармы рядом. Робок и мил, жалкий и прелестн<ый> мальчик. Пришел и Есеев, долго кланялся. Дал мне розу, поцеловав ее со слезами. Шел пешком со старцем, говоря о Юрочке как о нашем дите. У Кожебаткина во всю длину лежал Потемкин, по коридору бродит гимназист, скучая. Мальчишки кланяются. Пришел Жак без денег. Поплелись все-таки в «Малый Ярославец». Сашенька говорил о том, как они в 1905 г. прокутили 1800<?> р. Милый Юркунчик мой, бедный и скромный! Ехал с Жаком. Письмо от Гюнтера, полное планов, он — мечтатель![3]

* Две с половиной строки, по-видимому, с репликой Е А Нагродской, густо зачеркнуты.

6 (среда)

Спал не плохо. Антоний не зашел. Звонили разные люди. Встал позднее. Брился. Поехал в светлый день на Мойку. Беспокоился. Был издатель, дал мало, об издании ни гу-гу[4]. Играл «Faust»[5], шел домой. Ясно. Из «Нивы» «Покойницу» вернули, что буду делать, не знаю, решительно не знаю[6]. Юрочка еще не пишет. Читал о Grillparzer'е и Platen'е. Нужно писать и читать и не вешать носа.

7 (четверг)

Чудный день. Хотел прийти Ауслендер. Зашел к Чичериным. Дети успокаивают своими маленькими интересами. Играли «Barbier von Bagdad» Cornelius'a[7], рассуждая о моей музыкальной карьере, будто мне 17 л<ет>, а не 40. Сережа уже ждал меня. Жак телефонил, что хочет взять билеты в Табарен[8] и приехать к Сашеньке с ними. Пошли на Невск<ий>, зашли к Кокоше Кузнецову, опять воспоминание старого и недра. Обедал у Сергея; завтра приезжает Дмитрий. У Кожебаткина была дама, кончавшая обедать. Жак билетов не достал. Пошли в кинемо, встретили Судейкина, опять говорившего какую-то тесноту и интриги. В кинемо трогательная братская драма. Поплелись зачем-то в «Jardin»[9]. Вас<илий> так демонстративно не глядел на меня, что я обратился даже к посредничеству карлика, но и это не помогло. Дома милое, неоцененное письмо от Юрочки.

8 (пятница)

Болела голова. Антоний кормил меня цитрамоном и говорил что-то. Вдруг приезжает Юрочка, милый, милый. Завтракали у Сергея; потом заехал спать; приех<ал> в 8 ч вместо 6. Был Жак. Вместе на Мойку. Юрочка все юлил ехать поесть и ко мне, но поел у Евд<окии> Ап<оллоновны>, был у меня, прелестный дружок.

9 (суббота)

Юрочка опоздал. Заезжаю к нему: дома и уже выходил. Я надулся. Поех<али> в «Регину», потом обедать, что-то ему не нравится на Мойке, сбежали в цирк, был Бредихин там в борцах[10]. В «Собаку». Было неплохо, но Юрочка капризничал, торопя домой, и поехал ко мне; был *не* в духе, и прежняя история с «положением», протесты против Нагродской и т. д., но остался и смягчился. Говорил, что едет в Лесное на 3 дня, женится и т. д. Получает таинств<енные> телеграммы.

10 (воскресенье)

Решил ждать до 3-х, потом уйти Юркун не пришел. Кожебаткина встретил, идет на кустарную выставку[11], обед подтвер-

дил. Сердце не вытерпело: поехал в «Бояр». Юрочка лежит одетый и печальный. Был у меня, зовут все в Киев, нужно 10 р. сегодня. Едет в Лесное. Я был суховат, но люблю его безумно. Поехали в «Вену», взял у Саши 10 р., дал Юрочке, который уехал, написав мне нежную цидулку. Говорил с Евд<окией> Аполл<оновной>. Печальны все-таки эти тайны.

11 (понедельник)

Встал очень поздно: долго не мог заснуть. Жак не зашел. У Сашеньки был он и обещал в 5 ½, потом звонит, что к 8. Да, заходил к Кузнецову, все мирно, Потемкина не дождались, поплелись в «Вену», усыпали. Сашенька думает, что Юркун уехал в Москву, так как <тот> усиленно расспрашивал его о поездах с 3-м классом. Меня это поразило; скис; залу запирали, пришла Ел<ена> Ник<олаевна>. Жака не было, перешли в кабинет, рядом безобразили пьяные. Все тоскливее. Поплелся домой, зашел на Бассейную; так как швейцариха не знала, уехал ли Юрочка, поднялся к Гри-Гри, который, конечно, живет в той же комнате, спит на одной постеле с Юркуном. Видя, что мне известно все, признался, что телеграммы и письма от Наденьки, хотел из Вильны катнуть, колебался, там требовали, имел 30 р. кроме моих, мои деньги тратил на ухаживанья. Этою осенью был в связи с девкой, его требовали ночью, подымали с постели, он уходил. Швейцар подкуплен Григри, история с Над<енькой> подробно обсуждалась. Как же он врет, хотя и провирается! Но что делает Над<енька>, что это: озорство, страсть, месть? Какая стерва! Я поцелов<ал> Гри, он зачем-то сказал: «Не поминайте меня лихом!». Шел сжав кулаки, чтобы не расплакаться. А между тем какие общие у всех procédés. Что делать? Письмо из «Р<усской> м<ысли>»: аванс устроят; какое это <имеет> теперь значение![12] Всю ночь не спал, мысли сделались спокойнее и холоднее. Но какая стерва, — все таковы! Приедет ли завтра?

12 (вторник)

Всю ночь напролет не спал. Вид ужасный. Плелся в «Р<усскую> м<ысль>» пешком по грязи. Каков-то он приедет? Теперь ходят, целуются, смотрятся, не думая обо мне. Дали денег. Брился, завтракал в «Вене». Сергея не было. Ротин подсел, удивлялся моему виду. Звонил Сереже, Н<аденька> приезжает завтра. Значит, вместе. Спрашивал, вернулся ли Юркун, неужели он ничего не подозревает? Гулял долго по Невскому со Щербаковым и с Ясным. Евд<окия> Апол<лоновна> была взбешена и как будто хотела, чтобы завтра была ссора. Вечером были гости, и Аус был, я разговаривал с Максом. Н<аденька> телеграфировала, что едет в 10, какого поезда нет; он хочет идти с утра. Читал стихи, чуть не плача. Икар

врал всякий вздор. Зоя резвилась. Заснул крепко. Приносили деньги без меня от Полякова[13].

13 (среда)

Утром принесли деньги. Юрочка стучится, он уже знал, что мне все известно. Прилег, я читал стихи, он плакал, умоляя меня уехать скорее. Вернулся! Покупали, завтракали, как новобрачные. Был и у него. Гр. Гр. рад, меня журит. У Евд<окии> Ап<оллоновны> была Паллада. Расстроила сплетнями. Та получает письма. Торопились в «Палас», где ужинали потом[14]. Написал письмо Евд<окии> Ап<оллоновне>.

14 (четверг)

Был Жак. Пошли в кинемо, потом к Альберу, видели там литейщика[15], потом Юркун был у меня. Днем покупали кое-что: духи и т. д.

15 (пятница)

Были за нотами у Судейкиных. Были милы. Выбирали ноты. Чай пили. Был Коля, хотел быть Бобиш, но мы уехали.

16 (суббота)

Обедали у Евд<окии> Ап<оллоновны>. Днем я был у Аусов, где сидел Жак и Таиров. Н<аденьку> видел только на лестнице. Говорит, что все кончено, для нее это крушение и т. п. Врет, может быть. Юр., Коля и Шура ждали меня. Греб<енщиков> обедал с нами. Вечером пошли в «Собаку». Говорил с Жаком. Юрк<ун> признавался мне. Я чего-то орал Нагродской, она плакала, все были пьяны.

17 (воскресенье)

Жак ничего не достал. Опять обедали на Мойке. К Казе Юр. не пошел, а домой обещал прийти. Днем рассказывал ему сказки. Насилу дошли пешком. У Казы скучно. На улицах хулиганы. Юрочка пришел, достал денег где-то, был обижен, сердит и груб. Вздумал остаться, потом в «Вену». Сидели девки, Юр. хохотал, я сердился. Денег в обрез.

18 (понед<ельник>)

Не помню, что было. Обедал на Мойке. Вечером был Гребенщиков, какой-то сердитый и серьезный, дурили, представляли кинематограф, делали из апельсина лампадку, рассказывали страшные истории, но Юрочка странный какой-то, что-то его гнетет. Шли пешком

19 (вторник)

Юрочкин опоздал, я лениво писал. Приплелся Коля, потом приехала Евд<окия> Ап<оллоновна>; из Парижа едут, хочет отгласить. Коля клянчил какие-то 2 рубля. Обедали, рано отправились. Наденька звала. На улице масса знакомых. Дома заказал чай etc. Юрочка заезжал дома. Писали стихи до 3 часов, был весел, но со мною не был, сославшись на усталость. Встретили Жака на Литейном.

20 (среда)

Звонил к Евд<окии> Ап<оллоновне>, пришлет вечером. Писал небритый. Юрочкин бледен и немного скучен. Пришел Antoinette*, ухаживал за слугой. Вместе вышли. Никого не встретили. Погода неистова. Пошел на репетицию. Бесконечные звонки. Из Парижа приезжает. Беседовал с Дунечкой, играл. У Ротиных Юрочкин уже заседал, был мил, я бесед<овал> с Виктором. Ушли рано, но он не хотел быть со мною, ссылаясь на усталость. Ух уж эта усталость. Хочет быть самостоятельным. Поговорили запальчиво. Он упрям и гонорист. Потом поехали к Альберу. Весело ужинали. Отвез его домой. Плохо спал, выдумывая разные разности, к утру успокоился, но похолодел немного, конечно, покуда снова его не увижу. Не хочу знать, что все это значит.

21 (четверг)

Так как вскочил в 8 ч., поехал к Юркуну, он еще не вставал, сидел Яша и Коля, а Юркун читал свою вещь; по-моему, у него с Яшей отношения. Коля все ссорился и хулиганил. Юрочка взял с нами Якова завтракать, причем меня одного послали вперед на извощике. Было не плохо. Вдруг приплетается Antoinette. Посидел и объявил, что сейчас сюда придет Наденька, Гребенщиков etc. Мы поспешно ретировались. На извощике я начал говорить Юрочке о самостоятельной жизни. Он страшно обиделся и надулся. Дома истеричничал, валялся на полу, рыдал и вдруг разделся. Чудная погода. После обеда заегозил кататься. Евд<окия> Ап<оллоновна> позвала мотор, взял Станислава. На Островах чудно. Вернувшись, опять заторопился. Я пописал дома. Приходил витебский beauté, горничная занимала меня разговорами Пришел ничего не устроивший Жак, потом Юркун. Притащил Наденькины письма, плакал, был сама прелесть и очарованье. Сидели долго, долго. Прелест<ный> мальчик.

---

* Антоний по-французски написан в женском роде, так что получается «Пришел Антуанетта»

22 (пятница)

Жак не пришел. Евд<окия> Ап<оллоновна> завезла желтую розу. Дивная погода. Сестру не застали, катались по Островам. Вернулись рано. Юрочкин был у меня и ушел. Я ждал на балконе. Несколько опоздал, мил, завтракал с Колей, говорит. Звонил Жаку и Над<еньке>, потом передал трубку Юрочке, будто пикировались, потом она меня просила не «подводить ее так» и помешать ему являться одному. Захотел домой, долго спал, а я караулил его. Как тихо и хорошо. Просил писать. Пишу. Но деньги! деньги! кто может дать?

23 (суббота)

Обедали. Юрочкин исчез. Были гости, Юрочкин долго не шел. Явился; я ревновал его к Гребенщикову; был и Макс. Вообще-то было ничего себе.

24 (воскресенье)

Был Жак, гуляли с ним. Обедали в долг в «Вене». Кажется, больше ничего. Юрочкин печален и нервен.

25 (понедельник)

Не помню, что было. Долго сидели у Нагродских, кажется. Были Ротины, Юрочка смотрел книги. Стащил кое-что[16]. Что-то меня гнетет.

26 (вторник)

Обедали. Поехали в Народн<ый> Дом[17]. Парадировали. Поехали было ко мне, но потом к Альберу, в долг. Видели Тэффи. Потом он был у меня крайне мил. Утром был Бигдай. Был, кажется, и Зайчик. Перед Нар<одным Домом> были у него, беседовал с Григри. Брился, он завивался, был очень элегантен. Тетки знакомы хорошо с ним.

27 (среда)

Был <Н.> Позняков, почтительный и трогательный. Больше, кажется, ничего. Денег все нет и нет; спрашивали уже счет. Не важно.

28 (четверг)

Все то же безденежье. Жак обещал в «Собаке». Обедали на Мойке, очень не хотелось ехать. Брились. Встретили Гребенщикова с Арди. Заехал Жак, сказав, что Аусы будут. Я предложил Юроч<ке> ехать одному, он ответил, что даже разговаривать с нею не станет Евд<окия> Ап<оллоновна> дала 5 р. Было чинно и скуч-

но[18]. Паллада навела к нашему столу девок. Ауслend<ер> не поздоровался с Юркуном. С ними сидел Таиров и Кузн<ецов>. Валечка вертелся. Француз мне совершенно не понравился[19]. Я заводил тесноту с Юрочкой, который все рвался шмыкать *<так!>* мимо Аусов. Звали в «Собаку», поплелись, утешал нас <Н.> Позняков, Пастухов и еще кто-то. Все были пьяны, что нам, трезвым, было неприятно. Я пел. Юркун потащил меня в телеф<онную> комнату, куда влетела Наденька и стала со мною объясняться. Юр. все входил, Паллада звонила. Потом она стала объясняться. В это время Наденька осталась с Ю., и, когда я вышел, быстро отошла, а он ревел в голос. Меня усадили петь, а он стал прямо против Аусов и продолжал плакать. Какой позор. Я сказал, что иду домой, и прошел в уборную. Когда я вышел, Юркуна уже не было. Хотел ехать за ним, но он стоял у ворот и все плакал. Увез к себе. Он все плакал, унижал себя. Дома его рвало. Бедный, бедный. Любит ли он меня?

29 (пятница)

Ушел домой, обещая прийти через час. Голова болит. Приезжала Евд<окия> Ап<оллоновна>, старуха Лодий ее расстроила. Немного расплатился. Поехали обедать в «Вену». Все вон. Домой опять. Как прошла голова. Юрочка приехал в 9. Пошли в кинемо, заказав дома еду. Поел и ушел, сославшись на усталость. Ночью так хотелось есть, что все приел, что было.

30 (суббота)

Разбудили меня Жак и Ганс. Без денег. В 6 совещание у Гюгюса. Юрочка, не раздеваясь, потащил меня к себе; от Медведева книги, стол etc. Зовет вечером к нему. Обедали на Мойке, как я хотел есть. Он дразнил меня, что один поедет в «Собаку», говорил, что я не интересуюсь, что с ним будет, только бы его видеть, что учиться не хочет, ничего не может и т. д. Я страшно обиделся и сказал, что если в 8 ч. он не приедет, я уеду не знаю куда. У Гюгюса имбирийские планы, счеты, сидит Коля Петер, меня как-то обходят[20]. Явился очень милым Юрочка в морской тужурке. Потом потащил к Медвед<еву>. Мил, оккультизм, очевидно тетка, в Юрочку отечески влюблен. Дождь. Юрочка поехал ко мне. Был со мною, но как-то холодно и официально. Получил сегодня письмо от Надины, очевидно, для показа мне, в ответ на свое, которое скрыл от меня, скрыл и получку от Юрьева карточки. Господи, дай, чтобы устроилось с театром и с Юрочкой.

31 (воскресенье)

Денег ни копья. Жак забастовал. Приходил Пастухов, читал стихи. Трогательный. Вчера все были в «Собаке». Юрочка си-

дел, был очень, очень бледен и скучен. Жак звал в «Регину». Юрочке очень хотелось в Александринку[21]. Денег ни копья. Что же это будет? Евд<окия> Ап<оллоновна> совсем больна. Пошли в «Регину»; та же компания. Юрочка изнывал. Поехал домой, я на Мойку; звонит мне из пивной, ехать не хочется, не наверное обещал после 12. Милый мой, бедный мальчик.

Апрель

1 (понедельник)

Денег все нет как нет; писал что-то. Я что-то болен: горло и нарыв под мышкой. Были у Миклашевского. Книги опять меня волнуют. Заехал под дождик к Юрочке, тот был очень мил. Гюгюс обещал денег, но не завез. Сидели у Нагродской. Юрочка поехал в театр, куда достал билет Медведев[1]. Я пел «Damnation»[2]. Евд<окия> Ап<оллоновна> дала денег. Юрочкин был просто в Литейном, хотел есть, тянул в «Собаку» etc., вдруг стал раздеваться и был крайне мил. Поехали в «Собаку», обошлось не без маленьких «теснот», но, в общем, ничего[3]. Каннегисер влюбился в Юрочку и преследовал его. Оленька и Юрьевич были милы. Щербаков тоже любезен. Жак чего-то путал, что оставил деньги дома.

2 (вторник)

Евд<окия> Ап<оллоновна> больна. Что было, плохо помню. Все дни, как один, без денег, в хлопотах, в подавленности. Завозил «Часы» в «Ниву»[4]. Читал «Покойницу». Юрочка ею расстроился. Не помню, был ли у меня.

3 (среда)

Был Гриша и рано Юрочка. Пришел Медведев. Юрочка скрыл свой визит. У Евд<окии> Апол<лоновны> дочитывал «Покойницу». Был Жак, ничего. Сидели, изнывая, в «Регине». Ничего. Дома заказал есть, но Юрочка не хотел. Читал стихи, мечтали хорошо. Рано ушел.

4 (четверг)

С векселем вздор. Пришли Коля и Шура, пытаясь меня изнасиловать и наговаривая на Юрочку. Потом Гюгюс, Юркун, Жак. Смотрели помещение: очень хорошо, потом Гюгюс и Миклаш<евский> к нам; мы в «Регину»; тепло адски. Жак ничего не сделал. Обедали. Был Икар, Клевер. Или он был вчера. Я оставался. Юрочка ездил за деньгами, вернулся без них, но с розой. Утешал меня. Завтра до зарезу нужно

5 (пятница)

Так тепло. Звонил к Струве. Обещал[5]. Юрочкин приехал рано. Поехали вместе. Долго ждал его. Обедали у Палкина. Жак опять ничего. Черт знает что такое. Юрочка приехал, милый, милый, был страстен и нежен, как никогда. Пастухов все звонит. У него было собрание молодых теток. Каннегисер таял, я слегка ухаживал за Коханским, было шампанское и шабли. Уехали не поздно. Юрочка меня провожал, а не я его. Не условился ли он с Каннегисером? Какая глупость! Да, «Часы» вернули из «Нивы» — вот хамы!

6 (суббота)

Положение все такое же, то есть хуже губернаторского. Вечером были в «Регине», куда Жак не приехал. Я Юрочки не дождался, который сбегал. Пошли в «Собаку». Князев вчера умер[6]. Познакомился с Вальтером и еще немцем. Очень скоро проделали все, что полагалось. Юрочка плакал, вспоминал Надину и рано уехал, когда Каннегис<ер> только что явился.

7 (воскресенье)

Что было? Все то же. Читал «Часы», был Гржебин, Воротн<иков>, Арди; Юрочкин вскоре убежал. Не помню, не помню. Ко мне, кажется, не приходил. Ясный просит завтра.

8 (понед<ельник>)

Ловили Ясного втуне. До завтра просит. Сидели, дивагировали. Юрочка был со мною. Не помню. Сегодня похороны несчастного Князева, мать мне писала[7].

9 (вторник)

Телефонили, чтобы быть в «Собаке», Гейнц и Голубев. Играть там нельзя. Сидели мирно[8]. Зоя просит песень[9]. Гюнтер стонет. Рано вышли. Обедали в «Вене», Дунечка денег дала Щербаков пошел с нами. Юр. не хотел, чтобы я его провожал, и сплавлял меня, я обижался. Наконец, поехали кататься. Так себе.

10 (среда)

Что было? Не помню Дни чудные Юрочка хандрит, но был со мною. Жак проводил Гюгюса и рад этому, дал денег немного, вышли вместе. Ели у Альбера, потом Юр хотел один в «Собаку», или, по крайней мере, не вместе войти. Я проехался. Сидел один и скучал. Посидели, ни Надины, ни Каннегисера не было

11 (четверг)

Евд<окия> Ап<оллоновна> хотела заехать кататься. Чичериных проспал. Юроч<ка> пришел на минуту. Катались, отскочила подкова, вернулись. Был в Летнем. Юрочка читает половые книги. Сейчас же ушел, зовя и меня. Обедали. Небольсина пела. Юр. был не в духе, объяснялись серьезно. Смягчился. Потащил к Медведеву, тот уезжает. Наденька звала играть в карты, или завтра. У Медвед<ева> был Гишплинг. Юр. оживился. Поехал к Чич<ериным>; они были у всенощной, в доме Нарышкиных. Ждал; тихо, мирно. Дали чек. Юрочка опечалился.

12 (пятница)

Пришел Беленсон. Чека в лавках не берут. Евд<окия> Ап<оллоновна> читала роман[10]. Катались. Болела голова. Вернулись, не поехавши к Аусам. Юрочкин звонился несколько раз, был и у меня. Вл<адимир> Ад<ольфович> предложил денег. Вышли вместе. Жак просился. Юр. говорил с Надиной и будто ему легче. Покупал ботинки, принес карточки с трогательными надписями. Сидели дома, был милый Жак, но Юр. не остался.

13 (суббота)

Получил деньги, но не выкупил, было закрыто. Покупали разные разности. Юрочка мил, как божок, весел и юн, как весна. Завтракали у Альбера. Купил себе костюм, был со мною. Вечером вдвоем блуждали нежно, будто никого нет. Слава Богу!

14 (воскр<есенье>)

Был Жак и Ротины. Что-то делали, да, ушли не поздно. Что же было? Не помню, только люблю безумно Юрочку

15 (понед<ельник>)

Не помню, что было.

16 (вторн<ик>)

Ели раков в «Квисисане», гуляли до потери сознания. Вечером были у Рейнеке. Юрочкин волновался, флирт<овал> с Надиной, шутовался с Левушкой, я немного сердился, но потом все обошлось. Был ли у меня, не помню. По-моему, был, но мы поссорились.

17 (среда)

Евд<окия> Ап<оллоновна> читала мне, потом Юр. вернулся из театра, по-моему.

18 (четв<ерг>)

Вечером были народы. Юроч<ка> убегал к Надине. Каннегис<ер> волновался. Юроч<ка> мил до крайности, очень люблю его, были тесноты, шум и гам. Обещает скоро мне сказать большую и важную радость. Я не могу видеть его лицо печальным.

19 (пятн<ица>)

Явились Гребенщ<иков> и Каннегис<ер>. Юрочка le maltraitait*, вышли вместе, ходили пешком. После обеда поехали к Семенову; жмется и неохотен. Юрочки еще не было, но пришел милый и хорошо был со мною.

20 (суб<бота>)

Юрочкин заложил браслетку, покупал книги и папиросы. Убежал после обеда, мы располож<ились> читать, пришел Жак, взял у меня 5 р., поехали в «Собаку». Каннегис<ер> вздыхал то по Юрочке, то лез ко мне, Евд<окия> Ап<оллоновна> с ним возилась, не сватает ли мне? Юр. ревновал, шутя, но обиделся за что-то очень на Евд<окию> Аполл<оновну>. Рано ушли, очень хорошо говоря.

21 (воскр<есенье>)

Юрочкин был мил до крайности, побыл со мною. Был Antoinette. Вчера, говор<ит>, у Каннегис<ера> с Евд<окией> Ап<оллоновной> был флирт вовсю. Пили чай у Юрочки. Встреч<ал> разн<ых> людей. У Евд<окии> Ап<оллоновны> после вчерашнего Юрочка был скучен. Хорошо бы взять кварт<иру> Вяльцевой[11]. Поплелись в кинемо, потом к Юрочке, вздумал есть раков в «Квисисане» и еще заезжал ко мне даже. Милый мой, единственный друг.

22 (пон<едельник>)

Пришел Жак, Коля, Юрочка. Медв<едев> привез игрушек, звал вечером. Встал рано. Тормошат со счетом. Жак об<ещал> в 5 ч. Дунечка умолкла. Квартиру решили <снять на> Пантелей<монской>. Шли пешком. Юрочка просил прийти раньше. У Суд<ейкиных> была одна Олет, кислая и неприятная; по-моему, она беременна[12]. Потом пришли С<ергей> Ю<рьевич> и Зайчик, но я скоро ушел, хотя и задержался. У Медведева трагедия с хозяйкой из-за мичмана, так что нам чаю не давали. Забрали вещи, отпр<авились> в «Бояр», думая ко мне, но Юрочка раздумал и, проводив меня, остался.

---

* Дурно с ним обходился *(франц.)*

23 (вторн<ик>)

Все по-прежнему. Люблю Юрочку, больше ничего не знаю, не помню, не хочу знать.

24 (среда)

Евд<окия> Ап<оллоновна> была у сестры, там сплетни распускает Наденька. Юр. жучили; он отплевывается, говорит, что она на меня страстно сопит и т. п.; что вечером делали, не помню. Были в кинемо, что ли, с Евд<окией> Ап<оллоновной> и Жаком, потом ели раков в «Квисисане». Жак — милый очень.

25 (четверг)

Жак ничего не достал; приехал на Мойку, где был Ментов и Ел<ена> Ив<ановна>. Юр. просил меня попросить 3 р. и увез с собою. Дома нервничал, плакал, говорил, что никуда переезжать не будет, что сдохнет и т. п.; успокоил, как мог, пошли ко мне, читали что-то. Говорил, что переедет в ночлежку.

26 (пятница)

Было что? не помню, рассказы о банкете[13]. У Евд<окии> Ап<оллоновны> были разные люди; из «Собаки» шли пешком, по-моему. Кто-то был, что-то делали.

27 (суббота)

Не помню, что было. Кажется, кто-то был. Вечером Юр. удрал. Матв<ей> привез денег на Лиговку, у меня болела голова. Заводил тесноту, пошли рано ко мне. Сегодня Юрочкин переехал, очень мило, но не мило, что там же живет Медведев и скучает один. Сказал, что устал очень, и отклонился.

28 (воскресенье)

Утром ездил за билетами. Был Коля, жаловался на Юрочку. Пришел Жак, завтракали вместе. Юрочка в восторге от комнаты, от всего. Я завел тесноту, он ушел, но вернулся, бросил шляпу, плакал, но был со мною. К Нагр<одской> пришел Жак и Кузнецов. В театре неожиданно встретили Аусов и всех Мошковых. Юрочка впивался в Надину. Было хорошо. С Гишплингом поехали есть раков, потом ко мне.

29 (понед<ельник>)

С утра явился Гюгюс, как снег на голову. Пришел и Жак, повели Гюнтера к Юрочке. Юрочка приглашал меня в кинемо, но потом убежал. Евд<окия> Ап<оллоновна> дочитала роман. Юр. предлагает переехать в комнаты Медведева, весел и полон планов.

Что еще? Был у меня, но скоро скис. Читал ему Платона. По-моему, на него подействовала вчерашняя встреча. Написал очаровательные стихи.

30 (вторник)

Приходил <Н.> Позняков. Его истинное почитание и начитанность действ<уют> бодряще. Шли пешком вместе. Евд<окия> Ап<оллоновна> была суха и не в духе. Ездили покупать билеты, приглашала меня кататься, но я отправился к Юрочке. Уходил Гишплинг, все время торчал Медведев, Юрочка скучен. Потом пили чай за маленьким столиком. Звал Пастухов вечером. Пошел снег. Юрочка разобиделся, говорил опять, что он без значения и т. д., к Пастухову идти отказался, а отправились снова на Бассейную, потом в два кинемо, причем я все время ездил с капитаном. Юрочка был мил, но мне было скучновато. Поехали даже ужинать к Альберу. Говорили дружно и по-хорошему, но капитан, по-моему, косился. Юрочка приехал ко мне, но был на взводе несколько, полежал в пальто и удрал, думая, что с ним будет нехорошо.

Май

1 (среда)

Ночное письмо от Икара, насчет пудреницы, с намеками. Звонил правовед и пришел, довольно милый; пришел Ракитин, очень расположенный и не ворчливый. Явился и Юрочкин с книгами и часами от Каннегисера, где он был. Потащил тотчас домой. Медведев надут и зазывает вечером. У Евд<окии> Ап<оллоновны> неважно что-то, звала одного в «Аквариум», где будет, мол, и Жак. У Юрочки было ничего, но присутствие Дм<итрия> Павл<овича> стесняет и гнетет; хандрит, дуется. Юр. все мечтает, что я перееду, поехал со мною, заказал еду. Дома читали «Стр<оитель> Сольнес»[1], хотел уходить так, но от моего надутья *<так!>* остался, говоря, что хочет спать. Это была хитрость, и потом он все-таки ушел. Навесил мой крест и свой. Если быть к нему холоднее? Радостная весть, что ему кажется, что от Наденьки он излечился и что без меня жить не может, хочет лечиться фитином, валерьяном и зачем-то боткинскими <каплями>. Побыл средне. Говорил я с Сомовым: будто весть из моего забытого мира, где Weber слишком известен, культура и настоящее искусство Носова еще не в Москве Все хорошо Мифик должен отбывать повинность на будущую осень, умер у него отец; у К<онстантина> А<ндреевича> грипп; милые новости. Да, Юрочкин договорился о связанности по отношению к Медв<едеву>, я протестовал, но денежно покуда я же не смогу его заменить. Просил завтра достать, а где я их достану?

15 (среда)

Ничего особенного не случилось. Сидим без денег. Люблю Юрочку, который просит переехать к нему, не знаю, как сделаться с Нагродской, тем более что Пантеля уже уехали. Жак живет в гостинице без денег, поссорившись с родными. Небрит и зол после вчерашнего. Пришел Милеев, Щербаков, принесли похабную книжку. Потом Юрочка. Семенов все надувает; идет дождь. Обещали Пастухову, отказались от Мойки. Обедали втроем. Потом Юрочка спал. Убежал, продал часы, притащил деньги и розу. Куда пошел Жак, не знаю. У Пастуховых было скучно, особенно меня изводил Бальмонтишка, что Юр. говорит с ним, неизвестно. Каннегисер изображал влюбленного, только неизвестно в кого. Шли домой втроем. Юрочка устал, но почему-то зашел ко мне. Жаловался на судьбу, на здоровье и т. д. и не остался. У Жака в гостях были какие-то две дамы и господин. Я к нему не заходил. Сердит и нездоровится. Денежные дела хуже плохого.

26 (воскресенье)

Опять большой перерыв, но перемен никаких нет, а может быть, и есть, я не знаю. Уехал Медведев, последнее время мы с ним и пастуховской компанией все кутили. Юрочка остался както на произвол судьбы, денег у нас ни грошика, и у Жака тоже, все мрачны. Как мы будем жить с Ю., ума не могу приложить; все-таки мы какие-то беспечные ребята. По-моему, он меня меньше любит и тоскует по женщинам. Я не знаю, может быть, и вздор, конечно. Утром Жак пошел за деньгами, но не достал их. Юрочка расстроен тоже, говорил с ним, он советует жить у Нагродской. Ходили к нему, обедали в гостинице. Евд<окия> Ап<оллоновна> в Гатчине. Говорил с Сомовым, с Леонидом. Скучно до слез. Жак приехал поздно. Мысли у меня к переезду и работе, но тоска почему-то невероятная. Вчера долго говорил с Жаком и плакал, потом успокоился. Что-то будет? Юрочка уходит куда-то. Ничего не пишу.

27 (понед<ельник>)

Были народы: Крашенинн<иков>, Дм<итрий> Павл<ович>, неожиданно приехавший. Говорил по телефону с Евд<окией> Аполл<оновной>, но дома она была не в духе. Идет дождь. Играл «Забаву», говорил о квартире. Так как ожидалась Зоя, то удалился. Вообще я шел с открытым сердцем, и было уныло. Приехали на Басс<ейную>, Юрочка все промывал чего-то. Поехали в «Виллу Родэ» с двумя наэфиренными юношами. Юрочка глазел на девок или тискал Ореста, с которым и Дм<итрий> Павл<ович> что-то кудесил. Было скучно сидеть в кабинете[2]. Развозились, хотя<?> Юрочка пожелал зайти ко мне, явился Жак, прокутившийся у До-

нона. Юрочка, не снимая шляпы, хотел уйти. Я говорил, что тогда не стоило и заходить. Объяснялись. Слезы, слова о свободе, тягости, слабости, болезни, припадок и т. д. Мне жалко его, и люблю я его очень, но упрямство и хулиганство погубят его несомненно.

28 (вторник)

Встал не в духе, но будто слегка исцеленный. Был Крашенинн<иков>. Но Юрочку ждал с трепетом. Тот извинялся, я был кисловат. Дм<итрий> Павл<ович> вздумал обедать в Европ<ейской> с Пастуховыми, и вечер у него, но я отклонил. Заехали к Юрочке, но капитан был дома и увлек нас к Альберу. Пришлось отказаться от Евд<окии> Ап<оллоновны> и даже вечером к ней не приходить. Обедали у Альбера. Юр. все находил, что я сердит и т. д. Покупали папиросы и галстухи. Были в кинемо. Пастухов отказался от вечера. Посидели втроем. Юрочка у меня был прелестен и даже будто собирался ночевать, но завтра ему самому нужно идти за паспортом, и я его не задерживал. Болтали, будто на посиделках, о нашей прошлой зиме.

29 (среда)

Юрочка пришел поздно. Потом Пастухов, Орест и Медведев. Да, получил деньги. Покупал с Жаком ботинки и т. п., почти забыв о невзгодах. Поехали за постелью Юрочке, еще выпросил денег. Евд<окия> Ап<оллоновна> читала мне свои рассказы. На вокзале не нашел отъезжающих, проводил Вл<адимира> Адольф<овича>, потом уже отыскал и тех. Орест и Юр. пошли со мной. Были в кинемо. Потом Юр. повлек к себе, где почти ждут меня. Ко мне не пошел. Приехал голодный Жак, поехали к Неменчинск<ому>, где встретили пьяного Билибина. Скучно очень.

30 (четверг)

Покупали обои и материю. Весело. Юр. еще не было. Приехал с Каннегисером. Напал на шляпу и бранился. Поскакал куда-то. Завтра нужно убирать вещи. Если не будет Станислава, будет мальчик. Жизнь будто начинается. Жак пропал. Вечером были Бигдай и Воротников. Юрочка что-то был развязен и не в духе. Дома пришел Жак с процесса Тиме. Осудили[3]. Юрочка рано ушел, нездоровый и недовольный.

31 (пятница)

Встал рано, мужик меня разбудил. Потом пришел Стась. Поехали на Рыночную. Тявочка беседовала и кормила меня грибами. Таскали вещи. Шел проливной дождь. Дома еще Юрочки не было. Жак говорил, что его можно поздравить. Юрочка был крайне мил, но что-то, что-то изменилось Осматривали вещи и ры-

лись<?>. Юрочка напал на стол, спорил с Жаком, обижался и развязничал. Было вообще мирно и семейно. Затащил к себе и мирно беседовал, за стеной ворочался маленький гуревич. Шел домой пешком, светло, пусто, но что-то, что-то изменилось. Отчего это? Даст ли Жак обещанные деньги? Без них не знаю как обойтись.

Июнь

1 (суббота)

Почему-то болит голова. Ели дома, Жак читал Лескова. Потом пошли к Юрочке, пришел Каннегис<ер>. Юрочка опять обижался и спорил. Болела голова. Завтра Троица. Купили вишень и ели их дорогой. Юрочка ненадолго зашел. Приехал Жак, бывший у Позняковых. Болела голова, и рано лег спать. Алексей принес мне березок для праздника.

2 (воскресенье)

Что было? Не помню. Был Ворот<ников> и Бигдай, долго сидели, шли вместе. Какая-то девица хлопнула и окликнула Юрочку, он чего-то обиделся и отказался идти к нам. С Жаком долго беседовали о любви.

3 (понедельник)

Был Каннегисер; послав Бальмонта к Юрочке, объяснялся, таял, целовался. Смотрели квартиру. Был Жак, Воротников и Бигдаи. Нет, Жак телеф<онировал> зайти к нему, так наше катание расстроилось. Что с Жаком, завал, а еще? Не плохи ли дела? Сидели дома.

4 (вторник)

Жак хотел заехать, болен. Шли пешком, но ничего не получил. Юрочка рассердился, я на него. Шли к нему, обошелся немного. Жак уже спал. Читали что-то. Утром был Каннегисер.

5 (среда)

Денег ни гроша, дождь, Жак болен. Хотел сегодня получить. Евд<окия> Ап<оллоновна> зовет к Контану. Брился в долг. Юрочка мил, но жалко мне его что-то. Пошел добывать денег, но обедать у меня отказался. Жак был уже на Мойке. Перетащились. Кабинет даст. Ликованье, что без Юрочки. Теперь будут его искоренять, пожалуй. Обедать было хорошо. Пошли в кинемо. Юрочка приходил, ждал, ушел, звонил. Беспокоился. Обещал заехать. Приехал все-таки во 2-м часу. Милый, говорит, что я его не люблю, обедал у Альбера etc.

*6 (четверг)**

7 (пятница)

Что сегодня? Все то же. Я послал Юр. вперед, обещая прийти.

8 (суббота)

Сегодня были Позняков, Antoinette, Юр. пришел рано. Шли пешком. Обедали, приехал Жак. Пошли в кинемо, вид Лапландии меня взволновал, все-таки, я люблю Север[1]. Оттуда к Юр., купили вишень, папирос. Жак не заходил.

9 (воскресенье)

Погода чудная. Жак мечтал лететь[2], пошел доставать у Познякова, но не достал. Юрочкин весел, все шалил, и вдруг все произошло. Может быть, он понял, чем меня удерживать. У Евд<окии> Ап<оллоновны> был Бигдай и Антоний. Юр. сбежал. Я играл «Времена года» — все-таки хороши[3]. Евд<окия> Ап<оллоновна> говорит, что силы к ней возвращаются. Потом звонил Юр. Я шел к нему пешком, встретил Зандина, как давно я никого не видел! Хозяйка говорила с Юр., отчего я не перееду, что она тоже могла бы ждать. Дома Жак давно уже ждал. Читали Пушкина, опьянялись. Думаю об обстановке. Потом Юр. просил читать мои вещи. Он не глупый. Письмо прислал Пастухов. Что-то будет завтра?

10 (понед<ельник>)

Что было, совершенно не помню. Жак был на Мойке, обмеряли комнаты. Юрочка спал; был Семенов. Пошли рано домой, читали кое-что.

11 (вторн<ик>)

Юрочка крайне мил. Катался с Евд<окией> Ап<оллоновной>, играл ей сонеты[4]. Юр. звонился, дома был так же мил и отлично побыл со мною. Я начинаю думать, что он действительно привязан ко мне.

12 (среда)

Совершенно неожиданно приехал Гюгюс, как снег на голову. Бодрится, обижается, строит планы, разводит тесноту. Жака не было, так что он еще не знал. Юрочка в восторге. Он куда-то пошел обедать. Был и Каннегисер, приятный и робкий, даже похорошел от

* Листок под числом не заполнен

ласки, бедный мальчик, но, кажется, assez mal garni*. Играл Евд<окии> Ап<оллоновне> «St. Antoine»[5], потом пришел Юрочка, пьяный и веселый. Вызывал Жак, для предотвращения tête-à-tête'а с Гюгюсом. Но подвергся. Дурили дома. Потом были в кинемо, Юрочку отправили домой спать, а сами ужинали в «Вене» у Дмитрия. Потом дома еще переругивались. Наша «семейная жизнь» расстроилась.

13 (четверг)

Были в «Аквариуме»[6], потом у Палкина. Юрочка обижался и сердился. Потом зашел ко мне.

14 (пятница)

Юрочкин уехал домой. Катались долго, засмотрелся на жокея. Играл «Tentation»[7], заехал Жак, увлек в «Vill'y Rode», где было скучновато[8]; был Щеголев. Гюгюс кис и обижался. Юрочка страшно разобиделся и сказал, чтобы я позвонил, когда он понадобится. У него очаровательный голос в телефон, напоминающий Павлика.

15 (суббота)

Не помню, что было. Все так же. Был в кинемо с Юрочкой, потом у него, или наоборот, мирно и хорошо. Да, пошел к нему. Он вставал при мне, был очарователен; за что его преследуют? Да, Жак привез вина. У него была дама. Юрочка к нему не пошел, посидел у меня и дождался.

16 (воскресенье)

Что было? Звали домой, а Юрочка хотел прийти. Был Жак. Оставил записку и поехали в «Буфф». Было превесело[9]. Встр<етили> докт<ора> Ауслендера; Сережа завтра уезжает. Сестра в Удельной. Когда же я перееду? Жалко Юрочки.

17 (понед<ельник>)

Юрочка страшно обижен. Был Позняков и Каннегисер, нежный и томный. Сказал Юр., что берет меня сегодня в свое владение, сидели у него, потом приехали наши и начали канитель о Неволине[10]. Юрочка был сама прелесть.

18 (вторник)

Жаково рожденье. Звали домой. Страшно ругались. Потом Гюгюс сцепился с Юрочкой. Приехал Жак. Юрочка, бедный, бедный, ушел. Поехали в «Аквариум», страшная скука[11], и так обидно за Юрочку. Евд<окия> Ап<оллоновна> подвозила меня и много говорила.

---

* Почти без денег *(франц.)*

19 (среда)

Юрочка звонил мне, когда я еще спал, без причины, из кокетства, помня, очевидно, что мне нравится его голос в телефон. Писали письмо Fürschner'y. Прилив бесконечной нежности к Юрочке, которого все преследуют из-за того, что я его слишком люблю. Ганс смирился, говорил нежно на прощанье. Евд<окия> Апол<лоновна> ничего. Жак звонил, звал в кинемо. Дома нежно и трогательно. Продолжал похабную повесть. Чудная погода. Жак заехал, были Тамара Влад<имировна> и Крушинский. О деньгах что-то молчок. Влюбленно шли домой. Когда же тихое, работящее житье! В отеле совсем пропадаю. С отъездом Ганса наступит ли покой?

20 (четверг)

Сегодня случилось нечто совершенно неожиданное. Я расстался с Юркуном. Все шло как всегда. Мы пришли, когда Жак уже там был, отобедали; Жак с Евд<окией> поехали кататься и вечер<ом> к Ротиным. Мы пошли в кинемо, где видели Сахорет и, вернувшись, нашли Каннег<исера>. Юрочка вел себя непозволительно, жаловался на болезни, ругался с юношей, рвал свои рукописи. Потом тот ушел, вернулся Жак, Юрочка удалился. Жак тогда сказал, что все знаком<ые> возмущены, что Юрк<ун> надо мною издевается, мои деньги тратит на девок, известен в полиции, меня не любит, злобен, порочен до мозга костей, меня не ценит и т. п., что не было для меня новостью. Предложил поговорить с ним завтра. Я согласился. Как, — никогда не видать Юрочки, не чувствовать его тела, потому что мои знакомые шокированы, какая глупость! а может быть, и свобода? И за что его мучить?

21 (пятница)

Ушел к Жаку, волновался страшно, думал, умру. Что-то там делается? Милого Юрочку мучат, оскорбляют, и за что? Сказать по правде, за то, что я его слишком люблю. Я заперся, чего не передумал, не перечитал! Наконец явился Жак. Говорит, что все обошлось благополучно; конец, значит. Боже мой. Как во сне, поехали на Мойку. Евд<окия> Ап<оллоновна> не одобряла, но она хотела бы иметь торжество видеть, как я обращаюсь с Юрочкою, как с блядью. Этого я ей не доставлю. Были в кинемо, был Бигдай. Евд<окия> Ап<оллоновна> предлагала сама съездить за Юрочкой; отклонил. Все плакал. Вернулись. Жак хотел уходить, но разговорился. Да, Юрочка заходил, принес письмо, что он умрет, просил спуститься. Что делается в его сердце, в его теле, каждую пядь которого я знаю и обожаю! Все собирается гроза. Один опять. Я не знаю, что бы я дал, чтобы прижать к себе этого злодея, этого актера. Ночью стук. Юрочка. Не утопил<ся>. Долго говорил с Жаком. Просился увидеть меня. Спро-

сил. «Да». — «Вам говорил Як<ов> Л<ьвович>?» — «Я исправлюсь»; хотел вернуть карточки, крестик и т. п., изредка ходить, смотреть, «мешать не буду». Я попросил Жака выйти и шепнул: «Люблю по-прежнему, завтра приду». — «Я так и думал». Что я делаю? Сам себе петлю. Может быть. Ушел будто успокоенный. Хотел уехать в Вильну, плел какой-то вздор про Целибеева. А в коридоре злился и плакал. Будто прибитая собака, а глаза как заплаканные фиялки. Змееныш? нет, нет. Жак хвалил меня за твердость. Если б он знал!!

22 (суббота)

Милый Юрочка сидел с розой, лепестки которой у моего портрета, слегка нарумянен, все как следует. Опять вместе. Да, все торопился домой, думая, что приедет Жак. Он ничего не устроил. Юрочка до низу провожал меня. Играл Евд<окии> Ап<оллоновне> всякую всячину.

23 (воскр<есенье>)

Был Потемкин и Луцевич. Жак на полчаса поехал. Ничего не достал. Взял у П<отемкина> 2 рубл<я>, помчался к Юрочке. Подвез его до «Квисисаны», зная, что Жак дома. Жак вызывал. Сидел.

24 (понед<ельник>)

Был Позняков. Жак опять денег не достал. Юрочка волновался. Жак меня похитил. Катались, потом в кинемо, а Юр. все ждал. Гига звал. Дома записка, умоляет прийти в 6 час. Выставил сапоги и удрал. Ключ оставлен. Какая радость, и тайна, и счастье. Кажется, никто не заметил.

25 (вторн<ик>)

Проспал. Не брит. Жак пропал. Юрочка звонил. Плохи дела. Не ел. Тосковал. Объяснялся с Евд<окией> Аполл<оновной>. Залетел к нему. Спит. Проснулся истерически. Сон видел про меня. Поскуливает. Вышли вместе. У Жака до пятницы. Quelle corvée! Он приехал поздно. Ели, беседовали, как ни в чем не бывало. Утром даже не зашел ко мне. Что-то будет?

26 (среда)

Встал рано. Семенов прислал денег. Юрочка прислал цветы и звонился. Отослал ему денег. Мечтали с Жаком, что купим. Где Юрочкин подработал, не знаю. У него был Тамамшевич *<так!>* и Дима, с которым он вчера условился обедать. Завел шашни с Юрьевским из «Н<ового> вр<емени>». У Евд<окии> Ап<оллоновны> обедал Руманов, вспоминали старину. Жак тянул на острова, пароходом, но попали в 2 кинемо. Звонил Юрочкин, был в «Луне»[12],

звал завтра, а не сегодня. Остывает, очевидно, но я не забуду его глаз — заплаканных фиялок.

27 (четверг)

Что было? Был у Юркуна и с ним. Вечером что? У Евд<окии> Ап<оллоновны> был и Жак. Ничего не пишу. Был Каннегисер. Хотели его вести к Клок<ачевой>, но он отклонил. Там было ничего. Пел. Но бедный Юрочкин.

28 (пятница)

Зашел к Юрочке. В унынии. Стоят васильки, книжки. Денег у меня не было. Жак до понед<ельника>. Ужасно. Звонил Юр., просил приехать. Ночью, в полутьме, отвор<ил> дверь. Фигура Юрочки. Пахет эфиром. Я думаю, если будет призрак, то эти скорбно опущ<енные> губы, заплаканные глаза и запах эфира несомненны. Я испугался. Упреки, воркотня. Ушел[13]. Были вечером у Клокачевой. Тоскливо. Нет, нет. Это было вчера.

29 (суббота)

Пришел Тарасов, разные новости, планы. Зашли к Юрочке. Долго шли пешком. Заходили в магазины. Пришел Жак. Поехали в кинемо. Потом в «Аквариум»; скучно[14]; потом в «Вену», где сидел Юрочка с каким-то типом. Жак его не видел. Волновался ужасно. Я не могу видеть его лица. Философствов<ал> о любви. Ночью пришел Юрочка и был со мною.

30 (воскресенье)

Жак телефонил, что денег не достал. Поехал один. Брился в какой-то неведом<ой> парикмахерской, где мастер все налезал на меня. Погода была самая подходящая. Телеф<онировал> Каннегисеру, зовя его на ферму. Луга с рощами, покрытые компаниями, имели вид «plaisirs champêtres»* — нисколько не хуже. Клокачева не пришла, но Леонид явился, но был будто чем-то недоволен. Тем ли, что я приехал не один? Еще блуждали. На вокзале обедали. Были Голяшкины, балетные мальчики etc. Сегодня бенефис Асланова[15]. Смотрели публику. Мало интересного. Леонид увлекал меня в кущи и разводил маленькие тесноты. Провожал. Уехали до балетного дивертисмента. Хотели есть. Закусили на вокзале. Хотел проехать к Юрочке, но вернулся к Жаку, который был уже дома. Лег рано, с некоторой скукой думая, что может ночью явиться Юрочкин. Неужели завтра деньги?

* «Сельских радостей» *(франц.)*

Июль

1 (понед<ельник>)

Весело ехал к Евд<окии> Ап<оллоновне>, но Жак ничего не сделал и не звонил. Клокачева поехала кататься, а я пошел домой. Ужинал. Жак пировал у Палкина с Позняковыми и Судейкиным, но я не поехал. Оба приехали ко мне. Важен и надут. Алексей предполагает мою ссору с Юрочкой и расстроил меня.

2 (вторн<ик>)

Обещал Юрочке прийти вечером, так был обескуражен Жаковой неудачей. Пришел рано. Евд<окия> Ап<оллоновна> говорит, что звонил Юрк<ун>, что она мне уготовила, не говорит. Попросил ее о переезде. Жак денег не достал, и поехали в кинемо. Потом катались и заехали к Ротиным. Виктор лез на меня. Жак напился. Был Семенов. Завтра устроятся. Вызвал Юрочку, был он очарователен.

3 (среда)

Утром поехал к Евд<окии> Ап<оллоновне> взять денег. Кофею мне уже не отпускали. Сегодня перееду. Был у Юрочки; у того сегодня свидание с Нагродской. У Судейкина планы и кипенье, был обворованный Бобиш. Тащил меня к Корнф<ельду>[1]. У Евд<окии> Ап<оллоновны> Юркуна не было, она призналась Вл<адимиру> Ад<ольфовичу>, тот бранился. Но почему он не пришел? Поехал со Стасем перевозиться. Расплатился. Последний раз пил чай. Звонился Юр.; ждет. Жак зовет в «Аквариум». Юр. не зашел, так как Вл<адимир> Ад<ольфович> был дома. У них распродают мебель. В Летнем его шантажировал гимназист. Жак стоял на балконе. Поехали кататься; темно; опять нападки на Юркуна, гоньба за бабами. Я скис. В «Акв<ариуме>» сидели и пили чай, bien triste*. Отличные акробаты[2]. Вернулись домой есть курицу. Я скис. Не спалось, кусали клопы и т. п. Вот переселился. Евд<окия> Ап<оллоновна> хочет звонить Юрочке, но предлагает это так мрачно и обиженно, что кто же согласится? Тоскую, что я не проехал aux pays chauds.

4 (четверг)

Не спал почти всю ночь. Встал рано, убирался. Все дождь. Жак просил прислать книг: литературное rendez-vous. Юрочка сидел в голубой рубашке, с расстегнутым воротом, joli à mourir**. Играл Шопена. Когда я прижимаю Юрочкину голову, что мне значит что бы то ни было? Предложил ему обедать вместе у старого Альбера,

---

* Весьма грустно *(франц.)*

** Смертельно красивый *(франц.)*

потом катались нежно и весело на Острова, в кинемо, купили вишень и ликеру и проехали к нему. Был мил и снова повеселел. Проводил меня и пошел в «Quisisan'y». Дома еще не спали, в домашних костюмах. Были в том же кинемо, что и мы, не видали ли нас? Не заметно. В 1 ч. ночи врывается Судейкин предупредить, чтобы я не участвовал в «Сатириконе». Вот любит завод<ить> тесноту![3] Я очень счастлив*.

Декабрь

4 (среда)

Поехал с утра в контору. Получил. Расплатился с портным, беличье пальтецо слишком дорого стоит. Был в Литейном, там некоторое уныние[1]. У Юрочки был Гишплинг. Может быть, нехорошо, что не был на «Зеленой гвоздике»[2]. Покупали рубашки. Дома был Божерянов. Оделся в жакет новый. У сестры было неуютно. Карты были прибежище. Молодежь отделена и намеренно враждебна, хотя ко мне и подлезал Струве. Евд<окия> Ап<оллоновна> смутная, смущая этим меня. Вчерашний разговор странно-неприятен.

5 (четверг)

Что было? Был Божерянов, потом Юрочка, который вчера был в «Собаке» с мальчиками[3]. У нас сначала народу было мало, но потом явились все Лелечки, хотя меня и занимала Ольга Аф<анасьевна>; все-таки механическая прелесть слов и веселья у нее есть. Евд<окия> Ап<оллоновна> была мрачна. Разбил pince-nez.

6 (пятница)

Встал поздно, но голова не болела. Не выходил. Был Женя и Гумилев, и этот просит денег, и Судейкин тоже. Говорили об обеде Ауслендера[4]. Потом явился Воротников. Настроение у меня неважное. Юрочка обедал, нервился, ругался, истеричничал, потом зачем-то отдался. Когда я буду заниматься, я не знаю. И поспею ли. Говорили и читали вечер<ом> поздно. Юрочка хочет завтра в «Собаку».

7 (суббота)

Встал поздно, но хорошо. Поехали в «Н<овый> ж<урнал для всех>»[5], денег там не дали. Занял у Бобиша. Вечер был весь розовый, можно влюбиться в кого угодно. Юрочка еще спал. Отбива-

* Окончание V тетради дневника. Записи за период с 5 июля по 3 декабря 1913 г в РГАЛИ отсутствуют Либо в это время дневник не велся, либо записи были сделаны на вкладных листах, впоследствии утраченных

ется он от рук, может быть, но это, может быть и к лучшему, не знаю. Вечером пришел и сидел до «Собаки». Потом читали[6]. Отчего-то спокойно.

8 (воскресенье)

Не помню, что было, решительно.

9 (понедельник)

Был в «Сатириконе». Торопят с рассказом[7]. Юрочка приходил и уходил. Вечером прошелся, думал купить что-нибудь или проследовать aux pays chauds, но раздумал. Вл<адимир> Ад<ольфович> позвал к Альберу, посидели честь-честью, но потом я остался с Ракит<иным>, Студ<енцовым> и Лешковым и напился до беспамятства, ревел, не помню, что говорил. Вот гадость-то!

10 (вторник)

Голова. Рвет. Все проспал[8]. Юрочка утешал и одевал меня. К вечеру прошло. Читались.

11 (среда)

Встал рано. Написал рассказ и предисловие[9]. Юрочка был мил, пошли к Адамов<ичу>, читал он там. Честв<ание> Аусл<ендера> было не плохо, не хорошо[10]. Утешала сестрица и Марья Дмитр<иевна>. Узнали меня у Лейнера. Надина подлезала с Юркуном. Пил нашатырь.

12 (четверг)

Опять валялся, но не рвало. Юркун обедал у нас. Вечером ушел от гостей спать. Почему-то печально. Циммерман прислал отказ. Божерянов куда-то пропал. Вчера Юрк<ун> опять был в «Собаке».

13 (пятница)

Был в «Сатириконе» и в «Сев<ерных> записках»[11]. На редкость любезная редакция. В театре не был. Юрочка спал. Обедали. Брился; встретили возле Альбера Кругли<ко>ву и очень боялись, что она навяжется обедать с нами. Покупали платки. Юрочка был так пламенен, что меня даже поразил. Евд<окия> Ап<оллоновна> была в Эрмитажном театре[12]. Станисл<ав> попал в участок. Холодно.

14 (суббота)

Писался. Потом читал, читал и Юрочкино, понравилось. Гумилев хотел прийти в 5 ч. Архипова не было в редакции, но часть

денег оставлена. Гумилев был с Анной Андр<еевной>, напомнив Царское, мое житье, «Аполлон», Князева почему-то. Обедали опять в рест<оране>, но не у Евгения. Был Кругликов и Руманов. Дома было хорошо. Потом Юрочка отправился в «Собаку». У нас был Семенов, но о журнале ничего не говорил[13].

15 (воскресенье)

Брился. Мальчик был. Какой-то генерал рассуждал о подарке в 2000 р. Завтракал у Альбера, но Евг<ения> не было. Встретил Казу Розу. Юрочка хотел уже уезжать, когда я подъезжал к его дому. Вернулись. Пили чай. Обедали опять у Альбера. Была Каза Роза и какая-то сумасшедшая Урусова. Зашли ко мне. Il était entrepretant*. Но как быть с деньгами? У Татьяны была Софья Германовна. Юрочка был в критиканском настроении, но, идя домой, стал кроток и прост. Очень холодно.

16 (понедельник)

Расск<аз> Юр. взят[14]. Просят пьесу для «Собаки»[15]. Звонила жена Володи Федорова. Вертер прислала цветы. Завтра еще присылка будет. Евд<окия> Ап<оллоновна> как туча. Поехали. На заседании было скучно. Какие-то болваны говорили. Без меня был Божерянов, Юрочка спал, купил книг. Вечером разговаривали. Говор<ил> с Яковлевой по телефону.

17 (вторник)

Что-то делал, где-то был. Пришел Божерянов. Обедали при нем. Потом они пошли вместе. Я не был у Лодий, а сидел дома. Звонился и к Юрочке. Был днем Адамов. Евд<окия> Ап<оллоновна> привезла.

18 (среда)

Ходил бриться. Дома была сестра и Моравская. Обедали у Альбера. У Чичериных было ничего себе. Был какой-то чуваш, певец. Юрочка был один, Божер<янов> отказался ехать. В «Собаке» было мило. Крашеные жидочки изображали футуристов. Читали итальянскую лекцию. Но Н. что-то подлизывался к Т. Адамович и не хотел уходить. Увели все-таки его, хотя и произвело это насилие на меня впечатление преотвратительное.

19 (четверг)

Весь день лежу. Денег за «Фьяметту» не дали[16]. Юрочка пришел. Написал обиженные стихи, но сам мил. Пытался быть со

---

* Он был предприимчив *(франц.)*

мною, но ничего не вышло. К вечеру прошло. Все обошлось отлично. Господи, благодарю тебя! Читали еще Лескова. Обилие дел и всего пр<очего> удручает.

20 (пятница)

Что было? Брился. Юрочка диктовался. Бек его громоздкий. После обеда прошел ко мне. Все спорил и не был. Глупо, что это меня расстраивает. У Беляевской удручало обилие дам. Пели, тогда ничего. Вернулись довольно рано.

21 (суббота)

Был на репетиции. Странно звучит «Китайский балет»[17]. Городецкий просил сделать ему номер[18]. Поехали еще покупать разные разности. У Корнилова отличный молодец нам отпускал. Юрочка проспал и приехал поздно. Была Ел<ена> Ив<ановна>, играл ей. Юрочка был со мной, но мне наскучили разговоры исключительно о моей и его гениальности.

22 (воскрес<енье>)

У Юр. был Адамович и Гишплинг. Семен скучен. Обедали все-таки у Альбера, по-моему. Не помню, что было вечером.

23 (понед<ельник>)

Юрочка приехал рано. Бонди денег дал, и «День» тоже[19]. Завтракали у Альбера. Очень холодно. Вечером поехал к Евд<окии> Ап<оллоновне> на репетицию[20]. Костюмы, как из табачной, но поставлено отлично. Я очень боюсь. Замерз. Вл<адимир> Ад<ольфович> подарил мне запонки и ворчал на нас. Я раскисаю.

24 (вторник)

Утром брился, купил цветы. Там же покупала Евд<окия> Ап<оллоновна> мне венок, по поручению fr. М. Поехали к Божерянову. Печальные остатки жилья, свой дом, но проданный, старая мебель, книги, «гигиеническая столовая», тепло, антресоли. Он очень мил, умолял остаться. Поехали к Альберу, обедали у Евгения. Дома спали. Вдруг сошел покой и сочельник. Долго сидел с Евд<окией> Ап<оллоновной>, fr. уехал сегодня за границу.

25 (среда)

Сидели дома, довольно кисло и тягостно. Приехал Жак. Обедал Юрочка и вечером сидел — спал. Читали, кажется. Я не люблю праздников. О визитах не могу подумать.

26 (четверг)

Брился в «собачьей»[21], встретил Гишплинга. Зашел к Исакию. Дома были попы и оставили мне просфирку. Явился и Юрочка, очень хорошая погода. Весело обсуждали маскарад. В театре было ничего себе, но балетик провалился, по-моему[22]. Юрочка плакал с досады. Дома было не так плохо, даже весело. Смешны были м<олодые> л<юди> в бальных туалетах, теток и полутеток было человек 15. Даже явился Судейкин. Юр., кажется, был доволен.

27 (пятница)

Вьюга невозможная. Чуть не плакал, едучи к Юр. Тоскливо все. У меня бездельничал и спорил. Вечеро<м> читали Лескова и толковали о моих делах.

28 (суббота)

Холодно и ясно. Ночи так лунны. Брился. Решил никуда не ходить и стало веселее. Писался. Юрочка пришел милый, обедал. Потом писал музыку под Лескова. Какой-то хороший покой ко мне спускается.

29 (воскресенье)

Не помню, что было. Вечер<ом> ходил к Неволину, и Юр. потянул меня к Альберу; был Бобиш, но все-таки это не дело. Евд<окия> Ап<оллоновна> была еще в кабинете, и говорили слегка.

30 (понед<ельник>)

Из «Вестн<ика> ин<остранной> лит<ературы>» прислали больше, чем я предполагал[23]. Что было веч<ером>, не помню. Да, Юр. и Евд<окия> поехали в «Собаку», а я посетил наскоро Мариинскую гост<иницу>, приехал рано. Евд<окия> Ап<оллоновна> вернулась и рассказывала.

31 (вторник)

Небритым ездил к Корнфельду. Дали 20 р., не знаю, как устроюсь[24]. Брился. Дома играл «Surcoup». Юрочка спал до Нов<ого> г<ода>. У Альбера было ничего себе, хорошо говорили. В «Собаке» сначала Юрочка устраивал разные фокусы и штучки, чтобы я не читал, так что я даже щипал его для вразумления. Потом было ничего. Дома еще говорили. Играл, говорил с Евд<окией> Ап<оллоновной>, но денег ни копья.

1914

Январь

1 (среда)

Разбудил меня Ауслендер поздно, но голова не болит и есть могу. Он был очень домашен и мил. Был зять, Рюрик Ивнев, потом Юрочка, который обедал. Он запер двери, но я этим не воспользовался. Лёвушка Греб<енщиков> все тащил играть в преферанс, были Варя и Жак, скучные. Читали еще Лескова, но я не писался.

2 (четверг)

Были визитеры разные, Ивнев, Макс, Адамович. Кажется, читали вечером, тихо, чуть-чуть.

3 (пятница)

Были у Ауслендеров, я играл в карты. Славный у них Антон. Кисло ехали домой.

4 (суббота)

Был у Федоровых; не так плохо, вспоминали старину. Неволин денег не дал, и я поехал домой.

5 (воскресенье)

Утром был в Литейном[1]. Завтракал у Евгения с Казой<?> и Яковлевым. Потом не помню, что было, решительно. Кажется, был Божер<янов> с доктором. Последний мне чем-то неприятен. Был у Юрочки. Вечером был у Бигдая, совсем тепло.

6 (понед<ельник>)

Не помню, что было. Вечером наши поехали в маскарад[2]. Ев<докия> Ап<оллоновна> надела малиновый парик. Я сидел дома.

7 (вторник)

Был Божерянов. Прислали ноты «С Волги»[3]. К Ев<докии> Апол<лоновне> звонился какой-то 17-летний, ищущий «чистой» любви. Сестрица мрачна весь день. Играли Лекока. Вернулся Ю. И., читал «Перчатки»[4]. Еще читали «Лескова»* и беседовали.

8 (среда)

Тепло и сыро. Брился в собачей. Хотя и говорили, что в «Сатириконе» никого нет, поплелся туда. Дали кое-что. Встретил Ауса, который звал меня к Кузнецову, но я отменил, а отправился к Юрочке. Семен, после его похождения с госпожею, стал мне почти противен. Юрочка одевался. Был со мною. Вчера его тянули к Палладе. Вот история-то. Обедали у Альбера, там был приятн<ый> немчик один. Евд<окия> Ап<оллоновна> была уже в платье выходить на свадьбу к Зое Калжан<?>, и отправились к Адамовичам. Там был народ, но все время прошло в волнении, как бы Юр. не обиделся, что не пришлось читать романа. Он надулся, ревновал Татьяну, развязничал и дерзил. Пошел меня проводить. Вроде укрощенного льва. Зовут меня обратно в Цех[5]. Дома еще не спали и беседовали.

9 (четверг)

Получил от Балиева[6]. Юрочка пришел рано. Получили бумагу, завтракали. Вечером он пришел и Ал<ександр> Ив<анович Божерянов>. Долго спал. Остался на вечер. Были Ауслендеры, мандил слегка с Надиной. Остался и запальчиво объяснялся. Был и Каннегисер. В конце концов все, кажется, уладилось.

10 (пятница)

Что было. Юрочка пришел при Божерянове. Вышел «Огонек» с его рассказом[7], но из «Нивы» вернули. Вчера был у Юрочки. Семен ушел. Тепло, даже есть сандвичи, был Адамович и Ал<ександр> Ив<анович>. Поехал к Бигдаю, где была страшная скука.

11 (суббота)

Сидел дома, или нет — брился и видел. Заходил в театр. Говорят, что идет позорно[8]. Вечером был Чахотин, Сазонов и Юроч-

* Кавычки поставлены Кузминым

ка, долго болтали. Послал Ю. в театр. Провал, конечно[9]. Были в «Собаке», все по-хорошему. Уехал не поздно.

12 (воскресенье)

Встал поздновато, это ужасно, но писался хорошо. В 4 ч. был у Глаголина. Все по-старому, мечты о мистериях, кинематографе, «Забаве»[10]. Мило. Обедал и дома, Юрочка был мил, поправляли его роман. Беседовал с С. Е., большие сообщения от бр<ата> М. Пробовал и сам. Сегодня выводили клопов. Ах, Торжок, Сапожок<?>.

13 (понедельник)

Проспал и болела голова. Юрочка пришел от Гарязина с получкой[11], повел завтракать и бриться. Писался плохо. Хотели вечером сделать. Был и Божерянов, без меня Этьен. Он написал хорошие стихи Юрочке. Вечером было чтение и потом я пел, хотя голова болела. Рано лег, бодр неизвестно почему.

14 (вторник)

Конечно, рассчитали только за «Кошельки»[12]. Юрочка уже был у нас. Спорил до крика с Сазоновым. Потом репетировали. Вышли обедать. Купили зачем-то портсигар и вечером не могли ехать в ресторан. Этьен снимал нас и начадил страшно магнием. Писал что-то.

15 (среда)

Болела голова, так как проспал. Зол, как три черта. Юрочка к Кругликову не мог идти. Брился. Погода ликует. Ничего не делал. Опять спорили о Вагнере. Вытащили меня к какому-то скучнейшему инженеру, так что пропал зря весь вечер. У Кругл<икова> спрашивали о Юр., были народы и не так уж скверно, но ах, как болела голова. Вывесил объявление: меня не будить, никого не нужно, писарю отказать.

16 (четверг)

Вдруг встал очень хорошо. Хорошо же и писался. Писарь завтракал. Собрались на репетицию. Вдруг приходит Варя, какая-то худенькая, бледная. Юрочка чего-то спорил. Потом просматривали, спали. Глаголин зачем-то тащил меня к Суворинной, но я всех разогнал. Обедали вместе, но вечером пришел он поздно, я ворчал, но вел себя хорошо. Вл<адимир> Ад<ольфович>, против ожидания, был все-таки мил даже с Юрочкой. Потом мы сделали то, что нужно было сегодня. Может быть, это будет Божерянов, не знаю. А вдруг Агашка?

17 (пятница)

У Чич<ериных> встретили меня дети и потом все лезли ко мне. Тихо и расположенно. Тепло, но ветрено. Был у Кошкина и в парикмахерской. У Юрочки был Этьен и Бек. Поговорили. Заезжали в переплетную. Сестрица сегодня будто весела и спокойна. Читал главу. Перед концертом заходил Антоний Павл<ович> в беспокойстве насчет Лёвушки, дававшему наставления Евд<окии> Ап<оллоновне>. На концерте было довольно скучно, хотя была масса знакомых[13]. После попали к Альберу. Относительно <*нрзб.*> я угадал.

18 (суббота)

Вот ничего опять нет. Начал рассказ[14]. Юрочка не весел, но притащил книги. Собирается в «Собаку». Я остался, дома пили чай и беседовали. Я закисаю без профита как-то.

19 (воскр<есенье>)

Я уверен, что Агашка — это тот, от кого меня избавили. Погода чудная, я проспал и злился. Клопы ночью толсты, как коровы. Встретил Юрочку. Брился в собачей. Писарь не пришел, а звонился к вечеру, сговорившись с Этьеном. Обедали, были, играли, правили. Вечером действительно явились Чахот<ин> и Сазонов, дивагировали.

20 (понед<ельник>)

Никуда не выходил. Встал рано, писал рассказ; дух бодрее. Юрочка пришел с рассказом. Сестр<ица> обещали дать. Етьен <*так!*> был странен. Познакомился с Фоминым. Приехал Бакст и Дягилев; действительно, я остался как-то на задворках, или это мне так кажется? Этьен показывал альбомы, сколько лиц и фигур! Меня бодрит радость. Нужно написать брату Сашеньке. Я, кажется, растерял всех. Из-за любви? Не знаю. Читали отличного Лескова.

21 (вторник)

Писался рано. Брился, но мальчика не было. У Кусев<ицкого> висят «С Волги»[15]. Репетиция долго длилась. 3-й анненшулист страшная рожа . Воротников вчера был на «Зеленой гвоздике». Юрочка пришел милый, милый, принес [цветы] стихи к случаю. Чтобы не пришел Этьен, пошли в кинемо. Скучная драма, половину которой я проспал, во мне пробудила какой-то аппетит к жизни. У Альбера было хорошо. Попали к Евгению. Явились Бобиш и Белкин. Первый какой-то важный, едет в Москву на мою пьесу[16]. Юроч<ка> был очень хорош со мною. Потом правили «Перчатки», расстраивался, даже плакал, но потом успокоился, по-видимому.

Очень я его люблю. Как-то справлюсь с деньгами? Не знаю, все что-то не везет. Читали Лескова.

22 (среда)

Встал рано и лениво писал. Погода чудная. Зашел Этьен и рассказывал, вроде Валечки, о посещении бань и каких-то мичманах. Проехал со мной в Михайловский, где нам не дали еще билетов[17]; проводил его по Невскому; он ничего себе, но я боюсь, что он будет приставать с устройством. В «Сатириконе» сидели, запершись от сотрудников, но деньги выдали. Была там Татьяна. Дома сидели барон, Туся. Слегка куксился при Юрочке. Агаша был мрачен и убит, еле пикал, так что не слышно было: «Наны-голосочка!». Я сказал, чтобы кроме Юр. Ив. никого не пускали, ему тоже сказали, что я очень занят, и он разобиделся. Попросил прочесть дневник и опять обиделся, отчего не отмечено окончание его романа, не хотел его править, вообще заводил какую-то тесноту. У Татьяны держался независимо, аггрессивно и не очень приятно. Читал я там. Зарезался И. Игнатьев после свадьбы, говорят, он был теткой[18]. Адамович был у него на свадьбе. Татьяна была ничего себе. Мне всегда неприятна влюбленность Юрочки в Адам<овича> и, конечно, в сущности, в Татьяну, которую он в «Собаке» при всех тискает. Заявив, что будет в «Собаке», он прибавил, что не он будет сидеть со мною, а я с ним. Почему-то мне грустно и неприятно сегодня именно в смысле Юрочки. Вернулся рано; еще Псел сидели. Вл<адимир> Ад<ольфович> спал, не пошли к Альберу. Какая масса дела, но могут поправить дела. Балиеву тоже нужно скоро[19]. Как начисто я всеми забыт. Валечка, Сомов, Дягилев, родные — все!

23 (четверг)

Тепло, но темно. Писал утром, не знаю, поспею ли. На Роджерс билетов не достали[20]. Звонил чего-то Пронин, Воротников насчет маскарада, Бигдай на собрание. В другое время меня это веселило бы. Лёвушка говорит, что у Дм<итрия> Павл<овича> бывает мол<одой> Костя, если это не враки, то интересно. Репетировали. Потом вышли бриться. Юр. не обедал. Вечером правили мирно, долго сидел, вспоминая прошлое. Евд<окия> Ап<оллоновна> была на балу[21]. Приехал Бакст[22], правда что я на задворках, даже Валечка пропал, не говоря о Сомове. Впрочем, я сам виноват.

24 (пятница)

Утром писал, но Небольсина и Хижнякова приехали слишком рано. Сазонов ждал. Писал и сам. Был Милеев. Юрочка пришел поздно, у него были гости. Во время обеда явился Antoinette объявить, что Гребенщиков не участвует, Евд<окия> Ап<оллонов-

на> пришла в такой гнев, что тот спасся ко мне. Зовет участв<овать> в маскараде, но зол был необычайно. Вдруг явл<яется> Сашенька с розами и Чахотин. Наши уехали. Мы играли, болтали. Божер<янов> сидел до 3 ч<асов>, выгнали его. Потом долго и очень неприятно говорили.

25 (суббота)

Встал не поздно, но впечатление после вчерашнего разговора преотвратительное. Я думал, что ночь принесет Евд<окии> Ап<оллоновне>, как и мне, благое успокоение и благость, но ошибся, оказывается. Есть пункты, о которых даже принципиально ни я, ни она не можем говорить без того, чтобы не получалось долгих, бесцельных, вредных и ни к чему не ведущих прений. Только время терять, да и то себе на вред. Это, конечно, о любви, о которой Евд<окия> Ап<оллоновна> имеет самые пренебрежительные и циничные мнения, а я, принимая на свой счет, сержусь и говорю глупости. И смешно, и печально, тем более, что Евд<окия> Ап<оллоновна> мрачнится дня на три. Заложил кольцо и был в «Новой жизни». У нас уже шла репетиция. Диктовался, чуть не засыпая. Юрочка вернулся, неохотно побыл со мною и пошли поесть к Альберу. На наше несчастье сели к нам Ракитин с Нелидовой, потом Бобиш, испортив всю музыку. Бобиш подрался в «Собаке». Важен и пьян. Юрочка поехал в «Собаку» — не наскандалил бы он там только![23] Беседовал мирно с Вл<адимиром> Ад<ольфовичем>.

26 (воскресенье)

Хочется спать, но бодр. Звонил Юрочка, голосок у него сонненький. Брился. Пришли Юр. и Чахотин, все пикировались и дурили, потом это перешло почти в серьез. В театре на 2-м д<ействии> я подсыпал, но все-таки удивительно, как из вульгарного, краденого и невероятного сюжета Д'Аннунцио сумел сделать вещь волнующую и с искренним темпераментом[24]. Были у Альбера. Теснота невероятная; был Бобиш. Сидели не плохо. Жакомино просит №, вот занятие! Были еще Лидер и писарь. Дома до 6 ч. говорили, и не мирно, о любви.

27 (понед<ельник>)

Был у меня Геркен, Ал<лександр> Ив<анович>, писарь и Юрочка. Поехали они на репетицию. Как я все поспею сделать?[25] Не знаю, право. Все время на поделки и отыскиванье денег. Юр. вечером спорил неприятно и хотел учить меня. Потом смирился. Евд<окия> Ап<оллоновна> еще приходила ночью прочесть стихи, но есть неровность и ревнивая требовательность в ее отношениях, которая каждую минуту грозит им падением. Семенов не зашел,

по-моему, он не хочет издавать моей книги[26]. Это просто ужасно. И так во всем. Вот вам и опереточный успех.

28 (вторн<ик>)

Что было? Ездил к Небольсиной, там мило, но затхло и не совсем уютно, воздух вроде князевского. Она сама добра бесконечно. Заехал на репетицию. Там, где были когда-то «Куранты»[27]. Юрочка что-то не в духе. Были еще у Лейферта. Обедали дома и поправляли, потом беседовали. Но не был со мною. Сожгли веник. Евд<окия> Ап<оллоновна> все мрачна и склонна вносить земные психологии, сложности, почти ревности в область, лишенную их. Не знаю, что и делать. Денежные дела хуже худого. Юр. ходит оборванный и в драных сапогах, долги и т. д.

29 (среда)

Ходил бриться. Попросил у Руманова, долго ждал, пока он спал. Сосредотачивался. Юрочка был уже у меня. Перед концертом остался. Забрались спозаранок, были Валечка, мальчики, много знаком<ых>. Юрочка парадировал испанцем[28]. После поехали к Альб<еру>, где были с нами Валечка и Гига. Юрочка поехал еще в «Собаку».

30 (четверг)

Бонди рассказа не взял, но дал небольшой аванс. Поехал к Юрочке, сидит и пишет, голубь. Дома изливался Евд<окии> Ап<оллоновне>, она утешала, насколько могла. Не писался. Поправляли с Юр. Гости. Очень мне понравилась Н. Псел, она сестрица. Второй будет Рюрик. Сашенька был трогателен. Юрочка вел себя хорошо. Отлично поговорили с сестр<ицей>. Е<вдокия> будто лед сломала. Вот слава Создателю.

31 (пятн<ица>)

Болен, всех разогнал. Но к вечеру прошло, и Валечку принял. Как это ни странно, Юрочка побыл со мною. Вечер был лучше, чем я предполагал. Пели «Camargo»[29], но старые друзья отходят.

Февраль

1 (суббота)

Что было, не помню, сидел дома. Читали Лескова, писал музыку. К Адамовичам не пошел.

2 (воскресенье)

Встал рано, писал музыку. Как-то жалко, что вчера не по-хорошему поправлял Юрочку, и полюбил я его еще больше. Пришел он почти к обеду, в «Собаке» вчера не был[1]; еще неприятно мне было, что я надул сегодня Каннегисера. Звонились разные люди, но всех разгонял. Отлично правились, потом читали Лескова.

3 (понед<ельник>)

Тепло. Плелся к Гарязину. Он дал мне часть, обещая прислать другую, чего, конечно, не исполнил. Мирно говорили, просит и «Федю»[2]. Брился. У Мелье купил «Кап<итанскую> дочку»[3]. Цена высока, 16 р.; завтр<акал> в Мариинской. Юрочка сидел и писал. Заезжали к переплетчику, рамочнику. Дома писался, потом пошли в «Parisian'у»[4]; вот мордальоны! Юрочка мне привез Ренье. Правились долго. Ужасный ветер.

4 (вторник)

Были полотеры. Занимались хорошо. Гарязин, конечно, ничего не прислал. Юрочка правил роман. Был со мною, но что-то скучноват. Я мылся сегодня. Вот, кажется, и все.

5 (среда)

Гарязин прислал. Ходили бриться. Юр. куда-то исчезал. Был Семенов, хочет издавать только 1000[5]. У Кругликова сначала было скучновато. Мачинские и Городецкие не прибавляли веселья. Были Ауслендеры и Зноски, Юр. не особенно расстраивался. Ужинали очень хорошо. Он попросил посидеть дольше и благодарил меня, но Евд<окия> Ап<оллоновна> ушла одна с больной ногой. Разбираю всё письма. Был Георгий Иванов. Юр. почему-то был со мною.

6 (четверг)

Кончил «Федю», был Сашенька. Вместе обедали у Евгения. Поехал и к Ракитину; москвич поговорил, обещал деньги в субботу, Ракит<ин> читал свои сцены, довольно скучные[6]. Акт отлично идет. Евд<окия> Ап<оллоновна> вчера снова повредила ногу. Юр. и Саш<енька> были у доктора и первый здорово наэфирился, я был рассержен страшно. Расстр<оился> при поправке, плакал, спорил, злился, едва его успокоил. У Татьяны было мило, но Юр. истеричничал. Зашел ко мне еще. Но Евд<окию> Ап<оллоновну> я поймал и дочел «Федю», хотя она не понимает.

7 (пятница)

Гарязин не хочет давать 400 р , но хотел заехать. Писал предисловие, после завтрака Евд<окия> Ап<оллоновна> зашла ко

мне и сидела до Юрочки. По правде сказать, обиды и болтовни всё время дома берут все часы, вроде к<ак> на «башне», и если я занимаюсь по утрам, то только потому, что Евд<окия> Ап<оллоновна> спит. При Юр. снова читал. Евд<окия> Ап<оллоновна> помрачнела и рассердилась; вечером предложила предисловие подписать своим именем, указывая на скандал, могущий произойти. Может быть, она и права, но деления на au delà* (все, что не Юр<ий> Ив<анович>) и оперетку (все, что с ним), удивляют. Юрочка обедал и почему-то был со мною. Но читать не хотел, ушел рано, я хотел поиграть, но пренеприятно проболтал о дружбе и разных пустяках. Писарь писался не со мною. Кончили «Перчатки». Сначала меня охватило настр<оение> очень дружное и святое, но требование визитов и «мамочек» от друзей — недостойны. Пришлют ли завтра денег?

8 (суббота)

Балиев не прислал, Гарязин отказался, в «Собаке», куда меня выбрали членом[7], высказались против Пяст и Кульбин. Вот contra me**. Юрочка все правил переписанные «Перч<атки>», был Адамович и потом Сашенька. Брился в собачьей, где теперь Павел с Бассейной. В «Собаке» было тесно и не важно. Вздыхал Каннегисер. Еще дома говорили. С нами были Псел.

9 (воскресенье)

Сегодня целый день правили «Перчатки». Кончили рано. Мне очень хотелось играть, но вместо того не очень хорошо говорили. Евд<окия> Ап<оллоновна> недовольна, что я все сижу у себя. На дачу хотят ехать очень, очень рано. Это меня никак не устраивает На выставку не пошел[8].

10 (понед<ельник>)

Опять ничего. Писался. Юрочка рано пришел. Лег. Я хотел бриться. Пришел Сашенька, оставил их. Холодно и ясно. Юр. пошел обедать и к Семенову. Котенок пришел. Сашенька содрал себе руку; Семенов был, по словам, любезен. Принесли от Балиева только 60 р. Позвали Саш<еньку> от доктора опять к нам. У Альбера было хорошо, видели Валечку. Юр. был, будто, доволен и все болтал. Служил Евгений. Сегодня имянины Вал<ентины> Серг<еевны>. Я не был, может быть, это нехорошо.

---

* Потустороннее *(франц.)*

** <То, кто> против меня *(лат.)*

11 (вторник)

Ясно и холодно. Писарь не приходил. Балиев просит переделать баллады[9]. Досадно. Вышел пройтись, купить чернил. Заехал к Юрочке; тот, милый, мечтал над пустым листом бумаги. Поехали на выставку, очень слабо, хотя кроме В. Васнецова вопиющих картин нет. Обедали вместе, позднее были в «Мажестике». Дома что-то клеил<?>. Потом Юрочка остался. Евд<окия> Ап<оллоновна> была мрачна, но потом разговорилась, лучше, чем обыкновенно.

12 (среда)

Не брился. Евд<окия> Ап<оллоновна> говорила хорошо. Пришел Юрочка, спорился. Потом был Як. Гишплинг. Все спали чего-то. У Юр. опять запор. Писал немного. Нужно как следует заняться. Пришел и Божерянов, который с нами отправился к Адамов<ичу>. Там было не так скучно. Был Гумми, Ив.[10], Мандельштам<?>, Каннегисер, Бальмонт. Возвр<ащались> рано с Сашенькой, дома еще читались.

13 (четверг)

Сегодня день ликует. Не писал, так как Чичерины позвали завтракать. Купил кое-чего. Юрочка пришел не поздно. Сидела с нами Евд<окия> Ап<оллоновна>. Обедать отпр<авились> к Альберу. Сашенька пришел первым. Я мерил еще дамские платья. Было очень много народа. Не скучно, не весело. Запирались у меня в комнате, так как пищи нельзя было достать, ломились разные люди. Каннегис<ер> все говорит о любви. Оставались Саш<енька> и Юр. долго. Потом еще говорили. Поможет ли нам Господь Бог? Из «Нивы» мне вернули[11].

14 (пятница)

Проспал, но голова не болела. Fr. M. сказал, что еще возможно. Юр. пришел рано. Спал и спорил, бродяжка в нем просыпается. Евд<окия> Ап<оллоновна> попросила дневник и вычитала там 3 обиды. Сегодня мамаша больна, все валится. Геркена проспал.

15 (суббота)

Брился. Завтр<акал> у Альбера. Купил розы и Debussy. Гребенщ<иков> тащит в театр[12]. Отказался. Был Сашенька, кажется. Нет, Ивнев и неожиданный Щербаков. Все такой же. Юр. обедал с Рюриком, говорят, посл<едний> совершенно готов; это очень важно и приятно. Юр. ушел рано, но, кажется, попал в «Собаку».

16 (воскресенье)

Проспал, болела голова. Всех разогнал, слу<шал?> «Пробуждение Диониса». Все-таки, несмотря на отказ Щерб<акова>, обеда<ть> пошли к Альберу. Вчера ничего в «Собаке» не дождался. Если опять явится Надина, это будет очень плохо и для нее.

17 (понедельник)

Был Ракитин, там где-то что-то делают, Ауслендер представил пьесу, Мейер изд<ает> журнал[13] — я ничего. Обедал у нас Юр., попрос<ился> Щербак. Семенов издав<ать> Юр. не хочет, — вот удар еще в самое сердце[14]. Щерб<аков> его утешал и пригласил ужинать. Альбер был закрыт, так как обвалилась штукатурка с потолка. Были в скучном Лейнере, где сидел накрашенный Як. Як. <?> и есть недурной слуга. Мои спутники еще поехали в «Собаку»[15], я не знаю, как...*

18 (вторник)

Сестрица весела. С утра писал. Вышел бриться; какое-то освобождение, не знаю, почему. Просто увидел простыми глазами все. После завтрака немного писал. Юр. говорил с Ев<докией> Ап<оллоновной>, кисел, расстраивается. Был и Сашенька. Доктор его не полезен очень. Беседовали мило и он обедал. Юр. получ<ил> откуда-то 10 р. (говорит, от Гаряз<ина>, не от Щербака ли, — второе было бы лучше, гарантируя, что он не был с девицей). Потащил нас в Café Empire, все наполненное девками. Возвр<атились> еще к нам. Читались еще. Я люблю Юр., но как-то устал от безденежья.

19 (среда)

Никуда не выходил, разбирался, клевал носом. Писарь пришел поздно. Писал лениво. Татьяна больна и звала меня к Корнфельд, но я как-то пренебрег. Сегодня большой день для Вал<ентины> Серг<еевны>. Вечером брал ванну и играл; у нас были Мешинг и Ротин. Вал<ентина> Сер<геевна> просила надписать еще Гиге книгу, я теперь больше ее люблю.

20 (четверг)

Чудный день. Немного дремлю, вставши рано. Писал лениво. Брился. Пришел Сашенька. Он устроился у Сойкина. Рад за него. Кто-то прислал книгу. Долго читали Лескова. Мирно сидели втроем. Ев<докия> Ап<оллоновна> сказала, что с изданием «Шведских перчаток» она надеется à sec**. Пристают [шиповни] сатири-

---

* Фраза не закончена

** Всухую (*франц* ; в значении «без убытка», «покрыть расходы с нулевой прибылью»)

концы, но это было бы безумием брать[16]. Какое-то освобождение близится.

21 (пятница)

Утром весело, но мало писал. «Княгиня» идет очень плохо<?>[17]. Нелюбимая вещь. С «Федей» же все неудачи. Чацкина просит подождать и чего-то там находит. Кожебатылыч <*так!*> не едет. Денег ни гроша. Юрочка поскуливает, волнуется. Сазонов притащил Макса. Вечером были Семенов и Ротин. Я так давно не выходил, что просто ужас. Что же Балиев молчит-то? Мне скучно чего-то.

22 (суббота)

Хорошо на улице. Вышел с Евд<окией> Ап<оллоновной>, купили прелестного Р. Дюкаса. Встретили Пронина, Иванова, Бобиша. В Гостином, зайдя по поручению Евд<докии> Ап<оллоновны> купить книжку, видел альманах «Альциону». Там «Принц с Мызы»; вроде журнала, но дорого стоит и вряд ли пойдет; отчего-то не прислали, как и многого другого[18]. Являлась Жуковская. Вечером ничего не делали, читали По, но нужно было бы писать; отослали Сашеньку. Юрочка торговался о каждой букве и расстраивался.

23 (воскресенье)

Отлично говорили. Тепло и светло. Брился. Встретил Званцева. Вот только пишу мало. Глаголин снова звонил о кинематографе[19]. Юр. уже сидел у меня, но я прошелся с Евд<окией> Ап<оллоновной>. Юрочка был кисленький, но роман его начинает печататься. Билеты на завтра взяли, хотя идти мне не хочется. Играл Лекока и новых. Не знаю, что будет с моими творениями.

24 (понед<ельник>)

Писался. Кончил «Княгиню». Сашенька прилетел очень рано, сидел до 4-х. Юр. ничего себе, несколько подстанывал, да и то ведь — скучно ему жить, а мне — не знаю. В театре была Вал<ентина> Серг<еевна>. Знакомых много. Наши, Эпштейны, Гумил<ев> и т. д. Успех был, но и шикали[20]. Был у Альбера, но не у Евгения. Видели там Бобиша. Сестра все пеняла мне, зачем я не бываю у них, жалостливо.

25 (вторник)

Явился Гюнтер, был у меня. Я брился, он покупал книги, завтракали у Альбера, потом сидел немного у меня. В «Альционе» меня хвалят[21]. Меня почему-то это трогает. Юрочка побыл со мною, но рано ушел Читались еще. Евд<окия> Ап<оллоновна> чего-то

ждала, что я скажу, но я ничего не знал. Встре<тили> Рюрика и Пастухова, гуляют.

26 (среда)

Писал «Плавающих»[22]. Евд<окия> Ап<оллоновна> в духе. Адамович зовет. Не выходил. Планы у Гюнтера обширные, не знаю, верить ли. Пришли Рюр<ик> с Пастух<овым>. Божеря<нов> не пришел. Все было не плохо. Чацкина берет «Федю». Долго ждали, когда ехать к генералу, но генерал денег не дал и был кисел достаточно. У Адамовичей было ничего себе, и Юрочка вел себя прелестно. Очень холодно. Дома Евд<окия> Ап<оллоновна> меня встретила, куплен постн<ый> сахар, честер, винные ягоды. Вскоре пришел и Вл<адимир> Ад<ольфович>.

27 (четверг)

Что-то делал. Устроил немного Юр., приехал Бартенев из Москвы, разные новости. Вышел к Гюгюсу, он читал мне стихи, потом пошли к Альберу, куда прибыл и Вальтер. Служ<ил> Евген<ий>, был Бобиш, было жалко Юрочки почему-то, бедного, роман у него не ладится. Да, были еще Антоний с Левушкой. Брился.

28 (пятница)

Заходил Гюгюс. Евд<окия> Ап<оллоновна> мрачна и измучена мамашей. Все не ладится. Писал мало и плохо. Был Сашенька и потом Мозалевский, принес альманах[23]. У Юрочки болит горло, бедный, бедный кроличек. Пальто ободранное, шляпа старая, о Господи! Был и Семенов.

Март

1 (суббота)

Ходил бриться в собачью. К гостям нас вытягивали. Был Ивнев, Сазонов молчалинствовал. Ничего. Потом Юрочка обедал у меня. А вечером раньше ушел. Вечер<ом> еще играл оперетки, но потом спорили о Дебюсси и Евд<окия> Ап<оллоновна> разобиделась страшно. Я всегда не знаю, как с ней обращаться, а вести себя как Сазонов, льстить и каждую минуту бояться, каким боком повернуться, очень трудно.

2 (воскресенье)

С утра был у Гюгюса, вчера он кутил и до 8 ч. утра[1]. Сидел, ворчал, потом потащил меня гулять. Встретил того актера, который когда-то пристал ко мне у Мариинской гостиницы: теперь он

форменный нищий. Был Божер<янов>, потом Мосолов с Юр., он пришел, как сумасш<едший>, веселый и страстный. Но потом читали Лескова, и он заругался, хотел уходить, но заснул. Я стал играть Лекока. Божер<янов> вылез, и Юр. разделся. Посидели, разговорился о Париже. Наших не дождался.

3 (понедельник)

Грязно. Брился. Ев<докия> Ап<оллоновна> не так сердита, но потом вскипела, зачем мы похвалили рассказ Крачковского, и даже прилетела говорить об этом, полная непонятного жара. Юрочка писал у меня, а я переводил. Вообще был крайне мил, но что-то меня удручает несколько и делает вялым и засохлым. Умоляли прийти в «Собаку», где был Бальмонт, но я [смутился] отказался[2]. Не знаю, пошел ли Юрочка.

4 (вторник)

Идет дождь. Чацкина выдала всего 25. Беседовал о Юрочке. Видел Садовского. «Нива» берет. Вчера в «Собаке» было ничего, но Бальмонт приставал к Юроч<ке>. Обедали у Евгения, но Юр. скис. И дома хандрил, спал. Купили книг, я — Ренье. Добужинский передавал, что «Безумцев» очень скверно играли[3]. Пел «Girofle»[4]. Юр. оставался после Божерянова и смягчился, зато сестрица — туча-тучей; и всякий раз это, как я обедаю или сижу с Юр., будто тут есть параллель. Даже Сашеньку разлюбила из-за того, что он дружит с Юр., а не терпеть его не может, как этот дурак пошлый, Сазонов.

5 (среда)

Утром попросил у Вл<адимира> Ад<ольфовича> денег и извинялся. Он хорошо сказал. Прислали от Чацкиной. Пошел бриться, позавтракал у Евг<ения>; к Юрочке. Сидит перед печкой, трепаный. Пошли куда-то, да, в перепл<етную> <и> «Ниву». Светлов очень мил и выдал тотчас. Говорил о балете, Бобише. Зашли к Вальтеру. Потом обедать. Потом к Эсдер<с>, покуп<ать> пальто и башмаки. Хотел и почему-то цилиндр. Юр. захот<ел> читать. Евд<окия> Ап<оллоновна> опять меня поедом ела, чего ей надо? Она обижена, что я с Юр. не только целуюсь, а дружу и разговариваю. Апеллировала даже к Татьяне. Вообще злыдня невероятная. Что я ей сделал? Читаю восторженно Ренье, как пью, и отдыхаю от наивных и варварских взглядов (русских) на божественное ремесло прозаика. Поневоле ушли. Были в кинемо и опять у Альб<ера>, где сатириконцы. Что-нибудь надоть *<так!>* опять предпринимать. Еще не спали, но я прошел не прощаясь и лег спать. Это не самолюбие, а злыдничество, провокация, дразненье, и как мало ума и такта — все эти выходки сестрицы.

6 (четверг)

Евд<окия> Ап<оллоновна> проста и мила, но еще злится. Боже мой! Проводил ее по Морской, сам купил бумаги. Юр. был уже у нас, без пиджака, в цилиндре, расстроенный и виноватый, наверное, вчера был у девицы. Спрашивал о шпаге, выдумывая всякий вздор[5]. Потащил, чтобы я его проводил. Евд<окия> Ап<оллоновна> справедливо возмущена, что я не выкупил пальто. У Татьяны был Ивнев. Читал «Плав<ающих>». Юр. довольно дерзко пикировался. Попросил заехать с ним. Уж<инали> у Евгения. Юр. жалкий, милый и злой мальчик. Говор<или> дружески с Евд<окией> Ап<оллоновной>.

7 (пятница)

Денег опять нет. Брился, купил цветов Евд<окии> Ап<оллоновне>. Сашенька пришел. Юр. потащил в «Вену». Погода чудная. Дома читали Лескова. Юр. спал, я отмачивал ботинок. Поехали к Юр., потом на выставку. Мил Ходовецкий[6]. В «Собаке» было не плохо: Олет, Нижери, Гумилев, Паллада, будто прошлый год[7]. Вечер<ом> все ухаживал за Юрочкой. Играл я неудачно. Дома долго говорили.

8 (суббота)

Все болит: зуб, голова, зол, проспал и т. д., не работаю. Юрочка поправлял, я нехорошо сердился и на него, а он очень милый.

9 (воскресенье)

Целый день вожусь с зубами. Вальтер притащил мне Виланда. Был Милеев. Ничего не писал. С Юрочкой правились, ушел он рано, еще лечился. Потом немного говорил. Что же это я ничего не делаю? Это просто ужасно.

10 (понедельник)

Начал писаться бойко, но забол<ел> зуб. После завтрака прошел. Гулял. Встретил Валечку. Юр. чего-то ссорился, просил прощенья, но опять ссорился. Играл немного. Не завтра ли начало, нет, в четверг. Новолуние.

11 (вторник)

Все мои платежники надувают. Это ужасно. Гуляли с Евд<окией> Ап<оллоновной> в Гостиный двор. Чудная погода, но как же с деньгами? не знаю. Юр. пришел печальный, но желанный, ему душно, не пишет, волнуется. Струве и Сашенька не пришел. Встал очень рано и писал стихи при полотерах. Вечером были три жида —

Лившиц, Лурье и Мандельштам, играли, болтали. Лившиц вроде Жака; чувствовал себя почти ненужным стариком. Вечером читала Евд<окия> Ап<оллоновна> романы. Купили Chuzevill'я[8]. Ужасный вздор он пишет про меня.

12 (среда)

Не выходил. У Евд<окии> Ап<оллоновны> были визитеры. Ко мне пришел Женя, зовет в «Современник»[9]. В Москве «Безумцев» хвалят[10]. Писал плоховато, хотя зуб и прошел. Юр. был хорошенький, как прелесть. Сидел, писал, волновался. Вот так. Евд<окия> Ап<оллоновна> грустна и говорила со мною.

13 (четверг)

Разные несчастья: Чацкина уехала за границу, книги к Пасхе не поспеют, Гуревич прислала письмо, где не возвр<ащает> Юр. рассказа, но посылает критику[11]. Писался. Сегодня один из самых больших дней. Что мне поручено! Господи, помоги! Играл, как чиж, пока Юрочка писал у меня. Обедал он у нас, потом спал, беднягин. Вечером поехали-таки к Беал<?>, пели, народу было не много и было ничего себе. Беседовали еще.

14 (пятница)

Что было? Выходил в «Записки», где мне дали. Дома уже был Юр., идет в Общество поэтов[12]. Набросился на меня при Божерянове за то, что я не хочу идти к Глаголину. Я поехал, и, конечно, его не было, а была полная квартира кинематографистов. О пьесе даже не знают. Звонил Чичерин. Юша просит написать и прислать ему книг. Мне это приятно. Вечером играл Сашеньке, но что-то меня гнетет, не знаю сам, что.

15 (суббота)

Брился. Встретил Руманова. Солдаты шли с музыкой, будто крестный ход. Форма делает человека непохожим на человека, как всякое облачение. Писался немного. Юрочка кисленький, не был. Обедали он и Сазонов, ругаясь. Потом он писал, а я играл. Вечером ходил и писал. Хорошо говорили.

16 (воскр<есенье>)

Юр. обедал у нас, или нет. Я был у него, где был Мешинг <?>, Георг. Иван<ов> и Адамович. Юрочка так печально провожал меня, будто я уезжаю. У Чичерин<ых> было мирно и хорошо. Отыскал меня Глаголин. Были Врасские. Юр. не звонил: наверное, попал к Татьяне. Когда я вернулся, Евд<окия> Ап<оллоновна> прочла мне главу, которая мне не понравилась. Она огорчилась, порвала

рукопись, и вообще вышла целая трагедия. Совершенно неожиданно для меня.

17 (понед<ельник>)

Чудный день. Гуляли тем не менее с Евд<окией> Ап<оллоновной>, купили опереток. Потом я брился. Юрочка обедал в столовой. Но как только явились Бальмонт[13] и Божерянов, — удрал. Потом звонил, что он придет в час. Мы много играли, но, в конце концов, было скучновато. Юр. приш<ел>, будто в «Селект»[14]; бродяжный дух его томит, печально был со мною, но потом утешился.

18 (вторн<ик>)

Идет снег. Звонили разн<ые> люди: Балиев, Мейерхольд etc. Евд<окия> Ап<оллоновна> все мрачнеет. Околел Фриц, вернулся Вл<адимир> Адо<льфович>. Ободренный, несчастный Юрочка сегодня именинник. К счастью, ему прислали корректуры, что его порадовало. Кожеб<аткин> обещает «деловое письмо». Вечером пикала маленькая Потапенко. Семен<ов> к Пасхе деньги обещал.

19 (среда)

Что было? Был С. С. Позняков, при Юрочке. Наносили поправления. Юр. был нежен, потом разговорился. Были Пселы и Беклунг. Вылезал к ним. Писал стихи Карсавиной[15].

21 (пятница)

Были разные народы. Писался немного. Евд<окия> Ап<оллоновна> опять мрачно и, по-моему, несправедливо говорила, не верила, изводила, провоцировала, — по-моему, такие сцены могут быть только между любовниками, и потому они мне вдвойне неприятны. Все, что есть хорошего, истребляется от ненасытной требовательности и капризной подозрительности. И главное не в том, чтобы я лучше был к ней, а чтобы я был хуже к Юрочке, бездушнее. И даже писанье, богоделание и сила уменьшаются от этих сцен и теснот, напряжения, чувства враждебности к себе, а не от чего другого. В сущности, к чему сводятся требования? — чтоб я не любил Юрочки. Тогда и святость, и успех, и сила, и богатство, и покой, и трудолюбие. Мне стыдно об этом думать. Вот как можно уничтожить лучшее стремление. А я чист перед Богом. Только что хотел идти бриться, приехал Юр. Пошли бриться вместе, там мое появление всегда вызывает сенсацию. Погуляли еще. Потом он пришел. Был не в духе. Хотел что-то сказать, но я его как-то оборвал и дал уйти, было неприятно, будто помял цветочек. Вероятно, душою чувствую, что я по отношению к Юр<ию> Ив<ановичу>

поступил нехорошо. Евд<окия> Ап<оллоновна> была мила крайне, но пришла Аполлонская и просидела, жалуясь, весь вечер. Играл оперетки. Как все плохо и мелко, особенно обидно видеть это там, где не хотелось бы считать возможным ничего подобного.

21 (пятница)

Кончил «Плавающих», поговорил с Евд<окией> Ап<оллоновной> хорошо. Приходил Гига Тарасов, толковал о Шлейферте и Арбузове, потащил пройтись; везде солдаты: приготовление к параду. Юр. обедал, написал кое-что, ходили в кинемо. Потом отправились к Кругликову. Там было ничего, даже очень мило. Я был очень весел и всем рад. Читал и пел, даже за ужином сидел с Городецким. И Зноски, и Гумилевы, и Белкины, и Позняковы — все были милы, даже Paul Fort не мешал[16]. Рассвело, когда вернулись.

22 (суббота)

Вскочил ранехонько и все было прекрасно, но что было, не помню.

23 (воскресенье)

Проспал, злился, не работал. Потом обошелся. У Татьяны снова голова. Полулежал. Был Ивнев. Лег рано.

24 (понед<ельник>)

Ездил к Семенову, к Юрочке, обедали. Купили boîte à joujou*. Он пошел в «Собаку»[17]. Евд<окия> Ап<оллоновна> была ничего себе. Был со мною.

25 (вторн<ик>)

Не помню, что было. Были в кинематографе. Да, был у Юр., гуляли, потом зашел к мне, были Ротины и Семенов. Утром купил цветов Евд<окии> Ап<оллоновне>. Вечером стала говорить о журнале без беллетристики (кому это нужно?), вдруг подумала о «Глобусе», Юр. Ив. и т. д.[18] Все было кончено, что я иногда ей предпочту Юрк<уна>, она не простит. Но неужели из-за этого перестаешь быть сыном Божьим? из-за того, что я предпоч<итаю> Юр. Евд<окии> Ап<оллоновне>? Это — пустомнение и больше ничего.

26 (среда)

Брился. Мальчик стоял розовый и сонноватый, будто влюбленный. Погода чудная. Поговорил с Евд<окией> Ап<олло-

* Ящик с игрушками *(франц.)* — возможно, имеются в виду ноты к одноименному детскому балету К. Дебюсси (1913)

новной>. Страшная обида, невероятная. Но что же делать, иначе было немыслимо не только что-нибудь делать, но просто жить. Поехал в Азов<ский> б<анк>, долго ждать, все сидят, как в «Аквариуме», вместо боев старые псы. Молоденький гусар учитал векселя, все смотрели. Встр<етил> Татьяну, прошелся с нею. Она ничего себе; шел Бек, сказавший, что у меня Ю<рий> И<ванович>. Собиралась масса народа; так как я не знал, можно ли будет сделать визит, то уехал с Ю<рием> И<вановичем> пить чай. Потом затащил меня к Клочкову, потом обедали. Олет высовывалась из авто, почти падая, розовая, как цветок. Покупали еще польских книг. Юр. в цилиндре, приходит в забвение при покупках. Дома было хорошо, но Евд<окия> Ап<оллоновна> куда-то нарочно уехала. Предложил играть, но вид, будто раненная в сердце. Что я сделал, преступник ли я? Спал, помолясь, печально и спокойно.

27 (четверг)

Встретил Татьяну, гулял с нею. Да, был в церкви, парикмахерской<?>, в Азов<ском> банке — Евд<окия> Ап<оллоновна> расстроена. Поехали с Юр. Это все было вчера. Сегодня заехал к Юр., потом к Клочкову, к Альберу, Вольфу, Кусевицкому, и Юр. огорчился. Устраивали оргию с Евд<окией> Ап<оллоновной>. Проводил его и поехал к Миклаш<евскому>; было очень мило, но с Судейкиным пиво не сваришь. Тамара очень любезна.

28 (пятница)

Был у обедни, потом брился. Юрочка пришел рано от Бонди. Поехал к нотариусу подписывать завещание, вспомнил почему-то, квартет из «Беглой»: «Мы все здесь лжесвидетели»[19]. Исповедовался. Дома втр<оем?> было мирно. Юр. дождался, обедал у нас. Все как будто хорошо. Пошел к Анчевским. Да, у меня был тип из «Лукоморья». До чего дошел: в суворинский журнал иду[20]. Я решил в «М<алый> Яросл<авец>» пойти. Настя очень просит. У нас был Рюрик и Струве. Бартенев заскочил. Уговорил ехать Ев<докию> Ап<оллоновну>. Приехали первыми. Было приятно вспомнить старину. Минский мне очень понравился. Трогателен[21]. Сологубы милы, Чулков позировал на нежность, Аничков, Венгерова. Говорили речи, воспоминанья, я пел, читал стихи. Просидели дома до обедни, хорошо говоря.

29 (суббота)

Жмут сапоги, я люблю ждать в толпе причастия. Очень хорошо. Вернулся, попил кофе, лег. Письмо от Сашеньки, в Лейпциге, поздравляет. Переписывал ноты. Были народы. С Юрочкой гуляли. Сверстаны кор<ректуры> «Голубок». Вечер<ом> Юр. рас-

страивался. Кто-то прислал мне розу. Писем, писем без конца писать. Вчера Юр. был на Карсавиной[22]. Весело провожали на вокзал. Возвр<ащался> с Рюриком. Спросил его про посылку. Юр. долго не ехал. Было скучновато. Вдруг Валечка. Поехали было в бани, но нас не пустили. Юр. поехал ко мне.

30 (воскресенье)

Дождь и грязь. Брился и отпр<авился> к Сологубам. Настя еще спала. Сологуб говорил о театре и что ему нужно 1 ½ миллиона, так серьезно и увлекательно, будто сумасшед<ший>. У него есть фанатизм, как это ни странно. Читал стихи, дал книги, был прост и мил. Суворина ничего не ответила. Юр. был уже у меня. Болела голова. Сидели, будто в Окуловке. Тихо и долго. Клопы устроили какую-то оргию.

31 (понед<ельник>)

Поехал к Гарязину, встречал массу знакомых. Сазонов завтракал у меня. Потом явился Юр. в драном костюме и сапогах. Гуляли. Обедали. Опять тихий вечер. Читали Диккенса. От Евд<окии> Ап<оллоновны> открытка, но что-то меня гнетет. Звонила сестра. Не хочется идти завтра к Небольсиной.

Апрель

1 (вторник)

Что-то поздновато встал. Были полотеры, но из их прихода стихов не вышло. С Агашкой не занимался. Попросил меня письмо к Чацкиной; дал, но потом жалел. Это гадко. Насилу дописал романс, но послал его, не ходя сам[1]. В парикмахерской какой-то паралличный генерал говорил о «2 femmes qu'il va prendre»*, какой ужас, а сам я разве [не] лучше? Юрочка спал, вчера был в «Собаке», за ним заезжали мальчики. Говорит, что меня хвалят, но я этому как-то не верю[2]. Обедали у Альбера и Евгения. Все меня забыли. Суворина денег не шлет, Ракитин не звонит, никто, никто. Очень скучаю, что наши уехали, времени хоть отбавляй, а делать почти нечего, даже писем не могу написать. Юрочка почему-то был со мною. Потом играли и читали Диккенса. Ушел рано. Я живу, как в Костроме. Хоть бы Сашенька приезж<ал>. Главное, что при уединении у меня нет настоящего покоя. Господи, спаси и помоги мне. Когда все сделаю?! Попробую писать.

* «Двух женщинах, которых он скоро возьмет» *(франц.)*

2 (среда)

Писал плохо, почти ничего. Письма только. Вал<ентина> Серг<еевна> сидела, разбирая книги. Послал Бонди[3], хотя Юр., кажется, и хочет его монополизировать. Играл. Пошел пройтись, но Юр. не встретил. После читали Диккенса. Сидел не долго. Звал Гига, но я пренебрег почему-то. Юр. отправился в «Собаку»[4]. Что же гнетет меня? Суворина очень резко послала меня к секретарю «Нов<ого> времени»[5]. Никто не звонит и не отвечает.

3 (четверг)

Поговорил с Афанасьевым и условился посетить его в театре[6]. Премилое письмо от Евд<окии> Ап<оллоновны>. Хорошо ездит. Брился. Мальчик так посмотрел, будто что понимает и не протестует. Послал письмо Чич<ерину>[7]. В Малом театре шла репетиция буренинск<ой> пьесы, где танцы ставит Бобиш[8]. Там Бобышев, в «Лукоморье» всех зовут, и Гумил<ева>, и Ахм<атову>, и Мандельштама[9]. Афан<асьев> подленький, но деньги выдал. Пьеса чем же не «Ставка кн<язя> Матвея»! Познакомился с Буреиным. Он сказал: «Вот вы какой?» — «Да, вот я какой». Заехал к Альберу. Сказали, что только что был Юр.; звоню домой, нет. Позавтракал. Приезжаю домой — нет, не может подойти. Звонит сам. Звон<ил> Ивнев. Пришли, много событий, были Пастухов и Иванов. Ивнев едет в пустынь[10]. Пошли обедать, купили книжечек. Поехал к сестре. Они уже перестали меня ждать и чуть не полегли все спать. Мило беседовали, словно в Окуловке. Уезжают они в Юрбург.

4 (пятница)

Саз<онов> не приходил. Писал письма. Играл. Юр. пришел. Гуляли с ним. Расстроился, так как приставали к нему какие-то шантажисты. Встретили Корнф<ельда> и Валечку. Я не могу видеть у Юр. сердитого лица. Зашли купить яблоков. Мирно сидели, обедали. Будто сынок, любимый и не очень послушный. Спал потом. Читали Диккенса. Заторопился домой, будто у него rendez-vous, но вернулся, сходил только за шоколадом. Посидел, пил чай. Но я не работал почему-то. Клопы неистовствуют.

5 (суббота)

Все не знали, идти ли к Пастухову. С Юр. опять какие-то неприятности из-за тех же шантажистов. Ездил зачем-то к Окуневу на П<етербургскую> ст<орону>. У Паст<ухова> был Лёвушка и Орест, жена его не очень приятная, но сойдет. Лёвушка примазывается, что же — кормят, может быть, и денег займет. Настя Солог<уб> звала меня разговляться. Говорил с Кузьмичом. У Чичериных было мило и уютно. Брился. Юрочка был уже у меня. Обедали От-

пр<авились> походить, устал я. Дома он впал в полуистерику, но потом обошелся. Печально встретили Пасху.

6 (воскр<есенье>)

Ходил с мамашей по Гостиному. Ездил к Солог<убам>, город похож на кладбище, весною, в праздник. Были Ивнев и Сазонов, Ротина, Юр., конечно. Говорили и правили. Штат напился. Письмо от Евд<окии> Ап<оллоновны>. Пастухов обещал.

7 (понед<ельник>)

Много было мальчиков днем. Пастух<ов> дал. Пошли обедать, потом в театр. Был кошмар, всего хуже сам Блок. Невероятный вздор[11]. Пошли с Серг<еем> Серг<еевичем> ужинать, захватив Судейкина. Масса знакомых. Попали еще в «Собаку», но там было очень скучно[12]. Скоро уехали с Валечкой и Ивневым.

8 (вторн<ик>)

Обедал у Чичер<иных>, был там Яковл<ев>, что-то заговорил о Петренке, с которой дружен. Кострич неприятно и бестолково теософична. Играл много. У Сологубов была кошмарная эротика. Утешила Олет и Доди. Мейерхольд ничего, Чудовский здоровался. Читал и пел. Плелся утром домой.

9 (среда)

Болела голова. Был зол. Писарь отказал зятю. Что-то было еще. Из «Огонька» только в понедельник. Ходил бриться. Семена из парик<махерской> прогнали, но он стоял у угла. Пошел за мной, заговорили, дал адрес, обещал rendez-vous. Это меня как-то взволновало. Юр. потащил меня гулять. Встр<етили> Иванова. Захотел есть. Опять к Альберу и деньги тю-тю. Поехал в «Собаку», я сидел дома[13]. Подавал чай Полин брат.

10 (четверг)

Отдал последние деньги. Тихо сидели. Приходил зять. Конечно, просит о долге, но не очень настойчиво. Выдумали читать лекцию в «Собаке»[14]. Звонила Петренко. Я пускаюсь в какие-то авантюры. Вечером побрели в «Собаку» уславливаться. Там уныло, но ничего. Притащили массу художествен<ных> дев. Плелись домой.

11 (пятница)

Что было? Заложил жакет, дали 20 р. Надо вина и сыру. Пришел Лёвушка, вместе ходили бриться. Потом к Ауслендерам. Лёв<ушка> христосовался с Антоном. Было так себе, говорят о

Юркуне. Послал телеграмму. Приехал Божерянов, болен, просил приехать. Вместо «Незнак<омки>»[15] поехали к нему. Лежит, бегают дети, мать, брат. Ничего, хорошо. Беседовали; он плох, по-моему. Пошли в кинемо, где видели Нурока и Валечку. Вечером и ночью звонил Зноско, но я уже спал. Денег нет, работа стоит, что мне делать? Молился очень, смутно у меня на душе.

12 (суббота)

Не помню, что было. Решительно не помню. У Сашеньки умер отец.

13 (воскресенье)

Пришел Мосолов с Юрочкой, спорили о Э. По. Обедали дома. Скоро кончится наше сидение, французы etc. Гуляли, как осенью, мимо казарм. В серый день ходить мимо казарм, вот печаль! Было уютно в «Собаке» и хорошо. Публика вся своя, но выручки мало, очень мало, мне дали 23 рубля[16]. Оставались долго, будто прошлая зима. Судейкин был очень мил, приглашал к себе.

14 (понедельник)

Встал не очень поздно. Был у Бонди, потом помчался к Юр., там был Гр<игорий> Гр<игорьевич> и мальчики. Да, завтракал у Чичер<иных>, играл там. Обедали у Альбера, хотя Юр. чего-то и топорщился. Встретили Судейкина и Григорьева. Зашли к нам. Потом С<ергей> Ю<рьевич> отпр<авился> к Зубову, Григорь<ев> куда-то. Юр. побыл отлично со мною. Потом к Сашеньке, где были доктор и какие-то господа. Зашел еще ко мне, подъел. [Поспел] Лег спать рано-рано. Не пошел на «Незнакомку», хотя в 2 часа мне звонила Ел<ена> Ив<ановна> из ресторана и Кузнецов тоже[17].

15 (вторн<ик>)

Рано встречал. Разные господа ждали. Вернулись веселыми. История с письмом покуда молчит[18]. Подарки, рассказы, несколько недовольные. У Юр. остались еще деньги на обед. Потом ушел, опять пришел вечером; что-то скисает мой Юрочкин.

16 (среда)

Божерян<ов> умирает. Бегал за деньгами. Достал. Ветер страшный. Юроч<ку> не дождался. Был Ивнев. За обедом было не хорошо. Пронин навел кого-то чужого и тормошился. Юр. дерзил, киснул и хулиганил. Дома совсем расстр<оился>, повалился на пол, ревел, злился. Насилу успокоился. Ушел какой-то смутный. У нас был Воротн<иков> с Лёвушкой и Розенберг, толстый жидовин с эстетизмом.

17 (четверг)

Страшный ветер. Юрочка, кажется, обедал у нас. У Петренки была масса какого-то народа. Она мила. Много играл, от ужина уехал, хотя и она, и брат просили остаться. В «Собаке» было ничего себе, но потом поднялся скандал; и я усиливался и поступал ножкой вперед[19]. Совсем обнищали. Потом скоро уехали. Какое утро! Да, я был днем у Юрочки, где был Гишплинг. Все-таки я болен, и подозрительно. Записался в библиотеку.

18 (пятница)

Встал не так поздно. Писался. Юрочка пришел рано, чтобы отправляться к Гуревич. Пошел в библиотеку. Рылся в словарях[20]. Юрочка пришел туда. Гуревич справлялась о моем романе, была мила. Встретил Сем<ена>, он шел за мною, как какой-то беспонятливый. Пришел Бальмонтик, только что играли Дебюсси, как пришел Лурье. Его вещи странны, но впечатлительны. И. И. прислал немного. Был Мосолов еще. Семенов беседо<вал>. Юрочка мрачнеет и расхварывается, это очень печально. Ободраны, я в долгах, все заложено. Ужасно!

19 (суббота)

Переводил. Писарь просит денег. Что делать? Вылез было бриться и в библиотеку, но встретил Юрочкина. Заходили есть в «Квисисану». У него сегодня Лурье и Мосолов. Прислали корректуры. Все ушли, я один, работал и как-то славно стало. Тихо, влюбленно, работяще. Евд<окия> Ап<оллоновна> говорила со мною. Опять старое, а я думал, что радость делает человека добрее. Юрочку мне простить не могут. Не хорошо. Опять загрустил.

20 (воскресенье)

Болят зубы. Пришли Татьяна, Рюрик и потом Юрочка. Болтали. Обедал Юр. у нас, но что было дальше, не помню. Да, были у А<лександра> Ив<ановича>. По-моему, плохо. Очень мил, но затонно как-то. Приехали домой. Наши у Ротиных. Поговорили немного.

21 (понедельник)

Брился, в библиотеке читал. Торопился к Юрочке. Обедали, вдруг пришел Судейкин. Юрочка расстроился на меня, зачем мне нравятся больше «Серебр<яное> сердце»[21] и «Шведские перч<атки>».Судейкин хотел было кататься, но потащил к себе. О<льги> А<фанасьевны> не было, поиграли. Вышел с нами. Зашли в «Собаку»[22], откуда выходила уже О<льга> А<фанасьевна>, вернулись, но у меня болели зубы. Вернулись...*

* Фраза не закончена

22 (вторник)

Хотел остаться дома, но потащили в «Собаку»[23]. Было много знакомых. Струве, Владимиров, Прохорова. Татьяна что-то выделывала. Корнфельды утешительны. Пил с Кульбиным и Анненковым. Вышла теснота с Юрочкой из-за того, что Кульбин нашел в нем мое влияние. Поругались и пошли втроем под дождем, пьяные. Евд<окия> Ап<оллоновна> извлекла его откуда-то из-под [лестницы] вешалки.

23 (среда)

Проспал. Мигрень. Даже зубы лучше. Юрочка сам звонил. Пришел милый. Голова прошла, но зубы. Сазонова устроила сестрица. Вот так. Брился и гулял. Была Паллада, она теперь держит курс ясновидящей. Как я буду блажен, сделав все поделушки! Но как это сделать? Вечером были у Розенбергов, была Миткевич и Липковская. Вот кошмарная дура, нужно ее вывести[24]. Розенберги плавали в знаменитостях.

24 (четверг)

Зубы болят. Сделался флюс. Не выхожу, даже к Сашеньке не ездил. Не знаю, как буду летом. В общем, хорошо. Бялковский прислал чек[25]. Был Лившиц. Хорошо, что бывают молодые. Ивнев был тоже. Липковскую даже во сне видел. Вот дурища-то. Юрочка пописывает снова. Евд<окия> Ап<оллоновна> была на «Бесах»[26]; прикосновение к Достоевскому всегда великолепно.

25 (пятница)

Не писался. Зубам легче. Шел пешком. Нужно приниматься в конце концов за ум-разум. Хоронят кого-то с солдатами. В редакции вычли за журнал. Поехал к Юрочке. Он нежно спал, маленький. Поехали бриться и завтракать. Купили почему-то галстухи и чашки. Не купили башмаки. Почему-то приперся Гишплинг. Юрочка ушел. Было ничего. Пришел рано, недовольный. Пришел и Олег, он трогательный и нежный мальчик. Юрочка выделывал штучки. Читал Диккенса, тащил в кинематограф, не знаю, ревновал или ухаживал. Пошли к Альберу. Сидел с нами Бобиш, выпил на «ты». Олег предлагал писать под диктовку даром. Как же быть с Сазоновым? Провожали меня. Юрочка чего-то егозит. Говорил хорошо с сестрицей. Бог поможет.

26 (суббота)

Звонил к этой дуре. Зовет завтра. Поехали к Сашеньке. Нет дома. Хотел зайти ко мне. Но не был. Я очень бодр. Жалко только, что не попал в библиотеку. Писал сам кое-что. У Юрочки сидел

Олег. Звонил опять Пастухов, не знаю, что ему и сказать. Вообще силы прибавляются, но в каком-то разброде. Юрочка приехал. Был Судейкин, Юр. с ним ругался. Был со мною. Поплелись под грозой в кинемо, там были и наши. Дома сидели. Играл Delibes'a.

27 (воскресенье)

Писался. Решил к Липковской не ходить. Пришел Сашенька. Сидел. Играли. Юрочку цукал неизвестно чего. Потом примирились все-таки. Мне было жалко бедного потом. Говорили.

28 (понед<ельник>)

Пришел Олег. Писал рассказ; он милый мальчик. Юрочка пришел рано, читал хорошую вещь. Читали обе Евд<окии> Ап<оллоновне>. Я выходил с нею в Гостиный. Вечером явился Рюрик, Татьяна и Семенов. Читала Татьяна. Не так плохо, как можно было предполагать. М<атвей> И<ванович> писал со мною условие. Потом втроем поехали к Альберу. Юрочка кокетничал с соседними дамами, я злился, он истеричничал. Поехали в «Собаку». Потом я его провожал. Гулял еще, строя разные планы. Наконец, попал в Исакиевский собор. Впечатление отвратительное.

29 (вторник)

Что было, не помню.

30 (среда)

Олег влюбился в Юрочку. Признался мне. Сегодня идет в «Физу»[27] и в «Собаку». Был Рюрик и Боб от Сашеньки. Вечером был на Васильевском. Играл à 4 mains, пил чай и т. п.

Май

1 (четверг)

Утром приходил Сазонов, объяснялся. Юр. обедал у нас, был. Пошли в кинемо, потом печально я укладывался. Так кружится голова, что просто ужас.

2 (пятница)

Утром укладывались. Погода отличная. Даже жарко. У Юрочки был Олег и Бен. Вышли. Юр. недоволен, что мы едем. Чацкина не хочет брать его вещи. Провожать не пошел. Торопливо обедали у Альбера. В вагоне ехал хороший гусар. Вечером на даче все кажется плоховато, но у меня хорошо. Бродили гулять. Лег раньше всех. Возвращался Виктор, его бранили.

3 (суббота)

Гуляли немного. Встречал Юрочку. Ему все не нравится. Ругается. Гуляли немного. Уехал рано. Ев<докия> Ап<оллоновна> что-то недовольна.

4 (воскрес<енье>)

Юрочка приехал с Олегом. Утром гуляли все семейно. Масса народа. Ходил 2 раза встреч<ать>, устал. Поплелись встреч<ть> Рюрика и на музыку, но его не встр<етили>. Приехал поздно. Чая не пили. Мне почему-то это показалось обидно. Разогорчился. Ревел, как дурак. Евд<окия> Ап<оллоновна> меня утешала и упрекала. Приходил даже Вл<адимир> Ад<ольфович>. Завтра поеду.

5 (понедельник)

Говорил не по-хорошему с Евд<окией> Ап<оллоновной>. Поехали в город. Душно и пыльно. Телефонил Юр. Рад, по-видимому. Все-таки он меня любит. Обедали в «Квисисане». Все оттягивал. В кинематограф. Встр<етили> Судейкина. Далекие дела. Боялись, что увяжется. Юр. ходил за сыром и апельсинами. Побыл, но как-то неохотно. Иногда кажется, что это не важно. Правда ли? Возвращался поздно. Дома играли в лото. Молился.

6 (вторник)

Хорошо ходил бриться. Евд<окия> Ап<оллоновна> ждала. Прошли мимо крепости. Дача Бильбасовой. Привольное житье. Ходил опуск<ать> письма и встречать Юр., встретил Олега. Он нежный мальчик. Писались. Юрочка приехал сердитым. Роман разругал[1], хныкал, что нет денег, что устает и т. п. Евд<окия> Ап<оллоновна> посидела у нас. Обедали, пошли на музыку[2]. Юр. изнывал. Была Стафьярова и Асс. Верн<улись>. Юр. в прострации, без копейки. Я сердился, и было это не хорошо. Не провожал. Помолился и лег спокойно.

7 (среда)

Утром отлично гуляли с Евд<окией> Ап<оллоновной> и Леночкой в Этюн[3]. Почти потерял надежду, что Юр. приедет, хотя поджидал его. Но он приехал, милый и ласковый. Погуляли. Обедали, даже с вином. Проводил его, но на музыку не остался. Привезли кое-какие письма. Не знаю, как поеду завтра. Сашенька прислал письмецо. Вечером играли в лото.

8 (четверг)

Семенов прислал письмо, что сейчас не может. Говорил с ним по телефону. Говорил и с Юрочкой. Олег завел какие-то шаш-

ни с Никсом Бальмонтом. Писался и завтракал у нас. Рассказывал про «Физу»[4]. Думал, что Юр. уже не приедет. Явился перед самым обедом. Потащил на музыку и потом, не заходя домой, попил там чай и уехал в 10 ч. Нехорошо это. Дома играли в лото. Бедная Евд<окия> Ап<оллоновна> вытянула ногу, как же она, кому так нужно движение. Сидит, как «Божья девочка».

9 (пятница)

Брился. Встречал Юрочку, а встретил Олега и Рюрика. Юр. не приехал. Были на музыке. Рюрик все хотел покупать пирожки. Дома был Розенберг, привез «Наперсника»[5], вишни и шоколад. Евд<окия> Ап<оллоновна> лежит.

10 (суббота)

Олег писался. Все в городе. Звонил Семенов. Отправился. Получил. Олег спешил к Бальмонту. Юрочка ждал будто меня. Сейчас же встретились. Отложили Божерянова и обедали у Альбера. Сашенька, оказывается, заходил. Как-то скучно мне. В «Синем» напечатано о моем докладе[6]. Шли пешком. Дома читал вещи Евд<окии> Ап<оллоновне>. Чацкина отказала. Что же я буду делать? не знаю. Чичерины зовут в среду обедать и на вечер.

11 (воскресенье)

Олег приехал позднее, и я встретил Татьяну в розовом балахоне. У нас сидел Курсинский, я не люблю его. Гуляли. Олег нежен и мил. Юрочка говорит, что в «Огоньке» приняли[7]. Пошли провож<ать> Т<атьяну> и остались обедать. Было мило. Юрочка бунтовался против музыки. Вернулись. У нас сидела Паллада. Олег пошел слушать С<ен->Санса[8], а Юрочка остался, я не ожидал этого. Он немного ревнует меня к Олегу. Ругался на музыке, уехал рано с Каннегисером. Олег провожал меня и чуть не опозд<ал> на последний поезд.

12 (понед<ельник>)

Олег несколько опоздал. Взял билет. Завтракал. Юрочка мрачен: и «Огонек», и Гуревич его не взяли. Какая гадость и досада! Что с бедным его сердечком делается: гордым, нежным и обиженным? Сидели у Евд<окии> Ап<оллоновны>, я смотрелся в зеркало. Гуляли чуть-чуть. Гига катается с Вал<ентиной> Серг<еевной>. Читал ему разные разности. Провожал. Дома играли в лото. Что-то завтра?

13 (вторн<ик>)

Жара. Читал «Mercure». Бонди отказал. Плелся к Чичер<иным>. Болела голова. Поел. Купил вишень. Юрочка еще лежал, мой сынок и возлюбл<енный>. Моя кожа, мои руки, ноги! Побри-

лись, обедали. Сашенька не приехал. Голова болела. Жарились в кинемо. Поехал рано. «Arlésienne»[9] пропустил. Дома голова прошла. Утром говорили, как хорошо с Евд<окией> Апол<лоновной>, нет, это было вчера.

14 (среда)

Хмурится. Олег не явился. Встр<етил> целителя, который вечером и нанес мне визит. Юрочка приехал позднее: читал, обедал, спал, как дитя. Отправил его рано, бедного, выпив чаю на вокзале. Дома хорошо молились.

15 (четверг)

Играл Шопена. Поехал, глупо мечтая. Это всегда плохой признак. Домой едва мог попасть. Ничего не сделано, но воздух, день — прелестны. У Юрочки был Кирьянов. Вышли вместе. У Чичер<иных> светло и хорошо. Был народ. Поезд задерживали. Насилу попал на 12. Отворила сестрица. Бр<онислав> М<ихайлович> сердится.

16 (пятница)

С утра поехал. Бялковский спал. Кабинет банален. Книжки, картиночки. Рерих <*нрзб.*>. Уже не секретарь, дела плохи, то есть беспорядочны, <деньги выплатят> через 3 дня[10]. Завтрак<ал> у Альбера с Ротиным и биржевиками[11]. С Юр. поехали на Выборгскую. Видел Струве и Рыкачева. Юр. Гуревич сказала, что еще не читала. Он страшно возмутился и огорчился. Дома застал Каннегисера, был Олег без меня и вчера был. Что это значит? Юр. привез Франса. Был мил, но неделю как не был со мною. Это нехорошо. Провожал их. Говорили с сестрицей.

17 (суббота)

Явился Олег наконец. Соскучился. Все время с Бальмонтом. Торопился на поезд. Брился я. Приехала рано Татьяна, когда я играл. Юрочка опоздал. Потом явился и он. Потом Бегун начал читать роман. К счастью, меня вызвали, так как явились Рюрик и Струве. Ушли ко мне. Туда же прибежала и Татьяна. Печка натоплена хорошо. Гуляли. Пирог к чаю. Сидел у нас Саша Смирнов, телепень. Говорили об обществе и журнале[12]. Почти решили. Все пили чай, было весело, хотя Евд<окия> Ап<оллоновна> напропалую ругает Струве. Юр. флиртует с Татьяной. Я еще пел.

18 (воскрес<енье>)

Юрочка приехал раньше. Олег тоже прибыл. Были у павильона[13]. Юр. разыгрывал ревность, Олег смущался. Слушали Де-

либа мазурку. Юр. еще остался и зашел пить чай. Был Кан у нас, симпатичный. Было жалко бедного Юрочку. И какой-то осадок. Говорил еще с сестр<ицей>. Был у нас Сазонов, не зашел и жаловался на то, что я ему должен.

19 (понед<ельник>)

Гуляли. Меланхолия какая-то и лень. Встал поздно. Что бы меня оживило? Напрасно мечтаю. Брошу это. Из «Лук<оморья>»; <гонорар заплатят>, когда напечатают. Приехал Влад<имир> Адольф<ович>. Юрочка мил и бодр, привез бумагу. Гуляли. Вечер<ом> игр<али> в лото.

20 (вторн<ик>)

Евд<окия> Ап<оллоновна> уехала. Олег писался плоховато. Много гуляли, на станции встретили Юрочку. Евд<окия> Ап<оллоновна> привезла «Голубок»[14]. Ссорились что-то. Вечером явились Олег и Бальмонт. Вместе пошли. Юр. ревнует. Оставил их гулять, сам играл что-то. Евд<окия> Ап<оллоновна> мрачна и капризна.

21 (среда)

Хандрю ужасно. Объяснялся. Леночку фетируют тихонько. Гига и Виктор долбят. Покупал земляни<ку>, вишни, брился. Что-то не помню ясно, что было. Пошли с Юр. обедать. У князей пускали ракеты. Веселье. Тучи наносили дождь и проходили. Заходил ко мне. Я слышал еще Вебера. Дома играл «Camargo».

22 (четверг)

Ленюсь, Олег не явился. Дождь. Говорили с Евд<окией> Ап<оллоновной>. Юрочка явился с Татьяной. Та читала. Беседовали. Все порывался туда. Спорил. Был не очень приятен. Вчера был в «Физе»[15]. Гуляли под дождем. Матвей Иван<ович> говорил. Пили чай все вместе.

23 (пятница)

Встал очень рано, немного писал. Олег и сегодня не приехал. Юр. приехал с Сашенькой. Тот пришиблен, но мил. Юр. ссорился, я вышел даже в сад. Вымытое гофмановское небо[16]. Вернулся, но опять поднялось все по-старому, свары. На вокзале закусывали, видел Марью Дмитриевну с Котеневым. Будто помирились. Дома застал Каннегисера перед отъездом.

24 (суббота)

Приехал Олег, когда я гулял по саду. Писались. Потом гуляли с Евд<окией> Ап<оллоновной> и Леночкой. Снимались.

Проводил его на вокзал. Встрет<ил> Юрочку. Скоро заснул. Я <*нрзб.*> с Евд<окией> Ап<оллоновной>, да, мы прямо прошли к павильону пить чай. На вокзале еще пили пиво. Как-то жалко было, что он так поехал. Он бедный мальчик. Играли в лото. Получил неприятное письмо от Гуревич[17]. Дела мои очень плохи.

25 (воскрес<енье>)

Народу много. Почему-то ленюсь. Был Бродинский. Евд<окия> Ап<оллоновна> сердита. Юрочка был со мною. Гуляли немного. Вечером играл что-то, был Кан. Очень неприятен сам себе, что же это за жизнь? Евд<окия> Ап<оллоновна> утешала меня.

26 (понед<ельник>)

Ходил бриться и гулял. Не надо мечтать. Бездельничал. Заболела голова. Пошли на вокзал. Встретили Позняковых. Попил чаю и пошел встречать Юр. Позняковы скучны. После обеда гуляли далеко. Болит голова. На музыку не пошел. Чего-то тяжко мне до смерти.

27 (вторн<ик>)

Леночка гуляла со мною по саду с тетрадкой, когда приехал Олег. Писались. Гуляли в очаровательные места, хотя Евд<окия> Ап<оллоновна> чем-то была недовольна. Рассказ<ывал> Олег о своем романе с Никсом, который кончился. Дома сидел уже Юрочка. Читали все. Пошли на музыку, я с Ол<егом> вперед, чтобы слушать Фл. Шмитта, а Юр. остался писать пейзаж[18]. Видели, как он проследовал. Закусили, но мы остались. Бедный Юркунчик пошел, сгорбившись. Слушали еще Бетховена. Дома были Дармолатовы. Пили чай у меня. Хотел было спросить у Вл<адимира> Ад<ольфовича>, но не вышло. Олег сидел и признавался. Не полюбил ли он меня?

28 (среда)

С утра приехал скучный немец от Гюнтера. Заводил его на ферму. Обратно встретил Евд<окию> Ап<оллоновну>, Юрочку и Олега. Олег вчера опоздал на все поезда и до 6 ч. сидел на <станции> Павловск 2. Были у Роз<ового> пав<ильона>, потом оба писали красками, все перемазались. С Вл<адимиром> Ад<ольфовичем> не поговорил.

29 (четверг)

Не поехал. Один. Гулял. Заболела голова. Спал. Играл Ducas'a. Вдруг приезж<ает> Цензор и из «Варшавской женщины». Юрочка приехал рано, ободранный и милый. Хорошо побыл. Пи-

сал какие-то картины, я кончил рассказ. Взяли у Евд<окии> Ап<оллоновны> и пошли. Дома играли в лото. Погов<орил> с Вл<адимиром> Ад<ольфовичем>. Завтра в город. Струве романа не взял.

30 (пятница)

В городе. Азовский банк неприятен тем, что вместо боев усатые псы. Брился. В «Рус<ской> мысли» Струве уехал, а Гуревич не было. Юрочка, не совсем одетый, писал. Зашли к Семенову, потом обедали у Палкина. Юрочка все что-то ворчал. Олег был у нас. Все гуляли. Юрочка вдруг приехал в новой шляпе. Заревновал. Очень долго и не очень хорошо говорили с Евд<окией> Ап<оллоновной>.

31 (суббота)

Олег приехал рано, писались, гуляли, пили чай, встретили Юрочку, кажется. Билеты купил нам Виктор. Не опоздали. Мусоргский, Бизе и Корсаков[19]. Вернулись с Юр., я не провожал его, а гулял в саду. Играла музыка, небо было желто; печально, печально было. Вспоминался потерянный рай икон. Неужели и теперь он где-то есть? Евд<окии> Ап<оллоновне>, кажется, хочется, чтобы я полюбил Олега. Но вот он ночевал у нас, будто Ауслендер или кто из родных: весело, но не желанно, а Юрочку я люблю и желаю.

Июнь

1 (воскресенье)

Олег все-таки вернулся. Ждали Графтио. Панька одна гуляла в парке и привела огромного параличного кобеля. Брился. Гулял с Олегом, видели Костю, но Юрочки не встретили. Он приехал потом. Снимал[1], слегка нервился. За обедом поспорили, я выскочил, Юрочка ушел, но вернулся. Почти были, но Олег болтался тут же. Теперь мы никогда не вдвоем. Писанью мешают разговоры, свиданьям с Юр. народ, чтению общество. Провожал Юр. один. Видели Чацкину. Олег, кажется, огорчился и Евд<окия> Ап<оллоновна> тоже, но что же делать?

2 (понедельник)

Утром работал. Писался и с Олегом. Он облил чернилами новые башмаки и расстроился этим. Евд<окия> ходила в Тярлево. Я играл Олегу Debussy. Читались. Юрочка приехал, милый. Кажется, в «Лукоморье» взяли[2]. Были у Бялковского, обещал сам привезти. Читал хорошую главу. Обедали с пивом. Юр. хотел побыть, но все время был Олег. Гуляли на музыку. Юр. потерял камень из коль-

ца. Встретили Бобиша. Сплетни, новости. Дома Юр. все тащил Олега и утащил чуть не с плачем. Гуляли долго по саду.

3 (вторник)

Олег не приехал, не наговорил ли Юрочка ему чего-нибудь? Переписывал. Играл. Евд<окия> Ап<оллоновна> читала роман[3]. Бр<онислав> Мих<айлович> доволен. Оба мальчика явились вместе. Олег завел какие-то шашни с жандармским. Тотчас был увлечен в недра. Юрочка побыл до обеда. Ободран до невозможности, меланхоличен. Не доплатил хозяйке. Просил у Евд<окии> Ап<оллоновны>. Она дала. Теснота из-за музыки. Потом, кажется, успокоился. Олег играл еще в гусек. Что-то нехорошо.

4 (среда)

Писал хорошо. Далеко, далеко гуляли. Пропустили писанье. Юрочка совсем болен. Этого не должно быть. Бедный, бедный. Олег, как только отобедает, теперь исчезает. Ушел на музыку. Сидели у Евд<окии> Ап<оллоновны>, читали Достоевского. Юр. нравится. Мне тихо и жалко. Хочется во Псков на лодке. Прозрачно, православно. Гулял с сестрицей. Олег не возвращался. Денег ни гроша. Кажется, в пятницу приезж<ает> Сазонов.

5 (четверг)

Писался. Все уехали. Гуляли с Олегом. Он ищет безрезультатной любви. Это похоже на Князева. Играл ему Debussy, а он лежал ничком в меланхолии. Юрочка приехал с Евд<окией> Ап<оллоновной>, милый и скромный. Очень милый. Ему легче. Читал, что написал. Немножечко гуляли, как с больным. Олег сидел долго. Бялков<ский> зовет в субботу. Мне жалко очень Юрочку, что он так скучно живет.

6 (пятница)

Поехал поздно. Денег еле хватило, к Бялковскому шел пешком. Он спит и, по-видимому, ничего не сделал. Какой ужас. Семенова нет. Бялковский обещал чек. Лечу. В банк с мальчиками (кажется, только Азовский противник<?> этой гирлянды обществ<енных> учрежд<ений>). У Юрочки были Мосолов, Ивнев, Попов, Божерянов, Кирьянов. Болела голова. Обедали рано. Все болит. Покупали кое-что. Были на квартире, два раза видели Судейкина и Зданевича. Вспомнилось житье у сестры. Ехал с Вред<еном?> и Маргаритовым. Дома все гуляли. Павел сидел и читал «Портрет Дориана Грея». Потом пришли. Я опускаюсь все-таки. Спокойно слушать Вильбушевича — чем это не Окуловка? Ранолег. Страшная мигрень. Олегом завладели окончательно. Все равно!

8 (воскресенье)

Ждал в гамаке Юрочку. Когда мы гуляли, Евд<окия> Ап<оллоновна> заговорила о природе, а я погорячился. Юр. приехал с Мосоловым, были у нас Позняковы. Шварсалон ехал с товарищами мимо моего окна, и студент разбился. Не езди! На музыке Юр. опять скандалил, что-то слишком часто это случается. Долго говорили с Евд<окией> Ап<оллоновной>, нехорошо и неладно.

9 (понед<ельник>)

Утром писались. Юрочка привез «Перчатки», новости, едет на обед. Наши писали супруга-благодетеля. Вчерашняя контроверса будто улажена. Леночка больна. Вечером играли в карты. Говорил утром с Олегом.

10 (вторн<ик>)

Правил. Жарко. Почти не выходил. После завтрака писался. Мазал что-то пастелью. Юрочка приехал. Все хорошо, хотя опять спорил. Был Рюрик недолго. Один играл Шопена. Виктор не ест и меланхоличен. Ю. А. тоже. Олег тоже чуть киснет. Евд<окия> Ап<оллоновна> хорошо говорила и гуляла. Чудная ночь. Скит нужен бы.

11 (среда)

Жара невозможная. Олег приехал после завтрака и не писался, а пошел на этюды. Брился. Юр. приехал с Гишплингом больной, кислый, но хорошо написавший. Бегали по музыке. Юр. насилу ноги таскает. Не излишествует ли он с девицами? Он так на всех ярится, по-моему. Олег сошел с ума по Косте. И строили уже институтские планы с Валент<иной> Серг<еевной>. Отговорил. Говорили немного с Евд<окией> Ап<оллоновной>. Но денег ни у кого ни копья, а Матвей не едет.

12 (четверг)

Жара невозможная. Кисну. Денег ни копейки. Гулять не ходил. Юрочка приехал совсем больной, думал, что умирает, еле бродит, ничего не ест. Олега жанд<арм> надул. Обедать оставили у всех, ввиду того, что был Фомин. Юр. спал, бедный, рассказа его не взяли. Евд<окия> Ап<оллоновна> даже не зашла. Олег бросил нас. Бедный, нежный Юр., если он умрет! Ведь он вообще болен. Все-таки встал и дошел пешком. Олег и Вал<ентина> Серг<еевна> рыскали, как ищейки. Встретили Гарязина. Положение Юр. очень печально. Евд<окия> Ап<оллоновна>, не зная, что у меня нет ни копейки, советует завтра ехать в город, но чего же я поеду пустым? И вечером Шеншин не пришел.

13 (пятница)

Писался. Евд<окия> Ап<оллоновна> добра. Олег и днем не встретил никого. Читали Лескова под грозу. Юроч<ке> не дозвонился. Только вечером соединились. Ему будто легче. Боже мой, Боже мой, помоги нам! Гуляли в тумане, будто по вершинам гор, и говорили о Лугано. Вечером играли в карты. Бедный Юрочка звонил мне. Говорили. Неужели он умрет? Томно и тяжко весь день.

14 (суббота)

Под дождем ехал в город. Почему-то воображал, что Юрочку любил бы даже умирающего в затхлой комнате, с подушкой, запачканной рвотой. Юр. высунулся ко мне навстречу. Не одевался, а провлек к себе. Будто мой сон. И милое тело последние усилия делало страстно и упорно. Почему-то я подумал, что он при смерти. Было жалко, и страшно, и нежно. Но он поправляется, даже порозовел. Надолго ли? Посидел у него недолго. Мысли его принимают более веселый оборот. Скучает, конечно. Но говорил уже о писаниях. Погода чудна. У нас все дома. Евд<окия> Ап<оллоновна> очень мила. Олег не очень доволен своим officier, хочет писать Неувальду. Агашка распускает про меня сплетни. Какая дрянь! Приехал Семенов, но, по-моему, надул слегка Евд<окию> Ап<оллоновну>. Гуляли. Пел без аппетита и играл в карты. Я бы не хотел жить вместе с Ротиным зимою: это слишком напом<инает> Окуловку и не так чтобы очень по душе мне.

15 (воскресенье)

Почему-то нашло настроение XVIII в., и веселье, и серьезность, и аппетит, все окрасилось цельным, последним цельным. Немного гуляли до блинов, я дурил. У нас ждали гостей, уехали на велосипедах. Я ходил на станцию. Юрочка приехал рано, милый, слабенький. Ходили закусывать на вокзал. Молодой месяц. Я люблю Юрочку очень. Бродят Аверченко. Смешны и милы костюмы дам. У нас была Миткевич и Графтио. Рано уехал Юрочка. Составляли весело план пьесы. Вечером еще дурил. Олег трогателен до крайности.

16 (понед<ельник>)

Болит голова. Сны плохие. Лениво писал. Олег приехал поздно. Никого нет. Юрочка с книгами. Видел Лёвушку и Ахматову. Ходили на станцию. Вечером встретили Бабенч<икова>. Новости. Судейкины в Монплез<ире>. Садовской горел в Куоккале, где он жил в комнате за лавкой[4]. Репин пишет Городецкого с женою[5]. Кульбин болен и т. п. Князевы в Териоках. Молодой месяц прост и мил. Какой туман! Ночью болело сердце.

17 (вторник)

Все время бодр, но сердце болит. Бонди взял, просил в пятницу. Писался. После завтрака Олег побежал к жандарму. Я гулял хорошо. Но потом опять слегка заболела голова. Юрочка приехал бодр, привез отличную главу, был со мною, хотя все время изводит Олега. На музыке много знакомых. Олег и Валент<ина> бегали. Видел и жанд<арма>. Не важно. Пошли пить чай. Играли. Евд<окии> Ап<оллоновне> много забот неприятных. Хорошо говорили. XVIII <век> продолжается. Мечтания улетают.

18 (среда)

Мне придется ехать по поручению: и лестно, и неприятно. Может быть, и не я. Лениво писался. Были Дармолатова и Радлов, она присматривалась, не влюбл<ен> я в ее жениха. Юрочка приехал рано, был у Бонди; от Руманова получил телеграмму. Мил и довольно весел. Олег вчера поехал с жанд<армским> другом, зашел к нему пить чай, и было то, что было; он очень доволен, но сегодня опять сидел с Шевичем. Пили чай на вокзале, рядом забавное семейство: papa, mama, мандирующая с репетитор<ом> из семинар<ист>ов, и сынок, кот<орый> не признает немцев, потом не хочет разводить немецких бобров, а камчатских. Дома Олег с Юр. пикир<овались> и побежали на 8-ч<асовой> поезд. Звонили Сазон<ов> и Бялковский. Слушал музыку с Виктором. Дома никого не было. Приехал странно Неувальд, неизвестно почему и зачем. Но чувствую себя все-таки хорошо, malgre tout*.

19 (четверг)

Жара. Не мне ехать, тот сам скрылся в Москву. Евд<окия> Ап<оллоновна> поехала. Олег писался. Бр<онислав> М<ихайлович> меня хвалит. Все было хорошо и обычно. Гюгюс прислал Franc<e>'a и George[6]. Проводил Юр., Олег уехал обедать. Возвращаясь, вижу Сазонова, объяснение по поводу письма[7]. С этой минуты все как сон. Он был нагл и хамил, я фальшивил и изобр<ажал> медный лоб. Наконец, когда он объявил, что подает в суд и что-то докажет всему миру, я сказал, что ото всего отопрусь, и тут же сделал это. Я качался в гамаке, тот сидел, злой и красный, на скамейке. Играла музыка, и тихий, тихий был вечер. Раньше уже он наговорил дома. Казалось, все провалилось, и стало тихо, тихо. Молчали долго. Я молился, чтобы все было скрыто и на меня одного наложено наказание. Пошел играть Шопена, тот ждал Евд<окию> Ап<оллоновну>. Я сочинил à la minute** историю в свою за-

* Несмотря ни на что *(франц.)*.

** В одну минуту *(франц.)*

щиту. Тот говорил с Евд<окией> Ап<оллоновной>, она поверила мне. Ушел. Сес<трица>: «Надо заплатить, не сердись». Продолжаю свою ложь. Тяжесть и моление скрыть, скрыть, наказав меня тайно. Все сказал. Стал ближе. Страх отвержения. Собираю силы, сказала — нет. Будто легче. Пересидели, и опять старые разговоры и старый choc. Голова болит, весь уничтожен.

20 (пятница)

Попросил Бориса сделать. В дороге читал Франса. Милый, милый старец. Юрочка был уже в «Огоньке». Рассчитали мало. Познакомился с Измайловым. Странно. Как с деньгами? Не знаю, не знаю, не знаю! Лучше не думать. Брились, завтракали в кабинете. Печально и хорошо. В «Русской мысли» говорил с Рыкачевым о Мясоедовых. Были у Семенова. Всё как во сне или столбняке. То, из чего я должен бы был черпать силы, лишает их меня в корне. Дома хотел, чтобы Юрочка побыл, но зашли к Руманову и за конвертами. Купили вишень. Коля хотел знакомиться. Был, но это будто не важно. Не провожал. Дома никого нет. Олег ждет своего. Чужой стол. Все читал: удивительно хорошо. Неохотно стал говорить, зная, что ничего хорошего не выйдет. Вышел разрыв. Я не так понимаю совершенствования, я имею не те привычки, слишком люблю искусство свое и чужое и сам себя не знаю. Почему мне каждый разговор так тягостен и не приближает, а удаляет как-то? Ехал я полный надежд, любви, деятельности — поговорил и стал никуда не годным слизняком, даже почти злым. Что же это такое? Завтра Бр<онислав> Мих<айлович> решит.

21 (суббота)

Что же будет? Спал, как перед судом, но и беззаботно. Бр<онислав> сам здесь. Все по-старому. Если бы случилось, я бы обнял Юрочку и сказал: «Теперь уж действительно вы у меня один». Это мнение Бр<онислава>. Но кисло на душе, как <после> выздоровления. Приехал Мосолов, привез конфет. Болтали хорошо. Боже, благодарю Тебя.

22 (воскр<есенье>)

Жара невозможная. Ходил бриться, сочинил стихи. Олег явился. Замотался мальчишка. Был Гишплинг. Юр. все сбегал, но здоров, по-видимому. На музыке Бабенч<иков> etc. Читаю Франса. Говорили хорошо. Не прыгаю еще. Вероятно, от отсутствия денег.

23 (понед<ельник>)

Юроч<ка> явился, будто пьяный. Действительно, отвратит<ельная> жара. У него украли пальто. Приехали Воротн<иков>

и Лёвушка, затеяли какую-то карусель. Виктор притащил своих мальчишек. На музыке было неважно, но ничего. Уехал рано, потом приехали и все наши. Я чувствую себя оставленным совсем. Выше сердца очень болит.

24 (вторн<ик>)

Все, все уехали. Олег писался, и он уходит. Я капризен и очень плох. Юр. все порывался на народ, спал, не был. Чацкина согласилась, но на будущей лишь неделе. Совсем раскис, сам себя навинтил и в сумерках мучил и Юр., и себя. Если бы он сделал, что нужно, я был бы хорошим, но я растерял последние силы.

25 (среда)

Жара. Утром Евд<окия> Ап<оллоновна> говорила со мною. Я боюсь, как огня, этих ни к чему не ведущих бесед, лишающих меня даже земных сил. J'ai perdu tout à fait mon latin*. За это меня мытарят. И еще чтоб я был весел. Потерял все утро. Олег не писался, желая слушать роман. Я писал у себя; опять обида. Зачем я пишу, а не рассуждаю. Опять разрыв. Боже мой, чего ты хочешь? скажи мне. Moi je n'en peux plus**. Юрочка читал. Увел. Был. Гиш-плинга спровадили. Опять вернулся. Просит выручить и поиграть за сценой в спектакле. Отказали. Являются Ракитин и Сережа в форме. Гуляли. Смотрели Розов<ый> павильон. Потом пили вино на вокзале. Хорошо. Не знаю, кажется, Юр. не ревновал, да и бесполезно было бы. Виктор наблюдал нас. Дома играли в карты. Тяжесть все увеличивается.

26 (четверг)

Писался один и с Олегом. Евд<окия> Ап<оллоновна> молчит и не одобряет. Юр. ласков, скандализируя, кажется, сестрицу. Всё подбивали его делать разные штучки, за которые потом упрекали бы меня. Пошли на музыку. Я брился. Слушали, гуляли, изнывали. Вл<адимира> Ад<ольфовича> не дождались. Хотел поговорить, но вспомнил про тяжесть и воздержался. Дома говорили долго и опять неприятно. Все одно и то же. Хорошо, что меня <*нрзб.*> снова. Только бы не тяжесть, я совершенно забит. Не думаю, чтобы это был последний разговор.

27 (пятница)

Встал очень рано и бодро. Писался, хотя не знаю, к чему все это. Олег явился после завтрака и все-таки писал. У Юр. несча-

* Я совершенно не знаю, что и думать *(франц.)*.

** Я больше этого не могу *(франц.)*

стья. Он приехал, когда я с Ол<егом> говорил. Чацкина не взяла «Селект-отель» и «Косцов»[8], хотят подавать в суд. Денег ничего нет. Курил опиум, спорил опять об Эдгаре Поэ. Обедали без пива. Я претендовал, что мало супа и т. д. На музыке никого особенного не было. Неожиданно приехал Корнфельд. Луна красная нелепа. Смешно, что все считают долгом лежать на сене. Все-таки что-то погасло во мне. Сакер обещает только 50 р. во вторник.

28 (суббота)

Писал ленивенько. После завтрака хотел пройтись. Приехал Рюрик. Пошли. Хотели идти в павильон. Прискакал и Юрочка, получивший от Бонди[9]. Все резвился. Катались даже на лодке. Дома читались. Рюрик легкомыслен слишком, пожалуй. Пошли на музыку. Сидели хорошо. По крыше ползла кошка, скоро встанет над нею луна. Приехал Семенов, дома играли в карты. Вл<адимир> Ад<ольфович> сердится чего-то. Луна мила, как в «Meistersinger'ах»[10], но я не могу болтаться целый день.

29 (воскресенье)

Плохо очень писался. Удручен. Жара. Брился. Критик<овал> главу Евд<окии> Ап<оллоновны>; она уничтожила, написала другую. По-моему, гораздо лучшую. Олег чего-то мрачен. Юр. тоже. Чуть не подрались за обедом. Я уговаривал и хотел, но ничего не вышло. Так неприятно. У нас гости. Гулял с Юр. потихоньку. Потом он был со мною. На музыке невероятная масса народу. Что-то потеряно и осадок. В саду было освещение и играли в карты. Что-то нужно поговорить. Не знаю, почему так тяжко. Сам не знаю.

30 (понед<ельник>)

Не дозвонился Регинина. Но он сам узнавал мой адрес и прислал письмо. Письмо от Фюрстнера. Только относительно корректур, но чем-то подбодрило меня. Олег приехал и диктовался. Юр. явился рано. Гуляли. Он спал, а я читал. Наверно, скоро будет дождь. Опять гуляли, побродили по муз<ыке>. Олег обедал не с нами, это мне несколько укоризненно. Потом играли. У нас сидел Бобрищев.

Июль

1 (вторник)

Жара как-то скисла без грозы и дождя. Евд<окия> Ап<оллоновна> мила и хороша. Я не писался, переписывал «Алису»[1]. Этот спектакль удручает меня. Решил писать «Садовника» в сво-

бодных стихах[2]. Долго ждал в «Записках». В редакции затонно и жалко. Такое мизерное, беззаботное и святое существование писателя. Встретил Лившица; и <тот> проводил меня, подговаривал, чтобы я дал денег. Брился. Юр. хозяева приехали, он уже одет, тих сидит. Обедали хорошо. Говорили. Горят леса и болота. Скверно. Дома темно, никого нет. Наверху. У гамака печально сидят Ротины и Саша Смирнов.

2 (среда)

Холоднее. Писался и один, и с Олегом. Гуляли по мусорному лесу далеко. Все-таки времени оставалось. Юрочка сидел еще на вокзале. Что-то мучит меня, не знаю, что. Приехал Бабенчиков, может быть, потому Юр. не был, но, безусловно, рад этому. Играл Шумана. Просто не сделал всего. Сашенька прислал жалкое письмо.

3 (четверг)

Брился. Играл орган антракт из «Manon». Гулять не пошел. Писал плохо. Прислали плохой рассказ. Сказал, что плох. Евд<окия> Ап<оллоновна> обиделась. Юрочка был мил. Измайлов написал обо мне. Конечно, вздор, но, может быть, выгодно[3]. Начинаю мечтать, это плохо. Юр. был. Он, по-моему, тоже считает дни. Вечером играли в карты.

4 (пятница)

Что было? Дождь и гроза. Юрочка подскуливал. Евд<окия> Ап<оллоновна> дала 1 р. 50 к. и обиделась сразу. Опять кто-то жалел, что меня не видел, будто это так трудно сделать. Был Матвей, я и Юр. гуляли в темном саду, как парии. Господа пили чай. Смутен до последних пределов.

5 (суббота)

Проспал, плохо работал. Денег ни копейки. Юрочка нервничает. То кокетничает, то дурит, не хотел читать. Приехал Рюрик. Читались и обедали. К Евд<окии> Ап<оллоновне> приехал Розенберг et l'on a mise toute la flotte dehors*. Впрочем, Рюр<ик> оставался. Евд<окия> Ап<оллоновна> звала меня зайти на вокзал. Она вообще сердита эти дни. Боже мой, Боже мой! чего от меня хотят? Неужели несчастный Юрочка, мое маленькое земное счастье, Тебе мешает? И я должен еще делать вид, что доволен! Ротины, Юл. Ал., оказались милее и позвали нас в столовую. Опять намек: «Розенберг очень жалел, что вас не видел». Кто же ему мешал зайти ко мне? Да, кроме *дел*, знакомства или общие, или котор<ые>

* Всю ораву выставили вон *(франц.)*.

не афишируют презрения к тому, кого люблю я. Отдалить от меня всех? Чтобы доказать, как неудобна связь с Юр. и как я сам рабствую? Это не доказать. Что моя любовь делает, что мое чтение, мое искусство, работа, вкусы делает другим? кому они мешают? Зачем же их ломать? Да свойства характ<ера> в вину, сдержанность, <*нрзб.*> и чувство меры. Юрочка без копейки поехал в темноте.

6 (воскресенье)

Проспал, раскис, не брит, ни строчки не писал, знал, что Юрочка не приедет. Придумал завтра заложить пальто. Евд<окия> Ап<оллоновна> дала 45 коп.; выбрился. Хотел позвонить, сам Юр. звонит: болен, 20 коп. Объяснил ему. Бедный, бедный. Где же он будет есть? Привезли «Mercure» и корректуры «Rosenkavalier»[4]. Евд<окия> Ап<оллоновна> утром сердилась, волновалась и плакала. Прямо какая-то «борьба миров» в пространстве[5]. Зашла было ко мне, нашла, что я недостаточно обрадован, опять обида; я, конкретнейший человек, окружен фиктивными переживаниями и сам должен обязательно в них принимать участие. J'ai perdu absolument mon latin. К обеду приехал Корнфельд. Гуляли по-праздничному. От Вал<ентины> Серг<еевны> вечное митушенье и суета. Обида, если я не веду гаремного житья: слонянья, валянья и переливанья из пустого в порожнее. Днем играл тайком милого, милого, запретного Debussy. Играли. После объяснение. Сколько Юр. мне стоит, да куда я истратил такие-то деньги, да зачем хожу к Альберу, зачем Юр. покупает книги. Потом о любви. Боже, если я так преступен, то и наказание мое не мало, тем более, что я не понимаю своей вины. От гонения всякое чувство усиливается, но гонения лишают сил, так что скоро, махнув рукою, но не исправившись, я сделаюсь балдой в прострации. Может быть, мне скажут, что это следствия любви, но я буду с удивлением знать, чего это следствия. Откуда ненависть, презрение и обида? Оттого, что я инако мыслю? больше ни от чего.

7 (понедельн.)

Не писался совершенно[6]. Жарко. Все то же. Телефонил и поехал. Матв<ей> сначала сказал, что у него нет ни копейки, но узнав, что 50 р., — выдал. Юрочка играет в шашки. Бегает влюбленный Коля. Странно. Решил не писать «Жирандолей»[7]. Поехали к Альберу. Я люблю сидеть и болтать с Юр. за обедом. Зашли к Вольфу, потом в «Аргус»[8]. Регинин люб<езен>, познак<омил> с Лодыгиным, но у Юр. попросили другого рассказа. Просят «Антракта» у меня[9]. Был Гранди. Нелепо, но я люблю художников. Завезли «Плавающих» М<атвею> И<вановичу> и поехали на вокзал. Была там вздорная Паллада с Бергом. Дома кончали обед. Говорили в 2 при-

ема с Евд<окией> Ап<оллоновной>. Как будто то, что я хочу, но, во-первых, я уже растерял мерки и все такое, во-вторых, могу ожидать, что это — испытание, что вот говорим, говорим, а потом скажут: «Ну, так идите!». Если бы я был беззастенчивый болтун, все было <бы> устроено и я считался бы парфеткой*. Но не все ли равно, чем считаться? Не знаю, как все будет. Покуда смутен.

8 (вторник)

Болит голова, и все-таки тяжко. Писался. Евд<окия> Ап<оллоновна> все сердита. Олег приехал и писали немного. Он сам приуныл. Юрочка привез мне «Пиквикский клуб»[10], но был смутен. После обеда пошел гулять и хотел на музыку. Потом вернулся и был, по-моему, с неохотой. Встретил Бабенчикова. Говорит, что «Глиняные голубки» Гумилеву кажутся лучшей из книг. Говорили с сестр<ицей>. Кажется, все будет хорошо.

9 (среда)

Приехал Юр. с Михайловым. Гуляли, у Роз<ового> пав<ильона> пили чай, не помню, что точно было. Смута не проходит. Вечером рано легли.

10 (четверг)

Болела голова, так как целое утро бродил по солнцу и объяснялся насчет журнала. Олег приехал поздновато. Писался плохо. Юрочка приехал, читал, моим не интересуется. Был почему-то со мною. Бол<ела> голова. На музыке. Юрочка провожал до моста. Лег, слыша, как пьют чай. Не вышел. Евд<окия> Ап<оллоновна> много говорила.

11 (пятница)

Бодрюсь. Переписываю. Жара. У Юр. раут. Мосолов, Попов, Чахотин, Сашенька. Милые. С Сашенькой обедали, мечтая о Париже, о «Lolay» и пр. Регинина, конечно, не было. Завтра. Покупали бумагу. Думал много наработать, скис немного. Читали дома «Бронзовую дверь»[11]. Пошли гулять. Мы долго говорили. Работы нет, значит, опять.

12 (суббота)

Евд<окия> Ап<оллоновна> весела, и я писался, скорее, переписывался. Но дела такая масса, что не знаю, когда и кончу. Юр. не приезжал. Обид<елся>, зачем я не пошел на Липковскую. Переписывал целый день. Но в конце какая-то смута осталась.

* Образцовым любимчиком (от *франц* parfait — совершенство).

13 (воскресенье)

Дождь. Хорошо. Олег приезжал, уезжал, возвращался. Не работал. Юрочка приехал с Сашенькой. Семенов привез книжки. Сербии объявили войну. 18 раз играли гимн и кричали «ура», издали тревожно и торжественно, будто пожар[12]. Ничего не поспел сделать. Юрочка сначала все сбегал, я даже дулся. Вечером пришли Ауербахи. Я играл. Олег невероятный подлиза и вообще как-то опаршивел. Дулись опять в карты до третьего часа.

14 (понедельник)

Дождь; нет, кажется. Утром ходил, брился, рассмотрел, что делать. Болела голова. Евд<окия> Ап<оллоновна> гуляла с Олегом. Мне не нравится в нем вид общего любимчика и прика<*нрзб.*>. После завтрака немного поигр<ал>. Всегдашнее возбуждение, что от меня чего-то нужно, нестерпимо. Длинные, длинные тягостные объяснения. Неужели это и есть братские отношения? Милая жизнь, работа, люди, — как все отделяется* драмами в воздухе! Наконец приехал и Юр. Евд<окия> Ап<оллоновна> надута и обижена. Юр. сейчас после обеда собирался уходить, но все-таки остался, но сам, по-моему, не был. Что это значит? Устал, или берегся? Все равно. Только бы не было явных девок. Побрели. Небо романтично тяжело и розово, но Павловск мне надоел. Сидели, ели раков. Скучно играли какую-то веселую пошлость. Дома в карты не играли, а болела голова. Пошел прощаться, и опять разговоры на 3 часа. За что меня мучают? Болела голова. Боже мой. Как мелочно, упрямо и все-таки с подкладкой самой бабьей ревности и обиженности все это!

15 (вторник)

Встал рано. Приехал В<ладимир> А<дольфович>. Писался. И с Олегом. Потом играли, к<а>к приехал Юр. Олег сейчас же уехал кататься. Читали, пошли на вокзал. Денег у него уже нет... куда же, на девицу? Очаровательная погода. Юр. прост и мирен. Даже в вагоне писал. Дома советовался, мечтал о житье вдвоем. Опять провожал его. Анчоусов был. Буфетный Сергей кокетничает. Олег бежал с розами. Он мне неприятен. Почему? Или прав Бр<онислав> М<ихайлович>?

16 (среда)

Имянинное. Были Дармолатовы, Калины и Вилинский. Юрочка обедал со всеми. Было хорошо, но скучно. Утром опять теснота. Я не знаю, что делать? Юрочка, дорогой мой. Все манифестируют[13]. Тревожно, но хорошо. Вечером пел.

---

* Вероятно, описка вместо «отравляется»

17 (пятница)

Чудные дни. Скорей бы в город. Писал и думал о «Интермедии», «Аполлоне», Сомове, Нувеле. Все-таки был блеск, интерес, общество, культура и признание, а теперь какие-то задворки. Что же, один Юрочка, мое же дитя? Как хотелось бы видеть Зноску, Птифура, пок<ойного> Сапунова, Валечку! Юрочка опоздал, в «Лукоморье» поругался, надерзил и вышел из сотрудников, кажется[14]. Я боюсь, что ему там сказали что-нибудь действительно обидное. Потом обошелся и даже был со мною. Вести тревожны. Вечером помир<ились> хорошо с сестр<ицей>. Теперь все будет хорошо.

18 (суббота)

Война[15]. Сколько будет убитых. Жизнь единственно невозвратная вещь. Хорошо. Долго гуляли, но мало, без аппетита делал, и Юрочка был скучен. Разве это находится в обратной пропорции? «Там» и «тут»? Не хочется думать этого. Долго сидели. Скучно. Отчего? Отчего? Юрочка навез мне Ренье... Все запущено. Надолго ли у нас мир, не знаю.

20 (воскресенье)

Война очень дает себя знать. Немцы напали на французов, если те и англичане сплохуют, нам плохо. Костя арестован в Берлине. Франц-Иосиф отравился[16]. Сколько падет молодых. Боже мой. Заезжал Гишплинг прощаться. Гуляли далеко. Смотрели церковь, теннис. Были на ферме. Интер<есное> старое помещение. Юрочка вчера ехал с Шиллингом. Писали оба. Побыл со мною. Денег опять ни копья. Что-то будет? И как я со всем поспеюсь? Народу мало совсем; несмотря на воскр<есенье>.

21 (понед<ельник>)

Кожебаткин зачем-то в Териоках. Прислал телеграмму. Это меня радует, и поклон Юрочке.

22 (вторн<ик>)

Не помню, что было. Война, война. Англия объявила[17]. Олег ночевал, даже в одной кровати; все равно, как с никем.

23 (среда)

Целый день лежал с головою, не вставая. Юрочка читал и писал хорошо. Рядом играли и болтали. За обедом ел все-таки. Вышел <рассказ> «Напрасные удачи»[18]. Англия объявила. Ликуют.

24 (четверг)

Тепло и мрачно. Вл<адимир> А<дольфович> и Евд<окия> Ап<оллоновна> собираются в тыл армии. Как-то мы будем? Писался. Олег опоздал, идет в училище, писаться не будет. Юр. привез рисунок Божерянова — прелестен. Читали, рассуждали, правили. Семенов не приехал. Завтра из «Лукоморья». Юр. попросил проводить. Тепло, луна сквозь тучи, дворец освещен. Мрачно и торжественно, и безнадежно любовно.

25 (пятница)

Как-то печально с этой войной. Считается, что нет очередных дел; значит, болтанье и аханье. Встретил и Бобиша, и Неволина, и Яковлева, и Пяста, и Медведева. Все время были с Сашенькой. Обедали у Альбера, но денег ни на что путное не хватило. Юрочка огорчился этим, кажется. Но так-то было хорошо. У нас уж очень волнуются и трусят. Конечно, события мировые. Где бы достать достаточно денег и собрать себя?![19] Луна светит мирно. Неужели меня оставят на даче?

26 (суббота)

В полнейшем унынии, голова болит. Юрочка все отклонялся, чтобы быть, и я затеял историю. Он плакал, сердился, просил проводить, опоздал на 11.45. Гуляли еще в парке. Луна. Печально и любовно. Евд<окия> Ап<оллоновна> очень плохо говорила все о том же. Боже мой! Было уже светло. Вот вам и рабочая бессонная ночь.

27 (вторник)

Как гадко, как скверно. Евд<окия> Ап<оллоновна> объяснялась немного. Приехала Татьяна. Юрочка все порывался. Объяснялись чуть не до драки. Охоты и интереса к журналу у меня никакого. Юрочку уничижали, и он ушел. К счастью, явилась вдруг Олет с Бабенчиковым. Рассказы. Гумилев просит приехать завтра, едет завтра[20]. Ходили на музыку, но вернулись. Так хорошо было, как никогда. Тепло, светло и остро, остро; почти сладострастно. Еще провожал. Видел Регинина и Гаккебуша. Плохие новости и вранье. Все плохо. Опять спал, как позорный сурок.

28 (понедельник)

Сестра с семьей бежала из Юрбурга[21]. У тети. Плохо очень писался. Весь этот журнал — какое-то тяжелое недоразуменье. Матвей ничего не говорит, ни слова. Сестр<ица> нервится. Бр<онислав> М<ихайлович> подбодряет нас. Никуда не поехал. Виктор болтался и собеседовал. Юр. спал. Жажда людей легких, культурных и спокойных. Но я-то, я-то как опустился!

29 (вторник)

Тоска невероятная. Говорил с Евд<окией> Ап<оллоновной> и о журнале. Будто в плену, я опускаюсь невероятно. Юрочка тоже говорил, на что обиделась Евд<окия> Ап<оллоновна>. Потом она зашла к нам. Приехал Семенов, но, кажется, ничего не дал. Кожеб<аткин> был у него и уехал, не повидавшись. Уехал Олег. Как же быть? Евд<окия> Ап<оллоновна> опять давала экономические советы, но ничего не сказала о Матвее; по-моему, она иногда похожа на Жака.

Август

4 (понедельник)

Пропустил много. Приблизительно то же. Война рассасывается и публика охладевает к ней. С журналом сложности. Татьяна бестактничает. Привозила для устрашения Волынского. Пишу понемногу. Кое-что сделали, но сидим опять без денег. Когда расплачусь, не знаю даже. Евд<окия> Ап<оллоновна> все нервничает, на все обижается. О журнале чуть не каждый день. Все дождь и холод. Пальто не выкуплено. Хорошо, что скоро едем. Сегодня опять обиды и потерянный день. Так как переписываю «Серебряное сердце», приходится запирать двери. Набрали вереску. Когда-то зима? Если бы не думать о деньгах, а спокойно писать, вроде Сомова! Юрочка был мил, он привык, по-моему, ко мне. Не выходил сегодня. Звонил разным лицам безуспешно.

5 (вторник)

День чудный. Неужели не переедем? Денег ни гроша. Утром переписывал «Серебряное сердце» трепеща, чтобы не увидели. Сакер отказал. Спорил с Евд<окией> Ап<оллоновной> зря. Она все обижается. Юр. приехал, ничего себе, но спал и писал, больше ничего. Не знаю, как будем. Гуляли.

6 (среда)

С утра была чудная погода. Брился. Семенов дать не может. Это ужасно, последняя надежда. Евд<окия> Ап<оллоновна> пробовала заводить тесноту, но неудачно. Весь день потом шел дождь. Приезжала Марья Васильевна, читала Женин рассказ[1], но откуда я достану денег, не знаю решительно. Обедала с нами. Юр. не был и кисленек. Это непорядок вовсе. Евд<окия> Ап<оллоновна> мрачна, как туча. Все плохо.

7 (четверг)

Ничего нет. Писал. После завтр<ака> хотели все идти гулять, но Евд<окия> Ап<оллоновна> осталась, и все время провели в кислых и бесплодных собеседованиях. Юрочка приехал, читали Лескова. Еле побыл, очень неохотно. Он мил только при деньгах. Откуда же я достану денег? Пошел было его провожать, но в первой темной аллее чуть не наткнулся на дерево. Боже мой. Почему-то Богом повеяло. Потому ли, что просматривал книгу о Катарах<?>[2], что Влад<имир> Ад<ольфович> сказал слово из панихиды, или от Лескова, или от холодности Юркуна? Но это хорошо.

8 (пятница)

Переписывал. Собирались. Юрочка приехал. Взял у Поли. Денег у нас ни копейки. Завтра едем. Опять целых часа 4 без толку толковали.

9 (суббота)

Погода чудная. Читал Gresset, пока наши играли в теннис, потом поехал. Долго ждал. Насилу доехал. Шел пешком. Юрочка приплелся голодным. Мы обедали плохо у Альбера. Погода чудная. Юрочка что-то скучен. Не разлюбил ли он меня? Регинин просит военного рассказа[3]. Нужно отыскивать всех.

10 (воскресенье)

Наши уехали в Павловск. Погода отличн<ая>. Пошел к Юрочке. Заболела голова. Видел разных людей. Обедали с Гроссами, очень болела голова. Все-таки играл вечером. Юрочка хандрит.

11 (понедельник)

Не брился. У Регинина странное помещение: не то кинематограф, не то масонская ложа. Просит расск<аз>, денег не дал. Была Татьяна. Все хорошо. Евд<окия> Ап<оллоновна> обиделась, зачем я помирился с Татьяной. Были Ротины и Гига. Юрочка приехал скучный, денег раздобыл. Встретил Бобиша. Липковская хочет танцевать «Выбор невесты»[4]. Юрочка немного разговорился и лучше стало. Евд<окия> Ап<оллоновна> сердится, зачем я не пошел в кинематограф.

12 (вторник)

Едва успел собраться в «Сев<ерные> зап<иски>», оттуда письмо. Откладывают. Все-таки поехал, выклянчил денег, обедали в «Квисисане», гуляли потом. Дома что-то беседовали.

13 (среда)

Обедали с Вл<адимиром> Ад<ольфовичем>. Юрочка побрел куда-то. На обратном пути его встретил. Был мил, но убежал. Потом опять пришел. Рассказ я кончил[5]. Вечером длинное объяснение. Сначала кругом да около. Потом мне стало ясно. Но боюсь страшно, не простая ли это гоньба лично на Юрочку. Молился хорошо.

14 (четверг)

Всюду звонил с утра. Ходил, нет. В 5 часов. Юрочка приехал веселенький, но потом разобиделся, что я не одобрил плана «Дневника проститутки»[6]. Сашенька пришел. В 5 ч. опять нет. На квартиру. Странно и неприятно. Женат на кухарке. Нем<ецкие> карикатуры. Не шпион ли? Слухи самые плохие. Было противно. Звонился воскресший Миллер. Опять военный, идет на войну. Вот приключенье. Обедали хорошо у Альбера. Потом был очень хорошо. Был у нас Семенов. Денег не привозил. Долго сидел. А что-то меня гнетет ужасно.

15 (пятница)

Писал ноты. Явилась Потапенко с голой собакой, потом Миллер. В опол<ченской> форме, красный, но ничего. Сидел и при Юрочке. Уговорились завтра обедать. Не помню, что еще было.

16 (суббота)

В «Сев<ерных> зап<исках>» мне ничего не дали. Это ужасно. Юрочка пришел в отчаяние, была сцена даже, потом успокоился. Читал я себе свой дневник. Как много прошло времени! когда было лучше всего? Тогда меня больше все поражало. В разговоре с Юр. получаю бодрость и успокоение, и он имеет если не знание, то чувство настоящего. Евд<окия> Ап<оллоновна> провожала Воротн<икова> и говорила о «Петерб<ургских> вечер<ах>» обиженно и не хорошо, не правильно. Опять спрашивала, всегда ли будет обедать Юрочка, после первого же раза. Как она его ненавидит и за то готова оплакивать, жалеть меня перед всеми Потапенками. Человек, не презирающий Юр., для нее перестает существовать. И, право, мне кажется, что все освобождение и возвышение меня имеет очень мелкую подкладку, унизить Юр. и подсунуть мне какого-нибудь засыку, вроде Олега, который у нее стоял бы на задних лапках. Иногда у меня такое справедливое негодован<ие> на подлое бабье егоженье, с окраск<ой> еще духовного, что я сам себе противен, почему у меня не хватает силы уйти. Боязнь потерять комфорт? да. Вот оно, рабство спокойному житью и отсутствие мужества и самого себя, а не в чем другом. Оттого я изворачивюсь

и кривлю душой, потому что я не свободен, а завишу от денег Евд<окии> Ап<оллоновны>. И будь я человек независимый, со мной и с моими чувствами, с моей душой не позволили бы делать таких штучек. Ах, крепко в ней злобничество, до невероятного. И зачем я ей теперь? [Впечатления, которые она могла иметь через меня, она имеет *<нрзб.>* литературу]. Или для того, чтобы мудрить и ломать меня, но, измученный и изломанный, я *себя не потеряю*, и буду думать и чувствовать, как хочу. Если нужно лицемерить, буду и лицемерить. Но какие шпилечки, уловки, сценки, все для одного — отдалить Юр. и доказать, как пагубна его дружба. Что [она] Ев<докия> Ап<оллоновна> всех от меня отделяет, это правда. Какой-то свинский колпак и...*

17 (воскресенье)

Хотел прийти тот-то и тот-то: и Миллер, и Сашенька, и Бобиш, но никого не было. Впрочем, Саш<енька> вечером пришел. Ездил к Липковской. За мной заезжала прохиндейка Люся и возила сначала еще за какими-то нотами. Дома Липковская еще глупее. Вечером грандиозно объяснялся с Евд<окией> Апол<лоновной>. Все тут было.

18 (понед<ельник>)

Утром пришел Саш<енька>, поехали с ним в «Записки», он дожидался внизу и дремал, я беседовал обо всем с секретарем, наконец дали мне только 50 р. Поехали к Юрочке, читая на извозчике корректуры, которые у нас разлетались. Юр. был одет, утром у него был Адамович. Читались. Потом обедали. Федя фанфарон не явился. Дома Юр. был крайне мил, но не звонился, когда пришел. Был Матвей, но утешительного ничего не сказал. Книгу Евд<окии> Ап<оллоновны> конфисковали, это, пожалуй, угрожает[7].

19 (вторник)

С утра пошел в Биохром. Дали ордер за деньгами после 2-х. Видел там Иванова. Дома пришел Сашенька; вышли вместе. Получил. Поехал. Просил послать за пальто. Обедали ничего себе. У нас вводится Варвара за экономку. Потом были в кинемо. Кажется, утром была Татьяна. Все-таки болтанье почитается за первую добродетель. Да, конечно, она была.

20 (среда)

Сашенька пришел. Звонил Юр. Поехали к Семенову забрать книги. Деньги через 2 недели. Были мальчики. Юр. что-то хо-

* Оторван угол страницы с последним словом.

лоденек. Перепис<ывал> для Липковской и посылал Светлову. День хороший. Но что-то утеряно: долги и трепыхание внутреннее меня дручат. Вечером так что-то говорили. Сидел Юр. долго.

21 (четверг)

Опять теснота с объяснениями Волынского. Утром были обойщики. Один ничего. Потом отправился к Волынскому. Он почти не говорил со мною, все отложив на завтра. Боится, солидно ли издание и как он входит. Дома опять о Волын<ском>, о лицемерии, приписывание мне того, чего нет. Фикции, обиды и, хоть убейте, все мне кажется des allusions*. Татьяна — та проще, благожелательнее и человечнее. Немыслим вечный духовный шпионаж, как ко мне относятся. Отправился к Светлову. Его нет. Рискнул к Эйзену. Кажется, устроит. Не знаю, верить ли. Дома было ничего. Юрочка писался. Потом позвал к себе, где были Иванов и Адамович. У Юрочки уютно, будто комната учащегося в семье, будто ходят гости, молодые люди, не очень богемно. Читал Юр. «Жирандоли», очень хорошо. Провожал меня. На Невском гуляют. Заходили в лавочку пить. Там кот привязан на веревку. Дома уходила Татьяна. Сочли за демонстрацию, что я сухой. Сказали — пускай уж приходит обедать Юр. Ив., будто он не знакомый. А между тем, если это совещание, то он необходим. Как это все мелко и мельчит других. Право, мне сомнительна дружба человека, о котором как-то сплетники передавали, что он дурно выражался.

23 (суббота)

Утром только что выполз, как нужно было 2 часа объясняться о том, что разговоров не будет. Потом был вытащен к Олеговой матери, потом Юр., потом обида, так время и прошло. Волынский был мил и как-то в корне пресекает тесноту, чего мне не удается делать. Юрочка вел себя очень хорошо и почтительно, хотя и спорил с Волынским. Потом было хорошо. Были еще Корнфельд и Потапенко, но, в общем, было довольно скучно. Потом долго еще сидели, дожидаясь Вл<адимира> Ад<ольфовича>. Все как-то смутно и печально, что-то завтра скажет мне «Нива». Ничего не пишу, и Юрочка зауныл что-то. Нужно всех отыскать.

22 (пятница)

Встал поздновато. Писал немного. Погода хороша. Так молился, чтобы удалось в «Ниве», а ничего не вышло. Упрашивал ужасно. Нет ничего. Едва видел, как вышел, хотел даже попросить у Бя<л>ковского. Была радуга, я хотел и думал, что это добрый знак.

* Намеками *(франц.)*

Его не было дома. Я ничего не могу, да и не мог никогда. И потом мне все не удается. Побрел все-таки к Юрочке. Он был сражен известием, по-видимому. Позвонил Руманову. Полетел. Обедали, но скучновато. Наши уходили к Татьяне. Юр. послушал и собрался уходить. Я надулся. Он остался, но стал прибирать всякий вздор. Побыл, но против воли. Потом обошлось. Поздно бес<едовал> с Евд<окией> Апол<лоновной>.

24 (воскресенье)

Писал с утра. Наши уехали на ауто к Олегу. С ним страшно носятся. «Смотрите, вот пример для вас», чего достигают задними лапками. У Вал<ентины> Серг<еевны> какие-то неудавшиеся планы. Очевидно, она рассчитывала на partie de plaisir с Гигой, но, узнав, что едет Вл<адимир> Ад<ольфович>, не поехала и сама. Звонил разным людям. Аусы приехали, ничему не подвергшись. Был Сашенька, печальный. Юрочка массу написал, но все толкует о своем журнале против нашего. Статья понравилась. Вечером писали. Пришел Рюрик. У Евд<окии> Ап<оллоновны> был Бобрищев. Вот разодолжила, стала нас сватать. Потом вызвала меня, и до 3-х час. я слушал декламацию Бобрищева.

25 (понедельник)

Что было? Так нужны деньги и так мытарят в «Ниве», что больше ничего не помнится. Писал музыку. Ходил. Ничего. Юрочка в отчаяньи, но крепится. Была escarmouche* и с Евд<окией> Ап<оллоновной>. Вечером у Аусов. Они где-то катались. Сухи и неприятны, затерянные какие-то. Антон с усами и в прыщах. Дома еще болтали. Что-то будет? К бедному милому Юрочке не пошел, сам не знаю почему.

26 (вторник)

Все, что вчера написал, было сегодня. В понед<ельник> была та же неудача. Был Сашенька, Сережа звонил, но так мне было уныло, что я отказался и, почитав Лескова, брал ванну. Опускаюсь без денег ужасно. Была, кажется, Тат<ьяна>.

27 (среда)

Чудный день, но мне все мрачно. Не мне, а думая о Юр. Ничего нет. Брился. Читал Пролог, вижу простых людей. Икон, икон! Я совершенно бессилен и не верю, что был когда-нибудь другим. Зашел в Исакий, но все ничего. Убитый пошел, не хотел возвращаться, но пошел. Сказали, что Юр. пришел, а это был Сазо-

* Стычка *(франц.)*.

нов, Моравская и Савватий. Моравская читала хорошие стихи. Нападает на меня сон, как обморок. Юр. был мил не злиться и даже утешал меня, но не был и сердился, поправляя рассказ. Были у Татьяны. Вроде отеля. Стиль клозетный, мальчики. Был Ивнев. Читались. Провожали меня. Мне всегда жалко, как Юр. уходит один.

28 (четверг)

Позвонил в «Ниву» — еще ничего. 3 дня праздников[8]. Посоветовавшись, послал письмо Маркс, не принял швейцар. Бог меня хранил, но я сам помчался. Швейцар все думал, что я прошу вспомоществования, так обидно. Зашел к Исакию. Домой. Вернули не читая. Как раз во время Волынского и Тат<ьяны>. Что же делать? Остались одни. Юрочка утешал и даже просил прощения. Звонил к Матвею. Ничего. Пошел в клозет плакать — Юрочка, милый, милый, утешал. Решил поговорить с Вл<адимиром> Ад<ольфовичем>. Сестрица говорила хорошо.

29 (пятница)

Все не говорил и ничего не делал. Евд<окия> Ап<олло-новна> ушла гулять. Юр. был мил, много писал вчера. Жалко, что говорят, что он porte-malheur* и его не тащить. Рано отправил. Читали Лескова. Поговорил, добыл немного. Юр. звонил, но я плохо говорил с ним, бедным. Так обидно было.

30 (суббота)

Брился. На обратном пути видел Юрочку и Иванова, как они ехали. Юр. в серой шляпе душечкой. Погнался за нами Балиев, вернул мне ноты и пьесы. Услал обедать. Юр. сам сидел. Пошли в кинемо. Вечером был Бобрищев. Да, Юр. был со мною, неожиданно.

31 (воскресенье)

Утром вместо Бобиша явился Сашенька. Я писал, и спал, и завтракал. Приходили разные народы. Евд<окия> Ап<оллонов-на> говорила что-то о кинемо. Наконец пришел Юр. и Мосолов, восторж<енные> и оживленные умно. Юр. отлично и трогательно говорил. Потом сел писать это же, я писал пьесу. Вечером читал роман. Кажется, все устроится, но куда было бы лучше без Волынского и Нагродской. Веселей, свежей и чище. Где бы достать тысячи 3 на журнальчик. Часы у меня пошли.

---

* Приносящий несчастье *(франц.)*

Сентябрь

1 (понед<ельник>)

Встал не поздно. С утра уже Евд<окия> Ап<оллоновна> на что-то сердита, за завтраком и совсем. Ходил в Азовский <банк>, там есть и мальчики. Видел Вал<ентину> Серг<еевну>. Брился. Встр<етил> Сазонова. После завтр<ака> к Юрочке. Женя ранен и вернулся[1]. Ракитин здесь. У Юр. сидел Иванов. Со статьей Юр. не справился. Мил бесконечно. Пошли. Обедали с Ракитиным случайно. Видели и Гранди, он сделал и для второго расс<каза> рисунки, но когда же они выйдут?[2] Купили книг. Садовской здесь. Что-то меня гложет, тем не менее. Бобиш неглижирует уж очень. Планов тысяча, так радостно, что их можно развивать с Юрочкой, а говорят, он porte-malheur! что же мне делать? Забежал Бальмонтик, милый. Пошли к Ракит<ину>, читали, ничего себе. Сережа еще не пошел на войну. Липков<ская> ставит в Мариинском, и «Сузанну» ставит Мейерхольд[3]. Я как-то всех хочу любить. Заходили еще к Садовскому, но он уехал на несколько дней. Заходили и домой. Инженер еще сидел. Надуты дома. Не знаю почему. Я не могу быть ласков, когда дуются за то, что я доволен.

2 (вторник)

Говорил с разными людьми. Опять обиды. К тому же проспал. Теперь я понял верно. Если я занимаюсь, читаю, видаю людей нужных или приятных, ласков и помогаю Юрочке — я погиб. Если я хандрю, кисну, болтаюсь, жалуюсь — тогда все хорошо. Не очень сложно, но не очень и хорошо. Теперь найден трюк с porte-malheur'ом. Если бы вместо Юр. был pisseur на задних лапках — все было бы великолепно. Был у Жени, хорошо, светло, трогательно, но его родня и особенно Аусы испортили всю музыку. У Семенова что-то мрачновато. Обедал Юр. где-то, где встретил теток. Пришла Татьяна и Рюрик, но мы пошли к Бобишу. К счастью, Потемкин был на одну минуту[4]. С Липковской какая-то канитель, сама будто бы танцевать не может, с Карсавиной в ссоре и т. п. Всё неудачи. В Литейном неизв<естно> что. Бобиш озабочен и интригует все с Судейкиным. Дома еще не разошлись. А как же быть с деньгами, уж я не знаю[5]. Евд<окия> Ап<оллоновна> опять на меня жаловалась. Татьяна пыталась делать демонстрации, но все обошлось.

3 (среда)

Не помню, что было. Брился. Встретил Сомова, трогателен, но как-то отошел и закис[6]. У Евд<окии> Ап<оллоновны> был Воротников и Лёвушка. Пришел Юр.; Евд<окия> Ап<оллоновна>

позвала<?> его, жаловалась на меня. Сама мрачна. Да, был Олег и вечером был. Совсем стал уродик и вроде Модеста блаж<енной> памяти. Читал роман. Ракитин не пришел.

4 (четверг)

В театре ничего определенного. Только передал пьесу. Все веселы как-то. Юрочка нежно спал. Написал много и отлично, первый сорт. Помчались к Жене, напоролись на Аусов. Дома были Иванов, Адамович и уже Татьяна. Было весело ехать. Евд<окия> Ап<оллоновна> надута до nec plus ultra. Тучей. Потом был Слезкин, потом утешительный Мосолов. Много и хорошо говорили.

5 (пятница)

Неудачи меня до смешного преследуют. В театре никого нет. Я даже не знаю, взяли ли пьесу, боюсь, что и балет с концерта Липковской исчезнет. Романов важничает, все меня обижают. Неужели это все Мейерхольд?[7] Заходил в «Апол<лон>». Маковского нет. У Сологубов было затонно и скучновато. Опять зашел в «Аполл<он>»; Лозина, Мандельштам, Иванов пьют чай. Маковский к стихам придирается, просит еще других[8]. Юр. был уже дома. Писал, душка. Мосолов не пришел. Пришли Никс и Рюрик. Беседовали, шутили. Ничего себе, будто в старину.

6 (суббота)

Бобиш просил приехать. С Липковской, кажется, совсем расстроилось. В театре Романова не было, долго ждал, играл только музыкантам. Азов пьесы еще не прочел, балет не в открытие, денег не обещали. Плохо[9]. В пустой зале пробовали певцов. Пошел в «Аполлон», как раз застал С<ергея> К<онстантиновича>, взял, много говорил, но деньги просил в среду. Юр. еще не было. Читал очень хорошо. Много беседовали. Был Ауслендер. Вечером говорили.

7 (воскресенье)

Утром уехал Вл<адимир> Ад<ольфович>. Ниоткуда нет известий. Юр. был мил, но рассеян. По-моему, он так занят собою, что почти перестал меня любить. Прислали корректуры. Был Сашенька, немного поел. Читал Лескова. Потом пришел Мосолов. Отлично беседовали, играли. Юр. бегал за папиросами. Евд<окия> Ап<олллоновна> позвала его пить чай и читать. Потом говорили хорошо. Но Юр. не был со мною.

8 (понед<ельник>)

Все не плохо. У Нев<олина> балет пойдет. Брился. Говорил парикм<ахер> о собаках. Юр. хочет вечер<ом> идти к Попо-

вым и меня звал. Был рассеян и не мил. Не хотел быть. Заходил Рюрик. Сологуб его турнул. Юр. ругался за Гартевельда. Потом я капризничал. Он побыл. Отпр<авились> под дождем. Насилу нашли. Посидели. Буржуазно, но довольно уютно. Юр. еще заехал ко мне. Думал работать, но лег спать.

9 (вторник)

Все хорошо, да не очень. Никуда не выходил, но и писал мало. Ответа насчет пьесы все еще нет. Сидела у нас Небольсина. Обедали со всеми, с Antoin'ом и Львом, кисло довольно. Вечером были Ротины, Вишневский, Татьяна и Варвара. Юрочка серьезен. Все пишет, флиртует с Татьяной. Ротины надуты чего-то. Было скучно. Потом Юр. чего-то нервился. Потом говорил глупости, что его никто не ценит, не любит и т. д. Жалко его до слез, и, конечно, не так он живет, как надо бы и достойно бы, но нехорошо и неблагодарно так падать духом. Кажется, успокоился.

10 (среда)

В театре не берут. Маковский обещал только 26 р., и то прислать. Пришли ко мне Садовской и Ракитин. Хорошо было. Опять мальчики из «Аполлона». Пошли к Альберу, там были Корона, Макс и Агашка. Беседовали. Зашел ко мне, разговорился немного. Слишком часто падает духом Юрочка.

11 (четверг)

Что было? Был Рюрик, Слезкин, вечером Юр. был. Ходили в кинемо, купили сыру и калоши. У Евд<окии> Ап<оллоновны> была Олегова мать. Говорили или нет? говорили тихонько и хорошо с Юр., бедным сыночком.

12 (пятница)

Писал немного. Татьяна обедала; безобразно ссорились с Юрочкой, прямо гадость. Евд<окия> Ап<оллоновна> сердито торжествовала. Обе вместе — бабье ликование, весьма трудно переносимое. Злее, глупее и несноснее женщины ничего не может быть. Ядовитее и дурее. Вечер<ом> был Антоний и Марья. Правили корректуры. Я дописал рассказ. Сидели до половины седьмого. Юр. написал очень хорошую статейку[10].

13 (суббота)

Встал препоздно и, конечно, отвратительно себя чувствовал. Еле переписал, так болела голова. Сговорился встретиться у Садовского. Погода чудная, теплая. Но Садовского не было дома. Походил, поджидая Юр.; не приехал. Думаю отказаться, так как не

могу отогнать мысли о личной ненависти и сплетнях, и это мне все портит. Дома сидел Сашенька. Лежал, спал. Юрочка передавал всякие гадости, ходящие о «Вечерах» через Татьяну, отчасти и через других. И о мне, и о нем. Жидовский кагал. Какая гадость. Садовской его несколько утешил. Принял цитрам<он> и спал. Читали Лескова. Евд<окия> Ап<оллоновна> чувствует себя как в праздник, вероятно, в противоположность Юрочке и мне, разумеется. Женская ненависть, что может быть ее гаже? И было бы смешно сдаваться от сплетень и гонений! Если бы мог быть хороший журнал! Чистых, порядочных людей, без бабья и жидов!

14 (воскресенье)

Встал рано, спокоен, решив, в случае чего, отказаться. Приехал Вл<адимир> Адольф<ович>. Писал у себя, *<нрзб.>* что я сержусь. Прибегал расхваленный Олег, он страшно похож на Модеста, неужели таким же паршивцем окажется, не хочется этого думать. Хорошо, что у масон нет женщин. Опять толки о половинках[11]. Юр. пришел рано. Я еще по-новому его люблю. Но ушел к Лучинину. Гадость какая-то этот Лучинов *<так!>*. Вызывали меня к гостям добродетельным, но они меня стесняются и мне весьма чужды. Легли очень рано спать. Иконок бы мне.

15 (понедельник)

Погода опять чудесная. От Бонди в конце недели[12]. Юрочка пришел рано, получив 4 рубля. Вчера его никто не обидел. Пошли к Семенову, нет. В «Аполлон», брились. Я люблю места около Владимирской. Семенов обещает только в октябре. Купили какой-то мыльной колбасы. Если бы один я жил! Обедала у нас Татьяна, но мы не вылезали. Потом приполз и Антоний. Мы отправились к Слезкину. Книги, балкон, портретики, все хорошо. Жена дурова-та, но ничего себе. Пришел котенок. Вообще было ничего себе. Был дождь. Юрочка зашел на минуту и хорошо сделал, а то уж на меня направлялись шаги Евд<окии> Ап<оллоновны>, то есть на 4 часа.

16 (вторник)

Дождит. С утра говорил. После завтрака рассуждали почему-то о Лермонтове, вероятно, чтобы «приятно говорить со мной о литературе». Обещала или завтра погов<орить> с Вл<адимиром> Ад<ольфовичем>, или заложить кольцо. Брел к Чацкиной. Настроение не плохое. Чацкина обещ<ала> в октябре. Сейчас «Федю» боится печатать, но очень его расхваливает[13]. Топили камин. Побыл Юрочка. Звонил Каннегисер. Был ажитирован<ный> Рюрик. Он неприятней других мальчиков, вероятно потому, что добродетелен. Юр. постонал и ушел. Евд<окия> Ап<оллоновна>, кажется, гово-

рила с Вл<адимиром> Ад<ольфовичем>, но когда все устроит, неизвестно. Jacqerie сидит в ней крепко все-таки[14].

17 (среда)

Никаких денег, разумеется, не дали. Хорошо, что не очень холодно. Писал плохо. Даже очень. После завтрака отправился к Юрочке. Статью прислал Брауде прескверную[15]. Волнение. Евд<окия> Ап<оллоновна> приняла мою сторону, но Юрочка разволновался до чрезвычайности. Опять пошли попреки о моей неделовитости, бабости<?> и пр. Насилу угомонился, да и то не совсем. Да Евд<окии> Ап<оллоновне> разве можно говорить, что у человека пропадает талант? Хорошо, что человек не мнителен. А мнительному и доверчивому человеку скажет, он и вправду потеряет его. Вечером был Каннегисер, привез книжку. Ничего себе.

18 (четверг)

Все дни чудно сплю. Проснулся в шестом часу. Свет розовый кругом, звонят к обедне. Дождь идет. Неприятно говорил с Евд<окией> Ап<оллоновной> о гонораре, будто милости. Обещала, потом достала, не дала. До 10 час. Ротины торчали. Юрочка волновался, обижался, даже побыл. Сашенька с утра сидел, милый. Топили камин. Читали. Кричала Евд<окия> Ап<оллоновна> из-за денег с мужем. Пошли, купили провизии и папирос. Звезды ясные, облака, тепловато. Но не писал сегодня. Бонди взял, но деньги до след<ующей> недели.

19 (пятница)

Утром написал и пошел бриться. После завтрака поехал к Юрочке. Он уже не спал. Читал. Мое начало не особенно ему понравилось. Покупали пальто. Долго топтались у Вольфа. Обедали мило, но мирно. Еще заходили к Мелье, Тузову и Карбасникову. Дома сидел Кузнецов; Сашенька был, да ушел. Юр. посидел очень недолго. Кузнецов чем-то тяжел. Евд<окия> Ап<оллоновна> читала еще «Расточителя»[16].

20 (суббота)

С утра Евд<окия> Ап<оллоновна> заболтала меня часа 2. Хотела и после завтрака. Юр. пришел с Сашенькой рано. Пошли погулять в Алекс<андровский> рынок. У букинистов нашли хорошие книги. Юр. купил отличного Плутарха. Погода чудная. Юр. нежен, но уехал обедать к Альберту. Сашенька сидел, читал. Вечером заехали к Юр., потом к Каннегисеру. Будто у студента товарища. Юр. провожал еще меня, говорил, что ему не по себе, что мне будто не по себе. Бедный, милый мальчик. Что для него сделать?!

Люблю его, как родного. Приводят письмо Ан. Франса, просящего<ся> в армию[17]. Такое глупое, что едва ли не подложно.

21 (воскресенье)

Встал страшно поздно и злился, неизвестно на что. Мечтать начинаю, вот что плохо. Писал плохо. Юрочка принес сливы. Переставляли мебель, так лучше гораздо. Но вечером хотел писать, и опять Евд<окия> Ап<оллоновна> заговорила. Читали Лескова. Вот так.

22 (понедель.)

Бонди звал в 2 ч. Писался, но не дописал. Юр. пришел и Сашенька. Вместе отправились. Чудная погода. Ждали. Встретили Регинина. Ауслend<ера> рассказ закатала цензура. Мне <денег> нет. Юроч<кин> не взяли, но предл<агали> денег от себя. Просил заехать вечером. Поехали весело бриться. Юр. все выделывал пируэты. Издали как роза. Говорил со мною Вяжлинский. Отправ<ились> в Ал<ександровский> рынок. Юр. расстроили, сказав, зачем он все ковыряет. Потом у букинистов. Провели нас наверх. Там хорошо. Нашел я Casti и еще кое-что. Обедали. Юр. помчался к Бонди. Мы домой. Смотрели книжки. Кузнецов говорит, что в «Лукоморье» поручили ему меня расхвалить за «Голубки»[18]. Н<иколай> В<асильевич> ждет завтра. Юр. рассказывал потешные вещи о Бонди, который дал ему 10 рубл<ей>. Похабный тип. Воображаю, что за оргии. Только бы не свел он Юр. с девками. У нас Бобрищев и Воротн<иков>, полны театральных планов, оставляя меня в стороне. Все-таки говорили до 2-х часов.

23 (вторник)

Переписывал рассказ. Светло и холодно. Был столяр. Юр. явился не в духе, как он часто бывает. Обедать потащил, потом к Мелье и там, не найдя, что хотел, опять впал в мрачность. Зашел ко мне, но не был. У Чичер<иных> было мирно. Смотрел иконы, играл «Младу»[19], вспоминали старину, родных, знакомых. Юр. спал и опять был какой-то смутный. Не был. Пошел меня провожать до дому, заговорил о деньгах, расстроился. У нас спали. Но я и сам отчего-то в меланхолии. Завтра идти в «Лукоморье», в «Аполлон», вечером Женя. В четверг прием. Потом к Аусам. Удручает это меня.

24 (среда)

Проспал, злился. Явился Тиняков, хвалил Юр. «Перчатки», задержал несколько[20]. Бялковский весел и любезен. Говорил о библиографии[21]. У Папа Мако был скучный Соловьев, который все кланялся стоя. Ничего, вообще-то. Купил кое-что, но гнетет меня,

не знаю что. Юр. сидел уже и писал. Сам принес честеру, душка, милый, бедный. Заходил Каннегисер и Икар. Юр. не был, я мрачнился. Женя что-то поскучнел и поглупел. Я читал. Юроч<ка> обиделся, пытался говорить парадоксы, волновался, обижался. Потом опять не был, а долго объяснялся, не очень хорошо.

25 (четверг)

Юрочка пришел очень рано и прямо потащил меня за занавеску. Я чуть не умер, не знаю почему. Весело завтракали. На приеме были Рюрик, Сашенька, Слезкин. Было ничего себе. Но меня что-то тревожит. «Лукоморье» и Суворин полны планов. Потом Юр. обедал, спал. Поехал я к Ауслен<дерам>. Были сестра с Катей, Женя, Антоний со Львом. Играл в винт. Ausл<ендеры> званы к Слезкиным. Дома еще немного говорил.

26 (пятница)

Не очень хорошо помню, что было. Разговоры с Евд<окией> Ап<оллоновной> еще не прекратились. Зачем? Я ничего не понимаю. Никого не было. После обеда пошли с Юр. в кинематограф. Видели Сару Бернар. Евд<окия> Ап<оллоновна> приехала поздно. У меня болит сердце все время.

27 (суббота)

Я еще спал, как пришел столяр. Не зная, когда встанет Евд<окия> Ап<оллоновна>, я медлил одеваться. Но все обошлось. Вышло хорошо. Расставлял книги. Здоровье мое очень плохо. Юр. пришел с Мосоловым. Принес мед, хлеб и колбасу. Весело и мило. Солнце светит, иконы стоят. Юр. мил. Все сплю, плохо мое дело. Звонился в разные места. Евд<окия> Ап<оллоновна> со всеми меня ссорит, как-то так выходит, что с кем из моих приятелей она ни познакомится — я разойдусь. Это досадно. Даже Женю испортила, только Сашенька крепится еще. Гуляли несколько. Читали Лескова. Как молился! Прости, Боже, все tracasserie<s>*! Но что за глупая и пошлая женщина Евд<окия> Ап<оллоновна>! Если это значит отделяться от земли, не дай Бог!

28 (воскресенье)

Евд<окия> Ап<оллоновна> попросила прочитать про нее в дневнике. Этот дневник прямо курам на смех, но буду вести его смело. Когда-нибудь все всё узнают. Юр. немного опоздал. Брился в собачьей. У Сологубов было ничего. Наст<я> выходила, но в столовую не приглашали. Да. Явился Жак. Доложился, но исчез. При-

* Придирки *(франц.)*

глашают туда. Вот жидовская наглость. Что я, мальчик — бегать! Приплелся Сашенька с рисунков. Весело поехали в траме. У Слезкиных было ничего себе. Надина что-то дьяволила. У «Донона» пожар[22]. Планы завоевывать «Лукоморье». Тащат почему-то и Ауса. Юр. заходил. У нас Лёвушка, Татьяна, Вор<отников>, Жак — весь синклит. Евд<окия> Ап<оллоновна> говорила до половины 6-го.

29 (понедельник)

Проспал. Отвратительно. Голова болит ужасно. Сашенька пришел. Сидел. Я спал. Пошел к Бялковскому. Взял Юр. статейку. Встретил Городецкого. Там хорошо. Мочуль<ский> очень славный, но сатириконское наследство неприятно[23]. К Юр. пришел поздно. У него был Чахотин и Юр<ий> Адамович. Расспр<ашивал> о «Лукоморье» и вдруг закатил такую сцену, что я ругался, как извощик. Пришел Никс Бальмонт, веселый и милый. Играли немного. Юрочка спал, писал, хандрил, скучал, хотел есть. Погода все чудесная.

30 (вторник)

С утра пошел за деньгами. Купил книжки и духи. Юр. не спал. Поехали покуп<ать> пиджак. Принесли «Русскую мысль», чем-то меня это обрадовало, что есть литература помимо газетно-военной дребедени. Дома пришел Георг. Иванов. Вышел с нами. Обедали хорошо. Были долго у Клочкова. Дома застали карточки Чахотина и Лермонтова. Были еще в кинемо. Слезкин прислал мне варенья. Кажется, Юр. был доволен. Купил себе книжечек, оделся, палку. Был со мною. Нужно пописать.

Октябрь

1 (среда)

Писал стишки и роман[1]. Вообще работал. Брился. Погода очень хороша, но холодно. У Евд<окии> Ап<оллоновны> гости. Хоть меня вызывали, не пошел. Юрочка прибежал с книгами. Пришел Сашенька. Они пошли обедать. Потом явился Воротников. Сидел, смотрел книжечки. У Юрочки был Никс и они ходили к Пастухову. Юр. пошел покупать себе колбасы и купил мне пастилы. Ауслендер запоздал. Долго ждали Божер<янова>. Ехали, как в старину, весело. Были Город<ецкий>, Слезкин, Кузн<ецов>, Митрохин, Нарбут. Хорошо по-старому. Очень приятно. Вытащили мои стихи. Было ничего себе. Юр. чего-то кислился, но был доволен. Мне было весело, как в старину, будто какое-то марево ушло с меня. Звонил Этьен. Придет завтра. Писать надо хорошенько.

2 (четверг)

Пришел Чахотин с Лермонтовым, дубье какое-то костромское. Вывозит ужасы. Этьен пришиблен, ревнует, едет в Одессу за ним. А сам я не часто ли был таким же? Был Сашенька, Жоржик, Рюрик, болтали мило. Вечером Юр. был почему-то со мною, ходили в кинемо<?>, купили еды. Хорошо. Говорил. Аминь.

3 (пятница)

Рано завтракал. Брился. У Чичериных хорошо. Играли Скрябина. У Юроч<ки> был уже Божер<янов>. Отпр<авились> к Чахотину, там был Цурмюллер, Красовская и какой-то мореходец. Неспокойно. В «Сев<ерных> зап<исках>«полная неудача. «Овраг» вернули и денег не дали[2]. Печально. Юр. очень нежен. Ушел, чтобы прийти после Бялковского, но тот пришел очень поздно. Был тяжелый Жак. Мы сидели хорошо, говорили о книгах. Милый Юр. болтал, как пьяный чиж. Но хорошо в общем.

4 (суббота)

Утром слышал благовест. Хорошо. Евд<окия> Ап<оллоновна> говорила о «Вечерах», что они ей вскочили в копеечку, что не так дело ведется, что она продолжать не намерена и подписки не давала. Объявила это весьма по-лабазному, так что оставалось только поклониться. В какое положение она меня ставит. Если перечислить все, что она болтает и обещает, собралась бы целая библия. Юр. пришел в духе. Читались. Смотр<ели> Лескова по каталогу. Вышли в кинемо и купили кое-что. Измайлов просит рассказ и стихи[3]. Юр. приуныл от нотаций Матвея, зачем у меня «Вагнеровский балаган». Отчитал его как следует, но Юр. все горячился. Кто-то приглашал и Евд<окию> Ап<оллоновну>, не знаю кто. Сидели не очень долго. Читали Ренье. Разные планы, вот так.

5 (воскресенье)

Сегодня вот что произошло. Обедали у нас разные жиды. Меня просили присутствовать, чтобы помириться с Татьяной, но ни ее, ни Жака я видеть не хотел. Антоний заходил ко мне. Отправились к Слезкиной, там было мило. Но К<окоша> Кузн<ецов> сообщил, что Татьяна дьяволит и в «Лукоморье». Справлялась, кто бывает по средам, и как дело дошло до Юроч<ки>, выразилась так: «Ах, и здесь этот паршивый мальчишка!? Из-за него мы закрываем „Петербургские вечера“». Я не выдерживаю, звоню по телефону, изливаюсь Евд<окии> Ап<оллоновне>, причем ее же называю мерзавкой. Вероятно, обида. У Слезкиных было ничего. Дома Вл<адимир> Ад<ольфович> говорил, что-то мямлил, но в конце концов объявил, что нашему общежитию конец. Вот вам и дружба. Какое

доказательство, до чего доводит любовь, не апробированная Евд<окией> Ап<оллоновной>. От обиды, несправедливости и возмущения я почти не спал.

6 (понед<ельник>)

Вот каково мое рожденье. Матв<ей> Ив<анович> не дал, обещал завтра. Юр., милый, встревожился. Теперь и он перестанет меня, бродяжку и экономного, так любить, как прежде. Всех знакомых придется отставить. Он был мил. Обедали. Видели Зайчика. Рано ушел. Говорил с Евд<окией> Ап<оллоновной>. Все та же песня. Чего от меня хотят? свободы. Вот если бы у меня было достаточно денег, да я переехал, это была бы свобода, а то рабство первым встречным Жакам. Юр. мне не звонил. Брал ванну. Как грустно и гнусно.

7 (вторник)

Говорил, кажется. Нет, проспал. Погода плохая. Матвея в конторе нет. У Юрочки умер отчим. Вот как. Пошли к Семенову. Вечер хорош. Будто в старину. Неопределенная жизнь, печальная, вольная и лесковская. У Матвея затонно, но не плохо. Звал нас. Печка топится. Дал 60 рубл<ей>. Обедали. Потом Юр. помчался за книгами. Пошли к Рюрику. Маленькая дамская комнатка. Были Бальмонт, Адамович, Иванов. Читали рассказы. Не знаю, не огорчается ли Юрочка. Дома застал еще Матв<ея> и Лёвушку. Но как делаться? Деньги мы уже растранжирили. Как плохо! Павел уехал на войну.

60

8 (среда)

Пришел Сашенька с рисунком. Уговорили его идти вечером. Юр. был огорчен. Потащил обедать втроем. Ждали его на углу Морск<ой> и Невс<кого>, и я говорил, как Евд<окия> Ап<оллоновна> мешает мне работать, и в шагу стоял Вл<адимир> Ад<ольфович> и все слышал. Были в кинемо; как все скверно и печально. Мне тяжело, потому что со стороны Нагродских я вижу несправедл<ивое> насилие и лицемер<ие>. Позвать никого нельзя, и явное доказательство, что все от меня отступились; вот цель, что бы не твердили. Отошел я лишь от Жака и Шенфельд. В «Лукоморье» всех обидели, Саш<еньку>, Юр. и меня, не взяв фельетона, рисунка и баллады. А так было весело. Слезкин хулиганил и в 2 ч. звонил Татьяне, прося темы для авиаторского журнала «Дух бодрый», она поверила. Глупость ее равняется только, пожалуй, ее же наглости. Печально шел домой. Не знаю, как наши; живу, как в немецком лагере или в плену, но не изменю себе. Если же с Юр. что-нибудь сделают, не прощу ни в этой жизни, ни в будущей. Главная — Евд<окия> Ап<оллоновна>, которая все подстраивает, как с журналом и

сама хочет оставаться в стороне. Все — хвастовство и шпионаж, — кто верноподдан — вот возвышение. Злобна необычайно. Довольна, если другого для нее обидели.

9 (четверг)

Писал. Нет, как будто — ничего. Прячутся, на все разговоры о деньгах молчит. Довольна, что мне тяжело. Нанимали мальчика. Уходя обедать, сказали: «Мамаше дайте раньше», обо мне ни слова. Поля ведет себя приличней и душевней. Сашенька совсем в отчаянии. Юр., наоборот, бодрится и бодрит. Я хорошо писал перед обедом. Юр. встретил знакомых. Был у Чич<ериных>, играл. Хорошо, все-таки, какая-то культура, а не болтыханье *<так!>* хвастливое и не кураж. У Юр. истоплена печка, тепло, светло, хорошо, семейно. Проводил меня. Освещены окна в домах, мирно, жители. У нас какое-то запустение.

10 (пятница)

Небритый пошел к Бялковскому; обещал прислать чек; потом к Вертерше. Пищит тоже о войне, мила, хотя и похожа на Екат<ерину> Апол<лоновну>. Юрочка писал. Обедали. Заходили к Суворину <в> магазин. Смотрели «Свадьбу Кречинского», хорошо[4], брились у Оливье. Встретили Мандельштама и Лурье. К себе никого звать нельзя. Юр. провожал меня, нежный и трогательный. Дома не спали еще. Чека не прислали.

11 (суббота)

Утром прислали. Получал. Завтр<акал> в Мариинской. Я люблю эти там одиночные завтраки, будто тайный грех. Юрочка спал. Не побыл. Смотрели разные комнаты. 2 понравились, в 1-м этаже, но одна дорога, ничего нельзя вколачивать в стены, другая темная и подозрительная, грязная, но все можно и стол есть. Обедали, гуляли. Вечером пришел Н. Кузнецов, предлагая поселиться втроем на квартире. У нас сидел Олег. Расстроен я до крайности. Что за жизнь! Вл<адимир> Ад<ольфович> не только сух, но грубоват, Евд<окия> Ап<оллоновна> затаенно каверзна.

150

12 (воскресенье)

Говорил с Евд<окией> Ап<оллоновной>, — ни слова, надежда, что через 2 года вернусь, но что же для этого нужно? как блудному сыну, со свиньями питаться? убедиться, как неудобно без нее? Говорит — матерьяльно всегда, чем могу, а сама прогоняет и ни слова об обещаниях. Одно злорадство. Собрались у нее Жак, Валент<ина Сергеевна?>, Олег. У Аусл<ендеров> говорили, что я

уже уехал, Слезкина хочет поближе узнать, и тут, значит, егозит. Вздыхает о «Лукоморье», но нужно же без баб, таких, как она и Татьяна, особенно ненавидящих Юрочку. Что он им сделал, не понимаю. Всякую сволочь на задних лапах ласкают, а тут готовы съесть. Юр. сумрачен: влюблен или огорчен, не знаю. Обедали почему-то у Никен<*нрзб.*>. У Слезкина была только его мать и Кузнецов. Татьяна Вл<адимировна> мила очень, не влюбился бы Юр. Он бедный, заторканный зверек. Утешает меня только молитва и Лесков. Не знаю, как, как устроюсь? Ну, Бог поможет!

13 (понедельник)

Завтракал, кажется, опять там же. Юрочка спал. Барышни комнату сдали. Пошли смотреть еще. Сняли две на Спасской. Ничего. Кажется, в том доме, где жил Наумов и родился Князев. Купили Лескова. Помчались к Измайлову. Обещал ответ в среду. Обедали хорошо, но Юр. не пил вина. Утром был Рюрик. Он уезжает. Дома смотрели книги. Юр. уехал рано. Так скучно, так скучно, как в тюрьме. Звонился ему. У него тепло, сидит он голубем. Пришел скучный-прескучный Сашенька. Поздно приехала Евд<окия> Ап<оллоновна>. Не зная ее настоящего расположения, я бросился к ней. Влад<имир> Ад<ольфович> чуть не повернулся спиной. Нельзя же, выгнав человека, обращаться с ним, как со зверем. Я уже не говорю, как травят Юрочку несчастного. Вот изображение дела. Из тщеславия, снобизма, не знаю чего, Евд<окия> Ап<оллоновна> захотела стать моей филантропкой. Ласкала весьма и Юр., но увидя, что я его больше люблю, чем ее, стала его преследовать небесными и земными средствами. Поссорила со мной двух жидов, нашпиговала Вл<адимира> Ад<ольфовича> до выгонки, а сама в стороне проливает слезы и ругает Юрочку же. Все время борьба, ею она проиграна, но пострадал, конечно, я. Юр., к счастью, не уничтожен и не презираем никем из порядочных людей, несмотря на все сплетни, распускаемые клевретами, да и прямо самою Евд<окией> Ап<оллоновной>, как я убедился, услышав ее телеф<онный> разговор с Семеновым.

14 (вторник)

Утром прибегал Гр. Гр. с историей, выдуманной, по-моему. Все-таки ездил, хлопотал. Вернувшись домой, вот и услышал о «цитадели», «лопнувшем терпении», «ни за что помощи», «посторон<нем> влиянии третьего лица» (по-моему, если кто и третье лицо, так она сама) и т. п. штучки. Каково было завтракать вместе после этого! Ракитина не было дома, но я его дождался. Хорошо у него. Встрет<ил> Н. Дм. Кузнецова. Сплетня, что я уезжаю через Юркуна, разошлась уже, вероятно, при участии Антония. Задал

работы pour ses beaux yeux*. Юр. пришел. Он очень изменился. Стал чужой и скучный. Разлюбил, вероятно. Préoccupé** чем-то. Обедали опять на том же месте. Все грустнее делался Юр. Зашли ко мне. Сашенька не приходил. Поехали к Юр., совсем он скис, беднягин, сначала вертелся с картинками, beau à croquer***, потом слушал свой же роман. Жалуется на апатию и в писаньи, и в жизни, на отсутствие интереса. Совсем чужой, в глаза не глядит. Татьяна? Пушкинизм<?> его, может быть, в этом. Адамович, Шенфельд, теперь Слезкина?.. Не знаю, ничего не знаю. Печально ехал в цитадель, будто в Петропавловскую крепость. Был Семенов, Казанли и Воротников, еще сидят, кажется. Что-то завтра мне ответят Измайлов и Матвей Иванов<ич>? Говорили, по-моему, еще.

15 (среда)

Завтра только будут деньги. Юр. совсем разгневался на что-то, бранился, совсем в отчаяньи. Не хотел ехать к Слезкиным. Однако отправился. Там читали, разговаривали о началах карьеры. Отошел немного и шел нежно. Утром был Гр. Гр., но я ничего не дал. Что еще? Не помню.

16 (четверг)

С утра отправился. Завтракал. Юр. спал. Заходили на квартиру, искали перевозчиков. Юр. опять сердился. В «Аполлоне» были. Заказы. А балиевское-то! Обедали хорошо. Купили у барышника билеты на «Горе от ума», то же самое[5]. Перед нами сид<е-ли> Измайлов и Конради. Ходили к Юрьеву, у которого лопнули штаны. Пригласил нас в среду обедать. Юрочка в томлении. Но был со мною хорошо. Дома не знаю, что было. Кажется, Ротины. Почти ничего от денег не осталось.

60

17 (пятница)

Приходил артельщик смотреть. Юроч<ка> был в Эрмитаже и пришел с Мос<оловым>, Лурье и Мандельшт<амом>. Читали, говорили. Завтра идет к Борису. «Ангел» нравится всем[6]. Обедали все-таки. Вечером был Каннегисер, мил и нежен. Объяснялась Евд<окия> Ап<оллоновна>, себя не помня от обиды, как могли предположить, что она интересуется и придает значение Юр. Ив. Что же делать, когда ее поступки и отношение это доказывают. Кричала на меня и все выставляла как заслугу, что она не будет делать

---

* За красивые глаза *(франц.)*.

** Озабочен *(франц.)*.

*** Прелестный до невозможности *(франц.)*.

гадостей *мне* и Юр. Ивановичу. Вчера Сашенька с голоду напомнил о 10 рубл<ях> — опять Юрочка виноват. Она относится ко мне, как никто, — отчего же тогда злобиться, делать тесноту и просто-напросто матерьяльные неудобства? Я ничего не понимаю, но никакой теплоты, ни симпатии к себе не чувствую. Бог меня пусть судит.

18 (суббота)

Утром укладывали. Еле-еле справился, заложив жакет за 12 рубл<ей>. Те же возчики, что перевозили мои иконы. Вспомнили. Хорошо. Вчера меня ждали. Но отпр<авился> в «Бирж<евку>», где мне не дали. Далеко к Юр. Спал. Вчера Коле перекрашивали волосы, и он ходит рыжий, пожелав сделаться брюнетом. Был и он. Есть я хотел адски. В «Лукоморье» Бялк<овского> нет, дома спит опять. Финити финтит, ухаживают за Ванюков<ым?> из Сольцов. Поехал в «Апол<лон>». Чудов<ский> поздоровался все-таки. Дали 8.75. Мало; болтал дружески. Все сердитые какие-то. В «Л<укоморье>» в понедельник. Вот так. Обедали в издыхающей «Квисисане». Потом устраивались. Уютно. Пошел, не пил чаю. Давно я не самоварничал и так не пил. Все покуда что славно. Один раскладывался. У хозяйки гости. Вот так. Денег только нет, и много работы слишком.

19 (воскресенье)

Встал рано. Все хорошо, но как одиноко. Писать, читать, молиться, плакать. Да. Времени 50 часов. Писал у конторки. Вид московский, полу-келья, полу-купеческая горница. Погода ясная. Юрочка спит. Вернулся в 10 ч., была оргия чуть ли не с опиумом. Микл<ашевские> ездили на Карповку с иоан<н>итами[7]. Смотр<ел>, как спит Юрочка, сынок. Нежно невероятно. Но сумрачен. Да и в самом деле, с последним Ивановым обращаются лучше, чем с Юрочкой, а он как выше их. Много дела очень. Это ужасно. Купили кое-чего. Вишень. Будто хозяева. Обедали очень прилично и вкусно. Потом он за конторкой писал, я спал немного. Завести еще лампадки, и совсем русский рай[8]. Но ушел рано. Поскучал, но от чая прошло. Работал. Барышня сладко и печально играла. Может быть и стерва, конечно. Но зачем так думать: ей до меня нет дела. Читаю Лескова.

20 (понедельник)

Ясная погода. Будто с мамой живу. Затонно, но хорошо. Выехал рано. Холодно и ясно. Семенова не было дома. Зашел к Юрочке. У него была дама, а он сам спал. Вот случай. Какая-то подкрашенная лошадиная дура, мосоловского изобретения. Но Юрочка подтаивает. Все-таки юбочник какой-то. Вышли. Долго ждали в «Лукоморье» и ничего не дождались. Был Городецкий, Кузнецов, Долинов, <*нрзб.*>. Розанов собеседовал, но отказал мне в

просьбе зайти к нему. Юр. рассказ взяли, слава Богу. Он был до слез доволен[9]. Побрели ко мне. Правили немного. Цыбульский звал[10]. Юр. подбодрился, чувствует себя молодым, не влюбился бы грехом. Не был со мною. Теперь по 4 дня промежутки.

21 (вторник)

Морозный, ясный день. Часы у нас нелепые, вперед чуть не на 2 часа. Брился. Юр. не спал, но не был рад. Он, кажется, воображает, что я хожу для того, чтобы следить за ним. Читал начало романа, я нашел чересчур лиричным, не совсем приятно эротическим, как у него часто бывает, он огорчился, что я ругаю, а не бодрю его, сушу, старею и т. п. Он влюблен, по-моему, и рассеян. Дома опять резонился. Как тихо. Хозяйка пригласила меня. Она слышала от Наумова обо мне, учила его музыке. Бялковск<ий> не пришел и денег не прислал. Что же мы будем делать? Утром приходил ко мне какой-то ученик, видом тетка, с письмом от Ракитина, торопит. Как я управлюсь, не знаю, не знаю.

22 (среда)

Сегодня рано встал. Ходил было к Матвею, но его не застал, накупал запасы. Писался довольно лениво. Приходил Пронин, Слезкин, Божерянов. Ничего. Сашенька получил письмо от Евдокии, просит прийти объясниться, со Слезкиным любезничает, а этих отбивает — чувствует, что не права. Сашенька нарисовал отличную картину, но опять совсем не на тему. Юр. разочарован. Пошли к Юрьеву. Он, конечно, перепутал и никаким обедом нас не накормил. Обедали у Альбера с пивом. Юр. каялся, что влопался в грязную историю, которая разочаровала его в Мосолове, что он не может мне отплатить, что привык и не может без меня быть. По-моему, вчера кутил на Вульфовой. Что я лучше о нем думаю, чем он на самом деле. Дома был уже Пронин. Поехали. Олет мила, но рассеянна. С Лёвушкой и Орестом еле говорит. Был Радаков, хорошо говорили. Мейерхольд ничего, кажется, не имеет против меня. Где-то почтили вставанием мой отъезд, находя, что этот период мой какой-то нехороший. En fait de l'amour* спрашивал, будто не знали, что это Юр. В редакции было хорошо. Прих<одил> Суворин. Юроч<ку> рассчитали, дали чек. Все мирно. Финити хвалил Юр., даже назвал его Юркунчик. Дай-то Бог! ему всего светлого, хорошего и молодости, если хочет. Я понимаю, что романически он не может же ко мне относиться, как я к нему, но и посторонние романы както меня скребут, и потом, по-моему, на писанье его действуют както похабно. Конечно, ни в безвкусие, ни в пошлость он не впадет,

* О любви *(франц.)*

но может попортиться. Спал хорошо, хорошо. Шли пешком. Бенедикт мне говорил комплименты. Розанов узнавал адрес. Вот так.

23 (четверг)

Долго ждал Юр., хотел даже пойти к нему. Верно, все хорошо. Наконец, в 6-м часу явился. Неужели ездил куда-нибудь? с книжками. Обедали. Видели капитанов. Зайчик хочет выменять Судейк<ина> картину на зеркало. Ходил с нами. Дома Юр. расхандрился. Наговорил массу вещей, что у него нет друга, что он тупеет, делается стариком и т. п. Я расстроился, разболелась голова. Дела меня гнетут. Если бы не они! Всю ночь не спал. Хотел написать разрывное письмо. Вот триумф зла Евд<окии> Ап<оллоновы>. Матвей только в понедельник.

24 (пятница)

Голова смертельна. Брился. Спал. Не вытерпел и отправился к Юрочке. Спит. Сидел. Явился Коля его будить. Он ничего себе. Юр. пасмурен. Кое-как примирились. Сашенька приплелся. Он милый. Голова трещит. Пошли к Федорову. Обедали дома. Все боялся Юр. оставаться со мною. К себе, в кинемо, ко мне; купил серые очки. Но мил и неестественно весел. Считает дни, по-моему, и потому не был. Завтра тоже не будет, наверное. Как же с Ракитиным, ведь это смертная обида.

25 (суббота)

Хотел кончить «Трубу», но не поспел[11]. Встал очень весело. Плелся в «Бирж<евку>», видел Жака, Юрьева, Волынского. Заходил на Мойку. Челядь меня жалеет. К Юр. пришел Сашенька. Он милый. Юр. вновь начал роман, гораздо лучше. Молодцом. Юрьев не забыл. Был Ракитин, но не очень ругался. Но в понедельник нужно ехать на репетицию. Завтра к Юр<ию> Мих<айловичу> писать музыку. Может быть, неловко. Завтра же vernissage Добычиной[12]. Как все успеют? Повар неважнец. Боже мой, Боже мой. Были у Клочкова. Купил лесажева «Беса»[13]. Юр. чужеет и страдает. Не был, конечно. Упрямец.

26 (воскресенье)

С утра был у Юрьева. Завтракал. Писал. У Семенова писали договор. Взял 5 р., завтра приду писать. Брился. Печально что-то. Не помню, кажется, был Божер<янов>. У Слезкиных были Рославлевы, Псковитинов. Гадал. Мне довольно верно. Юр. меланхолик, наркотик. До 30 л<ет> неопред<еленность>, потом женится и будет счастлив. Возвращались долго пешком. Мост разведен. Что-то будет? Главное, меня удручает Мольер. Звали нас в «Отечество»[14].

27 (понед<ельник>)

Печально писался у Семенова. Денег ни копья. У Юр. недолго. Перепис<ывал> дома. Юр. читал. Поехал. В школе ничего, почтительны, но вообще-то это предприятие не из блестящих. Заехал к Юр., там был Адамович. Опять Юр. жаловался, что у него нет человека! Дома пил чай уныловато, переписыв<ал> немного и завалился спать. Нужно больше работать.

28 (вторник)

Встал рано, но все утро провозился с нотами. Под проливным дождем побрел к Матвею. Весь промок. «Аполлон» торопит. Все. Что делать? Купил кое-чего. У Юр. кричал Слезкин, он милый и хорошо относится к Юр., долго сидели. Веселее. Что же. Юр. прибодрился. Рассуждал о писаньях. Были в кинемо. Мирно пили чай.

29 (среда)

Утром пошел писаться к Матвею. Звонил. Ничего нет. Ужасно. Звоню к Слезкину. Зашел к Юрочке. Ворчит, зачем мало спросил, не спал, ждал. Помчался. Ветер ужасный. Пил чай там. Гога пишет. Юр. у меня за конторкой пишет. Обедали весело. Поехал в школу. Юр. бродит. Долго ждал Ракитина, собеседуя с Петровским. Репетировали. Пигулевский, по-моему, ищет. В «Лукоморье» были народы не очень приятные: Бурнакин, Конради, Цензор, Мирский. Открыли «Собаку»[15]. Утром были Ивнев и Бальмонт.

15

30 (четверг)

Плелся к Матвею. В субботу, и то только 100. У Аусов ничего. Надина лежит. Сережа дружествен. Настрогал уже 4 рассказа. Юрочка собирался идти ко мне. Сначала вспоминали. Побыл со мною. Потом завел какую-то тесноту, что я мало импонирую, мало о нем говорю, угнетаю его своей философией, не люблю. Опять я сказал о разрыве. Он не извинился, а ушел, плача от злости. Бедный, бедный! Думал, как он будет жить, и неужели только это его удерживает? Если это так, какое лицемерие я в нем воспитываю и <так> ломаю его сердце, что он мне никогда не простит. Каждый новый бунт будет сильнее и беспощаднее. Звонок. Вернулся, принес из копилки двухкопеечники. Милый, хотя еще и не очень хороший, потом обошелся. Как хорошо! Обещал завтра кончить «Трубу». Надолго ли этот мир? Это вторая, или которая ссора.

31 (пятница)

Еле, еле живем. Но тихо и мирно. Переписывал. Юр. сегодня у Мосолова, где и Ел<ена> Ник<олаевна>, Лурье, Ман-

дель<штам> и проч. Что еще? Романическая его история мне не очень-то нравится.

Ноябрь

1 (суббота)

Был у Матвея. Получил, и «Петрогр<адские> вечера» получил. Брился. Юр., кажется, не спал. Обедали с вином. Так и не поспел переписать. Вечером у Юр. был Мосолини и Лурье. Пошли в «Собаку», вызванные письмом Цыбульского к Юр. Было довольно скучно. С Татьяной не кланялся. Без меня был Рюрик с каким-то вздором. Где-то поэты читают стихи на углах улиц. Растратились совершенно.

100

2 (воскресенье)

Встал безумно поздно. Юр. приш<ел> в 6-м часу. Завозили к Бялковскому. Обедали еще с вином на последние. У Слезкина было ничего. Рославл<ев>, Бялковский, Долин<ов> и почему-то Никс. Играл «С Волги». Бялковский обещал сделать. Возвращ<ался> с Долиновым. Юр. опять зачал какую-то ерунду с «Собакой». Анонимное письмо, почерком Татьяны, приглашающее в «Собаку».

3 (понедельник)

Явился Аусик. Пантомима очень скоро нужна, но, значит, и деньги[1]. Хотел встать рано, написать рассказ и сволочить его к Гордину, но не удалось. Вышли с Сережей по-бывалому, он плелся в «Отечество»[2]. Юр. какой-то скучный, звал его сегодня Эйснер. Дома пообедал и был, потом спал. Пришел Сашенька. Юр. все ругался, рычал, как допотопная лягушка или хвастал. Пришли и Мосолов с Артуром. Вчера опять были в «Собаке», где была кооперация Евд<окии> Ап<оллоновны>, Ол<ьги> Аф<анасьевны>, Татьяны и Ел<ены> Ник<олаевны>; вот компашка, и эти дурни сидели с ними.

4 (вторник)

Утро провел совсем в запустении. Заходил Философов за нотами[3]. Работал. День, кажется, хорош. Юр. прибыл, но пришел и Кузнецов, сплетничал, дал немного денег. Пошли бриться. Лурье где-то у зубн<ого> врача. Юр. побежал есть в «Дунай». Играли. Песни Лурье хорошие. Поплелись в «Собаку», но туда же явилась Татьяна с Судейкиным. Олет все влекла меня к Агафонову, говоря, что он жаждет со мной познакомиться, но я удрал. Что-то, вообще, будет? Судейкин, говорят, подрался с котенком.

15

5 (среда)

Что было — совсем не помню. Были в кинемо, чай пили дома. Юр. умирал от волненья, да и я трусил. И не напрасно. Его рассказа не взяли. Потом дали поправить, мне покуда 100 рубл. Поползли все в «Собаку». Там прехорошенький повар. Но все-таки я смертельно огорчился и обиделся за Юрочку. Ушли со Слезкиным.

6 (четверг)

Боялся опоздать. Перед девами целый стол пожертвованных орденов[4]. Брился. Покупал книги, ноты. Обедали с вином. Пошли на «Coeur et la main»[5]. С пропусками, но прелестно. Публика хамовата. Зашли в «Собаку» поесть, напоролись на Татьяну. На кого-то я произвел впечатление. Юр. скис. Толкового мало сделали. Да, видели Щеголева. Просит.

100

7 (пятн<ица>)

Что-то Юр. гложет. Нужно мне посидеть дома. Писал музыку. Из «Аполлона» торопят. Что делать? Пошли обедать. У Клочкова купили книжонки хорошие. Дома Юр. был, ничего себе, но потом сходил домой и раскис до невозможности. Я писал немного. Часть поспею. Боже, помоги.

8 (суббота)

Встал очень рано. Писал. Шел к Ракитину. Швейцар от обедни идет с просвирками, имянинник. Сестра поздравила. Ковылял все пешком. Писал до потери сознания. Юр. долго не шел. Явился Липскеров из Москвы. Ничего. Еврейская тетка, лицом вроде Зенкевича. Юр. был кисел, сварлив, неприятен, расстраивался об «Жирандолях», не хотел быть. Я злился, говорил не то, что нужно. Потом отмерло<?>. Побыли не так, как я люблю. Дела-то, дела-то. Но, Бог даст, все уладится. Только бы писать sans vider son sac*, как Лесаж.

9 (воскрес<енье>)

Проспал. Погода чудная. Юр. рассеян. Ждет Мосолова. Меня выставил. Секреты. Опиум или новая дама? Опоздали, но Юр. не стонет. Идет в «Собаку», где был и вчера[6]. Я не могу его подбодрить. Поехал к Аусам. Были гости, играли в карты. Так. Думал о Юр. Что ни говорить, а отходит он от меня, не удержать. Да, Розанов прислал мне письмо и приглашение. Шел домой тихо. Денег ни копья.

---

* Без конца (*франц*., букв.: «не опустошая мешка»)

10 (понедельник)

Что Юрочка, голубь, делает? Встал так себе. Погода дивная. Переписывал все. Ауслендер сидел. Вместе в «Лукоморье». Еще не набрали[7]. Юр. был уже дома. Вспоминали. Откровенно говорили и побыл он. Придумал попросить чек. Пошел. Дали, но не очень хорошо. Юр. купил мне пастилы. Сидел, но уже скучнее. Пошел домой чай пить. Хорошо? Я думаю, поверить ли мне Юр. и надежно ли это? Поклоны из «Собаки».

11 (вторник)

Получал. Брился. Завтр<акал> в Мар<иинской>, прямо бани какие-то. Достал журналы. Юр. не спал. Беседовали. Обедали, были у Вольфа, в кинемо. Купили цветов, ехали весело. У Слезкиных было ничего, но не люблю я Антиповых. Юр. ничего был. Спорил. С «Лукоморьем» нелады. Бялк<овский> ссорится с Суворины м. Снег выпал печально<?>.

100

12 (среда)

Поправлялся. Юр. явился рано и объявил, что ему необходимо 15 р. кому-то до 4<-х> час. Рассердился на меня необычайно. Потом придумал заложить пальто, а он ходил в моем. Долго не ехал*. Наверное, с мосоловскими дамами. Верн<улся> ласковый и покаянный. Розанов чудную книгу прислал мне[8]. Был Липскеров. Скучноват, но мил. Юрочку где-то ругнули, в «Речи» или где, за подражание Франсу[9]. Вот крещение. Как-то он, нежный, примет это. Но, Господи, какой был злющий днем, будто сейчас умрет или убьет. Пошел один в Эртелев[10], хотя и егозил, что мне необходимо быть. Без меня-то боится, милый, и хочет, чтобы я за него разговаривал. Как я молился, чтобы у него устроилось все.

15

13 (четверг)

Куча новостей. Юр. пальто выкупил. В «Лукоморье» уныние и разгром. В «Собаке» не знаю что. Суворин наделал глупейшие надписи на рукописях, и Юрочка пострадал. Поплелись в Café. Был там Рославлев, Радаков, Судейкин и Потемкин. У меня Юр. разыгрывал в три приема обычную теперь трагедию. Я стареюсь, святошествую, вру, гублю его, себя, не светский. Зачем иконы, Лесков, Франс, Розанов, самовар! Ругался, плакал, просил прощенья. Бедный! Как он не понимает, что, перенеси центр тяжести внутрь, и все будет отлично, а внешнего топлива никогда не хватит. Нюша,

* У Кузмина — «не ехать»

подавая жаркое, упала в обморок. Мы подымали ее и приводили в чувство. Потом Юрочка не мог есть. Уходил. Пришел чуть-чуть раскаянный, но это так часто повторяется, что делается серьезным. Может быть, он и прав, а делишки его, беднягина, неважны, хотя он сам отчасти виноват в этом. Не писался и лег.

14 (пятница)

Кончил рассказ[11] и стихи. Юр. спал. Не в духе немного. Заходили Вовка и Григри. Пошли в Эртелев. Кажется, все устроилось. Была куча народа. Слезкин, Городецкий, Рославлев, Митрохин, Замирайло etc. Рассказ Юр. дадут Суворину, что-то он скажет? если только это не прием. Бялков<ский>, по-моему, был пьян. Юр. пробовал и сегодня заводить тесноту, но безуспешно. Обедал, спал и бранился — вот и все, не был, конечно. Кончил рассказ я.

15 (суббота)

Как странно. Вчера предупредил, что не буду обедать, не зная, на что надеясь, а утром прислали деньги от Незлобина[12]. Гога приехал поздновато. Юр. не было. Поехали одни. Там всякая шваль. Написал чек на понедельник. Боялся разойтись с Юр. Но он еще спал. Заезжали за рамками. Обедали. Покупали кое-что. Все ворчал. Побыл у себя. Но не любит меня. Зашел ко мне, но чаю не пил. Я смотрел книги и рано лег.

100

16 (воскресенье)

Брился. Гулял потихоньку. Юр. спал. Был Божерянов. Затащили обедать с собою. Ничего. Были в кинемо. Зашли ко мне. Письмо от Изм<айлова> и «Аполлона». У Розанова хорошо. Серия дочерей и свояченицы. Застав<или> петь «Богородицу», причем В<асилий> В<асильевич> нашел, что у меня колдовское пение[13]. Был кое-кто. Не знаю, какое я произвел впечатление. Звали и провожали. У Слезкиных был Бенштейн и еще жидовская пара. Все была теснота, ехать ли в «Собаку». Поехали, хотя знали там Евдокию и Татьяну. Польки пели и крестьянские девушки[14]. Всегда выходит мило, но простонародно. Конечно, сейчас же мною завладели и Агафонов стал кокетничать. Юр. сердился. Но была и Федоровская. Вообще народа масса. Мальчики и проч. Бобиш мрачный, хочет заехать говорить. Рассказ Юр. передал. Зван в 1000 мест. Юр. был мил потом.

17 (понедельник)

Встал довольно рано, но ленился. Отпр<авился> в Гостиный. Снег идет. Управл<яющего> конторой на Лиговке не было. Ходил завтракать в Мариинскую. Опять на Лиговку. Выдали. Се-

менова не было. Юр. спал. Отправились в «Вершины»[15], Гордина нет, и авансов не выдают. Были у [Вольфа] «Но<вого> вр<емени>» целый час. Послал Измайлову с посыльным. После обеда звонил, получил ли он; уже прочел и в восторге, как говорит[16]. Транжирили еще чего-то. Были в кинемо. У меня записка к Юр. из «Собаки». Уходил. Пришел опять. Еще посланец. Ужасно беспокойные люди! Юр. пошел. Оказыв<ается>, первый посол все допытывался, с женой ли вместе я живу? Что же это он, про Юр. так выражается? Всех напугал до полусмерти. Мальчишка это или большой? Может быть, просто авансы, но мне это неприятно. А этот вечер прямо у меня на шее. Ужасно. В «Аполлон» не пошел. И без денег нехорошо, и с деньгами плохо. Меня радует Измайлов и Розанов, но тяготит лень.

50

18 (вторник)

Проспал. Голова болит. Пришел Сашенька. Позировал. Юр. долго не шел. Проспал. Вчера вышел какой-то вздор в «Собаке», какая-то интрига. Бог с ними. Юр. побыл почему-то. Пошли поздно в кинемо. Видели «Анну Каренину» с Германовой[17]. Все-таки приятно. Покупали кое-чего. Все-таки пили чай, хотя Нюша нас и вытуривала. Что еще? Да, Измайлов ничего не прислал. Нужно будет звонить.

19 (среда)

Брился. Звонил к Изм<айлову>. В субботу. После обеда явился К<окоша> Кузнецов. Хозяйка делала мне нотацию. Я везде вижу происки Евд<окии> Ап<оллоновны>, даже здесь. Мало ли что может быть! может до писем дойти. Вообще, таких «друзей» у меня довольно. В «Лукоморье» было как-то мирно. Забрались рано. Мих<аил> Ал<ексеевич> взял Юрочкин расс<каз> для «Лукоморья», а не для сборника. Ведь он займет весь номер. Что-то непонятное. Долинов тащит завтра в Троицкий театр[18]. Эйснер хочет писать меня в среду. Вот так. Юр. с Коко отправились еще в «Собаку» есть.

20 (четверг)

Писался лениво. Ждал Сашеньку до двух, потом пошел к Юр. Он одет и ждет Никулина. Сердитенький. Прибрел и Сашенька. Дома сидели немного. У Рослав<лева> были Слезкины, потом Воротников. В театр рановато. Но Аусы уже были. Спектакль Ракитина в субботу[19]. Масса знакомых. О Юр. писал Потемкин в «Дне» в совершенно неописуемых выражениях, но тот не унывает, не огорчается[20]. Надина завела явный флирт с Ховиным, который в свободные минуты подлезал и ко мне. Явились и Сологубы. Татьяна Вл<адимировна> возмущалась почтением, которое им оказывали. Сидело нас 14 человек. Но было хорошо. Ходотов побил хозяина.

Его — Уралов и т. д., но мы этого не видали. Юр. завел было какую-то тесноту со Слезкиным, но, кажется, все уладилось. Сологубы были надуты, но милостивы. Был еще Владимиров. Рославл<евы> проводили нас до Бассейной. Я был пьян. Но какая сволочь Потемкин! Измайлов звал отобедать. Что же, это можно!

21 (пятница)

Проспал. Голова болит и всего ломит. Никуда не выходил и ничего не делал[21]. Не помню, что было, так как пишу поздно. Юр. как-то уходит, и не весело. Печален, ленится и грубится.

22 (суббота)

Утром попер пешком в «Бирж<евку>». Никакого ордера. Что делать? Дошел до Альбера. Звоню к Изм<айлову>, будет дома через 5 м<инут>. Гуляю, еще звоню. На весь день уехал. Устал, как не знаю кто. Семенов тоже не дал ни копейки. Юрочка спит. Сашенька сидит. Голоден отчаянно. Собрали медь, поели. Юр. бодрится. Пошли в «Лукоморье». Всего ломает. Хотел звонить к Слезк<иным>. Но позв<онил> Изм<айлову>. Сейчас приехать. Юр. получил чек. Извинялись, дали только 40 р. Брились, обедали. Покупали что-то. Так.
40

23 (воскресенье)

Жар. Был Ракитин. Вчера уехал, ждали. Писал ему меню[22]. Распухло левое яйцо. Был Саш<енька>, Рославлев, Алперс, еще кто-то. Кажется, Мосолов. Юр. чего-то на Петербургской кантовал. Все-таки поплелись обедать. Плохо, плохо. Мосолов был на Мойке, все те же интриги, крокодиловы слезы, обоих нас любят, но находят, что вредим друг другу. Стара штука. Как это шалая ведьма не успокоится и чего ей нужно? Почему я не могу жить, как хочу?

24 (понед<ельник>)

Юр. рано прискакал. Прошу позвонить Кульбину. Все полеживаю. Приехав, Юр. привез Бальзака и суспензорий. Были Гога, Рославлев, еще кто-то. Сашенька поехал к Мосолову. Юр. спал, потом пошел домой. Поздно приехал Кульбин, нашел, что это последствие триппера, которого у меня не было, и велел обратиться к специалисту. Проревел всю ночь. Вот торжество для феи с помойки! Лежать придется дней 8. Лечиться месяцы.

25 (вторник)

Был кто-то, да, Бальмонтик. Юр. поздно явился, с настороженностью<?>, дикий и грубый. Потом спал, потом ушел. Завтра Саш<енька> приведет доктора другого. Какая гадость и скука.

26 (среда)

Вылез бриться и в аптеку. Без меня пришли. Доктор прописал мазь, тоже велел лежать. Сказал, что или ревмат<ическое>, или трипперное. Был Гога и Кузнецов. Кузн<ецов> достал в «Луком<орье>» чек. Все меня изводили.

27 (четверг)

Чичер<ин> прислал[23]. Юр. пришел не поздно. Ушел, купил книги. Коля принес. Все разошлись. Юр. нежен, не сердит и далек, будто рад, что я не пристаю. Переписывал все. Отлично спал, но скучно до смерти.

50

28 (пятница)

Какая тоска и неизвестность. С утра правил корректуры и писал дневничок. Потом пришел Сашенька. Читал Лескова и меня. Юр. не обедал. Пришел в 9 час. Говорит, что проспал. Хорош, но что-то, что-то исчезает, по-моему, и это ему во вред, а мне в гибель. Буду вести себя будто ни в чем не бывало.

29 (суббота)

Неожиданно пришла Ольга Афан<асьевна>. Читала Юр. рассказ, звала его. Да, утром был Юрочка, отправился в «Вершины», там какие-то непонятности: денег не платят и рукописи не возвращают[24]. Был Слезкин. Рославлев рассказывал о ссоре Нагродской с Сологубами. Дело поставлено на широкую ногу, неизвестно к чему только приведет. Все мне на посрамление. И чего митушатся!? Юрочка вдруг был со мною. Ушел не очень рано. Попил чаю. Сегодня Венедикт пишет о нем в «Новом времени»[25].

30 (воскресенье)

Думал, что придет Сашенька с доктором. Явился Юр., обедает и идет на вечер с Мосоловым. Был Гордин. Рассказ я взял обратно. Был Мосолов и Адамович. Потом все весело ушли, а я остался один, один. Даже Лескова нет. Читал «Пана Халявского»[26]. Что-то будет? Неужели, неужели Юрочка так-таки и уйдет? Но даже не веселеет от этого.

Декабрь

1 (понедельник)

Проспал. Голова болит. Выскакивал бриться и послать Матвею. Нет воды, и все бегают на реку, будто в Крещенье[1]. Сашень-

ка читал «Плавающих». Вчера вечер сошел хорошо. Юр. был мил, но все спал. У меня к ночи адски разболелась голова. Пришел Беленсон, тягучий, принес груши и надушенные папиросы. Рано лег.

2 (вторник)

Встал очень рано и хорошо. Поля прислала письмо, покупает кровать мою. Мальчика одели лифт-боем, всё мне в отместку. Сашенька рисовал меня. Пришел Судейкин, мило беседовал. Потом Юрочка притащил журналы. Рассказ мой уже напечатан, Столица меня хвалит очень[2]. Был Каннегисер. Нежничает что-то. Перевод его напечатан в «Сев<ерных> зап<исках>», Сакер-то его дядя[3]. Юрочка все спал, конечно не был. Нужно денег добывать. Написал письмо Евд<окии> Апол<лоновне>.

3 (среда)

Сидел, писал, дремал. Сашенька с доктором пришли. Дело плохо. Гонорея. Велели послать мочу. Ходить можно. Юр. был сердитенький. Забегал со мною в «Лукоморье». Что-то мало мне обещают. Обложка, кажется, решена Судейкина[4]. Заходил Рославлев и Липскеров. Так было скучно дома, что ревел. Но пришел Юр., милый, опять в «Лукоморье». Там его что-то обижают. Да и меня потихоньку. Но, в общем, было хорошо. Дали чек. Но болезнь-то, какая гадость! Да сломал пенсне. Измайлов уехал. Вот еще унесла нелегкая.

4 (четверг)

Встал не рано. Отпр<авился> в «Нов<ое> вр<емя>», <к> Мильку, Вольфу, бриться, Юрочке. Сидит в темноте, читает. Припятился и Сашенька. Спорил о политике. Жиды баламутят. Обедали, я без вина. Юр. ездил в «Лукоморье» даром. Евд<окия> Ап<оллоновна> обиделась за письмо. Юр. побыл. Потом убежал рано. Досадно, что не был у сестры.

150

5 (пятница)

Встал поздновато. Погода чудная. Ходил в «Отечество». Одна Кассандра. Щеголев болен. У Судейкиных одна Олет, спала еще. Сплетни о Коле, Володе, свахах. Будто Валечка. Серж гулял с учеником. Пришел. Все хорошо. Звали с Юрочкой. Тихо. Я люблю наши места. Юрочка одевался идти на rendez-vous с Мосолини. Был у него Адамович, на котором он хотел бы жениться. Наивно сказ<ал>: «На ком же больше? и замуж ни за кого бы не пошел». Сашенька пришел. Юр. обедал, ругался, спал. У Сашеньки все не ладилось. Ходил за баранками. Хорошо, весело, отрадно. Вернулся, пили чай с аппетитом. А дела мои плохи, ей-Богу. Хоть встать завтра ранехонько, да все написать.

6 (суббота)

Встал поздновато, но писал. Евд<окия> Ап<оллоновна> прислала письмо, зовет меня. Пошел к Юр., погода хорошая. Он спал хорошо, встал рано, но писал мало. Закисли. Поехал в «Собаку» на имянины Цыбульского, а я домой. Я люблю ходить недалеко пешком. Я соснул. Юр. не опоздал. Пошли в кинемо. Видели хорошую американскую драму, так понятную[5]. Возвращались. Юр. поспал. У нас гости. Поет певица неизвестные романсы. Милый Юрочка, не уходите от меня, не закисайте. Пусть будет зима, Рождество, весна, Пасха, пост<?>. А болезнь-то, болезнь! и какая позорная. Без меня был Гордин и, кажется, Мосолов. Боже мой, пошли покой мне и устрой дела мои и Юрочкины! Какой чудный роман «Холодный дом»[6].

7 (воскресенье)

Вот так. Встал поздненько. Брился. Юр. пришел не поздно. Отлично написал. А я-то! Обедали, или я у него был? нет, кажется. Потом спал, бранился. Выходили покупать пуговицы. Заходил Беленсон, говорил о журнале. Потом что? Поехали. У Слезк<иных> были Сологубы и несчастные Берлины. Алперс. У Юр. разболелось сердце. Убежали, по дороге говорил, как меня любит. Вот так. А дело и здоровье мое плохо.

8 (понед<ельник>)

Поех<ал> к Матвею. Сказал, что я и предполагал. Вола тянут. Поплелся на Мойку. Евд<окия> Ап<оллоновна> ничего толкового мне не сказала, обещала 50 р., пыталась разводить старые сплетни про Юр., как все смеются, как все его терпеть не могут и т. д. Вообще осиное гнездо сплетен. Осталась, кажется, весьма довольна своим христианством. Говорила, что при развращенности общества лучше уйти от людей, хотя, вернее сказать, при *ее характере* это необходимо сделать. Юр. спал. Будто обрел его. Господи! Бедное дитя мое! Поехал к Матвею, получил. Обедали. Опять Юр. меня обижал. Пошли к антиквару, неизвестно зачем. С Юр. не побыл. Провожал меня. Встать бы завтра пораньше. Господи, помоги.

9 (вторн<ик>)

С утра чудно чувствовал себя. Купил Четьи-Минеи. Зашел к Юр.; одевается, мрачен, деньги истратил, ничего не написал. Сразу и на меня нашла хмара. Обедали. Потом были совершенно непонятные покупки. Все истратил. Юр. хандрил. Пришел Ракитин. Ругал мой рассказ. Юр. заснул. Насилу проснулся, сердитый-пресердитый, и убежал, куда? не знаю. Плохо дело. Почи-

тал Минеи, ни слова не написав. Ставить меня не хотят. Вообще, какое-то гонение или охлаждение. Что это — ветер с помойки?

10 (среда)

С утра писался, все ждал Юрочку. Пришел Саш<енька>, обедал. Потом Гордин. Его, кажется, выставляют из «Вершин». Юр. все не было. Явился в девятом часу. Поехали все-таки обедать. Думал, что он заедет к себе, не тут-то было. Вдруг все поехали к Магуле. Встретил Озаровского, мил необычайно. У Магулы какие-то хохлы, вечер, мы приехали как ряженые. Держались стадом, пели, забавляли хозяев. Юр. по дороге опять меня ругал. Крачковский что-то юлил о Философове. Юр. не был неделю.

11 (четверг)

Встал хорошо. Немного писался. Юрочка пришел рано, просил прощения, милый. Убежал. Принес «Р<усское> б<огатство>», где его хвалят[7]. Крачковского не видел, а сидел с Гребенщиковым. Приходили Аусы. Пришел Гордин, отчаялся, умолял. Юр. с ним бранился потихоньку. Потом побыл отлично. Обедали. Юр. отправ<ился> по лавкам. Я в «Лукоморье». Без меня был Сашенька и Каннегисер, вероятно. Там обделал делишки и захватил с собою Крачковского. Юр. прилетел с Диккенсом. Пили чай. На вечер Юр. не поехал. Аус читал, очень плохо; был Смолич, Воротников и еще кто-то. Аус гов<орил> об успехе пасторали[8]. Передавал от Таирова <заказ> на пантомиму[9]. Мне там пригляделся ученик Ефимов. Ракит<ин> читал длиннющую штуку, а меня, значит, отставили. Потом я пел, что всегда, ничего. Все хорошо. Только Юр. и болезнь, значит. И работать, работать.

12 (пятн<ица>)

Проспал. Поехал. Получил. Завтр<акать> пошел неохотно в Мариин<скую>, но там обрел вернувшегося Александра. Обрадовался ему, как отцу родному. Похорошел. Дай Бог, чтобы с Таировым вышло, это бы меня поправило очень. У Гржебина был Каменский с предсказаниями Хлебникова[10]. Рассказ мой набирается. У Юрочки был Беленсон. Юр. послал денежки, милый. Он трогателен, как иногда самые простые люди. Говорили об альманахе[11]. Тоже хорошо бы. Обедая, рядом сидела девка с котами[12], разговор умопомрачительный. Покупали шляпы, кашне, провизию. Растратился. Что-то будет? Писать, писать. Morgen, morgen etc*.

100

* Завтра, завтра и т. д. *(нем.)* — имеются в виду первые строки стихотворения Х. Ф. Вейссе «Отсрочка» «Завтра, завтра, не сегодня, все лентяи говорят».

13 (суббота)

Поехал в «Биржевку». Очень долго держали. Я еще брился раньше. Поехал с Аусом, есть хотел смертельно. Они сговорились со Слезк<иным> в «Собаку». Юр., кажется, спал. Нет, он послал деньги, был в кафе и заходил в театр. Обедали дома. Кто-то приходил. Неплохо было. Был Деринг и Прокофьев. В «Собаке» уютно, лукоморцы, но я истратился. Что еще? Смешно возвращались. Юр. ухаживал за Надиной и дамами.

60

14 (воскресенье)

Проспал. Еле поспели к Беленс<ону>. Все-таки он нудный. Юр. сказал, что должен ехать раньше, оставив меня с Георг. Ив<ановым>. Там был Михайлов, обхаживали его на журнал. Юр. как-то не так себя ведет, по-моему.

15 (понед<ельник>)

Юр. явился очень рано. Солнце светит. Писали оба. Отослал письма. Завтракали. Зашли на Мойку, ордер есть. Получили. Купили рамы. Судейкина не было. Юр. приколачивал, но не был со мною. Милый, но сердитый. Обедали. Без меня масса народа. Пришел Крачковский. Пошли к Беленсону. Он был у Eudoxie и нанес всякого хлама, грязи и гадости, интриг и влияний. Спорили до потери сознания. Пили чай. Прочел рас<сказ> Крачковского. Жестоко посылать его на Мойку, поистине[13]. А сынок-то мой любимый, как мил, но брыклив со мною.

60

16 (вторник)

Я еще не вставал, когда пришел Юрочка, ласковый и бедный. Бедный, нежный сынок, которого травят. Хватит ли у него силы отгрызнуться или смиренно переждать? Люблю его, как не знаю что. Но что с его сердцем делается. Рецензия Даманской. Хорошая очень[14]. Побежал в кафе. Я брился. Переписывал. Пошел к нему. Спит. Прислали повестку, что 22<-го> будут его описывать. Новые хлопоты. Хотели ехать обедать, но пошли домой. Купили грибков. Спал Юр. Пришел нудный Беленсон, взял 2 стих<отворения>, важничал[15]. Потащил к Сологубу, а Юр. в кинемо. Была одна Настя. Вчера были все и Нагродская. Как это неприятно. Вот и уход из мира. Будет шлепать задницей и распускать сплетни. В ней 1000 баб и три дьявола. Что сделал ей Юр.? Вчера была полная мобилизация всех, даже Кондратьева[16]. Сидели долго. Вино запрещено[17]. Очень уныло сидели у Альбера и под чудной луной ехали домой. Мне все так надело, так надоело, до смерти! Вернулась З. Венгерова[18].

17 (среда)

Юрочка опять меня разбудил. Какая гадость, что просыпаю. Переписывал. Масса народа. Щербаков, Никс, Иванов, Курдюмов, Лурье, Мандельштам, масса. Телеграмма от Таирова. От Волковыского. Беленсон. Ездили к Блоку, не застали[19]. Юроч<ка> что-то хворает. Хвалят его в «Утре России» очень[20]. Что еще? В «Лукоморье» были страшно любезны. Очень. Не знаю почему. Поплелись в «Собаку». Там Кульбин, Евреинов. Неплохо было. Завтра зачем-то придет Волковыский. Это хорошо.

18 (четверг)

Ждал Волковыского до 3-х часов. Вышел, вижу кто-то идет, вроде него. Вернулся. Для кинематографа «Правую лампочку»[21]. Деньги сегодня же. Встретили Юрочку. Брились. К нему. Слезк<ины> зовут в театр. Обедали со Щербак<овым> и его приятелем, ничего себе. Хорошо, если издатель. Поехал в «Лукоморье», остав<ив> Юр. 2<-м> старцам. Бялковский обещал. Любезны. Домой ждать. Наконец прислали. Поплелся в «Собаку». Долго ждал Юр. Сидели с Толстой и Семеновым. Прелестен был квинтет. Юр. раскис от театра. Таял от дам. Плелись печально мимо Инж<енерного> замка. Бедненький Юр., мне от души, нежно его бывает жалко. Тихо. Тепло. Но я устал от бессонных ночей. И потом Юр. совсем меня не любит, по-моему.

75

19 (пятница)

Проспал. Приходил Беленсон, говорил через дверь. Юр. лежал на животе и писал, задрав ноги. Они трогательны были. Обедали. Покупали чего-то. Я поехал в «Лук<оморье>». Подписка, однако контрагентства 40 тысяч. Кузнецов звал в «Собаку», все будут. А писать-то. Дома был Каннегисер, было весело. Поехали в кинемо. Потащил меня Юр. наверх. Говорил, что платить не будет и т. д., я сердился. Эристовы от нас убежали. Шпаки<?> сидели. Я плохо видел. Юр. бранился очень кисло, зудил и смеялся. Бранились по дороге в «Собаку». Юр. все волновался и ждал дам. Олет мила. Помещение прозевали. Зоя пела скуку нищенскую[22]. Слезкины ругали пьесу и между собою. Юр. прилипал к юбкам или спал. Все спрашивал, не сердит ли я. Другим он быть не может, и я знал это, чего же сердиться. Только бы меня не обижал.

20 (суббота)

Пописал. Вышел. Получил. Матвей разводит руками. В «Отечестве» всё полно Андреевым, но ничего[23]. Все были жены: Гржебина, Андреева, Чуковского, но деньги дали. Юр. спит оде-

тый. За электр<ичество> у них не заплачено. Вышли. Обедали. Покупали всякую ерундишку. Впр<очем>, брюки и жилет Юр. Заехал к себе, выфранитился. Ко мне на 1 ½ часа. Не был, конечно. Взял денег и отправился. Куда?

100
50

21 (воскресенье)

В отвратительном духе. Юр. приб<ежал> рано. Читал. Обиделся. Поплелись бриться. Потом хотели в кофейню, но Юр. посмотрел, посмотрел и решил к Альберу. С аппетитом ели. Зашел за воротничком и купили галстухов. Обедали. Пришел Щербак с другом. Юр. кокетничал и тотчас потянул в кафе, обид<елся> даже, зачем я хочу заезжать переодеваться. Он боится как огня быть со мною. Опять ругался. Хотел попасть еще к Слезкиным. Девицы милы, но скучноваты. Был только Бобиш и вино. Юр. что-то плох. Не пишет, меня не любит, нервится и бегает. Что мне делать? faire bonne mine au mauvais jeu?*

22 (понедельник)

Проспал, кажется. Настя зовет. Где-то был. Где? У Матвея. Ничего не дал. Михайлов любезен. Что еще? Дома нашел записку от Ракитина. Берут его[24]. Юр. обедал. Как пришел, милый, так побыл. Милый сынок! Потом ушел. Купил книжечек. Сидел при Ракитине. К Каннегисеру не поспели. Я прямо к Сологуб<ам>, он домой. Почему Настя его не зовет? Там было ничего. Украш<али> елку. Дамы ко мне нежны. Гига повалил елку. Читал Ф<едор> К<узьмич> рассказ и стихи. Я читал и пел[25]. Слезкины в сочельник зовут нас. Олет была мила, но Сержа, у которого я хотел попросить денег, не было. Потемкины тоже звали. Слезк<ина> и Ауса приглашал Философов. Меня нет, небось[26].

23 (вторник)

Проспал. Зол. Юр. пришел. Милый и хороший. Крепится. Вышел к Беленсону и Матвею. Ничего опять. Дома — сестра, и Сережа, и Юрочка. Хорошо посидели. Обедали у Альбера. Юр. видел народ и Щербака встретил. Потом были в кинемо. Снят бой. Как умирают. Это непоправимо, и всякого любит кто-нибудь. Заехали к нему. Пили чай, переносили книги. Ласков, как никогда, не тянул даже к Бруни. Люблю его, как родного. Мечтали. Так. Писал дома. Денег ничего нет.

* Делать хорошую мину при плохой игре? *(франц.)*

24 (среда)

Холод собачий. Был у Беленсона. Да, утром ходил на почту и бриться. Заходил еще домой. Вдруг приехал Таиров, бодрый. Читал ему. Вышли вместе. Беленсон сидит со спущенными шторами и вякает чего-то. Но дал немного. Зовут и Розанова. У Семенова поболтали. Дал и он. Заезжал купить елочку, потом с Юр. к Кнопу. Чуть не замерзли. Морили нас до 8 ½ ч., 6 блюд, 4 рыбных, 3 сладких, все честь-честью. Гадали. Но Юр. скучал. Обратно было адово путешествие. Извозчиков нет, холод, ветер. Юр. отморозил ноги. Насилу доехали.

25

25 (четверг)

Встал очень поздно. Юр. пришел даже. Притащил мне Лескова. Попил чай. Пошли к нему. Захандрил. Говорил. Потом ему заказали сценарий для кинемо[27]. Пошли домой. Обеда не было. Сначала писал, но потом попросил меня, а сам лег. Убежал рано. К сестре я не поехал из-за холода.

26 (пятница)

Проспал. Болела голова. Потом будто прошла. Брился. Заходил к Юр. Коля игр<ал> в шашки. Накурено. Было очень тяжко. Денег нет. Обедать негде. Хозяйка больна. Везде ходить. Нет, все это было в субботу. Но и сегодня то же. Юр. отстраняется. Обедали, звонили Суд<ейкины>, ждут. Без меня была Олет и занесла 2 розы. Очень рады. Были Цыбульский[28] и Георг. Иванов. Потом пошли в «Собаку». Ехал с О<льгой> А<фанасьевной>. Там было хуже. Приставал Шлейферт. Юр. ухаживал за невестой Конге[29]. Никого не было.

27 (суббота)

Сегодня зол и болит голова. Суд<ейкин> вчера дал 5 рублей. Обедали опять не дома. Бродили по кинемо. Я огорчился, думая, что Юр. делает это нарочно. Он приставал, что со мною, я, наконец, сказал. Каждый раз теперь со скандалом. Наконец, заболела голова. Не мог есть у Рославлевых. Встретили Сержа. Планы, планы, планы! Приех<али> поссорившиеся Слезкины. Я уехал. Юр. проводил меня и отправился в «Собаку»[30]. Был у меня Гордин. Обижен страшно. Таиров только 29<-го>, 30<-го>.

5

28 (воскр<есенье>)

Пришел как-то Сашенька. И Юр. обещал заехать после обеда. Тепло. Хорошо. Заехали. Юр. милый и ласковый. Может быть, ломает себя. Просто больше следит. Поехали хорошо. Весело. Был народ. Юр. сначала веселился, но потом скис от Сологубов

и Берлинов[31]. У Гоги денег нет. Ехали хорошо, но как-то одиноко домой. Розанов меня ждал, говорят. Мы встрет<или> Беленсона. Вчера Юр. выпускал поэтов и были скандалы[32]. Я люблю после всяких хамских рож возвращаться именно теплой зимой издалека с Юрочкой. Голова и сердце у него кипят, но есть какое-то безволие. Или я сам раскис, не знаю.

29 (понед<ельник>)

Не прислали, и Гога не пришел. Опустошили Юр. копилки и отправились весело-превесело. Смеялись. Вообще сегодня Юрочка премилый. Рассказывал новый роман, обдумывали его. Были в «Лукоморье». Только Кузнецов. Встретили Руманова там. Мил. Дома сидели хорошо. Смотрел Лескова. В каких только журналах и газетах он не участвовал! Впрочем, посмот<реть>, и я во многих. Но писать надо. Завести автомата, который бил бы меня и говорил: «Писать, писать».

30 (вторник)

Встал не поздно. Не брился. Денег не прислали. Писал план. Вдруг пришел Кока, взял у него 10 р. Потом Юр. с Адамовичем. Поехали втроем обедать. Хорошо. В «Лукоморье» ничего. Писал разные записки. Дали мне чек на 150 р. Были в кинемо. Видели отличную шведскую актрису. Потом к Юрочке. Читались. Зажегся ли он? Побрел в «Собаку». Я домой. Денег не прислали.

10

31 (среда)

Утром ездил в «Нов<ое> время», брился, купил Юр. книжку. У него был Бальмонтик. Хотели пойти завтр<акать>. Вино не разрешено. Зашли и дождались от Таирова. Покупали разные разности. Обедали. К Юр. Юр. переодевался при красном свете и потом побыл, голубь. При мне у Вольфа покупали его книгу[33]. Измайлов опять просит. Это меня радует[34]. Тревожит, зачем я послал ворчливую телеграмму Таирову, что мы растратили деньги и как быть с работами. Были еще у меня. Переодевались, ели вишни и побрели в «Собаку». Юр. сначала ворчал, но потом оказалось вино, сели с Семеновыми, и все было прекрасно. Масса знакомых. Олет была пьяна, выкатывала грудки и говорила о Всеволоде. И Аусы, Бобиш, Коровин, Слезкины-мальчики — все, все были. В конце поскандалили с [поваром] чухонкой и вернулись в половину пятого. Хорошо было. Юр. был сегодня совсем голый. Я так ярко помню только один раз в Павловске и один из первых разов. Щербак был. Все.

150

250

1915

Январь

1 (четверг)

Проспал. Еле поспели к Семеновым. Вино, князь и Цыбульский. Милы. У Судейкиных не приняли. К Сологубу. Были достаточно любезны. Сидел Доди. Обедали, поздравлялись. Потом что? Были в цирке отлично[1]. Видели Мейерхольда и Алперса. Все было хорошо. Альб<ер> был закрыт. Да, обедали с Юдиным. Дома барышня сама настояла, чтобы мне поставили самовар. А писанья, а работа!

2 (пятница)

С утра брился. Был у Евд<окии> Ап<оллоновны>, забрал журналы. У Семенова. У Юрочки. Он поехал на Мойку, я в кинемо. Обедали. Видели Васю Юдинского. Звонил Измайлову. Отлично в «Parisian'e»[2]. Видел Papá Mako. Обиды, просьбы стихов и т. д. Зашли еще в кафе, где посидели с Радаковым. Bureau des filles*. В «Лукоморье» хорошо, любезны. Отпр<авились> какой-то огромной компанией в «Собаку», был кое-кто. Я веселился и пел. Чухонки нет, повар любезен. Просили «болвана». Долинов уже приглашал после свадьбы.

3 (суббота)

Благочестиво пошел заниматься к Семенову. Заперто. К Юрочке; сидит Георг. Иванов, потом Сашенька. Весело. Потом Алперс. Он милый. Шли пешком. Обедали втроем. У Вольфа были. Дома прислали «Плавающих». Работать, Боже мой. Сколько нужно, сколько бы мог, но какая-то немота и лень.

---

* Бюро (у Кузмина описка Bireu) девочек *(франц.)*

4 (воскр<есенье>)

Проспал. Болит голова. К Юр. пошел. Там Коля. Ко мне пришел Каннегис<ер> и Кузнецов. Тепло. Юр. побыл. Я не поехал к Розан<ову>, а прямо к Слезк<ину>. Было довольно скучно. Какие-то свары, все без денег, везде расползается Нагродская. На меня налазила Берлинша.

5 (пон<едельник>)

Опять поздно. Но писался. Юр. хорошо пришел. Походили, к Аусам не пошел. Писался, правился. Был Сашенька. Вечером собеседовал с хозяйкою и играл даже ей разные вещи. Потом она тихонько разбирала. Мне казалось нежно, русско, чувств<ительно?> и чисто. А пантомима-то!? Бог благословит и поможет. Деньги опять!

6 (вторник)

Мороз и ясно. Кончил рассказ. Семенов еще спал. Писался лениво. Юр. сидел в пальто. Посидели, почитали. Он начал роман хорошо[3]. Дай Бог, чтобы он захотел писать и т. д. Дома корректуры книги рассказов[4]. После обеда ходили в «Паризиану», но программа неважная[5]. Только что ушел Каннегисер. Вернулся. Ссорился с Юрочкой, разозлился на что-то. Ушли. Я работал. Но музыка! музыка!

7 (среда)

Что было? Был у Матвея. Играл. Пошел к нему. Видел там Татьяну. Денег не дал. Юрочка дома. Придумал для пантомимы взять старое[6]. Обедали. Торопился к Измайлову. Хорошо. Обещал статью, но нехорошо, что мою книгу задерживает цензура[7]. Юр. пьесу не взяли. Вот досада! Нежен и мил бесконечно. Пили чай. В «Лукоморье» было тихо. Беляев беседовал мирно, тащил меня куда-то. Был Иванов, Цензор. Юрочке обещали[8].

8 (четверг)

Проспал. Голова болит. Прошел к Судейкину. Одна О<льга> А<фанасьевна>. Беседовала. Юр. спал. Звонился к Матв<ею>, сговорились на вечер. <К> Беленсону, он у Риглер, где Лурье, Евреинов и т. д. Приехал вчера. К Юр.; что-то не очень охотно идет. Обедали. Голове легче. Пошли в «Лук<оморье>», звонил Измайлову и Судейкину. Сговорились. Потом у Семенова. Была пьянистка. Скучновато, но ничего. Я боюсь, чтобы не приехал Таиров, а составить недолго[9]. Заходили еще к Юр. Пошел он в «Собаку»[10].

15 (четверг)

Какой пропуск. Работаю, не поспеваю. Послал сегодня. Встретил Жакова знакомого. Говорит, что Кожебаткин здесь, во-

дится с Потемкиным, Жаком и Ясным. «Безумцы» выходят. Огорчило меня[11]. Брился. Чичерин только в субботу. К Семенову. Цензура придирается. Зоя звала в 3 ч. Денег Матвей не дал. К Судейкину. Сердит. Желает неуспеха «Духову дню»[12]. Вышли. Вчера был у него Позняков и говорил, что если бы я захотел теперь его полюбить, был бы глубоко счастлив. Сны видит Сережа про мальчиков. Зашел к Беленсону. Юр. печально писал пасхальный рассказ. «Лукоморье» не отказывается издавать Юрочку. Откуда-то у него деньги. Зашли к Беленсону. Обедали. Пришел Бел<енсон>, дал денег. Потом Кожебаткин, спившийся и прогоревший, но гонтошится. Бел<енсона> забирают Блок, Ремизов и Кульбин. Поехали к Зноскам. Уютно, мирно, чуть затонно, но хорошо. Вздумали пойти в «Собаку». Было «Отечество», Жак<о>мино и Евд<окия> Ап<оллоновна> с Патти. Предложила мне денег дать. Скука адова. Был еще Мандельштам, Шлейферт, Иванов и Гордин. Лег рано.

16 (пятница)

Что было, не помню. Юр. поехал обедать, я остался, чтобы идти к Зое. Но он просил после приехать. Беленсон зовет. Зоя обедала. Трепаная, злой уродец. Хочет петь стихи[13]. Нурок, Каратыгин и пр. Беленс<он>, кажется, не хочет «Антракта», а просит новый рассказ[14]. Согласился, но когда поспею? Когда? Боже, помоги мне. Ехал к Слезкину. Там мирно и хорошо. Читали без меня. Я играл. Юрочке очень понравилось. Голубь мой утешительный.

17 (суббота)

Ходил к Чичерину. В постели. Мирные старинные разговоры. Русское, господское, с кислотой житье. Теперь ничего нет. Купил баранок. Юр. пришел. Потом Сашенька. Правил корректуры. Пошли в «Лукоморье». Почему-то Юр. был со мною, но как-то равнодушно. Не калечу ли я его жизнь своим житьем. Может быть, ему бы жениться, служить, мирно сидеть с лампой, как я вижу в окнах двора. А бездомная, святая и проклятая жизнь артистов. Тогда без женщин. Бродяги и богема с женщинами совсем уже гадость. Заходил еще к Ракитину утром; он лежит. Сережа вернулся: цинга[15]. Лампадки на шкапу. В постеле все дитяти. Отец его болен. Хорошо, что я поспел. Боюсь, что Судейкин мне нагадит в Кам<ерном> теат<ре>, «Безумцах» и рассказах[16]. Был мороз. Лукоморцы стремились в «Собаку»[17].

18 (воскрес<енье>)

Работаю. Выходил бриться. Скучно что-то. Юр. тоже ленится и скучает. Александр женится. Дома писал. Был Бальмонтик. Евд<окия> Ап<оллоновна> затевает вечер. Юр. никуда не хотел идти и даже надел рваный пиджак для этого. Ушел рано.

Я писался. Нежно его люблю. Что-то даст завтра мне!? Матвей просит съездить к цензору самому и завтра именно.

19 (понедельник)

Посылал. Рано был у Евд<окии>. «Нивы» не присылают. «Ни няньков, ни горшков!» У Евд<окии> Ап<оллоновны> была портниха. Пусто и затонно, как после переезда или покойника. Говорила хорошо, не передавала сплетень, ничего. Завтракал. Вл<адимир> Ад<ольфович> сух и официален. Звонил Мосолов. Все перебрались сюда. Ну что ж! Поехал к Юр. Спит, холод страшный. Писал что-то. Брились. Обедали. Пришел Зайчик и Ракитин. Последний что-то недостаточно почтителен. Эстет несчастный. На «M-me Angot» не пошли[18]. Были только в кинемо, где обновили мальчиков, весело покупали провизию и пили чай дома.

20 (вторник)

Страшный холод. Чичерин еще спал. Играл Херувимскии *<так!>*[19], дерев<енские> новости. Полунемец. XVIII русский век. Юрочка спал. Поехали к Неменчинскому. Ели блины. Были в кинемо. Я раскис, устал и капризничал. Юр. меня ругал. Но пошел в «Вершины». Там паршиво, угощали коньяком и ликером. Жидки все. Анекдоты. Гога проектирует альманахи. Юр. обиделся, что меня недостаточно ценят. Плакал даже. Положим, он выпил немного. Вот так. Таиров молчит, как могила.

21 (среда)

Переписывал, но меня смущает, что Таиров ничего не пишет. Был Беленсон. Квакал про рассказ, с Юр. что-то плохо, по-моему. Пришел и Юр., скучненький. Обедали у Альбера, от опер<етки> отказался. Писал. Зайчик был с нами. Холодно, но не так, как вчера. Встретили Судейкина и Радакова. Вечером пришел Сашенька в униженном виде. Юр. не был. Пошли в «Лукоморье». Там все по-хорошему. Были народы. Мечт<ал? ы?> о большом журнале. Как-то все поспею? Сколько рассказов, стихов, статей, пьес, музык. Просто ужас.

22 (четверг)

Ходил на почту, писал. Зашел к Юр., он лежал. Коля сидел перед печкой. Сидели. Потом Юр. был. Что-то грустен. Пошли домой, купили кое-чего. Писал немного. Вечером пришел Сашенька. Да, были в глупейшем кинематографе.

23 (пятница)

Весь день писал. Вечером у Беленсона был возмущен. Ник<олай> Ив<анович> не хочет Розанова и Юр. Лурье предста-

вился, что не помнит «Стелло Курти»[20], вообще хамло невероятное. Поехали к Неменчинскому. Был там Кирилл Князев с Бабенчиковым. Как гадко и грустно. А дела не убавляется. Таиров же молчит.

24 (суббота)

Вчерашняя история оставила преотвратительное во мне впечатление. Написал письмо Беленсону. Придется просить у Бялковского. Был Кузнецов. Голова побаливает. Скучно очень. Юр. приехал. Был в «Ниве», из «Вершин» ему вернули. Боже мой, за что его преследуют? Пообедали и побрели в «Лукоморье». Был там Судейкин. В цензуре разные глупости, начеркали всего «Пастыря»[21]. Зашли все к Судейкину. Хорошо говорили. Потом были в кинемо «Паризиане»[22].

30 (пятница)

Так долго не писал. Евд<окия> все что-то вертит. Когда Господь уймет эту ведьму? Татьяна просто нахальная дура и посмешище. Но люди подлы и злы. Где надеются получить деньги, туда и бегут. Юр. упрекает, что у меня нет желаний, вот они пробудились. Действительно, у меня мрачновато и не приглашает к привольной жизни, да и денег нет достаточных. И того хочется, и другого. Дайте возможность, желания не замедлят явиться. Кульбин расстроил Юр. Он опять ругал его Беленсону. Тот передает, конечно. Из «Нивы» ему вернули. Боже мой, Боже мой! Писал с утра. Скверно что-то на душе. Пошел к Юр. Спит, хорошего ничего не сказал. Скучен. Зашли к Беленс<ону>. Тут-то вот Юр. и ругал Кульбина, и горячился, и тот звонил утешительно, хвалил рассказ и Юр. самого. Юр. печален, нежен и озлоблен. Звонил ему Мосолов, хотя тот спаивает его опиумом и подсовывает своих дам, но я рад был бы их снова дружбе, как поддержке Юр., потом меня он уже как-то не считает. Дома собрались обедать. Вдруг приезж<ают> Кока с Григ. обедать. Я заезжал бриться. Об<едали> в кабинете и я скоро скис. Потом пошли в «Паризиану»[23]. Юр. и Над<ежда> Сем<еновна> летели вперед, я с Кокой плелись. Потом поехали домой. Юр. ушел. У нас гости поют. Уехать бы в южн<ые> порты. С этой несчастной войной все как-то отрезано. Даже книги и журналы. Да и денег нет. Вчера Евд<окия> зазывала Коко, и Григ. звала. Всех, чтобы показать и доказать наше изгнание из «всего» общества. Вот так. Боже, сохрани нас! А работы сколько, а работаю плохо, лениво.

31 (суббота)

Работал лениво, ожидая Беленс<она>, который не пришел. У Юр. Был Мосолов и Алперс. Читал Юр. Пошли обедать.

Обрели у Альбера Иванова. Юр. все спорил. Хочет идти в гости с Ив<ановым>, и в редакции Изм<айлову> описал «Собаку» и рекламировал Татьяну. Говорит, будто «Плавающие» пропущены уже цензурою. Юр. сердит. Возня с повинностью. Он ни о чем не думает. Поплелись почему-то к букинисту. Потом к Судейк<ину>. Олет была одна. Мои рассказы вышли в «Лукоморье» и «Отечестве»[24]. Лениво сидели, играли в дурачки. Сержа мы не дождались. Заехал ко мне. Взял колбасу и уехал.

Февраль

1 (воскр<есенье>)

Оттепель. Слякоть. Писался. Скучно. Мечтаю. Вроде вышиванья. Приходил Рославлев, насчет «Рассказов». Говорил о Пятницком соблазнительно. Собрание романов, сейчас же переводящихся на англ<ийский> и франц<узский>. Гога со вчерашнего перепоя не пришел. Юр. опоздал, скучен. Послал меня к Беленсону, котор<ого> не было. Оживился, когда пришел Сашенька. Фикали на обед. Саш<енька> копался. Я сердился. Был небрит. Потащились в кинемо. Юр. все кричит на меня и заставляет делать то, что мне не нравится. Не был, будто так и нужно. Мечтает о богеме, журнале, артистич<еской> жизни, вероятно, о девицах. Боже мой, как грустна жизнь и сколько в ней хорошего без романтизма.

2 (понед<ельник>)

Был у Юр. бритым. Спокойствие и работоспособность будто возвращаются. Но как много надо делать. Ужасно. Побыл со мною. Я зашел к Беленсону. У него был Бурлюк, пробовавший говорить комплименты. Денег не дал, обещал вечером зайти. Дома обедали. Заходил без меня Зайчик и оставил «Ал<ександра> Невского». Хорош. Сашенька приплелся. Читал Лескова. Юр. дов<ольно> рано ушел. Беленсон надул.

3 (вторник)

И сегодня надул Бел<енсон>. Юр. пришел из «Утра России», где Рославлева, конечно, не было. Ко мне собрались Гога и Сережа, а Рославлева опять не было. Побрели в «Лукоморье». Звон<ил> Беленсону. Обещал в четверг. Так весело шли, а Юр. рассказ вернули, я чуть не плакал. Поехали с Гогой обедать. Вечером был Мосолов, читал я роман. Отлично говорили. Как у Юр. хорошо идет. «Новый свет» прямо первый сорт[1]. Как этого не видят и не понимают? Но у меня болела голова. Холодно, кажется. Да. Заложить пришлось пиджак.

4 (среда)

У Юр. оказ<алось> 4 р. Зашли к Сержу. Погода ликует. У них весело. Радаков. Все вышли. Серж очень мил. Все с вербенами. Шли, болтали. Был, действительно, налет какой-то артистической поэзии. Поехали. Опять пришел Гога, но с нами не поехал, забыв портфель. Дома попили чаю и отпр<авились> в «Лукоморье». Народу видимо и невидимо: и Садовской, и Городецкий, и Годин. Цензор купил у меня стихи за 9 р.[2] Город<ецкий> неприятен. Бедного, милого, нежного, гениального Юр. опять обидели, обсчитав на книге. Жаловался мне. Все-таки вот пожаловаться, посоветоваться придет ко мне, голубь, цветочек. Как-то жизнь теплится при нем для него. Поехали все в «Уголок»[3]. А я домой.

5 (четверг)

И сегодня ничего нет. Юр. привез подушку и коробочку. Он радуется иногда, как простой мальчик лет восьми. Вчера они были еще в «Собаке» и вернулись в 6 час. Поехали обедать. Встретили там типа из «Мусагета», пригласившего меня и Юр. в новый журнал «Денница»[4]. Заехали к Матвею. Денег не дал, но с Юр. вышли какие-то комбинации, так что он был доволен. Дома был Сашенька. Сделал неплохую обложку Юрочке[5]. Вот хорошая будет книжка! Ничего. Все шевелится, но работать нужно, как волу[6].

6 (пятница)

Заходил к Аусам. Едет. Надина учится серьезно петь. Юр. после обеда пошел в «Лук<оморье>», я же к Беленсону. Не застал. Просил заехать. В «Лук<оморье>» отказали Юр.; да, у него был Гога. Юр. нервится. Слезкин мрачнеет. О книге Юр. не говорят, расск<аза> не помещают. Вообще обижают бедного. Дома пришел Бейлес, квакал о Евр<еинове?>, Кульбине, дал денег. Распускается слишком. Обещал завтра занести ноты Аусу, но не поспел переписать.

7 (субб<ота>)

Уговорились встр<етиться> у Альбера. Аусы ничего. Посидел там. Юр. немного опоздал. Торопился к Семенову. Был в кафе. Ему там наговорили об affichag'е, и он закатил ужасную мне сцену, вплоть до соскакиванья с извощика. Я ждал его. Микл<ашевский> просил помогать, играл Шопена. Юр. смирился, просил прощ<ения>, был. Пошли к Судейкиным. Там был сеанс. Сережа красил карт<инку>, я играл «Забаву дев», мечтали. Смиренный Юр. был тронут и доволен. Пошли в «Собаку». Были мальчики, скучновато. Пытались проникнуть в «Уголок», но этого не удалось. Шли со Шлейфертом, кот<орый> дурачился, как пьяный. Завтра пойду к Чичер<ину>.

8 (воскр<есенье>)

Чичер<ин> собирался ко мне, чтобы посоветоваться насчет доклада. Учет<?> отклонил. Triste*. В пятницу обещал. Юр. сидел у печки. Обедали хорошо. Веч<ером> были дома, по-моему. Да, я поехал к Руманову, он меня направил к Святловскому, занят и кисел[7].

9 (понед<ельник>)

Был у Матв<ея>, за подписью, в банке (оч<ень> хорошие мальчики и швейцар), опять к Руманову. Подписать отказался. Звал в 5 ч. Всё под дождем. Встрет<ил> невероятных людей: Сомова, Олега, Рериха, Мельникова. Заехал к Юр. Почему-то был со мною. Полюбил, поругавшись. Опять под дождь. Любезнее. На завтра. Юр. писал, сидел. Поспели. Пили чай. Мирно, но надолго ли? Мечтали.

10 (вторник)

Меледа с Румановым меня изводит. Так просто сделать это. Брился. Звонил. Просит в 7. Поплелся домой. Пришел Сашенька. Пошли к Ю. Он был страшно разогорчен, но вообще-то нежен очень. Меня вызывают в «Лукоморье». Гогу пригласили в «Рус<с-кое> богатст<во>». Мейерхольд приглашает Юр. на спектакль Студии[8]. Это хорошо. Был Кузнецов. Наги все время, но хоть дождя нет. Юр. продал «Эротическое искусство»[9]. Купили сыру и пирожного. Присл<али> корректуры и странную телеграмму от Таирова, будто мое присутствие необходимо. Сашенька читал образчики. В «Лукоморье» были народы. Финити звонил Нагродской, ища Т<атьяну> Ш<енфельд>. Руманов зовет завтра, но не надует ли? Встр<етил> Сашеньку, говорит, что Юр. в страшном унынии. Он так и был, но стеснялся. Побрели в кинемо, но так долго ждали, что ушли, не дождавшись.

11 (среда)

Шел пешком к Руманову. Только в субботу. Придумал попросить у Чичерина. Он спал еще, мирно беседовал, дал. С Юр. поехали завтракать. Был Ясный. Потом к Вольфу, домой. Юр. еще забегал в кафе и в кустарный[10], навез мне игрушек. Пошли в кинемо. Долго ждали. Прямо в «Лукоморье». Уезжал Марко. Все отпр<а-вились> в «Собаку». Теснота, футуристы, скандал, знакомые, Татьяна, Жак, Кожебаткин, Зонов, мальчики, «Стрельцы»[11]. Я даже скандалил. Пантомима, кажется, в Москве не нравится. Потом как-то все соединились. Юр. беседовал и с Корнеем, и с Бурлюком, и с Кожебаткиным. Все мне подсовывал Медведского. Напились. Вот так.

* Грустно *(франц.)*.

12 (четверг)

Что было? Ничего не делаю и зол. Хотел занести Юр. пакет, но он сам занес мне, уйдя куда-то. Был на почте. Обедали с Кожеб<аткиным> и Жаком. Последний нас провожал. Юр. отпр<авился> к Мейерх<ольду>. Я же готовил книгу[12]. Мне очень смутно и скучно.

13 (пятница)

Ах, тоска. Пошли зачем-то в кафе. Встретили Юр. поклонника. Потом Пастухова и Кокошу, бывших у меня. Вернулись. Был Садовской без меня. Сидели, говорили о журнале. Потом пошли к Судейкиным. Читали, играл «Куранты». Так. Руманов зовет завтра.

14 (суббота)

Долго ждал у Руманова. Дал 100 и просил позвонить вечером. У Юр. был Иванов, потом Божер<янов>, вместе обедали. Пошли полавкам. В «Лукоморье». В понед<ельник>. Отпр<авились> к Юр. Там был Лурье. Посидели и отпр<авились> ужинать. Потом в «Соб<аку>». Юр. думал, что я откажусь, услов<ился>. Говорит, что с Медвед<ским> и др<угими> к Иванову. Может быть, и не так. Вел себя ко мне нехорошо. Был Щербак, читал Маяковский[13]. Что еще? Скучно очень, денег не шлют, Аус не пишет. Был очень обижен. Все мне надоело, никому это не нужно. Покоя, покоя!

15 (воскресенье)

Так смутно и грустно, не знаю почему. Был Зайчик. Просили в концерте читать. Пошел к Юр. Там сидел Зданевич. Юр. был недоволен моим приходом. Вчерашняя оргия окончилась тем, что офицера увез Щербак. Пошел в café, где сидели с Маяковским и Радаковым. Маяк<овский> похож на Потемкина, но живее и талантливее. Юр. грустил. Обедали, зашли домой. Побыл. Пришел Кокоша. Взяли билеты на «Д<он> Жуана»[14]. Опять: зачем вместе. За кулисы нас не пустили. Юр., кажется, жалел уж. Видели Всеволо<да> Эмильевича, Алперса. Луна волшебна. Карсавина была. Опять бы как следует жить, с чистотой, прислугой, сервировкой. Житье отдельное. Писать стихи и занятные вещи. Ужинали у Альбера. Неволин и Антонова. Отчего так все поскушнело. Стар стал. Обленился и распустился. Денег не шлют. Ауслендер не приехал.

16 (понед<ельник>)

Воздух как поцелуй, но Руманов дал только 100 и хочет вычесть долг. Ничего не шлют. Вот свинство. У Юр. был Мосолов и интервьюшник. Раньше Зданевич. Побрели в постылое кафе. Ничего. Обедали. В «Лукоморье». Марк еще не приезжал. Были наро-

ды. Были в кинемо. Дома спорили что-то опять о вреде для Юр. моей святости. Печально очень. У меня комната печальновата.

17 (вторник)

Писал с утра. Приходил Философов. Ракитин ставит «Принца»[15], причем этот толстяк игр<ает> заглавную роль. Что за чушь! Приплелся пьяный Цыбульский. Жалуется, что Никс ему изменяет, пил коньяк, заказал пьесу для Петрушки с музыкой[16]. Потом заснул. Выпроводили. Кокоша явился. Пошел в «Лукоморье». Марк дал чек. Гога сердитый. Кокоша ловит с долгом. К Сологубу не пошел[17]. Сережа пишет какую-то непонятность. Зашли куда-то. Рано ушел Юр. Писать, писать, писать!

27 (пятница)

Ездил в Москву[18]. Солнце, переулки, обеды, дамы, репетиции. Вернулся в пасмурный день, но Петербург я тоже люблю. Люди лучше. Завез чемодан. Юр. уже вызвал меня телеграммой. Спал. Расспрашивал. Без меня ходил по гостям. Был даже у Щербака, у Суд<ейкина>, Кульбина, Радакова. Побыл, милый. Читал отличные вещи. Письма от Измайлова, Ракитина, Чичерина[19]. Поехали завтракать. Покупали книги, обедали. Заходили к Рославлеву. В «Биржевку», «Солнце России»[20]. Рассказы Юр. вернули. В «Отечестве» не застали никого. Без меня Юр. был у Философова. Обедали. Купили провизии и опять спать. Сколько писать!

28 (суббота)

Встал поздно. Это — не дело. Брился. У Юр. сидел литовец. Сегодня вернисаж. Меня не звали. Просто поехали. Знакомых куча всех сортов. Юр. очень доволен, милый, милый. Все ему пышно кажется и великолепно. Зашли в café, сидели Зданевич и Григорьев. Бродили еще, у Ясного были. Звал чай пить, записывал адреса. Обедали. В «Лукоморье» Марк был к Юрочке ничего. И подт<вердил>, и всё согласен. Заехали к Юр., потом к Суд<ейкиным>. Олет сидела. Новости. Судейкин пишет для Зимина «Сказки Гофмана»[21], купили в Третьяковку. Надарил Юр. картин<ок>. Юр. волновался, чуть не плакал. Хорошо, хорошо шли, но денег уже нет.

Март

1 (воскресенье)

Юр. пришел. Сейчас пошли в кофейню. Сидел Зданевич, Радаков, Анненков. Встретили Жака и Ясного. Обедали. Спал, хо-

тели в кинемо. Но захотел домой. Спорил, но потом умирился. Я сидел, чаевничал и читал Лескова.

2 (понед<ельник>)

Встал. Писался. Заложил жакет. Цыбульский не пришел. Юр. написал рассказ и отрывок, хорошие. Пошли гулять. Обедали засветло. Встретили Бруни, Сашу, зашли к Вольфу. Какой-то офицер купил меня и последнюю Юрочкину. Дома Юр. вдруг побыл. Мосолов как раз пришел au moment suprême*. Приплелся, конечно, за долгом. Посидел. Почитали ему. Мне самому нравится «Ода»[1].

3 (вторник)

Семенов хочет покупать у С<ергея> А<лександровича> весь остаток; значит, дело хорошо[2]. Вообще впечатление приятное. Андреев почему-то приглашает меня к себе. Снег и ветер. Юр. спал еще. Пришел ко мне Саша. Пошли в «Лукоморье». Там как-то неодобрительно отнес<лись> и к обложке, и к заглавию Юр.[3] Деньги, не наверное, обещали завтра. Лазаревский чего-то бубнил. Были Городецкий и Садовской, ушли не прощаясь. Гога по телефону расстраивается чего-то. Пошли еще в кинемо. Заходили к Юрьеву. У него новый отрок в растрепанном виде. Юр. придумал чудный сюжет для повести. Но ленюсь.

7 (суббота)

Вот скука. Этот тип нейдет, холода, ветер, снег, представление у Ракитина, письмо из Камерн<ого> театра[4], Юр. скучен и разлюб<ил> меня, лень, ничего не делаю, пришел Сашенька. — Господи! Все мне надоело. Юр. вчера был у Судейкина и нисколько не интересуется моими делами. Не был. Скучен, как могила. Обедали. Пошли к нему. Неизвестно зачем поплелись в кинемо без денег. Вернулись. Поспал и ушел. Я как-то распатронен. Поддержив<ают> только книги.

8 (воскресенье)

Совсем в умалении. Пришел Мосолов, потом Юр. с Моней. Посидели. Потом Юр. неохотно был и сам ничего не сделал. Звонил в «Асторию», там того нет. Почитали Пушкина, рано-рано ушел. Я читал еще «Путешествие в Эрзер<ум>»[5]. Тихо. Пришла хозяйка из театра. Да, утром был Сашенька и какой-то художник. Я злился весь день.

---

* В последний момент *(франц.)*.

9 (понед<ельник>)

Писался. Явился <Н.> Позняков, скучный что-то, потом и Альвинг, просил к 4-м часам. Снег валит весело. Брился. Шел пешком. Взяли Перемышль[6]. Манифестации. В «Астории» ничего, мальчики бегают. Читал стихи, дал мне 250. Лечу домой. Кокоша и Юр. сидят. У посл<еднего> был Данилов. Поехали обедать, все торопился. У букинистов встретили Зайчика. Юр. отправил меня одного, не хотел, чтоб я его провожал. Потом дома ругался, бросал на пол предметы и все хотел меня сплавить. Потом, наконец, пошли есть. И опять хотел меня отпр<авить> на извощике. Ни слова не говорил и ушел, еле простив<шись>. Не любит. Нет, но раздражается мною без меры. Все милы, а я сержу, а сегодня отлично написал. 1-й сорт.

10 (вторник)

Вскочил ни свет ни заря. Спать хочется адски. После вчерашнего пренеприятнейший осадок. Помолился. Впечатление говенья. Погода чудная. У Юр. был Моня. Все-таки он наянливый. Обедали с Даниловым. Юр. хорош после вчерашнего. Покупали кое-что. Ходил с нами Егорушка Иванов.

14 (суббота)

Боже мой, как я скучаю без Юрочки; просто места себе не нахожу. Послал рассказ. Деньги только завтра[7]. Бродил еще, заход<ил> к Суд<ейкиным>, чтобы позвониться разным людям. Нет дома. Приплелся Сашенька. Отписка от Юр. Пошел в «Луком<орье>» звонить. Везде какой-то вздор. Долинов глохлый какой-то. У Судейкиных несколько обижены за «Плавающих», была Дельмас, М. Ал., Сорин. Сережа все мечтает снобистически о широкой жизни. Андреева ничего не пела, а только ломалась и выгибалась, говоря глупости, хваля Бодаревского и Мурашку. М. А. мила, вспоминала, как они остались сиротами 15<-ти> лет и носили брильянт<овое> колье. Теперь все продано, даже картины продают. От Юр. письмо, милый, бедный голубок. Кроме того, что я о нем скучаю, все думаю, что бы сделать, чтобы к его писаньям относились как следует. Но это придет, конечно. Только бы он не падал духом и не закисал.

15 (воскресенье)

Утром ездил на Каменноостр<овский>. Ветер и холод, чуть не плакал. Извощик какой-то толстовский. Чичерины милы и радушны. Играли. Дома. Все время как во сне, злом сне. Светло, пусто, никого, ничего нет и не будет. Обедал у Альбера. Беленсон хотел в 9, но я отклонил. Прислал «Стрельца» для Юр. Когда нужно, никого нет. Приехал к Бобишу. Нет дома. Потом бежит прислуга и возвращает меня. У него был Владимиров. Поволок меня к

Альберу, где Потемкин играл на бильярде со Зданевичем, и Григорьев с Альтманом. Пошли во «Францию»[8], где давали вино. Говорили о поездке. Потом еще проехали к Бобишу. Сидели очень долго. Потемкин — это нехороший дух для меня. Злой неудачник.

16 (понед<ельник>)

К Матв<ею>. Прислали; в банк; домой. Вдруг приезж<ает> Юр. Привез вина, милый, ласков<ый>, соскучившийся. Пошли к нему. Прибрел Мосолов. Пошли обедать, взяли с собою виски. Зазвали еще Данилова. Юр. исчез. Я уже спокойно сидел. Он явился, милый, побыл хорошо и ушел спать.

17 (вторник)

День хороший. Заходил к Юр., кажется. Был Каннегисер. Обедал с нами. Покупали разные книги. Вернулись к Юр. Поехали далеко к Данилову. Щербаков только что приехал. Луна светит. Пили, пели. Щерб<аков> подобрал напев к слов<ам> Тэффи:

Быть может, родина ее на островах Таити,
Быть может, ей всегда всего 15 лет[9].

Не без поэзии экзотич<еской>, каж<ется>. «Забаву» пел.

18 (среда)

Ехал в «Биржевку». Солнце. Покупал ноты. Юр. пришел с книгами, смутный. Огорчился, что я не пришел в восторг от прочит<анных> страниц, которые были отличны, но менее блестящи. Мой рассказ ему понравился[10], но был смутен. Купили Скаррона. Обедали. Владимиров был. Уехал Юр., а я пил чай. Какая луна. Читали отличную новеллу Скаррона и пошли в «Луком<орье>». Там тихо, довольно ласковы. Магула ушел почему-то. Юр., кажется, немного приободрился.

19 (четверг)

Брился. Сапогов не купил. Написал стихи. Юр. пришел с Сашóй, посл<едний> пошел бриться. Явился и Каннегисер. Юр. был очень весел, написал сказочку[11]. Обедали хорошо. Пошли еще куда-то. Потом к Кнопу купить Юр. часы, он имянинник. У Судейк<иных> были капитаны, Сорин и Радаков, но Юр. что-то скис.

20 (пятница)

Что-то скучно сегодня. Звонят. Темно, тает. У Юр. сидел Бек, в форме, с ампутированным пальцем. Юр. скучен, но мило побыл. Обедали mélancoliquement*. Поехал в «Голос жизни»[12], при-

* Меланхолично *(франц.)*

вез книги и японские безделушки. Был Никс. Работать нужно. Вот что, а то придет moment critique*.

21 (суббота)

Юр. скучен, как потерянный или влюбленный. Приглашения от Слезкина. Так и решили. Везде чисто, тихо. Пошли по улицам. На Жуковской в общине молельна и часовня. Вся зол<о>тая часовня. Вот мое богомоленье — келейное. У Сл<езкиных> была Клавдюшка и Кокоша. Будто бы Некрасов хочет меня издавать[13]. Вот хорошо бы! Но теперь ни гроша.

22 (воскр<есенье>)

Вот и праздник. Ленюсь, как дрянь. Скучаем. Хотел погулять. Пригл<асил> Юр. к Судейкиным, — отказался. Заходить никто не заходил. Скучали. Совсем расклеился. У Юр. был Коля, что-то ломается. Играли оперетки.

23 (понед<ельник>)

Плохо что-то. Решил написать Некрасову. Писал никак. Не брился. Пришли Рюрик и Никс, пищали и тормошились. У Юр. был Цыбульский, опять какие-то планы. Обедали при Сашеньке. Говорили о масонах etc. Потом были в кинемо. Я прямо умираю, и сам не знаю отчего. Ночью писать не могу. Утром просыпаю. Даже писем не могу написать. Совсем дрянью эти дни стал.

24 (вторник)

Начал писать византийский рассказ. Но Юр. он не очень нравится, так как там гомосексуализм[14]. Ходил к Беленс<ону>; не приехал. Послал письмо Марку. Он зовет к себе. Наскребли денег. Обедали на Садовой, потом были в café. У меня Юр. спал, не был, ушел куда-то. Я писал. У Марка был Гога, Рославл<ев> и Крас...** и девицы. Перепились все.

25 (среда)

Голова трещит. Читал Лучин<ина>, вот ужас! Беленс<она> нет. Достали в «Лукоморье». Юр., милый, писал у меня. Зашли к Егор<ушке> Иван<ову>. У Адамов<ича> трагедии. Медведск<ий> шантажирует, обирает, чуть не стреляет и т. п. Обедали у Неси. Погода немного поправилась, хотя все-таки дрянно. Голова болела.

---

* Критический момент *(франц.)*.

** Фамилия не дописана; возможно, Краснопольская

26 (четверг)

Погода чудная. Купил сапоги, книги. Юр. не спал. Расплатился. Коля был. Поехали обедать. Потом в «Огонек». В «Лукоморье». Там ничего. Были в кинемо и опять у Альбера, где было довольно уныло.

27 (пятн<ица>)

С утра выходил за сыром. Пришли Каннег<исер>, Рославлев, Юр., Сережа. Пошли в «Луком<орье>». Юр. поехал в café, я же домой. Приехал Щербак и Данилов. Георг. Иванов. Потом ужинали у Неменчинского. Говорили о журнале. Юр. расстроился.

28 (суббота)

Проспал. Денег нет. Хотел работать, настроение отвратительное. Ничего не поспеваю, никому не нужен, будто меня нет. Юр. бодрит меня, мечтает и клянется, как будет славно года через три. Не знаю. Был у Ракитина, мил по-старому. Разные сплетни и т. д. Без менядва удара. Был Волковыский и приглашение от Мейерхольда[15]. Юр. вещи взяли в «Огонек»[16]. Был в café. Написал удивительную по силе, глубине и романтизму главу. А я-то не работаю. Хоть писаря бери, да денег нет и не предвидится. Юр. побыл хорошо. Пошли к нему, играл я. Потом к Рославлеву, там был Слезкин и Долинов. Слезк<ин> злится, Долин<ов> лакействует теперь уже перед Гумилевым. Неприятный малый. Все разбирают книгу Садовского[17]. Не стоит она того. Но что со мною? Откуда это бессилие и лень позорная? Или это старость? Не дай Бог.

29 (воскресенье)

Просыпаю. Не пишу. Что было? Ве<*нрзб.*> велел отказывать. Волковыс<кий> заезжал. Зашел к Юр., доставали денег. Пошли в café. Был там Радаков. Куприн. Триремцы[18]. У Бобиша гадит Потемкин. Дома хорошо обедали. Поехали к Слез<кину>. Там был только Рославл<ев> и неожиданно Иванов, Кокоша и Финити, какой-то офицер. Юр. читал свою повесть. Как остро и настоящее. Прямо он уже вступил на историческую арену. Волновался ужасно. Пригл<ашают> нас читать в Тенишевке[19].

30 (понед<ельник>)

Опять ничего. Волков<ыский> назн<ачил> на среду. Юр. не был в «Огоньке». Пришел мрачный-премрачный. Влюблен, болен? Спал, торопил к Казе. Забрались туда ни свет ни заря. Ушел он рано. Мило пела свои и чужие вещи, нем<ецкие> и франц<узские>, друг Коутсов. Слегка позирует под лезбианку. Но хоть хорошо и культурно все это. Был Евреин<ов>, Азов, Щербаков, Шухаев, Тэффи,

Саломея. Юр. так рано убежал. Говорили много о «Плавающих» и статье Измайлова[20]. Погода звездная, но денег ни копейки, и потом, что с моим голубем? Мечтаю. Это всегда дурной признак.

31 (вторник)

Чудный день. Писал лениво. Юр. пришел вести меня сниматься. Вчера был в «Вене» с Гогой и дамами. Грустен и томен. Очень слаб. Пошли. Долго ждали. Приплелся и Крачковский. Пошли. Солнце. Я шел с Крачк<овским>. Юр., конечно, сбежал. Встр<етили> Судейкина, Гржеб<ина>, Сомова, Цыбульского. Заболела голова. Снимали томительно долго. С<ергей> Юр<ьевич> все искал карточки Христофоровой. Хотели было все обедать, но уж этого я не выдержал. Насилу поспели к Бонди. Обедали. Были у антиквара. Купил Grammont[21]. Заехали к Юр. Он все прикладывался. У Судейкиных заседал Потемкин, но, к счастью, потом ушел. Были Рабинович и Астафьева. Сидели ничего, хотя Юр. скучал. Думает, что разболеется. Нужно об деньгах подумывать. Вот так. А я не пишу ничего, а только мечтаю, — вот гадость. Нужно 4 рассказа.

Апрель

1 (среда)

Чудный день. Был у Матвея, взял 10 р. Был там Венгеров, говорит, обо мне будет статья в Энциклоп<едическом> словаре Ефрона[1]. «Плав<ающие>» отлично идут. Юр. совсем нездоров, но все-таки пошли обедать к Альберу. Пошли к нему. Купил малины. Да, был Сашенька и обед<ал> с нами, кажется. Вечером «Лукоморье» происходило у Суворина, было несколько чинно и натянуто, народу масса, но ничего. Жалели, что нет Юр., чек дали. Мосолов был там. Будет писать о литерат<уре>. Юр. купил «Весы», по-моему, за 1907 год.

2 (четверг)

Встал поздно. У Юрочки Бек и Яша. Совсем разбит, в корсете, несчастный. Конченый человек. Пришел Мосолов. Читали. День великолепный. Юр. худой и желтый. Мосолов болтал, но от волнения плохо выговаривал. Бродили по Вольфу, Клочкову и т. п. Встретили Щербакова. Дома разбирали добычу. Есть какое-то сладострастие в этом. Потом я читал кое-что. Нужно бросить мечтанья.

3 (пятница)

День чудный. Приплелся Кокоша, скучный. У Юр. был Гр. Гр. Кокоша читал какую-то скучищу. Зовет меня в «Нов<ый> ж<урнал> д<ля> вс<ех>» и в «Тримерy»[2]. Завтра к Рабиновичу не

пойду. Встретили Беленсона. Видел пантомиму[3]. О сборнике ни бе, ни мэ. Ладно. Обедали. Пошли в кинемо. Потом Юр. хотелось бродить, обиделся и бранил логику, классицизм и меня. Бунтует, милый. Но главный его гнев на гомосексуализм, конечно.

4 (суббота)

Юрочка пришел и затормошился обед<ать>. Все ругал гомосексуализм и меня. Пришел Жак, дали вина. Юрочка все кислился. Придя домой, сейчас же побыл, но так, будто кость псу бросил. Хотел уходить, остался. Пришел Саша. Читались. У хозяйки гости поют. Тяжело что-то.

5 (воскресенье)

Переписывал. У Юр. был Саша. Нудный он. Потом пришел Каннегисер. Слезкин. Юр. все хотел вина. Сердился, злился. Потянул в café, где был Каменский. Потом гуляли. Юр. бежал за полверсты. Когда сказали, стал ругаться. Был крайне неприятен. Написал ему серьезно.

6 (понедельник)

Ездил, то есть пешком плелся в «Биржевку», чуть не плача. Опять одиночество и нелюбовь! Поскакал к Юр. Письмо рядом. Все отвергает. Думает. Мил. «Никому не отдам». Приплелся Моня, какой-то противный. Неужели Юр. опять вернулся? Обедали. Пошли в «Лукоморье». Там народы. Мосолов, Город<ецкий>, Рославл<ев> и т. п. Юр. сказали, что обложку <делают> красочную. Ругался, расстроился. Мосолов пришел вечером. Читали ему. Хорошо, но деньги.

7 (вторник)

Зашел к Н<иколаю> В<асильевичу>. Спит еще. Дал чек. В банк. Купил духи. К Юр.; у него Зданевич. Обедали втроем. Потом к нему. Моня повез его чуть не на траме. Хотел пойти в бани, но раздумал. Пришел Саша, пили чай, приехал Юр. с успехом. Ужинали у Альбера. Долго шли. Юр. ничего настр<оен>.

8 (среда)

Что? Приходил Зданевич. Потом скучный почему-то Юр. Обедали. Купил фарфор зачем-то. Были Щерб<аков> и Данилов. Заходили в фотогр<афию>. Не готово еще. Щербак пригласил куда-то смотр<еть> ковры, но хотел заехать через ½ часа. Юр. побыл, но торопились страшно. Я спал. Поехали на авто. Очень хорошо. Ковры <смотрел> равнодушно, русское лучше, хотя много хламу. Устал. Плохи дела очень. Понед<ельник> на носу, что делать? Юр. поехал еще в Эртелев, я домой.

9 (четверг)

Обеда нет. Измайлов не взял. Юр. пришел с Моней. Сунул мне денег. Все читали. Пошли. Моня трогателен покуда, но может быть наянлив. Обедали. Поехали к Юр., потом к Судейкиным. Встретили Адамовича и Божерянова. Зашли домой. Юр. опять расстраив<ался> и хорохорился с книгой. И потом все ругался. Дома была только Олет. Мило, но чуть скучновато. От балета меня отставили окончательно. Юр. читал свою прекрасную «Д<урную> комп<анию>»[4]. Да, познакомился он с Сережей Маклецовым и собир<ается> дружить с ним.

10 (пятница)

Юр. явился не мыт, нечесан и очень мрачен. Я поехал к Изм<айлову>. Чудный день. Ждал долго, потом говорил всякие глупости. Расск<аз>, кажется, пойдет в воскресенье[5]. Встрет<ил> Иванова. Юр. ушел уж. К нему хотел прийти Лурье. Юр. мрачен. Пришел Артур с Мандельштамом. Юр. читал, но был скучен и не писал сегодня.

11 (суббота)

Юр. явился рановато, довольно скуч<ный>; продал книги, поехали в café. Был Радаков. Зашли к Вольфу, смотрели мою книгу, взяли фотографии, купил он почему-то Cham'a[6], в «Огоньке» рассказ[7]. Обедали. Милый побыл. Потом в «Лукоморье». Рославлев, Иванов, Кузнецов. К Юр., куда должен был прийти и Маклецов. Он ничего, похож на Сомова. Сашенька принес обложку веселую. Поехали к Мосолову, меня почти не ждал, никого не было, денег не дал, скука была смертная. Провожа<ли> его сестру. А дела, деньги, работа?!

12 (воскресенье)

Не знаю, как быть. Не брился. Юр. пришел рано. Пошли к Судейк<иным>, там был Зайчик. Дела, балеты. Я как-то за флагом. Милы. Заходили еще к Мельницкому. Взял Судейкина. Дома обедали. Были в «Паризиане»[8]. Совсем не знаю, откуда достать денег. Погода отличная. Писал рассказ.

13 (понед<ельник>)

Был у парикмахера. С Изм<айловым> ничего сегодня не выйдет. Играл Скрябина у Чичерина[9]. Юр. к Маклецову не пошел. Читал прекрасную, прозрачную главу. Обедали хорошо. В «Стòл<ице и усадьбе>» какие-то хамы и дураки противные. Вообще, журнальчик[10]. Пригласили Северянина для «красивой жизни»[11]. Дома пили чай. У Юр. писал стихи, говорили хорошо. Но что мне скажут

завтра об деньгах?! Боже мой, Боже мой! Погода чудная. Сынок мой, Юрочка, дорогой, перерастет скоро папашу. Как хорошо.

14 (вторник)

Брился. Нет, только звонился к Измайлову. Плелся. Дали. Лечу к Юр., у него Моня, Мосолов, Иван<ов>, Манд<ельштам>. Там теснота. Гога, Росл<авлев> и Аусл<ендер>, и Кокоша у меня. Обедали. Звонил в «Стол<ицу> и у<садьбу>». Потом зашел, повздорил и взял. Был у Юр. Он не побыл и разочар<овался>, и я тоже. У Лурье были; я захватил с собою Сашеньку. Умер Скрябин от какого-то прыщика[12]. А может быть, это и другое. Мне кажется его искусство черным, и вот он умирает накануне осуществления самой большой вещи, мистерии наоборот[13]. Сидела там эта дура Звальта. Читал я. Юр. страшно сердился, волновался и в чем-то меня упрекал. Потом читал он и совсем впал в мрачность. У него бывают такие упадки.

15 (среда)

Вдруг письмо от Наумова[14]. Был у Семенова, дела ничего, разные планы. Торопит с романом[15]. Обещает 600 рубл<ей>. Юр. совсем в унынии, но побыл. Обедали, зазвали Щербака и Данилова. Потом Дан<илов> поехал к Юр., который купил Скряб<ина> и «Ифигению»[16]. В «Луком<орье>» сначала были в редакции. Вечер состоится. Марк согласился. Кажется, и обложка пройдет. Суворин привыкает. Юр., кажется, не скучал. Если бы все устроилось!

16 (четверг)

Получил. У Юр. сидел Зданевич. Потом Юр. не хотел одеваться, валялся, тоненький, томный и желанный, вдруг собрался быть, как au moment supr<ême> является Саша. Обедали. Сока не дают[17]. Были еще у Клочкова. Юр. купил отлич<ные> вещи, а я «Romans illustrés». Опять к Юр., потом к Неменчинскому. Луна волшебна, писать бы стихи! Было весело, ничего. У Ивнева не были и у Бруни тоже.

17 (пятница)

Отдал хозяйке. У Юр. б<ыл> Мосолов, или нет. Он пришел ко мне, потом яв<ился> и Юр. Они придумали какую-то комбинацию с «Луком<орьем>». Обедали. К Юр. явил<ся> Мосол<ов>. Я пошел к Суд<ейкиным>. Там был Вреден и Лурье. Играли Debussy. Отпр<авились> все к Кульбину. Он пел «Алекс<андрийские> песни», как певчий. Говорили о Скрябине, у Лурье была та же мысль, что и у меня[18]. Потом все отправились к С<ергею> Ю<рьевичу> в мастерскую. Показывали декорации. Отлично как-то. Кажется, и Юр. подбодрился. Говорил такие милые вещи, что у меня голос, любимый не только им, а вообще «любимый».

18 (суббота)

Матвей дал 35 р.; решил убедить Юр. читать, а самому не ехать[19]. Припл<елся> Сашенька, был Гишплинг. После обеда были у Вольфа. Пот<ом> я к Сем<енову>, Юр. куда-то. Вечер чудный. Юр. уже одевался. Нужно работать. Пришел домой, пил чай, читал Gresset до 11 ч. Заходил Зданевич, но боясь, что это с вечера, я его не пустил. Юр. спал. Сошло благополучно. Масса знакомых. Поехали к Палкину. Ничего, уютно, хотя и без вина. Встретили Альтмана, с ним Юр. побрел к Цыбульскому, где должен был быть Лурье.

19 (воскресенье)

Писал лениво. Юроч<ка> прибежал в волнении с аукциона, где купил гол<ландскую> карт<ину>, гравюру и кафлю. Были там коллекционеры. Потом пришел Щербаков. С ним и Данил<ов>; обедали, присоединились Жак и Ясный. Потом пошли под дождем в театр. Был Зайчик, О<льга> А<фанасьевна> и Лурье. Приятно было слушать[20]. Сговорились пойти к Палкину. Извозчики не хотели везти и всё грубили, так что мы кричали и обращались к городовым. У Палкина было ничего себе.

20 (понед.)

К Чичер<иным> не пошел[21]. Хандрю. Денег нет, тянут в суд. Снег. Юр. уже одет, торопился к Мелину. Тот нас чуть не спустил с лестницы. Пошли к Соловьеву. Долго там сидели. Обедали, смотрели книги. Юр. поехал домой, ко мне заехала Татьяна с Оглоблиным, потом явился и Юр. Все торопился к Ясному, не побыл. У Ясн<ого> сначала брился Жак и нас не пускали. Брил его маст<ер>, бывший у Дмитрия когда-то. Пили. Юр. что-то говорил с Ясным. Я согласился позировать на бюст[22]. Хамовато, но с вином сойдет.

21 (вторник)

Ничего не делаю. Все время народ. Я ли был у Юрочки, он ли у меня? Я, кажется. Обедали. Потом торопился я домой. Явился поздно Мосолов с Refreur<?>, Саша, Никс. Юр. повел к себе, я с Никсом к Судейкин<ым>. Все, значит, откладывалось. Там был Серж. Я очень плохо себя чувствую.

22 (среда)

Уныние полное. Лежал, читал. Юр. опоздал. Привел Моню и Адамовича. Пошли обедать. Зашли в «Лукоморье». Мой рассказ набирается[23]. Обед отложен. Чем-то подбодрился. Дома Юр. Хорошо побыл. Пошли зачем-то к нему, потом в «Лукоморье». Цен-

зор принес «Журнал журналов» с грязною руганью насчет «Плавающих»[24]. Все-таки на меня подействовало неприятно. Денег ни копья. Встретили Каннегисера. Сошел<?>. Провожали Юр. Звезда светила ярко. Как-то будет завтра?

23 (четверг)

Уныл. У Юр. не было никого. Каннег<исер> принес денег. Обедали. Был Яковл<ев> и Сорин. Оба говорили о делах. Потом я зашел домой. Гости, сбираются в театр. У Юр. были Лурье, Мосолов и потом Лёнечка с концерта. Пели, читали, было приятно. Тепло на улице. Тянет поехать куда-нибудь.

24 (пятн<ица>)

Юр. пришел с Сашенькой, ругался из-за Судейкина. Потащил к Рославлеву, где спорили из-за статьи в «Дне», кипятились и расстраивались[25]. Ходил я к Матвию, там все благополучно. Обедали. Юр. ушел очень рано. Я что-то маракал. Все сны вижу разные. Да, приходил Цыбульский, скучный.

25 (суббота)

Кончил расс<каз>, и Юр. тоже. Пошел, продал книги, притащил 5 р. Пришел Данилов, поехали с ним к Альберу, где обрели Кокошу, Пронина и Палладу. В кинемо видели немецкую комедию. Все-таки надоела война. Ресторанная культура там есть, и потом гомосексуализм выраженный прельщает. Видел Вл<адимира> Ад<ольфовича>, злой-презлой. Дома посидели. Что-то завтра?

26 (воскресенье)

Что было? Масса какого-то народа, оставившего осадок. Рюрик, Никс, Кокоша, Адамович. Кокоша звал обедать, но мы остались. Юр. выходил, купил колбасы. Потом потащился к себе, потом затормошились к Гоге. Читал. Были Красные, Росл<авлев> и Вашков. Скука была смертная, но погода восхитительна. Я обид<елся>, что Юр. не был. Сам писал мало. Лень и мечтания, а время идет. Когда Юр. слушал воспом<инания> о Куприне, был милой маленькой душенькой, талантл<ивым> мальчиком, простым, робким и гениал<ьным>. Я их предст<авляю> детьми. Гога орет и обкладывается, Юр. печально улыбается сквозь синюю кисейку и изредка хнычет.

27 (понедельник)

У Юр. был Гишпель и Сашенька. Читал дальше «Жука»[26], был еще Мышелов. Саш<енька> пришел еще. Был и Кокоша. Юр.

был. Были у Каннегисера. Очень приятный рояль. Был Ясеин. Толку из него не выйдет[27]. Была сестра и belle soeur Лёнечки, в общем, было чинно, но ничего себе. Провожали Юр.

28 (вторник)

Что было, не помню. У Юр. был Моня, которого мы взяли с собою и подкормили. Пошли в «Лукоморье». Был там Рославлев. Говорил о рассказе. Днем звала нас Ольга Аф<анасьевна> на «Цирульника» или после него[28]. Сидели у Юр., ели ковбаску <*так!*>. Утром я много играл. Да и Моню-то я завел, он бегал по Спасской с розой, ища моей квартиры, обиженный на Юр., зачем тот не пришел. Рассказ о визите к Мережковским и Розанову. Вечером Пим спал и не вставал. Олет нервна, сцепилась с Юр. из-за Лермонтова. Лурье таинствен и ненадежен. Злочин<?> тупо армейничал. Лурье нас провожал. Чудные ночи. Юр. люблю и понимаю, как никто, и он меня тоже. Милый сынок.

29 (среда)

Был у Матвия. Денег не дал, но обещал аванс. Была там Рындина. Плелся к Юр. уныло. Нет. Он пришел, сволок книги, посидели в café. Обедали. Вышел бриться. Ясный вечер. Юр. пошел к Адамовичу. Я вернулся, пил чай, читал Бальзака. Как бы много я хотел писать! В «Лукоморье» было очень уютно. Был Розанов. Суворин разговорился и был мил. Марко любезен. Юр. притащил рецензию в «Гол<осе> жизни», где не нравятся «Плав<ающие>», но говорят обо мне достойно[29]. Юр. рад. Читали стихи. Жук<овская> пишет о сборнике, хваля меня[30]. Ремизов и Мозалевский издают книгу. Меня все это радует.

30 (четверг)

Рано поплелся к Матвию. Француженки идут из церкви. Вознесенье! Денег не дал, не говорил еще, хомяк! Юр. был в отчаяньи, капризничал, не хотел вставать, взял у Мони рубль. Потом обошелся; читали Гофмана. Рассуждали. Пошли, зашли в Тавриду, где был Трубников, потом к Юр. Еще вышел со мною. Завтра что-нибудь надо сделать. Тихо, мирно.

Май

1 (пятница)

Побрел к Чич<ериным>. Соня и французск<ие> деревенские новости. Поиграли. Взял денежек. У Юрочки кто-то был, как всегда. Обедали. М<атвей> Ив<анович> ничего. Бонди завтра[1].

Хозяйка Юр. просила денег. Что еще? Пришел Лурье с Кульбиным. Поехали к последнему. Играли Моцарта, хорошо говорили. Возвращались светло. Да, был в «Лукоморье». «Виктора» не берут[2]. Аус, Гога и Рославл<ев> какие-то сердитые.

2 (суббота)

Был у Матвия. Дождь, темнота. У Юр. Моня. Я надут. В «Бирж<евке>» не хотели давать, унижали меня. Юр. злился. Обедали. Была Петренко и Аверченко — вот соединение. Побрели зачем-то к Вольфу, в кинемо, даже хотел Юр. в кафе. Дома не был. Я надувался все больше. Объяснялись нехорошо. Сознался, что меньше любит меня. Пошел еще к нему. Все плакал.

3 (воскр<есенье>)

Голова болит. Юр. пришел и ушел в café. Забегал Бальмонтик. Юр. обедал. Голова болит. Побыл. Я спал, он писал. Прошло. Читал Бальзака с упоением. Так к Розанову и не попал.

4 (понед<ельник>)

Весело встал и писал. У Юр. никого не было. Прих<одил> Кокоша, читали статью. Дома обедали. В «Лукоморье». Мосолова послал домой. Записку дали. Пошли в café. Играли «Цыг<анского> барона»[3]. Сплавив Мосолини, отправились к Рославлевым. Он читал и собеседовал. Юр. крайне мил. Жалко, что для этого нужны истории.

5 (вторник)

Встал ничего себе. Поплелся под дождем в «Нов<ое время>», потом к Чичер<иным>. Играли. Завтракал, брился. Юр. одет. Писал план. Поехали в переплетную. Уютн<о>, чета, ребенок, труд, вроде Франса. К Федорову, обедать. К Денару, Шилову, там клуб вроде лесковского. Хорошо сидели у Юр. Его карточки покупают[4]. Какая-то дама не только купила все его изображения, но добивалась адреса и телефона. Говорили о нем, обо мне. Вышли. Молодой месяц. Как весело. У Рославл<евых> огонь. Кто-то есть. Ужинали у Палкина. Работа, работа! Боже, помоги мне! Терпения и трудолюбия! Юр. мне написал: «Поэту и музыканту, пренебрегая как романиста». Я обиделся слегка. Как хочется писать, устал, что ли? Помнить Бальзака и бить деньгу, — вот. Завтра? О, лень! Какие клятвы давать?!

6 (среда)

Писался. Клопы заели. Поплелся к Юр. Встретил Гри-Гри. Юр. ничего, писал «Жука»[5]. Заказал кольцо. Обедали. Встречали самых невероятных людей: Колесникова, Саломею, Казу, Курдю-

мова, Щеголева. Юр. почему-то побыл хорошо. Пот<ом> в café, я сидел дома, пил чай. Пришел, купил разные книжечки. Пошли. Был Садовской, Розанов, другие. Мило. Но когда же работать? Сегодня собирался. Все папиросы вышли. Даст ли завтра Матвий?

7 (четверг)

Позорно проспал. Поплелся к Сад<овскому>. Встретил Юр. Он обрадовался. У Семенова ничего. Может быть, <во> вторник, не больше 100. Видели Даманскую. Юр. огорчился. Были в café. Зовет Олет. Вдруг явился Бартенев. Соблазнил на вечер с вином. Пошли, беседовали о старине. Провожал нас.

8 (пятница)

Отпр<авился> к Чичерину[6]. Играли Штрауса. К Юр. Одет, не писал. Огорчен. Обедали. Видели Ясного. Купили хороших книжек. Дома приглашение от Бялковского и Садовского. Был милый Ремизов. Хорошо было очень. Юр. был радостен, милый. Увидел и Ремизова и Розанова. Так. Много говорили. Дружину вербуют.

9 (суббота)

Писался не плохо. Пришел Щербак, потом Юр. и Алперс. Обедали. Говорили о журнале. Опять плелись к Юр. Он забегал за книгами. У Садовского Ремизов-то был, но был и Чуковский, и Лазаревский, и Гордин, хулиганы и «братья-писатели». Юр. загрустил совсем и не хочет завтра к Розанову.

10 (воскр<есенье>)

Писал с открытым окном. Так как обед предполагали ранним, пошел за Юр. Заставил меня играть. Обедали. Пошли в café. Домой. Юр. затеял безобразный разговор, чуть не бил меня, что я не заставляю себя уважать, мало зарабатываю, живу черт знает как, его гублю, ему враг — и все мимо. Так проспорил время идти к Розанову. Потом смирился, но фальшиво, по-моему, настоящее — это его «вспышки», как он говорит. Голова разболелась. Мрачен Юр. и кисел, как не знаю что. Чтоб он был мил, надо не только денег, но и какой-то еще почет от дураков. Купили колбасы. У него гости. Опять замрачнел, надоело притворяться. Все хотел меня выжить, зачем я стесняюсь проходить через гостей и т. п. Плохо дело, «придется умирать тебе, бедн<ый> Алексей!..»[7]

11 (понедельник)

Зашел ко мне Садовской. Пошли к Юр., посидели. Юр. вдруг побыл. Явился Щербак, потом Сашенька. Поплелись к Альберу, в долг. Италия объявила войну, манифестации[8]. Обедали гос-

пода с 2-мя мальчиками. Саш<енька> достал ложу у Боронинена на «Бабушку»[9]. Щерб<аков> все беспокоился, чтобы позвали Вовку. Пьеса пустая. Юр. очень сердился. Я был небрит. Возвр<ащались> в темноте под дождем.

12 (вторн<ик>)

Что было? Хотели сидеть дома. Зашли в «Лукоморье». Юр. не взяли. Был Аус, Город<ецкий> и все. К Юр. хотели прийти Егор<ушка> Ив<анов> и Рославлевы. Написал стихи. Юр. в меланхолии. Рослав<лев> уютно беседовал. Пошли купили колбасы. Юр. зашел и чуть успокоился. Как он одинок, как я одинок, но в этом есть неисчерпаемая сладость.

13 (среда)

Был у Семенова. Просит вечером. Юр. писался. Обедали. Пошел в Летний сад. Говорил с Матвием о делах. Юр. ждал и замерз. Был Струве. Похудел, свадьба расстроилась, читал антивоенные стихи. Зашли в café. Был там проказный<?> ребенок. Видели в кинемо «Братьев Карамазовых», все-таки великолепно[10]. Юр. плакал, и я всплакнул. Ужинали у Палкина. Говорили хорошо. В «Лукоморье» было неплохо. Суворина не было. Нужно роман кончать. Вот так. Хорошо все-таки.

14 (четверг)

Что было? Обедали с Садовским и Жаком. Были у Клочкова, кажется. Что же еще? Не помню. Был кто-то. Бальмонт утром. У Юр. была масса народа. Адам<ович>, Ге<о>рг<ий> Ив<анов>, Григри, Вовка, Курдюмов.

15 (пятница)

Сегодня был кто-то. Нет, собрались у Рославлева: Садовской, Слезкин. Сидели в café. Поплелся в «Апол<лон>»; нет еще. От Матвия звонился. Не читал еще. Юр. был уже у меня. Пришел Лурье. Был у Юр., игрались. Гуляли, потом Юр. читал начало, я не был в восторге. Он огорчился, разорвал.

16 (суббота)

Послал письмо Кульбину. Обедали дома. Как я ленюсь! У Кульбина прием. Поговорил. Юр. спал. Начал рассказ. Поехали в café. Потом что? Были дома, по-моему. Да.

17 (воскресенье)

Что было? У Юр. сидел уже Щербак. Пошли в Тавриду, пили чай. Потом обедали. Щерб<аков> не пришел. Ползли по тра-

му к Слезкиным. Сидели там до бесконечности. Скучно было адово. Что еще? Светло было, когда возвращались. Прислали все книги «Лирики»[11].

18 (понед<ельник>)

Проспал. Кажется, холодно. Бедные мы, бедные! Дописал рассказ. Разбили мою чашку. Юр. прибежал, принес мне «Gil Blas'a»[12]. Теперь у них плохо без прислуги. Обедали. Пошли к нему, переписщице<?>, в «Лукоморье», café. Встретили Додю и Суд<ейкина>. Потащились в Летний сад. Все говорил о балетах, в восторге от Потемкина, вообще изменился и хорохорится. Зашли к нему. Олет нет. Смотрели эротич<еские> книги Фукса. Провожал нас. Юр. обиделся на какие-то слова С<ергея> Ю<рьевича>. Он бедный и бесконечный милый. А дарованию его нужно только удивляться. Но как нам туго. Принесли исполнительный лист.

19 (вторник)

Переписал, послал. Холодно. Юр. спит без чая, хлеба, неубранный. Еле встал. Обедали. Пошли в «Лукоморье», Марк не приехал еще. Был Егорушка. Звонил всюду, никого нет. Не знаю, как и быть. Пошли к Юр. Он мрачен. У меня повеселел. Поговорили о разных разностях. Все вспоминает «Забаву дев» как блистательное время.

20 (среда)

Утром брился в долг, потом поплелся к Бонди; дал денег. Еду к Юр. У него все переставлено, сам был уже у меня. Обедали, потом шатались, шатались по кабакам, потом к нему, к Рославлеву, нет дома. Хотел в café, ругался, пошли к Альберу опять. В «Лукоморье» говорил с Марком — как я устроюсь!? Получил повестку.

21 (четверг)

Правил. Юр. пришел, побыл. Щербак пропал, что делать? Обедали. Встретили Пастухова, Антония, сплетни. Вчера не спал, хотел молиться. Потом проспал. Боже мой! Были у Клочкова. Юр. прислали корректуры. К Сологубам не пошел.

22 (пятница)

Приходил Пастухов, когда я еще спал. Проспал, злился. У Юр. ничего. Пошли обедать. Пастух<ов> со свиданья притащил собачьего жидка[13]. В «Лукоморье» с тру<дом>, но дал Марк. Повели Евдокимова и встретили Божерянова. Попили чаю, пошли к Юр. Принес мне о Ходовецком. Звонил Измайлову. Он говор<ил> ка-

кой-то вздор, что <у> Гаккебуш<а> завтра день ангела. Юр. целый день в меланхолии, рассердился, что я хочу платить долг. Пошли в café, он не хотел раздеваться, ему не дали чаю; в «Квисисану». Вообще болтанье. Встр<етили> Булыгина, Кокошу. Вот так. Как рано вставать?

23 (суббота)

Утром ездил. Дали. Звонил Изм<айлову>. Ничего. Встрет<ил> Сашеньку, повел к Филипп<ову> чай пить. Юр. уже встал. Был Евдок<имов>. Плелись почти всю дорогу пешком. Обедали. Предл<ожили> в оперетку. Юр. был очень кисел. Все было не по нем. Заставил меня купить папир<ос>. Переодевался. Опер<етка> ничего себе[14]. Ужинали. Все порывались в кабинет. Устал страшно. Решил не платить. Юр. спросил, как бы достать денег, он начал обычную канитель, бранил меня; ходили, ходили; решил быть самостоятельным, переехать куда-то, денег не брать. Я был всем этим убит. Заря розовая была прелестна. Но сердце опустошено. Не любит.

24 (воскресенье)

Карточка от Юр. Щерб<аков> будет в 2 ½ ч. Иду. Сидит, пишет: «Уйди навеки из мира, где Моцарты...» Спрятал. Холоден, как милостивый государь. Бедный, любимый! Начал говорить, опять тот же гонор и мечты. Не растаял, злобен страшно. Плакал, спал. Я читал письма мас<о>нов[15]. Это похоже на Ходовецкого. Пришел Митенька. Обещ<ал> в пятницу. Зашел Каннегисер. Пошли обедать. Зашел Ег. Иванушка *<так!>*. Он ничего, уютный. Юр. вдруг побыл, но успокоился ли — не знаю. Как сделаться? Тихо жить, писать роман и на будущее. Боже, помоги нам! Только бы проходили эти два дня.

25 (понед<ельник>)

К счастью, обед еще дали. Писал роман. Юр. пришел, все-таки обижен и холоден. Пошли в «Лук<оморье>»; там Судейкин. Юр. опять обиделся, что тот не принимает его в расчет. Зашли к Юр.; вдруг бежит за 3 версты, не говорит, идти не хочет. Наконец соблазнил Альбером. Поехал со мною. Были там 2 Философова. Суд<ейкин> привез Сорина. Поехали все-таки на Рыночн<ую>[16]; был там Лурье. Болела голова. Пели. Спорили о большом искусстве. Юр., кажется, развеселился. Перетаскивал книги.

26 (вторн<ик>)

Проспал. Кажется, деньги только в субботу. Ждал описи. Писал. Юр. пришел, принес начало романа. Зашли в «Луком<орье>», потом в кинемо и домой. Пристав составил протокол, но уверял,

что могут еще раз прийти и описать Леонтовичеву мебель. Под конец Юр. ворчал и сердился.

27 (среда)

Поехал в прекрасное утро. Дали без рассуждения. Щерб<аков> был с письмом. Придет завтра. Сидел Божерянов. Не попали в Эрмитаж. У Юр. сидел Гишплинг. Расхаяли «Венеру»[17]. Юр. обиделся. Так был кисел и у Альбера, кажется, почему мы не пошли в кабинет. Сидел славный мол<одой> челов<ек>. Зашли к Вольфу. Все по-хорошему. Сговор<ились> смотреть неприл<ичные> гравюры. Я пошел покупать пров<изию?>, а они купили флакон и фонарь XVIII в. Я очень рад, хотя, может быть, нехор<ошо>, что я пользуюсь слабостями Юр., чтобы его привязать. Пошли к нему. Потом в «Лукоморье». Розанов был. Были днем Сологуб и Судейкин. Рано ушли.

28 (четверг)

Только что расположился писать, пришел Каннег<исер>. Щербаков не был. Даст ли? как быть? Хорошо еще, что Леонтович не уезжает. Юр. пришел расстроенный и сердитый. Обедали как-то в шуме, очень рано. Плелись пешком. Заходили зачем-то к антикварю. Потом у меня спал, пил чай и ушел чуть не в 8 ч. Меня нервят эти светлые вечера, граммофоны и вообще лето. Но как же я устроюсь, если Щ<ербаков> не сделает? Не знаю, право. Еще хождения по гостям! А с Юр. не знаю, что делается. Ему лечиться надобно, по-моему.

29 (пятница)

Проспал немного. Вчера подсчитывал доходы, их не так мало. Но Щерб<аков> не пришел. Пошел на ура к Бонди. Встретил Валечку, он сказал: «Миша!» и так порадовал меня, напомнив многое, многое. Бонди еще не было. Перепл<етчик?>. «Огонек» даст много, не меньше (– крупные вещи), чем «Нива». Занимал меня секретарь. Был Городецкий. Все сделал быстро. Мило болтал со всеми. Юр. ждал меня, был в Эрмитаже, тронут. Обедали в кабинете, с вином и даже Кюрасо. Ходили еще. Дождик, тепло. Продажа цветов. В Москве погромы, пожары, волнения[18]. Юр. был хорошо. Пили чай. У Шилова Gotha's Almanach на 1787–89, но, кажется, без Ходовецкого[19]. Тэффи звала на Бальмонта[20]. Сегодня поработаю хоть немного.

30 (суббота)

С утра пришел Гишплинг, принес вишень, беседовал, но отнял время. Пошли к Юр., он что-то смутен. Прислали ему кор-

ректуры. Поехали обедать. Видели Щербака, но он не пришел. Каннегис<ер> с belle soeur продает значки. И он заходил. Поехали почему-то к Юр., встретили Жака, Ясного. Юр. устал, у Каннегис<ера> было неплохо, но Юр. чуть не влюбился в belle soeur, нервился. Сидели долго, допивая остатки вин и ликеров. Дождь. Денег ни гроша.

31 (воскрес<енье>)

Утром припл<елся> Саша в мизерии пить чай. Послал его звонить Щербаку, потом с письмом. Кисел<?> и засыпал. Юр. грустненький. Кое-как пообедали. Был Агашка и Ветерок с новым мальчиком из муз<ыкальной> драмы. Все пугает Юр., что в конце июля возьмут. В Москве-то отлично. Пошли, зашли к Судейкиным. Отличная квартира, но Юр. скис, обиделся и расстроился, зачем Сережа дал мне 5 р., зачем у меня несчастный вид, зачем не брит, зачем ему подарили плохие книжки. Все пошли в сад, и Алешка даже. Был Ветерок и Бабенчиков.

Июнь

1 (понедельник)

Встал поздно. Брился. От Балиева письмо. Щербака нет. Уехала Леонтович. Я не люблю, когда уезжают. Юр. пришел. Пошли обедать, взяли у Лариона ден<ег>. Обедал с нами Егорушка. Были знакомые. Звонил Матвию. Вышла книжка[1]. Поехал к нему. Говорили. В «Речи» меня зовут бездарным[2]. «Le mot est laché enfin»*. Юр. читал и уныл. Пошли зачем<-то> в café. Юр. не ел. Боится повинности, дела плохи, огорчается за меня, сердится на меня. Все-таки прежде не решились бы на это, и ни про кого другого не скажут. Книжка меня не радует как-то, или их очень много? Или они плохо изданы? что? Юрочка, золото мое, не перестал бы он ценить меня! Кто же теперь любит мои вещи? Я так одинок, не по компании (которой, может быть, и не ищу), а по существу. Нужно-то мне только Юр., да и он бы не ушел. А как же работать? Буду делать, что считаю нужным, вот и все.

2 (вторник)

Встал рано. Ходил опускать письмо и звониться. Митенька сам прислал письмо. Не верно, но обещает к субботе через Данилова. Приплелся Гишплинг, писал при нем. Написал Бонди[3]. Искал посыльного. Юр. уже был у меня. Что-то пишет, мне не читает, сек-

* «Слово, наконец, вылетело» *(франц.)*

ретничает. Пошли в «Лукоморье». Потом зачем-то в café. Бегает Козлинский. У меня Юр. посидел минут пять, ушел часов в 9. Прислуги нет, куда-то убежала. Это непорядок. Обкормили, по-моему, нас плохими сосисками. Яша рассказывал про Китай, хорошо. По вечерам скучно, играть бы, петь, гулять, воспринимать, а не воспроизводить, с кем-нибудь вроде Валечки. Балиев приехал. Даст ли он денег сейчас? Вдруг посланная от Судейкиных, уже после нужного для друзей времени. Там Лурье и Ветерок. Как жалко Юрочки! Играли. С<ергей> Ю<рьевич> бранил Лурье, мечтал. Было уже утро. Как мне скучно, скучно, скучно, какая лень! Боже мой!

3 (среда)

Плелся к Балиеву. В гостинице всегда много мужской челяди и мальчиков. Балиев напомнил мне Москву, жизнь, людей. Говорил и о Юрочке[4]. Купил духов. Юр. весел, худенький, трепаный. Побежал к переплетчику. Обедали с вином. Ходили по лавкам. Денег осталось мало. Был хорошо. Я устал. В «Луком<орье>» идти страшно не хотелось. Но поплелись. Ужинали еще на последние у Альбера. Так. Щерб<аков> не был. Белая ночь делает впечатление Австралии, места, где никогда не бывал. Вот так. Юр. тоже скучает.

4 (четверг)

Утром пришел Сашенька. Обещал зайти к Юр. До Бонди шел. Его еще не было. Дал. В конторе все любезны. Юр. одевался. Саша не пришел. Обедали, был с нами Каннегисер. Встретили Городецкого, потом Судейкина. Зашли к Шилову. Юр. смотрел неприл<ичные> гравюры, потом рассердился, зачем я ему не даю денег, орал на улице, опять вернул мне какие-то 10 р. Потом слегка успокоился. Меня послал вперед. Сидел Лурье и Юдин, разводящий панику. Потом Бабенчиков. Сережа пришел с Городецким, надутый. Юр. милый, талантливый, бедный до обожания, бродил. Написал ему записочку. Много играли до утра. Олет нас выпускала, стильно, но несколько неудобно.

5 (пятница)

Что было, что-то не помню. Обедали с Жаком и Ясным. Были у Вольфа, много стар<ых> французов, зашли к Шилову, где показ<ывали> неприл<ичные> карт<очки>. Юр. разобиделся, что я сказал, что у нас мало денег, скандалил, отдавал деньги обратно. Потом утихомирился. Ушел. Я писал печально. Юр. еще раз пришел. Поехали ужинать с вином, оставя послед<ние> деньги. Тротуар был розов от зари. Говорили опять о карьере, о моем характере и т. п.; ругал меня страшно Юр.

6 (суббота)

Сегодня случился странный случай. Снилось мне, что старуху нашу обокрали, вытащили корзинку и взяли деньги. И оказывается — все это случается на самом деле. Скандал и беспокойство на все утро. Юр. спал, был Саша. Обедали. Поплелись в «Лук<оморье>»; там надуты, пренебрежительны. Юр. денег не дали, он себе разбил глаз и щеку об дверь. Саша дождался. Присылали Судейкины два раза. Пришел Мосолов. Данилов не шлет, от Щербакова ни слуху, ни духу.

7 (воскресенье)

Встал весело. Писался. Была гроза. У Юр. дома, тот спит спокойно. Не сердит, но будто удручен. Пошли потихоньку. Хорошо обедали. Собрались оба писать. Является Рюрик. Пищал чего-то, не очень приятный. Потом пришел Лурье. Он очень милый. Рано ушел, и мы вышли. Ясно и холодно. Совсем не помню, какой был март. Все отходит. Рюрик был сегодня в Павловске. Неприятно вспоминать о тех. Только вот пишу мало и медленно.

8 (понедельник)

Ничего нет. Заходила Олет с розами. Болтала. Юр. пришел с Мосоловым. Скучный и усталый. Спровадил Мосолова. Оживел. Пошел продать кое-что. Я брился. Погода хороша. Зашли к нему. Не был. Читал о Бальзаке, вот бы так работать! У Судейк<ина> был Лурье, Евреин<ов>, Бутк<овская> и Радаков. Не знаю, не скучал ли Юр. Долго играли. Я сам смутен до последних.

9 (вторник)

Встал рано и весело. Писал. Чудная погода. У Юр. Яков. Сам мрачен до невозможности. В изв<естные> дни мы оба мрачны, потом как грех<?>. Обедали плохо. Пошел побродить. Я писался. Купил кое-чего. Пили чай. Читал. Ему не нравится. Вообще это роман не в его вкусе[5]. Побыл оч<ень> хорошо. Тараканы, мыши, клопы и обокраденная бабка меня одолевают. Что же никто мне ничего не шлет?

10 (среда)

Все ждал, что пришлют. Ничего нет. Приехал Бартенев, потом Лурье. Пошли к Юр. Говорили о политике. Обедали. Пошел к Матвию, а Юр. в «Луком<орье>» и café. Матв<ей> ничего не дал, а 25<-го> уезжает; обещал расчет раньше отъезда. Пришел домой, заболела голова. У Юр. не взяли. Грустно поговорили. Не писал, спать лег.

11 (четверг)

Встал рано. Ничего. Брился. Звонил. Щербакова уже нет, но в городе. Жара страшная. Заходил к Зайчику. Нет. Плелся через Летний к Судей<киным>. Спит. Сам занимает у Ветерка, дал 5. Олет спала. Светло, хорошо. Работает. Заходил домой, думая, не принесли ли денег. Нет. У Юр. сидел Егорушка. Показывал статью Неведомского, где меня зовут «божьей коровкой»[6]. Юр. грустит серьезно, занят писаньем, чем-то снедаем. Читал. Поехали к Альберу, взяли у Роберти. Зашли к Ясному. Сплетни. Плелись домой, купили игрушек. Юр. сразу загрустил, заснул. Граммофон орет, самовар шипит, Юр. спит, жара, денег нет, будто в Нижнем на ярмарке. Написать бы письма, хотя мне нужно скорее кончить роман. Он Юр. не нравится, тяжел. Ушел скоро. Завтра кое-как обед есть. Пошел было к Судейкин<ым> чтобы предупредить о завтрашнем и посидеть. Один Алешка. Суд<ейкин> с Колей уехали в Павловск. Олет с горничн<ой> гуляет. Тепло, туманно, любовно. Отчего Юр. так изменился? Я в него влюблен по-прежнему, но заботы не красят жизнь. Граммофоны неистовствуют. Чтоб быть знаменитым, надо умереть. Прежде было житье с мамой и у сестры, потом известный блеск искусства и жизни, теперь лямка без одобрения, без среды, без кружка.

13

12 (пятница)

Проспал. Писался. Не прислали. Впрочем, на мое письмо еще не могло быть ответа. Юр. пришел премрачный. Опять его мать хочет ехать. Пообедали. Поплелись в «Луком<орье>». Там был Ремизов, звал нас. Уличали кого-то в плагиате. Юр. помчался в café. Купил кое-чего, отнес письмо. Пришел опять на ½ часа. Явился Балиев прощаться, уговаривал ехать его провож<ать>. Говорил о моих рассказах, что я — мистик. Отстать бы мне мечтать. В «Луком<орье» были любезны. Но как я справлюсь с романом?

8

13 (суббота)

Утром писался немного. Проснулся рано. Будто кто утопился. Пришел Щербаков: мил, сплетни, обещал дать. Юрочка не очень кисел. Вдруг принесли деньги. Пошли. Покупали чего-то. Я вернулся. Пили чай. Пошел рано. Я его провожал. Говорили о журнале. Пошел меня проводить. Захотели вина. Кабин<етов> нет. Пришли Жак и Ясный. Юр. принялся было спорить, но потом обошлось и было довольно мило. А хотел сегодня кончить роман.

100

14 (воскресенье)

Думал всю ночь прописать, но заснул. Утром рано вставал, но проваландался. Брился. Ходил без пальто. Что-то уныло. И без денег плохо, и с деньгами беда. Юр. спал. Встал веселый, читал отличный план, но потом что-то затуманился. Обедали с вином. Юр. много говорил. Пошли к антиквару, очень хорошему, купил чашку и petite poupée*. Попил чаю. Опять мутит. Думал уйти, я попросил остаться. Вышла ужасная история, он думал, что я решил. Вернулся, ныл, умирал, деньги истратил. Побыл, но горько все это. Потом разговорился. Может быть, это копит все злобу в нем. Когда же кончу роман?

15 (понедельник)

Встал не очень поздно, но писал плохо. Пришел зачем-то С. С. Позняков. Ходил за булками и отправлял письма. Юр. пришел с Судейкинс<кой> дамой. Нездоровится ему. Поехали в café. Был там Радаков; написал письмо в «Сатир<икон>». Зашли к Шилову. Там сидит отец старик и профессор. У Ромейко чудная икона. Обедали ничего. Куру ели. Юр. похваливал. Крепится, беднягин, а я страшно боюсь и за его здоровье, и за все. Поехал к Матвию, Юр. домой, — все мне ручкой махал. Ах, боюсь, что всего не даст мне он. Дал 25 р. Шел к нему Рославлев. Юр. дома. Побыл у переплетчика, доволен. Посидели, ужинали с вином, хорошо говорили. Уже темнее, слава Богу! Жак одиноко пил кофе. Шли, рассуждая на весь Невский, о Боге, папе, дьяволе. Встретили его правоведа. Как устроюсь, если Матвий даст мало?

25 р.

16 (вторник)

Вскочил чуть не в 5 часов. Видел, как просыпается двор. Тепло. Пишу, чуть клюю носом. Пошел бриться, в «Сатирикон», в иконную лавку, как во сне. Юр. спит, начал рассказ. Явился Гишпель, потом Саша, нет, это после. Были в café. Заход<ил> к антиквару. Совершенно не спавши ночь, все засыпал. Встретили Сашеньку. Лень и какая-то безнадежность: от лета, от жары, от отсутствия компании, от беспокойства за Юр. Дома обедали. Юр. читал Розанова. Сашенька кислился. Пошли к Юр., потом я к Матвею. Чудный вечер. Был там сначала Рославлев. Читал я. Потом пришла консерваторка. Рано лягу.

18

17 (среда)

Работаю из рук вон плохо. Так как старуха собиралась в суд, обедали у Альбера. Щербак, конечно, не явился, — вот и рас-

* Куколку *(франц.)*

считывай на него. Юр. нежен, но чем-то озабочен. Завтракал с Герном. Поехали. По дороге домой встретили Мосолова, кот<орый> плелся к Юр. Врангель умер[7]. Сидели, дремали. Пошли к Суд<ейкиным>. Страшная духота. Были там Крачк<овский>, художничек и Зайчик. Обещал не наверное в субботу дать ответ. Был ливень, потом прошел. Плелись домой печально.

3

18 (четверг)

Писал что-то плохо. Почему-то заплатил за электричество и остался без денег. Юр., милуша, не грустный, но ленится. Нужно больше сил и молитвы. Жара несосветимая. Да. Брился. Матвий зовет завтра, болен. Писал немного при Юр., он спал. Эта голова, руки, ноги, дороже мне всего на свете и неисчерпаемо меня волнуют. Никого не было. На дворе был бродячий фотограф. Ходил к Юр., забрать медь. Вот буду рад, когда кончу роман. Господи, помоги мне. Юр. спрашивал, не пятница ли сегодня, он тоже считает дни, по-моему.

19 (пятница)

Насилу наскреб денег. Писал плохо. Юр. одевался, кончил 2 рассказа. После обеда спал, все гнал меня к Юрьев<ичу>, кажется, хотя в café. У Матвея ничего. Читался. Была жидовочка. Дал немного. Хочет дать 300, но я не обойдусь. Постучал к Юр., он одет, поехали поесть в «Quis<isana>». Были 2 тапетки. На обр<атном> пути Соф<ья> Сем<еновна> лежала на окне, как испанка. Мало пишу, плохо сплю. Но скоро это пройдет.

10 р.

20 (суббота)

Утром пришел Алперс, передал от Мейерхольда предложение переводить «Dame aux camelias»[8]. Мне это очень нравится, кроме прибыли. Пошли к Юр., он спит. Читал. Потом побыл. Обедали хорошо. Захотел погулять. Юр. зашел в «Лукоморье». Я ждал внизу, но меня втянул Финити. Юр. огорчен. Обложку и корректуры напутали. Моя книга идет хорошо. Пошел в café, ругался. Я домой, встретил Гишпеля. Пили чай дома. Теточные разговоры. Целая компания. Юр. явился злой-презлой. Мать его все грозится приехать. Хотел было идти к Судейкину, но наскребли денежек.

21 (воскресенье)

Встал рано. Жарко. К Зайчику, спит. Брился. Встрет<ил> Ник<олая> Павл<овича> Рябушинского. Опять к Зайчику. Ничего нет. Пил чай с пастилой, вещи стоят. Дома был очень весел. У Юр. помрачнел, потому что от Семенова мало получу. Он всегда

считает 100 р. за 500. Обедал ворча. Пошли к Суд<ейкиным>. Там сидели, читали, спорили, унижали Юр. Провожали нас.

5 р.

22 (понед<ельник>)

Утром писался, но не дописал. Пришел Гишпель. Все не могу усидчиво работать: то вскакиваю, то мечтаю, то тешусь. Плелся к Юр. Тот уныл. Обедали. Пошел к Семенову. Там сидит Евг<ений> Влад<имирович>. Просил к 9-ти. Опять по парадной к Юр. Впечатление провинции. Юр. пишет. Поиграл, почитали. Юр. махал мне из окна. Матвий дал немного. Юр. ворчал, что я мало получаю, что его мать едет, что письма не отправлены и т. д. Потом опомнился и фальшиво повеселел. Ужинали с вином. Юр. чуть-чуть жаловался и немного экономил.

25 р.

23 (вторник)

Вскочил в 6 ч., хорошо писал. Брился. Юр. пришел очень поздно, я уже отобедал. Почитали. Пошли прогуляться. Встрет<или> Гранди. Пили чай у Филиппова. Судейкины без денег, сердитые. Потом обошлись. Играли, читали, мечтали, спорили о Флобере. Не знаю, как Юр. Почему-то вспоминал Кузнецовых, кондиторов <*так!*>, Валечку, Сомова. Так.

3 р.

24 (среда)

Жарко, не писался. Слегка болит голова. Пошел к Юр. Он одет, пишет хорошо. Пошли. После обеда пошел он в «Луком<орье>», я к Матвию на всякий случай. Он собирался в Павловск. Дал. Купил ягод. Старухи нет. Долго ждал Юр., пошли пить чай, потом прошлись и вечером ели. Хорошо было, ничего себе. Завтра звал Суд<ейкин>.

350

25 (четверг)

Рано встал. Ходил бриться, хотел купить «Агнесу», но лавка заперта. Вернулся. Юр. прибежал в новом костюме, с книгами от Клочкова, купил отлич<ного> фарфор<ового> мальчика. Весел был и любезен. Пошли к нему. У него мать. Вот неожиданно. Юр. плакал и не знал, что делать. Она страшно милая и молодая, но Юр. тяжело будет. Поехали в Мариинскую с мамашей. Потом Юр. ко мне приехал. У Судейкина были Кульбин, Бабенч<иков> и зашедший ко мне Маяковский. Он надоел слегка[9]. Юр. ночевал у меня, прелесть моя. Но потом сбежал от клопов на диван. У Бялковс<кого> выходит[10].

15 р.

26 (пятница)

Юр. спал. Пришел Сашенька. Решили мамашу переселить к Сашеньке. Перевозились. Вернулся ко мне. Обедали, зашли к Вольфу, видел проспект «Безумцев». Купили провизии. Сашенька засиделся и остался ночевать.

27 (суббота)

Встал рано. Сашенька кисел и не очень уютен. Вышел на почту, бриться, хотел купить бумаги — заперто, купил франц<узских> булок и поехал домой. Не писал. Юр. приехал поздно, сердитый. Не ел ничего в виде демонстрации. Сейчас же поехали. Вероника сидит одна, затхло там немного. Саша удрал куда-то. Все вякала, что Юр. не хочет с нею жить. Юр. сердился. Отыскивали костел. Юр. опять сердился. Сел на трам и почему-то доехал только до Невского. Там прошелся, ругаясь, от нас ехал Судей<кин> с Алексисом, приглашая к себе. У Юр. спорили, он какой-то странный, бедный, милый, но, в сущности не понимает, чего мне нужно, и очень враждебно к этому относится. На Марсовом был мрачный Жак, Сережа вчера где-то пропадал и сегодня нежничает с Ол<ьгой> Афан<асьевной>. Ушли довольно рано. Смутно мне необычайно.

28 (воскр<есенье>)

Утром писался немного, но больше спал. У Юр. был Гишпель. Мил и ласков. Читал. Обедали. Дождь теплый. Спаслись в кинемо. Какая-то тетошная драма. Хотели купить чего-ниб<удь>, все заперто. Пили чай. К Суд<ейкиным> не пошли. Вдруг Юр. побыл. Смотрел Сомова. Отлично, и в наших сверстниках была заслуга. Теперь большое падение. Дождь тихо каплет. Господи, устрой наши дела и дай терпения Юрочке.

29 (понед<ельник>)

Кончил роман. Юр. пришел с матерью. Обедали у меня. Говорили хорошо, читали. Она трогательная. Пошел в Таврич<еский> сад. Юр. мечтался *<так!>* о рассказе. Мил бесконечно. Пошли к Судейк<иным>, там Кокоша и Коля. Играли. Юр. рассказец не очень понравился. Это его крайне огорчило. Бедный, талантливый мой и действительно бедный, бедный! Сколько забот: мать, повинность, писания, со мною теснота, и мечты, и желания, в 19 лет-то!

30 (вторник)

Встал не очень поздно. Писал. Брился. Встретил Сашу, бредет от Юрочки. Тот одет, но спал, кажется. Печален, не писался, ласков. Расск<аз> не очень ему понравился. Поперли в café. Потом у Клочкова и Бозона<?> купил чудный фр<анцузский> жур-

н<ал> с Grevia Cham etc. Опоздали к обеду. Сам сидел уже. Обедали, смотрели книжки. Пошли к Юр. и <в> Тавриду, но Юр. нас сейчас же утащил. Болтали о Париже по-хорошему.

Июль

1 (среда)

Денег совсем нет. Проспал безобразно, но писал немного. Юр. унылый, не может забыть, что Судейкину не понравился рассказ. Обедали. Пошли в «Луко<морье>». Сидела Жуковская и мылила голову Марку, думает, что я — сатирик. Вашков повел нас в кофейню, потом к себе пить чай. Московские рассказы. Вздумали вторично пойти в «Луко<морье>», скука и сплетни. Все сволочи осмелели. Долго ходили с Юр. и беседовали о делах.

2 (четверг)

Кончил рассказ, но не переписал. Вскочил в 6 ч. Пришел Катышев, купил для перепечатки за 25 р. Брился. Взял книги. Юр. спал. Читал хорошее начало. Обедали плохо у Палкина. Юр. поехал к матери, я ждал с чаем и переписывал. Приехал не поздно. Привез чашки, рукопись, книги. Поехали к Юрьевичу. Он без денег, сердит; был Коко. Юр. бегал за фарфором, читал «Компанию», понравилось, но вещички его обесценивали. Юр. мил бесконечно и трогателен.

75 р.

3 (пятница)

Писался. Забегал 2 раза Сашенька. Жарко на дворе. Юр. спал. Не писался. Нежен. Побыл. Обедали хорошо. Потом были в café. Побродили по букинистам, но все как-то нас выставляли. Пили чай, потом поехали на поле. Там были Белкины и Бабенчиков. Пели, болтали. Гуляли по набережной. Юр., кажется, доволен, хотя и просит денег уже.

4 (суббота)

Все сплю. Юр. пришел скучноватый. Обедали. Пошли погулять. Взял «Дурн<ую> комп<анию>». Встретили Бялк<овского>, Фин<ити> и Кокошу. Рассказ набран. Побрели в café. Марко мирно молчал. Пили чай. Юр., кажется, приободрился. Говорили о балете. Вот так. День душный. В окне корячился ребенок. Как долог ему день и любезна жизнь, потом она хороша в старости. Подумал о маме, о смерти. Жизнь так коротка и так длинна, должна быть благолепна и прекрасна.

5 (воскресенье)

Какой-то размарин <*так!*> и жара. Писался. Юр. пришел с мамашей веселым. Обедали. Присылали от Судейк<иных>. Нежно сидели. Потом Юр. спал. У Суд<ейкиных> был Коля. Они одевали С<ергея> Ю<рьевича> в корсет. Пошли все в Летний есть мороженое. Сидел там Нурок. Судейкин беспокоился за себя и за меня, чтобы Юр. не заухаживал за Олет. Читали «Дурн<ую> комп<анию>». Юр. что-то запечалился. Тихо-тихо возвращались. Юрьевич говор<ил> о любви, что Юр. стал слишком homme de lettres et pas un amoureux*. Да, сегодня новый парикмахер дам<ский> очень мил, «но я уж не боец любовной рати»[1].

6 (понедельник)

Спал в другой комнате. Писался хорошо. Приплелся Сашенька, говор<ит>, что был у Юрочки, тот в 12 пош<ел> в café. Долго его не было. Вспоминая его меланхол<ический> вид вчера, я был полон подозрений. Он пришел не очень поздно, заходил к Судейкиным, гулял в Летнем. Обедали. Пошли в «Лукоморье». Тихи и любезны. Дома Юр. ругал «Луком<орье>» и т. п., пили чай, пошли, зашли к Беленсону. Затеив<ает> 2-й «Стрелец»[2]. Говорили. У Юр. не было прислуги. Пошли в Тавриду, но Юр. скоро все надоедает. Я даже никого не видел. Но смягчился Юр. немного.

7 (вторник)

Плохо писался, хотя встал не поздно. Поплелся в жару в контору. Брился. К Юр. У него Моня и Гишпель. Обедали с Моней, ходил под дождем и после него по магазинам. Потом поехали на Остров. Мамаша весела и завела знакомых. Какую-то горбунью. Потом были в кинемо, у меня пили чай и говорили по-студенчески.

(59)

8 (среда)

Писался ничего себе. Юр. вчера еще ходил в «Вену». Притащил разн<ые> вещи. Пошли в café, бродили. Обедали. Побыл. Попили чаю, пошли к нему. Он спал, я же читал скопческое дело[3]. Потянул есть окрошку. Где-то на Садовой. Никого не было. Дорого. На улице темно, молнии, народ — так страшно. Юр. отправился в «Лукоморье», я домой. Денег ни копейки.

9 (четверг)

У Юр. был Гишплинг и Моня. Я проспал и злился. Юр. хорошо писал. Моня раскисал. Что же мы делали? Обедали. У Юр.

* Литератором, а не влюбленным *(франц.)*.

ждали Беленсона, читая «Летоп<ись> села Горохина»[4]. Читали ему. Он все-таки тошный. У меня пили чай. Пошел к Судейкину. Он уехал. Одна Ольга Афан<асьевна>. Посидели немного.

10 (пятница)

Утром поехал в Павловск. Читал «Фоблаза»[5]. Там дачники и скука. Сидит Кинсачиха. Встретили меня ласково. Все хорошо. Бывает у них какая-то заваль. Поговорили. Юр. уже начал обедать. Были в café, кинемо. Пили чай, немного бранились.

15

11 (суббота)

У Юр. был Моня, Мосолов и мамаша. Пошли ко мне чай пить. Юр. купил квасу. У Олет был Володя, Алексик, но у меня очень болела голова. Провожали нас они. Юр. пригласил меня к себе, неизвестно зачем.

12 (воскресенье)

Писался дома. Болела голова. Юр. сам пришел. После обеда пошли в café, ко мне, к Бекману<?> под дождем. Там скучно ужасно, нагло и кисло. Голова болела. Лежал у Юр., он заснул сидя, как застреленный. Дома страшно все болела голова.

3 р.

13 (понед<ельник>)

Думал, что умру от головы. Наконец стянул ее полотенцем. Встал рано. Жара. Пошел к Марку, спит, ничего не оставлено. Опять домой. Второй раз прихожу. Вышел в купальном халате, уверяет, что остав<ил> у прислуги, а та убежала. Поперся, получил, брился. У Юр. Моня и уход<ивший> Гишпель. Все боялся, что заболит голова. Нет, ничего. Обедали у Альбера. Юр. пошел к матери, я встрет<ил> Валечку. Поболтали. Без меня был Щербаков. Долго ждал Юр. Потом пошли, он к правоведу, вернулся после часу специально будто на свиданье. Очень хорошо.

50

14 (вторник)

Встал рано, дух бодр, но носом клюю. Пошел писаться. Музыка выходит плоской и неуклюжей до последней степени. Неприятности: в «Сетях» почеркали, «Стража» без конца не печатают[6]. Когда я все поспею!? Матвий приезжает скоро. Юр. спал, раскинувшись, весь голый, бурно поворачивается, но так же гол. Я думал, я писал час, а прошло около 3-х. Боже мой, когда я все поспею? Был унылый Саша. Обещал зайти. После обеда Юр. побе-

жал к Федорову, верн<улся> с книгами. Саша опоздал страшно. Присылали от Олет, у которой Коля и Кульбин, но Сашенька все не уходил. Вышел за папиросами, много бродили; бегают девки и тапетки, светит луна, тепло. Попали почему-то в пустой ресторан есть окрошку. Деньги все истратили. А между тем сегодня отдал в починку портному. У Юр. было некое томление по блужданию и веселью, но у него нет настоящей веселости и он слишком занят своими мыслями, чтобы ему было весело. Мил крайне.

15 (среда)

Встал не поздно. Разбил очки. Юр. задумчив и печален, не писал. Как же поспею с Балиевым? Щерб<аков> не пришел, прислал письмо, денег, кажется, нет. Пришел Сашенька с Кампешем. Юр. мрачный ушел в «Лукоморье». Иду к Беленс<ону>. Он, по-моему, лежал с женою. Обещал занести вечером или днем. Сашенька нарисов<ал> мне неприличную картинку. Юр. где-то блуждал. Пришел поздно. Явился Мосолов. Болтали с Сашей. Пошли к Юр. пить чай и подкусить. Коля. Сегодня именины Вл<адимира> Вл<адимировича>. Боже, уладь все! Как тяжко.

3 р.

16 (четверг)

Ничего не прислали весь день. Писал у Матвия; лучше немного, но как поспею? У Юр. сидел Коля, а тот спал одетый. Потом пришел Гишплинг. Юр. помрачнел. За обедом явился Моня. Юр. фикал на обед и старуху. Вышли. Зашел к Беленсону. Все обещает. Юр. все рисует. У Щербака ничего нет. Сидит в унынии, играет «La belle Hélène». Плохи, кажется, его дела. Вышли вместе. Пошли к Юр. Сидят с Моней и понемногу усыпают. Юр. купил коечего. Пили чай. Но что же я буду делать — даже не могу поехать, ни обедать.

17 (пятница)

Встал не поздно, но все спал, писал мало. Никто не пришел и ничего не прислали. Ходил к Судейкиным, нет его. Книги Щерб<акова> удручили меня, будто десять баб меня обосрало. Придется Юр. заложить что-нибудь. Он не спал. Решил продать книги. С Моней ездили. Был бесприютный Сашенька. Продали Клочкову. В «Лукоморье» еще не набрали. Гога приехал. Обедали. Все тучится погода. Ничего не прислали. Вот гадость! Беленсонишка противный! Побыл Юр. хорошо, но вообще скучает, по-моему. У него читали мои стихи. «Вен<ецианские> безумцы» теперь мне не очень нравятся.

18 (суббота)

Поплелся в Павловск. Брился где-то на Звенигородской. Ехал милый паж с брат<ом>, сестрой и гуверн<анткой>. Читал «Лукоморье». Евд<окия> Ап<оллоновна> дома. Она рассчитывала на Матвия. Как я все сделаю!? Поспею ли? Играли декламации Вильбушевича, восторгались Бегуном, Моравской, Савватием, Сазоновым, Ивневым и Шагинян. Олет — божок. Юр. не совсем встал, был Моня. Было весело. Обедали хорошо. Потом у меня пили чай и толковали долго. Ни Беленсон, ни Щерб<аков> не были.

15 р.

19 (воскрес<енье>)

Что было? Ходил везде, нигде ничего нет. Беленсон уехал. Марк тоже. Судейкин не приехал. Случился такой вертиж*, что чуть не свалился. Олет одна. Сплетни. Ничего не поспеваю. Взял у А<лександра> И<вановича>. У Юрочки мать плачет. Вышли. Обедали. В мрачность впадали. Все надували звонки. То портной, то А<лександр> И<ванович>, то Коля. Юр. совсем надулся. Пошли к нему. А как же завтра?

6

20 (понед<ельник>)

Приплелся Сашенька, увяз<ался> бродить со мною, но он какой-то porte-malheur. Все еще не приехали. Устал как собака. У Юр. был тот же унылый Саша. Решили залож<ить> костюм. Юр. помрачнел, послал меня. Читал потом. Обедали. Зашли в «Лукоморье». Там все. Марк написал. Пошли к Рославлеву, пили чай, читал он нам, рассказывал о Москве. Юр. расстраивает повинность, что, действительно, неприятно, и даже очень[7].

20

21 (вторн<ик>)

Жара смертная. Ходил. Брился. Встретил Олет и Юрьевича. Они выходили из бок<ового?> дома Волкова. Поехал с ними. Раздав<али> подарки. Был Таиров. Ничего не заказывал. У Юр. Коля, достал ему 15 р. Юр. уходил. Купил картины и костюм. Я играл с Колей. Обедали. Покупали бумагу. Вечер<ом> пошли к Слезкиным. Юр. зашел к матери. Великолепный закат. У Слезкиных пожар, на двор не пускают. Постоял и пошел навстречу Юр., но разминулся с ним. Тихо посидели. Долго шли, беседуя. Нежен сынок.

45 р.

---

* Головокружение (от *франц* vertige)

22 (среда)

Пожалуй, придется Юр. идти на войну. Это же ужасно! Что мы будем делать! Он умрет или будет убит. Приход<ил> портной, поклеванник<?>. Юр. прибыл с Моней, дрался с ним. Потом спал. Пошли в café, погуляли и к Суд<ейкиным>. Юр. обедал еще раз. Был народ. Моня разводил панику. Озаров<ский> читал пьесу[8]. Хотел уйти Юр., но потом остался и даже зашел ко мне. Как печально все, как-то опустошено, я ни к чему. Не от визитов ли это в Павловск?

23 (четверг)

Проспал. Пошел на почту, бриться, к Судейкину. Было рано, прошел по Литейному, Летнему саду. Гелиотропы сладко пахнут. У С<ергея> Ю<рьевича> сидит Сорин и разводит панику. Я как во сне. Неужели Юр. возьмут? Будет зима. Буду посылать папиросы, шеколад *<так!>*, письма. Слабый, милый сынок. Оказ<ывается>, был у меня и ушел. Пошел к нему, хотя, конечно, он пошел в café. Как-то справимся? Обедал. Вышли в кинемо. Зашли к Филиппову попить чаю. Шведская драма мне понравилась[9]. Пили дома чай хорошо. Может быть, все и обойдется.

10 р.

24 (пятница)

Рано вышел. В вагоне ехал Лёвушка с известиями и сплетнями. Все думал о милом Юр., его повинности и т. д. Как не хотелось ехать. Единственно живой человек Борис, по-человечески рассуждавший. Никого не было. Евд<окия> в городе, Вол<одя> в Царском. Какой-то противный полячок, вроде Олега, Паллада — вот общество. Ничего нет. Какое унижение. Плелся к Юр.; нет дома. У меня. Обедали ничего себе. Ходил к Матвию дважды. Он ездил с пьянисткой. Анекдоты, рассказы. Юр. был у меня. Прислали ему бумаги, 2-й разряд[10]. Бедный! Как нежен, но смутен. Отлично написал сегодня.

10 р.

25 (суббота)

Все сидел и писал. Смутно от войны. Не пошел к Матвию. Юр. спит, как котеночек. Помогает сынок «Non piu andrai»[11], как поется в «Фигаро». Решил после обеда идти в кофейню, а я поспал. Пошел к Суд<ейкину>, он домой. С<ергей> Юр<ьевич> и Коля шли гулять, в Летнем встретили одесского жидка. Коля пропал с ним. Пришла только что родившая Оленька Семенова. Юр. с досками пришел. Вечера теперь темные. Все мечтаю о каком-то Василе. Юр. милый.

26 (воскрес<енье>)

Все переписывал. Тихо. Хорошо. Брился. Юр. пришел с мамашей. Холодно. Принесли ягод. Пишет хорошо Юр. Пошел к Матвию. Нет. У Юр. читал «Компан<ию>». Как чудно! Звоню. Дома. Огор<чил> меня. Плата только 14-го. Теперь дал 35 р. Разговаривали о политике. Юр. писал дома, и отлично. Ели у Альбера. Все вздорожало ужасно. Опять думать о деньгах. Не знаю, как и быть.

35 р.

27 (понед<ельник>)

Переп<исывал> и писал. Юр. принес Татьян<ин> роман[12]. Сам начал рассказ очень хорошо. Но сейчас же после обеда потащил в «Лукоморье». Там все: Гога, Вашков, Рослав<лев>, Мозал<евский> и т. п. Поплелись в café, забрел Мосолов. Гуляли с Герном. Пили чай, потом собир<ался> выйти, как пришел Щербаков и Маяковский. Шумели, потом вышли. Печально. Все что-то пищит у меня, как духи. Юр. не был.

28 (вторник)

Писал стихи. Больше ничего не поспел. Заходил было к Марку. Нет его. Брился. У Юр. Каннегисер. Съезжаются. Поехали к Озаровскому. Хорошо все-таки у него[13]. Спешили обедать. Стихи одобрили и выдали чек. Юр. спал у меня. Побыл. Были в café. Потом зашли к Суд<ейкину>. Он спал, встал не в духе. Ворчал, но потом обошелся. Какой Ходовецкий у Озаровского, первый сорт. Шли, мечтая об альманахе. Все-таки хорошо.

29 (среда)

Ходил в контору, дома писался. Обедали хорошо, наблюдая публику. Поехали к мамаше. Оттуда шли. Юр. мрачнился. Зашел в кинемо, опять расстроился. Горят болота, удушливо и скверно. У Суд<ейкина> был Марко, Рославлевы, Вася и Коля и Ольг. Ал. Юрьевич валял такого дурака, что едва ли что с альманахом выйдет. Вчера тоже аттестовал себя странно. Марк смягчился, идя домой, и был мил.

39 р.

30 (четверг)

Проспал. Переписывал. Юр. не спал. Коля был. Рассуждали. У меня всегда сидит полчаса. После обеда пошел к Матвию. Нет еще. Юр. никуда не ходил. Зашел ко мне поздновато пить чай. Пошли пошляться. Иллюминация, народ, будто Пасха[14]. Зачем-то все-таки забрел в «Квисисану». Поспею ли? Завтра ехать.

31 (пятница)

Поплелся, так как не было письма. Забыл книгу. Горят болота. Евд<окия> Ап<оллоновна> одевалась уезжать. Семенова не видела. Поехала со мною. Triste. Юр. одет и печален. Сидит с собакой. Обедали. Встр<етили> Щербакова. Юр. послал меня к Матвию, а сам пропал. Матв<ей> собирается в Павловск, ни гроша не дал. Дома Юр. нет. Говорит, что у себя ждал. Спал. Вышли к нему. Печально, холодно, собака разводит какую-то чеховщину. Играл я немного. Как же с деньгами?

9

Август

1 (суббота)

Решительно не знал, что делать. Был в «Лукоморье». Приехал Егор<ушка> Иванов. Были у Ромейки, Филиппова. Юр. пошел домой, я к Марку. Он один, растрогался, но нужна ассигновка от Суворина. Пил чай. Поздно постучался к Юр. Поговорили хорошо очень.

3

2 (воскрес<енье>)

Пришел Саша. Пошли к Юр., там мамаша и Былугин. Вышли вместе. Саша обедал. Юр. помрачнел от рассказа. Побрел куда-то. Сашà дожидался. Читали Готье. Потом пили чай и собеседовали хорошо. Юр. остался, чтобы быть, и потом хорошо говорил.

3 (понед<ельник>)

Такой же холод и дождь. Перепис<ывал>, брился, брел в контору, закупал провизию. Юр. спит один. Хорошо пишет. Обедали. Кругом беженцы. У Вольфа прислали опять роман. Поехали к мамаше. Сашà нет. Юр. даже подумывает поселиться втроем. Брели под дождем. Читали о Гисе[1]. Прислали коррект<уру>. Измайлов просит к середе[2]. Бялковскому, Балиеву — прямо Содом и Гоморра. Как успеть?

50

4 (вторн<ик>)

У Матвея писал музыку. Что-то не помню, что было. Обедали дома. Был Иванов. Болтал. О<льга> А<фанасьевна> прислала букет. Пили дома чай. Потом в café. У Суд<ейкиных> Юр. спорил с С<ергеем> Ю<рьевичем>, чуть не поругался, орали. Были Коля и Зизи. Провожали Зизи. Потом меня. Как я люблю Юр., умный мой сынок.

5 (среда)

Все-таки небритый отправился в Павловск. Дома. Масса интер<есных> мол<одых> людей, но я был не брит. Юр. ждал меня. Был Беленсон и Егорушка, без меня. Пошли в кафе, к Ромейко <?>. Хотели в кинемо, но было закрыто. Заехали домой, потом к Суд<ейкиным>. У Спаса строят лотки, целую ярмарку. Встретили Олет. Юрьев где-то пропадает. Играл «Фигаро». Серг<ей> Юр<ьевич> рисовал Юрочку, удачно. Он, голубок бедный, совсем сморился. С торжеством потащили домой.

25

6 (четверг)

Проспал. Злился. Болит голова. У нас на улице праздник. Брился. Видел Беленсона. Встретил Юр. с мамашей. Зашли смотреть портрет. Обедали у Альбера. Ко мне явился Маяковский, он хулиган, но детский какой-то. Рано улегся спать. Смутно что-то.

7 (пятница)

Писался. Юр. принес малины. Сволок картины. Я пошел в «Лукоморье». Там Жуковская, Садовской, ждут Ремизова. У Семенова столкнулся с Агашкой. Полоротый<?> все-таки. Юр. спал дома. Сейчас же потрепались куда-то. Были в кинемо. Ужинать хотели в кабин<ете>, но все заняты. Заехал ко мне, но не был.

310

8 (суббота)

Брился. Посылал деньги. К Юр. пришел рано. Пошли коекуда. Обедали с вином, но с красным. Были у Вольфа. Я выписал кучу книг почему-то. У Аванцо. Культ<урные> привычки. Поехали к мамаше. Просит снять Божер<янова> квартиру. Это бы отлично, как было бы уютно, хорошо! Только бы эта война кончалась! Ехали домой. Юр. отлично был, voulant à toute prix être perforé*. Но как дела наладятся? Боже, помоги.

9 (воскресенье)

Была мамаша с Юр. Обедали с Ветерком. Дурки сидели против нас и ерзали. Были в кинемо, по-моему.

10 (понед<ельник>)

Не помню, что было. Юр. попросил сходить в «Лук<оморье>». Сам ждал в café. Пошел с Егор<ушкой> Иван<овым>. По-

* Желая любой ценой быть проткнутым *(франц.)*.

том еще бродили, зашли ко мне. Юр. читал, потом мы с ним откровенно говорили. Кажется, он огорчился.

11 (вторн<ик>)

Юр. пришел какой-то расстроенный. У меня сидел Гишпель. Поехали рано. Забрали Каннегисера. Были у Вольфа, еще где-то. У Юр. говорили о его повести, которую он решил оставить. Были у Каннегисера, пили вино. Была какая-то родня. Устал я очень. Юр. приуныл. Ракитин женится, прислал приглашение.

12 (среда)

Проспал. Злился. Ничего не сделал, голова. Не надо мечтать. Поплелся к Юр. У него без меня были Цыбульск<ий> и Егорушка. Начал расск<аз>, не очень удачно. Пошли в café; были Садовс<кой>, Рославл<ев>, Добронравов. Обедали наспех. В «Лукоморье». Юр. расск<аз> уже в номере[3]. Дома Юр. совсем загрустил, меня гнал. Потом разговорились о «Плутархе», составляли списки[4]. Пошли к Рославлеву, там был Крючков и Добронравов. Ничего, хорошо. Шли, мечтая, при луне. Балиев расстраивает.

13 (четверг)

Кончил рассказ. Юр. скучает, да и есть от чего. Притащил картины. Поплелись обедать. Бродили, зашли за «Рус<ской> мыслью», там и «Mercure». Потом у меня пили чай. Не был. Пошли к нему, не был. Поплелись ужинать. Уныло ужасно. Сидел Сологуб. Вот так. Я устаю безбожно. Решили попытаться опять использовать Марка.

14 (пятн<ица>)

Всю ночь писал. Послал Марку. Потом посыл<ал> Балиеву. Марка застал. Говорил душевно. Предлагал издать у Суворина. Вышли. Всё встречали Рославл<ева>, Розанова, Князева, Ротина. У Юр. был Егорушка. Юр. сердитый. Обедали втроем. Юр. поехал к матери. Я домой. Купил кое-что. Писал. Пришел Иван<ов>. Поклон. Мил и оживлен. Читал стихи друга. Юр. долго не шел. Пришел, попикировался с Ив<ановым>, пошли к нему. Луна уже веронская. Я огорчился немного. Но ничего. Спать хотелось.

50

15 (суббота)

Писал и дремал. Пришел Кокоша с планами и рассказами. Потом Рюрик. Юр. явился. Кокоша завел шашни через двор. Юр. все не был. Пошли в кафе и кинемо. Дома пи<са?>лись, побыл напоследок, но после домой. Писать хочется до смерти. Олег убит.

16 (воскресенье)

Писал пьесу. Брился. В каком-то разморенном состоянии. Неизв<естность> положения, Юр. повинность, меланхолия, отсутствие денег и вообще все как-то удручают меня. Юр. пришел с мамашей. Читал начало пьесы и рассказ. Были в café, потом плелись к Кокоше, но не застали его дома. Встретили Данилова. Пошли к Олет, она печально вдовствует и потихоньку веселится. Коля наводит панику. Юр. заходил еще ко мне. Отчего, отчего мне так смутно? Неблагодарный я человек.

17 (понедельник)

Были всё какие-то народы. Пишу плохо, дела на войне неважны[5], Юр. скучает, денег нигде не дают сдачи. Бунты. Все в панике[6]. Были Кокоша, Саша, Цыбульский. Саша грустен, обедал у нас. Поехали они на Петербургскую. Ко мне пришел Данилов. Читал ему. Вместе поехали. Там были Слезкины, Егор<ушка> и Козлинский. Пили глинтвейн, рассуждали о бочке, что еще? Люблю Юр., но уходит что-то от меня.

7

18 (вторник)

Писался у Матвия. У Юр. был Щербаков. Грустно что-то. Пошли в café. Встр<етили> Альтмана, Садовского и Рославлева. Было ничего. Обедали. Потом Юр. ходил в «Лукоморье». Я присел было к нему, но он все отсаживался и гнал меня. Почему-то очень жаль все это время, что Сапунов умер, и как художник, и как приятель. Ужасно жалко. Юр. спал, потом пил чай. Вышли. У него еще сидел. Ужасно горько что-то мне и обидно, не знаю почему.

19 (среда)

Едет барышня. Ничего не делал, все спал. Заход<ил> Каннегисер, прит<ащил> журналы. Мил. Юр. пришел голодный. Были полотеры, тот, который мне нравится. Пошли в «Лукоморье». Много народа. С Гогой и Егорушкой пошли в café. Встретили Юрьева. Я рад всегда его видеть. Дома хорошо сидели. Пили чай. Беседовали хорошо. Но работа? деньги? покой?

2 р.

20 (четверг)

Ленюсь, как дрянь. Просто ужас. Ратники объявлены[7]. Юр. хмур и не мил, будто разлюбил меня. Пишет хорошо, но мало. Был Леня, дал 2 р., взял картинку продавать. Пошел я к Бейлису. Любезен, но деньги не наверное. Дождь, как из ведра. Пришел Ф. Иванов. Да, был Цыбульский у меня зачем-то. У него был обыск.

Поплелись к Слезкиным. Очень хорошая кварт<ира>. Свечи горят. Был Егорушка, Кокоша, граф и Марк. Мирно сидели. Перли пешк<ом>, но это приятно. Юр. не был.

21 (пятница)

Проспал, злился, ничего не делал. У Юр. был Леня и мамаша. Лукомского купили. Божерянова просит приехать. Обедали с Мгебровым и Чекан. Ракитин приехал, кланялся нам через альберовцев. Говорил с Неволиным. Были у Вольфа. Божер<янова> хочет сама остаться, что уже нас не так устраивает. Говорили с Мар<ией> Мих<айловной> Юр. что-то расхотелось. Он очень пришиблен воинской повин<ностью>. Пили чай, был perforation. Потом заснул. Просн<улся> с сонными глазками, сказал: «Миша, милый, меня в солдаты возьмут!» Я не забуду этого взгляда. Леонт<ович> приехала.

15

22 (суббота)

Утром явился Саша, у него что-то вроде холеры. Потом Кокоша. Зовет сегодня. Жалуется на Рославлева. Пришел и Юр., беднягин, простудился, хрипит. Были в «Лукоморье». Ходит там Брешко, Рослав<лев>, сидит Георг<ий> Ив<анов>, Бобышев. Были в café. Поехали все-таки на Торговую. Было вино. Поздно сидели. Устал я до смерти. Что-то со мною делается. Юр. отлично пишет роман.

23 (воскресенье)

Проспал. Злился. Болен, и Юроч<ка> болен. Кампеш пишет, что Саша болен. Еле-еле написал письмо Балиеву. Что делать? Юр. пришел с мамашей, отлично написал, но скучный. Поехали все-таки к Альберу. Агашка там восседал. Юр., как голубок, сморился. Дома пили чай. Поплелся к Беленсону, он уходил, денег нет. Паника. Завтра. Юр. собирался писать. Пел. Потом сморился. Я играл немного. Коля какой-то роман завел, не по нраву Ел<ене> Мих<айловне>, и его изгнали. Как скучно. Как много дела. Что погасло? Что? Не знаю!

24 (понед<ельник>)

Дождь. Переписывал. Марк спал еще. Беседовал с чичеринским швейцаром. Успокоительные они. Приехал Бартенев, в панике. Еще раз пошел к Марку. Там были Рославлев и Г. Иванов. Вышли вместе. Ехал со Степановичем[8]. Видел Мих<*нрзб.*>. Юр. не спал, поправляется, нежен. Захотелось обедать не дома в такую погоду. Поехали к Альберу с приключениями. У меня сид<ел> Ауслендер с делами. Обедали приятно. Были у Вольфа. Дождь льет, как у Достоевского или Юркуна. Заехали в «Лукоморье». Там Гога, Сережа и т. п. О книге ни гу-гу. Забрали Егорушку и поехали ко мне.

Юр. поплелся за баранками. Явился поздно со старым «Сатириконом». Божерянова согласна, просит 100 р. Не знаю, как решим[9].

25 р.

25 (вторн.)

Дождь. Удручает переезд. Но, может быть, и хорошо. Писал, спал. Никто ничего не приносил. Поплелся к Юр., послал Гаккебушу. Юр. лежал, не спал. Кажется, поправился, писался. Нежен. Обедали. Пошли в café под дождем. Беженцы сидят там. Зашли к Ясному. Юр. расположился с советами. Прибыл Жак. Около него живет Потемкин. Поплелись домой. Юр. писал, пил чай, был. Но кв<артира> меня гложет.

26 (среда)

Болит голова. Пришел Саша с полячком, всё торопят с квартирой. Брел к Матвию. Ничего не дал. Беленсонишка дал 5 р. У Юр. была мамаша и расстр<оенный> Гри-Гри. Юр. кварт<иры> не хочет. Написал отказ. Отлегло немного, но голова болит. Встретил Сережу Ионина. Был ранен, опять едет. Я почему-то обрадовался ему. Обедали. Пошел меня провожать. Пили в café. Видели Виттинга и Андреева. Аусы потолстели. Какие-то провинц<иальные> театральные мальчики у них. Да, были в «Лукоморье». Много народа. Бурнакин хвалит Юр. роман. От Измайлова странное приглашение на имянины. Сережа читал пьесы, заказы опять. Времени бы. Очень болела голова.

5

27 (четверг)

Голова не прошла. Светло. Мирно. Вот бы жить квартирой! Обошел нашу. Читал объявление. Хорошо почему-то. Но все сплю. Юр. отлично написал. Дома обедали. Писали. К Рославлеву не хотел идти. Пили чай. Заставил меня читать франц<узские> похабные книжки и воспламенил. Отлично был. Моя дева ходила и ворчала на дым. Проводил Юр. Захотелось к Росл<авлеву>. Передо мною шли какие-то гимн<азист> и студент, очевидно братья, болтали и пели, напоминая семейную жизнь. У Росл<авлева> уютно пили чай и болтали мирно. На войне чуть-чуть лучше. Совпало с команд<ованием> Государя[10].

1 р.

28 (пятница)

Написал стихи. Гонялся за Марком: и к нему, и к Рославлеву, и в обойный магазин. Ничего. У Юр. были Иванов и Адамович. Переставили мебель. Откуда-то достали 5 р. Обедали. Были в «Лукоморье». Выдали чек. Плелись на В<асильевский> О<стров>

с Наумовым. Он в панике. Тихо на Острове. М. М. сидит, моют окна. Мамаша скучает. Могло бы быть нашей квартирой. Как славно бы! Скоро Юр. призываться. Зашли к Рославлеву. Посидели мирно.

29 (суббота)

С утра, но почему-то не писался. Все сон одолевал, да и мечтать начинаю. Погода отличная. Брился, брел в «Нов<ое> вр<емя>». Магазин открыт, но не выдают. Встречал разных людей. Юр. пришел скучненький, но отлично написал. Вышли было к Слезкиным, но, встретя Иванова и Цыбульского, пошли к Каннегисерам. Они еще не обедали. Пришел студент Фунтик. Юр. сидел и тихонько говорил с сестрой Кан<негисера>, beau à craquer. Как я его люблю. Ушли рано. Зашел еще к нему. Там все переставлено уже.

30 (воскресенье)

Встал не поздно. У барышни с братом какие-то недоразумения. Он с утра в кухне: рубит котлеты, пьет кофей, беседует. Барышня притихла. Начал рассказ. К Юр. пришел страшно рано. Прибыл Гр. Гр., потом мамаша, она что-то ссорилась и плакала. Я ушел раньше. Как мне жалко несчастного Юр. Когда-то кончится эта дурацкая война? Обедали. Легли поспать. Вдруг приходят казанцы, но какие-то надутые и расстроенные. Пошли в café. Неспокойно и нехорошо. Митенька долго плелся с нами. Юр. зашел. Бедный, бедный. Кем он будет там. Страшнее всего, что многое его перестало привлекать, что прежде веселило. Все не могу поспеть всего сделать, вот главная беда, но как же делать, когда все так неопределенно и страшно?

31 (понед<ельник>)

У нас новая горничная. Солнце. Но покоя нет. Шел рано. Пристал ко мне Козлов говоря какую-то ерунду. Брился. Купил коечто, заходил домой. Юр. пил чай, выкупил белье. Обедали. К мамаше он не поехал. Всё встречали разных людей. Зашел в «Лукоморье». Там ничего. Обещали Рославлеву. Зашли ко мне. Без меня был почтальон. Юр. вдруг побыл. Получили. Пошли к Юр. Потом хотели в кинемо, но не захотели на «Чайку»[11]. Бродили. В Щербак<овом> переулке нашли смешную пепельницу. Весело как-то стало, как перед Рождеством. У Рославлева была сестра Соф<ьи?> Сем<еновны?>, читали «Дурную компанию». Ужинали еще. Видели Ясного. Письмо от général'я[12]. Что-то ждет нас впереди? Эта противная война все отравляет. Кому это нужно?

Сентябрь

1 (вторник)

Живем как во сне от этой повинности. Я понимаю, что все служат, что, может быть, так нужно (для кого?), что это не так ужасно, но не могу без слез смотреть и думать о Юр. Писал плохо. Был Гишпель. Юр. пришел поздно. Сейчас же поехали обедать. Сидел Шварсалон. <*нрзб.*>. Плелись. Юр. стригся. Улыбался мне в зеркало. Худой, мордочка милая, родная, в чем душа! где на него сердиться? Можно бы массу зарабатывать, но я ленюсь, как байбак, писем не могу написать. Пили чай. Спал он. Неужели будет это чудо, эта прелесть в окопах? Боже мой. Хозяйка клянчит прибавки и т. д.; долги, Юр. надо, повинность, а дела все стоят, и я ничего не делаю. Боже мой, исцели меня от лени!

2 (среда)

Ленился невероятно. Только в 2 часа принялся за письма. Нужно, правда, делать дело. Юр. одевался. Вчера был в «Вене» с Гишпелем. Ничего не писал. Обедали. Сейчас же пошли в «Лукоморье». Звонил Гиге. Он будто не очень рад. Юр. пошел в café, я в «Бирж<евку>». Долго шел. Говорил с Ал<ександром> Ал<ексеевичем> о Лескове и т. п.[1] Гаккебуш только завтра. Юр. был уже в Торг...* Гига читал роман, напис<анный> слогом: «еб вашу мать». Тепло.

3 р.

3 (четверг)

Проспал. Что делать? Потом опять спал, как дрянь. Пошел бриться, чтобы позвонить. Догоняет меня Миллер. Брился со мною. Пошел ко мне, все фикал, пошел к Юр. Гаккебуш меня обидел, на завтра. У Юр. мамаша. Совсем не пишет. Бедняжка мой. Его рожденье, и даже нельзя провести повеселее. И все не одни. Спорили о водке. Сейчас после обеда пошли. Я на Мойку, он в café. Ев<докия> Ап<оллоновна> одна, без денег. Потолковали. Пришел Рюр<ик>. Юр., радость моя, неуютно сидел, не писал. Купили всякой всячины и пошли ко мне чай пить. Бедный, милый навсегда.

3 р.

4 (пятница)

Под дождем звонил по трем телефонам. Ничего. Прямо свинство. Плелся к Матвию. Михайлов в форме. Гадко на сердце. Какая тут работа! Придумал рассказ отдать Марку. Юр. обижен и смутен. Обедали. Были в «Лукоморье». Сидели до бесконечности.

---

* Слово не дописано. Возможно, «в Торг<овой>».

Бурнакин сцепился с Юр. Опочинин салонничал. Уговорили завтра читать. Купили кое-чего. Пили чай. Промок весь. Завтра объявят ратников. Боже, помоги нам! Как надоела эта война. Кому она теперь нужна. А как писать нужно, Господи. Что-то будет завтра!

5 (суббота)

Вот объявили и ратников. Бедный Юр. бодрится, но на что стал похож. Встал рано. Писал. Пришел Саша и Кампеш. Писал при них. По-моему, испортил рассказ. Марку очень понравился. Выдал. Все время дождь. Встр<етил> Егор<ушку> Иванова. С ним поехали к Юр. Он не спал уже. Обедали втроем. Были у Вольфа. Потом пошли в цирк. Ужинали с вином и очень хорошо говорили. Бедный Юр., неужели его возьмут?

100 р.

6 (воскресенье)

Отлично спал и встал. Переписывал, хотя и засыпал. С этой повинностью прямо как камень висит. Юр. пришел без мамаши, грустный. Обедали, бродили еще. Он страшный бродяжка. Были в кинемо. Заходили в café с Даниловым. К Рослав<леву> — нет. Томился Юр. Заехал. Побыл. Бедный мой, все-таки он каприз<ный>, мнительный и трусишка, а может быть, и действительно слаб. Все равно как перед дуэлью, операцией или казнью.

7 (понедельник)

Брился. Звонил. Нет. В среду. Покупал сахар, отнес рассказ. У Юр. Никс и Каннегисер. Я как во сне. Печально обедали. Без меня был Антоний и Миллер. Вышли в café. Миллер догнал и пошел с нами. Встр<етили> Данилова. Пошли ко мне, потом к Юр. Заказал ванну, я пошел купить поесть. Бедное сокровище мое! Читали Диккенса «Больш<ие> ожидания». Долго сидели, до 6 час. Вышли. Светло, ратники бредут. Повернул по Воскрес<енскому>. Может быть, долго не увижу. Боже мой, Боже мой! Кажется, в первый раз общественность меня касается, черт бы ее побрал.

8 (вторник)

Боже мой! Вот когда самый печальный день, так как он тягостен и для Юр. Прибежал, когда я спал еще. Отпустили до 2-х часов. Пришел Моня. Юр. оживленно рассказывал. Ушли. Как печально. Вдруг является. До завтра, но сам изменился. Во-первых, болен, во-вторых, в отчаяньи. Спал. Плакал навзрыд. Боже мой, что же это будет? Лопнуло второе электричество. Что же это будет? Вчера было благолепное прощание, сегодня паника и ужас.

9 (среда)

Что делать? Какая пустыня. Все время мысленно молился. Солнце ликует. Забрел к Исакию. Кончал обедню старый священник, будто детство и будни. Господи, спаси нас! Зашел в «Бирж<евку>». Ничего нет. Что делать?[2] Как лунатик, пошел на Мойку, встретил Вал<ентину> Серг<еевну>. Дала. Звонил Марку. К нему поехал. Спит. Оставил записку. Домой. Был и Юр., и мамаша. К нему. Отлож<или> до пятницы, на комиссию. Боюсь радоваться, но он приободрился. Говорил весело. Не смею надеяться, но надеюсь. За что? Надеюсь, но трепещу. Ходили в магазины и в кинемо. Пили чай и читали Диккенса.

45 р.

10 (четверг)

Работал немного. Брился. Никого нет. Марк дал с нотацией. Гулял у него ребеночек. У Юр. был Моня. Обедали. Юр. все мрачнеет. Еще бы. Встретили массу народа. Были у Клочкова. Пили чай. Будто умираю. И Юр. как-то ни до чего. Еще из «Бирж<евки»> вернули. Откуда деньги? Боже мой, что будет завтра? что будет завтра? помоги нам. Как мучают. И кому это нужно?

50 р.

11 (пятница)

С утра пришел Сашенька и Кампеш. Сердце болело. Юр. пр<изывают?>; на завтра. Обедали. Потом изнывал и умирал. Вдруг он умрет? Господи! Заходил Егор<ушка> Ив<анов> и Мозалевский. Из «Р<усской> м<ысли>» письмо: не берут «Дурной комп<а-нии>»[3]. Какой несчастный день! Юр. рано, рано ушел. Как-то уходит он от меня, весь в животный страх и болезнь — ну и что же? Боже, помоги нам и ему. Второй день афронты.

12 (суббота)

Дождь. Побрел к Матвию. Недели через 2. Брился. Просил Измайлова. Зовет завтра. Да, с утра пришел Юр., усталый. Лег спать. Позвал меня. Побыл, бедный. Пришел Сашенька и мамаша. Пили чай. Юр. торопил с обедом. Все молчит и сердится. Он очень болен. Спал. Я писался. Поплелись к Слезкиным, но раньше к Рославлевым. Был Садовской и Кокоша. Скучновато. Бедный Юр. Независимо от его повинности, неудачи литературной и пр., он серьезно болен и впадает в равнодушие. Что бы я дал, если бы он вдруг опять загорелся к искусству, жизни, но что для этого нужно? деньги? что? нет. Атмосфера некоторого признания, вот так. Не ломаю ли я его? Нежный сынок, но что же мне делать? Меня тоже он понимает один. Господь смило<сти>вится над нами, думаю. Но дела из рук вон плохи.

3 р.

13 (воскресенье)

Спокойнее. Юр. еще не смотрели. Но, кажется, и он спокойнее. Ушел домой. Был Ауслендер, Лурье, Никс, Рюрик, потом Моня. Ничего, но денег нет, и ничего не делаю решительно. Поплелись в café. Потом я к Измайлову. Юр. и Моня шли по Невскому. Это у самого кладбища[4]. Он мил, но было слегка натянуто и затонно. И потом он ничего, ничего не сделал. Я у него даже не попросил. Был Клюев, Корчемник и Добронравов с женою. Жена какая-то попрыгунья. В диктофоне Луговой, Тренев, Гинзбург. Я говорил. Дал мне Лескова с собственными (?) поправками. Дома тепло. Дали мне чая и пирога. Кормят. Что-то погасло в Юрочке ко мне. Скорей бы кончалась эта маята. Но деньги? дела? платежи? Ужасно! Завтра большой праздник.

19 (суббота)

Мои молитвы услышаны. Юр. освободили. Какая радость. Но, значит, он болен. Дождь. Сапог нет, денег ни сантима. Писал без памяти у Матв<ея> Ив<ановича>. Утром был Сашенька. Юр. не было. Пришел потом. Кто-то был. Да, Рославлев и Никс, приглашать. Были в «Лукоморье». Юр. милый, бедный. Побрел на Мойку писать. Обедали. Вл<адимир> Ад<ольфович> любезен, ничего себе. Ничего не спросил. Юр. спал. Не понравилось, что я написал. Решили идти к Цыбульскому. Никого не было. Кокоша, Пронин и какой-то тип. Мансарда с вонючей лестницей. Оркестр. Р<имский>-Кор<саков>, примеры. Все-таки хорошие вещи. Не был больше недели. Как с делами управлюсь, не знаю. Завтрашний день, как бельмо на глазу. Скорей бы проходил. Боже, помоги.

[18.50]

20 р.

*19 (суббота)**

Дождь. Проходил бы этот день. Звонился Кульбину, Измайлову. Юр. пришел. Потом Моня. Переписывал. Обедали. Юр. не был. Что еще? Плелся к Кульб<ину>. Он жаловался на Лурье, читал нотации. Оттуда в «Бирж<евку>». Приех<ал> в театр рано. Скучища. Юрьев и Рощина сидели. Нелепая кантата, и Глагол<ин?> в костюме Дмитрия стоял сиротою. Потом безобр<азное> исполн<ение> глупых пьес. Беляев мило читал[5]. Половины не доси<дев>, мчался в редакцию. Тыкался во все машины. В комнатке написал какой-то вздор. Не знаю, что выйдет. Было почти весело. Юр. ждал меня, голубь, но ленится, унывает и уходит. Мгебров с мейерхольд<овской> девицей подсели к нам. Денег уже нет.

15 р.

* Дата повторена Кузминым дважды.

20 (воскрес<енье>)

Дождь и слякоть. Переписывал. Напечатали рецензию[6]. Юр. усталый, ничего не может писать, обижал меня как-то. Потом побыл. После обеда побрел к Беленсону. Звоню к Чичер<ину>; приехал. Посидел у Бел<енсона>. Пошел к Чичер<ину>. Мирно беседовали. Юр. купил черн<ого> хлеба и огурцов. Поехали ужин<ать>; был Жак, Мгебр<ов>, Пронин, Цыбульский. Отлично говорили о Гофмане. Юр. бедненький. Завтра пойдет в «Рус<скую> мысль».

15 р.

21 (понед<ельник>)

Переп<исывал>. Проспал. Объяснялся с хозяйкой. Брился. Звонил к Изм<айлову>. Заходил к Марку. Он согласен. Юр. пришел с Моней. Потом Никс и Каннегисер. Полотеры. Долго не ехал Юр., вернулся опять с Моней. Вчетвером обедали. Поехал к мамаше опять с Моней. Я долго шел с Каннег<исером>. Он заводил неприятн<ую> тесноту, отрыжка Мойки и подл<ых> баб. Встретили Гишпеля. Никуда не пошел. К чаю приехали опять-таки Моня и Сашенька. Мирно сидели. Но Юр. все время не один. Начал жуткий рассказ про себя, про свое сердце.

25 р.

22 (вторн<ик>)

Проспал и злился. Голова болит. Был Щербак. Писали ноты. Юр. пришел с Моней, он уже поднадоел мне. Пошли в café. На мосту встр<етили> прехорошенького мальчика. Потом они пошли к Чацкиной, я зашел было в «Лукоморье», но там никого не было. Обедали, я лежал. Опять в Эртелев; был там народ. Дал мне чек на «Луком<орье>». Говорил с пер-Долиновым. Измайлова не было. Дома пили чай. Хозяйка делала фокусы. Рано лег.

23 (среда)

Утром отправился в контору и к Долинову. Планы, планы, работа, театры. Всех отыскивать. День чуден. Дома пришла мамаша, играл с нею в карты. Она милая. Юр. прискакал с билетом. У Чичерина мирно, беседно. Толковали. Играли. Беленсон просил зайти. Планы, планы! мечты, работа. Хорошо, но время XVIII siècle. До Юр. играл «Кармен». Брели. Встретили Егорушку; работать, работать, работать! Боже мой, помоги!

135 р.

24 (четверг)

Что я делал? С утра ходил бриться. У меня был Юр. и Сашенька. Чудная погода. Пошли в музей. Завтрак<али> у Аль-

бера. Видели Беленсона. О, сколько дела. Ничего не поспею. Без меня были Моня, Бальмонт, Алперс. Пошел к Семенову. Ничего. Только 15, ужасно. Сидел Сазонов. Звонил Гаккебушу. Ничего еще. У Юр. все еще Саша и Моня. Юр. нервничал. Купили провизии и уютно пили чай, рассказывая страшные вещи. Неужели Юр. так болен?

25 (пятн<ица>)

Проспал несколько. Поплелся с Саш<енькой> к Анатолию. Все хорошо. Но деньги. Зв<онил> Пастухову, был у Eudoxie. Подняла бучу из-за посвящения. Плелся. Юр. с Сашей. Юр. умир<ал> от голода. Пошли в «Лукоморье», кофейню<?>, потом к Паст<ухову>. Юр. с Дол<иновым> в café. С векселем ничего не вышло. Обещал не наверно завтра. Обедали; жена ничего. О журн<але> не говорил. Юр. злился. Пошли к Рюрику. Было по-студенчески. Клюев — это неудачный Распутин[7]. Холодно. Что будем делать?

20 р.

26 (суббота)

Не исполняю своего обета. Был Саша. Ничего себе. От Матвея письмо по какому-то делу. Юр. ничего пришел, раскаяния, но слабые. Пошел к Семенову, вдруг встречаю Кузнецова офицером. Блистателен. Поговорили. Хотел зайти. Оказывается, Волькенштейн ничего не понял в моем романе и М<атвей> И<ванович> также. Юр. читал. Стали обедать, пот<ом> побыл хорошо. Пошли к нему. Дорогой мой! У Каннегисеров была Чацкина, какая-то девица, Пастухов<?>, Адамович, Тарновский. Пели, играли. Юр. философствовал неистово с дамами. Чацкина благосклонно морщилась[8]. Она как-то *<нрзб.>*.

15 р.

27 (воскресенье)

Помещен мой рассказ[9]. С утра пришел Иванов, потом Каннег<исер>, пот<ом>, компанией, Юр., Моня и мал<ьчики?>. Юр. Нашел какую-то квартиру для житья с мамашей. Обедали, зашли в café, где видели Козлин<ского> и Каменского. У Слезкиных приемы днем. Были Рославл<ев>, Ег<орушка> Иванов, Долинов. Что-то скучное говорили о клубе. Потом поплелись в «Вену». Как мне скучно и страшно.

28 (понед<ельник>)

С утра пошел. Получил. Юр. спал еще. Завтракали, смотр<ели> кварт<иру>, видели Беленсона. Покупали что-то. Без меня был Аус и Саша. Балиев вместо денег прислал какую-то дурацкую телеграмму, смутившую меня донельзя. Поех<ал> к Ауслend<ерам>. Рассказывал о ссоре Садовского с Долиновым[10], читал пьесу. У Юр.

был Моня. Юр. мрачен, потащил к Альберу, где сидел Аверченко и где мы оставили посл<едние> рубли.

86

29 (вторник)

Что было? Был Кузнецов, блистателен и мил. Куда-то ходил. На почту, брился. Юр. перед тем заходил. Я топил печку. Молился, чтобы Юр. взяли. Ответа не дали. Попл<елся> в «Лукоморье». Юр. огорчился. Подлезал Бурнакин. Заходили к Каннегисеру; нет. Попили чай и зашли к Олет. Сказали, что нет дома. Потом вернули. Сидит с Артуром. Пили вино. Брели ничего себе домой.

5 р.

30 (среда)

Проспал. Был Каннегисер. Чацкина просит перевести из «Diable amoureux»[11]. В суд пришел рано. Встретил Сазонова. Его печатает Матвий[12]. В «Ж<урнале> ж<урналов>» ругают меня последними словами[13]. Все-таки все неудачи начались после переезда к Нагродским. Это было faux pas* едва поправимое. Нюшу оправдали[14]. Покупал провизию. Без меня был Саша. Долинов волнуется. Что мне делать? Юр. пришел с Моней. Мрачен. Поплелся к Аусам. Был там Кузнецов. Как все мне чужо и скучно. Молиться бы. И никого нет, кроме Юр., кто бы вполне понимал меня. Надина рассказывала разные психологические драмы Долинова и Конге, о Jacqueries Евд<окии> Ап<оллоновны> и т. п. Дома все еще сидели Юр. и Моня. Читали Диккенса, пили чай. Душа моя скорбна до смерти.

Октябрь

1 (четверг)

Зашел к Чичерину. Играли разные вещи. У меня были Юр. мам<аша> и Саша, и ушли. Обедали втроем. Саша шатался с нами. Мирно говорили. Вечером были у Олет с Артуром, играли Debussy. Юр. нежен. Балиев не шлет.

2 (пятница)

Утром явился Кузнецов. Юр. пришел, и Моня. Оба не пишем. Обедали не плохо. Был хорошо. Придумал рассказ. Юр. пришел с Моней. Читали «Давида Копперфильда»[1]. А дела? а деньги, а Юрочкин переезд?

(7) 629

* Ложный шаг *(франц.)*

3 (суббота)

Недаром томило меня предчувствие. Все уходит из моих рук. Это наказание за неисполнение обетов. Я все растериваю. Я дрянь. И что я буду делать? Проспал. Долинову ничего не сделал. Присылали за текстом. Вот. Ходил к Юр., тот в унынии, но упрямо укладывается. На меня как 10-пудовый камень, когда он такой. Избавился от повинности и никакого впечатления. Пришли мрачно домой. Я пошел за водой и булкой, он даже слова не сказал. Забегал Никс. Юр. закатил невероятную сцену мне, швырялся стульями, хотел уходить, вернулся, как вдруг от Балиева все вернули, без слова приписки[2]. Юр. плакал от досады больше, чем от обиды. Протопив печку, пошел к Матвию, а Юр., зайдя за фатальным Моней, в café. Москвич ждал. Беленсон вякал, что едва ли Канторович согласится. У Каннегис<ера> врывалась все мамаша, не надеясь ли застать нас en flagrant délit*? Не знаю, сделает ли. Юр. с завяз<анной> головой торопит Моню и опять начинает: «Что мне делать?» Болен, конечно. Боже мой, Боже мой, чья воля нас преследует? Собственная глупость, конечно, и злой нрав.

4 (воскрес<енье>)

Вешали занавеси. Все хорошо бы, если бы не расстройство Юрочки. Ему действительно, беднягину, плохо приходится. Беленсон, конечно, надул. Лёнечка не знаю, сделает ли. Переводил. Были народы: мамаша, Гишпель, Г. Иванов. Пили чай дома. Юр. опять нервился и упрекал меня. У хозяйки гости. Читали Диккенса. Боже, помоги нам.

5 (понед<ельник>)

Ужасно, прямо ужасно. Был Юр., Моня. Лёня ничего не сделал. Начал рассказ. Приходил хозяин. Юр. почему-то ко мне. Вечером бегал к Матвию, Беленсону, Марку. Сидел Розинер<?>, Опочинин, своя и другая компания. Юр. мил, но беспокоится. Не помню, что делали. Кажется, просто сидели. Написал письмо еще Сашеньке. Что-то завтра будет?

6 (вторник)

С утра отправился к Матвею. Зовет в 11 ч. Зашел к Марку, оставил записку. Пошел к обедне во Влад<имирскую> церк<овь>, потом к Матвею. Дал чек и 25 р. в контору. Нет. Звоню от Альб<ера>. Нет. Захожу в конт<ору>. Нет. Домой — нет. Опять в конт<ору> — нет. Попил чай. Домой — нет. Встретил Рославлева. С ним пошли. Везде ловили. Нет нигде. Дома сидели. Пришел Лёня, при-

* На месте преступления *(франц.)*.

нес 40 р. Юр. немного пог<одя?> пошел в «Сев<ерные> зап<иски>». Сашенька прискакал. Долинов волнуется, присылал Вольского. Поехал к Нечаевой. Юр. перевез мамашу. В «Лукоморье» дали чек и Кокоша 5 р. Долго ждал Юр. Чацкина вернула. После чая не побыл, а потащил на новую кварт<иру>. Потом забрали пустые чемоданы и пошли к нему. Опять не побыл, а чего-то укладывался. Ну, ладно. Не писал дома.

70 р.

7 (среда)

Зашел было к Долинову. Потом в банк. Встретил Скалдина. Долго говорил. Ахал, как я постарел. В театре действ<ительно> меня пронял холодный пот. В понед<ельник> премьера, афишу не подписывают[3], а у меня ничего нет. Сначала пошел к Юр. отдать деньги. Потом лечу к барону, в переписку. Бреюсь. Домой, пис<ать> прошение. К о мне Юр., у него Моня. Вместе обедали, поздно. Не поспел. Заехал еще к Долинову. Не хватает только, чтобы барон запретил пьесу[4]. К Юр. Опять Моня. Юр. позвал до 11 час. Мне надоело шатанье. Да и устал, да и огорчился немного, что Юр. так невнимателен. Все-таки бегал, бегал, кое-как устроил. Он же ругался, а потом все время таскает этого чучелу с собою. Очень загрустил я.

75

8 (четверг)

Утром был у Дризена. Получил. В управлении казенно и уютно горят лампадки. В театре передал, просят партий. Что еще? Зашел Кокоша звать. Был у Юр., писал, и он писал. Потом под дождем поехали. Был только Долинов и Иванов. Пили вино и говорили. Всю ночь писал. Юр., душа, был отлично.

9 (пятница)

Пошел рано в театр. Никого нет. Солдаты под предвод<ительством> Радакова хотят отбирать фойе. Музык<анты> играли. Занятно звучит. Но Пергамент écœurant* до последней степени. Юр. был, но сейчас же заторопился, так что я не говорил с Доли<новым>. Были в café новом, потом у Юр. был Моня. После обеда заходил к Чацкиной, много говорила о Юр., была мила, дала денег. Купил провизии. Заход<ил> к Беленсон, потом был у Юр., пили чай. Моня был. Рано лег спать.

20

* Омерзителен, тошнотворен *(франц.)*.

10 (суббота)

Брился. Беленс<он> говорил, что ничего не может. Репетиции в полном ходу, в костюмах. Сашенька волнуется, будто это — дягилевская постановка. Юр. был одет. Приш<ел> Г. Иванов, но что-то гнетет Юр. Обедали хорошо. Потом все хотели зайти. Да, Настя звала к себе. Зашли ко мне. Вдруг Юр. побыл. К Беленс<ону>; нет; у Юр. посидели.

15 (четверг)

Пропустил много с театром. Бьемся мы. Все прошло не плохо. Снег лежит мягко по-зимнему. Ленюсь невероятно, ничего не поспеваю сделать. Сегодня проспал до 2-х часов. Юр. пришел, когда я только я пил утренний чай. Захватили Мосолова на улице, но он как-то погас. После обеда пошли к Юр. Забежал Саша. Писал я ноты. Юр. спал, вдруг побыл. Пили чай, читали Диккенса, еще немного прошлись.

42 р.

16 (пятница)

Встал не поздно. Работал немного. Ходил к Матвию. Нет его. Звонили разные люди. Регинин умоляет[5]. Как бы поспеть все. Юр. уныл, мамаша тоже. Был Саша и Моня. Юр. отправился бродить, был в café и «Лукоморье». Моня вчера был у Сологубов; мне понятно, что они имеют против Юр.; ругали театр Долинова. Что-то неприятное, какие-то флюиды. Потом денег нет, дел не оберешься. Все ползет, всех растерял. Юр. грустит. Пили чай.

6

17 (суббота)

Утром пришел в театр слишком рано, сидел у Саши. Денег не дали, до вечера. Не знал, куда брести. Встретил Щербакова и Кокошу. Евд<окии> Ап<оллоновны> нет дома и Ясного также. У Матвея занял. У Юр. был Моня. Насилу его спровадили. Обедали. Поймали Долинова fils'a. С ним пошли. Грязен я был до последней возможности. Заходили с Юр. опять в театр. Директор ругается. Грязно. Опять к Ясному. Там день рожд<ения>. Людей видимо и невидимо. Юр. сейчас же прилип к какой-то девице. Меня облили крюшоном. Скучно было, почти не курьезно. Все жиды. Юр. совсем пропал. Я сидел в кабинете, вдруг один из гостей начал разговор насчет лжи в любви, как она опошляет того, кому лгут. Поздно ушли.

55

18 (воскр<есенье>)

Встал не поздно. Саша приперся. Пошли к Матвею, потом у Филиппова пили кофе. Погода ликует. Брился. У Юр. был Гр. Гр. Поехали к Слезкиным. Там страшный вздор. Я расстроился. Сидели до 8 час. Юр. пригласил Крачковского, у которого не было денег. Прозевал всех своих гостей, нервничал. Долго ходили, наконец признался, что вчера сделал гадость. Разводил некоторый демонизм, плакал, но потом будто успокоился. Как дела и деньги мне надоели, кто бы знал!

19 (понед<ельник>)

Встал не поздно. Что делал? У Юр. не был, он сам пришел. Да. Раньше был Моня, полный Сологубом. Это и был мой «юный поклонник». Юр. побыл. Потом пошли к Судейкину. Сидел там Сорин. С<ергей> Ю<рьевич> еще не приехал. Был Лурье. Все мило. Говорили об обществе. Выпал снег. Юр. стал опять что-то гонориться. Денег нет.

20 (вторник)

Проспал. Написал письмо Н<иколаю> В<асильевичу>. Тает. Очень хорошо. Юр. куда-то бегает. Зашел к Беленсону. Хвалят Юр. Семенов не все обещает. Звонил Аусу, Евдокии — уезжает. Вернулся домой. Писать бы. Юр. вернулся, якобы от Каннегисера. Пошли к нему чай пить. Говорили о детстве и читали Диккенса.

21 (среда)

Проспал. Темень страшная. Никуда не ходил, а зашел к Чичер<ину>. Поиграли. Брился. У Юр. был Моня, потом Саша. В театре бывают люди. Ставят пьесы. Бобиш. Торопиться нечего. Обедали вчетвером. Вздумал пойти на «Пелеаса»[6]. Поскакал за билетами. Был несколько разочарован. Прелестная муз<ыка>, но ужасно исполнена, и потом какая ерунда Метерлинк. Много знакомых. И Олет, и Артур, Кульбины, Зубовы, Лисенко, Зайчик, Гранди, Милеев etc. Ужинали.

75

22 (четверг)

Встал рано. Писал немного. Милеев очень мил. У Юр. был какой-то жидовин с Моней. Обед<али> с Зайчиком. Зашли к Клочкову и растратились. Дома у меня спал Сашенька. В театре меня не репетируют, вообще будто меня и нет. Приглашен Бобиш. Пошли к Юр. пить чай, так как приходила Оленька, принесла цветы и отгласила нас. Юр. впал в уныние, а я просто засыпал. Что-то будет, я не знаю, право.

23 (пятница)

Здорово проспал. Прих<одил> Мори говорить, что к Сорину завтра. Брился, был у Матвия. Бездна и ужас: только 2-го 100 рубл<ей>. Что делать? что делать? Не знаю. Юр. одевался. Все сны видит. После обеда пошли, купили кое-чего. Звонил Лёнечке, но тот сам нас позвал. Я проводил Юр. и вернулся.

24 (суббота)

Отправился на Мойку. Немного устроил, хотя глупостей и хвастовства наслушался вдоволь. Страшный холод. У меня был Юр. и Моня. Обедали. Зачем-то пошли к Юр. Потом в кинемо, где видели Агашку на экране. Юр. не хотел к Сорину, но, съев шашлыка, согласился. У Сор<ина> ничего, обще-петербургс<ки>. Была Карсавина, Ол<ьга> А<фанасьевна>, Лурье, Лукомский, Заяц и т. п. Ничего. Пили немного вина. Собеседовал и с Карсавиной. На диване 2 Оленьки и Харлампьевна с офицерами, Юр. и Арт<ур>. Мы сидели как большие. Ничего. Будто в старину.

50 р.

25 (воскресенье)

Встал не поздно. Пошел к Чичерину. Холодно. Подбирал музыку. Потом что? Отдал хозяйке. Топил печку. Писал. Юр. пришел. Чацкина была мила, говорит, может быть, и возьмут. Обедали хорошо. Юр. захотел идти на «Красу»[7]. Побыл. Я писал дома, потом у мамаши хорошо. Поспеть бы, поспеть бы! Хозяйка тоже была на «Красе». Юр. чем-то огорчился в моем рассказе. Общностью рассуждений? Чем? Не знаю.

25 р.

26 (понедельник)

Боже мой, сколько дела! Это окрыляет, но поспею ли? как? Все хочется, и не знаю, как сделаю, хорошо ли, верно ли, угодно ли. Выпал снег к вечеру, стало теплее и тихо. Проспал безобразно. Приплетался Сашенька. В театре какая-то неразбериха. Брился. Покупал чай и булки. У Юр. был Моня. После обеда пошел за сахаром, ждал. Был у молодцов. Тепло у меня, Юр. спит. Руки, ноги и дороже всего на свете! Пили чай. Потом прошлись, как на святках. Зашли еще к нему. Дело, дело, дело, дело! Да, Матвий обещает завтра.

27 (вторник)

Писал немного. У Матвия никого нет. Холод страшный. Ждал его до полов<ины> шестого. Юр. даже звонил. У него сидел Саша. Обедали. В театре ерунда какая-то. Моня пришел поздно.

Чуть не опоздали. Олет стала какая-то не совсем приятная. Плелись домой. У Юр. ничего не было. Разговорился под конец.

100 р.

28 (среда)

Мороз и ясно. Ехал к Сорину. Все-таки он жидовин. Накормил меня клецками, но я люблю позировать. Купил свечей. Моня и жидок уже ждали меня. Моня вчера написал мне акростих[8]. Пошли после обеда в café, потом покупали кое-что, как на святках, зашли в «Паризиану», хорошая америк<анская> драма[9]. Был без меня Божен. Тарахтят и интригуют. Читали «Копперфильда»*.

* Окончание тетради VI дневника. Тетрадь VII (с записями от 29 октября 1915 года по 12 октября 1917 года) в собрании РГАЛИ отсутствует, и нынешнее местонахождение ее неизвестно

КОММЕНТАРИЙ

Второй том дневника М. А. Кузмина включает в себя записи с 1 января 1908 г. по 28 октября 1915 г. (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 53, 54, 55, 56; вторая половина III и полностью IV, V и VI тетради дневника по авторской нумерации). Тетрадь VII (с 29 октября 1915 г. по 2 октября 1917 г.) была утрачена, по-видимому, еще в начале 1920-х гг. Таким образом, вторым томом настоящего издания завершается известная нам дореволюционная часть дневника Кузмина.

Его содержание — вхождение в театральный мир Петербурга, сотрудничество с Домом интермедий, Петербургским Малым театром А. С. Суворина и др. Кузмин активно утверждает себя в качестве homme de théâtre, а не только homme de lettres. За поставленную 1 мая 1911 г. в Суворинском театре оперетту «Забава дев» он получает щедрый гонорар — значительную по тому времени сумму в 2000 р. (Кузмину причитались постановочные и за текст, и за музыку). На этот гонорар Кузмин предполагал отправиться в Париж вместе с актером Н. Д. Кузнецовым, но путешествие сорвалось из-за кражи или потери денег. Личная жизнь Кузмина, после сравнительно спокойно проведенного лета 1908 г. в Окуловке, где он выступал в качестве режиссера и актера любительских спектаклей, в эти годы чрезвычайно насыщенна, запутанна, временами надрывно-истерична. Сюда вместились: разрыв с «башней» Вяч. Иванова и едва не состоявшаяся дуэль с Сергеем Шварсалоном; знакомство с героиней петербургской богемы Палладой Богдановой-Бельской и Вс. Князевым; романы с ним и офицером С. Миллером, тягостные разрывы с обоими любовниками; жизнь в неопределенном статусе «на хлебах» у популярной беллетристки Е. А. Нагродской и ссора с ней. Тогда же — из-за лакун в дневнике мы не знаем в точности, где и как, — Кузмин знакомится с Юрием (Иосифом) Юркуном, который стал его спутником до конца жизни.

В эти годы записи дневника часто были слишком лаконичны и изобиловали пропусками — от одного дня до нескольких месяцев. Отрывочно фиксируются в дневнике знакомство и дружеское общение Куз-

мина с актерами, причем в бо́льшинстве случаев не с игравшими на императорских театрах, а каботинами и каботинками разных фарсов и театров миниатюр. Такой круг общения, кажется, нравился Кузмину. К сожалению, публикаторам так и не удалось идентифицировать некоторых персонажей. Например, остается неизвестным, кто скрывается под прозвищем Зайчик (это был приятель Судейкиных и, по-видимому, сам homme de théâtre). В совокупности с утратой VII тетради все эти обстоятельства делают затруднительным, а зачастую и невозможным восстановление отдельных моментов биографии Кузмина. Записи становятся понятны более или менее адекватно только при наличии подробного комментария, воссоздающего контекст описываемых событий. Иначе скупые упоминания, например, о Доме интермедий ничего не скажут читателю, а это театральное предприятие занимало в жизни Кузмина того времени важнейшее место. Если читатель не обнаруживает комментария к очевидно нуждающемуся в пояснении месту, это означает, что комментаторам не удалось обнаружить материалов, позволяющих адекватно его истолковать.

Отметим также, что с записями 1909 г., когда Кузмин поселился на «башне» у Вяч. Иванова, корреспондирует ранее опубликованный дневник Вяч. Иванова. Это позволяет сравнить взгляды и оценки авторами одних и тех же событий при синхронном ведении своих дневников — возможность, нечасто встречающаяся в археографической практике.

Для тех, кто начнет чтение с этого, второго, тома издания, вероятно, потребуются некоторые пояснения к первым его страницам. Под «замком» подразумевается Инженерный, или Михайловский, замок, где находилась Николаевская инженерная академия. «Наш ангел», которого навещает Кузмин в замке, — юнкер Николаевского инженерного училища В. А. Наумов, предмет платонического увлечения Кузмина в 1906–1909 гг. В то время он был болен и лежал в лазарете училища, который также помещался в стенах замка. Сам Кузмин в начале 1908 г. жил на Таврической, 25, в том же доме, где и Вяч. Иванов, но не непосредственно на «башне», а в квартире, находившейся этажом ниже, где была устроена художественная школа Е. Н. Званцевой. Упоминаемые «девы» — это сестры Е. Н. и Н. Н. Званцевы.

Принципы передачи текста и комментирования остались в основном теми же, что и в опубликованном в 2000 г. «Дневнике 1905–1907». Записанные Кузминым со слуха искаженно фамилии (Ауперц, Анрэп, Ерны, Герцыги, Графьтио, Сноско-Сборовский, Танашевский и др.) или те, в написании которых он ошибался (Русслов, Канегиссер, Кузмин-Караваев и др.), даны в правильной транскрипции. Если же автор постоянно писал неверно, например: Прокофий вместо Прокопий, Каза Роза или Каза вместо Казароза, Она или Оня вместо Оона (а также топоним Исакий или Исакиевский собор), то такое написание сохраняется, равно как и разнобой в прозвищах, не имеющих точной транскрипции: Птифур и Петифур, Олет и Олетт, Гр., Гри-Гри, Григри. При раскрытии кузминских сокращений публикаторами дается правильный вариант: Прок<опий> Степ<анович>, Мар<ия> (а не Марья) и пр. Разумеется, правильные написания приведены в комментарии и Указателе

имен, а от кузминских вариантов к ним даны отсылки. Сохранено в тексте сокращение Юр. (т. е. Ю. И. Юркун), которое может производиться от фамилии или от ласкательного «Юрочка». В документах, цитируемых в комментарии, сохраняется ошибочное написание фамилии самого Кузмина как «Кузьмин». Не допускающие неоднозначного прочтения сокращения: т. к. (так как), т. е. (то есть), м. б. (может быть) для удобства чтения раскрыты без угловых скобок не только в тексте дневника, но и в цитируемых в комментарии документах.

Начиная с осени 1914 г. в конце некоторых записей появляются цифры, означающие, вероятно, наличную сумму денег Кузмина на данный момент. Кузмин после прекращения выплат «фикса» от Г. В. Чичерина не имел ни постоянного дохода, ни каких-либо сбережений и в буквальном смысле слова перебивался со дня на день. Позднее такие денежные отметки становятся почти обязательным атрибутом каждой записи. Не имея возможности их уверенно объяснить, мы воспроизводим эти цифры так, как они зафиксированы в автографе. В конце каждой тетради дневника, кроме того, находятся от одного до нескольких листков с денежными подсчетами — должно быть, гонораров. Эти записи не публикуются, поскольку едва ли поддаются истолкованию.

При комментировании мы указывали письма, полученные или написанные Кузминым, только в том случае, если они были обнаружены. Отсутствие комментария означает, что местонахождение письма на данный момент комментаторам остается неизвестным. С течением времени, как это знают публикаторы архивных текстов, они могут «всплыть» и тогда будут учтены в дальнейших томах нашего издания.

В отличие от *ДК-05–07*, названия гостиниц, магазинов, увеселительных заведений и прочих мест частых посещений Кузмина вынесены в особый перечень. Названия некоторых часто посещавшихся Кузминым оперетт приводятся в той форме, в какой их удалось определить по основным источникам (т. е. иногда без инициалов авторов и без указания времени их создания). В Указателе имен аннотируются только лица, упомянутые в основном тексте дневника.

Публикаторы приносят искреннюю благодарность American Council of Learned Societies за грант, предоставленный для работы над подготовкой дневника к печати, а также С. Гардзонио, М. Л. Гаспарову, Н. В. Котрелеву и И. И. Кузнецовой за консультации при переводе иноязычных текстов. Особая благодарность — П. В. Дмитриеву, активно помогавшему при составлении комментария, и Е. В. Евдокимову за уточнения в Указателе имен.

Принятые сокращения

Acumiana — Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1: 1924–1925. Paris, 1991; Т. 2: 1926–1927. Париж; М., 1997.

БВ — «Биржевые ведомости» (газета).

Блок — Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963.

Богомолов — Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.

Головин — Головин А. Я. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине / Сост. и комм. А. Г. Мовшенсона; вступ. статья С. Я. Сыркиной. Л.; М., 1960.

ГРМ — Сектор рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург).

ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

ДК-05–07 — Кузмин М. Дневник 1905–1907 / Вступ. статья, подгот. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000.

ДК-34 — Кузмин М. Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. статьей и примеч. Г. Морева. СПб., 1998.

Дмитриев — Дмитриев П. В. «Академический» Кузмин // Russian Studies. 1995. Vol. I. № 3.

ЕРОПД — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома».

Иванов — Иванов Вячеслав. Собр. соч. / Под ред. О. А. Дешарт и Д. В. Иванова. Брюссель, 1971–1986. Т. 1–4.

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы РАН (Москва).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Кузмин — Кузмин М. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб., 2000 («Новая библиотека поэта»).

ЛН — Литературное наследство. М., 1931–2000. Т. 1–102 (издание продолжается).

Мейерхольдовский сборник — Мейерхольд и другие: Документы и материалы. М., 2000. (Мейерхольдовский сборник. Вып. 2).

Минувшее — Минувшее: Исторический альманах. Париж; М.; СПб., 1986–1998. Т. 1–24.

МКиРК — Михаил Кузмин и русская культура начала XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990.

НЛО — «Новое литературное обозрение» (журнал).

ОРХС — «Общество ревнителей художественного слова» (до официального утверждения осенью 1909 г. известно как «Поэтическая академия» Вяч. Иванова).

ОТ — «Обозрение театров» (газета).

Парнис и Тименчик — Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Культура. Археология: Ежегодник. 1983. Л., 1985.

Переписка с Мейерхольдом — Переписка М. А. Кузмина и В. Э. Мейерхольда 1906–1933 / Публ. и примеч. П. В. Дмитриева // *Минувшее*. Т. 20.

Письма к родным — Письма Александра Блока к родным: В 2 т. М.; Л., 1929–1932.

Пяст — *Пяст Вл.* Встречи / Вступ. статья, подгот. текста и комм. Р. Д. Тименчика. М., 1997.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

РТ — рабочая тетрадь Кузмина конца 1900-х гг. (*ИРЛИ*. Ф. 172. Ед. хр. 321).

РХЛ — «Русская художественная летопись» (журнал).

РГАСПИ — Письма М. А. Кузмина к Г. В. Чичерину 1905–1907 гг. в Российском гос. архиве социально-политической истории (Ф. 159. Оп. 1. Ед. хр. 48).

Сомов — Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Воспоминания современников / Вступ. статья, сост. и примеч. Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979.

Список писем — авторский список полученной и отправленной Кузминым корреспонденции в *РТ*.

Театр — Кузмин М. Театр: В 4 т. (2 кн.) / Сост. и комм. А. Г. Тимофеева. Berkeley, [1994].

Труды и дни Волошина — *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1877–1916. СПб., 2002.

Тихвинская — *Тихвинская Л.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995.

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Юркун — *Юркун Юр.* Дурная компания / Вступ. статья В. К. Кондратьева; сост., подгот. текста и примеч. П. В. Дмитриева и Г. А. Морева. СПб., 1995.

WSA — «Wiener slawistischer Almanach».

1908

Январь

1. А. Р. Минцлова уезжала в Москву.

2. См. в воспоминаниях Л. В. Ивановой: «Отец был в высшей степени музыкален. Композитор, который связан со всей его жизнью, это Бетховен. <...> В первый год после смерти матери он каждый вечер выслушивал по сонате Бетховена, которая исполнялась Анной Минцловой, прекрасной пианисткой-дилетанткой» (*Иванова Лидия.* Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 33–34). Очевидно, Кузмин некоторое время занимался с Л. В. Ивановой музыкой. Впоследствии она стала композитором.

3. Среди планов Кузмина лета 1907 г. — повесть о мадам Гюйон. В *РТ* есть план повести и конспекты некоторых материалов к ней. В начале 1920-х гг. повесть включалась Кузминым в план серии «Новый Плутарх», однако написана не была. См. также: *ДК-05–07.* С. 369 и 375 (записи от 6 и 27 июня 1907 г.).

4. Имеются в виду мать В. А. Наумова и врач.

5. Подробнее об обстоятельствах выхода Кузмина из состава участников журнала «Золотое руно» см.: *Богомолов.* С. 199–200. См. также: *ДК-05–07.* С. 386–397; *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 57–61.

6. «В тесном кругу она <А. Р. Минцлова> играла сонаты Бетховена. Играла она невероятно плохо, не туда попадая, без ритма, тыкаясь носом в ноты, будто гонимая ветром, бесформенно и хлипко, давая им (особенно 4-ой) какие-то мистические и наивные объяснения <...> Но музыка Ан<ны> Р<удольфовны> слушалась с таким благоговением и так обставлялась, что поневоле производила впечатление <...> Сестры Герцык часто слушали эти сонаты, стоя на коленях» (*ДК-34.* С. 111).

7. В *Списке писем* за январь–февраль 1908 г. значится 4 письма от А. Р. Минцловой и 5 писем к ней. Обнаружить их не удалось. По всей вероятности, письма посвящены медитациям, которыми занялся тогда Кузмин; общий дух писем Минцловой, вероятно, отчасти можно восстановить по ее письмам к Вяч. Иванову этого же времени (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 2–3), некоторые фрагменты которых публикуются далее. Об отношениях Кузмина к Минцловой см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999 (по указателю).

8. О приезде О. Д. Форш в Петербург см. в письме А. Р. Минцловой к Вяч. Иванову от 3 января 1908 г.:

«Хочу только еще сказать Вам два слова о Форш.

Она приехала, она здесь — *совсем* безумная и прекрасная, как я ее еще не видела до сих пор. Она сегодня вечером говорила на

собрании — и всю эту стоячую воду „умственной" теософии, Петерб<ургского> направления — она всколыхнула до дна — если бы Вы видели, *что* она сделала со Странденом, какое мгновенное, чудесное превращение было с ним, тут же, на глазах всех, при всех нас, от слов этой безумной женщины, которая умеет говорить так, как никто сейчас не говорит на земле — Она хочет ехать в Петербург на днях, хочет видеть Вас. От того, что она сегодня вскользь сказала о „соборности" — бросив взгляд и улыбку на меня мимоходом — улыбку дикого зверя, пантеры — зажглось сердце мое. Я с ней еще не успела говорить, я ее увижу *сегодня*, она придет ко мне утром, *до* нашего общего (и решительного) собрания, чтобы поговорить со мной наедине, вдвоем» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 2. Л. 10 об.–11 об.). Упомянутый Д. В. Странден — известный русский теософ.

9. Вероятно, речь идет о рукописи сборника «Сети», изданного «Скорпионом» весной 1908 г.

10. Э. Дузе прибыла в Петербург после гастролей в Берлине 7 января 1908 г. «*Джоконда*» (1899) — трагедия Г. д'Аннунцио. См. в хронике: «Театр был переполнен и не скупился на аплодисменты. Артистка была особенно в ударе и подарила ряд моментов, которые вряд ли когда изгладятся из памяти» (Речь. 1908. № 9. 11 (24) января); ср. также отзывы Влад. Азова (Ашкинази) (Там же. 1908. № 10. 12 (25) января), Г. И. Чулкова (Столичная почта. 1908. № 15. 19 января (1 февраля)), А. Р. Кугеля (Русь. 1908. № 10. 11 (24) января; подпись: Homo novus), К. И. Арабажина (*БВ*. Веч. вып. 1908. № 102952. 11 января; подпись: Solus) и др.

11. «*Гибель богов*» (1854–1874, премьера 1876) — музыкальная драма Рихарда Вагнера.

12. Очевидно, предполагалось посвящение В. А. Наумову всей книги «Сети», однако оно было предпослано лишь циклам «Ракеты» и «Вожатый».

13. Свадьба С. М. Городецкого и А. А. Козельской состоялась только 15 февраля 1908 (печатное извещение сохранилось в нескольких архивных фондах — напр.: *РГБ*. Ф. 109. Карт. 16. Ед. хр. 53. Л. 7). Ср. также запись от 17 февраля (расхождение в датах на один день объяснить затрудняемся).

14. Слово не дописано, но определенно имеются в виду розенкрейцеры. О розенкрейцерских формулах ср. в записи от 28 января. См. также: *ДК-34*. С. 305–306; *Нефедьев Г. В.* К истории одного «посвящения»: Вячеслав Иванов и розенкрейцерство // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М., 2002.

15. Отчет о лекции Андрея Белого «Искусство будущего» см.: Русь. 1908. № 16. 17 января.

16. Возможно, именно эта фотография воспроизведена на вклейке в кн.: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996.

17. «Вольная типография» печатала книги Кузмина «Три пьесы» и «Приключения Эме Лебефа». Вероятно, визит Кузмина был каким-то образом связан с денежными расчетами по этим его книгам.

18. Опера Моцарта (1787), шедшая в Мариинском театре (см. запись от 22 января).

19. Имеется в виду одно из решительных объяснений с В. А. Наумовым, которое состоялось 6 октября 1907 г. (см. запись от этого числа: *ДК-05–07*. С. 412).

20. Об отрезах красивых материй, которые собирала покойная Л. Д. Зиновьева-Аннибал, см.: *ДК-05–07*. С. 484–485 (примеч. 15 к сентябрю 1906 г.). О собраниях, носивших название «*Гафиз*» или «Общество друзей Гафиза», см. подробнее: *Богомолов*. С. 67–98.

21. Имеется в виду «Кружок молодых», одним из руководителей которого был С. М. Городецкий (подробнее см.: *Пяст*. С. 88–102; также в записях *ДК-05–07* за октябрь 1906 — март 1907 гг.). На следующий день состоялось его чрезвычайное собрание (сохранилась повестка, присланная Д. М. Цензору, — *РГАЛИ*. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 6).

22. Судя по всему, имеется в виду упоминание Кузмина в письме Минцловой к Вяч. Иванову от 19 января: «Кузьмину я написала. У него очень характерное, ясное устремление, и будь у меня силы и возможность теперь, он быстро пришел бы туда, куда надо идти ему. Но я не могла как следует написать ему — Я *вся*, всей полностью и цельностью отдалась Вам сейчас, и мне трудно отвести взор от Вас» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 2. Л. 83 и об.). Для воссоздания картины отношения Минцловой к Кузмину в это время приведем также другие известные нам фрагменты ее писем к Иванову, где упоминается Кузмин. 2 января: «Кузьмину мой привет, скажите ему, что я о нем думаю»; 10 января: «Кузьмину я написала уже, в ответ на 1-ое его письмо. И напишу еще раз (я получила его письмо, *2*-ое, большое).

Напишу на днях, через 2 дня, вероятно (я немного устала сейчас). Я очень люблю его и с радостью помогу ему, хотя, боюсь, это будет трудно.

Вся трагедия его — в том, что он (невольно) переставил ступени, и прежде чем научиться *Vouloir* <хотеть — *франц.*>, вступил на ступень *Oser* <сметь — *франц.*>, и теперь надо это привести в гармонию. Я помогу ему, конечно, так как я увидела его, и когда увидела — полюбила» (Там же. Л. 30); 12 января: «Я еще хочу написать Кузьмину сегодня. То, чего он не поймет в моем письме, — разъясните ему *Вы*. В случае с ним — как и в большинстве случаев — является мучительность *невозможности* ожидать полного повиновения. А ведь *только* это — вполне развязывает руки учителю.

Возможность последних отречений, *не* связанная с властью *первых* требований, самых ничтожных, по-видимому, — для этого, чтобы преодолеть это, нужна, необходима такая исключительность натуры, организации, — и *такая* сила любви, соприсутствующей, помогающей, быть может, — изнемогающей минутами, но вечно живой, горящей, как Пламень Купины — У Кузьмина этого нет — Все, что я могу, я постараюсь сказать ему сейчас» (Там же. Л. 37об.–38); 14 января: «Кузьмину я написала. Ему я могла бы помочь *наверное*, но для этого нужна огромная затрата внутренних сил, так как у него это идет очень глубо-

ко — с прошлой жизни, и там есть *ужасное*, на что взглянуть мне сейчас очень мучительно и страшно.

Я ему написала в день 12-го, когда у меня была эта нечеловеческая головная боль — Вы знаете, как раз в то время, вероятно, когда у Вас было это решительное видение — 12-го днем — я лежала как мертвая, с повязкой на лбу, без сознания от этой боли, которая достигла апогея своего в часы 12 — 4 дня, 12-го — В 4 часа мне стало легче, я сняла повязку и сразу, тут же, стала говорить и смеяться с теми, кто был возле» (Там же. Л. 45 об.–46).

23. Видимо, Кузмин опирается здесь на письмо Минцловой к Иванову от 19 января: «О себе, дорогой мой, я должна сказать очень тяжелое — вчера я *не могла* написать Вам, так как со мной вдруг, без всякой причины и предупреждения заранее — был обморок, глубокий и неожиданный, часа два — Среди веселого разговора, не кончив фразы, я свалилась с кресла. Но говорят, что не был припадок болезни, которую так боюсь я, — кажется, это от малокровия.

Любимый, я не смею, не могу умолчать об этом *Вам*, кому отдала я свою жизнь земную. Но я умоляю Вас не волноваться, не тревожиться больше, чем это стоит — Я делаю все, чтобы остаться на земле, которую люблю, где я счастлива безгранично, безумно — есть мгновения, когда счастье *жизни* до того велико, что почти нет сил перенести его» (Там же. Л. 81–81об.).

24. На «Дон Жуана» Моцарта (см. выше, примеч. 18).

25. Вероятно, речь идет о кружке «последователей Кузмина», о котором см. примеч. 15 к марту 1908 г.

26. Об этом вечере в газетной хронике сообщалось: «В понедельник, 11 февраля, в Тенишевском зале состоится литературно-музыкальный вечер „Возрождение мифа в современной поэзии“. Вступительную речь на тему вечера произнесет Е. В. Аничков. В литературном отделении прочтут свои произведения, частью неизданные, С. Городецкий, В. Иванов, М. Кузьмин, А. Ремизов и Г. Чулков. Кроме того, в вечере примут участие В. Веригина, Е. Мунт, А. *<так!>* Щеголева, А. Голубев, К. Давидовский и В. Мейерхольд. <...> Между прочим, будет исполнено новое произведение М. Кузьмина под аккомпанемент (на фисгармонии) автора» (Речь. 1908. № 33. 8 (21) февраля; ср. также: Столичная почта. 1908. № 234. 12 (25) февраля). См. также в отчете: «М. А. Кузмин прочитал „Вожатый“ и сам аккомпанировал затем при исполнении трех песен из цикла своих „Мудрых встреч“ <...> Вечер затянулся до часу ночи» (*С. В. М.* Литературный вечер // Речь. 1908. № 38. 14 (27) февраля). В неподписанном отчете газеты «Столичная почта» между прочим говорилось: «Центральное место на этом вечере заняла речь Вячеслава Иванова, в которой поэт выяснил свое отношение к символизму. По его мнению, символизм заключает в себе два начала и может в природе своей различаться как символизм *идеалистический* и символизм *реалистический*» (1908. № 236. 13 (26) февраля). См. также: *Волошин М.* Похвала моралистам // Русь. 1908. № 99. 9 (21) апреля; *Богораз В. Г.* О мифотворчестве (По поводу литературного вечера) // Столичная почта. 1908. № 241. 18 февраля (3 мар-

та) (подпись: Тан); *Ауслендер С.* Из Петербурга. VII // Золотое руно. 1908. № 2.

27. Книга Кузмина «*Три пьесы*» была подвергнута аресту, и автор подлежал суду. Ср. дневниковую запись от 29 апреля — 1 мая 1908 г.

28. Утром 21 января Минцлова писала Иванову: «Любимый мой, Вы получили вчера телеграмму мою. А сегодня, сейчас придет к Вам и письмо мое. Я *так* боялась, что оно встревожит, взволнует Вас, любимый, светлый, бесконечно дорогой — И я умоляю Вас ясно и твердо отнестись к тому, очень большому, что свершается и готово свершиться.

Повторяю, я делаю *все*, что может сделать человек, обращаясь к земным средствам. Врач, к которому я обратилась, поехала тотчас же, как встала с постели, — страшно растерян и взволнован. Отменил вспрыскивание мышьяка, прописал какое-то отвратительное снадобье (из железа и мышьяку), глотать внутрь. У меня остается только огромная слабость сейчас, чувство, что земля уходит из-под ног куда-то — Боли никакой нет. Не было также ни одного (*экстренного*) кровоизлияния за этот месяц» (Там же. Л. 86–86 об.). Иванов, однако, в Москву не ездил.

29. В Турции в это время, под влиянием русской революции 1905–1907 гг., назревала так называемая младотурецкая революция, разразившаяся в июле (см. примеч. 15 к августу 1908 г.). Если серьезная пресса в эти дни хранила спокойствие, то газеты более «бульварные» обсуждали возможность русско-турецкой войны. См., напр., большую полосу с заголовками «Гроза войны» и «Призрак войны» в газете «Свободная молва» (1908. № 3. 4 февраля).

30. См. в письме Кузмина к А. М. Ремизову от 24 января: «...я назвал к Вам целую кучу гостей. Кроме Св<ятополк>-Мирского и Покровского придут еще Ауслендер и некий студент Позняков, которого я Вам представлял как-то в театре — приятель первых 2-х. Он ничего себе, только очень много говорит. Простите за самоуправство» (*РНБ*. Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 8).

31. См. в письме Кузмина к В. В. Руслову от 29 января 1908 г.: «Дорогой Владимир Владимирович, послал Вам книги и с уезжавшим вчера Андреем Белым „Per alta“. Принимая в соображение его звание поэта и заботясь об исполнении Вашего желания, а не о судьбе флакона, прошу Вас упомянуть, получили ли Вы его и книги, и в достаточно ли удовлетворительном виде» (*Богомолов*. С. 213). Ср. также записку от 28 января (*Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX в. Томск, 1999. С. 463) и письмо Белого Кузмину из Москвы от 30 января (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 387).

32. Речь идет о 3-м выпуске альманаха «*Факелы*», в котором участвовал С. А. Ауслендер, а Кузмин написал стихи для его повести «Некоторые достойные внимания случаи из жизни Луки Бедо».

33. См. в газетной хронике: «В понедельник, 28 января, в зале спб. музыкальной школы (Невский, 16) состоится XL-ой „вечер современной музыки“ <...> впервые будут исполнены произведения английских авторов, у нас неизвестных» (Речь. 1908. № 23. 27 января (9 февра-

ля)). Отчеты: Г. Тимофеева — Там же. 1908. № 38. 1 (14) февраля (подпись: Г. Т.); В. Г. Каратыгина — Столичная почта. 1908. № 226. 1 (14) февраля (подпись: Кар.).

34. *«Куранты любви»* — вокально-инструментальное произведение Кузмина, написанное осенью 1906 г.

35. Вероятно, имеется в виду собрание руководителей «Кружка молодых» (см. выше, примеч. 21).

36. Кузмин написал музыку к стихотворению «Breve aevum separatum...», историю которого рассказала О. Дешарт: «Как-то раз, зимою 1908 г., В. И<ванов> сидел за своим письменным столом, занятый очередной работой. Вдруг он услышал голос, медленно и внятно произносивший какие-то латинские слова. Он, не пытаясь понимать, стал их записывать. Голос диктовал монотонно, равномерно, потом умолк. В. И. прочел написанное — стихи <...> Перечитал. Стихи небезупречные. Есть ошибки. Исправить? Не решился. Оставил все как услышал. Потом напечатал в „Cor ardens" в виде вступления к разделу „Любовь и Смерть". Но всегда предупреждал читателей, что он не знает, его ли стихи эти или не его и что не удивится он, коли увидит их среди старых, чужих песен. Но нигде их не нашел...» (*Иванов*. Т. 1. С. 130–131). Ноты музыки Кузмина были напечатаны в виде приложения к «Cor ardens» и воспроизведены в собрании сочинений Иванова (см.: *Иванов*. Т. 2. С. 829–830).

37. Речь идет о письме Белого от 30 января: «Многоуважаемый, дорогой Михаил Алексеевич! Поручение Ваше исполнил. Почему-то хочется мне отсюда еще раз Вас поблагодарить за *„Мудрую встречу"* и за музыку. Музыку помню. Вы были так любезны, что обещали мне прислать слова и мелодии» (цит. по: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. С. 139). Ср.: Андрей Белый и Александр Блок: Переписка 1903–1919. М., 2001. С. 356–357.

38. О дате своего приезда Минцлова сообщила телеграммой 28 января: «Пишу ежедневно сегодня весь день с Вами молюсь люблю глубоко радуюсь вокруг Вас свет мне лучше приеду субботу Анна» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 3. Л. 45).

Февраль

1. Возможно, речь идет о состоявшемся 31 января «Вечере молодой поэзии и музыки» в Малом зале Консерватории, организованном «Кружком молодых». Стихи Кузмина читала В. Веригина. В газетном отчете сообщалось: «В. Веригина... Изящное, знакомое с эстрады чтение. Изысканные, сладкие до приторности стихи Кузмина. Эпоха манерной любви чужда зале. Она ее не понимает и права» (*Из молодых* [*Измайлов А. А.?*]. Новаторы в... консерватории (Вечер молодой поэзии и музыки) // *БВ*. Веч. вып. 1908. № 10312. 1 февраля). На вечере исполнялись также стихи Блока, Городецкого, Вяч. Иванова, Бальмонта. О выступлении на вечере Кузмина в отчетах не говорится. Вместе с тем мы обладаем сведениями о вечере, долженствовавшем состояться именно 1 февраля, но проверить, был ли он в реальности, не удалось.

2 января Кузмину написала его знакомая О. Блех: «Мне надо что-нибудь устроить в пользу бедных учениц той гимназии, где я служу. Концерты, любительские спектакли — это так надоело, так избито, что я не в состоянии браться за них. Я как-то сказала, что хотела бы устроить „вечер современного искусства". Мысль эта была встречена восторженно моими коллегами, а теперь мне не дают прохода, когда будет „декадентский вечер". Вся надежда, что вы не откажетесь участвовать, дадите мне возможность услышать с музыкой „Куранты любви" и вообще поможете мне устроить этот вечер». 29 января она написала еще раз: «Ваше молчание очень тревожит всех нас. Некоторые приводят меня в отчаянье<?>, что обыкновенно только обещаете участвовать и не приезжаете. Я уверяю их, что это случается только тогда, когда ваше имя ставят на афишу без вашего ведома, но на душе все-таки неспокойно... Еще и еще раз прошу вас быть непременно 1-го февраля, доставить нам это удовольствие. Пожалуйста, пригласите кого-нибудь. Наша публика только и просит дать ей ознакомиться с бóльшим числом лиц. А как насчет Блока, Волошина, Веригиной, Ремизова?» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 14). См. также упоминание о визите к Блех и досаде на «вечера» в записи от 18 января.

2. Обыгрывается название комедии Мольера (1673).

3. 19 января 1908 г. Кузмин получил от бухгалтера издательства «Шиповник» письмо, где говорилось, что причитающиеся ему 114 руб. 20 коп. будут выплачены 3 февраля 1908 г. (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 351).

4. С этими медитациями связаны многие стихотворения Кузмина, вошедшие в третью часть книги «Сети». Подробнее см. в комментариях к ним (*Кузмин.* С. 697–699), а также: *Богомолов.* С. 125–130. Ср. также ниже, запись от 7 февраля.

5. Имеется в виду соната Л. ван Бетховена. См. воспоминание о том, как Минцлова ее исполняла и истолковывала: *ДК-34.* С. 111.

6. Вероятно, имеется в виду положение рук на образе Богоматери Оранта.

7. Цикл стихотворений Кузмина, к которым писалась и музыка. Ноты сохранились среди писем Кузмина к Андрею Белому (*РГБ.* Ф. 25. Карт. 18. Ед. хр. 8).

8. В *Списке писем* значится письмо от «студента С.». Вероятно, подразумевалось приглашение на вечер 22 февраля (см. ниже, примеч. 22).

9. См. примеч. 26 к январю 1908 г.

10. Речь идет о поездке на вечер, описанный в газетной хронике: «Мода на новую литературу и ее представителей настолько разрастается, что поэты начинают разъезжать по провинции, как настоящие гастролеры. В Юрьеве 14 февраля, по инициативе „кружка студентов-юристов" устраивается большой вечер „Новой поэзии и музыки". После вступительной лекции прив.-доц. Е. В. Аничкова будут читать свои произведения — М. А. Волошин, С. Городецкий, Вяч. Иванов, М. Кузмин, А Ремизов, Г. Чулков и др. Устройство музыкальной части вечера взяли на себя участники „вечеров современной музыки"» (Речь. 1908.

№ 37. 13 (26) февраля; сходная хроника: *ОТ*. 1908. № 338. 15 февраля. С. 13). Ср. неподписанный отчет: «В 1-ом отделении читали свои произведения А. Ремезов *<так!>* (рассказы из „Посолони"), М. Кузмин („Ракеты", из „Александрийских песен"), М. Волошин (из цикла „Киммерийские сумерки"), Г. Чулков (глава из рассказа „Сулус", стихотворение „Гагара"). Г-жа Щеголева прочла ряд стихотворений Вяч. Иванова („Перед жертвой"), Федора Сологуба („Нюренбергский палач"), Блока („Клеопатра"). Несколько вещей Бальмонта, Брюсова, Вяч. Иванова прочла г-жа Рокотова. 2-ое отделение вечера была посвящено музыке <...> Перед началом вечера Е. В. Аничков произнес вступительную речь „Последние побеги русской поэзии"» (Столичная почта. 1908. № 240. 17 февраля (1 марта)). См. также: *Шор Т.* Как веселились бедные русские студенты // Радуга. 1996. № 4. С. 129–132; *Труды и дни Волошина*. С. 198.

11. Так Кузмин называет здесь падчерицу, позднее ставшую женой Вяч. Иванова, Веру Шварсалон. Поэзия Л. И. Андрусона воспринималась сторонниками «нового искусства» как явление вполне бездарное.

12. В *Списке писем* значится телеграмма от М. М. Замятниной. По всей видимости, она сообщала о здоровье В. А. Наумова.

13. В *Списке писем* значится письмо от «студента Д. Д. Д.».

14. В газетной хронике сообщалось: «Сергей Городецкий, издав последнюю книжку стихов, написал пьесу, женился и уехал в Крым. Перед своим отъездом он прочитал эту пьесу в одном литературном кружке...» (*БВ*. Веч. вып. 1908. № 10492. 7 мая). Речь идет о пьесе «Старухи».

15. Об отношениях П. А. Флоренского с Вяч. Ивановым см.: *Шишкин А.* О границах искусства у Вяч. Иванова и о. Павла Флоренского // Вестник русского христианского движения. 1990. № 160. С. 118–140; Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским / Публ. игумена Андроника (А. С. Трубачева), Д. В. Иванова, А. Б. Шишкина; Вступ. статья А. Б. Шишкина; Примеч. А. Б. Шишкина и игумена Андроника // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 93–120.

16. Имеется в виду отъезд С. А. Ауслендера в Италию, описанный позднее им самим в явно автобиографическом романе «Последний спутник» (М., 1912) и упомянутый Кузминым в рассказе «Высокое искусство» (см.: *Кузмин Михаил.* Плавающие путешествующие. М., 2000. С. 531).

17. В газетной хронике сообщалось: «Следующий очередной «Вечер Современной Музыки» в понедельник 18-го февраля (Невский, 16) будет иметь исключительный интерес ввиду участия парижской пианистки Бланш Сельва, которая исполнит новую сонату д'Энди и ряд фортепианных произведений Ц. Франка, Северока и Альбеница *<так!>*» (Речь. 1908. № 39. 15 (28) февраля; отчеты о вечере: *БВ*. Веч. вып. 1908. № 10361. 19 февраля; Русская музыкальная газета. 1908. № 8–9. Стлб. 215; Столичная почта. 1908. № 243. 21 февраля (5 марта) [вероятно, автором был В. Г. Каратыгин]).

18. Имеется в виду письмо Д. Д. Д. (С. А. Деринга): «Так не хочется, так больно теперь уезжать в Москву!.. именно теперь, когда у

меня появилась возможность познакомиться с Вами... Я многого хочу от этого знакомства... Пусть странно и не укладывается в обычные рамки начало нашего знакомства, пусть почти невероятна ошибка с письмом Вашим, попавшим не по адресу в другие руки... пусть ненормальна возникшая наша переписка, — но только, повторяю, я жду и хочу видеть Вас...

Очень зачитывался Вашими „Крыльями" и т<а>к дороги и милы были мне отголоски в них моих взглядов... В Москву я уезжаю на неделю. Вернусь обратно 2-го или 3-го марта. В среду, 5-го марта, я непременно буду в ресторане Quisisana в 11 часов вечера. Если Вам нельзя быть в этот день, напишите по тому же адресу в Институт. Д. Д. Д., но не раньше понедельника 3-го марта. Итак, до свидания <*Росчерк*>.

P. S. Многое могу рассказать Вам, еще больше хочу слышать Ваши рассказы. 1908 г. 19 февраля» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 13).

19. «*Оры*» — домашнее издательство Ивановых. Упомянутый план осуществлен не был, названные циклы составили третью часть сборника «Сети». В «Орах» вышел сборник Кузмина «Комедии» (1908), о чем см. в записях Кузмина и примечаниях ниже.

20. Публицист И. В. Жилкин, депутат 1-й Государственной думы, член ЦК Трудовой группы. Современников удивляло, как «этот нерешительный и очень мягкий человек поднялся в штормовую погоду периода Первой Думы на самые верхи полуреволюционной партии» (*Борман А.* А. В. Тыркова-Вильямс, по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен; Вашингтон, 1982. С. 82). После разгона Думы в 1906 г. подписал Выборгское воззвание и 3 месяца провел в тюрьме; в 1908 г. сотрудничал в газетах «Наша жизнь», «Товарищ»; позднее от политической деятельности отошел.

21. *Вейка* (от финск. veikko — приятель, братец) — финский извозчик. Ср. в воспоминаниях Бенуа: «Вейками назывались те финны, «чухонцы», которые, по давней поблажке полиции, стекались в Петербург из пригородных деревень в воскресенье перед Масленой и в течение одной недели возили жителей столицы. Звук их бубенчиков, один вид их желтеньких белогривых и белохвостых лошадок сообщал оттенок какого-то шаловливого безумия нашим строгим улицам; погремушки будили аппетит к веселью и являлось желание предаться какой-то чепухе и дурачеству. Дети обожали веек. В программу масленичного праздника входило обязательное пользование ими» (*Бенуа Александр.* Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 1–3. С. 290).

22. См. газетную хронику: «В пятницу 22 февраля в здании технологического института состоится концерт-бал студентов-технологов. В концертном отделении примут участие известные артистки и артисты и литераторы» (Речь. 1908 № 42. 19 февраля (3 марта)). Г. И. Чулков писал Кузмину 22 февраля:

«Дорогой Михаил Алексеевич!

Распорядители вечера „технологов" прислали мне программу, из которой видно, что наряду с Ремизовым, Вами, Волошиным и мною предполагается участие Каменского, Цензора и Рукавишникова.

Кроме того, программа обещает пародии на представителей нового искусства, сочиненные г. Арабажином *<так!>*, и речь о новом искусстве Неведомского, писателя, враждебного всем нам. Все это убеждает меня в том, что программа эта *профанирует* новое искусство и оскорбительна для нас. Считаю долгом предупредить Вас, что я не буду участвовать на этом вечере и сообщу об этом Ремизову.

Сердечно Ваш *Чулков»* (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4704).

О реакции Волошина см.: *Труды и дни Волошина*. С. 198.

23. См. в хронике: «Сегодня, 22 февраля 1908 г., в актовом зале женского медицинского института, Архиерейская, 6, состоится вечер „Современной поэзии и искусства" в пользу недостаточных слушательниц института, при благосклонном участии известных артисток, артистов и литераторов» (Речь. 1908. № 44. 21 февраля (5 марта)).

24. Получение корректур сборника «Сети» из издательства «Скорпион» в *Списке писем* помечено не 23-м, а 24-м января 1908 г.

25. На гомосексуальном арго — активный гомосексуалист. Ср.: *Хили Дэн*. Исчезновение русской «тетки», или Как родилась советская гомофобия // О муже(N)ственности. М., 2002. С. 414–431.

26. На том же арго — пассивный гомосексуалист.

27. Имеется в виду вернисаж выставки «Союза русских художников» в доме, где находилась последняя квартира Пушкина (Мойка, 12), тогда еще не превращенная в музей.

28. В единственном сборнике стихов Д. П. Святополк-Мирского (Стихи. СПб., 1910) этих строк нет.

29. Ближайшая среда приходилась на 5 марта.

Март

1. Кузмин формально ошибается, называя Гавриила Константиновича великим князем: при рождении тот получил титул князя крови Императорской и был возведен в звание великого князя рескриптом главы династии Владимира Кирилловича гораздо позднее, уже в эмиграции в 1939 г. Вероятно, в петербургском обществе подобные тонкости оставались без внимания.

2. Ср. в письме Г. В. Чичерина к Н. Д. Чичериной от 9 марта (н. ст.) 1908 г.: «Прилагаемую „Hausmusik aus alter Zeit", пожалуйста, передайте Мише. Остался ли его адрес Таврическая 25?» (*РНБ*. Ф. 1030. Ед. хр. 16. Л. 19).

3. Речь идет о плане, изложенном в письме М. А. Волошина к А. М. Ремизову от 25 февраля: «...пишу Вам о деле. Кузмин ничего Вам не говорил? Предлагают нам ехать в Саратов втроем читать. Платят дорогу и сто рублей каждому. Хотите? Я думаю, что хотите. Но ответьте скорей» (*РНБ*. Ф. 634. Ед. хр. 81. Л. 5). См. также: *Труды и дни Волошина*. С. 198–200; *Сестры Герцык*. Письма / Сост. и комм. Т. Н. Жуковской. СПб.; М., 2002. С. 417. Поездка не состоялась (см. ниже).

4. Подробное описание этого визита Вяч. Иванова, А. Р. Минцловой, Кузмина и В. К. Шварсалон см. в письме Е. К. Герцык к сестре от 3 марта 1908 г. (*Сестры Герцык*. Письма С. 416–417).

5. Вероятно, речь идет об эскизах костюмов к постановке «Курантов любви» (см. примеч. 10 и 13 к апрелю 1908 г.).

6. Среди хорошо сохранившейся переписки Кузмина и Нувеля (полностью опубликована: *Богомолов*. С. 216–301) этой записки нет.

7. Выставка В. Э. Борисова-Мусатова открылась в середине февраля в доме Волжско-Камского банка (Невский пр., 38). См. статью М. А. Волошина о ней (*Волошин Максимилиан.* Лики творчества. Л., 1988. С. 272–273 и комм. К. А. Кумпан).

8. Имеются в виду записи лекций Р. Штейнера.

9. «*Снимал*» — в значении фотографировал. Возможно, именно тогда была сделана групповая фотография, воспроизведенная на вклейке в кн.: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. «*L'Aurore*» — вероятно, французский перевод названия оперы Э. Т. А. Гофмана «Аврора» (1811–1812). Гофман как прозаик и композитор пользовался неизменным вниманием Кузмина на протяжении многих лет.

10. Из серии повестей «Новый Плутарх» Кузминым были написаны лишь «Чудесная жизнь Иосифа Калиостро, графа Бальзамо» (1916) и начало романа о Вергилии «Златое небо» (1922). Позднейший план серии см.: *ИРЛИ*. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 245 об. Частично опубликован: *Кузмин М.* Избранные произведения. Л., 1990. С. 558 (комм. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика).

11. Имеется в виду Н. И. Петровская. В Италию спутники уезжали раздельно — Ауслендер из Петербурга, Петровская из Москвы — и встретились в Варшаве. Вероятно, о совместном их путешествии Кузмин узнал из московских сплетен, привезенных З. И. Гржебиным или Ал. Н. Чеботаревской, так как писем от Ауслендера в эти дни не получал. Подробнее об этом путешествии см.: *Богомолов Н. А.* Итальянские письма Нины Петровской // Archivio italo-russo = Русско-итальянский архив. Trento, 1997. С. 115–155.

12. Одной из особенностей художественной манеры П. Д. Боборыкина было выведение в своих романах персонажей, в которых современники без труда могли узнать реальные прототипы, и вообще использование злободневных «реалий». Ср. мнение И. А. Бунина: «Если вам нужно ознакомиться с каким-нибудь модным течением в купечестве, в литературе, в буржуазной или рабочей среде, с ее тенденциями, увлечением, с дамскими нарядами или криками моды, вообще с любыми мелочами эпохи восьмидесятых–девяностых годов, непременно почитайте Боборыкина» (*Бахрах Александр.* Бунин в халате. М., 2000. С. 106).

13. См. ироническое описание этой лекции: «В субботу Вяч. Иванов прочитал в Литературном обществе лекцию о символизме на четырех языках сразу. Из всех оппонентов только у одного Е. Аничкова хватило смелости заявить, что он понял лекцию Вячеслава Иванова. Но это было заявлено так робко, что никто почти ему почти *<так!>* не поверил» (Свободные мысли. 1908. № 44. 10 марта).

14. Не очень понятно, о чем именно идет речь. Из довольно многочисленных музыкальных событий этого дня может иметься в виду

концерт пианистки Вельяшевой в зале Петровского училища (о нем см. в примеч. 18 к сентябрю 1909 г.) с участием певиц Гордиенко, Лавровой, Одинцовой, Пуаре, Петренко, Аксариной и певцов Оппеля (тенор) и Сандерса (отчет см.: *БВ*. Веч. вып. 1908. № 10395. 10 марта; подпись: С. Т.). Однако не исключено, что имеется в виду «интересный литературно-музыкальный вечер» в театре «Комедия» с участием Э. и Ж. Штембер, народовольца Н. А. Морозова и др. (там же см. отчет, а также предварительное извещение: *БВ*. Веч. вып. 1908. № 10393. 8 марта).

15. Беспокойство было связано с обстоятельствами, описанными в газетной хронике: «Глубоко поэтическое „собеседование" об однополой любви, долженствовавшее состояться вчера, в воскресение, в редакции журнала „Поэт", было неожиданно прервано появлением полиции. Всех посетителей, жадно внимавших докладу о содомских грехах, пригласили в участок. Среди арестованных были Максимилиан Волошин, О. Л. д' Ор и др., всего около 25 человек. Продержав всех в Александро-Невском участке около двух часов, их отпустили с миром» (Свободные мысли. 1908. № 44. 10 марта; ср. также запись следующего дня в дневнике). См. также в статье М. А. Волошина «Похвала моралистам»: «На днях я слушал лекцию на тему „Последователи Кузмина". Это было очень поучительно. Дама средних лет с бесцветным, наивным и страшно счастливым лицом, волнуясь и путаясь, но с глубоким пафосом в голосе говорила о „кузминизме" и об „аннибализме". <...> Трудно было понять, какое чувство руководит этой дамой: восторг или негодование. В конце лекции оказалось, что — негодование» (Русь. 1908. № 99. 9 (22) апреля). См. также: *Труды и дни Волошина*. С. 200.

16. О чем именно идет речь, можно только предполагать. Не исключено, что о приглашении в Саратов, о котором говорится в записях дневника от 2 и 11 марта 1908 г.

17. Данное письмо Ауслендера к Кузмину из Италии нам неизвестно. Письма Н. И. Петровской этого времени к В. Я. Брюсову и Е. Л. Янтареву см. в публикации, указанной выше, в примеч. 11.

18. По всей очевидности, контакта с Л. Н. Андреевым у Кузмина не получилось. О неприязненном отношении Андреева к Кузмину см.: *ЛН*. Т. 72. С. 309, 528. Г. И. Чулков, напротив, был связан с Андреевым довольно продолжительное время. Опубликована их переписка (см.: Письма Л. Андреева. Л., 1924; а также: *Чулков Г. И*. Годы странствий. М., 1999. С. 124–137). Чулков пытался привлечь к сотрудничеству с Андреевым также С. А. Ауслендера (см.: *Богомолов*. С. 271–273, 306–308).

19. О Н. Д. Санжарь (в замужестве Бриллиант) и ее визитах к знаменитым людям с предложением стать отцом ее ребенка см.: *ДК-05–07*. С. 524–525 (примеч. 40 к апрелю 1907 г.).

20. Вероятно, имеется в виду какой-то фрагмент первоначальной версии статьи «Две стихии в современном символизме», как раз в марте 1908 г. прочитанной Ивановым в виде лекции под заглавием «Символизм и религиозное творчество».

21. Книга А. М. Ремизова «Что есть табак. Гоносиева повесть» вышла тиражом в 25 именных экземпляров с иллюстрациями К. А Со-

мова. Ее появление произвело сенсацию в столичных литературных кругах. Подробнее см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 2: Докука и балагурье. С. 678–680; комм. И. Ф. Даниловой.

22. Возможно, речь идет о лекции А. Р. Кугеля «Мысли о театре» в Театральном клубе (тезисы ее см.: *ОТ.* 1908. № 358. 6 марта. С. 6; отчеты: Русь. 1908. № 75. 16 марта; *Ир.* [*Ирецкий В. Я.?*] // Речь. 1908. № 65, 16 (29) марта; *Смольский* [*Измайлов А. А.?*] // *БВ.* Веч. вып. 1908. № 10405. 15 марта). Однако не исключено, что Кузмин и Минцлова слушали чтение лекции Р. Штейнера в интимном кружке (о подобных чтениях см. запись от 4 марта).

23. Подписка о невыезде была связана, очевидно, с делом об аресте книги «Три пьесы» (см. примеч. 1 к маю 1908 г.).

24. О каком концерте идет речь, непонятно. Упоминания о возможном выступлении Кузмина в этот день обнаружить не удалось.

25. Возможно, речь идет о подготовке к изданию сборника «Сети».

26. Цикл «Ракеты» был опубликован во втором номере «Весов» без посвящения В. А. Наумову и с опечатками, о которых Кузмин написал М. Ф. Ликиардопуло 27 марта 1908 (*РГБ.* Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 13), после чего о них было сообщено в третьем номере журнала.

27. Вероятно, письмо из Флоренции от 12/25 марта 1908 (*РНБ.* Ф. 124. № 227. Л. 9–10 об).

28. О каких конкретных «наставлениях» пишет в дневнике Кузмин, установить не удалось. В. Ф. Нувель был близко знаком и находился в переписке с З. Н. Гиппиус; ее письма к нему сохранились, письма Нувеля к Гиппиус нам остались недоступны. Касалась в своих письмах Гиппиус Кузмина и его окружения. Например, в письме, написанном более чем годом ранее, 5 декабря 1906 г.: «Вы отлично нарисовали портрет Ауслендера. Я так живо его себе представила, что потеряла всякую возможность ему писать. Нет уж, Валичка, лучше вы пока воспитывайте эту молодежь, вас ведь давно влекла педагогическая деятельность, а я не буду. Ко всякому воспитанию надо относиться серьезно. А я слишком смешлива, я чересчур чувствительна к комическим чертам, до слабости. Я бы над этими вашими юношами прежде всего стала так хохотать, что ничего, кроме глупого, из наших отношений бы не вышло — к обоюдному неудовольствию. Я все признаю: и серьезность искусства, и даровитость, и молодые творческие силы, и всяческие искания, а вот отсюда вижу, как смущал бы меня бес хохота над „изнеженным" Ауслендером и его гомосексуальными аспирациями, — и пусть это грубо и неблагодарно, сама знаю, — а вот хохочу. И над Кузьминым бы стала хохотать при всем искреннем признании его таланта. О Гофмане, которого немножко знаю, и говорить нечего. А какой уж воспитатель — смех! Нет, я для *вашей* молодежи не гожусь. Меня она не переделает — я уж стара для вольтов, а я ее сейчас динамической не признаю. Да и нет у меня исключительного влечения к юности, как у вас. Мне подавай равных, я, вон, и на вас сержусь, когда вы меня заставляете какие-то заржавленные вопросы поднимать и повторять четыре правила арифметики. Пусть поучатся у вас, пройдут ваш опыт

(чем скорее, тем лучше) — и уж потом либо поборемся, либо поучимся друг у друга» (Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. [Вып.] II. С. 339–340; публ. Н. А. Богомолова).

29. То есть укладывали спать, тушили в комнате свет.

30. Выставка «*Венок*» была открытием многих явлений новаторского искусства (среди прочих экспонировались Н. И. Кульбин и братья Бурлюки). Отзывы о выставке см.: *Волошин Максимилиан.* Русская живопись в 1908 г. «Венок» // Русь. 1908. № 88. 29 марта. Оценку критика-традиционалиста см., напр.: *Льдов К.* Художники-революционеры // *БВ.* Утр. вып. 1908. № 10478. 3 апреля. Появление Кузмина на выставке особо отмечалось Н. Шебуевым: «Был тут Кузмин с юношей» (*ОТ.* 1908. № 370. 8 апреля. С. 3).

31. М. Л. Гофман с признаками нервного расстройства уезжал в Швейцарию. См. его письма оттуда к В. И. Иванову и В. К. Шварсалон (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 16. Ед. хр. 61; Карт. 17. Ед. хр. 1–2).

32. Ср. в письме А. М. Ремизова к Кузмину от 20 марта (2 апреля) 1908 г.: «Вам просил передать привет dr. Segal, который на лекции Блока познакомился с Блоком и почему-то думает, что он автор „Крыльев". Не верит мне, Михаил Алексеевич, как ни уверяю» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 12).

33. Среди опубликованных стихов Кузмина нет написанных в это время. Под «внешними стихами», возможно, имеются в виду какие-либо из не напечатанных при жизни стихотворений, опубликованных А. Г. Тимофеевым (*НЛО.* 1993. № 3. С. 123–129; то же в кн.: *Кузмин М.* Арена. СПб., 1994. С. 351–360). Такое предположение может быть оправдано тем, что эти стихотворения являются своего рода упражнениями в различных метрических и строфических формах.

34. В *Списке писем* за этот день значится написанным только письмо к С. А. Ауслендеру.

35. В *Списке писем* помечено получение в этот день сразу двух писем от С. А. Ауслендера, находившегося в Италии. Одно из них, вероятно, — от 23 марта (5 апреля) из Флоренции (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 227. Л. 3–4 об).

36. Ср. открытку А. М. Ремизова от 26 марта: «Я только что получил письмо от технолога, который у Вас был с моей карточкой, он пишет, что Вы согласились читать 29-го и зайдете за мной. Буду ждать Вас, если раздумаете — а мне что-то не хочется, то посидим у нас. Сегодня я послал Вам письмо с гражд<анским> инженером, так пишу Вам, что не хочется мне с технологом; но если Вы пойдете, я готов следовать за Вами» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 10 об.). Как видно из записи, писатели на вечер студентов-технологов не пошли. Об отношениях А. М. Ремизова и особенно С. П. Ремизовой с художницей Л. Д. Бурлюк (в замужестве Кузнецовой) и вообще с семейством Бурлюков см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 546, 549; комм. Е. Р. Обатниной.

37. Сохранилось приглашение от Веры Гриневич на обед в половине шестого, где «будут только Ремизовы и, вероятно, Волошин», чтобы успеть «от нас прямо ехать на вечер к лесникам» (о вечере см.

следующее примеч.), датированное 29 марта 1908 г. (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 166). Гриневичи жили на Кирочной ул., д. 24, кв. 31.

38. Сохранилось приглашение от 19 марта принять участие в «вечере свободного искусства» в пользу недостаточных студентов Санкт-Петербургского Лесного института, окончивших Гатчинский сиротский институт, от студентов Бако и Дымского (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 185). В газетной хронике сообщалось: «В воскресенье, 30 марта, в залах гор<одской> думы состоится „Вечер свободного искусства“ <...> В литературном <отделении> — выступят с собственными произведениями А. Куприн, Макс. Волошин, Мих. Кузмин, Дм. Цензор и др. <...> Сбор поступит в пользу недостаточных студентов-лесников, окончивших гатчинский сиротский институт» (Русь. 1908. № 86. 27 марта (9 апреля)). В хронике той же газеты 30 марта среди выступающих названы также Г. Новицкий, А. Ремизов и А. Рославлев. В неподписанном отчете говорилось: «Вечер свободного искусства <...>, к сожалению, собрал очень немного публики, что, конечно, можно объяснить обилием всяких концертов, а жаль. Помимо симпатичной цели вечера, его программа была составлена очень разнообразно и интересно. Молодая певица (колоратурное сопрано) г-жа М. Аксарина спела несколько романсов Гречанинова и фон-Баха *<так!>* <...> Прекрасную школу обнаружил г. Джузеппе Мори, спевший несколько вещей по-итальянски. Начав свой номер „Колодниками“ Блейхмана, г. И. Головин закончил свое пение заклинанием цветов Мефистофеля из „Фауста“. Долго не отпускала публика с эстрады М. Волошина, читавшего свои стихотворения. С обычным успехом играли Л. Штембер на арфе и Е. Мальмгрен на виолончели. Прочитав свой рассказ „Пустые дачи“, г. А. Куприн ничем больше не пожелал побаловать долго взывавшую к нему публику. Закончил вечер экспромтом выступивший И. Судьбинин с народными рассказами...» (Там же. 1908. № 91. 1 (14) апреля; ср. также заметку, подписанную инициалом З.: *БВ*. Веч. вып. 1908. № 10429. 31 марта). Ср.: *Труды и дни Волошина*. С. 201.

Апрель

1. Речь идет о лекции Л. С. Бакста «Будущая живопись и ее отношение к античному искусству» в Театральном клубе, входившей в цикл лекций по искусству и театру. Тезисы лекции см.: Речь. 1908. № 78. 1 (14) апреля.

2. Ср. начало стихотворения Кузмина: «Что сердце? Огород неполотый / Помят, что диким табуном...» (декабрь 1908 г.) (*Кузмин*. С. 144).

3. Письмо от Ауслендера из Италии в *Списке писем* значится полученным 3 апреля. Н. И. Петровская подробно, вероятно, даже несколько преувеличивая, описывала Брюсову свои размолвки с Ауслендером.

4. О поездке Вяч. Иванова в Москву в конце марта — начале апреля 1908 г. см. в письмах Брюсова к Н. И. Петровской: «На днях должен приехать сюда Вяч. Иванов. Он теперь „обратился“ в христиан-

ство» (17 / 30 марта); «Сегодня в Кружке читает Вяч. Иванов. Иду туда» (25 марта / 7 апреля); «Вчера скучал томительно на реферате Вяч. Иванова. Новостей из Петербурга он привез мало. Впрочем, одна есть: Городецкий женился. Или, может быть, Ты знала ее раньше меня» (26 марта / 8 апреля); «Видаюсь с Вяч. Ивановым. Очень он скучен» (28 марта / 10 апреля) (*Валерий Брюсов, Нина Петровская.* Переписка. М., 2004. С. 278, 290, 293, 295). О каких конкретно московских новостях рассказывал Вяч. Иванов Кузмину, сейчас установить не представляется возможным, однако, скорее всего, особенно интересовали Кузмина сведения о дальнейшей судьбе «Весов» и «Золотого руна».

5. Имеется в виду четвертая *симфония* «Кубок метелей», только что вышедшая в свет и, очевидно, привезенная Ивановым из Москвы.

6. Речь идет о вербном базаре на шестой (Вербной) неделе Великого поста. Ср.: «На Конногвардейском бульваре и Мало-Конюшенной улице устраивались вербные базары. <...> Торговля была рассчитана на невзыскательную толпу молодежи, учащихся младших классов, детей, для которых эти базары были заманчивы и интересны. Тут же торговали живыми птичками разных пород, выкрашенные в желтую краску воробьи сходили за канареек. Продавали рыбок для аквариумов, черепах, шла торговля детскими игрушками и особыми „вербными“ чудесами: пищалками, „чертями“. Предлагались „тещины языки“, „иерихонские трубы“, „американские жители“, надувные свиньи, павлиньи перья» (*Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л., 1991. С. 127).

7. Речь идет о символике камней и их влиянии на человеческую жизнь. См. в письме Кузмина к В. В. Руслову от 8–9 декабря 1907 г.: «Люблю жемчуг, гранаты, опалы и такие недрагоценные камни, как „бычий глаз“, „лунный камень“, „кошачий глаз“...» (*Богомолов.* С. 210).

8. Сведения о некоторых фактах в жизни Кузмина и его ближайшего окружения за это время см.: *Труды и дни Волошина.* С. 202; *Волошин Максимилиан.* История моей души. М , 1999. С. 193–196.

9. См. запись в дневнике от 29 апреля – 1 мая 1908 г.

10. См. объявление в газетной хронике: «23 апреля в зале Павловой состоится литературно-музыкальный вечер с участием поэтов и артистов: Федора Сологуба, Александра Блока, М. Кузмина, А. Ремизова, И. Рукавишникова, Максимилиана Волошина и др. С участием артистов „Старинного театра“ представлено будет „Куранты любви“ *<так!>*. Устраивается стильный Cabaret artistique. Г-жа Мария Кананова исполнит популярные песни парижских cabaret, г-жа Валентина Щеголева исполнит мелодекламацию на слова Федора Сологуба и Вячеслава Иванова. Характерные танцы исполнят г-жа П. и г-жа Z.» (Речь. 1908. № 89. 13 (26) апреля; в хронике той же газеты от 18 апреля среди выступающих назван также П. П. Потемкин).

11. Кузмин просил у Герцык и В. С. Гриневич денег взаймы и получил их (упоминание «письма от Гриневич» в записи от 22 апреля должно свидетельствовать об этом). Сумма, вероятно, была немалой. Больше года спустя В. Гриневич обратилась к Кузмину со следующим письмом, где весьма робко просила о возвращении долга:

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич, Вы мне простите, что я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой, но при условии, чтобы исполнение ее не причинило Вам затруднений.

Вы, вероятно, помните нашу попытку положить начало маленькой взаимной кассе ссуд для молодых литераторов. В этом смысле поняла я и обращение Ваше к нам (Герцык и мне) за ссудой весной 908 г.

Не успела я теперь снова водвориться в Петербурге, как сама жизнь настойчиво ставит этот вопрос передо мной, и я не вижу другого выхода, как сделать опять все возможное, чтобы личными и общими усилиями поставить на ноги начатое нами дело взаимопомощи. В данное время очень важно оказать пособие одному Вашему больному коллеге.

Ввиду этого я и обращаюсь к Вам, многоуважаемый Михаил Алексеевич, с сердечной просьбой, если Вы только можете, начать частичную уплату полученной Вами ссуды от Герцык и меня.

Повторяю, я прошу только в том случае, *если Вы можете*» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 2–3).

12. Разговоры Вяч. Иванова с отчетливыми оккультными и масонскими мотивами связаны с сильным влиянием А. Р. Минцловой.

13. Приведем отрывок из отчета газеты «Речь»: «Состоявшийся в зале Павловой „Вечер искусства“ привлек массу публики самого разнообразного состава, — были офицеры, писатели, молодежь. Концерт начался с „Курантов любви“ М. А. Кузмина (Весна, Лето, Осень, Зима) с музыкой автора. Постановка в стиле 30-х гг. и новые декорации и костюмы представляли довольно эффектное зрелище, к самому же произведению публика отнеслась с добродушной насмешливостью. Гораздо больший успех имело второе отделение концерта, cabaret artistique. На сцене кабачок, где за столиками распивают пиво и закусывают поэты, которые поочередно подходят к рампе и читают стихи. Ф. Соллогуб *<так!>*, впервые выступив на эстраде, прочел свое известное стихотворение «Нюренбергский палач». Читали далее гг. П. Потемкин (из „Смешной любви“), И. Рукавишников, М. Волошин, М. Кузмин („Не знаю, как это случилось“, из книги „Сети“), А. Ремизов, А. Блок и В. Щеголева (мелодекламация). Наибольший успех выпал на долю И. Рукавишникова, чтение же гг. Кузмина и Потемкина, наряду с аплодисментами, вызывало и дружный смех. <...> На вечере были, между прочим, артисты художественного театра г-жа Лилина, гг. Станиславский, Лужский» (Речь. 1908. № 98. 25 апреля (8 мая)). Ср. также: «Очень забавлял публику Кузмин, одетый в старинного покроя сизый кафтан и нежничавший с каким-то нарумяненным вертлявым франтом в бархатной цветной рубашке навыпуск. Прив.-доцент Аничков немало удивлял публику своей размалеванной физиономией» (Русь. 1908. № 114. 26 апреля (9 мая); см. также: *Шебуев Н.* Межсезонные дни // *ОТ*. 1908. № 384. 28 апреля. С. 3; *М. С.* Вечер искусства // Слово. 1908. № 441. 26 апреля; *БВ*. Веч. вып. 1908. № 10468. 24 апреля; Из дневника А. Н. Верховской // *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 325). Нелишне упомянуть, что сестра Кузмина специально просила его о билетах на представление (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 83).

Отметим, что объявление об участии в вечере актеров «Старинного театра» вызвало протест руководителя театра барона Н. В. Дризена, заявившего в письме в редакцию «Биржевых ведомостей», «что в вышеозначенном спектакле играли всего два артиста упомянутого театра по собственному почину, без ведома и участия дирекции „Старинного театра“» (*БВ*. Веч. вып. 1908. № 10472. 26 апреля).

Май

1. Книга Кузмина «Три пьесы», вышедшая летом 1907 г., была арестована по ст. 1001 Уложения о наказаниях (за порнографию), и на нее был наложен арест. Дело о преследовании сохранилось: *РГИА*. Ф. 776. Оп. 9. Ед. хр. 1226.

2. И. фон Гюнтер во второй раз приехал в Петербург в конце апреля 1908 г. (он уже был здесь в 1906 г.), как он вспоминал, «чтобы завоевать мир своей пьесой, где главную женскую роль должна была исполнять одна миловидная девушка, поехавшая вместе со мной». Познакомился у Вяч. Иванова с Кузминым в первый день своего приезда. Гюнтер дает такой портрет поэта:

«Михаил Кузмин был на одиннадцать лет старше меня. Среднего роста, изящный, с незабываемой греческой головой. Линия лба продолжалась в очертаниях благородного носа, а большие коричневато-золотистые глаза чуть-чуть косили (индийский идеал красоты). Он носил тогда эспаньолку; редкие темные волосы были искусно уложены на голове. Одевался он, как дэнди, великолепно; у него были маленькие ступни и красивые руки. Он довольно быстро говорил, при этом речь его иногда становилась шепелявой и неразборчивой, а свои фразы он часто заканчивал лукавой усмешкой и добавлял: „Что? Что? Что?“ Он был бесконечно любезен и глубоко жизнерадостен» (*Гюнтер И. фон*. Жизнь на восточном ветру / Пер. К. М. Азадовского // Наше наследие. 1990. № 6. С. 63).

3. В театре «Летний Буфф» в этот вечер шла оперетта П. Рубенса «Прекрасная голландка» (рец. Н. Шебуева см.: *ОТ*. 1908. № 385–386. 27–28 апреля. С. 3).

4. О настроении С. А. Ауслендера после его возвращения из Италии см. в несколько более позднем письме его к Г. И. Чулкову: «Наконец весьма удачно и успешно закончил свое путешествие, о многих приключениях которого внешних и внутренних пришлось бы написать целую книгу, о чем помышляю. В Петербург скоро не попаду. Дайте о себе весточку. Каковы дела и планы? Что стратеги, поэты, воины и пророки? <...> Сейчас я полон планов, отчасти очень воинственных, о чем скоро услышите. Очень бодр и много работаю, еще больше замышляю. Есть у меня очень пикантный фельетон — очерк о Капри и о Горьком. Любопытные и неожиданные мнения Горького о новой литературе. Он принял декадентство, всех целиком, от Брюсова — до Ремизова» (письмо от 7 мая 1908 г. // *РГБ*. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 46). 10 мая, отчасти повторяя цитированное письмо, он сообщал В. Ф. Нувелю: «Очень бы хотелось узнать несколько подробнее о друзьях и Кузмине, который,

или расстроенный судейским делом, или чем-то обиженный, упорно ничего не пишет. <...> Мое „Итальянское путешествие“ будет полно трогательных, изысканных и веселых приключений, некоторые главы его, вероятно, останутся только для друзей, так: о банях Тиберия и о мальчиках Круппа на Капри (они будут изгнаны благочестивыми рассуждениями о М. Горьком, его голубых глазах, белой вилле и т. п.), а также мысли, пришедшие в тайной комнате Casa del Vetti в Помпеи. В Москве имел гнусный случай застать Андрея Белого в редакции „Золотого Руна“ в то время, когда он заключал купчую крепость с Тастевеном. Кажется, ему было видение, повелевающее покаяться и пасть к ногам „душеньки“» (*РГАЛИ*. Ф. 781. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6).

5. Из событий, случившихся за время, когда Кузмин не вел дневника, следует отметить вечер издательства «Шиповник», о котором писалось в хронике: «На вечере „Шиповника“ читали свои стихи Блок, Максимилиан Волошин, Тэффи, Кузмин, Потемкин. Уступая просьбам присутствующих, в конце вечера согласился прочесть несколько своих стихотворений и Федор Сологуб. Из артистов-москвичей читали Германова и Качалов. „Вечер“ затянулся до утра» (Свободные мысли. 1908. № 53. 12 мая). Этому событию была посвящена и карикатура П. Н. Троянского (Серый волк. 1908. № 20; воспроизведена с оригинала также: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 320–321), так описанная хроникером: «В последнем номере «Серого Волка» обращает на себя внимание изящная картинка П. Н. Троянского, посвящается последнему литературному вечеру в «Шиповнике» <..> За столом Кузмин нежно кормит одного из своих друзей, собственноручно вкладывая ему в рот кусочки апельсина. С ужасом смотрит на них Ремизов. Говорят — с натуры!» (Русь. 1908. № 138. 20 мая). На 4 мая Кузмин был приглашен слушать чтение «Песни судьбы» Блока у Г. И. Чулкова (см. письмо Блока к Кузмину от 30 апреля, — Блоковский сборник. Тарту, 1971. Т. 2. С. 361), однако пойти отказался (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 326). Перерыв в писании дневника и отсутствие на чтении пьесы явно были связаны с острым переживанием влюбленности в С. С. Познякова (см. в дневнике В. К. Шварсалон, — *Богомолов*. С. 316–328). Отметим, что и в *Списке писем* за этот период большой пропуск.

6. Ср. в воспоминаниях Гюнтера: «Уже вскоре мне пришлось читать мою пьесу <„Очаровательная змея“>. Правда, по моей настойчивой просьбе, круг слушателей был ограничен: Иванов, Сомов и Кузмин. И хотя я был неплохим исполнителем собственных произведений, но чтение, длившееся почти пять часов, кончилось для меня плачевно. Моя пьеса, в картинах изображавшая превратности, что выпали на долю любящих за многие столетия, показалась Иванову неубедительной. <...> Зато Кузмин сразу же перешел к практической стороне дела. Он сказал, что у меня ничего не выйдет, пока пьеса не переведена на русский язык, и вызвался сделать перевод. <...> Он действительно взялся за перевод и работал над ним — при моем участии — каждую ночь. Это был подвиг добросердечности — пьеса моя не заслуживала, конечно, столь замечательной поддержки. Пока Кузмин переводил, я сидел ря-

дом с ним, пытаясь переложить на немецкий язык его „Куранты любви". Тринадцать лет спустя эта работа увидела свет: она была издана в Мюнхене небольшой красиво оформленной книжечкой. Правда, в Германии ее почти не заметили, как, впрочем, в России — русский текст. А драгоценная рукопись перевода, выполненного Кузминым, погибла в Мюнхене во время бомбардировки города в 1944 году» (*Гюнтер И. фон.* Жизнь на восточном ветру. С. 63). Ср. также в газетной хронике: «М. Кузмин выпускает в скором времени в свет свои „Куранты любви" (стихи и музыка). К изданию будет присоединен немецкий перевод текста, сделанный Гансом Гюнтером» (Новая Русь. 1908. № 105. 28 ноября (11 декабря)).

7. Трудно сказать, о каком Сереже здесь идет речь, — Познякове или Ауслендере. Последний 14 мая сообщал в эти дни о своей жизни Г. И. Чулкову (который, возможно, передал это Кузмину): «...все меня как-то забыли, бросили и чуть ли не разлюбили, а я после Италии настроен лирически и холодностью северных друзей очень огорчаюсь. Сижу как в ссылке, смотрю на серые тучи и пустые огороды и целый день строчу. Повесть из 20-х годов почти готова. Хочу послать ее в „Шиповник", да боюсь, не слишком ли она нескромна для них (насчет балета как-то не удержался). Что, у них еще правит Андреев? Слышно, будто он мной тоже чем-то недоволен. Правда ли, что все на меня как-то окрысились. Вот „Весы", кажется, будут ругать. Неужели так скоро пришел час гонения? Впрочем, это ничего, бодрит. Читал в „Свобод<ных> Мысл<ях>", что на вечере в «Шиповнике» были и Кузмин, и Андреев. Значит, знакомство состоялось? Как же это произошло?» (*РГБ.* Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 46).

8. О жизни на «башне» в это время рассказывается в письме М. М. Замятниной к С. К. Шварсалону:

«22 мая 1908. Четверг. СПБ.

Вчера и Анна Руд<ольфовна> уехала в назначенный день. Вячеслав остался для разборки маминых <Л. Д. Зиновьевой-Аннибал> писем и бумаг, но еще раньше этого кончает свою книгу „По Звездам", над которой все время со дня их отъезда и ночь и день работает. Так как для всех считается, что он уехал в Крым, то у нас никто Вяч<еслава> не беспокоит и он буквально все время может работать, за исключением не более двух часов в день — время обеда, продолженно<е> разговор<ом> с Кузминым и Гюнтером, кот<орые> оба живут у нас. Кузмин переводит драму Гюнтера, и они тоже весь день работают. Костя сдает экзамены — результаты пока еще не известны» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 8. Л. 6–6 об.).

9. В то время А. А. Трубников готовился к открытию Василеостровского театра под своим руководством (см. записи дневника осени 1908 г.). Очевидно, Гюнтер предполагал поставить там свою пьесу.

10. Романс «Гайда тройка! Снег пушистый...» (слова и музыка М. К. Штейнберга; см.: Песни русских поэтов. Л., 1988. Т. 2. С. 382–363).

11. Имеется в виду рецензия Ю. И. Айхенвальда на первый сборник рассказов С. А. Ауслендера «Золотые яблоки» (М., 1908): Русская мысль. 1908. № 5. Отд. III. С. 97.

12. Вс. Мейерхольд, возможно, рассчитывал уговорить Кузмина писать музыку к постановке. Этот замысел не был воплощен.

13. «*Севильский цирюльник*» (1775) — комедия Бомарше.

14. Слухи о возвращении Андрея Белого в «Золотое руно» (см. письмо Ауслендера к Чулкову, процитированное выше, в примеч. 4) оказались несостоятельными, но основывались на публикации в 1908 г. в журнале стихотворного цикла Белого. См. объяснительные письма Белого к Брюсову в этой связи (*ЛН*. Т. 85. С. 412–416).

Июнь

1. «*Новый Ролла*» — поэма («роман в отрывках») Кузмина, писавшийся в 1908–1909 гг. и оставшийся неоконченным. Подробнее см.: *Кузмин*. С. 730–731.

2 . Ср. в письме Г. В. Чичерина к Н. Д. Чичериной от 15 (28) апреля 1908 г.: «Мишина письма я не получал. Очевидно, оно перехвачено. Пожалуйста, узнайте у него непременно с полной точностью: *что там заключалось?* Укажите ему, что 1) при настоящих условиях следует посылать мне только заказные письма; 2) вообще, в каких бы то ни было письмах нельзя упоминать ни о чем конфиденциальном. Дайте это понять ему с возможнейшею ясностью!» (*РНБ*. Ф. 1030. Ед. хр. 16. Л. 20).

3. Опера Моцарта «Женитьба Фигаро» (1786).

4. Имеется в виду книга «Комедии» (СПб.: Оры, 1908), куда вошли три пьесы Кузмина.

5. В *Луцке* находился в эти дни С. С. Позняков, а в *Сулине*, вероятно, В. А. Наумов. Сообщение Ауслендера связано с тем, что Кузмин еще не уехал в Окуловку, куда собирался, и дал для писем деревенский адрес.

6. Смысл истории, имеющейся здесь в виду, при доступных комментаторам материалах остается пока непонятен.

7. В *Списке писем* за этот день обозначены письма к А. П. Воротникову и С. А. Ауслендеру.

8. Музыкальное произведение «Песня про купца Калашникова» (на стихи М. Ю. Лермонтова) было написано Кузминым в мае–июне 1903 г. (см.: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 43).

9. «*Пламенники*» — неоконченный и оставшийся неопубликованным роман Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Осенью 1908 г. в газетной хронике несколько раз появлялись объявления об издании трехтомного собрания сочинений Зиновьевой-Аннибал, которое, однако, так и не осуществилось.

10. Цикл стихотворений «Венок весен (газэлы)» опубликован частично в журнале «Золотое руно» (1909. № 7/9) и полностью в книге «Осенние озера». «Комедия о Мартиниане», последняя из трех, написанных Кузминым в 1907–1908 гг., в первой редакции имевшей подзаголовок «...или Беда от женщин», была закончена летом 1907 г. Однако в феврале 1908 г. она была запрещена к постановке цензурой, и летом Кузмин создавал вторую редакцию, впервые опубликованную в книге «Комедии» (СПб., 1908). Подробнее см.: *Театр*. Кн. 2. С. 315–316.

11. Речь идет о пьесе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Колокол», оставшейся неоконченной и неопубликованной.

12. *Сиренева(я)* — актриса, знакомая И. фон Гюнтера, вокруг которой завязывались не вполне нам сейчас ясные его планы.

13. В тот день оперетта Ф. Легара «*Веселая вдова*» (1905) шла в театре «Летний Буфф».

14. Лайковые перчатки чистили бензином.

15. Речь идет о запланированной театром В. Ф. Коммиссаржевской постановке пьесы Ф. Грильпарцера «Праматерь» в переводе А. А. Блока. См. письмо Кузмина к Блоку от 26 июня (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 148–150) с просьбой о присылке необходимых частей перевода.

16. См. запись в дневнике Иванова от 21 июня 1908 г. с описанием видения (*Иванов*. Т. 2. С. 772–773).

17. Может иметься в виду контора объявлений акционерного общества типографского дела в Санкт-Петербурге «*Герольд*» (Невский пр., 68/40), однако неясно, какие дела там могли быть у Гюнтера.

18. Издание не осуществилось. Цикл «Газэлы» вошел в сборник «Осенние озера», а сводный вариант неоконченной поэмы «Новый Ролла» был опубликован лишь в 1914 г. в книге «Глиняные голубки».

19. См. сообщение газеты «Новая Русь», приведенное в примеч. 6 к маю 1908 г.

20. Поэма впервые опубликована в сборнике «Осенние озера». Писалась в июле 1908 г. (см. соответствующие записи в дневнике), посвящена И. фон Гюнтеру. Об истории ее создания см. также письмо Гюнтера к В. Ф. Маркову (*Кузмин М.* Собрание стихов. München, 1977. Т. 3. С. 638–639).

21. Вяч. Иванов уезжал в Судак к сестрам Герцык.

Июль

1. Присылая Кузмину по его просьбе отрывки перевода «Праматери» (см. примеч. 15 к июню 1908 г.), Блок писал 28 июня: «Всю рукопись сейчас не могу прислать, потому что надо еще поговорить с Фед<ором> Фед<оровичем Коммиссаржевским>, кое-что исправить для сцены, а потом отдать „Пантеону“» (Блоковский сборник. Т. 2. С. 361).

2. Возможно, имеется в виду идея поездки в Италию вчетвером на предполагаемый гонорар от русско-немецкого издания, которым собирался заняться Гюнтер в Германии (см. запись от 25–27 июня).

3. Из писем Н. И. Петровской к Брюсову следует, что Неаполь произвел на нее и Ауслендера самое приятное впечатление изо всего виденного в Италии (Archivio italo-russo = Русско-итальянский архив. Trento, 1997. С. 142–144). Ср. также в письме Ауслендера Кузмину от 9 (22) апреля 1908 г.: «Только в Неаполе настоящая весна и настоящая Италия. Иногда все кажется даже слишком красивым, как в опере или на открытке, — голубое море, голубое небо, розовые берега, пальмы, луна — даже слишком, но очень нежный, ласковый и приветливый город» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 227. Л. 1).

4. То есть агентом фабричной полиции. Зять С. П. и В. П. Рябушинских А. Г. Карпов был совладельцем и директором Окуловской бумажной фабрики.

5. «*Щелкунчик*» (1892) — балет П. И. Чайковского.

6. «*Ракеты*» — стихотворный цикл Кузмина, вошедший в сборник «Сети». См. запись Кузмина в дневнике о создании этого цикла 6 июля 1907 г.: «Любовь к радугам и фейерверкам, к мелочам техники милых вещей, причесок, мод, камней, „сомовщина“ мною овладела» (*ДК-05–07*. С. 378).

7. «*Les scrupules de Sganarelle*» — пьеса Анри де Ренье. Среди чтения Кузмина в этом месяце (помимо упоминаемых далее книг), был сборник М. Швоба «La lampe de Psyché», поэмы А. Л. Миропольского «Ведьма» (у Кузмина «Колдунья») и «Лествица», «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна (на французском), произведения К.-М. Виланда (*РТ*).

8. Имеются в виду старинные оперы: «*Joconde*» (1815) композитора Никколо Изуара, о которой упоминает в повести «Метель» Пушкин; «*Petit Chaperon Rouge*» (1818) Франсуа Адриена Буальдье. Из этого хронологического ряда выбивается «*Mascotte*» — вероятно, «Маленькая Маскотта» (1880) — оперетта Э. Одрана.

9. *Рамс* — карточная игра.

10. То есть возобновить сотрудничество с «Золотым руном».

11. В *Списке писем* имя приславшего письмо студента не расшифровано. Об анонимных письмах, получаемых Кузминым, см.: *Богомолов*. С. 101–102.

12. Видимо, «Флор и разбойник» (Весы. 1908. № 9), который на следующий день Кузмин начал переписывать.

13. Цикл из двенадцати газэл с посвящением С. С. Познякову был немедленно по получении опубликован в журнале (Золотое руно. 1908. № 7/9. С. 67–71). Эта оперативность показывает степень заинтересованности Н. П. Рябушинского в привлечении Кузмина к дальнейшему сотрудничеству.

14. Имеются в виду французские книги из магазина фирмы М. О. Вольфа. Отметим, что на эти дни приходилось неосуществленное предприятие, о котором появилась заметка в хронике газеты «Речь» 6 июля 1908 г.: «В благотворительном концерте в пользу недостаточных студентов Спб. университета, устраиваемом 10 июля в театре териокского казино, примут участие, между прочим, <...> А. А. Блок, А. С. Рославлев, С. А. Ауслендер, М. А. Кузмин, Д. М. Цензор и др.». В повторении этого объявления 10 июля к списку выступавших прибавлены также А. П. Каменский и И. С. Рукавишников. Судя по дневнику, ни Кузмин, ни Ауслендер в концерте не участвовали.

15. В № 6 «Весов» за 1908 г. были напечатаны рецензии Андрея Белого на «Золотые яблоки» С. А. Ауслендера и С. М. Соловьева на стихотворный сборник Кузмина «Сети». Первое впечатление Кузмина от рецензии Соловьева было ошибочным: рецензент очень высоко оценил его книгу. Ср., однако, в недатированном письме Соловьева к Б. А. Садовскому: «Мне поручили „Весы“ рецензию о „Сетях“. К сожалению,

нельзя упомянуть о том, что странно изображать на обложке мальчишку с выставленной жопой (или жепой? Эй Вы, г. словесник?). Это ведь... намек, и довольно понятный» (*РГБ*. Ф. 438. Карт. 2. Ед. хр. 1).

16. Вероятно, имеются в виду слова Лира, обращенные к дочерям, в начале шекспировской пьесы (д. I, сц. 1): «Дети наши, скажите нам <...>, / Которая из трех нас больше любит, / Чтоб мы могли за бóльшую любовь / Воздать теперь же бóльшею наградой» (пер. А. В. Дружинина).

17. В эти дни, согласно записям в *РТ*, Кузмин читал сборники стихов Ф. Вьеле-Гриффена «Phocas le jardinier» («Садовник Фокас», 1898) и А. де Ренье «La sandale ailée» («Крылатая сандалия», 1906).

18. История с «Комедией о Мартиниане» не вполне ясна. Начатая еще в 1907 г., комедия была закончена в начале июня 1908 г. (см. запись от 7–8 июня); впервые опубликована осенью того же года в книге «Комедии». Судя по этой записи, Кузмин посылал ее в Москву (вероятно, в «Весы») и, видимо, получил отказ. См. также примеч. 10 к июню 1908 г.

19. «Наслаждение» (1898) — роман Г. д'Аннунцио.

20. «Манон» (1884) — опера Ж. Массне.

21. Вероятно, имеется в виду оперетта «Забава дев», задуманная Кузминым в это время (писалась с августа 1908 г., поставлена лишь три года спустя, в 1911 г.).

22. Письмо М. М. Замятниной было отправлено из Судака 12 июля 1908 г. В нем она, в частности, писала: «Вчера только приехали мы с Лидией. В Москве пробыли целые два дня, причем на второй день оставались главным образом в надежде через Ликиардопуло разыскать Воротникова; но оказалось, хотя Воротников и пребывает большею частью в Москве, но адреса его никто не знает, там же, куда вы писали и где его разыскивала Алек. Ник. Чеб<отаревская>, его давно нет, он постоянно чего-то, по словам Ликиардопуло, меняет свое местожительство; но Ликиард<опуло> говорит, что ему его гостя приходится встречать, и он обещал непременно раздобыть рукопись и прислать ее Вам. Известите меня, когда он это исполнит. Как раз при мне почти Ликиардопуло получил Ваши письма в ответ на его давнишние и был в недоумении, отчего Вы отвечаете ему теперь на старые запросы; Вы в письмах, очевидно, не разъяснили причину позднего ответа. Я объяснила, что Вы были задержаны в Петербурге. <...>

К<а>к дела с Гюнтером <...>? Разобрались ли Вы в его „телефонии“ <?> и какой результат всех его проэктов? <...> Мне он очень заверительно сулил, что Вы оба будете через три недели в Крыму. Хорошо было бы, кабы не только по губам проэкты его проезжали.

Большая у меня к Вам просьба, исполнить которую Вы обещали мне перед отъездом: *переписать* и прислать газелы (а в виде неисправности ведь я надеялась уже застать их здесь — веря Вашим словам). <...> Уж будьте так великодушны и пошлите покорно, к<а>к Вы это всегда делаете.

Здесь рай, жара, на мой взгляд, не чрезмерная. Красота большая кругом. Вячеславу все кругом страшно нравится, он, говорят, уже сделал много прогулок; вчера вместе с Верой на линейке встречали

наших мальчиков. Кажется, он чувствует себя здесь хорошо. Ан<на> Руд<ольфовна> укатила на несколько дней в Феодосию повидаться с одной своей знакомой, так как она уехала в ночь накануне нашего приезда, то ее мы и не видели еще. Вячеслав сегодня занят корректурой возражения Белому, что я привезла с собой из Москвы. В Москве я видела Брюсова, он уезжает около 25-го на два месяца за границу. Веру застала здесь уже в разгаре занятий с Вячеславом — латынью и греческим. Сама мечтаю, конечно, совершенно одна, подзаняться греческим, чтобы суметь прочесть Вам осенью несколько сносок<?>. Но, верно, это только мечты будущего. Пока с сестрами <Герцык> еще не говорила о их поселении у нас, к<а>к только что узнаю, тотчас Вам напишу. Очень хотелось бы Вам набросать хоть несколько описательных слов здешних мест, кот<орые>, к<а>к Вячеслав говорит, соединяют и Палестину, и Каир, и Грецию, но я думаю, и этого уже более чем достаточно, чтобы представить себе очарованье здешних мест. Лидия маленькая говорит, что она никак не ожидала, чтобы в России могла быть такая красота. Пока до свидания. Жду строчек и много. *М. Замятнина»* (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 2–4 об.).

23. *«Ярь»* — сборник стихов С. М. Городецкого (СПб., 1907; вышел в конце 1906). *«Изд. Ор»* — вероятно, альманах «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907) или другие издания, выпущенные «Орами» в 1906–1907 гг. *«Балаганчик»* — пьеса А. Блока, к которой Кузмин писал музыку (ноты опубликованы в приложении к изданию: *Блок А.* Лирические драмы. СПб.: Шиповник, 1908).

24. Письмо В. Ф. Нувеля от 17 июля 1908 г. (см.: *Богомолов*. С. 291–292).

25. Вероятно, имеется в виду первоначальный замысел романа С. А. Ауслендера, опубликованного лишь в 1912 г. в Москве под заглавием «Последний спутник» и рассказывающего (достаточно прозрачно для посвященных), в частности, о путешествии Ауслендера вместе с Ниной Петровской в Италию. 7 мая Ауслендер писал Г. И. Чулкову: «Наконец весьма удачно и успешно закончил свое путешествие, о многих приключениях которого внешних и внутренних пришлось бы написать целую книгу, о чем помышляю» (*РГБ*. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 46). Упоминание Г. Э. Тастевена указывает, что Ауслендер рассчитывал напечатать роман в «Золотом руне».

26. *«Кармен»* (1874) — опера Ж. Бизе.

27. *Список писем* фиксирует получение в этот день писем от Ф. Ф. Коммиссаржевского (*РНБ*. Ф. 371. Ед. хр. 111; связано с работой над музыкой к «Ahnfrau») и Н. Н. Евреинова (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1615).

28. Летом 1908 г. Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус были заняты новым журнальным предприятием, о чем говорилось в хронике: «Журнал „Образование“ и петербургская газета „Русь“ переходят опять в новые руки. В состав редакции входят Д. С. Мережковский, Д. В. Философов, З. Н. Гиппиус, г-жа Кускова, г. Прокопович, г. Богучарский и др. Довольно неожиданная, но интересная комбинация» (Новая Русь. 1908. № 33. 17 (30) сентября). Мережковские разослали приглашения ряду известных писателей, получили согласие, но в последний момент

предприятие расстроилось. Подробнее см.: *Минц З. Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 571–576.

29. Опера («лирические сцены») П. И. Чайковского (1878).

30. Имеется в виду повесть «Подвиги Великого Александра» (впервые: Весы. 1909. № 1). В *РТ* — множество подготовительных материалов к повести, в списке книг, прочитанных в июле, — работы В. М. Истрина, А. Н. Веселовского и А. Я. Гаркави об Александре Македонском, а также «Moralia» Плутарха.

31. Роман Анри де Ренье из истории Франции XVII–XVIII вв. (1902). В 1920-е гг. Кузмин перевел его на русский язык под заглавием «По прихоти короля» (издан «Academia» как 4-й том собрания сочинений Ренье в 1925 г.).

32. «Весами» был принят рассказ «Флор и разбойник». Фраза насчет «разрешения и отпущения», вероятно, относится к ситуации с «Комедией о Мартиниане» (см. выше, примеч. 18).

33. Имеется в виду повесть «Двойной наперсник» (Золотое руно. 1908. № 10; датирована июлем — августом 1908 г.); согласно записи в дневнике, была закончена 3 августа 1908 г. Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX в. и оккультизм. М., 1999. С. 211–224; *ДК-34.* С. 112.

34. «Victori Duci», т. е. «Виктору Вожатому», посвящена третья часть книги «Сети».

35. Ср.: «...когда читаешь рассказы г. Ауслендера, — не хочешь знать того, что он — занимательный повествователь, забываешь, что он недурной (хотя и малообразованный) стилизатор, и только изумляешься: где же, когда же молодой писатель скажет свое, пусть даже слишком молодое, даже наивное, но живое слово. Что же он не хочет подойти к жизни, посмотреть ей в глаза?.. <...> И не сыщете в „Золотых яблоках“ человеческого сердца. Этим предметом „молодая надежда“ петербургских декадентов не обладает. <...> Увы! Никакой души не обнаруживает г. Ауслендер. А если так, то мы вправе спросить его: где, на каких вершинах, в каких „безднах“ получается право „угашать дух“? Уж не в гостиной ли г. Кузмина, так предупредительно снабжающего „Золотые яблоки“ г. Ауслендера вставными стихотворными „номерами“, вроде того, где патетически восклицается:

...Для чего же нам даны
Лицемерные штаны!..

Ах, для чего дано г. Ауслендеру человеческое сердце?» (Русское слово. 1908. № 171. 24 июля (6 августа); подпись: Е. М.). Что заставило Кузмина приписать эту рецензию на «Золотые яблоки» (СПб., 1908) Ауслендера перу В. Ф. Ходасевича, неизвестно.

36. Г. Э. Тастевен был секретарем редакции «Золотого руна». Начиная с этого времени *Список писем* Кузмина фиксирует его регулярную переписку с Тастевеном (нынешнее местонахождение писем и телеграмм нам неизвестно). О возвращении Кузмина в состав сотрудников «Золотого руна» см.: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова. С. 60–61.

37. Речь идет о том же романе «Le bon plaisir» (см. выше, примеч. 31).

38. В Мартышкине, возле Петергофа, была расположена дача Сомовых, где они регулярно проводили лето.

Август

1. В записях Кузмина в *РТ* помечено, что в августе 1908 г. он читал «*Пиковую даму*» Пушкина.

2. Речь идет о первом замысле романа «Нежный Иосиф» (о работе над ним см. далее в дневнике). Однако действие там разворачивается в современной обстановке.

3. План был осуществлен издательством «Скорпион» в 1910 г. («Третья книга рассказов» вышла там же в 1913 г.).

4. Речь идет об опубликованных в июльском номере «Образования» за 1908 г. рассказах Ф. Сологуба «Опечаленная невеста» и Г. И. Чулкова «Парадиз».

5. Имеется в виду список сотрудников журнала (см.: Золотое руно. 1908. № 6. С. 80).

6. «Так поступают все женщины» (1790) — опера Моцарта.

7. Кузмин пробовал прочитать письмо, адресованное Ауслендеру (видимо, из редакции «Золотого руна»), просвечивая конверт.

8. В августовском номере «Русской мысли» на обложке было анонсировано участие в журнале А. М. Ремизова; до конца 1908 г. «Русская мысль» опубликовала два рассказа Ремизова: «Суд Божий» (№ 9) и «Царевна Мымра» (№ 11).

9. Этим числом в *Списке писем* отмечены письма к Ф. Ф. Коммиссаржевскому, Г. В. Чичерину и Г. Э. Тастевену.

10. В июле 1908 г. Л. М. Василевский (Не-Буква) стал редактором журнала «Образование», где ведущую роль должны были играть Мережковские (жившие в тот момент на ст. Суйда под Петербургом, дача Бергера). Подробнее см. в письме З. Н. Гиппиус к Б. В. Савинкову от 6 августа (Русская литература. 2001. № 3. С. 148–149; публ. Е. И. Гончаровой) и в ее же письме к В. Я. Брюсову от 18 сентября (Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 205–207; публ. М. В. Толмачева, комм. Т. В. Воронцовой).

11. Вероятно, речь идет о плане романа «Нежный Иосиф», который Кузмин начал писать в октябре.

12. Письмо из Москвы (от Г. Э. Тастевена) остается нам неизвестным; о письме из Судака — см. следующее примечание.

13. В своем письме из Судака от 16 августа 1908 г. М. М. Замятнина, в частности, сообщала: «Сережа <С. К. Шварсалон> ездил в Окружной суд и к приставу. Но и там и тут сказали, что до получения Ваши повестки о внесении денег не могут быть приняты. Я положила деньги в банк и просила Вас тотчас, к<а>к получите повестку, сообщите мне, и я тотчас пришлю Вам чек или по телеграфу переведу, если спешно. Неужели Вы еще не получили повестки?

Затем я писала Вам, что сестры Герцык предполагают поселиться у нас, и, следовательно .

Писала Вам также, что, очевидно, очень желательно, дабы устроились поближе, и что столоваться, конечно, у нас можно, и будем очень рады. До октября половины башня, во всяком случае, в вашем распоряжении, так как Вяч<еслав> и Вера и сестры раньше не переедут. Я же с Лидией приедем тоже не раньше половины сентября, или около того, может быть, 10-го сент<ября>.

Почему от Вас, в самом деле, нет вести. Что Вы и как? Боюсь, что в бурном Вы настроении, раз что-то не подаете признаков жизни, но если подаете, то тем более грешно не поделиться с друзьями.

Вчера мы получили известие, что Костя — кадет I-го корпуса. <...> Вячеслав очень задержал подписью первые листы Вашей книги, но теперь они уже отосланы, а между тем от типографии нет продолжения, равно как нет и корректур Религии Дион<иса>» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 5–6).

14. Очевидно, речь идет о возобновлении участия Кузмина в «Золотом руне» и, возможно, о согласии редакции напечатать повесть «Двойной наперсник».

15. Речь идет о младотурецкой революции 1908 г., начавшейся в Турции и направленной против режима султана Абдул-Хамида II. В июле 1908 г. в Турции была провозглашена конституционная монархия, а после попытки в апреле 1909 г. восстановить старый режим Абдул-Хамид был низложен и вся полнота власти перешла к младотуркам.

16. «*Бип-Бип*» — оперетта Р. Планкетта.

17. Речь идет о замысле оперетты «Забава дев».

18. 28 августа 1908 г. отмечалось 80-летие Л. Н. Толстого.

19. Ивановы решительно возражали против планов Кузмина поселиться на «башне» вместе с Позняковым. См. об этом в дневнике далее.

Сентябрь

1. *Щелканово* — имение Верховских в Смоленской губ., где Кузмин провел часть лета 1905 г.

2. Телеграммы были посланы Ивановым в Судак и Познякову. Известна из них телеграмма Иванову: «Благодарю простите превышение дружбы устроюсь гостинице нездоров Кузмин» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 29. Ед. хр. 29).

3. Газеты конца лета и осени 1908 г. были полны известиями об эпидемии холеры в Петербурге.

4. Имеется в виду письмо В. Ф. Нувеля от 5 сентября: «Вот что: Петр Петрович не выносит одиночества. Кроме того, для него было бы хорошо быть в постоянном общении с человеком, ему дорогим и близким. Такой человек — Вы. Если Вы еще не устроились, я был бы очень рад, если б Вы поселились вместе с ним. Думаю, что и Вам это было бы приятно. Как жилец П. П. замечательно удобен. Стеснять Вас, конечно, он ни в чем не будет. Наоборот! <...> О себе не пишу — нечего! Видел Виктора Андреевича всего один раз. Он пополнел, и вид у него вполне здоровый. Несмотря на мое приглашение, он с тех пор у меня

не был. Je n'en pleure pas <Я об этом не плачу — *франц.*>». 7 сентября, в день, когда была сделана дневниковая запись, Кузмин отвечал Нувелю: «...я еще никак не устроился. Знаю одно, что у Ивановых не только не буду жить, но и произойдет большое охлаждение, чтобы не сказать более. <...> Может быть, я буду жить с Сергеем Сергеевичем, еще не знаю. Я к Петру Петровичу отношусь очень хорошо, не выношу так же одиночества, и, конечно, был бы рад устроиться в одном месте и недалеко от Вас (это во всех случаях), но сам не знаю до приезда, как это выйдет. Мне необходимо увидаться с Вами, прочесть дневник чуть не с ноября 1907 г. и т. д. и поговорить о новом своем курсе. Писал довольно много, теперь очень увлечен текстом и мелодиями оперетки (Singspiel) „Забава дев". Здоров» (цит. по: *Богомолов.* С. 292–293).

5. Вероятно, к возвращению Кузмина в Петербург была приурочена заметка в газете «Новая Русь»: «На днях возвращается в Петербург *М. Кузмин.* Он обнаружил за лето редкую плодовитость. Им написаны: 1) повесть „Двойной наперсник" — в которой выводятся оккультисты, религиозные философы и прочие мистики; 2) роман в стихах „Новый Ролла"; 3) поэма в стихах „Всадник", написанная так называемым спенсеровским размером; 4) 36 газел (как известно, эта литературная форма в русской литературе встречается только у В. Брюсова и В. Иванова, да и то редко). Кроме того, им написана под влиянием турецких событий оперетта в 3-х действиях и 5 картинах „Забава дев" (собственные слова и музыка). Действие разыгрывается в турецком гареме. На сцену выводится один итальянец, влюбленный в султаншу, который для того, чтобы проникнуть к ней в гарем, — искусно обряжается, гримируется и принимает вид птицы. Его сажают в клетку и приносят к султанше. Заканчивается все по обыкновению общим благополучием» (1908. № 26. 10 (23) сентября). Под «турецкими событиями» имеется в виду упоминавшаяся выше революция в Турции.

6. Имеется в виду газета И. М. Василевского «Свободные мысли».

7. Ср. в газетной хронике: «Рябушинский из револьвера Браунинг выстрелил себе в грудь, пуля прошла навылет, задев легкое. Врачи надеются, что жизнь раненого будет спасена» (Речь. 1908. № 217. 11 (24) сентября). О подробностях неудавшегося самоубийства см.: Там же. № 219. 13 (26) сентября; а также: *Лавров А. В.* «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 172.

8. «*Северное сияние*» — ежемесячный иллюстрированный журнал, издававшийся в Москве в 1908–1909 гг. Кузмин в нем не печатался, однако отметим, что в первом номере была напечатана рецензия на «Сети» (подпись: С-ь). Судя по всему, в журнале предлагались высокие гонорары. 4 октября 1908 г. С. А. Ауслендер писал Г. И. Чулкову: «Что „Сияние"? Посватайте меня им. Я графине <В. Н. Бобринской, издательнице> совсем чистый, чистый рассказ напишу, о коровах или про собаку. По выбору» (*РГБ.* Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 46).

9. Ср.: «По полученным нами сведениям, журнал „Золотое руно", несмотря на несчастье, случившееся с его издателем г. Н. Рябу-

шинским, не перестает выходить в свет, и очередная книжка этого журнала выйдет в скором времени» (Новая Русь. 1908. № 34. 18 сентября (1 октября)).

10. Видимо, имеется в виду, что Вяч. Иванов отправил корректуры «Комедий» Кузмина из Судака прямо в типографию «Сириус», где книга печаталась.

11. Об обстоятельствах жизни Ф. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской в первые годы их гражданского брака (они стали жить вместе сразу после окончания дачного сезона 1908 г.) см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290–293.

12. Смысл записи, по-видимому, в том, что Н. Д. Чичерина наконец-то догадалась о гомосексуальной подоплеке творчества Кузмина.

13. Речь идет о никак не выплачиваемом гонораре за музыку к «Праматери».

14. В сентябре 1908 г. в Петербургском университете начались серьезные студенческие волнения.

15. К 1908–1909 гг. относятся попытки Кузмина активно писать стихи в твердых формах. Подробнее см.: Неизданные стихотворения М. Кузмина второй половины 1900-х годов / Публ. А. Г. Тимофеева // *НЛО*. 1993. № 3. С. 120–129.

16. В театре «*Аполло*» в эти дни шла «Колоссальная программа. Ежедневно громадный фурор». Описание этой программы см.: Речь. 1908. № 219. 13 (26) сентября.

17. Пьеса А. М. Ремизова «Трагедия об Иуде, принце Искариотском». См. о ней в хронике «Новой Руси» (1908. № 40. 24 сентября (7 октября)). В хронике газеты «Эпоха» (1908. № 2. 22 сентября (5 октября)) отмечено, что музыка «Обезьяньего марша» к этой пьесе написана Кузминым.

18. «Веселая вдова» (1905) — оперетта Ф. Легара.

19. Речь идет о постановке в Малом театре. Рецензию А. А. Измайлова (за подписью «Анчар») см.: Новая Русь. 1908. № 13. 28 августа (10 сентября).

20. См. выше, примеч. 17.

21. Речь идет о василеостровском «Театре искусств» (зав. репертуаром и главный режиссер — А. П. Воротников); 21 сентября 1908 г. там шла пьеса А. Стриндберга «Пляска смерти». Отзыв Л. Василевского см.: Речь. 1908. № 228. 24 сентября (7 октября).

22. Имеется в виду гастрольный спектакль московского театра С. Ф. Сабурова «Амалия... и так далее», шедший в помещении театра «Пассаж».

23. *Список писем* в этот день фиксирует письма к Г. Э. Тастевену и С. С. Познякову.

24. В выходившем в первой половине 1908 г. журнале Н. Г. Шебуева «Весна» (Еженедельное издание. Орган независимых писателей и художников. С постоянным отделом «Газета Шебуева». Ред. В. В. Каменский. Издательница Л. А. Шебуева) уже в № 1 появился шарж Н. В. Ре-

мизова на Кузмина «Герой тыла — литературы». В дальнейшем в «Весне» неоднократно печатались отрывки из «Нового Ролла» Кузмина, его статья «Музыка и революция» (№ 11). В № 5 Шебуев и С. М. Городецкий отвечали критикам журнала, в частности статье Е. Н. Чирикова «Мальчик без штанов» («...не правда ли, какое новое, свежее, молодое название!» — иронизировал Шебуев). Чириков, удивляясь соседству на страницах «Весны» несовместимых, по его мнению, литераторов, писал: «Что значит „в литературе без направлений"? <...> Вернее следовало сказать, что „в литературе всевозможные направления" или „все, что прикажете"... Ибо ведь всякий литератор какое-нибудь направление имеет... Даже г. Кузмин имеет направление, и даже очень определенное...» Шебуев в статье, названной, как и журнал, «Весна», отвечал: «— Да, — „в литературе без направлений". Это значит, что сегодня Кузмин, сегодня же и Григорий Петров, сегодня же и Леонид Андреев, сегодня же и Юрий Беляев. Это значит, что раз вещь талантлива и интересна, она найдет место в картинной галерее „Весны". <...> Что касается до направления, которое обнаружил М. Кузмин, то я, отдавая должное высокой марке чириковского остроумия, тем не менее повторю: да, с точки зрения чистого искусства Кузмин и Гр. Петров величины равноценные». С. М. Городецкий в статье «Штаны без мальчика» нападал на Чирикова еще резче «„Господин Кузмин, — говорите вы, штаны, — тоже направление имеет".

Это что же, вы доносите или сплетничаете?

Никто не смотрит, чем вы с Марьей Ивановной дома занимаетесь... Так и вы, когда Кузмина касаетесь, услышьте от меня:

„Не трожь!"

Не трожь Кузмина. Вот тебе его книги — читай и видь в них не одни плоды смоковниц. Может быть, вы, старые штаны, за всю свою жизнь не начирикали ничего, равного рядовому стихотворению Кузмина».

Октябрь

1. Первого октября празднуется Покров Пресвятой Богородицы.

2. Речь идет о продолжении студенческих волнений в университете, в результате которых 3 октября он был закрыт, а поведение студентов рассматривалось дисциплинарным судом. Очевидно, Позняков был среди тех, кто подлежал суду.

3. *Списком писем* в этот день зафиксировано лишь письмо к Познякову.

4. Первая строка стихотворения Кузмина (без названия). Очевидно, подразумевается его окончание: «О, быть покинутым — такое счастье! Быть нелюбимым — вот горчайший рок» (*Кузмин.* С. 77–78).

5. Роман писался, с перерывами, до лета 1909 г. (см. записи в дневнике за август того года). На протяжении большей части 1909 г. печатался в «Золотом руне».

6. Ср. в романе «Нежный Иосиф»: «Перескакивая через ручей, провалился, и мелкая серебряная форель билась, выброшенная водою на лед. Мокрый, стоя в воде, ловил он рыбу руками и снова пи-

хал осторожно толстыми пальцами под нежный лед» (*Кузмин М.* Вторая книга рассказов. М., 1910. С. 155). По предположению Дж. Барнстеда, этот отрывок романа дал основу сквозного символа позднего цикла Кузмина «Форель разбивает лед» (см.: *Barnstead John A.* Stylisation as Renewal // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien, 1989. P. 8).

7. Русская народная песня. Ее начало (в несколько измененном варианте) приведено в письме Кузмина к Г. В. Чичерину от 11 июля 1902 г. (см.: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 74).

8. Это письмо от А. А. Тамамшева, датированное 7 октября, сохранилось (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 395. Л. 3–4 об.).

9. Записка на карточке «Инженер-технолог Сергей Александрович Фотиев» сохранилась: «Многоуважаемый Михаил Алексеевич! Прошу извинения, если я вчера невольно обидел Вас. Этого я не хотел, и мой резкий отзыв был только протестом против грубой и нетактичной выходки Варвары Алексеевны по отношению к моим знакомым, протестом, который, к сожалению, вылился в обидную для Вас форму» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 143).

10. Популярная песенка того времени (в русском варианте — «Китаянка»), упоминается в *ДК-05–07* (С. 551, примеч. 9). Ср. в стихотворении Н. С. Гумилева «Разговор»:

> Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом,
> Где над людской толпой потрескивает газ,
> И слушать, светлое потягивая пиво,
> Как женщина поет «La p'tite Tonkinoise».

11. В этот день, согласно *Списку писем*, были написаны письма Г. В. Чичерину, М. Ф. Ликиардопуло и Г. Э. Тастевену. На сегодняшний день известно местонахождение только письма Чичерину (*РГАСПИ*).

12. *Iohannisberger* («Johannisberger Kabinett») — название одного из высших сортов рейнвейна. Упоминается в стихотворении Кузмина «Смотр» (1925; *Кузмин.* С. 668).

13. Имеется в виду крестный ход по деревням с иконой Иверской Божьей Матери.

14. Речь идет о «Вечере северной свирели» в василеостровском «Театре искусств» 12 октября. Ср. в отчете А. А. Измайлова: «Отдаленный василеостровский театр вчера был переполнен публикой, среди которой можно было видеть Федора Соллогуба *<так!>*, А. Блока, С. Городецкого, А. Рославлева, А. Ремизова, художников, писателей» (Новая Русь. 1908. № 59. 13 (26) октября; подпись: Аякс). В программе вечера были, между прочим, стихи А. С. Рославлева, Г. П. Новицкого, С. М. Городецкого, сказки А. М. Ремизова. Ср.: *Галанина Ю. Е.* Блок и «вечера искусства» // Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1999. Вып. IV. Музей-квартира А. Блока: Материалы научных конференций. С. 180–185. Письмо от А. М. Ремизова, упоминаемое Кузминым, написано 16 октября: «С Сергеем Сергеевичем виделся на Северной Свирели (такая была ерунда, даже занавес загорелся — Рославлев потушил). Книг он мне не передавал, но мы условились: он придет с Алексеем Михайловичем ко мне» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 16).

15. Кузмин опасается реакции Вяч. Иванова на узнаваемость персонажей и ситуации «башни» в «Двойном наперснике» (ср. запись от 20 ноября).

16. Книга — «Комедии»; о каких стихах идет речь — неизвестно.

17. Фотографическая студия Дмитрия Спиридоновича Здобнова находилась на 7-й линии Васильевского острова, 50/30.

18. Н. Г. Северский, популярный актер оперетты, в будущем — актер труппы Русского драматического театра А. К. Рейнеке, в сентябре 1906 г. открыл в прежнем помещении Немецкого клуба (затем Екатерининского собрания) Екатерининский театр. Театр просуществовал всего два сезона, и из планов на постановку кузминской «Забавы дев» ничего не вышло. В этом же, перестроенном, зале 9 октября 1910 г. открылся Дом интермедий, просуществовавший до 30 января 1911 г. (см.: *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Начало XVIII века — октябрь 1917 года. СПб., 1994. С. 336–338).

19. Ср. в письме к Нувелю от этого числа: «Напишите мне, пожалуйста, что у Вас делается и в особенности что слышно о Сергее Сергеевиче. Хотя я к нему почувствовал некоторый ледок от его предотъездных фокусов, но тем не менее он мне очень дорог, и я бы Вас покорнейше просил не устраивать его „счастья" никаким образом. Ведь нет ничего тайного, что бы не сделалось явным, и я Вам обещаю, что хотя бы Сергей Сергеевич мне оказался тогда нужен как прошлогодний снег, но я не прощу его „устройства". *Ни в чем его не устраивайте.* Без меня лучше бы даже личина невнимания. Сомова попросите устоять против авансов Познякова, потому что как мне ни дорог Сомов, я принужден буду с ним рассориться, и надолго, узнав (а узнать рано или поздно я узнаю). Вот. Пишу много, не скучаю. Знайте, что все это серьезно, как самая серьезная вещь. Передайте мое *умоление* Сомову непременно и пишите. Отказывайте во всем С. С.» (цит. по: *Богомолов.* С. 294). «Разгон», устроенный Кузминым «Золотому руну» (видимо, в письме к Г. Э. Тастевену), нам неизвестен.

Ноябрь

1. Об интересе к поэзии Я. Врхлицкого см. в раннем письме Г. В. Чичерина к Кузмину:

«18/31 Jan. <18>97.

Я продолжаю разбирать Врхлицкого, а относит<ельно> Словацкого не теряю надежды со временем, когда сам с ним хорошенько познакомлюсь (теперь я в него только как бы взглянул и увидел все его богатство), познакомить с ним тебя; мне трудно объяснить, в чем, но я чувствую, что это один из тех, к кот<орым> ты наиболее близок — ближе гораздо, чем к колоритным или мраморным Flaubert, Leconte de Lisle (с ними ты сходишься только по излюбл<енным> предметам, по эстет<ическим> вкусам в общем смысле), — ближе, чем к Калидасе, с кот<орым> ты имеешь нечто общее, интенсивно ароматное и упоенное (Врхлицкий в эпосе, по роскоши, profusion <изобилию — *франц.*> упоительных образов иногда напоминает индийскую поэзию; близость сла-

вянства и Индии часто в мистич<еских>, созерцат<ельных>, пессимистич<еских> наклонностях)» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 430. Л. 226).

2. Крупнейший столичный антрепренер оперетты П. В. Тумпаков был владельцем «Театра Буфф» («Летний Буфф») в Измайловском саду на Фонтанке. Постановка там «Забавы дев» не осуществилась.

3. Имеется в виду письмо В. Ф. Нувеля от 3 ноября: «Успокойтесь, дорогой Михаил Алексеевич. Никакой опасности нет. Мы столько же думаем о С. С., сколько о прошлогоднем снеге. С тех пор что Вы уехали, никто из нас его не видел. Мы забыли бы даже о его существовании, если б Вы не напомнили. Но мне жаль, что Вам приходится прибегать к „усиленной и чрезвычайной охране" Ваших прав и интересов, даже к угрозам самого жестокого свойства. Надеюсь, все это скоро пройдет, так как, по-моему, c' est plutôt une question d' amour-propre <это скорее вопрос самолюбия — *франц.*>» (цит. по: *Богомолов*. С. 295). 6 ноября Кузмин отвечал ему: «Дорогой Вальтер Федорович, Вы можете думать и надеяться на что угодно, но мои не угрозы, а слова остаются в прежней силе. Я просто сообщаю заранее, что всякий macrôtage <сводничество — *франц.*> С. С. будет мною принят как такая измена и оскорбление, после которых немыслимы дружеские отношения. Мне помнится, что опасаться этого я имел основания. Одним словом, хотите верьте, хотите нет, поступайте, как найдете удобным, но Вы не можете оправдываться, что не знали, как я к этому отнесусь» (Там же).

4. Ср. в посланном Брюсову письме: «Потом я посылаю Вам вещи совсем никому не известного писателя, которые, по моему мнению, не только обещают, но и дают уже нечто. Его имя Сергей Сергеевич Позняков, он стоит вне всяческих кружков Петербурга, и только действительно возбужденный во мне интерес заставил меня впервые обеспокоить Вас просьбою об „устройстве" этих опытов. Я был бы очень счастлив, если бы моя оценка не слишком разошлась с Вашею в данном случае» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 13; ср. ниже, примеч. 11). Письмо к М. Ф. Ликиардопуло неизвестно.

5. Источник цитаты установить не удалось.

6. Имеется в виду изданная «Золотым руном» книга «Земля в снегу: Третий сборник стихов» (М., 1908). Экземпляр с дарственной надписью Блока Кузмину неизвестен.

7. Речь, вероятно, идет о С. С. Познякове — см. в записи предыдущего дня: «Сережа пишет около меня...». Рассказ Познякова о люциферистах неизвестен. Ср. также примеч. 3 и 4 к декабрю 1908 г.

8. М. Л. Гофман был долгое время влюблен в В. К. Шварсалон. Очевидно, в эти дни он делал ей предложение и получил отказ.

9. В этот день в театре «Зимний Буфф» был бенефис М. С. Дальского «В волнах страстей».

10. «*Петрушка*» — одноактная пьеса П. П. Потемкина, представленная в программе на открытии мейерхольдовского театра-кабаре «Лукоморье» 6 декабря 1908 г. в особняке З. И. Юсуповой. Дебют «Лукоморья», по отзывам критики, успеха не имел; «Петрушка», несмотря на оформление М. В. Добужинского, также не произвел впечатления.

А. Н. Бенуа писал в воспоминáниях: «...хотя в этот спектакль Добужинский вложил все свое остроумие, получилось нечто довольно-таки нелепое и просто даже скучное. Живые большие люди что-то проделывали над краем занавески, через которую были перекинуты пришитые к костюмам деревянные ножки, но все это создавало лишь впечатление чего-то вымученного и скорее жалкого» (*Бенуа Александр.* Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 4–5. С. 521–522). Об этом спектакле см.: *Галанина Ю. Е.* Мейерхольд в «Лукоморье» // *Мейерхольдовский сборник.* С. 255–271.

11. Брюсов писал Кузмину 14 ноября: «Диалоги С. Познякова я прочел. Рекомендации Вашей, конечно, вполне достаточно, чтобы его страницы были напечатаны в „Весах". Я просил бы, однако, позволения поместить лишь два диалога: 1-й и 3-й. 2-й мне кажется более слабым. Если один наш сотрудник, обещавший нам рассказ для декабря, „Весы" обманет — „Диалоги" могут быть напечатаны в декабре. Если же этот сотрудник свое обещание исполнит — то в марте 1909 г. Ближе все страницы №№ уже распределены» (*WSA.* Bd. 1. S. 74). На следующий день после получения Кузмин отвечал: «...благодарю Вас за быстрый и утешительный ответ. Был бы рад думать, что не только желание исполнить мою просьбу руководило Вами при принятии рукописи Познякова. Еще более подтверждает это то обстоятельство, что как раз относительно второго диалога были сомнения, посылать ли его на Ваше благоусмотрение. Теперь надо быть еще строже, и поверьте, что ничьи и никакие вещи я бы не взялся Вам посылать без достаточного взвешиванья. Этот же молодой человек мог бы быть небесполезен для заметок о книгах, будучи знаком хорошо с литературой, образован и не глуп, притом он на верном пути в смысле вкуса (к чужим вещам), и не думаю, чтобы его статьи расходились со взглядами „Весов"» (*РГБ.* Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 13). Однако Позняков в «Весах» более не печатался. Лев Мович в обзоре «Летопись литературы и жизни» писал: «Без труда мы видим во всех этих уродливых изломах — *глубоко-трагическое положение души*, которое обостряется в „Жертве" г. Ремизова, в неприличной ругани г. Эллиса по адресу „реалистов" и „мистиков", в нелепом бреде „Диалогов" г. Сергея Познякова, в горячечных, сделанных в пароксизме безумия, рисунках г. Судейкина» (Образование. 1909. № 5. С. 81–82; паг. 3-я).

12. В театре «Буфф» в этот день был спектакль из двух оперетт — «В волнах страсти» и «Театральная сирена», дававшийся труппой М. С. Дальского.

13. Речь идет о повести «Двойной наперсник».

14. См. об этом дневниковые записи В. К. Шварсалон 1908 г. (*Богомолов.* С. 310–337).

15. Письма Кузмина к В. В. Руслову раннего периода опубликованы: *Богомолов.* С. 200–215; *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 462–463. Более поздние письма: *МКиРК.* С. 180–191; публ. А. Г. Тимофеева.

16. Речь может идти об опубликованном полгода спустя произведении А. М. Ремизова «Бедовая доля. Ночные приключения» (Рус-

ская мысль. 1909. № 5) либо аналогичном тексте. Ср. в комментарии О. Раевской-Хьюз: «Сны — существенный аспект творчества Ремизова. Кроме снов, входящих в текст различных произведений <...> записи снов составляют целые разделы книг <...>. Однако не следует принимать „сны" Ремизова только как запись действительных снов <...>. В конце жизни Ремизов выпустил целую книгу, посвященную снам, *Мартын Задека.* Сонник (Париж, 1954), здесь рассказ о снах в своей жизни с перечислением, кто ему снился из писателей...» (*Ремизов Алексей.* Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл. и комм. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С. 304).

17. Сохранился обмен письмами этого дня между Кузминым и Сомовым. Кузмин писал: «Дорогой Сомов, я остался здесь не совсем по своей воле, так как этот негодный Рябушинский, обещав мне прислать сегодня 100 рублей, ничего не прислал. Каждый день увеличивает расходы; я телеграфировал, чтобы они выслали в Окуловку и остался tout à fait à sec <на мели — *франц.*>. Я Вам говорил, что не хочу просить, но вышло, что je n' ai reculé que pour mieux sauter <я отступил, чтобы получше прыгнуть — *франц.*>. Пожалуйста, пришлите мне 25 р., отдам их, как только смогу, значит, скоро. Пожалуйста. Не сердитесь за легкомыслие, чтобы я не запутывался далее, а уезжал от вредного петербургского климата. Целую Вас. Ваш *М. Кузмин*» (*ГРМ.* Ф. 133. Ед. хр. 233).

Сомов отвечал ему:

«Дорогой Михаил Алексеевич,

Простите, что не могу исполнить Вашей просьбы. Вы обращаетесь ко мне в очень неудачную минуту: у меня теперь тоже совсем нет денег, множество расходов и несколько неоплаченных долгов порушили мои финансы.

Ваш *К. Сомов*» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 4048).

18. В театре «Невский фарс» в этот день шло обозрение «Вот так аптека!..».

19. В театре «Пассаж» кроме оперетты «Веселая вдова» в программу входили также цыганские романсы.

20. О каком произведении Л. С. Бакста, время от времени печатавшегося в петербургских газетах, идет здесь речь — неясно. 20 ноября в газете «Петербургский курьер» появился его ответ на анкету «Красота или порнография», но вряд ли здесь имеется в виду это.

Декабрь

1. Спектакль в театре В. Ф. Коммиссаржевской по пьесе Л. Н. Андреева.

2. В *Списке писем* этим днем датированы два письма Познякову, два письма и телеграмма Ауслендеру.

3. См. письмо С. М. Городецкого от 6 декабря 1908 г.: «Дорогой Михаил Алексеевич, Вы делаете школу, но все-таки рассказ Познякова никуда не годится. Впрочем, в „Весы" даже очень. Или я ослеп, или Купидонова повязка Вас подводит. Но это не мое только мнение.

Кроме непристойностей и пародирования Вас в рассказе ничего нет. Не Вашему бы милому голосу защищать его. Вы вчера нас огорчили, что не зашли. Вы нам смутны и не во всем последнее время понятны, но любим Вас всегда. Желаю Вам здоровья, силы и лучше тяжелой скорби, чем легкого веселья» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1291. Л. 5). О планах какого альманаха пишет Кузмин, нам неизвестно.

4. Очевидно, название рассказа Познякова, посланного С. М. Городецкому. Рассказ, сколько мы знаем, опубликован не был, и текст его неизвестен. Нельзя исключить, что «*Марсельский дилижанс*» — это написанный еще летом в Окуловке рассказ о люцифери́стах, понравившийся Кузмину.

5. В пьесе Островского эти слова говорит старый купец Коршунов, разоривший Любима Торцова и замучивший жену ревностью: «Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?» — Любовь Гордеевна: «Нет, не знаю». — «А я знаю... Это не то, что иголкой пальчик уколоть, гораздо побольнее будет» («Бедность не порок», д. III, явл. 7).

6. Упомянутая телеграмма пришла 8 декабря.

7. Речь идет о сонете-акростихе Брюсова «М. А. Кузмину» («Мгновенья льются, как поток бессменный...»), впервые напечатанном: Весы. 1909. № 2. Сонет являлся ответом на посвятительный сонет-акростих Кузмина, ставший эпиграфом к «Подвигам великого Александра». Письмо, в котором этот акростих был прислан, а также письмо от М. Ф. Ликиардопуло неизвестны. 1 января 1909 г. Кузмин благодарил Брюсова за сонет.

1909

Январь

1. Письмо к А. А. Коровину неизвестно, но, видимо, оно было по своему содержанию сходно с письмом к М. М. Замятниной от 2 января:

«Многоуважаемая Марья Михайловна,

я знаю свой проступок и Ваше отношение к нему и ко мне. И не об этом непоправимом деле я пишу, но если не химера то, что было, то, что связывало нас, то, что также, как бы Вы ни относились ко мне, привязывает меня к Вам, как сын привязан к хотя бы проклявшей его матери, если имеет значение мое дарование, если жалость возможна к не только оттолкнутым друзьям, но и к врагам, то я лично и просто, и откровенно позволю себе открыть Вам свое положение.

Если бы не человек, связанный неразрывно, фактически и доказательно со мною, судьба которого зависит от моей, как моя от него, бросивший очень многое для меня, то давно бы была логическая и простая развязка всей этой тяжести. Кто — мне друзья? Не говоря о самых близких, не запрещенных теперь мне, — Ремизовы и Нувель, потому что не скажет никто, что я дружен, например, с Брюсовым, от которого получаю лестные и вежливые письма. Родные делают мне всевозможные затруднения и ставят условиями помощи такие унизительные и неприемлемые вещи, что об этом нечего и думать. Ауслендер бессознательно или сознательно сделал мне гадость, имевшую самые живые и практические последствия. Родные со стороны Серг<ея> Серг<еевича> не устают делать то же самое.

Хотя мои последние вещи и находятся друзьями лучшими всего, но они написаны, и что же из того, что, может быть, мирно работая в любви и скромности, я смогу сделать еще лучше?

Но вот практически, так как мы без денег, то принуждены жить в гостинице, где верят в кредит, но жить вчетверо дороже, чем я могу. Как только я получу деньги, они идут на расплату, и опять я не могу выехать, не имея лишних 40 рубл<ей> за комнату и стол вперед. Но и этой петле наступит конец. Помочь мне могло бы именье денег на 35–40 больше, чем нужно.

Обращался я ко многим, и или отказ, или никакого ответа.

Серг<ей> Серг<еевич> захворал и завтра или сегодня в ночь должен ехать к очень больной матери. Я останусь совсем один. В гостинице нам уже не отпускают в долг и каждый день требуют уплаты. Я обратился (это между нами) к Коровину, который обещал мне 7–9 января дать 150 р., но это деньги, могущие помочь мне *сейчас*, 7-го опять *все* уйдут за гостиницу, где придется остаться. На эти дни я просил Тамамшевых, но через 4 дня, сегодня и они отказали. Коровин вернее верного, но это будет поздно.

За прошлое мне нужно рублей 80 и рублей 35 (25), чтобы переехать в комнату по средствам.

И если Вы бы могли завтра мне дать до 10–11 хоть часть денег (попытаюсь часть найти в другом месте, но где?), то Вы не только бы вывели меня, и надолго, если не навсегда, из этого положения, но и дали бы возможность начать тихую, уединенную, заброшенную, но полную труда и любви жизнь.

Вы скажете: „Так Вам и нужно, и казнитесь, всеми презираемый", — но причина ли это для окончательной и фактически непоправимой гибели? Я бы, конечно, был утешен видеть Вас, но я этого даже не прошу, а если Вы не можете исполнить моей просьбы, то скажите посыльному, что просто ответа не будет. Не пишите причин. И возьмите с меня *непременно* расписку.

Ваш *М. Кузмин*» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 29. Ед. хр. 28).

2. Имеется в виду представление в цирке Чинизелли. См. в хронике о той же программе, показанной на благотворительном представлении в пользу пострадавших от мессинского землетрясения: «Акробаты, клоуны, наездники и их покорные, прелестно выдрессированные четвероногие sujets — лошади, слоны, собаки, кошки, обезьяны и даже верблюды, — все старались, а дикие, предикие дагомейцы своими воинственными эволюциями и танцами наводили прямо страх» (*БВ*. Веч. вып. 1909. № 10907. 14 января).

3. Некоторые сведения о «брате Валерской», относящиеся к 1919 г., содержатся в дневнике В. А. Амфитеатрова-Кадашева (см.: *Минувшее*. Т. 20. С. 600).

4. Имеется в виду Федор Басманов, фаворит Ивана Грозного. Мнение о его гомосексуальной связи с царем широко распространено.

5. Об отношениях Кузмина с Н. С. Гумилевым (вероятно, здесь фиксируется первая их встреча) см.: Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1987. Т. 46. № 1. С. 59–61.

6. Речь идет о выставке «Салон», организованной С. К. Маковским (вернисаж состоялся 4 января). Как писалось в хронике газеты «Речь», «основная мысль устроителя — соединить в одном помещении представителей разных групп, составляющих передовое русское искусство» (№ 3. 4 (17) января). Ср. также: «Выставка, одна из самых у нас больших (число №№ ее более 600) после выставки портретов в Таврическом дворце, хорошо посещается» (Там же. № 20. 21 января (3 февраля)). См. также: *–ский* [*Брешко-Брешковский Н. Н.?*]. Модернисты в гостях у Петра Великого (выставка союза) // *БВ*. Веч. вып. 1909. № 10890. 3 января; № 10892. 5 января; № 10894. 6 января; *Боцяновский Вл.* На художественных выставках. 2 // Новая Русь. 1909. № 5. 6 (19) января; и мн. др. Обзорная статья: *Северюхин Д. Я.* Салон Маковского // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. Т. 2. С. 355–397.

7. Вечер в театральном зале А. И. Павловой (Троицкая ул., 13), в газетной хронике не отмечен. Можно предположить, что он каким-то образом был связан с деятельностью Министерства двора, где служил В. Ф. Нувель, и потому не был открыт для публики.

8. Январем 1909 г. помечены в *РТ* стихотворения «Боги, что за противный дождь...» и «Что морочишь меня, скрывшись в лесных

холмах?..» Помимо этого речь может идти о стихотворениях из цикла «Осенние озера», датированных августом 1908 – мартом 1909 г.

9. Спектакль, поставленный Н. Н. Евреиновым в театре на Офицерской по пьесе Ф. Сологуба «Ванька Ключник и паж Жеан». Отзывы о постановке см.: *Арабажин К.* Ванька-ключник и паж Жеан // *БВ.* Веч. вып. 1910. № 10899. 9 января; подпись: К. Ар-н (Solus); *Кугель А. Р.* // Новая Русь. 1910. № 9. 10 (23) января; подпись: Homo novus. Ср. также: *Семкин А. Д.* Евреинов. Сологуб. К истории постановки пьесы «Ванька-ключник и паж Жеан» // Русская литература. 2000. № 2. С. 112–119.

Об обстоятельствах этих дней см. в письме В. Ф. Нувеля к Кузмину от 8 января: «Дорогой Михаил Алексеевич. Посылаю Вам при сем 50 рублей. Твердо рассчитываю получить всю сумму 12-го. Иначе страшно подведете. Постараюсь получить билет на „Ваньку Ключника“. Надеюсь Вас встретить, хотя бы без С<ергея> С<ергеевича>. Ваш *В. Нувель*». В тот же день Кузмин отвечал ему: «Дорогой Вальтер Федорович, простите, что сам не заехал. Сегодня, вероятно, будем на „Ваньке Ключнике“, если С. С. свободен. Не знаю, выберусь ли и куда из гостиницы при полной убитости новою сложностью. По правде сказать, не очень-то я верю в непричастность самого Сережи ко всей этой истории. Вчера просидел вечер у Блока. Попрошусь переехать до 19<-го> (время окончательного переезда ко мне С. С.) к Ме<й>ерхольду, Тамамшевым, Ремизовым — (что я знаю?), а то в комнате у чужих теперь я прямо повешусь. Как насчет завтраво *<так!>*, или в субботу? Сообщите по телефону. Спасибо. Целую. Ваш *М. Кузмин*» (цит. по: *Богомолов.* С. 296).

10. См. письмо Кузмина к Ан. Н. Чеботаревской, написанное на следующий день:

«Дорогая и многоуважаемая

Анастасия Николаевна!

простите, что я не мог воспользоваться Вашим дружеским приглашением вчера. Поздравьте от меня дорогого мне Федора Кузьмича и поверьте, что вовсе не какая-нибудь холодность удержала меня вчера, как и некоторые другие разы.

Скажу Вам откровенно и по секрету. Я не один и не *должен* ходить в тех случаях, где при общей вхожести я зван одним. Так бы поступил, напр<имер>, Ал<ексей> Мих<айлович Ремизов>, если бы звали Ивановы без Сераф<имы> Пав<ловны> и как *<так!>* поступил бы всякий. Простите меня, я никого не навязываю, но объясняю, что мое отсутствие не показывает мое недружественное отношение. Тем более что я теперь в таком настроении, что едва ли мое присутствие может увеличить общее веселье, хотя мне теперь очень нужно льнуть и видеть людей близких, хотя бы молча. Люблю я Вас по-прежнему, и не сердитесь на мою откровенность. Привет мой Федору Кузьмичу, которого я ценю совершенно и люблю.

Ваш

М. Кузмин.

9 января

1909»

(*ИРЛИ.* Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 143).

11. Имеется в виду известный портрет Кузмина (два варианта — в Третьяковской галерее), над которым К. А. Сомов работал в это время. См. также в дальнейших записях дневника. Видимо, к сеансам для этого портрета относится сохранившееся письмо Кузмина к Сомову от 16 января 1909 г.: «Простите, ради Бога, злой и милый Сомов, но меня задержали очень неприятные дела, которые теперь, к счастью, кончены. Жду Вас завтра, а если письмо опоздает, то послезавтра. Ваш *М. Кузмин*» (*ГРМ*. Ф. 133. Ед. хр. 233).

12. Речь идет о продаже издательству «Скорпион» прав на издание новых книг Кузмина (до 1912 г. все они выходили именно там). См. также в письме к В. Ф. Нувелю от 16 января 1909 г. (что дает основания для точной датировки возвращения Кузмина из Москвы): «Простите, милый друг, задержку. Я ездил в Москву и приехал только сегодня. Надеюсь, что все благополучно и Вы не слишком подведены. Воображаю, что Вы обо мне думали, но я не вконец мошенник. Очень жду Вас, чтобы видеть, что Вы не сердитесь. Благодарю Вас и С. П. <Дягилева>. Ваш *М. Кузмин*» (цит. по: *Богомолов*. С. 297). См. также письмо Кузмина в «Скорпион»: «Получив в январе предложение от Вашего книгоиздательства издавать свои книги исключительно у Вас, я при соглашении изъявил настойчивое желание, чтобы первые три намеченные книги выходили в такие сроки...» (*ЕРОПД* на 1990 год. С. 53; публ. А. Г. Тимофеева).

13. Ср. в стихотворении В. Я. Брюсова «Раб» (1900): «И в ту же ночь я был прикован / У ложа царского, как пес».

14. См. в газетной хронике: «20 января, вечером, в помещении польского общества любителей изящных искусств состоялось очередное закрытое заседание религиозно-философского общества. Собрание было очень многолюдное. Д. В. Философов прочел реферат «о Богостроительстве и Богоискательстве» по поводу доклада Базарова, на ту же тему, читанного в литературном обществе» (*Огнев Н. В.* // Речь. 1909. № 21. 22 января (4 февраля); подпись: Н. О.). Среди выступавших названы также: В. Базаров, Филатов, М. П. Неведомский, С. А. Аскольдов, В. И. Иванов, Д. С. Мережковский, В. П. Протейкинский. См. также заметку за подписью А. В. — Новая Русь. 1909. № 21. 22 января (4 февраля).

15. О каком замысле, названном «*альманах Рериха*», идет здесь речь, установить не удалось.

16. Вероятно, речь идет о «старейшинах» кружка гафизитов. См. в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной о первом собрании: «На будущей неделе будет первый опыт. Пригласили мы, основатели, то есть Вяч<еслав>, Сомов, я и Нувель, еще Кузмина, Городецкого и, увы, Бердяевых...» (цит. по: *Богомолов*. С. 70).

17. Имеется в виду посвященный Брюсову сонет-акростих «Валы стремят свой яростный прибой...», служивший посвящением к роману «Подвиги Великого Александра» (первая публикация: Весы. 1909. № 1).

18. Речь идет о попытке самоубийства Н. С. Гумилева в 1907 г. См. подробнее в воспоминаниях А. Н. Толстого (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 38–39).

19. Речь идет о билетах на премьеру «Праматери» Ф. Грильпарцера в переводе А. А. Блока с музыкой Кузмина в театре на Офицерской. См. в газетной хронике: «Назначенное на 26 янв<аря> в театре Коммиссаржевской первое представление трагедии Грильпарцера «Праматерь» не состоялось вследствие несчастного случая с занятым в главной роли пьесы артистом А. И. Аркадьевым. Артист вместе с В. Ф. Коммиссаржевской и Б. С. Неволиным возвращались по льду с гастрольного спектакля в Кронштадте; по дороге сани вывернули артистов, причем г. Аркадьев сломал себе руку и помещен в Максимилиановскую лечебницу. Неволин же отделался ушибами» (Речь. 1909. № 26. 27 января (9 февраля)).

20. Кузмин фиксирует кредит в номерах, где он жил и задолжал.

21. Сеанс позирования К. А. Сомову (см. выше, примеч. 11).

22. Из событий, связанных с жизнью Кузмина в эти дни конца января 1909 г., следует отметить состоявшуюся все-таки премьеру «Праматери» 29 января. Музыка Кузмина была отмечена рецензентом «Речи» Л. М. Василевским: «Пьеса сопровождается в двух-трех местах мелодичной музыкой М. А. Кузмина» (1909. № 30. 31 января (12 февраля); подпись: Л. Вас-ий; см. также отклик Ю. Верховского — Наша газета. 1909. № 26. 31 января). Ср. в воспоминаниях М. А. Бекетовой: «В январе 1909 года в театре Коммиссаржевской состоялась постановка „Праматери“. <...> Но пьеса успеха не имела. Играли из рук вон слабо, и ни интересная музыка Кузмина, ни великолепные декорации А. Н. Бенуа не спасли положения» (*Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 85). Библиографию отзывов о постановке см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 5. С. 683–684.

Февраль

1. *Новый цирк* — цирк «Модерн» (Кронверкский пр., 4). См. в рекламном объявлении на этот день: «2 больших gala представления. На оба представления грандиозная обстановочная пантомима „Красная шапочка“ <...> На вечернем представлении продолжение чэмпионата французской борьбы, 26 день чэмпионата и матчей, борются следующие пары: <...> Поддубный (Чэмп<ион> мира) — Сальватор Бамбулла (Северная Америка), Заикин (Чэмп<ион> мира) — Макс Шнейдер (Чэмп<ион> Германии), вторая и решительная борьба...» (*БВ*. Веч. вып. 1909. № 10939. 2 февраля). Отчет о представлении: *–ь* // Там же. № 10942. 4 февраля. О борьбе: *Брешко-Брешковский Н. Н.* Борьба в Новом цирке // Там же. № 10940. 3 февраля; подпись: Дискобол.

2. *Граф* — А. Н. Толстой, который возвращался после вечера в зале А. И. Павловой в пользу недостаточных студентов Санкт-Петербургского университета (см. хроникальное извещение о вечере: Новая Русь. 1909. № 31. 1 (14) февраля).

3. Планы поездки в Коктебель к М. А. Волошину не реализовались.

4. Вероятно, Кузмин должен был получить гонорар за книгу «Комедии» (СПб., 1908), изданную Вяч. Ивановым в издательстве «Оры» (см. запись в дневнике от 12 февраля 1909 г.).

5. Речь идет о стихах из цикла «Праздники Пресвятой Богородицы» (впервые: Остров. 1909. № 1. О журнале «Остров» см. ниже, примеч. 8 к марту и примеч. 11 к маю 1909 г.).

6. Письмо с приглашением зайти Ремизов написал Кузмину 10 марта (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 17).

7. Скорее всего, имеется в виду выставка «Нового общества художников».

8. См. выше, примеч. 4.

9. Так в кругу Кузмина именовали тогда О. Э. Мандельштама. Прозвище связано с тем, что ему в это время протежировала З. Н. Гиппиус. Подробнее см. в примечаниях А. А. Морозова к публикации дневниковых записей С. П. Каблукова о Мандельштаме (Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 80). См. также комм. А. Г. Меца к тому же тексту (*Мандельштам О. Э.* Камень. Л., 1990. С. 359).

10. Имеется в виду либо сборник фортепьянных упражнений, либо первая пьеса из «Детского уголка» (1906–1908) К. Дебюсси «Doctor gradus ad Parnassum».

11. Письмо от М. Ф. Ликиардопуло неизвестно. «Диалоги» С. С. Познякова действительно были опубликованы во втором номере «Весов». Упоминание о корректурах может относиться как к этой публикации, так и к повести Кузмина «Подвиги Великого Александра», печатавшейся в первых трех номерах «Весов» за 1909 г.

12. Киево-Печерское подворье находилось на Васильевском Острове, на Николаевской набережной, 27.

13. Опера Моцарта «Волшебная флейта» (1791).

Март

1. Письма от С. С. Познякова и В. Ф. Нувеля неизвестны, однако сохранился ответ Кузмина последнему, написанный 2 марта (см.: *Богомолов*. С. 298). Судя по этому ответу, Нувель переживал какие-то любовные страдания и Кузмин пытался его утешить.

2. См. в хронике: «1 марта открылась в „доме, где умер Пушкин“ (Мойка, 12) выставка „союза русских художников“. Выставка является, без сомнения, самой значительной и блестящей в году. Особенный интерес представляют <...> картины <...> Сомова (портреты Кузмина, Вяч. Иванова, Блока)...» (Речь. 1909. № 59. 2 (15) марта). Подробный отчет Н. Н. Брешко-Брешковского «В Пушкинском доме» см.: *БВ*. Веч. вып. 1909. №№ 10986, 10988, 10994. 2, 3 и 6 марта.

3. Вероятно, речь идет о первом номере журнала, где были опубликованы стихи Кузмина и начало «Нежного Иосифа».

4. А. А. и Л. Д. Блок уехали в Италию только в апреле. Однако, как пишет в своих воспоминаниях М. А. Бекетова, «еще в феврале месяце у Блоков зародилась мысль о весенней поездке за границу, в Италию» (*Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990.

С. 85). Ср. также письмо Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 12–13 марта (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 349).

5. Информации об аресте русских социал-демократов в Германии, которому мог бы подвергнуться и Г. В. Чичерин, обнаружить не удалось. Под «возможностью войны» подразумевается обострение австро-сербского конфликта, о котором много писали газеты того времени.

6. Ср. в письме Нувеля от 5 марта: «Простите, надоедаю Вам своими иеремиадами. Как Ваше здоровье? С С. С. <Позняковым> встречаюсь только на репетициях „Ночных плясок“. Не приедете ли в Петербург? Здесь Брюсов. Я его не видал. Были как-то у Иванова, где гостит Бердяев. Было уныло и беспросветно» (цит. по: *Богомолов*. С. 299–300). Ср. также фрагмент из письма В. Я. Брюсова к И. М. Брюсовой (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 348; следует отметить, что Брюсов приезжал в Петербург не только по делам, но и для встреч с Н. И. Петровской).

7. Здесь может подразумеваться как фортепианный цикл П. И. Чайковского, так и музыка вокально-инструментального цикла самого Кузмина (второе название — «Времена жизни»).

8. Имеется в виду недатированное письмо о планах журнала «Остров» (см.: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 323; комментатором письмо ошибочно отнесено к концу марта: как следует из *Списка писем* за этот период, письмо от Потемкина было единственным в марте).

9. Речь идет о готовившемся благотворительном спектакле, сбор от которого должен был пойти пострадавшим от землетрясения в Мессине. См. в газетной хронике: «Великим постом состоится спектакль литераторов с участием, между прочим, Ал. Ремизова, С. Городецкого и др. Пойдет под режиссерством Н. Евреинова новая пьеса Ф. Сологуба „Ночные пляски“, помещенная в декабрьской книжке „Русской мысли“ за прошлый год» (Речь. 1909. № 32. 2 (15) февраля); «Сегодня в зале Павлова *<так!>* идет пьеса Ф. Соллогуба *<так!>* „Ночные пляски“ в пользу мессинцев. Ставит пьесу Н. Н. Евреинов. Участвуют художники и литераторы Рерих, Бакер <имеется в виду Л. С. Бакст>, Сомов, Ауслендер, Блок, Городецкий, Дымов, Волошин, Кузьмин, Ремизов, г-жи Потапенко, графиня Толстая, Велерская *<так!>*, Сенигова, Тиме, Крандиевская и др. Балет ставит Фокин, музыка Сенигова *<так!>*, декорации худож<ника> Калмыкова» (Новая Русь. 1909. № 45. 16 февраля (1 марта)). «Интересный спектакль состоится 9 марта в Литейном театре. Пойдут „Ночные пляски“ Федора Соллогуба *<так!>* в исполнении литераторов и художников; роль юного поэта исполнит Сергей Городецкий; участвуют также О. Дымов, художники Бакст, Кустодиев, Билибин и др.» (Речь. 1909. № 64. 7 (20) марта). См. также хронику «Биржевых ведомостей» (Веч. вып. 1909. № 10994. 6 марта) и «Новой Руси» (1909. № 51. 22 февраля (5 марта); № 63. 6 (19) марта). Ауслендер исполнял в спектакле роль Американского принца.

10. *Список писем* на этот день фиксирует письма к С. А. Ауслендеру, Г. Э. Тастевену и Г. В. Чичерину.

11. Корректуры цикла «Осенние озера» (опубликован: Весы. 1909. № 3).

12. Шаржа в буквальном смысле этого слова в газете не было. Речь идет о статье: *Измайлов А.* Ночные пляски (Шарж) // *БВ.* Веч. вып. 1909. № 11000. 10 марта. О спектакле см. также отчеты Вл. Азова (Речь. 1909. № 68. 11 (24) марта) и Вл. Боцяновского (Новая Русь. 1909. № 68. 11 (24) марта).

13. См. выше, примеч. 3.

14. *«Север»* — фрагмент лишь частично дошедшего до нас вокального цикла Кузмина «Города».

15. «Поселяне замечают: что если на этот день появятся большие ручьи, то полая вода будет большая и широко разольется по лугам» (Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989. С. 251).

16. Приведем это письмо:

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Простите за навязчивость, что еще раз решился Вам напомнить о своем желании учиться под Вашим руководством теории музыки.

При сем прилагаю одну из последних работ по гармонии, поправленных С. Т. Аббакумовым. По ней Вы можете составить себе понятие о моих знаниях и определить программу наших занятий. Я желал бы за лето окончить гармонию, познакомиться с формами и контрапунктом. Конечно, драгоценнее всего будут Ваши практические указания по технике письма, потому что самоучкой, я убедился в этом, почти ничего не получится. Не подумайте, что я большой энтузиаст или мечтатель, я просто желаю учиться, то есть не желаю остановиться на полпути в знаниях теории муз<ыки>, раз решив ее более или менее усвоить. Платить за ваши труды могу по 75 коп. за час, дороже платить будет трудновато.

С искренним почтением Ваш Августин Иванович Оона»

(*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 3–3об.).

17. *«Цимбелин»* (1610) — пьеса У. Шекспира. Под *«Оракулом»* может подразумеваться какое-нибудь издание «Карманного оракула» Балтасара Грасиана (1647), как в русском переводе, которые существовали с XVIII в., так и в переводе на какой-либо европейский язык.

18. Второй номер журнала, где продолжалось печатание «Нежного Иосифа».

19. Опера М. И. Глинки «Руслан и Людмила» (1842).

20. В этот день Брюсов прислал Кузмину книгу «Все напевы» (т. е. третий том трехтомного собрания стихов «Пути и перепутья», М., 1909). Местонахождение этого экземпляра неизвестно. 31 марта Кузмин благодарил Брюсова: «Дорогой Валерий Яковлевич, нет слов выразить Вам мою благодарность за присылку Вашей книги со столь ценною для меня надписью. Обстоятельства моей душевной жизни сложились так, что, мимо художественной прелести Вашей книги, ее получение имело для меня совсем исключительное значение. Может быть, сами того не предполагая, Вы спасли меня от очень большой скорби и несчастья. Благодарю Вас и остаюсь, что бы ни случилось, навсег-

да преданным и благодарным. *М. Кузмин*» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 13).

21. По-видимому, упомянутый выше, в примеч. 18, второй номер «Золотого руна» привезли из почтового отделения на станции, а первое упоминание означало получение квитанции («повестки», как пишет Кузмин).

22. Речь идет о цикле «Праздники Пресвятой Богородицы», опубликованном в первом номере журнала «Остров». Стихи были отданы Гумилеву еще в феврале (см. письмо Гумилева к А. М. Ремизову от 9 февраля 1909 г. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 57–58). Не исключено, что Кузмин пробовал действительно изъять стихи из печатавшегося журнала, так как 7 мая 1909 г. Гумилев написал ему: «Сергей Абрамович <Ауслендер> сказал мне, что Вы не получили моего письма, которое я послал в ответ на Ваше. Это мне страшно неприятно, потому что „Праздники“ уже напечатаны» (Там же. С. 59). Упоминаемое здесь письмо Кузмина к Гумилеву нам неизвестно. О журнале см. примеч. 11 к маю 1909 г.

Апрель

1. «*В лесах*» (1871–1874) — первая часть дилогии П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» и «На горах».

2. Имеется в виду письмо от А. М. Ремизова от 4 апреля 1909 г. (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 18).

3. Рассказ С. С. Познякова в «Ниве» не публиковался.

4. Третья седмица после празднования Пасхи, в продолжение которой вспоминаются и чествуются святые жены, пришедшие ко гробу Иисуса Христа, чтобы помазать тело Его миром.

5. *Радуница* — праздник поминовения предков у славян.

6. Обыгрывается название пьесы А. Н. Островского «На бойком месте» (1865).

7. Письмо А. И. Ооны сохранилось (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1–2).

8. «*Яков Пасынков*» (1855) — повесть И. С. Тургенева. Ср. описание жизни в Окуловке в письме Кузмина к Вяч. Иванову от 8 мая: «Отсюда я вряд ли скоро уеду, — и мое здоровье, и перспектива жить одному, и мое состояние духа не позволят мне этого. Я очень долго не писал ничего и только последние дни снова принялся за „Иосифа“. Чувствую себя покойно и хорошо, несмотря на однообразие жизни. Я занимаюсь английским с англичанином, очень плохо говорящим по-французски, владеющим кроме английского только испанским языком, прожив больше года в Испании. На уроках только английский. Он веселый простой молодой человек, любящий прогулки и т. д. Занимаюсь еще теорией музыки с одним из конторщиков, большим энтузиастом вроде „Якова Пасынкова“. Потом я теперь режиссирую „На бойком месте“ Островского. Это приятно — все так стараются, все люди молодые и простые, относятся отлично. Потом у меня есть еще занятие. Это — моя старшая племянница, сделавшаяся из девочки девушкой; у нее вдруг

отнялись ноги на нервной почве, и хотя она теперь и бродит с палкой, но занимаю ее я; вывожу на балкон, читаю, учу с ней Глинку и Даргомыжского, так как у нее есть голос нежный и сладкий, большая любовь к музыке и музыкальность, служу наперсником ее первого романа и очень с ней подружился. Со всеми семейными и другими обитателями в тепловатой дружбе. Встаю рано, много хожу, а то зять возит меня по своим делам в леса и по озерам верст 25 на лодке на целый день. Это утишает и умиротворяет мысли. Участвую во всех местных развлечениях, веселясь весельем других. Вернулся к благочестию и опять влюбился в старину. Скучаю только тем, что ни от кого не получаю писем, хотя по себе знаю, что это вовсе не значит, что человека забыли. Но в малодушные минуты несколько горьковато, от молитвы получишь силы. Теперь я могу Вам сказать, что с С<ергеем> С<ергеевичем> у меня все кончено. Я не буду винить его; я сам виноват, меря его не его меркой. На его мерку я не мог и не хотел соглашаться, моя же мерка ему показалась тяжела и неудобоносима. Теперь я могу это видеть ясно и спокойно» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 29. Ед. хр. 29).

Май

1. *Единоверческие книги* — старопечатные дониконовские книги, которыми пользуются старообрядцы единоверческого согласия.

2. Вукол Ермолаев *Бессудный* и Павлин Ипполитович *Миловидов* — персонажи пьесы А. Н. Островского «На бойком месте» (1865), которая ставилась артистами-любителями в Окуловке (см. в записи от 15 и 30 апреля 1909 г.).

3. *«Дворянское гнездо»* (1859) — роман И. С. Тургенева. Об игре детей в уголки упоминается в эпилоге, в сцене приезда Лаврецкого в имение.

4. Имеется в виду письмо С. А. Ауслендера от 5 мая: «У Ивановых был на собрании поэтической академии. Очень шикарно. В<ячеслав> И<ванович> пишет формулы сонетов, секстин и т. д. на доске, и поэты записывают. Читались как примеры твоя секстина и канцона. Был вчера у Ивановых один. Они очень милы и ласковы, только не Евгения <Герцык>. А<нна> Р<удольфовна Минцлова> говорит о тебе с истинной нежностью. Читал им рассказ, еще не оконченный до сих пор. Очень одобряли. Были душевны. Вспоминали усердно тебя и жалели, что долго не увидят.

Был как-то у этих художницы *<так!>* (Яковлева ее фамилия) и видел С<ергея> С<ергеевича>. Он стал еще больше говорить о всяких предметах. С литераторами всеми разошелся. Как-то очень тусклый и тяжелый. Ремизовы какие-то злобные и притворные, очень неприятные. Дела их плохи. Чаще видаюсь с Толстыми, которые простоваты, но милые. Они тебе кланяются. Особенные приветы просили передать В. И., А. Р., Ремизова, Толстая и О. М. Мейерхольд.

Ни „Весов", ни „З<олотого> Р<уна>" пока не видно, и никто ничего про них не знает. „Аполлон" открыл редакцию и контору и дал мне денег, т<ак> ч<то> это не одно мифотворчество. На днях будет

торжественное собрание сотрудников. „Остров", кажется, кончился. Ивановы еще не знают, куда ехать, и то хотят в Бологое и около Окуловки, то на Волгу в Василь. Городецкие давно съехали. Занимаюсь каждый день в публичной библиотеке и пишу рассказ удачно. Думаю приехать так через неделю. Что репетиции и все остальное? Пиши. Целую. Твой *Сергей Ауслендер*» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 227. Л. 6–7об). О деятельности «Поэтической Академии» (то есть лекций по теории стиха, читавшихся Вяч. Ивановым у себя дома) в это время см.: *Гаспаров М. Л.* Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // *НЛО*. 1994. № 10. С. 89–105. О журнале «Остров» см. ниже, примеч. 11. *Василь* — сокращенное название города Васильсурска на Волге, где несколько лет отдыхали Кузмин и Ауслендер, потом там жил С. М. Городецкий.

5. С первых номеров «Аполлона» Ауслендер вел литературную и театральную хронику, а также заведовал театральным отделом.

6. Канун церковного праздника Николая Мирликийского (летнего), который отмечается 9 мая. См. описание традиций этого дня: «Зажиточные поселяне на этот день пекли обетные пироги и угощали ими бедных соседей и захожих людей. Старики для встречи прохожего человека выхаживали на большие дороги и перекрестки» (Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989. С. 268).

7. О какой пьесе или скетче идет речь, сказать трудно. Сохранилось письмо от 8 мая, в котором И. Семенов отказывается от роли Козыря в спектакле (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 117).

8. Речь идет об обзоре Льва Мовича «Летопись литературы и жизни», где, в частности, отмечалось: «Г. Кузьмин пишет прекрасным выдержанным языком старых хроник „Подвиги великого Александра. Повесть в четырех книгах" с предисловием и посвящением Брюсову. Здесь же и акростих, посвященный ему же. Все это сделано рукою мастера, хорошо знакомого с антиками. В февральской книге г. Брюсов не остается в долгу и отвечает любезностью... <...> Все это, конечно, смешно: смешны эти „мистагоги", этот старинный выспренний стиль, это болезненное восхваление „своих" и др. Но часто ведь от трагического до смешного бывает меньше одного шага, а иногда они идут вместе... Без труда мы видим во всех этих уродливых изломах — *глубокотрагическое положение души* <...> Повесть в трех частях „Нежный Иосиф" г. Кузьмина рисует странный „быт", невероятный жизненный уклад странных людей, живущих бредовой жизнью и охваченных, кажется, «недотыкомкой» г. Сологуба. Некоторые сцены великолепны, ясно указывая на болезненное пристрастие к непристойности, что психиатры квалифицируют как особый род психической болезни» (Образование. 1909. № 5. С. 81–82; паг. 3-я).

9. Видимо, имеется в виду газета «Речь», где С. А. Ауслендер публиковался в 1909 г. См. в его письме Кузмину от 14 мая: «Вчера был у Гумилева. При мне пришло твое письмо. Гумилев очень искренно тебя любит и ценит. Ждут твоих стихов для № 2 <...> Теперь приглашен в „Речь". В этот понедельник будет первая моя статья, где есть много и о тебе. <...> Не помню, писал ли тебе об открытии „Аполлона". Было мало писателей, но много молодых людей, шикарно одетых. Трубников и

разные бароны» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 227. Л. 8–8об; судя по всему, Ауслендер писал о своей рецензии на первый номер журнала «Остров», цитируемой ниже).

10. См. выше, примеч. 5.

11. *«Остров»* — «журнал стихов», издававшийся Гумилевым, А. Н. Толстым и др., формальный редактор — А. И. Котылев. Подробнее об издании см.: *Тименчик Р. Д.* «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах» // Дружба народов. 1989. № 6. С. 244–253, а также указанную выше (примеч. 8 к марту 1909) публикацию А. Г. Терехова. См. в письме Гумилева к Кузмину от 7 мая 1909 г.: «...наконец-то вышел первый номер „Острова". Я высылаю его Вам на днях» (Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 59; публ. Р. Д. Тименчика), — и далее просьба о дальнейшем сотрудничестве. Из рецензентов первого номера «Острова» отметим С. А. Ауслендера, писавшего: «Больше всего места отведено М. Кузмину, давшему прелестный цикл „Праздники Пресвятой Богородицы". Нежная улыбка, с которой он рассказывает вечно трогательную повесть Лилеи Назаретской, заливает ее дивным светом. Грациозность его всегда неожиданных строчек всегда естественна, непринужденна и далека от натянутого жеманства, в котором часто упрекают этого поэта, частью из тенденциозности, частью из-за искренней неспособности понять улыбку, а не грубый смех, тихий вздох, а не вопль, в которых главное очарование его изысканно-хрупких строф Александрийца в двадцатом веке» (Речь. 1909. № 175. 29 июня (12 июля)).

12. Речь идет о статье: *Городецкий С.* Ближайшая задача русской литературы // Золотое руно. 1909. № 4. С. 66–81.

13. *«Огарки»* (по названию повести Скитальца) — орловское общество гимназистов, обвинявшихся в коллективном разврате. После широкой газетной кампании название стало нарицательным. Сведений о двинских «огарках» нами не обнаружено. Подробнее см.: *Буле Отто.* «Из достаточно компетентного источника...»: Миф о лигах свободной любви в годы безвременья (1907–1917) // *НЛО*. 2002. № 57. С. 144–162.

14. *«Тангейзер»* («Tannhäuser und der Sanderkrieg auf Wartburg», 1845) — опера Р. Вагнера.

15. Из нескольких «Кавказских пленников», имеющихся в русской литературе, здесь явно (см. запись от следующего дня) говорится о поэме Пушкина (1822).

16. Чтение «Сентиментального путешествия» Л. Стерна во французском переводе фиксировалось в списках прочитанных книг Кузминым в *РТ* еще летом 1908 г.

Июнь

1. Вероятно, имеется в виду присылка денег от Г. В. Чичерина. Впрочем, это мог быть и гонорар за печатавшегося ежемесячно в «Золотом руне» «Нежного Иосифа».

2. Письмо от А. Павлова с отказом участвовать в спектакле сохранилось: *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 99.

3. «С ним ночью страшно говорить...» — ария Лоретты из первого акта оперы А. М. Э. Гретри «Ричард Львиное Сердце» (1784), использованная также П. И. Чайковским в опере «Пиковая дама». Эти слова (со ссылкой на Гретри, а не на Чайковского) стоят эпиграфом к стихотворению Кузмина «Когда душа твоя немела...», входящему в цикл «Трое», писавшемуся летом 1909 г. и посвященному взаимоотношениям Кузмина, Ф. И. Годунова и племянницы Вари. Подробнее см.: *Malmstad John E.* «Real» and «Ideal» in Kuzmin's «The Three» // For S. K.: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky. Berkeley, 1994. P. 173–183.

4. «*Бахчисарайский фонтан*» (1824) — поэма Пушкина.

5. «*Грех да беда на кого не живет*» (1863) и «*Не так живи, как хочется*» (1855) — пьесы А. Н. Островского. На сюжет первой Кузмин написал оперу (не сохранилась).

6. «*Гуревичи*» — ученики петербургской частной гимназии Я. Я. Гуревича.

7. Речь идет об оперетте Кузмина «Забава дев».

8. Романс А. С. Даргомыжского на слова П. И. Вейнберга «Он был титулярный советник...».

Июль

1. Открытка от Ф. Сологуба нам неизвестна; счет — из книжного магазина М. О. Вольфа за иностранные книги.

2. См. запись от 17 июня 1909 г.

3. События этого вечера стали основой сюжета стихотворения Кузмина «Не правда ль, мальчик, то был сон...» (цикл «Трое»).

4. Ср. стихотворение «Нас было трое: я и они...» (цикл «Трое»).

5. Ср. там же стихотворение «Уезжал я средь мрака...».

6. После этого неудачного визита Сомов написал Кузмину письмо: «Дорогой Михаил Алексеевич, очень сожалею, что меня не застали дома! Приходите завтра не в 1, как обещали, а в 2, буду очень рад Вас видеть. Ваш *К. Сомов*» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4084).

7. Об обстановке в эти дни на «башне» Иванова см. в его дневнике от 6 июля (*Иванов*. Т. 2. С. 779–780).

8. В *Списке писем* 10-м (а не 9-м!) июля помечены письма к А. М. Аничковой, Г. Э. Тастевену, С. А. Ауслендеру, Годунову и сестре Варе.

9. Речь идет о портрете Кузмина работы Сомова (см. примеч. 11 к январю 1909 г.), выставлявшемся на выставке «Союза».

10. Кузмин ехал в Царское Село, где в то время жил Н. С. Гумилев.

11. Имеются в виду М. М. Замятнина и Л. В. Иванова.

12. Подразумевается кладбище Александро-Невской Лавры, где похоронена Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

13. Речь идет о книгах В. В. Бородаевского «Стихотворения» (СПб., 1909), Андрея Белого «*Урна*» (М., 1909) и Б. А. Лемана (*Дикс Б.* Стихотворения. СПб., 1909). Первая и последняя связаны с Вяч. Ивановым (сборник Бородаевского вышел в издательстве «Оры», а к сборнику Лемана Иванов написал предисловие).

14. У Аничковых было имение Жданки около Боровичей, т. е. недалеко от Окуловки. Вероятно, Кузмин просил разрешения приехать к ним, чтобы быть поближе к Ф. И. Годунову. Поездка, как видно из дальнейшего, не состоялась.

15. В *Списке писем* под 13-м июля значатся письма к С. А. Полякову и к В. Я. Брюсову. Письмо к Полякову — *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 104. Процитируем, однако, не его, а письмо к Брюсову аналогичного содержания: «Я теперь в очень плохом состоянии как здоровья (легкие), так и душевном, мне необходимо и лечиться и уехать, но так как подошло это совершенно неожиданно для меня самого, то застало меня как бы врасплох и неприготовленным. Скажу просто, мне не хватает денег единовременно, вот сейчас, между тем как каждый день, каждый час дорог и в переносном и в буквальном смысле; обратиться мне сейчас решительно не к кому, кроме Сергея Александровича <Полякова>, который не знаю в Москве или где. Потому я обращаюсь к Вам, чтобы моя просьба дошла скорее, или, может быть, Вы лично, если С. А. далеко или не захочет мне помочь, могли бы это сделать. Мне не хватает рублей 150, но, конечно, и за меньшую сумму я буду благодарен, и крайне. В январе мне С. А. очень помог и предложил издаваться исключительно в „Скорпионе“, я был очень рад, но потом предполагаемые книги все откладывались на неопределенное время, т<ак> что можно подумать, что их постигнет судьба музыки к „Алекс<андрийским> песням“ и „Курантов“. У меня готовы 3 книги: 2 т<ома> повестей и книга стихов. Я считал бы себя оплаченным за все, напечатанное в „Весах“, и за *все* три книги, если бы С. А. согласился мне сейчас помочь и прислать 150 р. Но хотелось бы издать их в течение 1909–1910 годов, не позже. Пишу Вам все это, думая, что Вы можете увидеть Сергея Александровича и передать это, и, милый Валерий Яковлевич, попросите его согласиться. Иначе я не знаю, что я буду делать, замешанное тут мое здоровье еще более пугает меня и заставляет поступать, может быть, назойливо и не деликатно. И чем скорее, тем спасительнее это будет. Я не знаю, как просить Вас. Не сердитесь, пожалуйста; я сам знаю, как это скучно и досадно, такие просьбы» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 13). Еще не получив письма от Кузмина, Поляков обращался к нему 14 июля с письмом, черновик которого сохранился: «Очень неприятно мне, что у нас с Вами получились недоразумения по печатанию Ваших книг. Виноват во всем случившемся, конечно, Михаил Федорович <Ликиардопуло>, который не был достаточно энергичен, чтобы начать и окончить печатание первого тома Ваших рассказов к весне. Но я думал, по крайней мере, что он сообщил о положении дел и что Вы не находитесь в неведении. К сожалению, и это оказалось не так: он уехал, не ответив Вам на Ваши запросы. Переходя к будущему, я подтверждаю прежнее желание „Скорпиона“ напечатать упоминаемые Вами книги, с тем расчетом, чтобы два тома рассказов вышли один за другим не позже начала декабря или в крайнем случае в январе 1910, новый же сборник стихотворений не позже Пасхи 1910 г. Что касается Вашего, Михаил Алексеевич, упрека в запоздании появления в свет „Курантов Любви“, то я должен сказать, что вина здесь не „Скорпиона“,

а художников, которые обещались сделать рисунки, затем отказывались, причем составлялись новые комбинации, которые опять разрушались. (Но не думайте, что я о них забыл.) В настоящее время дело с „Курантами" вступило, наконец, в вполне определенный фазис, а именно: два больших и два маленьких рисунка взялся сделать С. Ю. Судейкин и столько же Н. П. Феофилактов. Обещались они дать рисунки к сентябрю–октябрю этого года, и тогда же „Куранты" пойдут в „Весах", а затем выйдут и отдельным изданием. Пока до свидания, спешу сегодня же отправить Вам нужные Вам деньги переводом на Банк; полную выписку же из состояния Вашего счета не могу послать до возвращения Мих<аила> Феод<оровича>, который приезжает на днях» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 10).

16. О начальном этапе создания журнала «Аполлон», длившемся с весны, см. подробнее: *Анненский И. Ф.* Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // *ЕРОПД* на 1976 год. С. 222–241; Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским / Публ. Н. А. Богомолова, С. С. Гречишкина, О. А. Кузнецовой // *НЛО*. 1994. № 10. С. 137–141.

17. Имеется в виду оперетта Кузмина «Забава дев».

18. Имеется в виду стихотворение «Петь начну я в нежном тоне...». Ср. в дневнике В. К. Шварсалон от 14 ноября 1909 г.: «Когда он <Кузмин> переехал, я старалась быть с ним ласковой и веселой (прогулки затеивала), чтобы ему у нас не было скучно, а он тогда писал мне стихи в альбом „искупительные" о прощении странника и т. д. Притом я, когда прочла их, поцеловала <?> его, и написала письмо, переведенное В<ячеславом> *<нрзб.>* на стихи о прощении и *незабвении* и т. д., но думала и тогда, уже, и теперь, что может быть, это была больше с его стороны поза, ко мне же был он так же безразличен и, может быть, немножко враждебен» (цит. по: *Богомолов*. С. 330). См. также *ДК-34*. С. 312–315, примеч. 86.

19. Роман Андрея Белого, публиковавшийся в «Весах» (1909. № 3–4, 6–7, 10–12).

20. Чтение Виланда зафиксировано в записях Кузмина летом 1908 г. (см. примеч. 7 к июлю 1908 г.). Книга была приобретена 20 июля (см. в записи за этот день).

21. «Два Петра», которых осматривал Кузмин и его спутники, — это новооткрытые на Адмиралтейской набережной перед западным и восточным павильонами Адмиралтейства памятники Петру Великому «Царь-плотник» (открыт 14 июня 1909 г.) и «Петр, спасающий лахтинских рыбаков» (открыт 27 июня того же года). В январе 1919 г. памятники были демонтированы, ныне вновь установлен первый из них. Отметим, что заметка о памятниках в «Аполлоне» (1909. № 1. С. 13–14; паг. 2-я) была озаглавлена «Уродства».

22. См. выше, примеч. 18. Стихотворение Вяч. Иванова «Перевод», где в рифмованные строки переложено письмо Веры Шварсалон, написанное в ночь на 19 июля 1909 г., см.: *ДК-34*. С. 314–315.

23. 24 июля 1909 г. В. К. Шварсалон вместе с Ал. Н. Чеботаревской действительно уехала в имение Отрадино Саратовской губ.

около ст. Макарово, принадлежавшее Ольге Павловне Орловой. В своем дневнике В. К. Шварсалон 14 ноября 1909 г. записала: «Уже за самое короткое время до отъезда я почувствовала какое-то в себе подтаянье по отношению к нему, ревность к Косте *<нрзб.>* — это меня возмутило и было одной из двух главных причин, почему я решила ехать. В деревне опять все было совершенно спокойно...» (цит. по: *Богомолов*. С. 330).

24. «*Amor Christi*» — музыкальное произведение Кузмина, написанное в июле–августе 1896 г.

25. Может иметься в виду как известный журнал «Mercure de France», так и музыкальный «Mercure musical».

26. См. выше, примеч. 5 к июню 1909 г.

27. См. описание этого дня в письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон (ошибочно помечено 27 августа, хотя писалось в ночь с 26 на 27 июля): «От 11 ч. до 1 ч. был чай, чтение 2-х глав „Прек<расного> *<так!>* Иосифа“ и музыка. Сегодня в третьем часу приехал в отпуск Костя, вчера не приехал из-за дурной погоды. Он дома позавтракал, потом поехал к моей маме <...> С того письма уж не знаю, какие события произошли. Все продолжается то же. Кузмин пишет или переписывает у себя. Вячеслав усидчиво сидит за своим столом. Отослал коррект<уру> 3-ьего листа латинской диссер<тации>. Теперь днем сильно работает над примечаниями, а ночью переводит Новалиса. Сегодня хоть и хотелось ему гулять, не ходил из-за воскресн<ого> дня. <...> От Ан<ны> Руд<ольфовны> сегодня не было письма. Что-то, выехала она сегодня за границу? 5-го вечером Вяч<еслав> будет в „Аполлоне“, получил усиленное приглашение от Маковского» (*РГБ*. Ф.109. Карт. 20. Ед. хр. 3. Л. 29–30 об).

28. См.: *Ауслендер С.* Пушкин [рец. на сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова] // Речь. 1909. № 203. 27 июля (9 августа).

29. Переводы Вяч. Иванова из Новалиса впервые были опубликованы в журнале «Аполлон» (1910. № 7). Ср. в письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон от 30 июля с описанием порядка жизни и дел на «башне»: «За Вячеслава пока ты будь совершенно спокойна, пишу это совершенно по чести и по истине, насколько могу судить. Он совсем не в том настроении, к<а>к когда ты была в Меррекюле. Пока он ни разу видимо не грустил, к<а>к тогда. До вчерашнего дня он наслаждался поэтическим творчеством: переводом Новалиса и окончанием шести сонетов для „Cor Ardens“. Со вчерашнего дня засел за примечания к „Дионису“, сначала было трудно войти опять. Ночью же опять переводил Новалиса, так как примечания — дневная работа. Сегодня принесли латинскую коррек<туру>, и он сидит за нею. Расходимся мы не позже часу ночи; второй день, что около 2-х часов Вяч<еслав>, Куз<мин> и я завтрак<аем> вместе. Обедаем в 7 ч., после до 10 ½ Вяч. работает. От 10 ½ до первого часу чай, и музыка, и чтение вслух. В 1 ч. или 1 ½ я уже в постели» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 3. Л. 25–26).

30. О «Новом *Ролла*» — незавершенном «романе в отрывках» Кузмина — см. выше, в примеч. 1 и 18 к июню 1908 г. Всего было написано три части, да и те, возможно, не полностью. Герой романа после

пребывания в Венеции, на о. Корфу, снова в Венеции, в Париже встречает графа Ж. де Местра (на этом сюжет обрывается), что могло быть переходом к его путешествию в Россию. См. в цитированном в предыдущем примеч. письме М. М. Замятниной: «М<ихаил> А<лексеевич> не скучает. Весь день сидит у себя и пишет „Иосифа“ — торопится кончить. Начал еще „Ролла“. Выходит днем на полчаса погулять с какой-ниб<удь> целью в виде моих поручений или своих» (Там же. Л. 26 об).

31. «Женитьба Фигаро» (1784) — комедия Бомарше.

32. Имеется в виду банщик. О романе Кузмина с банщиком Александром Корчагиным см.: *ДК-05–07*, по указателю.

33. См. в цитированном выше в примеч. 27 письме М. М. Замятниной: «Вчера за обедом чирикала с увлечением Савитри. Тотчас после обеда ушла». Тема разговора, вероятно, связана с содержанием ее письма к Иванову от 18 августа 1909 г. (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 5).

34. См. в письме М. М. Замятниной, цитируемом в примеч. 29 и 30: «Аббат читал сегодня 2-ю песнь „Ролла“ за обедом, а вчера вечером окончание 3-ьей части „Иосифа“». Воспоминание о дне св. Игнатия Лойолы связано с пристальным интересом молодого Кузмина к деятельности ордена иезуитов во время пребывания в Италии.

35. «*Завтраки*» здесь — в смысле откладывания дел на завтра.

Август

1. Ср. в дневнике Вяч. Иванова за этот же день: «Аббат приятен. Нужен Филострат — он у него есть. С ним можно говорить о поэзии, филологии, музыке, католичестве, старообрядцах, иконах, романтизме, 18, 17 и т. д. веках, о древности — с исключением всякой идеологии и даже обобщений слишком далеких. Поэтому изящная культура без остроумничанья и скепсиса, культ ясной формы и мудрость чистой феноменологии, и эстетика прагматизма. Гуманисты такого типа есть еще только в католическом духовенстве. Вечером он продолжал Моцартова «Дон-Жуана», который мне доставляет наслаждение. Изумительно это prestissimo тех людей, без всякой нервности; кто бы выдержал теперь такой темп? <...> Аббат читает свой дневник за ноябрь 1907 г. Вчера я нарочно, чтобы пронзить себя болью, настоял на прочтении октября <в октябре 1907 г. умерла Л. Д. Зиновьева-Аннибал. — *Н. Б., С. Ш.*>. Здесь — то есть в дневнике — также presto; но все так скупо, тесно и мелочно. Его общество полезно. Он не знает taedium phaenomeni <отвращения к явлениям — *лат.*>, терпелив и прилежен ровно» (*Иванов*. Т. 2. С. 780).

2. Вероятно, чтение А. де Мюссе связано с работой Кузмина над поэмой «Новый Ролла», поскольку она генетически восходит к поэме Мюссе «Ролла» (1833).

3. См. в дневнике Вяч. Иванова за этот день: «Приехал из лагеря стройный Костя, скучающий и недовольный тем, что Зиновьевы его не зовут на остаток летней вакации в Копорье. Я выпросил у него снимок с могилы. Вечером читали две новых главы из „Иосифа“, про-

должался „Дон-Жуан"; потом Кузмин сыграл adagio из 5-й симфонии <Бетховена>» (*Иванов*. Т. 2. С. 781). Копорье — местность под Петербургом, где было имение родных Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

4. Имеется в виду анонимный сборник «Сто новых новелл» (1462).

5. Ср. описание этого дня в дневнике Вяч. Иванова: «День был совершенно бесплодный для работы, рано прерванной приездом Гумилева, который остался обедать. Я люблю его и охотно говорил с ним о многом и читал ему стихи. Вечером аббат окончил „Дон-Жуана". <...> Гумилев просил об издании в „Весах" его рассказов. Он принес Северные Цветы, собранные бароном Дельвигом (1825). Они доставили мне много радости. Я читал стихи вслух Марусе <М. М. Замятниной> и вдруг, дойдя до пушкинских строк, не мог удержаться от слез. Как я люблю его!» (*Иванов*. Т. 2. С. 782).

6. Ср. описание дня в дневнике Вяч. Иванова: «Вечером был на редакционном собрании „Аполлона". Встретил, кроме Маковского и Анненского, Бенуа, Добужинского, Мейерхольда, Судейкина, Врангеля. Приехал с Гумилевым. Говорил с Волошиным, который был забавен, — по поводу его бранного фельетона обо мне. Дома застал Сомова и Нувеля у Кузмина. Renouveau <В. Ф. Нувель> был после всей парижской и Cowes'овской эпопеи — англоман. Сомов устал и мил. По их уходе аббат играл Моцартов квартет. <...> Была спета ария Grétry (прекрасная) и Fasolo. Кузмин рассказывал, что думает представить в 6-й и 7-й частях Rolla, который очень меня занимает. Я ему дал в общих чертах сюжет 4-й и 5-й части, а потом требовал еще продолжения до 7<-й> части. Что он задумал — нежно и изящно; но быть может, опасно (и даже не наверно ли?), поскольку может содержать намек на мои мистические искания и, как он, быть может, подозревает, увлечение и разочарование» (*Иванов*. Т. 2. С. 783).

7. Ср. в дневнике Вяч. Иванова: «Появился Модест. Рассказывал о житье на острове <в> Гельсингфорсе, о бухте „Царевна", о лодках. Читал статейку о „поэтической академии", заказанной *<так!>* Вольфом. <...> Пришел вечером Каблуков, проникнутый ко мне большою привязанностью и доверием. Он глубоко огорчен утратой своего старого друга Ст. Смоленского, историка музыки, музыкального палеонтографа и отзывчивого, живого, религиозного русского душой и вкусами человека. <...> Познакомил его с Кузминым на почве духовной музыки. Аббат показал свои Антифоны св. Лаврентия, Amor Christi, духовные стихи. Разговор в гостиной, за чаем и у рояля был в духе католических романов Гейсманса. Мне было весело. Каблукова мы напутствовали allegretto 7-й симфонии. По его уходе Кузмин принес дописанные им сегодня заключительные главы Иосифа. Читая сцены с Мариной я не мог удержаться от слез. „Roma" в конце было неожиданностью. Кузмин не только исполнил хорошо, что я ему советовал относительно последних глав, долженствовавших собрать и углубить роман (к сожалению, в начале испорченный несколькими пошлыми анекдотами), но и превзошел все мои ожидания. Что касается содержания выраженных идей, — можно подумать, что я диктовал ему их. Мне кажет-

ся, что пора мистического общения не была для него неплодотворна. Он не рассуждает, но все же думает, и постоянная гармония его сознания обусловливается ясными и глубокими решениями в области духовных проблем. Роман несомненно нечто значительное вопреки ожиданиям. Я радуюсь за Кузмина. Друзья находят его светлым и радостным. Он, кажется, счастлив, что живет здесь, и душа его ясна» (*Иванов.* Т. 2. С. 783–784). Ср. в записи следующего дня: «Утром пришлось бранить Костю — для чего нарочно велел себя разбудить — за самовольный ночлег у Модеста» (Там же. С. 785). Ср. также в письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон от 6 августа (вероятно, письмо не было отправлено, так как оно явно не окончено и на том же листе начато письмо от 25 августа): «Сейчас Костя поехал провожать Модеста, кот<орый> вдруг сегодня заявился, оказыв<ается>, он уже две недели здесь и не подозревал (по счастию), что кто-нибудь из нас здесь, сегодня вызвал меня по телефону, не знаю уж как узнал, и сегодня же часов около 7-ми прибыл. Отрастил бороду, по-прежнему от всего вздыхает и отчего-то ноет, говорит, что массу курсов прочел по семи раз, странная система заниматься! Вообще зубрил нечто <?> и теперь зубрит, и пишет Вольфу рецензии и заметки (напис<ал> <?> о поэтич<еской> академии, читал ранее, чем напечатано, — сегодня — сносно, но есть и неточности). Сейчас у Вячеслава Каблуков» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 3. Л. 31 об.–32). С. П. Каблуков записал в дневнике 7 августа: «Наедине мы беседовали с ним <Вяч. Ивановым> 3 часа, о Розанове, нашем обществе и о писателе Мих. Кузьмине, живущем в его квартире. В 12 ч. ночи я увидел этого Кузьмина, сразу мне понравившегося. Он очень образован и даровит. Кроме стихов, он пишет и музыку; для меня сыграл свои „Антифоны“ Св. Лаврентия (и спел их на лат<инском> языке; музыка строгая, но чисто католическая), тропарь Михаила Арх<ангела>, а также „духовные стихи“ своего сочинения «о разбойнике», „о пустыннике и льве“, „О страшном суде“. Эти сочинения интересны и в музык<альном> отношении, но особенно замечательны и со стороны текста. Так он передает народный дух стиха, что и Пушкину было бы впору. Это действительно замечательный человек и подлинный поэт. Я, конечно, рад знакомству с ним» (*РНБ.* Ф. 322. Ед. хр. 5. Л. 13–14). Отметим, однако, что через полгода Каблуков радикально изменил свое мнение о Кузмине. 15 января 1910 г. он писал в дневнике: «Что же касается К. И. Чуковского, то вопрос о его избрании <в действительные члены христианской секции Религиозно-философского общества. — *Н. Б., С. Ш.*> отложен вследствие дикого протеста В. И. Иванова, совершенно глупого. Когда ему указали на некоторый литературный „вес“ К. И., Иванов осмелился предложить в действительные члены М. А. Кузьмина, автора „Картонного домика“, „Крыльев“ и др., подлинного черносотенца и содомита. На это я сказал, что выйду из Об<щест>ва, если избрание состоится. Конфликт разрешен Философовым, снявшим вопрос с очереди» (Там же. Ед. хр. 8. Л. 92).

8. Речь идет об участии Кузмина в «Журнале театра литературно-художественного общества», который редактировал режиссер Б. С. Глаголин. См.: *Ауслендер С.* Петербургские театры // Аполлон.

1909. № 2. Отд. II. С. 31. Политику литературного отдела журнала какое-то время определял Гумилев. Кузмин напечатал в журнале несколько стихотворений.

9. Ср. в дневнике Вяч. Иванова: «Маленький ремонт все же доставил маленькие хлопоты, вроде выбора обоев и неудобства ввиду квартирных баррикад. <...> Приехал Мейерхольд. У Ольги Михайловны был выкидыш, и она в больнице. <...> Был Гумилев, потом Нувель и Потемкин. С Renouveau я, конечно, большею частью шутил; дразнил его напускной надутостью и пр. Он как-то холоден, несмотря на все усилия притворства. Потемкин очень задумчивый, серьезный, почтительно сердитый и напряженно устремляющийся в мыслях к вечному сомнению своему в поэтическом таланте <...> Пелись арии Гретри, было вообще очень живо. Я выдумал для Renouveau проект союза, который окрестил „кларистами" (по образцу „пуристов") от „clarté"» (*Иванов*. Т. 2. С. 784–785).

10. В первом номере «Аполлона» напечатаны два стихотворения из цикла Кузмина «Трое».

11. «Путешествие сера Джона Фирфакса по Турции и другим замечательным странам» было опубликовано в 5-м номере «Аполлона» за 1910 г. (февраль) с рисунками С. Ю. Судейкина (в отдельном издании в заглавии «замечательным» было изменено на «примечательным»).

12. Журнал «Золотое руно» прекратил свое существование на 12-м номере за 1909 г., вышедшем в свет весной (или даже летом) 1910 г.

13. Ср. в дневнике Вяч. Иванова: «<Письмо> от Сергея <Городецкого>, забывшего о дне рождения Ии <дочери>, и жены его (последнее довольно фальшивое и пошлое по тону). Они просятся всей семьей на башню, в чем я откажу. <...> Я очень боюсь за Сергея. Не знаю, долго ли ему жить на свете; но что он не возвышается даже только до прежней высоты — вижу ясно. <...> Кажется, что с Сергеем уже случился как с художником аналогичный Бальмонтовскому маразм. Слабохарактерный юноша, бесконечно трогательный и сердечный, гибнет жертвою женопоклонства, звериного пристрастия к женщине, соединенного с человеческим подчинением ей и в то же время с презрением к ней самца. Брр... Отвратительно! <...> Появился нудный и безвольный Ивойлов. Появился безнадежно тот же Чулков. Хорошо еще, что этот не окончательно захирел и все как-то бодрится и держится. По уходе его Кузмин играл квартет Моцарта и пел старину. <...> Читал «Русь» <сборник стихов Городецкого, присланный в рукописи. — *Н. Б., С. Ш.*>, которая не понравилась не только одному мне. Кузмин облюбовал как раз то, что и я отметил: Пичугу и Голубя, и Мать. Да еще — но почти напрасно — несколько строк из Витязя» (*Иванов*. Т. 2. С. 785). По поводу сборника Городецкого см. письмо к нему Иванова от 10 августа, опубликованное частично (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 352–353).

14. См. в хронике газеты «Речь»: «Труппа В. Ф. Коммиссаржевской вся съехалась и приступила к репетированию пьес, которые включены в репертуар предпринимаемой В. Ф. поездки по России. В настоящее время репетируется „Юдифь" Геббеля. <...> В труппу, кро-

ме В. Ф. и <...> Нарокова вошли: г-жи Нарбекова, Полевая, Тизенгаузен, Шиловская, гг. Аркадьев, Закушняк, Ставрогин, Феона и др.» (1909. № 220. 13 (26) августа).

15. Письмо от М. Л. Гофмана нам неизвестно. Вероятно, в нем шла речь о том, что Гофман хотел жениться на В. К. Шварсалон, в то время как у Вяч. Иванова все чаще являлись мысли, что брак с падчерицей суждён ему. Ср. в «Петербургских воспоминаниях» Гофмана: «...большую роль в нашем расхождении сыграло желание Вячеслава Иванова удалить меня от себя, а в особенности от Веры. В 1909 году я думал, что женюсь на Вере, хотя до меня и доходили слухи, которым я не верил, что Вячеслав Иванов стал мужем своей падчерицы; в 1910 году стало совершенно несомненным, что моей женитьбы никогда не будет» (Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 132).

16. Ср. в дневнике Вяч. Иванова: «Кузмин в Ц<арском> Селе. За поздним нашим чаем явился вернувшийся из лагеря Костя. Читалась повесть Чулкова „Полунощный Свет“, которую он просил непременно прочесть и сдать ее к утру понедельника швейцару. По окончании чтения пришел Кузмин с головной болью» (*Иванов*. Т. 2. С. 787).

17. Какие именно стихи посылал Кузмин Б. С. Глаголину (то есть в «Журнал театра Литературно-художественного общества»), предположить трудно; он публиковался там неоднократно.

18. Книжный и букинистический магазин (см.: *ДК-05–07*. С. 506, примеч. 28 к январю 1907 г.). Судя по записи от 14 августа 1909 г., Кузмин намеревался продать Митюрникову книги из своей библиотеки.

19. Скорее всего, речь идет о Девятой симфонии Л. ван Бетховена.

20. Ср. запись Вяч. Иванова (в публикации ошибочно напечатано: 11 авг.): «Костя завтра с утра уезжает в Копорье. Написал живописную брань Городецким: что-то из этого будет. Кузмин продолжает играть 9-ую симфонию. Чувствовалась близость и почти голос Лидии при последней части» (*Иванов*. Т. 2. С. 787).

21. Ср. в дневнике Вяч. Иванова за это число: «Чулков читал начало повести „Шаткие Ступени“, где я многое сильно порицал: не столько даже „распятую Афродиту“ и кривую, устарелую дребедень его романтико-революционной идеологии, сколько привычку реферировать протокольно биографии знакомых, в данном случае Мирэ. Хуже всего все-таки, что нет ни одного тонкого штриха, что все, быть может, и очень „литературно“, но грубо и деревянно. Появились гости. Кузмин, меланхолический Потемкин и немного захлебывающийся от нежности к последнему Нувель. Был прелестный концерт в резонирующей пустой гостиной — Grétry, Шуберт» (*Иванов*. Т. 2. С. 788).

22. Имеется в виду письмо от 11 августа: «Я буду очень рад Вас видеть у себя. Если Вам удобно ближайшее воскресенье, то я буду ждать Вас от 7 часов вечера. Очень заинтересован рисунками к „Курантам любви“. В случае Вы в воскресенье заняты *<так!>*, просил бы мне сообщать, тогда я выберу другой день» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3201. Л. 1).

23. Ср. в дневнике Иванова: «От Юрия Верховского сонет без рифм, кот<орый> я прочел без труда, а Кузмин долго с трудом склеи-

вал. Вечером написал ему ответ, кот<орый> хотел бы поместить в „Пристрастия". Бетховена квартет с русской темой, Гретри и Глюк — в почти пустой — Лидиной и Марусиной комнате...» (*Иванов.* Т. 2. С. 788–789). Сонет Ю. Н. Верховского с пропущенными рифмами впервые опубликован в комментарии А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика к кн.: *Кузмин М.* Избранные произведения. Л., 1990. С. 520. На послание сначала ответил Иванов (*Иванов.* Т. 2. С. 335), а на следующий день — и Кузмин (его «Ответный сонет» вошел в книгу «Осенние озера»; см.: *Кузмин.* С. 188). Ср.: *Лавров А. В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М., 2003. С. 198–199. День 13 августа 1909 г. так отражен в дневнике Вяч. Иванова: «Вечером „Орфей" Глюка и неразрывно связанные с ним мысли об одном, об одной. Говорил о поэтической „церковности", о предании Парнаса, о его золотом, прозрачном посвящении, об увенчании его лавром всякого поэта, сполна облеченного в свой сан. Кузмин хорошо говорил о Шекспире и его эпохе, об их сангвинической экзальтации; он не может читать шекспировской строчки без трепета» (*Иванов.* Т. 2. С. 789).

24. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Обедал милый Сомов. Мы читаем ему стихи. Он говорил о живописи, своих меценатах и художниках. Я давал свои характеристики последних. <...> Сомов немного пел, рано ушел, обещал, что я буду им за зиму доволен — он напишет три картины. С Кузминым ссорюсь, бракуя новый № из Rolla, монолог венецианки, и прекословя его планам. Но, кажется, вырабатывается согласие» (*Иванов.* Т. 2. С. 789).

25. Имеется в виду старообрядческий храм во имя Знамения Пресвятыя Богородицы Петербургской христианской общины Поморского согласия (Тверская ул., 8). Церковь была видна с «башни».

26. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Аббат был прекрасен и томен, страдал зубной болью. За вечерним чаем (12 ч.) встретился с его гостем Renouveau и Потемкиным. Читал им стихи Новалиса. Renouveau водит П<отемкина> вероятно для воспитания на башню. Заставляет читать свои стихи. Была прочтена китайская поэма Шредера. Музыки не было» (*Иванов.* Т. 2. С. 790). Выяснить, что за «китайская поэма Шредера» имеется в виду, не удалось.

27. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Я был еще в постели, когда вбежала вернувшаяся из Царского Лидюша. <...> Костя приехал из Копорья, где пребывание было значительно испорчено рубкою леса, и уже уехал в корпус. Вечером к страждущему зубами Кузмину приехал Судейкин, которого я взял в гостиную пить чай. Он был мил, почтителен и просил быть в его мастерской; говорил о французском модернизме в живописи, как о подходах к природе и отсутствии достижений, об их технике как о декадентстве. <...> По окончании правки зашел к Кузмину, недвижному и беспомощному, читал ему немного из Тассо — тогда пришел Судейкин. Сомов будто бы зовет его „утопленником"; это относится к его бледности и некоторой пухлости» (*Иванов.* Т. 2. С. 791).

28. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Гумилев по просьбе Маковского читал мне и Кузмину стихи Анненского и Волошина, чтобы выбрать интереснейшие. Мы по обыкновению совпадали в приговоре» (*Иванов*. Т. 2. С. 791). «Путешествие», о котором пишет в дневнике Кузмин, — видимо, поездка в Африку, задуманная Гумилевым, куда собирался и Иванов (она состоялась в конце 1909 – начале 1910 г., но, насколько известно, без какого-либо участия «Аполлона» в этом предприятии). В первом номере «Аполлона» были опубликованы стихотворения М. А. Волошина «Дэлос», «Созвездья» и «Полдень», а также «Ледяной трилистник» И. Ф. Анненского.

29. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Визит Архипова и Абрамовича ради моих сонетов в альманахах „Смерть“. Кажется, был глуп и слабохарактерен, или по-своему наивен, дав им какие-то обещания. При мне пришел Чулков. Я его учил радости. Н<адежда> Г<ригорьевна> не позволяет ему к ней вернуться. Читал два рассказа в присутствии Савитри, пришедшей во время обеда. Один хорош (о разливе весны), и это радует. Аббат впервые опять играл — Моцарта» (*Иванов*. Т. 2. С. 792).

30. Скорее всего, речь идет о сборнике «Сто новых новелл» (см. запись от 4 августа).

31. В хронике «Биржевых ведомостей» (веч. вып.) от 25 августа 1909 г. писалось: «В Петербург возвратился Сергей Городецкий, проведший лето на Волге». Написанная в это время его книга стихов «Русь» предназначалась для широкого распространения через офеней (бродячих мелких розничных торговцев) по всей стране. 8 августа Вяч. Иванов записал в дневнике: «...стихи, долженствующие быть разнесенными по Руси десятком тысяч книгонош, — как ни лестно мне видеть украшенными эпиграфом из меня, — не достойны стать народным достоянием» (*Иванов*. Т. 2. С. 785). См. также фрагмент письма Вяч. Иванова к Городецкому по поводу это книги и комментарий к нему: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 352–353. В записи от 19 августа 1909 г. в дневнике Вяч. Иванова читаем: «За обеденным кофе появился пришедший к аббату Renouveau, потом, наконец, Городецкий. <...> Пришла его жена. <...> Они поселились временно в пустой еще мастерской Маргариты <Сабашниковой-Волошиной>; так было разоблачено его решение поселиться на зиму в Петербурге. Сергей прекрасен, нежен, как девушка; я его по-прежнему люблю, он меня волнует. Кузмин после их ухода играл 28<-ю> сонату — для „очищения страстей“» (*Иванов*. Т. 2. С. 792).

32. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Вечером Кузмин играл „Серенаду“ Моцарта для духовых инструментов с партитуры — очень искусно. Послал в «Скорпион» стихи Бальмонта <вероятно, следует читать: Бальмонту — *Н. Б., С. Ш.*>, назвав их „Ultima Cera“» (*Иванов*. Т. 2. С. 793). Рассказ о начале «Весов», вероятно, связан с писанием послания к Бальмонту, вызванного переданным накануне в письме А. Р. Минцловой приветом Бальмонта Иванову и Кузмину (см.: Там же. С. 792). Текст стихотворения (в окончательном варианте названного «К. Бальмонту») см.: *Иванов*. Т. 2. С. 352.

33. Музыкальное произведение под названием «Missa brevis» («Краткая месса») было написано Кузминым в октябре 1895 г.

34. См. в дневнике Вяч. Иванова: «За обедом я спросил Кузмина, когда мы говорили о наружности Леонардо, пошел ли бы он в ученики Леонардо. — Но я не занимаюсь живописью. — Не для живописи. Вы бы стали играть на лютне. — Конечно, да. Я пошел бы ко всякому, кто велик. И посмотрел особенно, и я почти покраснел, и потупился на весь конец обеда, продолжая говорить много, но с усилием. И вечером К<узмин> все время немного особенный, ласковый. Пел свою Missa brevis. Ко мне пришел прочесть свой автобиографический очерк. Много говорил сегодня об искусстве, о легендах, о литературных возможностях (драматических житий и т. д.). о Георгии, арх<ангеле> Михаиле, об ангелах» (*Иванов*. Т. 2. С. 793). Под «автобиографическим очерком», очевидно, следует понимать «Histoire édifiante...» (см.: *ДК-05–07*. С. 267–273).

35. «*Таис*» (1894) — опера Ж. Массне.

36. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Окончил послание к Тику о Якове Бёме и прочел Кузмину. Этот пишет Ролла; мы обсуждали каждое стихотворение, которое потом иногда изменяется. Работал над Дионисом. Костя не пришел: за опоздание в прошлый раз он оставлен без отпуска; это мудро. Вечером разбиралась „Thais“ Массенэ» (*Иванов*. Т. 2. С. 794).

37. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Кузмину видно хотелось быть вместе, он медлил у меня, я стал сочинять с ним какую-то комедию — выходило нескладно. Потом он играл свое старое, в котором был открыт интересный гимн к Антиною и красивая „Бессонница“. День был вялый и тяжелый. Позднее встретился в гостиной с Renouveau. Был „Севильский Цирюльник“ и спокойная, шутливая болтовня: о Бакste с его агониями и переменами вер, о какой-то проектируемой Abbaye <Аббатстве — *франц.*>, о Розанове и прочий вздор» (*Иванов*. Т. 2. С. 794).

38. Очевидно, Г. В. Чичерин отложил срок августовской присылки ежемесячного «пособия» Кузмину.

39. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Une avalanche — или „arrivage d'huitres“ <Обвал — (или) «прибытие тупиц» — *франц.*> — Судейкин, Гумилев, С. Маковский. Первый просит прочесть перевод жены; второй зовет в Ц<арское> Село в воскресенье; последний — все об Аполлоне, аполлонийстве, аполлонийцах журнала. Просил дать стихи для 1-го №, и я набросал проект того, что придумал во время скучноватых толков. „Показывал“ Кузмина» (*Иванов*. Т. 2. С. 795). См. также в недатированном письме (сохранилось частично) М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон: «У нас сегодня Судейкины, Гумилев и Маковские вечером, пили чай, говорили об „Аполлоне“. Кузмина Вячеслав показывал Маковскому. Мих<аил> Ал<ексеевич> пел и играл; уже раньше Маковс<кий> приглашал Мих<аила> Ал<ексеевича> в „Аполлон“, теперь решили, что «Ролла» будет печататься в «Аполлоне», он будет длинный — семь частей, пока пишется к концу третья. Перед обедом Мих<аил> Ал<ексеевич> играет каждый день с Лидией в четыре руки» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 3. Л. 35).

40. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Вечером пришел ко мне на аудиенцию Потемкин. Говорил открыто о себе... <...> При Потемкине

вернулся из „Вены" проскучавший там с Сомовым и Нувелем Кузмин. С Ниной *<так!>* случился род эпилептического припадка» (*Иванов.* Т. 2. С. 795). Ср. также в письмах М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон: «Модест больше не был. Опять из Гельсингфорса прислали открытку. Ивойлов тоже еще не появлялся опять. Сегодня Мих<аил> Ал<ексеевич> вечером не был дома, вернулся около часу. Около 11 ч. пришел Потемкин, читал свои стихи, он уже и раньше был несколько раз с Нувелем у Мих<аила> Ал<ексеевича>, и у нас пили чай и музицировали. Сомов раз был к обеду. Мейерхольд был вечером. Ольга Мих<айловна>, бедная, выкинула и лежит в больнице, было опасно, но теперь прошла опасность» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 3. Л. 32 об.–33); «Сегодня с Нисой ночью–вечером сделался, по-видимому, эпилептический припадок: упала и билась, и пена с кровью из горла шла, и хрипела...» (Там же. Л. 36).

41. Имеется в виду С. К. Шварсалон.

42. «Прекрасная Елена» (1864) — оперетта Ж. Оффенбаха.

43. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Приехал с утра Сережа. <...> Перед обедом прочел Кузмину сонет, написанный для „Аполлона". <...> Потом Кузмин знакомил с оперой Гофмана „Ундина". Мне она понравилась очень. Эти романтики нам, в самом деле, очень близки. Мне нравится и симфоническая структура, и Lieder <песни — *нем.*> как арии, и мифическая сказочность, и близость к Бетховену. Потом К<узмин> говорил со мною, видя мою хандру» (*Иванов.* Т. 2. С. 796).

44. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Принесены были желанные корректуры Cor Ardens, <...> когда я собирался уже выезжать к Беляевским, чтобы навестить их в день рожденья и поблагодарить за Лиденьку <...> поспешил вернуться домой, ожидая Каблукова. Пришел Каблуков, беседа с которым началась с темы о бессеменном зачатии и кончилась квадратурой круга» (*Иванов.* Т. 2. С. 796). О теме разговора с Каблуковым может дать представление запись самого Каблукова в дневнике от 24 августа: «Сегодня вечером я был у Вяч. Иванова <...> По поводу утверждения Розанова о невозможности физического девства перенесшей роды Девы Марии, Вяч. Иванов указал на мнение мистиков средних веков, допускавших, что в акте рождения „печать девства" преломилась, но в тот момент, когда полнота Христа присвоилась человеку Иисусу в акте крещения от Иоанна, пречистая мать его вновь стала *вполне* Девою, и она развивалась в этом направлении, как бы молодея параллельно развитию Богочеловеческого естества в Христе Иисусе, какое развитие завершилось в акте крещения...» (цит. по: В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1995. Кн. 1. С. 218).

45. *Безик* — карточная игра.

46. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Явился на зов Чулков. Я опять убеждал его соединиться с Н<адеждой> Гр<игорьевной>. Судейкин привез перевод жены, прочтение которого нужно кончить к понедельнику. <...> Кузмин читал Чулкову конец своего романа. Я сказал много сердечного Кузмину об этом религиозном деле» (*Иванов.* Т. 2. С. 796–797).

47. *«Princesse Maleine»* (1889) — пьеса М. Метерлинка в переводе О. А. Глебовой-Судейкиной. В хронике газеты «Речь» сообщалось: «Художник Судейкин пишет декорации для „Принцессы Мален" Метерлинка, которая пойдет, как это ни странно, на сцене Малого театра. Постановка этой пьесы предполагалась еще в самом начале сезона. Приглашена была специально для роли принцессы Мален г-жа Глебова, но потом, с воцарением „Царства скачек" и т. п., заглохли слухи о „Принцессе Мален". В настоящее время решено поставить эту пьесу в ноябре» (Речь. 1909. № 291. 23 октября (5 ноября)). Однако в 1909 г. пьеса так и не была поставлена.

48. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Были сестры Беляевские, с которыми я решил провести весь вечер. Читали они мне „Часы" <роман А. М. Ремизова. — *Н. Б., С. Ш.*>. Поздно, при сестрах, появились Renouveau и Потемкин, принесли мне свое описание достопамятного маскарада у Ростовцевых. Потом Кузмин рассказывал мне узнанные от Нувеля сенсационные известия о романах Бенуа и Дягилева, во время парижских триумфов» (*Иванов*. Т. 2. С. 797).

49. *«Зимнийдень* (Пейзаж и жанр)» (1894) — рассказ Н. С. Лескова, где по ходу действия персонажи иногда переговариваются и подают реплики из-за закрытых дверей, трельяжа и пр.

50. Речь идет о предполагавшемся визите к Н. С. Гумилеву. Подробнее см.: *ЕРОПД* на 1976 год. С. 236–237; примеч. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика.

51. Вероятно, запись вызвана сообщениями о планах императорских театров на начинающийся сезон: «В Александринском театре. В воскресенье, 30 августа, для открытия русских драматических спектаклей, в 1-ый раз по возобновлении: „На всякого мудреца довольно простоты", ком<едия> А. Н. Островского. <...> В Мариинском театре <...> В среду, 2 сентября, для открытия балетных спектаклей: „Спящая красавица", бал<ет> (г-жа Павлова)» (Речь. 1909. № 237. 29 августа (11 сентября)).

52. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Читаю, как и вчера, с Кузминым перевод „Принцессы Малэны" Судейкиной. Кончили 4 действия. Прелестен вчера и сегодня Костя... <...> Вечером была 28 соната Бетховена. Заходили на короткое время Леман и Врангель <публикаторы дневника Вяч. Иванова, по-видимому, неверно прочли фамилию — «Врангель» вместо «Врасская». — *Н. Б., С. Ш.*>. Я сказал Леману, что не хотел было его принимать, и дразнил дружбой своей с Кузминым» (*Иванов*. Т. 2. С. 797).

53. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Обедал Широкогоров. Вечером был Судейкин. Он показывал свои эскизы к „Maleine". Они очень красивы и интересны. Ольга Афанасьевна читала стихи. Чета мила, немного наивна» (*Иванов*. Т. 2. С. 797–798).

Сентябрь

1. О первой женитьбе Вяч. Иванова — на Д. М. Дмитревской — см.: *Дешарт О.* Введение // *Иванов*. Т. 1. С. 9–11 и далее (фамилия жены там приведена искаженно — Дмитриевская).

2. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Можно ли встретиться мне с моею первою женой? Какова будет эта встреча? Не будет ли неожиданного, странного, запоздалого, мгновенного сближения? Все это со вчерашнего дня роилось в голове моей. <...> Пришел после обеда Бородаевский. <...> Мы встретили в гостиной не одного аббата, с которым мне хотелось его познакомить, но и Renouveau с Потемкиным. Renouveau старался быть снобом. Потемкин m'a froissé <меня уязвил — *франц.*> чем-то, что было или случайно вышло у него хамством. Я подчеркнул это. Все согласились. Была бесконечная „Schöne Muellerin" <«Прекрасная мельничиха» — *нем.*>. Кузмин был безмолвно участлив и нежен, видя и зная, что я грущу и волнуюсь. Но мысль о Вере и ее письме всякий раз вливала в меня волну счастия и жизни. Вдруг я почувствовал Диониса и не мог удержаться, чтобы не подсесть к Кузмину и не шепнуть ему, что меня в этот миг волнует. Он казался странным — таким, каким он бывает, когда ждет видение, когда ощущает невидимое присутствие. Я сказал ему: „Вы слышите шепот?" — я разумел мой — ибо в это время Renouveau слабым своим и музыкальным голосом пел „Muellerin". К<узмин> испугался тихим ужасом — думал, что я говорю про чей-то таинственный шепот. Успокоив его, я сказал: „Кто же не знает шепот Диониса? Не чувствует его? не влюблен в него? не ощущает его, как я? он вдруг, как только что, глянет несказанными винными глазами и промчится в сладком мягком ветре? Отчего не это у меня? Демоническое навождение? А Вы знаете это?" К<узмин> сказал, что понимает и что это не навождение» (*Иванов.* Т. 2. С. 798–799).

3. О Е. А. Зноско-Боровском, которым Кузмин тогда увлекался, см.: *ДК-34.* С. 54–55.

4. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Бородаевский пришел к обеду. Был радостен и доверчив. Хорошо познакомился с Кузминым, который очень приласкал его. Он читал с Б<ородаевским>, по моей просьбе, из Пролога. <...> Вечер был посвящен мною воспитанию Бородаевского посредством Кузмина. Между прочим, я сказал: „Вы видите в нем эту религиозную гармонию, вместо которой в вас раскол?" Б<ородаевский> сказал: „Вижу и завидую". Я в ответ: „Завидовать нечего, это достижимо, средство простое, — его нельзя назвать вслух". И намекнул: „непрестанная молитва". Сумма молитвы в жизни К<узмина> так велика, что сделала его цветоносным и плодоносящим. Молитва — это дыхание. Обилие и непрерывный ритм любви, благорастворение воздуха, в котором он живет. Б<ородаевский> едет в Вологду за стариной. К<узмин> кончил 3-ю часть „Rolla". Я сказал ему, что он ведь принадлежит к „Орам", по литературному родству. Сообразоваться с условиями гонорара и другими выгодами ему нужно прежде всего; что до остального, я бы хотел видеть „Rolla" в издании „Ор"» (*Иванов.* Т. 2. С. 799).

5. Видимо, имеется в виду первоначальный вариант романа Ауслендера «Последний спутник» (М., 1912).

6. См. в дневнике Вяч. Иванова: «За обедом были Гумилев и бедный, томный, ласковый, больной Ауслендер. Бородаевский был еще раз вечером и Судейкин. Чета <Судейкиных> была наивно перепугана

(„désastre“ <«катастрофа» — *франц.*>, восклицала Ольга Аф<анасьевна>, по словам мужа) — тем, что осрамилась на башне 1) переводом 2) наивным увлечением поэзией Метерлинка. Пришлось успокаивать. Кузмин читал Juvenilia <юношеские произведения — *лат.*>, где есть значительное. Явился позднее Сережа, гревшийся у семейного очага новобрачных Косвенов, и преважно, почти грустно заявивший: „Я хочу жениться“, из чего я вывел заключение о необходимости успешных занятий к экзамену по римскому праву. По его уходе игралась 31-я соната» (*Иванов*. Т. 2. С. 799–800).

7. Имеется в виду письмо от Фриды Ихак (Frida Ichak) из Мариамполя Сувалкской губ. от 2 августа 1909 г. В нем, в частности, говорилось: «Простите, что я Вам до сих пор ничего не сообщила о судьбе немецкого перевода Ваших Подвигов Александра. Г. *Rubiner* сообщил мне из Берлина, что Dr. Blei'y роман в высшей степени понравился. Первые 20 стр. он поместит в „Hyperion'e“, а издательство von Weber, по всей вероятности, издаст книгу отдельным изданием. Von Weber также в восторге от книги, но он не дал еще окончательного согласия своего потому, что ему еще неясно, как издать эту книгу. Ему очень важно придать этой книге соответствующую наружность. О точном времени появления „Александра“ в журн. „Hyperion“ Blei ничего еще сказать не мог. Переводчик Подв<игов> Александра есть Ludwig Rubiner, Berlin, Neuen <*нрзб.*>, 35. Он теперь путешествует и пришлет Вам часть своей рукописи, как только вернется в Берлин. Мое участие в переводе слишком незначительно, чтобы он мог носить имя мое. Но я очень рада, что эта строгая и выдержанная вещь нашла достойного переводчика и издателя. Я бы хотела ознакомить Германию и с другими Вашими творениями. Передали ли Вы кому-нибудь перевод „Крыльев“? Я внимательно прочитала эту книгу, и она произвела на меня сильное впечатление сжатостью и „скупостью“ формы. В Германии один только Heinrich Mann писал *так* свою „Die Jagd nach Liebe“ <«Погоню за любовью», роман 1903 г. — *Н. Б., С. Ш.*>, но у Вас еще концентрированнее. Как ваше мнение и, главное, желательно ли Вам, чтобы «Крылья» были переведены на немецкий? — Я с большим интересом читала также маленький отрывок „Нежного Иосифа“ в „Золотом Руне“, к сожалению, „Золотое Руно“ мне недоступно. Выйдет ли „Иосиф“ отдельным изданием и скоро ли? Я бы хотела его читать по возможности скорее и eventuell <возможно — *нем.*> перевести его на немецк<ий>, вместе с г. Рубинером. — Я все еще в пределах Российской Империи, в деревне. Около начала октября рассчитываю быть в Берлине. Я с радостью вспоминаю час, проведенный мною в беседе с Вами. Может быть, судьба будет милостива ко мне и час этот повторится — в чудном „рисуночном“ Петербурге или у меня в Берлине» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 222).

8. «*Не в свои сани не садись*» (1852) — комедия А. Н. Островского. Кузмин был в Александринском театре, где должен был идти спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». Однако в хронике писалось: «В Александринском театре с самого начала сезона идет ломка репертуара — отсутствие дублеров на главные роли и теперь является единственной причиной. На этот раз заболел г-н Давыдов» (Речь.

1909. № 244. 6 (19) сентября). В спектакле В. Н. Давыдов исполнял роль Мамаева.

9. В Петербурге существовало два ресторана с таким названием: на Лиговской и на Садовой. Здесь, скорее всего, имеется в виду «*Метрополь*» на Садовой ул., 14.

10. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Кузмин, вернувшись с представления пьесы Островского, которою наслаждались он и Сомов, пел „Бессонницу", колыбельную песнь девушки и сладостный гимн Антиною, такой мистически проникновенный и подлинный. Кассандра разволновалась гимном. Кузмин был прекрасен, когда пел его, — quelle beauté austère, douce et troublante! en même temps!.. <какая красота, суровая, нежная и волнующая одновременно! — *франц.*>» (*Иванов.* Т. 2. С. 800). «Гимн Антиною», как следует из *РТ*, был написан в сентябре 1897 г., «Бессонница» (на стихи Пушкина) — в июле 1897 г.

11. Н. С. Войтинская, по заказу журнала «Аполлон», делала ряд портретов писателей (см. следующее примеч.).

12. См. в дневнике Вяч. Иванова: «Кузмин еще застал меня, вернувшись с сеанса у Войтиной *<так!>*, которая должна снять целую серию литографических портретов с сотрудников „Аполлона", и про меня говорят, что я считал ее за самозванку, так как не иду к ней, не получив приглашения от Маковского. Кузмину, несмотря на поздний час, хотелось прочесть несколько страниц из своих Juvenilia. Мы говорили о его религиозном синкретизме александрийской эпохи, напечатлевшемся в ряде на половину подлинных видений этого цикла. Я советовал ему дать очерк своего религиозного развития или изложить свою profession de foi в проповедях, аллегориях и видениях. Мы должны все знать, как выросли *<так!>* в нем эта душевная гармония, как далось ему сочетать в своей душе Розу и Крест» (*Иванов.* Т. 2. С. 801).

13. Скупая запись о «спорах о политике» дополняется дневником Вяч. Иванова: «Был у больного Маковского. Он благодарил за стихи, которыми очень доволен. Просил позировать. Говорил о поэтической академии. Устроено тотчас дело Мандельштама (он велел секретарю послать 25 р.). Рассказывал о том, что явился Макс с „Венком Сонетов". Иронически я сказал, что рассчитываю на деликатность Макса и счел бы опубликование „Венка" раньше моего не вполне корректным. Была мягкая серая погода; все стояло отчетливо и без теней в теплом влажном воздухе. Я пришел домой и рассказал результат Ауслендеру. По дороге, впрочем, — забыл было упомянуть — зашел к Сологубу. <...> Долго болтали с ним о сценической переделке „Мелкого Беса", о „Навьих <в книге ошибочно «Новых». — *Н. Б., С. Ш.*> Чарах", о максимализме художника, никогда не удовлетворяющего революционеров как минималистов, об Азефе и конце рев<олюционных> партий и пр. Потом он понес глупый и жестокий вздор о желательности избиения младенцев, полном уничтожении целых наций и т. д. Когда же я заметил, что нашествие монголов его утешит, он пожелал уничтожить немедленно монголов. Жалкий маниак! — Пришел за обедом Ивойлов, во время разговоров о политике по случаю предвыборной агитации и рассказа Сережи о собрании избирателей, куда он проник. <...> Потом

явился Столпнер, длинная беседа с которым позволила, быть может, видеть все тайники интеллигентской души, но утомительна и ненужна была не в меру. Кузмин играл при нем Моцарта и читал стихи. Началась же беседа с вопроса о Бердяеве, которому Мережковский посвятил сегодня фельетон, по случаю его письма к арх<иепископу> Антонию о своем возврате в церковь и о мерзости запустения на месте святе...» (*Иванов*. Т. 2. С. 802–803). Дневник Вяч. Иванова, разумеется, требует отдельного подробного комментирования, которое, можно надеяться, будет осуществлено при его переиздании.

14. Лаконичное упоминание Кузмина о «большом приеме» развернуто в дневнике Вяч. Иванова в подробную запись: «Вечером были общие мои и Кузминские гости: Сомов, Нувель, Толстой, Потемкин, и специально Кузмина, и потому был допущен студент Тарасов. Было столь же оживленно, сколь чинно. Я старался или молчать, когда нужно было критиковать, или высказываться по особенной просьбе. Толстой читал слабые стихи и три талантливых рассказа не равного достоинства, но равно почти ярких и остроумных. Потемкин продолжает СПб. поэмы, которые отнюдь не нравятся Сомову. Послед *<так!>* пели. По их уходе Кузмин играл 16<-ю> сонату, а я говорил об упругости Бетховена и „девятом вале" в вариациях его тем» (*Иванов*. Т. 2. С. 804). О своих оценках поэтического творчества А. Н. Толстого того времени Кузмин написал в рецензии на второй номер журнала «Остров» (Аполлон. 1909. № 3).

15. См. в дневнике Вяч. Иванова: «За столом почему-то всем весело. Присутствовали Широкогоров и Ауслендер. Потом Ауслендер читал начало романа и повесть об Окуловке <в книге ошибочно «Акуловне». — *Н. Б., С. Ш.*>. Повесть очень хороша. Она навела на сложные разговоры. Потом Кузмин играл 1-ое действие „Manon"» (*Иванов*. Т. 2. С. 805–806). Повесть С. А. Ауслендера об Окуловке нам неизвестна.

16. «*Пчелы* и осы Аполлона» — раздел журнала, писавшийся разными авторами, нередко в сотрудничестве друг с другом, в виде диалогов, в которых участники «Аполлона» фигурировали под условными обозначениями. Для первого номера раздел создавался при живейшем участии Кузмина. В субботу, 12 сентября, состоялось заседание с обсуждением «Пчел и ос» (см. в дневниковой записи за это число).

17. Подробнее об отношениях Кузмина и Хлебникова см.: *Парнис А. Е.* Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // *МКиРК*. С. 156–161.

18. Имеется в виду Петровское училище С.-Петербургского Купеческого общества (Фонтанка, 62). Училище давало будущим коммерсантам солидное образование: преподавались русский язык и словесность, немецкий, французский и английский языки, математика, физика, химия, естествоведение, коммерческая география и география просто, история, история торговли, законоведение, политэкономия, товароведение, бухгалтерия, коммерческие вычисления, чистописание, рисование, танцы, гимнастика, пение, музыка. При училище имелся Товарный музей и хороший концертный зал.

19. Сохранилась повестка на этот вечер, присланная В. И. Анненскому-Кривичу: «Редакция „Аполлона" имеет честь просить Вас пожаловать в субботу 12 сентября (в 8 ч. веч.) 1909 года на собрание сотруд-

ников в помещении Редакции — Мойка, 24, кв. 6. Предметы обсуждения: „Пчелы и осы Аполлона“» (РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 64). О «Пчелах и осах Аполлона» см. ниже, примеч. 24.

20. В «башенном» быту это слово имело особое значение, о чем писала Л. В. Иванова: «У нас было полушуточно принято выражение „аудиенция“, — „Вячеслав Иванович, NN просит назначить ему аудиенцию“. NN приходил, они с Вячеславом удалялись вдвоем и долго беседовали наедине» (*Иванова Лидия.* Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 42).

21. Посещение Е. А. Зноско-Боровского явно было связано с письмом С. К. Маковского к Кузмину от 16 сентября: «Разумеется, Ваша просьба будет удовлетворена немедленно! Стоит Вам только зайти (или послать кого-нибудь) в редакцию „Ап<оллона>“ от 3–6 к Евген<ию> Александровичу, у которого теперь — касса. В настоящее время я почти совсем поправился и надеюсь (может быть, на днях уже) выйти из дому» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 2646). Аванс, очевидно, был обещан за участие в составлении раздела «Пчелы и осы Аполлона» (подробнее см. ниже, примеч. 24).

22. Сорт итальянского вина.

23. Кузмин наконец попал на спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» в Александринский театр. Ср. оценку этого спектакля С. А. Ауслендером (Петербургские театры // Аполлон. 1909. № 1. С. 26–27; паг. 2-я).

24. Имеется в виду коллективный раздел «Пчелы и осы Аполлона» для первого номера журнала. Об истории его создания см.: *Анненский И. Ф.* Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // *ЕРОПД* на 1976 год. С. 227–228. Предположение В. Д. Крейда о том, что «Пчелы и осы» могли быть написаны Гумилевым (см.: *Крейд В.* Неизвестная статья Гумилева? // Новый журнал. 1987. № 166. С. 189–202), абсолютно необоснованно. Ср. в газетной хронике: «Нововведением в журнале будет коллективный отдел под названием «Пчелы и осы Аполлона» с откликами на современные явления» (Речь. 1909. № 259. 21 сентября (4 октября)). См. также: *Тарановский К. Ф.* Заметка о диалоге «Скучный разговор» в первом номере «Аполлона» (октябрь 1909 г.) // Russian Literature. 1989. Vol. XXVI. № 6.

25. Опера А. П. Бородина «Князь Игорь» в Мариинском театре, не очень понравившаяся Кузмину (см. запись от 9 октября). См. отзыв Г. Тимофеева — Речь. 1909. № 262. 24 сентября (8 октября); подпись: Г. Т. Ср. также: *Ауслендер С. А.* Танцы в «Князе Игоре» // Аполлон. 1909. № 1. С. 29–30; паг. 2-я; подпись: С. А. Поставленные М. М. Фокиным половецкие пляски были отмечены едва ли не всеми рецензентами.

26. Речь идет о спектакле Михайловского театра: «В среду в Михайловском театре состоялась генеральная репетиция первого из этой серии спектакля, в которую войдут названные трагедии Эврипида <«Ифигения–жертва»> (в перев<оде> И. Анненского) и Леконт-де-Лиля <«Эриннии»> в пер<еводе> О. Чюминой» (*Василевский Л. М.* Михайловский театр // Речь. 1909. № 263. 25 сентября (8 октября); подпись: Л. Вас.). См. его же рецензию (Там же. № 265. 27 сентября (10 октяб-

ря)) и отклик В. Регинина (*БВ*. Веч. вып. 1909. № 11328. 24 сентября; подпись: Вас. Р.). Отклик С. А. Ауслендера: Петербургские театры // Аполлон. 1909. № 1. С. 28–29; паг. 2-я.

27. О каких иллюстрациях М. В. Добужинского идет речь, комментаторам неизвестно. Они не указаны в «Списке работ М. В. Добужинского» (Аполлон. 1911. № 2. С. 31–35), в подробной статье о нем в биографическом словаре О. Л. Лейкинда, К. В. Махрова, Д. Я. Северюхина «Художники русского зарубежья. 1917–1939» (СПб., 1999); не иллюстрировал Добужинский и «Невский проспект» Гоголя, если предположить здесь описку Кузмина. Существует литография Добужинского «Невский проспект в 900-х годах» (воспроизведена: Иллюстрированная Россия». 1932. № 19 (365). С. 2).

28. Имеется в виду статья Н. Н. Врангеля «Любовная мечта современных русских художников» (Аполлон. 1909. № 3), иллюстрации к которой были исполнены, однако, не Н. С. Войтинской, а В. П. Белкиным.

29. См. анонимную заметку «„Бурное собрание" в литературном обществе»: «По существу Чуковскому ничего сказано не было. <...> Обострение в спор внесло упоминание о Скабичевском. Чуковский заявил, что „нужно быть Скабичевским, для того, чтобы" и т. д. Г. Далин (Линев) весьма резко протестовал против подобных „докладов" в литературном обществе. Стряпня Чуковского — только хлесткий фельетон, которому место в несерьезной газете. Чуковский взволновался и не нашел ничего лучшего, как ответить, что г. Далин называет себя писателем, а он, Чуковский, ни одной строчки его не читал. Под аккомпанемент непрерывного хохота публики выступил Осип Дымов. <...> Публики было полным-полно. Ее ожидания не были обмануты» (Новая Русь. 1909. № 264. 26 сентября (9 октября)). Сведения о других отчетах см.: *Берман Д. А.* Корней Иванович Чуковский: Биобиблиографический указатель. М., 1999. С. 326. Эссе Чуковского «О Всеволоде Гаршине (Введение в характеристику)» было напечатано: Русская мысль. 1909. № 12. С. 117–141; паг. 2-я.

30. Речь идет о поездке в Царское Село.

31. В этот день в «Аполлоне» читал свою повесть «Влас» О. Дымов (см.: *ЕРОПД* на 1978 год. С. 239–240).

Октябрь

1. Оперетта Н. Н. Евреинова — «Похищение сабинянок» (см. ее описание: *ОТ*. 1909. 16 сентября. № 846. С. 7–8). Ср. в хронике: «Общество „Интимный театр" (гг. Мгебров, Евреинов, Коммиссаржевская, Толстой, Пронин) намерено открыть свою деятельность еще в текущем сезоне. <...> На первых порах предполагается устроить „Кабаре" исключительно для артистов, художников и литераторов. Предполагаются к постановке художественные оперетки гг. Евреинова и Кузмина» (Речь. 1909. № 274. 6 (19) октября; *ОТ*. 1909. № 867. 7 октября). Спустя два года замысел «Кабаре» трансформировался в «Бродячую собаку». См. также запись в дневнике от 13 ноября 1909 г. и примеч. 10 к апрелю 1911 г. Ср.: *Парнис и Тименчик*. С. 151.

2. В этот день в театре «Пассаж» шла оперетта Г. Рейнгардта «Фея Карлсбада».

3. «*Русь*» — сборник стихов С. М. Городецкого (М., 1910). См. выше, примеч. 31 к августу 1909 г.; ср. появившуюся вскоре рецензию Блока (Речь. 1909. № 280. 12 (25) октября). Впрочем, столь же вероятно, что Кузмин имеет в виду газету «Новая Русь», прежде именовавшуюся «Русь».

4. В Народном доме в этот день шла опера А. С. Даргомыжского «Русалка».

5. Об отношениях Кузмина и В. К. Шварсалон в это время см. в ее дневнике: «...я решила, что страхи мои — „pictus metus“ <беспричинный страх — *лат.*>, и вот, вернувшись, начала совсем иначе с ним жить (встретил он меня очень холодно, к<а>к мне чудилось — огорченный нарушением их тройки)» (цит. по: *Богомолов*. С. 330).

6. Цикл Блока «Итальянские стихи» (в составе шести стихотворений) впервые опубликован: Аполлон. 1910. № 4 (январь).

7. Имеется в виду то, что С. К. Маковский описывал в письме к Вяч. Иванову: «Кузмин действительно показал себя самоотверженным работником в журнале, взяв на себя совершенно безвозмездно чтение бесчисленных рукописей, присылаемых в редакцию...» (*НЛО*. 1994. № 10. С. 142).

8. Имеется в виду только что вышедший из печати сборник рассказов Г. И. Чулкова «*Пустыня*» (СПб., 1909).

9. Писавшееся в то время «Путешествие сера Джона Фирфакса...».

10. Очевидно, речь идет о зиме 1906–1907 гг., когда писались «Куранты любви».

11. См. выше, примеч. 25 к сентябрю 1909 г.

12. Вероятно, имеется в виду большое письмо М. Ф. Ликиардопуло без даты с множеством деловых вопросов Кузмину (опубл.: *ЕРОПД* на 1990 год. С. 51–52; публ. А. Г. Тимофеева).

13. Слово, чаще всего встречающееся в лексиконе Мережковских, — чепуха, ерунда.

14. О театре, которым И. фон Гюнтер руководил в Риге, и о его встречах с Комиссаржевской см. подробнее: *GuentherJohannes von*. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München: Erinnerungen. München, 1969. S. 239–261.

15. В эти дни Л. С. Бакст вернулся в Петербург из Венеции. Среди привезенных им картин были портреты В. Нижинского и А. Дункан. См.: *Любитель* [*Брешко-Брешковский Н. Н.?*]. У Льва Бакста // *БВ*. Веч. вып. 1909. № 11362. 14 октября.

16. «*Анфиса*» — пьеса Л. Н. Андреева, поставленная в Новом драматическом театре. См.: *Евреинов Н.* О постановке «Анфисы» // Аполлон. 1909, № 2. С. 31–32; паг. 2-я, а также отчеты Влад. Азова (Речь. 1909. № 280. 12 (25) октября), А. А. Измайлова (*БВ*. Веч. вып. 1909. № 11358. 12 октября; подпись: *Смоленский*), Вл. Боцяновского (Новая Русь. 1909. № 280. 12 (25) октября) и др.

17. «*Маг*» — «драматическая фантазия» И. фон Гюнтера в переводе П. П. Потемкина была опубликована в 3-м номере «Аполлона»

за 1909 г. Кроме того, Гюнтер стал обозревать в журнале новинки немецкой литературы. О визите в Петербург осенью 1909 г. см. в его воспоминаниях (*Guenter Johannes von.* Ein Leben im Ostwind... S. 162).

18. Имеется в виду С. К. Маковский.

19. Вероятно, книга: *Михельсон Бруно.* Причуды сердца: Новеллы и этюды. Владивосток, 1909.

20. Скорее всего, подразумевается составлявшийся Вяч. Ивановым устав *ОРХС* (см. ниже, примеч. 26).

21. Вероятно, имеется в виду пьеса И. фон Гюнтера «Маг» (см. выше, примеч. 17).

22. О «*Геософическом обществе*», основанном Гумилевым, в настоящее время практически ничего не известно, кроме мимолетных упоминаний в разных источниках. См.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 119–121.

23. Издательство при «Аполлоне» в качестве серьезного предприятия не образовалось, им было выпущено лишь несколько книг. Упоминание О. Дымова свидетельствует о том, что Маковский предполагал образовать его по типу издательства «Содружество», выпускавшего книги самого Маковского, Дымова, Л. Д. Семенова и некоторые другие.

24. В этот день исполнилось два года со дня смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Похоронена она была на кладбище Александро-Невской лавры.

25. Речь идет еще об одной поездке в Царское Село.

26. Судя по всему, речь идет о преобразовании домашнего дела Иванова («Поэтической Академии», «Академии стиха», заседания которой устраивались на «башне») в официальное, зарегистрированное в градоначальстве «Общество ревнителей художественного слова», заседавшее уже в редакции «Аполлона». Сведения об истории ОРХС осенью 1909 см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 356. Ср. также *Пяст.* С. 103–111. К сожалению, отчеты о деятельности Поэтической Академии или протоколы заседаний за это время нам неизвестны (все известные опубликованы М. Л. Гаспаровым, — *НЛО.* 1994, № 10, но они относятся к начальному этапу деятельности общества). Создать некоторое впечатление о первом годе работе *ОРХС* позволяет неподписанная хроникальная заметка: «„Общество ревнителей художественного слова“ (или „Академия поэтов“), вышедшее из интимных собраний поэтов у Вячеслава Иванова, в нынешнем году организовалось окончательно. Собрания общества происходят еженедельно по четвергам в редакции журнала „Аполлон“. Из литераторов членами общества состоят: О. Дымов, С. Ауслендер, гр. А. Толстой, М. Волошин, Ю. Верховский, проф. Аничков, А. Кондратьев, Ф. Сологуб, Г. Чулков, С. Городецкий, Н. Гумилев, П. Соловьева, А. Тыркова, А. Чеботаревская и др. Совет общества состоит из: В. Иванова, Ф. Зелинского, В Гуносова <искажена фамилия Брюсова. — *Н. Б., С. Ш.*>, М. Кузмина, А. Блока и С. Маковского. В этом году были прочитаны курсы: И. Анненского (прерваны его смертью), В. Иванова (О метафоре), М. Кузмина (О прозаическом стиле), Е. Аничкова (Поэтика Веселовского), Ф. Зелинского (О элегантном стиле). Будет прочитан курс (О русском стихосложении) В. Брюсовым. Кроме того,

были прочитаны и разобраны: трагедия И. Анненского; „Венок сонетов" М. Волошина; стихи А. Блока, Н. Гумилева, В. Бородаевского и друг. Ю. Верховским были прочитаны найденные им стихи Баратынского и Дельвига» (Речь. 1910. № 38. 8 (21) февраля).

27. По предположению К. Н. Суворовой, речь шла о подготовке торжественного обеда в честь освобождения Е. В. Аничкова (см. ниже, примеч. 41) и о составе совета «Поэтической Академии», куда как раз в это время были избраны Кузмин и Блок (вероятно, на заседании 21 октября) (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 172; примеч. 186). Если второе несомненно справедливо (с прибавлением обязательных обсуждений проекта устава *ОРХС*, который требовался для формальной регистрации общества), то первое, скорее всего, относится к замыслу обеда в честь С. К. Маковского, поскольку Аничкова чествовали в другом ресторане, находившемся на той же Морской, но в начале улицы (в «Малом Ярославце» на Морской, 8).

28. Поиски ресторана были связаны с подготовкой к торжественному обеду в честь С. К. Маковского по поводу выхода в свет первого номера «Аполлона» (см. запись от 25 октября и предыдущее примеч.).

29. Имеется в виду «Дама с камелиями» (1852) — пьеса А. Дюма-сына по своему одноименному роману.

30. День основания Царскосельского Александровского лицея 19 октября 1811 г.

31. Два перевода из Рашильд («Три розы (светская историйка)» и «Две овечки (сельская историйка)») опубликованы: Аполлон. 1909. № 2.

32. Далее описан торжественный обед в честь С. К. Маковского. На нем выступили Вяч. Иванов, Анненский, Осип Дымов, Маковский (с ответной речью), потом стихи читали Блок, Гумилев, Кузмин, А. Н. Толстой, Маковский, Вяч. Иванов, Анненский (см.: *ОТ*. 1909. № 888. 26 октября. С. 11). Приглашения на обед с описанием условий складчины см.: РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 70–71.

33. См. отзыв Блока об этом заседании: «Доклад делал Вяч. Иванов, а потом разбирали плохие стихи» (*Письма к родным*. Т. 1. С. 278).

34. Приезд А. П. Воротникова был связан с планами, о которых он сообщал Кузмину еще 29 сентября: «...не знаю, где Вы теперь находитесь, и пишу на всякий случай в Окуловку. Не знаю, есть ли у Вас достаточно свободного времени, но очень хотел бы предложить Вам одну работу для театра, которая найдет себе немедленное применение, только бы не запретила цензура, как уже случалось ранее.

Буду с нетерпением ждать, что откликнетесь на мое письмо, и тогда напишу подробнее, в чем дело.

Я уже около года работаю в театре Незлобина, который, повидимому, прививается в Москве. Ведаю литературной и художественной частью этого театра. Но меня это мало удовлетворяет, и в близком будущем у меня есть дело много интереснее во всех отношениях.

В половине октября я буду в Петербурге, но я очень прошу Вас, дорогой Михаил Алексеевич, отзовитесь на это письмо поскорее, чтоб я мог сейчас же изложить Вам мой проэкт Если бы Вы написали

такую пьесу, которая нам нужна, то я просил бы у Сомова эскизы декораций и проч. То дело, за которое мне предстоит взяться, будет поставлено очень серьезно» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 1–2 об).

35. О каком спектакле идет речь, сказать трудно. Возможно, еще об одном посещении «Князя Игоря» в Мариинском театре.

36. См. в хронике: «Вчера в Мариинском театре состоялась генеральная репетиция возобновленной музыкальной драмы Рихарда Вагнера „Тристан и Изольда“. Новая постановка, принадлежащая г. Мейерхольду, с выдержанной с начала до конца стилизацией, знакомой Петербургу по театру В. Ф. Коммиссаржевской в позапрошлом сезоне, возбудила много толков среди артистического мира, присутствовавшего на репетиции. Декорации принадлежат кн. Шервашидзе. <...> Репетиция, начавшаяся в 12 ч. и продолжавшаяся почти до 5 час., кончилась неожиданным инцидентом. В последней сцене г. Андреев (Мелот), не рассчитав взмаха, мечом ударил настолько сильно г. Смирнова (баритон), исполнявшего роль Курвенала, что причинил ему легкое поранение верхней части головы, и артисту пришлось сделать перевязку. Г. Смирнов находится в очень нервном состоянии, чувствует сильную головную боль и, вероятно, не будет в состоянии участвовать на первом представлении 30 октября» (Речь. 1909. № 297. 29 октября (11 ноября)). См. также: Раненый артист // *БВ*. Веч. вып. 1909. № 11388. 29 октября. О самой постановке см. отзывы: *В. Н.* // Речь. 1909. № 299. 21 октября (3 ноября); *Бенуа Александр*. Постановка «Тристана» // Там же. 1909. № 304. 5 (18) ноября; *Коптяев А.* Возобновленный «Тристан» // *БВ*. Веч. вып. 1909. № 11393. 1 ноября; *Нурок А.* На генеральной репетиции «Тристана» // Аполлон. 1909. № 2. С. 27–28, паг. 2-я; подпись: А. Н.; *Ауслендер С.* Петербургские театры // Аполлон. 1909. № 3. С. 38, паг. 2-я, и мн. др. Позже впечатления от этой постановки отразились в стихотворении Кузмина «Олень Изольды» (1926; *Кузмин*. С. 670, 672).

37. Пьесы из вокального цикла «Города». См. также: *ДК-05–07*. С. 455, примеч. 9 к ноябрю 1905 г.

38. П. П. Потемкин приглашал Кузмина на вечер «Остров искусства», который прошел в Киеве 29 ноября 1909 г. Подробнее о нем см. ниже, а также: *Тименчик Р. Д.* «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С. 248–253.

39. О подоплеке появления Е. И. Дмитриевой (Черубины де Габриак) на «башне» см. в записи от 14 ноября 1909 г. в дневнике В. К. Шварсалон: «Когда я увидела, что К<узмин> начинает развинчиваться из-за такого-то<?> Белкина, мне стала опять приходить мысль, что если бы он мог полюбить *настоящую женщину*, он, может быть, полюбил бы ее *большой* любовью, и окреп бы, сделался бы человеком. И вот я, зная, конечно, все это страшно *<нрзб.>* и неопределенно, и так в воздухе, я решила просто<?> дать ему возможность подружиться с хорошими женщинами (не M-me Benois или Толстая). Себя ведь я же знала как абсолютно ему ни на что не годящуюся, и вот решила сблизить его с Дмитриевой (я тогда ей очень увлекалась). Они сразу подружились, разговорились, спорили и т. д. Она и стихи ее ему понравились, и я искренне радовалась, не давая хода никакой ревности, задушивая ее.

Но теперь и здесь грустный крах. *Д<митриева>* совсем не то, что я думала, — она, кажется, самая обыкновенная „баба“ — и в том же А. Толстовско-Максином духе — и потом, я все терпела, но когда вчера у Лидии в комнате они, не обращая никакого внимания на ход игры, лежали на диване, болтали и смеялись, и потом интимно она заговорила о Белкине, а он отвечал ей тоже дружественно, мне нужно было все мое мужество и вся моя заледенелость, чтобы не зареветь, как дикий зверь, которому всадили в бок кол раскаленный. Вместо этого я стала страшно оживленно руководить <?> дальше всею репетициею. Вот и все — а когда бы К<узмин> со мной заговорил о Белкине... знаю я, что он сухо бы прекратил сразу разговор. Вот так дела обстоят. Вот как мне нужно жить» (цит. по: *Богомолов.* С. 332).

40. Речь идет о полетах французского авиатора А. Гюйо на моноплане Блерио, состоявшихся на Коломяжском ипподроме 1 и 2 ноября. См., напр.: *О. Л. Д' Ор.* Полет Гюйо // Речь. 1909. № 303. 2 (15) ноября; *Бонди В. А.* Гигантская стрекоза // *БВ.* Веч. вып. 1909. № 11394. 2 ноября; подпись: Вальди. Авиация в это время вызывала необыкновенно большой интерес. В газетах («Речь», «Новая Русь») были даже специальные рубрики, посвященные воздухоплаванию.

41. Е. В. Аничков был освобожден из тюрьмы 20 октября 1909 г. Обед в его честь по этому поводу состоялся лишь 27 ноября, однако планировался он еще в конце октября. Подробнее см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 354, примеч. 9.

Ноябрь

1. Вероятно, речь идет о выставке Г. К. Лукомского в помещении редакции журнала «Аполлон». См.: *Волошин Максимилиан.* Первая выставка в редакции «Аполлона» // Аполлон. 1909. № 2. С. 13; паг. 2-я; *Брешко-Брешковский Н. Н.* Архитектор-поэт // *БВ.* Веч. вып. 1909. № 11396. 3 ноября; подпись: Бр.-Бр., а также статью А. Н. Бенуа, названную в примеч. 25.

2. Речь может идти либо о чтении Кузминым неизвестных нам произведений (литературного «самотека») и написании внутренних рецензий на них (об исполнении Кузминым этих обязанностей в редакции «Аполлона» см. выше, примеч. 7 к октябрю 1909 г.), либо о его первой хронике «Заметки о русской беллетристике», где содержится обозрение многих прозаических новинок (Аполлон. 1910. № 4).

3. В «Аполлоне» (1909. № 3) было опубликовано всего четыре отрывка из «Нового Ролла» с иллюстрациями В. П. Белкина.

4. См. в хронике: «3 ноября в помещении литературного общества (Фонтанка, 83) состоялось собрание религиозно-философского общества. Назначенный к чтению доклад члена Гос<ударственной> Думы г-на Караулова „Вопрос о свободе совести в Гос<ударственной> Думе“ вторично не мог состояться вследствие болезни докладчика. Совет <...> не счел возможным вновь отменить собрание, ввиду чего экспромтом выступил Д. С. Мережковский с докладом на тему о „Русской идее“ — по поводу статьи Вяч. Иванова» (*Один из молодых* [*Из-*

майлов А. А.?] // Новая Русь. 1909. № 304. 5 (18) ноября). Упомянутую статью Иванова «О русской идее» см.: Золотое руно. 1909. № 1.

5. Вероятно, здесь фиксируется первый замысел спектакля «Башенного театра» 19 апреля 1910 г. по пьесе Кальдерона «Поклонение Кресту» в постановке В. Э. Мейерхольда. Подробнее см.: *Пяст.* С. 166–180. Кузмин играл в спектакле две роли.

6. В отчете среди выступавших названы также С. А. Аскольдов и Боголюбов.

7. Неудачный визит к Сомову был связан с письмом к нему от предыдущего дня:

«Милый Константин Андреевич,

у меня к Вам большая просьба. Не дадите ли Вы мне „Les Diaboliques" B. d'Aurevilly на некоторое время. Я заеду к Вам завтра днем. Если Вас не будет дома, оставьте, пожалуйста, книгу для меня. Простите за беспокойство. Целую Вас.

Ваш *М. Кузмин*» (*ГРМ.* Ф. 133. Ед. хр. 233).

8. На заседании обсуждался первый номер «Аполлона» (Повестка — РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 65). О конфликте с А. Л. Волынским см.: *НЛО.* 1994, № 10. С. 156.

9. Речь идет о московской газете, возобновлявшей издание с 13 ноября 1909 г. после двухгодичного перерыва.

10. См. выше, примеч. 38 к октябрю 1909 г.

11. Речь идет о так называемой христианской секции Петербургского Религиозно-философского общества. О ней писала Евгения Герцык: «В эту зиму Вяч. Иванов стал деятельным участником религиозно-философского общества. Вместе с Мережковским и группой священников основал в обществе „христианскую секцию". Собрания ее были тесней, интимней, — сюда шли только те, для кого Евангелие уже было бесспорной основой. Собирались на Васильевском, кажется, в каких-то закоулках Университета...» (*Герцык Евг.* Воспоминания. М., 1996. С. 130). Об этой секции см. также справку Г. В. Обатнина: *ЕРОПД* на 1991 год. С. 142–143.

12. Ср. описание дня 8 ноября 1907 г. в дневнике и — в художественно преображенной форме — в повести «Картонный домик» (*Кузмин М.* Плавающие путешествующие: Романы, повести, рассказ. М., 2000. С. 413–414).

13. Речь идет о планировавшейся поездке Гумилева вместе с Вяч. Ивановым в Африку.

14. Во втором номере «Аполлона» была напечатана хроника С. Ауслендера «Петербургские театры».

15. Людвига ван Бетховена.

16. Речь идет о романе «Путешествие сера Джона Фирфакса...».

17. Подробнее об истории Черубины де Габриак см.: *Васильева Е.* «Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь» / Публ. Вл. Глоцера // Новый мир. 1988. № 12; *Давыдов З. Д., Купченко В. П.* Максимилиан Волошин. Рассказ о Черубине де Габриак // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник на 1988 год. М., 1989; *Черубина де Габриак.* Исповедь. М., 1998.

18. *Собрание* — редакционное собрание «Аполлона» (повестка — *РГАЛИ*. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 73). *Иннокентий* — И. Ф. Анненский. Несколько подробнее см. в комм. А. В. Федорова в кн.: *Анненский И.* Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 576 (примеч. к стихотворению «Моя тоска»).

19. Видимо, речь идет о пьесе Е. А. Зноско-Боровского «Крейсер „Алмаз". (Цусима). Сцены из войны», изданной в следующем году. Ср. примеч. 12 к маю 1910 г.

20. Речь идет о декорациях к постановке оперы К.-В. Глюка «*Орфей* и Эвридика» в Мариинском театре, которую осуществляли В. Э. Мейерхольд, А. Я. Головин и М. М. Фокин (премьера состоялась только 21 декабря 1911 г.). Отзыв Кузмина см.: Аполлон. 1911. № 10. С. 15–19; паг. 2-я.

21. Кузмин описывает оперу Н. Ф. Соловьева, своего учителя по консерватории, поставленную в Мариинском театре (см. отзыв А. Коптяев: *БВ*. Веч. вып. 1909. № 11416. 14 ноября). Лабинский пел Беппо. См. в той же рецензии: «...прекрасно протанцевал свою тарантеллу наш славный балет с г-жами Смирновой и Бибер во главе». Ср. отзыв «Аполлона»: «Этот продукт примитивного композиторства представляет собою редкий образец плохо состряпанного рагу из общих оперных мест, к тому же настолько скверно инструментованных, что вокальные исполнители лишены возможности использовать крикливую «эффектность» своих партий» (*Нурок А. П.* К возобновлению «Корделии» // 1909. № 3. С. 29, паг. 2-я; подпись: А. Н.).

22. Имеется в виду замысел группового портрета сотрудников «Аполлона», который должен был писать А. Я. Головин. О работах (преимущественно театральных) Головина в это время см.: *Лев К.* У А. Я. Головина // *ОТ*. 1909. № 916. 26 ноября. С. 7–8.

23. См. выше, примеч. 1 к октябрю 1909 г.

24. См. выше, примеч. 18.

25. Имеется в виду выставка К. С. Петрова-Водкина в редакции «Аполлона», открывшаяся 15 ноября. См.: *Брешко-Брешковский Н. Н.* Всесветный скиталец // *БВ*. Веч. вып. 1909. № 11418. 16 ноября; подпись: Н. Б.-Б.; *Бенуа Александр.* Выставка Петрова-Водкина // Речь. 1909. № 319. 19 ноября (2 декабря); *Маковский Сергей.* Выставка К. С. Петрова-Водкина в редакции «Аполлона» // Аполлон. 1909. № 3. С. 11–12; паг. 2-я.

26. Речь идет о литературно-музыкальном вечере в память писателей-учредителей и членов комитета Литературного фонда по случаю его 50-летия в зале Тенишевского училища. Вяч. Иванов читал там стихи А. К. Толстого вместе с В. Г. Ильшиной и П. В. Самойловым. См. в отчете: «Читают, однако, гг. писатели плохо. Мережковский завывает, Вяч. Иванов поет...» (*Л.* Вечер литературного фонда // Новая Русь. 1909. № 316. 17 (30) ноября).

27. См. в дневнике В. К. Шварсалон за этот день: «Вечером он <Кузмин> заявил, что перешел на *ты* с Б<елкиным>, Гюгюсом и Нувелем. Как это уродливо, что такой переворот для него, к<а>к называть кого-нибудь *ты* (ведь он и братьям своим гов<орит> вы) <начался> с таких личностей, кот<орые>, к<а>к G<ügüs> и Б<елкин>, не *имеют* права гов<орить> ему ты» (цит. по: *Богомолов*. С. 333).

28. Отсылка к заглавию романа А. де Мюссе «Исповедь сына века» (1836).

29. Скорее всего, речь идет о стихотворении, так и названном «Рондо», не опубликованном при жизни (см.: *НЛО*. 1992. № 3. С. 126; публ. А. Г. Тимофеева, а также: *Кузмин М.* Арена: Избранные стихотворения. СПб., 1994. С. 356). Еще одно рондо «Надпись на книге», посвященное Н. С. Гумилеву, датировано августом 1909 г.

30. См. датированное 17 ноября письмо от Н. С. Кругликова, с которым Кузмин познакомился у А. Н. Толстого за месяц до этого (см. в записи от 17 октября 1909 г.), с приглашением присоединиться к компании, посещающей его «среды» (Итальянская ул., 33). Кругликов просил «посетить *большого* поклонника Вашего таланта, если возможно, завтра (18-го) или в следующую среду» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 1–2).

31. О заседании *ОРХС* в этот день см. письмо А. А. Блока к матери (*Письма к родным*. Т. 1. С. 287).

32. Имеются в виду петербургские писатели, которые должны были быть изображены на групповом портрете работы А. Я. Головина (см. примеч. 22).

33. Об истории пощечины, данной Волошиным Гумилеву, и ее последствиях, см.: *Маковский Сергей*. Портреты современников. М., 2000. С. 362–366; Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 193–197; *Купченко Владимир*. История одной дуэли // Ленинградская панорама. Л., 1988. *Труды и дни Волошина*. С. 234–235.

34. Портрет Кузмина, написанный А. Я. Головиным в 1910 г., хранится в Литературном музее Пушкинского Дома. См. также: *Головин*. С. 100–106.

35. Об отношении Вяч. Иванова к дуэли Волошина с Гумилевым и его позднейшую характеристику Гумилева см. его устные воспоминания, записанные М. С. Альтманом: *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подг. текста В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 90, 187.

36. Первая газетная реакция на дуэль: Две дуэли // *БВ*. Веч. вып. 1909. № 11430. 23 ноября. См. также названную выше, в примеч. 33, статью В. П. Купченко. Следует отметить, что дуэль Гумилева и Волошина была в эти дни не единственной. См., напр.: Дуэль между гр. А. А. Уваровым и А. И. Гучковым // Речь. 1909. № 311. 18 ноября (1 декабря). Ср. также: Дуэль и уголовный закон (Сообщение В. Д. Набокова в юридическом обществе) // *БВ*. Утр. вып. 1909. № 11449. 4 декабря.

37. Речь идет об иллюстрациях к публикации фрагментов поэмы (стихотворного «романа в отрывках») Кузмина «Новый Ролла» (Аполлон. 1909. № 3). См. также выше, примеч. 3.

38. См. объявление: «Большая Аудитория Соляного Городка (Пантелеймоновская, 2). Вячеслав Иванов прочтет в понедельник 23-го ноября 1909 г. публичную лекцию: „Голубой цветок. Новалис. Его творчество и миросозерцание в связи с современными религиозными исканиями“. На лекции будут прочтены лирические стихотворения Новалиса в переводе лектора» (Речь. 1909. № 319. 21 ноября (4 декабря)). См. также отчеты: *Ауслендер С.* Голубой цветок (Лекция Вячеслава

Иванова 23 ноября) // Аполлон. № 3. С. 41–42; паг. 2-я; *Один из молодых* [*Измайлов А. А.?*] // Новая Русь. 1909. № 324. 25 ноября (8 декабря); Речь. 1909. № 324. 25 ноября (8 декабря). О подготовке к лекции см. также в письме Ю. А. Беляевской к Вяч. Иванову от 12 октября (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 51. Л. 11–11об.).

39. Не исключено, что Гумилев был какое-то время увлечен В. К. Шварсалон (см. его декабрьское письмо к ней: Известия АН СССР. 1987. Т. 46. № 1. С. 68–69).

40. С. Ю. Судейкин и О. А. Глебова-Судейкина расстались значительно позднее, в 1915 г. (см.: *Мок-Бикер Элиан.* «Коломбина десятых годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993. С. 58).

41. Речь идет о довольно недружелюбной рецензии Кузмина на «Рассказы» (СПб., 1909) А. М. Ремизова (Аполлон. 1909. № 3). Статья Ауслендера — скорее всего, упомянутый выше, в примеч. 38, отчет о лекции Вяч. Иванова.

42. Вероятно, речь идет о той же пьесе Е. А. Зноско-Боровского, что и ранее (см. выше, примеч. 19).

43. См. примеч. 38 к октябрю 1909 г.

44. Назван роман Э. Золя «Радость жизни» (1884).

45. В «Аполлоне», начиная с четвертого номера (январь 1910), Кузмин вел рубрику «Заметки о русской беллетристике».

46. С 26 ноября в киевских газетах стали появляться объявления: «Малый театр Крамского. В воскресенье 29-го ноября состоится вечер современной поэзии и музыки „ОСТРОВ ИСКУССТВА“, устраиваемый сотрудниками Петербургских журналов „Остров“, „Аполлон“ МИХАИЛА КУЗМИНА, Графа АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО, Н. Гумилева и П. Потемкина при участии К. Н. Аргамакова (импровизация на фортепиано), К. Л. Соколовой (пластические танцы), Ольги Форш (проза), В. Эльснера (стихи), Н. Шиповича (музыка), Б. Яновского (музыка), Ф. А. Яновской (пение). Аккомпанирует О. Мишли. Большинство номеров программы исполняется впервые». В хроникальной заметке пояснялось содержание некоторых выступлений: «М. Кузминым будут спеты „Куранты любви“ и „Александрийские песни“ — текст и музыка автора. П. Потемкин прочтет отрывки из своего злободневного литературного обозрения в стихах „Петрушка“. Сотрудница журн<ала> „Русская мысль“ О. Форш прочтет еще не появлявшуюся в печати новеллу. В. Эльснер — новые оригинальные и переводные стихотворения из О. Уальда *<так!>* и М. Роллина. Кроме упомянутых лиц ожидается участие на вечере С. Городецкого» (Вечер современной поэзии и искусства // Последние новости. 1909. № 846. 26 ноября). Однако в день вечера, 29 ноября, объявление появилось с изменениями: «...при участии Ольги Форш, В. Эльснера, К. Л. Соколовой, Л. Д. Рындиной и др. Гг. Яновские и г. Аргамаков от участия в вечере в последний день отказались, и устроители долгом считают о том уведомить, прося желающих получить обратно деньги в кассе театра» (Киевские вести. 1909. № 318. 29 ноября). Специально оправдывался в письме в редакцию К. Аргамаков (Последние новости. 1909. № 848. 29 ноября). Кампанию против задуманного вечера вела газета «Киевская мысль». 27 ноября (№ 327) она опублико-

вала фельетон Александра Яблоновского «Вселенские писатели», где говорилось: «Случайных людей нынче так много в литературе, что иной раз просто диву даешься: откуда такая благодать привалила? <...> Знаете ли вы, например, беллетриста Эльснера?

Нет?

Я должен сознаться, что тоже не знаю. А между тем оказывается, что мы с вами, господа, проворонили вселенского писателя! <...>

Несколько в другом роде, но тоже здорово рекомендуют себя писатели-гастролеры, обещающие почтить киевлян устройством вечера современной поэзии и прозы под немного „вселенским" названием „Остров искусства".

Это все петербургские гости, сотрудники журналов „Остров" и „Аполлон" г. Михаил Кузмин (тот самый), гр. Алексей Толстой (совсем не тот), Н. Гумилев и П. Потемкин. <...> признаюсь, я совершенно не понимаю, почему этот литературный квартет счел за благо пожаловать со своим „островом" в Киев? <...>

Правда, г. Михаил Кузмин пользуется большой, хотя и совершенно специальной известностью. Ну, а г. Гумилев, г. Потемкин?» После этого автор фельетона вспоминает нашумевшую дуэль Гумилева с Волошиным. На следующий день та же газета поместила фельетон Н. В. Вольского (Н. Валентинова, подпись: Тентажиль) «„Остров искусств" и его устроители», где Кузмину припоминалось его выступление в «Кружке молодых», а непосредственно в день выступления, 29 ноября, появился фельетон «Арабески», за подписью Гарольд (И. М. Левинский), в котором предстоящий вечер связывался с общим положением дел в литературе и поражением «модернистов» в литературной борьбе.

47. Вероятно, имеется в виду А. А. Горенко (Анна Ахматова).

48. Приведем некоторые отклики киевской прессы на прошедший вечер. И. Джонсон (И. И. Иванов) писал в статье «Зачем? („Остров искусства")»: «Думает ли г. Кузмин, что он интересен этой собравшейся смотреть на него улице как автор прекрасных „Александрийских песен"? Да кто их тут читал среди нее? Она слушала его „Куранты любви" и, конечно, в это время говорила про себя, подобно дрянному чеховскому мальчишке: „А я что-то знаю! Г-ыы!.." Или думает г. Гумилев, что о нем как о поэте что-нибудь слыхали? Слыхали, положим, но только в самые последние дни, когда из газет узнали о той неприятности, которая вышла у него с г. Максимилианом Волошиным. <...> А между тем то, что исполняли они, и г. Кузмин, и гр. А. Н. Толстой, и г. Гумилев, и г. Потемкин, и г. Эльснер было не плохо, а иное, как сказочки гр. Толстого или стихи и музыка Кузмина, и совсем хорошо. И прочти сказочки настоящий артист или спой романсы г. Кузмина настоящий певец с голосом, как тот же г. Брайнин, который выступал в этом же вечере, и не было бы оскорбительного отношения публики, был бы успех искусства, а не срамный успех потешного зрелища. Но, должно быть, столь лестно самолично пропарадировать перед публикой, что идут и на унижение своего искусства, и на унижение своего достоинства» (Киевские вести. 1909. № 320. 1 (14) декабря). Днем ранее в хроникальной заметке С. Померанцев сообщал: «Все в этом вечере, и на сцене, и тем бо-

лее в зрительном зале, было странно, ненужно и, пожалуй, обидно-нелепо. <...> В интимном кругу все, что исполнялось вчера, было бы интересно, было бы уместно. Для большого же вечера это было просто скандально. Скандально потому, что большая публика, этот страшный в массе, делающий успех обыватель, смеялась над исполнителями. <...> Когда пел свои прекрасные „Куранты" г. Кузмин, она хохотала. <...> Очень хорошо в вечере было лишь исполнение г. Кузминым его „Курантов". Здесь было удивительное чутье музыки, музыки стильной. А г. Кузмин исключительно чувствует стиль» (Последние новости. 1909. № 850. 30 ноября). Наконец, «Киевская мысль» откликнулась большой статьей, подписанной К. Л.: «Я допускаю, что где-нибудь в старинном салоне <...> были бы, пожалуй, уместны и „куранты любви" г. Кузмина, и сам г. Кузмин, с лица которого не сходило все время выражение вдовствующей маркизы. Там оценили бы по достоинству и массу бесцельного труда, положенного на эту изящную подделку под ренессанс примитивного декаданса, и эту умелую шлифовку ничего не значащих выражений и слов. Но на подмостках театра <...> это выходило карикатурно, пошло и скучно, уморительно скучно. И это сразу как будто даже ошеломило публику. Помилуйте, Кузмин, весь усыпанный знаками модернистских отличий, у которого, можно сказать, ордена нацеплены даже на спине... Многие с ажитацией уверяли, что он будет петь свои „куранты" в дамской прическе, с хризантемами за ушами. А в действительности оказалось, что у г. Кузмина так мало волос на голове, что их не хватало даже на обыкновенную мужскую, и он приготовил из них какую-то странную куафюру с извилистыми рогами над лбом. И это было почти единственно привлекательное во всей его внешности. И так как жеманные „куранты любви", повествующие о Хлое, о Фавне и о господине в широкополой шляпе и спетые голосом, про который давно уже сказано: — небольшой, но довольно противный, — не могли насытить веселого настроения публики, то она сразу почувствовала всю убийственную скуку, царившую на „Острове", и, видимо, твердо решила развлекаться собственными средствами. <...> И когда г. Гумилев, закончил, наконец, свою длинную и нудную поэму „Сон Адама" и гнусавым голосом произнес заключительное восклицание Евы: „Ты снова проснулся, я рада, я рада!" — в ответ ему эхом раздалось со всех кресел: „Мы снова проснулись, мы рады, мы рады!"» (Киевская мысль. 1909. № 331. 1 декабря). Шаржи на участников вечера (Гумилева, Кузмина, Потемкина, Брайнина и Толстого) появились в иллюстрированном приложении к газете «Киевская мысль» (4 декабря, приложение к № 334).

49. Как следует из дневника Л. Д. Рындиной, во время пребывания столичных поэтов в Киеве у нее был роман с А. Н. Толстым (см.: Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. Т. 10. С. 203–204, 213).

Декабрь

1. См. описание похорон И. Ф. Анненского: «От вольного женского университета прибыла депутация в составе более 50 чел., во главе с директором Раевым. <...> Петербургские казенные мужские гим-

назии командировали на похороны директоров и по 4 учащихся от каждой из них. Многочисленные депутации из преподавателей и учащихся присутствовали от местных учебных заведений: школы Левицкой, Николаевской гимназии, реального училища и женской Мариинской гимназии» (Речь. 1909. № 334. 5 (18) декабря). Другие отчеты: Вечерний Петербург. 1909. № 326. 5 декабря; Современное слово. 1909. № 695. 5 декабря; С.-Петербургские ведомости. 1909. № 274. 6 декабря; Царскосельское дело. 1909. № 50. 11 декабря.

2. Гумилев непосредственно из Киева отправился в Одессу, чтобы оттуда ехать в Африку. Упомянутая открытка не сохранилась.

3. Планы не были осуществлены, хотя Кузмин и перевел либретто (см. записи мая 1910 г.). Опера Массне была последней новинкой того времени. См.: «Массене окончил новую оперу в четырех действиях — „Дон Кихот". Либретто, заимствованное из романа Сервантеса, принадлежит Андре Каин. Оперу предполагается поставить в будущем сезоне в театре Монте-Карло, причем заглавную роль будет исполнять Шаляпин» (*ОТ.* № 731–732. 17–18 мая. С. 7). Премьера в Монте-Карло состоялась только в феврале 1910 г.

4. Интервью Кузмина о наготе на сцене нам неизвестно. Следует отметить, что примерно через год Н. Н. Евреинов читал на «среде» у Н. В. Дризена доклад на эту тему (см.: *Старк Э.* Нагота на сцене // *ОТ.* 1910. № 1221. 3 ноября; подпись: Зигфрид).

5. *«Фауст»* Ш. Гуно с Ф. И. Шаляпиным в роли Мефистофеля шел и в памятный день 19 ноября. *Японка* — актриса Генако, гастролировавшая в эти дни со своей небольшой труппой в помещении театра «Буфф». См. отчеты: *Василевский Л. М.* Гастроли японской труппы // Речь. 1909. № 335. 6 (19) декабря; подпись: Л. В.; *Стембо А. Л.* Гастроли г-жи Генако // *БВ.* Веч. вып. 1909. № 11452. 5 декабря; подпись: А. Легри; *Тимофеев С.* Гастроли японской актрисы Генако // Новая Русь. 1909. № 332. 3 (16) декабря; подпись: С. Т-в, и др.

6. Так в тексте. Однако в обширном эпистолярном наследии сестер Герцык нам не удалось найти имени Веры Степановны Герцык. Очевидно, Кузмин по ошибке написал фамилию Герцык вместо фамилии их близкой подруги Веры Степановны Гриневич.

7. Имеется в виду продолжение статьи Л. С. Бакста «Пути классицизма в искусстве» (Аполлон. 1909. № 3).

8. *«Пастушка-герцогиня»* — спектакль по пьесе Лопе де Веги в Михайловском театре в постановке Ю. Э. Озаровского. См. отчет Л. М. Василевского (Речь. 1909. № 335. 6 (19) декабря; подпись: Л. Васий), а также заметку: *Ауслендер Сергей.* Петербургские театры // Аполлон. 1910. № 4. С. 76; паг. 2-я.

9. Вероятно, Кузмин читал Иванову (а накануне — Замятниной) статью «О прекрасной ясности», один из ключевых терминов которой был подсказан самим Ивановым (см. в примеч. 9 к августу 1909 г.).

10. Н. В. Дризен стал редактором „Ежегодника императорских театров" в конце 1908 г. См.: «Вышел „Ежегодник Императорских театров" в обновленной редакции известного исследователя театра барона Н. В. Дризена. Отныне „ежегодник" будет не театральным сбор-

ником, а журналом, выходящим в продолжение восьми месяцев театрального сезона. Изменен формат журнала <...> Изменен и состав сотрудников» (*БВ*. Веч. вып. 1909. № 11190. 3 июля; подробнее см.: *Королев Д. Г.* Дирекция императорских театров в роли издателя // Невский архив. М.; СПб., 1995. Т. II. С. 370–397). Кузмин в «Ежегоднике» не печатался.

11. «*Vita Nuova*» («Новая жизнь») — произведение Данте. Речь может идти как о планировавшемся его переводе на русский язык, так и просто о планах изменения жизни Кузмина.

12. Ср.: «15 декабря в помещении редакции журнала „Аполлон" откроется выставка оригинальных рисунков сотрудников „Сатирикона". Будут выставлены и такие произведения, которые по тем или другим причинам не могли появиться на страницах сатирического еженедельника» (Речь. 1909. № 336. 7 (20) декабря). Отчеты: *Брешко-Брешковский Н.* Царство сатиры и смеха // *БВ*. Веч. вып. 1909. № 11476. 19 декабря; *Врангель Н. Н., барон.* Выставка «Сатирикона» в редакции «Аполлона» // Аполлон. 1910. № 4. С. 56–57; паг. 2-я. Следует отметить, что на выставке был представлен шарж Ре-Ми, изображающий, как писал Н. Н. Врангель, «меланхоличного М. Кузмина с цветком в руке».

13. Н. Н. Евреинов окончил Императорское Училище правоведения.

14. Речь идет о деньгах, пересылавшихся Кузмину Г. В. Чичериным. Находясь в эмиграции, он не мог свободно распоряжаться своими средствами.

15. В этот день, согласно *Списку писем*, Кузмин получил неизвестное нам письмо от переводчика его произведений на немецкий язык Л. Рубинера.

16. Опера А. С. Даргомыжского, шедшая в Мариинском театре.

17. Единственный известный перевод Кузмина из Г. Д'Аннунцио (выполненный в 1898 г.) см.: *Дмитриев Павел.* «Сон в осенний вечер» Г. Д'Аннунцио в переводе М. А. Кузмина // Archivio italo-russo = Русско-итальянский архив. Salerno, 2002. [Vol.] II. С. 89–113. О переводах конца 1900-х гг. у нас сведений нет.

18. План не был осуществлен.

19. См.: «Драма Хардта „Шут Тантрис" пойдет в переводе П. Потемкина на сцене Александринского театра в конце сезона» (Речь. 1909. № 357. 30 декабря (12 января 1910)). Пьеса опубликована как приложение к «Ежегоднику Императорских театров» в 1910 г. Интерес к ней в кругах «Аполлона» был, безусловно, значительным. См.: *Barchan Paul.* Письмо из Берлина // Аполлон. 1910, № 4. С. 46–48; паг. 2-я. Спектакль поставил В. Э. Мейерхольд (премьера — 9 марта 1910 г.). Сводку отзывов критики см.: *Рудницкий К. Л.* Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 127–128. В *РТ* 1910-м годом помечен перевод «Шута Тантриса» и музыка к нему. Об обстоятельствах, сопутствовавших совместной работе Кузмина и Потемкина, см. в письме В. Э. Мейерхольда к А. Д. Крупенскому: «...ввиду того, что Н. А. Котляревский выразил опасение, как бы имеющийся у нас перевод „Шута Тантриса" не был забракован Театрально-литературным комитетом, я <...> немедленно предложил пере-

водчику названной пьесы П. П. Потемкину переработать перевод „Шута Тантриса“ и, прежде чем представлять на рассмотрение Театрально-литературного комитета, дать его на просмотр поэту Вячеславу Иванову. Последний согласился смотреть перевод, при условии, если он будет переработан Потемкиным совместно с поэтом Кузминым. Потемкин и Кузмин немедленно приступили к тщательной переработке перевода и сегодня кончают эту работу. Пьеса завтра будет просмотрена Вяч. Ивановым и тотчас будет отдана в переписку» (*Мейерхольд В. Э.* Переписка 1896–1939. М., 1976. С. 128–129). Работа несколько затянулась (см. запись от 4 января 1910 г.). Ср.: *Дмитриев.* С. 225.

20. Спектакль «*Ромео и Джульетта*» в исполнении труппы П. П. Гайдебурова в помещении Народного дома гр. Паниной (см. отчеты: *Ауслендер С.* Петербургские театры // Аполлон. 1910. № 4. С. 76–78; паг. 2-я; Речь. 1910. № 351. 22 декабря (4 января 1911)). Следует отметить, что в отклике Ауслендера содержится сравнение постановки с любительскими спектаклями, ставившимися в Окуловке.

21. О *Христианской секции* Петербургского Религиозно-философского общества см. примеч. 11 к ноябрю 1909 г.

22. *Павловцы* — юнкера Павловского военного училища (более распространено было название «павлоны», как они и сами себя именовали).

23. «*Анджело*» (1876) — опера Ц. А. Кюи на сюжет одноименной поэмы Пушкина, репетировавшаяся в Мариинском театре.

24. Возможно, имеется в виду репетиция «Анджело».

25. Имеются в виду бани на Знаменской ул.

26. Об отношении Блока к С. К. Маковскому и «Аполлону» см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 360–361. Разговор Кузмина с Блоком несомненно затрагивал те же темы, что и их переписка. 10 декабря Кузмин написал: «...смертью Ин. Фед. Анненского наша Академия поставлена в необходимость кооптировать нового члена совета, и притом такого, который мог бы служить и лектором. Вяч<еслав> Ив<анович>, Маковский и я остановились на Зелинском, и нам хотелось бы знать Ваше мнение в этом вопросе...» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 150). Блок, однако, отвечал с большим опозданием 21 декабря: «Конечно, я за Ф. Ф. Зелинского. Не пишу Вам ничего больше, потому что только что вернулся из Варшавы, болен и очень тяжело в семье» (Блоковский сборник. Тарту, 1972. Т. 2. С. 362; публ. Г. Г. Шмакова). Формально визит был связан с доставкой Блоку корректур «Итальянских стихов». См. в письме Блока к С. К. Маковскому от этого числа: «М. А. Кузмин принес мне сегодня корректуру моих стихов с Вашими замечаниями, и я просил его передать Вам, что я прежде всего принципиально не согласен ни на какие изменения» (*Блок.* Т. 8. С. 300).

27. «*Веселый театр*» — предприятие Н. Н. Евреинова и Ф. Ф. Коммиссаржевского, о котором см. в хронике: «Н. Н. Евреинов и Ф. Ф. Коммиссаржевский решили по примеру прошлого года дать ряд спектаклей „Веселого театра“. В настоящее время подыскивается помещение и намечается репертуар» (Речь. 1909. № 311. 12 (25) ноября). Спектакли игрались в помещении театра «Комедия» (Моховая, 33). Отчет о пер-

вых спектаклях см.: *В.* Веселый театр // Речь. 1909. № 355. 28 декабря (10 января 1910); *О. К.* «Веселый театр» // Театр и искусство. 1910. № 1. С. 4. В программе были пьесы И. Саца «Кольцо Гва-де-лупы» и «Черепослов» Козьмы Пруткова. В последней играла О. А. Глебова-Судейкина.

28. См. в хронике: «В „Путанице" г. Беляева, идущей с успехом в Малом театре, заболевшую г-жу Вадимову заменила молодая артистка О. М. *<так!>* Глебова» (Речь. 1909. № 356. 29 декабря (11 января 1910)); «Артистка обладает хорошими внешними данными, придает своей роли несколько декадентскую окраску, но уступает в смысле темперамента своей предшественнице» (*БВ.* Веч. вып. 1909. № 114872. 18 декабря; подпись: Г.; по сведениям этой газеты, Вадимова не заболела, а уехала за границу. На самом деле, как сообщала хроника журнала «Театр и искусство», артистка лечилась за границей, на юге Франции [1910. № 17. С. 346]); «В воскресенье вместо г-жи Вадимовой, серьезно заболевшей, выступила г-жа Глебова. Артистка сильно волновалась в начале, но под конец вошла в роль и дала очень грациозный образ этого изящного символического типа» (Новая Русь. 1909. № 357. 30 декабря (12 января 1910)). Известный портрет Глебовой-Судейкиной в этой роли работы ее мужа воспроизводился неоднократно. Зарисовку автора пьесы см.: Театр и искусство. 1910. № 1. С. 15. См. также запись от 2 января 1910 г. и примеч. 3 к ней.

29. В театре «Аквариум» в этот день был дивертисмент (объявление о составе участников — в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» за этот день).

30. Сохранилось письмо от Н. Н. Евреинова с приглашением на этот вечер: «Вас очень хочет видеть Илья Сац и я. Придите, пожалуйста, сегодня в 5 ½ ч. пообедать ко мне запросто» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 1615. Л. 2).

31. «*Спящая* красавица» (1889) — балет П. И. Чайковского.

32. О каком именно спектакле идет речь — не ясно; возможно — об опере Ш. Гуно «Ромео и Джульетта» в Мариинском театре.

33. Речь идет о готовившемся маскараде у Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской. В тот же день письмо от Чеботаревской получил и сам Кузмин. См. также запись от 2 января 1910 г.

34. «*Золотой петушок*» Н. А. Римского-Корсакова был поставлен в театре Консерватории. См. отчеты В. Г. Каратыгина (Аполлон. 1910. № 5. С. 36–38; паг. 2-я), А. Коптяева (*БВ.* Веч. вып. 1909. № 11486. 27 декабря), В. Коломийцова (Новая Русь. 1909. № 355. 28 декабря (10 января 1910)), И. Кнорозовского (Театр и искусство. 1910. № 1) и др. 16 января А. В. Иванова писала отцу из Москвы, куда заехала на возвратном пути в Харьков: «Накупила произведения Михаила Алексеевича и знакомлюсь с его миросозерцанием» (РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 18. Л. 57). Приезд в конце 1909–1910 г. был последним свиданием В. И. и А. В. Ивановых.

1910

Январь

1. См. примеч. 7 к февралю 1908 г.

2. Имеется в виду заметка Кузмина «Цезарь и Клеопатра» (Аполлон. 1910. № 4. С. 78–79; паг. 2-я) о спектакле по пьесе Б. Шоу в Новом драматическом театре, поставленном Ф. Ф. Коммиссаржевским с декорациями С. Ю. Судейкина и Н. Н. Сапунова. Ср. также: *Мейерхольд Вс.* О постановке «Цезаря и Клеопатры» // Там же. С. 79–80.

3. См. заметку Кузмина «Путаница» (Аполлон. 1910. № 4. С. 78; паг. 2-я) с очень высокой оценкой игры О. А. Глебовой. Ср. запись от 27 декабря 1909 г. и примеч. 28 к ней.

4. См. в хронике журнала «Театр и искусство»: «Быть может, небезынтересно читателям будет узнать об оригинальном костюмированном вечере на Святках у Ф. Соллогуба *<так!>*. Все были в „античных костюмах", дамы босые, и танцевали à la Дункан. У некоторых пальцы были нарисованы на трико, а некоторые были совсем au naturel. Сам гостеприимный хозяин был также в греческом костюме и напоминал Сократа. Приглашенные принадлежали к литературному и артистическому миру. Таким образом, понемногу осуществляется „мистерия". Что-то будет дальше?» (1910. № 2. С. 44).

5. Судя по всему, речь идет о музыке к балету «Выбор невесты», текст либретто которого был написан еще в 1906 г. и опубликован в 1907 г. (см.: *Театр.* Кн. 2. С. 358; комм. А. Г. Тимофеева).

6. Речь идет о переводе драмы Э. Хардта «Шут Тантрис» (см. подробнее: примеч. 19 к декабрю 1909 г.). Премьера состоялась 9 марта. Кузмин писал музыку к спектаклю (см. отзывы: *Ауслендер С.* Петербургские театры // Аполлон. 1910. № 6. С. 34–35; паг. 2-я; Новая Русь. 1910. № 68. 11 (24) марта; *Азов Влад.* // Речь. 1910. № 68. 11 (24) марта (где отмечено, что «печальная и строгая музыка М. А. Кузмина поддерживала настроение, которое стремился создать г. Мейерхольд»); *Арабажин К. И.* «Шут Тантрис» в Александринском театре // *БВ.* Веч. вып. 1910. № 11606. 10 марта; подпись: К. Ар-ин (Solus) (отмечено, что «недурен язык перевода г. Потемкина; своеобразно звучит музыка г. Кузмина»); *Осипов И.* // *ОТ.* 1910. № 1011. 12 марта. С. 8 (где в том числе сказано: «Много чести переводчику П. П. Потемкину, сумевшему передать всю поэтичность поэмы немецкого автора»). Сам Мейерхольд расценил работу Кузмина так: «Музыку к пьесе написал М. А. Кузмин. Это уже и не первый его музыкальный опыт. Вспомним „Балаганчик" Блока, „Всех Скорбящих"... Я нахожу его музыку очень удачной» (*Л. Л.* Мейерхольд о «Шуте Тантрисе» // *БВ.* Веч. вып. 1910. № 11592. 2 марта).

7. Речь идет не о спектакле Л. Б. Яворской, а просто о посещении ее дома, так как с 5 января все вечерние спектакли были запрещены по случаю поста.

8. Ср. запись В. К. Шварсалон об этом дне: «Записываю, что говорил М<ихаил> А<лексеевич> сегодня за завтраком. Говорил о драме Анненского, о глазах, в кот<орых> отражается весь мир. В<ячеслав> сказал, что это теперь ему стало понятно. К<узмин> вдруг оживился и стал кивать головой и говорить, что да, и ему тоже понятно...» (цит. по: *Богомолов*. С. 333–334).

9. Имеется в виду портрет Кузмина работа А. Я. Головина (см. примеч. 34 к ноябрю 1909 г.).

10. Возможно, события именно этого дня отражены в записи о. А. Ельчанинова от 22 января 1910 г.: «На праздниках я был в Питере <...> мы все пили чай. За столом были Потемкин, господин с красной нижней губой и лакейскими, наглыми глазами, и Кузмин, сущий нетопырь. Я молчал, а В<ячеслав> И<ванович> добродушно подтрунивал над П<отемкиным> и К<узминым>, над их „сарматским" способом работать запоем, без отдыха (оба они переводили какую-то французскую комедию). После чего мы уединились в кабинете, но мне смертельно хотелось спать...» (Вестник Русского христианского движения. 1984. № 142. С. 62–63; публ. Н. А. Струве). Вероятность такого предположения подкрепляют письма Ельчанинова к М. М. Замятниной — от 10 января, в котором он, извиняясь за отсутствие, сообщает, что еще не собирается уезжать (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 39), и к Вяч. Иванову от 11 января: «Дорогой Вячеслав Иванович! Сейчас я получил телеграмму из Москвы, немедленно вызывающую меня к брату (у него в семье дифтерит). Я уеду сегодня (11-го) и не прощусь с Вами лично. Спасибо Вам за Вашу ласку, внимание и мудрые речи — я так жалею, что не могу еще раз увидать Вас и всех Ваших. Передайте от меня привет и пожелания всего радостного Марии Михайловне, Лидии, Вере Константиновне и Михаилу Алексеевичу. Ваш *А. Ельчанинов*» (Там же. Ед. хр. 38. Л. 1).

11. Вокальный цикл В. Ф. Нувеля на слова Кузмина.

12. См. примеч. 3 к декабрю 1909 г. О планируемой В. Э. Мейерхольдом постановке оперы Ж. Массне сообщалось в хронике газеты «Новая Русь» (1910. № 24. 25 января (7 февраля)).

13. Кто такая Луговская, комментаторам неизвестно. Возможно, запись связана с полученной Кузминым в этот день запиской от Г. И. Чулкова, отправленной накануне, где говорилось:

«Дорогой Михаил Алексеевич!

Пожалуйста, дайте Ваше согласие на участие в концерте, о котором Вас будут просить. Участвуют: Ал<ексей> Ник<олаевич> Толстой, Городецкий, Вяч<еслав> Гавр<илович> Каратыгин и др. Концерт состоится 23-го января в зале князя Эристова.

Жму Вашу руку. Сердечно Ваш *Георгий Чулков*» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4784).

14. Об альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы» (1825) см. цитируемую в примеч. 5 к августу 1909 г. запись в дневнике Вяч. Иванова.

15. Роман Андрея Белого (М., 1910), только что вышедший отдельным изданием. В письме С. К. Маковский вспоминал, что Вяч.

Иванов определил его словами: «Ужасно, но... гениально!» (см.: *НЛО*. 1994. № 10. С. 143).

16. «*Вольные каменщики*» — премьера спектакля в Малом (Суворинском) театре по пьесе Е. Беспятова. Отзыв Кузмина см.: Аполлон. 1910. № 5. С. 35; паг. 2-я. Кузмин, в частности, писал: «Беспятов взял для своей исторической пьесы очень благодарную эпоху и круг идей, могущий остро и возвышенно волновать душу. <...> Но свой материал, по-видимому, хорошо изученный, автор использовал скупо, не совсем умело и довольно безвкусно. <...> Лучшими в спектакле были те куски подлинного, которые так скупо дал нам автор, и костюмы (особенно каблуки) актеров». Другие отчеты: *Ars* // Новая Русь. 1910. № 13. 14 (27) января; *Василевский Л. М.* // Речь. 1910. № 13. 14 (27) января; подпись: Л. Вас-ий; *Измайлов А. А.* // *БВ*. Веч. вып. 1910. № 11497. 4 января; подпись: Смоленский; [Б. п.] // *БВ*. Веч. вып. 1910. № 11511. 13 января; *Оссиан* [*Мазуркевич В. А.?*] // *ОТ*. 1910. № 962. 14 января.

17. Возможно, упоминание здесь Е. В. Аничкова как раз связано с беседой о масонстве, поскольку тот был масоном. См.: *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 61.

18. Вскоре газетная хроника сообщила: «Б. С. Глаголин взял отпуск и уехал за границу» (Новая Русь. 1910. № 24. 25 января (7 февраля)). Возможно, отъезд был связан именно с этим эпизодом, неизвестным нам в подробностях.

19. В субботу 16 января 1910 г. А. А. Блок сообщал матери: «В четверг я председательствовал на собрании в Поэтич<еской> Академии...» (*Письма к родным*. Т. 2. С. 55).

20. Вероятно, выставка женских портретов в редакции «Аполлона». См. большую статью С. К. Маковского «Женские портреты современных русских художников» (Аполлон. 1910. № 5. С. 5–22). Ср. отчеты: *Ростиславов А.* // Речь. 1910. № 21. 22 января (4 февраля); *Брешко-Брешковский Н.* Порочные женщины // *БВ*. Веч. вып. 1910. № 11521. 19 января. На этой выставке, между прочим, был представлен известный портрет З. Н. Гиппиус работы Л. С. Бакста. Выставка пользовалась значительным успехом, и ее работа была продлена до 7 февраля (см.: *Врангель Н. Н.* Художественная жизнь Петербурга // Аполлон. 1910. № 5. С. 26; паг. 2-я; подпись: Н. В.).

21. Вероятно, репетиция пантомимы Кузмина в рамках начавшейся подготовки к «Художественному вечеру». В хронике сообщалось: «30 марта в залах Дворянского собрания состоится художественный вечер, организуемый артисткой Импер<аторских> театров М. А. Ведринской. Очень оригинально задумана программа вечера. Предполагается дать ряд последовательных исторических моментов, иллюстрированных танцами, пением и музыкой эпохи.

Античный мир будет представлен танцами М. А. Ведринской и Л. В. Лебедевой в целом цикле картин. <...> Начало XIX <в тексте опечатка: XIV. — *Н. Б., С. Ш.*> в. с его фальшивой претенциозностью пародировано в остроумной буффонаде-пантомиме М. А. Кузьмина с

его же музыкой. Пантомима эта будет поставлена В. Э. Мейерхольдом при участии его и автора.

В последнем отделении, относящемся к нашей эпохе, главное место уделено „молодым" поэтам и композиторам: для музыкальной программы намечен целый ряд еще нигде не исполнявшихся произведений Скрябина, Каратыгина, Сенилова, Черепнина; как совершенно новый жанр следует отметить мелодекламацию „Весна" М. А. Ведринской с аккомпанементом женского хора под музыку Померанцева, „Фейные сказки", „Фейная война" Бальмонта, „Эпизод" — Брюсова, стихотворения Городецкого и др.» (Речь. 1910. № 63. 6 (19) марта; ср. также несколько более подробное объявление: Там же. № 82. 25 марта (7 апреля); *ОТ.* 1910. № 1008. 9 марта). В отчете В. Азова «Художественный вечер» говорилось: «Отзвуки средневековья <...> подготовили почву для восприятия отзвуков времен новейших, вылившихся в форму сочиненной М. А. Кузминым буффонады „Выбор невесты". Пантомима г. Кузмина очаровательна, как все, что он творит в области воссоздания излюбленного им рококо. Остроумен сюжет, прелестна музыка. Соединенными усилиями автора, режиссера (В. Э. Мейерхольд) и всех исполнителей эффект отзвука был достигнут вполне. Это было очаровательное écho du temps passé <эхо прошедших времен — *франц.*>. М. А. Ведринская была восхитительной куколкой-невестой» (Там же. № 89. 1 (14) апреля; подпись: В. А.). Ср. также отчеты С. Ауслендера и А. Нурока (Аполлон. 1910. № 7. С. 26–28, 51–52; паг. 2-я).

22. См. предыдущее примеч. Музыку к античной части постановки писал В. А. Сенилов.

Апрель

1. Новостью, волновавшей публику весной 1910 г., было приближение кометы Галлея (см. запись от 5 мая и примеч. 8 к маю 1910 г.). О слухах, сопровождавших это приближение, см., напр., в письме А. А. Блока к матери от 11 января 1910 г.: «Известно ли тебе, что кроме кометы Галлея <...> идет другая неизвестная — настоящая незнакомка. Хвост ее, состоящий из синерода (отсюда — синий взор), может отравить нашу атмосферу, и все мы, помирившись перед смертью, сладко заснем от запаха миндаля в тихую ночь, глядя на красивую комету. Живы останутся только 200.000 рабочих в шахтах и, выйдя на свет божий, найдут „орудия производства", миллиарды и трупы» (*Письма к родным.* Т. 2. С. 50). Через два дня — другое известие: «...о второй — еще решительно ничего не известно, кроме того, что она летит со страшной быстротой» (Там же. С. 51). Об обеих кометах см., напр.: *Лесовой В.* Комета Галлея // Новый журнал для всех. 1910. № 16 (февраль). С. 115–122.

2. Имеется в виду журнал «Скэтинг-ринк», основанный инженером, изобретателем, предпринимателем и спортсменом В. В. Татариновым (вышло всего 2 номера в апреле 1910 г.). Подробнее см. в письме Я. В. Година к Кузмину с приглашением участвовать в этом «литературно-художественном, юмористическом и спортивном журнале»

(*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 364). Роликовые коньки, на которых катались в специально выстроенных манежах с деревянным покрытием, — модное петербургское увлечение того времени.

3. Невеста С. А. Ауслендера — Н. А. Зноско-Боровская, сестра Е. А. Зноско-Боровского.

4. Имеется в виду «Петербургская авиационная неделя» на Коломяжском ипподроме, проходившая с 25 апреля по 2 мая 1910 г., отчеты о которой поместило большинство газет. См., напр.: Новая Русь. 1910. № 115. 29 апреля (12 мая), где рассказывается о полетах именно этого дня.

5. Речь идет о «средах» Н. В. Дризена, проходивших с ноября 1909 г. Данная запись позволяет датировать примечательную «среду», на которой выступал К. С. Станиславский, подробно описанную В. В. Розановым в двух статьях (Русское слово. 1910. 8 и 14 мая). Подробнее см.: *Конечный А. М.* Блок и театрально-литературные беседы («среды») Н. В. Дризена // Блоковский сборник. Тарту, 1985. Т. 5: Мир А. Блока. С. 75–76. См. также: «Гордо и до известной степени имея на то право объявил Станиславский (последняя беседа у бар. Дризена), что он ненавидит театр и хочет только жизни» (*Ауслендер С.* Петербургские театры // Аполлон. 1910. № 8. С. 64; паг. 2-я).

6. См. в записке Н. В. Дризена о своих собраниях, опубликованной в упомянутом выше Блоковском сборнике: «Вечер в первое время заканчивал какой-нибудь музыкальный №, но потом его отменили. Как раз „среда“ с К. С. Станиславским послужила мотивом к сему. Прения были настолько интересны, что продолжались бы до поздней ночи, но в это время, благодаря В. В. Сладкопевцеву, приехало трио певцов. Их нельзя было не выслушать, и беседа волей-неволей прекратилась» (*Конечный А. М.* Блок и театрально-литературные беседы («среды») Н. В. Дризена. С. 76). Возможно, речь идет о выступлении ансамбля, певшего в тот же день и в другом месте, о котором писали в хронике: «В среду, 28 апреля, в зале реформатского училища состоялся концерт мужского вокального квартета, приобревшего *<так!>* в этом сезоне большую известность своим музыкальным исполнением. Гг. Алексеевский, Ленский, Ливанский и Константинов красиво и стройно спели квартет Гейзера „Расстрел“, интересную „Кадриль из русских песен“ Направника, Вебера „Эхо“ и новые вещи г. Куприянова: „Ой, честь ли то молодцу“ и „Квартет“ Крылова» (Новая Русь. 1910. № 116. 30 апреля (13 мая); подпись: М.). Мы склонны предполагать, что скорее ошибся Дризен, записывавший на несколько лет позже, чем Кузмин.

7. Весна 1910 г. была временем довольно частых встреч В. К. Шварсалон с семьей Блоков. 11 марта Л. Д. Блок пригласила ее на вечер 12 марта (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 46); 16 апреля А. А. Блок написал ей письмо с просьбой уточнить время «башенного» спектакля «Поклонение Кресту» (Там же. Ед. хр. 45); после спектакля (19 апреля) он катался с нею «по островам на лихаче и по морю на лодке, а утром пили чай у нас» (*Письма к родным*. Т. 2. С. 74). Имеющийся здесь в виду визит связан, по всей видимости, с письмом от Л. Д. Блок, датированным 24 апреля:

«Милая Вера Константиновна,

Вы хотели к нам прийти на этих днях, так вот, предупреждаю Вас, что сегодня вечером нас не будет дома. Соберитесь к нам непременно до нашего отъезда в середине будущей недели.

До свиданья, целую Вас! Ваша *Л. Блок*» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 46).

8. Речь идет о «Письмах из Италии» П. Буцци (Аполлон. 1910. № 9. С. 14–18; паг. 2-я), которые взялась переводить В. К. Шварсалон. См. недатированное письмо к ней Е. А. Зноско-Боровского: «Многоуважаемая Вера Константиновна, я посылаю в набор статью Paolo Buzzi, очень прошу Вас прочесть ее и исправить, кстати, у Вас остался и итальянский подлинник. Если есть какие-нибудь уклонения, слишком далекие от оригинала, уничтожьте, пожалуйста, или сгладьте...» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 24. Ед.хр. 67. Л. 1).

Май

1. «*Месяц* в деревне» — спектакль по пьесе И. С. Тургенева в МХТ, гастролировавшем в это время в Петербурге, в помещении Михайловского театра. Впечатления Кузмина нам неизвестны, однако, вероятно, имеет смысл привести отзыв К. А. Сомова, видевшего спектакль в Москве и к этому времени вернувшегося в Петербург, в письме к сестре, А. А. Михайловой: «...очень наслаждался этим прелестным спектаклем. С вами пойду смотреть его опять» (*Сомов*. С. 106). См. также отзыв С. А. Ауслендера: «Лучшая за этот год постановка — „Месяц в деревне“, но и она совсем не то, что мы знали и любили в Тургеневской комедии» (Аполлон. 1910. № 8. С. 64; паг. 2-я).

2. Вероятно, имеются в виду тафтяные мушки, которые приклеивал себе Кузмин (о них — но в более ранние годы — см.: *Богомолов*. С. 212–213).

3. Отец Судейкина, жандармский ротмистр Г. П. Судейкин был убит революционерами при участии уже разоблаченного к тому времени провокатора С. П. Дегаева 16 декабря 1883 г. См. подробнее: *Давыдов Ю. В.* Герман Лопатин, его друзья и враги. М., 1984. С. 101–145. Возможно, имеется в виду, что за соседним столиком сидел Г. А. Лопатин, принимавший участие в организации убийства.

4. *Розовый павильон* в Павловске был выстроен в 1807 г. архитектором А. Н. Воронихиным. Название получил потому, что был окружен многочисленными кустами роз. Вначале Розовый павильон принадлежал русскому полководцу П. И. Багратиону; в нем нередко бывали В. А. Жуковский, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин; в 1814 г. здесь праздновалось возвращение гвардейских полков из Парижа, и при этом торжестве присутствовал, вместе с другими лицеистами, и А. С. Пушкин.

5. Речь идет, судя по всему, о ресторане при Павловском вокзале. Поскольку в этот же день, 2 мая 1910 г., в Павловском курзале, где концерты шли с 1838 г., состоялось открытие летнего музыкального сезона, а Кузмин эти концерты регулярно посещал, можно предположить, что на открытии побывала вся компания. Программу концерта

см.: Новая Русь. 1910. № 117. 1 (14) мая; *ОТ.* 1910. № 1045. 1 мая. Отчеты: *Тимофеев Г.* // Речь. 1910. № 120. 4 (17) мая; подпись Г. Т.; –ь // *БВ.* Веч. вып. 1910. № 11693. 3 мая); в последнем, между прочим, писалось: «Что делалось при возвращении — трудно описать: поезда брались с бою, и каждый, кто хотел занять место, должен был пережить довольно скверные минуты... Хорошо еще, что дождь охлаждал горячие страсти!..»

6. О П. О. Богдановой-Бельской (рожд. Старынкевич, по другим мужьям — Дерюжинской, Гросс, Пэдди-Кабецкой), колоритном персонаже петербургской жизни тех лет, см. в воспоминаниях одного из ее мужей («Не забыта и Паллада...»: Из воспоминаний графа Б. О. Берга / Публ. Р. Д. Тименчика // Русская мысль. 1990. № 3853. 2 ноября. Лит. приложение № XI), в автобиографической повести О. Морозовой «Одна судьба» (Л., 1976), где она выведена под именем Дианы Олимпиевны, в мемуарах Г. Иванова, в подробном комментарии Р. Д. Тименчика к публикации воспоминаний Б. М. Прилежаевой-Барской «Бродячая собака» (*Минувшее.* Т. 23. С. 405–408, примеч. 27) и пр. Стихотворения посвящали ей Борис Садовской (1913), Игорь Северянин (1925) и др. Несколько лет спустя Кузмин вывел Палладу в качестве персонажа своего романа «Плавающие путешествующие» (1914) под именем Полины Добролюбовой-Черниковой.

7. Разнообразная программа сада «*Аквариум*» на этот день опубликована на первой странице газеты «Речь» и в *ОТ.*

8. Речь идет об уже упоминавшейся комете Галлея, прохождение которой в наиболее близком расстоянии от Земли ожидалось в эту ночь. См., напр.: *Покровский К.* Накануне встречи с кометой Галлея // Речь. 1910. № 121. 5 (18) мая.

9. Вероятно, имеется в виду гонорар за перевод «Шута Тантриса», премьера которого состоялась 9 марта 1910 г. Поскольку Кузмин работал над переводом вместе с П. П. Потемкиным (см., напр., в записи от 20 декабря 1909 г.: «Приехал Потемкин править „Тантриста“ *<так!>*. Из 5 строчек черкалась одна»), то он, видимо, рассчитывал на часть потемкинского гонорара за свое участие в переводе, а не только на вознаграждение за музыку к спектаклю.

10. Речь идет о билетах на продолжавшиеся гастроли МХТ. Кроме «Месяца в деревне» театр давал «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского и «Царя Федора Иоанновича» А. К. Толстого.

11. Судя по всему, имеется в виду гонорар за «Шута Тантриса», о котором шла речь выше, в примеч. 9. Барон Н. В. Дризен в это время был редактором «Ежегодника Императорских театров», и, видимо, Кузмин рассчитывал на его помощь при получении гонорара.

12. Не исключено, что радость Е. А. Зноско-Боровского была вызвана рецензией С. А. Ауслендера на его драму «Крейсер „Алмаз“ (Цусима). Сцены из войны» (СПб., 1910), помещенной на следующий день в газете «Речь». Отметим, что пьесу рецензировал и Кузмин в своей постоянной рубрике «Заметки о русской беллетристике» (Аполлон. 1910. № 7. С. 45; паг. 2-я; ср. также одобрительную рец. Г. И. Чулкова: Новый журнал для всех 1910. № 20 (июнь). С 120–121).

13. О программе концерта, бывшего в этот день, на котором, вероятно, присутствовал Кузмин, см.: *Тимофеев Г.* Павловский вокзал // Речь. 1910. № 131. 15 (28) мая; подпись: Г. Т.

14. *Мегалофобия* — здесь: боязнь великого, высокого, отразившаяся в рассказе Кузмина «Высокое искусство», написанном в августе 1910 г. Подробнее см.: *Богомолов.* С. 139–144. Публично выраженное мнение Вяч. Иванова о творчестве Кузмина, относящееся к этому времени, зафиксировано в его рецензии «О прозе М. Кузмина» (Аполлон. 1910. № 7. С. 46–51; паг. 2-я).

15. Эпитет «*ненадежный*» был применен Кузминым к Судейкину 8 ноября 1906 г. (см.: *ДК-05–07.* С. 259).

16. Имеется в виду прошлогодний конфликт Кузмина с сестрой и зятем из-за «Фонечки» Годунова (см. записи июля 1909 г.).

17. Сезон «Виллы Роде» открылся 15 мая большой новой программой, объявление и хроникальную заметку о которой см. в газете «Русь» за 15 мая 1910 г.

18. В театре «*Фарс*» 19 мая 1910 г. шел фарс «Пожиратель пространства» и борьба с участием пар: Ганнибал — Урнман, Эмиль — Корниц, Муханура — Коббинг, Мельгенгауэр — Аберг (см. анонс в газете «Новая Русь» за это число).

19. Единственная из крупных выставок, проходивших в Петербурге в это время, — «Салон» В. А. Издебского, где были широко представлены работы французских художников, в том числе и Ш. Герена. См. в хронике: «Убедительны и Ван-Донген своей красивой, сильной живописью, и другие экспоненты: Герен, Фриэз, Метценгер, Лангэн и Руссо...» (*Ростиславов А.* Художественная жизнь Петербурга // Аполлон. 1910. № 8. С. 47; паг. 2-я).

20. В январе 1910 г. К. А. Сомов сообщал своей сестре А. А. Михайловой из Москвы: «Был вчера вечером у Познякова, московского танцора. Сентиментальный, восторженный, неумный, но милый...» (*Сомов.* С. 106). По сообщению комментаторов книги, «в 1910 г. Сомов сделал пять его портретов в разных техниках. Один из них <...> в ГРМ, остальные в частных коллекциях» (Там же. С. 529). В дальнейшем Сомов еще несколько раз писал Н. Познякова. В Третьяковской галерее находится портрет Н. Познякова работы Вал. Серова.

21. Концерт Н. В. Плевицкой 23 мая был в саду «Аквариум». См. отчет В. Регинина (*БВ.* Веч. вып. 1910. № 11721. 24 мая; подпись: В. Р–н). Отметим, что в это время певица только входила в моду. См. письмо К. А. Сомова к сестре от 9 марта этого года: «Потом было <...> пение русской песни Плевицкой, великолепного таланта, от которой я остался в восторге. Она бывшая послушница. От ее пения веет русской стариной, романом Печерского, лицо у нее старинно русское» (*Сомов.* С. 109).

22. Речь идет о резкой реакции сотрудников «Весов», выразившейся, в частности, в коллективном протесте редакции «Аполлона» (опубликован не был) против напечатанной в журнале (1910. № 7 [апрель]) статьи Г. И. Чулкова «„Весы“. Некролог». Подробнее об обстоятельствах этого инцидента см.: *ЛН.* Т. 85. С. 527–530 (там же текст протеста); *НЛО.* 1994. № 10. С. 158–159

23. В. К. Шварсалон уезжала в научную экскурсию по Греции с группой, руководимой Ф. Ф. Зелинским. В. Э. Мейерхольд также ездил с нею (см. примеч. 5 к августу 1910 г.). Л. В. Иванова отдыхала в имении Аничковых Жданки недалеко от Боровичей.

24. Вероятно, перевод либретто оперы Массне «Дон Кихот». См., впрочем, хроникальное известие более позднего времени: «Перевод либретто к „Дон-Кихоту" Масснэ на днях закончен М. А. Кузминым и передан Дирекции Императорских театров» (*ОТ.* 1910. № 1141. 9 августа. С. 8).

25. Ср. в письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон от 16 июня: «Иногда в дни редакционные у нас обедает Сноска Ев<гений> Ал<ександрович>, приезжающий из Павловска. Как-то раз обедали Ауслендер с Над<еждой> Ал<ександровной>, он приезжал из Окуловки к ним в Павловск на несколько дней» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 4).

26. Ср. инскрипт на «Второй книге рассказов», подаренной Кузминым В. К. Шварсалон (Автографы поэтов серебряного века. М., 1995. С. 352–353).

Июнь

1. В этот день в газетах появилось объявление о смене программы в «Аквариуме»: «Новые дебюты! Новые артисты! Новые знаменитости!». Отчет об этой программе см.: Речь. 1910. № 151. 4 (17) июня.

2. См. примеч. 24 к маю 1910 г.

3. Стихи Вс. Князева в «Аполлоне» не появились.

4. 4-го или 5-го июня А. Р. Минцлова выехала из Петербурга на север России (сначала через Пермь на Чердынь, потом переменила маршрут и отправилась на Соловки) и вернулась 22 июня.

5. См. в письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон от 7–8 июня о быте «башни»: «Вчера вечером уехала А<нна> Р<удольфовна>, и сегодня Вячеслав уже засел за работу и хотя сегодня по времени работал недолго, но уже совсем вошел и к<а>к-то сразу в работу и написал целый экскурс (к примечан<иям> „Религии Дион<иса>") о греч<еской> трагедии. До сегодняшнего дня „Греч<еской> Рел<игией>" не занимался, но каждый день писал по газелле, так что написал два цикла: один „о розе" в 7 газелл, и другой об „из слоновой кости башне" в 3 газелы *<так!>*. Не знаю, какой начнет теперь цикл. Все эти газеллы уже не войдут в „Cor Ardens". Мих<аил> Ал<ексеевич> тоже записал стихи, Юр<ий> Ник<андрович> пишет тоже, но сравнительно ослаб несколько.

Сижу у себя в комнате. Вячеслав еще спит. Юраша уже встал необычно. Мих<аил> Ал<ексеевич> наигрывает на пьянино свои композиции. На улице холодно, идет град. <...> Вечером была Тамамшева Нин<а> Арт<емьевна>. Вяч<еслав> ее много расспрашивал про Армению, ведь его первая газелла об Армении» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 4. Л. 1–1об.). О чтении сказок «Тысячи и одной ночи» см. в письме от 20 июля: «...до 3-х или иногда почти до 4-х Мих<аил> Ал<ексеевич>

играет, а теперь еще и прочитывается сказка из Шехеразады» (Там же. Л. 8 об).

6. Гумилев уехал из Петербурга 20 апреля 1910 г.: сперва в Киев, где 25 апреля обвенчался с А. А. Горенко (будущей поэтессой Анной Ахматовой, с которой Кузмин познакомился 10 июня и записал свое первое впечатление), а затем поехал с женой в Париж, где молодожены проводили медовый месяц до начала июня.

7. Поговорка основана на евангельском тексте: «И отвели Его сперва к Анне; ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником. <...> Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе» (Ин 18: 13, 24).

8. Анонс павловского концерта см.: *БВ*. Веч. вып. 1910. № 11760. 12 июня. Отчет о концерте (впрочем, не исключено, что имеется в виду какой-то иной, так как дата точно не обозначена) музыкального обозревателя Г. Тимофеева см.: Речь. 1910. № 159. 13 (26) июня; подпись: Г. Т.

9. О первом визите Ахматовой на «башню» сохранились противоречивые сведения. М. М. Замятнина описывала этот визит в письме к В. К. Шварсалон 16 июня: «В воскр<есенье> вечером были Гумилев с Гумильвицей (острота Юрия Ник<андровича>), они на днях вернулись из Парижа. Она пишет стихи немного под Гумилева, по неизбежности, а старается написать под Кузмина. Но в общем сносносимпатичная, только очень тощая и болезненная, но недурная, высокая, брюнетка. Вячеслав очень сурово прослушал ее стихи, одобрил несколько одно, об остальн<ых> промолчал, одно раскритиковал: она вообще очень волновалась. Гумилев б<ыл> несколько менее чопорный. У него есть хорошие стихи» (цит. по: *Superfin G., Timenčik R.* A propos de deux lettres de A. A. Ahmatova à V. Brjusov // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1974. Vol. XV. № 1/2. P. 190). В 1960-е гг. сама Ахматова вспоминала: «Н. С. Гумилев после нашего возвращения из Парижа (летом 1910) повез меня к Вяч. Иванову. Он действительно спросил меня, не пишу ли я стихи (мы были в комнате втроем), и я прочла <...> Вяч<еслав> очень равнодушно и насмешливо произнес: „Какой густой романтизм!..“» (цит. по: *Хейт А.* Анна Ахматова: Поэтическое странствие. М., 1991. С. 224). Однако существуют и иные версии. Так, П. Н. Лукницкому в 1925 г. Ахматова рассказывала, что «когда она 1-й раз была на „башне“ у В. Иванова, он пригласил ее к столу, предложил ей место по правую руку от себя, то, на котором прежде сидел И. Анненский. Был совершенно невероятно любезен и мил, потом объявил всем, представляя АА: „Вот новый поэт, открывший нам то, что осталось нераскрытым в тайниках души И. Анненского“ <...> А делал это все В. Иванов со специальной целью уничижить как-нибудь Николая Степановича, уколоть его...» (*Acumiana*. Т. 1. С. 191–192). В разных вариантах эта сцена присутствует в «Петербургских зимах» Г. Иванова (*Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 55–57) и в основанной во многом на семейных легендах биографии Вяч. Иванова, написанной О. А. Дешарт (*Иванов*. Т. 1. С. 125 и примеч.). Примиряющая, как кажется, оба варианта версия также принадлежит самой Ахматовой: «Он <Иванов> и на мне про-

бовал свои чары. Придешь к нему, он уведет в кабинет: „Читайте!" <...> Вячеслав восхищен: со времен Катулла и пр. Потом выведет в гостиную — „читайте!" Прочтешь то же самое. А Вячеслав обругает. Я быстро перестала бывать там, потому что поняла его» (*Чуковская Лидия.* Записки об Анне Ахматовой. М., 1989. Кн. 1. С. 61; ср.: *Хейт А.* Анна Ахматова. С. 224).

10. У В. А. Пяста ремиссии в душевной болезни (он страдал циклотимией) периодически сменялись обострением.

11. Имеется в виду Контора Императорских театров, а посещение ее, вероятно, связано все с тем же гонораром за «Шута Тантриса» (см. примеч. 11 к маю 1910 г.).

12. О каких именно рисунках Судейкина идет речь, неясно, поскольку он был в числе постоянных иллюстраторов «Аполлона». Не исключено, что Кузмин имеет в виду фронтисписы к «Курантам любви», готовившимся в изд-ве «Скорпион» (см. в письме С. А. Полякова к Кузмину от 14 мая: «...до выхода книги, ввиду отсутствия до сих пор вторых фронтисписов Судейкина, по моему мнению, еще далеко...» — *ЕРОПД* на 1990 год. С. 54; публ. А. Г. Тимофеева).

13. Никаких упоминаний о Кузмине и его произведениях в «Новом времени» за ближайшие к записи дни обнаружить не удалось.

14. Речь идет о получении гонорара за музыку и, возможно, за редактирование перевода «Шута Тантриса».

15. Обсуждался первый замысел театра Дом интермедий, в создании и работе которого важнейшую роль играл Кузмин. Антрепренером был М. М. Бонч-Томашевский, ближайшее участие в театре принимали В. Э. Мейерхольд, Н. Н. Сапунов, П. П. Потемкин. Подробнее см.: *Зноско-Боровский Е. А.* Русский театр начала XX века. Прага, 1924. С. 302–317; *Рудницкий К. Л.* Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 129–130, 140–141; *Тихвинская.* С. 69–86.

16. См. в письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон от 20 июля 1910 г.: «Юраша уезжал в Бобровку, дней на десять <...> А<нна> Р<удольфовна> в Судаке у Герцык, куда ее Вячеслав послал в конце июня, так как Евг<ения> Ант<оновна> была при смерти (восп<аление> кишок), теперь опасность миновала» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 4. Л. 8 об.–9). Упоминаемая в письме Е. А. Герцык — мачеха А. К. и Е. К. Герцык. Письмо А. Р. Минцловой к Вяч. Иванову из Судака частично приведено в: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 369. Вскоре после этого, в августе 1910 г., Минцлова бесследно исчезла (см.: *Белый Андрей.* Между двух революций. М., 1990. С. 321–322 и примеч. А. В. Лаврова на с. 534; *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 101–106).

Июль

1. О. Э. Мандельштам (см. примеч. 9 к февралю 1909 г.).

2. «*Гнев Диониса*» (СПб., 1910; новейшее переизд.: М., 1994; публ. и послесловие М. В. Михайловой) — роман Е. А. Нагродской, будущей меценатки Кузмина. Должен был привлечь внимание автора днев-

ника, поскольку в нем затрагивалась тема гомосексуализма. Ср. рецензии Кузмина (Аполлон. 1910. № 9. С. 33-35; паг. 2-я) и С. А. Ауслендера (Речь. 1910. № 202. 26 июля (8 августа)).

3. То есть в редакцию газеты «Речь».

4. Поэма «Открытие Америки», вскоре опубликованная в «Аполлоне» (1910. № 12).

5. А. Э. Беленсон с 1910 г. печатался в журнале «Сатирикон» (стихи этого времени составили сборник «Забавные стишки», СПб., 1914). О заметном влиянии на них творчества Кузмина писали С. М. Городецкий (Речь. 1914. № 33. 3 (16) февраля) и позднее И. А. Оксенов (Книга и революция. 1923. № 11–12 (23–24)). Возможно, визит Беленсона и чтение стихов были связаны с его недатированным письмом Вяч. Иванову: «...по совету Зин<аиды> Аф<анасьевны> Венгеровой обращаюсь к Вам с следующей просьбой: я в настоящее время предполагал *<так!>* издать книжку стихов и был бы очень рад предварительно узнать Ваше о них мнение. Зин. Аф. уверила меня в том, что подобная просьба не затруднит Вас. Собственно книжку я Вам и не смог бы принести, так как она почти что не написана, но думаю, что было б достаточно просто прочесть Вам что-нибудь, так как ведь, вероятно, Вы в этой области обладаете достаточным опытом! Пожалуйста, в случае Вашего согласия не откажите сейчас же мне ответить, когда всего удобнее к Вам зайти» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 27).

6. См. в письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон от 20 июля: «...теперь он <Верховский> у Каратыгина, и у нас иногда ночует, приезжает около часу ночи прямо к чаю, попьет, почитает стихи» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 4. Л. 9).

7. В. А. Теляковский, после пребывания в Карлсбаде, вернулся в Петербург 6 июля и уехал в свое имение 10 июля (см.: *ОТ*. 1910. № 1110. 8 июля).

8. См. подробнее в письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон от 20 июля: «На прошлой неделе мы все трое кутили: обедали у Тернавцева; он один живет с Ельчаниновым, семья его в Крыму, они к<а>к-то оба были у нас вечером, и они настояли, чтобы мы пришли обедать. За столом сидели 3 ½ часа, он гомерически, с пафосом, многое интересное рассказывал. Представь, Вера, он продал свою яхту, что очень и за него жаль, и даже эгоистично, я все мечтала, чтобы Вячеслав покатался» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 4. Л. 9 об.–10). И несколько ранее в том же письме: «На днях приезжала на два дня Кассандра, опять уехала к Сологубам в Мерекюль *<так!>*» (Там же. Л. 8 об). Ср. также запись о. А. Ельчанинова от 6 августа: «Я был у него <Вяч. Иванова> за лето раза три-четыре. Каждый раз он был очень внимателен, нежен, ласков...» (Вестник Русского христианского движения. 1984. № 142. С. 63; публ. Н. А. Струве). О летнем визите Ельчанинова в Петербург см. его письмо к Иванову от 21 мая 1910 г.: «Дорогой Вячеслав Иванович, можно ли побывать у Вас, и если можно, то когда (день и час)? Я приехал в Питер на все лето, но Вы, должно быть, скоро уедете, а я очень хочу поглядеть на Вас» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 38. Л. 6).

9. «*Фьяметта*» (1343) — повесть Дж. Боккаччо. Перевод Кузмина опубликован в 1913 г. Первоначально планировалось опубликовать его в изд-ве «Пантеон» — см. упоминание об этом в записи за следующее число (17 июля).

10. Речь идет о том же переводе «Фьяметты».

11. В «Скорпионе» в 1910 г. вышли первая и вторая книги рассказов Кузмина и «Куранты любви» («Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста, 70 стр. нот. С 8 рисунками С. Судейкина и Н. Феофилактова. Обложка Н. Феофилактова», как говорилось в каталоге издательства). Приведем несколько более раннюю переписку Кузмина с С. А. Поляковым, которая относится к гонорарным вопросам. 13 мая Кузмин писал: «Ввиду того, что у нас все не выяснены условия издания „Курантов", я позволил себе сам несколько определить их. В музыкальных издательствах за каждый номер платят 15–25 р. Но принимая в соображение, что №№ довольно много (21), что это издание, вероятно, будет дорогое и „любительское", я считаю, что за музыку и текст отдельным выпуском не будет много или мало 250 р. Я получил за печатанье в „Весах" и отдельно 150 р. (40+40+70), и потому, если принять эту расценку („Весы" по 80 р. за лист стихов — 100 р.), мне пришлось бы еще 200 р. Простите, что я так своевольно предлагаю, но я долго и тщетно ждал определенных условий со стороны Мих<аила> Фед<оровича Ликиардопуло>. Если эти неудобны, я согласен на какие угодно, но желал бы их знать. Конечно, к такой математике побудил меня, кроме пристрастия к точности, еще больший недостаток в деньгах, который я сейчас испытываю и который побуждает меня снова обращаться к Вам с такой же скучной просьбой. Судя по словам Мих<аила> Фед<оровича>, „Куранты" выйдут очень скоро, не можете ли Вы, дорогой Сергей Александрович, устроить мне в начале будущей недели ту сумму, которая мне пришлась бы по моему или по Вашему расчету, чтобы знать, что вопрос с „Курантами" покончен. Если Вы пошлете не всю сумму, а часть, то не поленитесь написать, сколько будет еще. Но мне было бы крайне необходимо получить на днях деньги, которые могу надеяться иметь только от Вас» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 104). Буквально на следующий день, 14 мая, Поляков отвечал: «...я вполне согласен с Вашим расчетом гонорара за „Куранты любви", и хотя до выхода книги, ввиду отсутствия до сих пор вторых фронтисписов Судейкина, по моему мнению, еще далеко, я с удовольствием выслал бы Вам оставшиеся 200 руб. немедленно, но, имея в этом месяце невероятное количество случайно совпавших платежей, я вышлю Вам на следующей неделе пока только половину. Остальные желал бы выслать по выходе „Курантов"» (*ЕРОПД* на 1990 год. С. 54; публ. А. Г. Тимофеева. Незначительное исправление — по оригиналу: *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 12. Ед. хр. 339).

12. В этот день в Народном доме шла опера Э. Направника «Дубровский» (отзыв см.: *ОТ*. 1910. № 1121. 19 июля), однако возможно, что Кузмин был в Народном доме, не заходя в оперный зал.

13. См. в уже цитировавшемся письме М. М. Замятниной к В. К. Шварсалон: «А вчера в воскр<есенье> я одна кутила с Тернавце-

вым, он меня взял на моторе водяном смотреть яхточные гонки, были большие очень гонки, съехались яхты из-за границы, больше ста яхт участвовало, очень интересно и красиво было видеть в море несущиеся белые красивые чайки-яхты. На моторе очень удобно следить, так как можешь нагнать любую и следить» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 4. Л. 10).

14. Имеется в виду храм Воскресения (Спас-на-крови) на Екатерининском канале, воздвигнутый на месте смертельного ранения Александра II 1 марта 1881 г. (по идее архимандрита Игнатия, архитекторы И. В. Макаров и А. А. Парланд). Храм был заложен 18 октября 1883 г., освящен 1 сентября 1907 г. Кузмин счел безвкусным «ложнорусский» стиль, копирующий архитектуру XVI–XVII вв.

15. В программе театра «Фарс» на этот день был фарс «Под чудные звуки Шопена», сеанс кинематографа и начинавшаяся в 11 час. вечера борьба. Бредихин из Казани (названный в отчете репортера под псевдонимом Пьер-О [*БВ*. Веч. вып. 1910. № 11822. 19 июля] «мальчик Претихин») боролся с Муханурой и потерпел быстрое поражение. См. также отчет Junior'a (Речь. 1910. № 199. 19 июля (1 августа)). Наиболее подробен отчет «Борьба в Фарсе», подписанный А. П.: «Последними боролись манчжурское чудище — Муханура и почти ребенок Бредихин. Пять минут сопротивлялся Бредихин натискам азиата, он и на голове то вертелся, и пируэтировал без конца. Обозлился наконец Муханура, заскрежетал зубами, собрал всю свою силу, захватил в стройке Бредихина на pris d'épaule и бросил его прямо на лопатки» (*ОТ*. 1910. № 1122. 20 июля. С. 9).

16. «*Joseph*» («Иосиф», 1807) — опера Э.-Н. Меюля. Упоминается в *ДК-05–07* (С. 218; запись от 8 сентября 1906 г.).

17. О каком именно инциденте идет речь, нам неизвестно, но можно предположить, что это каким-то образом было связано с желанием Зноско-Боровского участвовать в альманахах «Шиповник», где Л. Н. Андреев был не только постоянным автором, но и какое-то время в 1908–1909 гг. принимал участие в редактировании (см.: *Келдыш В. А.* Альманахи издательства «Шиповник» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 261).

18. Речь идет о готовившейся постановке оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов» в Мариинском театре с участием Ф. И. Шаляпина. 18 июля в хронике сообщалось: «Постановка „Бориса Годунова“ в Мариинском театре окончательно поручена не Мельникову, как сообщали газеты, а Вс. Э. Мейерхольду» (*ОТ*. 1910. № 1120. 12 июля. С. 11). О работе над декорациями см. специальную заметку: *Л. К.* Лаборатория искусства // *БВ*. Веч. вып. 1910. № 12061. 7 декабря. См. также в дальнейших записях Кузмина и комментариях к ним.

19. Упомянутое Кузминым определение Бредихина принадлежит А. Т. Аверченко (*Ave.* Фарс: Театр «Летний фарс». Борьба // Сатирикон. 1910. № 30. 24 июля). В отчете о состязаниях писалось: «Вечно улыбающегося Бредихина принесли в жертву манчжурцу» (*ОТ*. 1910. № 1130. 28 июля. С. 9; подпись: А. П.). О французской борьбе см. также выше, примеч. 15.

20. *«Индиго»* — оперетта Иоганна Штрауса-сына «Индиго и сорок разбойников» (1871).

21. Речь идет об уменьшении до 50 руб. в месяц суммы, которую Кузмин получал от Г. В. Чичерина (см. запись от 16 декабря 1909 г.).

22. Санкт-Петербургское шахматное собрание и клуб при нем были созданы по инициативе М. И. Чигорина в начале 1880-х гг. В 1910-е гг. Собрание находилось по адресу Литейный пр., 10; в помещении клуба устраивались шахматные турниры.

23. Имеется в виду начальный этап подготовки к устройству театра Дом интермедий (или Дом интермедии: в публикациях встречаются оба написания). Ввиду большой заинтересованности Кузмина в его работе, изложим историю театра в 1910 г., как она представляется по газетным и журнальным отчетам.

11 (24) сентября в хронике «Речи» сообщалось: «Театр „Сказка“ на Галерной снят г. Томашевским для спектаклей Интимного театра. Главное руководство и заведывание художественною частью поручено В. Э. Мейерхольду. Музыкальной частью заведует г. Кузмин. Художниками приглашены гг. Сапунов и Судейкин. Составление труппы еще не закончено. Пока приглашены г-жи Хованская, Изюмова, Баграянская, гг. Гибшман, Подгорный и др.»

Через несколько дней та же газета сообщила: «5 октября открываются спектакли интимного театра „Интермедия“. Декорации для первых постановок рисуют художники: Анисфельд, Сапунов и Крылов. Для открытия пойдет оперетта Оффенбаха с прологом М. Кузмина» (Речь. 1910. № 267. 29 сентября (12 октября)). О распределении ролей организаторов сообщала Вяч. Иванову М. М. Замятнина в письме от 22 сентября: «Мих<аил> Ал<ексеевич> пропадает целыми днями и вечерами с устройством нового театра „Интермедий“, дирекцию которого составляют Мих<аил> Ал<ексеевич> — литер<атурно>- муз<ыкальную> часть, декоративн<ую> — Сапунов, и режиссерскую — Мейерхольд. Предприниматель некий Томашевский» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 13 об.).

В том же сентябре Ауслендер в своей постоянной журнальной рубрике «Петербургские театры» описал замысел более подробно: «В середине октября откроется новый театр „Интермедия“ на Галерной ул. в помещении бывшего театра „Сказка“. Внешнее устройство этого театра будет значительно отличаться от других аналогичных учреждений. Репертуар будет состоять из старинных и новых фарсов, комедий, пантомим, опереток, водевилей, небольших драм и отдельных номеров. Главным администратором театра является М. М. Томашевский, надзор за режиссурой будет принадлежать Вс. Э. Мейерхольду, заведование художественною стороною предприятия поручено Н. Н. Сапунову, а литературно-музыкальною — М. А. Кузмину» (Аполлон. 1910. № 10. С. 32; паг. 2-я).

Особое внимание привлекало устройство самого зала: «Зрительный зал вполне приспособлен к оригинальным постановкам этого театра. Места для публики не отделены от сцены, и представление будет проходить на подмостках, являющихся продолжением зрительного зала» (Речь. 1910. № 278. 10 (23) октября). В первую программу, показанную 12 октября, входили пролог «Исправленный чудак» и пастораль

«Голландка Лиза» Кузмина, «Шарф Коломбины» А. Шницлера в переделке Мейерхольда и «пьеска-гротеск» П. П. Потемкина и К. Э. Гибшмана «Блек энд уайт». В отчете о первой программе говорилось: «„Расписаны были кулисы пестро“, труда и старания вложено много, немало, быть может, и нежного дарования, но, вместе с синеватым дымом разрешенных папирос, таяли и расплывались впечатления, никто не забыл жизни, веселый смех звучал пусто, а антракты были молчаливы и грустны. <...> Перед пантомимой и после нее ставились на этот раз довольно тусклые безделушки Кузмина» (*Аш [Ашешов Н. П.?]* // Речь. 1910. № 282. 14 (27) октября). См. также хронику и отчет *ОТ* за 3, 6, 11 и 14 октября 1910 г.

Об антрепренере М. М. Бонч-Томашевском известно очень немного. По сведениям В. Мыльниковой, «в 1918 после установления на Украине советской власти основал в Киеве „Студию экранного искусства“, в которой преподавали Н. Евреинов, А. Вознесенский, М. Кольцов и В. Юренева. В 1919 поставил 6 агитфильмов. После 1922 пропал без вести» (*Минувшее*. Т. 10. М.; СПб., 1992. С. 428).

24. В «Новом журнале для всех» было помещено стихотворение Вс. Князева «Мне мнится...» (1910. № 21. Июль).

25. Вяч. Иванов уезжал в Рим, где должен был встретиться с В. К. Шварсалон.

Август

1. Речь идет о предполагавшемся, но так и не состоявшемся участии А. Я. Головина в деятельности Дома интермедий.

2. Печатных отзывов Гумилева о стихах А. Э. Беленсона не зафиксировано. О футуристах он впервые писал лишь в 1913 г., однако совершенно очевидно, что заинтересован ими был и ранее. В 1910 г. появились футуристические сборники «Садок судей» и «Студия импрессионистов», о которых здесь, видимо, и идет речь. Ср.: *Кузмин М.* Письма из Италии // Аполлон. 1910. № 9. С. 20–21; паг. 2-я.

3. См. в письме М. М. Замятниной к Иванову, написанном в этот день в 11 часов ночи: «Мих<аил> Ал<ексеевич> сегодня сожалел, что до появления в книге никакие из этих стихотворений <„Rosarium“> не будут напечатаны нигде в журналах, напр<имер>, в Аполлоне. <...> В гостиной Ал<ександра> Ни<колаевна Чеботаревская> и Мих<аил> Ал<ексеевич> вели сейчас литерат<урную> беседу, а теперь Мих<аил> Ал<ексеевич> поет Шубер<та>, а я сижу в лев<ой> башне, пишу и плачу» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 5–5об.).

4. Существует несколько музыкальных произведений с таким названием; по нашему предположению, здесь речь идет о балете Л. Делиба «Sylvia, ou La Nymphe de Diane» (1876).

5. См. известие в хронике: «Возвратился в Петербург В. Э. Мейерхольд. Он вернулся из Греции, где работал в составе научной экскурсии профессора Ф. Ф. Зелинского. После Греции, по которой названная экскурсия путешествовала в течение всего июня месяца, г. Мейерхольд жил некоторое время во Флоренции, изучая материалы, необходимые ему для ближайших постановок» (*ОТ*. 1910. № 1138. 6 августа. С 8).

6. В записи упоминается следующее: 1) Статья Брюсова: «О „речи рабской", в защиту поэзии» (Аполлон. 1910. № 9); об обстоятельствах ее появления в «Аполлоне» см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 369–370; *НЛО*. 1994. № 10. С. 159–160; 2) «Женя» (Е. А. Зноско-Боровский), в это время «заведовавший» журналом, потому что Маковский уехал на отдых в Екатеринославскую губ.; 3) Статья Кузмина под заглавием «Художественная проза „Весов"», понравившаяся Маковскому и напечатанная в том же 9-м номере. Отметим, что приблизительно в эти дни Кузмин приносил на «башню» вести из редакции «Аполлона», касавшиеся дальнейшего развития событий. Так, 22 сентября (когда Кузмин уже был в Окуловке) М. М. Замятнина писала Иванову в Рим: «Сегодня вышел № „Аполлона", кажется, ничего нет достопримечательного, чтобы его прислать вам. На днях от Андрея Белого в „Аполлоне" получено возражение на Брюсова, пойдет в след<ующем> номере, М<ихаил> А<лексеевич> говорит, по словам Маковского, что написано несколько путано, но по сущ<еству> Маковс<кий> согласен с возраж<ением> Белого. Белый одновременно возражает и Мережковс<кому>, кот<орый> в „Речи" одномысленно с Брюсовым написал, этот фельетон Мережковск<о>го пришлю» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 13). И далее, в написанном на следующий день продолжении письма, Замятнина вносит некоторые коррективы: «Сегодня обедал Сноска и сказал, что фельетон Мережковск<ого>, оказывается, вам уже отправил Маковский и что это не в „Речи" а в „Утре России". Андр<ей> Бел<ый> в своем возражен<ии> Брюсову, присланном теперь, об этом фельетоне не поминает, а в письме Маковск<ому> пишет, что хочет написать и возражения Мережковскому» (Там же. Л. 14об.). В этих фрагментах упоминаются статьи Андрея Белого «Венок или венец» (Аполлон. 1910. № 11. С. 1–4; паг. 2-я) и Д. С. Мережковского «Балаган и трагедия» (Русское слово. 1910. № 211. 14 (27) сентября), продолжавшие полемику, начатую статьями Вяч. Иванова «Заветы символизма» и Блока «О современном состоянии русского символизма».

7. Оперетта-феерия Ш. Лекока (1887), шедшая в театре Зоологического сада (см. рец. Н. Н. Окулова: Театр и искусство. 1910. № 32. С. 595–596; подпись: Н. Тамарин). Вероятно, Кузмин был привлечен отзывами прессы: положительной рецензией газеты «Речь» (1910. № 213. 6 (19) августа) и упоминанием в той же «Речи» о постановке как «удачнейшей из феерий» (1910. № 214. 7 (20) августа). Ср. отчет, подписанный С. (*ОТ*. 1910. № 1138. 6 августа).

8. «*Борис Годунов*» — опера М. П. Мусоргского в постановке А. А. Санина. См. отзывы: *Чесноков А.* Опера «Борис Годунов» на сцене Народного дома // Театр и искусство. 1910. № 30. С. 563; *Каратыгин В.* // Речь. 1910. № 196. 20 июля (2 августа); подпись: Кар.; *БВ*. Веч. вып. 1910. № 11820. 17 июля; подпись: –ъ.

9. К этому дню относится письмо М. М. Замятниной к Вяч. Иванову, сообщающее известия о Кузмине: «За все это время удивительно, что у Мих<аила> Ал<ексеевича> никто ровно не бывает, только Сноска-Сборовск<ий> был несколько раз, но Мих<аил> Ал<ексеевич> очень часто пропадает» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 9 об.).

10. Вероятно, имеется в виду повесть Ауслендера «Пастораль», опубликованная в «Аполлоне» (1910. № 12).

11. Речь идет о панораме «Оборона Севастополя» на Марсовом поле. Ср. анонимную заметку: «На днях, вместо панорамы „Оборона Севастополя“ „художника“ Рубо, на Марсовом поле открылась, в том же помещении, другая панорама „художника“ Рубо — «Взятие аула Ахульго». Какой ужас! Мы надеялись, что нелепый барак г. Рубо, уродующий красивейшую площадь столицы, — лишь кратковременное упущение... Оказывается, нам — угрожают уродством длительным» (Аполлон. 1910. № 12. С. 196; отдел «Смесь»).

12. По всей видимости, имеется в виду вечер в Павловском вокзале в пользу Общества вспоможения нуждающимся сиротам и детям служащих на Царскосельской дороге (отчет см.: *ОТ.* 1910. № 1149. 18 августа; подпись: Н.).

13. Речь идет о поездке в Окуловку для венчания С. А. Ауслендера и Н. А. Зноско-Боровской в воскресенье, 22 августа 1910 г. Подробнее см. в воспоминаниях Ауслендера о Гумилеве в записи Л. В. Горнунга (Панорама искусств. М., 1988. Вып. 11. С. 201–202).

14. *Обыск* церковный (или брачный обыск) — письменный акт, составляемый причтом церкви перед венчанием и удостоверяющий наличность и законность всех условий, требуемых для совершения брака: звание, состояние, вероисповедание, место жительства жениха и невесты; их лета, здравое умственное состояние, нет ли степени родства, препятствующей законному браку, который по счету брак, по доброй ли воле совершается, имеется ли согласие родителей и пр. Результаты брачного обыска записывались в специальную шнуровую книгу, выдаваемую из консистории каждой церкви.

15. Вероятно, речь идет о постоянной рубрике Кузмина «Заметки о русской беллетристике» в «Аполлоне», в десятом номере которого рецензировались «Необыкновенный человек» Д. Крачковского, первый том «Рассказов» А. Гущина и «Веселые устрицы» А. Аверченко.

16. А. М. Кожебаткин был в это время секретарем редакции книгоиздательства «Мусагет». О цели его приезда 14 сентября 1910 г. сообщала Вяч. Иванову М. М. Замятнина: «Вячеслав, я Вам отдельное маленькое письмецо писала по просьбе Кожебаткина, только делов<ое>, и Вы не отвечаете до сих пор, пишу еще на случай. Дело б<ыло> в том, что Кожебаткин хлопочет об издании Альманаха стихов от Из<дательст>ва Мусагет. И просил очень Вас дать им стихов, если можно из Rosarium'a, так как ведь других у Вас нет, а им нужно теперь, чтобы альманах вышел до декабря; редактором стихов для других поэтов Андр<ей> Белый. Стихи будут из Петерб<урга> Кузмина, Верховско<го>, Гуми<лева>, Блока, Сологуба (они просили у него), я ходатайствова<ла> за Ивойлова, он пошлет, не знаю, что возьмут. Гумилев им навязал Потемкина. Из москвичей не знаю кто, кроме Белого, Брюсова и Соловьева. Напишите, можно ли что послать в альманах. Кожебаткина более всего духовные стихи привлекали» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 11 об.–12).

Сохранилось письмо Андрея Белого к Кузмину, привезенное Кожебаткиным (на почтовой бумаге к-ва «Мусагет»):

«Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Алексеевич!

Прежде всего привет: вспоминаю с удовольствием дни, проведенные вместе. Многое, многое есть у меня к Вам слов и отчасти дел.

Но о них — до нашего свидания.

А вот наиболее не терпящее отлагательства дело:

„К<нигоиздательст>во" Мусагет издает альманах стихов. Оно льстит себя надеждой, что Вы сделаете нам одолжение тем, что дадите своих стихов.

Александр Мелетьевич Кожебаткин, секретарь нашего издательства, переговорит с Вами о всех подробностях.

Дорогой Михаил Алексеевич, передайте, пожалуйста, Юрию Никандровичу Верховскому мою покорнейшую просьбу, а также приглашение издательства дать нам стихов.

Примите уверения в моей всегдашней преданности и любви.

Остаюсь глубокоуважающий Вас

Б. Бугаев» (*РНБ*. Ф. 124. № 387. Л. 3–4).

17. «*Самоуправцы*» — спектакль Малого (Суворинского) театра по пьесе А. Ф. Писемского (1866). Ср. в отзыве Ауслендера: «Прямо с вокзала попал я на премьеру, и пока ехал по Невскому, полному сумеречной жизнью, с розовым закатом за далеким Адмиралтейством, с горящими, как драгоценные камни, электрическими фонарями, пока подъезжал к театру, у которого кишели автомобили, дамы выскакивали проворно из карет, пока сидел в этой пышной, уютной, знакомой зале, рассматривал всю ту же знакомую и привычную публику первых представлений, мною, одичавшим провинциалом, владела детская мечта о каком-то потрясающем зрелище...» (Аполлон. 1910. № 10. С. 30; паг. 2-я); др. отзывы: *Окулов Н. Н.* // Театр и искусство. 1910. № 36. С. 659–660; подпись: Н. Тамарин; *Стембо А. Л.* // *БВ*. Веч. вып. 1910. № 11894. 31 августа; подпись: А. Легри).

18. Впечатления М. М. Замятниной от Кузмина после его возвращения из Окуловки отражены в ее письме к Вяч. Иванову от 31 августа (вероятно, писалось в ночь на 1 сентября, так как помечено средой): «Мих<аил> Ал<ексеевич> приехал поздоровевшим, спячка прошла, он работал по 8 ч. — написал свою оперетку и оркестровал ее. Мих<аил> Ал<ексеевич> говорит, что очень соскучился без башенных жителей. Конечно, я с ним очень мало виделась, так как он в бегах по Петерб<ургу>...» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 31об.). «Цукала меня за Брюсова» — имеется в виду, вероятно, поддержка статьи Брюсова в «Аполлоне» (см. выше, примеч. 6).

Сентябрь

1. Скорее всего, под «*афишами*» подразумевается ежедневная газета «Обозрение театров», где печатались программы всех петербургских театров.

2 Имеется в виду директор Императорских театров В. А. Теляковский.

3. Либретто оперы Р. Штрауса (1909), предполагавшейся к постановке в Мариинском театре. См. в хронике более позднего вре-

мени: «Дирекцией Императорских театров решен в положительном смысле вопрос о постановке на Мариинской сцене одноактной оперы Рихарда Штрауса „Электра", вызвавшей так много шуму за границей. Художнику К. А. Коровину уже заказаны декорации для этой оперы» (*ОТ.* 1910. № 1207. 20 октября. С. 17).

4. Речь идет о том, что рецензию на готовящуюся постановку «Бориса Годунова» в Мариинском театре для «Нового времени» должен был писать Ю. Д. Беляев. См. его статью «После «Бориса»» (Новое время. 1911. № 12569. 8 (21) января), где, между прочим, говорилось: «Наша дружба <с Шаляпиным> обязывает меня сказать, что до сих пор артист находится в периоде искания типа, что искание это будет и впредь, пока у него есть творческая сила».

5. «Новый *журнал для всех*», редактировавшийся и издававшийся М. Л. Бенштейном (псевдоним — Николай Архипович Архипов), выходил в 1908–1912 гг. В 1910 г. Кузмин там не печатался.

6. Судя по всему, имеется в виду спектакль по пьесе В. Девере «Генрих Наваррский», поставленной в петербургском Малом театре.

7. Опера Л. Делиба (1893) в Мариинском театре. Возможно, внимание Кузмина было привлечено отзывом за подписью Си-бемоль (*ОТ.* 1910. № 1164. 4 сентября).

8. Имеется в виду *пролог* для первого представления Дома интермедий.

9. Музыка Э. Донаньи сопровождала пьесу А. Шницлера «Шарф Коломбины» в Доме интермедий.

10. Речь идет об оперетте «Путешествие в страну негров», шедшей в театре «Jardin d'hiver». См. в газетном анонсе: «Гастроль знаменитой негритянской оперетты. Первый раз не только в Петербурге, но и в Европе. Затмевает все до сих пор виденное на столичных сценах» (*ОТ.* 1910. № 1174. 17 сентября.).

11. Ср. в воспоминаниях А. М. Ремизова упоминание кратковременного интереса у сомовско-кузминского кружка к анатомическим особенностям П. П. Потемкина (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 225–227).

12. Речь идет о спектакле в Мариинском театре, состоявшем из трех одноактных балетов: «Испытание Дамиена» и «Времена года» на музыку Глазунова и «Фея кукол» на музыку И. Байера. См. отчет А. Р. Кугеля (*ОТ.* 1910. № 1178. 21 сентября; подпись: К–ль).

13. Спектакль Александринского театра в постановке Ю. Э. Озаровского. Приведем отзыв С. А. Ауслендера: «Когда я смотрел „Трех сестер" в Александринском театре, я не мог упрекнуть ни одного актера в частности, а между тем как-то, помимо их вины, все выходило фальшиво, тягостно, совсем не склеивались в стройные сцены, сцены в действия, действия в целостную драму, — у меня явилась мысль, которая может показаться на первый взгляд кощунственною. Пьеса Чехова — не для театра» (Аполлон. 1910. № 11. С. 41). Ср. отзывы А. Р. Кугеля (Театр и искусство. 1910. № 38. С. 691; подпись: Homo novus) и Л. М. Василевского (Речь. 1910. № 257. 15 сентября (2 октября); подпись: Л. Вас–ий).

14. Имеются в виду бани на Гагаринской ул.

15. То есть в Доме интермедий.

16. В это время М. М. Фокин, В. Э. Мейерхольд, А. К. Лядов, А. М. Ремизов и А. Я. Головин замышляли постановку балета «Лейла и Алалей» по либретто Ремизова (см. письма Головина Мейерхольду от 4 октября и Лядову от 6 октября 1910 г. — *Головин.* С. 178–179). Об этой неосуществленной «русалии» Лядова и Ремизова см.: *Мейерхольдовский сборник.* С. 133–156. Отметим, что либретто балета было опубликовано Ремизовым под заглавием «Алалей и Лейла».

17. О чем идет речь, мы не знаем.

18. Под *пасторалью* Кузмина имеется в виду «Голландка Лиза», вошедшая в первую программу Дома интермедий (опубл.: Северные цветы: Альманах пятый книгоиздательства «Скорпион». М., 1911. С. 43–55).

19. Кузмин слушал оперу Ш. Гуно «Ромео и Джульетта» (1865) в Мариинском театре.

20. В печати, однако, С. К. Маковский постоянно оценивал живопись и театральные работы Головина очень высоко (см., напр., его статью «Художественные итоги». — Аполлон. 1910. № 10), а несколько позже написал специальную статью о Головине (Аполлон. 1913. № 4; существует отдельный оттиск, оформленный в виде брошюры), где единственным, кажется, существенным упреком является неспособность Головина отказаться от своей собственной манеры и подчиниться стилю оформляемого спектакля.

21. Комическая опера И. А. Крылова «*Бешеная* семья», музыку к которой написал Кузмин, и интермедия М. де Сервантеса «*Ревнивый* старик» (см. ниже, в записи от 3 ноября).

22. «*Травиата*» (1853) — опера Дж. Верди, которую Кузмин слушал в Мариинском театре.

23. «*Дэнди.* Журнал искусства и моды» («Dandy. Recueil d'art et de la mode») — московский иллюстрированный журнал. Редактор-издатель — Р. Н. Бреннер. Был анонсирован как двухнедельник (по 1-м и 15-м числам каждого месяца); первый номер вышел в сентябре 1910 г., издание прекратилось на третьем номере. Кузмин получил гонорар за напечатанный во втором номере отрывок из «Нового Ролла». Отметим, что с первого номера журнал начал публиковать анонимный перевод книги Барбе д'Оревильи «О дэндизме и Джордже Брюммеле». Публикация не была завершена. Кузмин высоко ценил эту книгу, а в 1912 г. написал предисловие к отдельному ее изданию, выпущенному «Альционой».

Октябрь

1. А. Ф. Гейнц исполняла танцы в «Голландке Лизе».

Ноябрь

1. Вероятно, имеется в виду портрет Кузмина работы А. Я. Головина.

2. Речь идет о ряде происшествий, отразившихся в «Письме в редакцию» газеты «Речь», подписанном «Труппа Дома Интермедии»: «Ввиду того, что впредь управлением „Дома Интермедии“ будет заведовать „Товарищество актеров, поэтов, художников и музыкантов Дома Интермедии“, спектакли на короткое время прекращены. Готовятся постановки 2-го и 3-го циклов: „Бешеная семья“ И. Крылова, „Комедия о взявшем в жены немую“ Ан. Франса, „Цирульник из Трувиля“, оперетка Лекока, „Amor omnia vincit“, Е. А. Зноско-Боровского, „Принц с мызы“ М. Кузмина, „Шесть девиц для замужества“, оперетка Делиба, „Ждите меня под вязом“ Реньяра. Спектакли 1-го цикла будут продолжаться. О дне открытия спектаклей Товарищества будет объявлено своевременно» (Речь. 1910. № 309. 10 (23) ноября; рукопись этой заметки за подписью Кузмина и Кузнецова сохранилась среди писем Кузмина к В. Э. Мейерхольду — см.: *РГАЛИ*. Ф. 998. Оп.1. Ед. хр. 6211; другой вариант (Ед. хр. 1811. Л. 30–31) опубл.: *Переписка с Мейерхольдом*. С. 387). Подробности происшедшего отчасти выясняются из «Письма в редакцию» А. Томашевской:

«Так как в обществе распространяются неблагоприятные для меня слухи в связи с закрытием мною 6-го ноября „Дома интермедии“, я прошу вашу уважаемую газету не отказать поместить следующее: к закрытию меня побудил ряд действий В. Э. Мейерхольда:

1) После того, как мое предприятие, начатое с небольшими средствами (о чем хорошо было известно г. Мейерхольду, во всем принимавшему самое близкое участие), из-за неурядиц в хозяйственной и художественной части стало в критическое положение, г. Мейерхольд посоветовал мне как выход из создавшегося положения переход в товарищество.

Выработанные условия товарищества, по предложению г. Мейерхольда, были приняты на честное слово. Это слово через несколько дней было нарушено.

2) Когда я решила апеллировать непосредственно к труппе, г. Мейерхольд решительным образом воспрепятствовал этому. Я принуждена была закрыть театр» (*БВ*. Веч. вып. 1910. № 12085. 21 декабря).

Ответное, очень резкое, письмо Мейерхольда («Все в письме г-жи Томашевской <...> ею вымышлено») см.: *БВ*. Веч. вып. 1910. № 12087. 22 декабря. См. также хронику С. Ауслендера «Петербургские театры» (Аполлон. 1910. № 11).

Отметим, что обе ветви власти театра после этого искали союзничества в Москве: поездка Кузмина с Н. Д. Кузнецовым туда описана ниже, но в газетной хронике также сообщалось: «Бывший ранее в числе организаторов „Дома Интермедии“ М. М. Томашевский, как сообщают, намеревался учредить подобный театр и в Москве, куда он выехал несколько времени тому назад. Но в Москве идее г. Томашевского не суждено было осуществиться, так как для этого не нашлось не только капиталиста, который бы взял на себя антрепризу, но и подходящего помещения» (*ОТ*. 1910. № 1256. 9 декабря. С. 20). Через день последовало уточнение: «Вчера вернулся из Москвы М. М. Томашев-

ский, куда он ездил собрать материал для предстоящей его лекции в московском литературно-художественном кружке на тему: „Трагический балаган". Эту же лекцию г. Томашевский будет читать и в Петербурге, в январе месяце» (Там же. № 1258. 11 декабря. С. 19).

3. Речь идет о лекции С. М. Соловьева в Политехническом музее, посвященной обсуждению спектакля «Братья Карамазовы» в МХТ, с выступлениями в прениях С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и Андрея Белого (подробнее см. в «Московской хронике» М. А. Волошина, — Аполлон. 1910. № 12. С. 14–16; паг. 2-я).

4. Имеется в виду Литературно-художественный кружок.

5. Спектакль Московского Художественного театра, ставший сенсацией сезона. В этот день шла вторая часть спектакля, игравшегося в два вечера. См. статью М. А. Волошина «„Братья Карамазовы" в постановке Московского Художественного театра» и обзор современных откликов в прессе (*Волошин Максимилиан.* Лики творчества. Л., 1988. С. 365–374, 703–704). Вероятно, нелишне будет отметить, что в этот день в газете «Русские ведомости» было напечатано большое объявление о «Курантах любви» и других скорпионовских книгах Кузмина. Ни до, ни после этого дня его не было. В тот же день Кузмин написал письмо В. Э. Мейерхольду, многое проясняющее как в причинах его поездки в Москву, так и во внутреннем его состоянии:

«Ноября 16 дня 1910 г.

Дорогой Всеволод, все, что касается дел, ты узнаешь из моих писем к Жене, так же мне, к стыду своему, очень приятно и важно было сделать эту поездку с Н<иколаем> Д<митриевичем>. Скучно было хлопотать и все время ждать в гостинице разных телефонов и нужных людей, так что нельзя никуда было пойти вечером, и дело не двигалось вместе с тем желательным темпом. Теперь, несмотря на неблагоприятные ответы, лучше, так как можно просто жить в ожидании Дризенских или Головинских денег, нужных на отъезд. Вероятно, выедем в четверг, ты уж не сердись, что Н<иколай> Д<митриевич> пропускает столько репетиций. В Москве все переговоры ведутся за обедами, завтраками и ужинами, так что мы все время едим и пьем. Чаще всего видимся с Ракитиным, Кожебаткиным и Ликиардопуло, хотя видели и Брюсова, Полякова, Рябушинского, Белого, Познякова. Сегодня пойдем на „Карамазовых", хотя хотелось бы на „Д<он> Кихота", но ничего нельзя уже достать, а знакомства нет. Холод страшный, но ясно и хорошо. Интермедией все очень заинтересованы, но вообще Москва при гощеньи несколько удручает. Стоим в одном номере очень хорошо и весело, но „Бешеную" не знаю, где и как писать. Хотя это дело дней двух дома будет, так что особенно беспокоиться нечего. Побуди Ал<ександра> Як<овлевича> завтра же препроводить мне деньги телеграфом, это ускорит наш отъезд значительно. Как суббота? в мастерской у Головина? Работать хочется адски. Теперь, сдав переводы, и с выбором в „Интермедию" Жени, времени будет больше. Я очень счастлив и бодр. Целую тебя и ручку Ольге Мих<айловне>. Н<иколай> Д<митриевич> низко кланяется.

Твой *М. Кузмин*

Без Н<иколая> Д<митриевича> я был бы как без рук, потому что он помнил, когда куда идти, звонить, ждать, записывал все телефоны, адреса, часы, я же сам бы все перепутал» (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 359; здесь печатается с уточнениями по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1811. Л. 28–29 об; на почтовой бумаге гостиницы «Метрополь». См. также примеч. П. В. Дмитриева к названной публикации).

6. Спектакль по пьесе Э. Ростана (1900) в театре Незлобина. Генеральная репетиция состоялась утром. О ней сообщалось в хронике: «Публики, по обыкновению всех незлобинских репетиций, немного, но зато налицо вся литературная и артистическая Москва» (Утро России. 1910. № 303. 18 ноября). См. отчеты: *Койранский А.* // Утро России. 1910. № 304. 19 ноября; *Эфрос Н. Е.* // Русские ведомости. 1910. № 268. 20 ноября; подпись: Н. Эф.

7. Опера Н. А. Римского-Корсакова (1881), поставленная в Оперном театре С. И. Зимина.

8. В этот вечер в «Обществе свободной эстетики» (собиралось в помещении Московского Литературно-художественного кружка) К. Н. Игумнов и Н. К. Авьерино играли концерт Юона, Кузмин пел свои песни и была устроена выставка японских гравюр из собрания Н. Ф. Гарелина (рукописный отчет см.: *РГБ*. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 46).

9. В 1910 г. К. А. Сомов тесно сотрудничал с Е. П. Носовой (сестрой Н. П. Рябушинского, меценаткой и любительницей искусств) и писал ее портрет. Вероятно, запись о планируемом Носовой «вечере» относится к какому-либо из ее театральных замыслов, которые, впрочем, реализовались лишь в 1914 г. постановкой на домашнем театре пьесы Кузмина «Венецианские безумцы».

Декабрь

1. Речь идет о втором цикле спектаклей Дома интермедий, содержание которого описывалось в прессе: «„Дом интермедий“, прекративший на 25-м представлении 1-го цикла свои спектакли вследствие перехода от антрепризы г-на Томашевского в товарищество, 3 дек<абря> возобновляет свою деятельность. 3-го декабря будет первое представление 2-го цикла, в который войдет „Amor omnia vincit“ Евг. Зноско-Боровского <при выходе называлась «Обращенный принц», латинская фраза превратилась в подзаголовок. — *Н. Б., С. Ш.*>, комедия в 3-х действиях и 16 картинах в постановке доктора Дапертутто с указаниями *<так!>* С. Судейкина, оперетка И. Крылова „Бешеная семья“ с музыкой М. Кузмина и пантомима „Лебедь“. Для третьего цикла намечена „Наказанная неучтивость зрителя“ С. Ауслендера, „Ревнивый старик“ Сервантеса и оперетка Делиба» (Речь. 1910. № 321. 22 ноября (5 декабря)). Мнения о спектакле были разноречивыми. Так, А. Н. Бенуа писал по поводу театра вообще и спектакля в частности: «Затея самая симпатичная — вся пропитанная художественностью, управляемая и руководимая исключительно художниками. Ничего меркантильного, ничего пошлого, ничего гадкого. Пожалуй, даже, это дело не только симпатичное, но *нужное*, ибо нет у нас в Петербурге таких мест,

куда бы можно было „ткнуться“ без чувства стыда за потерянное время <...> Но отвечает ли этой потребности созданный „Дом Интермедий“? После первого спектакля можно было еще сомневаться, служит ли Интермедия этой идее или нет, ибо многое там было сырым, недозрелым, невыяснившимся. Но второй спектакль показал бесповоротно, что — нет, не служит и едва ли вообще *может* служить» (*Бенуа Александр.* Художественные письма: Русское кабарэ // Речь. 1910. № 339. 10 (23) декабря). Но двумя днями позже та же газета писала в хронике: «В „Доме Интермедий“ второй цикл имеет успех. Гвоздем его является „Обращенный принц“ Евг. Зноско-Боровского. 13 картин комедии проходят еще веселее и глаже, чем на первом спектакле, промежутки между отдельными картинами также очень сокращены» (Там же. № 341. 12 (25) декабря). С. Ауслендер был весьма снисходителен: «Жизненность этого театра в том, что он уже вырабатывает свой стиль. За каких-нибудь два месяца „Дом Интермедий“ сумел создать очень своеобразных актеров, у него появились свои специальные поэты, музыканты, художники, которые умеют создавать особые пьесы, музыку, декорации <...> Вызвавший много толков „Обращенный принц“ — создание „Дома Интермедий“, которым этот театр может по праву гордиться. <...> На фоне остроумно задуманных, пленительных декораций Судейкина, как в карнавальном шествии, неслись уродливые маски монахов и рыцарей, нежные образы монахинь, открывались таверна „Бычий глаз“, келья пустынников, мачта корабля, — будто в странном, фантастическом и кошмарном сне. Кроме „Обращенного принца“ была поставлена старинная оперетта Ив. Крылова „Бешеная семья“ с очаровательной музыкой Кузмина, но, к сожалению, плохо разыгранная. В дивертисменте выступает неутомимый Гибшман — один из актеров, будто созданный для „Дома Интермедий“. С большим успехом поет Коля Петер куплеты из репертуара „Летучей мыши“, и г-жа Казароза милые „Детские песни“ Кузмина» (*РХЛ.* 1911. № 1. С. 7). Ср. также отзыв Вас. Регинина: «А музыка Кузьмина, написанная к крыловской безделушке, да еще в исполнении безголосого квартета, только подчеркнула прелесть басен старого Крылова и преимущество их над его драматическими произведениями» (*Регинин В.* В театре интермедий // *БВ.* Веч. вып. 1910. № 12057. 4 декабря). Весьма схожий отклик Н. Шебуева — *ОТ.* 1910. № 1252. 5 декабря. См. также: *Икс.* Дом Интермедий // *ОТ.* 1910. № 1266. 19 декабря.

2. 8 декабря 1910 г. Блок писал матери: «4-ого вечер, я был долго у Вяч. Иванова, говорил с ним вдвоем» (*Письма к родным.* Т. 2. С. 104).

3. Большое письмо Кузмина В. Э. Мейерхольду от 7 декабря 1910 г., поясняющее сложившуюся к тому времени обстановку в Доме интермедий, весьма волновавшую Кузмина, см.: *Переписка с Мейерхольдом.* С. 361–362.

4. Имеется в виду замысел, реализованный в рождественских представлениях театра: «29 и 30 декабря в „Доме Интермедий“ (Галерная, 33) состоится инсценированный д-ром Дапертутто бал-маскарад. В программу маскарада войдут: „Комедия о Доне-Яне и Доне-Педро“ —

вариант Дон-Жуана, ставившийся на ассамблеях Петра Великого, и „Блэк-Энд-Уайт“ <...> Кроме того, поставлен будет ряд веселых праздничных интермедий. На бале-маскараде все будут в масках. Костюмы необязательны. 31 декабря устраивается встреча Нового Года, инсценированная группой известных художников, артистов и музыкантов» (Речь. 1910. № 355. 28 декабря (10 января 1911)). В отчете сообщалось: «В „Доме Интермедий“ состоялся первый „Вечер масок“ с очень разнообразной и свободной от банальщины программой. Не чопорный петербургский театр, а веселый зал мюнхенского кабачка напоминала непринужденная, в большинстве замаскированная и в костюмах публика «Интермедий». Исполнители и зрители почти смешались друг с другом, пели на столах среди публики, подавали реплики актерам. Предполагавшаяся постановка новой интермедии „Дон-Ян“, русского варианта „Дон Жуана“ из репертуара петровских ассамблей, почему-то не состоялась. <...> Пела милые песенки М. Кузмина г-жа Казароза, пел г. Гибшман, танцевали какие-то маски. С огоньком исполнили „танец апашей“ г-жа Гейнц и г. Голубев; этот последний номер, обычный в репертуаре всех легких „сцен“, лучше было бы Дому Интермедий совсем выбросить в целях оригинальности и некоторой изысканности репертуара» (Речь. 1910. № 358. 31 декабря (13 января 1911)); см. также: *W. Z.* «Вечер Масок» // *ОТ.* 1910. № 1277. 31 декабря.

5. Речь идет о наказании за пропуск репетиции или опоздание на нее. Штрафы для актеров казенных театров налагались Дирекцией Императорских театров и могли доходить до 8% годового содержания. Подобные распоряжения см., например: Журнал распоряжений по казенным театрам. 1914. 17 ноября.

6. См. в газетной хронике: «По случаю недавно случившегося десятилетия со дня кончины нашего знаменитого писателя-философа Владимира Сергеевича Соловьева литературный фонд устраивает вечер 14 декабря, в концертном зале Тенишевского училища. <...> Вступительное слово скажет Ф. Д. Батюшков, Вячеслав Иванов сделает доклад о Владимире Соловьеве как религиозном мыслителе, „Несколько слов о Вл. Серг. Соловьеве“ скажет сестра покойного философа П. С. Соловьева (Allegro), „Воспоминания о Вл. Соловьеве“ сообщит академик Н. А. Котляревский, А. А. Блок прочтет свое произведение „Рыцарь-монах“, посвященное Вл. Соловьеву. Затем будут прочитаны артистами и артистками Императорского Александринского театра <...> стихотворения Вл. Соловьева...» (Речь. 1910. № 342. 13 (26) декабря). Отчет о вечере вместе с публикацией вступительного слова Батюшкова «Памяти Вл. С. Соловьева»: Там же. № 344. 15 (28) декабря. См. также: *Л.* Памяти Владимира Соловьева // *ОТ.* 1910. № 1264. 17 декабря; *Письма к родным.* Т. 2. С. 106; *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 376–377.

1911

Январь

1. Рассказ Кузмина, в котором содержится достаточно откровенная полемика с рядом идей символизма вообще и Вяч. Иванова в частности. Подробнее см.: *Богомолов*. С. 139–144. Ср. также рецензию С. А. Ауслендера на первую публикацию рассказа (Речь. 1911. № 30. 31 января (13 февраля)).

2. См. в письме Блока к матери от 3 января 1911 г.: «...я был на елке у Безобразовых. Зашел перед этим к Жене, и мы пошли вместе. Там были Вячеслав, Ремизов, Кондратьев, читали стихи, было довольно хорошо. Потом мы с Киселевым (другом Сережи) зашли к Вячеславу, я надел маску и дурачил Замятнину и Кузмина. Опять читали стихи и досидели до утра...» (*Письма к родным*. Т. 2. С. 108). Безобразовы — семья историка Павла Владимировича Безобразова, Женя — Е. П. Иванов, Сережа — С. М. Соловьев. Вероятно, именно к этому маскараду относится полученное Вяч. Ивановым приглашение на визитной карточке П. В. Безобразова: «<Павел Владимирович Безобразов> очень просит Вячеслава Ивановича пожаловать на елку 2 января не позже 9 часов» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 17. Ед. хр. 7. Л. 1).

3. Имеется в виду маскарад у Ф. Сологуба (см. примеч. 3 к февралю 1911 г.).

4. Речь идет о вечере, состоявшемся 14 января в Литературно-художественном кружке, «в котором принимали участие: Ремизов, А. Н. Толстой, Городецкий, С. Соловьев, С. А. Соколов, Нина Петровская, Зайцев, Серафимович, Шмелев, Ив. Новиков, Волошин» (*Волошин Максимилиан*. Худож<ественно>-Литературный Кружок // *РХЛ*. 1911. № 5. С. 81–82). См. также анонимную заметку: Гастроли петербургских писателей в Москве // *ОТ*. 1911. № 1296. 20 января. Кузмин в Москву так и не поехал. Идентифицировать вечер, на который Кузмин получал приглашение, с состоявшимся позволяет приводимая хроникером «Обозрения театров» цитата из стихотворного фельетона московского «Раннего утра»:

Их одиннадцать здесь ровно:
Не приехал лишь один
Эротический Кузьмин,
«Баню» кто воспел любовно.

5. С впечатлениями от работы Дома интермедий в январе 1911 г. связано письмо в редакцию газеты «Речь», подписанное Кузминым и Н. Н. Сапуновым: «В „Доме Интермедии“ никакого участия мы за последнее время не принимали, почему ни в каком случае не отвечаем за художественную часть того, что происходит это время в названном театре. От участия в художественном комитете мы отказались уже давно» (№ 13. 14 (27) января). См. также письмо Кузмина В. Э. Мейерхольду от 22 января 1911 г. (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 363–364). 30 янва-

ря театр закрылся, что было отмечено в хронике: «До времени закончился сезон в „Доме интермедий"; отсутствие средств для новых постановок заставило товарищество артистов и художников театра продолжать спектакли по одной и той же необновляемой программе, всеми уже пересмотренной и выдохшейся» (Речь. 1911. № 32. 2 (15) февраля).

6. Речь идет о билетах на премьеру «Бориса Годунова» в Мариинском театре (см. запись следующего дня, где Кузмин ошибочно называет оперу «Жизнь за царя»). В Петербурге предстоящий спектакль вызвал невероятный ажиотаж.

7. В. В. и М. А. Бородаевские жили в своем имении недалеко от Курска. Состоялась ли предполагавшаяся поездка В. К. Шварсалон и Л. В. Ивановой к ним, неизвестно.

8. Появление в записи Кузмина «Жизни за царя» вместо «Бориса Годунова» — описка, вызванная тем, что в тот же вечер «Жизнь за царя» шла в Большом зале Консерватории. См. в хронике: «Возобновленная вчера после долгого перерыва опера М. П. Мусоргского „Борис Годунов" прошла при переполненном зале с огромным успехом. На спектакле изволили присутствовать Государь Император, Государыня Императрица Мария Феодоровна, великие князья и великие княгини. <...> После 5-й картины публика потребовала исполнения народного гимна. Занавес был поднят, и солисты с хором, стоя на коленях, исполнили «Боже, Царя храни». Исполнение было встречено громким „ура" и было неоднократно повторено» (Речь. 1911. № 6. 7 (20) января; отчеты см.: *Бенуа Александр.* Возобновление «Бориса» // Там же. № 8. 9 (22) января; *С. М.* // *РХЛ.* 1911. № 2). Инцидент с исполнением Шаляпиным гимна на коленях широко обсуждался в печати. О реакции самого Шаляпина см. в его письмах к жене из Монте-Карло и Ниццы от 20 января (2 февраля) и 10 (23) февраля 1911 г. (Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 270, 272–273). См. также об этом эпизоде в дневниках В. А. Теляковского, назвавшего «хулиганами» вставших на колени хористов, которые таким способом решили привлечь внимание императора к своим жалобам (*Мейерхольдовский сборник.* С. 84–86).

9. Скорее всего, 1-я выставка обновленного «Мира искусства», открывшаяся 26 декабря в Первом кадетском корпусе (Меншиковском дворце). Отчеты см.: *Брешко-Брешковский Н.* Выставка для «избранных» // *БВ.* Веч. вып. 1910. № 12099. 30 декабря; *Бенуа Александр.* 1-я выставка в «Мире Искусства» // Речь. 1911. № 6, 13, 20. 7, 14 и 21 января; *Маковский Сергей.* Выставка «Мира Искусства» // Аполлон. 1911. № 2. С. 14–24.

10. По всей вероятности, Кузмин писал «Заметки о русской беллетристике» для 2-го номера *РХЛ* (вторая половина января) или «Письма о русской поэзии» для 2-го номера «Аполлона» (февраль).

11. См. в письме Кузмина к Ремизову от 5 января: «Знаете, я также согласился ехать в Москву 14 янв<аря> и выеду 12<-го>. Очень приятно будет быть там вместе» (*РНБ.* Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 13).

12. Телеграмма от Ю. Л. Ракитина была связана с «Вечером литераторов» в Московском Литературно-художественном кружке (см. выше, примеч. 4).

13. Что имеется в виду под «Fortine» — комментаторам неизвестно.

14. Возможно, на очередную Этнографическую выставку, открывшуюся накануне.

15. Это письмо от В. Я. Брюсова нам неизвестно. Оно является ответом на письмо Кузмина от 14 января, которое имеет смысл привести здесь, поскольку оно выразительно рисует обстоятельства жизни Кузмина в эти дни:

«Дорогой Валерий Яковлевич,
думал на днях Вас увидеть, но нездоровье помешало мне в этом, оно же отсрочило присылку моей повести, которую несомненно и неотложно вышлю к 20-му января. Я сам не знаю, чем я болен, сильная слабость, жар, боль в затылке (но не головная), а главное непреодолимая сонливость, почти спячка с кошмарами, криком и приливами к голове. Это внесло странное неустройство во все мои планы и писанья, так что я в ужас прихожу от просроченных обязательств и запутанности своих всяческих дел. Теперь мне лучше, и, думается, не выходя из дому, я поспею выслать Вам рукопись.

Дорогой Валерий Яковлевич, я обращаюсь к Вам с большою просьбою. Не можете ли Вы достать мне скоро денег, рублей 250–200, мне это крайне необходимо, а здесь я не знаю, как это устроить. Я не думаю, чтобы это могла сделать „Русская мысль“ по получении рукописи, но, может быть, Вы сами могли это сделать, получив в надлежащее время с журнала? Валерий Яковлевич, Вам может показаться странным, что я обращаюсь к Вам с такою просьбою, но сама странность данного поступка показывает всю крайность и вынужденность его, и я думаю (мне хочется так верить), что Вы не откажете мне в этом. Я очень боюсь, что, просрочив с повестью, я потерял весеннее место в „Рус<ской> мысли“, и мне это было бы жаль. Скажите мне, что это не так. Но заглавие я изменил, назовя повесть „Мечтатель“, будет листа 3, 3 ½, думаю.

Здесь очень скучно и кисло; все ссорятся, все рассыпаются, никого я из-за болезни не видаю, кроме тех 3-х друзей, и съездить в Москву мне было бы весьма живительно, да вот не пришлось. <...> Я все-таки надеюсь весною попасть в Москву, а пока до свидания. Мои искренние приветы Иоанне Матвеевне и Бронславе Матвеевне. Валерий Яковлевич, если Вы согласитесь на мою просьбу, Вы очень (Вы даже не можете себе представить, в какой степени) мне поможете не только денежно, но и всячески, снявши временный груз запутанных еще и таких<?> дел» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед.хр. 14. Л. 1–2).

Ответ Брюсова, вероятно, был до такой степени неутешительным, что Кузмин ему не отвечал (во всяком случае, среди хорошо сохранившихся писем ответное письмо Кузмина не обнаружено).

16. О какой репетиции в Малом театре идет речь, понять трудно. По хронике *ОТ*, с 17 января начались усиленные репетиции «Людей» Ан. Каменского в постановке Б. С. Глаголина.

17. Об этих планах, широко обсуждавшихся в круге Кузмина, см.: «Оживление наступит только осенью, когда откроется новый го-

родской театр, снятый на будущий сезон А. П. Воротниковым. Г<-н> Воротников набрал хорошую драматическую труппу <...> К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко командировали к нему на будущий сезон для сценической практики несколько молодых артистов Художественного театра. Режиссером приглашен художник В. К. Татищев (из т<еатра> Незлобина). Несколько пьес в течение сезона будут поставлены гг. Саниным, Н. А. Поповым и Ф. Ф. Коммиссаржевским» (*Иваньшин Н.* Письмо из Ярославля // *РХЛ.* 1911. № 8. С. 131; подпись: Николай Ив.). О дальнейшей судьбе предприятия см.: *Ауслендер С.* Письмо из Ярославля // *РХЛ.* 1911. № 16. С. 258–259; Там же. 1912. № 4. С. 63.

18. См. в хронике: «В Александринском театре с сегодняшнего дня приступлено к репетициям одноактной пьесы Ю. Беляева „Красный кабачок". Вчера была читка пьесы; читал артистам сам автор» (*ОТ.* 1911. № 1297. 21 января. С. 14).

19. П. П. Потемкин женился на Е. А. Хованской.

20. См. в хронике: «Следующей новой постановкой в Александринском театре готовится пьеса Ю. Беляева „Красный кабачок" с Давыдовым, Ведринской, Ходотовым, Ге и Юрьевым в главных ролях. Постановка поручена Вс. Мейерхольду, музыка написана М. Кузминым» (Речь. 1911. № 31. 1 (14) февраля). Ср. в рецензии С. Ауслендера: «...когда кудесники Александринского театра, Мейерхольд и Головин, поставили „Красный кабачок" Юр. Беляева, поставили с лучшими актерами в крошечных ролях, с очаровательной музыкой М. Кузмина, то оказалось, что из слишком большой пушки выстрелили по воробью. <...> К сожалению, Ге, исполнивший главную роль — барона Мюнгаузена *<так!>*, сильно портил эту постановку. Он был груб, тяжеловесен и аляповат, как безвкусный купол давил он эту ажурную, изящную беседку, сотканную из милых слов Беляева, музыки Кузмина, изумительных пауз Мейерхольда, декораций и костюмов Головина, грациозной игры Давыдова, Ходотова, Юрьева, Ведринской, Есипович, Тиме» (*РХЛ.* 1911. № 7. С. 109).

21. Речь идет о контракте Н. А. Зноско-Боровской с театром А. П. Воротникова в Ярославле (см. выше, примеч. 17).

22. Слухи о влиянии К. А. Коровина восходят к постоянным опасениям А. Я. Головина, видевшего в Коровине своего главного конкурента и, как вспоминают современники, пугавшего этими слухами всех окружающих.

23. См. в письме Блока к матери от 3 февраля: «Третьего дня был у Вяч. Иванова и раскис — больше от Кузмина и атмосферы всей квартиры» (*Письма к родным.* Т. 2. С. 116).

Февраль

1. *Христиане* — члены христианской секции Религиозно-философского общества (см. примеч. 11 к ноябрю 1909 г.), заседания которой нередко проходили у Вяч. Иванова (см., напр., письма к нему К. М. Аггеева и С. А. Алексеева (Аскольдова), — *РГБ.* Ф. 109. Карт. 11.

Ед. хр. 5, 15). О встречах с Кузминым см. в воспоминаниях С. В. Троцкого (*НЛО*. 1994. № 10; публ. А. В. Лаврова).

2. Опера Моцарта «Свадьба Фигаро».

3. Речь идет о скандале, связанном с маскарадом у Сологубов. 3 января А. М. Ремизов появился на нем с обезьяньим хвостом, отрезанным от шкуры, которую с большим трудом добыла для А. Н. Толстого Ан. Н. Чеботаревская. Все последующие события подробно описаны; см.: *Обатнина Е. Р.* От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 3. С. 448–465. Ю. Н. Верховский накануне сделанной Кузминым записи получил от Сологуба письмо, фактически требующее разрыва отношений с А. Н. Толстым, и это требование исполнил. На «башне» были в курсе всех происходящих событий.

4. См. в хронике: «Вчера по болезни капельмейстера г. Феликса Мотля оп<ера> „Тристан и Изольда“ в Мариинском театре была заменена „Гугенотами“ с участием г-жи Феар и г. Алчевского» (*ОТ*. 1911. № 1315. 9 февраля. С. 13). «*Гугеноты*» (1836) — опера Дж. Мейербера.

5. «*Дон Жуан*» Мольера в постановке В. Э. Мейерхольда в Александринском театре — одно из главных событий тогдашнего петербургского театрального сезона. См. о спектакле в опубликованных фрагментах из дневников В. А. Теляковского (*Мейерхольдовский сборник*. С. 67–125; по указателю репертуара).

6. «*Якорь*» (Б. Казачий пер., 11) — типолитография И. В. и С. А. Ефронов.

7. См. в хронике: «Сегодня в зале Павловой обычный ежегодный концерт-бал общества распространения просвещения между евреями в России» (Речь. 1911. № 39. 9 (22) февраля); «Театром „Интермедий“ поставлены будут, между прочим, „Голландка Лиза“, „Шарф Коломбины“ и сольные номера в исполнении гг. Гибшмана и др.» (*ОТ*. 1911. № 1312. 6 февраля. С. 16).

8. Пастораль Кузмина «*Голландка Лиза*» в авторской постановке оформляли Н. Н. Сапунов и А. А. Арапов.

9. Воротников согласился принять Кузнецова в труппу (*РГАЛИ*. Ф. 994. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 13—15), а в письме от 10 февраля просил «...поторопиться с этим делом, потому что из Художественного театра мне рекомендуют одного молодого актера <...> не позже 14 числа надо решить с этим вопросом» (Там же. Л. 16). Просьба повторилась 12 февраля (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 6), однако Воротникова не устроили требования Кузнецова о жаловании. Дело с театром затягивалось, и 18 июня С. А. Ауслендер спрашивал Кузмина: «Не знаешь ли ты или Ник<олай> Дм<итриевич> о Воротникове? Он куда-то запропастился, и театр в Ярославле еще в очень приблизительном виде, когда там начнется сезон и что вообще делается» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. Л. 17 об.–18).

10. См. в хронике: «По болезни К. А. Варламова в субботу, 12 февраля, в Александринском театре вместо назначенной пьесы „Дон-Жуан“ представлено будет „Коварство и любовь“» (Речь. 1911. № 42. 12 (25) февр.). «*Коварство* и любовь» (1784) — мещанская трагедия Ф. Шиллера.

11. Вяч. Иванов ездил в Москву для участия в заседании Московского Религиозно-философского общества 10 февраля по поводу десятилетия смерти Вл. Соловьева. Уехал из Петербурга он 8 февраля. Часть впечатлений Иванова зафиксирована в письме С. М. Соловьева к Андрею Белому от 18 февраля (см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 37).

12. Имеется в виду бал журнала «Сатирикон» в пользу пострадавших от землетрясения в Семиреченской области, состоявшийся 15 февраля 1911 г. (см. также ниже, примеч. 14).

13. Сохранилось приглашение от Г. И. Чулкова:

«14 февраля 1911

Милый Михаил Алексеевич!

Приходите, пожалуйста, ко мне в среду вечером, если не боитесь скуки: у меня будут два-три человека — совсем не поэты, очень не поэты...

Принесите, Бога ради, Ваши новые стихи. Или, может быть, у Вас есть рассказ? И его принесите. Любящий Вас *Георгий Чулков*» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 4784).

14. О бале «Сатирикона» см., например, отчет С. А. Ауслендера, начинающийся словами: «Не удался в этом году бал „Сатирикона“, совсем не удался» (*РХЛ.* 1911. № 5. С. 75), или неблагосклонный отчет Л. М. Василевского (Речь. 1911. № 47. 17 февраля (2 марта); подпись: Л. Вас-ий).

15. Имеется в виду фотография «Боассон и Эглер» (Невский пр., 24).

16. Речь идет об экзаменационных спектаклях Императорских драматических курсов под руководством А. Долинова в Александринском театре. Отчеты Э. Старка см.: *ОТ.* 1911. № 1327. 27 февраля; № 1329. 3 марта; подпись: Зигфрид. 23 февраля шел спектакль «Не было ни гроша да вдруг алтын» А. Н. Островского. См. также отчет Л. М. Василевского (Речь. 1911. № 56. 26 февраля (11 марта); подпись: Л. Вас-ий). С этим спектаклем связано стихотворение Кузмина «На представлении пьесы „Не было ни гроша, да вдруг алтын“» (*Кузмин.* С. 623).

17. В этот день состоялся экзаменационный спектакль из двух пьес — «Цепи жизни» и «Юбилей».

18. О какой именно выставке идет речь — непонятно. Незадолго до этого открылись выставки «Союза русских художников» и «Товарищества независимых».

19. Речь идет о продолжении все тех же экзаменационных спектаклей: 27 февраля шел спектакль из «Электры» Гофмансталя и «Мисс Гоббс» Дж. К. Джерома (отчет Л. М. Василевского см.: Речь. 1911. № 58. 1 (14) марта; подпись: Л. Вас-ий).

Март

1. См. примеч. 18 к февралю 1911 г.

2. По-видимому, имеется в виду получение гонорара за перевод стихотворных вставок из «Книги масок» Р. де Гурмона (СПб., 1913),

которые Кузмину заказывались при посредстве А. Л. Волынского, близкого к издательству Ефрон и его отделению, издательству «Грядущий день» (см. письмо Кузмина к нему от 8 февраля 1911 г. и отрывок из письма от 25 февраля. — *ЕРОПД* на 1990 год. С. 55–56; публ. А. Г. Тимофеева).

3. «*Золото Рейна*» (1869) — опера Р. Вагнера; первая часть тетралогии «Кольцо нибелунга». Шла в Мариинском театре.

4. Цветы покупались к именинам Вяч. Иванова.

5. Стихи, посвященные Вяч. Иванову, — «Певцу ли розы принесу...» (вошли в книгу «Осенние озера»; см.: *Кузмин.* С. 189). О каких стихах Князеву идет речь, неясно.

6. Имеются в виду корректуры публикации пьесы в пятом альманахе «Северные цветы» (М., 1911). Подробнее см.: *Театр.* Кн. 2. С. 341–344; комм. А. Г. Тимофеева.

7. Вероятно, имеется в виду празднование именин хозяина, на которых Кузмин не присутствовал.

8. Вероятно, гонораром за какую-то публикацию в «Сатириконе».

9. Неоконченный портрет Кузмина работы Н. Н. Сапунова хранится в Минске (см.: *Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. М., 1965. С. 37–38).

10. Имеется в виду литературовед Н. А. Котляревский. Встреча с ним могла быть важна для Кузмина, поскольку в то время Котляревский заведовал репертуаром Императорских театров.

11. Речь идет о подготовке к печати рукописи новой книги стихов «Осенние озера», вышедшей в Москве лишь в следующем году (Осенние озера: Вторая книга стихов. М.: Скорпион, 1912). Наборная рукопись хранится в *ИМЛИ*.

12. Речь идет о концерте, в котором исполнялись произведения А. Н. Скрябина с участием самого автора — «Поэма огня», «Прометей», Вторая симфония. Отчет см.: *Каратыгин В. Г.* Последний концерт Кусевицкого // Речь. 1911. № 63. 12 (25) марта; подпись: Кар.

13. «*Хроник*» ни для «Аполлона» ни для *РХЛ* Кузмин так и не написал.

14. См. отчет в хронике: «11 марта в редакции „Аполлона“, среди картин и изваяний Дмитрия Стеллецкого состоялось первое в нынешнем сезоне, заседание Общества Ревнителей Художественного Слова. Очередное сообщение сделал Ф. Ф. Зелинский, предложивший как предмет обсуждения выводы, к которым пришел он в области стихосложения, переводя в течение последних лет Героиды Овидия <...> В защиту более свободного стихосложения говорил Вячеслав Иванов...» (*Чудовский В. А.* Собрания и доклады // *РХЛ.* 1911. № 8. С. 124–125; подпись: Чуд.). На этом заседании собирался сложить с себя полномочия члена Совета Блок (см.: *Письма к родным.* Т. 2. С. 134), но из-за простуды туда не попал.

15. В этот день в Академии художеств открылась историко-архитектурная выставка, о которой в хронике *РХЛ* Н. Н. Врангель отозвался: «Выставка представляет совершенно исключительный интерес»

(1911. № 6. С. 87). См. также: *Бенуа Александр.* Художественные письма: Выставка архитектуры // Речь. 1911. № 75. 18 (31) марта.

16. Ср. написанное в этот день письмо к Е. А. Зноско-Боровскому: «Но я *без фраз* ничего не могу делать, это не лень и отнюдь не кокетство. Мне до зарезу нужны деньги, — и я все не могу дописать повести Брюсову, который ждет и оставил ей место» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 2283. Л. 3–3об.).

17. Речь идет о постановке «Забавы дев» в Малом театре, действительно состоявшейся 1 мая. Постановщиком был Б. С. Глаголин, декоратором — С. Ю. Судейкин (*Театр.* Кн. 2. С. 385–392; комм. А. Г. Тимофеева). «Потрясение» Н. Н. Сапунова планом постановки, бросившееся в глаза Кузмину (см. запись от 16 марта), было явно вызвано ревностью к тому, что декорации поручены не ему, а Судейкину. Отметим, что в хронике *ОТ* 20 марта готовящаяся к постановке оперетта названа «Услада дев».

18. Е. Э. Виттинг и П. З. Андреев действительно были заняты в спектакле в главных ролях — Учеллино и Папалуччо.

19. В роли султанши Зумуруд в спектакле выступила Л. А. Андреева-Дельмас. «Сладострастная» ария — ее ариозо из первого акта.

20. Ю. Д. Беляев приглашал в ресторан в связи с премьерой его пьесы «Красный кабачок» с музыкой Кузмина, прошедшей в тот день в Александринском театре. См. в хронике: «Г<-н> Беляев красиво рассказал эту фантастическую историю. На помощь ему пришли гг. Мейерхольд, Головин и Кузьмин и оправили ее в красивые стильные рамки» (*Азов Влад.* // Речь. 1911. № 82. 25 марта (7 апреля); ср.: *Осипов И.* // *ОТ.* 1911. № 1352. 25 марта). См. также: *Дмитриев.* С. 227.

21. Спектакль Макса Рейнгардта по трагедии Софокла, представленный в цирке Чинизелли. См. рецензии С. Ауслендера и С. М. Волконского: *РХЛ.* 1911. № 7. С. 109–111. Ср. обширную статью: *Зелинский Ф.* Царь Эдип Софокла — Гофмансталя — Рейнгардта // Речь. 1911. № 79. 22 марта (4 апреля). См. также запись в дневнике от 25 марта.

22. См. в хронике: «В Обществе Ревнителей Художественного Слова 26-го марта состоялся доклад Н. В. Недоброво по вопросу о взаимоотношении ритма и метра в стихосложении <...> Докладчику возражал Вячеслав Иванов. <...> Он предостерегал от того притупления к восприятию размеренной речи, которым угрожает слишком свободное отношение к метру; ритмика, независимая от метрики, ведет к смешению стиха с неразмеренным словом» (*Чудовский Валериан.* Собрания и доклады // *РХЛ.* 1911. № 9. С. 142). Речь идет здесь о докладе, легшем в основу статьи Недоброво «Ритм, метр и их взаимоотношение» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 14–23). Подробнее см. в подборке материалов различных авторов (Р. Д. Тименчик, И. Г. Кравцова, Г. В. Обатнин, Н. И. Крайнева, С. В. Шумихин, К. Ю. Постоутенко, М. Л. Гаспаров) о Н. В. Недоброво: Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 82–152.

23. *Иоанн Константинович* был не великим князем, а князем Императорской крови (ср. примеч. 1 к марту 1908 г.).

24. По всей видимости, речь (как и в записи от 29 марта) идет об историко-архитектурной выставке (см. выше, примеч. 15).

25. Ф. А. Степун приезжал в Петербург читать лекции по приглашению Вяч. Иванова.

26. Речь идет не о выступлении самого Андрея Белого (в это время он путешествовал за границей), а о чтении вслух какого-то его произведения или писем из Туниса или Египта.

27. См. выше, примеч. 15 и 24.

28. Речь идет о рассказе А. Н. Толстого «Месть» (Речь. 1911. № 84. 27 марта (9 апреля)).

29. Издательство М. и С. Сабашниковых в 1911 г. предприняло издание серии «Памятники мировой литературы», к которому привлекло многих писателей, в том числе Вяч. Иванова (см.: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989; см. также: *ЛН.* Т. 85. С. 534) и Кузмина, взявшегося переводить Аристофана. Редактировать это неосуществленное издание должен был М. О. Гершензон. Подробнее об этом замысле см. примеч. 14 к маю 1912 г. и примеч. 20 к апрелю 1914 г. Отметим, что сохранились два письма Кузмину от преподавателя греческого языка Ф. Вейерта, который должен был его консультировать (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 21).

Апрель

1. Воспитанники Николаевского военного училища.

2. Вероятно, речь идет о книге Ю. К. Балтрушайтиса «Земные ступени» (М., 1911). Судя по всему, Вяч. Иванов предполагал, что Кузмин захочет писать рецензию на нее, и заранее предвидел его отрицательное отношение к стихам высоко ценимого Ивановым поэта (см.: *Иванов Вячеслав.* Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916. Т. 2. С. 301–311).

3. Ср. написанное тогда же стихотворение «Как радостна весна в апреле...» («Как радостна весна в апреле, / Как нам пленительна она! / В начале будущей недели / Пойдем сниматься к Буасона». — *Кузмин.* С. 153; стихотворение вошло в книгу «Осенние озера», цикл «Весенний возврат»).

4. См. письмо Кузмина к Н. В. Дризену от 3 апреля 1911 г. по поводу цензурных изменений в «Забаве дев», частично опубликованное А. Г. Тимофеевым (*Театр.* Кн. 2. С. 386). Вероятно, имеется в виду готовый экземпляр пьесы с учтенными требованиями цензуры.

5. См. в хронике: «...занавес же будет обращен в ковер — работа Судейкина, — причем на этом ковре будет воспроизведен ряд эскизов художников из восточной жизни» (*ОТ.* 1911. № 1347. 20 марта. С. 15).

6. Речь идет о докладе, возвещенном повесткой: «Редакция „Аполлона“ имеет честь просить Вас пожаловать во вторник 5 апреля в 9 ч. вечера на сообщение Н. С. Гумилева о своем путешествии в Абис-

синию, в помещении Редакции — Мойка, 24, кв. 6» (одна из повесток сохранилась в архиве Д. Цензора. — *РГАЛИ*. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 6). См.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Новонайденный конспект выступления Н. С. Гумилева в редакции журнала «Аполлон» 5 апреля 1911 г. // Н. Гумилев и русский Парнас. СПб., 1992. С. 101–103.

7. Речь идет о мальчике-посыльном. Ср.: «На известных определенных пунктах стоят посыльные для исполнения разного рода поручений за плату по таксе. Посыльные образуют артели <...>, причем отличительным признаком той или другой артели служит цвет фуражек. <...> С посыльным можно отправить письмо, вещи и пр., причем достаточно только запомнить его нумер и быть спокойным, что посылка будет доставлена по принадлежности. Не слышно было случая, чтобы посыльные злоупотребляли. За каждое отдельное исполнение поручения посыльному платится двадцать копеек, а если ему приходится отправляться через Неву <...>, то платится уже дороже — сорок копеек. Петербуржцы пользуются услугами посыльных очень охотно, и артели их зарабатывают порядочные деньги» (*Светлов С. Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб., 1998. С. 53).

8. Е. А. Зноско-Боровский был шахматистом, автором нескольких книг по теории и истории шахматной игры (некоторые издавались в Ленинграде уже в середине 1920-х гг., когда автор пребывал в эмиграции, напр.: *Зноско-Боровский Е. А.* Теория середины игры в шахматах. Л., 1925).

9. Речь идет о подготовке к репетициям «Забавы дев» в Суворинском (Малом) театре.

10. Вероятно, имеется в виду замысел, позже реализованный при создании «Бродячей собаки» (ср. примеч. 1 к октябрю 1909 г.). См. в воспоминаниях ее основателя Б. К. Пронина: «Потом идея развилась, и я говорил о ней И. А. Сацу, С. Ю. Судейкину, Н. Н. Сапунову, В. Э. Мейерхольду» (цит. по: *Парнис и Тименчик*. С. 162), хотя первые достоверные свидетельства относятся к концу 1911 г. (открытие состоялось 31 декабря).

11. Готовившаяся к печати книга стихотворений Вяч. Иванова. Первый том вышел в свет в 1911 г. в издательстве «Скорпион», Кузмин его рецензировал (Труды и дни. 1912. № 1. С. 49–51).

12. В этот день в Народном доме шла опера А. П. Бородина «Князь Игорь».

13. Отметим точность воспоминаний А. Ахматовой в записях П. Н. Лукницкого, сделанных 15 лет спустя (в январе–апреле 1926 г.), где этот факт повторен трижды: «1911. <...> 12 апреля. АА и С. Толстая у Кузмина (на башне?)», «1911. 12 апреля. У М. Кузмина была АА и С. Толстая», «12 апреля. АА и С. Толстая у Кузмина (на башне)» (*Acumiana*. Т. 2. С. 28, 34, 104).

14. Возможно, разговор шел о планах будущей «Бродячей собаки» (см. выше, примеч. 10).

15. Имеются в виду танцы к репетировавшейся «Забаве дев».

16. Речь идет о спектакле по драме М. Ю. Лермонтова, поставленном в Александринском театре В. Э. Мейерхольдом. Работа шла

много лет и завершилась лишь в 1917 г. По первоначальному плану Кузмин должен был писать к спектаклю музыку. См. хроникальные известия: *ОТ.* 1911. № 1370. 15 марта; № 1384. 29 мая; Речь. 1911. № 188. 12 (25) июля. См. также примеч. 16 к октябрю 1911 г.

17. Упоминание о Карло Гоцци означает, вероятно, какой-то предлагавшийся Кузмину (возможно, А. М. Кожебаткиным для его издательства «Альциона») перевод. Ср. упоминание в письме Кожебаткина к Кузмину от 3 декабря 1912 г.: «Виделся ли ты с Некрасовым и говорил ли о Гоцци? Я ему сказал и повторяю это тебе, как необходимое условие, что ты, конечно, можешь переводить и для него, но что перевод для меня должен быть сделан раньше, чтобы я раньше него мог и издать книгу. Работа заказана мною раньше (10 июня 1911 г.), и это мое право. Я возьму от тебя и „Зеленую птицу“ и „Короля-Оленя“» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 2). Судя по этому письму, издательство К. Ф. Некрасова также обсуждало планы перевода Гоцци с Кузминым.

18. В этот день в «Palace-Théâtre» шла оперетта Л. Фалля «Разведенная жена» (1908); после окончания спектакля давался еще концерт-варьете.

19. В этот день в Мариинском театре шла опера Р. Вагнера «Лоэнгрин», где Л. Собинов должен был петь партию Лоэнгрина.

20. В «Palace-Théâtre» в этот день шла оперетта С. Джонса «Гейша» (1896).

21. В этот день в «Академии стиха» (*ОРХС*) состоялось чтение стихов. Читали А. Д. Скалдин, В. М. Волькенштейн, Вл. Пяст, М. Л. Моравская, А. Ахматова, С. Э. Радлов (см. отчет В. Чудовского: *РХЛ.* 1911. № 9. С. 143).

22. В «Palace-Théâtre» шла оперетта «Ночь любви».

23. Для «Забавы дев» был, что специально отмечалось в хронике, приглашен большой оркестр под управлением А. Слуцкого.

24. В этот день спектакли шли как в «Летнем», так и в «Зимнем Буффе». Вероятнее, речь идет об оперетте «Добродетельная грешница» в «Летнем Буффе».

25. Речь идет о сборном спектакле в Александринском театре, состоявшем из «Провинциалки» И. С. Тургенева, «Красного кабачка» Ю. Д. Беляева и «Свадьбы» А. П. Чехова.

26. Прогон оперетты Кузмина «Забава дев» (премьера состоялась на следующий день).

27. Суть «интриги» остается неясной, но она, скорее всего, связана с упоминанием о какой-то «ссоре» Кузмина с Домом интермедий в записи от 4 мая 1911 г.

Май

1. О постановке «Забавы дев» и критической реакции на нее см. комм. А. Г. Тимофеева (*Театр.* Кн. 2. С. 387–390). В «Palace-Théâtre» в этот день шла оперетта А. Петрова «Кавалер Фоблаз». После окончания выступал метаморфист (т. е. актер-трансформатор) Жаннинг Брай.

2. В «Palace-Théâtre», как и 4, 10, 13 мая, шла оперетта Л. Фалля «Сирена».

3. *Доломан* — гусарский мундир (Князев надел мундир Леона Старынкевича). Не раз упоминается в стихах Кузмина, обращенных к Князеву, среди которых предполагался даже цикл «Зеленый доломан».

4. В программе сада «Аквариум» 9 мая были: «В 1-й раз Летающий балет. Пред<ставлен> буд<ет> „Le reveil des Fleurs". Собаки-актеры разыграют комед<ию> в 4-х карт<инах>» (*ОТ*. 1911. № 1394. 9 мая).

5. Гонорар за «Забаву дев», который Кузмин только подержал в руках и тут же его лишился (см. записи этого и следующих дней).

6. Ни в «Аполлоне», ни в *РХЛ* в мае рецензий на «Забаву дев» не было. Откликнулся на нее в *РХЛ* (довольно прохладно) Е. А. Зноско-Боровский (1911. № 12. С. 188), так что «заговор» редактора и ведущих хроникеров «Аполлона» явно не состоялся.

7. О предполагавшемся Кузминым переводе пьес Гоцци см. выше, примеч. 17 к апрелю 1911 г.

8. Комедия Мольера «Школа жен» (1662).

9. Магазин Гвардейского экономического потребительного общества (в просторечии — «*Гвардейка*»). Бывший кавалергард, который обязан был иметь несколько комплектов недешевой военной формы (походная, парадная, дворцовая парадная, дворцовая бальная и пр.) писал в своих воспоминаниях: «Непосильные для офицеров затраты на обмундирование вызвали создание коооперативного гвардейского экономического общества, с собственными мастерскими. Подобные же экономические общества появились впоследствии при всех крупных гарнизонах» (*Игнатьев А. А.* 50 лет в строю. М., 1948. С. 67).

10. В «Вилле Роде», как гласили анонсы, «сегодня и ежедневно Grand Concert Parisien и блестящая программа знамен<итостей> и этуалей. В 1-й раз Мати-Фозо — человек-кукла. Знам<енитые> франц<узские> эксцентрики M-m<e> и M-r Аверинос. M-lle Сюзан Брезиль, смешные пекари Misters Говенс» и др. (*ОТ*. 1911. № 1397. 12 мая).

11. Г. В. Иванов в это время обращался в кругу эго-футуристов, регулярно встречался с Игорем Северянином. Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века. С. 406–422.

12. В этот вечер в «Буффе» шла оперетта Л. Фалля «Добродетельная грешница», но А. Феона, игравший в театре, не был объявлен.

13. Из плана путешествия О. Мандельштама в Бразилию, разумеется, ничего не вышло.

14. Речь идет о переводах двух баллад О. Бердсли («Три музыканта» и «Баллада о цирюльнике»), помещенных в кн.: *Бердслей Обри*. Избранные рисунки. М.: Скорпион, 1912. Письмо от М. Ф. Ликиардопуло, заказавшего эти переводы Кузмину, нам неизвестно.

15. Вероятно, роман А. Н. Толстого «Две жизни», опубликованный в пятнадцатом альманахе «Шиповника» (рецензию С. Ауслендера см.: Речь. 1911. № 139. 23 мая (5 июня)).

16. Отметим, что накануне Наумов написал Кузмину письмо, где говорил: «Конечно, время с неумолимой жестокостью делает свое дело, и мы с Вами теперь не те, что были 3–4 года назад. Изгладило бы оно и все „зубы", о которых Вы говорите, но — к счастью — „их" не было. С радостью повидаю Вас, но, к сожалению, простудился и не выхожу из дому» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 90).

17. В программе театра *Зоологического сада* 22 мая 1911 г. была феерия «Злой гном Каротт» на музыку Ж. Оффенбаха, а также дрессированные звери, канатоходец и симфонический оркестр.

18. См. в хронике: «Группа молодых литературных сил при сотрудничестве специалистов по романским литературам в ближайшем будущем поставила себе целью популяризировать совершенно неизвестного в России маэстро старо-испанского театра Тирсо де Молина (Tirso de Molina). Вдохновителем группы является Вс. Э. Мейерхольд. В настоящее время поэт Вл. Пяст, которому кружок два года тому назад поручил перевод четырех выдающихся пьес Т. де Молина, заканчивает свою работу. Нынешнею осенью эти драмы с обширными введениями, статьями и реальными комментариями выйдут отдельным томом (около 500 страниц) в одном из петербургских издательств. Одна из драм будет предложена к постановке на сцене Александринского театра в инсценировке В. Э. Мейерхольда, с декорациями А. Я. Головина» (Речь. 1911. № 106. 20 апреля (3 мая)). См. также в воспоминаниях Вл. Пяста: «Ах, эти испанцы, этот пресловутый Тирсо де Молина! В скором времени после Башенного Театра, — Мосолов с Мейерхольдом и Головиным — вкупе еще с покойным Теляковским <...> засадили меня за перевод трех комедий испанского этого поэта, — наобещав постановку двух из них в императорских театрах. А М. В. Сабашников из Москвы не только обещал все это напечатать, — но и аккуратнейшим образом присылал мне по триста рублей после окончания мною каждого из переводов <...> Но ни императорская сцена, ни издательство Сабашниковых так до сих пор не опубликовали этого злосчастного моего труда...» (*Пяст.* С. 138).

19. Первое из них нам не известно, второе опубликовано (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 366).

20. Скорее всего, имеется в виду «Русский *Ллойд.* Общество для морского, речного и сухопутного страхования» (Английская наб., 26). В Петербурге существовал также и «Австрийский Ллойд» (Симеоновская, 3, кв. 7), но вряд ли речь идет о нем: это агентство специализировалось на увеселительных прогулках в Триест и австрийские Альпы. Под «*книжками*», видимо, подразумеваются путеводители.

21. Имеется в виду банщик А. И. Корчагин.

22 Вероятно, обсуждалось, будет ли ставиться «Забава дев» в новом сезоне. 16 августа состоялся спектакль, причем, судя по всему, для наступившего сезона Кузмин написал новые куплеты.

23. Трагедия Дж. Г. Байрона (1821).

Июнь

1. В театре «Аквариум» были анонсированы: «Новые дебюты знаменитостей и последняя гастроль Маргариты Дюваль. В 1-й раз красавица американка Калифорния» (*ОТ.* 1911. № 1415. 1 июня). Среди многочисленных исполнителей, перечисленных в программе, определить, кто именно «сиамцы» и «хивинцы», нам не удалось.

2. Задуманная совместная с Вяч. Ивановым поездка в Венецию так и не состоялась.

3. Речь идет об оперетте Кузмина «Женская верность, или Возвращение Одиссея», тогда еще называвшаяся по-другому. *Коленька* — Н. Н. Сапунов, оформлявший спектакль (режиссером, как и в «Забаве дев», был Б. С. Глаголин). Ср. в хронике: «С 15 августа по 15 сентября в Малом театре будут спектакли продолженного „майского сезона" Б. Глаголина. <...> Готовится к постановке новая комическая опера М. А. Кузмина „Добродетельная Пенелопа" с декорациями Н. Сапунова <...> и (возобновление) „Забава дев" М. Кузмина» (Речь. 1911. № 191. 15 (28) июля).

4. Вероятно, речь идет о неосуществленных планах поездки в Венецию (см. выше, запись от 4 июня и примеч. 2).

5. О Павловском концерте 10 июня см. отзыв Г. Тимофеева (Речь. 1911. № 158. 12 (25) июня; подпись: Г. Т.). Об отношении Кузмина к Вагнеру см. специальную статью: *Шмаков Геннадий.* Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien, 1989. С. 31–46.

6. Речь идет о рассказе А. Н. Толстого «Чудаки», где описаны три героя (в порядке появления): «Сенька-художник», пишущий желчные статьи и стихотворения в прозе, автор и «Костя по прозвищу „звонарь"».

7. *«Ее адьютант»* — оперетта Р. Винтерберга (другое название «Гарденштейнские уланы»).

8. *Биль-Виль* — возможно, пара клоунов-комиков, по типу Бим-Бома.

9. Программа скачек 12 июня 1911 г. опубликована в газете «Речь» за этот день, отчет о состязаниях — 12 июня.

10. В «Буффе» шла оперетта Г. Рейнгардта «Фея Карлсбада»; Кузмин уже видел ее несколько лет назад в «Пассаже» (см. примеч. 2 к октябрю 1909 г.).

11. Имеется в виду Народный дом, где 12 июня 1911 г. шла опера А. Г. Рубинштейна «Нерон» (1876).

12. «Добродетельную Пенелопу» (к тому времени оперетта получила название «Женская верность, или Возвращение Одиссея») Кузмин действительно посвятил Н. Д. Кузнецову.

13. Вл. Пяст был завсегдатаем бегов. См. его стихотворение «Великолепная Мангуст» (*Пяст В.* Третья книга лирики. Берлин; Пб.; М., 1922. С. 36–37). Ср. также «Устную книгу» Н. С. Тихонова (Вопросы литературы. 1980. № 6. С. 110–111).

14. Результаты бегов 14 июня были опубликованы в газете «Речь» на другой день. Лошадь по кличке Сплитвот (Кузмин со слуха и по памяти несколько исказил кличку) заняла в заезде второе место.

15. О времяпрепровождении Кузмина и Кожебаткина см., например, в недатированном письме С. А. Ауслендера к Кузмину: «Я понимаю, что в Петербурге часто не до писем (особенно если все время проводить так, как те дни, что там <*нрзб.*> Кожебаткиным, когда в 7 часов утра вы чуть не уехали осматривать Иматру так же успешно, как Кронштадт)» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 227. Л. 19).

16. Скорее всего, отчет о скачках, напечатанный в газете «Речь» за это число.

17. Имеется в виду Николаевское военное инженерное училище, юнкером которого был В. А. Наумов.

19. Вероятно, какая-то политэкономическая «просветительская» брошюра.

Август

1. «Арбитр изящества» (*лат.*) — так, согласно Тациту, звался при дворе Нерона автор «Сатирикона» Петроний, «так что Нерон не считал ничего ни приятным, ни роскошным, пока не получал одобрения от Петрония» (*Ярхо Б.* Предисловие // Петроний Арбитр. Сатирикон. М., 1924. С. 18). О В. П. *Лачинове* см. в воспоминаниях Вл. Пяста: «...его товарищи по службе никак не признавали актером, — говорили про него: „А, Лачинов? Это очень образованный человек; он играет у нас". Но никогда: „Наш актер"» (*Пяст*. С. 125).

2. В пятом альманахе «Северные цветы» (М.: Скорпион, 1911) была напечатана комедия Кузмина «Голландка Лиза». Участие в альманахе также приняли З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Волошин, Б. Садовской, Ю. Балтрушайтис, Д. Навашин, Н. Гумилев.

3. См. примеч. 3 к июню 1909 г.

4. Упоминавшийся ранее «Последний спутник». См. в недатированном письме С. А. Ауслендера к Кузмину: «Я все сижу над романом, уже над третьей частью. Конечно, не мог удержаться, чтобы не вывести и тебя, но я думаю, что ты не будешь в претензии на это» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 227. Л. 19 об.).

5. Как раз в этот день в Суворинском (Малом) театре шла «Забава дев».

6. См. примеч. 14 к маю 1911 г. и запись от 18 августа того же года.

7. Смысл высказывания не вполне ясен; вероятно, имеются в виду какие-то индивидуальные приметы, которых придерживался для себя Кузмин, вроде того, чтобы не начинать никакого дела в понедельник.

Сентябрь

1. О постановке оперетты Кузмина «Женская верность, или Возвращение Одиссея» в Суворинском (Малом) театре и критической реакции на нее см. в комм. А. Г. Тимофеева (*Театр*. Кн. 2. С. 392–396). Премьера состоялась 8 сентября 1911 г.

2. Ребенок Толстых — дочь Марианна Алексеевна (род. 10 августа 1911 г. в Париже).

3. Видимо, речь идет о репетиции в Михайловском театре драмы Кальдерона «Сам у себя под стражей», премьера которой состоялась 15 сентября. См. рецензию Д. В. Философова (Речь. 1911. № 255. 17 (30) сентября; подпись: Д. Ф.).

4. Отметим, что неделей ранее, перед встречей в театре (6 сентября 1911 г.) Н. В. Смолич прислал Кузмину восторженное письмо по поводу постановки «Забавы дев» (см.: *Театр*. Кн. 2. С. 389–390).

5. По всей видимости, Кузмин был в цирке Чинизелли. В отчете о новой программе отмечалось: «Слишком рискованные выступления акробатов вызвали даже протесты публики» (Речь. 1911. № 255. 17 (30) сентября).

6. Актеры Императорских театров считались состоящими на государственной службе и приносили присягу.

7. Посмертно изданную драму Л. Н. Толстого «Живой труп» почти одновременно ставили осенью 1911 г. МХТ и Александринский театр. Кузмин написал рецензию на пьесу (см. ниже, примеч. 11), в связи с чем, видимо, и хотел попасть на одну из генеральных репетиций — 23 или 27 сентября. О последней из них писалось в хронике: «Казенная дирекция осталась верна себе <...> и на генеральную репетицию не пригласили представителей печати, как это делается везде и всюду, но и вообще не допустили никого, кроме близких к администрации лиц и родственников занятых в спектакле актеров» (Речь. 1911. № 266. 28 сентября (11 октября)).

8. Мистерия К. Дебюсси «Мученичество св. Себастьяна» (1911) на слова Г. Д'Аннунцио.

9. Речь идет об «экскурсии» по петербургским баням (см. запись от 17 сентября).

10. О поездке Н. С. Гумилева в Москву и Ярославль (вероятно, к С. А. Ауслендеру) ничего не известно.

11. Имеется в виду рецензия на пьесу Л. Н. Толстого «Живой труп» (*РХЛ*. 1911. № 14. С. 216–217).

12. Вероятно, Кузмин, недовольный тем, что редакция «Аполлона» собиралась отказаться от его услуг театрального хроникера и сделать его, как это было прежде, ведущим рубрики «Заметки о русской беллетристике», проявлял повышенную активность именно в первом качестве (см. его заметки о гастролях театра Незлобина: *РХЛ*. 1911. № 16–17). Впрочем, рецензировать прозу в «Аполлоне» он также не прекращал, вплоть до 5-го номера следующего года.

13. Имеется в виду шедшая в тот день в «Пассаже» оперетта Г. Бартэ «Кровь креолки».

Октябрь

1. В этот день в «Зимнем Буффе» шла оперетта Л. Фалля «Иветта».

2. Кузмин пошел в «Зимний Буфф» на оперетту В. П. Валентинова «Королева бриллиантов» (рецензию см.: *БВ.* Веч. вып. 1911. № 12562. 3 октября; подпись: —и).

3. См. в хронике: «Первый спектакль петербургского „Дома Интермедии" в Московском Литературно-Художественном Кружке успеха не имел. Центральной его части — пантомиме „Шарф Коломбины" — публика оказала прием весьма неласковый. Первая картина кончилась под дружное шиканье. После двух следующих картин шикали меньше, дружнее аплодировали, но сквозь аплодисменты опять внятно прорезался свист. Гораздо благосклоннее публика приняла менее тонкую и интересную негритянскую трагедию „Блэк энд Уайт"» (*ОТ.* 1911. № 1535. 6 октября. С. 17). Снисходительнее были московские рецензенты. Так, А. А. Койранский писал: «Спектакль имел несомненный и горячий успех у публики, собравшейся вчера в зале Литературно-художественного кружка» (Утро России. 1911. № 228. 5 октября), а М. Попелло-Давыдов пытался оправдать отношение публики: «...очень уж резко и огульно отрицательно было отношение, проявленное частью московской публики к петербургским гостям, для того чтобы оставить этот приезд осужденным как неудачную попытку воскресить старинную пантомиму, и только» (Там же. 1911. № 229. 6 октября).

4. По всей видимости, Вяч. Иванов был в Народном доме графини С. В. Паниной на спектакле Общедоступного театра «Жизнь есть сон» по пьесе Кальдерона, В. К. Шварсалон — в Народном доме императора Николая II на опере Глинки «Руслан и Людмила» (впрочем, не исключено, что и наоборот), В. Ф. Нувель — в «Palace-Théâtre» на оперетте Р. Винтерберга «Ее адъютант», а К. А. Сомов — в Мариинском театре на балете Л. Делиба «Коппелия».

5. Кузмин хотел попасть на спектакль по пьесе Лессинга «Эмилия Галотти» с участием Ю. М. Юрьева, шедший в Михайловском театре в этот день.

6. Ф. Ф. Коммиссаржевский приносил билеты на открытие гастролей театра К. Н. Незлобина. Театр на Офицерской был своего рода филиалом московского театра, который гастролировал в Петербурге, не прекращая спектаклей и в Москве.

7. Речь идет об оперетте И. Штрауса «Летучая мышь» (1874) в постановке Венской оперетты под управлением Ю. Шпильмана в зале Петербургской консерватории.

8. Это выражение встречается в дневнике несколько раз (см., например, в записи от 18 марта 1912 г.: «Вечером был Гюгюс. Планы теперь уже о театре. Имбирия какая-то»; 30 марта 1913 г.: «У Гюгюса имбирийские планы...») и, вероятно, восходит к некой домашней шутке на «башне» у Вяч. Иванова, расшифровать которую не удалось (может быть, представляет собою имитацию произношения Гюнтера).

9. В «Palace-Théâtre» в этот вечер шла оперетта Л. Фалля «Сирена».

10. Трудно сказать, была ли это поездка на шедший в тот день спектакль «Не было ни гроша, да вдруг алтын» по пьесе А. Н. Островского или простой визит в театр. Кузмин рецензировал спектакли те-

атра Незлобина «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Шлюк и Яу» Г. Гауптмана (*РХЛ.* 1911. № 16); «Псишу» рецензировал Е. А. Зноско-Боровский (*РХЛ.* 1911. № 19).

11. Речь, вероятно, идет о заседании христианской секции Религиозно-философского общества.

12. Об этом заседании «Академии стиха» см.: «15 октября в помещении редакции „Аполлона" возобновились заседания „Общества Ревнителей Художественного Слова" <...> на первом собрании, состоявшемся под председательством Ф. Ф. Зелинского, прения, в которых участвовали гг. Евг. Аничков, Вяч. Иванов, Н. В. Недоброво, Вл. Пяст и др., были характера очень горячего, мы бы сказали даже — страстного <...> и это несмотря на то, что все оппоненты, вследствие позднего времени, хотели перенести свои возражения на другой раз... Заседание было посвящено докладу г. Валериана Чудовского — „О белом стихе в «Русалке» Пушкина"» (*Зноско-Боровский Евг. // РХЛ.* 1911. № 16. С. 254). См. также предварительную информацию о том, что на заседании должны были читаться новые стихи, в том числе «Феофил и Мария» Вяч. Иванова (*БВ.* Веч. вып. 1911. № 12582. 14 октября). Об этом же заседании упомянуто в записи П. Н. Лукницкого: «1911. <...> 15 октября. АА и Николай Степанович на заседании О. Р. Х. С. в редакции „Аполлона". Чудовский читал доклад о пушкинской „Русалке"» (*Acumiana.* Т. 2. С. 28).

13. То есть музыкой из популярной в тот сезон в Петербурге оперетты Л. Фалля «*Иветта*».

14. Подробнее см. в дневниковых записях В. К. Шварсалон (*Богомолов.* С. 327–328) и в воспоминаниях самого Кузмина (*ДК-34.* С. 112).

15. В театре Незлобина в этот день шел спектакль «Шлюк и Яу» по пьесе Г. Гауптмана.

16. Вероятно, речь идет о музыке к спектаклю по пьесе М. Ю. Лермонтова «Маскарад» в Александринском театре, слухи о котором в это время были весьма активны. Над музыкой Кузмин работал летом 1911 г. (см.: *Переписка с Мейерхольдом.* С. 368–370). Однако в итоге музыка к спектаклю, премьера которого прошла лишь в самый канун падения самодержавия, 25 февраля 1917 г., была написана А. К. Глазуновым.

17. О концерте С. А. Кусевицкого см. в отчете В. Г. Каратыгина: «1-ый очередной концерт г. Кусевицкого <...> носил явно выраженный боевой характер. В программе — по одному новаторскому имени от трех великих держав современной музыкальной Европы: России, Германии и Франции. Первая представлена произведением, которому даже злейшие враги его <...> едва ли могут отказать в праве именоваться музыкально-историческим событием, — „Прометеем" Скрябина. Франция представлена импрессионистом Дебюсси — его ранним симфоническим прелюдом „L'après-midi d'un faune" (по эклоге Маллармэ). Программным делегатом от германской фракции модернизма явился <...> Штраус, представленный на концерте своей когда-то не менее „Прометея" нашумевшей поэмой „Так говорил Заратустра"» (*РХЛ.* 1911. № 16. С. 248; далее — пространное изложение мнений автора

хроники). Ср. его же отзыв в «Речи» (1911. № 289. 21 октября (3 ноября); подпись: Карт.).

18. О каком конкурсе идет речь, нам неизвестно.

19. Имеется в виду книга «Русский Эрот не для дам», несколько раз издававшаяся за границей во второй половине XIX в. Подробнее об ее изданиях см. в комментарии Л. В. Бессмертных к кн.: Русский Эрос. Баня / Секс-пир. Жемчужины интимной словесности. М., 1994. Однако сам текст сборника там воспроизведен лишь отчасти. См. репринтное воспроизведение: Oakland: Scythian Books, 1988.

20. В концерте А. И. Зилоти исполнялись «Чакона» Баха в обработке М. Шейнберга, концерт Корелли для струнного оркестра, симфоническая картина И. Витоля «Праздник Лиго», ноктюрн для оркестра и фортепиано Ж. Юре. Солистами были Ж. Тибо (скрипка) и Б. Лазарев (фортепиано). См. не слишком благосклонный отзыв: *Вальтер Виктор.* Первый симфонический концерт Зилоти // Речь. 1911. № 293. 25 октября (7 ноября).

21. Возможно, в этой, не вполне ясной, записи имеется в виду стихотворение Кузмина «Не пора ли бросить жмурки...» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 78об.).

22. Спектакль в театре Незлобина по пьесе Ст. Пшибышевского (1903), о котором Кузмин писал: «...в „Снеге", быть может, более, чем где бы то ни было в другом месте у Пшебышевского *<так!>*, „символизм" и „декадентство" плавают поверх пьесы, как жир на супе», далее характеризуя пьесу как «психологическую драму, трогательную, не растянутую и даже не особенно канительную. Актеры сделали все, чтобы подчеркнуть этот именно характер пьесы, за что мы им можем быть только благодарны» (*РХЛ.* 1911. № 17. С. 266).

23. Имеются в виду планы художественного вечера «Оживленная старина», устроенного М. А. Ведринской в честь двухсотлетия со дня рождения М. В. Ломоносова и состоявшегося 6 ноября. См.: «Вот он <Ломоносов> сам сидит и милостиво слушает оду, сочинения Вл. Н. Соловьева в стиле XVIII века, кидая поэту в награду кошелек с деньгами. <...> В заключение была поставлена и имела успех Арлекинада В. Н. Соловьева „Арлекин — ходатай свадеб"» (*Арабажин К. И.* Вечер М. А. Ведринской // *БВ.* Веч. вып. 1911. № 12626. 9 ноября; подпись: Solus).

24. О планах сотрудничества Кузмина с издательством «*Грядущий день*» см. также примеч. 2 к марту 1911 г. и далее в тексте дневника.

25. Альманах «Цветник Ор. Кошница первая», в котором участвовал Кузмин, вышел в 1907 г. Вероятно, Городецкий задумывал его возобновление, которое не состоялось.

26. Режиссер и актер Суворинского театра Б. С. Глаголин на репетиции оскорбил актрису К. Дестомб. Суть этого конфликта по-разному излагалась прессой. Так, бульварный «Петербургский листок» решительнейшим образом обвинял Глаголина в рукоприкладстве, а актер Б. Дауговет в «Письме в редакцию» (*ОТ.* 1911. № 1554. 25 октября) его столь же решительно защищал. В результате скандала, долго обсуж-

давшегося в печати (О режиссерах и актерах // *БВ*. Веч. вып. 1911. № 12608. 29 октября; без подписи), Глаголин был вынужден покинуть театр (см. его «Письмо в редакцию». — Речь. 1911. № 296. 28 октября (10 ноября)). Письмо, о котором говорится в дневнике, было опубликовано. Вот его текст:

«Обращение к печати и обществу

В течение последних нескольких дней на наших глазах происходит недостойное общественное явление — гонение и травля одного человека многочисленным и непосильным ему противником, а именно — рядом печатных статей и вызываемым ими общественным осуждением.

Имеем ли мы право таком образом хулить и пятнать талант на основании интимного закулисного происшествия?

Частная жизнь артиста — достояние его семьи и его совести, а его деятельность — достояние всего общества. Общество может считать артиста своим родным и близким своему сердцу человеком, не чувствуя никакой надобности в личном с ним знакомстве. Мы говорим о закулисном столкновении г. Глаголина. Сведения об инциденте у нас односторонние: мы не знаем, прав ли Глаголин или виновен, говорят: это осветит суд, но мы знаем, что все напечатанное в газетах носит скрытый характер травли. Эта травля на нашей памяти ознаменована печальными результатами: вспомним самоубийство Крыжицкого, преследование Куприна, Куинджи, Надсона и многих других представителей искусства и мысли.

Неужели интимная закулисная ссора, принявшая форму резкую и повышенную, заслуживает того, чтобы из-за нее сознательно преследовать артиста в печати и убивать в обществе любовь к его дарованию, питая это общество рядом интимных закулисных подробностей, не имеющих никакого отношения к общественному служению артиста, а тем более к искусству» (*БВ*. Веч. вып. 1911. № 12606. 28 октября; перепечатано: *ОТ*. 1911. № 1550. 29 октября).

Помимо Кузмина, письмо подписали Н. Н. Ходотов, С. Ю. Судейкин, В. П. Лачинов, О. А. Глебова-Судейкина, К. И. Чуковский и др. Судя по всему, главным организатором письма был Судейкин, о чем свидетельствует информация: «Прославившийся кулачной расправой артист Малого (Суворинского) театра Глаголин и уволенный после последнего скандала из этого театра делает попытки перебраться в Москву в Незлобинский театр. Вчера режиссером театра Незлобина Ф. Ф. Коммиссаржевским получена следующая телеграмма: „Глаголин ушел из Малого театра. Очень советую воспользоваться и пригласить его артистом в труппу. Очень обяжете скорым ответом. Сергей Судейкин". Аналогичного содержания телеграмма получена вчера С. С. Мамонтовым от того же художника Судейкина» (Утро России. 1911. № 247. 27 октября).

27. *Лекция о модах* — ставшее сенсацией выступление французского модельера П. Пуаре. См. о ней: *Эстет*. Певец «тряпок» (Вечер Поля Пуаре) // *БВ*. Веч. вып. 1911. № 12606. 28 октября; *П*. Моды и стиль Пуаре // Там же; П. Пуаре и мода будущего // Там же. № 12614. 2 ноября; *Бенуа Александр*. «Французик из Бордо» или художник? // Речь. 1911.

№ 297. 29 октября (11 ноября). Никакой информации о *«географическом докладе»*, на который отправился Н. С. Гумилев, обнаружить не удалось.

28. Вероятно, имеется в виду задержавшееся на почте письмо от 24 октября: «К Вам обратится со своими стихами молодой поэт — Николай Кузнецов — будет робок, как всякий, увидавший свет с Олимпа: верю, что Вы с присущей Вам мягкостью одобрите его. На мой взгляд, стихи его недурны — но, каюсь, я профан. Хотел бы знать Ваш отзыв» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4003. Л. 3об.–4). Кузмин отвечал на него 5 ноября: «Ваш поэт был у меня, не знаю, насколько я был ласков с ним» (*РГАЛИ*. Ф. 1384. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 3об).

29. Речь идет о работе в издательстве «Грядущий день».

30. См. в хронике: «В заседании 29-го октября (председатель — Вяч. И. Иванов) Общество Ревнителей Художественного Слова слушало доклад Владимира Пяста „О каноне“ <...> Ценное толкование своего учения дал по поводу этого доклада Вячеслав Иванов <...> В дальнейших прениях Вас. В. Гиппиус высказался о логически необходимом совпадении теургии творчества с теургией жизни, вдохновения и *личного* подвига, расходясь с Владимиром Пястом, имеющим в виду лишь подвиг эстетический» (*Чудовский Валериан*. Общество Ревнителей Художественного Слова // *РХЛ*. 1911. № 20. С. 320–321). Ср. также впечатления Блока, весьма сходные с кузминскими: «...доклад Пяста, его старая статья о „каноне“, многоглаголанье Вяч. Иванова усыпило меня вовсе» (*Блок*. Т. 7. С. 78). Статья Вл. Пяста «Нечто о каноне» была опубликована: Труды и дни. 1912. № 1. С. 25–35.

31. Имеется в виду 1-й «Clavierabend» А. Н. Скрябина в рамках камерных концертов А. Зилоти. См. отчеты: *Коптяев А.* Концерт Скрябина // *БВ*. Веч. вып. 1911. № 12612. 1 ноября; *Каратыгин В.* // Речь. 1911. № 306. 7 (20) ноября; подпись: Кар.

32. В театре А. Р. Кугеля *«Кривое зеркало»* в этот вечер шла знаменитая «Вампука, принцесса африканская» Анчара Манценилова (кн. М. Н. Волконского; постановка Р. А. Унгерна, музыка В. Г. Эренберга), а также, вероятно, привлекавшие Кузмина «Танцы Дункан» в пародийной интерпретации его приятеля Н. Ф. Барабанова (сценическое имя Икар).

Ноябрь

1. Скорее всего, имеются в виду билеты на спектакль «Мещанин-дворянин» по пьесе Мольера (1670) в театре К. Н. Незлобина.

2. См. примеч. 21 к октябрю 1911 г.

3. Возможно, имеется в виду музыка к «Маскараду» (см. выше, примеч. 16 к октябрю 1911 г.).

4. В этот вечер в «Пассаже» шла оперетта К. Вейнбергера «Романтическая женщина» (см. отзывы: *БВ*. Веч. вып. 1911. № 12620. 5 ноября; подпись: Д-в; Речь. 1911. № 301. 2 (15) ноября; без подписи).

5. *«Похабной поэмы»* Кузмина, относящейся к этому времени, мы не знаем.

6. См. описание этого вечера в дневнике Блока: «В первом часу мы пришли с Любой к Вячеславу. Там же — собрание большое. Городецкие (с Вышнеградской), — Анна Алексеевна волнуется, — Кузмин (читал хорошие стихи, вечером пел из „Хованщины“ с Каратыгиным — хороший какой-то стал, прозрачный, кристальный), Кузьмины-Караваевы (Елизавета Юрьевна читала стихи, черноморское побережье, свой „Понт“), Чапыгин, А. Ахматова (читала стихи, уже волнуя меня; стихи чем дальше, тем лучше), Сюннерберг, m-r Reau, Аничков. Вячеслав читал замечательную сказку „Солнце в перстне“ <...> Все было красиво, хорошо, гармонично» (*Блок*. Т. 7. С. 83).

7. См. в хронике: «10 ноября состоялся 1-ый в сезоне „Вечер Современной Музыки“ (52-й со времени основания „Вечеров“). „Гвоздем“ программы были 3 замечательных поэмы Равеля — Ondine, Le Gibet, Scarbo. <...> Исполнителем произведений Равеля явился г. Медем, передавший все три пьесы чрезвычайно поэтично <...> Неопределенное впечатление оставила артистично сыгранная г. Л. Николаевым соната g-moll Метнера <...>. Трудно дать окончательный отзыв и о фортепианном трио германского вундеркинда Корнгольда <...> трио <...> сыграно гг. Прокофьевым, Ледником и Розенштейном. Остальные нумера программы — миловидные, вольфовской фактуры романсы Иовановича, недурные романсы Стенгаммера (в художественной передаче г-жи Жеребцовой-Андреевой) и брамсовского стиля „Fantasiestück“ для альта и фп. молодого германского композитора Брауна. Пьеса красиво сыграна гг. Безродным и Иовановичем» (*РХЛ*. 1911. № 28. С. 283–284; подпись: –ъ. Ср. также отзыв Г. Тимофеева (Речь. 1911. № 326. 27 ноября (10 декабря); подпись: Г. Т.).

8. В указателе имен к *ДК-1905–1907* Глеб Верховский ошибочно был отнесен к ветви «Никандровичей» этой фамилии. На самом деле речь идет о Глебе Евгеньевиче Верховском, литераторе, затем католическом священнике греко-славянского обряда (см. Указатель имен).

9. См. в хронике: «Заседание 12-го ноября <по дневнику — 11 ноября. — *Н. Б., С. Ш.*> (председатель — Ф. Ф. Зелинский) посвящено было обсуждению неизданных стихотворений, которые читали присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Зенкевич, Вас. Гиппиус, Вир)» (*Чудовский Валериан*. Общество Ревнителей Художественного Слова // *РХЛ*. 1911. № 20. С. 321).

10. *«Puppenmodel»* (1910) — оперетта Л. Фалля.

11. Театр Н. Ф. Балиева «Летучая мышь», открытый в Москве 29 февраля 1908 г., на первых порах был предназначен для избранной публики. Однако в конце 1911 г. у организатора возникла идея традиционного театра-кабаре, открытого для посетителей. См. в хронике за несколько дней до кузминской записи: «Ходят слухи, что артист Художественного театра и „душа“ кабарэ „Летучей мыши“ Н. Ф. Балиев покидает с будущего сезона окончательно труппу и устраивает большое кабарэ, с правом широкого доступа для публики. Жанр „коммерческого“ кабарэ будет тождественен с „Летучей мышью“» (*ОТ*. 1911. № 1565. 5 ноября. С. 14). Историк театра Н. Эфрос писал: «К концу жизни в Милютинском подвале „Мышь“ была вполне театром, только еще со

столами вместо обычного партера, без нумерованных, чопорно расставленных шеренгами стульев», а после того, как театр переехал по своему последнему московскому адресу — в подвал дома Нирнзее в Бол. Гнездниковском пер. — и «в страхе быть несправедливо и обидно зачисленною в разряд кафе-шантанов „Мышь“ сделала последний маленький шаг. Столы исчезли, расставили по рядам и пронумеровали стулья. Исчезла обстановка „варьете“» (Театр «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева: Обзор десятилетия художественной работы первого русского театра-кабаре / Текст Н. Е. Эфроса. М., 1918. С. 45). Подробнее история с переменой статуса «Летучей мыши» изложена: *Тихвинская*. С. 19–36.

12. Имеется в виду возобновлявшийся под руководством бар. Н. В. Дризена «Старинный театр», известия о котором регулярно печатались в прессе, особенно подробно — в *ОТ*.

13. Имеется в виду хроникальная заметка Кузмина о спектакле «Мещанин-дворянин» в театре К. Незлобина по пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве» (*РХЛ*. 1911. № 17. С. 266–267).

14. Премьера оперетты композитора Могтона в «Зимнем Буффе» (бенефис М. И. Вавича). Рецензию см.: *БВ*. Веч. вып. 1911. № 12614. 19 ноября; подпись: Л.

15. В цирке Чинизелли в этот вечер шла большая пантомима «Магда, дочь лоцмана». *Фредиани* — акробаты на лошадях.

16. Вероятно, военный инженер, отставной подполковник Авенир Авенирович *Чемерзин*, заработавший в начале Первой мировой войны огромные деньги на изобретенном им пуленепробиваемом панцире. Чемерзин — автор двух изданных за свой счет стихотворных сборников (Сон. Стихотворения [в прозе]. СПб., 1911; Фантазия. СПб., 1913), искал знакомства с литературной и художественной богемой. В воспоминаниях художницы и поэтессы Н. Я. Серпинской рассказывается о поездке целой группы москвичей в купленное Чемерзиным имение графов Орловых-Денисовых в Калужской губ., где Чемерзин на всех строительных, ремонтных, оформительских и сельскохозяйственных работах словно крепостных использовал пленных австрийцев и немцев (см.: *Серпинская Н*. Флирт с жизнью. М., 2002. С. 181–187).

17. Об А. И. Броскине см. *ДК-05–07*, по указателю.

18. В. А. Серов скончался 22 ноября в Москве и был похоронен 24 ноября в Крестовоздвиженском монастыре. В отчетах о похоронах имя В. Ф. Нувеля нам не встретилось, хотя были сведения о том, что там присутствовала делегация от «Мира искусства». Возможно, он ездил как чиновник Министерства двора или по собственной инициативе.

19. *«Дама в красном»* — оперетта Р. Винтерберга. Была поставлена в один и тот же день в «Зимнем Буффе» и в «Palace-Théâtre» и имела и там, и там большой успех. Кузмин был на втором спектакле, что можно установить по хронике: «Вчера в „Палас-театре“ на спектакле „Дама в красном“ присутствовал Леонид Андреев. Театр был полон» (*ОТ*. 1911. № 1585. 25 ноября. С. 13).

20. В «Пассаже» в тот день шла оперетта О. Шварца «Примабалерина».

21. «*Орфей* и Эвридика» (1762; 1774) — опера К.-В. Глюка. Отметим, что она была в конце декабря поставлена в Мариинском театре (режиссер В. Э. Мейерхольд, декорации А. Я. Головина, танцы в постановке М. М. Фокина), а Кузмин написал о ней статью (см. примеч. 3 к декабрю 1911 г.).

Декабрь

1. Вероятно, речь идет о посещении Александринского театра, где в тот вечер шел спектакль по пьесе В. Рышкова «Прохожие». Судя по всему (хотя документальных свидетельств найти не удалось), в состав был введен Ю. Л. Ракитин, незадолго до того перебравшийся из Москвы в Петербург.

2. См. о заседании «Общества ревнителей художественного слова» в этот день: «Заседание 3-го декабря в первой части своей посвящено было памяти Иннокентия Анненского <...> Председатель, Вячеслав Иванов, выявив особенности Анненского как „критика отражений", указал на глубокую связь его с исконными преданиями русской словесности, и особенно с Достоевским. Н. С. Гумилев и О. Мандельштам высказывались о значении поэта для современной лирики <...> После перерыва Вячеслав Иванов докладом по „Морфологии стиха" ввел присутствовавших в совершенно не обследованные области философии формального творчества» (*Чудовский Валериан.* Общество Ревнителей Художественного Слова // *РХЛ.* 1911. № 20. С. 321). Ср. впечатления Блока, записанные в дневнике (*Блок.* Т. 7. С. 90–91).

3. Имеется в виду статья Кузмина «„Орфей и Эвридика" кавалера Глука» (Аполлон. 1911. № 10 (декабрь)).

4. Имеющаяся здесь в виду повесть — вероятно, «Мечтатели» (см. в записях начала 1912 г.).

5. Об одной из причин визита в Москву см. в московской театральной хронике: «Поэт Кузмин, автор „Забавы дев", шедшей с большим успехом в петербургском Малом театре, написал балет „Продажа невест", который передан им новому театру миниатюр „Мозаика", открывающемуся 26-го декабря на Большой Дмитровке. „Продажу невест" предполагают поставить в первый раз 28-го декабря» (Утро России. 1911. № 289. 16 декабря). Ни об этом спектакле, ни о самом балете (если он не является более ранним замыслом балета «Выбор невесты») нам ничего не известно. О самом театре «Мозаика» см. ниже, примеч. 16.

6. Вероятно, выставка «Мира искусства», открывшаяся в Москве 3 декабря, где были, между прочим, выставлены эскизы Судейкина к «Забаве дев» (см. отчеты: *Ettinger P.* // *РХЛ.* 1911. № 20. С. 322–323; *Койранский А.* «Мир искусства» // Утро России. 1911. № 280. 6 декабря).

7. Отчет А. Койранского о новой программе московского театра миниатюр см.: Утро России. 1911. № 287. 14 декабря; подпись: А. К.

8. Вероятно, речь идет о посещении театра К. Н. Незлобина, где в тот вечер шел «Мещанин-дворянин».

9. Известный английский режиссер *Гордон Крэг*, участвовавший в постановке «Гамлета» в МХТ, прибыл в Москву 13 декабря (см.: *ОТ*. 1911. № 1604. 14 декабря. С. 20).

10. В Большом театре оперой Н. А. Римского-Корсакова «*Снегурочка*» (1882) была заменена отмененная «Кармен» Ж. Бизе.

11. Судя по всему, спектакль Венской оперетты «Граф Люксембург» Ф. Легара в театре «Эрмитаж».

12. Имеется в виду ресторан Трехгорного пивоваренного товарищества.

13. Возможно, речь идет о заказе Кузмину скетчей для «Летучей мыши» (позднее Кузмин достаточно активно сотрудничал с театром Н. Ф. Балиева).

14. Судя по всему, известный дом Перцова на набережной Москвы-реки у храма Христа Спасителя, выдающийся образец московского архитектурного модерна.

15. Вернисаж выставки «Союза русских художников» (отчет: А. Койранского см.: Утро России. 1911. № 298. 28 декабря).

16. Речь идет, по всей видимости, об открытии упоминавшегося выше московского театра «Мозаика». О программе см.: «На второй день праздника на Б. Дмитровке в доме № 24, Ляпина, открывается новый театр „Мозаика“, который будет ставить одноактные оперетки, комедии и балет. Для первого спектакля пойдут оперетка Лекока „Рыцарь без страха и упрека“, водевиль Каратыгина „Петербургский араб“ и новый балет „Орангутанг и дикарка“» (Утро России. 1911. № 296. 24 декабря).

17. Ср. письмо Кузмина к Е. А. Зноско-Боровскому от этого числа с просьбой о присылке денег (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 2283).

18. Имеется в виду издательство «Грядущий день» (см. примеч. 2 к марту 1911 г.).

1912

Январь

1. О пребывании в Москве и встрече нового, 1912 г. Кузмин писал К. А. Сомову 6 января: «Милый Сомов, я пробыл почти месяц в Москве и привык к ней; встречая Новый год у Евфимии Павловны (нет, вру, пируя в „Черном Лебеде“ 2-го января), подписали Вам приветы на меню, но я протаскал его до сего дня, почему оно и доходит до Вас так поздно и в таком измазанном состоянии. Ездил я (или, скорее, мы, так как я был не один) очень хорошо. В Москве все Вас любят и помнят, ищут о Вас новостей, до того, что даже две дамы, оспаривающие друг у друга первенство на Вашу дружбу, дают сведения о Вашем здоровьи систематически противоречивые <...> Я только сегодня приехал и никого еще не видел» (*ГРМ*. Ф. 133. Ед. хр. 233). *«Черный лебедь»* — вилла Н. П. Рябушинского в Петровском парке. Описание ее см. в воспоминаниях С. А. Виноградова «О странном журнале, его талантливых сотрудниках и московских пирах» (Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 432–433). Построенная в 1907–1909 гг. архитектором В. Д. Адамовичем, декорированная П. В. Кузнецовым и А. Ф. Матвеевым вилла сгорела в 1914 г. вместе с произведениями искусства, в ней находящимися (там были картины К. Ван Донгена, В. Ван Гога, П. Кузнецова и других мастеров).

2. *«Женщина и паяц»* — спектакль по пьесе Пьера Луиса.

3. Речь идет об отъезде из Москвы в Петербург.

4. Возможно, опера Н. И. Фомина на либретто И. А. Крылова (1788).

5. В архиве Кузмина в *РГАЛИ* сохранились его стихи, переписанные С. В. Миллером.

6. Очевидно, имеется в виду какая-то любительская постановка в Окуловке. *«Ульяна»* — возможно, драма в трех действиях Н. А. Петрашкевича и Л. Я. Циновского.

7. «Бродячая собака» была открыта в новогоднюю ночь 1912 г. В предшествующие дни о начале ее деятельности появлялись известия в хронике. Можно предположить, что при беседе с В. А. Пястом речь шла об участии Кузмина в чествовании К. Д. Бальмонта, состоявшемся в «Бродячей собаке» в ночь с 13 на 14 января. В тот раз с чтением стихов выступили С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, Вас. В. Гиппиус, М. А. Долинов, М. Л. Моравская и др. Отчет см.: *Цеховой поэт [Долинов М. А.?]*. Чествование К. Д. Бальмонта // *ОТ*. 1912. № 1638. 18 января; перепечатан: *Парнис и Тименчик*. С. 180–181. В дальнейшем упоминания посещений «Собаки» комментируются только в тех случаях, когда известно что-либо о программе кабаре в тот или иной вечер.

8. О М. В. *Пепенине* см.: *Азадовский К. М.* Эпизоды // *НЛО*. 1994. № 10. С. 121–123.

9. Речь идет о романе Д. С. Мережковского «Александр Первый», печатавшемся в «Русской мысли», начиная с № 5 за 1911 г.

10. См. объявление: «1-й раз в России последний аттракцион всемирно известного зоологического парка Карла Гагенбека <...>. „Бродяги“, большая комическая пантомима в 3-х картинах, балетмейстера Г. Рейзингера» (Речь. 1912. № 15. 16 (29) января).

11. Судя по всему, разговор шел о том, что Вяч. Иванов и В. К. Шварсалон фактически стали мужем и женой. О развитии событий далее см. запись от 16 апреля и комментарий к ней.

12. За время пребывания зимой 1912 г. в Петербурге вместе с женой, А. А. Тургеневой, Андрей Белый сделал доклады в «Обществе ревнителей художественного слова» (см. записи от 28 января и 18 февраля), прочитал лекцию «Современный человек» в большой аудитории Соляного городка 23 февраля и много времени посвящал заказам статей для первого номера журнала «Труды и дни», в том числе и Кузмину (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 390–391, 394–395).

13. Андрей Белый, вероятно, читал отрывки из начатого им «Петербурга». См. в его мемуарах: «„Петербург“ мой весьма популярен; у В. Иванова на „башне“ ряд чтений моих, на которых присутствуют Городецкий, Толстые и даже затащенный сыном редактор „Речи“ И. В. Гессен; все рассыпаются в комплиментах» (*Белый Андрей*. Между двух революций. М., 1990. С. 439).

14. В этот вечер в «Palace-Théâtre» шла оперетта Ф. Легара «Дочь улицы». Отчет см.: *ОТ*. 1912. № 1636. 18 января; подпись: О. Л.

15. Описание не слишком серьезного пожара см.: Речь. 1912. № 28. 29 января (11 февраля).

16. То есть о возможности пожить у Гумилевых в Царском Селе.

17. *Нимфой* С. М. Городецкий звал свою жену, Анну Алексеевну (иногда встречается обращение «Александровна»), подписывавшую свои изредка публиковавшиеся стихи А. (или Н.) Бел-Конь-Любомирская (в дарственной надписи на книге Блок назвал ее «Магдалиной»). См. о ней: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 52; The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky. Princeton, [1995]. P. 10. Слова о ее «безвкусии», возможно, вызваны регулярными попытками ее вмешиваться в литературные дела своего мужа, причем часто весьма бестактно. См., напр., ее письмо к Вяч. Иванову от 10 апреля 1910 г. (*ЕРОПД* на 1991 год. С. 157; публ. Г. В. Обатнина) и сходное письмо к Блоку от 9–10 октября 1910 г. (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 39). См. о ней также примеч. 8 к марту 1912 г.

18. См. об этом заседании в отчете В. А. Чудовского: «28-го января заседание О<бщест>ва ревнителей Художественного Слова было особенно многолюдно: собрались слушать доклад Андрея Белого о последних достижениях его в области теории русского стихосложения. Автор „Символизма“ производит совместно с несколькими сотрудниками подробное обследование метра у русских поэтов. <...> По существу столь значительный, но методологически крайне спорный доклад свой Андрей Белый продолжил сообщением, которое, наоборот, пленило слушателей убедительностью своей. Докладчик составил списки всех образов, сравнений, олицетворений и т. п., которые соединяют

Пушкин, Тютчев и Боратынский с зрительным восприятием луны, солнца, неба, воздуха, природы вообще. Получилась для каждого поэта поистине поразительная картина, от более точного исследования которой докладчик, пока, впрочем, воздержался» (*РХЛ.* 1912. № 3. С. 40). Ср. также отчет Н. В. Недоброво: Труды и дни. 1912. № 2. С. 24–26.

19. О вечере в «Бродячей собаке» (вероятно, без предварительно продуманной программы) см.: *Парнис и Тименчик.* С. 182.

20. Имеется в виду маскарад в Мариинском театре. Приложенное письмо сохранилось (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 220).

21. Имеется в виду Всероссийский съезд единоверцев, закрытие которого состоялось в этот день. См.: Закрытие съезда единоверцев // Речь. 1912. № 28. 29 января (11 февраля). Кузмин называет их «преображенцами», вероятно, по московской церкви на Преображенском кладбище старообрядцев-федосеевцев (не приемлющих священства и брака, Федосеевского Старопоморского благочестия), поскольку в Петербурге единоверческой либо старообрядческой церкви Преображения не было.

22. Возможно, с этим визитом и разговором связано чтение Кузминым готовившейся в то время к печати книги В. Д. Гарднера «От жизни к жизни» (СПб., 1912). См. в письме Гарднера к Вяч. Иванову от 6 мая: «Мой поклон Михаилу Алексеевичу, и еще раз и Вам и ему приношу свою глубокую признательность за критику — по просмотре моей книжки в рукописи и т. д. Никогда не забуду участия, которое Вы приняли в моем детище, — отважном, своевольном, и хоть и многогрешном, но любимом мною, как родителем его или же, если угодно, его *родительницей*» (цит. по: *Богомолов Н. А.* Addenda // *НЛО.* 1995. № 19. С. 192).

23. В «Пассаже» в этот вечер шла оперетта Ф. Легара «Ева» под управлением самого композитора. См.: *Звон.* У автора «Евы» — Франца Легара // *БВ.* Веч. вып. 1912. № 12757. 27 января; *Дмитриев Ал.* // *БВ.* Веч. вып. 1912. № 12761. 30 января.

Февраль

1. Имеется в виду «Цех поэтов». Подробнее о его деятельности см.: *Тименчик Р.* Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8; *Лекманов О. А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000 (особенно с. 17–50; там же библиография). Кузмин был редким посетителем «Цеха», начавшего свою деятельность 20 октября 1911 г. По воспоминаниям Вас. В. Гиппиуса, «много было в цехе недолгих гостей — скоро отошли старшие поэты из числа приглашенных (Блок, Кузмин, Ал. Н. Толстой, Вл. Пяст и некоторые друг.) <...> как-то после стихов Кузмина — редкого гостя цеха — вдруг оказалось, что говорить никому не хочется; лирическая сила стихов была настолько убедительна, что прежние рассудочные разборы показались пресными...» (*Гиппиус Василий.* Цех поэтов // Ахматова Анна. Десятые годы. М., 1989. С. 82–83). В дальнейшем Кузмин испытывал определенную неприязнь как к самому «Цеху», так и ко многим членам выделившейся из него группы акмеистов.

2. *Молли* — собака Гумилевых.

3. Анна Ахматова уезжала в Киев.

4. То есть на премьеру пьесы Ф. Сологуба «Мечта-Победительница», которая прошла 3 января 1912 г. в театре «Комедия и драма». См. анонс: *Арабажин К. И.* Новая пьеса Сологуба // *БВ*. Веч. вып. 1912. № 12763. 31 января; подпись: S; а также отчеты Вл. Азова (Речь. 1912. № 34. 4 (17) февраля; подпись: В. А.) и К. И. Арабажина (*БВ*. Веч. вып. 1912. № 12770. 4 февраля; подпись: К. Арн (Solus)).

5. В начале 1912 г. формировалась литературно-эстетическая концепция акмеизма, в создании которой Гумилев принимал самое активное участие. Важнейшее значение для него имело принципиальное расхождение с Вяч. Ивановым, впервые резко обозначившееся еще в марте 1911 г. Кузмин, только что почти восторженно отрецензировавший первую часть «Cor ardens» (Труды и дни. 1912. № 1), судя по всему, расходился во мнении с Гумилевым, оценившим вторую часть книги гораздо более скептически (см.: Аполлон. 1912. № 6).

6. «*Мечтатели*» — повесть Кузмина, впервые опубликованная в «Ниве» (1912. № 44–50).

7. Вероятно, Кузмин имеет в виду рецензию из цикла «Заметки о русской беллетристике» (Аполлон. 1912. № 3/4).

8. Судя по всему, имеется в виду стихотворение Н. С. Гумилева «Любовь», написанное, согласно записям А. Ахматовой, именно в этот день (см.: *Гумилев Николай*. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 508); оно начинается строками:

Надменный, как юноша, лирик
Вошел, не стучася, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нем.

9. «*Северным домом*» Кузмин мог назвать «Северные меблированные комнаты».

10. См. письмо Л. В. Ивановой к М. М. Замятниной от 8 февраля 1912 г.: «Белые все живут и живут <...> Жена Белого нарисовала Вячеслава безбородого очень похоже, и мы поручили Мосолову, чтоб он велел у Boissonat сделать снимок. Очень похожий и хороший портрет, и она говорит, что будет его гравировать. В солдатики мы с Белым, конечно, не успели играть <об игре в солдатики ср.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 34–35. — *Н. Б., С. Ш.*>. Третьего дня был понедельник, легли они в 8 часов, хотя Вера пошла спать в пятом час<у>. Городецкий под утро нечаянно заснул на Вяч<еславовом> диване, и Маша в сонном состоянии взвалила, делая Вяч<еславу> постель, весь тюк на него так, что Вера вдруг услышала придавленный и придушенный крик. Кузмин сбежал и денег не отдал, он должен Коту <В. К. Шварсалон>, Аннушке и Павлу, и уехал с сундуком и Миллером. Мы с Котом собирались его посадить на крыше в башню, но не успели» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 3. Л. 17, 18 об.–19 об.).

11. Об истории с отказом П. Б. Струве печатать роман Андрея Белого «Петербург» в «Русской мысли» подробнее см. в мемуарах Белого «Между двух революций» (М., 1990. С. 437–440), а также: *Дол-*

гополов Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Белый Андрей. Петербург. Л., 1981. С. 554–556. Именно в этот день Струве решительно отказал В. Я. Брюсову, предлагавшему роман в журнал.

12. Под «ложами» подразумеваются масонские ложи (Е. В. Аничков был известным масоном; см. примеч. 17 к январю 1910 г.). О масонстве Вяч. Иванова достоверной информации у нас нет. Обсуждение этого вопроса см.: *ДК-34*. С. 305–306.

13. В этот вечер на заседании *ОРХС* были выслушаны доклады Вяч. Иванова и Андрея Белого о символизме. См. отчет Н. В. Недоброво (Труды и дни. 1912. № 2. С. 26–27) и повестку (*РГАЛИ*. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 6).

14. В Мариинском театре в этот вечер шли одноактные балеты: «Эвника» А. Щербачева, «Карнавал» на музыку Р. Шумана и «Шопениана». Рецензию А. Волынского см.: *БВ*. Веч. вып. 1912. № 12826. 8 марта.

15. См. в отчете Н. В. Недоброво, названном в примеч. 13: «С. М. Городецкий протестовал против символизма во имя мифа и находил, что символисты самораспинаются в своем стремлении в запредельную даль. В конце своей речи С. М. Городецкий сказал слова, которых воспроизвести точно я не сумею, но в которых заключалась формула полного его обособления от символизма. Н. С. Гумилев также заявил о своем отрицательном отношении к символизму» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 27). Слова о выборе, очевидно, относятся не к формальному голосованию, а к определению своих тяготений.

16. Судя по всему, имеется в виду повесть «Мечтатели» и перевод Аполлодора (см. ниже, примеч. 20).

17. Имеется в виду благотворительная акция. См. в хронике: «Завтра, 22 февраля, день „Колоса ржи“. С утра по всему Петербургу рассыпется множество сборщиков и сборщиц с „Колосом ржи“ и кружками для пожертвований. Этот „Колос ржи“ будет продаваться по пяти копеек. Покупайте его! <...> Помните, что все собранные деньги идут в пользу голодающих...» (*ОТ*. 1912. № 1664. 21 февраля. С. 9).

18. Возможно, билеты на лекцию Белого «Современный человек» в большой аудитории Соляного городка, состоявшуюся в этот день.

19. Об этом визите и его последствиях см. письмо С. М. Городецкого в редакцию «Биржевых ведомостей», озаглавленное «Неожиданная метаморфоза»:

«Месяца полтора тому назад писателей обходил один литератор с просьбой дать ответ на анкету о мужском костюме, предполагаемую новым журналом „Джентльмэн и моды“.

На анкету нельзя, собственно говоря, не ответить: — это если не долг, то необходимая любезность перед обществом.

Анкета о мужской моде, естественно, нашла особенный отклик в среде неутомимых борцов за новое искусство, за новую жизнь, за новый быт: откликнулись проф. Е. Аничков, Вячеслав Иванов, Андрей Белый — серьезно откликнулись.

Что же оказывается? Объявляя о журнале, портновская редакция записала всех лиц, любезно ответивших на анкету, себе в сотрудники, участники, чуть ли не в закройщики!

Передержка эта глубоко возмутительна. Между ответом на анкету и сотрудничеством нет ничего общего, и рекламные стремления смешать эти два вида должны вызвать гневный отпор» (*БВ*. Веч. вып. 1912. № 12903. 24 апреля). Объявление о выходе журнала, издававшегося портным П. Краутом, появились в самом конце марта, и в них действительно говорилось: «Стараясь выяснить кардинальные вопросы в области мужской моды с точки зрения эстетики, мы обратились к содействию известных писателей, художников и артистов, любезно предоставивших свои статьи и заметки помещены в настоящем номере *<так!>*» (см., напр.: Речь. 1912. № 87. 31 марта (13 января)). Среди ответивших на анкету первого и единственного номера журнала действительно были Вяч. Иванов, Андрей Белый, сам Городецкий. Е. В. Аничков дал статью «Красота и уродство».

20. В списке произведений Кузмина за 1912 г. в *РТ* значится перевод Аполлодора. Сохранились автограф и корректурный оттиск из типографии «Якорь» со штампом «18.IV.12» девяти первых глав первой книги «Аполлодора Афинянина библиотеки» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 27). Как печатающаяся «Библиотека» Аполлодора была объявлена в «Третьей книге рассказов» (М., 1913), однако отдельным изданием не вышла. Договоренность о переводе с А. Л. Волынским была достигнута еще в январе 1912 г. Так, 17 января Кузмин писал Волынскому:

«Дорогой Аким Львович,

я воспользуюсь, если позволите, Вашей великодушной любезностью и начну переводить Аполлодора. Желательно было бы фиксировать эту работу и считать, не взирая на возможность появления готового труда, мой перевод установленным. Гонорар хотел бы получить по сдачи *<так!>* перевода, а не по выходе книги, хотя бы по приблизительной расценке. Сдавать могу частями. Кончу к половине марта. Утруждаю опять Вас, так как издательство решило держаться со мною самого неприятного и не вполне справедливого тона, утверждая, что я перестал работать, когда моя „ускоренная“ работа сводилась к тому, что у меня постепенно ее отбирали и, наконец, дня 4 даже Гурмона не присылали. Пожалуйста, будьте добры, сообщите мне телефоном 38–87, приступать ли мне к переводу.

Преданный Вам *М. Кузмин*» (*РГАЛИ*. Ф. 954. Оп. 1. Ед. хр. 573. Л. 5–6).

30 ноября Кузмин писал Волынскому: «...препровождаю Вам Аполлодора и корректуры, думая, что Вы имеете более частое сношение с типографией, которая меня забыла и думает, что я задерживаю корректуры, которые у меня давно готовы» (Там же. Л. 8).

21. См. в дневнике Блока: «24-го весь день провел с *Борей* (у Лейнера). Облик Бори, впечатление от него и от его слов. Очень важное сообщение» (*Блок*. Т. 7. С. 129). Белый вспоминал об этой встрече с Блоком, почему-то называя фешенебельный «Лейнер» (угол Невского и Б. Морской, в том же здании, где помещался излюбленный Кузминым «Альбер» —

ресторан «Французский») третьеразрядным: «Он мне назначил свидание, не помню где, кажется, в каком-то третьеразрядном, глухом, никем не посещаемом ресторанчике. И тут мы встретились и провели несколько часов вместе. <...> Помню, я рассказал ему все обстоятельства моей так странно складывающейся жизни и все события, бывшие со мной за период от десятого до двенадцатого года, события, определившие мою встречу со Штейнером в мае двенадцатого года. Он слушал меня молча, сосредоточенно, хотя оформление моего пути было чуждо ему. Однако ядро моих недоумений и запросов было ему и приятно и близко. До позднего вечера просидели мы с ним и, как заговорщики, разошлись в разные стороны желто-туманной, слякотной февральской улицы» (Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 321). Ср. также: Андрей Белый и Александр Блок: Переписка 1903–1919. М., 2001. С. 441–442; Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 380–391 (специальная глава «В глухом ресторанчике»).

22. Речь идет, по всей видимости, о книге Гумилева «Чужое небо», которую Кузмин отрецензировал в «Аполлоне» (1912, № 2). Позже, после сочтенного недружелюбным отзыва об «Осенних озерах», Кузмин рецензировал книгу Гумилева вторично (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». 1913. № 1).

23. Возможно, имеется в виду чтение корректуры сборника «Осенние озера», вышедшего в августе. Ср. письмо С. А. Полякова к Кузмину от 8 февраля (*ЕРОПД* на 1990 год. С. 56–57; публ. А. Г. Тимофеева).

Март

1. Речь идет о постепенно формулировавшихся элементах концепции акмеизма.

2. Поводом были именины Вяч. Иванова, которые, вероятно, начали праздновать сразу после полуночи.

3. «Русский драматический театр Рейнеке» как раз в эти дни набирал труппу на будущий сезон. См. хронику *ОТ* (1912. № 1670. 6 февраля), в которой Н. Д. Кузнецов не упоминался. Ср. в хронике более позднего времени: «Едва появился слух о том, что антрепренер Рейнеке будет держать драматический театр в „Буффе“, многие актеры стали осаждать администрацию. Набрана была громадная труппа, причем иные из актеров оказались совершенно лишними. Когда заключили контракты с руководителями труппы, то начали пересмотр труппы. В результате — уплатили около 8 тысяч неустойки и расстались с некоторыми из лишних актеров» (*БВ*. Веч. вып. 1912. № 12855. 27 марта). Правда, в хронике *ОТ* (1912. № 1724. 8 мая) Кузнецов упоминается как член труппы, но в программах театра его имени не было.

4. Речь идет о спектакле Троицкого театра миниатюр, состоявшем из анонимной драматической сцены «На полустанке», пьесы Е. А. Зноско-Боровского «Влюбленные в Марту» с музыкой В. Г. Каратыгина, оперетки «Зимние сны» (музыка А. Волынского, слова И. Арденина) и балета-буфф на музыку Б. Асафьева «Лукавая Флорента».

5. В этот насыщенный день состоялись: чествование К. Д. Бальмонта в театре «Комедия» с участием Е. В. Аничкова, К. И. Арабажина, С. Кречетова (С. А. Соколова), Ф. Сологуба, С. М. Городецкого, И. С. Рукавишникова, драматической частью вечера распоряжался В. Э. Мейерхольд (отчеты см.: Речь. 1912. № 65. 7 (20) марта; *БВ*. Веч. вып. 1912. № 12822. 6 марта; подпись: М. П.), а также заседание Религиозно-философского общества с докладом Е. П. Иванова «Нация и религия» и 55-й «Вечер современной музыки» (отчет: *Тимофеев Г.* // Речь. 1912. № 67. 9 (22) марта; подпись: Г. Т.). Кузмин рассказывал о своих театральных впечатлениях (см. предыдущее примечание).

6. *С. Л. И.* (т. е. Сергею Львовичу Ионину) посвящен цикл «Оттепель» в книге Кузмина «Осенние озера» (1912).

7. Имеются в виду статья «К. Д. Бальмонт» (Речь. 1912. № 69. 11 (24) марта) и речь, с которой Вяч. Иванов выступил на заседании Неофилологического общества, где 11 марта состоялось чествование К. Д. Бальмонта по поводу двадцатипятилетия его литературной деятельности. Подробные отчеты см.: *Литовцев С.* Праздник молодой русской поэзии (Юбилейное торжество в честь К. Д. Бальмонта) // Речь. 1912. № 70. 12 (25) марта; *Litotes* [*Недоброво Н. В.?*] Чествование Бальмонта // *РХЛ*. 1912. № 7. С. 104; *Арабажин К. И.* Чествование К. Д. Бальмонта // *БВ*. Веч. вып. 1912. № 12382. 12 марта; подпись: –s.

8. Б. А. Садовской был приглашен заведовать литературным отделом журнала «Современник». Ср. любопытную запись из его записных книжек: «15 марта. Все кончено с прошлым. Я встретился с Нимфой. Жизнь ломается. В Петербурге я с 7-го. Вчера Городецкий, с которым я и Клычков 13-го пили на „ты“, позвал нас к себе обедать. Признаюсь, я шел с трепетом, помня прошлый год. В январе я был у Г<ородецкого>, но Нимфа не вышла нарочно. Она сердилась, что я не писал. Теперь она вышла холодная, чужая. Но после обеда Ф. Ф. Фидлер заиграл вальс, мы с Нимфой кружились долго. Потом Сергей с Клычковым заперлись в кабинете, а я сидел в темноте на кушетке у ног Нимфы. Тут мы объяснились. Все понятно. Мы целовались, говорили долго обо всем: она меня приласкала с такой нежностью, так обнажила мне свою любовь и дружбу, что я с восторгом мечтаю теперь о Петербурге, куда переселяюсь через 2 недели в качестве редактора литерат<урного> отдела „Современника“. Жалованье 100 р., писать могу что хочу и сколько хочу (не более листа) рублей тоже на 100. Не верится мне все же, что я могу быть без оглядки счастлив. Нимфа подарила мне египетское кольцо. <...> Ноги Нимфы — поэма. Они дышат упоительными духами. И руки, и ноги у нее тонкие, что я в женщинах люблю» (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 402). Уже три месяца спустя Садовскому из-за идеологических разногласий пришлось покинуть «Современник», о чем он писал 19 июня 1912 г. А. Блоку: «...Вы видите, пожалуй, в моем „черносотенстве“ не то, чем оно есть на деле. В сущности, это ведь романтизм (если не донкихотское рыцарство, от которого у меня первого могут зубы вылететь), — и романтизм настолько же безобидный для общего порядка вещей, как и Ваша „Незнакомка“. Хотя, признаюсь Вам откровенно: за мое короткое пребывание в высоколи-

беральном „Современнике", в самой гуще „борцов и стражей" свободы, я не мог не поправеть в самом определенном смысле. Плеве-покойник — щенок перед Водовозовым, а в сравнении с Ляцким, ей-богу, Азеф может показаться маркизом Позой» (Там же. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 391).

9. М. И. Терещенко в это время был чиновником особых поручений при директоре Императорских театров В. А. Теляковском. Планы постановки «Электры» были реализованы лишь в феврале 1913 г., так как Терещенко вскоре ушел в отставку. См.: «Он может добиться категорических обещаний поставить в ближайшем будущем „Мейстерзингеров" Вагнера и „Электру" Штрауса» (*Каратыгин.* К «отставке дирекции Имп<ераторских> театров от г. Терещенко» // Речь. 1912. № 109. 22 апреля (5 мая)); «Люди, мало-мальски прикосновенные к театру, знают, конечно, про существование г. Терещенки. Это был такой „беспокойный" чиновник особых поручений при г. Теляковском. Все-то этот чиновник особых поручений будировал, чем-то был недоволен, хлопотал то об улучшении материального положения хористов, то о постановках новых опер. Может ли г. Крупенский вынести человека, который, несмотря на скромное „официальное" положение, фактически приобрел в театральных сферах сильное влияние, который довел Мариинский театр до репетиций „Электры"? Разразился конфликт. Живой уступает место мертвому. Г. Терещенко вручил Дирекции прошение об отставке» (*Каратыгин В.* Музыка // *РХЛ.* 1912. № 10. С. 142). Окончательно отставка была принята осенью (см.: *РХЛ.* 1912. № 14. С. 200). Роль Кузмина в намеченной постановке предполагалась различной. См., напр.: «В репертуар Мариинского театра на зимний сезон включены <...> „Электра" Рих. Штрауса в пер. М. Кузьмина <...> На первом представлении „Электры" приглашен дирижировать автор» (Речь. 1912. № 125. 9 (22) мая). О перипетиях с переводом Кузмина см. также: *Дмитриев.* С. 146, 227.

10. Первую книгу стихов М. А. Зенкевича «Дикая порфира» (СПб., 1912) Вяч. Иванов вскоре отрецензировал (Труды и дни. 1912. № 4/5).

11. Речь идет о дне, описанном в стихотворении Вяч. Иванова «Послание на Кавказ» (*Иванов.* Т. 3. С. 55–58). Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 437–440.

12. Имеются в виду орфические гимны, переводившиеся В. О. Нилендером для неосуществившегося издания.

13. Церковь Исидора Пелусиота при Исидоровском епархиальном женском училище (Невский пр., 176).

14. Музыка к «Двенадцатой ночи» Шекспира значится в списке музыкальных произведений Кузмина за 1912 г. Подробнее см. запись от 15 августа 1912 г. и комментарий к ней.

Апрель

1. Вероятно, речь идет о втором томе книги, только что вышедшем в издательстве «Скорпион».

2. Имеется в виду «Письмо в редакцию» (Аполлон. 1912. № 5), написанное по поводу редакционного искажения в рецензии Кузмина на «Cor ardens» Иванова (Труды и дни. 1912. № 1). Этот повод Кузмин использовал для довольно решительного размежевания с символизмом (преимущественно «мусагетским» его изводом). Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 502–513.

3. Имеется в виду солнечное затмение, в этот день наблюдавшееся в Петербурге. См. о нем, напр.: *Агафонов В.* Солнечное затмение // Речь. 1912. № 87. 31 марта (13 апреля).

4. Вероятно, речь идет об издателе К. Ф. Некрасове, который в 1912 г. выпустил роман С. А. Ауслендера «Последний спутник». Некоторые материалы Кузмина сохранились в архиве издательства (Гос. архив Ярославской области).

5. Речь идет о нотах цикла «Духовные стихи» (СПб.: Ю. Г. Циммерман, 1912). «Александрийские песни», насколько нам известно, тогда изданы не были.

6. Опера-легенда А. Т. Гречанинова по мотивам пьесы М. Метерлинка «Сестра Беатриса» (1910). Была поставлена в октябре 1912 г.

7. В этот вечер в «Palace-Théâtre» шла оперетта Л. Фалля «Милейший Августин». См. отчет: *БВ.* Веч. вып. 1912. № 12875. 7 апреля; подпись: В. Р.

8. Видимо, имеется в виду событие, описанное в хронике: «В Петербурге были произведены уличные демонстрации с целью протеста по поводу кровавого события на Ленских приисках» (Речь. 1912. № 103. 16 (29) апреля; подразумевается расстрел бастовавших рабочих).

9. Подробнее об этих событиях см.: *Богомолов Н. А.* К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // *МКиРК.* С. 166–169; *Азадовский К. М.* Эпизоды // *НЛО.* 1994. № 10. С. 123–124.

10. Появление вдовы М. Чюрлёниса (или, как его называли тогда, Н. К. Чурляниса) у Иванова было, очевидно, связано с тем, что накануне, 15 апреля 1912 г., в Малом зале Консерватории состоялось «Художественное утро памяти Н. К. Чурляниса» с участием С. К. Маковского, В. А. Чудовского и Вяч. Иванова (см. отчеты: *Каратыгин // РХЛ.* 1912. № 8–9. С. 119–120; *W. Z.* «Утро» Н. Чурляниса // *ОТ.* 1912. № 1704. 17 апреля. С. 7–8). О выражении «*клюпая Мета*» (глупая Мета) см.: *ДК-34.* С. 107 (предположение комментатора Г. А. Морева о его происхождении — там же, с. 302, примеч. 43). Скорее всего, оно восходит к Мете (в дневнике Мета, Метя) — служанке Ивановых.

11. Возможно, речь идет об обстоятельствах, связанных с недатированным письмом К. И. Чуковского к Кузмину:

«Дорогой Михаил Алексеевич,

Вы, может быть, заметили, что „Нива“ уплатила Вам не за все переводы Оскара Уайльда. Это моя вина. Две пьесы я удержал у себя — Requiescat и Песенку. Мне показалось, что приблизительность и неточность этих переводов не выкупается — как это обычно бывает у Вас, — изяществом и кокетливой грацией.

В Requiescat автор говорит: „Она едва ли сознавала сама, что она была женщиной“, —

у Вас:
„И женщиною сладко-нежно она росла".
У автора: она *может* слышать, как *растут* цветы.
У Вас: она внимает цветам.
У Оскара Уайльда:
„Она обратилась в пыль",
у Вас: „Она лежит в пыли".
В „Песенке" еще больше „отдаленной приблизительности" —
Love по-английски не только любовь, но и *любовник*, *возлюбленный*.
У O. W. сказано:
Золотое кольцо и белоснежная голубка
Добрые подарки для тебя,
А для твоего милого пеньковый канат,
Чтобы повесить его на дереве.
У Вас же:
А нашей любви из пеньки канат,
Чтоб повесить ее на сук.
Это и непонятно, и отвлеченно. Как можно любовь повесить на суку?
И так дальше. Если на этой неделе Вы успеете переделать эти пьесы — пришлите их ко мне: Куоккала, дача Дальберга. К. И. Чуковскому.
Ваш *Чуковский*.

Простите невежливый тон этого письма; я слишком люблю и уважаю Вашу поэзию, чтобы не быть с Вами откровенным» (*РГАЛИ*. Ф. 2671. Оп. 1. Ед. хр. 518).

Переводы стихов Оскара Уайльда, принадлежащие Кузмину, опубликованы: Полное собрание сочинений Оскара Уайльда / Под ред. К. И. Чуковского. СПб., 1912. Т. 4 (Приложение к журналу «Нива»).

12. А. В. Руманов был в то время петербургским представителем московской газеты «Русское слово», основанной И. Д. Сытиным и плативший высокие гонорары. Судя по дальнейшим записям в дневнике, Кузмин рассчитывал получить в «Русском слове» какую-то постоянную работу, однако это не удалось.

13. Поскольку повестки не сохранилось, очевидно, вечер был импровизированным (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 186). Отметим, что авторами хроники среди присутствовавших названы не только перечисленные Кузминым, но и упомянутые в дневниковой записи от 30 апреля.

14. Подробнее о закрытии сезона в «Бродячей собаке» см.: *Парнис и Тименчик*. С. 186–188.

Май

1. Вероятно, речь идет о деньгах за переводы стихов О. Уайльда (см. примеч. 11 к апрелю 1912 г.).

2. *День незабудок* (подобно Дню колоса ржи, Дню белой ромашки) — благотворительная акция. Собранные за продажу цветов день-

ги шли в пользу больных раком (см., напр.: День незабудки // *БВ*. Веч. вып. 1912. № 12920. 4 мая).

3. *Annen-Schule* (училище Св. Анны) — немецкая школа в Петербурге (Кирочная ул., 8). Существовали мужская и женская Annen-Shule.

4. В этот день в «Буффе» шла оперетта Ф. Карка «Мнимый брак».

5. *Открытые иконы* — древние иконы, расчищенные от позднейших напластований и записей, с первоначальными цветами красок.

6. *Синими кирасирами* (по цвету формы) неофициально назывался Лейб-гвардии кирасирский Ее Величества Государыни императрицы Марии Феодоровны полк, расквартированный в Гатчине. См. подробнее в воспоминаниях кн. В. Трубецкого «Записки кирасира» (Наше наследие. 1991. № 2–4; публ. В. Полыковской, здесь же многочисленные иллюстрации, в том числе и образцы формы).

7. Вероятно, речь идет о том, что Н. Д. Кузнецов продал подаренный ему Кузминым экземпляр «Курантов любви».

8. Видимо, речь идет о сказке (или, как она была названа в первой публикации, рассказе) «Рыцарские правила» (*БВ*. Утр. вып. 1912. № 13195. 14 октября).

9. О садомазохистских комплексах Сологуба см.: *Сологуб Федор*. Цикл «Из дневника» (Неизданные стихотворения) / Публ. М. М. Павловой // *ЕРОПД* на 1990 год. С. 109–159; *Павлова М. М.* Из творческой предыстории «Мелкого беса»: Алголагнический роман Федора Сологуба // Анти-мир русской литературы: Язык, фольклор, литература. М., 1996. С. 328–354.

10. Об истории с А. М. Девет нам ничего не известно, болтливость же насчет Ивановых касается распространения Кузминым сведений о беременности В. К. Шварсалон от Вяч. Иванова.

11. «*Галчонок*» — детский журнал, филиал «Сатирикона», редактором которого был А. Радаков. Кузмин напечатался там лишь однажды (сказка «Принц Желание» в № 45 за 1912 г.).

12. Открытие петербургского «Луна-парка» с многочисленными развлечениями и спектаклями серьезной оперной труппы широко рекламировалось в газетах. В этот день шла опера Ж. Нугеса «Quo vadis» в постановке Н. Н. Евреинова.

13. В «Буффе» снова шла оперетта Ф. Карка «Мнимый брак».

14. См. примеч. 29 к марту 1911 г. Несколько ранее, 5 мая, Кузмин писал Гершензону: «...я очень виноват, не присылая до сей поры обещанного начала. Этой мысли я отнюдь не оставлял и надеюсь к середине мая прислать Вам образчик, чтобы к лету знать определенно положение дел и заняться Аристофаном. Нилендер, в бытность свою здесь, сказывал мне, будто мне же хотели дать переводить греческие романы. Это, конечно, меня очень привлекало бы, и я бы, зная это более точно, мог бы постепенно переводить их, не отрываясь от очередных работ. Надеюсь, если все будет благополучно и пойдет хорошо, к осени представить комедии две, — впрочем, выславши раньше первую по окончании» (*РГБ*. Ф. 746. Карт. 35. Ед. хр. 39). Однако дело с пере-

водами не заладилось. Летом Кузмин прислал отрывок перевода Гершензону, о чем мельком упоминал в письме от 3 сентября (Там же), а 5 октября писал: «Мне бы хотелось знать, как обстоит дело с Аристофаном, потому что чем дольше я не буду получать извещений, тем дольше не смогу сдать перевода, которого я не буду делать на воздух. Если Вам не очень скучно, узнайте, пожалуйста, об этом, и пусть мне пришлют условия. Если Вы не забыли, то, может быть, напомните и о „Фиаметте", чтобы я мог говорить со *<так!>* Гржебиным. Пожалуйста, сделайте это, дорогой Михаил Осипович, и если перевод не понравился, напишите прямо» (Там же). Судя по всему, первоначальный перевод был одобрен, поскольку 27 октября Кузмин писал в издательство М. и С. Сабашниковых: «Я предполагаю 3 комедии Аристофана (Осы, Лягушки и Облака), срок для первой комедии половина марта, для вторых двух — половина сентября 1913 года. Если к тому времени окажутся еще свободными и желательными для перевода какие-нибудь комедии, я, вероятно, не откажусь от дальнейших переводов. Я хотел бы рублей 50–40 за печатный лист, но если у Вас приняты обычно другие гонорары, я на них согласен» (*РГБ*. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 79). 12 ноября он подтвердил свое согласие, и 19 ноября был подписан договор (Там же). Однако в 1913 г. рукописи Кузмин не представил, и договор был пролонгирован на 1914 год. См. примеч. 20 к апрелю 1914 г.

15. Гумилевы вернулись из Италии 17 мая 1912 г. в Киев, где Ахматова осталась, а Гумилев через Москву приехал в Петербург.

Июнь

1. Строка из песенки Кузмина «Дитя, не тянися весною за розой...» (Четыре романса. Слова и музыка Михаила Кузмина. СПб.: Давингоф, 1913).

2. В Народном доме императора Николая II в этот день шла опера Р. Вагнера «Тангейзер» (1845).

3. Блок с интересом относился к деятельности «Товарищества актеров, художников, писателей и музыкантов», дававшей под руководством доктора Дапертутто (В. Э. Мейерхольда) спектакли в териокском «Казино», поскольку там участвовала Л. Д. Блок. См. его записи в дневнике (*Блок*. Т. 7. С. 146–155). Кузмин прямо в деятельности труппы не участвовал (хотя 28 мая Блок записывал: «*Речи* были о Шекспире и идеях, *дело* пошло прежде всего о мейерхольдовских пантомимах, Кузмин с Сапуновым сватают Кроммелинков и т. д.» — Там же. С. 146). В этот день Кузмин с Сапуновым Блока дома не застали.

4. Подробную программу театра и сада «Аквариум» на этот день см.: *ОТ*. 1912. № 1760. 14 июня.

5. Вечером в театре «Луна-парка» шла опера Ж. Массне «Таис», однако возможно, что А. В. Руманов звал Кузмина днем просто развлечься.

6. Ср. в дневнике Блока за этот день: «Меня звали по телефону в Териоки Кузмин, Сапунов и К°, желающие устраивать в Петров день „Карнавал"» (*Блок*. Т. 7. С. 150).

7. *Принцесса* — прозвище Б. Назарбек.

8. Отклики на смерть Н. Н. Сапунова см.: Гибель художника Н. Н. Сапунова // Речь. 1912. № 162. 16 (29) июня; *Шебуев Н.* Так просто... // *ОТ*. 1912. № 1763. 16 июня (там, со слов П. П. Потемкина, сообщается существенная подробность: «Я замешкался на берегу, — они без меня поехали») и мн. др.

9. Н. И. Кульбин принимал активное участие в деятельности «Товарищества» (был не только художником, но и автором одного из «Прологов» к первому спектаклю; см., напр., отчет: *Потемкин П.* Театр Териоки. Открытие сезона // *ОТ*. 1912. № 1759. 12 июня; подпись: П. П. П.). По своей основной профессии Кульбин был врачом, профессором Военно-медицинской академии в генеральском чине.

10. Ресторан, размещавшийся на крыше «Европейской» гостиницы. В. А. Рышков в неопубликованных воспоминаниях о петербургских и московских ресторанах так описывал «Крышу»: «...Европейская гостиница устроила у себя тоже „сад" на крыше. Для этого вся крыша над той половиной фасада, которая выходила на Михайловскую ул. и примыкала к площади, была обнесена перилами и посыпана густо песком, вдоль перил была проложена узкая полоска газона, по краям которой стояли цветы, а против перил были устроены беседки, в которых и трапезовали гости. Я не сказал бы, что вид оттуда был очарователен, — виднелось только безграничное пространство крыш с возвышавшимися над ними куполами церквей» (*РГАЛИ*. Ф. 964. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 14).

11. См. запись от 19 апреля 1912 г.

12. В «Буффе» шла оперетта В. Якоби «Купленная жена».

13. Следов сотрудничества Кузмина в «Биржевых ведомостях» в июне 1912 г. нам обнаружить не удалось. Единственное его произведение, напечатанное в газете за весь год, — упомянутый в примеч. 8 к маю 1912 г. рассказ «Рыцарские правила» (Утр. вып. № 13195. 14 октября).

14. В «Буффе», как и на другой день, шла та же «Купленная жена».

15. См. в хронике: «Вчера, в 12 часов дня, в Исаакиевском соборе отслужена панихида по безвременно погибшем художнике Н. Н. Сапунове» (*ОТ*. 1912. № 1771–1772. 23–24 июня. С. 12). 23 июня Блок записал в дневнике: «Сегодня утром — немноголюдная и трогательная панихида по Сапунове...» (*Блок*. Т. 7. С. 153), а в письме к матери добавлял: «Кузмин очень хорошо молился и крестился» (Там же. Т. 8. С. 393). На панихиду Кузмина открыткой пригласил С. С. Позняков (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 333).

16. Может быть, речь идет об авансе за «Рыцарские правила».

17. Имеется в виду рекламировавшийся номер представления: «Гвоздь сезона Schichtl's Royal Marionettes».

Июль

1. В ночь на 2 июля А. В. Руманов и сотрудник «Биржевых ведомостей» А. Л. Стембо были арестованы, а в петербургском отделении редакции газеты «Русское слово» и в редакции «Биржевых ведомо-

стей» произведены обыски в связи с появлением в этих газетах секретных сведений об охранном отделении. Как сообщалось, «обыски находятся в связи с появлением в „Биржевых ведомостях“ и в „Русском слове“ сведений о деятельности чинов охраны. В доставлении этих сведений заподозрен некий Леонид Раковский, помещавший разные заметки в некоторых газетах. Леонид Раковский также арестован. По сообщению „Вечернего времени“, Леонид Раковский (он же Лернер) уже давно состоял на службе в охранном отделении» (Обыск в редакциях и арест журналистов // Речь. 1912. № 179. 3 (16) июля). Несколько более подробная информация: Обыски и аресты // Русское слово. 1912. № 152. 3 (16) июля. Руманова освободили 14 июля (см.: Речь. 1912. № 191. 15 (28) июля).

2. Имеются в виду М. О. Гершензон и А. Т. Гречанинов.

3. Ср. в анонимной заметке «Наследство Н. Н. Сапунова»: «...мы купили венок и решили опустить его в море — эту безбрежную могилу художника. В утро того дня, когда должно было состояться почтение памяти, в газетах появились сообщения о том, что тело найдено и находится в Кронштадте» (*ОТ*. 1912. № 1791. 14 июля. С. 9); «В Кронштадте, на местном кладбище состоялось погребение трагически погибшего <...> Н. Н. Сапунова. На похоронах присутствовали все члены редакции журнала „Аполлон“, многочисленные друзья, родственники и знакомые покойного. На гроб возложено много венков» (Там же. № 1783. 6 июля. С. 9).

4. Программу концерта см.: *ОТ*. 1912. № 1784. 7 июля. С. 9.

5. Ср. описание посещения фермы в Павловске, сделанное Кузминым в романе «Плавающие путешествующие» (*Кузмин М.* Плавающие путешествующие: Романы, повести, рассказ. М., 2000. С. 275–281).

6. Это приспособление, без которого узкие сапоги не надеть, и то, что Князев его захватил, означало его готовность разуться.

7. Речь могла идти или о «Книге о святых воинах», задуманной, но не написанной Кузминым, или, скорее, о совместном с Князевым сборнике стихов «Пример влюбленным» (подробнее см.: *Богомолов*. С. 88). Впрочем, не исключено, что Кузмин имел в виду уже находившийся в печати сборник «Осенние озера», который в рукописи весь целиком был посвящен Князеву. В печатной редакции к Князеву относится лишь посвящение книги и ряд посвящений отдельных стихотворений.

8. Совместный портрет Кузмина и Князева работы С. Ю. Судейкина, о котором идет здесь и далее речь, нам неизвестен и, скорее всего, не сохранился (историю судейкинских портретов Кузмина см.: *Кравцова Ирина.* Забытый портрет М. Кузмина // *НЛО*. 1993. № 3. С. 130–133).

9. Вероятнее всего, речь идет об ответе на предложение А. М. Кожебаткина издать книгу воспоминаний и статей о Н. Н. Сапунове (см. его письмо к Кузмину от 11 июля: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 400; см. также примеч. 10 к августу 1912 г.). Подтверждение того, что телеграмма была доставлена адресату, см.: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 3.

10. Возможно, имеется в виду, что из-за прихода гостей Кузмин не смог поехать по приглашению А. Егорова в Териоки к 4-м часам в среду 18 июля на заседание комиссии по устройству вечера памяти Н. Н. Сапунова (письмо Егорова см.: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 190).

11. Кузмин написал несколько акростихов, посвященных Князеву, в том числе: «Всегда стремясь к любви неуловимой...» (май–октябрь 1912 г.).

12. По всей видимости, оперу Глюка и «Реквием» Моцарта.

13. Имеется в виду уже упоминавшийся роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Кузмину, возможно, пришли на ум какие-то аналогии с писавшимся в эти дни С. Ю. Судейкиным их портретом (см. выше, примеч. 8).

14. Возможно, речь идет о семейной драме: 21 июня 1907 г. барон О. О. Буксгевден был застрелен в Петербурге своим сыном Эдгаром (см.: *Ljunddren Magnus*. The Dream of Rebirth: A Study of Andrej Belyj's Novel *Peterburg*. Stockholm, [1982]. P. 142–143).

15. Речь идет о публикации повести «Мечтатели» в «Ниве».

16. Вероятно, уже к этому времени относится предположение о дуэли между С. К. Шварсалоном (или А. Д. Скалдиным) и Кузминым, на которую Кузмин официально был вызван лишь в октябре. Подробнее см. далее, а также в упоминавшейся статье К. М. Азадовского «Эпизоды» (*НЛО*. 1994. № 10. С. 123–129).

17. О совместном пребывании с Князевым в Риге см. ниже, в записях конца августа и первой половины сентября 1912 г.

18. Смысл записи не очень понятен. Коллективными стихами Кузмин мог называть стихи из сборника «Пример влюбленным».

19. «*Перевал*» — символистский журнал, издававшийся в Москве С. А. Соколовым в 1906–1907 гг. Кузмин в нем сотрудничал.

20. Подписи (вероятно, стихотворные) Князева к рисункам Судейкина до нас не дошли; сохранились ли они — неизвестно.

Август

1. Редактором-издательницей «Нивы» в те годы была Лидия Филипповна Маркс (Всеволожская).

2. Программа представления в «Вилле Роде» на этот день опубликована в *ОТ* 4 августа.

3. Программу представления в театре «Аквариум» в этот день см.: *ОТ*. 1912. № 1813–1815. 5–6 августа.

4. В. Я. Брюсов приезжал в Петербург с поэтессой Надеждой Львовой, которой на следующий день, 8 августа, исполнялся 21 год. 24 ноября 1913 г. Львова покончила с собой. О сложных взаимоотношениях Львовой с Брюсовым, которого многие современники считали причиной ее гибели, см., напр.: *Лавров А. В.* Вокруг гибели Надежды Львовой: Неизданные материалы // De Visu. 1993. № 2. С. 5–11. С этим посещением тесно связано письмо Кузмина к Брюсову от 14 августа:

«Дорогой Валерий Яковлевич, прежде всего, позвольте мне сказать, какою не только личною радостью, но и каким-то вещим собы-

тием, полным значения, кажется мне Ваше посещение. Мне так редко приходится говорить с Вами и писать к Вам, что я не могу удержаться, чтобы не сказать, что в литературных ссорах, разочарованиях и пустынностях, когда я думаю о Вас, кроме того, что чувствую Вас самым близким, мне кажется ничто не потерянным, все поправимым, все планы исполнимыми. Я не смею говорить о личных отношениях: видно, так нужно, что к человеку, которому без всякой боязни, доверчиво можно бы было открыть самое заветное, дорога откроется когда-нибудь самою судьбою. Простите за лирику, дорогой Валерий Яковлевич, но так редко приходится говорить об этом. Я посылаю Вам стихи свои и Князева; я не мог послать те, которые Вы слышали, покуда не выяснился вопрос об одном издании, куда мы оба их предназначаем. Мне кажется, что первое и второе из Князевских — ничего, и мне было бы прямо одолжением, если бы Вы их не отвергли, помимо того, что я знаю, как тяжело для „молодых" отказы *<так!>*, особенно от Вас, и не желал бы своего друга подвергать огорчению, но мне самому было бы не менее огорчительно» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 14).

5. См. примеч. 5 к апрелю 1912 г.

6. С этим эпизодом, судя по всему, связано письмо Кузмина к С. А. Полякову: «Милый Сергей Александрович, устройте *непременно*, чтобы было уничтожено в „Осенних озерах" посвящение Миллера *<так!>*. Если этого не будет, произойдут такие неприятности и несчастия для меня, что не только задержка книги, но даже самое *отсутствие* ее ничто для меня в сравнении с ними. Это верно» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 104). Посвящение успели снять лишь в части тиража.

7. См. в хронике несколькими днями ранее: «Вчера утром в Михайловском театре начались репетиции „Двенадцатой ночи" Шекспира, которая пойдет для открытия русских классических спектаклей. <...> Ставит пьесу новый режиссер г. Ракитин. Между прочим, в одной из петербургских газет сообщалось, что г. Ракитин ставит пьесу по мизансцене Художественного театра. Это сообщение не соответствует истине» (*ОТ*. 1912. № 1820–1821. 12–13 августа. С. 9). В другой хроникальной заметке говорилось: «Музыка взята из старинных английских и итальянских мелодий конца XVI столетия. Некоторые вещи приписаны г. Кузьминым» (Ю. Л. Ракитин о постановке «Крещенского вечера» в Михайловском театре // *БВ*. Веч. вып. 1912. № 13143. 14 сентября). Премьера спектакля, по ходу репетиций переименованного в «Крещенский вечер», состоялась 26 сентября; в программе, как и в отзывах (напр.: *Арабажин К. И.* // *БВ*. Веч. вып. 1912. № 13165. 27 сентября; подпись: Solus), о музыке Кузмина не сообщалось. См.: *Дмитриев*. С. 228.

8. Имеются в виду «Заветные русские сказки» А. Н. Афанасьева, к тому времени выходившие только за границей (подробнее см. комм. Л. В. Бессмертных к кн.: Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. М., [1997]. С. 611–644).

9. Рисунки С. Ю. Судейкина для сборника стихов Кузмина и Князева «Пример влюбленным», который был предположен к публикации в издательстве А. М. Кожебаткина «Альциона», нам неизвестны.

11июля 1912 г. Кожебаткин писал Кузмину: «Что же касается „Примера влюбленным", то, если книга не будет уж очень „скандальной" и стихи Князева действительно хороши, я ее издам с удовольствием» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 1). Рукописи сборника сохранились, что дает возможность реконструировать его (см.: *Кузмин.* С. 687 и далее).

10. Имеется в виду второй сборник стихов Кузмина «Осенние озера», выпущенный книгоиздательством «Скорпион». В цитированном в предыдущем примечании письме А. М. Кожебаткин писал: «Видел в „Скорпионе" экземпляр „Осенних озер". Великолепная книга! Поляков придумал относительно ее целый план и просил меня написать о нем тебе. Он хочет, чтобы ты посвятил ее памяти Н. Сапунова и написал соответствующее предисловие, а на деньги, вырученные от продажи книги (рублей 600) собирается поставить памятник (то есть какой-нибудь столбик с бюстом) в Териоках. Мне кажется, что было бы гораздо целесообразнее, если бы почтить память Сапунова изданием альбома его вещей или монографии о нем, да и Сергей Александрович, кажется, уже охладел сейчас к своему плану, но ты все-таки ответь ему что-нибудь на это предложение. Я же окончательно решил издать книгу воспоминаний и статей о Николае Николаевиче и очень прошу тебя в первую очередь приняться за эту работу. Книгу хотелось бы издать к полугодовщине смерти, следовательно с этим надо спешить. Пожалуйста, поговори от моего имени с Блоком и Потемкиным» (Там же. Л. 1об.; частично опубликовано: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 400). Упоминаемый Кожебаткиным «экземпляр „Осенних озер"» — очевидно, последняя корректура сборника.

11. Какие именно песенки Кузмин писал в этот день, мы не знаем, однако большая часть раздела «Песеньки» в книге «Глиняные голубки» писалась именно летом и в начале осени 1912 г.

12. Имеется в виду письмо от этого дня, где объясняется, что А. М. Девет не может никак влиять на издательство Циммермана (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 31).

13. На основании этих записей уяснить, каким образом Кузмин получил деньги для поездки в Ригу к Вс. Князеву, какой и кому вексель он выдавал, что за ноты, в какой штаб и зачем он отвозил, комментаторы не сумели.

14. Речь идет о репетициях «Двенадцатой ночи» в Михайловском театре.

15. Имеется в виду отъезд в Ригу к Вс. Князеву.

Сентябрь

1. Роман Г. де Мопассана «Жизнь» (1883).

2. Речь идет о гостинице «Ап Markt» в Митаве, где И. фон Гюнтер поселил Кузмина и Князева (см.: *GuentherJohannes von.* Ein Leben in Ostwind. S. 399).

3. Письма от В. Я. Брюсова нам неизвестны. Судя по ответным письмам, в них обсуждалась возможность публикации стихов Князева, повести Кузмина «Покойница в доме» и его же сказок в «Русской

мысли», где Брюсов тогда заведовал литературным отделом. Сказки и повесть были напечатаны (1913. № 4, 7–8), стихи же Князева — нет. Отметим, что в эти дни Кузмин получил два письма от Судейкина, написанные 3 и 5 сентября. Они опубликованы с купюрой и неточностями: *Коган Д.* Сергей Юрьевич Судейкин 1884–1946. М., 1974. С. 179 (подлинник: *ГЦТМ.* Ф. 133. Ед. хр. 2); *ЕРОПД* на 1990 год. С. 57–58; публ. А. Г. Тимофеева.

4. Речь может идти или об авансе за музыку к спектаклю по пьесе Х. Бенавенте «Изнанка жизни» в театре Рейнеке, о котором подробнее см. ниже, или о каком-то контракте с Литейным театром (см. примеч. 9).

5. Видимо, первый замысел комедии «Венецианские безумцы», написанной в 1912 г. (согласно спискам произведений Кузмина), но поставленной, в оформлении С. Ю. Судейкина, единственный раз 23 февраля 1914 г. в Москве, в домашнем театре богатой меценатки Е. П. Носовой.

6. Лев Николаевич Гумилев родился 18 сентября 1912 г.

7. Жена В. А. Чудовского — А. М. Зельманова (во втором браке Белокопытова).

8. Программу представления в «Jardin d'hiver» см.: *ОТ.* 1912. № 1856. 21 сентября.

9. Судя по всему, речь идет о каком-то (неизвестном нам в точности) контракте Кузмина с дирекцией Литейного театра. О его сотрудничестве с театром в сезоне 1912/1913 г. точных сведений обнаружить не удалось.

10. В «Palace-Théâtre» в тот день шла оперетта К. Кювилье «Под маской».

11. Вероятно, речь идет о генеральной репетиции спектакля Михайловского театра «Крещенский вечер» (см. примеч. 7 к августу 1912 г.), премьера которого состоялась 26 сентября 1912 г.

12. Объяснить ситуацию мы затрудняемся; скорее всего, речь идет о векселе, упомянутом выше (см. записи конца августа 1912 г.).

Октябрь

1. В этот день в «Бродячей собаке» был вернисаж выставки картин Н. И. Кульбина. См.: *Парнис и Тименчик.* С. 190–191.

2. К этому промежутку времени, когда Кузмин не вел записей, относится письмо к нему от матери В. Г. Князева от 6 октября 1912 г., где она писала: «Посылаю Вам по поручению Всеволода Ваши книги. Очень, очень жалели мы, что не видели Вас все это время» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 1).

3. Речь идет об упоминавшейся «Изнанке жизни» Х. Бенавенте (см. примеч. 4 к сентябрю 1912 г.), которую ставил А. Таиров.

4. Вызов был сделан 15 октября. Кузмин отказался от дуэли, сославшись на «неравенство <...> в сословном отношении» (см.: *Азадовский К. М.* Эпизоды // *НЛО.* 1994. № 10. С. 126).

5. В этот вечер, как и в другие, в Литейном театре было два спектакля. В первом игрались «Антисемит» О. Дымова, комедия М. Ру-

вье «Ночная работа», «Сардинки» В. Мазуркевича, инсценированный рассказ Тэффи «Выслужился» и «Кинематограф» (вероятно, какое-то пародийное представление). Во втором — «Описанная кровать» Манценилова (М. Н. Волконского), «Тонкая психология» Тэффи, «Козлоногая» И. Саца (упоминаемая в «Поэме без героя» А. Ахматовой), «Адвокат» А. Аверченко и снова «Кинематограф». См.: *Сангурский А.* Литейный театр // *ОТ*. 1912. № 1878. 13 октября.

Ноябрь

1. См. в письме Кузмина к П. Б. Струве от 22 октября: «Я согласен на Ваши условия, хотя несколько огорчен, не могу скрыть, так как только в „Весах" были такие умеренные гонорары» (*ЕРОПД* на 1990 год. С. 61). В письме от 20 октября Струве определил гонорар Кузмину в размере 100 рублей за печатный лист (Там же. С. 62). Здесь речь идет о гонораре за печатание двух сказок («Золотое платье» и «Где все равны»), а также за повесть «Покойница в доме», на публикацию которой Струве дал принципиальное согласие именно в эти дни. Повесть, однако, была закончена позднее и предлагалась, как видно из записей от 4 и 6 марта 1913, сначала в «Ниву».

2. Имеется в виду позиция Е. В. Аничкова в конфликте Кузмина с С. К. Шварсалоном.

3. Программу «Jardin d'hiver» на этот день см.: *ОТ*. 1912. № 1915. 19 ноября. Отзыв об этой программе: Петербургский листок. 1912. № 318. 18 ноября.

4. О «музыкальном понедельнике» в «Бродячей собаке» см.: *Парнис и Тименчик*. С. 198.

5. Здесь и далее речь идет о репетициях «Изнанки жизни» в театре Рейнеке. См. в хронике: «В Панаевском театре усиленно готовятся к постановке комедии наиболее интересного из современных испанских драматургов, Хасинто Бенавенте „Изнанка жизни" <...> Декорации пишет С. Судейкин, по его же рисункам делаются чрезвычайно интересные костюмы. Музыка к пьесе (антракты, пантомима, танцы и песня) заказаны *<так!>* М. Кузмину и уже почти закончены им. Пантомима и танцы будут поставлены балетмейстером Романовым. Ставит пьесу А. Таиров» (*БВ*. Веч. вып. 1912. № 13261. 22 ноября; другие известия, также с упоминаниями Кузмина, см. в хронике этой газеты от 20 и 29 ноября).

6. Вероятно, речь идет о посещении спектаклей в Литейном театре.

7. Возможно, имеются в виду танцевальные номера к «Изнанке жизни».

Декабрь

1. О премьере «Изнанки жизни», состоявшейся 5 декабря, С. А. Ауслендер писал: «После сплошных неудач, после скучных „Змеек", „Чертов" *<так!>* „Русский драматический театр Рейнеке" по-

дарил неожиданно весьма приятным спектаклем. <...> Ставивший эту пьесу молодой режиссер Таиров показал хороший вкус, пригласив сотрудниками Судейкина (давшего ослепительные декорации, лишний раз доказавшие, что театральный талант этого даровитого художника достиг больших степеней мастерства), М. Кузмина (очаровательная музыка которого украсила весь спектакль) и Романова (очень удачно поставившего танцы и пантомимы)» (*РХЛ*. 1912. № 20. С. 264). Ср. отчеты А. А. Измайлова (*БВ*. Веч. вып. 1912. № 13285. 6 декабря.; подп.: Смоленский), В. Мазуркевича (*ОТ*. 1912. № 1932. 7 декабря), В. В. (День. 1912. № 66. 7 декабря) и еще раз Ауслендера (Речь. 1912. № 335. 6 декабря). Во время второго антракта к Кузмину подошел С. К. Шварсалон и дал пощечину (см.: *Азадовский К. М.* Эпизоды // *НЛО*. 1994. № 10. С. 126–127). Ср. рассказ А. Ахматовой, которая была свидетельницей происшествия, П. Н. Лукницкому 3 июля 1927 г.:

«Кузмин написал „Покойница в доме". Это был, конечно, пасквиль на то, что происходило в доме В. Иванова.

В. Иванов вступил в связь со своей падчерицей — Верой Шварсалон, убедив ее, что этого хочет ее покойная мать, являющаяся ему во сне. В результате у В. Шварсалон должен был появиться ребенок. Тогда В. Иванов стал настаивать, чтоб Кузмин женился на Вере Шварсалон.

Кузмин все это рассказывал всем, а брат Веры Шварсалон, не поверив всему этому, решил избить Кузмина...

В 1912 г. в театре Яворской (впоследствии сгоревшем) <ошибка памяти Ахматовой; правильно: в театре Рейнеке. — *Н. Б., С. Ш.*> шла „Изнанка жизни"... В театре были Кузмин, Николай Степанович <Гумилев>, Зноско и другие — все та же компания. АА в антракте вышла в фойе и увидела там человека страшного вида, в смокинге. Он ходил из угла в угол. Лицо и губы его были белее бумаги. Его лицо показалось АА знакомым, но АА не узнала, что это был брат Веры Шварсалон — Сергей Константинович Шварсалон, — так искажено было его лицо. АА из фойе вышла за кулисы (из фойе вход был прямо за кулисы, от которых фойе отделялось только небольшим помещением). В этом помещении АА увидела Николая Степановича, Кузмина и других, взволнованно обсуждавших происшествие. Был и полицейский, составлявший протокол. Оказывается, Сергей Константинович Шварсалон только что избил Кузмина... И Николай Степанович, и другие их разнимали, оттаскивали Кузмина. Кузмин пострадал довольно сильно — пенсне было разбито, лицо — в крови. В протоколе расписался Николай Степанович в качестве свидетеля.

Кузмин все же из театра поехал в „Бродячую собаку"...

А Вяч. Иванов потом объяснял брату, что это действительно так, что он любит Веру Шварсалон и т. д. (Потом он с ней уехал в Грецию, где нашел какого-то священника, согласившегося их повенчать. После этого они уже жили в Москве — здесь, конечно, им было неудобно жить.)» (*Acumiana*. Т. 1. С. 190–191).

С Е. А. Нагродской Кузмин познакомился, вероятно, в «Бродячей собаке». См. о ней: *ДК-34*. С. 113.

2. Вероятно, речь идет о музыке к «Спектаклю в память 1613 года», поставленному в Александринском театре 21 и 22 февраля 1913 г. (*Дмитриев*. С. 228). Сочинение музыки зафиксировано в списке сочинений Кузмина 1912 года в *РТ*.

3. Имеется в виду развитие событий после скандала в театре Рейнеке. Ал. Н. Чеботаревская была одной из главных защитниц репутации Вяч. Иванова.

4. В «Бродячей собаке» в этот вечер шел «Черепослов, сиречь Френолог» Козьмы Пруткова в постановке Н. Н. Евреинова, с участием О. А. Глебовой-Судейкиной (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 199).

5. Вероятно, имеется в виду репетиция вечера «Парижский игорный дом на улице Луны», готовившегося на 13 декабря, где должны были звучать музыка и стихи Кузмина (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 200–201).

6. См. выше, примеч. 2.

7. См. приглашение от М. Д. Прохоровой-Берлин прийти к 2–3 часам дня к ней домой на М. Конюшенную, 3, прослушать репетицию неизвестной нам кузминской пасторали, которую Прохорова-Берлин разучила вместе с Е. И. Тиме (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 1–1об.). Впервые этот замысел фигурирует в ее письме к Кузмину от 4 декабря: «Вы любезно согласились написать нам с Е. И. Тиме пастораль, которая, как мне говорил Ю. Л. Ракитин, уже готова. Очень прошу Вас прислать ее, то есть ноты и слова, с посланным. Мы же с Е. И. разучим ее, так сказать, черновую работу подготовим, и на днях будем просить Вас приехать ко мне посмотреть и послушать. Пока же посылаю с большой благодарностью сумму, которую мне назвал Юрий Львович, и жду Вас к себе, как праздника, так как всегда, читая, восхищаюсь Вами» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 105).

8. См. письмо Брюсова к Кузмину от 12 декабря (*WSA*. Bd. 7. S. 76) с рекомендацией. П. Ю. Бартенев — внук редактора-издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, сын дружившего с Брюсовым московского цензора Ю. П. Бартенева.

9. См. выше, примеч. 7.

10. Информации о вечере в «Бродячей собаке» 17 декабря 1912 г. у нас нет.

11. Сохранилась открытка:

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич,

Посылаю Вам билет на сегодняшний вечер в Зал на Мал. Конюшенной, 3, где мы с Е. И. Тиме будем исполнять Вашу пастораль. (Да ниспошлет Аллах нам успех!!)

Если почему-нибудь не можете быть, будьте милы, сообщите мне; я закажу Вам столик, а то — неизвестно, что еще будет...

Уважающая Вас сердцем *М. Прохорова*.

18/XII 1912» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 2–2об.).

12. Возможно, именно к этому дню относится недатированное письмо Е. А. Нагродской к Кузмину: «Многоуважаемый Михаил Алексеевич! Не будете ли Вы добры заехать сегодня ко мне вечером по делу одного издания, к которому мне хочется вас привлечь. Я буду одна,

и никакие ваши поклонницы не будут Вас утруждать своим присутствием. Если хотите, могу заехать к Вам сама от 8–9 ч. сегодня или завтра от 5–7 ч.» (*РНБ*. Ф. 124. № 2978. Л. 5).

В другом письме, также недатированном, она писала:

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Сейчас была у Вольфа, и оказывается, что Rimbaud запрещен в России. Мой экземпляр, купленный два года тому назад, был единственный, случайный и продан мне „случайно“. — Повезло.

Теперь я сбита с толку — не хочется издавать книгу, которую сейчас же и захлопают <так!>. Несносный мальчишка этот Jean-Arthur, сколько он причиняет мне волнений и огорчений, и это мертвый! Воображаю, что терпел бедный Verlaine от него живого!

Не думайте, что я в хорошем настроении, — в самом скверном, и по сорока причинам. Хочется крикнуть милым добрым людям любимую фразочку из Forgeron'a того же Rimbaud: „Eh bien, n'est ce pas, vous tous m.....“ и т. д.

Когда придете кушать индюшку? Это вопрос купчихи к о. Иоану *<так!>*

С уважением

Е. Нагродская» (Там же. Л. 1–1об).

Нагродская цитирует (не до конца) строку из стихотворения Рембо «Кузнец»: «Eh bien, n'est ce pas, vous tous? Merde à ces chiens-là!» (в пер. П. Антокольского: «Вы нас пошлете вновь — к собачьему дерьму!..»).

13. В этот вечер в «Собаке» С. М. Городецкий делал доклад «Символизм и акмеизм» (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 201).

14. Вероятно, за «Третью книгу рассказов», изданную «Скорпионом» (на тит. л.: 1913).

15. Речь идет о рассказе В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском», начатом печатанием с предисловием того же П. Е. Щеголева в газете «День» от этого числа (окончание — в номере от 23–24 декабря 1912 г.). В предисловии обосновывалось предположение о том, что в рассказе, который, по словам Титова, был лишь записью устного пушкинского рассказа, намного больше от Пушкина, чем предполагалось ранее, и потому возможно включить этот рассказ, с необходимыми оговорками, в круг собственно пушкинских произведений.

16. Адрес Мошковых в 1912 г. на Петербургской стороне — Б. Гребецкая ул., 43.

17. Так у Кузмина; возможно, описка вместо «M-lle» и речь идет об оперетте Ф. Эрве «Мадемуазель Нитуш».

18. Речь может идти о планах оформления какого-то концерта в Литературно-художественном кружке им. Я. П. Полонского. Такие вечера были регулярны, однако упоминаний об оформлении Судейкина нам обнаружить не удалось.

19. В. А. Сабинин исполнял «„Песеньки“ Кузмина» которые и были изданы фирмой Давингоф (ср. примеч. 6 к январю 1913 г.)

20. «*Перикола*» (1868) — оперетта Ж. Оффенбаха.

21. Описание этого новогоднего вечера в «Бродячей собаке» см.: *Парнис и Тименчик*. С. 201–203.

1913

Январь

1. Программа представления в «Jardin d'hiver» за этот день опубликована: *ОТ*. 1913. № 1956. 1 января.

2. «*На Мойке*» здесь и далее означает «у Нагродских» (их адрес — Мойка, 90). Переводчик Кузмина на немецкий язык Эдгар Мешинг (см. о нем в Указателе имен) в 1913 г. был театральным критиком газеты «Русская молва». Известно письмо, приглашающее Кузмина на этот вечер:

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Вы, наверно, забыли, что мы просили Вас прийти к нам 2-ого вечером. Если Вам не представляется чего-нибудь более интересного, будем очень рады видеть Вас. Если Вы в театре, то приезжайте хоть после театра, мы будем Вас ждать. Если Вам „неохота", то скажите мне об этом по телефону. Позвольте вам пожелать всяких благ в наступающем, то есть наступившем году. Весело ли Вы его встретили? Бутылка „брюта" так и стоит не раскупренная <так!>. Когда увидимся, расскажу по этому поводу психологическое нечто (не мое), что меня удивило.

Крепко жму Вашу руку.

Е. Нагродская» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 2978. Л. 2).

3. Имеется в виду постановка пьесы Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный», представленная в «Бродячей собаке» 6 января под руководством К. М. Миклашевского. Подборку отзывов см.: *Парнис и Тименчик*. С. 203–204. Текст (с ценными комментариями) см.: *WSA*. Bd. 14; публ. Ж. Шерона; *Театр*. Кн. 1; публ. А. Г. Тимофеева.

4. В Михайловском театре в этот день шел «Крещенский вечер» (см. примеч. 7 к августу 1912 г.).

5. Ср. аналогичное мнение о «Вертепе» С. А. Ауслендера (Аполлон. 1913. № 2. С. 66).

6. Ноты песенки «Дитя, не тянися весною за розой...» и танца павана из «Изнанки жизни» были изданы: первая — в составе сборника «Четыре романса. Слова и музыка Михаила Кузмина» (СПб.: Давингоф, 1913), а второй, в том же году, фирмой Ю. Г. Циммермана: «Павана и Гавот (для фортепиано)».

7. Имеется в виду спектакль «Изнанка жизни».

8. Речь идет о подготовке к вечеру памяти Козьмы Пруткова, устроенному в «Бродячей собаке» 13 января. Подробнее см.: *Парнис и Тименчик*. С. 204–205. В дополнение укажем отчет Л. М. Василевского (Речь. 1913. № 45. 15 (28) января; подпись: Л. В.). Об участии Кузмина в этом вечере сведений у нас нет.

9. Подписи Кузмина к рисункам Дж. Гранди появились в журнале «Аргус» (1913. № 2).

10. Видимо, на репетицию вечера памяти Козьмы Пруткова, который оформлял Судейкин.

Март

1. Повесть Кузмина «Покойница в доме».

2. То есть магазин дорожных вещей; возможно, «Эсдерс и Схефальдс», рекламировавший в газетных объявлениях товары «Все для похода».

3. Это письмо от И. фон Гюнтера публикаторам неизвестно. Ср., однако, инскрипт Кузмина на «Зеленом сборнике»: «Дорогому Гансу Гюнтеру в память милой весны, когда мы вместе мечтали, в надежде мечтать и далее и вместе дождаться осуществления наших мечтаний. М. Кузмин. 1913» (цит. по: *Харер К.* Кузмин и Гюнтер // *НЛО*. 1997. № 24. С. 269).

4. Видимо, М. И. Семенов, фирма которого выпускала альманах «Петербургские вечера» (после переименования города — «Петроградские вечера»), среди авторов которого Кузмин играл ведущую роль.

5. «Damnation de *Faust*» («Осуждение Фауста», 1846) — драматическая легенда Г. Берлиоза для солистов, хора и оркестра (см.: *ДК-05–07*. С. 342).

6. После неудачи с «Нивой» повесть «Покойница в доме» была отдана «Русской мысли» и там опубликована (см. письмо Кузмина к Л. Я. Гуревич. — *ЕРОПД* на 1990 год. С. 62; публ. А. Г. Тимофеева).

7. «*Багдадский цирюльник*» (1858) — опера П. Корнелиуса.

8. См. объявление в газетах о представлении в «Веселом театре» Л. Л. Пальмского: «С 11 ½ ч. веч. до 4 час. утра. Табарен. Дирекция А. Бувье. Первокласс<ный> франц<узский> ресторан под управлением М-г Alphonse» (*ОТ*. 1913. № 2018. 7 марта. С. 3).

9. В «Jardin d'hiver» 7 марта 1913 г. рекламировалось выступление С. Ф. Сарматова и «новые мартовские аттракционы» (Там же).

10. В этот день борьба шла как в цирке «Модерн», так и в цирке Чинизелли. Сведений об участии в состязаниях Бредихина (см. примеч. 15 к июлю 1910 г.) обнаружить не удалось.

11. В этот день на углу Аптекарского пр. и наб. Карповки открылась вторая Всероссийская кустарная выставка. См.: *Садко*. По поводу Кустарной выставки // Русская молва. 1913. № 91. 13 (26) марта; *Энгер К.* 2-я Всероссийская кустарная выставка // *БВ*. Веч. вып. 1913. № 13453, 13455, 13459. 18, 19, 21 марта и др.

12. Аванс мог быть выдан за сказки «Золотое платье» и «Где все равны» (1913. № 4) или, что менее вероятно, за повесть «Покойница в доме» (печаталась в № 7 и 8 за 1913 г.).

13. Видимо, за «Третью книгу рассказов» (М.: Скорпион, 1913).

14. В «Palace-Théâtre» в этот вечер шла оперетта К. Вейнбергера «Верх наглости». См. рецензию за подписью С. Т.: День. 1913. № 64. 8 марта.

15. *Литейщик* — актер Литейного театра.

16. Ср.: «<Юркун> в книгах понимал как мало кто, — даже Горький оценивал это большое знание. Войдя в книжный магазин, чутьем угадывал, какие новости и на каких полках...» (*Гильдебрандт О.* О Юрочке // *ДК-34*. С. 159). К способности Юркуна украсть в гостях понравившуюся книжку или, скажем, бутылку хорошего вина Кузмин относился как к легкой шалости либо индифферентно.

17. В Народном доме в этот вечер шла опера Р. Вагнера «Тангейзер» (1845).

18. В «Бродячей собаке», снимавшей на этот вечер зал на Малой Конюшенной ул., 2, был вечер поэзии, музыки и пластики (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 210). Ср. отчет: Вечер «Бродячей Собаки» // День. 1913. № 86. 30 марта.

19. Речь идет о Поле Тевна (1891–1921), швейцарском художнике и танцовщике. Впечатление от его выступлений и личности отразилось в романе Кузмина «Плавающие путешествующие», где швейцарец выведен под именем Жана Жубера.

20. О визите И. фон Гюнтера в Петербург в начале 1913 г., о планах создания Театра имени Пушкина см. в его воспоминаниях (*Guenther Johannes von.* Ein Leben im Ostwind. S. 418–420).

21. В этот вечер в Александринском театре шла пьеса В. Мейер-Ферстера «Старый Гейдельберг».

Апрель

1. 1 апреля в Александринском театре шел спектакль по пьесе П. П. Гнедича «Ассамблея».

2. Имеется в виду «Damnation de Faust» (см. примеч. 5 к марту 1913 г.).

3. В этот вечер в «Бродячей собаке» был вечер «Старая песня» в исполнении З. П. Лодий (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 211).

4. Рассказ «Капитанские часы» в «Ниву» не был принят (см. запись от 5 апреля), и Кузмин опубликовал его в альманахе «Петербургские вечера» (Вып. 2. 1913).

5. Речь шла о сотрудничестве в «Русской мысли» и, соответственно, возможности получения аванса.

6. О самоубийстве В. Г. Князева, происшедшем в Риге, см.: *Тименчик Р. Д.* «Рижский эпизод» в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2.

7. Среди сохранившихся писем Кузмину от М. П. Князевой (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 232) это письмо отсутствует.

8. В этот вечер в «Бродячей собаке» исполнялись балет «Пляс козлоногих» на музыку И. А. Саца в постановке Б. Г. Романова и гротеск Н. К. Цыбульского и К. Э. Гибшмана «Голос жизни, или Сила смерти» (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 211–212).

9. В эти дни З. П. Лодий выступала в Петербурге (см. выше, примеч. 3). Писал ли Кузмин что-либо специально для ее программы, нам неизвестно.

10. Возможно, роман «Борьба микробов», о скором выходе которого сообщалось в хронике: «В издательстве М. И. Семенова выходит на днях новый роман Е. Нагродской „Борьба микробов“» (День. 1913. № 88. 1 апреля).

11. Умершая незадолго до этого А. Д. Вяльцева оставила после себя большое наследство. Все вещи, находившиеся в ее квартире на Мойке, 84, по желанию мужа, полковника Бискупского, были проданы с аукциона. Газеты писали: «8-го апреля закончился продолжавшийся с 19 марта аукцион всего движимого имущества, оставшегося после смерти А. Д. Вяльцевой. Согласно описи, в продажу поступило 1652 предмета, масса бриллиантовых, золотых и серебряных вещей, картин, мебели, мехов и платья. Общая оценка всего имущества покойной артистки равнялась 90.000 руб. <...> аукцион был закончен блестяще: выручено 151.852 руб.» (После А. Д. Вяльцевой // День. 1913. № 96. 10 апреля). Понятно, что, в свете сказанного, желание Кузмина переехать поближе к своей покровительнице Нагродской имело вполне несбыточный характер.

12. Запись демонстрирует неспособность Кузмина, погруженного в собственные чувства, в данном случае даже не к элементарной эмпатии, но к простому сопереживанию. О душевном состоянии О. А. Глебовой-Судейкиной весной 1913 г. свидетельствуют ее строки из письма к Б. А. Садовскому, написанные месяц спустя, 17 мая (в ответ на присланный Садовским посвященный ей сонет): «...у меня вдруг одно за другим случились два ужасно для меня тяжких события, которые отвлекли меня от всего, — я потеряла двух дорогих мне людей — сестру и друга, совсем юного, и вот это и сделало мою весну совсем печальной. Сейчас я в Петербурге одна — Сергей Юрьевич в Париже на время, ставит там балет с написанными им декорациями. Знакомые разъезжаются, Петербург пустеет, а я томлюсь здесь каждый день и каждый вечер, и будто одна на свете...» (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 248. Л. 97 об.–98 об.).

13. В этот вечер «Бродячая собака» чествовала банкетом артистов МХТ в зале на Галерной, 33 (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 212–213).

Май

1 Драма Г. Ибсена (1892).

2. Программа представления в «Вилле Роде» на этот день опубликована: *ОТ*. 1913. № 2091–2092. 26–27 мая.

3. Дело Тиме было самым громким преступлением 1913 г. 12 января в доме № 18 по Кирочной ул. ударами топорика по голове была убита Марианна Людвиговна Тиме, жена секретаря начальника мастерских международного общества спальных вагонов. Как сообщалось в печати, «жизнь убитой г-жи Тиме до выхода ее замуж изобиловала различными приключениями. Передают, что один из безумно любивших ее поклонников застрелился, другой — выбросился из окна. Замуж г-жа Тиме вышла, имея состояние в несколько десятков тысяч

рублей» (*БВ.* Веч. вып. 1913. № 13349. 16 января). В марте в Пскове были арестованы двое ее убийц — бывший делопроизводитель 1-й экспедиции при канцелярии Министерства иностранных дел, губернский секретарь А. А. Долматов и бывший чиновник государственного банка барон В. В. фон Гейсмар. Как выяснилось в ходе следствия, Долматов был любовником Тиме и убил ее из корыстных побуждений. По приговору суда, оглашенному 30 мая, Гейсмар был приговорен к 15 годам каторжных работ, а Долматов — к 17. Наиболее подробные и квалифицированные отчеты печатались в газете «День»: Загадочное преступление на Кирочной улице // День. 1913. № 11. 13 января; Убийцы М. Л. Тиме арестованы // Там же. № 36. 7 февраля; *Бецкий К.* Дело А. А. Долматова и бар. В. В. Гейсмара // Там же. № 138–144. 25–31 мая.

Июнь

1. Подразумевается так называемая «видовая» (документальная) картина, составная часть обычной кинопрограммы того времени, состоявшей из видового фильма, комедии и драмы.

2. В этот день Всероссийский аэроклуб устраивал праздник воздухоплавания в честь французского авиатора Бриндежон-де-Меулена (см.: Речь. 1913. № 154. 9 (22) июня). Во время праздника проводились полеты с пассажирами.

3. Могут иметься в виду как фортепианные пьесы П. И. Чайковского, так и цикл песен самого Кузмина, также называвшийся «Времена года» (1903). Часть его была издана в 1914 г. под названием «С Волги» (см. примеч. 3 к январю 1914 г.).

4. О каких сонетах идет речь — неясно. Известно, что Кузмин написал музыку к сонетам В. Шекспира, но в то же время была музыка и к собственным сонетам (например, к первому опубликованному циклу стихов «XIII сонетов»).

5. Скорее всего, имеется в виду вокальный цикл самого Кузмина «Tentation de St. Antoine» (1895).

6. Программу сада «Аквариум» на этот день см.: *ОТ.* 1913. № 2109. 13 июня.

7. Видимо, то же самое произведение «Tentation de St. Antoine».

8. Программу представления «Виллы Роде» на этот вечер см.: *ОТ.* 1913. № 2110. 14 июня.

9. В «Летнем Буффе» шла оперетта Ж. Жильбера «Пупсик».

10. Б. С. Неволин в это время был среди организаторов Литейного интимного театра, в работе которого Кузмин с осени принимал самое активное участие. О театре подробнее см.: *Тихвинская.* С. 163–168.

11. Программу сада «Аквариум» на этот вечер см.: *ОТ.* 1913. № 2114. 18 июня.

12. В «Луна-парке» в этот день был бенефис В. И. Пионтковской в оперетте Ф. Легара «Ева». Программа аттракционов опубликована: *ОТ.* 1913. № 2122. 26 июня.

13. Ср. стихотворение Кузмина «Мы думали, кончилось все...» (*Кузмин*. С. 237–238).

14. Программу «Аквариума» см.: *ОТ*. 1913. № 2125. 28 июня.

15. Программу Павловского концерта на этот день см.: *ОТ*. 1913. № 2126–2127. 29–30 июня. Отчеты: *ОТ*. 1913. № 2128. 1 июля; подпись: Z.; День. 1913. № 174. 2 июля; подпись: Р.

Июль

1. М. Г. Корнфельд был издателем «Сатирикона» и «Синего журнала», где печатался Кузмин.

2. Программа сада: *ОТ*. 1913. № 2130. 3 июля. Отчет о программе Волли: *ОТ*. 1913. № 2129. 2 июля. «*Отличные акробаты*» — по всей видимости, «знаменитые Григари».

3. Еще в начале мая 1913 г. между М. Г. Корнфельдом и большей частью сотрудников «Сатирикона» и его редактором (а также других изданий, например, журнала «Галчонок») начался решительный разлад, в конце концов приведший к возникновению журнала «Новый Сатирикон». См., напр., открытые письма Корнфельда (Речь. 1913. № 133. 18 (31) мая; *БВ*. Веч. вып. 1913. № 13555. 18 мая) и сотрудников «Сатирикона», заявлявших о выходе из состава сотрудников журнала, а также А. Т. Аверченко, отказывавшегося от редактирования (Речь. 1913. № 134. 19 мая (1 июня); *БВ*. Веч. вып. 1913. № 13557. 20 мая). Полемика продолжалась и в дальнейшем. Судя по всему, разговор с Судейкиным был вызван именно этими обстоятельствами. Однако Кузмин не внял его уговорам и продолжал сотрудничество в старом «Сатириконе», а не во вновь возникшем «Новом Сатириконе», что оказалось недальновидно: «Сатирикон», лишившись редактора и талантливых сотрудников, постепенно приходил в упадок и в апреле 1914 г. прекратился.

Декабрь

1. Об обстоятельствах работы Литейного интимного театра в эти дни см.: *Каэль*. Литейный интимный театр // *ОТ*. 1913. № 2281. 2 декабря. Возможно, реакция была связана с отрицательной рецензией О. Ларина в «Речи»: «Вся остальная часть программы состоит из переводных пьесок, выбор которых мало свидетельствует о художественном вкусе руководителей театра <...> Можно ли говорить после этого об актерах, игре, исполнении? Просто большая или меньшая степень развязности, способности имитации» (1913. № 330. 2 (15) декабря).

2. «*Зеленая гвоздика*» (название дано по использовавшемуся О. Уайльдом символу «декадентства» — втыкаемой в петлицу зеленой гвоздике) — возможно, какой-либо клуб или общество гомосексуа-листов, поскольку ни в какой хронике нам не удалось найти сведений о чем-либо подобном. Ср. в записи от 21 января 1914 г.

3. 4 декабря в «Бродячей собаке» состоялся доклад Е. С. Кругликовой «Офорт и монотипия» (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 217–218).

4. Никаких сведений об обеде в честь С. А. Ауслендера, состоявшемся 11 декабря (см. запись на этот день), обнаружить не удалось.

5. Сокращение раскрыто предположительно, поскольку в это время произведений Кузмина в «Новом журнале для всех» не появлялось, и за что он рассчитывал получить там деньги, неясно. См. также запись от 2 февраля 1914 г. Не исключено, впрочем, что имеется в виду журнал «Новая жизнь».

6. После доклада Вл. Пяста «Поэзия вне групп», проходившего в зале Тенишевского училища, в «Бродячей собаке» в полночь начался диспут, который и имеет в виду Кузмин.

7. Вероятно, имеется в виду рассказ «Радостный отдых» (Сатирикон. 1913. № 52).

8. На этот день была назначена лекция Н. И. Кульбина «Футуризм и отношение к нему современного общества и критики» в концертном зале при шведской церкви св. Екатерины (Малая Конюшенная, 3). В отчете говорилось: «К футуристам прибегло и орловское университетское землячество, которое наполнило вчера публикой просторный зал при шведской церкви. Сугубый „аттракцион" представлял обещанный афишей диспут, „прение о вере", в котором должны были выступить против футуристов гг. С. Городецкий, М. Кузмин и Н. Гумилев, но диспутанты, к сожалению, не явились, и прение вышло однобоким» (*Ц.* Диспут у футуристов // Речь. 1913. № 339. 11 (24) декабря). См. также: *Парнис и Тименчик*. С. 219.

9. Судя по всему — не напечатанное при жизни Кузмина предисловие к выполненному В. А. Вертер переводу цикла стихов А. де Ренье «Королевство вод» (опубл.: *Ренье А. де*. Яшмовая трость: Рассказы, стихотворения. СПб., 1993. С. 425–426), датированное декабрем 1913 г. См.: *Дмитриев П. В., Тимофеев А. Г.* Библиография критической прозы М. А. Кузмина // De Visu. 1994. № 5/6. С. 112). Ср. запись от 16 декабря. О каком рассказе идет речь, мы не знаем.

10. См. выше, примеч. 4.

11. *«Северные записки»* — литературно-политический ежемесячный журнал, издававшийся С. И. Чацкиной с января 1913 по январь 1917 г. в Петербурге/Петрограде.

12. Вероятно, имеется в виду посещение репетиций спектакля по пьесе К. Р. «Царь Иудейский», которые шли в Эрмитажном театре в это время. См. в хронике: «На 11-е декабря назначена, как говорят, в Эрмитажном театре генеральная репетиция пьесы К. Р. „Царь Иудейский"» (Речь. 1913. № 339. 11 (24) декабря). Некоторые подробности нам известны, однако, лишь о повторениях генеральных репетиций 17 декабря (День. 1913. № 344. 19 декабря) и 19 декабря (*О-ч.* В Эрмитажном театре // *БВ.* Веч. вып. 1913. № 13917. 20 декабря). Репетиции вызывали громадный интерес публики.

13. Первое упоминание о задуманном Е. А. Нагродской журнале, реализовавшемся как альманах, «Петербургские вечера» (вышло 2 номера; после августа 1914 г. альманах стал называться «Петроградские вечера» и под этим заглавием вышли 3 и 4-й номера, после

чего издание прекратилось). Печатался альманах у постоянного издателя Нагродской М. И. Семенова.

14. Судя по всему, имеется в виду рассказ Юркуна «Ибо Он знал, что делал: Литовская легенда» (Огонек. 1914. № 2). Письмо Кузмина к редактору «Огонька» В. А. Бонди, рекомендующее Юркуна, было послано 13 декабря (см.: *Юркун.* С. 490).

15. Какая пьеса для «Бродячей собаки» имеется в виду — неизвестно.

16. «Фьяметта» Дж. Боккаччо в переводе Кузмина была издана фирмой М. Г. Корнфельда в 1913 г.

17. См. объявление в хронике: «В Литейном Интимном театре объявлен праздничный репертуар. <...> новый китайский балет Кузмина „Одержимая принцесса“ в постановке Б. Г. Романова...» (*ОТ.* 1913. № 2300. 21 декабря. С. 16). Двумя днями ранее сообщалось: «В Литейном Интимном театре заканчиваются черновые репетиции новой обстановочной пьесы Н. А. Крашенинникова „О мудром Фалалее и нищем-оборванце“ <...> Пьеса идет под музыку, написанную М. А. Кузминым» (*ОТ.* 1913. № 2297. 18 декабря. С. 15; схожая заметка: *БВ.* Веч. вып. 1913. № 13917. 20 декабря).

18. Какой номер просил Кузмина приготовить актер Литейного интимного театра А. Ф. Городецкий — неизвестно.

19. В. А. Бонди, вероятно, выдал деньги за уже упоминавшийся выше рассказ Юркуна (см. примеч. 14). В газете «День» было напечатано стихотворение Кузмина «Волхвы и пастыри» (25 декабря, бесплатное приложение к рождественскому номеру), под заглавием «Волхвы» вошедшее в сбонник «Глиняные голубки» (1914).

20. О какой репетиции у Е. А. Нагродской идет речь, мы не знаем.

21. Парикмахерская Первого товарищества мастеров в здании Михайловского театра называлась «собачьей», потому что была ближайшей к «Бродячей собаке».

22. Ср. в отчете В. Мазуркевича: «Балет „Одержимая принцесса“ изображает нечто из китайской жизни: китайцы и китаянки пляшут, скачут и о чем-то объясняются мимикой; если судить по прологу, то содержание балета таково: некая китайская принцесса одержима бесом танцев и поэтому все время прыгает и танцует так, как ее обучил этому делу г. Романов. А обучил он ее, надо сказать, хорошо; все танцы и группы поставлены красиво и живописно. Музыка г. Кузмина в достаточной мере „плясабельна“» (*ОТ.* 1913. № 2306. 28 декабря. С. 14). Ср. в том же отчете снисходительные слова рецензента о музыке к «О мудром Фалалее...». Ср. отчеты других газет: «Несколько лет тому назад ее <пьесу Крашенинникова> ставили уже в „Кривом Зеркале“. Правда, теперь она сильно изменена хотя бы уже тем, что при теперешней постановке в ней много места уделено музыке, написанной М. А. Кузминым. Музыка несколько однообразна и тягуча, но соответствует общему стилю лубка <...>. Понравился новый одноактный балет-пантомима М. А. Кузмина „Одержимая принцесса“. Действие происходит в Китае. Нельзя сказать, чтобы музыке был придан яркий китайский колорит.

Колорит этот давала внешняя постановка. Музыка, однако, живая, веселая, оригинальная. Хорошо танцевали г-жа Семенова и г. Дальский» (*Измайлов А. А.* Литейный интимный театр // *БВ*. Веч. вып. 1913. № 13924. 27 декабря; подпись: Анчар). Более строга рецензия: *Ларин О.* Литейный интимный театр // Речь. 1913. № 354. 28 декабря (10 января 1914).

23. Публикаций Кузмина в журнале «Вестник иностранной литературы» обнаружить не удалось, однако под маркой этого журнала как приложение к № 6 за 1913 г. отдельным изданием и без обозначения года был издан анонимный перевод «Фьяметты», весьма схожий с переводом Кузмина. Сверка двух текстов позволяет предположить, что это — один и тот же перевод, слегка подредактированный для уничтожения абсолютной идентичности.

24. Может иметься в виду часть гонорара за издание «Фьяметты» или гонорар за рассказ «Лекция Достоевского» (Синий журнал. 1913. № 52).

1914

Январь

1. Поскольку театр был закрыт по случаю кануна Крещения, Кузмин заходил не на представление, а к знакомым актерам или на репетицию.

2. По всей видимости, на маскарад в Суворинском (Малом) театре. Программу маскарада см.: День. 1914. № 5. 6 января.

3. Имеется в виду издание: С Волги (для голоса с фортепиано) / Слова и музыка М. Кузмина. СПб.: Циммерман, [1913]. В сборник вошло 7 песен, которые были написаны Кузминым еще в 1903 г. и тогда входили в вокальный цикл «Времена года» (или «Времена жизни»).

4. Повесть Юркуна «Шведские перчатки», изданная в 1914 г.

5. Об этом приглашении нам ничего не известно.

6. Появление имени Н. Ф. Балиева в дневнике в январе 1914 г. связано с постановкой в балиевской «Летучей мыши» 16 января пьесы Кузмина «Алиса, которая боялась мышей». Впоследствии театр привозил спектакль во время своих весенних гастролей в Петербург, где «Алиса» успеха не имела, как и спектакль Литейного интимного театра. Несколько подробнее см. в комм. А. Г. Тимофеева (*Театр.* Кн. 2. С. 345–346).

7. Речь идет о рассказе Юркуна «Ибо Он знал, что делал» (см. примеч. 14 к декабрю 1913 г.).

8. В этот вечер в Литейном интимном театре шла старая программа (см. примеч. 17 к декабрю 1913 г.). Отметим, однако, противоречащую мнению, занесенному Кузминым в дневник, оценку хроникера: «...успехом пользуется праздничная программа, которая в пятницу идет в последний раз» (*ОТ.* 1914. № 2317. 8 января. С. 15).

9. В этот вечер, в бенефис О. М. Антоновой, среди прочих миниатюр шла пьеса Кузмина «Алиса, которая боялась мышей», единодушно отрицательно встреченная критикой. Отзыв О. Ларина приведен: *Театр.* Кн. 2. С. 345. Ср. также отзыв, подписанный криптонимом В.: «Оперетка *<так!>* Кузмина, прежде дававшего Литейному театру интересные вещицы, на этот раз оставила слабое впечатление, несмотря на весьма старательное исполнение...» (День. 1914. № 11. 12 января).

10. О планах Б. С. Глаголина, вернувшегося в Малый театр, см. извещения в хронике: «Б. С. Глаголин предполагает поставить в Малом театре символическую драму „Рыцарь Гаван“. По этому поводу ведутся переговоры с Ф. Сологубом, которому принадлежит единственный авторизованный перевод пьесы» (День. 1914. № 10. 11 января), и заметно позже: «Театр А. С. Суворина с 1-го мая по 1-ое июня снят Б. С. Глаголиным. Будут поставлены: балет, с участием московского танцовщика Мордкина и московской танцовщицы Балашовой, и комическая опера Кузьмина „Венецианские безумцы“ в декорациях С. Ю. Судейкина.

Танцы будут поставлены Б. Г. Романовым. Далее будет инсценирован один популярный роман. Часть действий будет исполнена актерами, другая же часть будет показана в кинематографе. Соединение игры актеров с кинематографом является первым опытом в России. <...> В состав труппы войдут: г-жи Суворина, Рошковская, Трояновская, Глебова-Судейкина; гг. Юрьев, Глаголин, Нерадовский, Ермолов-Бородин из Казани и др.» (Речь. 1914. № 63. 6 (19) марта; ср.: Там же. 1914. № 76. 19 марта (1 апреля)). Интерес Глаголина к кинематографу зафиксирован хроникой, объявлявшей о его участии в диспуте «Великий немой» в помещении Литейного интимного театра, проходившем 24 марта (см. объявление: Речь. 1914. № 79. 22 марта (4 апреля); в отчетах [Речь. 1914. № 83. 26 марта (8 апреля); подпись: Ал. М., и др.] об участии Глаголина в диспуте ничего не сказано). «Забаву дев» Глаголин ставил в 1911 г. Изо всех планов, однако, вышла лишь программа «Русская лента», в которую входили спектакль, а после него — кинематографическое представление. Эта программа шла в помещении Малого театра с 1 мая 1914 г. Кроме того, в периодике 1914 г. появлялись объявления созданной Глаголиным кинематографической и прокатной фирмы «Русская лента», но это предприятие так и не развернулось.

11. Что за «получка» от А. Л. Гарязина имеется в виду, нам неизвестно. Ср. примеч. 2 к февралю 1914 г.

12. Речь идет о цикле «Бисерные кошельки», напечатанном в журнале «Северные записки» в январе 1914 г.

13. Вероятно, имеется в виду «вечер песни» З. П. Лодий, о котором было сказано: «Программа посвящена вокальной музыке старых европейских и русских композиторов» (Речь. 1914. № 16. 17 (30) января). Отзыв: *Каратыгин.* Концерт Зои Лодий // Там же. 1914. № 18. 19 января (1 февраля).

14. Скорее всего, рассказ «Федя-фанфарон», об окончании которого Кузмин писал в дневнике 6 февраля. Опубликовать его тогда же не удалось, и впервые он был напечатан в журнале «Аргус» уже после Февральской революции (1917. № 6).

15. *«С Волги»* — см. выше, примеч. 3. Имеется в виду книжный магазин «Российского музыкального издательства», во главе которого стоял С. А. Кусевицкий.

16. Представление «Венецианских безумцев» в Москве, в доме Е. П. Носовой состоялось 23 февраля 1914 г.

17. В Михайловском театре в этот день шел «Крещенский вечер» (см. примеч. 7 к августу 1912 г.).

18. И. В. Игнатьев, поэт-эгофутурист, покончил с собой 20 января, зарезавшись бритвой на следующий день после свадьбы. Об обстоятельствах его смерти газеты писали со слов сестры и жены: «В первом часу ночи на свадьбу явились три товарища новобрачного, футуристы: Г. И., Р. И. и третий, фамилия которого неизвестна родным покойного. Вскоре после прихода футуристы с братом направились в уборную, где долго о чем-то говорили. <...> Их вызвали в зал. И. В. был очень взволнован и нервничал. <...> И. В. бросился перед женой на колени и стал молить о прощении, убеждая ее покончить самоубий-

ством вместе с ним. <...> Видя, что убеждения не помогают, И. В. стал говорить ей, что он болен, что его женой поэтому она никогда не будет, он виноват, что не сообщил ей об этом раньше, и т. д.» (Самоубийство И. В. Казанского (Ив. Игнатьева) // День. 1914. № 22. 23 января; ср.: Петербургский листок. 1914. № 20–21. 21–22 января; Петербургский курьер. 1914. № 12. 22 января; Воскресная вечерняя газета. № 102. 1914. 26 января).

19. Речь, скорее всего, идет о переделке пьесы «Алиса, которая боялась мышей» для «Летучей мыши» (см. выше, примеч. 6).

20. В Михайловском театре французская труппа давала спектакль по пьесе H. Bernstein'a «Le secret» с участием Г. Роджерс. См. отзывы А. Швырова (*БВ*. Веч. вып. 1914. № 13962. 20 января) и Ал. Михайлова (Речь. 1914. № 24. 25 января (7 февраля)).

21. Вероятно, имеется в виду бал в Институте путей сообщения в пользу Общества недостаточных студентов. См. отчет о нем (без упоминания Нагродской): Петербургский листок. 1914. № 21. 24 января.

22. О приезде Л. С. Бакста в Петербург см.: *Любитель* [*Брешко-Брешковский Н. Н.*]. Модная знаменитость Парижа: К приезду в Петербург художника Бакста // *БВ*. Веч. веч. 1914. № 13561. 20 января; *М*. У Л. С. Бакста // День. 1914. № 28. 29 января.

23. В этот день в «Бродячей собаке» проходил диспут после лекции Н. И. Кульбина «Новое мировоззрение», состоявшейся в аудитории Тенишевского училища (подробности см.: *Парнис и Тименчик*. С. 224).

24. Речь идет о спектакле по пьесе Г. Д'Аннунцио «Жимолость» («Le Chèvrefeuille») в Михайловском театре с участием Г. Роджерс. См. отзывы А. Швырова (*БВ*. Веч. вып. 1914. № 13973. 27 января) и А. А. Измайлова (*БВ*. Веч. вып. 1914. № 13975. 28 января; подпись: Анчар).

25. В этот вечер Кузмин должен был участвовать в «Вечере лирики» в «Бродячей собаке», однако там не был (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 224).

26. Вероятно, речь идет о сборнике стихов «Глиняные голубки». Подобно многим своим коллегам-издателям, М. И. Семенов считал стихи убыточными и предпочитал их не брать.

27. О провале «Курантов любви» в ноябре 1907 г. см.: *ДК-05–07*. С. 429 и 557 (запись от 30 ноября 1907 г. и примеч. к ней).

29. То есть был одет в карнавальный костюм испанца. См. «Письмо в редакцию»: «Постоянная комиссия по техническому образованию приносит свою глубокую благодарность и искреннюю признательность Е. А. Нагродской, <...> М. А. Кузмину, Н. Ф. Икару <...> участие которых в концерте-спектакле, устроенном М. В. Небольсиной в пользу школ Императорского русского технического общества, 29-го января сего года в зале Павловой, способствовало его художественному и материальному успеху» (Речь. 1914. № 43. 13 (26) февраля).

29. Известен балет Л. Ф. Минкуса «Камарго» (1872) — посвященный знаменитой французской балерине XVIII в. Подобного вокального произведения обнаружить не удалось.

Февраль

1. 1 февраля в «Бродячей собаке» прошло чествование Ф.-Т. Маринетти (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 225–226).

2. Визит к А. Л. Гарязину, издателю «Нового журнала для всех», явно связан с письмом Кузмина к нему от 1 февраля (см.: *ЕРОПД* на 1990 год. С. 63; публ. А. Г. Тимофеева). О каком именно рассказе идет речь, установить ни публикатору письма, ни нам не удалось: в «Новом журнале для всех» при редакторстве Гарязина Кузмин не печатался.

3. О каком издании «Капитанской дочки» идет речь, установить не удалось.

4. Газеты сообщали: «Петербург обогатился новым большим театром для световых представлений „Паризиана", построенным по образцу лучших европейских театров этого жанра...» (*БВ*. Веч. вып. 1914. № 13961. 20 января). Кинотеатр до нынешнего времени помещается на Невском пр., 80. В этот день главным фильмом в программе был «Тайны города Нью-Йорка».

5. См. примеч. 26 к январю 1914 г.

6. Возможно, речь идет о пьесе «Мемории Амура» (см. примеч. 4 к марту 1915 г.).

7. Кроме выборов постоянных членов Художественного общества Интимного театра в «Бродячей собаке» в этот вечер проходил диспут «О новом слове» под председательством И. А. Бодуэна де Куртене (подробнее см.: *Парнис и Тименчик*. С. 228).

8. В этот день открылась выставка «Союза русских художников». Впечатления Кузмина от выставленных там картин В. М. Васнецова (см. запись от 11 февраля) вполне соответствуют оценкам рецензентов. См.: *Ростиславов А.* XI выставка «Союза русских художников» // Речь. 1914. № 46. 16 февраля (1 марта); *Левинсон А.* «Союз русских художников» // День. 1914. № 45 и 48. 15 и 19 февраля.

9. В известном тексте «Алисы, которая боялась мышей» — единственной пьесы Кузмина, которую он в 1914 г. отдал театру Н. Ф. Балиева, — никаких баллад нет. Возможно, имеются в виду просто вокальные номера или речь идет о каких-то вставках для петербургских гастролей «Летучей мыши» в апреле 1914 г. (ср. упоминание в записи от 22 января о том, что Балиеву «тоже нужно скоро», т. е. срочно требуются дополнения или переделки уже написанной пьесы).

10. В данном случае сокращение может обозначать как Г. В. Иванова, так и Р. Ивнева.

11. Судя по всему, Кузмин предлагал в «Ниву» рассказ «Федя-фанфарон».

12. Так как Л. Гребенщиков был актером Русского драматического театра, то речь, скорее всего, идет о спектакле по пьесе Ады Чумаченко «Люлли-музыкант».

13. Речь идет о пьесе С. А. Ауслендера «Ставка князя Матвея», готовившейся в это время к постановке в Русском драматическом театре (см. объявления о ней в хронике: Речь. 1914. № 33. 9 (22) февраля; День. 1914. № 48. 19 февраля и др.), и о журнале В. Э. Мейерхольда

«Любовь к трем апельсинам», о котором также широко извещалось в хронике (напр.: Речь. 1914. № 35. 5 (12) февраля. № 43. 13 (26) февраля; *ОТ*. 1914. № 2350. 10 февраля. № 2358. 13 февраля).

14. «Шведские перчатки» Ю. И. Юркуна все-таки были изданы М. И. Семеновым (см. в записи от 23 февраля упоминание, что роман начал печататься, а 9 июня Юркун привез из Петербурга в Павловск уже вышедшую книгу).

15. В «Бродячей собаке» был капустник (подробнее см.: *Парнис и Тименчик*. С. 226).

16. О каких издательских предложениях от «Сатирикона» или, скорее, от «Нового Сатирикона» идет речь — неизвестно.

17. Рассказ Кузмина «Княгиня от Покрова» был напечатан с большим опозданием, уже после Октябрьской революции (Нива. 1918. № 10).

18. Речь идет о книге: Альциона. М., 1914. Кн. 1. В альманахе была опубликована пьеса Кузмина «Принц с мызы». Вероятно, опоздание с присылкой его Кузмину было связано с тем, что издание было арестовано за рассказ Брюсова «После детского бала». Ср. запись от 25 февраля.

19. См. примеч. 10 к январю 1914 г.

20. В этот вечер в Русском драматическом театре была премьера спектакля по пьесе С. А. Ауслендера «Ставка князя Матвея». Рецензии петербургских газет (*Михайлов Ал.* // Речь. 1914. № 55. 26 февраля (11 марта); *В-е М.* // День. 1914. № 55. 26 января; *Измайлов А. А.* // *БВ*. Веч. вып. 1914. № 14028. 25 февраля; подпись: Смоленский; *Шебуев Н.* Впечатления // *ОТ*. 1914. № 2365. 26 февраля) были в общем неодобрительны. Однако в рецензии В. Мазуркевича говорилось: «Внешний успех пьесы был очень большой: автора вызывали, поднесли много венков и цветов. Я думаю, пьеса будет нравиться публике. А вот уж исполнение, наверно, публике не понравится» (*ОТ*. 1914. № 2365. 26 февраля. С. 12). Позднейшая хроника свидетельствовала, что у публики спектакль действительно имел успех.

21. Речь идет об обзоре Вл. Ходасевича «Русская поэзия» в альманахе «Альциона». В нем, в частности, отмечалось: «Прекрасный сборник издал М. Кузмин. С точки зрения формы, „Осенние озера“ немногим отличаются от первой книги того же поэта. <...> Но общий тон стихов стал значительней, строже» (*Ходасевич Владислав*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1. С. 416).

22. Роман «Плавающие путешествующие».

23. Имеется в виду тот же альманах «Альциона», где была напечатана повесть В. И. Мозалевского «Исчезающая мечта». Эта повесть заслужила высокую оценку Кузмина в докладе о современной русской прозе в «Бродячей собаке» (см. примеч. 16 к апрелю 1914 г.).

Март

1. См. опубликованное К. Харером и датированное этим числом стихотворение Кузмина «Путевая песнь», посвященное Гюнтеру (*НЛО*. 1997. № 24. С. 275).

2. В «Бродячей собаке» был «Вечер поэтов и музыкантов», с участием К. Д. Бальмонта (см.: *Парнис* и *Тименчик*. С. 227–228).

3. Спектакль «Венецианские безумцы» был любительским, потому сведения вполне могли быть верными, хотя А. А. Койранский в рецензии и отмечал актерские удачи (Утро России. 1914. № 46. 25 февраля). Для восприятия спектакля М. В. Добужинским характерно, что в его «Воспоминаниях» об этом спектакле нет никаких упоминаний.

4. Оперетта Ш. Лекока «Жирофле-Жирофля» (1874).

5. Смысл высказывания о шпаге неясен.

6. О какой выставке идет речь, установить не удалось. Д. Ходовецкий был одним из любимых художников Кузмина (см. справку: *Кузмин*. С. 745).

7. В «Бродячей собаке» был концерт вокальной и фортепианной музыки (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 228).

8. Имеется в виду антология: *Chuzeville Jean*. Anthologie des poètes russes. Paris, 1914. Ср. рец. на нее: *Гумилев Николай*. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 144–146.

9. Насколько мы знаем, в журнале «Современник» Кузмин не печатался.

10. Видимо, имеется в виду рецензия А. А. Койранского в «Утре России» (подпись: А. К.), частично воспроизведенная: *Театр*. Кн. 2. С. 329–330.

11. Письмо, датированное 12 марта, сохранилось. Л. Я. Гуревич, в частности, писала: «П. Б. Струве передал мне как заведующей литературным отделом рассказ г. Юркуна, который Вы ему рекомендовали. Я прочла его со всяческим вниманием и вижу в нем некоторые признаки дарования. Но есть в рассказе и столь же несомненные для меня недостатки. Изображение того психологического, вернее, патологического случая, который в нем представлен, не доуглублено до истинной художественной значительности, при которой и необычное, редкостное, исключительное приобретает для воспринимающего характер не только правдоподобного, но и неизбежного, вполне закономерного. Настоящей художественной убедительности нет в нем. А с другой стороны, нет в нем, как в рассказе, и заострения, того, что французы называют pointe <...> Пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, что и я, со своей стороны, твердо рассчитываю на большую Вашу повесть, которую Вы обещали представить в редакцию „Русской мысли“ в непродолжительном времени...» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л 1–1об.).

12. Сведения о заседании «Нового общества поэтов» («Физы») 14 марта 1914 г. отсутствуют в единственном более или менее полном перечне этих заседаний (см.: Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 212).

13. Здесь имеется в виду Николай (Никс) Бальмонт, сын поэта, пасынок Н. А. Энгельгардта, постоянный посетитель «Бродячей собаки». Его портрет дает в одном из своих мемуарных набросков О. Н. Арбенина: «...(рыжий, с фарфоровым розоватым лицом, зеленоглазый, и на лице — нервный тик! Прелесть для моего, вероятно, извращенного вкуса!). Никса в университете звали „Дорианом Греем“» (*Арбенина Ольга*. Саперный, 10 // Толмачев М. Бутылка в море. М., 2002. С. 177).

14. Новая гостиница «Селект-Отель» на 200 номеров открылась в феврале 1913 г. Реклама гласила: «„Селект“. Гостиница и ресто-

ран..200 роскошных номеров. — Ванны. — Салоны. — Говорят на всех языках. На вокзалах автомобили. Спрашивать комиссионеров». Юркун жил в «Селекте» в 1913 г.

15. Речь идет о стихотворении «Т. П. Карсавиной», написанном для сборника «Тамаре Платоновне Карсавиной — „Бродячая собака“» и выпущенном к ее вечеру 28 марта (см. ниже, примеч. 22). Впоследствии вошло в книгу Кузмина «Нездешние вечера».

16. Визит французского «короля поэтов» Поля Фора был литературной сенсацией марта 1914 г. Подробнее см.: *Парнис и Тименчик*. С. 229–231. Об обеде у генерала Кругликова с его участием, возможно, писал в своих «Записках» Борис Садовской, хотя у него вместо весны ошибочно указана зима: «Зимой довелось мне видеть двух иностранных знаменитостей, Верхарна и „короля поэтов“ Поля Фора. Верхарн похож на учителя французского языка, Фор на парикмахера. Верхарн все-таки держался прилично. Фор, черный, краснощекий, с капулем на низком лбу, выкрикивал стихи пьяным охрипшим голосом. Ел и пил он невероятно много. Можно было подумать, что в Париже „короля поэтов“ морили голодом. В одном петербургском доме Фор высидел за столом восемь часов подряд, все время закусывая и выпивая. Когда, наконец, его вынесли на руках, ковер под столом пришлось отдать в чистку» (Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 176).

17. В этот вечер в «Собаке» выступали Поль Фор и актриса Жермен д'Орфер. Программу см.: *Парнис и Тименчик*. С. 230

18. О каких планах Е. А. Нагродской идет речь, установить не удалось.

19. «*Беглая*» — оперетта Н. Н. Евреинова.

20. «*Лукоморье*» — журнал, который с 1914 г. издавался наследниками А. С. Суворина. Повышенными гонорарами и щедрыми авансами журнал поначалу привлек множество популярных литераторов, несмотря на одиозность «нововременского» клейма. Приведем эпиграмму Л. В. Никулина: «Кузмин и Буренин... / Какой винегрет! / В рисунках отменен, / В поэзии нет... / Во взглядах упорен / И лих, как гусар... – / Там лозунг: „Суворин“, / Пароль: „Гонорар“». (Русская эпиграмма. Сост., вступ. ст. и примеч. В. Васильева. М., 1990. С. 248). Отметим ошибку составителя: в печатном тексте Кузмин дан как «Кузьмин», а в примеч. на с. 356 (где контекст эпиграммы никак не пояснен) он соотнесен с художником Николаем Васильевичем Кузьминым. См. также цикл эпиграмм В. В. Князева «Лукоморская компания» (Русская эпиграмма (XVIII–начало XX века). Л., 1988. С. 490. («Б-ка поэта». Большая сер.)).

Осенью 1915 г. разразился скандал с выходом из «Лукоморья» большой группы писателей, обменом открытыми письмами на страницах «Биржевых ведомостей», карикатурами в «Сатириконе» и пр. Эта история хронологически попадает в утраченную VII тетрадь дневника, поэтому о реакции Кузмина, очень активно сотрудничавшего с «Лукоморьем», можно судить только по периодике. 30 октября 1915 г. в «Биржевых ведомостях» появилось «Письмо в редакцию» за подписями С. Ауслендера, М. Долинова, Г. Иванова, Н. Киселева, Н. Кузнецова,

М. Кузмина, В. Мозалевского, А. Рославлева, Б. Садовского, Ю. Слезкина, Ф. Сологуба: «Мы участвовали в журнале „Лукоморье“ до тех пор, пока чисто-литературная и в общем приемлемая физиономия этого журнала не возбуждала в нас принципиальных сомнений. <...> Нисколько не смущаясь нападками, от кого бы они ни исходили, мы видим, что в последнее время „Лукоморье“ приняло нежелательную для нас тенденциозную окраску, доказательством чего служат статьи Бурнакина и портрет Буренина. Ввиду этого мы считаем дальнейшее сотрудничество в „Лукоморье“ невозможным». На следующий день, 1 ноября, свою позицию по отношению в «Лукоморью» определил Ф. Сологуб (*БВ*. Утр. вып. 1915. № 15183. 1 ноября).

В ответном письме редакции «Лукоморья» говорилось: «Подписавшие заявление представители „молодой или новой литературы“ сожалеют о том ненормальном положении, которое установили по отношению к ним руководители журналов; может быть, в этом ненормальном положении несколько повинны и сами г-да беллетристы. Редакция „Лукоморья“ по мере сил стремилась идти навстречу их запросам, но не могла предполагать, что литературная этика допускает предъявлять просьбы об авансах под будущие произведения за два-три дня до ухода из журнала и три недели спустя после того, как проявилась „тенденциозность“» (*БВ*. Утр. вып. 1915. № 15187. 3 ноября).

Несколько дней спустя Кузмин выступил с индивидуальным письмом: «Подписывая письмо об уходе из „Лукоморья“, я руководился дружеской солидарностью с авторами письма, отнюдь не соглашаясь с мотивировкой их выхода, конечно, шаткой и неубедительной. В настоящее время причины чисто морального характера, объяснять которые я не считаю ни необходимым, ни возможным, заставляют меня превозмочь мои дружеские симпатии и заявить печатно же, что в „Лукоморье“ я остаюсь, а подпись моя под коллективным письмом является лишь неприятным для меня недоразумением. Кроме того, на будущее я думаю, что мое участие и выходы откуда бы то ни было с заявлением или без оного, никого не могут интересовать кроме меня самого и моих редакторов и подлежат исключительно моему личному благоусмотрению» (*БВ*. Утр. вып. 1915. № 15189. 4 ноября).

«„Мальчишки, негодяи, что наделали! В нужник вас запереть, подлецов!“ — „Василий Васильевич, да ведь мы...“ — „И слушать не хочу. Суворины вас принимали за порядочных людей, поили чаем, а вы оказались прохвостами“.

Так В. В. Розанов распекал по телефону в лице моем сотрудников суворинского „Лукоморья“, демонстративно покинувших журнал», — вспоминал позднее Борис Садовской в своих «Крупинках» (*РГБ*. Ф. 669. Карт. 1. Ед. хр. 11. Л. 36).

21. См. в хронике: «28 марта в зале Тенишевского училища состоялась лекция Н. М. Минского на тему: „Любовь к предметам и любовь к людям“. Лектора, выступившего впервые после своего возвращения из-за границы, собравшаяся в значительном числе публика встретила продолжительными аплодисментами. После лекции Н. М. Минскому была устроена овация. Затем друзья поэта устроили в его честь банкет» (*ОТ*. 1914. № 2395. 30 марта. С. 13).

22. Вечер в честь Т. П. Карсавиной подробно описан ею самой в книге воспоминаний «Театральная улица» (Л., 1971). См. также: *Парнис и Тименчик*. С. 231. Кузмин был поклонником таланта Карсавиной. Помимо стихотворения, о котором шла речь выше, в примеч. 15, см. его стихотворение 1922 года «Поручение» (*Кузмин*. С. 497–498).

Апрель

1. Судя по всему, имеется в виду музыка к драме А. Дюмасына «Дама с камелиями» в Малом театре. Несколько ранее в хронике сообщалось: «В Суворинском театре доктор Дапертутто ставит „Даму с камелиями" для Суворина. М. А. Кузмин написал специально для этой постановки несколько трогательных романсов. Постановка, видимо, будет не совсем обычная» (День. 1914. № 80. 23 марта). Пьесу, правда, ставил не Мейерхольд, но музыку Кузмин, как следует из хроники, все же написал (*ОТ*. 1914. № 2411. 19 апреля). Видимо, с этим связаны и дальнейшие его посещения театра (см. ниже, примеч. 5 и 6).

2. О Кузмине говорилось в докладе В. А. Пяста «Театр слова и театр движения», состоявшемся в «Бродячей собаке» 31 марта. Повестку заседания и комментарии см.: *Парнис и Тименчик*. С. 232.

3. Очевидно, речь идет о рассказе Кузмина «Платоническая Шарлотта», напечатанном в «Огоньке» (1914. № 23).

4. 2 апреля в «Бродячей собаке» состоялся доклад С. М. Волконского «О кинематографе» (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 228).

5. Любимое детище покойного основателя и пожизненного редактора газеты «Новое время» А. С. Суворина, его театр был связан с газетой какими-то деловыми и финансовыми отношениями, а не являлся автономным предприятием. О сложном финансовом положении театра в это время см.: *Д*. Литературно-художественное общество и театр Суворина // *БВ*. Веч. вып. 1914. № 14154. 16 мая.

6. Л. Н. Афанасьев активно сотрудничал в «Новом времени», и, видимо, он и был тем секретарем, к которому отослали Кузмина.

7. Нам известно только письмо Чичерина от 10–23 мая 1914 г., судя по всему, являющееся ответом на письмо Кузмина (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432).

8. См. в хронике: «В театре А. С. Суворина начались репетиции новой обстановочной пьесы В. П. Буренина и Ф. Е. Зарина „В век Екатерины". В 1-м акте интермедия-пастораль „Торжество Гименея". Действие сопровождается танцами и музыкой...» (*ОТ*. 1914. № 2394. 29 марта. С. 13).

9. О «Лукоморье» см. примеч. 20 к марту 1914 г. Из названных троих поэтов в журнале печатался лишь Н. С. Гумилев (стихотворения «Пролетела стрела...» (1914. № 1) и «Конквистадор» (1915. № 50)).

10. См. в письме Кузмина к Е. А. Нагродской от этого числа: «Днем у меня был Г. Иванов, Пастухов и Р. Ивнев с чемоданом. Последний на эти 3 дня уезжает в Сергиеву Пустынь. Когда я ехал с вокзала после ваших проводов, я много говорил с ним. <...> В „Лукоморье" участвует и Гумилев, и Ахматова, и худ<ожник> Бобышев, — вообще вся

шайка. На пьесы Блока мне прислали билет. Там „Балаганчик“ с моею музыкою» (*РНБ*. Ф. 248. Ед. хр. 441; последние две фразы опубликованы: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 431, с подробным комментарием).

11. Спектакль по блоковским пьесам, о котором здесь идет речь, выразительно описывался в хронике: «На пасхальной неделе редакция „Любви к трем апельсинам“ предполагает поставить известный „Балаганчик“ Александра Блока и нигде еще не шедшую „Незнакомку“ того же автора» (*БВ*. Веч. вып. 1914. № 14077. 29 марта). «На спектакле, устраиваемом редакцией журнала „Любовь к трем апельсинам“, драма Александра Блока „Балаганчик“ пойдет в новом варианте сценического истолкования. Первая редакция постановки этой драмы (театр В. Ф. Коммиссаржевской, на Офицерской) носила характер гротеска, толковавшегося в манере немецкого романтизма начала XIX века. В новой редакции постановки этот характер гротеска сохраняется, но вводится в действие еще новый элемент: „слуги просцениума“, задачей которых является как перемещение и перенесение декорации и аксессуаров на глазах у публики, так и общее наблюдение за ходом спектакля. Другая пьеса, „Незнакомка“, ставится в Петербурге впервые. Между драмами будет поставлена интермедия» (Речь. 1914. № 92. 4 (17) апреля). Поставленный В. Э. Мейерхольдом спектакль вызвал отрицательные отклики критиков. См., например: «Спектакль был лишен всякого стиля, формы, художественного смысла и дарования» (*Михайлов Ал.* Тенишевская аудитория // Речь. 1914. № 95. 9 (22) апреля); «Пьеса-мечта выпотрошена и, лишенная своей духовной внутренней красоты, свернулась, как мимоза, от прикосновения бесцеремонного экспериментатора» (*М. В.* Балаган Мейерхольда // День. 1914. № 95. 9 апреля). Ср. также: *Измайлов А. А.* // *БВ*. Веч. вып. 1914. № 14020. 8 апреля; подпись: Смоленский. Свод рецензий см.: Мейерхольд в русской театральной критике 1892–1918. М., 1997. С. 281–290. Реакция Кузмина описана в воспоминаниях Г. В. Адамовича (подробнее см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 431–432, с указанием литературы)

12. В «Бродячей собаке» прошел вечер песен М. А. Каринской (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 232).

13. Юркун был на докладе И. М. Зданевича «Раскраска лица» (подробнее см.: *Парнис и Тименчик*. С. 233).

14. См. ниже запись от 13 апреля и примеч. 16.

15. Последнее представление «блоковского спектакля» в Тенишевской аудитории (см. выше, примеч. 11).

16. В этот вечер Кузмин делал доклад о современной русской прозе, о чем рассказал в статье «Как я читал доклад в „Бродячей собаке“» (Синий журнал. 1914. № 18). Подробнее, с привлечением всех известных материалов, см.: *Парнис и Тименчик*. С. 233–234.

17. Кроме этого упоминания в дневнике Кузмина нет никаких других свидетельств о том, что блоковский спектакль шел 14 апреля. Известно, что спектакль был сыгран в зале Тенишевского училища семь раз: 7, 8, 9, 10 и 11 апреля (8 и 9-го он шел утром и вечером). См. об этой «стремительно подготовленной — и быстро отыгранной» постановке публикацию Н. Н. Панфилова и О. М. Фельдмана («Блоковский

спектакль»: Рабочие записи В. Э. Мейерхольда и комментарии к ним // *Мейерхольдовский сборник*. С. 309–351). Скорее всего, представление 14 апреля было отменено.

18. Смысл высказывания неясен; возможно, «история с письмом» как-то связана с записью от 18 июня и Мих. Сазоновым.

19. В этот вечер в «Бродячей собаке» был доклад И. М. Здиневича «Поклонение башмаку». Кузмин выступил в прениях (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 234). Ср. также весьма недружелюбный отчет: *ОТ*. 1914. № 2412. 20 апреля; подпись: Каэль.

20. Судя по всему, в эти дни Кузмин засел за долго откладывавшийся перевод комедий Аристофана для издательства М. и С. Сабашниковых (см. примеч. 14 к маю 1912 г.). 30 апреля он писал М. О. Гершензону: «Дорогой Михаил Осипович, я так неудобно *<так!>* перед Вами и Сабашниковыми, что я не знаю, что и сказать. Дело в том, что последнее время я переводил и кончу числу к 6–7, но я так часто надувал, что, действительно, можно было в меня извериться *<так!>*. Пусть это будет последний срок, если можно, 10 мая, и потом если я не вышлю, перевод будет свободным» (*РГБ*. Ф. 746. Карт. 35. Ед. хр. 39).

21. «*Серебряное сердце*» — рассказ Юркуна (по жанру скорее повесть; «рассказ» — в авторском подзаголовке), напечатанный в альманахе «Петроградские вечера» (Пг., 1914. Кн. 3).

22. В «Бродячей собаке» в этот вечер был сороковой «Музыкальный понедельник» (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 234).

23. 22 апреля в «Бродячей собаке» был устроен «кавказский вечер»: вернисаж выставки предметов восточного искусства, кавказские танцы и пение в исполнении бар. Н. П. фон Клейст, а также доклад Н. И. Кульбина «О кавказском искусстве» (подробнее см.: *Парнис и Тименчик*. С. 234–235).

24. «*Вывести*» — здесь означает сделать персонажем своей беллетристики, подобно тому как Кузмин это делал в «Покойнице в доме», «Плавающих путешествующих» и других произведениях. Л. Я. *Липковская*, известная певица-сопрано, вернулась в начале апреля из-за границы, но о выступлениях в Мариинском театре ей договориться не удалось (см.: *Двинский*. Г-жа Липковская и дирекция Императорских театров // *БВ*. Веч. вып. 1914. № 14092. 9 апреля). В хроникальных заметках появлялись сведения о том, что она готовится к гастролям в Аргентине, в миланском «Ла Скала», в парижской Grand Opéra, становится солисткой театра Музыкальной драмы и пр. В то время, когда она познакомилась с Кузминым, она, вероятно, готовилась к концерту, о котором сообщалось: «Третьего дня в квартире артистки Л. Я. Липковской состоялся концерт. Выступили Н. Н. Ходотов, Е. Вильбушевич, Л. Я. Липковская и др. Присутствовало много артистов и художников» (*ОТ*. 1914. № 2419. 27 апреля. С. 13).

25. М. Н. Бялковский был секретарем журнала «Лукоморье». Сведений о нем почти не сохранилось; Р. Д. Тименчик сообщал последнее, что достоверно известно: «...его сочинения в газетах Одессы периода румынской оккупации с созвучным времени и месту юдофобством» (*Тименчик Р. Д.* Заметки на полях именных указателей // *НЛО*.

1993. № 4. С. 156); впрочем, юдофобство было активному нововременцу всегда созвучно, и перестраиваться ему не пришлось. Опубликовано письмо Бялковского из Кишинева времени эмиграции к М. А. Суворину с просьбой дать ему работу в белградском «Новом времени» (*НЛО*. 1995. № 15. С. 206; публ. С. В. Шумихина).

26. Речь идет о спектакле МХТ «Николай Ставрогин», имевшем большой успех во время гастролей в Петербурге.

27. 30 апреля в «Новом обществе поэтов» («Физе») были два доклада: Георгия Иванова о газелле и В. А. Пяста о «Златолире» и «Шестом января».

Май

1. Имеется в виду роман «Плавающие путешествующие».

2. В связи с тем, что Кузмин регулярно посещал концерты в Павловском вокзале, укажем, что программы подавляющего большинства этих концертов печатались в *ОТ* за этот день. Сведения о программе мы приводим далее лишь в том случае, если упоминаются какие-то конкретные номера. Следует отметить, что в записях Кузмина называются, как правило, те концерты, которые не рецензировались корреспондентами ведущих петербургских газет, регулярно писавших о Павловских вечерах.

3. *Этюн* — селение близ Павловска.

4. Речь идет о собрании в «Обществе поэтов» 7 мая, где Рюрик Ивнев читал поэму «Фарфоровая стрела» и цикл стихотворений «Золото смерти», а Татьяна Краснопольская — доклад «„Манон Леско“ и ее автор». См. сообщение в хронике: «В „Обществе поэтов“ с большим успехом состоялся доклад Т. Г. Шенфельд „О Манон Леско и ее авторе“. В докладе много новых любопытных данных об аббате Прево и новое оригинальное освещение вечно женственного образа героини. После доклада прочитано стихотворение М. Кузмина „Манон Леско“ и произведение талантливого юного поэта Рюрика Иванова <*так!*>» (*ОТ*. 1914. № 2437. 16 мая. С. 13). Добавим, что перевод «Истории кавалера Де-Гриё и Манон Леско», сделанный Т. Краснопольской, был анонсирован на последней странице изданного М. И. Семеновым ее романа «Ряженые» (Пг., 1915) как «печатающийся».

5. Очевидно, речь идет о 10-м номере «Золотого руна» за 1908 г., где была опубликована повесть Кузмина «Двойной наперсник».

6. См. примеч. 16 к апрелю 1914 г.

7. Ближайшая по времени публикация Кузмина в «Огоньке» — рассказ «Платоническая Шарлотта» (см. примеч. 3 к апрелю 1914 г.). Несколько ранее, в № 16 «Огонька» от 20 апреля, появился рассказ Юркуна «Св. Казимир. (Из книги легенд о святых)».

8. Симфоническая поэма К. Сен-Санса «Пляски смерти» (1875) завершала первое отделение во время концерта оркестра под управлением А. П. Асланова.

9. Речь идет о музыке Ж. Бизе к драме А. Доде «Арлезианка», исполнявшейся тем же оркестром.

10. Визит в «Лукоморье» мог быть связан с появлением там 16 июня в № 14 рассказа Юркуна «Катарина» или в следующем № 15 (23 июня) рассказа Кузмина «Напрасные удачи».

11. *Биржевики* — здесь в значении: сотрудники «Биржевых ведомостей».

12. О чем идет речь, установить не удалось.

13. Имеется в виду Розовый павильон (см. примеч. 4 к маю 1910 г.).

14. *Кузмин М.* Глиняные голубки: Третья кн. стихов / Обл. работы А. Божерянова. СПб.: М. И. Семенов, 1914.

15. В «Новом обществе поэтов» 21 мая 1914 г. состоялась беседа о Тютчеве.

16. Ср. в «Гофмановском леске» Кузмина: «...смотрите, как перекинулся радужный мост и мальчик, закинув голову, смотрит на очистившееся голубое небо, словно слушает финал из „Похищения из сераля“» (*Кузмин М.* Лесок. [Пг., 1922]. С. 20).

17. Судя по этой фразе, «Плавающие путешествующие» безуспешно предлагались Кузминым журналу «Русская мысль». Роман был напечатан только отдельным изданием у М. И. Семенова.

18. Юр. Юркун был оригинальным художником. Репродукции некоторых его работ см.: *ДК-34.* На упомянутом концерте исполнялась сюита Фл. Шмитта «Feuillettes de voyage» («Листки путешествия», 1903–1913) и концерт Бетховена для фортепьяно с оркестром (солист Э. Фрей). Отметим, что концерт рецензировался несколькими газетами: *Тимофеев Г.* // Речь. 1914. № 143. 29 мая (11 июня); подпись: Г. Т.; *Коптяев А.* // *БВ.* Веч. вып. 1914. № 14173. 28 мая; подпись: А. К–в.; *К. Л.* // *ОТ.* 1914. № 2450. 29 мая.

19. Во время концерта оркестра под управлением А. П. Асланова звучали вступление и пляски персиянок из оперы М. П. Мусоргского «Хованщина», «Детская сюита» Бизе и увертюра Н. А. Римского-Корсакова «Светлый праздник».

Июнь

1. Вероятно, здесь в значении «фотографировал».

2. Скорее всего, речь идет о рассказе Юркуна «Катарина» (Лукоморье. 1914. № 14).

3. Видимо, роман «Белая колоннада» (Пг.: М. И. Семенов, 1914).

4. Б. А. Садовской в мае 1914 г. снял на месяц дачу в Куоккале, где общался с И. Е. Репиным и К. И. Чуковским. Ср. в его «Записках»: «Приходя от Чуковских после обеда по жаре домой, я раздевался, ложился в постель и спал до чаю. В один день мне что-то плохо спалось. Точно кто толкал меня встать и одеться. Не успел я повязать галстук, как в хозяйской половине послышался дикий крик: „Мамынька, ой, спасите, караул, горим! Ратуйте!“ Это были наши жеманные барышни. Дом пылал. Еле успел я выбросить в окно чемодан и выскочить сам. Сгорел у меня бритвенный прибор да полотенце. Вещи помогал вытас-

кивать сербский посланник Спалайкович» (Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 177). В газетной хронике сообщалось: «В несколько минут большой двухэтажный деревянный дом был охвачен со всех сторон пламенем. Одним из первых на помощь поспешил проживавший поблизости сербский посланник М. И. Спалайкович и находившиеся у него в гостях чины сербской миссии. Им удалось спасти из пламени много вещей» (*БВ*. Веч. вып. 1914. № 14203. 14 июня).

5. Об этом же двойном портрете писал К. И. Чуковский Б. А. Садовскому 11 декабря 1914 г.: «...Репин переутомился, торопится закончить картины (Сержа Городецкого с Нимфой, Вас. Каменского, „Подвиг Крючкова“ и Бельгийского короля)...» (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 6).

6. И. фон Гюнтер еще 3 апреля 1914 г. обещал Кузмину прислать новый роман А. Франса «Восстание ангелов», запрещенный в России (см.: *Харер К.* Кузмин и Гюнтер // *НЛО*. 1997. № 24. С. 273).

7. См. выше, примеч. 18 к апрелю 1914 г.

8. Эти рассказы Юркуна нам неизвестны.

9. Видимо, за рассказ «В защиту нравственности» (Огонек. 1914. № 31. 3 августа). См. в записи от 17 июня о приеме этого рассказа («Бонди взял»).

10. Опера Р. Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» (1867).

Июль

1. Имеется в виду пьеса «Алиса, которая боялась мышей» (поставлена в 1915 г.).

2. О чем идет речь, установить не удалось.

3. См.: *Измайлов А. А.* «Глиняные голубки» // *БВ*. Веч. вып. 1914. № 14235. 3 октября; подпись: Аякс. Статья оказалась неожиданно восторженной и, по всей видимости, предопределила последующее сближение Кузмина с «Биржевыми ведомостями», где со второй половины 1914 г. он регулярно печатался.

4. «*Der Rosenkavalier*» («Кавалер с розой», 1911) — музыкальная комедия Р. Штрауса, либретто Г. фон Гофмансталя. В переводе Кузмина была поставлена в 1928 г. в Академическом театре оперы и балета.

5. Обыгрывается заглавие романа Г. Уэллса (в других переводах «Война миров», 1898).

6. В этот день Кузмин отправил редактировавшей «Ниву» Л. Ф. Маркс письмо с просьбой ускорить ответ относительно судьбы рассказа «Антракт в овраге» (*РГБ*. Ф. 36. Карт. 1. Ед. хр. 36).

7. Имеется в виду не дошедший до нас рассказ Юр. Юркуна; см. о нем в дальнейших записях.

8. В журнале «Аргус» Кузмин в 1914 г. (№ 22) опубликовал рассказ «Соперник».

9. Рассказ «Антракт в овраге» был опубликован в альманахе «Жатва» (М., 1915. Кн. VI–VII). По нему был назван сборник прозы Кузмина 1916 г. Первоначально рассказ был отдан в журнал «Нива».

10. Роман Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837).

11. Роман Е. А. Нагродской «Бронзовая дверь» был впервые издан М. И. Семеновым в 1911 г. как 1-я часть трилогии «Усталый мир». Задуманная трилогия о сексуальных извращениях не была написана; книга запрещена цензурой, и отпечатанный тираж был конфискован — см.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 204 (статья О. Б. Кушлиной и А. В. Кохановой; экземпляр этого издания книги Нагродской имеется в *РГБ*). Под названием «У бронзовой двери» вышло в том же издательстве М. И. Семенова (СПб., 1914), со значительными цезурными купюрами, обессмысливающими авторский замысел (в частности, были изъяты заключительные страницы романа, где центральный персонаж кончает самоубийством из-за неразделенной гомосексуальной любви; ряд более мелких купюр касался желания героев книги сражаться на баррикадах под красным знаменем и т. п.). Для того чтобы компенсировать уменьшение объема книги, М. И. Семенов присоединил к роману 4 новых рассказа Нагродской (первый — «Похороны» — имеет посвящение «Юрию Ивановичу Юркуну»).

12. Австро-сербская война была объявлена 13 июля 1914 г. О происходившем в Павловске информации не сохранилось, однако, судя по всему, там было нечто подобное случаю на музыке в Сестрорецке, где вместо вагнеровского «Парсифаля» оркестр под управлением дирижера В. И. Сука исполнил «1812 год» П. И. Чайковского, и звучавший в финале русский гимн был бисирован трижды (*БВ*. Веч. вып. 1914. № 14259. 14 июля). Ср. информацию о концерте, прошедшем в Павловске несколько дней спустя: «Едва появился на своем обычном месте оркестр, как раздались многочисленные требования: „Гимн, гимн“, — и мощная песнь слилась со звуками оркестра. Взрывы „ура“ сопровождали исполнение гимна; повторен гимн был бесчисленное количество раз» (*ОТ*. 1914. № 2499. 18 июля. С. 7).

13. О манифестациях по поводу начала войны Австрии и Сербии см. в хронике: «16-го июля манифестации в Петербурге начались с 3 час. дня и продолжались всю ночь» (Речь. 1914. № 190. 17 (30) июля). См. также хронику «Дня» (1914. № 189–190. 16–17 июля).

14. Накануне вышел 14-й номер «Лукоморья» с рассказом Юркуна «Катарина», с чем, видимо, был связан визит в редакцию журнала. До апреля 1915 г. Юркун действительно не сотрудничал с «Лукоморьем».

15. Война была объявлена Германией 18 июля в 10 часов вечера. По-видимому, запись сделана Кузминым на другой день.

16. Кузмин записывает слухи, ходившие в публике, об отравлении Франца-Иосифа: в тогдашней периодике ничего подобного не появлялось. Кто такой арестованный в Берлине Костя, установить не удалось. Вряд ли это мог быть пасынок Вяч. Иванова К. К. Шварсалон.

17. 22 июля 1914 г. Англия предъявила Германии ультиматум, требовавший заявлений о подтверждении бельгийского нейтралитета. Фактически это было объявление войны, однако формально она была объявлена утром 23 июля (см. запись за это число).

18. Рассказ Кузмина опубликован в журнале «Лукоморье» (1914. № 15).

19. Речь, вероятно, идет о первоначальном замысле «Собрания сочинений» Кузмина, которое начало выходить в издательстве М. И. Семенова в 1915 г.

20. Н. С. Гумилев вернулся 24 июля в Петроград из своего имения Слепнево, 25-го был в Царском Селе (по соседству с Павловском). Уход его в армию добровольцем задержался из-за сбора документов.

21. См. запись от 3 апреля 1914 г., где Кузмин упоминает об отъезде сестры с семьей на отдых в Юрбург (ныне — г. Юрбакас в Литве) на Немане, который оказался с началом войны в черте Северо-Западного фронта. Открытка В. А. Мошковой от 3 июня 1914 из Юрбурга: *ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 83.

Август

1. 31 июля 1914 г. М. В. Зноско-Боровская писала Кузмину в Павловск: «Уезжая на войну, Женя поручил мне разыскать Вас и обратиться к Вам с очень большой просьбой: проредактировать рассказ, кот<орый> он успел написать только начерно, особенно последнюю главу. Так как я останусь здесь очень недолго (не больше трех недель) то вы бы меня страшно обязали, назначив мне самый ближайший срок для нашего свидания. Будучи очень занята, я боюсь терять время и ехать в Павловск на авось. Начиная *со вторника* мы можем условиться, к<а>к Вам будет удобнее: приехать ли мне к Вам или Вам ко мне. Живу я у Жениного брата: Николаевская, 77, кв. 12.

Все случилось быстро и неожиданно. Жене по приезде пришлось собраться в три дня. Я иду в сестры милосердия, так как не в силах, совершенно, оставаться здесь.

В „Ниве“ обещали взять повесть, и я бы очень хотела на той неделе ее отнести, чтобы получить деньги. — Все зависит от Вас, и я верю в ваше доброе, всегда дружеское и милое отношение к Жене, а потому так прямо и просто пишу Вам. <...> Ауслендеры в Швейцарии, деньги им посланы, но больше ничего пока о них неизвестно <...> У Жени ужасный почерк, и я сейчас переписываю его повесть» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 206; частично — *ДК-34.* С. 245–246).

2. О какой книге идет речь, комментаторам неизвестно, и чтение слова предположительно. Может быть, Кузмин хотел написать «книгу о катарах», то есть исследование о средневековой религиозной секте, известной также под именем богомилов, но утверждать этого мы не можем.

3. В «Аргусе» (1914, № 20) был опубликован «военный» рассказ Кузмина «Серенада Гретри», датированный августом 1914 г.

4. См. в хронике: «Л. Я. Липковская устраивает в средних числах сентября спектакль в пользу семей запасных, призванных на военную службу. В спектакле примет участие Б. Г. Романов, который поставит балет Кузмина „Выбор невесты“» (Речь. 1914. № 228. 26 августа

(8 сентября)). Из других известий в хронике известно, что концерт планировался в Большом зале консерватории (см.: *БВ*. Веч. вып. 1914. № 14317. 18 августа; День. 1914. № 219. 15 августа). О планах постановки балета упоминалось довольно долго — до 10 сентября (*ОТ*. 1914. № 2523. 10 сентября). См. также примеч. 3 к сентябрю 1914 г.

5. Видимо, рассказ «Серенада Гретри» (см. выше, примеч. 3).

6. Такого произведения Юркуна мы не знаем.

7. О чем идет речь, неясно. В 1912 г. был конфискован роман «Бронзовая дверь» (см. примеч. 11 к июлю 1914 г.); в 1914 г. вышел роман Нагродской «Белая колоннада», о конфискации которого у нас нет сведений.

8. «Три дня праздников» здесь означает, что подряд шли два неприсутственных дня (29 августа — поминовение воинов, на брани убиенных, 30 августа — тезоименитство вел. кн. Александра Михайловича и кавалерственный праздник ордена св. Александра Невского), а 31-е число приходилось на воскресенье.

Сентябрь

1. В записной книжке Кузмина записан военный адрес Зносko-Боровского: «Женя. Действующая армия. 21 Арм<ейский> корпус. 176 пех<отный> Переволочинский. Прапорщику 10-й роты». Ниже адрес госпиталя: «Бронницкая, 9, общеофицерская палата» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 45).

2. И. (Дж.) Гранди иллюстрировал рассказы Кузмина «Серенада Гретри» и «Соперник» (Аргус. 1914. № 18 [октябрь] и № 20 [декабрь]).

3. О спектакле Л. Я. Липковской см. примеч. 4 к августу 1914 г. В объявлении о нем говорилось, что состоится он в Мариинском театре и балета Кузмина в программе не будет. «*Сюзанна*» — комическая опера Э. Вольфа-Феррари «Секрет Сюзанны» (1909), которая могла заинтересовать Кузмина по давней памяти. См. в рецензии В. Г. Каратыгина: «Наиболее интересной частью <...> была постановка никогда в России не шедшей одноактной оперы „Секрет Сюзанны“ Вольф-Феррари. <...> Первый опыт ознакомления петроградцев с композициями Вольф-Феррари был произведен лет 12 тому назад „Вечерами современной музыки“...» (Речь. 1914. № 255. 22 сентября (5 октября)).

4. Ср. в дневниках К. А. Сомова: «Вечером Валечка привел вернувшегося только что с Балеарских островов П. Потемкина. <...> Потемкин мало рассказывал, был недолго, но показывал свои рисунки. Совершенно неожиданно он сделался художником, его первые шаги под влиянием одного мексиканского художника (?) очень интересны и у него отличный глаз и данные стать художником» (*Сомов*. С. 134).

5. Положение дел в Литейном интимном театре волновало Кузмина, так как он ожидал там премьеры своей пьесы (до нас не дошедшей). См.: «Дирекция Литейного театра предполагает открыть сезон 15 сентября <...> В репертуар первой серии включены к постановке <...> пьесы М. Кузьмина и А. Аверченко (инсценированные патриоти-

ческие сатиры)» (День. 1914. № 234. 30 августа). Открытие сезона планировалось последовательно на 15, 20, 29 сентября, но в итоге состоялось 30-го, и пьесы Кузмина в программе не было (см. в рецензиях: *Боцяновский В.* Сатира в театре // *БВ*. Веч. вып. 1914. № 14408. 1 октября; *С. Т.* // День. 1914. № 266. 1 октября).

6. Отметим, что в августе 1913 г. между Кузминым и Сомовым было серьезное расхождение по поводу пьесы Кузмина «Вюртембергские близнецы», очень Сомову не понравившейся (подробнее см.: *Театр*. Кн. 2. С. 408–410).

7. В первые месяцы после начала войны Б. Г. Романов, В. Э. Мейерхольд и С. Ю. Судейкин активно ставили разнообразные драматические сцены и балеты. Хотя у нас нет достоверных сведений об «интригах» того времени, очевидно, что они связаны с ревностью и внутренней конкуренцией.

8. Речь идет о стихотворениях «Ушедшие», «Оставшиеся» и «Герои» (Аполлон. 1914. № 6/7). Сохранилась записка Кузмина к С. К. Маковскому от 5 сентября: «...благодарю Вас за советы, которыми я воспользовался. Посылаю Вам исправления и, вероятно, в понедельник или вторник принесу еще два, если это не слишком много» (*РНБ*. Ф. 400. Ед. хр. 128. Л. 1).

9. См. выше, примеч. 5.

10. Что имеет в виду Кузмин под «статейкой», неясно: никакие статьи Юр. Юркуна нам не известны. Ср. также упоминание о неудачной статье в записи от 1 сентября.

11. Под «толками о половинках» может, конечно, иметься в виду какое-либо обсуждение известного представления Платона о любви как поиске своей половины, однако скорее речь шла об опубликованной в первом выпуске «Петербургских вечеров» «петербургской поэме» В. Сысоева «Смерть половинки».

12. Очевидно, за рассказ «Пастырь воинский» (Огонек. 1914. № 40).

13. О рассказе «Федя-фанфарон» см. примеч. 14 к январю 1914 г.

14. *Жакерией* называлось крестьянское антифеодальное восстание во Франции в период Столетней войны, в 1358 г. Здесь, вероятно, Кузмин имеет в виду непримиримую враждебность Е. А. Нагродской к Юркуну и постоянные напряженные объяснения с ней.

15. Видимо, музыковед И. Браудо прислал какую-то статью для очередного выпуска «Петроградских вечеров», однако она была отвергнута.

16. «*Расточитель*» (1867) — пьеса Н. С. Лескова.

17. См. текст этого письма в хронике: «Многие люди находят, что писать в данный момент нельзя. Может быть, они правы. Поэтому я перестал писать. Я хотя старый человек, но вполне здоров и не могу сидеть без дела. Прошу зачислить меня в качестве солдата» (Анатоль Франс — доброволец // День. 1914. 20 сентября, экстренное прибавление к № 255). Судя по тому, что эта сенсация не получила широкого распространения, «письмо Франса» действительно было фальшивкой.

18. Рецензии Н. В. Кузнецова на сборник «Глиняные голубки» в «Лукоморье» не появлялось; в журнале не существовало и отдела литературной критики.

19. *«Млада»* — опера-балет Н. А. Римского-Корсакова (1890).

20. Об этом визите А. И. Тиняков писал Борису Садовскому 26 сентября 1914 г.: «Был я третьего дня у Кузмина, дал ему стихи, но аванса не получил; вчера видел Рославлева и Фидлера; недавно был у Юркуна и получил в подарок „Шведские перчатки". Чтение этого романа доставило мне очень большое удовольствие; жаль, что в этой книге только двести страниц...» (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 212. Л. 37).

21. Отдел библиографии, о котором говорил М. Н. Бялковский, в «Лукоморье» организован не был.

22. См. в хронике: «В ресторане „Старый Донон", на Английской наб. 28-го сентября в 11 часов вечера произошел пожар. От невыясненных причин загорелось во 2-ом этаже. К прибытию пожарных огонь перебросился в 3-й этаж. Вызванные пожарные потушили огонь. Выгорели два этажа ресторана. Пострадали обстановка и сервировка» (Речь. 1915. № 262. 29 сентября (12 октября)).

23. В «Лукоморье» до разразившегося скандала (см. примеч. 20 к марту 1914 г.) активно сотрудничали многие художники, ранее связанные с «Сатириконом» (прежде всего В. Денисов, М. Бобышов, Ю. Анненков, с 1915 г. — Б. Григорьев), да и некоторые поэты (например, Л. Никулин, писавший также под псевдонимом Анжелика Сафьянова и задним числом заклеймивший рептильное издание процитированной в указанном примечании эпиграммой) перешли из «Сатирикона».

Октябрь

1. Под «романом» Кузмина, скорее всего, подразумевается «Тихий страж».

2. О рассказе «Антракт в овраге» см. примеч. 9 к июлю 1914 г.

3. В «Биржевых ведомостях» стихи Кузмина после этого разговора появились довольно скоро — 14 октября («В какое время мы живем!..» — Утр. вып. № 14432) и 16 октября («Вы можете разрушить башни...» — Утр. вып. № 14436), первый же рассказ («Ангел северных врат») был опубликован 2 ноября.

4. Имеется в виду спектакль по пьесе А. В. Сухово-Кобылина в Александринском театре.

5. Кузмин был на первом после возобновления спектакле «Горе от ума» с участием почитаемого им Ю. М. Юрьева. В рецензии В. Мазуркевича отмечалось: «Театр был полон» (*ОТ*. 1914. № 2559. 18 октября).

6. Рассказ «Ангел северных врат» (*БВ*. Утр. вып. 1914. № 14470. 2 ноября).

7. *Иоанниты* — секта, почитавшая за воплотившегося вновь Христа о. Иоанна Кронштадтского (1829–1908). Возникла при жизни о. Иоанна Кронштадтского, в 1880-х гг.; самому о. Иоанну лично прихо-

дилось опровергать и анафематствовать сектантов, в среде которых преобладали женщины. Впоследствии иоанниты издавали журнал «Кронштадтский маяк», в котором отождествляли о. Иоанна с Христом, а некую Матрену Киселеву, именовавшую себя Порфирией, — с Богоматерью. Иоанниты издавали также брошюры и книги. Незадолго до кончины Иоанна Кронштадтского в декабре 1908 г. Святейший Синод признал иоаннитов сектантами.

8. «*Русский рай*» — название раздела в сборнике стихов Кузмина «Вожатый» (1918) и слова из стихотворения «Все тот же сон, живой и давний...» (август 1915), входящего в тот же раздел.

9. Первый рассказ Юркуна, напечатанный в «Лукоморье» после этой записи, — «A la guerre» (1915. № 4 [апрель]).

10. Вероятно, в «Бродячую собаку», где Н. К. Цыбульский в это время был одним из главных руководителей. В этот день Кузмин получил от него приглашение:

«Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Алексеевич!

Сегодня в 8 час. вечера у меня соберутся Сергей Юрьевич Судейкин, Борис Пронин и еще кой-кто. Мы все очень хотели бы видеть Вас и были бы очень рады, если бы Вы были столь милы, что пришли бы к нам.

Мой адрес: Малая Конюшенная д. 7, кв. 114. Тлф. 116-64.

Сердечно Ваш

Ник. Цыбульский.

P.S. Кроме того, у нас есть дело к Вам. Пожалуйста, будьте»

(*ИРЛИ*. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 281. Л. 1; на бланке «Бродячей собаки». Частично процитировано А. Г. Тимофеевым: *ЕРОПД* на 1990 год. С. 35).

11. Судя по всему, речь идет о рассказе «Папаша из дымовой трубы», опубликованном гораздо позже, уже после революции, в журнале «Москва» (1918. № 1).

12. См.: «В воскресенье, 26-го октября, открывается большая художественная выставка (до 300 №№), устраиваемая художественным бюро Н. Е. Добычиной в его новом помещении на Марсовом поле, дом № 7 (Удельного ведомства). Участвуют до 65 художников, главным образом „Мира искусства“, а также „Союза русских художников“, „Нового общества“ и др. Не только весь сбор с входной платы поступит в пользу лазарета деятелей искусства, но также целиком и суммы, вырученные от продажи картин. <...> Выставка обещает быть очень интересной. Появятся рисунки Серова, не выставлявшиеся еще работы Александра Бенуа, Добужинского, Остроумовой, Рериха, Серебряковой, много работ Судейкина к недавней постановке „Торжества держав“ и мн. др.» (Речь. 1914. 24 октября (6 ноября), № 287). См. рецензию: *Ростиславов А.* Выставка картин в пользу лазарета деятелей искусства // Речь. 1914. № 308. 14 (27) ноября).

13. Роман А. Р. Лесажа «Хромой бес» (1707).

14. «Отечество (Иллюстрированная летопись народной войны)» — новый журнал под редакцией З. И. Гржебина. Кузмин напечатал там лишь один рассказ «Кирикова лодка» (1915. № 4).

15. Об открытии зимнего сезона в «Бродячей собаке» см.: *Парнис* и *Тименчик*. С. 237.

Ноябрь

1. Имеется в виду пантомима к пьесе С. А. Ауслендера «Изумрудный паучок» (*Театр*. Кн. 2. С. 396). См. в хронике: «В пьесу вносит много оживления интермедия, текст и музыка к которой написаны поэтом М. Кузминым» (*БВ*. Утр. вып. 1914. № 14494. 14 ноября). Премьера спектакля состоялась в театре К. Н. Незлобина 25 ноября (см. рец. Б. Савинича: Утро России. 1914. № 293. 26 ноября).

2. 9 ноября 1914 г. в № 2 «Отечества» был напечатан рассказ Ауслендера «Странный незнакомец».

3. Д. В. Философов вел в это время большую работу по организации помощи армии (она отразилась во многих его публикациях в газете «Речь»), однако о каких нотах идет речь здесь, определить нам не удалось.

4. Вероятно, пожертвованные ордена имеют отношение к проводившейся кампании по сдаче благородных металлов и драгоценностей на нужды фронта.

5. «*Coeur et la main*» («Сердце и рука») — оперетта Ш. Лекока в «Palace-Théâtre» (см. рец.: *С. Т.* // День. 1914. № 304. 8 ноября).

6. В «Бродячей собаке» прошел «Вечер русской музыки» (программу см.: *Парнис и Тименчик*. С. 236).

7. Видимо, рассказ Кузмина «Два брата» (Лукоморье. 1914. № 23).

8. Какую именно книгу В. В. Розанов прислал Кузмину, нам неизвестно. В альбоме Юр. Юркуна сохранилась вырезанная из неустановленной книги дарственная надпись Розанова: «Михаилу Алексеевичу Кузьмину на добрую память. *В. Розанов*» (альбом находился в собрании Л. А. Глезера; см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 547).

9. Имеется в виду рецензия В. Я. Ирецкого, в которой писалось: «„Шведские перчатки“ не только написаны под явным влиянием „Харчевни Королевы Педок“ Ан. Франса, но и с неумеренным заимствованием самой конструкции романа французского автора» (Речь. 1914. № 304. 10 (23) ноября; подпись: В. Ир.), и далее подробно перечисляются элементы, заимствованные у Франса. Отметим, что автор (как и почти все другие рецензенты) отмечал: «Пафос и неумеренность предисловий, как известно, вообще имеют много общего с пафосом юбилейного красноречия, но г. Кузмин еще и переусердствовал». В значительной своей части, как и другие отклики на роман Юркуна, перепечатана в кн.: *Юркун*. С. 473–475; комм. П. В. Дмитриева и Г. А. Морева).

10. В Эртелевом переулке, 6, в особняке А. С. Суворина, где нижние этажи занимала редакция «Нового времени», размещалась и редакция «Лукоморья».

11. Судя по записи от 17 ноября — «Правая лампочка» (*БВ*. Утр. вып. 1914. № 14538. 6 декабря).

12. Деньги от К. Н. Незлобина пришли за пантомиму к «Изумрудному паучку» (см. выше, примеч. 1).

13. Кузмин пел духовный стих собственного сочинения «Хождение Богородицы по мукам» (*Кузмин.* С. 214–216; впервые опубл. в 1912 г. в сборнике «Осенние озера»).

14. В «Бродячей собаке» был вечер польской музыки и поэзии (подробнее см.: *Парнис и Тименчик.* С. 236–237).

15. В новом журнале «*Вершины*» Кузмин был объявлен в составе сотрудников, однако напечатался только единожды — стихотворение «Далеки от родного шума...» в № 3 (16 декабря).

16. Восторг А. А. Измайлова, вероятно, был вызван упомянутым выше, в примеч. 11, рассказом Кузмина «Правая лампочка» — экзерсисом на военно-шпионскую тему.

17. Картина «*Анна Каренина*» с участием М. Н. Германовой шла в этот день в кинотеатре «Soleil» (Невский пр., 48, в помещении Пассажа). См. отзыв: *Пьер-О. // БВ.* Веч. вып. 1914. № 14503. 18 ноября.

18. См. в хронике: «Дирекция Троицкого театра воспользовалась свободным от спектакля днем 20 ноября, чтобы устроить артистическую вечеринку. Фойэ театра было наполнено представителями литературного и артистического мира. Здесь был сервирован чай, и здесь же исполнялась обширная программа вечера. Затем публика перешла в зрительный зал, обращенный на этот вечер в оригинальное кабарэ, где происходил ряд интересных выступлений, создававшихся экспромтом, среди публики и на сцене. Гостеприимной чете Фокиных было устроено чествование» (*ОТ.* 1914. № 2593. 22 ноября. С. 9).

19. Ни о каком спектакле Ю. Л. Ракитина в субботу, 22 ноября 1914 г., сведений обнаружить не удалось.

20. Имеется в виду рецензия, подписанная П. П. (День. 1914. № 316. 20 ноября). Особенно, вероятно, возмутило Кузмина не отношение (снисходительное, но оскорбительное) П. П. Потемкина к «Шведским перчаткам», а высказывания о предисловии Кузмина: «Но что замечательнее всего в этой книге — это желание Кузмина во что бы то ни стало добиться успеха для провожаемого им автора» и т. п. (цит. по: *Юркун.* С. 474).

21. В этот вечер Кузмин должен был выступать в «Бродячей собаке» на «Вечере поэтов Петроградского Парнаса» (подробнее см.: *Парнис* и *Тименчик.* С. 237).

22. Возможно, имеется в виду программа для выступления в каком-либо из петроградских ресторанов 26 ноября, когда артисты собирали пожертвования для фронта. Об участии в этом предприятии Ю. Л. Ракитина у нас сведений нет, однако широкий масштаб задуманного (сведения о местах выступлений тех или иных артистов печатались в «Обозрении театров») позволяет предположить, что велась и какая-то режиссерская работа.

23. В этот день Кузмин получил от Н. В. Чичерина открытку: «Многоуважаемый Михаил Алексеевич! Жду Вас <в> четверг. Если Вы не можете прийти, то сговоримся, когда можно, так как я начинаю выходить и потому не безразлично, когда придете. Ваш *Н. Чичерин*» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 15).

24. Поход Юркуна в «Вершины» был связан с письмом Кузмина к редактору журнала В. Н. Гордину от 27 ноября: «...вот уже сколько времени, как я отнес Вам свою рукопись и не имею никаких сведений ни о ней, ни о „Вершинах", ни об обещанном гонораре» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 2283. Л. 1).

25. См.: *Вентцель Н. Н.* Повесть об «ученических годах» // Новое время. Иллюстрированное субботнее приложение. 1914. № 13908. 29 ноября; подпись: Ю-н. *Бенедикт* (а не *Венедикт*, как у Кузмина) — еще один псевдоним Н. Н. Вентцеля.

26. *«Пан Халявский»* (1839) — роман Г. Ф. Квитки-Основьяненко.

Декабрь

1. 1 (14) декабря 1914 г. водозаборные трубы в Петрограде оказались закупоренными льдом. Прочищать их пришлось при помощи водолазов (см.: Петроград без воды // *БВ*. Веч. вып. 1914. № 14529. 1 (14) декабря).

2. Очевидно, имеются в виду похвалы московской поэтессы Любови Столицы, с начала декабря 1914 г. постоянно сотрудничавшей в «Биржевых ведомостях». В печатном виде эти похвалы нам неизвестны.

3. Я. Л. Сакер был мужем С. И. Чацкиной, издательницы журнала «Северные записки» (Кузмин иногда называет его сокращенно «Записки»). В сдвоенном № 10/11 за 1914 г. было напечатано стихотворение Л. И. Каннегисера «Гимн. Из Виктора Гюго». Это была единственная публикация стихов Каннегисера в «Северных записках».

4. Имеется в виду обложка работы С. Ю. Судейкина к книге Кузмина «Военные рассказы», вышедшей в издательстве «Лукоморье» в 1915 г.

5. Видимо, «Вампир» — «сильная, захватывающая драма в 3-х частях», шедшая в «Парижиане».

6. Роман Ч. Диккенса (1853).

7. См. неподписанную заметку: Русские записки. 1914. № 1 (ноябрь). Под заглавием «Русские записки» стал выходить известный журнал «Русское богатство», закрытый в сентябре 1914 г.

8. См. примеч. 1 к ноябрю 1914 г.

9. Речь идет о пантомиме «Духов день в Толедо», поставленной А. Я. Таировым на сцене московского Камерного театра 29 марта 1915 г. (*Театр*. Кн. 2. С. 397–400).

10. *Предсказания Хлебникова* — его вычисления исторических циклов, так называемые «доски судьбы», впервые изданные в виде брошюры «Время — мера мира» в 1916 г. Возможно также, что Каменский предлагал Гржебину для издания брошюру Хлебникова «Битвы 1915–1917 гг. Новое учение о войне» (Пг., 1914; на тит. л. 1915).

11. Речь идет о первом замысле альманаха «Стрелец», издававшегося А. Э. Беленсоном (см. также упоминание о проекте журнала в записи от 7 декабря).

12. *Коты* — сутенеры.

13. Произведений Д. Н. Крачковского в «Петроградских вечерах» не появлялось. Ср. с упоминанием этого автора в записи от 3 марта 1914 г.

14. Рецензия А. Ф. Даманской на «Шведские перчатки», подписанная А. Д-ская: Утро России. 1914. № 310. 13 декабря.

15. В альманахе «Стрелец» был напечатан маленький цикл из двух стихотворений Кузмина «Летние стихи» (впоследствии вошли в сборник «Нездешние вечера», 1921) и два рассказа — «Измена» и «Образчики доброго Фомы».

16. Сведения о мобилизации А. А. Кондратьева оказались неверны: он так и не был призван. Подробнее см. в его письмах к Б. В. Никольскому ноября 1914 — марта 1915 г. (*ГАРФ*. Ф. 558. Оп. 1. Ед. хр. 366).

17. «Сухой закон» был введен в России с началом мировой войны, однако возможности каких-то его изменений обсуждались довольно активно. Вероятно, ожидалось, что к Рождеству будет послабление. Несмотря на постановление Петроградской городской думы от 28 августа 1914 г. о полном прекращении продажи спиртного, пива и виноградного вина, в ресторанах, а иногда и в заведениях низшего разряда можно было получить вино из довоенных запасов. Современник вспоминал: «Винные лавки были закрыты с первого дня войны, но у „Медведя", у „Кюба", на „Вилле Родэ" было сколько угодно шампанского, в кабинетах оно подавалось просто в бутылках, а в общих залах в больших фарфоровых кувшинах, и вместо бокалов наливали в чашки...» (*Крымов В. П.* Портреты необычных людей. Париж, 1971. С. 247).

18. См. известие в хронике, которое, вероятно, и прочитал Кузмин: «В Петроград только что возвратилась из Лондона З. Венгерова. Она совершила вместе с г-жею Яворской вольное турнэ по более крупным городам Англии, где г-жа Яворская выступала преимущественно в пьесе-переделке „Анна Каренина", а г-жа Венгерова читала вступительные лекции о русской литературе и быте» (День. 1914. № 642. 16 декабря).

19. Поездка к Блоку была связана с намерением пригласить его сотрудничать в альманахе «Стрелец».

20. Речь идет все о той же небольшой, но очень теплой рецензии А. Ф. Даманской (см. выше, примеч. 14). Рецензентка писала: «Такая несложная повесть, но как хорошо, как искренне рассказанная. М. Кузьмин предпослал ей сочувственное предисловие. Но она и без этого располагающего к автору введения с первых же строк заполняет читателя».

21. Предложение экранизировать рассказ «Правая лампочка» (см. примеч. 11 к ноябрю 1914 г.), насколько нам известно, не было осуществлено. Однако 75-рублевый аванс Кузмин не возвратил.

22. В «Бродячей собаке» был вечер старинного русского романса с участием З. П. Лодий (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 239).

23. В 1914 г. журнал «Отечество» действительно практически в каждом номере печатал какие-либо произведения Л. Н. Андреева.

24. Слух о призыве Ю. Л. Ракитина оказался преждевременным: хроникой он был зафиксирован 3 апреля 1915 г. (*ОТ*. 1915. № 2714).

25. О вечере у Ф. Сологуба 22 декабря у нас информации нет, но представление об обстановке на этих вечерах может дать дневниковая запись К. А. Сомова о предыдущем, состоявшемся 15 декабря (см.: *Сомов*. С. 137–138).

26. Видимо, Д. В. Философов приглашал Ю. Слезкина и С. Ауслендера к участию в редактировавшемся им журнале «Голос жизни» (Слезкин и Ауслендер опубликовали в № 2 и 3 журнала за 1915 г. свои рассказы: первый — «Нищенка», второй — «Солнце Флоренции»). Ни Кузмин, ни Юркун в «Голосе жизни» не печатались

27. Сведений о деятельности Юркуна на поприще сценариста не обнаружено; скорее всего, из этого предприятия ничего не вышло.

29. Визит Н. К. Цыбульского, возможно, был связан с планом возобновления постановки «Рождества Христова» в «Бродячей собаке». Двумя днями позже Цыбульский писал Кузмину: «Я тщетно перерыл все свои бумаги, но не нашел ничего из музыки „Вертепа“, кроме „Звезды“. Будьте добры, поищите у себя. Хочу верить, что черновики у Вас не затеряны. Нужно торопиться с постановкой. С большинством исполнителей я уже говорил. Было очень досадно, что Вас вчера не было в „Собаке“» (*ИРЛИ*. Ф. 123. Оп. 3. Ед. хр. 281. Л. 2; на бланке «Бродячей собаки». Частично цитировалось А. Г. Тимофеевым: *Театр*. Кн. 2. С. 320; *ЕРОПД* на 1990 год. С. 35). Планы повторной постановки, судя по всему, осуществлены не были.

29. Ср. в письме М. А. Долинова к Б. А. Садовскому от 8 ноября 1914 г.: «Мой друг Конге поступает в военное училище. Делает это он не по врожденной воинственности, а из-за многих огорчений: его невеста с ним разошлась. Он очень страдал, под горячую руку сжег свои рукописи и покушался убить себя. Спасли его, вовремя подоспев, родители. Ныне он здравствует, но угнетен и угрюм» (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 11).

30. В «Бродячей собаке» с этого дня начали отмечать Рождество. В этот вечер играл «Веселый оркестр сериозных музыкантов» (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 239).

31. В «Бродячей собаке» был второй вечер поэтов и снова «оркестр сериозных музыкантов».

32. О скандалах в связи с вечером поэтов (как и вообще о вечере) у нас информации нет.

33. Речь идет о «Шведских перчатках».

34. Видимо, на просьбу А. А. Измайлова Кузмин откликнулся рассказом «Пример ближним» (*БВ*. Утр. вып. 1915. № 15308. 6 января).

1915

Январь

1. В каком именно цирке был Кузмин — неизвестно. В цирке Чинизелли в этот вечер было представление с участием В. Л. Дурова и Жакомино, а в цирке «Модерн» в программе была пьеса «Торжество держав» (*ОТ*. 1915. № 2632. 1 января).

2. В синематографическом театре «Паризиана» шла «сенсационная драма» «В кровавом костре — распаялись позорные цепи», хроника «Английский Король Георг V и бельгийский Король-герой Альберт на поле сражения», «Город Гастингс в Англии», комическая «Из-за хозяйки курортного пансиона» и представление «Синеманатюр» (*ОТ*. 1915. № 2633. 2 января).

3. «Романом» названа повесть Юркуна «Дурная компания», вышедшая в начале 1918 г. См.: *Юркун Ю.* Дурная компания / Рис. Ю. Анненкова. Пб., 1917 (на обл.: Пб.: Фелана, 1918).

4. Имеется в виду книга: *Кузмин М.* Военные рассказы. Пг.: Лукоморье, 1915.

5. В «Паризиане» шла драма «Фаворитка счастья», хроника «Прибытие пленных австрийцев и германцев в Сибирь», комическая «Приключение у дантиста», а в программе «Синеманатюр» — «Проезд Его Императорского Величества Государя Императора в Петрограде по Невскому проспекту» (*ОТ*. 1915. № 2637. 6 января).

6. В списке музыкальных произведений Кузмина в *РТ* возле записи «Духов день в Толедо» помечено: «Отчасти сборный».

7. Статьи А. А. Измайлова о творчестве Кузмина или Юркуна в это время не появлялось. В обзоре «Темы и парадоксы: Штатские беллетристы и война» (*БВ*. Утр. вып. 1915. № 14674. 16 февраля) никаких упоминаний о Кузмине и Юркуне нет. Возможно, это обстоятельство послужило причиной некоторой напряженности в отношениях Кузмина с «Биржевыми ведомостями», и он длительное время в них почти не печатался.

8. В начале 1915 г. Юркун в «Лукоморье» не печатался.

9. См. выше, примеч. 6.

10. О программе «Бродячей собаки», где состоялся вечер песни и танца с участием О. А. Глебовой-Судейкиной, а также певицы Кудиновой, см.: *Парнис и Тименчик*. С. 239.

11. Роскошное издание пьесы Кузмина «Венецианские безумцы» с иллюстрациями С. Ю. Судейкина в количестве 555 нумерованных экземпляров в начале 1915 г. выпустили А. М. Кожебаткин и В. В. Блинов (кожебаткинское издательство «Альциона», по-видимому, временно прекратило деятельность, и его марки на книге нет). Судя по дневниковым записям, Кузмина чем-то не устроила работа Судейкина (ср. ниже, примеч. 16), но что именно его огорчило, сказать затрудни-

тельно. Правда, в то время, когда была сделана запись, Кузмин самой книги, только что вышедшей в свет в Москве, еще не видел.

12. О пантомиме «Духов день в Толедо» в газетной хронике сообщалось: «Московский Камерный театр в репертуар своих гастрольных спектаклей в Петрограде включил пьесу Гольдони „Веер“ в переводе П. Д. Боборыкина и пантомиму М. А. Кузмина „Духов день в Толедо“. Музыку к пантомиме написал также М. А. Кузмин» (*ОТ*. 1915. № 2638. 8 января. С. 10); «Премьера пантомимы „Духов день в Толедо“ в московском Камерном театре успеха не имела. Критики единогласно порицают шаблонную и плоскую музыку Кузмина и не стильную, не красочную декоративную часть постановки» (День. 1915. № 83. 27 марта). Ср. также в газетной хронике: День. 1915. № 57. 28 февраля; *ОТ*. 1915. № 2707. 27 марта.

13. Информации об исполнении З. П. Лодий песен на стихи Кузмина или каких-либо иных его произведений у нас нет. Однако зимой и весной 1915 г. проходили ее концерты с различными программами, в числе которых был и вечер современных русских композиторов; возможно, произведения Кузмина были исполнены там.

14. В первом выпуске альманаха «Стрелец» были напечатаны рассказы Кузмина «Измена» и «Образчики доброго Фомы». О рассказе «Антракт в овраге», напечатанном в московском альманахе «Жатва» см. примеч. 9 к июлю 1914 г.

15. Судя по всему, речь идет о С. Л. Ионине, брате Ю. Л. Ракитина, который в годы войны был на фронте.

16. Опасения Кузмина относительно оформления Судейкиным его книг («Военных рассказов» и «Венецианских безумцев») и спектакля объяснить затрудняемся.

17. В «Бродячей собаке» 17 января был «Вечер танго» (газетный анонс — *Парнис и Тименчик*. С. 239). По информации газет, предполагавшееся название вечера — «Этнография танго» (*ОТ*. 1915. № 2647. 17 января).

18. Оперетта Ш. Лекока «Дочь рынка (Мадам Анго)» в «Palace-Théâtre». См. рецензии: *Шебуев Н. // ОТ*. 1915. № 2646. 16 января; Речь. 1915. № 15. 16 (29) января.

19. *Херувимская* — духовная песнь православной церкви, получившая свое название от первых слов текста «Иже херувимы...». На текст Херувимской писали для хора многие композиторы (Бортнянский, Глинка, Чайковский и др.).

20. «*Стелло Курти*» — рассказ Юркуна (впервые напечатан в его книге «Рассказы, написанные на Кирочной ул., в доме под № 48», Пг., 1916). Вероятно, А. С. Лурье слушал чтение Юркуна, так как рассказ был закончен еще в начале 1914 г. (см.: *Юркун*. С. 487–488; комм. П. В. Дмитриева и Г. А. Морева).

21. Рассказ Кузмина «Пастырь воинский» к тому времени был уже напечатан (Огонек. 1914. № 40), и, следовательно, речь идет о вмешательстве цензуры в текст сборника «Военные рассказы». Разночтения между текстами в журнале и книге см.: *Кузмин М*. Проза. Berkeley, 1985. Т. 5. С. 377–380; примеч. В. Маркова и Ф. Шольца.

22. В программе «Парижиане» 24 января была драма «Дочь слепого мельника», комическая «Поменьше таких „милых жен“», хроника «Высшая школа искусства плавания в Америке» и «Новая хроника военных событий на западном фронте» (*ОТ*. 1915. № 2654. 24 января. С. 5). Менее вероятно, что речь идет о другом сеансе: «Сегодня днем в театре „Парижиана“ состоится закрытый сеанс, на котором будет демонстрироваться новая пьеса „Муж“ М. П. Арцыбашева. Картина снята т-вом „Продалент“» (*ОТ*. 1915. № 2654. 24 января. С. 11. Рецензия: Там же. № 2655. 25 января). Отметим, что в дни, пропущенные в дневнике (25–29 января), было объявлено выступление Кузмина в «Бродячей собаке» на «Вечере поэтов» (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 239–240), но в отчете его имя упомянуто не было. Ср. также объявление в хронике: «Сегодня в зале городской думы состоится чрезвычайно интересный вечер „Писатели — воинам“ — первое выступление в настоящем сезоне наших популярных писателей и поэтов, объединившихся на этот раз благою целью — посылки на позиции вагона, снаряжаемого лазаретом деятелей искусств» (*БВ*. Веч. вып. 1915. № 14633. 25 января). Среди прочих были обещаны выступления Блока, Сологуба и Кузмина, однако Кузмин не вечере не выступил.

23. В программе «Парижиане» на этот вечер были: драмы «Во тьме» и «Роза — дитя реки», «Новая хроника великих событий с натуры», комическая «Смерть за поцелуй».

24. О каком рассказе в «Лукоморье» идет речь, сказать нелегко: во втором номере был напечатан рассказ «Пять путешественников», а в пятом «Третий вторник». О публикации в «Отечестве» см. примеч. 14 к октябрю 1914 г.

Февраль

1. «*Новый свет*» — возможно, один из первых вариантов несохранившегося главного романа Юркуна, позднее фигурирующего в дневнике под названием «Туман за решеткой» и «Туманный город». Действие романа развертывается и в Америке (т. е. в Новом свете).

2. Вероятно, стихотворение «Жара» («Всю тину вод приподнял сад...») для сборника «Альманахи стихов, выходящие в Петрограде». Редактором первого и единственного выпуска был Д. М. Цензор.

3. О клубе-кабаре «*Уголок*» см.: «В подвале пассажа открывается новый кабарэ под названием „Уютный уголок“» (День. 1915. 23 января, № 22); «Вчера состоялось освящение открывающегося сегодня артистического Кружка под названием «Уголок». На молебне присутствовали городской голова граф И. И. Толстой <...> и представители литературного, артистического и художественного мира: гг. Городецкий, Н. Г. Шебуев, худ<ожник> И. Бродский, К. А. Вещилов, Н. Аронсон, В. Кузнецов, Животовский, С. Нерадовский; г-жа Чудовская, Мозжухин <...> Гостей встречали организаторы „Уголка“: бас Г. П. Макаров, инж<енер> Карпович, худ<ожник> Гринман, певец Морфесси и др.» (*ОТ*. 1915. № 2654. 24 января. С. 9); а также: *Пьер-О*. «Уголок» на Итальянской // *БВ*. Веч. вып. 1915. № 146356. 26 января; *Г*. Первый вечер в «Уголке» //

ОТ. 1915. № 2656. 26 января; *Н. Г.* В «Уголке» // *ОТ*. 1915. № 2662. 1 февраля; *Он же.* В Уголке // *ОТ*. 1915. № 2665–2666. 5–6 февраля. В конце января и феврале 1915 г. среди петербургской художественной и полубогемной интеллигенции «Уголок» был очень популярен. В начале марта «Уголок», чуть ранее «Бродячей собаки», был закрыт (см.: *ОТ*. 1915. № 2691. 5 марта; *Шебуев Н.* Бродячки // *ОТ*. 1915. № 2692. 6 марта). В «маленьком фельетоне» Гр. Матвеева «Два подвала», написанном в связи с закрытием обоих кафе одним и тем же распоряжением (по мнению автора, «Бродячая собака» была закрыта за то, что дала место на своей эстраде футуристам, а «Уголок» — «за торговлю вином, вопреки запрещению»), «Уголок» противопоставлялся «Собаке» как коммерческая подделка под истинную артистичность: «Провинившийся художник и напяливший на себя личину художника шинкарь... Насколько грустно за участь первого, настолько нет сочувствия ко второму», — писал автор заметки в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 1915. № 14710. 6 марта).

4. Планы журнала «Денница» не были осуществлены, да и все издательство «Мусагет» в это время вело жалкое существование из-за прекращения финансирования.

5. Имеется в виду обложка А. И. Божерянова к книге Юркуна «Рассказы, написанные на Кирочной ул., в доме под № 48», вышедшей только в конце 1915 г. (с датой «1916» на титульном листе).

6. Отметим, что в этот день в «Бродячей собаке» состоялся «капустник», где планировалось участие Кузмина. Подробнее см.: *Парнис и Тименчик*. С. 240.

7. Возможно, в этой записи речь идет о сборнике «Артист — солдату», который А. В. Руманов составлял в это время (*БВ*. Утр. вып. 1915. № 14678. 18 февраля). В этом альманахе, получившем в конце концов название «В год войны», Кузмин, однако, не участвовал.

8. См. в хронике: «В четверг, 12 февраля, состоится первый вечер студии Вс. Э. Мейерхольда. Первое отделение программы составит постановка двух интермедий: „Саламанской пещеры“ Сервантеса и „Пирам и Физба“ из комедии Шекспира „Сон в Иванову ночь“. Второе отделение будет состоять из целого ряда пантомим. Названный спектакль состоится в помещении студии Вс. Э. Мейерхольда (Бородинская, 6)» (*ОТ*. 1915. 1915. № 2652. 22 января. С. 12; ср.: Репетиции в Студии г. Мейерхольда // *БВ*. Веч. вып. 1915. № 14662. 10 февраля). Отчеты о спектакле см.: *Львовский З.* Аромат старины (1-ый вечер студии В. Э. Мейерхольда) // *ОТ*. 1915. № 2674. 14 февраля; подпись: Зин. Л.; *Гуревич Любовь.* 1-ый вечер студии Мейерхольда // Речь. 1915. № 44. 15 (28) февраля; *Ашкинази В. А.* Академия мертвого искусства // *БВ*. Веч. вып. 1915. № 14669. 13 марта; подпись: Онегин; *Ш-ч А.* Театральные алхимики // День. 1915. № 44. 15 февраля.

9. «*Эротическое искусство*» — видимо, книга Эд. Фукса «Иллюстрированная история эротического искусства» (Пг., 1914; переизд.: М., 1995) или ее немецкий вариант.

10. Вероятно, имеется в виду Кустарный склад (Литейный пр., 28, бельэтаж), где продавались игрушки, елочные украшения, оренбург-

ские платки, кружева, деревянные резные изделия, вещи для подарков и др. кустарные изделия.

11. В «Бродячей собаке» 11 февраля проходил «Вечер пяти» с выступлениями В. В. Каменского, И. Северянина и Д. Д. Бурлюка в интерьере, украшенном С. Ю. Судейкиным и А. А. Радаковым. Вне программы на вечере выступил В. В. Маяковский (см.: *Парнис и Тименчик*. С. 240–241). «Стрельцы» — участники альманаха «Стрелец».

12. Видимо, «Военные рассказы» (Пг., 1915).

13. О чтении В. В. Маяковского 14 февраля 1915 г. в «Бродячей собаке» никаких сведений нет.

14. Имеется в виду возобновление мейерхольдовской постановки «Дон Жуана» Мольера в Александринском театре.

15. На протяжении довольно долгого времени В. Э. Мейерхольд предполагал поставить в Александринском театре пьесу Кальдерона «Стойкий принц», однако затянул с завершением работы. Судя по контексту, в эти дни возникла идея поручить постановку Ю. Л. Ракитину, которая, впрочем, тут же была отвергнута. Как кажется, на это намекают многочисленные однотипные объявления в хронике: «В текущем сезоне в Александринском театре предполагаются к постановке еще две пьесы: „Поруганный“ П. М. Невежина и „Стойкий принц“ Кальдерона. Первая пьеса пойдет в постановке М. Е. Дарского, а вторая — в постановке В. Э. Мейерхольда» (Речь. 1915. № 48. 19 февраля (4 марта)). Через некоторое время появилась информация о том, что постановка «Стойкого принца» вновь откладывается на будущий сезон, однако в конце концов она была завершена, и премьера (единственный спектакль) состоялась 23 апреля 1915 г. в бенефис Ю. Э. Озаровского.

16. «*Петрушка*» — артистическое кабаре, устроенное Н. В. Петровым и А. А. Радаковым. Существовало до начала 1920-х гг. Однако здесь Петрушка у Кузмина без кавычек, и можно предположить, что Н. К. Цыбульский просил у него реприз или куплетов для неизвестного нам кукольного представления.

17. В этот вечер отмечались именины Ф. Сологуба, во время которых читали стихи В. В. Маяковский и А. Ахматова (см.: *Катанян В. А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. М., 1985. С. 99–100).

18. В московской газетной хронике упоминаний о поездке Кузмина в Москву обнаружить не удалось.

19. Из перечисленных писем нам известны две открытки от Н. В. Чичерина, полученные в эти дни Кузминым:

Первая:

«21 фев<раля> <1915>

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Я купил несколько мелких вещей Скрябина. Не зайдете ли Вы посмотреть? Кстати, поиграем из квартета Дебюсси. Завтра, <в> Воскресение днем до 4 час. буду дома. Понедельник-вторник придется пойти на службу.

Ваш *Н. Чичерин*».

Вторая:

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич! Не можете ли достать у кого-нибудь Ежегодник Имп<ераторских> Театров за 1909 г. Там есть статья Каратыгина о Корсаче. Мое сообщение будет <в> Воскресение. Хотя я и буду на службу, но если зайдете около часу, можно немножко поиграть, будет очень приятно!

Ваш *Н. Чичерин.*

На этой неделе было много музыки!»

(*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп.1. Ед. хр. 429. Л. 17 и 18).

20. «*Солнце России*» — литературно-художественный иллюстрированный журнал, редактор — А. Э. Коган.

21. См. в хронике более позднего времени: «С. Ю. Судейкин работает для Зимина „Сказки Гофмана", для Свободного театра „Вертопрашку" Озаровского и для Камерного театра „Свадьбу Фигаро"» (День. 1915. № 237. 29 августа).

Март

1. О какой «Оде» идет речь — непонятно. Посвященная В. В. Маяковскому ода «Враждебное море» была написана в апреле 1917 г.

2. Видимо, речь идет о планах М. И. Семенова выкупить остаток тиражей книг Кузмина в издательстве «Скорпион».

3. «Рассказы, написанные на Кирочной ул.» Юркуна, готовившиеся к выходу в издательстве «Лукоморье».

4. Под «представлением у Ракитина», вероятнее всего, имеется в виду пьеса Ю. Л. Ракитина «Мемории Амура», шедшая в эти дни в Троицком театре. См. о ней: «Мемории Амура» (Автор о пьесе) // *БВ.* Веч. вып. 1915. № 14641. 29 января; *Аграев Г.* // *ОТ.* 1915. № 2671. 11 февраля.

5. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (1836) А. С. Пушкина.

6. Перемышль был взят 9 марта, и в тот же день состоялись многочисленные манифестации (см., например: Падение Перемышля // Речь. 1915. № 67. 10 марта; День русской славы // *БВ.* Веч. вып. 1915. № 14718. 10 марта, и др. периодику).

7. Речь идет о рассказе для газеты «Приазовский край». Сохранилось недатированное письмо от П. И. Брусиловского, в котором он просит Кузмина дать рассказ, и письмо от 14 марта 1915 г. с благодарностью за рассказ, где говорилось: «Что касается гонорара, то я жду сегодня или самое позднее завтра утром денег от редакции. Во всяком случае *завтра* могу Вам дать деньги» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 130). В пасхальном номере «Приазовского края» (№ 77. 22 марта) был напечатан рассказ Кузмина «Алый розан».

8. В. А. Рышков в неизданных воспоминаниях писал об этом заведении: «...ресторан гостиницы «Франция» (Hôtel de France), помещавшийся на Морской ул., между Невским проспектом и аркой Главного штаба. Этот ресторан служил только для завтраков. Длинный зал его был заставлен вдоль четырьмя рядами столиков на две-три персоны, и только в самом конце зала стояли три больших стола, человек на

5–6. В исходе 12-го часа дня все эти столы были уже сплошь заняты гостями. В числе их были деловые люди, провинциалы, обитавшие в гостинице, кое-кто из пишущей братии, из артистического мира, чиновный люд, приезжие иностранные сценические и эстрадные гастролеры и гастролерши, начиная от известных европейских знаменитостей до кафешантанных певиц крупного калибра, кокотки высокого полета, офицерство, преимущественно гвардейской пехоты» (*РГАЛИ*. Ф. 964. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 13 об.).

9. Ср. в хранящихся в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) воспоминаниях Н. А. Тэффи «Кузмин»:

«Играл он тоже немного заикаясь, как и читал стихи. И к этому привыкла, и это стало очаровательно.

Как-то он вскользь сказал, что любит мои стихи.

— Некоторые...

Я даже в „некоторые“ не поверила. Подумала: „вот как он сегодня мило любезен“.

Но вот раз, сидя у рояля, он начал вполголоса напевать. Слышу как будто что-то знакомое и не знаю что.

— Что это такое?

Он удивленно поднял брови и продолжал напевать-бормотать, аккомпанируя себе одной рукой. <...>

Это было коротенькое стихотворение, посвященное Каза-Розе.

Быть может, родина ее на островах Таити,
Быть может, ей всегда пятнадцать лет...
Вот почему надет витой из тонкой нити
На смуглой ножке золотой браслет.

Мне было приятно. Я не честолюбива, и я скорее удивлялась, чем чувствовала себя польщенной, но удивление это было приятное» (цит. по: Материалы из архива Н. А. Тэффи (США) / Публ. и вступ. заметка Е. М. Трубиловой // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999. С. 338).

10. Рассказ «Своему делу мастер» (опубл.: *БВ*. Утр. вып. 1915. № 14741. 22 марта).

11. Сказка Юркуна «Как и откуда произошел табак» (Огонек. 1915. № 17).

12. См. примеч. 26 к декабрю 1914 г.

13. О планах К. Ф. Некрасова издать какой-либо сборник Кузмина сведений у публикаторов нет.

14. О каком «византийском рассказе» идет речь — понять трудно.

15. Имеется в виду приглашение на повторение программы студии В. Э. Мейерхольда, назначенное на 29 марта (см. примеч. 8 к февралю 1915 г.).

16. Имеются в виду рассказ «Последнее желание» (Огонек. 1915. № 15) и сказка «Как и откуда произошел табак» (№ 17).

17. Книга статей Б. А. Садовского «Озимь» с резкими высказываниями в адрес В. Я Брюсова и авторов его школы (в том числе

находившихся на фронте Н. С. Гумилева и Б. К. Лившица) вызвала весной 1915 г. литературный скандал, в котором самое активное участие принял С. А. Ауслендер (см.: *Ауслендер С.* Книга злости // День. 1915. № 79. 22 марта).

18. Имеются в виду организаторы издательства «Трирема» или участники альманаха «Вечер „Триремы“» (Пг., 1916) — Г. Адамович, Гр. Арельский, Б. Евгеньев, Г. Иванов, Р. Ивнев, Д. Коковцов, Д. Крючков, В. Курдюмов, М. Лёвберг, А. Тамамшев.

19. См. в хронике: «Сегодня в зале Тенишевского училища состоится в пользу 11-го городского лазарета вечер петроградских поэтов. Участвуют А. Ахматова, А. Блок, С. Ауслендер, С. Городецкий, Г. Иванов, М. Зенкевич, М. Кузмин, О. Мандельштам, Ю. Слезкин, Тэффи и Ю. Юркин *<так!>*. В программу также включены балетные номера О. А. Глебовой-Судейкиной, М. А. Семеновой и В. О. Вредена-Полевого» (*ОТ*. 1915. № 2729. 18 апреля. С. 10). Из объявлений выясняется, что балетный антракт был поставлен на музыку Н. Н. Евреинова, А. К. Лядова и А. С. Лурье (День. 1915. № 105. 18 апреля).

20. Разговор явно шел о статье А. А. Измайлова «Темы и парадоксы» (*БВ*. Утр. вып. 1915. № 14753. 30 марта).

21. Вероятно, имеется в виду известная книга М. Граммона «Французский стих, его выразительные средства, его гармония».

Апрель

1. Имеется в виду статья М. О. Лопатто (подпись: М. Лопатин) в «Новом энциклопедическом словаре» (Пг., [б. г.] Т. 23).

2. В изданиях «Триремы» Кузмин не участвовал, в «Новом журнале для всех» позднее напечатал стихотворный цикл «Два пейзажа Гогена» (1916. № 2/3).

3. Судя по всему, речь идет о пантомиме «Духов день в Толедо» в Камерном театре, премьера которой состоялась 29 марта и которой Кузмин сам не видел.

4. См. примеч. 3 к январю 1915 г.

5. Рассказ Кузмина «Прощальная середа» появился в «Биржевых ведомостях» в следующее воскресенье, 19 апреля 1915 г. (Утр. вып. № 14793).

6. Имеется в виду литография французского карикатуриста Шама.

7. См. примеч. 16 к марту 1915 г.

8. В кинематографе «Паризиана» шла злободневная драма «Волк в овечьей шкуре», комедия «Проделки Бена» и др. В программе «Синеманатюр» — комедия «Сорочка прелестной мисс Браун».

9. Накануне Н. В. Чичерин отправил Кузмину открытку:

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Жду Вас <в> понедельник. У меня 5 сонат Скрябина и „Жар-Птица“! Салтан прелестен. Приходите в начале 1-го часа.

Ваш *Н. Чичерин*»

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед хр. 429. Л. 10).

10. В конце 1913 г., за десять дней до Рождества, вышел в свет первый номер «Столицы и усадьбы», «двухнедельного роскошного журнала совершенно нового в России типа, по образцу английских». Журнал был, по утверждению рекламы, посвящен «светской жизни наших столиц, спорту, охоте, коллекционерству и особенно жизни русской усадьбы в ее прошлом и настоящем». Эстетическая программа нового издания определялась подзаголовком, вначале фигурировавшим лишь в объявлениях о подписке, а затем вынесенным и на титул: «Журнал красивой жизни». Журнал в безупречном полиграфическом оформлении издавался писателем-коммерсантом, бывшим коммерческим директором суворинского «Нового времени», миллионером В. П. Крымовым. В журнале писали барон Н. В. Дризен, Л. С. Бакст, В. Н. Княжнин, Н. Я. Агнивцев, Е. А. Зноско-Боровский и др. Произведения Кузмина и Юркуна в «Столице и усадьбе» не появлялись.

11. Игорь-Северянин своей рубрики в «Столице и усадьбе» не вел.

12. А. Н. Скрябин, незадолго до этого приезжавший с концертными гастролями в Петроград, умер 14 апреля. Об обстоятельствах смерти, взволновавших Кузмина, газеты сообщали: «В начале прошлой недели у него на верхней губе появился маленький прыщик, которому ни сам покойный, ни его домашние не придали значения <...> Гнойное воспаление распространилось все шире на лицо <...> Вчера с утра опухоль заметно спала. На мгновение зажглась надежда на улучшение, но затем появились признаки гнойного отравления крови. Терапевт проф. Д. Д. Плетнев констатировал гнойный плеврит. Часы больного были сочтены» (День. 1915. № 102. 15 апреля). Смерть Скрябина стала одной из главных газетных сенсаций. См. некрологи в газетах, которые Кузмин постоянно держал в поле своего зрения: *Коломийцов Владимир* // День. 1915. № 102. 15 апреля; *Коптяев А.* Великий певец экстаза // *БВ.* Утр. вып. 1915. № 14785. 15 апреля; *Каратыгин.* Памяти А. Н. Скрябина // Речь. 1915. № 102. 15 (29) апреля.

13. Имеется в виду неоконченное «Предварительное действо» А. Н. Скрябина.

14. Письмо от В. А. Наумова от 14 апреля (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 162).

15. Имеется в виду роман «Тихий страж», изданный М. И. Семеновым в 1916 г. как седьмой том собрания сочинений Кузмина.

16. Имеются в виду ноты Скрябина и одной из опер Глюка — «Ифигения в Тавриде» (1779) или «Ифигения в Авлиде» (1774). Впрочем, существует несколько одноименных, не столь популярных опер разных композиторов по трагедиям Еврипида и Ж. Расина, и подразумеваться может какая-либо из них.

17. Возможно, под «соком» следует понимать вино, и таким шифрованным языком объяснялись посетители ресторана с официантами в период действовавшего «сухого закона».

18. См. запись от 14 апреля.

19. Речь идет о вечере в Тенишевском училище (см. примеч. 19 к марту 1915 г.).

20. Судя по контексту, речь идет о каком-то оперном спектакле, которых в тот вечер в Петрограде было два — «Борис Годунов» в Народном доме и «Севильский цирюльник» в театре Музыкальной драмы.

21. Ср. в открытке Н. В. Чичерина, написанной на следующий день, во вторник 21 апреля:

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Очень жаль, что Вы не известили меня о том, что Вы не можете быть у меня <в> понедельник, а то бы я переставил свои дела. В ближайшие дни я затрудняюсь указать, когда можете прийти. Скрябина есть вещи очень <*нрзб.*>. У меня также „Беатриса" Гречанинова, где некоторые места очень хороши. Поговорите, пожалуйста, со мной по телефону откуда-нибудь.

Ваш *Н. Чичерин*»

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 21).

22. Ни один бюст Кузмина нам не известен.

23. Видимо, «Зеленый соловей» (Лукоморье. 1915. № 14).

24. См.: Журнал журналов. 1915. № 3. С. 11. В разделе «Камешки в лоб» был помещен анонимный отзыв о романе под заглавием «Опыт или интуиция?».

25. Единственная из статей газеты «День» за ближайшие дни, которая могла привлечь внимание споривших: *Денисов Вл.* О «левом» художестве // День. 1915. № 111. 24 апреля.

26. Новелла Юркуна «Красный жук» (опубл.: Новый журнал для всех. 1916. № 2/3).

27. Кузмин неверно со слуха записал фамилию Есенина. Не все в тогдашнем окружении Кузмина восприняли появление Есенина в Петербурге столь скептически. Рюрик Ивнев писал С. П. Боброву 27 марта 1915 г.: «Здесь появился необычайно талантливый поэт Сергей Александрович Есенин, только что приехавший из деревни юноша 19 лет. Стихи его о деревне, о леших, о ведьмах, седых тучках, сене, лаптях дышут подлинным поэтическим вдохновением, а не книжностью, как у С. Городецкого, А. Толстого и др<угих> поэтов, подходивших к деревне. Он уже произвел впечатление, к счастию, но и на более полезных для него людей, как: редакторов, авторитетных поэтов и т. п.» (*РГАЛИ*. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 27 об.).

28. Опера Дж. Россини «Севильский цирюльник», шедшая в этот вечер в театре «Музыкальной драмы».

29. Речь идет о статье Г. И. Чулкова «Вести и мнения: Письма со стороны. II», где он писал: «У Кузмина, конечно, есть вкус, а не „вкусы", и сколько бы ни старался Слезкин быть дэнди, ему до кузминского дэндизма не достать. В Кузмине в самом деле есть „александриец и француз времен классических", а то, что он поэт подлинный, об этом и напоминать не стоит. Но, читая этот новый роман милого поэта, испытываешь какое-то недоумение и подлинную досаду: кажется, что маска приросла к лицу человеческому» (Голос жизни. 1915. № 18. С. 19–20; подпись: Борис Кремнев).

30. Упоминаемой рецензии обнаружить не удалось.

Май

1. Видимо, имеется в виду гонорар за стихотворение «Весны я никак не встретил...» (Огонек. 1915. № 22).

2. Речь идет о рассказе «Девственный Виктор» (опубл.: Северные записки. 1916. № 9).

3. «*Цыганский барон*» (1885) — оперетта И. Штрауса. В 1931 г. Кузмин перевел ее либретто на русский язык (см.: *Дмитриев*. С. 235).

4. Имеется в виду практика издания фотографий популярных писателей в виде открыток. Фотографий Юркуна такого рода обнаружить не удалось.

5. См. примеч. 26 к апрелю 1915 г.

6. Ср. две подряд полученных Кузминым открытки от Н. В. Чичерина.

Первая:

<Почтовый штемпель: 7. 5. 1915>

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Зайдите, пожалуйста, ко мне в *субботу* наконец. А „Электра" очень интересна, и любопытно было бы с Вами обсудить. Я взял Скрябина этюд в нону.

Ваш *Н. Чичерин*».

Вторая:

<Почтовый штемпель: 8. 5. 1915>

«Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Зайдите, пожалуйста, ко мне в субботу после 12, а то я, вероятно, пойду в церковь. Так, около 12 ½–¾.

Ваш *Н. Чичерин*»

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 21–22).

7. Неточная цитата из «Комедии о Алексее, Человеке Божьем» Кузмина. В оригинале: «Пришло время умирать тебе, бедный Алексей» (*Театр*. Кн. 1. С. 42).

8. Италия объявила войну Австрии 10 мая 1915 г. См. материал на первой полосе «Биржевых ведомостей» «Evviva l'Italia!» и в том же номере на четвертой полосе «Манифестации в честь Италии» (Утр. вып. 1915. № 14837. 12 мая); ср.: Выступление Италии // Речь. 1915. № 129. 13 (26) мая.

9. Комедия Ж. Кайе, Р. Флера и Э. Ре «Бабушка (Завоеванное счастье)». См. рецензии: *N. N.* // День. 1915. № 109. 22 апреля; *Л-р.* // *БВ*. Утр. вып. 1915. № 14797. 21 апреля. В один вечер с ней шла одноактная комедия О. Мирбо «Вор».

10. См. в объявлении кинотеатра «Паризиана»: «...исключительно грандиозная кине-инсценировка романа Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы" в 5 част<ях>. Кошмарная жизнь — Кошмарные люди. Постановка известного режиссера Московского Художественного театра Ф. К. Пружанского. К исполн<ению> главных ролей привлечены артисты Студии Московск<ого> Художеств<енного> театра» (*ОТ*. 1915. № 2753. 13 мая. С. 5).

11. Книгоиздательство «Лирика», существовавшее в Москве в 1913–1914 гг., выпустило одноименный альманах (1913) со стихами

Ю. Анисимова, Н. Асеева, С. Боброва, Б. Пастернака, С. Раевского (С. Н. Дурылина), С. Рубановича, А. Сидорова и В. Станевич, а также сборники стихов Н. Асеева «Ночная флейта», С. Боброва «Вертоградари над лозами», Б. Пастернака «Близнец в тучах», выполненный Ю. Анисимовым перевод «Книги часов» Р. М. Рильке.

12. Плутовской роман А. Р. Лесажа «Похождения Жиль Бласа из Сантильяны» (1715–1735). Упоминается в стихотворении Кузмина «Новый год» (*Кузмин*. С. 252–263).

13. «Собачьего» здесь означает, по-видимому, посетителя «Бродячей собаки».

14. В этот вечер в Петрограде шли две оперетты: «Польская кровь» чешского композитора О. Недбала в «Луна-парке» и «Парижская жизнь» Ж. Оффенбаха в «Летнем Буффе», которая, скорее всего, и привлекла внимание Кузмина. См. рец.: *Каэль*. Реставрированный Оффенбах // *ОТ*. 1915. № 2763. 23 мая. С. 7; *Двинский* // *БВ*. Веч. вып. 1915. № 14852. 19 мая.

15. Имеется в виду книга «Переписка московских масонов XVIII века» под ред. Я. Л. Барскова (Пг., 1915).

16. На Рыночной ул., 16 в 1915–1916 гг. жил С. Ю. Судейкин.

17. Рассказ Юркуна с таким названием нам неизвестен.

18. См. в официальном извещении: «От главноначальствующего над городом Москвой объявляется: „28 мая на улицах Москвы произошли печальные события, начавшись под влиянием стремления удалить с заводов подданных враждебных нам государств. Эти события мало-помалу вылились в самые безобразные формы. Собравшиеся толпы не только били стекла и громили магазины, владельцы коих носят иностранные фамилии, но грабили находившиеся в магазинах товары. В этом постыдном деле принимали участие также женщины подозрительного вида и подростки“» (Разгром немецких магазинов и фабрик в Москве // День. 1915. № 146. 30 мая). События носили столь серьезный характер, что газеты или вообще не сообщали о них (так, в «Речи» под рубрикой, рассказывающей о происходящем в Москве, появились белые пятна, обозначавшие цензурные купюры) или рассказывали с большим запозданием (см.: Московские события // Речь. 1915. № 154. 7 (20) июня; День. 1915. № 155. 8 июня). Бóльшую свободу информации получили «Биржевые ведомости» (Погромы в Москве // *БВ*. Веч. вып. 1915. № 14834. 9 мая; № 14867, 14869, 14871. 27–29 мая; Утр. вып. № 14885. 5 июня). См. также современную публикацию: *Шумихин С. В.* Русский бунт как он есть. Немецкие погромы в Москве 1915 года (по неопубликованным материалам) // Независимая газета. 1998. № 125. 14 июля, а также в дневниках Р. М. Хин-Гольдовской и комментариях к ним (*Минувшее*. Т. 21. С. 560–561, 591–593; публ. Е. Б. Коркиной, примеч. А. И. Добкина).

19. «*Готский альманах*» («Almanach de Gotha», «Gothaisher Jahrbuch fur Diplomatie, Verwaltung und Wirtschalft») — дипломатический, генеалогический и статистический справочник. Издается с 1763 г. Иллюстрировался гравированными портретами, отсюда упоминание Д. Ходовецкого.

20. См. в хронике: «В Петроград только что вернулся из-за границы поэт К. Д. Бальмонт» (*Каэль.* Жрец красоты // *ОТ.* 1915. № 2769. 29 мая. С. 5). Он пробыл в Петрограде до начала июня (*ОТ.* 1915. № 2775. 4 июня). См. также: У К. Д. Бальмонта // *БВ.* Утр. вып. 1915. № 14869. 28 мая; *Фри-Дик.* У К. Д. Бальмонта // *БВ.* Веч. вып. 1915. № 14870. 28 мая. О публичных выступлениях Бальмонта в этот приезд сведений нам обнаружить не удалось, так что, видимо, Тэффи приглашала Кузмина на встречу с ним в каком-то приватном собрании.

Июнь

1. Видимо, книга рассказов «Зеленый соловей» (Пг., 1915).

2. См. в рецензии Н. П. Ашешова: «...в художественном отношении „Военные рассказы" г. Кузьмина представляют собой нечто жалкое, убогое и бездарное <...> рассказы г. Кузьмина — ниже среднего уровня, ниже тех беллетристических подёнок мелкой прессы, которые умирают бесславно...» (Речь. 1915. № 148. 1 (14) июня; подпись: Н. Аш.). Отметим, что на следующий день о сборнике бегло писал в очередной статье из цикла «Темы и парадоксы» А. А. Измайлов: «Немножко больше искренности в военных рассказах Кузмина. <...> Война не оставила его спокойным, и как-то чувствуется, что он искренне хотел бы излить сердце, если не многозвучное, то, во всяком случае, и не пустое» (*БВ.* Утр. вып. 1915. № 14879. 2 июня). Далее в статье следовало лестное для Кузмина сравнение с Лесковым.

3. Кузмин писал В. А. Бонди с просьбой об авансе в 50 рублей, прибавляя: «Потом оставлю Вас в покое со своими произведениями до октября, так как понимаю, что нельзя так заполнять своей особой» (*РНБ.* Ф. 90. Ед. хр. 15).

4. См. в хронике: «Из Петрограда вчера уехал Н. Ф. Балиев, который здесь, совместно с Ю. Э. Озаровским окончательно разработал репертуар предстоящего зимнего сезона. Между прочим, в Петрограде г. Балиев „заказал" несколько пьесок для своего театра „сих дел мастерам"» (*ОТ.* 1915. № 2776. 5 июня. С. 7).

5. Речь идет о романе Кузмина «Тихий страж».

6. См.: *Неведомский М.* Что стало с нашей литературой? // Современник. 1915. № 5.

7. Н. Н. Врангель, которого Кузмин хорошо знал по сотрудничеству в «Аполлоне», умер от желтухи в Варшаве, где был уполномоченным Красного Креста на театре военных действий (см. некролог: *ОТ.* 1915. № 2788. 17 июня). Ср. также: *Левинсон Андрей.* Памяти Н. Н. Врангеля // Речь. 1915. № 157. 20 июня (4 июля); *Бенуа Александр.* Памяти Врангеля // Речь. 1915. № 174. 2 (15) июля; *Яремич С.* Врангель // *БВ.* Утр. вып. 1915. № 14913. 19 июня; *П-в Н.* Памяти барона Н. Н. Врангеля // День. 1915. № 164. 17 июня.

8. См. в хронике: «На будущий зимний сезон в Александринском театре предположена под режиссерством Мейерхольда к постановке „Дама с камелиями" с Е. Н. Рощиной-Инсаровой и Ю. М. Юрьевым в главных ролях» (День. 1915. № 119. 2 мая). Постановка осуществлена

не была, но любопытно отметить, что Мейерхольд предлагал Кузмину написать музыку к значительно более поздней своей постановке «Дамы с камелиями» уже в советское время.

9. В этот день В. В. Маяковский вписал в альбом С. Ю. Судейкина экспромт:

Приятно Марсовым вечером
Пить Кузьминской речи ром.
25 июня. В. Маяковский

(*РГАЛИ*. Ф. 947. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 1).

10. Скорее всего, имеется в виду стихотворение «Я встречу с легким удивленьем...» (Лукоморье. 1915. № 23). Менее вероятно, что речь идет о рассказе «Секрет отца Гервасия» (№ 29).

Июль

1. Последняя строка из «романа в отрывках» Кузмина «Новый Ролла» (сб. «Глиняные голубки», 1914).

2. Объявления о планах издания второго сборника «Стрелец» появились в печати намного раньше. См.: «Готовится к печати второй литературно-художественный сборник „Стрелец“. В сборнике участвуют: Максим Горький, А. Блок, М. Кузмин, А. Ремизов, З. Венгерова, Н. Евреинов, Корней Чуковский, В. Маяковский, Д. Бурлюк и другие» (День. 1915. № 96. 9 апреля). Аналогичное объявление появилось накануне и в «Речи». Планы продолжения были, очевидно, вызваны значительным успехом первого альманаха, мнение критики о котором хорошо может быть иллюстрировано хроникальным отзывом: «Вышел литературный иллюстрированный сборник „Стрелец“. Название сборника может, однако, ввести в заблуждение. „Стрелец“ — не наименование воина допетровской эпохи, а одно из созвездий зодиака. Под этим созвездием объединились авторы из прекратившихся сборников „Сирин“ и футуристы. Но объединение это чисто механическое. А. Ремизов, А. Блок, Ф. Сологуб — сами по себе, а Д. Бурлюк, Маяковский и Кульбин тоже продолжают оставаться верными себе. Что касается рисунков, то они, может быть, и хороши, но не-футуристам непонятны» (Речь. 1915. № 61. 4 (17) марта).

3. Из контекста неясно, старое ли издание XIX в. имеется в виду (таких было несколько), или же только что вышедшая в Москве книга: *Высоцкий Н. Г.* Первый скопческий процесс. М., 1915.

4. Произведение Пушкина (1830, опубл. 1837), ныне печатающееся под авторским заглавием «История села Горюхина».

5. «Приключения кавалера де Фоблаза» (1787–1790) — многотомный роман французского писателя Ж. Б. Луве де Кувре о распутном представителе высшего света XVIII в. (имя Фоблаза стало нарицательным).

6. Второе издание сборника «Сети» (Пг., 1915) вышло с большими цензурными купюрами, обозначенными строками точек. Роман «Тихий страж» должен был получить предварительное цензурное разрешение, задерживавшееся из-за не представленного вовремя окончания.

7. Имеется в виду воинская повинность. См. также ниже, примеч. 10, и примеч. 7 к августу 1915 г.

8. См. в хронике из интервью с приехавшим на короткое время в Петроград Ю. Э. Озаровским: «Моя последняя пьеса „Проказы вертопрашки" или „Наказанный педант" включена в репертуар московского драматического театра. Как мне сообщили, работы по постановке этой пьесы — в полном ходу. Все аксессуары для нее будут сделаны совершенно новые. Специальные декорации пишет художник Судейкин» (*БВ.* Утр. вып. 1915. № 14967. 16 июля).

9. Имеется в виду драма «У жизни в лапах», шедшая в «Парижиане» (см. отзыв: *ОТ.* 1915. № 2824. 23 июля).

10. См.: Призыв новобранцев 1917 года // День. 1915. № 192. 15 июля. 23 июля Петроградское городское по воинским делам присутствие объявило о порядке призыва (День. 1915. № 200. 23 июля). Нормы отсрочек от призыва были значительно ужесточены (см.: *Д. Х.* К досрочному призыву 1917 года // День. 1915. № 194. 17 июля). О порядке призыва см. также примеч. 7 к августу 1915 г.

11. Цитируются первые слова арии Фигаро из первого акта оперы Моцарта «Свадьба Фигаро» (либретто Л. да Понте). В русском переводе: «Уж не будешь, повеса влюбленный, распевать под окном серенады...»

12. Роман Т. Краснопольской «Ряженые», вышедший в 1915 г. в издательстве М. И. Семенова.

13. Судя по всему, Ю. Э. Озаровский, ушедший со службы в Императорских театрах и перебравшийся в «Летучую мышь» Н. Ф. Балиева, занимался в этот приезд репертуаром театра и заказал что-то Кузмину. 22 сентября в «Летучей мыши» состоялась премьера сразу двух пьесок Кузмина — «Все довольны» и «Фея, фагот и машинист» (см.: *Дмитриев.* С. 231, 233).

14. Иллюминация была связана с празднованием 30 июля дня рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича.

Август

1. Неизвестная нам книга о французском художнике Гисе, который оказал большое влияние на графическую манеру Юркуна.

2. В августе 1915 г. произведений Кузмина в «Биржевых ведомостях» не появлялось.

3. Рассказ Юркуна «Цветы» появился в журнале «Лукоморье» (1915. № 34. 22 августа).

4. Имеется в виду задуманная Кузминым серия повествований «Новый Плутарх». См.: *ДК-05–07.* С. 534, примеч. 43, и в наст. изд. примеч. 10 к марту 1908 г.

5. По сводкам, опубликованным 18 августа, российские войска отступали на Виленском направлении, на среднем Немане и от Владимира-Волынского к Луцку.

6. В эти дни разразился серьезный кризис, связанный с нехваткой разменной монеты (см , например: О разменной монете // День.

1915. № 226. 18 августа). Несмотря на многочисленные успокоительные заверения, ликвидировать затруднения так и не удалось.

7. По ст. 5-й Устава о воинской повинности вооруженные силы России состояли из постоянных войск и ополчения, созываемого лишь в чрезвычайных обстоятельствах военного времени. Ополчение состояло́ из всего мужского населения, способного носить оружие, от призывного возраста до 43 лет, и делилось на ратников 1-го разряда (служившие прежде в войсках и перечисленные в ополчение из запаса) и ратников 2-го разряда (физически негодные к службе в постоянных войсках, но способные носить оружие и льготные 1-го разряда по семейному положению).

8. В это время Н. С. Гумилев жил в Петрограде (Литейный пр., 31), откомандированный в Николаевское кавалерийское училище для сдачи экзаменов на офицерский чин, которые начал сдавать в сентябре.

9. Речь идет о письме от М. Божеряновой, матери художника А. И. Божерянова, предлагавшей сдать Кузмину квартиру.

10. Николай II прибыл в действующую армию 23 августа. 27 августа в сводке сообщалось: «В Галиции, под Тарнополем, нами одержан 25-го августа большой успех над германцами. <...> Благополучный выход наших армий из трудного положения в охватываемом противником передовом Привислинском театре начинает давать свои результаты» (День. 1915. № 235. 27 августа).

11. В рекламе «Парижиане» на этот день сообщалось: «Выдающаяся художественная картина „Чайка“ на тему известного романса („Вот вспыхнуло утро...“). В главных ролях М. Д. Рындина (очевидно, опечатка и имеется в виду знакомая Кузмину Л. Д. Рындина. — *Н. Б., С. Ш.*) и И. И. Мозжухин».

12. Имеется в виду письмо от Н. С. Кругликова (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 61) с приглашением участвовать в сборнике «Париж накануне войны в монотипиях Е. С. Кругликовой» (Пг., 1916). Кузмин ответил отказом.

Сентябрь

1. А. А. Измайлов работал над биографическим исследованием о Лескове (незавершенная рукопись хранится в *ИРЛИ*).

2. В это время отношения Кузмина с «Биржевыми ведомостями» были достаточно напряженными; он если и печатался там, то с постоянными трудностями (см., например: *ЕРОПД* на 1990 год. С. 64–65). Судя по всему, после визита 13 сентября к А. А. Измайлову удалось договориться о более регулярном сотрудничестве.

3. Об отказе редакции «Русской мысли» печатать повесть Юркуна см. подробный комментарий П. В. Дмитриева и Г. А. Морева (*Юркун*. С. 478).

4. А. А. Измайлов жил на 17-й линии Васильевского Острова, около Смоленского кладбища.

5. Речь идет о юбилейном спектакле в Малом (Суворинском) театре, посвященном 20-летию театра (см.: К юбилею театра Литера-

турно-Художественного общества // День. 1915. № 256. 17 сентября; *Измайлов А.* За двадцать лет // *БВ.* Утр. вып. 1915. № 15097. 19 сентября). Кузмину было поручено написать рецензию для «Биржевых ведомостей», в которой отразились и эпизоды, описанные в дневнике: «И наивная инсценировка кантаты с бросанием цветов, причем г. Глаголин все время стоял уже в костюме Дмитрия Самозванца, и длиннейшие антракты <...> все носило характер семейного торжества <...> Самым интересным был доклад Ю. Д. Беляева о А. С. Суворине» (*БВ.* Утр. вып. 1915. № 15099. 20 сентября). Во время спектакля реферат об истории театра читал Ю. Д. Беляев, была исполнена юбилейная кантата хором под руководством А. Д. Шереметева, а также сыграны отрывки из пьес и одноактные пьесы А. С. Суворина. См. отклики: *С. Т.* // День. 1915. № 259. 20 сентября; *Тимофеев С.* // День. 1915. № 260. 21 сентября; *Измайлов А. А.* Брекекекекс // *БВ.* Веч. вып. 1915. № 15100. 20 сентября; подпись: Анчар; *Гуревич Любовь.* Театр А. С. Суворина. Юбилейный спектакль // Речь. 1915. № 260. 21 сентября (4 октября).

6. Речь идет о первом для Кузмина сотрудничестве с «Биржевыми ведомостями» в качестве рецензента (см. предыдущее примеч.).

7. Сравнение Н. А. Клюева с Распутиным было общим местом тогдашнего не только политического, но и поэтического мышления. Ср. клюевскую автохарактеристику: «Меня Распутиным назвали / В стихе расстригой, без вины» (*Клюев Н. А.* Сердце единорога: Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 353).

8. Ср. описание аналогичного (в январе 1916 г.) вечера у Каннегисеров в очерке М. Цветаевой «Нездешний вечер» (*Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 281–292).

9. Речь идет о рассказе «Предрассудок» (*БВ.* Утр. вып. 1915. № 15113. 27 сентября).

10. Известных нам материалов недостаточно для того, чтобы назвать и прокомментировать предмет ссоры между Б. А. Садовским и М. А. Долиновым (еще в начале 1913 г. Садовской и Долинов вместе с несколькими единомышленниками — А. А. Конге, А. И. Тиняковым, В. Ф. Ходасевичем — задумывали так и не осуществившийся литературно-критический альманах «Галатея»). В архиве Садовского среди нескольких дружеских и деловых писем от Долинова сохранилась следующая недатированная карандашная записка, которая может иметь отношение к записи Кузмина, но не проясняет причину ссоры: «Б. А.! После оскорбительного приветствия Вашего я вправе просить объяснения. Это затрагивает честь мою, и, думается, я могу желать ее оберегать и защищать. *М. Долинов*» (*РГАЛИ.* Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 52). В дальнейшем, насколько можно судить по сохранившимся письмам первого, Долинов и Садовской помирились.

11. Просьбу С. И. Чацкиной Кузмин выполнил, переведя стихотворные тексты из «Влюбленного дьявола» Ж. Казота (Северные записки. 1915. № 10–11/12; перевод прозаического текста — Н. Вальман).

12. См.: *Сазонов Мих.* Уродливая маска. Пг.: М. И. Семенов, 1916.

13. В своих «набросках» «Очередная желчь» Л. Аркадский (А. С. Бухов), говоря о статьях памяти А. С. Суворина в день юбилея Малого театра, так упомянул о Кузмине: «И вдруг среди людей, благородно склонивших головы, вырывается маленькая фигурка гомосексуалиста в отставке, сотрудничка „Лукоморья", немножечко по прозочке, немножечко по поэзийке — М. Кузмина, и начинает быстро-быстро, как старушка, прибежавшая в приемную к генералу с просьбой о единовременном пособии, кланяться и сладким голоском лепетать в одной газете...» (Журнал журналов. 1915. № 24. С. 20).

14. По контексту дневника *Нюша* — прислуга в квартире, которую снимал Кузмин, уйдя от Нагродских (см., например, в записи от 13 ноября 1914 г.). Что за судебный процесс здесь упомянут, нам неизвестно.

Октябрь

1. Роман Чарлза Диккенса (1850).

2. Вероятно, имеется в виду пьеса «Фея, фагот и машинист», получившая цензурное разрешение 12 сентября.

3. «Подписать афишу» означает дать разрешение на театральное представление. После штампа «Дозволено цензурой» афишу подписывал накануне спектакля полицеймейстер.

4. В 1909–1917 гг. барон Н. В. Дризен был цензором драматических сочинений.

5. В. А. Регинин в это время редактировал журнал «Аргус», где печатался Кузмин.

6. Речь идет об опере К. Дебюсси «Пелеас и Мелизанда» (1902) по пьесе М. Метерлинка. Вероятно, Кузмин был в театре вместе с Н. В. Чичериным. См. открытку последнего от 13 октября: «Дорогой Михаил Алексеевич! Занесите мне, пожалуйста, „Pelleas", чтоб просмотреть перед посещением оперы. Ваш *Н. Чичерин*» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 429).

7. Литературная группа «Краса» объединяла С. М. Городецкого, С. А. Есенина, Н. А. Клюева, А. М. Ремизова. Участники группы стремились к возрождению русской старины, обращались к мифологии, поэзии, быту русской деревни. Здесь речь идет, видимо, об одном из последних выступлений группы, распавшейся осенью 1915 г.

8. Акростих М. М. Бамдаса ни в опубликованных его книгах, ни в семейном архиве, с которым нас знакомила ныне покойная дочь поэта, Т. М. Корзинкина, обнаружить не удалось.

9. Речь идет о «драме из великосветской жизни в 3-х актах» под названием «И сквозь золото слезы льются».

СПИСОК ТЕАТРОВ, МАГАЗИНОВ, РЕСТОРАНОВ И ДРУГИХ МЕСТ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ ДНЕВНИКА*

«Аванцо и К°», магазин картин, рамок, художественных принадлежностей и иллюстрированных открыток (Невский пр., 5).

Азовско-Донской коммерческий банк (Б. Морская ул., 5).

«Аквариум», ресторан с театром-варьете при нем (Каменноостровский пр., 10).

«Альбер» («Французский»), ресторан (Невский пр., 18).

«Angleterre» («Англия», «Англетер»), гостиница (Вознесенский пр., 10, близ Исаакиевской пл.) с рестораном «Англия» при ней.

Андреева А. А. чайная (Невский пр., 3; название «кафе» вошло в обиход позднее).

«Аполло», театр (наб. Фонтанки, 131).

«Армия и флот», Санкт-петербургское Офицерское собрание армии и флота (Литейный пр., 20), с буфетом, рестораном и магазином при нем.

Балабинская гостиница (Невский пр., 87); была известна как дом свиданий, ибо номер там можно было снять и на одну ночь, и на время, по часам.

«Бар» («Американский бар») при ресторане «Контан» (наб. Мойки, 58).

«Берен», кондитерская (М. Морская, 8); владельцы С. Ф. Угрюмов и А. А. Бремер.

«Бернар» — вероятно, так Кузмин пишет название ресторана «Бернгард» (Николаевская наб., 9); владелец Е. Е. Зиберт.

«Биохром», фототипия одноименного акционерного общества (Екатерингофский пр., 9).

Боассон и Эгглер (Буасона), фотография (Невский пр., 24).

«Богемия», ресторан в Москве (Неглинный проезд, 17).

Большая Северная гостиница (Невский пр., 118).

«Бояр», меблированные комнаты (Бассейная ул., 1); владелица Ф. К. Альбрехт.

«Братья Пивато», фешенебельный итальянский ресторан (Б. Морская ул., 34); владелец Ф. Ф. Кенар.

«Бристоль», меблированные комнаты (Литейный пр., 64).

«Бристоль», кофейня (Невский пр., 96).

Буасона — *см.* Боассон и Эгглер.

«Буфф» («Летний Буфф»), театр в Измайловском саду (наб. Фонтанки, 114).

«Буфф» («Зимний Буфф»), театр (Адмиралтейская наб., 4).

«Вена», ресторан (М. Морская ул., 13); владелец И. С. Соколов.

«Веселый театр» Л. Л. Пальмского и «Парижский Табарен» М. К. Сементковского-Курилло (наб. Крюкова канала, 12).

«Вилла Родэ» («Villa Rodé»), ресторан с театром-варьете при нем (Новодеревенский участок, Строгановская ул., 2); владелец А. С. Роде.

Вольфа М. О. т-ва книжные магазины (Невский пр., 13 и в Б. Гостином дворе).

Воробьев Г. И., мужской портной (Забалканский пр., 7); шил театральные костюмы для Дома ин-

---

* В список не включены драматические и оперные театры

термедий, сшил также новый костюм Кузмину.

Восточный магазин — вероятно, имеется в виду «Большой Восточный магазин» (продажа ковров), который находился на Невском пр., 34.

Гаевского Н. В. писчебумажный магазин (Литейный пр., 28); большинство тетрадей, в которых Кузмин вел свой дневник, имеют ярлык этого магазина.

«Гвардейка», магазин Гвардейского экономического потребительного о-ва (Б. Конюшенная ул., 21).

«Денар», фотография (Б. Морская ул., 11); владелец Б. И. Завьялов.

«Доминик», ресторан (Невский пр., 24).

«Донон», ресторан (Благовещенская ул., 2); владельцы Н. А. Осипов и И. С. Зон.

«Dumenton», меблированные комнаты «Дюментон Г.» (наб. Фонтанки, 29).

Дуберг П. И., мужской портной (Троицкая ул., 18).

«Дунай», одноименные трактиры на Клинском пр., 7 и Среднеохтенском пр, 38; вероятно, Кузмин имеет в виду первый.

Европейская гостиница (Михайловская пл., 1).

Егорова И. И. ресторан (Москва, Садово-Кудринская, д. Ястребовой).

«Жаме», парикмахерская (Б. Морская ул., 9/13); владельцы П. Лоде и Л. Вилье.

«Jardin d'hiver» («Зимний Сад»), театр-варьете (наб. Фонтанки, 13).

«Жокей-Клуб», мужской бельевой и галантерейный магазин (Невский пр., 40).

«Золотые львы» — название не обнаружено.

Зоологический сад в Александровском парке и театр при нем.

«Казино» — открывшийся на Крюковом канале, возле Театральной площади, театр А. А. Брянцева (известен также под названием «Уголок Парижа»); с 1912 г. это помещение занял «Веселый театр» Л. Л. Пальмского.

Карбасникова Н. П. книжный склад в Б. Гостином дворе.

«Café Empire», кафе (Садовая ул., 12); владелец В. А. Варен.

«Café de Paris», кафе (Б. Морская ул., 16); владелец А. Жуэн.

«Квисисана» («Quisisana»), ресторан с буфетом-автоматом (Невский пр., 43, близ «Пассажа»); владелец Г. Р. Сартори.

Клочкова В. И. букинистический магазин (Литейный пр., 55).

«Контан» — *см.* «Бар».

Корнилова А. К. мясная лавка (Введенская ул., 4).

Кошкина Г. Н. парфюмерный магазин (в помещении Б. Гостиного двора).

«Кривое зеркало», театр миниатюр (Екатерининский канал, 90).

Кузнецова И. А. ресторан (Невский пр., 29).

Кусевицкого К. Ш. ателье по прокату роялей и пианино (Широкая ул., 6).

«Кюба», фешенебельный ресторан на углу Б. Морской и Кирпичного переулка.

«О. Лейнер» т-ва ресторан (Невский пр., 18, угол Б. Морской; помещался в одном здании с рестораном «Французский» — излюбленным Кузминым «Альбером»).

«Лейферт А. и Л., братья», торговый дом театральных костюмов (Караванная ул., 18), где брались напрокат карнавальные, концертные и театральные костюмы.

«Летучая мышь», театр-кабаре Н. Ф. Балиева (Москва, д. Перцова у Храма Христа Спасителя; позднее — дом Нирнзее в Гнездниковском пер).

Литейный Интимный театр (Литейный пр., 51).
«Луна-парк», театр-варьете (Офицерская ул., 39).

«Мажестик», кинотеатр (Невский пр., 50).
Малый театр — *см.* Театр А. С. Суворина.
Мариинская гостиница и ресторан при ней (Чернышев пер., 3); одно из любимых мест Кузмина до лета 1906 г.
«Медведь», ресторан с варьете при нем (Б. Конюшенная ул., 27); владелец А. И. Судаков.
Мелина Л. Ф. букинистический магазин (Литейный пр., 60).
«Мелье и К°», книжный магазин (Невский пр., 20).
«Метрополь», гостиница и ресторан в Москве, в Охотном ряду.
«Метрополь», одноименный с московским ресторан в Петербурге (Садовая ул., 14).
«Мильк И. Э.», торговый дом (оптические принадлежности), имел отделения на Б. Морской ул., 35, Невском пр., 46 и Литейном пр., 43.
Митюрникова И. И. книжный магазин (Литейный пр., 31).
«Мозаика», московский театр миниатюр (Б. Дмитровка, 24).
«Москва», гостиница (Невский пр., 49); владелец Ф. И. Ротин.

«Невский фарс», театр; позднее — Театр В. Лин (Невский пр., 56).
Неменчинского А. Ф. ресторан (Загородный пр., 18).
«Nice» («Ницца»), меблированные комнаты (Николаевская ул., 6).
«Нового времени» т-ва книжный магазин (Невский пр., 40).

«Оливье», парикмахерская (Невский пр., 54); владелец Т. И. Соловьев.

Павловой А. И. театральный зал (Троицкая ул., 13).
«Palace-Théâtre», опереточный театр с рестораном (Михайловская пл., 13).
Палкина К. П. ресторан (Невский пр., 47/1).
«Паризиана», кинотеатр (Невский пр., 80).
«Пассаж», театр (Итальянская ул., 19).
«Pivato», «Пивато» — *см.* «Братья Пивато».
«Прага», московский ресторан (Арбат, 2); владелец С. П. Тарарыкин.
«Приморская», гостиница (Новодеревенская наб., 19).

«Рабон», кондитерская (Невский пр., 30); владелица М.-М. Буше.
«Регина» (Кузмин пишет также «Режина», «Regina»), гостиница и ресторан при ней (наб. Мойки, 61).
Рейтер В. Н., кафе и театральное агентство (Итальянская ул., 31).
Ресторан Трехгорного пивоваренного товарищества (Москва, Петровка, 22, угол Рахмановского пер.).
«Robon» — *см.* «Рабон».
Ромейко — магазин антикварных вещей Н. И. Ромейко в Ново-Александровском рынке.

«Салон Варьете» (наб. Фонтанки, 81).
«Северные меблированные комнаты» (Невский пр., 55).
Северная гостиница — *см.* Большая Северная гостиница.
«Селект-Отель», гостиница (Лиговский пр., 44).
«Славянка», ресторан; вероятно, имеется в виду находившийся по адресу М. Конюшенная ул., 16; другой ресторан с тем же названием — Новодеревенская наб., 4.
«Soleil», кинотеатр (Невский пр., 48, в помещении Пассажа).
Соловьева В. И. ресторан (Невский пр., 71); в этом же доме помещался фруктовый магазин того же владельца).

«Табарен» — *см.* «Веселый театр».

Театр А. С. Суворина (Театр Литературно-художественного общества, Малый театр; наб. Фонтанки, 65).

Театральный клуб при Союзе драматических и музыкальных писателей (Литейный пр., 42); председатель И. Н. Потапенко.

«Трамбле», кондитерская (Москва, Петровка, дом Михалкова).

Троицкий театр миниатюр (Троицкая ул., 18).

Трофимова Н. И. парикмахерская (Б. Сампсониевский пр., 16).

Тузов — два книжных магазина духовной литературы, принадлежавших И. Л. Тузову в Большом Гостином дворе.

«Уголок», клуб-кабаре в подвале Пассажа.

«Фарс» — *см.* «Невский фарс».

Федорова Е. А. ресторан (Гороховая ул., 73).

Филиппова Д. И. кофейня (Невский пр., 45).

«Финляндская гостиница» (Астраханская ул., 17).

«Франция», ресторан при гостинице «Hôtel de France» (Б. Морская ул., 6).

«Французский» — *см.* «Альбер».

«Французский ресторан» (Новая деревня, Набережная, 85); владелец Ж. Лежен.

«Хуторок», трактир без подачи крепких напитков (Козловский пер., 11/16).

Циммерман Ю. Г., музыкальный магазин (Измайловский полк, 6 рота, 23).

Цирк «Модерн» (Кронверкский пр., 11).

Цирк Чинизелли (Симеоновская пл.).

Черепенников В. И. и сыновья, ресторан (Литейный пр., 64).

Шилова Ф. Г. книжный магазин (Литейный пр., 56).

«Эрмитаж», меблированные комнаты (Невский пр., 73); владелец И. И. Малиновский.

«Эрмитаж», московский ресторан т-ва Оливье (Трубная пл., собственный дом); со второй половины XIX в. имел репутацию традиционного места сбора московской либеральной общественности, «негласного парламента».

«Эсдерс» — бельгийско-голландский магазин «Эсдерс и Схефальс» (Гороховая ул., 15).

«Яр», ресторан (П. С., Большой пр., 18).

«Ярославец», «Малый Ярославец», ресторан (Б. Морская ул., 8).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А. В. 618
А. К. — см. Койранский А. А.
А. Н. — см. Нурок А. П.
А. П. 675
АББАКУМОВ С. Т. 622
Аббат — прозвище М. А. Кузмина в кругу Вяч. Иванова
Абдул-Хамид II 605
АБЕРГ А. 669
АБРАМОВИЧ Николай Яковлевич (псевд. Н. Кадмин; 1881–1922), литературный критик, публицист, поэт и прозаик 161, 637
АВЕРИНОС 699
АВЕРЧЕНКО Аркадий Тимофеевич (псевд. Ave; 1881–1925), писатель, редактор журнала «Новый Сатирикон» 83, 457, 531, 565, 675, 679, 732, 741, 761
АВИЛОВ, приятель С. С. Познякова 92
АВЬЕРИНО Н. К. 685
АГАФОНОВ В. 722
АГАФОНОВ, сотрудник журнала «Джентльмен и моды» 336, 492, 495
Агашка — см. Сазонов М. Г.
АГГЕЕВ К. М. 691
АГНИВЦЕВ Н. Я. 778
АГРАЕВ Г. 775
АДАМОВ, гость Нагродских 418
АДАМОВИЧ В. Д. 713
АДАМОВИЧ Георгий (у Кузмина также: Юрий) Викторович (1892–1972), поэт, литературный критик 417, 419, 423, 424, 427, 432, 435, 438, 471, 472, 476, 482, 484, 491, 498, 506, 522, 526, 528–530, 533, 557, 564, 754, 777
АДАМОВИЧ (в замуж. Высоцка) Татьяна Викторовна (1891–1970), сестра Г. В. Адамовича, балерина, мемуарист, педагог 418, 487
АДАМОВИЧИ, семья Г. В. Адамовича 424, 429, 434
Аделаида — см. Герцык А. К.
АДЕЛЬСОН, посетитель Европейской гостиницы 254
АЗАДОВСКИЙ К. М. 595, 713, 722, 728, 731, 733
АЗЕФ Е. Ф. 643, 721
АЗОВ (Ашкинази) Владимир Александрович (псевд. В. А., Онегин; 1873–1948), писатель, драматург, переводчик 476, 523, 579, 622, 647, 662, 665, 695, 716, 773
АЙХЕНВАЛЬД Юлий Исаевич (1872–1928), литературный критик 37, 597
АКСАРИНА М. М. 589, 592
АЛЕКСАНДР I (1777–1825), император (1801–1825) 384
Александр II 675
Александр Македонский 603
Александр, вероятно, парикмахер 511
Александр, половой из Мариинской гостиницы 350, 501
Александр, официант 238
Александр Алексеевич — см. Измайлов А. А.
Александр, банщик — см. Корчагин А. И.

---

* Аннотируются только имена, прямо или косвенно упомянутые в тексте дневника Знаком (*) отмечены предположительно идентифицированные лица и те страницы, где есть сомнения в точности идентификации упоминаемого человека Имена владельцев магазинов, ресторанов, театров включаются только в том случае, если имеется в виду конкретный человек, а не заведение, фирма и т п ; имена домовладельцев не включаются

Александр Иванович — см. Божерянов А. И.
Александр Михайлович, вел. князь 761
Александра Вячеславовна — см. Иванова А. В.
Александра Ивановна, знакомая по Окуловке 130, 131, 233
Александра Николаевна — см. Чеботаревская А. Н.
Александра Николаевна — см. Эпштейн А. Н.
Александра Филипповна (Ал. Фил., Филипповна), знакомая по Окуловке 134, 137, 140, 143, 144
АЛЕКСАНДРОВ, возможно, актер 203, 304
АЛЕКСЕЕВ С. А. — см. Аскольдов С. А.
АЛЕКСЕЕВСКИЕ (Алевтина, Андрей, Павел), знакомые по Окуловке 44, 64, 80, 81, 143, 148, 150, 291, 292
АЛЕКСЕЕВСКИЙ 666
Алексей Алексеевич — см. Суворин А. А.
Алексей Михайлович — см. Ремизов А. М.
Алексей Николаевич, великий князь, цесаревич 784
Алексей, банщик с 9-й линии Васильевского Острова 70, 153, 192
Алексей, официант ресторана Лейнера 241, 242
Алексей, возможно, слуга Нагродских 409, 415
Алеша, один из провожающих в Киев «Остров искусства» 190
Алеша, знакомый по Окуловке (возможно, Колесников Ал<ексей> Иванович) 133
Алеша (Алешка, Алексис, Алексик), постоянный посетитель Судейкиных 537, 540, 544, 547
АЛПАТОВ М. В. 694
АЛПЕРС Борис Владимирович (1894–1974), сотрудник Студии В. Э. Мейерхольда, впоследствии театровед 497, 500, 509, 513, 517, 532, 542, 564
АЛЧЕВСКИЙ И. А. 692
АЛЬБЕНИС И. 585
Альберт I, король Бельгии 758, 770
АЛЬБОВ Петр Александрович, актер Дома интермедий 244, 246, 341, 342
АЛЬВИНГ Арсений (Смирнов Арсений Алексеевич; 1885–1942), поэт, прозаик, критик, переводчик 519
АЛЬМЕДИНГЕН Борис Алексеевич (1887–1960), художник 195, 197
АЛЬТМАН М. С. 654
АЛЬТМАН Натан Исаевич (1889–1970), живописец, график, сценограф 521, 528, 555
Аля, посетительница Ивановых 10
Амалия — жена (?) Э. Мешинга 308
АМБРАЗЕВИЧ Вероника Карловна (1868–1938), мать Ю. И. Юркуна 444, 540, 542–549, 551–561, 563–568, 570
АМЕЛЯНСКИЙ, знакомый по Окуловке 89
АМФИТЕАТРОВ-КАДАШЕВ В. А. 616
Анатолий — см. Арапов А. А.
Анатолий — см. Долинов А. И.
Анатолий, кучер из Окуловки 55, 112
Ангел, наш ангел — см. Наумов В. А.
АНДЖАКОВИЧ Ст. Ал. (Кузмин пишет также: Анжакович, Анджикович, Инжакович), знакомый Кузмина по Петербургу и сосед в Васильсурске 27
АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1871–1919), писатель 26, 176, 226, 315, 503, 519, 589, 597, 608, 613, 647, 675, 710, 768
АНДРЕЕВ Павел Захарович (1874–1950), певец, с 1909 г. — солист Мариинского театра 266, 557, 650, 694
АНДРЕЕВА (урожд. Денисевич) Анна Ильинична (1883–1948), вторая жена Л. Н. Андреева 503
АНДРЕЕВА-ДЕЛЬМАС Л. А. — см. Дельмас Л. А.
Андрей Андреевич — см. Голубев А. А.
Андрей Владимирович, вел. князь (1879–1956) 103
Андроник (А. С. Трубачев) 585

АНДРОНИКОВА (по первому мужу Андреева, по второму Гальперн) Саломея Николаевна (1889–1982), петербургская красавица, адресат стихотворений О. Э. Мандельштама, А. А. Ахматовой и др. 524
АНДРУСОН Леонид Иванович (1875–1930), поэт, переводчик круга «Журнала для всех» и «Нового журнала для всех» 19, 59, 172, 585
Андрюша, посетитель бара в ресторане «Контан» 71
АНИСИМОВ Ю. П. 781
АНИСФЕЛЬД Б. И. 676
АНИЧКОВ Евгений Васильевич (1866–1937), историк литературы, критик 10, 18–20, 27, 36, 151, 181, 182, 192, 201, 203, 204, 222, 223, 244, 252, 259, 271, 279, 287, 300, 327, 332, 334, 339, 381, 441, 581, 584, 585, 588, 594, 648, 649, 651, 664, 705, 709, 717, 718, 720, 732
АНИЧКОВА (урожд. Авинова) Анна Митрофановна (псевд. Иван Странник, Iwan Straпnik; 1868–1935), прозаик, критик, переводчица; жена Е. В. Аничкова 36, 152, 154, 173, 345, 627
АНИЧКОВЫ: Евгений Васильевич и Анна Митрофановна 627
Анна Андреевна — см. Ахматова А. А.
Анна Андреевна — см. Сомова А. А.
Анна Карловна — см. Бенуа А. К.
Анна Карловна — см. Яворовская А. К.
Анна Николаевна, знакомая С. А. Ауслендера 93
Анна Рудольфовна — см. Минцлова А. Р.
АННЕНКОВ Борис, гусар, сослуживец С. В. Миллера 314, 316–318
АННЕНКОВ Юрий Павлович (1889–1974), художник, режиссер, мемуарист, прозаик (под псевд. Борис Темирязев); автор портрета Кузмина (ныне в Русском музее), иллюстратор произведений Ю. И. Юркуна 447, 518, 763, 770
АННЕНКОВА Ольга Николаевна (кузина; 1884–1949), переводчица, теософка, двоюродная сестра Б. А. Лемана 8
АННЕНКОВА-БЕРНАР (урожд. Бернгард, в первом браке Дружинина, во втором Борисова) Нина Павловна (1859 или 1864–1933), актриса, драматург 326, 328, 352–354, 357, 383
АННЕНСКАЯ (урожд. Сливицкая, в первом браке Хмара-Барщевская) Надежда Валентиновна (1841–1917), жена И. Ф. Анненского 158
АННЕНСКАЯ (урожд. фон Штейн) Наталья Владимировна (1885–1975), жена В. И. Кривича в 1905–1915 гг. 158
АННЕНСКИЕ: Иннокентий Федорович, Наталья Владимировна и В. И. Кривич 164, 174
АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович (1856–1909), поэт, переводчик, критик, педагог 151, 158, 174, 176, 177, 180, 184, 185, 187, 191, 192, 629, 632, 637, 645, 648, 649, 653, 657, 660, 662, 671, 711
АННЕНСКИЙ, ожидавшийся у Тамамшевых гость — возможно, Николай Федорович (1843–1912), публицист, общественный деятель, брат И. Ф. Анненского 21
АННЕНСКИЙ младший — см. Кривич В. И.
Аннушка 716
АНРЕП Борис Васильевич (1883–1969), поэт, художник 344, 346, 361, 362
АНРЕПЫ: Борис Васильевич и его жена Юния Павловна (урожд. Хитрово; 1882?–1973) 187
Анта, знакомая по Окуловке 235
АНТИПОВЫ, гости у Слезкиных 494
АНТОКОЛЬСКИЙ П. Г. 735
Антон — слуга Н. А. Зноско-Боровской 388, 423, 444, 473
Антоний, архиепископ 644
Антоний Павлович, Антоний, Антоша, Antoin, Antoinette — см. Воротников А. П.
Антонида (или Антонина), знакомая по Окуловке; вероятно, прислуга Венедиктовых 52, 53, 59, 61, 295

АНТОНОВА Ольга Михайловна (ум. до 1923), актриса театра Б. С. Неволина 517, 745
Анчар — см. Измайлов А. А.
Анчар Манценилов — см. Волконский М. Н.
АНЧЕВСКИЕ, знакомые Кузмина 441
АНЧОУСОВ, знакомый Кузмина по Павловску 465
Анюта, кума Анюта, Кума — см. Шустова А. Н.
АПОЛЛОДОР (II в. до Р. Х.), древнегреческий ученый 336, 717, 718
*АПОЛЛОНСКАЯ (Аполлонская-Стравинская) Инна Александровна (1876–1963), актриса Александринского театра, племянница композитора И. Ф. Стравинского 440
АПУХТИН Алексей Николаевич (1840–1893), поэт 201
АРАБАЖИН Константин Иванович (псевд. Ар-н, Solus, S., –s; 1866–1929), литературный и театральный критик, историк литературы; двоюродный брат Андрея Белого 21, 579, 587, 617, 662, 706, 716, 720, 729
АРАПОВ Анатолий Афанасьевич (1876–1949), художник-график 193, 197, 241, 242, 319, 321, 322, 326, 692
АРАПОВ М. А., брат предыдущего 321
АРБУЗОВ, неустановленное лицо; позировал для портрета Е. Н. Клакачевой 350, 393, 440
АРГАМАКОВ К. Н. 655
АРГУТИНСКИЙ (АРГУТИНСКИЙ-ДОЛГОРУКОВ) Владимир Николаевич, кн. (1874–1941), чиновник министерства иностранных дел, искусствовед и коллекционер 69, 157, 185
АРДЕНИН (Спивак) И. Е. 719
АРДИ, спутник А. П. Воротникова и Л. М. Гребенщикова 399, 402
Арельский Г. — см. Грааль-Арельский
АРЕНСКИЙ Антон Степанович (1861–1906), композитор 73
АРЕТИНО (Aretino) Пьетро (1492–1556), итальянский писатель 157
АРИОСТО (Ariosto) Лодовико (1474–1533), итальянский поэт 49
АРИСТОФАН (ок. 445 до Р. Х. — ок. 386), древнегреческий комедиограф 269, 354, 363, 696, 724, 725, 755
Аркадий — см. Руманов А. В.
Аркадский Л. — см. Бухов А. С.
АРКАДЬЕВ А. И. 619, 635
Ар-н К. — см. Арабажин К. Н.
АРНОЛЬДИ, знакомый Кузмина (видимо, бывший юнкер) 232
АРОНСОН Н. Л. 772
АРОНСОН «парижский», попутчик Кузмина в поезде; возможно, скульптор Наум Львович (1872/1873–1943) или же политический деятель (меньшевик) Григорий Яковлевич (1887–1968) 191
Артур — см. Лурье А. С.
АРХИПОВ Николай Архипович (Бенштейн Моисей Лейзерович, 1880/1881–не ранее 1945), литератор, издатель журналов «Новый журнал для всех», «Новая жизнь», «Свободный журнал» 237, 417, 495, 637, 681
АРЦИШЕВСКИЙ, знакомый С. С. Познякова 96
АРЦЫБАШЕВ Михаил Петрович (1878–1927), писатель 242, 772
АСАФЬЕВ Б. В. 719
АСКОЛЬДОВ (Алексеев) Сергей Алексеевич (1871–1945), философ 173, 618, 652, 691
АСЛАНОВ Александр Петрович (1874–1960), дирижер 414, 756, 757
АСС Женя: вероятно, Евгений Львович, кандидат естественных наук, инженер-техник 350, 354, 449
АССУР, знакомые по Окуловке (возможно, семья инженера-механика Санкт-Петербургского политехнического института Леонида Владимировича Ассура) 160
АСТАФЬЕВА Мария Михайловна (1881–1920), актриса Дома ин-

термедий и Александринского театра 347–349, 524
АУЕРБАХИ, гости Нагродских в Павловске 465
Аус, Аусы — так Кузмин называл С. А. Ауслендера и его жену, Н. А. Зноско-Боровскую-Ауслендер
АУСЛЕНДЕР Михаил Яковлевич («доктор Ауслендер»), директор Вознесенской лечебницы, дядя С. А. Ауслендера 82, 96, 225, 411
АУСЛЕНДЕР Сергей Абрамович (Сережа, Аус, С. А.; 1886 или 1888–1937), писатель, племянник М. А. Кузмина (сын В. А. Мошковой от первого брака) 8–14, 16, 17, 20, 22–24, 26, 27, 30, 31, 34, 37, 38, 41, 42, 44–57, 59, 61–75, 77–88, 91–97, 105, 106, 109, 110, 112, 113, 115–120, 122–126, 128, 130, 131, 133–135, 138, 140, 142–150, 152, 153, 155, 156, 159, 163–165, 167–185, 187–194, 196, 203–211, 216–218, 221–226, 229–232, 234–236, 238–240, 242–244, 251–253, 257, 258, 269, 270, 293, 294, 296–298, 337, 338, 342, 344–346, 374, 378, 380, 395, 396, 400, 403, 411, 416, 417, 423, 424, 433, 443, 454, 476, 480, 482, 491, 492, 494, 496, 502, 504, 515, 517, 518, 523, 527, 531, 533, 556, 557, 562, 564, 569, 582, 585, 588–591, 593, 595, 597–600, 602–604, 606, 613, 615, 621, 623–627, 630, 633, 641, 643–646, 650, 652, 654, 655, 658, 660, 662, 665–668, 670, 673, 676, 679–681, 683, 685, 686, 688, 691–693, 695, 699, 702, 703, 722, 732, 733, 736, 742, 748, 749, 751, 765, 769, 777
АУСЛЕНДЕРЫ (Аусы): С. А. Ауслендер и Н. А. Зноско-Боровская-Ауслендер 238, 239, 242, 254–256, 258, 264, 279, 280, 335, 341, 345, 373, 377, 386, 387, 397, 399, 400, 405, 423, 430, 444, 473, 475, 476, 480, 481, 485, 493, 501, 506, 510, 515, 557, 565, 760
АФАНАСЬЕВ А. Н. 729
АФАНАСЬЕВ Леонид Николаевич (1864/1865–1920), поэт, участник «Вечеров Случевского»; в 1909–1913 гг. служил в Главном управлении по делам печати, постоянный сотрудник суворинских изданий 443, 753
Афанасьевна — см. Глебова-Судейкина О. А.
Афанасьич — см. Арапов А. А.
АХМАТОВА (Горенко, в замуж. Гумилева) Анна Андреевна (Гумильвица; 1889–1966), поэт 217, 218, 259, 274, 332, 336, 418, 443, 457, 576, 656, 671, 672, 697, 698, 705, 709, 713, 715, 716, 725, 732, 733, 753, 774, 777
Аш — см. Ашешов Н. П.
АШЕШОВ Н. П. 677, 782
Аякс — см. Измайлов А. А.

БАБЕНЧИКОВ Михаил Васильевич (1890–1957), критик, искусствовед 288, 457, 459, 462, 464, 467, 513, 537, 538, 543, 545
Бабушка — см. Кузмина В. П.
БАГРАТИОН П. И. 667
БАГРЯНСКАЯ, актриса Дома интермедий 676
БАЗАРОВ (Руднев) В. А. 618
БАЙЕР И. 681
БАЙРОН Джордж Ноэл Гордон (1789–1824), английский поэт 49, 249, 287, 288, 700
БАКО 592
БАКСТ (Розенберг) Лев Самойлович (1866–1924), художник, педагог 15, 31, 34, 90, 91, 93, 106, 107, 153, 176, 182, 193, 195, 203, 204, 229, 378, 426, 593, 613, 621, 638, 647, 658, 664, 747, 778
БАЛАШОВА (Балашова-Ушкова) А. М. 745
БАЛИЕВ Никита Федорович (1877–1936), эстрадный актер, режиссер, организатор театра миниатюр «Летучая мышь» в Москве 312, 319, 424, 427, 431, 432, 434, 439, 474, 487, 537, 538, 540, 548, 552, 554, 556, 564–566, 709, 710, 712, 745, 782, 784

БАЛТРУШАЙТИС Юргис Казимирович (1873–1944), поэт 270, 696, 702

БАЛЬЗАК Оноре де (1799–1850), французский писатель 497, 530, 531, 539

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, переводчик; в 1905–1913 гг. жил за границей 179, 165, 339, 340, 536, 583, 585, 634, 637, 665, 702, 713, 720, 749, 750, 782

БАЛЬМОНТ Николай Константинович (Бальмонтик, Бальмонтишка, Никс; 1890–1926), сын К. Д. Бальмонта от первого брака с Л. М. Гарелиной, музыкант и поэт-дилетант 407, 408, 432, 436, 439, 446, 450–453, 475, 476, 482, 484, 491, 492, 497, 503, 506, 511, 518, 522, 528, 529, 531, 533, 560, 562–564, 566, 750

БАМБУЛЛА С. 619

БАМДАС Моисей Маркович (Моня; 1896–1959), поэт; Кузмин посвятил ему рассказ «Слава в плюшевой рамке» (1915), стихотворение «Ведь это из Гейне что-то...», написал предисловие к книге стихотворений «Предрассветный ветер» (Пг., 1917) 519, 520, 525–528, 530, 531, 546–550, 560–571, 787

БАРАБАНОВ Николай Федорович (Икар; 1880–1975), эстрадный артист-травести, пародировал знаменитых балерин своего времени 109, 119, 168, 171, 367, 396, 401, 406, 481, 708, 747

БАРАНОВСКИЙ, гость Кузмина в Москве 245

БАРАТЫНСКИЙ (Боратынский) Е. А. 649, 715

БАРБЕ д'ОРЕВИЛЬИ (Barbey d'Aurevilly) Ж. А. 652, 682

БАРНСТЕД Дж. 609

Барон — см. Дризен Н. В.

Баронесса: возможно, писательница Таубе (Аничкова) София Ивановна (1888–1957) 382

БАРСКОВ Я. Л. 781

БАРТЕНЕВ Петр Юрьевич («московский лицеист»), внук издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, сын цензора Ю. П. Бартенева 384, 385, 435, 441, 532, 539, 556, 734

БАРТЭ Г., композитор 303, 703

БАРЫШНИКОВ Виктор, знакомый Коровиных 223, 259

БАСМАНОВ (Басманов-Плещеев) Федор Алексеевич, фаворит Ивана Грозного (ум. ок. 1570) 102, 616

БАТЮШКОВ, знакомый Князевых; вероятно, Федор Дмитриевич (1857–1920), историк литературы, критик 278, 687

БАХ И. С. 706

БАХ фон — см. Оффенбах Ж.

БАХРАХ А. В. 588

БЕАЛ (чтение предположительно) 438

БЕБУТОВА Евфимия, княжна (ум. 1942), художница 358

БЕГУН Леонид Фокич (ум. 1919), литератор, актер; в гражданскую войну офицер Добровольческой армии 451, 548

БЕЗОБРАЗОВА Елизавета Павловна (ум. 1917), дочь П. В. Безобразова, племянница В. С. Соловьева, знакомая многих литераторов 173

БЕЗОБРАЗОВЫ: семья писателя и историка Павла Владимировича Безобразова (1859–1918), в том числе жена Мария Сергеевна (сестра В. С. Соловьева) и дочь Елизавета Павловна 250, 688

БЕЗРОДНЫЙ С. Е. 709

Бейлес, Бейлис — см. А. Э. Беленсон

БЕК (возможно, он же Бекман), знакомый Ю. И. Юркуна 419, 426, 441, 521, 524

БЕКЕТОВА М. А. 619, 620

БЕКЛУНГ, посетитель Нагродских 439

БЕКМАН, офицер, покончивший с собой в 1910 г. Возможно, имеется в виду живший в Царском

Селе Георгий Владимирович Бекман, корнет лейб-гвардии гусарского Е. В. полка 219, 220
БЕКМАН (возможно, он же Бек), знакомый Ю. И. Юркуна 547
БЕЛЕНСОН Александр Эммануилович (Бейлес; 1890–1949), поэт, прозаик, критик, издатель 224, 228, 229, 268, 300, 384, 403, 499–506, 510–515, 520, 522, 525, 546–549, 553, 555–557, 563, 564, 566–569, 673, 677, 767
БЕЛКИН Вениамин Павлович (1884–1951), художник, участник объединения «Мир искусства» 177–192, 194–197, 201, 204–206, 209, 210, 214, 216, 218, 226, 229, 231, 237, 287, 289, 306, 345, 348, 388, 426, 440, 646, 650, 651, 653
БЕЛКИНЫ, семья В. П. Белкина 545
БЕЛОУСОВЫ, знакомые по Окуловке 146
БЕЛЫЙ Андрей (Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934), писатель 11, 13, 14, 16, 31, 37, 46, 50, 66, 152, 153, 203, 269, 330, 331, 334, 337, 579, 582–584, 593, 596, 598, 600, 602, 627, 629, 663, 672, 678, 679, 684, 693, 696, 714, 716–719
БЕЛЫЕ: Андрей Белый и А. А. Тургенева 330, 333, 716
БЕЛЯЕВ Юрий Дмитриевич (1876–1917), драматург, театральный критик 201, 223, 237, 240, 250, 254–256, 261, 268, 341, 510, 562, 608, 661, 662, 681, 691, 695, 698, 705, 786
БЕЛЯЕВСКАЯ Ольга Александровна, дочь ген.-майора, преподавательница черчения в женском начальном училище, поэтесса-дилетант, знакомая Вяч. Иванова и М. М. Замятниной 15, 17, 18, 162, 172, 181, 184, 222, 251, 419
БЕЛЯЕВСКИЕ: Вера, Ольга, Юлия Александровны, и их мать Софья Александровна, дочери и вдова ген.-майора, знакомые Вяч. Иванова 24, 162, 177, 186, 343, 355, 639, 640
БЁМЕ (Boehme) Якоб (1575–1624), немецкий философ-мистик 8, 23, 638
Бен — см. Лившиц Б. К.
БЕНАВЕНТЕ (Бенавенте-и-Мартинес; Benavente) Хасинто (1866–1954), испанский писатель 388, 731–733, 736
БЕНЕ, знакомые по Окуловке (Вилли, Женя, Коля, Юра и др.) 63
БЕНЕ Иван, отец Бене Е. И. 54, 55
БЕНЕ Екатерина Ивановна (Бэниха) 52, 54, 55
Бенедикт — см. Вентцель Н. Н.
БЕНУА (урожд. Кинд) Анна Карловна (m-me Benois; 1869–1952), жена А. Н. Бенуа 167, 650
БЕНУА Александр Николаевич (1870–1960), художник, критик, историк искусства 28, 29, 46, 51, 61, 68, 69, 162, 167, 170, 185, 194, 242, 327, 328, 586, 612, 619, 632, 640, 650, 651, 653, 685, 686, 689, 695, 707, 764, 782
БЕНШТЕЙН — см. Архипов Н. А.
БЕР Борис Владимирович (1871–1921), поэт, переводчик 107
БЕРГ Борис Георгиевич, граф (1884–1953), один из мужей П. О. Богдановой-Бельской, автор воспоминаний 463, 668
БЕРГ Павел Александрович, человек из круга П. О. Богдановой-Бельской 313, 314
БЁРД (Byrd) Уильям (1543–1623), английский композитор 153
БЕРДСЛИ (Бердслей; Beardsley; у Кузмина: Бирдслей) Обри Винсент (1872–1898), английский художник-график 284, 298, 699
БЕРДЯЕВ Н. А. 621, 644, 684
БЕРДЯЕВЫ: Н. А. Бердяев и его жена Лидия Юдифовна (урожд. Трушева, в первом браке Рапп; 1874–1945) 618
БЕРЕЗКИН: возможно, отставной ген.-майор Николай Кузьмич, сосед в Окуловке 298
БЕРЕЗКИНА Инна Цезаревна, жена предыдущего, казначей совета общества изящных искусств при Лиге образования 233

БЕРЛИНЫ: Павел Абрамович Берлин (1877 или 1878–1962), журналист, и его жена, посетители Ф. Сологуба 500, 506
Берлинша — см. Прохорова-Берлин М. Д.
БЕРЛИОЗ (Berlioz) Гектор Луи (1803–1869), французский композитор 85, 113, 737, 738
БЕРМАН Д. А. 646
БЕРНАР-АННЕНКОВА — см. Анненкова-Бернар Н. П.
БЕРНАР (Bernhardt) Сара (1844–1923), французская актриса 481
БЕСПЯТОВ Евгений Михайлович (1873–1919), драматург 203, 664
БЕССМЕРТНЫХ Л. В. 706, 729
БЕТХОВЕН (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827) 7, 8, 10, 13, 18, 23, 36, 60, 105, 153–155, 158, 160, 184, 453, 578, 584, 632, 635–637, 639, 640, 642, 644, 652, 757
БЕХЛИ Алеша, знакомый Кузмина по Васильсурску, сын управляющего технической конторой купцов Рукавишниковых в Нижнем Новгороде, и его братья 18, 45
БЕЦКИЙ К. 740
БИБЕР, танцовщица 653
БИГДАЙ (возможно, прозвище), знакомый Кузмина 399, 408–410, 412, 423, 424, 427
БИЗЕ (Bizet) Жорж (1838–1875), французский композитор 46, 49, 67, 109, 186, 193, 351, 454, 712, 756, 757
БИЛИБИН Иван Яковлевич (1876–1942), живописец, график, театральный художник 182, 354, 408, 621
Бирдслей — см. Бердсли
БИСКУПСКИЙ В. В. 739
БЛАВАТСКАЯ (урожд. Ган) Елена Петровна (1831–1891), писательница, теософка 8
БЛЕЙХМАН Ю. И. 592
БЛЕРИО (Bleriot) Луи (1872–1936), французский авиатор, инженер и конструктор самолетов 181, 651
БЛЕХ Ольга Петровна, учительница, знакомая Кузмина 12, 584
БЛИНОВ В. В. 770
БЛИНОВА Е. М., переводчица «Книги масок» Р. де Гурмона (СПб., 1913) 309
БЛОК Александр Александрович (1880–1921) 19, 25, 28, 38, 44, 48, 50, 61, 89, 103, 174, 177, 196, 204, 146, 250, 254, 257, 271, 358, 375, 444, 445, 503, 511, 576, 577, 583–585, 591, 593, 594, 596, 599, 600, 602, 609, 611, 617, 619–621, 647–649, 654, 660, 662, 664–666, 678, 679, 686–688, 691, 694, 708, 709, 711, 714, 715, 718–720, 725, 726, 730, 750, 754–755, 768, 772, 777, 783
БЛОК Л. Д. 620, 621, 666, 667, 709, 725
БЛОКИ: Александр Александрович и Любовь Дмитриевна 113, 205, 666
БЛЮМЕНТАЛЬ, немецкая семья, знакомые по Окуловке 56, 74, 75, 80, 88, 97
Боб, знакомый А. И. Божерянова 448
Бобиш — см. Романов Б. Г.
Бобка — см. Мошков Б. П.
БОБОРЫКИН Петр Дмитриевич (1836–1921), писатель 24, 588, 771
БОБРИНСКАЯ В. Н. 606
БОБРИЩЕВ, знакомый Нагродских (возможно, Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович, распорядитель театральной секции адвокатского художественного кружка) 461, 473, 474, 480
БОБРОВ С. П. 779, 781
БОБЫШОВ (у Кузмина: Бобышев) Михаил Павлович (1885–1964), художник-график, после революции — театральный художник 443, 556, 753, 763
БОГДАНОВА-БЕЛЬСКАЯ (урожд. Старынкевич, в замужестве также Пэдди-Кабецкая, Дерюжинская, Гросс) Паллада Олимповна (1885–1968), поэтесса; в 1911 г. окончила драматическую студию Н. Н. Евреинова 206–218, 221, 224, 228, 229, 231, 238, 240, 242,

258, 266, 268–270, 288, 309, 313, 314, 345, 360, 361, 363–365, 367, 368, 382, 383, 397, 400, 424, 437, 447, 450, 463, 529, 550, 573, 668

БОГЕМСКИЙ: вероятно, «плясун из Летнего сада» 34, 35

БОГОЛЮБОВ, выступающий в РФО 652

БОГОМОЛОВ Н. А. 576, 578, 580, 582–584, 588, 589, 591, 593, 596, 600, 602, 603, 606, 609–612, 620, 621, 629, 630, 647, 648, 651, 653, 662, 667, 669, 672, 688, 699, 705, 715, 721, 722, 727, 765

БОГОРАЗ (Тан) В. Г. 581, 582

БОГОЯВЛЕНСКИЙ, знакомый по Окуловке 233, 291, 291

БОГУЧАРСКИЙ В. (Яковлев В. Я.) 602

БОДАРЕВСКИЙ Николай Корнильевич (1850–1921), художник 520

БОДЛЕР (Baudelaire) Шарль (1821–1867), французский поэт 23

БОДУЭН де КУРТЕНЕ И. А. 748

БОЖЕН — см. Божерянов А. И.

БОЖЕРЯНОВ Александр Иванович (Сашенька, Саша; 1882–1961, по др. данным 1959) — художник-график, автор серийного оформления к Собранию сочинений Кузмина, оформлял книгу «Лесок» (1922) и др. В 1910-е гг. некоторое время жил в Париже, в 1914–1916 гг. в чине коллежского регистратора служил в Министерстве юстиции управляющим межевой частью 106, 108, 109, 172, 220, 311, 394–396, 416–419, 423–425, 428, 430–439, 441, 442, 445–452, 455, 462, 464, 465, 467, 470, 471, 473, 474, 476, 478–490, 492, 495–499, 501, 505, 509–512, 514–516, 519–522, 524–529, 532, 534–539, 541, 544–549, 556, 557, 561–571, 757, 773, 785

БОЖЕРЯНОВА Мария Михайловна, мать А. И. Божерянова 553, 556, 557, 785

БОККАЧЧО (Boccaccio) Джованни (1313–1375), итальянский писатель 225, 227, 418, 725, 743, 744

БОЛЬШАКОВ Николай Сергеевич (ум. после 1918), потомственный торговец иконами и старопечатными книгами (в Апраксином рынке), имел магазин также в Нижнем Новгороде 289, 290

БОМАРШЕ (Beaumarchais) Пьер Огюстен Карон де (1732–1799), французский драматург 37, 155, 598, 631, 775

БОНДИ Владимир Александрович (псевд. Вальди; 1870–1934), литератор, журналист, редактор журнала «Огонек» 419, 429, 441, 443, 445, 450, 458, 461, 478–480, 524, 530, 534, 536–538, 651, 743, 782

БОНЧ-ТОМАШЕВСКИЙ Михаил Михайлович (1883–после 1922), импресарио, антрепренер; театральный, а с 1915 г. режиссер кинематографа 215, 227, 228–231, 237–242, 300, 672, 676, 677, 683–685

БОНЧА, жена М. М. Бонч-Томашевского А. Томашевская (см.) или же прозвище его самого 243

Борис — см. Анненков Б.

Борис, знакомый в Павловске 459, 487*, 550

БОРИСОВ-МУСАТОВ Виктор Эльпидифорович (1870–1905), живописец 24, 588

БОРМАН А. А. 586

БОРОДАЕВСКИЙ Валериан Валерианович (1874 или 1875–1923), поэт 152, 160, 163, 164, 176, 177, 185, 186, 189–193, 197, 202, 249, 250, 329, 338, 339, 627, 641, 649, 689

БОРОДАЕВСКИЕ: В. В. Бородаевский и его жена Маргарита Андреевна 203, 250, 251

БОРОДИН Александр Порфирьевич (1833–1887), композитор 169, 645, 650, 697

БОРОНИНЕН, возможно, билетный барышник 533

БОРТНЯНСКИЙ Д. С. 771

БОТКИН Сергей Сергеевич (1859–1910), профессор Военно-медицинской академии, коллекцио-

нер, близкий к «мирискусникам»; в 1906 г. был членом Совета Третьяковской галереи 167
БОТТИЧЕЛЛИ (Botticelli) Сандро (Алессандро Филипепи, 1445–1510), итальянский живописец 22
БОЦЯНОВСКИЙ В. Ф. 616, 621, 647, 762
БРАЙ Ж. 698
БРАЙНИН А. Л. 656, 657
БРАМС (Brahms) Иоганнес (1833–1897), немецкий композитор, пианист и дирижер 66, 709
Братец: вероятно, Л. О. Старынкевич
БРАУДЕ (Браудо) Евгений Максимович (Максимилианович; 1882–1939; разночтение в данных о смерти снято могильной плитой), журналист и художественный критик, сотрудник «Аполлона», музыковед 304, 479, 762
БРАУН, посетитель «Аквариума» 297
БРАУН 709
БРЕДИХИН, борец 225, 227, 395, 675, 737
БРЕЗИЛЬ С. 699
БРЕННЕР Р. Н. 682
БРЕНТАНО (Brentano) Клеменс Мария (1778–1842), немецкий писатель 41
БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ (псевд. Брешко, -ский, Дискобол, Любитель, Бр.-Бр., Н. Б.-Б.) Николай Николаевич (1874–1943), прозаик, журналист 556, 616, 619, 620, 647, 651, 653, 659, 664, 689, 747
БРИЛЛЬЯНТ (Бриллиант, в девичестве Санжарь) Надежда Дмитриевна (1875–1933), писательница 26, 589
БРИНДЕЖОН де МЕУЛЕН М. 740
БРОДИНСКИЙ (см. также Олег) 453
БРОДСКИЙ И. И. 772
Бронислав Михайлович, знакомый Нагродских (вероятно, по Павловску) 451, 455, 458, 459, 465, 467
БРОСКИН Александр Михайлович, торговец иконами, затем сутенер 35, 314, 710
БРУНИ Лев Александрович (1894–1948), художник 504, 519, 527
Бруно, знакомый Кузмина, москвич (возможно, Михельсон Б. И.) 305, 325, 326
БРУСИЛОВСКИЙ П. И. 775
БРЮЛЛОВЫ: Лидия Павловна (1886–1954; в замуж. Владимирова), внучка К. П. Брюллова, подруга Е. И. Дмитриевой, и др. члены семьи 187
БРЮММЕЛЬ (Brummel; Браммел) Дж. 682
БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1873–1924), писатель 23, 61, 88, 91, 98, 104, 105, 114, 120, 179, 230, 236, 245, 254, 264, 276, 371, 376, 384, 585, 589, 592, 593, 595, 598, 599, 602, 604, 606, 612, 614, 615, 618, 621, 622, 625, 628, 648, 665, 678–680, 684, 690, 695, 702, 717, 728–731, 734, 749, 776
БРЮСОВА И. М. 621, 690
БУАЛЬДЬЕ Франсуа Адриен (1775–1834), композитор 45, 58, 59, 600
БУВЬЕ А. 737
БУКСГЕВДЕН, знакомый В. Г. Князева 368
БУКСГЕВДЕН О. О. 728
БУКСГЕВДЕН Э. О. 728
БУЛГАКОВ С. Н. 684
БУЛЕ О. 626
БУЛЫГИН (у Кузмина: Белугин), знакомый Кузмина и Юркуна; возможно, Павел Петрович (1895/1896–1936), офицер, поэт 535, 552
БУНИН И. А. 588
БУРДУКОВСКИЕ: Иван Александрович и др., гости Мошковых в Окуловке 126, 128–131
БУРЕНИН Виктор Петрович (1841–1926), поэт 443, 751–753
БУРЛЮК Давид Давидович (1882–1967), поэт, художник, издатель 174, 514, 516, 774, 783
БУРЛЮК (в замуж. Кузнецова) Людмила Давидовна (1886–1968), художница, сестра В. Д. и Д. Д. Бурлюков 30
БУРЛЮКИ: братья Давид Давидович и Владимир Давидович (1886–1917) 591

БУРЛЮЧКИ: видимо, Давид Давидович и Людмила Давидовна Бурлюки 30
БУРНАКИН Анатолий Андреевич (?–1932), критик, журналист, поэт, сотрудник «Нового времени» и «Лукоморья», издатель газеты «Полдень» (авг.–дек. 1914) 491, 557, 560, 565, 752
БУТКОВСКАЯ Наталья Ильинична (1878–1948), актриса «Старинного театра» бар. Н. В. Дризена 197, 391, 539
БУТОВА Надежда Сергеевна (1878–1921), актриса МХТ 207
БУХОВ А. С. (Л. Аркадский) 787
БУЦЦИ П. 667
Бэла — см. Вилькина Л. Н.
БЭНИХА — см. Бене Е. Н.
БЯЛКОВСКИЙ Марк Николаевич (Марко; ум. не ранее 1942), журналист, сотрудник «Нового времени», секретарь журнала «Лукоморье» 447, 451, 454, 455, 458, 472, 480, 482, 485, 488, 489, 492, 494, 495, 503, 513, 516–518, 522, 527, 530, 532, 534, 543, 545, 547, 549, 551, 552, 554, 556, 557, 559–561, 563, 566, 755, 756, 763

В. 661
В. В. 733
В. Н. 650
В. Р. 722
ВАВИЧ М. И. 710
ВАГНЕР (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор 10, 134, 259, 263, 289, 425, 461, 579, 626, 650, 692, 694, 698, 701, 721, 725, 738, 758, 759
ВАДИМОВ, посетитель Европейской гостиницы 254
ВАДИМОВА-МИХАЙЛОВИЧ Дарья Михайловна, актриса Суворинского театра 268, 661
Валентин — см. Кривич В. И.
Валентина Андреевна — см. Щеголева В. А.
Валентина Сергеевна, знакомая Нагродских 431, 433, 434, 443, 450, 456, 458, 463, 473, 475, 485, 561
ВАЛЕНТИНОВ В. П. 704
ВАЛЕНТИНОВ Н. — см. Вольский Н. В.
Валериан, Валерьян — см. Бородаевский В. В.
Валерия Готлибовна (бонна, фрейлейн, немка), гувернантка у Мошковых 57–59, 87, 117, 130, 131, 140, 150, 233
ВАЛЕРСКАЯ (наст. фам. Мельницкая) Елена Константиновна (1888–1966), актриса, жена Б. С. Глаголина; ее братья — см. Мельницкие 102, 203, 254, 275, 293, 621
Валерьян — см. Бородаевский В. В.
Валечка, Валька — см. Нувель В. Ф.
Вальди — см. Бонди В. А.
ВАЛЬМАН Н. 786
ВАЛЬТЕР В. Г. 706
ВАЛЬТЕР (Walter) Рейнгольд фон (1882–1965), немецкий литератор, переводчик 402
Вальтер Федорович — см. Нувель В. Ф.
ВАН ГОГ В. 713
Ванда, знакомая по Окуловке 235
ВАН ДОНГЕН К. 669, 713
ВАНЮКОВ, из круга «Лукоморья» (?) 488
Ваня, знакомый по Окуловке 297
Ваня, случайный знакомый, «тапетка» с Невского 380
Ваня, курьер (артельщик) издательства «Шиповник» 232
Ваня, сын швейцара Павла (?) 313
Варвара Ивановна, жительница Царского Села 336
Варвара, экономка и прислуга Нагродских 471, 476
ВАРЛАМОВ Александр Егорович (1801–1848), композитор, певец и вокальный педагог 140
ВАРЛАМОВ К. А. 692
ВАРФОЛОМЕЕВ, знакомый по Окуловке 127–130, 134, 135
Варя, Варя младшая — см. Мошкова В. П.
Варя — см. Мошкова (Кузмина) В. А.
ВАСИЛЕВСКИЙ (Не-Буква) Илья Маркович (1882–1938), журналист, литературный критик, фельетонист 61, 604, 606

ВАСИЛЕВСКИЙ Л. М. (псевд. Васий; Л. В.) 607, 619, 645, 658, 664, 693, 736
Василий Николаевич, Василек — см. Гостунский В. Н.
Василий, банщик с Вознесенского пр. 293
Василий, банщик с 9-й линии Васильевского Острова 341
Василий, официант из Териок, потом служил в «Бродячей собаке» и театре-варьете «Jardin d'hiver» 358, 377, 379, 385, 388, 391, 395
ВАСИЛЬЕВ, гардемарин 237
ВАСИЛЬЕВА Е. — см. Дмитриева Е. И.
ВАСНЕЦОВ Виктор Михайлович (1848–1926), художник 432
Вася, родственник Кузмина 57
Вася, гимназист, случайный сексуальный партнер Кузмина 353–355
Вася, вероятно, служащий Малого театра 341
Вася «Юдинский», т. е. имеющий отношение к семье Юдина 509
ВАШКОВ Евгений Иванович (1879–1938), журналист и писатель 529, 545, 551
В-е М. (Вейконе М. А.) 749
ВЕБЕР (Weber) Карл Мария фон (1786–1826), немецкий композитор, дирижер и музыкальный критик 54, 406, 452, 666*
ВЕГА КАРПЬО (Vega Carpio) Лопе Феликс де (Лопе де Вега; 1562–1635), испанский драматург 193, 658
ВЕДРИНСКАЯ Мария Андреевна (1877–1948), актриса Александринского театра, жена Н. А. Попова 179, 194–197, 201, 202, 236, 237, 255, 664, 665, 691, 706
ВЕЙЕРТ Ф. 696
ВЕЙНБЕРГ П. И. 627
ВЕЙНБЕРГЕР К. 708, 737
ВЕЙНЕР: вероятно, Петр Петрович (1879–1931), художественный критик, издатель журнала «Старые годы» 262
ВЕЙССЕ Х. Ф. 501
ВЕЛИЧКИН, знакомый С. К. Шварсалона 342
ВЕЛЬЯШЕВА Н. П. 589
ВЕНГЕРОВ Семен Афанасьевич (1855–1920), историк литературы 524, 630, 696
ВЕНГЕРОВА Зинаида Афанасьевна (1867–1941), критик, историк литературы, сестра С. А. Венгерова, третья жена Н. М. Минского 15, 30, 42, 102, 105, 106, 383, 441, 502, 673, 768, 783
ВЕНГЕРОВЫ: вероятно, Зинаида Афанасьевна и ее сестра, пианистка Изабелла Афанасьевна (1877–1956) 195
Венедикт — см. Вентцель Н. Н.
ВЕНЕДИКТОВ Александр Иванович (Саня; 1896–1970), знакомый по Окуловке, впоследствии писатель 114, 120, 123, 127, 138, 295, 344
ВЕНЕДИКТОВ Иван Васильевич, отец А. И. и Е. И. Венедиктовых 77, 79, 81, 85, 87, 88, 110, 111, 115, 120, 123, 124, 126, 128, 129, 134, 137, 139, 140, 144, 295, 297
ВЕНЕДИКТОВА Екатерина Ивановна, сестра А. И. Венедиктова 46, 47, 50, 53, 55, 60, 64, 66, 68, 75, 77–81, 84–88, 92, 94–97, 110–121, 123–128, 132, 134–141, 144–146, 148, 172, 233–236, 290, 291, 294–296, 298
ВЕНЕДИКТОВА Мария Александровна, мать А. И. и Е. И. Венедиктовых 50, 54
ВЕНЕДИКТОВЫ, семья знакомых по Окуловке (Кузмин пишет также Бенедиктовы) 45, 50, 55–60, 62, 68, 77–81, 90, 95, 97, 113, 114, 116, 118–120, 123, 126, 127, 132, 138–140, 142, 236, 291, 292, 298
ВЕНТЦЕЛЬ Николай Николаевич (псевд. Бенедикт, Юрьин; 1855–1920), писатель, критик, сотрудник газеты «Новое время» 490, 498, 766
Веньямин — см. Белкин В. П.
Вера — см. Шварсалон В. К.

Вера, Верка, прислуга (?) Судейкиных 227, 228, 359, 377, 384, 385, 388, 392
Вера (Вера толстая), компаньонка (?) Судейкиных 385, 388, 392
ВЕРГИЛИЙ, Публий Марон (70–19 до Р. Х.), римский поэт 14, 588
ВЕРДИ (Verdi) Джузеппе (1813–1901), итальянский композитор 242, 682
ВЕРИГИНА (в замуж. Бычкова) Валентина Петровна (1882–1974), в 1906–1908 актриса Театра В. Ф. Коммиссаржевской, близкая подруга Л. Д. Блок; корреспондентка С. А. Ауслендера, впоследствии автор воспоминаний 169, 252, 581, 583, 584
ВЕРЛЕН (Verlaine) Поль (1844–1896), французский поэт 23, 735
Вероника — см. Амбразевич В. К.
ВЕРТЕР-ЖУКОВА Вера Александровна (Вертерша;1881–1963), переводчица, жена Б. К. Лившица в 1915–1921 гг. 418, 485, 742
ВЕРХАРН (Verhaeren) Э. 751
ВЕРХОВСКАЯ Александра Николаевна (1876–1950), жена Ю. Н. Верховского 210, 307, 594
ВЕРХОВСКИЕ, семейство 117, 210, 605
ВЕРХОВСКИЙ Вадим Никандрович, брат Юрия Никандровича 7
ВЕРХОВСКИЙ Глеб Евгеньевич (1888–после 1926), литератор, поэт, богослов, философ 13, 36, 176, 311, 709
ВЕРХОВСКИЙ Юрий Никандрович (Юраша; 1878–1956), поэт, историк литературы 12, 26, 27, 94, 159, 168, 175, 177, 178, 180, 184, 188, 193, 201–203, 209, 212, 214, 220, 221, 224, 226–228, 254, 259, 261, 262, 271, 299, 300, 320, 329, 358, 361, 364, 619, 635, 636, 649, 670–673, 679, 680, 692
ВЕСЕЛОВСКИЙ Александр Н. 603, 648
ВЕТВЕНИЦКАЯ Матильда Эдуардовна, актриса 256, 258, 262, 264, 265, 271, 285, 335
Ветерок, прозвище неизвестного лица 537, 538, 540, 553
ВЕТЧИНКИН, знакомый по Окуловке 52
ВЕЩИЛОВ К. А. 772
ВИГАНД, знакомый С. С. Познякова 107–109
Виктор Андреевич — см. Наумов В. А.
Виктор Иванович, знакомый Кузмина 102
ВИЛАНД (Wieland) Христофор-Мартин (1733–1813), немецкий поэт 153, 154, 437, 600, 629
ВИЛИНСКИЙ, гость Нагродских в Павловске 465
ВИЛЬБУШЕВИЧ Евгений Борисович (1870–1933), композитор, пианист 455, 549, 755
ВИЛЬКИНА (в замуж. Виленкина) Людмила (Изабелла) Николаевна (Бэла; 1873–1920), поэтесса, жена Н. М. Минского 28, 30, 31, 38, 41, 42, 48, 73
ВИНОГРАДОВ С. А. 713
ВИНТЕРБЕРГ Р. 289, 305, 315, 701, 704, 710
ВИНТЕРГАЛЬТЕН, знакомый С. В. Миллера 318
ВИТОЛЬ И. И. (Витол Я.) 706
ВИТТЕ Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель 357
ВИР (Попов А. А.) 709
ВИТТИНГ (Витингс) Евгений (Эйжен) Эдуардович (1884–1959), певец, солист Мариинского театра 254, 266, 557, 694
ВИТТОРФ, юнкер, знакомый К. К. Шварсалона и В. Г. Князева 210, 275
ВИШНЕВСКИЕ, знакомые по Окуловке 141, 143–146, 150, 233
ВИШНЕВСКИЙ, знакомый Нагродских по Павловску 477
Владимир Адольфович — см. Нагродский В. А.
Владимир Кириллович, вел. князь 587
ВЛАДИМИРОВ (Кузнецов) Михаил Алексеевич, или же БРАГИН (Владимиров) Сергей Владимирович, оба актеры Александрин-

ского театра 382, 447, 497, 520, 521
Владя, знакомый В. Ф. Нувеля 160
Вовка, возможно, то же лицо, что и Вовочка 495, 533
Вовочка, любовник Г. И. Тарасова 306, 313, 314, 317, 329, 353, 356, 367, 369
ВОДКИН — см. Петров-Водкин К. С.
ВОДОВОЗОВ В. В. 721
ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. С. 677
*ВОИНОВ Всеволод Владимирович (1880–1945), художник и художественный критик 299
ВОИНОВЫ 331
ВОЙТИНСКАЯ (Войтинская-Левидова) Надежда Савельевна (1886–1965), художница 164, 165, 168–172, 643, 646
ВОЙТИНСКИЕ 169, 174
ВОЛКОВЫ, братья, актеры Дома интермедий 252
ВОЛКОВЫСКИЙ Николай Моисеевич (1881–после 1940, репрессирован после возвращения из эмиграции), литератор, журналист 223, 225, 242, 503, 523
ВОЛКОНСКИЙ М. Н. 708, 732
ВОЛКОНСКИЙ Сергей Михайлович, кн. (1860–1937), театральный деятель, литератор 311, 695, 753
Волли 741
Володя, мальчик из Окуловки 196
Володя, знакомый О. А. Глебовой-Судейкиной 499, 547
Володя — см. Нагродский В. А.
ВОЛОШИН (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877–1932) 8, 16, 17, 19, 21, 23–25, 30–32, 106–108, 114, 164, 165, 167–169, 173, 174, 177, 178, 180, 182, 183, 185–188, 191–192, 194, 197, 201, 577, 581, 584–589, 591–594, 596, 619, 621, 632, 637, 643, 648, 649, 651, 654, 656, 684, 688, 702
ВОЛЬКЕНШТЕЙН Владимир Михайлович (1883–1974), поэт, драматург, теоретик театра. Участвовал в «Зеленом сборнике стихов и прозы» (1905) 178, 196, 564, 698
ВОЛЬСКИЙ Н. В. (Валентинов Н., Тентажиль) 656
ВОЛЬСКИЙ, посыльный от М. А. Долинова (возможно, Николай Иванович, член Русского Театрального Общества) 567
ВОЛЬФ Г. 709
ВОЛЬФ-ФЕРРАРИ Э. 761
ВОЛЫНСКИЙ Аким Львович (Флексер Хаим Лейбович; 1861–1926), литературный критик, искусствовед 182, 206, 309, 310, 315, 342, 344, 345, 468, 472, 474, 490, 652, 694, 717, 718
ВОЛЫНСКИЙ А. 719
ВОНЛЯРЛЯРСКИЕ, семейство в Окуловке 49
ВОНЛЯРЛЯРСКИЙ Андрей 53, 55
ВОРОБЬЕВ Николай Васильевич, поставщик театральных костюмов для Дома интермедий 243, 253–255, 260, 273
ВОРОНИХИН А. Н. 667
ВОРОНЦОВА Т. В. 604
ВОРОТНИКОВ Антоний Павлович (Антоша, Antoin, Antoinette; 1857–1937), драматург, прозаик, переводчик 33, 73, 179, 254, 256, 261, 240, 352, 393, 395, 398, 402, 404, 408–410, 416, 426, 427, 435, 445, 459, 470, 475, 477, 478, 480–483, 486, 487, 496, 501, 534, 560, 598, 601, 607, 649, 691, 692
Воротничков — см. Воротников А. П.
Вотан, посетитель Тамамшевых (вероятно, прозвище) 17, 19
ВРАНГЕЛЬ, Николай Николаевич, бар. (1880–1915), историк искусства и художественный критик, участник Кружка любителей русских изящных изданий 35, 94, 167, 171, 176, 224, 237, 270, 281, 343, 344, 348, 360, 542, 632, 640, 646, 658, 664, 694, 782
ВРАССКАЯ В. С. 640
ВРАССКИЕ: возможно, имеется в виду семья Степана Борисовича Врасского, сенатора, члена Верховного уголовного суда 163, 208, 211, 345, 438

ВРЕДЕН (Вреден-Полевой) Владимир Оскарович, актер; служил в Доме интермедий 33, 73, 203, 243, 259, 381, 455, 527, 777
ВРХЛИЦКИЙ (Vrchlický; у Кузмина фамилия написана смесью латиницы и кириллицы) Ярослав (наст. имя Эмиль Фрида; 1853–1912), чешский поэт 85, 86, 610
Всеволод — см. Мейерхольд В. Э.
Всеволод — см. Князев В. Г.
Всеволод, приятель М. Л. Гофмана и В. А. Наумова 18
ВЫРУБОВА (урожд. Старынкевич) Лидия Олимповна, сестра П. О. Богдановой-Бельской 213, 364
*ВЫСОТСКАЯ Ольга Николаевна (1886–1966), актриса 262, 266, 268, 370
ВЫСОЦКИЙ Н. Г. 783
ВЫШНЕГРАДСКАЯ 709
ВЬЕЛЕ-ГРИФФЕН (Vielé-Griffin) Франсис (1864–1937), французский поэт 23, 46, 47, 601
ВЯЖЛИНСКИЙ, посетитель или сотрудник редакции «Огонька» (?) 480
ВЯЛЬЦЕВА Анастасия Дмитриевна (1871–1913), певица, исполнительница романсов 404, 739
Вячеслав — см. Иванов Вяч. И.

Г. 772
Г. Т. — см. Тимофеев Г.
ГАБРИАК — см. Дмитриева Е. И.
Гавриил Константинович, вел. князь (1887–1955) 23, 587
Гаврила Михайлович — см. Князев Г. М.
ГАЙДЕБУРОВ П. П. 660
ГАЙДН (Haydn) Франц Йозеф (1732–1809), австрийский композитор 12
ГАККЕБУШ (в 1914 г. сменил фамилию на Горелов) Михаил Михайлович (1874–1929), журналист, фактический редактор «Биржевых ведомостей» в 1906–1916 гг. 360, 467, 535, 557, 559, 564
ГАЛАНИНА Ю. Е. 609, 612
ГАЛЕВИ (Halevy) Жак Фроманталь (1799–1862), французский композитор 51
ГАЛИЧ (Габрилович) Леонид Евгеньевич (1878–1953), критик, публицист 187
Ганс — см. Гюнтер И. фон
Ганнибал, борец 669
ГАРДЗОНИО С. 575
ГАРДНЕР Вадим Данилович (де Пайва-Перера Гарднер Вадим Данилович; 1880–1956), поэт, переводчик, теософ 308, 331, 715
ГАРЕЛИН Н. Ф. 685
ГАРКАВИ А. Я. 603
Гарольд — см. Левинский И. М.
ГАРТ С. (Зусман Самуил Соломонович; 1880 — не ранее 1937), журналист 70
*ГАРТЕВЕЛЬД Михаил Вильгельмович, поэт 477
ГАРШИН Всеволод Михайлович (1855–1888), писатель 171, 646
ГАРЯЗИН Александр Львович (1867–1918), редактор-издатель журналов «Дым отечества», «Новый журнал для всех», правый общественный деятель 425, 430, 431, 433, 442, 456, 746, 748
ГАСПАРОВ М. Л. 575, 625, 648, 695
ГАУПТМАН Г. 705
ГАУШ Александр Федорович (1873–1947), художник, хранитель музея Старого Петербурга 223
ГЕ Г. Г. 691
ГЕББЕЛЬ Ф. 634
ГЕВАРТ (Gevaert) Франсуа Огюст (1828–1908), бельгийский композитор и музыковед 51
ГЕЙДЕН Марина 377
ГЕЙДЕН, граф: вероятно, вице-адмирал Александр Федорович либо его брат ген.-лейтенант Николай Федорович, почетный опекун, член многих благотворительных обществ и организаций 36
ГЕЙЗЕР 666
ГЕЙМАН Нина Георгиевна, учительница музыки, знакомая Ивановых 169

ГЕЙНЦ Анна Федоровна (ум. 1928), актриса Дома интермедий и Студии Вс. Мейерхольда 243, 258, 402, 682, 687
ГЕЙНЦЫ: семья А. Ф. Гейнц 258
Гейсманс (Гюисманс Ж.-К.) 632
ГЕЙСМАР В. В. фон 740
ГЕКАТА, прозвище неизвестного мужчины 219
ГЕНАКО, японская артистка 193, 658
Генерал — см. Кругликов Н. С.
Георг V, английский король 770
ГЕОРГЕ (George) Стефан (1868–1933), немецкий поэт 458
Георгий, князь (князь Жорж), офицер Конногвардейского полка, спутник Кузмина в заграничной поездке 104, 155
Георгий (ум. в сентябре 1909), парикмахер, знакомый Кузмина 39, 169
ГЕРЕН (Guerin) Шарль (1875–?), французский художник 211, 669
ГЕРКЕН (псевд. Геркен-Баратынский) Евгений Юрьевич (1886–1962), поэт, драматург, переводчик, правнук Е. А. Баратынского 385, 428, 432
ГЕРМАНОВА Мария Николаевна (1884–1949), актриса МХТ 496, 596, 766
ГЕРН, знакомый Кузмина и Юркуна 542, 551
ГЕРОДОТ (ок. 484–425 до Р. Х.), древнегреческий историк 269
ГЕРЦЫК (Лубны-Герцык) Аделаида Казимировна (1874–1925), поэтесса, прозаик, переводчица, критик 10, 354*, 587
ГЕРЦЫК Владимир Казимирович (1885–1976), сводный брат А. К. и Е. К. Герцык 8
ГЕРЦЫК (Лубны-Герцык) Евгения Казимировна (1878–1944), переводчица, критик, автор воспоминаний; сестра А. К. Герцык 8, 16, 18, 21–25, 183, 186, 187, 354*, 587, 624, 652
ГЕРЦЫКИ (Герцык): сестры А. К. и Е. К. Герцык, их мачеха Евгения Антоновна 7–10, 13–15, 17, 20, 23, 32, 33, 62, 578, 587, 593, 594, 599, 602, 604, 605, 658, 672
ГЕРШЕНЗОН Михаил Осипович (1869–1925), историк культуры, литературовед 338, 354, 361–363, 696, 724, 725, 727, 755
ГЕССЕН Иосиф Владимирович (1866–1943), один из лидеров кадетской партии, редактор газеты «Речь» 255, 332, 714
ГЁТЕ (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий писатель 16, 18
ГИБШМАН Константин Эдуардович (1884–1942 или 1943), актер, драматург, эстрадный конферансье 193, 676, 676, 686, 687, 692, 704, 738
ГИБШМАНЫ: К. Э. Гибшман и его дочь И. К. Гибшман.
Гига — см. Тарасов Г. И.
ГИДОНИ Александр Иосифович (1885–после 1932), драматург, критик, сотрудник сатирических журналов, помощник присяжного поверенного 169
ГИЛЬБИХ, знакомый С. С. Познякова 92
ГИЛЬДЕБРАНДТ (Арбенина-Гильдебрандт) О. Н. 738, 750
ГИНЗБУРГ — вероятно, Илья Яковлевич Гинцбург (1859–1939), скульптор 562
ГИППИУС Вас. В. 708, 709, 713, 715
ГИППИУС Зинаида Николаевна (1869–1945) 27, 50, 194, 196, 590, 602, 604, 620, 664, 702
ГИРШМАНЫ: Генриетта Леопольдовна (1885–1970) и Владимир Осипович (1867–1936), московские меценаты 352
ГИС (Guys) Константин (1802 или 1805–1892), французский график, оказавший большое влияние на творческую манеру Ю. И. Юркуна 552, 784
ГИШПЛИНГ Яков Яковлевич (?) (Гишпель), приятель Ю. И. Юркуна 403, 405, 416, 419, 420, 432, 433*, 446, 447, 356, 388, 459, 460,

466, 524, 529, 536, 537, 538, 541–544, 546–548, 554, 559, 563, 566
ГЛАГОЛИН (Гусев) Борис Сергеевич (1879–1948), драматург, театральный критик, актер и режиссер; с 1906 режиссер петербургского Малого (Суворинского) театра 108, 158, 160, 173, 203, 266–268, 270, 271, 275, 276, 283, 285, 287, 288, 291, 293, 298–304, 306, 309, 355, 425, 434, 438, 562, 633, 635, 664, 690, 695, 701, 706, 707, 745, 746, 786
ГЛАЗУНОВ А. К. 681, 705
Глеб — см. Верховский Г. Е.
ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА Ольга Афанасьевна (Олет; Тявочка; 1885–1945), актриса, художница, танцовщица; первая жена С. Ю. Судейкина 163, 168, 189, 193, 201, 203, 205–208, 212, 213, 218, 219, 225, 227, 230, 239, 241, 254, 299, 302, 306, 346, 352, 359, 362, 364–366, 369, 371, 374, 376, 377, 379, 380, 382–388, 392, 401, 404, 408, 416, 437, 441, 444, 446, 467, 489, 492, 498, 499, 503–506, 510, 514, 518, 526, 528, 530, 532, 534, 538–540, 544, 546–549, 552, 553, 555, 565, 569–571, 638–640, 642, 655, 661, 662, 707, 734, 739, 746, 770, 777
ГЛЕБОВА — см. Глебова-Судейкина О. А.
ГЛЕЗЕР Л. А. 765
ГЛИНКА Михаил Иванович (1804–1857), композитор 120, 193, 221, 622, 624, 689, 704, 771
ГЛОЦЕР В. И. 652
ГЛЮК (Glück; Кузмин также пишет Глук) Кристоф Виллибальд (1714–1787), австрийский композитор 159, 185, 195, 222, 316, 317, 354, 527, 636, 653, 711, 728, 778
ГНЕДИЧ П. П. 738
ГОВЕНС 699
ГОГОЛЬ Николай Васильевич (1809–1852), писатель 177, 646
Гога, Гога Попов — см. Попов М. В.
ГОДИН Яков Владимирович (Вульфович; 1887–1954), поэт 515, 665
ГОДУНОВ Феодосий Игнатьевич (Фонечка), служащий конторы бумажной фабрики в Окуловке 94, 115, 118, 120–124, 126–133, 135–154, 156, 159, 160, 222, 233–236, 293, 294, 296–298, 627, 628, 669
ГОДУНОВ, брат Ф. И. Годунова 147, 236
ГОДУНОВА (?), сестра Ф. И. Годунова 120
ГОЛОВИН Александр Яковлевич (1863–1939), художник 184, 185, 187, 193–197, 201–204, 219, 226, 228–231, 236–244, 250, 251, 252, 254–256, 259, 260, 262, 263, 265, 267, 268, 276, 277, 296, 300–303, 305, 310, 576, 653, 654, 663, 677, 682, 684, 691, 695, 700, 711
ГОЛОВИН И. 592
ГОЛУБЕВ, знакомый по Окуловке 291
ГОЛУБЕВ Андрей Андреевич (1881–1961), актер, служил в Доме интермедий 193, 246, 249, 251, 259, 402, 581, 687
ГОЛЬДОНИ К. 771
ГОЛЬШТЕЙН (в замуж. Семенова) Наталья Владимировна (1880–1953), дочь Александры Васильевны Гольштейн (урожд. Баулер, в первом браке Вебер; 1850–1937), переводчицы, близкого друга Вяч. Иванова 274
ГОЛЯШКИНЫ, знакомые по Павловску 414
ГОНЧАРОВА Е. И. 604
ГОРБАЧЕВ, знакомый Г. И. Тарасова 354
ГОРВИЦ (возможно чтение Гарвиц) — вероятно, актер 73, 203
ГОРДИЕНКО 589
ГОРДИН Владимир Николаевич (1882–1928), поэт, журналист, редактор журнала «Вершины» 156, 492, 496, 498, 500, 501, 505, 511, 532, 767
ГОРНЕР (Homer) Герберт фон, школьный приятель И. фон Гюнтера, драгунский офицер 186, 347
ГОРНУНГ Л. В. 679

ГОРОДЕЦКАЯ (урожд. Козельская) Анна Алексеевна (1889–1945), жена С. М. Городецкого, писавшая под псевд. Магдалина Бел-Конь-Любомирская; была известна под именем Нимфа 11, 24, 160, 311, 331, 383, 457, 579, 634, 637, 709, 714, 720, 758
ГОРОДЕЦКАЯ И. С. 634
ГОРОДЕЦКИЙ Александр Митрофанович (1886–1914), художник и поэт, брат С. М. Городецкого 339
ГОРОДЕЦКИЙ Александр Федорович, актер Литейного театра 419, 743
ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт 10, 11, 13, 15, 22, 48, 50, 61, 76, 93, 95, 132, 158, 160, 180, 182, 244, 278, 305, 309, 313, 338, 440, 457, 482, 488, 495, 515, 519, 525, 533, 536, 538, 579–581, 583–585, 593, 602, 607, 609, 613, 614, 618, 621, 625, 626, 634, 637, 647, 648, 655, 663, 665, 673, 688, 706, 713, 714, 716–718, 720, 735, 742, 758, 772, 777, 779, 787
ГОРОДЕЦКИЕ: Анна Алексеевна и Сергей Митрофанович 20, 21, 24, 102, 103, 330, 331, 430*, 625, 635, 709
ГОРЬКИЙ М. (Пешков А. М.) 595, 596, 738, 783
ГОСТУНСКИЙ Василий Николаевич, знакомый по Окуловке 294–297
ГОТЬЕ (Gautier) Теофиль (1811–1872), французский писатель 272, 552
ГОФМАН Модест Людвигович (1887–1959), поэт, критик, литературовед 8–28, 31, 32, 39, 52, 61, 83, 84, 90, 91, 96, 105, 107, 157–159, 165, 168, 169, 175, 181, 476, 478, 590, 591, 611, 632, 633, 635, 639
ГОФМАН (в замуж. Наумова) Надежда Людвиговна (ум. в нач. 1930-х гг.), сестра М. Л. Гофмана 13
ГОФМАН Наталья Александровна (ум. в 1930-е гг.), мать М. Л. и Н. Л. Гофманов 31
ГОФМАН (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), немецкий писатель 24, 107, 144, 157, 162, 452, 530, 563, 588, 639
ГОФМАНСТАЛЬ Г. фон 693, 695, 758
ГОЦЦИ (Gozzi) Карло (1720–1806), итальянский драматург 276, 281, 283, 292, 296–298, 698, 699
ГРААЛЬ-АРЕЛЬСКИЙ (Петров С. С.) 777
ГРАММОН (Grammont) Морис (1866–1949), французский лингвист 524, 777
ГРАНДИ Джованни (Иван Антонович; 1886–1963), художник, декоратор театра Музыкальной драмы, сотрудник «Лукоморья» и других изданий; в 1922 вернулся в Италию 393, 463, 475, 543, 569, 736, 761
ГРАСИАН-И-МОРАЛЕС Б. 622
Граф — см. Толстой А. Н.
Граф, т. е. граф О'Контрер, артистический псевдоним Н. К. Цыбульского
ГРАФТИО Генрих Осипович (1869–1949), инженер Министерства путей сообщения, почетный секретарь Американского общества инженеров-электриков, после революции — один из создателей плана ГОЭЛРО 454, 457
ГРЕБЕНЩИКОВ (Арский) Лев Михайлович (Левушка; 1884–1937), актер 387, 397–399, 403, 404, 423, 426, 427, 432, 435, 443–445, 457, 460, 475, 477, 481, 482, 484, 489, 501, 550, 748
ГРЕВС Иван Михайлович (1860–1941), историк, профессор Петербургского университета, близкий друг Вяч. Иванова 167, 385
ГРЕССЕ (Gresset) Жан Батист (1709–1777), французский поэт 469, 528
ГРЕССЕРЫ, знакомые по Окуловке 298
ГРЕТРИ (Grétry) Андре Эрнест Модест (1741–1813), французский композитор 51, 60, 140, 154, 159, 627, 632, 634–636
ГРЕЧАНИНОВ Александр Тихонович (1864–1956), композитор 330, 345, 346, 592, 722, 727, 779

ГРЕЧАНИНОВЫ: А. Т. Гречанинов и его жена М. Г. Средина (см.) 362
ГРЕЧИШКИН С. С. 629
ГРЖЕБИН Зиновий Исаевич (1869–1929), художник-график, затем издатель, совладелец изд-ва «Шиповник», владелец собственного изд-ва 17, 19, 23, 24, 231–233, 279, 402, 501, 524, 588, 725, 764, 767
ГРЖЕБИНА (урожд. Дориомедова) Мария Константиновна (1880–1968), жена З. И. Гржебина 194, 503
ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич (1795–1829) 181, 487
ГРИГ (Grieg) Эдвард (1843–1907), норвежский композитор 56, 65, 333
Гр. Гр., Гри-Гри, Гриша, Григорий Григорьевич, знакомый Ю. И. Юркуна (предположительное отождествление с актером, автором пьес Григорием Григорьевичем Ге [1868–1942], сделанное в *ДК–34*, вряд ли справедливо; возможно, имеется в виду его сын, в эмиграции ставший статистом в Голливуде) 394, 396, 397, 399, 401, 445, 486, 487, 495, 513, 524, 531, 533, 557, 558, 569
ГРИГАРИ 741
Григорий, Гриша, племянник Ульяна, переписчик или стенограф Кузмина 386–388
Григорий, крестьянин деревни Хорино, близ Окуловки 80, 115
ГРИГОРЬЕВ Борис Дмитриевич (1886–1939), художник. Расписывал «Привал комедиантов» 445, 418, 521, 763
ГРИГОРЬЕВ В. Е. (псевд. Doddy), художник, оформлявший книги Ф. Сологуба 444, 509, 534
ГРИГОРЬЕВЫ, гости Судейкиных (видимо, Борис Дмитриевич и его жена Елизавета Георгиевна, урожд. де Броше [ум. после 1939]) 367
ГРИЛЬПАРЦЕР (Grillparzer) Франц (1791–1872), австрийский драматург 42, 48, 52, 395, 599, 602, 618
ГРИНЕВИЧ: Вера Степановна (ум. не ранее 1939), педагог, и Павел Иванович, знакомые сестер Герцык 8, 30, 32, 33, 177, 193, 591–594, 658
ГРИНЕВИЧ Павел Иванович, муж В. С. Гриневич, полтавский помещик 15, 16, 211
ГРИНЕВИЧ Юрий Павлович (убит крестьянами в 1918), сын В. В. и П. И. Гриневич 23, 32, 198
ГРИНМАН 772
Гриф — см. Соколов (Кречетов) С. А.
Грифы — см. Соколовы
ГУМИЛЕВ Николай Степанович (1886–1921), поэт 102, 105, 151, 152, 157–159, 161, 163, 169–179, 181–184, 186–192, 217–219, 222, 224, 226, 228, 229, 231–234, 236–238, 240, 268, 270, 272, 273, 275, 279, 280, 282, 302, 305, 308–314, 316, 328–338, 341, 344, 354, 373, 374, 376, 377, 393, 416–418, 432, 434, 437, 443, 464, 467, 523, 556, 609, 616, 623, 625–627, 632, 634, 637, 638, 640, 641, 645, 648, 649, 652, 654–658, 670, 679, 696, 697, 702, 705, 708, 711, 713, 716, 717, 719, 725, 733, 742, 750, 753, 760, 777, 785
ГУМИЛЕВ Дмитрий Степанович (1884–1922), брат Н. С. Гумилева 158, 172, 174, 334
ГУМИЛЕВ Лев Николаевич (1912–1992), сын А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева, впоследствии историк 376, 731
ГУМИЛЕВА-ФРЕЙГАНГ Анна Андреевна (1887–1956?), жена Д. С. Гумилева 174
Гумми, Гум — см. Гумилев Н. С.
ГУМИЛЕВА, Гумильвица — см. Ахматова А. А.
ГУМИЛЕВЫ: А. А. Ахматова и Н. С. Гумилев 221, 271, 331, 332, 333, 336, 338, 440, 714, 716, 725
ГУНО (Gounod) Шарль (1818–1893), французский композитор 193, 241, 592, 658, 661, 682
ГУНСТ Е. А. 694
ГУРЕВИЧ Любовь Яковлевна (1866–1940), литературный и театраль-

ный критик, заведовала литературным отделом журнала «Русская мысль» 438, 446, 450, 451, 453, 454, 737, 750, 773, 786
ГУРЕВИЧ Я. Я. 627
ГУРМОН Р. де 692
ГУСТЕРИНА, знакомая Кузмина; возможно, Мария Дмитриевна, жена врача (проживала на Невском, 92) 343
ГУЧКОВ А. И. 654
ГУЩИН А. (Гутмахер А. М.) 679
ГЮГО В. 767
Гюгюс — см. Гюнтер И. фон
ГЮЙО А. 651
ГЮЙОН (Guyon) Жанна-Мари-Бювье де ла Мотт (1648–1717), религиозная деятельница, основательница квиэтизма во Франции, проповедница «мистической чистой любви» 7, 24, 578
ГЮНТЕР (Günther) Иоганнес фон (Гюгюс; 1886–1973), немецкий поэт и переводчик, автор книги воспоминаний 34–45, 47–49, 57, 71, 114, 118, 123, 175–181, 183–189, 305, 306, 340, 341, 347–349, 360, 361, 376, 383–386, 394, 400–402, 405, 411–413, 434, 435, 453, 458, 595–597, 599, 601, 647, 648, 653, 704, 730, 737, 738, 749

Д. 753
Д. Д. Д. — см. Деринг С. А.
Д. Ф. — см. Философов Д. В.
Д. Х. 784
ДАВИДОВСКИЙ Константин Алексеевич (1882–1939), актер 13, 581
ДАВИНГОФ Николай Христофорович, нотоиздатель, владелец музыкального и нотного магазина в Б. Гостином дворе 388
ДАВЫДОВ, актер или служащий Дома интермедий 250
ДАВЫДОВ Владимир Николаевич (наст. имя Иван Николаевич Горелов; 1849–1925), актер 260, 642, 643, 691
ДАВЫДОВ З. Д. 652
ДАВЫДОВ Ю. В. 667
ДАЛАЙРАК (Dalayrac) Николя (1753–1809), французский композитор и водевилист 60
ДАЛИН (Линев) Д. А. 646
ДАЛЬСКИЙ М. С. 611, 612
ДАЛЬСКИЙ 744
ДАМАНСКАЯ Августа Филипповна (Д-ская А.; 1877–1957), писательница, переводчица 502, 532, 768
Данила, банщик с 9-й линии Васильевского Острова 283
ДАНИЛОВ, знакомый Ю. И. Юркуна и Н. А. Щербакова 520, 521, 523, 525, 527–529, 537, 539, 555, 560
ДАНИЛОВА И. Ф. 590
Д'АННУНЦИО (d'Annunzio) Габриеле (1863–1938), итальянский писатель 43, 47, 195, 428, 579, 601, 659, 703, 747
ДАНТЕ Алигьери (Dante Alighieri; 1265–1321), итальянский поэт 23, 659
ДАРГОМЫЖСКИЙ Александр Сергеевич (1813–1869), композитор 128, 146, 151, 152, 195, 229, 624, 627, 647, 659
ДАРМОЛАТОВА (в замуж. Радлова) Анна Дмитриевна (1891–1949), поэтесса, драматург, переводчица, жена С. Э. Радлова, сестра С. Д. Лебедевой 458
ДАРМОЛАТОВЫ, сестры: Анна, Сарра (в замуж. Лебедева; 1892–1967), Вера (?–1919) и Надежда (1895?–1922) Дмитриевны 453, 465
ДАРСКИЙ (Псаров) М. Е. 774
Дарьюшка, девочка из Окуловки 122
ДАУГОВЕТ Б. 706
Д–в 708
ДВИНСКИЙ М. (Берман М. М.) 755, 781
ДВОРЖАК (Dvořák) Антонин (1841–1904), чешский композитор 85, 87
ДЕБЮССИ Клод (1862–1918), композитор 207, 264, 301, 432, 435, 440, 446, 454, 455, 463, 527, 565, 569, 620, 703, 705, 774, 787
ДЕВЕРЕ В. 681
ДЕВЕТ (Вознесенская) Александра Мартиновна, певица, преподавательница музыки 340, 345, 346,

349–352, 354, 355, 373, 374, 381, 724, 730
ДЕГАЕВ С. П. 667
ДЕЛИБ (Delibes) Лео (1836–1891), французский композитор 230–232, 237, 238, 242, 451–452, 677, 681, 683, 685, 704
ДЕЛЬВИГ А. А. 632, 645, 663
ДЕЛЬМАС (урожд. Тищинская, в замуж. Андреева) Любовь Александровна (1879–1969), оперная певица, исполнительница роли Кармен, адресат многих стихотворений А. А. Блока 520, 695
Дементий, банщик с Гагаринской ул. 241
ДЕНИСОВ В. Н. 763, 779
ДЕРИНГ (Дэринг) Сергей Андреевич (Генрихович), он же Д. Д. Д., знакомый Кузмина, выпускник Московского университета 18, 20–22, 25, 26, 28, 109, 119, 164, 168, 171, 210, 313, 354, 502, 585, 586
ДЕСТОМБ К. И. 706
ДЕШАРТ (Шор) О. А. 576, 583, 640, 671
ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ (1859–1927), английский писатель-юморист 61, 692
Джон, приятель С. А. Деринга, знакомый Франка 168, 172, 173
ДЖОНС С. 698
Джонсон И. — см. Иванов И. В.
ДИККЕНС (Dickens) Чарлз (1812–1870), английский писатель 442, 443, 447, 465, 500, 501, 560, 561, 565, 566, 568, 569, 571, 759, 767, 787
Дима, приятель Зайчика 306
Дима, знакомый Юркуна 413
Дина, знакомая М. В. Ясного 392
Диотима — см. Зиновьева-Аннибал Л. Д.
Дискобол — см. Брешко-Брешковский Н. Н.
ДМИТРЕВСКАЯ Дарья Михайловна (1864–1933), первая жена Вяч. Иванова 163, 640, 641
ДМИТРЕВСКИЙ, конторщик бумажной фабрики в Окуловке
ДМИТРИЕВ А. 715
ДМИТРИЕВ Всеволод Александрович (1889–1919) — художник, впоследствии искусствовед 22
ДМИТРИЕВ П. В. 575–577, 659, 660, 685, 695, 721, 729, 734, 742, 765, 771, 780, 784, 785
ДМИТРИЕВА (в замуж. Васильева, псевд. Черубина де Габриак) Елизавета Ивановна (1887–1928), поэтесса 171, 178, 179, 181–187, 650–652
ДМИТРИЕВА Таисия (Тая), знакомая Кузмина по Нижнему Новгороду, гостья в Окуловке 45–61, 64, 78, 84, 116
Дмитрий, официант из ресторана «Вена» 360, 363, 380–382, 384, 386, 395, 411
Дмитрий, парикмахер 350*, 367, 528
Дмитрий, банщик с Вознесенского пр. 386
Дмитрий с Гагаринской ул., неустановленное лицо, возможно, банщик 386
Дмитрий Павлович, вел. кн. (1891–1942) 292, 385
Дмитрий Павлович — см. Медведев Д. П.
ДОБКИН А. И. 781
ДОБРОНРАВОВ Леонид Михайлович (1887–1926), прозаик, драматург, публицист 554, 562
ДОБРОНРАВОВА, жена Л. М. 562
ДОБРЯКОВЫ: Софья, Александра, Текла Мартовна и ее муж Михаил Тимофеевич, знакомые по Окуловке 45, 49, 53, 58, 63, 88–90, 112, 116, 120–122, 124, 130, 131, 133–139, 144, 146, 147, 235, 236, 291–296
ДОБУЖИНСКИЙ Мстислав Валерианович (1875–1957), художник 167, 170, 242, 436, 611, 612, 632, 646, 750, 764
ДОБЫЧИНА Надежда Евсеевна (1884–1949), искусствовед, создательница Художественного бюро (1910–1918), затем сотрудница Русского музея и Музея революции в Ленинграде 490, 764
ДОДЕ А. 756

Доди, Додя — см. Григорьев В. Е.
ДОЛГОПОЛОВ Л. К. 716–717
ДОЛИНОВ Анатолий Иванович (наст. фам. Долинов; 1869–1845), режиссер и актер Императорского Русского драматического театра, профессор Театральной школы Литературно-художественного о-ва им. А. С. Суворина, редактор приложения к журналу «Библиотека театра и искусства» — «Голос и речь. Вопросы тона и мимики» 300, 302, 304, 563, 564, 566–568, 692
ДОЛИНОВ Михаил Анатольевич (Долинов-fils; 1891–1936), поэт, драматург, режиссер, сын А. И. Долинова 488, 492, 495, 509, 520, 523, 564, 565, 567, 568, 713, 751, 769
ДОЛМАТОВ А. А. 740
ДОМБРОВСКИЙ Иван, киевский знакомый Кузмина 191
ДОНЕТ, знакомый П. О. Богдановой-Бельской и В. Г. Князева 231
ДОНАНЬИ Э. (1875–?), композитор 239, 681
д'ОРФЕР Ж. 751
ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821–1881), писатель 122, 123, 177, 245, 447, 454, 556, 684, 711, 780
ДРИЗЕН (фон дер Остен-Дризен) Николай Васильевич, бар. (1868–1935), театральный деятель 194, 202, 203, 205, 206, 208, 210, 211, 214, 219, 256, 271, 304, 312, 567, 595, 658, 666, 668, 684, 696, 710, 778, 787
ДРИТТЕНПРЕЙСЫ: художник Владимир Петрович Дриттенпрейс (1878–?) и его жена Софья Юрьевна, в девичестве Судейкина193
ДРУЖИНИН А. В. 601
ДУБЕРГ, знакомый Н. Д. Кузнецова 334
ДУЗЕ (Duse) Элеонора (1858–1924), итальянская актриса 10, 579
ДУЛОВ, посетитель ресторана Лейнера 269
Дунечка — см. Нагродская Е. А.
ДУНКАН Айседора (1877–1927), танцовщица 169, 647, 662, 708
Дуня, прислуга у Ивановых 281
ДУРОВ В. Л. 770
ДУРЫЛИН С. Н. (С. Раевский) 781
ДЫМОВ Осип (Перельман Иосиф Исидорович; 1878–1959), прозаик, драматург; с 1912 г. жил в Америке 83, 172, 177, 192, 196, 345, 377, 621, 646, 648, 649, 731
ДЫМСКИЙ 592
ДЫМШИЦ В. А. 654
Д'ЭНДИ В. 585
ДЮВАЛЬ М. 701
ДЮКАС (Дюка; Ducas) Поль (1865–1935), французский композитор 434, 453
ДЮМА-сын А. 649, 753, 782, 783
ДЯГИЛЕВ Сергей Павлович (1872–1929), художественный и театральный деятель 20, 22, 30, 46, 50, 51, 61, 68, 102, 103, 162, 167, 170, 185, 273, 299–303, 317, 347, 378, 392, 426, 427, 568, 618, 640

Е. М. 603
Евгений, официант из «Альбера» (ресторана «Французский») 418, 419, 423, 426, 430, 431, 434–437, 442
Евгений — см. Зноско-Боровский Е. А.
Евгений Васильевич — см. Аничков Е. В.
Евгений Владимирович, посетитель М. И. Семенова 543
Евгения, Евгения Казимировна — см. Герцык Е. К.
ЕВГЕНЬЕВ (Рапгоф) Б. Е. 777
ЕВГЕНЬЕВ, знакомый по Окуловке 113, 114, 133, 146
ЕВДОКИМОВ Е. В. 575
*ЕВДОКИМОВ Иван Васильевич (1868–1939), писатель и искусствовед 534, 535
Евдокия Аполлоновна — см. Нагродская Е. А.
ЕВРЕИНОВ Николай Николаевич (1879–1953), режиссер, драматург, историк и теоретик театра 41, 173, 194, 197, 204, 210, 391, 441, 503, 510, 515, 523, 539, 602,

617, 621, 646, 647, 658–661, 677, 724, 734, 751, 783
ЕВРИПИД (Эврипид; 485/484 или 480–406 до Р. Х.), древнегреческий драматург 170, 645, 778
ЕВСЕНЬЕВ, знакомый по Окуловке
*ЕВСЕЕВ Илья Евсеевич, владелец магазина 196
Евфимия Павловна — см. Носова Е. Ф.
Егор, банщик из Казачьего переулка 287–289
ЕГОРОВ А. И. 728
Егорушка — см. Иванов Г. В.
Едвига (Ядвига, Едвися) — см. Солюс
ЕЖИКОВА, посетительница Ю. Д. Беляева 254
Екатерина (Катерина) Ивановна — см. Венедиктова Е. И.
Елевтина, знакомая по Окуловке
Елена Ивановна, Леночка, знакомая Нагродских 405, 419, 445, 449, 452, 453, 456
Елена Константиновна — см. Валерская Е. К.
Елена Михайловна, неустановленное лицо 556
Елена Николаевна, посетительница ресторана «Вена», гостья Мосоловых 396, 491, 492
ЕЛЕНСКИЙ, приятель С. С. Познякова 92
Елизавета Ивановна — см. Дмитриева Е. И.
Елизавета Николаевна — см. Званцева Е. Н.
ЕЛЬЧАНИНОВ Александр Викторович (1881–1934), публицист, с 1926 г. — священник 202, 225, 226, 663, 673
ЕРМОЛОВ-БОРОДИН 736
ЕСЕЕВ, знакомый Ю. И. Юркуна, «старец» 394
ЕСЕНИН Сергей Александрович (1895–1925), поэт 530, 779, 787
ЕСИПОВ, знакомый В. А. Наумова 83
ЕСИПОВИЧ (Есипович-Гонзаль) Анна Петровна (1888–1970), актриса Александринского театра 259, 327, 384, 691
Ефим, банщик с Гагаринской ул. 269
ЕФИМОВ, ученик (возможно, театральной школы) 501
ЕФРЕМ СИРИН (нач. IV — нач. V в.), учитель Церкви 251
ЕФРЕМОВ Степан Леонтьевич, служащий иконописной мастерской Г. М. Казакова 160
ЕФРОНЫ И. В., С. А. 263, 692

Жак, Jacquot — см. Израилевич Я. Л.
ЖАКОМИНО (Джакомо Чирени; 1884–1956), итальянский клоун и цирковой артист, работал в Петербурге в цирке Чинизелли 428, 511, 770
Жанна, неустановленное лицо 290
Жанна, гостья или родственница А. М. Кожебаткина 321
ЖЕМЧУЖНИКОВ Алексей Михайлович (1821–1908), поэт 158
Жена Глаголина — см. Валерская Е. К.
Жена Грифа — см. Рындина Л. Д.
Женя, Евгений Александрович — см. Зноско-Боровский Е. А.
ЖЕРЕБЦОВА-АНДРЕЕВА А. Г. 709
ЖИВОТОВСКИЙ С. В. (Пьер-О) 675, 766, 772
ЖИЛКИН Иван Васильевич (1874–1958), журналист, публицист, общественный деятель 21, 586
ЖИЛЬБЕР Ж. 740
Жоржик — см. Иванов Г. В.
ЖУКОВСКАЯ (Жуковская-Лисенко) Наталия Юльевна (1876–1940), писательница, редактор журнала «Лукоморье» 434, 530, 545, 553
ЖУКОВСКАЯ Т. Н. 587
ЖУКОВСКИЙ В. А. 667
ЖУКОВСКИЙ Дмитрий Евгеньевич (1868–1943), издатель, муж А. К. Герцык 23
ЖУРАВЛЕВ, лакей из ресторана «Палас-Театра» 281

З. 592
ЗАГОРСКИЕ, гости Вяч. Иванова; вероятно, поэт и критик Евгений Михайлович Загорский (Завиловский) с женой 164
ЗАИКИН И. М. 619

ЗАЙЦЕВ Борис Константинович (1881–1972), писатель 165, 688
Зайчик, Заяц (прозвище), знакомый Кузмина и Судейкиных, человек, близкий к петербургскому артистическому мирку 299, 300, 303–307, 346, 348, 352, 353, 359, 362, 364–367, 374, 377, 379, 383, 385–387, 399, 404, 484, 490, 512, 514, 517, 520, 526, 528, 540, 542, 569, 570, 574
ЗАКУШНЯК А. Я. 635
ЗАЛЕМАНОВ (Зельманов) Александр Михайлович (1891–после 1929), чиновник Отдела периодических изданий министерства финансов, знакомый С. К. Шварсалона; видимо, брат А. М. Зельмановой 262, 266, 285, 356, 365, 379
ЗАЛЕМАНОВЫ: семья А. М. Залеманова 349
ЗАЛЕССКАЯ, гостья Ю. Л. Ракитина 348
ЗАМИРАЙЛО Виктор Дмитриевич (1868–1939), художник 495
ЗАММАН, ЗАММ — см. Залеманов А. М.
ЗАМЯТНИНА Мария Михайловна (1862–1919), подруга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, домоправительница Ивановых 13, 16, 17, 19, 28, 31, 34, 36–38, 40–43, 47, 62, 84, 101, 108, 151, 154–156, 162, 167–169, 171, 182, 183, 186, 190, 193, 202, 205, 207, 217, 220, 223, 225, 229, 231, 236, 237, 240, 268, 270, 309, 310, 328, 336–340, 342, 344, 348, 354, 355, 358 360–362, 364, 585, 597, 601, 602, 604, 615, 618, 627, 630–633, 636, 638, 639, 658, 663, 670–674, 676–680, 688, 716
ЗАМЯТНИНЫ: М. М. Замятнина, ее мать Павла Афанасьевна и сестра Юлия Михайловна (в замуж. Корш) 171
ЗАНДИН Михаил Павлович (1882–1960), театральный художник, помощник А. Я. Головина 195, 226, 410
ЗАРЕМБА Сигизмунд Владиславович (1861–1915), композитор и пианист 90
ЗАРЕЦКИЙ Николай Васильевич (1876–1959), график, живописец, до 1911 г. гусарский офицер (служил в том же полку, где впоследствии В. Г. Князев), сотрудник «Весов» и «Золотого руна» 13
ЗАРИН Ф. Е. 753
ЗАРУДНЫЙ: видимо, Сергей Митрофанович (1865–1940), юрист, сенатор, театрал, переводчик; менее вероятно — Александр Сергеевич (1869–1934), адвокат, защитник на политических процессах, при Временном правительстве товарищ министра юстиции 28
ЗАСОСОВ Д. А. 593
Звальта, гостья А. С. Лурье 527
ЗВАНЦЕВ Петр Николаевич (?), брат Елизаветы Николаевны (ум. в янв. 1908) 8
ЗВАНЦЕВ (Званцов) Николай Николаевич (1870–1923), актер и режиссер 349, 434
ЗВАНЦЕВА Елизавета Николаевна (1864–1921 или 1922), художница, организатор художественных школ в Москве и Петербурге (последняя, основанная в 1906, где вели занятия Бакст, Добужинский, Петров-Водкин, помещалась на Таврической, 25, непосредственно под «башней», и Кузмин жил в этой квартире) 7, 8, 26, 94–95, 106, 166
ЗВАНЦЕВЫ, сестры 182, 345, 574
Звон (псевд.) 715
ЗДАНЕВИЧ Илья Михайлович (псевд. Эли Эганбюри, позднее — Ильязд; 1894–1975), футурист-заумник 455, 517, 518, 520–521, 525, 527, 528, 754
ЗДОБНОВ Дмитрий Спиридонович (1850–?), фотограф 84, 610
ЗЕЙДЕ, самоубийца 351
ЗЕЛЕНИН, гость Г. И Тарасова 171
ЗЕЛИНСКИЙ Фаддей Францевич (1859–1944), филолог-классик,

профессор Санкт-Петербургского университета 312, 648, 660, 670, 677, 694, 695, 705, 709
ЗЕЛЬМАНОВА Анна Михайловна (1891–1952), художница; в первом браке жена В. А. Чудовского, во втором — полковника Б. Белокопытова 731, 772
ЗЕНКЕВИЧ Михаил Александрович (1891–1973), поэт, переводчик 341, 493, 709, 721, 777
Зигфрид — см. Старк Э.
ЗИЛОТИ Александр Ильич (1863–1945), пианист и дирижер 307, 706, 708
ЗИМИН Сергей Иванович (1872–1945), организатор частной оперы в Москве 518
Зина, Зизи (Зиновий), актер, знакомый О. А. Глебовой-Судейкиной 299, 302, 306, 307, 359, 369, 552
Зинаида — см. Венгерова З. А.
Зинаидин жидок — см. Мандельштам О. Э.
ЗИНОВЬЕВ, посетитель скачек (возможно, кто-либо из родственников Л. Д. Зиновьевой-Аннибал) 289
ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ (урожд. Зиновьева, в первом браке Шварсалон) Лидия Дмитриевна (1866–1907), писательница, жена Вяч. Иванова 15–16, 26, 34, 38, 41, 347, 580, 597–599, 618, 627, 631, 632, 635, 648
ЗИНОВЬЕВЫ, родственники Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 167, 631
Зиночки, две гостьи или родственницы Поляковых 319, 320, 322
ЗЛОЧИН (чтение предположительно), знакомый А. С. Лурье 530
Зноско, Зноска — см. Зноско-Боровский Е. А.
ЗНОСКО-БОРОВСКАЯ Мария Васильевна, мать Е. А. и Н. А. Зноско-Боровских 239, 252, 307, 468, 760
ЗНОСКО-БОРОВСКАЯ-АУСЛЕНДЕР Надежда Александровна (Надина), актриса, жена С. А. Ауслендера, сестра Е. А. Зноско-Боровского 203–207, 209–211, 217, 218, 221, 224, 226, 230, 232–234, 236, 239, 252, 254, 257, 262, 293, 294, 296, 335, 340, 345, 372, 385, 387, 393, 396–398, 400, 402–406, 417, 424, 433, 491, 496, 502, 515, 565, 666, 670, 679, 691
ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ Евгений Александрович (Eugène, Женя, Зноско, Зноска; 1884–1954), секретарь редакции «Аполлона» 163, 165, 167, 168, 171–174, 176–178, 184, 185, 187–197, 201–211, 213, 215–226, 228–243, 246, 251, 252, 254, 256–258, 260, 262, 268, 270–272, 274, 275, 277, 279, 280, 282, 289, 299, 302–304, 306, 308, 309, 311, 312, 319, 328–332, 336, 339, 341–349, 366, 368–370, 372, 379, 381, 387, 388, 416, 438, 445, 466, 468, 475, 476, 480, 481, 641, 645, 653, 655, 666–668, 670, 672, 675, 678, 683–686, 695, 697, 699, 705, 712, 719, 733, 760, 761, 778
ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ Кирилл Евгеньевич (1912–1966), сын Е. А. Зноско-Боровского и М. В. Филаретовой-Багровой 372
ЗНОСКО-БОРОВСКИЕ, семейство 204, 208, 232, 238, 388, 393, 430, 440, 511
ЗОЛЯ (Zola) Эмиль (1840–1902), французский писатель 190, 655
ЗОНОВ Аркадий Павлович (1875–1922), актер и режиссер 106, 516
Зоя — см. Лодий З. П.
ЗУБОВ Валентин Платонович, граф (1884/1885–1969), меценат, основатель в 1912 г. Зубовского института (с 1920 г. — Институт истории искусств) 255, 270, 307, 445
ЗУБОВ Сергей Платонович, граф (1881–1964), поэт и драматург, брат В. П. Зубова 307
ЗУБОВЫ, братья В. П. и С. П. 301, 307, 569

–и (Стембо А. Л.) 704
ИБСЕН (Ibsen) Генрик (1828–1906), норвежский драматург 406, 739

Иван Грозный 616
Иван, банщик с Гагаринской ул. 269
Иван, банщик с Бассейной ул. 286
Иван, служащий ресторана Лейнера 331
Иван Васильевич — см. Венедиктов И. В.
Иван Гаврилович, знакомый по Окуловке 173
Иван Странник — см. Аничкова А. М.
Иван Филиппович, знакомый по Окуловке 129, 130, 141
ИВАНОВ Вячеслав Иванович (1866–1949) 7–21, 23–28, 31, 32, 34–43, 59, 62, 70, 78, 80, 84, 90, 91, 93, 102, 107–109, 130, 151–165, 167–170, 172–193, 198, 202–209, 212, 214, 216, 218, 221–229, 237, 244, 249, 252, 258–261, 263–265, 270, 274, 275, 280, 284, 286, 288, 289, 299, 301, 302, 305–309, 312, 316, 326–329, 332–334, 336, 338–340, 342, 344, 345, 347, 348, 350, 352, 380, 573, 574, 576, 578–585, 587–589, 591–597, 599, 601, 602, 60–607, 610, 618–621, 623, 624, 627, 629–645, 647–649, 651–655, 658, 660, 663–664, 669, 670–673, 676–680, 686–688, 691, 693–697, 701, 704, 705, 708, 709, 711, 714, 716–722, 724, 733, 734, 759
*ИВАНОВ Александр Георгиевич (1873–?), гимназический товарищ Кузмина 241
ИВАНОВ Георгий Владимирович (Егорушка, Г. И.; 1894–1958), поэт 270*, 282, 313, 378*, 382, 385, 430, 434, 438, 443, 444, 471, 472, 474–476, 482–484, 502, 503, 505, 509–511, 514, 517, 520, 522, 523, 526, 527, 533–535, 537, 540, 552–553, 555–558, 560, 561, 563, 564, 566–568, 668, 671, 699, 746, 748, 751, 753, 756, 777
ИВАНОВ Д. В. 576, 585
ИВАНОВ Е. П. 688, 720
ИВАНОВ И. В. (И. Джонсон) 656
ИВАНОВ Сергей — см. Шварсалон С. К.
ИВАНОВ Федор Владимирович (1892–1923), критик 555
ИВАНОВА Александра Вячеславовна (1888–1917), дочь В. И. Иванова от первого брака, жила с матерью в Харькове 198, 661
ИВАНОВА Вера Викторовна (1880–после 1917), актриса 19, 21, 102
ИВАНОВА Лидия Вячеславовна (1896–1985), дочь Вяч. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, впоследствии композитор, автор воспоминаний 7, 9–11, 14, 17, 18, 21, 22, 34, 37, 151, 160, 162, 167, 181, 190, 197, 213, 214, 249, 251, 184, 327, 339, 343, 347, 578, 601, 605, 627, 636, 638, 639, 645, 651, 663, 670, 689, 716
ИВАНОВ-РАЗУМНИК (Иванов Разумник Васильевич; 1878–1946), критик, историк культуры, публицист 91
ИВАНОВЫ: семья В. И. Иванова (В. К., К. К. и С. К. Шварсалоны, Л. В. Иванова и, вероятно, М. М. Замятнина) 7–9, 11, 13, 26, 28, 30, 34, 65–67, 71, 82, 86, 90, 93, 105–109, 151, 152, 228, 237, 299, 352, 586, 605, 606, 617, 625, 722
ИВАНОВЫ, знакомые по Окуловке 120
ИВАНЬШИН Н. 691
ИВНЕВ Рюрик (псевд. Ковалева Михаила Александровича; также Р. И.; 1891–1981), поэт 423, 429, 432, 435, 437, 440–451, 455, 461, 462, 473–478, 481, 483, 484, 486, 491, 492, 522, 527, 529, 539, 549, 554, 559, 562, 564, 746, 748, 753, 756, 777, 779
ИВОЙЛОВ Владимир Николаевич (псевд. В. Княжнин; 1883–1942), поэт, литературовед 158, 164, 165, 169, 172, 174, 176, 197, 219, 222, 223, 227, 228, 249, 252, 347, 381, 634, 639, 643, 679, 778
ИГНАТИЙ, архимандрит 675
ИГНАТОВСКИЙ, знакомый В. Г. Князева 369
ИГНАТЬЕВ А. А. 699
ИГНАТЬЕВ (Казанский) Иван Васильевич (1892–1914), поэт-эгофутурист, издатель газеты «Петербургский глашатай» 427, 746, 747

ИГУМНОВ К. Н. 684
Ида, знакомая И. фон Гюнтера 38
ИЗДЕБСКИЙ В. А. 669
ИЗМАЙЛОВ Александр Алексеевич (псевд. Анчар, Аякс, Смольский, Смоленский, Из молодых; 1873–1921), писатель и критик 459, 462, 483, 486, 487, 495–497, 499, 506, 509, 510, 514, 518, 524, 526, 527, 534, 535, 552, 557, 559, 561–563, 583, 590, 607, 609, 621, 647, 651–652, 654–655, 664, 733, 744, 747, 749, 754, 758, 766, 769, 770, 777, 782, 785, 786
ИЗРАИЛЕВИЧ Яков Львович (Жак, Jacquot; 1887–1953), антиквар (торговец, эксперт, консультант), в 1920-е гг. секретарь комиссара ТЕО М. Ф. Андреевой, короткое время — секретарь А. М. Горького, коллекционер картин 380, 382–388, 391–415, 419, 423, 438, 468, 481–485, 490, 510–511, 516–517, 525, 528, 533, 537, 538, 540, 541, 544, 557, 563
ИЗУАР (Isouard) Никола (1775–1818), французский композитор 45, 54, 55, 600
ИЗЮМОВА В. Н. 676
Икар — см. Барабанов Н. Ф.
Икс 686
ИЛЬШИНА В. Г. 653
ИНЖАКОВИЧ — см. Анджакович
Иннокентий — см. Анненский И. Ф.
Иоанн Константинович, кн. императорской крови (1886–1918), убит вместе с братьями в г. Алапаевске 269, 695
Иоанн Кронштадтский 735, 763, 764
ИОВАНОВИЧ М. Э. 709
Иоганн — см. Гюнтер И. фон
ИОНИН Сергей Львович (Сережа; 1890–1971), студент Училища правоведения (окончил курс в 1912 г.), брат Ю. Л. Ракитина; после революции участник белого движения, с 1939 г. — офицер французской армии, впоследствии — в рядах РОА 306–311, 313, 315, 327–331, 340, 344, 350, 351, 377, 460, 475, 511, 557, 720, 771
ИОНИНЫ: братья С. Л. Ионин и Ю. Л. Ракитин 315
ИРЕЦКИЙ В. Я. (В. Ир.) 590, 765
ИРМШЕР (Ирмшерицы), знакомые по Окуловке 51, 120, 122, 140
Исаковна — см. Толстая (Дымшиц) С. И.
*ИСАЧЕНКО Константин Степанович (1882–1959), певец 204
ИСТРИН В. М. 603
ИХАК (Ichak) Фрида, переводчица 164, 642

К., Лев 653
К. Л. 657, 757
К. П. С., знакомый по Окуловке (возможно, К. П. Сорокин) 122, 124, 126, 128, 129, 135–137, 140–143, 294, 295, 298
КАБЛУКОВ Сергей Платонович (1881–1919), математик, музыкальный критик, секретарь Религиозно-философского общества 157, 288, 620, 632, 633, 639
Каза — см. Казароза Б. Г.
КАЗАКОВ Георгий Михайлович, владелец иконной лавки и иконописной мастерской 70, 121, 160
КАЗАКОВЫ: семья Г. М. Казакова 95, 116
КАЗАНЛИ Николай Иванович (1869–1916), полковник, композитор-любитель, автор «лирической оперы-драмы» «Миранда» 487
КАЗАНОВА (Casanova) Джакомо Джироламо (1725–1798), венецианский авантюрист, автор мемуаров 350, 376
КАЗАРОЗА Белла Григорьевна (Каза-Роза, Каза; 1893–1929), эстрадная певица, выступала в «Бродячей собаке» и «Привале комедиантов» 258, 287, 291, 397, 418, 423*, 523, 531, 574, 686, 687, 776
КАЗОТТ (Cazotte) Жак (1719–1792), французский писатель 565, 786
КАИН А. 658
КАЙЕ Ж. 780
КАЛЖАН Зоя (чтение фамилии предположительно) 424

КАЛИНЫ, гости Нагродских в Павловске 465
КАЛИДАСА 610
КАЛИОСТРО (Cagliostro) Александр де (Джузеппе Бальзамо; граф Феникс; 1743–1795), итальянский авантюрист 376, 588
Калифорния, актриса 701
КАЛЛО (Callot) Жак (1592/93–1635), французский график 157
КАЛМЫКОВ (Калмаков) Н. К. 621
КАЛЬДЕРОН де ла БАРКА (Calderon de la Barca) (1600–1681), испанский драматург 182, 183, 185, 518, 652, 666, 703, 704, 774
КАМЕНСКИЙ Анатолий Павлович (1876–1941), писатель 106, 354*, 586, 600, 690
КАМЕНСКИЙ Василий Васильевич (1884–1961), поэт 354*, 501, 524, 564, 607, 758, 767, 774
КАМПЕШ (Кампиш), знакомый А. И. Божерянова 548, 556, 560, 561
Кан — видимо, Л. И. Каннегисер.
КАНАНОВА М., певица 593
КАНКРИН Константин, улан 283
КАНКРИН Владимир Иванович, граф (1884–1962), чиновник Дирекции императорских театров 184, 236
КАННЕГИСЕР Леонид Иоакимович (Ленечка; 1896–1918), поэт 401, 402, 404, 406–411, 414, 424, 430–432, 450–453, 478, 479, 481, 487, 499, 501, 503, 504, 510, 521, 523, 524, 529, 530, 535–538, 551, 554–556, 558, 560, 563–566, 569, 570, 767
КАННЕГИСЕР Елизавета Иоакимовна (1897–1943), сестра Леонида Иоакимовича 558
КАННЕГИСЕР (урожд. Сакер) Роза Львовна (1863–1946), мать Леонида Иоакимовича 566
КАННЕГИСЕРЫ: семья Иоакима Самойловича Каннегисера (1860–1930), в том числе Л. И., Е. И., Р. Л. 564, 786
КАНТОРОВИЧ Владимир Абрамович (псевд. В. Канев), поэт 566
Капа, Капесюшка (Капитолина), знакомая по Окуловке, подруга Теклы Добряковой 130, 131, 292
Капитан, прозвище неизвестного (не отождествляемого с носившим это прозвище в 1920–е гг. В. А. Милашевским) 406, 408
Капитаны, прозвище неизвестных знакомых Судейкиных и Кузмина 378, 386, 392, 490, 521
Кар — см. Каратыгин В. Г.
КАРАВАЕВ — см. Кузьмин-Караваев Д. В.
*КАРАКАШ Николай Иванович, приват-доцент Петербургского университета 21, 23
*КАРАКАШ Михаил Николаевич (1887–1937), студент, имевший отношение к театру «Лукоморье»; впоследствии оперный артист 73
КАРАМЗИН Николай Михайлович (1766–1826) 376, 667
КАРАТЫГИН Вячеслав Гаврилович (псевд. Кар., Карт.; 1875–1925), музыкальный критик, композитор, педагог, один из основателей «Вечеров современной музыки» 14, 222, 226, 255, 281, 348, 360, 511, 583, 585, 661, 663, 665, 678, 694, 705, 706, 708, 712, 719, 721, 722, 746, 761, 775, 778
КАРАУЛОВ Василий Андреевич (1854–1910), депутат III Государственной думы 181, 651
КАРЕВ, посетитель выставки «Венок»; возможно, художник Алексей Еремеевич (1879–1942) 28
КАРИНСКАЯ М. А. 754
КАРК Ф. 724
Карл (Карла, Карлуша), «тапетка» из Летнего и Таврического садов 205, 207, 225, 343
КАРПОВ, приятель С. С. Познякова 92
КАРПОВ А. Г., член правления Товарищества Окуловских писчебумажных фабрик, зять братьев Рябушинских, двоюродный брат С. Т. Морозова 44, 124, 150, 600
КАРПОВ Николай Ал. 114, 115, 121, 126

КАРПОВИЧ 772
КАРСАВИНА Тамара Платоновна (1885–1978), балерина; в 1902–1918 гг. служила в Мариинском театре 439, 442, 475, 517, 570, 751, 753
КАРТАШЕВ Антон Владимирович (1875–1960), богослов, преподаватель С.-Петербургской Духовной академии, впоследствии министр вероисповеданий Временного правительства 270
Кассандра — см. Чеботаревская Ал. Н.
КАСТИ (Casti) Джованни Батиста (1721–1803), итальянский писатель 480
КАТАНСКИЙ, знакомый Кузмина 206
КАТУЛЛ Гай Валерий 672
КАТЫШЕВ, видимо, издатель или редактор журнала 545
Катя — см. Мошкова Е. П.
КАЧАЛОВ (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948), актер 275, 596
КАЧЕНОВСКИЕ, знакомые А. М. Девет 351
КАЧЕНОВСКИЙ Александр Львович (1884–?), певец 351
КАШЕВАРОВ, посетитель Н. Д. Кузнецова 268
КАШИН, сослуживец В. Г. Князева 376
Каэль 741, 781, 782
К–в А. — см. Коптяев А.
КВАСИНИН Ал. Иванович, знакомый по Окуловке 115, 120, 129, 130, 132, 134–136, 142, 144, 150, 233, 234, 298
КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО Григорий Федорович (1778–1843), писатель 498, 766
КЕЛДЫШ В. А. 675
КИБИРОВ Т. Ю. 578, 603
Кинсачиха, знакомая по Павловску 15, 547
КИРЕЕВ, посетитель Кузмина 386
Кириллик, гимназист из Летнего сада, случайный знакомый Г. И. Тарасова 354
КИРПИЧЕВ, приятель С. А. Деринга 168
КИРЬЯНОВ, знакомый Ю. И. Юркуна 451, 455
КИСЕЛЕВ Н. 751
КИСЕЛЕВ Н. П. 688
КИСЕЛЕВА М. 764
Клавдюшка, гостья Слезкиных 522
КЛЕВЕР Оскар Юльевич (1887–1975), художник; менее вероятно — его отец, гораздо более известный художник Юлий Юльевич (1850–1924) 401
КЛЕЙСТ Н. П. фон 755
КЛЕМЕНТИ (Clementi) Муцио (1752–1832), пианист, педагог, дирижер и композитор, в 1802–1803 и в 1806 гг. жил в Петербурге 111
КЛЕЦКИЙ, возможно, парикмахер 363
КЛОКАЧЕВА (Клакачева) Елена Никандровна (1871–после 1941), художница 393, 414, 415
КЛЫЧКОВ С. А. 720
К–ль — см. Кугель А. Р.
КЛЮЕВ Николай Алексеевич (1884–1937), поэт 562, 564, 786, 787
КНОРОЗОВСКИЙ И. М. 661
КНЯЖНИН В. Н. — см. Ивойлов В. Н.
КНЯЗЕВ В. В. 751
КНЯЗЕВ Всеволод Гавриилович (1891–1913), поэт, вольноопределяющийся 16-го гусарского Иркутского полка 206–219, 221–224, 228, 231–233, 236, 238, 239, 242, 243, 253, 257, 258, 260–287, 289, 294, 305, 308, 309, 315, 322, 326, 327, 342–346, 348, 353–372, 374–379, 383, 386–388, 402, 418, 429, 455, 486, 506, 573, 670, 677, 699, 727–731, 738
КНЯЗЕВ Гавриил Михайлович (1858–1919), отец В. Г. Князева, литературовед, преподаватель русской литературы и эстетики 217, 275, 277, 364, 365, 367, 554*
КНЯЗЕВ Кирилл Гавриилович, брат В. Г. Князева 367, 368, 513
КНЯЗЕВА (урожд. Шуйская) Мария Петровна (ум. не ранее 1923), мать В. Г. Князева 262, 277–279, 363, 364, 366–368, 402, 731, 738

КНЯЗЕВЫ, семья 258, 326, 343, 363, 371, 376, 457
Князь (1908 г.) — см. Святополк-Мирский Д. П.
Князь (1912 г.) — см. Мещерский Б. А.
Князь, гость Семеновых 509
КОББИНГ 669
КОГАН А. Э. 775
КОГАН Д. З. 731
КОЖЕБАТКИН Александр Мелетьевич (1884–1942), секретарь изд-ва «Мусагет», владелец издательства «Альциона» 236, 245, 276–279, 290, 318, 320–322, 340, 341, 347, 358, 359, 365, 394, 395, 434, 439, 466, 468, 510, 511, 516, 517, 679, 680, 684, 698, 702, 727, 729, 730, 770
КОЗЛИНСКИЙ Владимир Иванович (1891–1967), художник 538, 555, 564
КОЗЛОВ, вероятно, Шурка Козлов, парикмахер, знакомый Кузмина 558
КОЙРАНСКИЙ А. А. 685, 704, 711, 712, 750
КОКОВЦЕВ (Коковцов) Д. И. 777
Кокоша, Коко, Кока — см. Кузнецов Н. В.
Коленьки: Н. С. Позняков и Н. Д. Кузнецов
КОЛЕСНИКОВ Александр (или Алексей) Иванович, знакомый по Окуловке 112, 126, 132
КОЛЕСНИКОВ, гость Нагродских 391, 531
КОЛЕСНИКОВА Агафья, знакомая по Окуловке 114, 133
КОЛЕСНИКОВЫ, семья знакомых по Окуловке 133–137, 141, 145, 149
КОЛОБОВ, знакомый по Окуловке 123, 124, 126
КОЛОБОВА, знакомая по Окуловке 120
КОЛОМИЙЦОВ В. П. 661, 778
КОЛЬЦОВ (Фридлянд) М. Е. 677
Коля, знакомый по Окуловке 294–298
Коля — см. Гумилев Н. С.
Коля — см. Позняков Н. С.
Коля, друг Зайчика 306, 307, 359, 369, 371–373*, 377, 378*, 380*, 383*
Коля, знакомый Ю. И. Юркуна 394, 397–399, 401, 404, 405, 459, 463, 488, 490, 498, 505, 510, 512, 522, 523, 548, 549, 556
Коля, посетитель Судейкиных 384, 385, 499, 540, 544, 546, 547, 550–552, 555
Коля, Коленька — см. Сапунов Н. Н.
Коля Петер — см. Петров Н. В.
КОМАРОВ Александр Николаевич, двоюродный брат А. Н. Толстого 177, 185, 187, 189, 194, 196, 201, 203, 205, 206, 209, 289, 303, 304, 310
КОМАРОВСКИЙ, граф Василий Алексеевич (1880–1914), поэт 313, 333, 360
КОММИССАРЖЕВСКАЯ Вера Федоровна (1864–1910), актриса 175, 619, 634, 635, 646, 647
КОММИССАРЖЕВСКИЙ Федор Федорович (1882–1954), режиссер, педагог, теоретик театра, брат В. Ф. Коммиссаржевской; в 1906–1910 гг. — режиссер ее театра 42, 56, 57, 64, 66, 69, 70, 105, 153, 185, 193, 305, 319, 320, 599, 602, 604, 660, 661, 691, 704, 707
КОНГЕ Александр Александрович (1891–1915), поэт 505, 565, 769, 786
КОНДРАТЬЕВ Александр Алексеевич (1876–1967), прозаик, поэт 226, 228, 502, 648, 688, 768
КОНДРАТЬЕВ В. К. 577
КОНЕЧНЫЙ А. М. 666
КОНРАДИ Павел Павлович (ум. 1916), писатель, журналист театральный рецензент газеты «Новое время» 71, 487, 491
Константин Константинович, вел. кн. (1858–1915), поэт, публиковавшийся под инициалами К. Р. 45, 742
Константин, слуга (банщик?) в Окуловке 64
КОНСТАНТИНОВ Е. Я. 666
КОПТЯЕВ А. П. (А. К–в) 650, 661, 708, 757, 778

КОРДЕ (Корде д'Армон; Corday d'Armont) Шарлотта (1768–1793), французская аристократка, убийца Ж.-П. Марата 276
КОРЕЛЛИ А. 706
КОРЕНЕВА Лидия Михайловна (1885–1982), актриса МХТ 207
КОРЗИНКИНА Т. М. 787
КОРКИНА Е. Б. 781
КОРНГОЛЬД 709
Корней — см. Чуковский К. И.
КОРНЕЛИУС (Cornelius) Петер (1824–1874), немецкий композитор и музыкальный критик 395, 737
КОРНИЦ 669
КОРНФЕЛЬД Михаил Германович (1884–1973), издатель журнала «Сатирикон» 415, 420, 433, 443, 461, 463, 472, 741
КОРНФЕЛЬДЫ: Михаил Германович и его жена 447
КОРОВИН Александр Александрович (1870–1922), владелец мануфактурных магазинов, коллекционер, художник-любитель 68, 96, 98, 101, 266, 274, 316*, 506*, 615
КОРОВИН Константин Алексеевич (1861–1939), художник 257, 316*, 506*, 681, 691
КОРОВИНЫ, семья А. А. Коровина 72, 90, 102, 259, 173, 274
КОРОЛЕВ Д. Г. 659
КОРОНА Александр Акимович (Сандро; ум. 1968), поэт, композитор 477
КОРСАКОВ, Корсач — см. Римский-Корсаков Н. А.
КОРЧАГИН Александр Ильич (род. ок. 1884), банщик, любовник Кузмина в конце 1905–1906 г. 156, 286, 631, 700
КОРЧЕМНИК, гость А. А. Измайлова 562
КОРШ: семья Юлии Михайловны Корш, сестры М. М. Замятниной 8, 20, 299, 351, 356, 361–363
КОСВЕНЫ: М. О. и его жена 642
КОСТАМОВ (чтение предположительно), посетитель В. Ф. Нувеля 38
КОСТРИЦ Борис Михайлович (1874–1942), педагог, гимназический приятель Кузмина 27
КОСТРИЦ, семья: мать Наталья Андреевна, сын Борис Михайлович, дочь Лидия Михайловна 11, 119, 164, 179, 183, 208, 211, 444
Костюшка, Котя, мальчик из Окуловки 141, 294, 296
Костя — см. Шварсалон К. К.
Костя маленький, неустановленное лицо 386, 427*
Костя, предмет ухаживаний Олега (видимо, жандармский офицер в Павловске) 454–458
Костя, неустановленное лицо 466
КОТЕНЕВ, знакомый М. Д. Кузнецовой 452
КОТЛЯРЕВСКИЙ Нестор Александрович (1863–1925), литературовед, академик, заведующий репертуарной частью Императорских театров 264, 659, 687, 694
КОТОВ Тимофей Матвеевич, продавец программок («афишер») из «Палас-Театра» 280–283, 286, 301, 304
КОТРЕЛЕВ Н. В. 575, 696
КОТЫЛЕВ Александр Иванович (1885–1917), журналист 74, 626
КОУТС Альберт (1882–1953), дирижер; англичанин по происхождению, родился и вырос в Петербурге, в 1910–1919 гг. был дирижером Мариинского театра 254
КОУТСЫ, семья А. Коутса 253
КОХАНОВА А. В. 749
КОХАНСКИЙ, знакомый В. Л. Пастухова 402
КОЧУБЕЙ, знакомые Ю. Л. Ракитина 350
КРАВЦОВА И. Г. 695, 727
КРАЙНЕВА Н. И. 695
КРАНДИЕВСКАЯ Н. В. 621
КРАНЦ Давид Маркович (Маркусович), финансовый деятель 173, 231, 240, 253, 259
КРАСНОПЕВЦЕВ, хозяин квартиры, которую снимала семья Кострич 187
КРАСНОПОЛЬСКАЯ — см. Шенфельд Т. Г.
*КРАСНЫЕ: писатель Константин Михайлович Антипов (1882/1883–

1919), писавший под псевд. Красный, и его жена 529
КРАСОВСКАЯ, посетительница С. С. Чахотина 483
КРАУЗЕ, знакомый по Окуловке 86
КРАУТ П. 718
КРАЧКОВСКИЙ Дмитрий Николаевич (1862–не ранее 1934), писатель 436, 501, 502, 524, 542, 569, 679, 768
КРАШЕНИННИКОВ, неустановленное лицо; маловероятно, что имеется в виду писатель Николай Александрович (1876–1941), живший в Москве 388, 407, 408, 743
КРЕЙД (Крейденков) В. Д. 645
КРЕМНЕВ Б. — см. Чулков Г. И.
КРЕЧЕТОВ С. — см. Соколов С. А.
КРИВИЧ (Анненский) Валентин Иннокентьевич (1880–1936), поэт, переводчик, сын И. Ф. Анненского; его жена — Н. В. фон Штейн, сестра С. В. фон Штейна 172, 174, 197, 224*, 232, 64
КРОММЕЛИНК Ф. 725
КРОПИВНИЦКАЯ, знакомая М. Д. и Н. Д. Кузнецовых 246, 269
КРУГЛИКОВ Николай Сергеевич (генерал, général; 1861–1920), инженер путей сообщения, меценат, поэт 177, 184, 187, 381, 384, 394, 418, 425, 430, 435, 440, 558, 654, 751, 785
КРУГЛИКОВА Елизавета Сергеевна (1865–1941), художник-график, профессор Академии художеств, автор силуэтного портрета Кузмина 417, 741, 785
КРУПЕНСКИЙ Александр Дмитриевич (1875–1939), управляющий Конторой императорских театров 214, 215, 290, 659, 721
КРУПП Ф. 596
КРУШИНСКИЙ Виктор Феофилович, скульптор 413
КРЫЖИЦКИЙ К. Я. 707
КРЫЛОВ Иван Андреевич (1769–1844), 242, 666, 667, 682, 683, 685, 686, 713
КРЫЛОВ, художник (вероятно, ошибка хроникера и имеется в виду И. А. Крылов) 676
КРЫМОВ В. П. 768, 778
КРЫМОВ Николай Петрович (1884–1958), художник–пейзажист 326
КРЭГ (Крейг; Craig) Эдвард Гордон (1872–1966), английский режиссер, художник, теоретик театра 319, 712
КРЮЧКОВ К. Ф. 758
КРЮЧКОВ Дмитрий Александрович (1887–1938), поэт, критик, сотрудник «Лукоморья» 554, 777
КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ А. А. 621, 654, 664, 665, 686, 688, 691, 726
КУГЕЛЬ А. Р. (Homo Novus, К-ль) 579, 590, 617, 681
КУДИНОВА 770
КУДРЯВЦЕВ, поклонник Кузмина 183
КУДРЯВЦЕВ Павел, двоюродный племянник Кузмина 71, 73, 74
КУДРЯВЦЕВА Антонина, двоюродная племянница Кузмина 57, 59, 61, 71–74
КУДРЯВЦЕВЫ: семья КУДРЯВЦЕВОЙ (урожд. Кузминой) Екатерины Аполлоновны, тети Кузмина 57, 213, 467, 485
Кузина — см. Анненкова О. Н.
КУЗМИН Алексей Алексеевич (1812–1886), отец М. А. 55
КУЗМИНА Надежда Дмитриевна (1834–1904), мать М. А. 53, 60, 96, 488, 545
КУЗМИНА Варвара Павловна («бабушка») 223
КУЗНЕЦОВ Василий Васильевич (1882–1923), скульптор, муж Л. Д. Бурлюк 30, 91, 772
КУЗНЕЦОВ Николай Васильевич (Кокоша), поэт, беллетрист (печатался в «Лукоморье»), действительный член «Бродячей собаки» 395, 479, 480, 482, 483, 485, 486, 488, 492, 496, 498, 503, 506, 510, 513, 516–518, 520, 522–527, 529, 531, 535, 544, 545, 554–556, 561, 562, 564, 565, 567–569, 708, 751, 763
КУЗНЕЦОВ Николай Дмитриевич (Птифур, Петифур; ум. 1942), актер Дома интермедий 240–246, 249–293, 296, 297, 299, 302, 304,

311, 316, 317, 326, 328, 330–332, 334–337, 339–349, 351, 352, 354–357, 370, 373, 374, 376–378, 380, 382, 383, 392, 393, 396, 400, 405, 424, 445, 466, 486, 573, 683–685, 692, 701, 719, 724
КУЗНЕЦОВ Павел Варфоломеевич (1878–1968), художник 265, 713
КУЗНЕЦОВА И. И. 575
КУЗНЕЦОВА Мария Дмитриевна, сестра Н. Д. Кузнецова 243, 244, 146, 250–252, 255–257, 259–262, 264–266, 268, 269, 271, 274–276, 282, 283, 336, 337, 346, 370, 417, 452, 477*
КУЗНЕЦОВА, мать Н. Д. и М. Д. 252
КУЗНЕЦОВА (Кузнецова-Бенуа) Мария Николаевна (1880–1966), певица (меццо-сопрано), солистка Мариинского театра; выступала также как исполнительница народных танцев 187, 231
КУЗНЕЦОВА О. А. 629
КУЗНЕЦОВЫ (видимо, Н. Д. и М. Д.) 543
КУЗЬМИН Н. В. 751
КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ Дмитрий Владимирович (1886–1959), в 1909 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, затем адвокат, секретарь «Цеха поэтов», первый муж Е. Ю. Скобцовой. В 1920 г. принял католичество; высланный из РСФСР в 1922 г., умер в монастыре в Италии 333, 348, 349, 379*
КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ Константин Константинович (1890–1944?), в 1912–1913 гг. студент юридического факультета Петербургского университета, впоследствии — актер, режиссер (псевд. К. Тверской) 358, 359, 379*
КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (урожд. Пиленко, во втором браке Скобцова) Елизавета Юрьевна (мать Мария; 1891–1945), поэтесса, впоследствии монахиня в миру 313, 709
КУЗЬМИНЫ-КАРАВАЕВЫ Е. Ю. и В. Д. 709
Кузьмич — см. Сологуб Ф. К.
КУИНДЖИ А. И. 707
КУЛЬБИН Николай Иванович (1868–1917), врач Главного штаба и приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии, генерал, художник, близкий к футуристам, искусствовед 358, 379, 381, 388, 391, 431, 447, 457, 497, 503, 511–513, 515, 518, 527, 531, 533, 543, 548, 562, 591, 726, 731, 742, 747, 755, 783
КУЛЬБИНЫ: Николай Иванович и его жена Евдокия Павловна (ум. 1932) 391, 569
КУМПАН К. А. 588
КУПРИН Александр Иванович (1870–1938), писатель 30, 31, 523, 529, 592, 707
КУПРИЯНОВ 666
КУПЧЕНКО В. П. 577, 652, 654
КУРДЮМОВ Всеволод Валерианович (1892–1956), поэт 312, 315, 503, 531–533, 777
КУРСИНСКИЙ Александр Антонович (1873–1919), поэт, переводчик, журналист 450
КУСЕВИЦКИЙ Сергей Александрович (1874–1951), дирижер и контрабасист 254, 265, 307, 705, 746
КУСКОВА Е. Д. 602
КУСТОДИЕВ Б. М. 621
КУШЛИНА О. Б. 759
КШЕСИНСКАЯ Матильда (Мария) Феликсовна (1872–1971), балерина, педагог. В 1890–1917 гг. в Мариинском театре; в начале 1900-х гг. танцевала в балетах, поставленных М. М. Фокиным 259
КЮВИЛЬЕ К. 731
КЮИ Цезарь Антонович (1835–1918), композитор 196, 660

Л. 653, 687, 710
Л. В. — см. Василевский Л. М.
Л. К. 675
Л. Л. 662
Л-р 780
ЛАБИНСКИЙ Андрей Маркович (1871–1941), певец (тенор), в 1897–1911 гг. солист Мариинского театра 184, 277, 653

Лаврентий, знакомый по Окуловке 145
ЛАВРЕНТЬЕВ Андрей Николаевич (1882–1935), актер и режиссер 382
ЛАВРОВ А. В. 588, 606, 607, 629, 636, 640, 645, 672, 692, 728
ЛАВРОВА О. Н. 589
ЛАЗАРЕВ Б. 706
ЛАЗАРЕВСКИЙ Борис Александрович (1871–1936), писатель 191*, 519, 532
ЛАМАНСКИЕ, видимо, семья историка и филолога Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) 211
ЛАНГЭН 669
ЛАННЕР (Lanner) Иозеф Франц Карл (1801–1843), австрийский скрипач, дирижер и композитор 368
ЛАНСЕРЕ Евгений Евгеньевич (1875–1946), художник 222
ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ К. Ю. 654, 697
ЛАРИН О. Я. (Рабинович И. Я.) 741, 744, 745
Ларион, вероятно, швейцар 537
Лариошка (Ларион), мальчик из Окуловки 51
ЛАУДЕНБАК, знакомые по Окуловке 120, 134
ЛАФОРГ (Laforgue) Жюль (1866–1887), французский поэт 336
ЛАЧИНОВ Владимир Павлович (1866?–после 1929), артист 218, 299, 309, 702, 707
ЛЕБЕДЕВА Л. В. 664
ЛЕБЕЛЬ, знакомый С. С. Познякова по Летнему саду 94, 357
ЛЕВБЕРГ М. Е. 777
ЛЕВЕРСТЕН Павел (Паня) Арнольдович (?), судя по содержанию дневника музыкант, музыкальный издатель, возможно — брат сестер Екатерины и Елизаветы Левенстерн, содержательниц музыкальной школы в Петрограде 330, 350, 354
ЛЕВИНСКИЙ И. М. (Гарольд) 656
ЛЕВИНСОН А. Я. 748, 782
Левка, портной из Окуловки 86, 87, 107, 127, 128, 131, 134–140
Левушка — см. Гребенщиков Л. М.
ЛЕГАР (Lehar) Ференц (Франц; 1870–1948), венгерский композитор 40, 599, 607, 613, 712, 714, 715, 740
Легри А. — см. Стембо А. Л.
ЛЕДНИК 709
ЛЕЙКИНД О. Л. 646
ЛЕКМАНОВ О. А. 715
ЛЕКОНТ де ЛИЛЬ (Leconte de Lisle) Ш. 610, 645
ЛЕКОК (Lecoq) Шарль (1832–1918), французский композитор 230, 424, 434, 436, 493, 512, 678, 683, 712, 750, 765, 771
ЛЕМАН Борис Алексеевич (псевд. Б. Дикс; 1880–1945), поэт, критик, оккультист 7, 7–11, 15, 17, 18, 21, 23, 24, 26, 27, 32, 33, 42, 108, 152, 163, 627, 640
Леночка — см. Елена Ивановна
ЛЕНСКИЙ (Штильман) С. Д. 666
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ (Leonardo da Vinci; 1452–1519), итальянский художник 26, 638
Леонид, Ленечка, Леня — см. Каннегисер Л. И.
Леон — см. Старынкевич Л. О.
ЛЕОНТОВИЧ: возможно, Александра Григорьевна, бывшая обитательница квартиры Ю. И. Юркуна 536, 537, 556
ЛЕОНТЬЕВ, посетитель ресторана Лейнера 269
ЛЕПИНЫ, знакомые по Окуловке 75, 77, 95, 97, 110
ЛЕРМА Дора Ефимовна (1892–1977), артистка оперы, в 1913–1918 гг. — в хоре Театра музыкальной драмы 300
ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт 285, 307, 478, 530, 598, 697, 705, 708
ЛЕРМОНТОВ, знакомый С. С. Чахотина 482, 483
ЛЕРНЕР Николай Осипович (1877–1934), историк литературы, пушкинист 362
ЛЕРСКИЙ (Герцак) Иван Владиславович (1873–1927), артист Александринского театра 381

ЛЕСАЖ (Lesage) Ален Рене (1668–1747), французский писатель 490, 493, 534, 764, 781
ЛЕСКОВ Николай Семенович (1831–1895), писатель 49, 50, 64, 75, 76, 88, 125, 163, 183, 232, 250, 409, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 429, 430, 433, 436, 437, 457, 469, 473, 476, 478, 480, 481, 483, 484, 486, 488, 494, 498, 505, 506, 514, 519, 531, 559, 562, 640, 762, 782, 785
ЛЕСОВОЙ В. 665
ЛЕССИНГ Г.-Э. 704
ЛЕШКОВ Павел Иванович (1884–1944), актер Александринского театра, или ЛЕШКОВ (Ляшков) Денис Иванович (1883–1933), театральный критик и историк балета 417
ЛИВАНСКИЙ 666
ЛИВШИЦ Бенедикт Константинович (Бен; 1886–1938), поэт, переводчик 438, 447, 448, 462, 777
ЛИДЕР, посетитель ресторана «Французский» 428
Лидинька, Лидия — см. Иванова Л. В.
Лидочка, Лидка — см. Мошкова Л. П.
Лидочка, посетительница «Бродячей собаки» 381
Лидия Дмитриевна — см. Зиновьева-Аннибал Л. Д.
Лидия, Лидафья, Лидия Степановна — см. Мошкова Л. С.
Лиза, прислуга в Окуловке 97
Лиза, прислуга у Ивановых 159, 160, 163, 167
ЛИКИАРДОПУЛО Михаил Федорович (1883–1925), переводчик, критик, секретарь редакции «Весов» 27, 71, 88, 98, 111, 205–207, 245, 284, 297, 320, 326, 590, 601, 609, 611, 614, 620, 628, 629, 647, 674, 684, 699
ЛИЛИНА М. П. 594
ЛИОТАР (Liotard) Жан Этьен (1702–1789), французский художник 167
ЛИПКОВСКАЯ (Маршнер) Лидия Яковлевна (1882–1958), в 1914–1915 гг. солистка Театра музыкальной драмы в Петрограде (исполняла роль Псиши в одноименной пьесе Ю. Д. Беляева), солистка Мариинского театра 447, 448, 464, 469, 471, 472, 475, 476, 755, 760, 761
ЛИПСКЕРОВ Константин Абрамович (1889–1954), поэт, переводчик 493, 494, 498
ЛИПСКИЕ: семья Адама Иосифовича и Ларисы Ивановны Липских, живших на Таврической ул., 25 73
Липочка (Олимпиада Петровна), знакомая по Окуловке 292, 294–296
ЛИСЕНКО: вероятно, Лисенков Евгений Григорьевич (1885–1954), искусствовед и поэт 569
ЛИСТ (Liszt) Ференц (1811–1886), венгерский композитор 333, 356
ЛИТОВЦЕВ (Поляков-Литовцев) С. Л. 720
ЛИХАЧЕВ Василий Ильич (1876–?), артист театра Незлобина 306
ЛИЧФУСС Виктор (1874–?), французский писатель 207
ЛОБАЧЕВСКИЙ, посетитель Кузмина 384
ЛОДИЙ Зоя Петровна (1886–1957), певица 397, 402, 407, 418, 503, 511, 738, 746, 768, 771
ЛОДИЙ (Лодий-Елисеева) Елена Михайловна («старуха Лодий»), пианистка, мать З. П. Лодий 400
ЛОДЫГИН С., сотрудник «Аргуса», в 1930-е гг. — член редакции журнала «Тридцать дней» 463
ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ Алексей Константинович (1886–1916), поэт 476
ЛОЗИНСКИЙ Михаил Леонидович (1886–1955), поэт, переводчик 251, 257, 283, 359
ЛОЙОЛА (Loyola) Игнатий (Дон Игнасио Лопес де Рекальдо; 1491–1556), основатель ордена иезуитов; канонизирован 31 июля 1622 г. 156, 631
ЛОККЕНБЕРГ Вальтер Адольфович (1875–1921), художник, актер, участвовал в экспериментальных

постановках Вс. Мейерхольда; с 1914 г. работал в Китае; умер в Харбине 19, 23, 28
ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711–1765), ученый и поэт 308, 706
ЛОНГИ (Longhi) Пьетро (1702–1785), итальянский художник 261
ЛОПАТИН Г. А. 667
ЛОПАТИН, гость М. Д. Кузнецовой, пришедший с Тягельским 261
ЛОПАТТО М. О. (М. И.) 777
ЛОПЕ ДЕ ВЕГА — см. Вега Карпьо Л. Ф. де
ЛОССКИЙ Николай Онуфриевич (1870–1965), философ 184
ЛУВЕ ДЕ КУВРЕ (Louvet de Couvray) Жан Батист (1760–1797), французский писатель 547, 783
ЛУГОВОЙ А. (Тихонов Алексей Алексеевич, 1853–1914), писатель 562
ЛУГОВОЙ, юнкер, знакомый К. К. Шварсалона 346, 348
ЛУГОВСКАЯ, неустановленное лицо; возможно, художница Луговская-Дягилева Татьяна Андреевна или же организатор концерта 203, 663
ЛУЖСКИЙ (Калужский) В. В. 594
ЛУИС (Louÿs) Пьер Феликс (1870–1925), французский писатель 325, 713
Лука, посетитель Таврического сада (?) 302, 304
ЛУКИАН (ок. 120–ок. 190), древнегреческий писатель 269
ЛУКНИЦКИЙ П. Н. 576, 671, 697, 705, 733
ЛУКОМСКИЙ Георгий Крескентьевич (1884–1952), художник, историк искусства и архитектуры 189, 190, 196, 204, 211–213, 215, 240, 258, 267, 268, 311, 383, 556, 570, 651
Лукьян, знакомый С. А. Ауслендера по Ярославлю 258
ЛУКЬЯНОВ Мефодий Георгиевич (Миф, Мифик; 1892–1932), натурщик и многолетний сожитель К. А. Сомова, умерший у него на руках в Париже 32, 211*, 265, 273, 300, 305, 310, 312, 314, 373, 406
*ЛУКЬЯНОВ Александр Александрович (1871–1942), поэт 152
ЛУРЬЕ Артур (Артур-Винцент) Сергеевич (1891–1966), композитор, впоследствии также литератор 438, 446, 485, 487, 491, 492, 503, 510, 512, 517, 526–531, 533, 535, 538, 539, 562, 565, 569, 570, 771, 777
ЛУЦЕВИЧ Павел Антонович, действительный член «Бродячей собаки», служил по ведомству Министерства народного просвещения; по предположению Р. Д. Тименчика, погиб на войне 391, 413
ЛУЧИНИН Леонид, автор сборника рассказов и стихов «Настроения» и романа «Нити жемчужные» 18, 478, 522
ЛЬВОВ, князь, гость Н. С. Познякова 256
ЛЬВОВА Надежда Григорьевна (1893–1913), поэтесса 371, 728
ЛЬВОВСКИЙ З. Д. (Зин. Л.) 773
ЛЬДОВ К. (Розенблюм В.-К. Н.) 591
Любик — прозвище В. В. Хлебникова
Любитель — см. Брешко-Брешковский Н. Н.
Людмила — см. Вилькина Л. Н.
ЛЮЛЛИ Ж.-Б. 748
Люся: возможно, Дарская, подруга Л. Я. Липковской 471
ЛЯДОВ Анатолий Константинович (1855–1914), композитор 241, 682, 777
ЛЯРСКИЕ (возможно, то же, что и Вонлярлярские), владельцы имения близ Окуловки 44, 54, 55, 62, 136
ЛЯЦКИЙ Е. А. 721

М. 666, 747
М. Ал., гостья Судейкиных 520
М. Ал. 746
М. В. 754
М. П. 720
М. С. 594

МАВРИН Алексей, художник-график, секретарь С. П. Дягилева 36, 162, 184, 356
МАГУЛА Герасим Афанасьевич (1873–1923), художник-график, заведующий художественным отделом журнала «Лукоморье»; после революции заведовал Феодосийской картинной галереей 501, 521
МАЗОРАКИ: видимо, Дмитрий Викторович Мазаракий, хорист Мариинского театра, с братом 28, 29
МАЗУРКЕВИЧ В. А. 664, 732, 733, 743, 749, 763
МАКЛЕЦОВ Сергей, знакомый Ю. И. Юркуна 526
МАКАРОВ Г. П. 772
МАКАРОВ И. В. 675
Mako — см. Маковский С. К.
МАКОВСКАЯ (урожд. Рындина) Марина Эрастовна (1887–1973), с 1910 г. жена С. К. Маковского (разошлись в 1925 г.), перед тем жена В. Ф. Ходасевича 256, 303, 348
МАКОВСКИЙ Сергей Константинович (Папа, Папаша, Papa, Mako; 1877–1962), поэт, искусствовед; впоследствии редактор журнала «Аполлон» 130, 158, 161, 163, 164, 169, 171–193, 195–197, 202–204, 213, 217–219, 221, 230, 238, 239, 242, 255, 256, 281, 303, 329, 332, 334, 336, 343, 347, 349, 350, 353–355, 357, 359, 360, 362, 363, 379, 476, 477, 480, 509, 616, 629, 632, 637, 638, 643, 645, 647–649, 653, 654, 660, 663, 664, 678, 682, 689, 722, 761
Макс — см. Волошин М. А.
Макс, гость Кузмина, возможно, Максимилиан Воротников, брат А. П. Воротникова 396, 399, 423, 434, 477
Макс, мальчик из Окуловки
Маленький Кузнецов, вероятно, Н. В. Кузнецов
МАЛИНОВСКАЯ, знакомая по Окуловке 294
МАЛИНОВСКИЕ 298
МАЛЛАРМЕ С. 705
МАЛМСТАД (Malmstad) Дж. Э. 580, 583, 588, 609, 627
МАЛЬМГРЕН Е. Ф. 592
МАЛЬЦЕВ (Мальцов), кадет, ученик М. Л. Гофмана 12, 23, 26
МАЛЬЦЕВА, мать предыдущего 26
МАЛЬЦЕВЫ (Мальцовы), семья, в которой М. Л. Гофман был репетитором 13
МАЛЮТИН Сергей Васильевич (1859–1937), художник 81
Мамаша — см. Амбразевич В. К.
МАМОНТОВ С. С. 707
МАНАСЕИНА (Манассеина) Наталья Ивановна (1869–1930), детская писательница, редактор журнала «Тропинка» 26
МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич (Зинаидин жидок; 1891–1938), поэт 110, 223, 270, 271, 283, 307, 316, 432, 438, 443, 476, 485, 487, 491–492, 503, 511, 526, 527, 620, 643, 672, 699, 711, 713, 777
МАНТЕЙФЕЛЬ, герой неизвестной нам истории 36
МАНТУРОВ, неустановленное лицо 314
Маргарита — см. Сабашникова М. В.
Маргарита Эдуардовна, знакомая по Окуловке 235
Маргарита, поклонница Кузмина из Окуловки (возможно, та же, что и предыдущая) 233
МАРГАРИТОВ Николай Васильевич, актер Театра искусств, Литейного театра 33, 73, 203, 380–382, 384, 455
МАРЕНЦИО (Marenzio) Лука (1553/54–1599), итальянский композитор, органист и капельмейстер 153
Марина — см. Маковская М. Э.
МАРИНЕТТИ Ф.-Т. 748
Мария Александровна — см. Венедиктова М. А.
Мария Васильевна — см. Зноско-Боровская М. В.
Мария Дмитриевна — см. Кузнецова М. Д.
Мария Игнатьевна, знакомая по Окуловке, участница любительского спектакля 121

Мария Михайловна — см. Замятнина М. М.
Мария Петровна, посетительница Кузмина, спутница В. А. Наумова 15, 69
Мария Петровна — см. Князева М. П.
Мария Федоровна, императрица-мать 689, 724
Мария Федоровна, знакомая по Окуловке 128, 138, 141
Мария Федоровна (1754–1801), императрица, вторая жена Павла I 384
Марк, рассыльный (?) с билетами 240
Марк, Марко — см. Бялковский М. Н.
Маркелло, моряк, знакомый Г. И. Тарасова 368
МАРКОВ В. Ф. 599, 771
МАРКОВ, корнет полка «синих кирасир» 342, 345, 351, 356
МАРКС (Всеволожская) Лидия Филипповна, редактор журнала «Нива» 370, 474, 728, 758
Мартыновна, неустановленное лицо 347
Маруся, возможно, М. М. Замятнина 194
МАРЦИАЛ (ок. 40 — ок. 104), древнеримский поэт 269
МАРШНЕР — см. Липковская Л. Я.
*МАРШАК Самуил Яковлевич (1887–1964), поэт 205
МАСЛОВ Павел Константинович, знакомый Кузмина с июня 1906 г., адресат посвящения цикла «Любовь этого лета» 31, 36, 49, 127, 152, 304, 364, 411
МАССНЕ (Massenet) Жюль (1842–1912), французский композитор 47, 53, 87, 161, 165, 170, 193, 203, 210, 462, 601, 638, 644, 658, 663, 670, 725
МАТВЕЕВ А. Ф. 713
МАТВЕЕВ Гр. 773
Матвей, крестьянин из Раменья 79
Матвей (Матвий), Матвей Иванович — см. Семенов М. И.
Матильда Эдуардовна — см. Ветвеницкая М. Э.
МАТИ-ФОЗО 699
Матреша, прислуга у Ивановых 202
МАХРОВ К. В. 646
МАЧИНСКИЕ, посетители Н. С. Кругликова 430
Маша, прислуга у Глаголиных 306
Маша, прислуга у Ивановых 716
МАШКОВЫ (Мошковы?), девочки, посетительницы Зноско-Боровских (не исключено, что речь идет о племянницах Кузмина) 388
МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович (1893–1930), поэт 517, 543, 548*, 551, 553, 774, 775, 783
МГЕБРОВ Александр Авельевич (1884–1966), актер, исполнитель роли Звездочета в драме А. А. Блока «Незнакомка» в постановке Студии В. Э. Мейерхольда в 1914 г. 226, 358, 382, 556, 562, 563, 646
МЕДВЕДЕВ Дмитрий Павлович, сосед Ю. И. Юркуна по «Селект-Отелю» 400, 401, 403–408, 427, 467
МЕДВЕДСКИЙ, любовник Г. В. Адамовича 516, 517, 522
МЕДЕМ А. Д. 709
Медик — см. Новиков
МЕЙЕНДОРФ, барон; возможно, камергер Петр Феликсович или член Думы Александр Феликсович (1868–1964) 188, 392
Мейер — см. Мейерхольд В. Э.
МЕЙЕРБЕР (Meyerbeer) Джакомо (1791–1864), композитор, работавший в Германии, Италии, Франции 259, 692
МЕЙЕР-ФЕРСТЕР В. 738
МЕЙЕРХОЛЬД Всеволод Эмильевич (Доктор Дапертутто; 1874–1940), актер и режиссер 13, 15, 34, 37, 72, 91, 102, 103, 105, 110, 158, 169, 172, 174, 175, 177, 185, 189, 193–197, 201, 203, 205*, 207, 212, 213, 230, 231, 235–237, 239–242, 244, 246, 250, 252, 254, 256, 259, 263, 265, 267, 270, 272, 275–277, 280, 282, 283, 285–287, 289, 300–303, 306, 310, 312, 345, 352, 358, 366, 433, 439, 444, 475, 476, 489, 509, 516, 517, 523, 542, 562, 577, 581, 598, 611, 612, 617, 632,

634, 639, 650, 652, 653, 659–663, 665, 670, 672, 675–677, 682–686, 688, 691, 692, 695, 697, 700, 705, 711, 720, 725, 748, 753–755, 761, 773, 776, 783
МЕЙЕРХОЛЬД (урожд. Мунт) Ольга Михайловна (1874–1940), актриса, первая жена В. Э. Мейерхольда 15, 105, 194, 198, 206, 230, 289, 386, 581, 624, 634, 639, 684
МЕЛИН Лев Федорович, букинист, коллекционер 528
МЕЛЬГЕНГАУЭР 669
МЕЛЬНИКОВ Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский, 1818–1883), писатель 79, 110, 135, 623, 669
МЕЛЬНИКОВ П. И. 675
МЕЛЬНИКОВ, знакомый Кузмина 516
МЕЛЬНИЦКАЯ, мать Е. К. Валерской 306, 307, 355
МЕЛЬНИЦКИЙ Владимир Константинович (ум. не ранее 1935), брат Е. К. Валерской 102, 281–283, 526, 616
МЕНДЕЛЬСОН (Мендельсон-Бартольди, Mendelssohn-Bartholdy) Якоб Людвиг Феликс (1809–1847), немецкий композитор 95
МЕНДЕС (Mendes) Катюль (1841–1909), французский писатель 375
МЕНТОВ, знакомый Нагродских 405
МЕРЕЖКОВСКИЕ: Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус 61, 82, 93, 102, 103, 174, 175, 206, 530, 602–604, 647
МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (1865–1941), писатель 50, 181, 602, 618, 644, 651–653, 678, 714
МЕРЛИНЫ, знакомые по Окуловке 125
МЕСТР Ж. де 631
Мета, Метя, прислуга Ивановых («клюпая Мета») 309, 310, 347, 722
МЕТЕРЛИНК (Maeterlinck) Морис (1852–1949), бельгийский писатель 162, 163, 569, 640, 642, 722, 787
МЕТНЕР Н. К. 709
МЕТЦЕНГЕР Ж. 669
Мефодий, крестьянин из Окуловки 120
МЕЦ А. Г. 620
МЕШИНГ (Mesching) Эдгар, переводчик прозы Кузмина на немецкий язык 20, 28, 31, 308, 391, 392, 433, 438, 736
МЕЩЕРСКИЙ Борис Алексеевич, князь (1889–1957), художник 28, 30, 377, 380–386, 388, 391
МЕЮЛЬ (Mehul) Этьенн Никола (1763–1817), французский композитор 226, 675
МИКЛАШЕВСКИЙ Константин Михайлович (1886–1944), режиссер театра Музыкальной драмы, историк театра, автор книги о commedia dell'arte 275, 391, 393, 401, 441, 488, 515, 736
МИКЛАШЕВСКИЙ, младший брат предыдущего (возможно, Михаил Михайлович, виолончелист) 381
МИЛЕЕВ, посетитель Я. И. Израилевича и Кузмина 407, 427, 437, 569
МИЛИОТИ Василий Дмитриевич (1875–1943), художник, редактор художественного отдела журнала «Золотое руно» 8, 53, 319*
МИЛИОТИ Николай Дмитриевич (1874–1962), художник 219, 223–227, 229, 243, 319*
МИЛЛЕР Сергей Владимирович, офицер гусарского полка; вышел в отставку, во время первой мировой войны поступил в ополчение, пропал без вести 309, 313–322, 325–346, 348, 353, 360–365, 368, 370–373, 375, 377–388, 393, 394, 470, 471, 559, 560, 573, 713, 716, 729
МИНКУС Л. Ф. 747
МИНСКИЙ (Виленкин) Николай Максимович (1855–1937), поэт, прозаик, драматург, публицист 441, 752
МИНЦ З. Г. 603
МИНЦЛОВА Анна Рудольфовна (1865–1910?), переводчица, теософка 7, 9–21, 23–27, 32, 91, 102, 151, 153, 154, 189, 192, 217, 219,

220, 578, 580–584, 587, 590, 594, 597, 602, 624, 630, 637, 670, 672
МИРБО О. 780
МИРОНОВ, знакомый по Окуловке 111, 112, 124
МИРОПОЛЬСКИЙ А. Л. (Ланг А. А.) 600
МИРСКИЙ — см. Святополк-Мирский Д. П.
МИРСКИЙ Борис (Миркин-Гецевич Борис Сергеевич; 1892–1955), журналист, сотрудник ряда сатирических изданий 491
МИРЭ (Моисеева А. М.) 635
Митенька, неустановленное лицо 535, 537, 557
МИТКЕВИЧ, знакомая Нагродских 457, 477
МИТРОХИН Дмитрий Исидорович (1883–1973), художник-график 168, 482, 495
Митя — см. Солюс
Мифик — см. Лукьянов М. Г.
Михаил Алексеевич — см. Суворин М. А.
Михаил Михайлович — см. Бонч-Томашевский М. М.
Михаил Яковлевич — см. Ауслендер М. Я.
Михаил, неустановленное лицо из окружения А. В. Руманова 356, 357
Михайла, банщик с 9-й линии Васильевского Острова 241
Михайла, банщик из Казачьего переулка 287
МИХАЙЛОВ Ал. 747, 749, 753
МИХАЙЛОВ Николай Николаевич («прометейщик»; 1884–1940), владелец издательства «Прометей» 464, 502, 504, 559
МИХАЙЛОВА М. В. 672
МИХАЙЛОВА, знакомая по Окуловке 95
МИХЕЛЬСОН Бруно Иванович, литератор, эпигон Кузмина 176, 264, 648
Мишка, курьер (артельщик?) редакции «Аполлона» 332, 342, 345, 353–355, 372
МИШЛИ О. 655
МОВИЧ Л. (Маркович Л. З.) 612, 625
МОВШЕНСОН А. Г. 576
МОГТОН, композитор 313, 710
Модест — см. Гофман М. Л.
МОЗАЛЕВСКАЯ М. И., жена В. И. Мозалевского 385
МОЗАЛЕВСКИЙ Виктор Иванович (1889–1970), писатель 385, 435, 530*, 561*, 749, 752
МОЗАЛЕВСКИЙ Иван Иванович (1890–1975), художник, постоянный сотрудник журнала «Лукоморье» 530*, 551, 561*
МОЗЖУХИН И. И. 772, 785
МОК-БИКЕР Э. 655
МОЛЬЕР (Molière) (Жан Батист Поклен; 1622–1673) 155, 156, 259, 260, 265, 284, 306, 490, 517, 584, 692, 699, 708, 710, 711, 774
МОНЕС 155
Моня — см. Бамдас М. М.
МОПАССАН (Maupassant) Ги де (1850–1893), французский писатель 375, 730
МОРАВСКАЯ Мария (Магдалина-Франческа) Людвиговна (1889–1947), поэтесса 338, 418, 474, 549, 698, 713
МОРДКИН М. М. 745
МОРЕВ Г. А. 576, 577, 722, 765, 771, 785
МОРЕЛЬ (МОРЕЛЬ-ТОРНЕУС) Варвара Михайловна, танцовщица «Старинного театра» 312
МОРИ Джузеппе, певец 570, 592
МОРИЧ, таксатор 51, 52, 58
МОРОЗОВ А. А. 620
МОРОЗОВ Н. А. 589
МОРОЗОВА О. Г. 668
МОРОЗОВА, знакомая Зноско-Боровских 239
МОРФЕССИ Ю. С. 772
МОСОЛИНИ — см. Мосолов Б. С.
МОСОЛОВ Борис Сергеевич (Мосолини; 1888–1941), литератор и режиссер 22, 23, 25, 28, 178, 179, 181–184, 186, 209, 218, 246, 251, 257, 259, 282, 283, 287, 318, 352, 354, 358, 445, 446, 455, 456, 459, 464, 474, 476, 481, 487–489, 491–493, 497–500, 512–514, 517, 519,

521, 524–529, 531, 539, 542, 547, 548, 551, 700, 716
МОСОЛОВЫ 25, 93
МОТЛЬ Ф. 692
МОЦАРТ (Mozart) Вольфганг Амадей (1759–1791) 12, 13, 38, 58, 113, 152–157, 161, 258, 287, 288, 348, 368, 531, 535, 580, 581, 598, 604, 620, 631, 632, 634, 637, 644, 692, 728
МОЧУЛЬСКИЙ Константин Васильевич (1892–1948), литературовед 482
МОШЕВА, посетительница Ю. Л. Ракитина 310
МОШКОВ Борис Прокопьевич (Боба, Бобка; 1903–1968), племянник Кузмина 48, 51, 54, 57, 59–62, 66, 81, 85, 86, 119, 126–128, 131, 132, 141, 235, 297, 298, 341, 354
МОШКОВ Прокопий (Кузмин пишет «Прокофий») Степанович («зять»; 1865–1938), ученый лесовод, служащий на бумажной фабрике в Окуловке, муж сестры Кузмина 16, 33–35, 42–46, 49–52, 55, 57, 58, 61–67, 73–77, 79–82, 84, 86, 87, 93–97, 109–113, 115, 116, 118–125, 127–131, 133–135, 138–142, 144–145, 147, 149, 150, 152, 164, 176, 210, 233, 235, 264, 270, 291, 292, 295–298, 302, 315, 320, 327, 341, 350, 383, 423, 444, 624
МОШКОВ, врач, знакомый по Окуловке; однофамилец предыдущего 135, 136, 147
МОШКОВА Варвара Алексеевна (Варя, сестра; 1857–1922), старшая сестра Кузмина 16, 23, 27, 44, 46, 47, 49–53, 55–68, 74–76, 78–82, 84–90, 94, 95, 97, 110–116, 118, 119, 125, 126, 129–134, 137, 140, 142, 144–150, 173, 204*, 233–237, 270, 290–292, 294–296, 299, 302, 341, 350, 364, 373*, 380, 383, 384, 387, 388, 399*, 411, 423, 442, 443, 467, 481, 493, 504, 594, 609, 627, 760
МОШКОВА (в замуж. Мухортова) Варвара Прокопьевна (Варя, Варя маленькая; 1894–1979), племянница Кузмина 13, 27, 46, 51, 55, 66, 75, 118, 119, 121–123, 125–133, 135, 137, 140–150, 160, 234, 290, 291, 294, 295, 297, 298, 373*, 388, 425, 623
МОШКОВА (в замуж. Калабина) Екатерина Прокопьевна (1896–1974), племянница Кузмина 13, 27, 49, 50, 55, 57, 59, 65, 66, 114, 119, 127, 129, 134, 135, 143, 145–147, 297, 388, 481
МОШКОВА (в замуж. Тезейкина) Лидия Прокопьевна (Лида, Лидочка, Лидка, 1900–?), племянница Кузмина 51, 54, 57, 58, 60, 62, 65, 76, 86, 97, 110, 112, 114, 118, 121, 125, 129, 131, 132, 134, 137, 140, 145, 147, 233, 235, 297, 388
МОШКОВА Лидия Степановна (Лида большая, Лидафья; ум. в 1940-х), сестра П. С. Мошкова 49, 51, 52, 55–58, 116, 118, 119, 121, 130, 216, 251
МОШКОВЫ (наши, девочки), семейство или дети П. С. и В. А. Мошковых 405, 434, 735
Мунт — см. Мейерхольд О. М.
*МУРАШКО Александр Александрович (1875–1919), художник 520
МУСАТОВ — см. Борисов-Мусатов В. Э.
МУСОРГСКИЙ Модест Петрович (1839–1881), композитор 231, 237, 251, 454, 675, 678, 681, 689, 757, 779
МУХАНУРА 669, 675
МЫЛЬНИКОВА В. 677
Мышелов, прозвище неизвестного человека 529
МЮНТЦ (Müntz) Эжен, французский искусствовед, автор трехтомного труда «История искусства Ренессанса» (Париж, 1889–1895) 229
МЮССЕ (Musset) Альфред де (1810–1857), французский поэт и прозаик 12, 157, 186, 631, 653
МЯСОЕДОВА (в замуж. Барбарова) Елена Николаевна, приятельница юности Кузмина, певица 127

МЯСОЕДОВЫ, семья Е. Н. Мясоедовой 459

Н. 679
Н. Б.-Б. — см. Брешко-Брешковский Н. Н.
Н. Г. 773
Н. О. — см. Огнев Н. В.
НАБОКОВ В. Д. 654
НАБОКОВ, посетитель А. Н. Бенуа 69
НАВАШИН Д. С. 702
НАГРОДСКАЯ (урожд. Головачева) Евдокия Аполлоновна (Дунечка, сестрица, Eudoxie; 1866–1930), писательница 223, 382–388, 391–420, 424, 426–444, 446–471, 473–487, 489, 490, 492, 495, 496, 498–500, 502, 509–513, 516, 549, 550, 552, 559, 564, 565, 568, 569, 573, 672, 733–736, 739, 742, 743, 747, 751, 753, 759, 761, 762
НАГРОДСКИЙ Владимир Адольфович (1872–не ранее 1935; по предположению Г. А. Морева — 1950-е гг.), инженер путей сообщения, председатель правления Общества Олонецкой жел. дор., директор правления Токмакской жел. дор., муж Е. А. Нагродской 391–393, 403, 408, 415, 417, 419, 425, 427, 428, 435, 436, 439, 449, 451, 453, 454, 460, 461, 465, 467, 469, 470, 472–474, 476, 478, 479, 483–485, 486, 512, 529, 550, 562
НАГРОДСКИЕ Е. А. и В. А. 565, 736
Надежда Дмитриевна — см. Чичерина Н. Д.
Надежда Александровна, Надя, Надина, Наденька — см. Зноско-Боровская-Ауслендер Н. А.
Надежда Людвиговна — см. Гофман Н. Л.
Надежда Семеновна, знакомая Ю. И. Юркуна 513
НАДЕЖДИН Александр Александрович, актер Александринского театра в Петербурге и Свободного театра в Москве — или НАДЕЖДИН (Осипов) Сергей Михайлович, актер Александринского театра, преподаватель Театральной школы Литературно-художественного о-ва им. А. С. Суворина 384
НАДСОН С. Я. 707
НАЗАРБЕК (урожд. Назарбекян, впосл. Санникова) Елена (Белла) Аветовна (принцесса; 1893–1941), актриса 358, 359, 726
НАПРАВНИК Эдуард Францевич (1839–1916), дирижер и композитор; с 1863 г. до конца жизни служил в Мариинском театре 196, 666, 674
НАРБЕКОВА О. П. 635
НАРБУТ Егор (Георгий) Иванович (1886–1920), художник-график, брат В. И. Нарбута; оформлял журнал «Лукоморье» 270*, 349*, 380, 482
НАРБУТ Владимир Иванович (1888–1938), поэт 270*, 349*
НАРОКОВ (Якубов) М. С. 635
НАРЫШКИН, возможно, муж тетки Г. В. Чичерина 94
Настасья, знакомая по Окуловке, участница любительских спектаклей 121, 123, 124, 131, 135
Настя, подруга Н. А. Тамамшевой (вероятно, актриса) 26, 34, 104, 112, 346, 441
Настья — см. Чеботаревская Ан. Н.
Ната, корреспондентка С. С. Познякова 91
Наталья Александровна, Наташа — см. Шотц Н. А.
НАУМОВ Виктор Андреевич (ангел, наш ангел), знакомый Кузмина, юнкер Николаевского инженерного училища, затем подпоручик 18 саперного батальона 7–30, 32, 35, 37, 41, 44–48, 52, 53, 55, 61, 66, 68–71, 74, 76, 78, 83, 127, 156, 157, 159, 162, 164, 165, 205, 211, 212, 221, 222, 227, 228, 285, 305, 307, 309, 311, 374, 486, 489, 527, 558, 574, 578–580, 585, 590, 598, 603, 605, 700, 702, 778
НАУМОВА Ольга Александровна, мать В. А. Наумова 8, 17–20, 22, 27, 28, 578

НАУМОВЫ, семья В. А. Наумова 40
НЕБОЛЬСИНА (правильно Неболсина) Мария Владимировна, жена тайного советника, чиновника особых поручений при Министерстве торговли и промышленности, редактора журнала «Техническое и коммерческое образование» А. Г. Неболсина, знакомая Нагродских, устроительница благотворительного концерта 403, 427, 429, 442, 477, 747
НЕВЕДОМСКИЙ (наст. фам. Миклашевский) Михаил Петрович (1866–1943), экономист, критик, публицист 21, 540, 587, 618, 782
НЕВЕЖИН П. М. 774
НЕВОЛИН Борис Семенович, театральный режиссер 411, 420, 467, 476, 517, 556, 619, 740
НЕДБАЛ О. 781
НЕДОБРОВО Любовь Александровна (урожд. Ольхина; 1875?–1924), жена Н. В. Недоброво, дочь поэта А. А. Ольхина 352, 357, 364
НЕДОБРОВО Николай Владимирович (Litotes; 1882–1919), поэт, критик, стиховед 277, 312, 695, 705, 715, 717, 720
НЕЗЛОБИН (Алябьев) Константин Николаевич (1857–1930), антрепренер, артист, режиссер. Был директором (совм. с А. К. Рейнеке) Русского драматического (бывш. Панаевского) театра 495, 766
НЕКРАСОВ Константин Федорович (1873–1940), издатель, племянник Н. А. Некрасова 345, 522, 698, 722, 776
НЕЛИДОВА, спутница Ю. Л. Ракитина; вероятно, актриса Елизавета Алексеевна (в замуж. Хенкина; 1881–1963) 428
НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Вл. И. 691
НЕРАДОВСКИЙ 746
НЕРАДОВСКИЙ С. (вероятно, опечатка и должно читаться П. И.) 772
НЕРОН 702
Неся, официантка (?) 522
Нестор — см. Котляревский Н. А.
НЕУВАЛЬД (НЕВАЛЬД?), посетитель «Бродячей собаки» и гость Нагродских 457, 458
НЕФЕДЬЕВ Г. В. 579
НЕЧАЕВ, гость Кузмина 167, 171, 264
НЕЧАЕВА, знакомая Кузмина 567
НЕЧАЕВЫ, посетители вечера у Мосоловых 25
НИЖЕРИ, посетитель(ница?) «Бродячей собаки» 437
НИЖИНСКИЙ В. Ф. 647
Никита, знакомый по Окуловке 51
НИКИТИНА, НИКИТИНЫ (в том числе Виктор), знакомые по Окуловке 44, 52, 90, 124, 126, 129
Никола — см. Чичерин Н. В.
НИКОЛАЕВ Л. В. 709
НИКОЛАЕВ, знакомый по Окуловке 125, 147
Николай, банщик с Гагаринской ул. 269
Николай — см. Гумилев Н. С.
Николай Адрианович, гость Н. Д. Кузнецова 335, 337
Николай Александрович (или Алексеевич) — см. Карпов Н. А.
Николай Васильевич — см. Чичерин Н. В.
Николай Дмитриевич — см. Кузнецов Н. Д.
НИКОЛАЙ II (1868–1918), император 333, 557, 689, 770, 785
Николай, крестьянин (?) из Перотенки 81, 291
Николай Иванович, знакомый по Окуловке 75
Николай Николаевич, вероятно, Коровин Н. Н.
Николай Павлович — см. Рябушинский Н. П.
Николай Петрович — см. Феофилактов Н. П.
Николай Степанович — см. Гумилев Н. С.
Николай Степанович — см. Позняков Н. С.
НИКОЛЬСКИЙ Б. В. 768
Никс — см. Бальмонт Н. К.
НИКУЛИН (Ольконицкий) Лев Вениаминович (1891–1967), писатель 496, 751, 763

НИЛЕНДЕР Владимир Оттонович (1883–1965), историк античности, переводчик 342, 343, 721, 724
Нимфа — см. Городецкая А. А.
Нина — см. Петровская Н. И.
Нина, знакомая по Окуловке 297
Ниса, прислуга у Ивановых 162, 202, 639
НОВАЛИС (Novalis; Гарденберг Фридрих фон; 1772–1801), немецкий писатель 155, 630, 636, 638, 654
НОВИКОВ И. А. 688
НОВИКОВ, «провожатый от медичек» 22, 33
НОВИЦКИЙ Григорий Петрович (1885–не ранее 1950), поэт, критик 30, 31, 69, 592, 609
НОВОДВОРСКИЙ, посетитель З. А. Венгеровой 42
НОСОВ Василий Васильевич (ум. 1939), фабрикант, муж Е. П. Носовой 321
НОСОВА (урожд. Рябушинская) Евфимия Павловна (1883, по данным надгробия 1886–1976), сестра Н. П. Рябушинского, меценатка 245, 322, 406, 685, 713, 731, 746
НОСОВЫ: Е. П. Носова и В. В. Носов 322, 325, 326
НУВЕЛЬ Вальтер Федорович (Валечка, Renouveau; 1871–1949), чиновник особых поручений канцелярии Министерства императорского двора, любитель музыки, композитор-дилетант, один из организаторов «Вечеров современной музыки», биограф С. П. Дягилева 7, 9, 10, 13, 14, 18, 24, 25, 27, 33–35, 38, 41–43, 48, 52, 61, 67–71, 73, 74, 82, 83, 85–87, 90–94, 98, 101–103, 105–107, 109, 113, 114, 151, 156–163, 166–168, 170–175, 180, 186, 193, 202, 203, 205, 207, 209, 211–214, 216–218, 221–223, 228, 229, 231, 238–243, 249, 250, 251, 253, 255, 256, 261–267, 269–271, 273–277, 290, 292, 299–318, 322, 326, 327, 329–331, 334–337, 342–344, 348–350, 352, 353, 356, 359–363, 372–374, 378, 383, 386, 400, 427, 429, 431, 435–437, 442–445, 466, 499, 536, 538, 543, 588, 590, 595, 602, 605, 606, 610, 611, 615–618, 620, 621, 632, 634–641, 644, 653, 663, 704, 710, 761
НУВЕЛЬ, брат Вальтера Федоровича (ум. 1912; возможно, Нувель-Норди Ричард Федорович) 329
НУГЕС Ж. 724
НУРОК Альфред Павлович (А. Н.; 1860–1919), один из организаторов «Вечеров современной музыки», сотрудник журнала «Мир искусства» (писал под псевд. Силен); по службе — ревизор Государственного контроля по Департаменту армии и флота 69, 90, 91, 156, 161, 165, 194, 211, 228, 230, 238, 316, 360, 445, 511, 546, 650, 653, 665
Нюша, прислуга Кузмина 494, 496, 565, 787

О. К. 661
О. Л. 714
О-ч 742
ОБАТНИН Г. В. 652, 695, 714
ОБАТНИНА Е. Р. 591, 692
ОВИДИЙ Публий Назон (43 до Р. Х.–ок. 18 н. э.), древнеримский поэт 22, 694
ОГАРКОВ, приятель С. С. Познякова 92
ОГЛОБЛИН, знакомый Т. Г. Шенфельд 528
ОГНЕВ Н. В. (Н. О.) 618
ОДИНЦОВА 589
ОДРАН (Audran) Эдмон (1842–1901), французский композитор 45, 54, 60, 600
ОЖАР (фамилия не дописана), неустановленное лицо 329
ОЗАРОВСКИЙ Юрий (Георгий) Эрастович (1869–1924), актер и режиссер Александринского театра, в 1915 г. оставил сцену; в эмиграции в Париже открыл театральную школу 236, 240, 374, 501, 550, 551, 658, 681, 774, 775, 782, 784

ОКСЕНОВ И. А. 673
ОКУЛОВ Н. Н. (Н. Тамарин) 678, 680
*ОКУНЕВ (Окунь) Яков Маркович (1882–1932), писатель 443
О. Л. д'ОР (Оршер И. Л.) 589, 651
Олег, возможно, Бродинский (погиб на фронте в авг. 1915 г.), знакомый Е. А. Нагродской и Кузмина; вероятно, литератор; исполнял также секретарские или стенографистские обязанности 428, 444, 446 («Писарь»), 447–462, 464–468, 470, 472 («...и его мать»), 473, 476, 477 («...и мать»), 478, 485, 516, 550, 554
Оленька, Олет — см. Глебова-Судейкина О. А.
Олимпиада Петровна (Липочка), знакомая по Окуловке 292, 294–296
Ольга Александровна — см. Наумова О. А.
Ольга Михайловна — см. Мунт О. М.
Ольга Николаевна — см. Анненкова О. Н.
Оля — см. Ревицер О.
ОНЕГИН — см. Азов В. А.
Оня — см. Оона А. И.
ООНА (Кузмин пишет также Оня, Она) Августин Иванович, служащий на фабрике в Окуловке, которому Кузмин давал уроки музыки 116, 117, 123–126, 128, 130, 131, 134, 145, 574, 622, 623
ОПОЧИНИН Владимир Петрович (1878–не ранее 1939), поэт, печатался в журнале «Лукоморье» 560, 566
ОППЕЛЬ 589
ОРЕВЕС (чтение предположительно) 211
Орест, знакомый Ю. И. Юркуна 407, 408, 443, 489
ОРЛОВ, граф; вероятно, Григорий Григорьевич (1734–1783), фаворит Екатерины II, или его брат Алексей Григорьевич (1737–1807/1808) 385
ОРЛОВА, графиня, к которой ездил на поклон И. фон Гюнтер 384
ОРЛОВА О. П. 630
ОРЛОВЫ-ДЕНИСОВЫ, графы 710
Осип, слуга в гостинице 102, 109
ОСИПОВ И. 662, 695
Оссиан — см. Мазуркевич В. А.
ОСТРОВСКИЙ Александр Николаевич (1823–1886), драматург 95, 122–124, 128, 141, 142, 163, 164, 614, 623, 624, 627, 640, 642, 643, 645, 668, 693, 704, 705
ОСТРОУМОВА-ЛЕБЕДЕВА А. П. 764
ОТТ, молодожены 187
ОФФЕНБАХ (Offenbach) Жак (1819–1880), композитор 388, 518, 548, 639, 676, 700, 735, 775, 781

П. 593
П. 707
П-в Н. 782
Павел Александрович — см. Берг П. А.
Павел Антонович, посетитель «Бродячей собаки» 381, 382
Павел, банщик с Бассейной ул., затем служил в парикмахерской близ «Бродячей собаки» 431
Павел, швейцар дома на Таврической ул., где помещалась «башня» Вяч. Иванова 64, 70, 78, 171, 195, 258, 313, 338, 365, 367, 369, 716
Павел, Павлушка (возможно, Павел Кудрявцев), знакомый Кузмина по Окуловке 124
Павел, посетитель Нагродских в Павловске 455, 484
Павлик — см. Маслов П. К.
Павла Афанасьевна, мать М. М. Замятниной 157, 167
ПАВЛОВ А., конторщик с бумажной фабрики в Окуловке 135, 138, 626
ПАВЛОВА А. П. 640
ПАВЛОВА М. М. 724
Павлушка, возможно, стенограф или переписчик Кузмина; не исключено отождествление с Павлом Харламовым 351, 377
ПАЛЕСТРИНА (Palestrina) Джованни Пьерлуиджи да (ок. 1525–1594), итальянский композитор 153
Паллада — см. Богданова-Бельская П. О.
ПАЛЬМСКИЙ (Балбашевский) Леонард Леонардович (1872–1934),

драматург, директор театра «Буфф» 91, 92, 94, 737
ПАНОВЫ, знакомые Кузмина 13
ПАНТЕЛЯ (ПАНТЕЛИ?), неизвестные лица 407
ПАНФИЛОВ Н. Н. 754
Паня — см. Леверстен П. А.
Папа, Папаша — см. Маковский С. К.
ПАРЕС (Pares; у Кузмина: Pears) Бернард (1867–1949), английский славист 40
ПАРЛАНД А. А. 675
ПАРНИС А. Е. 576, 644, 646, 697, 713, 715, 723, 731, 732, 734–736, 738, 739, 741, 742, 747–751, 753–755, 765, 766, 768–774
ПАРХОМЕНКО Иван Кириллович (1870–1940), художник 284
ПАССЕК Евгений Вячеславович (1860–1912), ректор Юрьевского университета 19
ПАСТЕРНАК Б. Л. 781
ПАСТУХОВ Всеволод Леонидович (1894–1967), пианист, поэт 299, 400, 402, 406–408, 410, 435, 443, 444, 448, 482, 517, 534, 564
ПАТТИ, вероятно, прозвище неизвестного лица 511
Паша, муж Лизы, прислуги Ивановых 159, 160
ПЕПЕНИН Михаил Васильевич, начинающий писатель 328, 713
*ПЕРГАМЕНТ Виктор Павлович, в 1910-е гг. преподаватель Василеостровской музыкальной школы 567
*ПЕРЕТЦ Владимир Николаевич (1870–1935), литературовед, профессор университета Св. Владимира, с 1914 г. академик 202
Петер Коля — см. Петров Н. В.
Петр I 629, 687
Петр Ильич, неустановленное лицо 68
Петр Петрович — см. Потемкин П. П.
Петр, возможно, служащий (артельщик?) «Аполлона» 311
ПЕТРАШКЕВИЧ Н. А. 713
ПЕТРЕНКО (Миротворцева) Елизавета Федоровна (1880–1951), артистка Мариинского театра 444, 446, 531, 589
ПЕТРОВ А. А. 698
ПЕТРОВ Г. С. 608
*ПЕТРОВ Василий Васильевич, статский советник, врач Павловского военного училища 363
ПЕТРОВ Николай Васильевич (Коля Петер; 1890–1964), помощник режиссера императорского Русского драматического театра, впоследствии организовал собственный театр 393, 400, 686, 774
ПЕТРОВ-ВОДКИН Кузьма Сергеевич (1878–1939), художник 190, 226, 653
ПЕТРОВСКАЯ Нина Ивановна (1879–1928), писательница 24, 26, 164, 588, 589, 592, 593, 599, 602, 621, 688
ПЕТРОВСКАЯ И. Ф. 610
*ПЕТРОВСКИЙ Андрей Павлович, актер театра Коммиссаржевской и Александринского театра 491
ПЕТРОНИЙ Гай Арбитр 702
ПЕЧЕРСКИЙ А. — см. Мельников П. И.
*ПИГУЛЕВСКИЙ Василий Фавстович, протоиерей, законоучитель в балетном отделении Петербургского Театрального училища 491
Пизистрат — см. Позняков Н. С.
ПИЛЬСКИЙ Петр Моисеевич (1876–1942), журналист, критик 13, 61, 68, 102
Пим, Пимочка, прозвище С. Ю. Судейкина
ПИОНТКОВСКИЙ В. И. 740
ПИОТРОВСКИЙ, знакомый Кузмина и А. В. Руманова 352
Писарь — см. Олег
ПИСЕМСКИЙ Алексей Феофилактович (1821–1881), писатель 236, 680
ПЛАКСИН, знакомый Гумилевых (чтение предположительно) 158
ПЛАНКЕТТ (Planquett) Робер (1848–1903), французский композитор 63, 605
ПЛАТЕН (Platen) Август фон (1796–1935), немецкий поэт 395
ПЛАТОН (428 или 427–348 или 347 до Р. Х.), древнегреческий философ 406, 762

ПЛЕВЕ В. К. 721
ПЛЕВИЦКАЯ (Винникова) Надежда Васильевна (1884–1941), певица 211, 669
ПЛЕТНЕВ Д. Д. 778
ПЛОТИН (ок. 204/205–269/270), древнегреческий философ 23
ПЛУТАРХ (ок. 45–ок. 127), древнегреческий писатель и историк 39, 479, 603
*ПЛЮЩИК (Плющевский-Плющик) Яков Алексеевич (1845–1916), правовед, чиновник по особым поручениям при Министерстве внутренних дел, член Литературно-художественного общества 266
ПО (Поэ; Рое) Эдгар Аллан (1809–1849), американский писатель 434, 445, 461
ПОДГОРНЫЙ Владимир Афанасьевич (прозвище Чиж; 1887–1944), актер 378, 676
ПОДДУБНЫЙ И. М. 619
ПОДКОПАЕВА Ю. Н. 577
ПОЗНЯКОВ Николай Степанович (Пизистрат; 1879–1941), танцовщик, балетмейстер, пианист, профессор консерватории по классу фортепиано 28, 29, 33, 109, 110, 210–216, 245, 249, 252, 253, 255, 260–265, 280, 281, 288, 292, 318, 319, 334, 335, 340*, 341, 399, 400, 406, 410, 411, 413, 519, 669, 684
ПОЗНЯКОВ Сергей Сергеевич (Серый; 1889–1945?), литератор-дилетант, любовник Кузмина; ему посвящены роман «Нежный Иосиф» (1909) и ряд стихотворений 11–14, 18, 24–37, 39, 41–98, 101–120, 122, 123, 127, 130, 132, 134, 138, 143. 151, 170, 172, 179, 185, 186, 191, 194, 202, 205, 208, 211, 246, 264, 281, 285–288, 302, 304, 312, 313, 315, 316, 340*, 343, 345, 348–353, 355, 357–359, 362, 368, 377, 439, 444, 511, 541, 582, 596–598, 600, 605–615, 617, 620, 621, 623, 624, 726
ПОЗНЯКОВ, брат С. С. Познякова 70, 71, 87, 90, 102
ПОЗНЯКОВ, член «Союза Русского народа» 80
ПОЗНЯКОВА, мать С. С. Познякова 96
ПОЗНЯКОВЫ 409, 415, 440, 453, 456
ПОКРОВСКИЙ Корнелий (у Кузмина: Корнилий) Павлович (1891–1938), гимназист, поклонник творчества Кузмина; после революции — инженер, был близок к семье А. Д. и С. Э. Радловых; покончил с собой 13, 14, 22, 27, 28, 206, 208, 582
ПОКРОВСКИЙ К. 668
ПОЛЕВАЯ, актриса 635
Поликсена — см. Соловьева П. С.
ПОЛОНСКИЕ, неизвестные; возможно, подразумеваются члены кружка Я. П. Полонского 388
ПОЛОЦКАЯ (Полоцкая-Емцова) Сарра Семеновна (1878–1957), пианистка 12, 13
ПОЛЫКОВСКАЯ В. П. 724
Поля, знакомая П. О. Богдановой-Бельской 365
Поля, прислуга Ивановых 264
Поля, прислуга Нагродских, и ее брат 444, 469, 485, 499
ПОЛЯКОВ Сергей Александрович (1874–1943), переводчик, журналист, меценат, владелец издательства «Скорпион», издатель журнала «Весы» и альманаха «Северные цветы» 152, 245, 266, 318–320, 322, 371, 386, 397, 519, 628, 672, 674, 684, 719, 729, 730
ПОЛЯКОВ, гость Л. Н. Вилькиной 42
ПОЛЯКОВА (урожд. Дюссек) Софья Ромуальдовна, жена С. А. Полякова, художница-любительница; пропала без вести после 1918 г. 319, 321, 322
ПОЛЯКОВЫ: С. А. Поляков и С. Р. Полякова 320, 321, 322, 325
ПОМЕРАНЦЕВ С. 656
ПОМЕРАНЦЕВ Ю. Н. 665
ПОНС Николай Борисович, дантист, лечивший зубы у Вяч. Иванова и Кузмина (практиковал по адресу: Невский пр., 69) 179, 180
Понсиха, вероятно, дантистка, жена или родственница Н. Б. Понса 185

ПОПЕЛЛО-ДАВЫДОВ М. М. 704
ПОПОВ М. В. (прозвище Гога), издатель 28, 455, 464, 476–477, 491, 495, 497, 498, 506, 512, 514–516, 518, 519, 522, 524, 526, 531, 548, 551, 555, 556
ПОПОВ Николай Александрович (1871–1949), театральный режиссер, драматург, собиратель материалов по истории театра, богатый меценат, владелец имения-дачи Поповка под Петербургом 74, 196, 236–238, 691
ПОПОВА — см. Ведринская М. А.
ПОППЕ, корреспондент и посетитель Кузмина 309, 311, 312
ПОСТНИКОВ, служащий конторы Императорских театров 219
ПОСТОУТЕНКО К. Ю. 695
ПОТАПЕНКО Дионисия Игнатьевна (в первом браке Охотникова, во втором баронесса Врангель; 1887–1944), писательница, выступавшая под псевд. Савватий 474, 549
ПОТАПЕНКО Наталья Игнатьевна (в первом браке баронесса Розен, во втором Лагорио; 1890?–1974), писательница, дочь И. Н. Потапенко 439, 470, 472, 621
ПОТАПЕНКИ 378, 379, 470
ПОТЕМКИН Петр Петрович (1886–1926), поэт, сотрудник журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» 10, 18, 27–30, 33, 34, 38, 42, 61, 67–69, 71, 73, 74, 91, 105–107, 109, 115, 158, 159, 162, 163, 165, 167, 169, 172, 175, 180, 187, 189–191, 193–198, 201–203, 206, 207, 220, 221, 233, 236–242, 252, 253–255, 260, 261, 263, 264, 266, 267, 276, 279, 283, 285, 286, 288–290, 300, 301, 303, 341, 358, 359, 361, 370, 379, 394, 396, 413, 475, 494, 496, 497, 511, 517, 520, 521, 523, 524, 534, 557, 593, 594, 596, 605, 606, 611, 621, 634–636, 638–641, 644, 647, 650, 655–657, 659, 660, 662, 663, 668, 672, 677, 679, 681, 687, 691, 704, 726, 730, 761, 766
ПОТЕМКИНЫ: П. П. Потемкин и Е. А. Хованская 259, 278, 378, 504
П. П., П. П. П. — см. Потемкин П. П.
ПРАВДИН, знакомый по Окуловке; возможно, так назван кто-то из окуловских обитателей, игравший роль Правдина в «Недоросле» Д. И. Фонвизина 121
Правовед: вероятно, С. Л. Ионин
ПРАГЕР Алла Ивановна (Прагеровна, Прагровна, Прагерша), знакомая по Окуловке 86–89, 125, 136, 141, 143, 149
ПРАГЕРЫ, знакомые по Окуловке (возможно, семья Ивана Севериновича Прагера) 48, 55, 120, 135
ПРЕВО д'Экзиль А. Ф. 756
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ Наталья Федоровна, актриса Малого (Суворинского) театра 285
ПРИЛЕЖАЕВА-БАРСКАЯ Б. М. 668
Принцесса — см. Назарбек Б. А.
Прокопий (или Прокофий) Степанович — см. Мошков П. С.
ПРОКОПОВИЧ С. Н. 602
ПРОКОФЬЕВ, гость Кузмина 502
ПРОКОФЬЕВ, знакомый по Окуловке 142
ПРОКОФЬЕВ С. С. 709
ПРОНИН Борис Константинович (1875–1946), содержатель «Бродячей собаки» и «Привала комедиантов» 185, 197, 209, 258, 265, 275, 327, 358, 380, 427, 434, 445, 489, 529, 562, 563, 646, 697, 764
ПРОТЕЙКИНСКИЙ В. П. 618
ПРОХОРОВА (Прохорова-Берлин) Мария Дмитриевна (ум. 1931), актриса Александринского театра 384, 385, 447, 510, 734
ПРУЖАНСКИЙ Ф. К. 780
ПРУТКОВ Козьма 661, 734, 736, 737
ПСЁЛ, посетители Нагродских (в том числе Н.) 427, 429, 431, 439
ПСКОВИТИНОВ Евгений Константинович, литератор 490
Птифур (Петифур, Petitfour), см. Н. Д. Кузнецов
Птичка (старшая) — см. Фогель-старший
ПУАРЕ (Марусина) М. Я. 589

ПУАРЕ П. 707
ПУРИШКЕВИЧ Владимир Митрофанович (1870–1920), правый политический деятель, один из лидеров «Союза русского народа», член II–IV Государственных дум, участник убийства Г. Е. Распутина 357
ПУШКИН Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 55, 58, 63, 135–137, 140, 147, 155, 177, 181, 338, 343, 344, 386, 430, 519, 547, 578, 603, 604, 620, 626, 627, 630, 632, 633, 643, 660, 667, 705, 715, 735, 748, 775, 783
ПШИБЫШЕВСКИЙ (Przybyszewski) Станислав (1868–1927), польский писатель 308, 706
ПЫЗИН В. И. 593
Пьер, родственник П. О. Богдановой-Бельской 314
Пьер-О — см. Животовский С. В.
ПЯСТ (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940), поэт, переводчик, мемуарист 28, 218, 227, 254, 271, 285, 289, 312, 327, 431, 467, 577, 580, 648, 652, 672, 698, 700–702, 705, 708, 713, 715, 742, 753, 756
*ПЯТНИЦКИЙ Константин Петрович (1864–1938), литератор, совладелец книгоиздательства «Знание» 514

Р. 741
Р., Вас. — см. Регинин В. А.
РАБИНОВИЧ, гость у Судейкиных 367, 524
РАВЕЛЬ (Ravel) Морис Жозеф (1875–1937) 305, 352, 709
РАДАКОВ Алексей Александрович (1879–1942), художник, поэт, сотрудник журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» 361, 489, 494, 509, 512, 515, 517, 518, 521, 523, 526, 539, 541, 567, 724, 774
РАДЗИВИЛОВИЧ Иероним Владиславович, драматург 90
РАЕВ Н. П. 657
РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ О. П. 613
РАЕВСКИЙ С. — см. Дурылин С. Н.
РАЗБОРОВСКИЙ, знакомый Судейкиных 227
РАДЛОВ Сергей Эрнестович (1892–1958), театральный режиссер 268, 269, 458, 698
РАКИТИН (наст. фамилия Ионин) Юрий Львович (1880–1952), актер, режиссер 205, 207, 209, 245, 253, 274, 275, 282, 304–313, 315–318, 327, 343, 344, 348, 350, 372–374, 377, 378, 382–386, 406, 417, 428, 430, 433, 442, 460, 475–477, 486, 489–491, 493, 496, 497, 500, 501, 504, 511, 512, 518, 519, 523, 554, 684, 689, 711, 729, 734, 748, 766, 769, 771, 774, 775
РАКОВСКИЙ (Лернер) Леонид Петрович, журналист 362, 727
РАППАПОРТ (Раппопорт) Виктор Романович (1889–1943), режиссер, драматург 83, 153
РАСИН Ж. 778
РАСПУТИН Григорий Ефимович (1869–1916) 564, 786
РАССАДИН, посетитель Ю. Д. Беляева 254
РАТМИРОВА: судя по контексту, певица 300, 338, 383
РАТЬКОВ-РОЖНОВ Владимир Николаевич (Володя; 1891–1918), старший сын Н. А. Ратькова-Рожнова и З. В. Ратьковой-Рожновой, урожд. Философовой, сестры Д. В. Философова, погиб в бою с большевиками 307
РАТЬКОВЫ-РОЖНОВЫ, родственники Д. В. Философова (Николай Александрович, Зинаида Владимировна и их сыновья Владимир и Дмитрий) 305
РАФАЛОВИЧ Сергей Львович (1875–1943), поэт, театральный критик
РАФАЛОВИЧ, посетитель Народного Дома (не С. Л.) 225
РАШИЛЬД (Rachilde; наст. имя Маргарита Эмери; 1862–1853), французская писательница 178, 649
РЕ Э. 780
РЕВИЦЕР Иван, знакомый по Окуловке 47, 80

РЕВИЦЕР Ольга, сестра предыдущего 47, 58, 136–141, 143, 144, 146
РЕГЕР (Reger) Макс (1873–1916), немецкий композитор, органист, теоретик музыки 226
РЕГИНИН (Раппопорт) Василий Александрович (Вас. Р., В. Р–н; 1883–1952), журналист, редактор журнала «Аргус» 461, 463, 464, 467, 469, 568, 646, 669, 686, 787
РЕЗВАНОВЫ, знакомые Кузминых или Мошковых 64
РЕЙЗИНГЕР Г. 714
РЕЙНГАРДТ Г. 647, 701
РЕЙНГАРДТ (Рейнхардт) М. 695
РЕЙНЕКЕ А. К. 719
Ректор Юрьевского университета — см. Пассек Е. В.
РЕМБО (Rimbaud) Артюр (1854–1891), французский поэт 385, 735
РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877–1957), писатель 8, 14, 16, 19–21, 23, 25, 26, 30, 31, 50, 59, 61, 81, 91–94, 102, 122, 167, 177, 183, 189, 241, 252, 303, 511, 530, 532, 540, 553, 581, 582, 584–587, 589–596, 604, 607, 609, 612, 613, 617, 620, 621, 623, 640, 655, 681, 682, 688, 689, 692, 783, 787
РЕМИЗОВ Н. В. (Ре-Ми) 607–608, 659
РЕМИЗОВА (урожд. Довгелло) Серафима Павловна (1876–1943), жена А. М. Ремизова 23, 26, 69, 83, 94, 102, 103, 108, 109, 177, 202, 591, 617, 624
РЕМИЗОВЫ: А. М. Ремизов и С. П. Ремизова 10, 12, 21, 22, 29, 32, 69, 72, 73, 82, 98, 101–104, 106, 108, 110, 167, 172, 175, 183, 221, 222, 258, 276, 305, 311, 329, 351, 362, 591, 615, 617, 624
РЕНЬЕ (Régnier) Анри де (1864–1936), французский писатель 45, 46, 51–53, 55, 393, 430, 436, 466, 483, 600, 601, 603, 604, 742
РЕНЬЯР (Regnard) Жан Франсуа (1656–1709), французский драматург, автор комедий 151, 152, 154, 683
РЕПИН Илья Ефимович (1844–1930), художник 457, 757, 758
РЕРИХ Николай Константинович (1874–1944), художник, писатель 105, 451, 516, 618, 621, 764
РЖЕВСКАЯ, гостья Ивановых 260
РИГЛЕР, знакомый А. Э. Беленсона 518
РИЛЬКЕ Р.-М. 781
РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Николай Андреевич (Корсаков, Корсач; 1844–1908), композитор 120, 198, 245, 256, 454, 562, 661, 685, 711, 757, 763, 775
РИТМАН, приятель Кузмина 11
Роба, мальчик из Окуловки 54
Роберт (Роберти), официант в ресторане «Французский» 540
Родион, церковный сторож в Щелканове 117
РОДЖЕРС (Rogers) Генриэтта, актриса французской труппы Михайловского театра 427, 747
РОЗАНОВ Василий Васильевич (1856–1919), писатель 82, 173, 205, 488, 490, 493–496, 505, 506, 510, 530–532, 536, 541, 554, 633, 638, 639, 666, 752, 765
РОЗЕНБЕРГ, гость Кузмина в компании А. П. Воротникова, приятель Нагродских 445, 450, 462
РОЗЕНБЕРГИ 447
РОЗЕНШТЕЙН 709
РОЗИНЕР Александр Евсеевич (1880–1940), уполномоченный изд-ва «Т-во А. Ф. Маркс» 566
РОЗИНЕРЫ 30
РОКОТОВА 585
РОЛЛИНА М. 655
РОМАНОВ Борис Григорьевич (Бобиш; 1891–1957), артист, балетмейстер и педагог; с 1909 г., по окончании Петербургского театрального училища, служил в Мариинском театре 300, 310, 383, 384, 387, 391, 397, 415, 416, 420, 426, 428, 434–436, 443, 447, 455, 467, 469, 471, 474–476, 495, 504, 506, 520, 521, 523, 569, 732, 733, 738, 743, 746, 760, 761

РОСЛАВЛЕВ Александр Степанович (1883–1920), писатель 492, 494–499, 514, 518, 522–524, 526, 527, 529–530, 533, 534, 541, 549, 551, 554–558, 560, 562, 564, 566, 592, 600, 609, 752, 763
РОСЛАВЛЕВЫ 490, 497, 505, 531, 533, 551, 561
РОССИНИ (Rossini) Джоаккино (1792–1868), итальянский композитор 161, 530, 638, 779
РОСТАН (Rostand) Эдмон (1868–1918), французский драматург 245, 685
РОСТИСЛАВОВ А. А. 664, 669, 748, 764
РОСТОВЦЕВА Вера, видимо, актриса 336, 352
РОСТОВЦЕВА (урожд. Кульчицкая) Софья Михайловна (1878–1963), жена М. И. Ростовцева 165
РОСТОВЦЕВЫ: Михаил Иванович (1870–1952), историк античности, археолог и его жена С. М. 107, 167, 307, 640
РОТИН Виктор 396, 398, 415, 433, 434, 448, 451, 452, 454, 456–458, 460, 467, 554
РОТИНА В. — см. Ротины 444
РОТИНЫ, семья знакомых Кузмина 392, 393, 398, 399, 403, 412, 415, 440, 445, 462, 462, 469, 477, 479, 487
РОТМИРОВА — см. Ратмирова
РОШКОВСКАЯ, актриса 746
РОЩИНА (Рощина-Инсарова) Екатерина Николаевна (1883–1970), актриса 562, 782
РУБАНОВИЧ С. Я. 781
РУБЕНС П. 595
РУБИНЕР (Rubiner) Людвиг, переводчик на немецкий язык 194, 642, 659
РУБИНШТЕЙН А. Г. 701
РУБО Ф. А. 679
РУВЬЕ М. 731–732
РУДНИЦКИЙ К. Л. 659, 672
РУКАВИШНИКОВ Иван Сергеевич (1877–1930), поэт, прозаик 83, 102, 586, 593, 594, 600, 720
РУМАНОВ Аркадий (Абрам) Вениаминович (1876–1942), помощник присяжного поверенного, директор правления издательства «Т-во А. Ф. Маркс», журналист, зав. петроградским отделением московской газеты «Русское слово» 348, 350–360, 362, 369, 372, 383, 413, 418, 429, 438, 458, 459, 473, 506, 516, 517, 723, 725, 726, 727, 773
РУМАНОВ, рижский корреспондент Кузмина 218
РУНТ (Погорелова) Б. М. 690
РУСЛОВ Владимир Владимирович (ум. 1929), московский гимназист, корреспондент Кузмина, впоследствии поэт и переводчик, коллекционер 57, 91, 170–175, 182, 186, 192, 194, 582, 593, 612
РУССО А. 669
РУССО (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский писатель и философ 66
РЫКАЧЕВ Андрей Михайлович (1876–1914), экономист и публицист 451, 459
РЫНДИНА Лидия Дмитриевна (1883–1964), актриса театра Соловцова в Киеве, потом К. Н. Незлобина, снималась в кино у режиссера И. Н. Ермольева, вторая жена С. А. Соколова-Кречетова 190, 530, 655, 657, 785
РЫСЬЕВ, знакомый по Окуловке 236
РЫШКОВ В. А. 711, 726, 775
Рюрик — см. Ивнев Р.
РЯБУШИНСКАЯ (в замуж. Карпова) Елизавета Павловна (1878–1936), жена А. Г. Карпова 81
РЯБУШИНСКИЙ Николай Павлович (1876–1951), издатель журнала «Золотое руно», миллионер-меценат, литератор и художник-дилетант 8, 40, 45, 46, 48, 53, 68, 92, 245, 322, 325, 542, 600, 606–607, 613, 684, 685, 713
РЯБУШИНСКИЙ: Владимир (1873–1955) либо Степан (1874–1943) Павлович, один из братьев-совладельцев Товарищества Окуловских писчебумажных фабрик, где служил П. С. Мошков 53, 600

С., студент 584
С. А. — см. Ауслендер С. А.
С. В. М. 581
С. Е. 425
С. М. 689
С. Т., С. Т–в — см. Тимофеев С.
С-ъ 606
САБАШНИКОВ Михаил Васильевич (1871–1943), издатель 269, 700
САБАШНИКОВА (в замуж. Волошина) Маргарита Васильевна (1882–1973), художница, первая жена М. А. Волошина 174, 184, 353, 637
САБИНИН Владимир Александрович (Телемах, Собакевич; 1885–1930), композитор и певец, известный как аранжировщик и исполнитель романса «Гори, гори моя звезда» 283, 285, 299–306, 388, 735
САБИНИНА, жена В. А. Сабинина 299, 304, 306
САБУРОВ Павел Петрович, председатель петербургского шахматного собрания и Всероссийского шахматного союза 225, 226, 234, 236
Савватий — см. Потапенко Д. И.
САВИНА Мария Гавриловна (1854–1915), актриса Александринского театра с 1874 г., директор Театральной школы Литературно-художественного общества им. А. С. Суворина 298
САВИНИЧ Б. 765
САВИНКОВ Б. В. 604
САВИТРИ (Sawitri; наст. имя Хелена Загорска), польская писательница 154–156, 160, 631, 637
САГАЙДАЧНЫЙ, знакомый Г. Е. Верховского 13
Садко 737
САДОВСКОЙ Борис Александрович (1881–1952), поэт, прозаик, критик 255, 276, 341, 359, 436, 457, 475, 477, 478, 515, 517, 519, 523, 532, 533, 553–555, 561, 564, 600, 668, 702, 720, 739, 751, 752, 757, 758, 763, 769, 776, 786
САЗОНОВ Михаил Георгиевич (Агашка), литератор круга «Петербургских вечеров» 391, 424–427, 434–436, 438, 442–444, 447, 448, 452, 454, 457–459, 473–475, 477, 537, 549, 553, 556, 564, 565, 570, 755, 786
САКЕР Яков Львович (1869–1918), предприниматель, муж издательницы «Северных записок» С. И. Чацкиной, дядя Л. И. Каннегисера 461, 468, 499, 767
САККЕТТИ (Sacchetti) Франко (1330–1400), итальянский писатель 56, 62
Саломея — см. Андроникова-Гальперн С. Н.
САМОЙЛОВ П. В. 653
САМОЙЛОВ, знакомый Кузмина 10, 161
Самсон, англичанин-теннисист, отдыхавший в Окуловке 235
САНГУРСКИЙ А. 732
САНДЕРС 589
САНЖАРЬ — см. Бриллиант Н. Д.
САНИН (Шенберг) А. А. 678, 691
Саня — см. А. И. Венедиктов
САПУНОВ Николай Николаевич (1880–1912), художник 10, 31, 32, 181, 193, 197, 209, 210, 214, 220, 223, 225, 226, 230, 237–242, 244, 250, 252–260, 264–267, 270–290, 293, 298, 300–307, 310, 311, 316, 318, 319, 321, 322, 325, 326, 332, 335, 337, 340–342, 346–349, 351–353, 355–358, 362, 466, 555, 662, 672, 676, 688, 692, 694–696, 701, 725–728, 730
САРМАТОВ (Опенховский) С. Ф. 737
САХАРОВ И. П. 622, 625
САХОРЕТ (Сахарет, наст. имя и фамилия Кларисса Кемпбелл, 1880–1942), австралийская танцовщица, выступавшая в Германии 412
САЦ Илья Александрович (1875–1912), композитор, писал музыку для спектаклей МХТ и театра В. Ф. Коммиссаржевской 197, 661, 697, 732, 738
Саша, Сашенька — см. Божерянов А. И.
Саша — см. Смирнов А. А.
Саша — прислуга у Ивановых 241

Саша (тетя Саша) — см. Шотц А.
Сашенька, брат Сашенька, знакомый Кузмина 359, 426
СВЕНТИЦКИЙ, знакомый С. К. Шварсалона 266, 363
СВЕТЛОВ (Ивченко) Валериан Яковлевич (1860–1935), редактор журнала «Нива», известен также как балетный критик 436, 472
СВЕТЛОВ С. Ф. 697
СВЕШНИКОВА А. Н. 577
СВИСТУНОВ Павел, драгунский корнет, знакомый И. фон Гюнтера 303
СВИФТ (Swift) Джонатан (1667–1745), английский писатель 333
СВЯТЛОВСКИЙ Владимир Владимирович (1869–1927), экономист и социолог, поэт, профессор Петербургского университета 516
СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Дмитрий Петрович, кн. (Principino; 1890–1939), поэт, критик и историк литературы 13, 14, 19, 22, 31, 582, 587
СЕВЕРАК Д. де 585
СЕВЕРСКИЙ Н. Г., актер и опереточный антрепренер 85, 610
СЕВЕРЮХИН Д. А. 616, 646
СЕВЕРЯНИН Игорь (Лотарев Игорь Васильевич; 1887–1941), поэт 282, 526, 668, 699, 774, 778
СЕГАЛЬ (Segal) Владимир Исаакович, врач 29, 591
СЕЛЬВА (Selva) Бланш (1884–не ранее 1929), французская пианистка 20, 585
Семен — швейцар в «Селект-Отеле», где жил Ю. И. Юркун 419, 424
Семен, банщик с 9-й линии Васильевского Острова, затем — в банях на Бассейной ул. 192, 241, 258, 283, 284, 314, 331, 359, 444*, 446*
СЕМЕНОВ И., служащий в Окуловке 625
СЕМЕНОВ (Семенов-Тян-Шанский) Л. Д. 648
СЕМЕНОВ Матвей Иванович (1873–1942), издатель 404, 405, 407, 410, 413, 415, 418, 428, 430, 431, 433–435, 439, 440, 446, 448–450, 452, 454–457, 459, 461–463, 465, 467, 468, 471, 474, 475, 478, 483, 484, 486–492, 495–498, 500, 503–505, 509–511, 515, 516, 519, 521, 524, 527–530, 532, 533, 537, 539, 541–543, 547–553, 555, 557, 559, 561, 562, 564–566, 568–570, 737, 739, 743, 747, 749, 756, 757, 759, 775, 778
СЕМЕНОВА Ольга (возможно, Ольга Александровна, постоянная посетительница Мариинского театра и «Бродячей собаки») 550
СЕМЕНОВА М. А. 744, 777
СЕМЕНОВЫ, знакомые А. Л. Волынского (вероятно, сестры Мария и Ольга Александровны, постоянные посетительницы Мариинского театра) 206
СЕМЕНОВЫ: видимо, М. И. Семенов с женой 506, 509
СЕМЕНОВ Евгений Петрович (Коган Соломон Моисеевич; 1861?–1944), корреспондент журнала «Mercure de France» 356
СЕМЕНОВЫ, парижские знакомые Вяч. Иванова; видимо, Евгений Петрович с женой 40
СЕМИГРАДОВА, организатор (?) вечера в Киеве 190
СЕМКИН А. Д. 617
СЕН-САНС (Saint-Saens) Камиль (1835–1921), французский композитор 450, 756
СЕНИЛОВ (в тексте ошибочно Сенигов) В. А. 621, 665
СЕНИЛОВА (в тексте ошибочно Сенигова) 621
Серафима Павловна — см. Ремизова С. П.
СЕРАФИМОВИЧ (Попов) А. С. 688
СЕРВАНТЕС СААВЕДРА (Cervantes Saavedra) Мигель де (1547–1616), испанский писатель 242, 658, 682, 685, 773
*СЕРГЕЕНКО Петр Алексеевич (1854–1930), писатель 23
Сергей Александрович — см. Поляков С. А.
Сергей Константинович, Мако, Папа (Papa) Мако, Папаша — см. Маковский С. К.

Сергей Павлович — см. Дягилев С. П.
Сергей Юрьевич — см. Судейкин С. Ю.
Сергей — см. Шварсалон С. К.
Сергей, буфетчик на вокзале в Павловске 465
Сергей, извозчик-лихач в Москве 319
Сергей, официант в ресторане «Вена» 391, 392, 395, 396
СЕРЕБРЯКОВА З. Е. 764
Сережа — см. Ауслендер С. А.
Сережа, продавец цветов из ресторана «Палас-Театра» 280–283
Серж — см. Судейкин С. Ю.
СЕРКОВ А. И. 664
СЕРОВ Валентин Александрович (1865–1911), художник 156, 315, 669, 710, 764
СЕРПИНСКАЯ Н. Я. 710
Серый — см. Позняков С. С.
Сестрица — см. Нагродская Е. А.
Си-бемоль (псевд.) 681
СИДОРОВ А. А. 781
СИЗОВ, художник, приятель Н. Н. Сапунова 307
СИЛИН, знакомый С. А. Ауслендера 20
СИМКОВ, знакомый В. Г. Князева 257
СИРЕНЕВА (или СИРЕНЕВАЯ), актриса, знакомая И. фон Гюнтера 40, 43
СКАБИЧЕВСКИЙ А. М. 646
СКАЛДИН Алексей Дмитриевич (1889–1943), писатель 271, 337, 348, 350, 353, 354, 357, 361, 363, 364, 379, 567, 698, 728
СКАРРОН (Scarron) Поль (1610–1660), французский писатель 521
–ский — см. Брешко-Брешковский Н. Н.
СКИТАЛЕЦ (Петров Степан Гаврилович, 1869–1941), писатель 626
СКРЫДЛОВ Алексей Николаевич, побочный сын вел. кн. Александра Александровича, воспитывался в семье вице-адмирала Николая Илларионовича Скрыдлова (1844–1929); впоследствии — композитор, сотрудничал с театром Музыкальной Комедии, после 1926 г. — в эмиграции 169, 189
СКРЯБИН Александр Николаевич (1871/72–1915), композитор 265, 343, 483, 526, 527, 665, 694, 708, 774, 777–780
СЛАДКОПЕВЦЕВ В. В. 666
СЛЕЗКИН Юрий Львович (1885–1947), писатель; в 1910 г. окончил Санкт-Петербургский университет 196, 231, 309, 328, 347, 476–478, 482, 484, 486, 489, 491–493, 495, 497, 498, 502, 504, 510, 511, 515, 522–524, 533, 708, 752, 769, 777, 779
СЛЕЗКИНА Надежда (Надина), жена Ю. Л. Слезкина 478, 482
СЛЕЗКИНА Татьяна Владимировна, мать Ю. Л. Слезкина 483, 486, 487, 496,
СЛЕЗКИНЫ, семейство Ю. Л. Слезкина 481, 483, 490, 494–497, 500, 503–506, 522, 534, 549, 555, 556, 558, 561, 564, 569
СЛОВАЦКИЙ Ю. 610
СЛУЦКИЙ А. Ю., дирижер спектакля «Забава дев» 286, 698
СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович (1837–1904), поэт 158
СМИРНОВ Александр Александрович (1883–1962), поэт, впоследствии литературовед и переводчик 68, 176, 177, 208, 212, 216, 451, 462
СМИРНОВ Дмитрий Алексеевич (1882–1944, по др. данным 1870–1942), певец, солист Мариинского театра 180, 187, 650
СМИРНОВ, знакомый по Окуловке 136
СМИРНОВА Елена Александровна (1888–1934), балерина Мариинского театра; участвовала в дягилевских Русских сезонах в Париже; жена Б. Г. Романова 195, 653
Смоленский — см. Измайлов А. А.
СМОЛЕНСКИЙ С. В. 632
СМОЛИЧ Николай Васильевич (1888–1968), актер Дома интермедий и Александринского театра, режиссер 243, 244, 260, 269, 299, 300, 341, 344, 501, 703
Смольский — см. Измайлов А. А.
Собакевич — см. Сабинин Б. А.

СОБИНОВ Леонид Витальевич (1872–1934), певец 277, 356, 698
СОВКОВ, конторщик с бумажной фабрики в Окуловке 115, 116
СОЙКИН Петр Петрович (1862–1938), издатель 433
СОКОЛОВ Сергей Алексеевич (псевд. Кречетов, прозвище Гриф; 1878–1936), поэт, владелец изд-ва «Гриф», издатель журнала «Перевал» 688, 720, 728
СОКОЛОВЫ (Грифы): С. А. Соколов и Л. Д. Рындина 320
СОКОЛОВА (Исаченко) Клавдия Лукьяновна, артистка театра Соловцова в Киеве 190, 655
СОКРАТ (ок. 470–399 до Р. Х.), древнегреческий философ 662
СОЛОВЬЕВ Владимир Николаевич (1887–1941), театровед, режиссер 308, 310, 359, 480, 706
СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (1853–1900) 177, 246, 687, 693
СОЛОВЬЕВ Николай Васильевич (1877–1915), букинист, историк книги, издатель журналов «Антиквар» и «Русский библиофил» 528
СОЛОВЬЕВ Н. Ф. 653
СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович (1885–1942), поэт 46, 72, 198, 201*, 245, 600, 679, 684, 688, 693
СОЛОВЬЕВА Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro; 1867–1924), поэтесса, издательница детского журнала «Тропинка» 98, 648, 687
СОЛОГУБ (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927) 35, 50, 57, 61, 69, 72, 82, 91, 103, 107, 115, 148, 164, 167, 173, 176, 190, 194, 201, 205, 210, 212, 242, 244, 264, 279, 332, 345, 352, 374, 442, 443, 477, 502, 504, 509, 518, 536, 554, 569, 585, 593, 594, 596, 604, 607, 609, 617, 621, 625, 627, 643, 648, 661, 662, 679, 688, 716, 720, 724, 745, 752, 769, 772, 774
Сологуб Настя — см. Чеботаревская Ан. Н.
СОЛОГУБЫ: Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская 105, 263–264, 277, 279, 348, 351, 378, 380, 386, 441, 442, 444, 476, 481, 496–498, 500, 505, 534, 568, 673, 692
СОЛЮС, знакомые по Окуловке (Андрей, Ядвига, Митя) 44–46, 48, 51, 53–55, 60, 121
СОЛЮС Андрей 46, 47, 50, 54, 61
СОМИНА В. 610
СОМОВ Константин Андреевич (1869–1939), художник 7, 15, 18, 23, 28, 32, 34, 38, 46, 51, 54, 55, 68–70, 72–74, 82, 91–93, 102–105, 107, 108, 113, 151–153, 156, 157, 159, 161, 165, 167, 168, 170, 171, 173, 176, 180, 182, 194–196, 205, 211, 212, 223, 227, 228, 238, 240, 242, 245, 258, 261, 264–266, 270, 275, 290, 300, 303, 305, 306, 308, 310–313, 316, 348, 349, 358, 406, 407, 427, 466, 468, 475, 516, 524, 526, 543, 544, 577, 589–590, 596, 610, 613, 618–620, 627, 632, 636, 639, 643, 644, 650, 652, 667, 669, 681, 685, 704, 713, 761, 762, 769
СОМОВА (в замуж. Михайлова) Анна Андреевна (1873–1945), сестра К. А. Сомова 310, 312, 667, 669
СОМОВЫ К. А. и А. А. 604
Сонечка — см. Толстая (Дымшиц) С. И.
Соня, девочка из Окуловки, подруга Кати Мошковой 55, 59, 60, 89, 126, 296
Соня, невеста Е. А. Зноско-Боровского 206, 208, 210
Соня — см. Чичерина С. В.
СОРИН Савелий Абрамович (Завель Израилевич; 1878–1953), художник, участник объединения «Мир искусства» 520, 521, 529, 535, 550, 569–571
СОРОКИН (возможно, он же К. П. С.), служащий бумажной фабрики в Окуловке 115, 120, 121, 127, 132, 138–140, 297
СОСТИН, посетитель ресторана «Пивато» 350
СОФОКЛ (ок. 496–406 до Р. Х.), древнегреческий драматург 268, 695
Софья Артемьевна — см. Тамамшева С. А.

Софья Германовна, посетительница Т. Краснопольской 418
Софья Ромуальдовна — см. Полякова С. Р.
Софья Семеновна, знакомая Кузмина 542, 558
СОХАНСКИЙ, гость П. О. Богдановой-Бельской 314
СПАЛАЙКОВИЧ М. И. 758
СПАССКИЙ, знакомый Кузмина, встреченный в Царском Селе 360
СПАСОВИЧ, знакомый Кузмина 72
СРЕДИНА (Финн-Средина; фамилия по первому браку) Мария Григорьевна (1875–1934), актриса, жена А. Т. Гречанинова 330
СТАВРОГИН (Дьяконов) А. А. 635
СТАЛЬ Николай (вероятно, он же — Н. Ф. Стааль, друг М. В. Бабенчикова; см. также: Харламов), студент, посетитель «Бродячей собаки» 309, 383–385, 387, 391, 392
СТАНЕВИЧ В. О. 781
Станислав (Стась, Стасик), лакей у Нагродских 387, 388, 391, 398, 408, 417
СТАНИСЛАВСКИЙ (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) 205, 594, 666, 691
СТАРК Э. А. 658, 693
СТАРЫНКЕВИЧ Леон Олимпович, брат П. О. Богдановой-Бельской, гусар 213, 280, 286, 314, 364, 699
СТАРЫНКЕВИЧ (урожд. Князева) Ольга Гавриловна, жена Л. О. Старынкевича, сестра В. Г. Князева 213, 279, 286, 322, 344, 364, 368, 369
СТАФЬЯРОВА, посетительница Судейкиных, Нагродской 386–387, 393, 449
СТЕЛЛЕЦКИЙ Дмитрий Семенович (1875–1947), скульптор и живописец, примыкал к объединению «Мир искусства» 241, 242, 254–256, 259, 260, 263, 270, 272, 694
СТЕМБО А. Л. (А. Легри) 658, 680, 726
СТЕНГАММЕР В. 709
Степа, мальчик в Окуловке 50
Степан, слуга в Окуловке 97, 295, 296
Степан — см. Ефремов С. Л.
СТЕПАНОВ, служащий или сотрудник редакции журнала «Аполлон» 209
СТЕПАНОВ, служащий или сотрудник журнала «Нива» 369
Степановна — см. Мошкова Л. С.
СТЕПАНОВЫ, знакомые по Окуловке (Николай Александрович или Алексеевич), его жена Юлия Васильевна и отец. У них в Окуловке гостил англичанин, у которого Кузмин брал уроки английского языка 86, 87, 111, 124–150, 234, 235
СТЕПУН Федор Августович (1884–1965), философ, публицист, мемуарист 255, 269, 696
СТЕРН (Sterne) Лоренс (1713–1768), английский писатель 136, 600, 626
СТРАНДЕН Дмитрий Владимирович, теософ 109, 308, 579
СТОЛИЦА (урожд. Ершова) Любовь Никитишна (1884–1934), поэтесса 499, 767
СТОЛПНЕР Борис Григорьевич (1871–1937), философ 164, 174, 177, 182, 644
СТРАВИНСКИЙ И. Ф. 777
СТРИНДБЕРГ А. 607
*СТРУВЕ Михаил Александрович (1890–1948), поэт 416, 437, 441, 447, 451, 533
СТРУВЕ Н. А. 663, 673
СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, политический деятель, редактор журнала «Русская мысль» 334, 402, 451, 454, 716, 717, 732, 750
СТРУКОВ, знакомый В. Э. Мейерхольда 230
СТУДЕНЦОВ Евгений Павлович (1890–1943), актер Александринского театра 254, 255, 299, 300, 349, 417
СУВОРИН Алексей Сергеевич (1834–1912), писатель, журналист, владелец газеты «Новое время» и

одноименной издательской фирмы, основатель и владелец Малого (Суворинского) театра (он же — Театр Литературно-художественного общества) 287, 573, 751, 753, 787

СУВОРИН Борис Алексеевич (1879–1940), кандидат в директоры Литературно-художественного общества, литератор, сын А. С. Суворина от второго брака, редактор-издатель газеты «Вечернее время» 188

СУВОРИН Михаил Алексеевич (1860–1936), сын А. С. Суворина от первого брака, издательский деятель, фактический редактор «Нового времени» с декабря 1904 г., издатель журнала «Лукоморье» 481, 489, 494, 496, 524, 527, 530, 533, 552, 554, 756

СУВОРИНА (в замуж. Мясоедова-Иванова) Анастасия Алексеевна (1877–1930), дочь А. С. Суворина от второго брака, актриса и владелица Суворинского театра 425, 442, 443, 746

СУВОРОВА К. Н. 649

СУДЕЙКИН Георгий Порфирьевич (1850–1883), отец С. Ю. Судейкина, подполковник корпуса жандармов 206, 667

СУДЕЙКИН Сергей Юрьевич (Георгиевич) (1882–1946), живописец, театральный художник 151, 158–164, 168–170, 172, 175, 180, 181, 183, 185, 188, 189, 193, 197, 201, 203–214, 217–220, 223, 224, 226, 227, 229, 230, 266, 267, 271, 276, 281, 293, 309, 319, 364–366, 368, 369, 371–374, 377–388, 392, 393, 395, 401, 404, 415, 416, 420, 441, 444–446, 448, 449, 455, 475, 490, 492, 494, 499, 502, 504, 505, 510–515, 518–520, 524, 526–530, 534–540, 542–553, 569, 612, 629, 632, 634, 636, 638–641, 655, 661, 662, 667, 669, 672, 674, 676, 685, 686, 695–697, 707, 711, 727–729, 731–733, 735, 737, 739, 741, 745, 762, 764, 767, 770, 771, 774, 775, 781, 783, 784

СУДЕЙКИНА (в замуж. Дриттенпрейс) Софья Юрьевна (Георгиевна), сестра С. Ю. Судейкина 168, 229

СУДЕЙКИНЫ: О. А. Глебова-Судейкина и С. Ю. Судейкин 193, 218, 220–222, 226–231, 236, 251, 360, 361–364, 367, 369, 370, 393, 397, 404, 457, 505, 509, 515, 517, 518, 520–522, 526–528, 537–540, 542–544, 546, 548, 552, 553, 574, 638

СУДЬБИНИН И. И. 592

СУК В. И. 759

СУМАРОКОВ — см. Юсупов (Сумароков-Эльстон) Ф. Ф.

*СУМАРОКОВ Александр Петрович (1717–1777), поэт 385

СУПЕРФИН Г. Г. 674

СУХИХ, знакомый Кузмина 109, 354

СУХОВО-КОБЫЛИН Александр Васильевич (1817–1903), драматург 485, 763

СУХОТИН, знакомый Кузмина, вероятно, учился в I Петербургской гимназии вместе с Д. П. Святополком-Мирским и К. П. Покровским 13, 27, 28, 30, 31, 36, 91, 92, 268

СУХОТИН, знакомый («кандидат») у Чичериных 20

СЫРКИНА С. Я. 576

СЫСОЕВ Владимир Григорьевич (1871–?), литератор 386, 391, 762

СЫТИН Иван Дмитриевич (1851–1934), издатель 353, 357, 372, 723

СЮННЕРБЕРГ Константин Александрович (псевд. Эрберг; 1871–1942), поэт и художественный критик 27, 28, 165, 171, 175, 177, 185, 202, 204, 207, 257, 263, 272, 300, 709

СЮННЕРБЕРГИ: К. А. Сюннерберг и его жена Вера Михайловна (урожд. Щукина; 1876–1924), печаталась под псевд. В. Карачарова 102, 198, 202

Т–в С. — см. Тимофеев С.

ТАВАШЕРН (или Товастерн), юнкер, знакомый К. К. Шварсалона 349

Тадеуш (Тодя) — см. Томкевич Т.

ТАИРОВ (Корнблит) Александр Яковлевич (1885–1950), режиссер, основатель Камерного театра в Москве 377, 379, 387, 397, 400, 501, 503, 505, 506, 510, 512, 516, 549, 731, 732, 733, 767
ТАМАМШЕВ Александр Артемьевич (1888–1940), поэт, гимназический приятель С. А. Ауслендера 14, 15, 22, 25, 34, 79, 92, 98, 101, 174, 175, 180, 227, 341, 609, 777
ТАМАМШЕВА Нина Артемьевна, педагог, поэтесса-любительница, сестра А. А. и С. А. Тамамшевых 27, 37, 53, 102*, 172*, 217*, 255*, 670
ТАМАМШЕВА Софья Артемьевна, сестра А. А. и Н. А. Тамамшевых 15, 102*, 172*, 217*, 255*
ТАМАМШЕВИЧ, вероятно, то же, что и Тамамшев 413
ТАМАМШЕВЫ 7, 17, 19, 21–23, 25, 27–28, 30, 32–34, 36, 37, 82, 97, 101–104, 106, 174, 194, 340, 346, 617
ТАМАРА (Митина-Буйницкая) Наталья Ивановна (1873–1934), актриса оперетты, исполнительница старинных и цыганских романсов. Служила в театрах «Буфф», «Пассаж», «Палас-театр» 93
Тамара Владимировна, гостья Нагродских 413
Тамара, возможно, жена К. М. Миклашевского 441
ТАМАРИН Н. — см. Окулов Н. Н.
ТАН — см. Богораз В. Г.
ТАНКЕВИЧИ — см. Томкевичи
Таня, неустановленное лицо 284
ТАРАНОВСКИЙ К. Ф. 645
ТАРАСОВ Георгий Иванович (Гига; 1888–не ранее 1936), журналист, театральный критик, в 1919–1927 в эмиграции в Эстонии, впоследствии вернулся в СССР 108–110, 119, 162, 164–166, 168, 171, 193, 305, 311, 313, 317, 329, 335, 350, 351, 353–357, 359–361, 363, 364, 367–369, 371–374, 383, 413, 414, 429, 433, 440, 443, 450, 452, 469, 473, 504, 559, 644
ТАРНОВСКИЙ, гость Каннегисеров 564
ТАССО (Tasso) Торквато (1544–1595), итальянский поэт 151, 160, 202, 636
ТАСТЕВЕН Генрих Эдмундович (1880–1915), критик, сотрудник и секретарь редакции «Золотого руна» 49, 53, 61, 63, 64, 66, 91, 92, 119, 151, 152, 156, 161, 596, 602–604, 609, 610, 621, 627
Тат — см. Адамович Т. В.
ТАТАРЕВСКИЙ, гость у А. Н. Толстого, фамилия читается предположительно; возможно, Григорий Константинович Татаринов, двоюродный дядя А. Н. Толстого 106
ТАТАРИНОВ В. В. 665
ТАТИЩЕВ В. К. 691
ТАЦИТ Корнелий 702
Татьяна Владимировна — см. Адамович Т. В.
Татьяна — см. Шенфельд Т. Г.
Тая — см. Дмитриева Т.
ТЕВНА (Thevenaz) Поль (француз; 1891–1921), швейцарский художник и танцовщик 400, 738
Текла — см. Добрякова Т. М.
Телемах, прозвище В. А. Сабинина, исполнителя роли Телемака в «Возвращении Одиссея»
ТЕЛЯКОВСКИЙ Владимир Аркадьевич (1861–1924), директор Императорских театров в 1901–1917 гг. 224, 237, 290, 307–310, 327, 673, 680, 689, 692, 700, 721
Теофиль, французский парикмахер в Петербурге, затем в Царском Селе 31
ТЕРЕХОВ, офицер, знакомый Кузмина 203
ТЕРЕХОВ А. Г. 621, 626
ТЕРЕЩЕНКО Михаил Иванович (1886–1956), сахарозаводчик, меценат-издатель (в 1912–1914 гг. владел изд-вом «Сирин»), чиновник дирекции Императорских театров, после Февральской революции — министр финансов Временного правительства 341, 344, 721

ТЕРНАВЦЕВ Валентин Александрович (1866–1940), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Священного Синода 224, 225, 673–675
Тетя — см. Кудрявцева Е. А.
ТИБЕРИЙ 596
ТИБО Ж. 706
ТИБУЛЛ (Tibullus) Альбий (ок. 50–19 до н. э.), древнеримский поэт 87
ТИЗЕНГАУЗЕН В. О. 635
ТИК Л. 638
Тилька, собака Ауслендеров 217, 238, 297
ТИМЕ Елизавета Ивановна (1884–1968), актриса. В 1903–1906 гг. училась в Петербургской консерватории по классу пения, с 1908 в труппе Александринского театра. Выступала также в оперетте на сцене театра Комической оперы и «Палас-театра» 286, 621, 691, 734
ТИМЕ Марианна Людвиговна (убита в 1913), жена секретаря начальника мастерских Международного общества спальных вагонов 408, 739, 740
ТИМЕНЧИК Р. Д. 576, 577, 588, 616, 626, 629, 636, 640, 645, 646, 650, 668, 671, 695, 697, 713, 715, 723, 731, 732, 734–736, 738, 739, 741, 742, 747–751, 753–755, 765, 766, 768–774
ТИМОФЕЕВ А. Г. 577, 591, 607, 612, 618, 648, 654, 662, 672, 674, 694–696, 698, 702, 719, 731, 736, 737, 742, 745, 748, 764, 769
ТИМОФЕЕВ Г. (Г. Т.) 583, 645, 668, 669, 671, 701, 709, 720, 757
ТИМОФЕЕВ С. (С. Т., С. Т–в) 589, 658, 737, 762, 765, 786
Тимофеич, знакомый по Окуловке 137
ТИНЯКОВ Александр Иванович (1886–1934), поэт, критик 480, 763, 786
Тира, знакомая П. О. Богдановой-Бельской 364
ТИРСО де МОЛИНА (Tirso de Molina; настоящее имя Габриель Тельес; ок. 1583–1648), испанский драматург 285, 700
ТИТОВ В. П. 735
ТИХВИНСКАЯ Л. И. 577, 672, 710, 740
ТИХВИНСКИЙ, гренадер 351
ТИХОНОВ Н. С. 701
ТОБУЛЕВИЧ, знакомые из Боровичей 125
ТОВАСТЕРН, юнкер, знакомый К. К. Шварсалона — см. также Тавашерн
ТОЛМАЧЕВ М. В. 604, 750
ТОЛСТАЯ Марианна Алексеевна («baby», бебешка; 1911–1988), дочь А. Н. Толстого и С. И. Дымшиц-Толстой 299, 703
ТОЛСТАЯ (урожд. Дымшиц) Софья Исааковна (1886–1963), художница, первая жена А. Н. Толстого 107, 185, 187, 209, 270, 274, 305, 312, 326, 343, 345, 346, 503, 621, 624, 650, 697
ТОЛСТОЙ А. К. 653, 668
ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич, гр. (1883–1945), писатель 98, 102, 103, 105, 106, 165, 167, 170, 175–180, 182, 184–195, 197, 201–204, 209, 242, 244, 255*, 259, 261, 269, 270, 284, 289, 310, 336, 385, 618, 619, 626, 644, 646, 648, 654–657, 663, 688, 692, 696, 699, 701, 715, 779
ТОЛСТОЙ И. И. 772
ТОЛСТОЙ Лев Николаевич, гр. (1828–1910) 63–65, 255*, 313, 605, 703, 768
ТОЛСТЫЕ: С. И. Толстая и А. Н. Толстой 105–107, 174, 181, 185, 195, 197, 207–209, 215, 237, 238, 241, 251, 262, 271, 281, 299, 300, 304, 305, 310, 312, 317, 327, 330, 332, 346, 624, 703, 714
ТОМА (Thoma) Ганс (1839–1924), немецкий живописец 49
ТОМАШЕВСКАЯ А. И. 683
ТОМАШЕВИЧ, ТОМАШЕВСКИЙ — см. Бонч-Томашевский М. М.
ТОМКЕВИЧ Тадеуш (Тодя) 291, 294–297
ТОМКЕВИЧИ (Танкевичи), семейство знакомых по Окуловке 234–236, 291

Тоня — см. Кудрявцева Тоня
ТОПОЛЬСКИЙ, подпоручик 338
ТРАХТЕНБЕРГИ: Владимир Осипович (1860–1914), литератор, директор театрального клуба и его жена 90
ТРЕНЕВ Константин Андреевич (1876–1945), драматург 562
ТРОЙНИЦКИЙ Сергей Николаевич (1882–1948), сотрудник Эрмитажа с 1908 по 1932 г. (в 1917–1927 гг. — директор), искусствовед 35
Трофим, извозчик 155
ТРОЦКИЙ (в 1930-е гг. сменил фамилию на Воложский) Сергей Витальевич (1880–1942), литератор-дилетант; малороссийский помещик, друг Вяч. Иванова 18, 23, 26, 91, 105, 258, 259, 264, 274, 286, 337, 339, 361, 692
ТРОЯНОВА (урожд. Виттинг, в замуж. Тришатная, Кирикова, Ганцкевич) Мария Эдуардовна, актриса Суворинского театра 288, 301, 380
ТРОЯНОВСКАЯ Т. А. 746
ТРОЯНОВСКИЙ Иван Иванович (1855–1928), коллекционер живописи и художник 151, 326
ТРОЯНСКИЙ П. Н. 596
ТРУБЕЦКОЙ В. С. 724
ТРУБЕЦКОЙ, князь, посетитель Дома интермедий 253
ТРУБЕЦКОЙ, князь, посетитель бань на 9-й линии Васильевского Острова 258
ТРУБИЛОВА Е. М. 776
ТРУБНИКОВ Александр Александрович (1883–1966), писатель (в том числе под псевд. Андрей Трофимов), художественный критик, сотрудник Эрмитажа 35–37, 94, 174–176, 179, 181, 182, 204, 225, 229, 240, 306, 335, 382, 530, 597, 625
ТРУБНИКОВЫ, владельцы усадьбы близ Окуловки 50, 53, 55, 97
ТУГАРИНОВ, посетитель «Палас-Театра» 317, 330
ТУМПАКОВ Петр Вианорович (ум. 1911), антрепренер театров Буфф и Варьете 86, 611
ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич (1818–1883), писатель 68, 124, 129, 177, 206, 623, 624, 667, 698
ТУРГЕНЕВА А. А. 714, 717
Туся, знакомая Нагродских 363, 382, 392, 427
ТЫРКОВА (Тыркова-Вильямс) Ариадна Владимировна (1869–1962), переводчица, публицистка 173, 586, 648
ТЭФФИ (Бучинская Надежда Александровна, урожд. Лохвицкая) (1872–1952), писательница 194, 287, 394, 399, 521, 523, 536, 596, 732, 776, 777, 782
ТЮНИН, гость Кузмина 373
ТЮТЧЕВ Федор Иванович (1803–1873), поэт 108, 715, 757
Тявочка, прозвище О. А. Глебовой-Судейкиной
ТЯГЕЛЬСКИЙ, знакомый М. Д. Кузнецовой 251, 261, 290

УАЙЛЬД (Wilde) Оскар (1854–1900), английский писатель 190, 366–368, 455, 655, 722, 723, 728, 741
УВАРОВ А. А., гр. 654
Ульян, дядя переписчика Гриши, работавшего у Кузмина 386
УНГЕРН Р. А. 708
УРАЛОВ (Коньков) Илья Матвеевич (1874–1920), актер Русского драматического театра 497
УРНМАН 669
УРУСОВ Александр Петрович, князь, член Государственной думы, банкир и финансист 357
УРУСОВА, посетительница ресторана «Альбер» 418
УТКИН, посетитель Судейкиных (возможно, художник Петр Саввич; 1877–1934) 392
УТОЧКИН Сергей Исаевич (1876–1915/16), один из первых русских авиаторов, а также спортсмен-велосипедист 240
УЭЛЛС Г. Дж. 758

Ф. 164
ФАЛЛЬ (Fall) Лео (1873–1925), австрийский композитор 306,

307, 312, 698, 699, 703–705, 709, 722
ФЕАР, певица 259, 692
Федор Иванович — см. Щеколдин Ф. И.
Федор Федорович — см. Коммиссаржевский Ф. Ф.
ФЕДОРОВ А. В. 653
ФЕДОРОВА, знакомая В. Ф. Нувеля 162
ФЕДОРОВЫ (в том числе Володя), знакомые Кузмина 418, 423
ФЕДОРОВСКАЯ, посетительница «Бродячей собаки» 495
Федя, родственник П. О. Богдановой-Бельской 314
Федя, Федя-фанфарон, актер (?) театра Рейнеке 384, 471
ФЕЛЬДМАН О. М. 754
Фео — см. Феофилактов Н. П.
ФЕОНА Алексей Николаевич (1879–1949), актер и режиссер оперетты, в 1905–1910 гг. служил в театре В. Ф. Коммиссаржевской 158, 282, 635, 699
ФЕОФИЛАКТОВ Николай Петрович (1878–1941), живописец, график, постоянный сотрудник «Весов» 151, 315, 316, 321, 322, 326, 629, 674
ФЕТ (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892) 88
ФИДЛЕР Ф. Ф. 720, 763
ФИЛАРЕТОВА-БАГРОВА Мария Васильевна (1882–1946), актриса, жена Е. А. Зноско-Боровского 372
ФИЛАТОВ, выступавший в РФО 618
Филимон, сотрудник (?) М. А. Ведринской 197
ФИЛИППОВ, посетитель Кузмина (возможно, Александр Иванович, киевский журналист; 1882–1942) 14
Филипповна — см. Александра Филипповна
ФИЛОСОФОВ Дмитрий Владимирович (Д. Ф.; 1872–1940), публицист, критик 59, 93, 102, 171, 172, 196, 255–256, 307, 312, 314, 492, 501, 504, 517, 518, 602, 618, 633, 703, 765, 769
ФИЛОСОФОВЫ: Д. В. Философов и его брат 535
Фима, ученица художественной школы Е. Н. Званцевой 69
ФИНИТИ Владимир (Христодуло Владимир Дмитриевич), прозаик, поэт, журналист, сотрудник «Лукоморья» и др. изданий 488, 489, 516, 523, 542, 545
ФЛЕР Р. 780
ФЛОБЕР (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель 543, 610
ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович (1882–1937), религиозный философ, впоследствии священник 20, 585
ФОГЕЛЬ (Птичка), приятель В. Ф. Нувеля 162, 171, 305, 354
ФОГЕЛЬ-старший («брат Птички»), брат предыдущего 171
ФОКИН Михаил Михайлович (1880–1942), балетмейстер и танцовщик, педагог 19, 175, 231, 241, 301, 621, 645, 653, 682, 711
ФОКИНЫ 766
*ФОМИН Иван Александрович (1872–1936), архитектор 426, 456
ФОМИН Н. И. 713
Фоня, Фонечка — см. Годунов Ф. И.
ФОР (Fort) Поль (1872–1960), французский поэт 440, 751
ФОРШ Ольга Дмитриевна (1873–1961), писательница 9, 190, 191, 578, 655
ФОТИЕВ Сергей Александрович, инженер 80, 609
ФРАНК, приятель С. А. Дерингa и К. К. Шварсалона 168–173, 205, 209, 289
ФРАНК Ц. (С.) 585
ФРАНКИ (Франке), знакомые по Окуловке 55, 56, 58, 64, 296
ФРАНС (France) Анатоль (Анатоль Франсуа Тибо; 1844–1924), французский писатель 152, 376, 451, 458, 459, 480, 494, 531, 683, 758, 762, 765
ФРАНЦ-ИОСИФ I (1830–1916), австрийский император 466, 759
ФРЕДИАНИ, акробаты-наездники 313, 710

ФРЕЙ Э. 757
ФРЕЙГАНГ, тесть Д. С. Гумилева 174
Фрейлен (фрейлейн) — см. Валерия Готлибовна
Фри-Дик 782
ФРИЭЗ (Оттон-Фриэз) А. Э. 669
ФУКС (Fuchs) Эдуард (1870–1940), немецкий историк 516, 534, 773
Фунтик, студент, посетитель Каннегисеров 558
ФЮРСТНЕР (Fürstner) Отто (1886–1958), немецкий издатель музыкальной литературы 412, 461

ХАРДТ (Hardt; Штекгардт) Эрнст (1876–1947), немецкий драматург 195, 659, 660, 662, 668, 672
ХАРЕР К. 748, 758
ХАРЛАМОВ Павел, приятель П. О. Богдановой-Бельской 221, 224, 228, 268
Харлампьевна — по предположению Р. Д. Тименчика, имеется в виду Лидия Харлампьевна Дроботова (1891–после 1980), актриса. Училась в Студии М. Г. Савиной, выступала в «Привале комедиантов» 570
ХАРТ (Hart; в замуж. Полунина) Элизабет Виолет (1878–1950), художница, тесно связанная с М. А. Волошиным 24
ХЕЙРОТ, посетитель ресторана «Вена» в актерской компании 266
ХЕЙТ А. 671, 672
ХИЖНЯКОВА, гостья Кузмина 427
ХИЛИ Д. 587
ХИН-ГОЛЬДОВСКАЯ Р. М. 781
ХЁРН (Hearn) Лафкадио (1850–1904), американский писатель, принявший японское гражданство 228
ХЛЕБНИКОВ Велимир (Виктор Владимирович; у Кузмина: Любик; 1885–1922), поэт 165, 167–169, 173, 176–178, 180, 182, 183, 192, 193, 196, 197, 201, 202, 309, 501, 644, 767
ХОВАНСКАЯ Евгения Александровна (1887–1977), актриса, жена П. П. Потемкина 194, 242, 243, 245, 154, 258, 260, 263, 266, 275, 301, 676, 691
ХОВИН Виктор Романович (1891–после 1940), литературный критик, издатель журнала «Книжный угол» и владелец одноименного книжного магазина. После революции эмигрировал, погиб в гитлеровском концлагере 496
ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (1886–1939), поэт 52, 603, 749, 786
ХОДОВЕЦКИЙ (Chodowiecki) Даниэль Николаус (1726–1801), немецкий художник, график 297, 437, 534–536, 551, 750, 781
ХОДОТОВ Николай Николаевич (1878–1932), актер Александринского театра, педагог, драматург 496, 691, 707, 755
ХОЛЬД, знакомый П. О. Богдановой-Бельской и В. Г. Князева 231, 262
Христина, прислуга в Окуловке 122
ХРИСТОФОРОВА Софья Владимировна, актриса Малого (Суворинского) театра 282, 524
ХРУЩЕВ, юнкер, товарищ К. К. Шварсалона 181

Ц. 742
ЦВЕТАЕВА М. И. 786
ЦВЕТКОВ, лесной таксатор в Окуловке 52, 66
Цезарь — см. Чезаре
ЦЕЛИБЕЕВ Михаил Николаевич, знакомый Ю. И. Юркуна 413
Цербер, вероятно, Павел, швейцар (см.) 301
ЦЕНЗОР Дмитрий Михайлович (1877–1947), поэт 453, 491, 510, 515, 528–529, 580, 586, 600, 697, 772
Цеховой поэт — см. Долинов М. А.
ЦИММЕРМАН Юлиус Генрих (1851–1922), музыкальный издатель и владелец фабрики музыкальных инструментов; в начале первой мировой войны фирма Циммермана в России была ликвидирована, владелец уехал в Берлин 346, 372–374, 392, 417
ЦИНОВСКИЙ Л. Я. 713

ЦУРМЮЛЛЕР, посетитель С. С. Чахотина 483
ЦЫБУЛЬСКАЯ Н. А., жена Н. К. Цыбульского 358
ЦЫБУЛЬСКИЙ Николай Карлович (Граф; 1879–после 1919), композитор, действительный член «Бродячей собаки» 385, 489, 492, 500, 505, 509, 518, 519, 522, 524, 528, 529, 554–556, 558, 562, 563, 738, 764, 769, 774

ЧАЙКОВСКИЙ Петр Ильич (1840–1893), композитор 36, 45, 46, 50, 56, 131, 197, 212, 214, 600, 603, 621, 627, 661, 740, 759, 771
ЧАПЫГИН Алексей Павлович (1870–1937), прозаик 10, 181, 265, 709
ЧАХОТИН Степан Степанович (Этьен), поэт, поклонник Кузмина, 8–9, 22, 71, 287, 424–428, 464, 482, 483
ЧАЦКИНА Софья Исааковна (1885–1931), редактор-издатель журнала «Северные записки» 434–436, 438, 442, 448, 450, 454, 460, 461, 478, 563–565, 567, 570, 742, 767, 786
ЧЕБОТАРЕВСКАЯ Александра Николаевна (Кассандра; 1869–1925), переводчица, сестра Ан. Н. Чеботаревской 8, 10, 15, 17, 24, 37, 38, 84, 153, 154, 164, 165, 167, 169, 171, 172, 177, 181, 184, 197, 216–218, 224, 228, 229, 233, 241, 243, 260, 281, 318, 329, 331, 339, 348, 353, 361, 383, 384, 442, 499, 502, 588, 601, 629, 643, 648*, 673, 677, 734
ЧЕБОТАРЕВСКАЯ Анастасия Николаевна (Настя; 1876–1921), литератор, сестра Ал. Н. Чеботаревской, жена Ф. К. Сологуба 69, 72, 102, 103, 105, 107, 167, 173, 197, 352, 443, 481, 504, 568, 607, 617, 661, 692
Чезаре (Цезарь), знакомый по Окуловке 235
ЧЕКАН Виктория Владимировна (1888–1974), драматическая актриса, жена А. А. Мгеброва 358, 556
ЧЕМЕРЗИН: вероятно, военный инженер Авенир Авенирович Чемерзин, выпустивший также две книжки стихов 314, 710
ЧЕРЕПНИН Н. Н 665
ЧЕРУБИНА де ГАБРИАК, Черубина — см. Дмитриева Е. И.
ЧЕСНОКОВ А. Г. 678
ЧЕСНОКОВ, знакомый Кузмина, посетитель Павловского парка 213
ЧЕХОВ Антон Павлович (1860–1904), писатель 49, 240, 681, 698
ЧИГОРИН М. М. 676
Чиж — см. Подгорный В. А.
ЧИРИКОВ Е. Н. 608
ЧИЧАГОВ Константин Дмитриевич (1866–1920), художник, заведующий художественной библиотекой Императорских театров 236, 237, 156
ЧИЧЕРИН Георгий (Юрий) Васильевич (Юша; 1872–1936), один из ближайших друзей юности Кузмина, впоследствии советский государственный деятель, автор исследования о Моцарте 16, 18, 23, 26, 32, 38, 52, 62, 96, 106, 114, 122, 161, 209, 256, 575, 577, 587, 598, 604, 609, 610, 621, 626, 638, 659, 676, 753
ЧИЧЕРИН Николай Васильевич (1865–1939), надворный советник, помощник обер-секретаря Правительствующего Сената; композитор-любитель, брат Г. В. Чичерина 70, 82, 165, 195, 261, 304, 438, 443, 498, 511, 512, 515, 516, 518, 526, 532, 563, 569, 570, 766, 774, 775, 777, 779, 787
ЧИЧЕРИНА (в замуж. Бобровникова) Софья Васильевна (1867–1918), сестра Г. В. Чичерина 530
ЧИЧЕРИНА Наталья Дмитриевна, жена Н. В. Чичерина 256, 334, 363, 598, 607
ЧИЧЕРИНЫ: Н. В. Чичерина и Н. Д. Чичерин 7, 11, 13, 16, 18–20, 22, 23, 26–28, 31, 32, 37, 38, 69, 70, 90, 93, 105, 134, 156, 158, 165, 178, 194, 208, 209, 211, 256, 269, 274,

303, 318, 334, 336, 341, 345, 347, 348, 362, 385, 395, 403, 418, 426, 432, 438, 443–445, 450, 480, 483, 485, 520, 528, 530, 531, 556, 587
ЧУДОВСКАЯ — см. Зельманова А. М.
ЧУДОВСКИЙ Валериан Адольфович (1882–1937 или 1938), критик, сотрудник журнала «Аполлон» 205–208, 214, 229, 240, 268, 269, 281, 287, 305, 342, 354, 355, 363, 377, 444, 488, 694, 695, 705, 708, 709, 711, 714, 722, 731
ЧУКОВСКАЯ Л. К. 672
ЧУКОВСКАЯ Мария Борисовна (1880–1955), жена К. И. Чуковского 503
ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич; 1882–1969), писатель 25, 171, 347, 348, 516, 532, 596, 633, 646, 707, 722, 723, 757, 758, 783
ЧУЛКОВ Георгий Иванович (1879–1939), поэт, прозаик, критик 8, 18, 21, 24, 26, 28, 50, 57, 61, 72, 158–162, 165, 174, 175, 177, 182, 189, 202, 203, 206, 207, 237, 238, 261, 270–272, 304, 305, 320, 441, 579, 581, 584–586, 589, 595–598, 602, 604, 606, 634, 635, 637, 639, 647, 648, 663, 668, 670, 693, 779
ЧУЛКОВА (урожд. Степанова) Надежда Григорьевна (1874–1961), жена Г. И. Чулкова 26, 32, 35, 172, 637, 639
ЧУЛКОВЫ: Г. И. Чулков и Н. Г. Чулкова 10, 21, 35, 72, 106, 174, 184
ЧУМАЧЕНКО А. А. 748
ЧУРЛЁНИС (Чурлянис) М. К. 722
ЧУРЛЯНИС, мадам: жена М. К. Чурляниса (Чурлёниса) София Кимантайте (1886–1958) 347, 722
ЧЮМИНА О. Н. 645

Ш–ч (Шайкевич) А. 773
ШАГИНЯН Мариэтта Сергеевна (1888–1982), поэтесса, прозаик 549
ШАЛЯПИН Федор Иванович (1873–1938), певец 187, 231, 658, 675, 681, 689
ШАМ (Cham; наст. имя Амедей Шарль Анри де Ноэ (Noë); 1819–1879), французский карикатурист и литограф, сотрудник журнала «Шаривари» 526, 545, 777
*ШАРОВ Петр Федорович (1886–1969), актер, режиссер 244, 253, 259, 283, 285
ШАТЬКО, знакомый по Окуловке 81, 86, 112, 142, 143, 145
ШВАРСАЛОН Вера Константиновна (1890–1920), дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака; впоследствии жена Вяч. Иванова 10, 11, 13, 16–18, 21, 24, 26, 27, 33, 37, 84, 90, 91, 151, 153, 154, 168, 169, 174, 177, 180, 186, 187, 189, 190, 196, 201, 202, 205–207, 210–214, 229, 249, 251, 269, 272, 275, 285, 288, 305, 306, 313, 328, 329, 332, 339, 347, 585, 587, 591, 596, 597, 601, 602, 605, 611, 612, 629, 630, 633, 635, 638, 639, 641, 647, 650, 653, 654, 663, 666, 667, 670–674, 677, 689, 704, 705, 714, 716, 724, 733
ШВАРСАЛОН Константин Константинович (1892 или 1893–около 1918), пасынок Вяч. Иванова. Учился в гимназии Гуревича, затем окончил 1-й Кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище; пропал без вести на германском фронте 10, 11, 13–16, 21–37, 82, 84, 91, 105, 151, 153, 154, 156–158, 160–165, 167–169, 171, 173, 174, 175, 177, 181, 183–185, 192, 194, 196, 203, 210, 216–218, 236, 250, 257, 260, 263, 270, 272, 273, 300, 304, 309, 331, 336, 337, 339, 344–346, 349, 350, 357, 597, 605, 630, 631, 633, 635, 636, 638, 640, 759
ШВАРСАЛОН (иногда под фамилией Иванов) Сергей Константинович (1887–1940-е гг.), пасынок Вяч. Иванова, студент Юрьевского университета, впоследствии чиновник 14–17, 32, 39, 40, 42, 43, 162–165, 167, 243, 257, 264, 266, 269, 309, 317, 318, 326, 342,

355, 368*, 379, 382, 386, 456, 559*, 573, 604, 639, 642, 643, 728, 733
ШВАРЦ О. 710
ШВОБ М. 600
ШВЫРОВ А. В. 747
ШЕБУЕВ Николай Георгиевич (1874–1937), журналист, издатель 76, 591, 594, 595, 607, 608, 686, 726, 749, 771–773
ШЕБУЕВА Л. А. 607
ШЕВИЧ, приятель Олега (Бродинского?) 458
ШЕЙНБЕРГ М. 706
ШЕКСПИР (Shakespeare) Уильям (1546–1616), английский драматург 46, 72, 111, 117, 118, 159, 184, 195, 336, 372, 601, 622, 636, 721, 725, 729–731, 736, 740, 746, 773
ШЕНК Петр Петрович (1870–1915), композитор, дирижер, председатель О-ва русских композиторов, чиновник особых поручений при дирекции Императорских театров 214
ШЕНФЕЛЬД (Краснопольская) Татьяна Генриховна, писательница 418, 424, 427, 430, 433, 436–438, 440, 441, 446–448, 450–452, 467–469, 471–478, 482–484, 486, 487, 492, 493, 495, 510, 513, 516, 522, 528, 551, 756, 783
ШЕНШИН, гость Нагродских 456
ШЕРВАШИДЗЕ (Чачба) Александр Константинович, кн. (1867–1968), живописец, театральный художник 187, 188, 236, 314, 358, 650
ШЕРЕР, посетитель ресторана Лейнера 253, 254, 260
ШЕРОН Ж. 736
ШИК Максимилиан Яковлевич (1884–1968), поэт и переводчик, сотрудник «Весов» 325
ШИЛЛЕР (Schiller) Иоганн Фридрих (1759–1805), немецкий писатель 260, 692
ШИЛЛИНГ, знакомый Ю. И. Юркуна 466
ШИЛОВ Федор Григорьевич (1879–1962), букинист 531, 536, 538
ШИЛОВСКАЯ (Шидловская) Е. В. 635
ШИЛЬГАС, знакомый по Окуловке 55, 63
ШИПОВИЧ Н. 655
ШИРОКОГОРОВ, кадет, товарищ К. К. Шварсалона по кадетскому корпусу 10, 163, 165, 640, 644
ШИТОВ Михаил Александрович, художник 28
ШИШКИН А. Б. 585
ШКИЛОНДЗЬ: возможно, Аделина Львовна, домовладелица 353
ШЛЕЙФЕРТ, теософ 308, 309, 440, 505, 511, 515
ШЛЯКОТИН, знакомый по Окуловке 142
ШМАКОВ Г. Г. 660, 701
ШМЕЛЕВ И. С. 688
ШМИТТ (Schmitt) Флоран (1870–1958), французский композитор 453, 757
ШНЕЙДЕР М. 619
ШНИЦЛЕР (Schnitzler) Артур (1862–1931), австрийский писатель 243, 677, 681, 692
ШОЛЬЦ Ф. 771
ШОПЕН (Chopin) Фридерик (1810–1849), польский композитор 110, 415, 451, 456, 458, 515, 675, 717
ШОР Т. 585
ШОТЦ Настасья 54
ШОТЦ Наталья Александровна, знакомая по Окуловке 45, 46, 51–53, 55, 57, 58, 60, 61, 63–65, 67, 68, 75, 78, 136, 138–140, 142–144, 148, 234, 297
ШОТЦ Александра (тетя Саша), знакомая по Окуловке 45, 61, 63, 68
ШОУ (Shaw) Джордж Бернард (1856–1930), английский драматург 201, 662
ШПИЛЬБЕРГ, посетитель Кузмина 270, 309, 352, 382
ШПИЛЬМАН Ю. 704
ШПИС фон Эшенбрух Василий (Вильгельм) Августович (1872–1919), композитор, активный участник Дома интермедий и «Бродячей собаки» 250
ШРЕДЕР, автор «китайской поэмы» 159, 636
ШТАТ, неустановленное лицо 444

ШТЕЙН: Сергей Владимирович, фон (1882–1955), филолог-славист, переводчик, и его жена, Екатерина Владимировна Колесова (Котя) 164
ШТЕЙН (Миша?), гость А. В. Руманова 351–352
ШТЕЙНБЕРГ М. К. 597
ШТЕЙНЕР (Steiner) Рудольф (1861–1925), немецкий философ-мистик, основатель антропософии 24, 588, 590, 719
ШТЕМБЕР Женни (Руманова Евгения Львовна), пианистка, жена А. В. Руманова 350, 357, 589
ШТЕМБЕР Л. Л. 592
ШТЕМБЕР Э. Л. 589
ШТРАУС (Strauss) Иоганн (1804–1849), австрийский композитор 532, 704, 780
ШТРАУС-сын Иоганн (1825–1899), австрийский композитор 227, 676
ШТРАУС (Strauss) Рихард (1864–1949), немецкий композитор 237, 244, 463, 680, 681, 705, 721, 758, 780
ШУБЕРТ (Schubert) Франц (1797–1828), австрийский композитор 62, 163, 170, 229, 635, 641, 677
Брат Шуберта, посетитель ресторана «Французский» 172
ШУКЛИН Иван Андрианович (1879–1958), скульптор 226, 265
ШУЛЬГОВСКИЙ Николай Николаевич (1880–1937?), поэт 286, 287
ШУМАН (Schumann) Роберт (1810–1856), немецкий композитор 36, 462, 717
ШУМИХИН С. В. 576, 695, 756, 781
Шура, знакомый Ю. И. Юркуна 397, 401
Шурка, видимо, официант ресторана Лейнера 304, 307, 308, 310, 364*
Шурочка, знакомая по Окуловке 126, 134, 135, 140, 236
Шурочка, «тапетка» из Таврического сада 36, 39, 364*
ШУСТОВА Анна Николаевна (Анюта, Кума Анюта), одна из девушек, которым помогала Л. Д. Зиновьева-Аннибал 10, 41, 328
ШУХАЕВ Василий Иванович (1887–1973), художник 523

ЩЕГОЛЕВ Павел Елисеевич (1877–1931), историк 386, 411, 492, 499, 532, 735
ЩЕГОЛЕВА (урожд. Богуславская) Валентина Андреевна (1878–1931), актриса, жена П. Е. Щеголева 19, 21, 32, 167, 581, 585, 593, 594
ЩЕКОЛДИН Федор Иванович (1870–1919), литератор, близкий знакомый А. М. Ремизова 21, 351
ЩЕДРИН Н. (Салтыков Михаил Евграфович; 1826–1889) 116
ЩЕРБАКОВ Николай Александрович (Щербак; 1898–?), актер Студии В. Э. Мейерхольда в 1914–1917 гг. 377, 381, 382, 391, 394, 396, 401, 402, 407, 432, 433, 503, 504, 506, 517, 518, 521, 523–525, 527, 528, 532–541, 547–549, 551, 552, 555, 563, 568
ЩЕРБАЧЕВ А. (опечатка; следует читать В. В.) 717
ЩУКИН, посетитель Сапунова, возможно, Сергей Иванович (1854–1937), фабрикант, коллекционер новой западной (преимущественно французской) живописи 274

–ъ 619, 668, 678, 709

ЭЙЗЕН, неустановленное лицо 472
ЭЙСНЕР Алексей Петрович, художник 492, 496
ЭККЕРМАН (Eckermann) Иоганн Петер (1792–1854), биограф Гёте 156
ЭКСТЕР, семья художницы Александры Александровны Экстер (1882–1949) 190
ЭЛЛИС (Кобылинский Л. Л.) 612
ЭЛЬСНЕР Владимир Юрьевич (1886–1964), поэт, переводчик 191, 311, 655, 656
Эмиль 669
ЭНГЕЛЬГАРДТ Н. А. 750
ЭНГЕР К. 737

ЭПШТЕЙН (Эбштейн), семейство: Александра Николаевна, Наденька, Коля, Юра 9, 27, 73, 165, 173, 177, 189, 205, 211, 293, 294, 385, 387, 434
ЭРВЕ (Hervé) Флоримон (1825–1892), французский композитор 387, 735
ЭРЕНБЕРГ В. Г. 708
Эрик, возможно, зять И. фон Гюнтера 385, 386
ЭРИСТОВЫ, посетители «Бродячей собаки»; из них нам известен кн. Георгий Дмитриевич Сидамонов-Эристов (1865–1960-е гг.), присяжный поверенный 503
ЭРНЫ: Владимир Францевич (1882–1917), философ, и его жена Евгения Давыдовна (урожд. Векилова) (1886–1972) 17
Эстет (псевд.) 707
ЭСХИЛ 696
ЭТТИНГЕР П. Д. (P. Ettinger) 711
Этьен — см. Чахотин С. С.
ЭФРОС Н. Е. (Н. Эф) 685, 709, 710

Ю. А., Юл. Ал. 456, 462
ЮДИН, знакомый по Окуловке 147
ЮДИН, знакомый Кузмина 509, 538
Юлия Алексеевна, библиотекарша в Окуловке 122, 137
Юлия Васильевна — см. Степановы
Юлия Гавриловна — см. Князева Ю. Г.
Юлия Михайловна, сестра М. М. Замятниной? 152 (и ее муж), 340, 357
Ю–н — см. Вентцель Н. Н.
ЮОН П. Ф. 685
Юр., Юрочка — см. Юркун Ю. И.
Юра, брат Гиги (?) 166
Юра, родственник (?) М. Я. Ауслендера 82, 96
Юра, студент, приятель С. А. Ауслендера, гостивший в Окуловке у Мошковых 132–147, 164–167, 210
Юраша — см. Верховский Ю. Н.
Юрочка, знакомый В. Э. Мейерхольда (?) 205
Юрочка, по-видимому, половой Мариинской гостиницы 344
ЮРГЕНСОН Эрнест Петрович (1891–1932), коллекционер автографов, сын нотоиздателя П. И. Юргенсона, или сам П. И. 239
ЮРЕ Ж. 706
ЮРЕНЕВА В. Л. 677
Юрий — см. Чичерин Г. В.
Юрий Львович — см. Ракитин Ю. Л.
Юрий Михайлович — см. Юрьев Ю. М.
Юрий Павлович, видимо, Ю. П. Гриневич
ЮРКУН (Юркунас) Юрий (Иосиф) Иванович (Ю., Юр., Юроч., Юрочка, Юрочкин, Ю. И., Юркунчик; 1895–1938), писатель 393–420, 423–506, 509–571, 573, 575, 577, 743, 745, 749, 750, 754–759, 761–773, 775–777, 779–781, 784, 785
Юрочка — см. Ракитин Ю. Л.
ЮРЬЕВ Юрий Михайлович (1872–1948), актер Александринского театра 205, 253, 255, 257, 266–268, 271–273, 279, 315, 328, 348, 349, 377, 400, 487, 489, 490, 519, 553, 555, 562, 691, 746, 763, 782
Юрьевич — см. Судейкин С. Ю.
ЮРЬЕВСКИЙ из «Нового времени», возможно, искаженный псевдоним Н. Н. Вентцеля (см.) 413
ЮСИН, гимназист, посетитель Таврического сада 39, 205
ЮСУПОВ Феликс Феликсович, кн., гр. Сумароков-Эльстон (1887–1967), известен как один из участников убийства Г. Е. Распутина 36
Юша, Юрий — см. Чичерин Г. В.

ЯБЛОНОВСКИЙ А. А. 656
ЯВОРСКАЯ (рожд. Гюббенет, по мужу Барятинская) Лидия Борисовна (1871–1921), актриса 179, 202, 662, 768
ЯКОБИ В. 726
Яков, кучер в Окуловке 49, 53, 57, 62, 67, 74, 94, 97, 113, 122, 136, 137
Яков Павлович, сосед по Окуловке 57, 58, 61, 62, 64, 66, 81
ЯКОВЛЕВ Александр Евгеньевич (1887–1938), художник, автор росписи «Привала комедиантов» 423, 444, 467, 529
ЯКОВЛЕВА (Шапорина) Любовь Васильевна (1885–1967), худож-

ница, деятельница театра марионеток; поставила пьесу Кузмина «Вертеп кукольный» 177, 178, 185, 186, 287, 302, 305, 345, 348, 349, 355, 357, 358, 418, 624
ЯЛГУБЦЕВ, посетитель ресторана «Вена» 68
Янинка, Яня, девочка из Окуловки 292, 294, 297
ЯНОВСКАЯ Ф. А. 655
ЯНОВСКИЙ Б. К. 655
ЯНТАРЕВ (Бернштейн) Е. Л. 589
Японка — см. Генако
ЯРЕМИЧ Степан Петрович (1869–1939), живописец и график, историк искусства, коллекционер, музейный работник, близкий к группе «Мир искусства» 69, 167, 782
ЯРХО Б. И. 702
ЯСЕИН — см. Есенин С. А.
ЯСНЫЙ Владимир Михайлович, издатель; сын Михаила Авраамовича Ясного, приобретшего в 1914 изд-во и книжный магазин у М. В. Попова (Гоги) и ведший издательские дела. Книги выходили под маркой «Книгоиздательство быв. М. В. Попова, влад. М. А. Ясный» 392, 396, 402, 511, 516, 518, 528, 532, 537, 538, 540, 557, 558, 568
Яша — см. Гишплинг Я. Я.
ЯЩЕНКО Александр Семенович (1877–1934), критик, библиограф 304, 332

Alfredo, итальянец-мандолинист из ресторана Палкина, сексуальный партнер Кузмина 101, 166, 173, 184, 187, 259, 341
Alphonse 737
Antoin, Antoinette — см. Воротников А. П.
APOLLODOR — см. Аполлодор
ARETINO — см. Аретино П.
Ars (псевд.) 664
AUDRAN — см. Одран Э.
Ave — см. Аверченко А. Т.

BARBEY D'AUREVILLY — см. Барбе д'Оревильи Ж. А.
BARCHAN P. 659
BAUDELAIRE — см. Бодлер Ш.
BERNSTEIN H. 747
BLEI F. 642
BUZZI P. — см. Буцци П.
BYRD — см. Бёрд У.

CASTI — см. Касти Дж. Б.
CHAM — см. Шам
CHUZEVILLE Jean (Иван Иванович), составитель антологии русской поэзии на французском языке 438, 750
CLEMENTI — см. Клементи
CORNELIUS — см. Корнелиус П.
COWES, судя по контексту, парижский любовник В. Ф. Нувеля 632

DALAYRAC — см. Далайрак Н.
D'ANNUNZIO — см. Д'Аннунцио Г.
DEBUSSY — см. Дебюсси К.
DUCAS — см. Дюкас
DVOŘÁK — см. Дворжак А.

Ettinger P. — см. Эттингер П. Д.
Eudoxie — см. Нагродская Е. А.
Eugéne — см. Зноско-Боровский Е. А.

FLAUBERT — см. Флобер Г.
FORT — см. Фор П.
Fr<ère> M. (брат М.) 419, 425, 432
FRANCE — см. Франс А.
FÜRSTNER — см. Фюрстнер О.

Général — см. Кругликов Н. С.
GEORGE — см. Георге С.
GOETHE — см. Гёте И. В.
GRAMMONT — см. Граммон М.
GRESSET — см. Грессе Ж. Б.
GRÉTRY — см. Гретри
GRILLPARZER — см. Грильпарцер Ф.
GUERIN — см. Герен Ш.
GYUON — см. Гюйон Ж.

HART — см. Харт Э. В.
Homo Novus — см. Кугель А. Р.
HORNER — см. Горнер

Jacque, Jacquot — см. Израилевич Я. Л.
Junior (псевд.) 675

KARLINSKY S. 627

LAFORGUE — см. Лафорг Ж.
LECONTE DE LISLE — см. Леконт де Лиль
LEONARDO DA VINCI — см. Леонардо да Винчи
Litotes — см. Недоброво Н. В.
LJUNGGREN M. 728

MALMSTAD — см. Малмстад Дж. Э.
MANN H. 642
MASSENET — см. Массне Ж.
MARENZIO — см. Маренцио Л.
MENDELSSOHN — см. Мендельсон Я. Л. Ф.
MENDES — см. Мендес К.
MÜNTZ — см. Мюнтц Э.

N. N. 780

Papa — см. Маковский С. К.
PEARS — см. Парес Б.
Petitfour — см. Кузнецов Н. Д.
PLANQUETTE — см. Планкетт Р.
PLATEN — см. Платен А. фон
Principino — см. Святополк-Мирский Д. П.

REAU L. 709
REGNARD — см. Реньяр Ж.-Ф.
RÉGNIER — см. Ренье А. де.
RENOUVEAU — см. Нувель В. Ф.
RIMBAUD — см. Рембо А.

S. — см. Арабажин К. И.
SACCHETTI — см. Саккетти Ф.
SEGAL — см. Сегаль
Solus — см. Арабажин К. И.
SUDEIKIN-STRAVINSKY V. 714

VERLAINE — см. Верлен П.
VIELÉ-GRIFFIN — см. Вьеле-Гриффен Ф.
Victor, посетитель бара при ресторане «Контан»

W. Z. 687, 722
WEBER — см. Вебер К. М. фон
WEBER von, издатель 642

Z. 593, 741

СОДЕРЖАНИЕ

М. Кузмин. Дневник 1908 года 5

Дневник 1909 года 99

Дневник 1910 года 199

Дневник 1911 года 247

Дневник 1912 года 323

Дневник 1913 года 389

Дневник 1914 года 421

Дневник 1915 года 507

Комментарий 573

Список театров, магазинов, ресторанов и других мест, упомянутых в тексте дневника 789

Указатель имен 793

М. КУЗМИН

Дневник 1908–1915

Научный рецензент *А. В. Лавров*
Редактор *А. Ю. Балакин*
Корректоры *О. Э. Карпеева, Е. П. Чебучева*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Травкин*

Лицензия: код 221, Серия ИД, № 02262 от 07.07.2000 г.

Подписано к печати 31.01.2005 г. Формат 60×100¹/₁₆.
Гарнитура Newton, Helvetica. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 3825.

Издательство Ивана Лимбаха.
197022, Санкт-Петербург, пр. Медиков, 3.
E-mail: limbakh@limbakh.ru
WWW.LIMBAKH.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“».
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

5-89059-068-3

ISBN 5-89-059-068-5